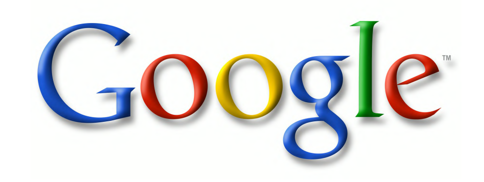
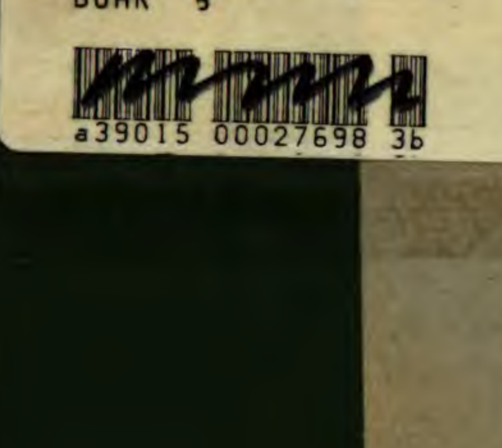
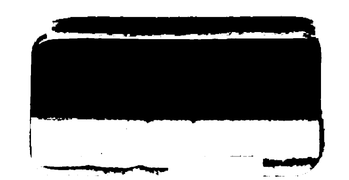




PROPERTY OF THE
University of
Michigan
Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS



Семейный Университетъ Ф. С. Комарскаго

6—

1. Трачевскій А. - Русская исторія.
2. — Всеобщая исторія.
3. — Хронологическія таблицы по всеобщей истор…
4. — Атласъ историческихъ картъ.
5. Марсовъ К. - Исторія искусствъ.
6. Морозовъ П. - Исторія европейской сцены
7. Саккетти Л. - Исторія музыки.

—

СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ Ф. С. КОМАРСКАГО.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Tracnevskii, Aleksandr Semenevich

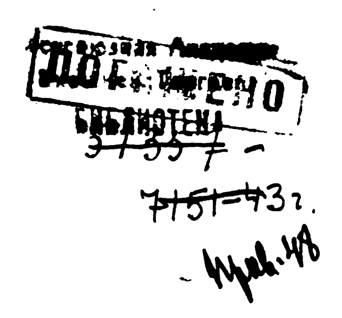
ПРОФЕССОРА

А. С. Траче[illegible]каго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1903.

Дозволено цензурою. Спб. 23 февраля 1904 г.



Типо-литографія Б. М. Вольфа Разъѣзжая 15.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ЛЕКЦІЯ VI.

ЛЕКЦІЯ VII.

ЛЕКЦІЯ VIII.

ЛЕКЦІЯ IX.

ЛЕКЦІЯ X.

ЛЕКЦІЯ XI.

ЛЕКЦІЯ XII.

ЛЕКЦІЯ XIII.

ЛЕКЦІЯ XIV.

ЛЕКЦІЯ XV.

ЛЕКЦІЯ XVI.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Историческая наука и Россія.

Русская исторія и сравнительный методъ.

Во вступительной лекціи къ нашему курсу «Всеобщей исторіи» мы объяснили значеніе исторической критики и сравнительнаго метода. Эти неизбѣжные научные пріемы принесли значительные плоды, даже подготовили цѣлую отрасль знанія—соціологію, но лишь въ нашемъ вѣкѣ. Ими воспользовалась и русская историческая наука, какъ прямая преемница западной культуры; но она сдѣлала менѣе успѣховъ, начавшись позже. Здѣсь не мало еще даже крупныхъ явленій, несовсѣмъ обслѣдованныхъ критикой, тѣмъ болѣе пробѣловъ со стороны *сравнительнаго метода*, вскрывающаго научный смыслъ фактическаго матеріала.

Благодаря юности нашей науки, а также соотвѣтственной незрѣлости общества, у насъ долго считали отечественную исторію, въ особенности до Петра I, чѣмъ то особеннымъ, не связаннымъ съ общею жизнью человѣчества—ненаучный взглядъ, который отчасти имѣлъ и неблагопріятныя практическія послѣдствія. Теперь уже выяснилось, что безъ знанія европейской исторіи начало древней Руси столь же непостижимо, какъ и новая Россія; да и вообще трудно найти эпоху въ нашей жизни, совсѣмъ свободную отъ западныхъ вліяній. Съ другой стороны, все сильнѣе развивается убѣжденіе, что только при сравненіи двухъ половинъ Европы явственно и безошибочно выдѣляются тѣ особенности, которыми несомнѣнно отличаются русскіе, какъ и всякій историческій народъ. Но научное освѣщеніе вводитъ и эти особенности въ великій кругъ исторіи всего человѣчества, гдѣ царятъ желѣзные міровые законы эволюціи: онѣ оказываются, иногда при глубокой своеобразности, лишь подтвержденіемъ этихъ законовъ.

Соотношеніе между древнею Русью и Западомъ.

На нашъ взглядъ, настоящая, наиболѣе «самобытная», древняя Русь (до Ивана III, почти до половины XV-го вѣка) служитъ лучшимъ подтвержденіемъ незыблемости общихъ *историческихъ законовъ*. Она находилась на перепутьи между двумя историческими крайностями — между необыкновенно подвижной, переимчивой «Европой», какъ зовутъ Западъ, создавшій душу человѣчества — культуру, и коснымъ самобытникомъ, типичнымъ азіатомъ, Китаемъ, который породилъ одно только тѣло — огромное государство богдыхана. Древняя Русь лежала въ Европѣ, но причислялась къ Азіи по своей гражданственности; она была населена арійцами, но въ ихъ жилахъ текло много еще непретворенной крови желтой породы, и именно обоихъ отраслей монгольскаго племени—алтайцевъ и уральцевъ. Отсюда и поразительное сходство, и очевидное различіе между нею и Западомъ. Ея исторія, разрѣшающая это противорѣчіе, имѣетъ особую поучительность: она и обращаетъ теперь на себя усиленное вниманіе европейскихъ ученыхъ, и именно соціологовъ.

Природа и люди Руси. Русь считается многострадальною, потому что у нея *природа*—мачиха. Но ея исторія, какъ и вездѣ, началась въ лучшемъ краю: наша юго-западная Украйна была не хуже той почвы, которая досталась другимъ «варварамъ»; да и сѣверо-востокъ Россіи, съ его лѣсными и горными богатствами, представлялъ много удобствъ. Съ другой стороны, поистинѣ мачиха-природа не помѣшала развитію скандинавовъ и бранденбуржцевъ. Бѣда въ томъ, что Руси суждено было занять именно востокъ Европы, болѣе юный даже геологически: онъ отличается азіатскими чертами—*громадностью* и *континентальностью* (недостаткомъ морей).

По историческому закону, каждый народъ стремится рости до естественныхъ предѣловъ своей земли, до полнаго земельнаго и племеннаго сплоченія. Этотъ внѣшній ростъ—самая тяжелая пора, задерживающая внутреннее развитіе; а онъ-то составлялъ главную задачу древней Руси: *переселенчество*, колонизація—лучшій листокъ въ лавровомъ вѣнкѣ нашего народа за службу человѣчеству.

И сходство, и различіе между двумя половинами Европы, въ началѣ ихъ исторіи, ясны и въ ихъ этнографіи. И тамъ, и здѣсь засѣли братья, родные не по одной крови. Германцы Тацита похожи на славянъ Нестора по нравамъ и быту. Образованные наблюдатели даже изумлялись не только переимчивости и предпріимчивости кіевлянъ, но также податливости этихъ жителей мягкихъ «полей».

Вліянія Рима и Византіи. Западный «варваръ», подобно восточному, долженъ былъ начать съ переселеній, что̀ сталкивало его и съ тѣми же финнами-дикарями, и съ міромъ античной гражданственности. Но онъ примкнулъ къ *Риму*, а русскій — къ *Византіи*. Римъ и Византія уже давно представляли два разныхъ типа классицизма, двѣ Римскихъ имперіи, которыя недаромъ назывались Западною и Восточною. Между ними была лишь слабая связь, благодаря христіанству, да и та порвалась съ раздѣленіемъ церквей: осталась одна ненависть, питаемая соперничествомъ изъ-за власти надъ варварами. Искусный проводникъ классицизма, Римъ «романизовалъ» и «олатинилъ» варваровъ, которые частью совсѣмъ приняли даже его легкій, развитый языкъ, частью руководились имъ, какъ средствомъ просвѣщенія: латынь сдѣлалась рѣчью интеллигенціи, которую она объединяла во всѣхъ странахъ идейнымъ интересомъ. Римъ сталъ зерномъ «Запада», съ его юношескою оживленностью, племеннымъ разнообразіемъ и богатымъ расчлененіемъ классицизма на новые бытовые типы, въ различныхъ средахъ.

Византія же—основа восточной Европы. Она изображала собой старчество, съ его боязнью стремленій, движенія. Здѣсь только хранились сокровища эллинизма, но они не употреблялись въ дѣло. Напротивъ, выработался противоположный духъ нетерпимости къ жизни, къ свѣткости и народности, къ наукѣ и поэзіи. Поэтому Византія не могла такъ глубоко вліять на Востокъ, какъ Римъ—на Западъ, да и языкъ ея былъ труднѣе для усвоенія, чѣмъ латынь: и она оставила славянамъ ихъ языкъ даже въ церкви, что̀ отчуждало восточныхъ варваровъ отъ просвѣщенія Запада. Византія никого не огречила.

Такъ съ самаго начала Востоку Европы суждено было проходить иную школу, чѣмъ Западу. Но она была необходима и полезна, какъ всякія сношенія съ высшею гражданственностью. Прививъ къ русскому міровую религію, Византія превратила его въ европейца и сообщила ему основу народнаго сплоченія для борьбы съ «поганой» азіатчиной. Она поднимала его изъ «звѣринскаго» обычая до высокаго идеала человѣчности. Она знакомила его съ зачатками педагогіи и науки. А ея духъ нетерпимости не могъ сразу привиться къ гостепріимному полянину. По своей живости, по своимъ передо-

вымъ стремленіямъ, *Кіевская Русь походила на Западъ*, съ которымъ она спѣшила слиться. Родство между ними, запечатлѣнное браками дѣтей Ярослава, сказывалось во всемъ—отъ Русской Правды, сходной съ законами варваровъ, до сказки и легенды. На побережьѣ Далмаціи, гдѣ проходила ересь богомиловъ въ Европу, а Италія, при Возрожденіи, вліяла на славянскую письменность, совершалась латинизація византійства, которая достигла до насъ черезъ Сербію временъ Нѣманичей. Она проходила къ намъ и черезъ Бѣлоруссію задолго до польскаго вліянія.

Словомъ, Кіевская Русь была сестрой и даровитой ученицей Запада. Но вслѣдъ затѣмъ обнаружилась новая разница между обѣими половинами Европы. Раннее оживленное движеніе пріостановилось надолго; а иное и забылось, утратилось. Настало глухое время, когда Русь оторвалась отъ Европы. Забравшись въ трущобы сѣверо-востока, подъ-бокъ къ желтой породѣ, она стала походить на Азію: ею овладѣлъ китайскій застой. Виной тому были *удѣльныя усобицы* и *татары*. **Отчужденность Руси.**

Жестокія междоусобія были и на Западѣ. Но тамъ феодализмъ служилъ къ образованію мелкихъ государствъ, этихъ узловъ новой гражданственности съ ея романтическою культурой. А на Руси усобицы были тою же первобытною кочевкой; и слѣдствіемъ ихъ была подготовка политической и народной сплоченности, этой основной потребности русскихъ въ ихъ борьбѣ съ окружными «нехристями», связанной съ переселенчествомъ.

Борьба съ нехристями, наряду съ колонизаціей, была и на Западѣ. Бранденбургъ—суздальская Русь, его Берлинъ—наша Москва. Но германцы одолѣли язычниковъ задолго до начала Руси, которая только въ этомъ смыслѣ должна считаться молодою. Имъ, послѣ своего Карла Великаго, было легко заселить не только свои пустынныя марки, но и такія заморскія украйны, какъ Скандинавія и Великобританія. Они должны были бороться съ слабыми литовцами и западными славянами, да съ жалкимъ финномъ, отрѣзаннымъ отъ своего Востока утесами скандинавскаго Кьёлена и Балтикой. А русскому приходилось болѣе 6 вѣковъ вѣдаться съ «идолищемъ поганымъ» и 2 вѣка слишкомъ нести *татарское иго*.

Правда, татары не могли имѣть большого вліянія на народъ съ задатками европеизма. Но они принесли много вреда косвенно, подбавивъ желтой крови и азіатскихъ наклонностей, которыя поддерживались бродяжничествомъ, укрывательствомъ по лѣсамъ. Татарщина не давала покоя и досуга русскимъ для бытового развитія и подрывала ихъ связи съ европейскимъ просвѣщеніемъ: юго-западная Русь отошла къ Польшѣ.

При описанныхъ условіяхъ среды, уже къ половинѣ XV-го в. обнаружились коренныя черты древней Руси. Сложилось одно изъ обширнѣйшихъ *государствъ* Европы, съ такимъ земельнымъ и политическимъ сплоченіемъ, какого не видали тогда на Западѣ. Первобытный общинно-родовой строй уже былъ подорванъ въ корнѣ; но, вопреки развитію Запада, не возникло сословности. Старая знать превращалась въ служню великаго князя; бывшіе въ Кіевской Руси зародыши средняго сословія захирѣли, а за крестьяниномъ оставалось одно только право—свободной перекочевки, да и то подконецъ уже стѣснялось. Кромѣ государства восточно-византійскаго типа, при татарахъ ничего не было выработано. Въ *бытовомъ* отношеніи Русь того времени представляетъ рѣдкій образецъ *застоя*, отчасти даже попятнаго движенія, особенно въ сравненіи съ Западомъ. Это—бѣлая страница въ исторіи человѣчества. Оставалась только надежда на юго-западную Русь, которая начинала тогда усердно учиться у Запада и могла современемъ возстановить прерванныя связи между нимъ и Москвой. **Европеизація Руси.**

Зато тотчасъ же по низверженіи татарскаго ига возобновляется картина кіевской Руси бракомъ Ивана III съ византійской царицей, воспитанной въ Римѣ. И началась *европеизація Руси*, по общему закону воздѣйствія высшей культуры на низшую. Съ тѣхъ поръ русская исторія все рѣшительнѣе сливается съ всеобщею, не теряя своихъ коренныхъ особенностей. Тутъ сходство и различіе, а также могущество общихъ историческихъ законовъ обнаруживаются явственнѣе. Мы постараемся уловить ихъ въ своемъ мѣстѣ.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Первобытные славяне.

Заселеніе русской равнины. Мы знаемъ (*Всеобщ. ист.* лек. 2), что въ незапамятныя времена желтые люди, занимавшіе тогда всю Европу, жили въ древне-каменномъ вѣкѣ, и что, около 7.000 л. тому назадъ, ихъ смѣнили, внутри материка и на югѣ, бѣлые, принесшіе съ собой ново-каменную культуру или лощеныя орудія. Въ ту пору русская равнина все еще была безплодною пустыней: наши археологи нашли въ южной и средней Россіи и въ Польшѣ только лощеныя орудія, притомъ лучшей работы, между тѣмъ какъ на сѣверѣ (у Ладожскаго оз.) встрѣчается и старо-каменная эпоха.

Представители бѣлыхъ въ Россіи, *литовцы и славяне*, прикочевали изъ Азіи позже другихъ арійцевъ: ихъ рѣчь особенно близка къ санскриту. Но когда это было—мы не знаемъ. Извѣстно только, что за 1500—500 л. до Р. Х. по югу Россіи, который греки и римляне называли *Скиѳіей* и *Сарматіей*, проходили кельты и германцы; а послѣ нихъ прибыли сюда литовцы и славяне. Литовцы остановились у Нѣмана и заняли болотистую землю по сосѣдству съ финнами. Славяне же, которыхъ древніе называли *вендами*, осѣлись въ средней Россіи—къ сѣверу до верховьевъ Оки, гдѣ начинались финны, къ западу до Вислы и Днѣпра, отдѣлявшихъ ихъ отъ германцевъ, къ востоку до Камы и Волги, гдѣ утвердились монгольскіе болгары.

Литво-славяне. Въ ту пору славяне составляли одно цѣлое съ литовцами: филологи возстановляютъ ихъ бытъ на основаніи общихъ обоимъ племенамъ словъ. Они питались преимущественно рыбой и особенно звѣремъ, который кишѣлъ въ ихъ дремучихъ лѣсахъ (зубры, лоси, рыси, олени, куницы, бобры и др.); но занимались также скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ и умѣли приготовлять медъ и пиво. Жили они «весями»—огороженными дворами, гдѣ стояли «станъ» (конюшня) и «парильница» (баня). Въ бревенчатомъ «жилитвѣ» были «скамьи» и «ложа», кожаные мѣха и плетенки, кувшины, чаши, ложки, ножи, сита, сковороды. Орудія были *желѣзныя*. Изготовлялись стрѣлы, копья, мечи и шлемы. Хлѣбопашество было еще первобытное, съ легенькою сохой да съ ручными «мельничками». Женщины готовили варево и жареное, пряли «ленъ-конопель», ткали овечью «волну». Изъ весей составлялись деревни, покорныя «властарю» и сходкѣ. Уже были люди именитые и челядь; и шла бойкая, но еще мѣновая торговля. Религіей служило первобытное арійское почитаніе природы. Выдвинулось только гаданье: были вліятельны «кудесники (колдуны) звѣздники, святцы».

Начало славянства. Приблизительно за 500 л. до Р. Х. *славяне* обособились отъ литовцевъ. Общія всѣмъ ихъ нарѣчіямъ слова показываютъ, что они нѣсколько подвинулись въ бытовомъ отношеніи. Стали разводить разное «жито», а также овощи и плоды. Развились скотоводство и «бортневое ухожье»—пчеловодство. Стали строить «избы» (истба, истопка), и уже изъ обтесанныхъ бревенъ; ихъ

начали снабжать сѣнями, лѣстницами, «пивницами» (погребами). Славяне жили тогда *родами*, которые подчинялись «старшинѣ, старостѣ» или *князю*. Умиралъ старшина—старшій братъ становился «въ отца мѣсто» для младшихъ. Когда родъ разростался до того, что не разобрать было старшинства, тогда «сажали» (выбирали) князя. Все принадлежало роду, который могъ изгнать и даже убить любого своего сочлена. И обида существовала только родовая: отсюда кровомщеніе.

Таково же «обычное» право, которое уже появилось тогда: его пережитки видимъ и сейчасъ вездѣ, особенно у южныхъ славянъ, гдѣ сохранилась древняя «задруга»—родовая община. Роды соединялись въ «племена» или «жупы». У «рода-племени» были уже «грады»—частоколы съ «окопами» (рвами), куда прятали семью и добро, въ случаѣ опасности. Имъ правилъ князь или жупанъ, избранный изъ старшаго рода; но онъ лишь исполнялъ волю племени, изреченную *вѣчемъ*—сходкой старшинъ въ градахъ. Но чѣмъ больше размножались роды, тѣмъ труднѣе было соблюдать «лѣстницу» старшинства: отсюда усобицы, подтачивавшія родовой бытъ. Въ религіи возникли первыя, общія олицетворенія добра и зла—*Богъ* да *Бѣсъ*. «Души» шли въ рай: ада не знали.

Славяне размножались быстро и распадались на «народы» (нарожденія), съ особыми «нарѣчіями». Отсюда—разселенія. Они загадочны: самое имя «славянъ» появляется лишь съ IX-го в. по Р. X. Приблизительно на эти перекочевки пошло болѣе тысячи лѣтъ—отъ 500 г. до Р. X. до 800 г. нашей эры. Онѣ происходили особенно живо въ концѣ этого времени, въ IV—VII вѣкахъ по Р. X., при всеобщемъ «переселеніи народовъ»: виной тому былъ напоръ, съ юго-востока, алтайцевъ—гунновъ, аваровъ, болгаръ. Славяне дошли тогда до Новгорода, Оки и Донца, до Эльбы, Залы, Тироля и Истріи. А на Балканскомъ полуостровѣ наши предки успѣли уже прославиться: на своихъ лодкахъ-однодеревкахъ они совершали морскіе походы до Малой Азіи; ихъ дружины нанимались на службу Византіи; греческій императоръ Юстиніанъ I былъ славянинъ Управда. Славянъ уже народилась такая масса, что они распались на три отдѣла—южный, западный и восточный.

Южные и западные славяне.

Южные славяне первые выступаютъ въ исторіи, какъ поселенцы за Дунаемъ, непосредственно столкнувшіеся съ древнимъ міромъ въ лицѣ Византіи. Греки, одолѣваемые аварами, призвали на помощь *сербовъ* и *хорватовъ*, обитателей Карпатъ. Пришельцы заняли бассейны Савы и Дравы и восточные берега Адріатики. Два вѣка спустя, ок. 650 г., они были завоеваны *болгарами*, которые вторгнулись съ юга Россіи, вытѣсняемые оттуда другими кочевниками желтой породы. Болгары вполнѣ слились съ славянами, давши имъ свое имя: они заимствовали у нихъ даже языкъ. То было первое славянское государство; и оно существовало болѣе семи вѣковъ, до самаго нашествія турокъ. Вслѣдъ за болгарами и хорваты создали независимое княжество (ок. 850).

Западные славяне занимали, около Р. X., долины Эльбы (Лаба), Одера, Вислы и все балтійское Поморье (Померанія). Они распадались на множество народцевъ, часть которыхъ уже вымерла, подъ напоромъ германцевъ; съ послѣдними имъ приходилось вѣчно бороться, что развило въ нихъ необыкновенную воинственность и разбойничьи нравы. Важнѣе всѣхъ оказались чехи съ моравами, соприкасавшіеся съ хорватами, и ляхи или поляки (поляне), обитавшіе между Одеромъ и Литвой. *Чехи* много терпѣли отъ монгольскихъ кочевниковъ, обровъ (аваровъ), пока не истребили ихъ съ помощью франковъ: тогда у нихъ образовалось сильное государство (ок. 700 г.), съ крестьяниномъ Премысломъ во главѣ. Позже (ок. 850) возникло государство и у *поляковъ*, которые возвели на престолъ также крестьянина Пяста.

Восточные славяне.

Восточные славяне занимали, въ началѣ нашей эры, сѣверо-восточную равнину Европы, покрытую дремучими лѣсами и болотами, прорѣзанную глубокими, тихими рѣками. Сначала заселялась южная часть, обратившаяся въ неоглядную травянистую степь, которая разстилалась до Кіева, Курска и Воронежа; по ней тянулись торговые пути къ Черному м. и Византіи. Соотвѣтственно главнымъ воднымъ областямъ, восточные славяне распались на вѣтви.

1) У оз. Ильменя и р. Волхова обитали собственно славяне или *новгородцы*: у нихъ издревле былъ крупный городъ этого имени. При плохой почвѣ, они занимались не столько земледѣліемъ, сколько «ухожаями» (промыслами) да торговлей. Шайки удалой молодежи, «повольниковъ», пускались на «ушкуяхъ» (челноки) далеко на сѣверо-востокъ, распространяя власть Новгорода до Бѣлаго м. и Оки; они основали уже Ростовъ и Торжокъ. Новгородцы торговали на сѣверѣ съ финнами, на востокѣ—съ болгарами, хозарами, и арабами, на западѣ—со скандинавами.

2) По Западной Двинѣ и у Чудскаго оз. осѣлись схожіе съ новгородцами *кривичи* и построили нѣсколько городовъ—Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ. Они заводили колоніи среди финновъ и литовцевъ и торговали съ Европой и Византіей. Кривичи и новгородцы были самыми сильными и богатыми изъ восточныхъ славянъ.

3) По Днѣпру разселилось много мелкихъ племенъ. У западнаго берега обитали, на черноземѣ, мирные земледѣльцы—*поляне*, торговавшіе и съ Новгородомъ, и съ Византіей; для защиты отъ монгольскихъ кочевниковъ съ юга, они построили Кіевъ и Переяславль. Но ихъ тревожили грубые звѣроловы—*древляне*, таившіеся въ мѣстныхъ пущахъ между Днѣпромъ и Припетью. Лучше были восточные сосѣди полянъ—*сѣверяне*, сильное племя, которое занималось торговлей и имѣло нѣсколько городовъ, съ богатымъ Черниговомъ во главѣ.

4) Область Оки занимали *вятичи*. Къ нимъ примыкалъ заброшенный среди финновъ новгородскій Ростовъ, какъ передовой постъ славянства на верхней Волгѣ.

Сосѣди восточныхъ славянъ. Монголы.

Восточные славяне были окружены попреимуществу *монгольскими* народами. На сѣверѣ жили тѣ уральцы, которыхъ нѣмцы назвали *финнами*, а славяне именовали чудью и чухной. Они занимали сѣверъ Россіи до р. Москвы и Ильменя, а также берега Балтики до Нѣмана, и распадались на множество народцевъ, отчасти сохранившихся до нашихъ дней—куры, чудь, эсты, корела, пермь, мурома, меря, мордва, черемисы, и др. Западные и южные финны, торговавшіе съ славянами и скандинавами, занимались земледѣліемъ и промыслами, были кротки и легко подчинялись пришельцамъ. Они поклонялись свѣтлому богу неба, Юмалѣ, котораго изображали въ видѣ большого каменнаго идола, съ чашкой въ сложенныхъ рукахъ. У нихъ въ Финляндіи выработалась поэма Калевала, гдѣ воспѣты ихъ богатыри-чародѣи, истребляющіе лопарей. Какъ видно изъ раскопокъ въ Яросл. и Влад. губ., меря обладала даже довольно развитою желѣзною культурой, а финское царство Біармія (Пермь), которое доходило до Урала и устьевъ Сѣверной Двины и сохранилось до XIII-го в., славилось своимъ богатствомъ. Далѣе на сѣверъ финны были полудикарями каменнаго вѣка. Они вели съ сосѣдями нѣмую торговлю мѣхами и почитали злого Кереметя, для умилостивленія котораго у нихъ было множество волхвовъ и кудесниковъ.

Отъ Біарміи начиналась *Великая Болгарія*, доходившая до Хвалисскаго (Каспійскаго) моря. Въ IX-мъ в. часть болгаръ, вытѣсненная съ юга Россіи хозарами, сосредоточилась на Камѣ: то были значительно развитые алтайцы, у которыхъ славилась богатая столица, Великіе Болгары. Они больше всего

занимались торговлей съ Россіей и Азіей; арабы даже обратили ихъ въ исламъ и настроили имъ мечетей, школъ, дворцовъ. Царство камскихъ болгаръ сохранялось до XIII-го в.; ихъ потомки живутъ теперь близъ Казани, подъ именемъ чувашей. На югѣ Россіи кочевали сначала полудикіе *авары*. Въ IX-мъ в. ихъ смѣнили культурные *хозары*, столица которыхъ, Итиль (подлѣ Астрахани), также была центромъ торговли съ греками, славянами, евреями и арабами. Позже хозары распространились отъ Каспійскаго м. (оно стало Хозарскимъ) до Терека, Кубани, Крыма и Днѣпра. Хозары были богаты, хотя жили въ войлочныхъ юртахъ или въ кожаныхъ кибиткахъ на парѣ колесъ. Среди нихъ было много мусульманъ, евреевъ и христіанъ; ихъ глава, «каганъ», былъ духовный владыка Моисеева закона. Господство хозаръ было подорвано *венграми* (угры) или мадьярами—свирѣпыми кочевниками, которые, впрочемъ, вскорѣ удалились въ Венгрію, подъ напоромъ такихъ же полудикарей—*печенѣговъ*. Печенѣги долго тревожили своими набѣгами и хозаръ, и восточныхъ славянъ, къ чему побуждали ихъ и подкупы со стороны Византіи.

Литовцы и варяги.

Только на сѣверо-западѣ восточные славяне соприкасались съ арійцами—съ литовцами и германцами. *Литовцы* распадались на много народцевъ—ливы, пруссы, жмудь, ятвяги и др. Они обитали по Нѣману до Двины и Буга, долго сохраняя первобытную дикость среди своихъ трясинъ и лѣсовъ. Они приносили человѣческія жертвы, умерщвляли престарѣлыхъ родителей, при народныхъ бѣдствіяхъ избивали женщинъ. Жены у нихъ были покупными рабынями. Главною добычей литовцевъ были звѣри, рыба, вѣники да медъ. Они поклонялись небеснымъ свѣтиламъ, дубравамъ, огню и водѣ, звѣрямъ и даже жабамъ. Главный кудесникъ, «криве», игралъ роль духовнаго князя: его безграничная власть служила связью между разбросанными родами. Онъ былъ обязанъ кончать свою жизнь самосожженіемъ.

Къ сосѣдямъ восточныхъ славянъ относятся германцы Скандинавіи, которыхъ они и греки называли *варягами*, что значитъ по шведски «соратники, дружинники». И Балтика именовалась Варяжскимъ м. Скандинавы начали играть историческую роль съ VIII-го в. по Р. Х., когда ихъ «викинги» (витязи, родовые старшины), со своими дружинами, стали наводить ужасъ на весь Западъ, назвавшій ихъ «норманами» (сѣверными людьми). Въ то же время они проникали въ Россію торговымъ путемъ «изъ варягъ въ греки» — по Волхову и Днѣпру: ихъ было много въ ближайшихъ городахъ восточныхъ славянъ, особенно въ Новгородѣ. У Финскаго зал. и Ладожскаго оз. было уже нѣсколько варяжскихъ поселеній, и во главѣ ихъ Старая Ладога. Финны называли варяговъ *Русью*—имя, которое усвоили потомъ и славяне. Около половины IX-го в. варяги такъ усилились здѣсь, что наложили дань на новгородцевъ, кривичей и финновъ.

Бытъ восточныхъ славянъ. Общественный строй.

За это время жизнь восточныхъ славянъ приняла своеобразныя черты, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. *Родовой бытъ* уже началъ разлагаться отъ размноженія населенія, отъ многовѣковыхъ перекочевокъ и отъ набѣговъ монгольскихъ степняковъ. Въ то же время расширялись потребности, а съ ними и формы жизни. Осѣвшись на одномъ мѣстѣ, славяне начали «промышлять», «кладя путики» по лѣсамъ и степямъ. Путики превращались въ большіе «пути-дороги», а грады—въ *города*, гдѣ сидѣли «гости» (купцы) и власти. Около 700 г., когда славяне стали данниками охранявшихъ ихъ хозаръ, они начали превращаться въ *торговцевъ*. Они добирались до Багдада, Царьграда (Византіи) и Балтики. У нихъ были и «арабчики» (золотые), и греческіе «златники»; но больше обмѣнивали иностранные товары на свои мѣха, особенно куньи: деньги назывались у нихъ «кунами». По дорогѣ изъ варягъ въ греки завязывались узлы—«гостьбы» (торговли) или «погосты», изъ которыхъ выросли древнѣйшіе города, съ ихъ колоніями—«пригородами»; около 900 г. ихъ насчи-

тывалось до 20. Эти города уже объединяли населеніе подъ своею властью—«волостью» или «областью». Средоточіемъ города служилъ древній градъ, а вокругъ возникали «слободы», «посады» или постоянныя «мѣста», гдѣ сидѣли «мѣщане, посадскіе».

Людей связывало уже не родство, а занятія. Сохранялись лишь видоизмѣненныя формы родового быта. Въ селахъ господствовала *община* съ мірскою сходкой. Въ городѣ, кромѣ *вѣча* съ его «градскими старцами», былъ имъ избираемый *князь*, который имѣлъ уже государственное значеніе, хотя власть его была не велика. Если князь не нравился городу, вѣче «показывало ему путь». Князь творилъ «правду», т. е. судилъ по обычному праву, самъ собиралъ «полюдье» (дань) и ходилъ на промыслы. Но главное — онъ оборонялъ городъ, во главѣ своей *дружины* или «княжихъ мужей». Подконецъ князь съ дружиной стали обособляться, какъ военный и правящій классъ, особенно благодаря витязямъ или варяжскимъ «находникамъ».

Нравы и обычаи. Мирный, промысловый бытъ восточныхъ славянъ отразился и въ ихъ нравахъ. Конечно, вообще, жили еще «звѣринскимъ обычаемъ», особенно такіе трущобники, какъ древляне, вятичи или угличи (угольные, къ югу отъ Днѣпра). Но въ то же время, особенно у такихъ торговцевъ, какъ поляне и новгородцы, замѣчалось смягченіе первобытной грубости. Славилось ихъ гостепріимство: гостемъ назывался не только купецъ, но и странникъ. Женщина не была полною рабой, несмотря на многоженство и обычай «умыканія» (похищенія) невѣстъ во время «игрищъ» (празднествъ): женихъ платилъ «вѣно» (выкупъ). Славянка не сидѣла взаперти: она даже сопровождала ратниковъ и иногда правила государствомъ, какъ «вѣщая». А «матерая вдова» была окружена особымъ почетомъ, подобно старшинѣ. Рабъ, отработавъ извѣстный срокъ, становился свободнымъ и могъ сдѣлаться членомъ семьи.

Живя по захолустьямъ въ грязи, славянинъ, по городамъ, уже стремился къ опрятности: онъ любилъ мыться въ банѣ, носилъ чистую холщевую рубаху, широкіе порты и шерстяной кафтанъ въ накидку, а на головѣ—шапку. Онъ, въ особенности же его подруга, были даже падки до украшеній—перстней, серегъ, браслетъ, ожерелій. Они любили и повеселиться: у нихъ было много пѣсенъ, а также «сопѣли» или «свирѣли» (дудки), рожокъ, бубенъ, балалайка. Славянскій воинъ также представлялъ осѣдлый типъ пѣхотинца; помимо топора и ножа, у него были стрѣлы, мечъ и дротикъ; онъ любилъ не столько нападать съ гикомъ, какъ дикари, сколько дѣлать искусныя засады да отсиживаться въ окопахъ. Но онъ не объявлялъ войны, и съ нимъ невозможны были переговоры.

Религія. Въ религіи славянъ сильнѣе всего сохранялись мирныя воспоминанія родового и земледѣльческаго быта. Больше всего поклонялись духу предка *Щуру* или *Чуру* (отсюда «пращуръ»). Его почитали также подъ именемъ *Рода* и *Роженицы*: это—мертвецы, привидѣнія, которымъ приносили жертвы отъ плодовъ земныхъ; гаданіемъ вопрошали ихъ о томъ, что кому «на роду написано». Воспоминаніе о духѣ предка и теперь живетъ въ народѣ подъ видомъ «дѣдушки» *Домового*. Тогда вѣрили, что покойники на зиму улетаютъ въ *рай*, а весной воскресаютъ; и ихъ ходили кормить на могилки. «Покойнички» являлись въ видѣ русалокъ и «людковъ» (карликовъ). Всю эту «нежить» живые чествовали пирами, причемъ сами представляли оборотней, переряживаясь и бѣснуясь.

Вѣра въ духа предковъ переплеталась съ вѣрой въ духовъ природы, нашей кормилицы, *Матери-Сырой-Земли*. Духи предковъ блуждали огонькомъ, цвѣли цвѣтиками, прилетали ласточками. Самыми живыми олицетвореніями сельскаго быта были: гнѣвный дѣдушка *Водяной*, съ женой руса-

лочкой и дѣтками-утопленничками, веселый *Лѣшій*, другъ охотниковъ, да *Полевой* или Житный Дѣдъ. Восточный славянинъ особенно любилъ спѣлое поле и цвѣтущіе луга. Онъ печалился зимой, когда наставало царство *Кощея* Безсмертнаго и *Бабы-Яги*. Впрочемъ, эти мрачные духи не сильны: нашъ предокъ не зналъ мрачной судьбы; зло представлялось ему въ наивныхъ образахъ *чертей* и *вѣдьмъ*.

Празднества представляли также теченіе жизни природы. Они начинались съ зимняго солнцестоянія—праздника *Коляды*, слившагося съ Рождествомъ. Весной—второй праздникъ, Новый Годъ, который разбился отъ поста, на масляницу и Святую. Тогда топили и жгли Зиму и «шли на горы» (могилы), которыя поливали медомъ, уставляли яствами; здѣсь «кумились» яйцами и «окликали покойничковъ» для ѣды. Молодежь пекла жаворонки и выходила на *Красную Горку* звать Весну-Красну. А когда солнце входило въ силу, наставали *Зеленыя Святки* (троицына недѣля). Дѣвушки завивали вѣнки: «вѣнъ»—союзъ; отсюда «брачный вѣнецъ». То была пора игрищъ, горѣлокъ, умыканія невѣстъ, царство *Ярилы*—бога плодородія. Она длилась до начала лѣтнихъ работъ, наканунѣ которыхъ справляли праздникъ *Купалья* или Ивана Купалы, пріуроченный ко дню Іоанна Крестителя.

Духи составляли главную часть славянскаго язычества: боговъ было мало, и они не ясны. Древнѣйшимъ божествомъ былъ *Сварогъ*—небо; *Дажъ-Богъ* изображалъ солнце. Да и эти боги были уже почти забыты. Послѣдніе славяне-язычники клялись не ими, а Перуномъ и Волосомъ, которые были занесены къ нимъ варягами. *Перунъ*—верховное божество, съ военнымъ характеромъ: это—богъ грома и молніи; народъ называлъ «перуновымъ камнемъ» наконечники стрѣлъ каменнаго вѣка. Игравшій на свирѣли *Волосъ*—богъ жатвы и скота, а также торговли и богатства. Столь же блѣдны и скудны образы нашихъ *богатырей* или героевъ. Изъ нихъ «старшіе» (Святогоръ, Егорій Храбрый, Микула Селяниновичъ) напоминаютъ Сварога: это—могучія, безпредѣльныя существа. «Младшіе» же близки къ концу язычества и сливаются съ историческими воспоминаніями; они тѣснятся во дворѣ князя Владиміра, воюютъ съ половцами, татарами и другими врагами Руси. Таковы Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и др.

У восточнаго славянина храмомъ были природа да *огнище* (домашній очагъ): онъ справлялъ свои обряды по рощамъ, на горахъ, у воды да по печамъ и печуркамъ. Идолопоклонство возникло лишь подъ конецъ и подъ вліяніемъ западныхъ славянъ: тогда появились статуи Перуна, а также *требища* (треба—жертва) или *капища* (копоть—дымъ), гдѣ ставили идола и камень или колоду для жертвоприношенія. Были *волхвы* и *кудесники* или «вѣдуны, вѣщуны»; богослуженіе же совершали старшины, а за все племя—князь. Оно состояло въ жертвоприношеніи отъ плодовъ земныхъ; позже возникли пѣснопѣнія, въ видѣ молитвъ на бездождіе. Человѣческія жертвы были обычны только у западныхъ славянъ; у восточныхъ они явились лишь вмѣстѣ съ Перуномъ. При погребеніи приносили въ жертву «тризну»—треть имущества.

Трупъ сначала пускали въ лодкѣ на воду или зарывали въ землю, потомъ стали сожигать. На мѣстѣ сожженія насыпали курганъ и зарывали въ него собаку покойника и его коня, а также пищу, питье, балалайку, одну изъ женъ или рабынь. Такъ вообще язычество нашихъ предковъ было неразвитое: тутъ нѣтъ ни космогоніи, ни стройной миѳологіи, ни жрецовъ, ни храмовъ. Впрочемъ, мы знаемъ лишь обломки этихъ вѣрованій, разрушенныхъ чуждыми вліяніями.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Начало государства и христіанства у славянъ. Около 850—1050.

Германцы и романцы.

Около половины IX-го в. у всѣхъ славянъ совершился величайшій переворотъ: они перешли въ христіанство и къ государственному быту. Это значило, что цѣлое обширное племя, съ необъятнымъ будущимъ, пріобщалось къ исторической жизни человѣчества: наравнѣ съ Западомъ, возникалъ востокъ *Европы*; и оба они тотчасъ вступили въ плодотворныя взаимныя сношенія.

Западъ представлялъ уже любопытную картину многосторонняго развитія. Онъ явственно распался на двѣ половины—латинскую и греческую, благодаря установленію *папства* и франкской державы *Карла Великаго*, которыя поддерживали другъ друга и объединяли варваровъ. Могущественный Карлъ даже крестилъ огнемъ и мечемъ балтійскихъ славянъ и аваровъ и положилъ тутъ основаніе двумъ крѣпкимъ «маркамъ» (украйнамъ)—*Бранденбургской* и *Австрійской* или Восточной, которыя играли всегда огромную роль въ судьбѣ славянъ. Самовластный императоръ отнималъ вотчины (потомственныя владѣнія) у непокорныхъ дружинниковъ и раздавалъ ихъ своимъ друзьямъ въ *ленъ* или пожизненное помѣстье, какъ жалованье за военную службу. Въ то же время Карлъ старался привить «классицизмъ» или *античную* цивилизацію своимъ варварамъ: латынь стала языкомъ образованныхъ людей; даже монахи усердно списывали классиковъ. Если съ VIII-го в. учителями становились еще *арабы*, то они сами воспитались на классикахъ, добытыхъ ими изъ Византіи.

Христіанство распространилось тогда уже почти по всему Западу. Съ тѣхъ поръ до крестовыхъ походовъ (850—1050) оно все рѣшительнѣе захватывало власть надъ всѣми, между тѣмъ какъ политическое единство падало послѣ Карла. Его искусственная держава распалась на германскую и романскую половины—на *Нѣмецкую имперію* и королевство *Францію*. Ленники превратились въ «вассаловъ» или «рыцарей»—въ сильную аристократію, съ помѣщичьими и верховными правами надъ подданными, а короли и императоры стали лишь «первыми среди равныхъ»: такъ образовался *феодализмъ*. Онъ развивался тѣмъ быстрѣе, что крестьяне сами закабаляли себя посредствомъ «рекомендаціи»—передачи своей земли вассалу съ тѣмъ, чтобы тотъ защищалъ его отъ повсемѣстныхъ разбоевъ. Въ то же время возвышалось папство: Григорій VII уже заставилъ императора Генриха IV всенародно унизиться передъ собой. По мѣрѣ усиленія феодализма и папства, народъ превращался въ крѣпостного и въ страшно обремененнаго тяглеца, а также въ послушное орудіе церкви. Преобладаніе папства объясняется религіознымъ настроеніемъ Запада: тогда христіанство поглотило всѣ прежнія понятія; исчезали слѣды классицизма; даже ученые заговорили искаженною, «кухонною» латынью.

Византія.

Въ то же время Византія представляла особый міръ. Сначала, до IX-го вѣка, когда Римъ громили варвары, она была хранительницей классицизма: то была *византійская эпоха* въ европейской культурѣ. Даже въ искусствѣ господствовалъ всюду византійскій стиль, съ куполообразнымъ храмомъ во главѣ, образцомъ котораго служилъ соборъ св. Софіи въ Константинополѣ. Восточные славяне справедливо назвали тогда Византію *Царьградомъ*. На ея заводахъ выдѣлывались паволоки (шелковыя и золотыя ткани), оружіе, предметы роскоши и искусства; эти товары развозились по всей Европѣ и Азіи. Въ Византіи

возродилось самодержавіе римскихъ императоровъ, которому церковь служила опорой, какъ владыкѣ «Божьей милостью».

Но государство не могло даже само защищаться: его армія состояла изъ наемниковъ — сначала германскихъ, потомъ славянскихъ. Тогда же произошло полное отдѣленіе *греко-восточной* церкви отъ *римско*-католической (1053). Въ идейной культурѣ въ Византіи произошло то же, что на Западѣ: и здѣсь палъ классицизмъ; греческіе писатели стали заниматься исключительно религіозными вопросами.

„Просвѣтите ли“ славян

Религія же доставила тогда грекамъ культурное вліяніе надъ многими славянами, котораго добивалось и папство: раздѣленіе церквей было отчасти плодомъ борьбы Византіи и Рима изъ за него. Введеніе христіанства у славянъ началось въ IX-мъ в., благодаря братьямъ *Кириллу и Меѳодію*, которые и называются ихъ «первоучителями и просвѣтителями». Хотя это были греки, но на ихъ родинѣ, въ Солунѣ (Ѳессалоника), было такъ много славянъ, что они даже говорили по славянски и перевели св. писаніе на старо-болгарскій языкъ, который мы называемъ церковно-славянскимъ. Кириллу пришлось изобрѣсти славянскую азбуку, которая и названа *кирилицей*. Такъ какъ у славянъ были только намеки на буквы, въ видѣ «чертъ» и «рѣзовъ» на кумирахъ, то онъ заимствовалъ свою азбуку изъ греческаго письма: оттого *уставъ* (древнѣйшее церковно-славянское письмо) очень похожъ на византійское письмо того времени.

Христіанств у южныхъ и западныхъ славянъ.

Меѳодій, прежде всего, крестилъ *болгаръ* (865), что помогло болгарскому князю стать самодержавнымъ царемъ, по истребленіи «боляръ» («большихъ»), не желавшихъ принимать христіанство. Вскорѣ болгаре образовали собственный патріархатъ, низвергнувъ иго «фанаріотовъ» (византійскаго духовенства). Тогда же крестились *сербы и хорваты*. Первые сохранили восточное православіе; но послѣдніе вскорѣ перешли въ католичество. Солунскіе братья обратили въ христіанство и *чеховъ* съ *моравaнами*. Но появленіе венгровъ, которые отдѣлили западныхъ славянъ отъ южныхъ, принудило первыхъ подчиниться католичеству и нѣмцамъ. Сами венгры приняли католичество около 1000 г. У *поляковъ* христіанство, въ формѣ католичества, явилось вѣкомъ позже, чѣмъ у чеховъ (965). Здѣсь такъ же, какъ у другихъ славянъ, оно послужило основой для самодержавія: «паны» (вельможи) стали королевскими слугами; имъ подчинились потомки родовыхъ старшинъ—«шляхта» или рыцарство. Въ Польшѣ водворилось нѣмецкое вліяніе даже сильнѣе, чѣмъ у чеховъ.

Начало госу дарства у восточиыхъ славянъ.

Позже всѣхъ образовалось государство у славянъ восточныхъ; и здѣсь оно предупредило появленіе христіанства. Его начало темно; несомнѣнно только, что оно совпадаетъ съ появленіемъ въ Новгородѣ и Кіевѣ новаго историческаго бродила—варяжской дружины. Если вѣрить преданію, въ 862 г. у новгородцевъ «возсталъ родъ на родъ»—и они сами обратились къ варягамъ-руси со словами: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; придите княжить и владѣть нами». Русскіе князья—*Рюрикъ* съ двумя братьями—пришли со своими дружинами. Вскорѣ младшія братья умерли, а Рюрикъ утвердился въ Новгородѣ. Это уже былъ не мирный родовой князь-старшина, а государь-князь и воитель. Онъ завоевалъ окрестныя земли.

Но варяговъ уже манилъ къ себѣ *Кіевъ*, этотъ красивый, богатый городъ, среди прелестной природы, служившій ключемъ къ сокровищамъ византійской торговли и службы. Онъ уже кишѣлъ предпріимчивыми варяжскими находниками. Двое «мужей» Рюрика, *Аскольдъ* и *Диръ*, ушли изъ Новгорода съ своими товарищами и заняли Кіевъ. Оттуда варяги тотчасъ же совершили первый набѣгъ на Царьградъ. Здѣсь *Русъ* «нажила себѣ славное имя»: оно впервые было записано тогда въ византійскихъ хронографахъ (лѣтописяхъ),

Сверхъ того, она принесла изъ Византіи сѣмена христіанства: надъ могилой Аскольда была поставлена церковь.

)легъ, Игорь и Ольга.

Тѣмъ временемъ умеръ Рюрикъ, оставивъ новорожденнаго сына, Игоря, на рукахъ своего родственника, *Олега.* И Олега потянуло на югъ: онъ уничтожилъ Аскольда и Дира и сталъ княжить въ Кіевѣ. Его владѣніе или *Русъ* обнимала тогда уже всю водную систему, отъ Балтики до пороговъ Днѣпра; а Кіевъ былъ названъ «матерью городовъ русскихъ». Олегъ — первый «нарядникъ» (устроитель) русской земли. Онъ построилъ много городовъ и «острожковъ, особенно на югѣ; онъ явился подъ самымъ Царьградомъ и принудилъ грековъ къ очень выгодному торговому договору (912). Преданіе, сохранившееся даже въ Скандинавіи, назвало его «вѣщимъ»; и сложилось поэтическое сказаніе объ его смерти. Его преемникъ, *Игорь,* былъ менѣе счастливъ. При немъ появилось «идолище поганое»—*печенѣги,* которые разрушили хозарское царство и стали тревожить кіевлянъ. Походы Игоря были неудачны: они завершились менѣе выгоднымъ договоромъ. Дружина его обѣднѣла. Наконецъ, древляне отказались платить дань и убили князя, когда онъ пришелъ къ нимъ за полюдьемъ.

Сынъ Игоря, Святославъ, былъ ребенкомъ; правленіе перешло къ его матери, *Ольгѣ.* Первая на Руси правительница оказалось человѣкомъ здраваго смысла и сильной воли. Она болѣе Олега представляетъ типъ древняго нарядника. Ольга назначила *уставы* и *уроки* (повинности) и устроила новые *погосты*—правительственные центры, съ *тіуномъ* (княжимъ прикащикомъ) во главѣ. Она объѣздила всѣ свои владѣнія, какъ государыня цѣлой Руси. Сынъ ея носилъ уже славянское имя. «Мудрая» княгиня кончила тѣмъ, что, съѣздила въ Царьградъ и тамъ приняла христіанство.

Герой варяжскаго язычества.

Варяжское язычество выставило, передъ своей смертью, героя. *Святославъ,* несмотря на свое славянское имя, былъ варягъ душой, грозный витязь. Онъ былъ коренастъ, широкоплечъ; голубые глаза смотрѣли сурово изъ подъ нависшихъ бровей; подъ приплюснутымъ носомъ висѣли длинные усы, на бритой головѣ торчалъ клокъ волосъ—знакъ высокаго происхожденія; въ правомъ ухѣ красовалась серьга съ жемчужиной, какъ талисманъ. Этотъ рыцарь предупреждалъ враговъ: «иду на васъ»! «Барсомъ» носился онъ повсюду на боевомъ конѣ; спалъ на голой землѣ, положивъ подъ голову сѣдло; ѣлъ конину, поджаривъ ее на угольяхъ. Святославъ ходилъ далеко: загналъ печенѣговъ далеко въ степь; разрушилъ Великіе Болгары и Итиль; побилъ ясовъ и косоговъ у Азовскаго м. и взялъ ихъ столицу, *Тмутаракань* (Фанагорія). Затѣмъ бросился онъ жестоко истреблять болгаръ задунайскихъ. Испуганные греки заступились за несчастныхъ и обложили варяжскаго богатыря въ Доростолѣ (Силистрія). Русскіе удивили міръ своими отчаянными вылазками, но голодъ принудилъ ихъ уйти. На дорогѣ ихъ стерегли печенѣги; у днѣпровскихъ пороговъ они убили Святослава и пили на пиру изъ его черепа.

ладиміръ— язычникъ.

Сыновья подѣлили наслѣдіе героя—и начались усобицы. Старшій, *Ярополкъ* кіевскій, выгналъ изъ Новгорода младшаго, Владиміра, мать котораго была рабыня-славянка. Но Владиміръ добылъ помощь въ Скандинавіи и убилъ коварнаго брата. По дорогѣ въ Кіевъ онъ завоевалъ, зародившееся было, новое варяжское княжество—*Полоцкъ,* гдѣ правилъ викингъ Рогвольдъ. Владиміръ убилъ викинга и насильно женился на его гордой дочери, Рогнѣдѣ, которая презирала «сына рабыни». Настраиваемый дядей по матери, Добрыней, Владиміръ былъ упорный и суровый язычникъ. Онъ поставилъ въ Кіевѣ большого Перуна, которому стали приносить человѣческія жертвы. Однажды жребій палъ на сына варяга-христіанина. «Ваши боги —не боги, а дерево»! воскликнулъ несчастный отецъ. Толпа умертвила ихъ обоихъ; то были перво-

мученики христіанства на Руси. Владиміръ былъ войнолюбивъ. Его окружала дружина богатырей, но уже изъ славянъ: буйная варяжская дружина была сплавлена въ Византію. Съ этими героями онъ носился отъ Волги до Балтики и до Карпатъ: онъ отнялъ у поляковъ *Червонную* (Красную) Русь — Галицію. Послѣ всякой побѣды Владиміръ предавался пирамъ, воспѣтымъ въ поэзіи, и сладострастію: у него было много женъ, въ томъ числѣ вдова брата.

Крещеніе Руси.

Но это былъ послѣдній проблескъ язычества. Его паденіе было уже очевидно. У восточнаго славянина, этого податливаго, гостепріимнаго торгаша, съ блѣдною миѳологіей, издавна проживало много купцовъ всѣхъ вѣръ. Въ Кіевѣ сновали евреи, магометане и христіане (греки и даже нѣмцы). Приходилось только сдѣлать выборъ изъ трехъ единобожныхъ «законовъ». Онъ обусловливался для русскихъ географическимъ положеніемъ, ихъ торговыми связями съ Византіей, которая притомъ, по своей культурѣ, стояла выше всѣхъ, вліяя даже на арабовъ. Оттого сила христіанства замѣтна уже при Аскольдѣ. А при Игорѣ, у котораго часть дружины присягала на крестѣ, въ Кіевѣ видимъ церковь св. Иліи, а также христіанъ среди нашихъ пословъ и купцовъ. Крещеніе Ольги, совершившееся безъ всякихъ волненій, доказывало, что новая вѣра становилась потребностью общества. Самъ Святославъ привезъ греческую монахиню въ жены своему сыну; а когда онъ пребывалъ за Дунаемъ, его дружинники переженились на плѣнныхъ болгаркахъ. Затѣмъ русскіе, дошедшіе до Червонной Руси, столкнулись съ западными славянами, которые были уже христіанами; тогда же Владиміръ отдѣлился отъ своей варяжской дружины; и въ его гаремѣ были гречанка, болгарка и чехиня. Онъ уже былъ окруженъ новымъ воздухомъ: «нарочитые люди» (торговая знать, градскіе старцы) указывали ему напримѣръ его бабки, Ольги. Наконецъ, Владиміръ сдался. Онъ принялъ греческое православіе и женился на византійской царевнѣ, Аннѣ. Затѣмъ былъ уничтоженъ Перунъ. Толпа рыдала, но не вступилась за идола. Она покорно крестилась, приговаривая: «сели бъ это не было добро, князь и бояре не приняли бы» (988).

Владиміръ — христіанинъ.

Владиміръ принялся строить храмы на мѣстахъ требищъ и разослалъ всюду своихъ 12 сыновей съ дружинами и греческими попами: такъ образовались первыя епархіи, подчиненныя *кіевскому митрополиту*, который поставлялся греческимъ патріархомъ изъ грековъ или болгаръ. А для созданія собственнаго духовенства, Владиміръ бралъ мальчиковъ изъ лучшихъ семей и отдавалъ ихъ въ школы. Христіанство распространялось медленно по великому водному пути изъ Кіева въ Новгородъ. Особенно упорствовали новгородцы: ихъ пришлось «крестить огнемъ и мечомъ», какъ говорили тогда.

Но нововѣріе вкоренялось въ сердцахъ обращенныхъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ самъ Владиміръ. Вмѣстѣ съ перемѣной своего славянскаго имени на греческое (Василій), онъ сталъ другимъ человѣкомъ — ревнителемъ міра, нравственности, книжнаго ученья и церковнаго строительства. Онъ бросилъ охоту, отдавалъ своихъ сыновей печенѣгамъ въ заложники, чтобы только избѣжать войны, а дома пересталъ казнить разбойниковъ, «боясь грѣха». Владиміръ сталъ хорошимъ семьяниномъ, и хотя все еще любилъ пиры, но ими сопровождались уже не кровавые набѣги, а церковныя празднества. На дворѣ милостиваго, кроткаго князя толпилась уже не одна дружина, а и бѣдняки, которыхъ одѣляли деньгами и одеждами; а кто не могъ придти, тѣмъ развозили и съѣдобное. И политика Руси стала оборонительная: на рубежахъ степи вытягивались линіи *острожковъ*; ихъ заселяли *станицами* (отрядами) стойкихъ «верхнихъ воевъ», т.-е. сѣверныхъ людей, преимущественно новгородцевъ.

Личность Владиміра глубоко врѣзалась въ памяти русскаго народа. Въ немъ впервые воплотилось національное сознаніе. Народная поэзія назвала его

Краснымъ Солнышкомъ, церковь—Равноапостольнымъ. Въ глазахъ массъ онъ былъ такимъ уже тотчасъ по смерти (1013), хотя лѣтопись именуетъ его Святымъ лишь съ 1254 г. Мощи его хранятся частью въ Печерской Лаврѣ, частью въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ.

Борьба двухъ началъ.

Народъ тѣмъ сердечнѣе вспоминалъ свое Красное Солнышко, что когда закатилось оно, тотчасъ настала тяжелая пора. Уже конецъ жизни Владиміра былъ омраченъ тучами. Въ его дѣтяхъ словно воплотились два начала, два отца. Старшіе сыновья,—Святополкъ, занимавшій Туровскую область, и Ярославъ, сидѣвшій въ Новгородѣ, напоминали Владиміра-язычника. Злой, хитрый *Святополкъ*, женатый на дочери могущественнаго польскаго короля, Болеслава Храбраго, конечно, разсчитывалъ на «старшій, великокняжескій» столъ въ Кіевѣ. О томъ же мечталъ Ярославъ, достойный сынъ Рогнѣды—человѣкъ твердый, предпріимчивый, но гнѣвный, запальчивый и некрасивый хромецъ, женатый на Ингигердѣ, надменной дочери шведскаго короля. И за него стояла вся богатая «верхняя земля», соперница Кіева, который вытягивалъ съ нея много денегъ и лучшихъ воевъ для собственной защиты.

А между тѣмъ всѣ ждали, что отецъ отдаст старшій столъ своему любимцу *Борису*, сыну царевны Анны: его душа христіанина воплощалась въ этомъ кроткомъ, благочестивомъ юношѣ. И кіевляне поджидали его теперь изъ похода противъ печенѣговъ: они даже скрывали смерть Владиміра. Но ловкій *Святополкъ I* успѣлъ захватить кіевскій столъ. Дружина отца предложила-было княженіе Борису, но онъ распустилъ ее со словами: «не подниму руки на старшаго брата; онъ мнѣ въ отца мѣсто». И тотчасъ же убійцы брата покончили съ нимъ, когда онъ, на берегу Альты, пѣлъ заутреню въ своей ставкѣ (шатрѣ). Затѣмъ всѣхъ смутила вѣсть о коварномъ убійствѣ и похожаго на Бориса его единоутробнаго брата, *Глѣба*, который правилъ Муромскою областью. Свѣтлые братья-мученики причислены къ лику святыхъ: «ихъ кровью благословилась земля», говорили современники. Святополка же народъ заклеймилъ именемъ Окаяннаго.

Святополкъ I и Ярославъ I.

Но кара небесная не замедлила. Испуганный Ярославъ созвалъ вѣче новгородское и, утирая слезы, просилъ помощи у народа. Собралась большая рать, къ которой прианяли варяговъ изъ-за моря: и у Любеча Святополкъ былъ разбитъ. Правда, ему удалось возвратиться въ Кіевъ, съ помощью поляковъ, за которую Болеславъ взялъ назадъ Червонную Русь; но Ярославъ появился съ свѣжими силами. У Альты, гдѣ погибъ Борисъ, снова сшиблись силы славянскаго сѣвера и юга съ ихъ приспѣшниками — варягами и печенѣгами, которыхъ навелъ Окаянный. Святополкъ былъ разгромленъ. Самъ онъ, весь въ ранахъ, бѣжалъ на западъ и погибъ гдѣ-то на дорогѣ. *Ярославъ I* «утеръ потъ со своею дружиной»: онъ сталъ единодержцемъ Руси. Это уже представитель сложившагося новаго порядка вещей,—сильный, разумный государь, оборонитель и нарядникъ цѣлой державы, которая твердо дѣлала свое дѣло и, съ сознаніемъ своего достоинства, вступала въ семью европейскихъ народовъ.

Въ теченіе всего своего 20-лѣтняго княженія, Ярославъ не переставалъ воевать. Онъ прошелъ въ глубь Литвы, построилъ Юрьевъ (Дерптъ), въ честь своего христіанскаго имени, а на Волгѣ—Ярославль, откуда русскіе ходили до Финляндіи и Желѣзныхъ Воротъ (Устьсысольскъ). Ярославъ ограждалъ Русь отъ кочевниковъ постройкой укрѣпленій и заселеніемъ пустынь и доканалъ печенѣговъ. Онъ заключилъ «вѣчный» миръ съ греками и женилъ своего любимаго сына, Всеволода, на дочери ихъ императора, Константина Мономаха. Другіе его сыновья были женаты на королевнахъ англійской и польской; а дочери были за королями Венгріи, Норвегіи и Франціи. И слава Россіи прошла по всей Европѣ, «даже до Рима»; а Червонная Русь была воз-

вращена, съ помощью нѣмецкаго императора. Новый нарядникъ русской земли былъ уже человѣкъ «ученый по книжному», даже самъ списывалъ рукописи: онъ завелъ первое книгохранилище на Руси и первое училище. «До излиха» любя монашеское житіе, онъ строилъ вездѣ обители и храмы, съ св. Софіей Кіевской во главѣ, и сдѣлалъ нашу церковь независимою отъ Византіи. Наконецъ, онъ издалъ «Русскую Правду», за что снискалъ себѣ названіе Правосуда. При смерти (1054) Ярославъ завѣщалъ дѣтямъ слушаться, «какъ отца», старшаго брата, Изяслава.

Но не легко было исполнить этотъ первый на Руси законъ о престолонаслѣдіи. Самъ же Ярославъ подѣлилъ землю между своими сыновьями: Изяслава посадилъ онъ въ Кіевѣ, Святослава—въ Черниговѣ, Всеволода—въ Переяславлѣ. Да еще два княжества были какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ на Руси. *Полоцкъ* принадлежалъ племяннику Ярославичей, Рогвольдовичу Всеславу, о которомъ говорится въ преданіяхъ, какъ о колдунѣ-оборотнѣ. Этотъ воинственный и хитрый внукъ Изяслава тотчасъ же взялся «расшибать славу» Ярослава. Дяди едва справились съ нимъ, послѣ ожесточенной схватки, и заточили его въ кіевскую тюрьму, а его столицу, Изяславль (Минскъ), разгромили. *Новгородъ* также сдѣлался тогда какъ-бы особымъ государствомъ. Благодаря льготной грамотѣ Ярослава, онъ сталъ «Господиномъ Великимъ Новгородомъ» — родъ республики, съ выборнымъ княземъ во главѣ. При смерти Ярослава тамъ княжилъ его старшій сынъ, Изяславъ. Онъ поспѣшилъ теперь въ Кіевъ, а въ Новгородѣ оставался его племянникъ, Ростиславъ Владиміровичъ. **Полоцкъ и Новгородъ.**

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Культура перваго періода.

Смертью Ярослава I кончается первый періодъ русской исторіи (около 850—1050). Тогда *границы* Руси доходили уже до днѣпровскихъ пороговъ, Азовскаго м., Кавказа, Великой Болгаріи, Печоры, Балтики и Карпатъ. То было еще царство лѣсовъ, болотъ, степей и звѣрей. *Населеніе* было разбросано и крайне рѣдко. Но оно уже подверглось перевороту: явились варяги цѣлыми родами. Впрочемъ, то была лишь дружина, и съ цивилизаціей не болѣе высокой: она должна была быстро ославяниться, какъ болгары за Дунаемъ. Уже Владиміръ считалъ себя славяниномъ и врядъ-ли говорилъ по-скандинавски. Послѣ Ярослава, у котораго мать и жена были скандинавки, прекращается приливъ варяжскихъ дружинъ. Оттого варяги оставили мало слѣдовъ въ бытѣ русскихъ: можно указать лишь на нѣсколько словъ—кнутъ, лавка, ларь, стулъ, стягъ, тіунъ, ябедникъ и др. **Земля и населеніе.**

Но варяги имѣли великое значеніе для восточныхъ славянъ, способствуя водворенію *государства*, которому они сообщили и свое имя—Русь. Какъ и на Западѣ, они подорвали родовой бытъ, объединивъ мелкія племена въ одинъ *русскій народъ* и поставивъ надъ нимъ одинъ владѣтельный родъ, съ *великимъ княземъ* во главѣ. Подконецъ вся Русь встала подъ одно знамя: земская рать слилась съ дружиной. Всѣ давали князю «полюдье», которое уже превращалось въ «повозъ», когда князь пересталъ самъ ходить за данью. И неопредѣленные «дары» превратились уже въ опредѣленные «уставы и уроки». Князья же стали ѣздить для вершенія «правды» (суда) на станахъ и погостахъ, причемъ они собирали «виры» или пени. *Судъ* происходилъ на княжемъ дворѣ, при помощи «ябедника» (слѣдователя) и «челобитчика» (истецъ), **Государство.**

выставлявшаго свидѣтелей. При убійствѣ отвѣтчикъ подвергался суду Божію—«полю» (поединокъ между тяжущимися) и пыткѣ желѣзомъ и водой. Князю же принадлежала *расправа* (администрація): онъ разсылалъ дружинниковъ по городамъ и волостямъ своими посадниками, тіунами и тысяцкими, которые «кормились» отъ должностей. Князь былъ и главой войска, которое состояло изъ постоянной дружины и изъ временныхъ «воевъ» или «полковъ», какъ называли земскую силу, распускаемую послѣ похода. Были еще наемники—варяжская пѣхота и печенѣжская конница; но они постепенно исчезали.

Князь пользовался и *законодательною* властью, хотя онъ дѣлился ею съ вѣчемъ и «думой», состоявшей изъ дружины и епископовъ. У насъ прежде всего явились законы международные: договоръ Олега съ греками—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ письменности во всей Европѣ. Внутри Россіи обычное право стало стушевываться, послѣ принятія христіанства, передъ писаннымъ закономъ; но сначала послѣдній былъ просто Номоканонъ — церковные законы Византіи. Русскихъ возмущали господствующія тамъ тѣлесныя наказанія и смертная казнь—и Ярославъ издалъ свѣтскую *Русскую Правду*, основанную на обычномъ правѣ: здѣсь на первомъ планѣ вира, которую вносила, при бѣдности виновнаго, «вервь», т. е. его община. Опредѣлялось и наслѣдство: всякій свободно располагалъ своимъ имуществомъ, по «ряду» или завѣщанію.

Великій князь, съ его сосредоточенной властью, съ его дворомъ и дружиной, съ его городами, которые онъ любилъ строить, особенно на югѣ, переводя туда «верховой» людъ, сталъ видимымъ узломъ Руси. Такъ водворялся новый порядокъ вещей—«государственный нарядъ». Онъ сглаживалъ мѣстныя отличія, сливалъ славянскіе роды-племена и финновъ въ одну *Русь*.

Общество. Но *дружина* жила еще особнякомъ, на верху общества, чему сначала способствовало и ея иностранное происхожденіе. Она сидѣла по городамъ гарнизономъ, составляла дворъ князя и находилась во главѣ управленія, получая отъ князя жалованье, а не земли. Князья соперничали между собой относительно ея богатства и численности: «сребромъ и златомъ не добуду дружины, а дружиною добуду сребра и злата», говаривалъ Владиміръ. Старшіе дружинники, *бояре*, были «думцами» князя; и ихъ-то «сажалъ» онъ на управленіе. Младшіе, *боярскія дѣти*, находились при особѣ князя, какъ тѣлохранители: сначала это были родныя дѣти бояръ, а потомъ—вообще менѣе зажиточные бояре, такъ какъ, при отсутствіи майората (права первородства), дѣти были бѣднѣе отцовъ. Въ дружину могъ поступать всякій, и даже не русскій: такъ она искореняла родовыя связи. Дружинники назывались еще «мужами», въ отличіе отъ массы—*мужиковъ, людей* или *земщины*. Земщина уже распадалась на горожанъ и сельчанъ. Города развивались подконецъ, подрывая, съ своей стороны, родовой бытъ.

Дружина и земщина—свободные люди. Но нерѣдко свободный изъ нужды поступалъ въ наймы, что называлось *наймитствомъ* или *закупничествомъ*, напоминавшимъ рекомендацію. Закупъ получалъ плату обыкновенно впередъ и становился неоплатнымъ должникомъ: «нанялся—продался». Сильно развилось и *холопство*, или рабство. Холопъ былъ собственностью господина, который могъ продать и даже убить его. Главными источниками холопства были плѣнъ и торговля рабами. Иногда свободный обращался въ холопа—напримѣръ, неисправный должникъ или послужившій въ тіунахъ. При недостаткѣ рабочихъ рукъ, холопство составляло главную отрасль хозяйства и было основой благосостоянія бояръ.

Церковь. Съ появленіемъ христіанства образовался еще верхній слой общества—духовенство. У насъ христіанство сразу слилось съ государствомъ: сразу же

возникло твердое церковное устройство съ *іерархіей*. Во главѣ русской церкви сталъ кіевскій митрополитъ, котораго уже при Ярославѣ началъ избирать соборъ своихъ епископовъ, помимо константинопольскаго патріарха, ему подчинялись 6 епископовъ; Князь охотно совѣщался съ епископами въ своей думѣ. Онъ далъ имъ обширную судебную и отчасти полицейскую власть: духовенство завѣдывало больницами и богадѣльнями, надзирало за торговыми мѣрами и вѣсами. Церкви подчинялся обширный классъ людей—«изгои», люди безпріютные. Сюда относились: освободившійся холопъ, обанкротившійся купецъ, безграмотный поповичъ, а также князь-сирота, или отецъ котораго не занималъ кіевскаго стола.

Понятія и нравы.

Слабѣе было идейное вліяніе христіанства. Нововѣріе утвердилось только по пути отъ Кіева до Новгорода, гдѣ было уже до 60 церквей. Въ крещеныхъ областяхъ сохранялось *язычество*, и встрѣча съ попомъ считалась зловѣщею. У великихъ князей было еще по два имени—мірское (языческое) и христіанское. Еще болѣе гнѣздилось язычество въ *нравахъ*, грубость которыхъ поддерживалась борьбой и сношеніями со степняками. Попрежнему больше всего цѣнилась физическая сила: даже пѣсня о богатырѣ пѣлась «синему морю на тишину». Нажитое насиліемъ добро тратилось на удовлетвореніе чувственности. Владиміръ самъ сказалъ: «Руси есть веселіе пити». Еще не вывелось умыканіе, въ особенности же многоженство; за оскорбленіе женщины платили только полвиры.

Но замѣтно и начало смягченія нравовъ. «Христолюбивая» церковь внушала уваженіе къ человѣку, наказывала даже за грубую брань. Она боролась съ многоженствомъ и съ насильственными браками. Она доставила матерой вдовѣ наслѣдственныя права. Русская женщина еще не была замкнута и вездѣ участвовала съ мужемъ; а княгини управляли государствомъ, владѣли городами, снаряжали своихъ пословъ, имѣли собственную дружину. Зародилось и *монашество*. «Подвижники» были богатырями нравственной силы. Народъ цѣнилъ тѣ обители, «что» «поставлены слезами, постомъ, молитвами, бдѣніемъ». Онъ искалъ «отшельниковъ», совсѣмъ уходившихъ отъ «міра» для спасенія души и самоистязанія. Первымъ изъ нихъ былъ простолюдинъ, который принялъ на Аѳонѣ схиму, подъ именемъ Антонія, и поселился въ пещерѣ, подъ Кіевомъ. Онъ постригъ богача Ѳеодосія, который бросилъ всѣ блага земныя и, не смотря на упорное противодѣйствіе матери, все роздалъ нищимъ, а самъ ходилъ въ лохмотьяхъ, подъ которыми были скрыты «вериги» (цѣпи).

Просвѣщеніе. Письменность.

Просвѣтительное вліяніе христіанства было также слабѣе государственнаго. Съ нимъ связано начало книжнаго образованія или письменности; но тогда ограничивались *списываніемъ* чужого. Немногія школы служили лишь для приготовленія поповъ. Хорошо еще, что священныя книги явились у насъ на *болгарскомъ* языкѣ, понятномъ для русскихъ. Вскорѣ появились и собственные *переводы съ греческаго*, благодаря нашимъ инокамъ, жившимъ на Аѳонѣ. Они вырабатывали книжный русскій языкъ, въ которомъ уже было мало норманскихъ словъ, а вскорѣ стали исчезать и греческіе обороты. Объявились и собственные *грамотѣи* (писатели). Они составляли уже и хронографы — переводы византійскихъ сборниковъ свѣтскаго, особенно историческаго содержанія. Сохранился даже отрывокъ собственной лѣтописи Іоакима.

Народная поэзія.

Подлѣ этихъ зачатковъ прозы существовала только народная или устная поэзія, полная языческихъ воспоминаній. Это—*пѣсни*, прямо языческія, богатырскія, съ сильными слѣдами язычества, и историческія: былъ уже народный пѣвецъ Баянъ, прославлявшій „стараго Ярослава“. Къ тому же времени относятся историческія *преданія*, попавшія въ лѣтопись, и *сказки* въ

отголосками далекаго язычества. Наконецъ, уцѣлѣли осколки эпоса въ видѣ пословицъ, притчъ, загадокъ, заговоровъ, заклинаній, гдѣ отразились всѣ эпохи, начиная съ древнѣйшей, почти непостижимой. Съ принятіемъ христіанства все это народное творчество начало искажаться: новой вѣрѣ стали служить и Илья Муромецъ, и Алеша Поповичъ. Подконецъ возникали даже *духовные стихи*, которые пѣлись „каликами перехожими"—нищими слѣпцами, странничками Божіими. Важнѣйшіе изъ нихъ—„Голубиная Книга", гдѣ запечатлѣлась дума народа о началѣ міра; въ этомъ загадочномъ перлѣ древнѣйшей поэзіи Ветхій Завѣтъ чудесно сливается съ сѣдыми пережитками арійской космогоніи, еще мерцавшими въ памяти нашихъ пращуровъ.

Искусство. Христіанство оказало еще *художественное* вліяніе. Вмѣстѣ съ нимъ въ Кіевѣ появились греческіе каменщики, зодчіе и живописцы. При Ярославѣ, они обнесли городъ каменными стѣнами со многими воротами, изъ которыхъ славились «Золотые», ставили церкви, монастыри, крѣпостцы и даже «терема» (каменные дома). Тогда же гордостью Руси сталъ ея соборъ—*храмъ св. Софіи* въ Кіевѣ, украшенный «мусіей» (мозаикой) и «стѣнописью» (фресками) свѣтскаго содержанія. Эти картины, какъ и все зданіе—сколокъ съ константинопольской св. Софіи. То былъ одинъ изъ лучшихъ и древнѣйшихъ образцовъ византійскаго искусства; а его мозаика и фрески — единственные памятники живописи XI-го в. У кіевской Софіи явилась соперница въ Новгородѣ, но слабѣе ея; и она построена уже при дѣтяхъ Ярослава,

Началомъ ваянія на Руси должно считать *гробницы* Владиміра, Анны и Ярослава,—подобіе византійскихъ саркофаговъ. Тогда же проявилась страсть русскихъ къ *узорамъ* (орнаментамъ); всюду пускали «рѣзь» (рѣзьбу) и яркія краски; княжескіе терема походили миловидностью на сказочныя ставки богатырей, въ особенности въ своихъ «красныхъ« (росписныхъ) оконцахъ. При Владимірѣ началась и *чеканка монетъ*. Его первые «златники» и «сребренники»—сколокъ съ византійскихъ монетъ; «Ярославле сребрй» болѣе изящно и самобытно, и оно послужило образцомъ для древнѣйшихъ монетъ Скандинавіи.

Внѣшній бытъ. Подъ иностраннымъ же вліяніемъ явились нѣкоторые успѣхи во внѣшнемъ матеріальномъ быту. Терема были рѣдкостью: обыкновенно жили въ *хоромахъ*—изба для зимы и «клѣть» для лѣта. Мебель состояла изъ «бесѣдъ» (лавки), столовъ (стулья) и одровъ. Посуда была попреимуществу деревянная; вилокъ еще не знали. Ѣли всякое мясо, не исключая конины; его варили и пекли на угольяхъ, но жарить еще не умѣли. Употребляли также рыбу, сыры, кисель съ сытой; пили хмѣльные меды, вино и квасъ. Ѣздили на «возахъ» (телѣги), «колахъ» (дроги) и саняхъ. Одежда становилась богаче: завелись «клобуки» (мѣховыя шапки, которыхъ не снимали даже въ церкви), «убрусы» (платки), сафьянные сапоги, а также шерстяныя и шелковыя матеріи и даже наволоки. Подъ византійскимъ вліяніемъ, русскіе бросали языческій обычай брить голову и бороду.

Основой матеріальной культуры было *земледѣліе*, котораго не покидали даже горожане. Промышленность была еще въ зародышѣ: больше всего было развито плотничество, особенно на сѣверѣ, затѣмъ гончарное и кожевенное производство; приготовляли и грубый холстъ. Болѣе успѣховъ сдѣлала *торговля*. Особенно усилился вывозъ рабовъ, вслѣдствіе покоренія многихъ инородцевъ и связей съ варягами, которые доставляли холоповъ изъ Европы. Много также сбывали мѣховъ отъ усиленнаго спроса изъ Азіи. Внутренней торговлѣ благопріятствовало развитіе городовъ: ихъ было уже до 30 однихъ крупныхъ, а Кіевъ западные лѣтописцы сравнивали съ Царьградомъ. Много значило и то, что князья не брали пошлинъ и никому не возбраняли торговать. Тогда Черное м. уже стали называть Русскимъ; а Балтика подчинилась

въ торговлѣ новгородцамъ, которые первенствовали на ярмаркахъ Ливоніи, откуда ихъ товары проходили до Эльбы и Стокгольма. Обширность сношеній вызвала замѣну мѣновой торговли денежною. И подлѣ иноземной монеты возникла собственная. Сначала это были все еще «куны» (мордочки куницъ) и «ногаты» (лапки и ушки бѣлокъ; отсюда «полушка»). Потомъ стали употреблять, для большихъ оборотовъ, необдѣланное серебро, въ видѣ слитковъ и шейныхъ «*гривенъ*» (обручей), служившихъ прежде единицей вѣса. Наконецъ, возникла и мелкая монета—*златники* да *сребреники*.

Значеніе періода. Въ IX—XI вѣкахъ у всѣхъ славянъ происходило политическое объединеніе: образовались національныя государства, и внутри каждаго народилось единодержавіе. Государственная власть была ограничена земщиной съ ея вѣчами; порабощенія народа еще не было въ такой степени, какъ на Западѣ. Не могло быть и такихъ усобицъ, какъ тамъ: тогда на Руси происходили лишь мимолетныя смуты, которыя показывали, что племена еще не слились и что общинно-родовой бытъ еще не исчезъ.

Начиналось у нашихъ предковъ и умственное объединеніе, какъ на Западѣ: съ появленіемъ христіанства возникло даже понятіе о «святой» Руси. Но это объединеніе было слабо. Христіанство воспринималось еще внѣшнимъ образомъ, да и то лишь въ немногихъ мѣстахъ: подлѣ него коренилось язычество въ понятіяхъ и нравахъ. Впрочемъ, наше язычество было не просвѣщенное, классическое, какъ на Западѣ, а первобытное, темное, безграмотное. Оттого какъ ни мало потеряло оно силы, но все утраченное имъ было навсегда утрачено. Славянское язычество не могло возродиться, какъ случилось потомъ съ классицизмомъ.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Удѣльныя усобицы. 1050—1250.

Средніе вѣка на Западѣ. Этотъ періодъ называется на Западѣ *средними вѣками* въ тѣсномъ смыслѣ. Тогда вполнѣ созрѣли всѣ ихъ главныя особенности — феодализмъ, папство и религіозность. То была эпоха крестовыхъ походовъ, которые разрушили господство турокъ-сельджуковъ въ Азіи, чѣмъ воспользовались Монголы, съ своимъ Чингисханомъ во главѣ. Крестовые походы были также борьбой латинянъ съ греками: первые даже владѣли Византіей, пока ихъ не выгнала новая династія Палеологовъ. Эти проявленія крайней религіозности принесли пользу только папству, которое прославилось именами Александра III и Иннокентія III. Тогда же возникли нищенствующіе ордена и монахи-рыцари; часть послѣднихъ—*тевтонскій орденъ*—поселилась у устьевъ Вислы, призванная поляками для крещенія пруссовъ. Папство побѣдило императорскую власть, погубивъ династію Гогенштауфеновъ, съ помощью могучихъ феодаловъ. Западъ подвинулся въ культурѣ, благодаря вліянію арабовъ. Начала распространяться грамотность среди мірянъ. Въ Италіи, Франціи и Англіи возникли даже *университеты*, гдѣ преподавались свѣтскія науки—римское право, математика и медицина. Правда, преобладало богословіе, подъ именемъ *схоластики*; но и тутъ уже пользовались Аристотелемъ, сочиненія котораго появились на западѣ черезъ арабовъ. Начали развиваться новые языки и народная поэзія. Настала вторая эпоха *ересей*, съ ученіемъ вальденсовъ во главѣ, которые, подобно болгарскимъ богомиламъ, отвергали папство и требовали Библіи на народномъ языкѣ.

Южные и западные славяне.

Среди славянъ происходили важныя перемѣны. У южныхъ первая роль переходила отъ болгаръ къ *сербамъ*; но и они уже страдали отъ развитія венгровъ, которые распространяли свое владычество до Черногоріи и Адріатики. А у западныхъ славянъ свирѣпствовали *удѣльныя усобицы*, которыя длились у чеховъ лѣтъ 200, у поляковъ — 150. Пользуясь ими, усилились паны, шляхта и духовенство, крестьяне же превращались въ «хлоповъ» (почти рабы). Не дремали и нѣмцы. Они начали населять города, захватывая въ свои руки промыслы, торговлю и просвѣщеніе страны. Чехія превратилась въ *курфюршество Богемію*, т. е. въ вассала Германіи. Силезія совсѣмъ онѣмечилась. Нѣмцы овладѣли послѣдними полабскими славянами (Саксонія) и наложили дань на князей Помераніи; а мазовецкій князь уступилъ тевтонскому ордену землю, которую назвали *Пруссіей*, по имени туземцевъ. Торговля всей Балтики перешла къ *ганзѣ*—союзу нѣмецкихъ городовъ.

Удѣльныя усобицы на Руси. Области.

И у насъ господствовали тогда удѣльныя усобицы. Онѣ были вызваны двумя главными причинами. 1) Вслѣдствіе своей обширности, Русь естественно распадалась на нѣсколько несхожихъ между собой *областей*, которыя назывались также то «волостями», то «землями». Черноземная, богатая *Кіевская* область стала душой Руси и держала въ своихъ рукахъ двѣ сосѣднія бѣдныя области—*Туровскую* (по Припети) и *Переяславскую*. Сюда же, къ днѣпровской рѣчной системѣ, примыкали двѣ области, противоположныя другъ другу по характеру—безплодная *Смоленская*, жившая только передаточною торговлей, да плодородная *Черниговско-Сѣверская*, которая терялась въ воронежскихъ степяхъ, соединявшихъ ее съ отброшенной *Тмутараканью*. Послѣдняя служила переходомъ къ волжской системѣ, примыкая къ Окѣ. Здѣсь были важные города —*Муромъ* и *Рязань*, которые образовали потомъ самостоятельную область. Но узломъ волжской системы оказалась подконецъ *Суздальско-Ростовская* область, совсѣмъ бѣдная, суглинистая, поросшая дремучими дѣвственными лѣсами. Она должна была кормиться торговлей и начала развиваться по Волгѣ, въ борьбѣ съ камскими болгарами и съ своей метрополіей, Новгородомъ. Она была такимъ же отрѣзаннымъ ломтемъ въ нашей имперіи той поры, какъ Тмутаракань, *Галицкая* и *Полоцкая* области. Впрочемъ, Галичъ связывался, хотя и слабо, съ Кіевомъ *Волынскою* областью, которая захватывала притоки Днѣпра, Днѣстра и Вислы. Болѣе была связана съ Кіевомъ *Новгородская* область, благодаря пути «изъ варягъ въ греки»; но, по природѣ, она вовсе не походила на него; она также жила особнякомъ, съ своимъ сильнымъ вѣчемъ.

Города и удѣлы.

Всѣ эти пестрыя области стремились къ старой племенной независимости. Этому содѣйствовало, съ одной стороны, развитіе старѣйшихъ *городовъ* отъ торговли и промысловъ. вызвавшее новое усиленіе *вѣча*, съ другой—паденіе слишкомъ ранняго единодержавія, какъ случилось на западѣ послѣ Карла Великаго. Это единодержавіе завязывалось лишь при первыхъ Рюриковичахъ, какъ скороспѣлый намекъ на будущую необходимость. Вслѣдъ затѣмъ, уже у Святослава замѣтна мысль, что старшій сынъ долженъ быть «великимъ» княземъ, а остальные—«удѣльными»; у Ярослава она уже утверждается, какъ порядокъ княжей наслѣдственности. Чѣмъ болѣе плодилось «княжье», тѣмъ сильнѣе дробилась его власть; къ тому же каждый соблазнялся «добыть» лучшій столъ, такъ какъ великій князь не обладалъ особеннымъ перевѣсомъ средствъ для удержанія за собой Кіева. Въ такомъ стремленіи князья опирались на первобытную рознь между племенами. Этимъ то пользовались старыя области: изъ нихъ и образовались *удѣлы* или княжества. Число ихъ одно время доходило до 14; но главными оставались 6 ближайшихъ къ пути изъ варягъ въ греки—Кіевское, Смоленское, Черниговское, Волынское, Галицкое и Новгородское.

Пережитки родового быта.

2) Наряду съ природой, общественный строй вызывалъ удѣльныя усобицы. Еще были сильны пережитки *родового быта*. Въ этомъ быту соблюдалось «старѣйшинство», т. е. дядя считался старше племянника. Такъ, послѣ Ярослава оставалось 5 сыновей; шестой, самый старшій, Владиміръ, умеръ при жизни отца, оставивъ сына, Ростислава. По родовымъ понятіямъ, великимъ княземъ становился не Ростиславъ, а старшій его дядя, Изяславъ. Только по смерти всѣхъ дядей, великое княженіе доставалось старшему изъ племянниковъ, а именно тому, отецъ котораго раньше другихъ занималъ кіевскій столъ. Дѣти же князя, умершаго не дождавшись очереди сидѣть въ Кіевѣ, становились изгоями, удѣлы которыхъ дѣлились между остальными членами княжескаго рода. Лишь въ видѣ исключенія за изгоемъ оставлялся удѣлъ его отца; но тогда эта земля становилась отдѣльнымъ владѣніемъ: таковъ былъ Полоцкъ, гдѣ постоянно княжили Всеславичи, и Галичъ, гдѣ сидѣло потомство помянутаго Ростислава.

Великій и удѣльные князья.

Князья передвигались съ низшаго стола на высшій по образу *лѣствичнаго восхожденія*. Члены самыхъ отдаленныхъ «племенъ» (княжескихъ линій) именовали себя просто «братьями», а великій князь назывался «отцомъ» всѣхъ родичей. Великій князь долженъ былъ «имѣть весь родъ, какъ душу свою»; младшіе же обязывались «ходить въ его послушаніи, быть въ его волѣ, ѣздить подлѣ его стремени». Но въ своихъ удѣлахъ они были независимыми государями, да и въ общихъ дѣлахъ слушались старшаго только пока считали его правымъ: иначе—даже выступали войной противъ него. Оттого великій князь не предпринималъ ничего важнаго безъ совѣта съ удѣльными: отсюда *съѣзды князей*, общія «думы» о землѣ русской. Оттого же и волости старшій раздавалъ съ согласія младшихъ, что называлось «дѣлать рядъ». Эти изветшавшія правила и привели къ 200-лѣтнимъ усобицамъ. Княжьи «племена» путались съ теченіемъ времени, и родичи все «считались отечествомъ и разрядомъ». Каждый почиталъ неправдой просто то, что было невыгодно ему, и наоборотъ. Наконецъ, права старѣйшинства обратились въ предлогъ къ «добыванію» столовъ. Но перекочевка князей приносила и свою пользу. Она разносила по Руси сѣмена *гражданственности*: города, гдѣ жили князья, развивались, подражая Кіеву. Раздробившись политически, Русь сознавала *народное единство*, видя князей, снующихъ изъ конца въ конецъ, съ своими дружинами, и признающихъ одного «великаго» князя и одну столицу всей земли — Кіевъ. Наконецъ, это всеобщее стремленіе княжья къ Кіеву вело его къ самоистребленію, подготовляя путь къ единодержавію.

Племянники и дяди.

Послѣ Ярослава Русь распалась на 5 областей. Двѣ изъ нихъ, какъ независимыя владѣнія, принадлежали племянникамъ: въ *Полоцкѣ* княжилъ Всеславъ, въ *Новгородѣ* со Псковомъ—Ростиславъ. Оба они были даровиты и предпріимчивы: они не могли примириться съ участью изгоевъ и собирались выступить противъ своихъ дядей—Ярославичей. Изъ послѣднихъ оставалось только трое. Старшій, злой и бездарный Изяславъ I, занималъ великое княжество *Кіевское*, къ которому присоединились Туровъ, Смоленскъ, Волынь и Галичъ. Второй братъ, Святославъ, правилъ *Черниговскимъ* княжествомъ, къ которому принадлежали также Сѣверская земля, Муромъ съ Рязанью и Тмутаракань. То былъ князь умный, бойкій, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но также и снискивать всеобщую любовь благочестіемъ, жалостливостью, страстью къ просвѣщенію. Самъ Святославъ сидѣлъ въ Черниговѣ, а въ далекую Тмутаракань послалъ своего молодого сына, Глѣба. Любимецъ Ярослава, Всеволодъ, владѣлъ *Переяславскимъ* княжествомъ, къ которому были присоединены Ростовъ и Суздаль. Онъ предпочиталъ мирные переговоры да деньги, а когда случалось воевать, высылалъ въ походъ своего храбраго

сына, Владиміра, по прозванью Мономаха (его мать была дочь византійскаго Константина Мономаха). Всеволодъ былъ богобоязливъ, почиталъ духовенство, одарялъ нищихъ. Онъ жилъ просто и воздержно и льнулъ къ ученію: онъ заказывалъ монахамъ переводы книгъ и самъ зналъ пять языковъ.

Изгои и половцы. Лѣтъ 10 братья жили въ мирѣ и согласіи. Затѣмъ разомъ съ двухъ концовъ появилась тревога на Руси. Кровопролитіе начали племянники—изгои. Вспоминая примѣръ Мстислава тмутараканскаго, молодой, красивый, горячій *Ростиславъ* бросился въ Тмутаракань съ непосѣдчивой вольницей Новгорода и съ толпой недовольныхъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ княжествъ. Онъ легко выгналъ юнаго Глѣба Святославича, покорилъ сосѣднихъ кочевниковъ, сталъ богатѣть и укрѣпляться. Дяди призадумались, но ихъ избавилъ отъ бѣды грекъ, правитель Корсуня: онъ вѣроломно отравилъ опаснаго сосѣда. У Ростислава осталось двое дѣтей, Володарь и Василько, которыхъ пріютили у себя сыновья Изяслава.

Но поднялся другой изгой—безпокойный, изворотливый Всеславъ. Его вызволила изъ кіевской тюрьмы другая бѣда, которая стряслась тогда надъ Русью. Съ юго-востока вторгнулись страшные кочевники алтайскаго или татарскаго отродья, потомки которыхъ долго встрѣчались въ степяхъ подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ, ходившихъ въ бараньихъ папахахъ. Во главѣ ихъ стояли *половцы*. Они истребили печенѣговъ, поставили на Дону свои шалаши и юрты и начали дѣлать набѣги на Русь. Ярославичи выступили противъ новаго «идолища поганаго», но были жестоко разбиты у злополучной рѣчки Альты. Изяславъ прискакалъ въ Кіевъ и, объятый ужасомъ, не хотѣлъ больше драться. Народъ бросился разбивать тюрьмы, переполненныя врагами ненавистнаго князя. Тутъ освободили и Всеслава и объявили этого удальца великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ, по примѣру Окаяннаго, въ Польшу, къ своему племяннику, Болеславу Смѣлому.

Братья-соперники. Изяславъ возвратился съ польскою ратью—и Всеволодъ бѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кіевляне приняли его на условіи отослать поляковъ; но Изяславъ не сдержалъ слова: онъ сталъ даже, съ помощью иноземцевъ, мстить приверженцамъ Всеслава. Многіе кіевляне бѣжали въ Черниговъ къ Святославу, который храбро отбивался отъ половцевъ, привлекалъ всѣхъ милостями и успѣлъ привязать къ себѣ Всеволода. Оба брата пошли на старшаго. Изяславъ снова бѣжалъ въ Польшу, захвативъ кіевскія сокровища. *Святославъ II* сталъ великимъ княземъ, а свой удѣлъ отдалъ Всеволоду. Вскорѣ онъ умеръ, и Кіевомъ опять овладѣлъ Изяславъ, съ помощью поляковъ, которыхъ онъ задобрилъ Галичемъ. Но года черезъ два погибъ и онъ въ одной битвѣ—и великимъ княземъ сталъ послѣдній Ярославичъ, *Всеволодъ I*.

Почти вся Русь соединилась подъ его властью; но покоя ей не было. Поднялись племянники, Святославичи, съ отважнымъ Олегомъ во главѣ: они потребовали у дяди своего наслѣдія. Во все 15-лѣтнее княженіе Всеволода почти не проходило года, чтобы они не нападали на него, съ помощью наемныхъ половцевъ. Но ихъ побивалъ даровитый Владиміръ Мономахъ, который 12 разъ поразилъ кочевниковъ. Всюду на Руси стали съ любовью произносить имя этого доблестнаго защитника отъ нехристей. Мономахъ только и выручалъ своего отца, который умеръ среди тяжелыхъ предзнаменованій въ 1093 г. Такъ Ярославичи владѣли Русью 40 л.; затѣмъ настала пора *внуковъ Ярослава*, которая продолжалась болѣе 30 л. (1093—1125).

Внуки-соперники. Главными изъ этихъ внуковъ были: старшій, Святополкъ, сынъ Изяслава, и Владиміръ Мономахъ. Между ними не произошло кровопролитія изъ-за главнаго стола, только благодаря совѣстливости Мономаха: кіевляне хо-

тѣли его, но онъ самъ уступилъ столицу двоюродному брату, какъ старшему въ родѣ. *Святополку II* достались еще Туровъ и Галичъ, а Мономаху—Переяславль, Черниговъ, Смоленскъ, Муромъ съ Рязанью и Суздаль; третій внукъ Ярослава, Давидъ Игоревичъ, владѣлъ удѣломъ своего отца, Волынью. Но оставался еще *Олегъ Святославичъ*, которому ничего не дали, несправедливо считая его изгоемъ. А это былъ опасный соперникъ. Онъ напоминалъ своего безпокойнаго отца: у него былъ «смыслъ буйный, слова величавыя». Онъ не признавалъ ничего, кромѣ своей воли и выгоды. Вся жизнь его прошла въ «исканіи своего хлѣба»; для этого онъ пускался на всякія хитрости, убивалъ и обманывалъ родныхъ, наводилъ на Русь половцевъ. Ему удалось-таки добыть Черниговъ и даже Смоленскъ съ Муромомъ. Успѣхи Олега объясняются негодностью великаго князя: трусливый, алчный, вѣроломный Святополкъ возстановлялъ всѣхъ противъ себя торгашествомъ и угнетеніями. Его 20-лѣтнее княженіе наполнено смутами, которыми пользовались половцы. Оттого-то Олегъ долго мучилъ его и его вѣрнаго союзника, Мономаха, своими разбойничьими набѣгами.

Давидъ и Василько.

Наконецъ, союзники предложили ему полюбовно рѣшить споръ. Въ *Любечѣ* (1097) съѣхались соперники; пригласили также Давида Игоревича и Василька Ростиславича. Давидъ былъ способенъ на всякое дѣло изъ-за своихъ выгодъ и не зналъ раскаянія. Василько же былъ даровитъ, благороденъ и «высокоуменъ» (честолюбивъ). Занимая часть Волыни, рядомъ съ Давидомъ, онъ тревожилъ Польшу и Венгрію и мечталъ истребить половцевъ, — «либо голову сложить за Русскую землю». Любецкій съѣздъ, эта первая попытка рѣшить мирно междоусобія, удался. Родичи подѣлили всю Русь и цѣловали крестъ, восклцая: «если кто изъ насъ возстанетъ на кого-нибудь, то всѣ мы поднимемся на него». Всѣ были довольны; только въ корыстную душу Давида закралось подозрѣніе, разжигаемое алчностью. Желая получить *всю* Волынь, онъ убѣдилъ трусливаго Святополка, будто Василько съ Мономахомъ сговариваются погубить остальныхъ родичей. Святополкъ обманомъ залучилъ въ Кіевъ Василька и выдалъ его Давиду. Несчастный былъ ослѣпленъ самымъ звѣрскимъ образомъ. Мономахъ заплакалъ, узнавши объ этомъ. «Такого зла еще не было на Руси! Между насъ бросили ножъ», воскликнулъ онъ и склонилъ Олега загладить преступленіе. Они заставили Святополка собственноручно выгнать изъ Волыни Давида и освободить Василька изъ тюрьмы. Злодѣя водворили въ одну ничтожную волость, гдѣ онъ и умеръ.

Одолѣніе половцевъ.

На Руси настало затишье. И князья стали на сторожѣ противъ степняковъ, у которыхъ явился отважный вождь, Бонякъ, лютый и изворотливый, какъ тигръ. Какъ сильны были тогда *половцы*, видно изъ того, что даже Мономахъ принужденъ былъ женить своего сына, Юрія Долгорукаго, на ихъ княжнѣ и заключилъ съ ними 19 мировъ, причемъ много ушло изъ его казны платья, денегъ и скота. Наконецъ, этому доблестному князю удалось соединить своихъ товарищей—и совершился походъ (1111 г.), слава котораго пронеслась до Царьграда, Праги и Рима. Русскіе прошли *за Донъ*, недалеко отъ его устьевъ; половцы потеряли до 20 однихъ хановъ. По всей Руси ходили восторженные разсказы о Мономахѣ, который «пилъ Донъ золотымъ шлемомъ», передъ которымъ сѣкла головы врагамъ незримая рука ангела Божія. Годъ спустя умеръ Святополкъ, и *Владиміръ II* вступилъ на кіевскій престолъ, озаряемый лучами славы и всеобщей любви. Его призвалъ народъ: Мономахъ нѣсколько разъ отказывался, такъ какъ Святославичи имѣли болѣе правъ на великое княженіе.

Владиміръ II Мономахъ.

Владиміръ Мономахъ былъ великимъ княземъ 12 л. Хотя ему было уже за 60, онъ продолжалъ быть «страдальцемъ (труженикомъ) за русскую землю». Тогда утвердилось за нимъ значеніе *образцоваго князя древней Руси*. Мономахъ

былъ ласковъ и гостепріименъ, справедливъ и милостивъ: его называли «нищелюбцемъ» и «жалостливымъ». Онъ плакалъ на молитвѣ, плакалъ когда, видѣлъ человѣка въ несчастьи, не жалѣлъ казны для бѣдняковъ и прощалъ личныя обиды: «лишатъ тебя чего—не мсти; бранятъ тебя—молись», говаривалъ онъ. Въ своемъ «Поученіи» онъ внушалъ дѣтямъ: «Не проходите мимо человѣка безъ привѣта; но больше всего не забывайте убогихъ, одаряйте сироту, оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить слабаго, простого смерда. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго. Особенно не имѣйте гордости, но говорите: всѣ мы смертны». Мономахъ часто спалъ на голой землѣ и ходилъ «въ сиротскихъ одеждахъ», но только чтобъ не изнѣжиться. Въ немъ не было ничего монашескаго: «покаяніемъ, слезами, милостыней должно побѣждать врага, а не одиночествомъ, не чернечествомъ, не голодомъ». Работайте, «творите мужское дѣло» да учитесь—вотъ его внушеніе дѣтямъ. Мономахъ былъ отличный хозяинъ: оттого казна его была полна, не смотря на милостыни и на сокращеніе даней. Онъ почти не сидѣлъ дома: не перечесть его походовъ и тяжелыхъ путешествій; два раза у него была разбита голова, ушиблены руки и ноги; не мало пострадалъ онъ на охотахъ.

Лучшій представитель своего времени, Мономахъ придерживался всего стараго и строго почиталъ родовые счеты. Онъ лишь добавлялъ Русскую Правду и исправлялъ суды—все въ духѣ милосердія для бѣдноты. А его сыновья ходили на половцевъ, на болгаръ, на чудь. Мономахъ даже вмѣшивался въ византійскіе споры за престолъ, по родству. И сложилось преданіе, будто ему прислали изъ Царьграда вѣнецъ и бармы (оплечье) его дѣда, Константина Мономаха. Когда умеръ добрый князь, всѣ плакали по немъ, «какъ дѣти по отцѣ»; и въ пѣснѣ сохранилась память о немъ, сливающая его съ Владиміромъ Св. И долго потомъ многіе призывали къ себѣ княжить «племя Владиміра»; а противъ него никто «не могъ поднять руки».

Мстиславъ Великій. Племя Владиміра около полувѣка занимало кіевскій столъ (1125—1171) и владѣло почти всею Русью; а это разрушало родовые счеты, подготовляя наслѣдственность въ одной семьѣ. Сначала въ Кіевѣ сѣлъ первенецъ Мономаха, *Мстиславъ*, хотя старше его были сильные Ольговичи, т.-е. потомство Олега Святославича. Неутомимый, предпріимчивый Мстиславъ «наслѣдовалъ потъ своего отца»: его прозвали Великимъ. Онъ удачно боролся съ половцами и покончилъ съ непримиримыми полоцкими князьями: съ помощью самихъ полочанъ, онъ схватилъ трехъ послѣднихъ Всеславичей и спустилъ по Днѣпру въ Царьградъ. Пріобрѣтеніе Полоцка вовлекло Мстислава въ борьбу съ Литвой, а Новгородъ, гдѣ сидѣлъ его сынъ, принуждалъ его воевать съ чудью. Но то былъ послѣдній князь, державшій въ рукахъ своихъ родичей, строго оберегавшій единство Руси: послѣ него насталъ разгаръ удѣльныхъ усобицъ.

Разгаръ усобицъ. Каждый князь стремился овладѣть Кіевомъ, опираясь или на свою силу, или на *договоры* и *союзы* съ другими князьями, которые часто мѣнялись по обстоятельствамъ, какъ между иностранными державами, и показывали разложеніе родового быта. Въ то же время каждая область стремилась обособиться. Усобицы дошли до того, что ближайшіе родственники боролись между собой: въ это полстолѣтіе можно насчитать 18 великихъ князей. Въ особенности видимъ тутъ Ольговичей, сохранявшихъ семейныя черты—даровитость, пылкость и предпріимчивость. Но безконечная борьба Ольговичей съ Мономаховичами блѣднѣетъ передъ усобицами въ самомъ племени Мономаха: тутъ вѣчно спорили то двоюродные братья между собой, то племянники съ дядями. Главнымъ образомъ враждовали между собой и чередовались на Кіевскомъ столѣ двѣ линіи, шедшія отъ сыновей Мономаха—старшаго, Мстислава Великаго, и младшаго, Юрія суздальскаго, по прозванью Долгорукаго.

Ольговичи и Мономаховичи.

Борьба *Ольговичей съ Мономаховичами*—самая драматическая пора того времени. Она началась съ той минуты, когда Игорь Ольговичъ захватилъ Кіевъ (1146). Кіевляне составили грозное вѣче, сѣвши на коней, разграбили дворы черниговской дружины и послали сказать *Изяславу II* Мстиславичу: «Иди, князь добрый! Мы всѣ за тебя: не хотимъ Ольговичей». Изяславъ выгналъ Игоря и бросилъ его въ тюрьму. Никто не жалѣлъ ничтожнаго Игоря; но его сердечно любилъ братъ, Святославъ Ольговичъ. Онъ прискакалъ въ Черниговъ, принадлежавшій его двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Давида Святославича, которые передъ тѣмъ клялись поддерживать его и Игоря. Но Давидовичи изъ личныхъ выгодъ измѣнили своему роду и передались къ Изяславу. Тогда Святославъ послалъ въ Суздаль сказать другому двоюродному брату, Юрію Долгорукому: «Помилосердуй, пойди въ Кіевъ, сыщи мнѣ брата». А Юрій самъ давно мечталъ промѣнять свою непривѣтливую страну на богатую матерь русскихъ городовъ. Онъ прислалъ Святославу помощь.

Завязалась великая борьба, охватившая почти всю Русь и много иноплеменниковъ. За Юрія стояли, кромѣ Ольговичей и галичанъ, половцы и «бродники»—впервые появившіеся отряды русской вольницы, казачества; за Изяслава тянули: Волынь, Черные Клобуки, финны, венгры, поляки, чехи и нѣмцы; хитрые Давидовичи перелетали изъ стороны въ сторону. Кровь лилась по всему нашему югу. Были забыты правила нравственности, святость договоровъ, крестоцѣлованіе. Особенно ожесточились Давидовичи съ Изяславомъ: «мы начали злое дѣло: такъ ужъ довершимъ братоубійство!» восклицали они и начали опустошать землю Ольговичей, не щадя даже церковныхъ сосудовъ. Враги подступили уже къ Новгороду Сѣверскому, гнѣзду Ольговичей. Святославъ захватилъ свою семью и жену Игоря и бѣжалъ къ вятичамъ. Тамъ его сразила страшная вѣсть: кіевляне убили Игоря. Но это было поворотомъ счастья. Давидовичи испугались засилія Изяслава и перекинулись къ его врагамъ. Юрій призвалъ, на радости, Святослава на пиръ, на границѣ ихъ владѣній, въ деревянномъ городкѣ *Москвѣ* (1147).

Борьба между Мономаховичами. Двѣ Руси.

Юрій рѣшился биться на смерть съ Изяславомъ, который выгналъ его сына изъ Новгорода и оттуда опустошалъ западные предѣлы Суздаля. Онъ воскликнулъ: «Племянникъ осрамилъ меня: либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу«. Эта *борьба между Мономаховичами* была упорнѣе соперничества между Ольговичами и Мономаховичами. Она длилась болѣе пяти лѣтъ, съ перемѣннымъ счастьемъ: нѣсколько разъ *Юрій I* садился въ Кіевѣ и снова долженъ былъ возвращаться въ Суздаль; онъ утвердился на великомъ княженіи только по смерти Изяслава.

Эти соперники изображали собой два различныхъ начала. Юрій—представитель *сѣверной* Руси. Онъ былъ расчетливъ, остороженъ и коваренъ, суровъ и властолюбивъ; онъ опасался битвъ и любилъ побѣждать терпѣніемъ, выжиданіемъ, военными хитростями; его выручалъ только сынъ Андрей, который совершалъ чудеса храбрости и нерѣдко подвергалъ свою жизнь опасности. Изяславъ—представитель *южной* Руси. Храбрый, горячій, предпріимчивый человѣкъ, онъ всѣмъ былъ обязанъ себѣ и признавалъ однѣ личныя заслуги, презирая старое родовое право. Его любимой поговоркой было: «не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту». Изяславъ измышлялъ ловкіе маневры, устраивалъ покрытыя лодки, заключалъ искусные союзы. Онъ ничего не жалѣлъ для дружины, былъ ласковъ съ народомъ, красно говорилъ на вѣчахъ, нерѣдко созывалъ на обѣдъ всѣхъ горожанъ. Изяславъ напоминалъ кіевлянамъ своего дѣда, Мономаха; и они любили своего «добраго господина» и «отца». Когда умеръ онъ, плакала вся Русь и даже Черные Клобуки. Когда года черезъ три скончался Юрій, кіевляне разграбили его терема и избили суздальскую дружину; тѣло князя похоронили за городомъ.

Сѣверная Русь. Но значеніе этого суроваго князя важно не для Кіева: при немъ *сѣверная Русь* выступила на историческое поприще. Здѣсь финны тогда уже ославянились, благодаря русскому переселенію и вліянію старыхъ городовъ, Ростова и Суздаля, къ которымъ присоединились Ярославль, при Ярославѣ I, и Владиміръ на Клязьмѣ, при Мономахѣ. При Юріѣ Долгорукомъ, который былъ здѣсь первымъ удѣльнымъ княземъ, русская народность пріобрѣла особенную силу: онъ приманивалъ русскихъ отовсюду и одарялъ ихъ землями. Юрій построилъ нѣсколько новыхъ городовъ, по преданію—и Москву, воздвигъ много церквей, проложилъ дороги, осушалъ болота. Впрочемъ, онъ еще не предвидѣлъ великой будущности своей страны и одну южную Русь называлъ «землею русской». Онъ переносилъ, на сѣверъ южныя названія; его все тянуло въ Кіевъ. Не Юрій, а сынъ его. *Андрей*, по прозванію Боголюбскій, былъ полнымъ представителемъ сѣверной Руси.

Подготовка самодержавія. Андрей родился въ Суздальско-Ростовской области и прожилъ тамъ безвыѣздно до 30-лѣтняго возраста. Между тѣмъ какъ отецъ княжилъ въ старыхъ городахъ, онъ спокойно правилъ своимъ удѣломъ—молодымъ пригородомъ *Владиміромъ Клязьменскимъ*. Андрей признавалъ только силу и только одного государя да подданныхъ, къ которымъ причислялъ и своихъ родственниковъ. Прелести юга не могли очаровать эту сѣверную, разсудочную натуру: для нея столицей былъ тотъ городъ, въ которомъ сосредоточена власть. Презирая лѣствичное восхожденіе, Андрей стремился къ *наслѣдственному самодержавію* «милостію Божіей». Личная храбрость затмевалась въ немъ хитростью и непреклонностью политика; его называли «вторымъ Соломономъ». Андрей отличался еще набожностью: онъ по ночамъ возжигалъ свѣчи въ церкви и слезно молился.

Идеалъ новаго князя не встрѣчалъ препятствій. 1) На югѣ не было соперничества между князьями; и народъ привыкалъ повиноваться одному князю и его потомству. 2) Такъ какъ сюда не достигали и набѣги степняковъ, то князья мало нуждались въ дружинѣ, которая и не могла пріобрѣсти власти. 3) За исключеніемъ Ростова и Суздаля, города были все молодые и созданные князьями: у этихъ «пригородовъ» не было вѣча, и они помогали князьямъ укрощать строптивость маститыхъ городовъ. 4) На сѣверѣ, гдѣ не было княжескихъ перекочевокъ, князь копилъ землю и сокровища, чтобы передать своимъ дѣтямъ пріумноженное наслѣдство. Андрей былъ уже самымъ богатымъ изъ всѣхъ русскихъ князей. Это дало ему возможность раздавить Кіевъ, это гнѣздо старыхъ порядковъ.

Разгромъ Кіева. Андрей до того ненавидѣлъ Кіевъ, что когда отецъ водворился въ немъ, онъ остался жить близъ своего Владиміра, построивъ себѣ село *Боголюбово*, куда перенесъ и великую кіевскую святыню—чудотворную икону Божіей Матери, писанную, по преданію, евангелистомъ Лукою. Здѣсь то услыхалъ онъ о мятежѣ въ Кіевѣ по смерти Юрія и затаилъ месть въ своей душѣ. Лѣтъ 15 спустя, Андрей воспользовался усобицами на югѣ, искусно составилъ союзъ изъ 11 князей и *взялъ Кіевъ* (1169). Мщеніе суздальцевъ было примѣрное: мужчинъ избивали, женщинъ и дѣтей брали въ плѣнъ; расхищали даже школы, книги, колокола и спалили Печерскую лавру. Но важнѣе былъ политическій ударъ, нанесенный матери городовъ русскихъ: побѣдитель остался на сѣверѣ, назначивъ кіевскимъ княземъ самаго младшаго изъ своихъ братьевъ. Такъ какъ Андрей былъ главнымъ княземъ на Руси даже по родовому праву, то онъ и сталъ великимъ княземъ, но не кіевскимъ, а *владимірскимъ* или *суздальско-ростовскимъ*. Остальные города южной Руси Андрей роздалъ потомкамъ Мстислава Великаго, изъ которыхъ образовались князья смоленскіе, волынскіе и галицкіе. *Смоленскіе* выдавались даровитостью и энергіей: ихъ можно назвать хозяевами юга и могиканами старой Руси. Особенно прославились два Мсти-

слава, отецъ и сынъ, прозванные одинъ Храбрымъ, другой—Удалымъ. Но и эти богатыри находились въ зависимости отъ князей суздальскихъ.

Паденіе Руси.

Забытый, опозоренный Кіевъ падалъ съ каждымъ годомъ. Онъ сталъ игрушкой послѣднихъ удѣльныхъ усобицъ, безполезно терзавшихъ южную Русь. Въ теченіе 70 лѣтъ (1169—1240) тамъ смѣнилось до 20 князей. При нашествіи татаръ, въ Кіевѣ сидѣлъ уже не князь, а намѣстникъ отдаленнаго потомка Мстислава Великаго, Даниилы Романовича галицкаго. Съ паденіемъ Кіева падала и вся «Русь», какъ называли тогда кіевскую землю или юго-западную Россію. Она не могла справиться даже съ половцами, которыхъ наводила на нее соперница, сѣверо-восточная Россія. Эти бѣдствія такъ врѣзались въ памяти народа, что онъ запечатлѣлъ ихъ въ поэтическомъ «Словѣ о полку Игоревѣ»: оно оплакиваетъ пораженіе половцами (1185) князя новгородъ-сѣверскаго, Игоря Святославича, внука знаменитаго Олега Черниговскаго.

Андрей Боголюбскій и Мстиславъ Храбрый.

А на сѣверо-востокѣ разцвѣтала новая историческая жизнь. Андрей жилъ уже грозно въ своемъ красивомъ дворцѣ, въ Боголюбовѣ. Онъ разогналъ маститыхъ бояръ и даже собственныхъ родственниковъ. Старый епископъ ростовскій былъ замѣненъ его приспѣшникомъ, Θедоромъ, который сидѣлъ во Владимірѣ и знать не хотѣлъ своего начальника, кіевскаго митрополита. Андрею уже хотѣлось, чтобы вся Россія покорялась ему. Но тутъ коса нашла на камень: «Зачинщикомъ всего»,—какъ говорилъ Андрей,—вождемъ «Руси» и ея старыхъ правъ выступилъ *Мстиславъ Храбрый*, отважный, гордый князь, который «не боялся никого, кромѣ Бога». Андрей требовалъ, чтобы онъ «ходилъ въ его волѣ», а иначе—«казалъ ему путь изъ русской земли». Мстиславъ остригъ голову и бороду его посланцу и воскликнулъ: «Если твой князь прислалъ къ намъ не, какъ къ князьямъ, а, какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то пусть, Богъ насъ разсудитъ». И съ небольшой ратью герой разбилъ болѣе 20 князей, шедшихъ за Боголюбскимъ. Андрей замышлялъ новое нападеніе на югъ, но внезапная смерть прекратила его ярость. Онъ палъ жертвой заговора приближенныхъ, во главѣ которыхъ стояли его родственники по женѣ (1174). Убійцы бросили его трупъ въ огородъ. По всей волости народъ избивалъ княжихъ слугъ и правителей и грабилъ ихъ добро.

Всеволодъ III Большое Гнѣздо.

Такъ началась борьба стараго порядка съ новымъ. При малолѣтнемъ сынѣ Андрея, поднялись города *Ростовъ* съ *Суздалемъ*. Они называли владимірцевъ своими «холопами, людьми малыми и новыми». Особенно негодовали ихъ бояре или старая, затертая дружина. Они возстановили племянниковъ Андрея противъ его братьевъ. Но братья побѣдили. И когда послѣдній изъ нихъ, *Всеволодъ III,* сѣлъ на владимірскій престолъ, всѣ уже цѣловали крестъ ему «и его дѣтямъ», т. е. на Руси впервые признавалось *престолонаслѣдіе* по прямой линіи. Всеволодъ примирилъ народъ съ новымъ порядкомъ. Онъ отличался мягкостью и ровностью нрава, не выказывалъ своей власти такъ сурово, какъ Андрей. Не было у него и храбрости брата: онъ любилъ обороняться за окопами. Подданные любили Всеволода, называли его Великимъ; а умная, осторожная политика доставляла ему безъ крови вліяніе почти на всю Русь: къ его покровительству прибѣгалъ даже отдаленный Галичъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» сказано про него: «ты можешь расплескать Волгу веслами и выпить Донъ шлемами». Утвержденію самодержавія помогала и многочисленность семьи Всеволода, котораго прозвали *Большимъ Гнѣздомъ*: всѣ правители суздальской, а потомъ и московской земли принадлежали къ его потомству. Важно и то, что Всеволодъ княжилъ цѣлыхъ 37 лѣтъ и умеръ спокойно (1212). Во все это время на сѣверѣ не было усобицъ: Русь мирно переходила съ одной исторической колеи на другую. Лишь подъ конецъ зашевелилась смута, подъ вліяніемъ маститаго Новгорода.

Господинъ Великій Новгородъ. Князь и вѣче.

Новгородъ, этотъ лучшій образецъ древнихъ городовъ, сталъ тогда *представителемъ стараго порядка вещей* или «общины». Только здѣсь сохранялись и даже развивались въ удѣльную эпоху основы быта, господствовавшія вездѣ до появленія государства. Удаленные отъ усобицъ и степняковъ, новгородцы не нуждались въ князьяхъ; а князья часто искали у нихъ защиты, но не засиживались у нихъ долго: ихъ дружины не могли осѣсться здѣсь вотчинниками, какъ въ другихъ городахъ. Оттого если и здѣсь развивалось частное землевладѣніе, то оно скоплялось въ рукахъ «нарочитыхъ» туземцевъ или «лучшихъ людей», которые, вмѣстѣ съ общиной, отстаивали противъ князей вольность «Господина Великаго Новгорода». Въ Новгородѣ *князь* сохранялъ лишь значеніе исполнителя воли общества, сановника: это былъ «воевода кормленый». Новгородцы брали себѣ князей «по всей волѣ своей, по своимъ старинамъ» и предлагали имъ «рядъ». Если князь нарушалъ рядъ, община говорила: «ты собѣ, а мы—собѣ»; и ему «указывали путь». Князя ограничивали даже въ охотѣ и сѣнокосахъ; и торговать онъ могъ только на имя новгородцевъ. Князья, какъ и все въ Новгородѣ, подчинялись «сонмищу людскому»—*вѣчу*: ему принадлежало и законодательство или изданіе «строкъ», и смертный судъ, и расправа. Всякій имѣлъ право «созвонить вѣче», ударивъ въ вѣчевой колоколъ. На вѣче собиралась вся община, съ властями и съ «вѣчевымъ дьякомъ» для записей; но духовенство являлось лишь при разборѣ церковныхъ дѣлъ. Весь этотъ «міръ» вершалъ дѣла «одиночествомъ» (единогласно); а строптивца нерѣдко топили въ Волховѣ, добро же его грабили. Но заправилами здѣсь были «лучшіе люди» или «земскіе бояре», которыхъ пѣсни называютъ «купцами богатыми». Эти люди владѣли огромными землями и капиталами: у нихъ въ «ларяхъ» была куча долговыхъ «досокъ».

Посадникъ и владыка.

Въ рукахъ этой торговой знати находилось и управленіе общиной. Во главѣ его стоялъ *посадникъ*, который сохранялъ «степень» (должность), пока былъ любъ народу. Онъ былъ важнѣе князя, который не могъ распоряжаться безъ него. У него была своя печать; его имя писалось въ началѣ грамотъ, вмѣстѣ съ именемъ владыки. Ему подчинялись тысяцкій, сотскіе и «кончанскіе старосты» или главари пяти «концовъ», на которые распадался обширный Новгородъ. Почти наравнѣ съ посадникомъ возвышался *владыка*—архіепископъ. И онъ былъ избранникъ вѣча, а не ставленникъ кіевскаго митрополита. У него былъ большой дворъ, свой судъ, свой полкъ, свои послы, своя печать: иноземцы называли его государемъ. Въ отсутствіе князя, владыка предсѣдалъ и въ *боярскомъ совѣтѣ*, который и собирался тогда у него «въ палатѣ». Совѣтъ состоялъ изъ высшихъ властей. Онъ обсуждалъ дѣла по ихъ докладамъ, издавалъ «думы» (указы), подготовлялъ для вѣча черновики новыхъ «строкъ», творилъ судъ. Въ самыхъ важныхъ дѣлахъ онъ долженъ былъ «поговорить съ Господиномъ Великимъ Новгородомъ», т. е. обратиться къ вѣчу.

Процвѣтаніе Новгорода.

Новгородъ процвѣталъ въ XII-мъ и въ началѣ XIII-го в., т. е. въ разгаръ удѣльныхъ усобицъ. Ему подчинялось много пригородовъ, и такихъ, какъ богатый *Торжокъ* и могучій *Псковъ*, который даже, ставши независимымъ въ XIV-мъ в., устроился совершенно по образцу своей митрополіи. А «земля св. Софіи» (новгородская область) обнимала всю сѣверную Россію до Волги и Камы. Ближайшія земли раздѣлялись на 5 *пятинъ* (губ. Новгор., Петерб., Олонецк., части Псковской и Тверской). Дальше шли данническія «волости», также пять: имъ не было конца; къ нимъ причислялась даже зауральская Югра. Новгородъ былъ высоко чтимъ по всей Руси: кіевскіе князья женились на его боярышняхъ. Далеко шла его слава и на Западѣ: онъ соперничалъ съ его первыми городами, по богатству и торговлѣ. Но уже въ началѣ

XIII-го в. начались внутренніе раздоры. Чѣмъ больше благоденствовали лучшіе люди (съ полсотни семействъ), тѣмъ тяжелѣе и обиднѣе становилось людямъ «чернымъ» или «простой чади. И чадь плодилась до того, что уже только часть ея отливала въ повольничество: остальные тѣснились дома и заводили смуты. Часто вѣче кончалось кровопролитіемъ; не то составлялось два вѣча, и между ними происходила свалка на мосту. Эти волненія были тѣмъ опаснѣе, что Новгородъ никогда не могъ выставить крупныхъ, геніальныхъ личностей. Ими-то и рѣшились воспользоваться суздальцы. Уже Всеволодъ замышлялъ сокрушить это гнѣздо старины, помогавшее ростовцамъ во время смуты по смерти Боголюбскаго. Но на помощь новгородцамъ приспѣли два знаменитыхъ Мстислава, два лучшихъ представителя южной Руси и стараго порядка вещей.

Мстиславъ Храбрый былъ призванъ новгородцами вскорѣ послѣ его побѣды надъ ратью Боголюбскаго. Онъ и умеръ у нихъ. «Зашло наше солнце, и остались мы беззащитны», причитали новгородцы надъ его трупомъ. Но героя смѣнилъ еще болѣе славный сынъ. *Мстиславъ Удалой* былъ рожденный витязь: война была его жизнью; съ нимъ отрядецъ бросался на цѣлую рать. Но Удалой дрался только въ крайнемъ случаѣ: предварительно онъ снаряжалъ нѣсколько посольствъ къ врагу съ мирными предложеніями. Честной крестъ, оборона Руси да «правда»,—вотъ что было его стягомъ. **Послѣдніе герои.**

Удалой выступаетъ въ исторіи уже не молодымъ. Какъ Илья Муромецъ, долго сидѣлъ онъ безвѣстно въ своемъ удѣлѣ, Торопцѣ. гдѣ женился на дочери выкрещеннаго половецкаго хана, Котяна, и уже успѣлъ выдать дочь свою замужъ за сына Всеволода III. Между тѣмъ, именно Всеволодъ пресѣкъ волжскій путь новгородцамъ и не пропускалъ къ нимъ хлѣба. Онъ же сѣялъ раздоры между новгородцами и старался возвысить, въ ущербъ имъ, ихъ богатѣйшій пригородъ, Торжокъ. Тутъ поднялся Удалой, никѣмъ не призванный. Онъ взялъ Торжокъ и воскликнулъ: «Не быть Торжку Новгородомъ, а Новгороду—Торжкомъ!» «Иди, князь, на столъ!» сказали ему новгородцы. Удалой выступилъ съ ними противъ суздальцевъ; но испуганный Всеволодъ принялъ всѣ его условія. Вдругъ Мстиславъ узнаетъ, что неугомонные Ольговичи выгнали изъ Кіева его родственниковъ, Мономаховичей. Теперь уже онъ обратился за помощью къ новгородцамъ. «Куда ты, князь, взглянешь очами, туда мы обратимся своими головами», отвѣчали они. Не успѣлъ Удалой возстановить правду на югѣ, какъ съ запада пришла вѣсть о гибели земли русской: венгры захватили Галичъ, поляки напали на Данилу Романовича Волынскаго. Мстиславъ разогналъ чужеземцевъ и посадилъ Данилу на Волыни и въ Галичѣ, выдавъ замужъ за него свою дочь. Еще не успѣвши окончить этого дѣла, онъ снова помчался въ Новгородъ.

Тамъ народу становилось еще тѣснѣе жить отъ суздальцевъ. Сынъ Всеволода III, *Юрій* II, притѣснялъ его пуще своего отца. Удалой сказалъ: «Либо возвращу мужей новгородскихъ и новгородскія волости, либо голову свою повалю за Великій Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!» Тотчасъ двинулся онъ на Владиміръ. Юрій принялъ бой; у него было гораздо больше войска. «Мы ихъ сѣдлами закидаемъ!» похвалялся онъ на шумномъ пиру, наканунѣ битвы у р. *Липицы*. Но Удалой разнесъ въ прахъ его воинство: онъ самолично три раза пробивался сквозь густые ряды непріятеля, богатырски работая топоромъ, который былъ привязанъ у него къ рукѣ веревкой. Отсюда Мстиславъ снова помчался въ Галичъ, который былъ опять занятъ венграми и поляками. Онъ и на этотъ разъ освободилъ его и не только милостиво обошелся съ плѣнными, но и простилъ бояръ, бывшихъ въ заговорѣ съ чужеземцами. Галичане называли Удалого «своимъ свѣтикомъ, сильнымъ соколомъ» и выбрали его своимъ княземъ. **Липица и Калка.**

Всѣ радовались и пировали, какъ вдругъ прискакалъ Котянъ, обезумѣвшій отъ новой бѣды, какой еще не видывала многострадальная южная Русь: съ восхода солнца нагрянули какіе-то *татары*. Мстиславъ тотчасъ устроилъ княжескій съѣздъ; только Юрія II не было. Рѣшили самимъ двинуться навстрѣчу врагу, въ половецкія степи. Удалымъ овладѣлъ горячечный пылъ. Онъ избилъ татарскихъ посланцевъ и поспѣшилъ впередъ всего съ 10.000 ратниковъ, не подождавъ остальныхъ князей. У р. *Калки* (Калміусъ) онъ попалъ въ засаду (1224). Мстиславъ былъ разбитъ и бѣжалъ впервые въ своей жизни. Ему удалось ускакать въ Галичъ невредимо. Съ тѣхъ поръ счастье и слава покинули Удалаго. Онъ поддался внушеніямъ коварныхъ бояръ галицкихъ, которые поссорили его съ Даниломъ Романовичемъ и свели съ королемъ венгерскимъ. Мстиславъ отдалъ послѣднему свою дочь, а въ приданое пошло Галицкое княжество. Вскорѣ онъ понялъ козни бояръ и сказалъ Данилѣ: «Сынъ мой, согрѣшилъ я передъ тобой!» Затѣмъ, ослабѣвшій духомъ и тѣломъ герой, поѣхалъ въ Кіевъ, но на дорогѣ умеръ. Передъ смертью онъ успѣлъ принять схиму.

Галичина. Послѣ Удалаго закатилась звѣзда и его любимаго *Галича* или Галичины (отсюда—Галиція), какъ называли тогда Червонную Русь, Галицкое княжество утратило свое важное значеніе. До тѣхъ поръ это былъ одинъ изъ перловъ русской земли. Далекая отъ восточныхъ пришельцевъ Галичина, подобно Волыни, сохраняла чистую кровь въ своемъ населеніи, подходившемъ къ западнымъ славянамъ. Эта плодородная и торговая страна рано разбогатѣла; подъ вліяніемъ Запада, здѣсь быстро развился городской бытъ; Галичъ славился могучимъ вѣчемъ. Но, чего не было нигдѣ на Руси, здѣсь проявились зачатки своеобразнаго феодализма: возникъ цѣлый слой крупныхъ вотчинниковъ, которые были также и богатыми купцами. Подъ вліяніемъ польскаго панства и венгерскаго магнатства, онъ превратился въ могущественное *боярство*, которое заправляло даже вѣчемъ, а князьями распоряжалось, какъ своими куклами. Грубые и коварные бояре, игравшіе присягой, однажды разомъ повѣсили трехъ князей; какъ-то одинъ изъ нихъ даже «вокняжился». Но алчность и сварливость подрывали ихъ силу: подкупаемые то венграми, то поляками, они вѣчно перекорялись и даже дрались между собой. Угнетенная ими «чадь» тянула къ князю, какъ къ «Богомъ данному держателю».

Галичина отдѣлилась отъ Руси, какъ независимое княжество, со времени правнуковъ Ярослава I, Василька и Володаря. Сынъ Володаря, *Владимірко*, сдѣлалъ богатый Галичъ стольнымъ городомъ. Этотъ «многоглаголивый лицемѣръ» ловко изворачивался среди окрестныхъ силъ—Венгріи, Польши и Кіевской Руси. Но онъ не могъ одолѣть внутренняго врага: бояре измучили своими кознями его сына и выгнали его внука, призвавъ *Романа* волынскаго. Но они сами навлекли на себя кару. Романъ напоминалъ Удалаго: его назвали Великимъ; лѣтопись прославляла его, какъ богатыря. «Не передавивши пчелъ, не съѣшь меду!» сказалъ Романъ и расправился съ боярами, какъ «губительный крокодилъ»: онъ зарывалъ ихъ живьемъ въ землю и сдиралъ съ нихъ кожу. Сила этого «льва» чувствовалась далеко: онъ билъ половцевъ и ятвяговъ, а литовцевъ запрягалъ въ плуги для расчистки лѣсовъ подъ пашню; одно время онъ подавилъ усобицы на Руси и распоряжался кіевскимъ столомъ. Романъ погибъ въ битвѣ съ поляками. Бояре отомстили его молодой вдовѣ, оставшейся съ 4-лѣтнимъ ребенкомъ. Но этотъ ребенокъ былъ *Данило*—одинъ изъ знаменитѣйшихъ князей древней Руси, слава котораго прошла отъ Суздаля до Рима. Онъ храбро дрался при Калкѣ, не замѣчая опасной раны въ груди.

Мелкія княжества. Но ни Данило, ни Удалой не могли спасти Руси отъ бѣдствія изъ бѣдствій. Тѣмъ менѣе могли устоять противъ «тьмы тмущей» татаръ мелкія княжества. Ихъ было много; но они вели жалкое существованіе, вовлекаясь въ

вихрь удѣльныхъ усобицъ. Это ясно изъ примѣра болѣе важныхъ изъ нихъ—земель *Смоленской* и *Черниговово-сѣверской*. Здѣсь строго сохранялась старина, съ сильными вѣчами. Но внутри кипѣли вѣчныя усобицы, отъ которыхъ земля дробилась на ничтожные удѣлы. А этимъ пользовалась крѣпнувшая Литва: нѣкогда могучій Смоленскъ уже съ начала XIV-го в. сталъ помогать ей въ борьбѣ съ Москвой. А *Полоцкъ*, котораго русскіе постоянно ненавидѣли, какъ какое-то дьвольское гнѣздо, совсѣмъ покорился Литвѣ. Съ другой стороны, *Муромъ* и *Рязань*, гдѣ княжили Святославичи черниговскіе, уже почти повиновались сильному сосѣду—Суздалю.

Тверь. Подъ конецъ выдвинулось только одно новое княжество, которому суждено было съиграть видную, хотя и мимолетную роль въ исторіи. На полпути между Суздалемъ и Новгородомъ, на землѣ финской веси, среди дремучихъ лѣсовъ и непролазныхъ болотъ, повольнички издавна вели торгъ и рубили поселки. Къ нимъ пристали суздальцы: Юрій Долгорукій строилъ тамъ городки. Среди нихъ выдвинулась *Тверь* (около 1200 л.). Она быстро развивалась отъ торговли съ финами, литовцами и Поволжьемъ; около 1250 л. она стала княжествомъ. И ея князь Михаилъ, правнукъ Всеволода III, уже вступилъ въ борьбу съ Москвой и Новгородомъ за великокняжескій титулъ, которая вскорѣ превратилась въ важную борьбу за независимость. Тогда же начался союзъ Твери съ Литвой противъ общаго грознаго врага въ Москвѣ.

Нѣмцы. Меченосцы. Такъ, къ концу періода, Русь, ослабленная усобицами, опоясывалась, съ юга и запада, цѣпью новыхъ, самыхъ сильныхъ враговъ—татарами и Литвой. Тогда же у нея возникъ, на сѣверо-западѣ, еще одинъ опасный соперникъ—*нѣмцы*. Наши предки еще до Рюрика находились въ сношеніяхъ съ чудскими эстами и литовскими ливами, отъ которыхъ этотъ край получилъ названіе *Эстляндіи* и *Лифляндіи* или *Ливоніи*: Ярославъ I построилъ тамъ даже городъ Юрьевъ, переименованный нѣмцами въ *Дерптъ*. Послѣ него наши князья дѣлали походы въ эту страну; нѣкоторыя изъ обитавшихъ тамъ полудикихъ языческихъ племенъ платили имъ дань. Но то были случайные набѣги. Вдругъ буря занесла нѣмецкихъ купцовъ въ устье Западной Двины, а за ними прибыло духовенство крестить язычниковъ. Вскорѣ назначенный туда изъ Рима епископомъ упорный, предпріимчивый Альбертъ утвердилъ нѣмецкое господство въ этомъ краю, принявшемъ нѣмецкое названіе *Остзейскаго* (Восточно-морского). Онъ основалъ братство духовныхъ рыцарей—полумонаховъ, полувоиновъ и назвалъ его *орденомъ меченосцевъ* или *ливонскихъ рыцарей*. Рыцари носили бѣлый плащъ и вышивали на немъ красный мечъ съ крестомъ. Папа далъ имъ право владѣть землями новообращенныхъ. Начальникъ ихъ назывался «магистромъ». Столицей рыцарей стала построенная Альбертомъ *Рига* (1200).

Меченосцы начали распространять христіанство огнемъ и мечемъ. Имъ не мѣшали ни полочане, ни новгородцы, которые были заняты тогда борьбой съ Суздалемъ. Но рыцари еще были слабы. Туземцы ненавидѣли ихъ за угнетеніе и нападали на нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. У самихъ нѣмцевъ кипѣли раздоры: епископъ и магистръ были на ножахъ между собой изъ-за власти. Но къ нимъ пришла помощь съ запада: тогда въ Моравіи появились другіе рыцари—прибывшій изъ Палестины тевтонскій орденъ. Меченосцы соединились съ ними (1237). Такъ нѣмцы утвердились на Балтикѣ, почти отъ Невы до Вислы. Они начали еще больше тѣснить туземцевъ. Несчастные бѣжали въ литовскіе лѣса—и это движеніе выдвинуло *Литву*, которая жила до тѣхъ поръ въ дикости и неизвѣстности. При появленіи татаръ, въ Литвѣ зародилось сильное княжество, которое принесло много горя древней Руси.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Культура удѣльнаго періода.

Земля и населеніе. Два вѣка удѣльныхъ усобицъ были неблагопріятны для увеличенія русской земли и ея населенія. Войны свирѣпствовали почти черезъ годъ, и длились иногда лѣтъ по 20 кряду; сверхъ того, не прерывались набѣги половцевъ, литвы и чуди. Почти не прекращались и спутники кровопролитій—голодъ, моръ, пожары. Подконецъ особенно голодалъ богатый Новгородъ, оттого что суздальцы не пускали къ нему хлѣба съ Волги: тамъ чадь рѣзала живыхъ людей и пожирала ихъ; отцы продавали дѣтей въ рабство изъ-за куска хлѣба. Оттого Русь пріобрѣла лишь нѣсколько пустынь на сѣверо-востокѣ (до Устюга), зато потеряла Тмутаракань и прибалтійскіе поселки. Населеніе было рѣдко даже въ «молодыхъ» городахъ, представлявшихъ видъ большихъ селъ. Князья старались переселять къ себѣ плѣнныхъ, особенно Черныхъ Клобуковъ. Оттого русскіе представляли еще пеструю картину: славянство съ трудомъ всасывало въ себя кровь множества окрестныхъ племенъ.

Князь. Государство. При вѣчныхъ усобицахъ, при борьбѣ съ пережитками общины-родового быта, государство не могло быть стройнымъ: настоящаго правительственнаго «наряда» еще не было. Не установился даже *титулъ* государя: «великій князь всея Руси» встрѣчается лишь при именахъ Мономаха и Юрія I. Не ясно было и право *наслѣдованія*: гдѣ еще держались лѣствичнаго восхожденія, гдѣ подчинялись голосу вѣча, а гдѣ столы завѣщались, и даже далекимъ родичамъ. Приходилось прибѣгать къ *ряду* съ крестоцѣлованіемъ да къ *съѣздамъ*, этимъ намекамъ на международный третейскій судъ. Но и договоры мало помогали. Князь смотрѣлъ на добытый столъ, какъ на временный «покормъ»: онъ съ легкимъ сердцемъ нарушалъ рядъ изъ-за выгоды. Но народъ считалъ «княжье» необходимостью: были князья безъ земель, но не было земли безъ князя. Мало того, само собой установилось исключительное право на престолъ въ потомствѣ Рюрика.

Оттого подъ конецъ, особенно на сѣверо-востокѣ, выступалъ государственный нарядъ. Князь обособлялся, какъ вершина цѣлаго удѣла, какъ учрежденіе съ собственными порядками, съ своимъ чиномъ жизни. У него уже была большая собственность, гдѣ онъ заводилъ обширное сельское хозяйство и ставилъ свои богатые *дворы* или «жизни», за которыми ходила его челядь или холопы. Княгиня имѣла свои города, села и казну. Князь воспитывался у «кормильца», княжна—у родственниковъ. Первый вступалъ въ бракъ 14-ти лѣтъ, вторая—даже 8-ми. Брачились обыкновенно въ кругу Рюриковичей. При нуждѣ князь «садился на столъ» даже пяти лѣтъ. Вставши съ зарей, князь «оправливалъ людей» (судилъ) да «думалъ» съ дружиной. Его любимымъ развлеченіемъ была охота, на которую иногда уѣзжали со всѣмъ дворомъ, далеко и надолго. Всѣ князья и даже княгини были грамотны и иногда увлекались книжнымъ дѣломъ.

Управленіе. Управленіе принадлежало думѣ и отчасти вѣчу. *Дума*, это—всѣ придворные сановники. Она была высшею властью, но не походила на учрежденіе: тутъ не было записей, всякій «горланилъ», сколько хотѣлъ. И приговоры думы исполнялись только по мѣрѣ надобности. Но *вѣче*, вездѣ схожее съ новгородскимъ, было явленіемъ еще болѣе случайнымъ. Тутъ участвовали всѣ свободные люди; исключались только сыновья при жизни отцовъ. Въ особыхъ случаяхъ являлись сами князья съ дружиной, на коняхъ. Говорить могъ вся-

кій, взобравшись на бревно или бочку, но орудовали «лучшіе», пріѣзжавшіе верхами; чадь молчала или неясно «галдѣла». Не было ни записей, ни порядка обсужденія; сходились гдѣ попало; зачастую настоящее скопище отмѣняло приговоръ вчерашняго, какъ случалось въ деревняхъ Аѳинахъ. Иногда цѣлый годъ не было сходки, иногда же собирались нѣсколько дней кряду. Тѣмъ не менѣе вѣче играло тогда видную роль. Оно еще поступало «на всей своей волѣ»: князь долженъ былъ «учинять рядъ» съ горожанами, «утверждаться съ людьми» крестоцѣлованіемъ. Вѣче рѣшало вопросъ о войнѣ и мирѣ, когда князь призывалъ земскіе полки.

Вѣче установляло и нѣкоторые общіе *законы* въ своихъ рядахъ съ князьями. Но вообще законы издавались думой: такъ, кровомщеніе было совсѣмъ замѣнено вирами; и явилось правило о «рѣзахъ» (ростѣ), вслѣдствіе бунта кіевлянъ противъ евреевъ. Въ остальномъ ограничивались Русскою Правдой. И *судъ* оставался въ прежнемъ видѣ. *Расправа* попрежнему была въ рукахъ князя и дружины. При усобицахъ она представляла печальный видъ: самъ Мономахъ совѣтовалъ своимъ дѣтямъ остерегаться посадниковъ и тіуновъ; тогда-то названіе должности—«ябедникъ» приняло позорный смыслъ. Замѣтно улучшеніе только въ *войскѣ*. Русь могла уже выставить до 150.000 ратниковъ, помимо наемниковъ. Полкъ состоялъ изъ пѣхоты и конницы, изъ стрѣльцовъ и копейщиковъ. Дѣлали укрѣпленные частоколомъ «станы» (лагеря) и «засѣки» (завалы изъ деревьевъ). Уже болѣе храбро дрались массами: рѣдко встрѣчались богатыри, отважные поединщики.

Дружина разрослась (болѣе 50.000): она пополнялась извнѣ и простыми «людьми», и иноземцами. Но по существу она оставалась прежнею. Это — старая кочующая вольница: «а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ — воля», говорилось въ княжихъ договорахъ. Такъ какъ, при усобицахъ, въ ней особенно нуждались, то она получила право *отъѣзжать* отъ одного князя къ другому. Князь рядился съ дружинниками и всячески ублажалъ ихъ: онъ раздавалъ имъ высшія мѣста, уступалъ имъ свои доходы и судъ, въ видѣ «волостей-путей». Но дружина не сумѣла воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, чтобы образовать аристократію, вродѣ западныхъ феодаловъ. Эти сбродники думали только о добычничествѣ, о своихъ «кормахъ», да угнетали народъ; оттого земщина все сильнѣе тянула къ князю. Дружина.

Дружину подрывала и перекочевка: лишь подконецъ она стала стремиться къ прочнымъ большимъ владѣніямъ—и появились *вотчины* съ посаженными на нихъ холопами. Но уже было поздно. Дружинниковъ становилось черезчуръ много, а княжье сокращалось и осѣдалось въ немногихъ мѣстахъ; предложеніе начинало превышать спросъ. Мало того, съ усиленіемъ главныхъ князей, высшія должности стали переходить къ младшимъ безпрестольнымъ князьямъ. На сѣверѣ съ Андрея Боголюбскаго возникло новое названіе для дружины—*дворяне* или «дворные» люди, дворовые. Покуда эта кличка примѣнялась только къ низшей дружинѣ—къ дѣтямъ боярскимъ.

Въ періодъ усобицъ не одна дружина или боярство обособились отъ «людей»: выдѣлился еще средній классъ «лучшихъ», нарочитыхъ людей, которыхъ мѣстами называли даже земскими боярами. Они развились изъ мѣщанъ, благодаря скопленію капиталовъ отъ расширенія промысловъ и особенно торговли. Къ лучшимъ примыкали «житьи» (зажиточные) люди — денежники средней руки и «молодшіе», которые частью занимали у нихъ, частью были ихъ приказчиками. „Лучшіе „люди".

А низшій отдѣлъ общества становился сѣрою массой. Слово «люди» принимало отпечатокъ простолюдина, который слышится также въ названіяхъ *черные*, «простая чадь» и *смерды*. Черные, это—городская рабочая бѣднота, смерды—мужики-оброчники, сидѣвшіе на княжескихъ, общинныхъ, монастыр-

скихъ и частныхъ земляхъ. Съ усиленіемъ городовъ и государства падало политическое значеніе сельской общины; а право каждаго крестьянина стать купцомъ и даже дружинникомъ уже почти не осуществлялось. Развивалось *закупничество* или наймитство; и оно уже приближалось къ холопству. Такой же характеръ принимало *половничество*. Оно вытекало изъ развитія частной собственности. Земли было много: всякому дозволялось дѣлать «заимку» или захватывать новь, свѣжину»; да и цѣна землѣ была грошъ. Она и стала переходить къ «лучшимъ». Но рабочія руки были въ рѣдкость, — и хозяева стали заманивать мужика на свои земли, обѣщая имъ половину жатвы. Половника постигала участь наймита. За нимъ было одно преимущество: онъ могъ свободно переходить, когда угодно, отъ хозяина къ хозяину. И половники, пользуясь соперничествомъ между переманщиками, бродили по русской землѣ, подобно отъѣзжимъ боярамъ.

Церковь. Въ религіозномъ быту появились новыя черты. Русская церковь сильно расширилась (15 епархій); но кіевскій митрополитъ снова подчинился *константинопольскому патріарху*. Князья до того были увлечены усобицами, что перестали оборонять независимость нашей церкви. И даже Боголюбскому пришлось испытать властолюбіе Византіи по поводу своего епископа Ѳеодора, пытавшагося сбросить съ себя зависимость отъ патріаршаго ставленника, кіевскаго митрополита, чтобы не повторялись подобныя попытки, митрополитъ отрѣзалъ Ѳедору языкъ и десницу и выкололъ глаза. Но въ остальномъ участь нашего духовенства улучшилась. Оно не только по прежнему участвовало въ управленіи, но даже расширило свою *судебную* власть: стало разбирать свѣтскія дѣла церковниковъ и всякія тяжбы между женщинами. Возвышалось и богатство духовенства: появились церковныя *села* и *города*, населенные челядью и изгоями. Недостатка въ священствѣ не было: это званіе было наслѣдственно; и община содержала попа, котораго сама и избирала. При всемъ томъ, церковь по старому поддерживала князей—и тогда умножались, особенно на сѣверѣ, *жалованныя грамоты*, какъ даръ князей владыкамъ и монастырямъ. И по прежнему князь назначалъ и смѣщалъ епископовъ.

Монашество. Развилось и монашество. Рядомъ съ подвижничествомъ, иноки стали посвящать себя служенію народу, борьбѣ съ невѣжествомъ и язычествомъ. Они занимались *церковнымъ ученіемъ*, въ которомъ заключалась тогда вся образованность: монастырь сталъ школой, кабинетомъ писателя, мастерской художника, библіотекой и переплетной. Онъ былъ и *благотворительнымъ* учрежденіемъ: здѣсь помѣщались богадѣльни и «страннопріемницы», «лѣчецъ» и повивальная бабка. Чернецы шли въ міръ и распространяли христіанство всюду, до сѣверныхъ тундръ и горъ Кавказа. За ними плелся народъ—и монастыри становились насельниками, *колонизаторами*, объединяя Русь, расширяя ея границы. Наконецъ, иноки не забывали своего *нравственнаго* долга: они подавали примѣръ стойкости убѣжденій и правдивости. Антоній упорно отстаивалъ Всеслава противъ Изяслава I; а потомъ за этого же князя всталъ Ѳеодосій, когда Святославъ похитилъ у него столъ насиліемъ. Въ поученіяхъ монаховъ часто указывались злоупотребленія тіуновъ и намѣстниковъ. Оттого-то тогда выросло много новыхъ обителей; появились и *женскія*. Туда шли люди изъ всѣхъ слоевъ общества; сами князья, княжны и вдовицы-княгини начали постригаться. Кто не зналъ Николая Черниговскаго *Святошу*, который самъ стряпалъ на братію, кололъ дрова, носилъ воду? Князья слѣзали съ коней передъ обителью, смиренно ожидая, когда ихъ впустятъ; у себя на пиру, при появленіи инока, останавливали пѣсни и благоговѣйно выслушивали жесткое слово поученія; передъ важнымъ шагомъ ходили къ чернецамъ за совѣтомъ, къ подвижникамъ — за благословеніемъ. Они раздавали монастырямъ земли съ челядью; а за ними и народъ сталъ дѣлать щедрые вклады на помииъ души.

Всѣ эти обители были дочерьми великой матери нашихъ монастырей—*Кіево-Печерской Лавры*. Она была созданіемъ первыхъ русскихъ подвижниковъ—«печерянъ» (пещерниковъ) Антонія и Ѳеодосія, которые выпросили у Изяслава гору надъ ихъ пещерами (1050). Ея игуменомъ Антоній поставилъ Ѳеодосія, который заставлялъ братію работать надъ всякими мастерствами и ввелъ строгій *студійскій уставъ*, заимствованный изъ Византіи. Ѳеодосій навѣщалъ также кіевлянъ и князей, а по ночамъ ходилъ въ «жидовскую» улицу спорить о вѣрѣ. Послѣ него лавра быстро богатѣла отъ щедрыхъ вкладовъ. Народъ стекался отовсюду на богомолье; создалось много разсказовъ о чудесахъ печерянъ, собранныхъ потомъ подъ именемъ «Патерика (Отечника) печерскаго». Лавра стала разсадницей монашества и средоточіемъ умственной жизни на Руси въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. **Печерская лавра.**

Это идеализирующее вліяніе церкви было тѣмъ болѣе необходимо, что Русь сохраняла еще первобытныя понятія и нравы. Христіанство понималось еще внѣшнимъ образомъ, какъ *обрядовое* благочестіе: при Боголюбскомъ пришлось созвать соборъ для устраненія соблазна отъ споровъ о томъ, можно ли ѣсть мясо въ среду и пятницу, въ большіе праздники. *Язычество* еще владѣло массами. Въ Поволжьѣ, до самаго Ростова, нерѣдко избивали проповѣдниковъ; а волхвы забирались оттуда вплоть до Кіева. Новгородцы попрежнему ходили колдовать въ Чудь. Тамъ и самъ приносили жертвы истуканамъ, имѣли по двѣ жены, вѣнчались по древнимъ обрядамъ. Народъ считалъ всякаго инородца «поганымъ» и учинялъ дикія расправы съ евреями въ Кіевѣ, съ нѣмцами—въ Новгородѣ. Распущенность *нравовъ* проникала даже въ монастыри, когда они стали богатѣть. У бояръ и князей нерѣдко видимъ преступленія, наряду съ наружнымъ благочестіемъ. Война, при вѣчныхъ усобицахъ, отличалась первобытною лютостью, а охота даже стала болѣе жестокой: развилась травля. **Понятія и нравы.**

Но уже образовался слой людей съ *новыми* понятіями и нравами. Во главѣ его стояло духовенство, среди котораго появлялись даже такія личности, какъ митрополитъ Климентъ, который увлекался эллинскою философіей. Владыки увѣщевали мягче обращаться съ холопами, не продавать людей въ рабство; иные возбраняли «паломничество»—хожденіе къ св. мѣстамъ. Никто другой, какъ Мономахъ, считалъ, что можно спасаться и въ міру, и что всякій долженъ быть «праведникомъ, ходить по правдѣ», т. е. не обижать ближняго. Уже всѣ осуждали кровопролитіе и «крестопреступленіе»: гибель Бориса, Глѣба, Василька произвела потрясающее впечатлѣніе на всю Русь. Въ средѣ грубыхъ дружинниковъ видимъ тысяцкаго Яна Вышатича съ женой, которые жили, какъ праведники. Прежде народнымъ героемъ былъ князь-богатырь, Святославъ; теперь идеаломъ князя сталъ труженикъ и ревнитель просвѣщенія, Мономахъ.

Просвѣщеніе, наряду съ церковью, создавало надежду будущаго—образованный слой и письменность. Оно развивалось сравнительно быстро, благодаря живымъ *сношеніямъ съ иностранцами*. Тутъ намъ служитъ указаніемъ опять Мономахъ: онъ увѣщевалъ своихъ дѣтей быть особенно ласковыми съ ними и учиться чужимъ языкамъ. Онъ самъ былъ женатъ на англійской королевнѣ, сына женилъ на шведкѣ, одну дочь отдалъ за венгерскаго короля, другую—за греческаго царевича. Тогда возникла страсть къ путешествіямъ. Завязались тѣсныя сношенія съ Польшей и Венгріей; а это проводило къ намъ вліяніе западной литературы и латыни. Оттого развилась *грамотность*. Появилось много школъ при церквахъ и монастыряхъ, даже на окраинахъ; кое-гдѣ даже преподавали греческій языкъ для приготовленія собственныхъ іерарховъ. И появились первые «книжники»—писатели. Возникла *любознательность*—вкусъ къ собиранію и чтенію книгъ. Святославъ **Просвѣщеніе.**

черниговскій наполнилъ свои клѣти книгами. Его братъ, Всеволодъ, зналъ 5 языковъ. Мономахъ—самъ писатель и завѣщалъ дѣтямъ: «чего не знаете, тому учитесь». Князья сами списывали книги и ласкали ученыхъ; вмѣсто знахарей, у нихъ завелись лекаря. И началось *книжное дѣло*. Появилось столько «книгъ» (рукописей), что завелись библіотеки у князей, у духовенства и при монастыряхъ. Эти, иногда значительныя, сокровищницы знанія дѣлаютъ тѣмъ болѣе чести нашимъ прадкамъ, что книжное дѣло было не легко: господствовавшій тогда «уставъ» требовалъ отъ переписчиковъ большого умѣнья и трудолюбія. Оттого рукописями очень дорожили: иной молитвенникъ стоилъ до 80 р. с.

Зачатки просвѣщенія вели къ умственному броженію. Признакомъ его были первыя *ереси*. Онѣ возникли подъ иностраннымъ вліяніемъ. Таково ученіе болгарскаго попа Богомила о двухъ началахъ—о Богѣ и Дьяволѣ. Появилась и отечественная «леонтіанская» ересь, касавшаяся лишь внѣшней стороны религіи—вопроса о постахъ. Но у интеллигенціи замѣчались уже и *политическія* сужденія. Лѣтописи и поученія иногда обращаются съ упреками къ плохимъ князьямъ и постоянно порицаютъ злыхъ тіуновъ да посадниковъ.

Письменность. Письменность расширилась сравнительно съ первымъ періодомъ; но все еще ограничивались *списываніемъ* болгарскихъ книгъ да *переводами* съ греческаго. Къ первому роду книгъ относится Остромирово Евангеліе (1056), списанное съ древней болгарской рукописи. Этотъ перлъ Императорской Публичной Библіотеки представляетъ собой древнѣйшій памятникъ не только русской, но и всей славянской письменности, а также образчикъ почти дѣвственной старо-славянской рѣчи: здѣсь видимъ лишь слабые зародыши двухъ нарѣчій—южнаго, болгарскаго и сѣвернаго, русскаго. Яснѣе русскій *книжный* языкъ въ переводахъ, гдѣ онъ уже освобождается отъ греческаго вліянія. Къ концу періода замѣчается и извѣстная самостоятельность въ содержаніи нашей письменности. Уже возникъ обычай «печалованія» или заступничества за невинныхъ и угнетенныхъ, который не прекращался у нашего духовенства въ теченіе всей древней исторіи. Іерархи вводили новыя понятія въ своихъ отвѣтахъ на житейскіе вопросы; они даже возставали противъ усобицъ, отстаивая единство русской земли.

Конечно, эта письменность была по преимуществу *церковная*. Больше всего встрѣчается «поученій» или наставленій. Они борятся съ язычествомъ да съ латинствомъ, котораго опасались тогда точно такъ же, какъ въ первомъ періодѣ—іудейства. Затѣмъ въ поученіяхъ больше всего говорится о милосердіи, братскомъ равенствѣ и смиреніи, причемъ земная жизнь представляется «тлѣномъ и суетой», а монашество—«ангельскимъ чиномъ». Поученія появлялись въ формѣ посланій іерарховъ и разныхъ проповѣдей. Проповѣди ясно распадаются, по характеру, на сѣверныя и южныя. Въ первыхъ отразились свойства новгородца—человѣка дѣловитаго, торгаша, который не любитъ разглагольствъ и догматическихъ тонкостей. Южная же проповѣдь, образчикомъ которой служатъ слова «второго Златоуста, Кирилла, епископа туровскаго», носитъ на себѣ слѣды византійскаго вліянія: поэтичная, живая по формѣ, она посвящена догматикѣ и страдаетъ риторствомъ. Поученіями занимались даже свѣтскіе люди. «Поученіе Владиміра Мономаха», по образцу Василія Великаго, служитъ началомъ «Домостроевъ» или правилъ житейской мудрости. Возникъ и новый родъ церковной письменности—*житія святыхъ*. Эти церковныя повѣсти вообще переводились съ греческаго; но уже появились и такія русскія произведенія, какъ житія Бориса и Глѣба, составленныя печерскимъ инокомъ Нестеромъ.

Показались и зачатки *свѣтской* письменности. То были, прежде всего, *сборники*, также списанные съ болгарскаго или переведенные съ греческаго.

Они пополнены краткими разсказами о Троянской войнѣ и Александрѣ Македонскомъ, повѣстями изъ «1001 ночи», выдержками изъ Платона и Аристотеля. Сохранился «Изборникъ Святослава» (1073)—древнѣйшій, послѣ Остромирова Евангелія, памятникъ нашей письменности и даже искусства. Появился и первый образчикъ искусственной, книжной поэзіи—*Слово о полку Игоревѣ* одного княжескаго пѣвца, подражавшаго древнему Баяну. Здѣсь много народной поэзіи, какъ доказываетъ сходство «Слова» съ украинскими пѣснями и съ «сказаніями» въ лѣтописяхъ. Самая эта поэзія сдѣлала шагъ впередъ: возникли *былины* или пѣсни про дѣйствительныя событія. Герои былинъ—лица историческія. Наконецъ, началась и *лѣтопись*. По преданію, отцомъ ея былъ Несторъ; но на дѣлѣ «Повѣсть временныхъ лѣтъ» (до 1110 г.) составлена неизвѣстнымъ лицомъ. Начало этой лѣтописи заимствовано у грековъ и болгаръ; но съ Ярослава I она становится самостоятельнѣе и достовѣрнѣе. «Повѣсть» носитъ дѣловой, свѣтскій характеръ: она—княжеская, политическая. Она стоитъ за единство Руси, негодуетъ на усобицы, осуждаетъ дурное правленіе. «Повѣсть» продолжали въ разныхъ мѣстахъ: такъ возникли, по монастырямъ и церквамъ, лѣтописные сборники, которые тянутся до половины XVII-го в. Южныя лѣтописи поэтичны и подробны, новгородская—дѣловита, суха и кратка, суздальская—напыщена, оффиціальна. Чѣмъ позже, тѣмъ болѣе преобладаетъ суздальская лѣтопись, а южная прекращается вмѣстѣ съ паденіемъ Кіева. Къ половинѣ періода относится еще первая изъ дошедшихъ до насъ подлинныхъ *грамотъ*.

Искусство. Въ искусствѣ также замѣчается развитіе. Зодчество уже щеголяло многими каменными храмами. Если строители все еще были греки (на югѣ) и нѣмцы (на сѣверѣ), зато у нихъ появились первые русскіе ученики. Возникъ и своеобразный *суздальскій пошибъ* (стиль), отличіемъ котораго служитъ богатое «узорочье» (орнаментовка) изъ мягкаго бѣлаго камня,—это достояніе отечественныхъ «хитрецовъ». Наряду съ церквами, стали выдвигаться, къ концу періода, и именно въ Суздальской области, довольно роскошные дворцы. Ваяніе состояло еще только изъ «прилѣпковъ» (барельефовъ) или «обронныхъ (скульптурныхъ) украшеній. Живопись сильно распространялась, но только въ видѣ иконъ, которыя притомъ строго держались византійскихъ «подлинниковъ». Зато суздальскій пошибъ все явственнѣе выражали въ расписываніи церковныхъ стѣнъ, въ особенности же въ «миніатюрахъ» или картинкахъ на рукописяхъ. Образцами нашихъ первыхъ миніатюръ служатъ рисунки въ «Изборникѣ Святослава».

Внѣшній бытъ. Во внѣшнемъ быту были свои успѣхи, но небольшіе. Города обносились уже тогда двойными стѣнами—*дѣтинцемъ* или *кремлемъ* (внутренняя ограда) и *острогомъ* или *околицей*. И въ лучшихъ городахъ они уже были каменные. Жилищемъ все еще была курная *изба*, которую всякъ самъ «рубилъ» себѣ. Здѣсь попрежнему каждая семья изготовляла себѣ все нужное: даже не вывелись ручныя мельнички для зерна. Но по городамъ уже развивались необходимыя *ремесла*, сосредоточенныя въ артеляхъ со своими старостами. Въ особенности выдвигались плотники, гончары да кузнецы. Но предметы роскоши доставлялись еще Византіей и Западомъ: тутъ встрѣчаемъ даже дорогіе *порты* (платье) для князей и *перстатыя* рукавицы (перчатки).

Торговля развивалась замѣтно, особенно въ «старыхъ» городахъ, гдѣ скоплялись капиталы: въ Новгородѣ брали только ½%. Новгородъ и Псковъ захватили всѣ сношенія сѣверо-востока съ Западомъ. Ихъ купцы ходили до Даніи, Суздаля и Кіева; а кіевскихъ гостей видимъ даже на Кавказѣ и въ Александріи. Съ другой стороны, греческіе, итальянскіе и «латинскіе» (нѣмецкіе) торговцы проживали въ Кіевѣ и Суздалѣ. Главные предметы вывоза оставались прежніе, а привозили больше всего матерію, вина, соль, металли-

ческія издѣлія. Но внутренняя торговля затруднялась недостаткомъ *путей сообщенія*, вслѣдствіе преизобилія болотъ, рѣкъ и лѣсовъ. Недоставало также *монеты*: съ инородцами все еще велась мѣновая торговля; а денегъ русской чеканки не оказывается со смерти Ярослава I до половины XIV-го в.

Земледѣліе все еще было первобытно. Мужикъ быстро истощалъ новь и шелъ дальше. Отсюда непрерывная волна людская на сѣверо-востокъ; а слѣдомъ за нею расширялась туда и степь, съ истребленіемъ лѣсовъ. *Скотоводство* падало: князья постоянно нуждались въ конной рати. Подспорьемъ у массъ были прежніе промыслы—*охота*, *рыболовство*, *пчеловодство*: медъ и воскъ попрежнему составляли одинъ изъ главныхъ промысловъ вывоза и даней. Домашній бытъ отличался старой простотой. Только начинали щеголять пестрою, яркою *одеждой*, особенно въ боярскомъ кругу, гдѣ уже возникла строгая мода, замѣнявшая мундиръ.

Значеніе періода. Второй періодъ нашей исторіи запечатлѣнъ явною *разницей* съ развитіемъ Запада. Тамъ уже выдѣлялись народности, осѣдались сословія, выдвигался средній классъ. Въ культурѣ все сплачивалось необычайной силой христіанской религіозности и папства; но уже на всѣхъ поприщахъ обрисовывались личности съ рѣзкими чертами. У насъ же еще царствовала смутная неопредѣленность: на громадномъ просторѣ, на болотной трясинѣ все расплывалось и не пускало глубокихъ корней. Населеніе было еще не перебродившею смѣсью племенъ, образцомъ душевной дряблости: каждый отъ нужды легко превращался въ холопа. Личность еще не выбилась изъ оковъ общинно-родоваго быта, и частная собственность только начинала выдѣляться: вездѣ еще замѣчалась власть «міра». Свобода выражалась лишь во всеобщемъ броженіи: всѣ кочевали, какъ сосѣди—степняки. При такомъ бродяжничествѣ не могли осѣсться сословія. Самыя занятія не обособились строго: князь и бояринъ по старому были и воинами, и правителями, и торгашами; купецъ велъ и сельское хозяйство, и вѣчевую политику; духовенство занималось молитвой и земледѣліемъ, правленіемъ и литературой, а въ его судебняхъ церковныя дѣла смѣшивались со свѣтскими. Всеобщая смута завершалась путаницей въ родовыхъ счетахъ князя да удѣльными усобицами.

Съ этими *усобицами* связано главное отличіе Руси отъ Запада въ общественномъ и политическомъ быту. На Западѣ развились крупные землевладѣльцы, вотчинники, даже избиравшіе своего императора, и ихъ поддерживало всесильное папство: каждый феодалъ самъ сталъ государемъ и твердо сидѣлъ на своей землѣ уже династомъ. У насъ же удѣльные князья не были прикованы къ мѣсту наслѣдственностью: они были родственники и вѣчно передвигались, стремились къ Кіеву, подчиняясь родовымъ понятіямъ. У насъ не было ни папы, ни владыкъ-феодаловъ; духовенство не только не поддерживало удѣльныхъ князей, но осуждало усобицы. Вотъ почему монархизму легче было утвердиться у насъ, чѣмъ на Западѣ. Единодержавіе, замѣтное уже въ первомъ періодѣ, не погибло отъ усобицъ. Самыя эти усобицы, съ ихъ передвиженіями князей, затрогивавшими всю Русь, развивали сознаніе національнаго единства. Оно росло такъ явственно, что стоило князьямъ подорвать другъ друга—и выступило *самодержавіе*: уже около половины XII-го в. оно ясно въ Суздалѣ. Въ то же время исчезаютъ первобытныя «племена»; нарождается *русскій народъ*.

Не менѣе было различія въ *культурѣ* между Русью и Западомъ. И здѣсь у насъ царила умственная смута, этотъ плодъ невѣжества и слабости воли. Началось то *двоевѣріе*, которое тянется по всей древней исторіи Россіи. То была борьба первобытнаго язычества съ христіанствомъ; а финскіе волхвы могли только задерживать развитіе образованности. Тутъ Западъ далеко опередилъ насъ, благодаря своему первому Возрожденію. Тамъ уже было

много свѣтлаго, классическаго въ идейной культурѣ; у насъ же едва замѣчались такіе проблески свѣта, и именно тамъ, куда проникало вліяніе Запада.

Но, при всемъ различіи, тогда было много и *сходства между Россіей и Западомъ*: таковы просвѣтительныя стремленія, новыя понятія, монашество, ереси, свѣтская письменность, торговое движеніе, даже особенности суздальскаго пошиба и самыя усобицы. Тутъ вездѣ именно чувствуется вліяніе Запада и отчасти Византіи. Тогда Россія находилась въ дѣятельномъ общеніи съ ними. И у насъ начиналось многостороннее, богатое развитіе. Но оно вдругъ было пріостановлено новымъ наплывомъ азіатчины, въ лицѣ татаръ.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Татары и Москва. 1250—1450.

Около половины XIII-го вѣка на Западѣ началась переходная эпоха отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Тогда падали орудія средневѣковья—папство и феодализмъ, и поднимались новыя силы—*монархизмъ* и городское *среднее сословіе*, которое называлось буржуазіей или бюргерствомъ. Свѣтская власть вступала въ союзы съ городами для подавленія феодаловъ, одаряла ихъ льготами, отмѣняла крѣпостничество. И города стали процвѣтать, сплачиваясь въ такіе могучіе союзы, какъ нѣмецкая *ганза*. А монархизмъ, къ концу періода, утвердился, особенно во Франціи. Вѣкомъ позднѣе, около 1350 г., настало и новое время въ культурѣ Запада, въ видѣ второго или настоящаго *Возрожденія* классицизма. До тѣхъ поръ господствовала папская реакція, воплощавшаяся въ инквизиціи, въ нищенствующихъ орденахъ монашества и въ глухой схоластикѣ. Теперь же пошло открытіе древнихъ писателей—и классицизмъ проникъ всюду, отъ искусства и наукъ до мелочей жизни. Создалось новое направленіе умовъ—*гуманизмъ*. Возникло естествовѣдѣніе, а съ нимъ и его спутники—*изобрѣтенія* и *открытія*. Подъ конецъ явилось и книгопечатаніе. **Германскій и романскій Западъ.**

Между тѣмъ какъ германскій и романскій Западъ развивался, Византія падала. Виной тому былъ, прежде всего, застой, какъ политическій, такъ и культурный. Сокровища древней Эллады забывались: явился даже ново-греческій языкъ. Византія не пользовалась просвѣщеніемъ Запада; она, напротивъ, враждовала съ нимъ изъ-за желанія подчинить себѣ славянъ. Лишь подъ конецъ она, въ изнеможеніи, сама обратилась къ Риму. Но это привело лишь къ *уніи* (1439); то была новая попытка папства подчинить себѣ восточное православіе, которая привела къ пущей ненависти между греками и латинянами. **Византія и турки.**

Жалкая роль Византіи объясняется появленіемъ новаго, самаго грознаго врага. Тѣснимые татарами, *османскіе* (оттоманскіе) *турки* вышли изъ-за Каспія и опустошили Малую Азію, благодаря «янычарамъ» или новому войску изъ омусульманенныхъ христіанскихъ мальчиковъ. Затѣмъ они начали тѣснить Византію. Не греки боролись съ османами, а славяне да венгерцы; но они были жестоко разбиты. И Магометъ II покончилъ съ Византіей (1453).

Еще раньше южные славяне стали добычей турокъ, такъ какъ они уже были ослаблены корыстною политикой Византіи и почти одни выносили на себѣ всю тяжесть борьбы съ османами. Турки подчинили *болгаръ* константи- **Южные славяне и румыны.**

нопольскому патріарху и отдали ихъ на произволъ фанаріотовъ, которые старались истребить слѣды ихъ народности. А въ Сербіи, Богеміи и Герцеговинѣ водворился деспотизмъ турецкихъ пашей. Только *черногорцы* сохранили свою независимость, благодаря своимъ неприступнымъ ущельямъ и мужеству населенія. Наконецъ, вассалами турокъ стали и *румыны*—романская нація римскихъ колонистовъ, которая приняла въ себя много славянской крови и исповѣдывала греческое православіе. Ихъ оба государства, Валахія и Молдавія, возникшія въ началѣ періода, страдали отъ своекорыстія «бояръ», которые закрѣпостили народъ, а сами были орудіями османовъ.

Западные славяне. Тяжело было жить западнымъ славянамъ. У *чеховъ*, около 1300 г., вымерла династія Премыславичей—и на ихъ престолѣ утвердились австрійскіе Габсбурги: королевство Богемія стало провинціей Нѣмецкой имперіи. Началось господство нѣмецкихъ нравовъ и даже языка; а папство нигдѣ не пользовалось такою властью, какъ здѣсь. Но зато, подъ западнымъ вліяніемъ, страна богатѣла и просвѣщалась: въ Прагѣ возникъ даже университетъ, котораго еще не было тогда въ Германіи. Оттого у чеховъ возникло національное движеніе, во главѣ котораго сталъ профессоръ Гусъ. Они востановляли первоначальное, восточное православіе, съ его роднымъ языкомъ и съ причащеніемъ изъ чаши или подъ обоими видами. Нѣмцамъ и папѣ удалось сжечь Гуса (1415); и отголоски *гусситства* сохранились доселѣ лишь въ общинахъ «гернгутеровъ» да «чешскихъ и моравскихъ братьевъ». Но чехи возстановили-таки свое старое избирательное право; и королями у нихъ становились уже не нѣмецкіе императоры, а частью польскіе короли, частью собственные правители, которые утвердили въ Богеміи конституціонную монархію, на подобіе англійской.

Поляки страдали сначала отъ послѣднихъ усобицъ; но XIV-й в. былъ ознаменованъ у нихъ преобразованіями, особенно при Казимірѣ III. Этотъ правитель, прозванный Великимъ, подавилъ власть пановъ и духовенства и далъ льготы и самоуправленіе селамъ и городамъ: его называли «королемъ хлоповъ», мужиковъ. Онъ создалъ много городовъ и основалъ Краковскій университетъ. Польша стала могучимъ государствомъ и пріобрѣла Червонную Русь. Но по смерти Казиміра снова возобладали паны, тѣмъ болѣе, что прекратилась династія Пястовъ, на призванный изъ Венгріи Людовикъ получилъ корону по договору, расширявшему права вельможъ. Умирая, Людовикъ далъ привилегію даже шляхтѣ за признаніе короны за его дочерью, *Ядвигой*. Паны же заставили Ядвигу выйти замужъ за Ягелла литовскаго (1386).

Великое княжество литовское. Литва была тогда уже сильнымъ государствомъ; она вышла изъ родового быта, благодаря борьбѣ съ русскими и нѣмцами, а затѣмъ воспользовалась нашими усобицами и вторженіемъ татаръ на Русь. Въ началѣ періода, одинъ изъ родовыхъ старшинъ, Миндовгъ, истребилъ своихъ родственниковъ и сталъ *великимъ княземъ* всей Литвы. Его преемникъ, Гедиминъ, утвердилъ силу новаго государства. Онъ сталъ прибирать къ рукамъ слабѣвшую южную Русь, начиная съ Волыни (1320). Но невѣжественные язычники, литовцы, подпали русскому вліянію. Тогда болѣе $^2/_3$ Литвы были населены русскими, которымъ давались высшія должности: ея правленіе становилось сколкомъ съ московскаго. Гедиминъ искусно поддерживалъ Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ въ ихъ борьбѣ съ Москвой и нѣмцами. Наконецъ, онъ, хотя самъ язычникъ, строилъ русскія и католическія церкви въ своей новой столицѣ—Вильнѣ. Отъ русской же жены остался у него сынъ Ольгердъ. Одинъ изъ первыхъ политиковъ своего времени, Ольгердъ воскресилъ *борьбу южной Руси съ сѣверной.* Онъ не разъ побивалъ москвичей и однажды едва не взялъ самой Москвы; а въ Псковѣ даже княжилъ его сынъ. Въ то же время Ольгердъ присоединялъ къ Литвѣ остатки старой Руси, искусно обороняя ее отъ татаръ. Онъ

захватилъ Подолію, княжества Черниговское и Сѣверское, наконецъ, самый Кіевъ. Ольгердъ женился на тверской княжнѣ; 10 его сыновей были крещены въ православіе. При его сынѣ, Ягеллѣ, при виленскомъ дворѣ господствовали обычаи и даже языкъ Руси.

Этотъ-то Ягелло *соединилъ Литву съ Польшей* посредствомъ своего брака съ Ядвигой; и его династія правила обоими государствами около 200 л. Польша и Литва только совмѣстно могли справиться съ такими врагами, какъ нѣмецкіе меченосцы, Москва и татары. И тотчасъ же рыцари потерпѣли жестокое пораженіе, отъ котораго уже не могъ оправиться Тевтонскій орденъ. Постепенно Литва ополячивалась: она приняла католичество; въ ней было введено польское правленіе; ея князья получили права польскихъ пановъ. Такъ, въ описываемый періодъ, Литва и Польша, слившись въ одну державу, достигли высшаго могущества и остановили напоръ своего главнаго врага съ запада—нѣмцевъ. Этимъ онѣ были много обязаны тому бѣдствію, которому подвергся тогда ихъ сильный врагъ съ востока—русскіе: надъ Русью тяготѣло татарское иго.

Татары.

Татары или, по ихъ собственной кличкѣ, *монголы* («храбрецы»), жили первоначально въ степи Гоби и въ Алтайскихъ горахъ родовымъ бытомъ: ихъ «ордами» управляли старшины или «ханы». То были настоящіе кочевники-скотоводы, обличіе и нравы которыхъ сохранились и теперь въ видѣ калмыковъ. При всей своей грубости, они отличались и достоинствами первобытныхъ народовъ: они уважали женщинъ, не знали воровства, были строги въ домашней жизни и вѣротерпимы. Сами они были фетишистами и вѣрили въ чародѣйство своихъ «шамановъ»; но у нихъ мирно жили и магометане, и христіане. Войско состояло изъ одной конницы: и поразительна была быстрота его походовъ. Рать въ 10.000 называлась «тьмой», сторожевой отрядъ—«карауломъ». Дисциплина была самая строгая. Татары были храбры, но скакали вразсыпную, какъ только непріятель выдерживалъ ихъ первый дикій натискъ. Отлично владѣя стрѣлами и арканомъ, татары презирали рукопашный бой; они завлекали врага въ засаду, искусно дѣлали подкопы и укрѣпленные лагери, мастерски и упорно осаждали города, причемъ ставили метательныя машины и бросали греческій огонь на крыши домовъ. Взявъ городъ, избивали всѣхъ жителей, кромѣ мастеровыхъ.

Татары долго коснѣли въ родовомъ быту въ своихъ азіатскихъ степяхъ. Но передъ Р. Х. часть ихъ объединилась подъ властью «великаго хана»—и образовалось какъ бы кочующее государство, которое бросилось на завоеванія. Татары сначала наложили дань на Китай, потомъ появились въ Европѣ, подъ видомъ гунновъ, половцевъ и другихъ кочевниковъ. Около 1200 г., у Байкала, у нихъ объявился могучій, свирѣпый, но ловкій Темучинъ, прозванный *Чингисханомъ*, т. е. «великимъ ханомъ» по преимуществу. Ему подчинилась почти вся «татарва», какъ называли монголовъ на Руси. Чингисханъ поселился въ блестящей столицѣ—Каракорумѣ и издалъ Ясу—книгу законовъ, которая вводила строгій порядокъ и единство между всѣми ордами. Затѣмъ, онъ назвалъ себя «бичемъ Божіимъ» и сталъ истреблять все, что ни попадало ему подъ руку. Сначала завоеватель бросился на Ховарезмъ (Бухара)—богатѣйшее царство Востока, бывшее очагомъ арабскаго просвѣщенія. Отсюда онъ отправилъ на сѣверъ одинъ изъ своихъ отрядовъ, подъ начальствомъ Субудаябагадура (богатыря). Субудай опустошилъ Грузію и проникъ въ южно-русскую степь.

Нашествіе татаръ на Европу.

Субудай разгромилъ половцевъ, которые бросились къ русскимъ за помощью. Мы видѣли, какъ русскіе потерпѣли отъ него безпримѣрное пораженіе у *Калки* (1224), вслѣдствіе горячности Мстислава Удалого. Затѣмъ, татары двинулись на ближайшіе русскіе города. Но вдругъ они повернули назадъ и

сгинули въ глубинѣ азіатскихъ степей. Русскіе начали забывать объ «этихъ злыхъ татарахъ», какъ вдругъ, черезъ 13 лѣтъ, снова явились кочевники,— и Русь должна была на два вѣка слишкомъ подчиниться *монгольскому игу.* То было дѣло сына Чингисхана: онъ повелѣлъ татарамъ оставаться въ *Кипчакѣ* (степи къ сѣверо-западу отъ Каспійскаго моря), а своему племяннику, *Батыю*, приказалъ двинуться оттуда далѣе на западъ, во главѣ 300.000 воиновъ.

Батый разсѣялъ волжскихъ болгаръ, которые бѣжали толпами къ Юрію I. Слѣдомъ за ними пошли татары. Они опустошили рязанскія, муромскія и суздальскія земли и разбили Юрія на берегахъ Сити. Затѣмъ они погромили южную Русь—Кіевъ, Волынь и Галичъ и добрались до Венгріи, откуда дѣлали набѣги даже на Далмацію. Другая орда добралась до Силезіи. Но пришла вѣсть о смерти великаго хана—и вся эта саранча понеслась назадъ. Батый остановился у устьевъ Волги, гдѣ основалъ царство Кипчацкой или *Золотой Орды*, независимое отъ Каракорума. Эта могучая держава вскорѣ начала слабѣть отъ внутреннихъ раздоровъ: и уже въ концѣ XIII-го в. западные улусы образовали отдѣльную ногайскую орду, а около 1450 г. возникли царства Казанское, Крымское и, наконецъ, Астраханское.

Бытъ татаръ. Но пока совершалось это распаденіе, татары дали себя знать русскимъ. Золотая Орда представляла рѣдкій примѣръ сильнаго кочевого государства. Она была скована восточнымъ деспотизмомъ, воспринятымъ частью отъ Китая, частью отъ ислама, который былъ введенъ въ ней около 1250 г. Ядромъ ея былъ *Сарай*—«притонъ» у нынѣшняго Царева. Здѣсь находилась самая *орда*—«станъ» правителя. Въ ней-то обиталъ *ханъ*, этотъ земной богъ, среди строжайшаго придворнаго чина, во главѣ котораго стояли конюшій, сокольничій и казначей. Рѣдко кому удавалось видѣть владыку, да и то съ соблюденіемъ самыхъ унизительныхъ обрядовъ. Ханъ выбиралъ себѣ женъ изъ всѣхъ дѣвицъ, вывозимыхъ на показъ. Онъ имѣлъ безграничную власть надъ каждымъ подданнымъ, надъ его жизнью, семьей и имуществомъ; онъ казнилъ, кого хотѣлъ, безъ суда. Особенно любилъ онъ *тѣлесныя наказанія*—кнутъ, плети, пытки, которыхъ не избѣгали ни его жены, ни первые сановники. Передъ нимъ были холопами не только *казаки*, простые воины, но и—мурзы, беки, уланы, тарханы и др. Но духовенство отличалось терпимостью: татары не брали даней съ нашего духовенства; въ Сараѣ у христіанъ былъ даже свой епископъ.

Масса раздѣлялась на свободныхъ холоповъ хана и на рабовъ изъ плѣнниковъ. Участь рабовъ была невыносима. А орда смотрѣла такъ же на всѣхъ покоренныхъ. Русскіе должны были выходить на войну, по первому призыву хана, и платить непомѣрныя дани, даже юношами и дѣвицами; ихъ князья ѣздили «на поклонъ» къ хану, иногда въ самый Каракорумъ. Всякій татаринъ, снабженный *ярлыкомъ* (указомъ), поступалъ съ русскими, какъ самъ ханъ. Особенно тиранствовали *баскаки* («притѣснители»)—сборщики податей, бравшіе даже дѣтей у нищихъ. Жители прятали добро въ землю, а сами бѣжали въ лѣса: отсюда изобиліе кладовъ на Руси. Чтобы знать, съ кого брать, при покореніи страны, прежде всего присылались изъ Сарая численники, которые производили первое опустошеніе, пересчитывая всѣхъ людей съ 10-лѣтняго возраста, кромѣ женщинъ. Первымъ признакомъ освобожденія отъ монгольскаго ига было дарованное нашимъ князьямъ право самимъ доставлять въ Сарай дани или «выходы».

Слѣдствія татарщины. При всей силѣ монгольскаго ига, татары не могли имѣть прямого *культурнаго* вліянія на Россію уже потому, что они стояли ниже ея по образованію. Сверхъ того, вслѣдствіе своей вѣротерпимости, татары не подрывали основы нашего быта—религіи. Наконецъ, они жили особнякомъ въ своей ордѣ

и не брачились съ русскими. Оттого къ намъ не перешло ни одного обычая, ни одной пѣсни степняковъ. Теремъ и кнутъ мы заимствовали не отъ татаръ, а, гораздо раньше, изъ Византіи и Скандиваніи. Въ нашъ языкъ вошло мало татарскихъ словъ. Въ культурѣ татары могли имѣть лишь косвенное, отрицательное вліяніе: своими опустошеніями они задерживали просвѣщеніе страны. Оттого удѣльный періодъ образованнѣе монгольскаго.

Прямое вліяніе татаръ было только въ *политикѣ* Россіи. Много восточнаго вошло въ управленіе, особенно финансовое, легко сливаясь съ тѣмъ, что было азіатскаго въ перешедшихъ къ намъ законахъ Византіи. Затѣмъ, важно, что татары окончательно разорвали связь между сѣверо-восточной и юго-западной Русью. Послѣдняя была свободна отъ ихъ ига, и тамъ начало усиливаться галицкое княжество, и возникла литовская держава. Наконецъ, татары ускоряли дѣло политическаго и земельнаго объединенія, хотя и начавшееся на Руси до нихъ. Они безсознательно помогали усиленію князей суздальско-владимірскихъ. Для отпора имъ, русскіе стали сосредоточиваться вокругъ одного узла—Москвы, удаленной отъ Волги и Сарая. Русскіе не одолѣли бы татаръ, если бы Москва не поглотила другихъ сѣверо-восточныхъ княжествъ. Въ этомъ политическомъ поглощеніи слабыхъ сильнымъ—смыслъ третьяго періода русской исторіи.

Борьба за первенство на сѣверо-востокѣ.

Эта *борьба за первенство на сѣверъ-востокѣ* знаменуетъ первую половину татарщины (1238—1328). Если ее называютъ еще послѣднимъ періодомъ удѣльныхъ усобицъ, то она уже была далеко не похожа на послѣднія. Теперь усобицы распространялись не на всю Русь, а *лишь на Суздальскую землю*, гдѣ утвердились послѣдніе пережитки общинно-родового быта. Здѣсь еще сохранялись такіе маститые вѣчевые города, какъ Ростовъ и Суздаль; здѣсь было много «княжья». Самыми сильными изъ княжествъ были Тверь и Москва: между ними-то и сосредоточивалась послѣдняя борьба за удѣлы. Въ Суздальской землѣ уже совсѣмъ *падалъ родовой бытъ*, игравшій столь важную роль на югѣ: здѣсь всѣ права заключались просто въ стремленіи каждой княжеской линіи къ первенству. Если прежде споры рѣшались мечемъ князей, то теперь все зависѣло отъ *татаръ*: соперники ѣздили въ Сарай, чтобы выхлопотать себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Въ борьбу князей былъ вовлеченъ *Новгородъ*, который прежде жилъ особнякомъ. Онъ отстаивалъ слабѣйшихъ князей противъ главныхъ, которые обыкновенно старались прибрать его къ рукамъ. А это подрывало мирную жизнь торговаго Новгорода и подготовляло поглощеніе его Москвой. Наконецъ, между тѣмъ какъ во второмъ періодѣ борьба шла вокругъ одного мѣста, Кіева, теперь столица колеблется: хотя великокняжескій столъ числится во *Владимірѣ*, но съ этимъ городомъ соперничаютъ *Кострома* и особенно *Тверь*, пока всѣхъ ихъ не преодолѣваетъ *Москва*.

Александръ Невскій и Новгородъ.

Послѣднія усобицы начались по смерти Всеволода III. Пріостановленные нашествіемъ татаръ, онѣ закипѣли съ новой силой при его внукахъ, Александрѣ и Андреѣ Ярославичахъ. Даровитый *Александръ*—одинъ изъ самыхъ славныхъ князей древней Руси: въ памяти народа его жизнь окружена преданіями; церковь причислила его къ лику святыхъ; исторія почтила его названіемъ *Невскаго* за военные подвиги. Искусный полководецъ, этотъ князь, съ представительной внѣшностью, былъ также искуснымъ дипломатомъ. Онъ походилъ на своего дѣда крутымъ нравомъ: онъ требовалъ отъ всѣхъ строгаго повиновенія и потому не уживался съ новгородцами. А ему суждено было провести лучшіе свои годы въ *Новгородѣ*. Новгородцы хотя ссорились съ нимъ за суровость и даже изгоняли его, но постоянно выбирали въ свои князья: онъ былъ необходимъ имъ, какъ твердый оплотъ.

Новгородцевъ тѣснили тогда разомъ три сильныхъ врага. Нѣмцы напа-

дали не только съ національнымъ, но и съ религіознымъ рвеніемъ на этихъ «мятежниковъ папы»; къ тому же они усилились тогда отъ сліянія двухъ своихъ церковно-рыцарскихъ орденовъ. Литовцы также почуяли свою силу: у нихъ былъ уже Миндовгъ; они уже владѣли Полоцкомъ, послѣдній князь котораго отдалъ свою дочь за Невскаго. Наконецъ, тогда шведы выступили на историческое поприще, при сильной новой династіи, которая хотѣла укрѣпиться завоеваніемъ Финляндіи. Но здѣсь раньше ихъ появились новгородцы, захватившіе устье р. *Невы*. Здѣсь-то Александръ и одержалъ надъ шведами свою первую славную побѣду (1240). Затѣмъ, онъ уничтожилъ нѣмецкихъ рыцарей въ Ледовомъ побоищѣ, на Чудскомъ озерѣ. Наконецъ, Александръ нѣсколько разъ побилъ литовцевъ и загналъ ихъ въ первобытные лѣса.

Невскій и новая политика. Не успѣлъ Невскій оградить западные предѣлы Руси, какъ тревога въ Суздальской землѣ вызвала его на востокъ. Тамъ тогда лучше всего обнаружились черты новаго періода въ русской исторіи—и разложеніе родового быта, и политическое вліяніе татаръ. Великимъ княземъ во Владимірѣ сталъ, по старинѣ, дядя Александра и Андрея, Святославъ, но племянники сами желали того же. Они прибѣгнули къ *новой политикѣ*, выдвинутой обстоятельствами. Теперь приходилось заискивать въ Сараѣ. Это особенно хорошо понялъ Невскій; съ него-то началась та искусная политика русскихъ князей, которая превратила хановъ въ орудіе ихъ возвышенія. Унижаясь и откупаясь въ Ордѣ, они получали помощь отъ татаръ, чтобы уничтожать своихъ соперниковъ. Александръ первый выгодно съѣздилъ въ Сарай, гдѣ уже гремѣла его слава. Онъ прибылъ туда вмѣстѣ съ Андреемъ. Батый заставилъ братьевъ предпринять тяжкое путешествіе въ Каракорумъ; зато они возвратились съ ханскими ярлыками. Но Невскій былъ недоволенъ: ему дали Кіевъ, а старшій столъ пожаловали Андрею. О самомъ же старшемъ въ родѣ, Святославѣ, всѣ словно забыли; да онъ вскорѣ и умеръ. Александръ, вмѣсто Кіева, снова посѣтилъ Сарай, уже одинъ. Онъ возвратился съ ярлыкомъ на владимірскій столъ и привелъ къ себѣ на помощь толпы татаръ. Андрей бѣжалъ въ Швецію, но потомъ примирился съ братомъ и удовольствовался Суздалемъ.

Александръ 10 лѣтъ былъ великимъ княземъ. Онъ много потрудился для русской земли. Время было тяжкое. Татары приняли магометанство и покидали бытовыя привычки кочевой жизни. Они наслали на Русь, для сбора небывалой дани, «бесерменовъ»—изворотливыхъ хивинскихъ купцовъ, которые такъ грабили народъ, что у насъ явилось бранное слово—бусурманъ. Русскіе не выдержали: загудѣли вѣчевые колокола и началось истребленіе бесерменовъ и баскаковъ. Особенно волновался Новгородъ, еще не видавшій татаръ. Но тутъ налетѣлъ Невскій: онъ жестоко наказалъ бунтовщиковъ и заставилъ народъ платить дань татарамъ. Затѣмъ, Александръ часто ѣздилъ въ Орду хлопотать за свой народъ и однажды цѣлый годъ всячески унижался тамъ. Онъ и умеръ на пути оттуда.

Тверь и Москва. У Невскаго остались сыновья; но было еще два брата, которые, по родовому праву, и занимали великокняжескій столъ, но недолго жили. Изъ нихъ Ярославъ Ярославичъ старался сдѣлать столицей свою любимую *Тверь*: отъ него и пошли тверскіе князья. Но падающее стольное значеніе Владиміра должно было перейти къ *Москвѣ*. Этотъ городокъ, облюбованный Долгорукимъ, до сихъ поръ не имѣлъ значенія: то была частная собственность владимірскихъ князей, которые лѣтомъ наѣзжали сюда «прохладиться». Татары истребили городокъ огнемъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ возникъ снова, и уже съ удѣльнымъ княземъ. Теперь Москва досталась младшему сыну Невскаго, *Даніилу*. Въ этой личности уже проглядываютъ отличія московскихъ князей—терпѣніе, настойчивость и коварство стяжателей, суровость домовладыкъ. Даніилъ легко вмѣшивался въ борьбу своихъ старшихъ братьевъ изъ-за ве-

ликаго княженія: онъ исподволь пріобрѣлъ, правдой и неправдой, крѣпкій Переяславль и торговую Коломну; онъ распоряжался удѣломъ плѣненнаго имъ рязанскаго князя. Такъ какъ Даніилъ ладилъ съ татарами, покорствуя предъ ними даже въ случаяхъ вопіющей несправедливости, то, умирая (1303), онъ оставилъ своимъ дѣтямъ, Юрію и Ивану, довольно закругленное, хозяйственное и огражденное владѣніе.

Юрій Даниловичъ прихватилъ Можайскъ и уже возмечталъ о великомъ княженіи. Но всѣ права, по старинѣ, принадлежали его двоюродному дядѣ, *Михаилу тверскому*, сыну Ярослава Ярославича. Тверь была богаче и сильнѣе Москвы—и ханъ утвердилъ Михаила, не смотря на происки Юрія. Но, въ политикѣ, тверскимъ князьямъ не совладать было съ московскими. Они напоминали своихъ южныхъ предковъ нѣкоторой рыцарственностью. Въ Юріѣ же развились черты отца. Онъ ловко набиралъ деньги въ Новгородѣ и почасту ѣздилъ съ ними въ Сарай, гдѣ даже женился на сестрѣ хана. Наконецъ, ему удалось такъ оклеветать дядю въ Ордѣ, что ханъ потребовалъ несчастнаго къ себѣ на судъ; и здѣсь убійцы, подосланные племянникомъ, покончили съ нимъ. Правда, сынъ Михаила закололъ Юрія, на глазахъ хана, и ярлыкъ на великое княженіе былъ данъ его брату, Александру Михайловичу. Но вскорѣ Иванъ Даниловичъ такъ обошелъ хана, что тотъ далъ ему своихъ татаръ для изгнанія тверского князя. Затѣмъ Александръ, вмѣстѣ со своимъ наслѣдникомъ, были позваны въ Сарай, гдѣ ихъ предали мучительной казни. Тверь совсѣмъ ослабѣла. Настало *господство Москвы*, когда Иванъ Даниловичъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе (1328). **Гибель тверскихъ князей.**

Господству Москвы уже не препятствовало соперничество юго-западной Руси. *Кіевъ тогда палъ окончательно*. Онъ представлялъ однѣ развалины, послѣ татарскаго погрома. Средоточіе юго-западной Руси передвинулось дальше отъ татаръ, въ Галицію. Червонная Русь вдругъ поднялась высоко: у нея нашелся и достойный представитель. *Данило Романовичъ* съ удивительной изворотливостью и мужествомъ справлялся съ массой враговъ—съ татарами и венграми, съ поляками и литовцами, съ черниговскими князьями и собственными боярами-крамольниками. И все это тотчасъ послѣ татарскаго погрома, отъ котораго даже его семья бѣжала въ Польшу. Даниlѣ пришлось ѣздить на поклонъ къ Батыю и испытывать въ Ордѣ всякія униженія. И онъ положилъ свои силы на сверженіе татарскаго ига. Онъ строилъ укрѣпленные города (Холмъ, Львовъ) и призывалъ въ нихъ отовсюду ремесленниковъ и торговцевъ, расширялъ свои владѣнія насчетъ сосѣдей, вступалъ черезъ браки въ родство съ государями Литвы, Польши, Венгріи и даже съ нѣмецкимъ императоромъ. Наконецъ, Данило сталъ заискивать у папы, побуждая его поднять крестовый походъ противъ татаръ. Папа вѣнчалъ его «королемъ», а самъ мечталъ объ окатоличеніи Руси: онъ даже послалъ своего епископа въ Галичъ для «соединенія церквей», греческой и латинской. Но тутъ нагрянули татары, понявшіе, наконецъ, Данилу, и онъ принужденъ былъ самъ «разметать» свои укрѣпленія; никто изъ союзниковъ не помогъ ему, а литовцы даже напали на Галичъ. Съ тѣхъ поръ пало мимолетное величіе Червонной Руси. Его смѣнила новая, *польско-литовская* держава: она подчинила сначала Галичъ (1340) и связанную съ нимъ Волынь, а потомъ и остальную юго-западную Русь, не исключая Кіева. **Паденіе юго-западной Руси. Данило Галицкій.**

Почти въ одно время умерли лучшіе князья той поры—Данило Галицкій и Александръ Невскій. Оба они были дѣятельны и даровиты. У обоихъ было одно дѣло: Александръ оборонялъ Русь отъ нѣмцевъ и шведовъ, Данило—отъ литовцевъ; и оба одинаково страдали отъ татаръ. Но эти князья были различны по характеру и по взглядамъ на политику. Добродушный, правдивый Данило не выносилъ татарскаго ига, стыдился своего униженія и открыто

боролся съ Ордой. Политика Невскаго привела къ усиленію Москвы, а Галичъ палъ, что и послужило отчасти къ возвышенію сѣверо-восточной Руси.

Причины возвышенія Москвы.

Но паденіе старой, южной Руси было лишь косвеннымъ благодѣяніемъ для новой Россіи; причины возвышенія Москвы лежали глубже. Окончательное *паденіе родового быта* открывало путь любому князю къ главному столу, помимо «лѣствичнаго восхожденія». Всѣ права замѣнились *ярлыками* сарайскаго хана, который ставилъ въ великіе князья, кого хотѣлъ. На сѣверовостокѣ, вопреки обычаямъ кіевской Руси, великое княженіе не было связано съ *извѣстнымъ городомъ*: оттого значеніе столицы легко переходило отъ города къ городу, пока не утвердилось въ Москвѣ. Москвѣ помогла также *слабость сосѣднихъ княжествъ и старыхъ вѣчъ*, зависѣвшая отъ внутреннихъ раздоровъ; а у ея князей долго не было усобицъ и рано установилось *престолонаслѣдіе*, которое устраняло дробленіе земель. Московскихъ князей поддерживали еще *духовенство и бояре*. Имъ было выгоднѣе, да и почетнѣе, служить сильнымъ, чѣмъ слабымъ князьямъ. Они желали также прекращенія усобицъ, отъ которыхъ много страдали. Бояре тѣмъ легче сосредоточивались въ Москвѣ, что имѣли право отъѣзда, не теряя своихъ отчинъ. *Естественныя условія* были въ пользу Москвы. Она лежала близко къ средоточію сѣверо-восточной Руси; и въ нее переселялись отовсюду тѣмъ охотнѣе, что тамъ было тихо, а въ сосѣднихъ княжествахъ кипѣли усобицы. А съ увеличеніемъ населенія возрастали доходы московскаго князя: помимо задариванія Орды, онъ могъ давать переселенцамъ льготы и покупать цѣлыя княжества у «захудалаго» княжья. Москва обогащалась еще, какъ узелъ *торговаго пути изъ Европы въ Азію*. Если природа Москвы была скудна, зато это укрѣпляло жителей *нравственно*: здѣсь нужно было трудиться, скопидомничать, сдерживать себя; здѣсь вырабатывались желѣзные характеры, люди терпѣливые и выносливые, смѣтливые и практическіе. Лучшими представителями этого типа были сами московскіе князья, въ особенности начиная съ Ивана Даниловича.

Иванъ I Калита.

Этотъ *Иванъ I* извѣстенъ подъ татарскимъ прозвищемъ *Калиты*— «кошеля»: онъ всю свою жизнь скопидомничалъ. Главнымъ доходомъ оказался введенный имъ обычай самому собирать выходъ, причемъ онъ удерживалъ не мало дани въ свою пользу. И «наступила тишина по всей Руси», говоритъ лѣтописецъ. Она поддерживалась строгимъ порядкомъ внутри государства. Исчезали разбои. За городомъ возникали села и посадъ. Въ Кремлѣ были воздвигнуты большіе храмы. Москва стала узломъ русской торговли: недалеко завелась важная моложская ярмарка. Остальные князья уже угождали Ивану, а отчасти становились его подручниками. Калита еще покупалъ или выгодно промѣнивалъ города и села. Онъ уже простиралъ свои виды на Новгородъ, требуя себѣ серебро, которое тотъ получалъ съ Перми и Югры (Сибирь). Наконецъ. при немъ Москва поднялась и нравственно: *митрополитъ* Петръ, жившій сначала во Владимірѣ, потомъ въ Твери, *переѣхалъ въ Москву*; а это давало ей видъ столицы «всея Руси». И Петръ пророчествовалъ Калитѣ: «Богъ поставитъ тебя выше всѣхъ князей и распространитъ городъ сей больше всѣхъ городовъ». Петръ остался въ памяти народа святымъ покровителемъ Москвы; а Иванъ I представляется въ лѣтописи первымъ *собирателемъ Русской земли* и основателемъ порядка и тишины на Руси.

Гордый князь. Паденіе Твери и Рязани.

Этотъ порядокъ уже отвердѣвалъ при сынѣ Калиты, Семенѣ, котораго прозвали *Гордымъ*. Его даже братья называли «господиномъ», и онъ принялъ титулъ «великаго князя *всея Руси*». Семенъ дѣлалъ, что хотѣлъ, даже съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ, какъ тверской князь. Наконецъ, онъ послалъ въ Новгородъ за данью своихъ бояръ, которые жестоко притѣсняли жителей. Племянникъ Семена, *Димитрій*, уже «всѣхъ князей приводилъ подъ свою руку

и началъ посягать на тѣхъ, которые не повиновались его волѣ», по словамъ лѣтописца. Бояре безропотно повиновались ему послѣ того, какъ надъ однимъ изъ нихъ была совершена первая всенародная казнь въ Москвѣ. Его поддерживало духовенство, въ лицѣ преподобнаго Сергія, основавшаго тогда *Троицкую лавру*—эту Печерскую лавру сѣверной Руси. Оттого-то Димитрію удалось сломить силу *Твери*. Доблестный тверской князь Михаилъ, сынъ Александра Михайловича, породнился съ Ольгердомъ литовскимъ и чуть не уничтожилъ Москвы за обиды, которыя нанесъ ему Димитрій. Но Димитрій собралъ чуть не всѣхъ князей, и народъ благословлялъ ихъ рати, выступившія противъ союзника Литвы и Орды. Михаилъ покорился безъ боя и сталъ подручникомъ Москвы (1375). То же произошло тогда съ *Рязанью*, помогавшею Михаилу; а это была самая могущественная область на сѣверо-востокѣ, послѣ Москвы и Твери.

Димитрій Донской и татары. На Руси стало спокойно—и она начала *наступательную* борьбу съ татарами, которые слабѣли отъ внутреннихъ неурядицъ. Въ Золотой Ордѣ пошли дворцовыя козни, пока не воцарился темникъ Мамай. Замѣчая паденіе Орды и чувствуя свое усиленіе, русскіе уже не боялись своихъ поработителей, тѣмъ болѣе, что со времени Калиты не видали ихъ баскаковъ. Народъ уже избивалъ татаръ по городамъ; и нѣкоторые князья истребляли по Волгѣ отдѣльные отряды бусурманъ. Полный силъ, осѣняемый благословеніемъ уже сильной церкви, молодой Димитрій былъ надеждой новаго гордаго поколѣнія, рвавшагося къ свободѣ. Ему уже удалось разбить значительное полчище татаръ; и казанскіе ханы «добили ему челомъ». Тутъ разгнѣванный Мамай задумалъ разыграть роль Батыя. Онъ выступилъ на Донъ со всѣми силами татаръ и въ союзѣ съ Литвой. Димитрій двинулся ему навстрѣчу также почти со всѣми русскими князьями и съ 200.000 ратниковъ. На *Куликовомъ полѣ* произошла одна изъ главныхъ битвъ средневѣковья (1380). Татары были разбиты на-голову. Правда, преемникъ Мамая, Тохтамышъ, разгромилъ самую Москву и снова утвердилъ монгольское иго; но русскіе нравственно освободились отъ этого ига: они воспѣвали Куликово поле въ своей поэзіи и гордились своимъ Димитріемъ, надѣливъ его прозвищемъ *Донского*. Сила татаръ была несомнѣнно надломлена, а Русь крѣпла. Ея объединеніе подвинулось впередъ: Димитрій оставилъ завѣщаніе, въ которомъ установлялась на Руси правильная *наслѣдственность* власти по прямой линіи. Оттого-то Димитрій обращался, какъ съ подданными, даже со своими ближайшими родственниками.

Побѣда Москвы. Старина только разъ пыталась подорвать новый порядокъ, при внукѣ Донского, *Василій II*. Тогда въ Москвѣ настала невиданная смута, которая и воспитала этого крайне суроваго, перемѣнчиваго князя. Виновниками ея были двоюродные братья Василія, въ особенности галицкій князь, коварный и жестокій Димитрій Шемяка. Съ помощью тверского князя, Шемякѣ удалось захватить великаго князя и ослѣпить его; съ тѣхъ поръ Василія стали звать *Темнымъ*. Но москвичи возненавидѣли непрошеннаго властителя, который угнеталъ ихъ, съ помощью галицкихъ бояръ, и былъ до того пристрастенъ, что съ тѣхъ поръ всякая несправедливость стала называться «Шемякинымъ судомъ». Шемяка былъ прогнанъ и погибъ въ Новгородѣ отъ московской отравы. Димитрій Шемяка—послѣдній удѣльный князь, оспаривавшій первенство на Руси у прямыхъ потомковъ Мономаха. Съ его смертью прекратилась смута въ Москвѣ. Василій II спокойно захватилъ почти все, что оставалось независимымъ вокругъ Москвы. Даже Новгородъ не только заплатилъ Василію дань, но и сталъ писать грамоты отъ имени великаго князя, за его печатью. И Псковъ началъ избирать въ князья московскихъ намѣстниковъ. Возросла и церковная власть Москвы. Тогда жившій въ Кіевѣ русскій митрополитъ всту-

палъ въ унію. Москва воспользовалась этимъ: отвергнувъ унію, она перестала признавать и кіевскаго митрополита. Русскіе епископы, не спрашиваясь константинопольскаго патріарха, выбрали собственнаго митрополита Іону. Съ этихъ поръ *русская церковь стала независимой отъ Византіи*. А русскіе митрополиты жили въ Москвѣ. Такъ, Василій Темный, умирая (1462), оставилъ уже могучее государство своему сыну, Ивану III.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ.

Культура третьяго періода.

Земля и населеніе. Въ 1250—1450 гг. Русь сильно уменьшилась, вслѣдствіе подчиненія юго-запада Литвѣ и Польшѣ и захватовъ Орды. Но зато русская народность распространялась на сѣверо-востокѣ насчетъ финновъ, благодаря развитію *переселеній* съ юго-запада. Оттого вообще населеніе Россіи возросло, что доказывается многолюдствомъ городовъ, изобиліемъ слободъ и такими арміями, какъ та, которая дралась на Куликовомъ полѣ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что росту населенія мѣшали большія войны, татарщина и старыя бѣды—наводненія, пожары, въ особенности же голодъ и моръ. Голодъ мѣстный былъ обычнымъ явленіемъ, уже по недостатку путей сообщенія; но нерѣдко встрѣчался почти всероссійскій голодъ отъ физическихъ причинъ—зноя, гари, саранчи и т. под. Моръ былъ безпощаденъ особенно во второй половинѣ XIV-го в., когда и Западъ посѣтила «черная смерть» (чума), унесшая въ 6 лѣтъ четверть его населенія (25 милл.): совсѣмъ вымирали не только цѣлыя села, но и города. Наконецъ, свирѣпствовали разбои, особенно на Волгѣ; а сѣверо-востокъ больше всего терпѣлъ отъ неукротимыхъ повольниковъ Новгорода. Оттого Русь была все еще страной бѣдной и малонаселенной.

Князь и его дворъ. Государство сначало переживало переходное время: слышались отголоски усобицъ, шевелились *пережитки удѣльщины*. Но, вслѣдствіе переселеній, удѣлы на сѣверо-востокѣ были уже не тѣ, что на юго-западѣ. Здѣсь все было ново, лишено преданій, общественныхъ узъ. Вмѣсто маститыхъ городовъ раскидывались, на огромныхъ пространствахъ, большія села, связанныя лишь общимъ кустарнымъ промысломъ новаго обзаведенія. Съ размноженіемъ княжескихъ линій изъ этихъ промысловыхъ округовъ образовались мелкіе удѣлы—крохотныя княжества, безъ корней въ прошломъ, съ измѣнчивымъ значеніемъ, по силѣ обстоятельствъ. Смирнехонько сидѣли здѣсь, въ своихъ «опричнинахъ», удѣльные князья суроваго, замкнутаго нрава. Рѣдко собирались они на съѣзды, да и то лишь для владѣльныхъ договоровъ. Каждый промышлялъ лишь о своемъ «большомъ гнѣздѣ». То были еще не государи, а крупные вотчинники, которые распоряжались своей землей на правахъ боярской собственности, по Русской Правдѣ. Такъ росла на просторѣ, въ каждомъ углу, сильная власть.

Къ концу періода, когда возвысился великій князь въ Москвѣ, *самодержавіе* уже почти сложилось. Смута при Василіи II была послѣднимъ отблескомъ пережитковъ южнаго быта. Московскій князь уже съ Калиты титулуется «самодержцемъ» или «господаремъ, государемъ всея Руси». У него установилось прямое престолонаслѣдіе. Онъ уже рѣшалъ дѣла по своему усмотрѣнію съ боярами или безъ нихъ, и вмѣшивался въ кругъ вѣдомства церкви. Болѣе мелкіе князья стали называться «удѣльными и помѣстными». Они считались «подручниками» великаго князя, «били челомъ» ему, «служили честно и грозно». А у него скоплялась обильная казна, благодаря «выходамъ, мытамъ

(пошлинамъ)», прибыли съ дворцовыхъ земель. Установилось и придворное чиноначаліе—сокольничій, ловчій, конюшій, стольникъ, чашникъ, тысяцкій, а ниже ихъ—дворскій (дворецкій), окольничьи, ключники, дьяки, подъячіе и др.

Управленіе.

Вѣче уцѣлѣло только въ Полоцкѣ, Псковѣ и особенно въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ князья еще рядились съ горожанами, обязываясь держать ихъ «по пошлинѣ (обычаю), безъ обиды». Ни они, ни ихъ бояре не имѣли права держать своихъ селъ на землѣ св. Софіи. Но съ Калиты московскіе князья старались и здѣсь установить дани и водворять своихъ *намѣстниковъ* подлѣ посадниковъ; а въ рядахъ новгородцы уже обязывались «держать княженіе честно и грозно».

Всѣ нити управленія сходились къ княжеской *думѣ*. Она состояла изъ тѣхъ бояръ, съ которыми князь пожелаетъ «сгадать, поговорить». Они играли роль приказчиковъ или свидѣтелей: приговоръ считался рѣшеніемъ князя, а бояре только «туто были». Ходъ дѣлъ въ думѣ былъ простой. Спозаранку «думцы», скликанные княземъ «словесно», «лазили» во дворецъ; дьяки докладывали дѣла и писали приговоры, но не вносили ихъ въ книгу. Но подъ конецъ дума принимала болѣе правильный видъ. Она уже болѣе походила на государственное учрежденіе, чѣмъ на дворцовую контору. Она уже точнѣе опредѣляла свои отношенія къ *областному управленію*, прибирая его къ рукамъ. Прежде вотчинники были князьками у себя дома; и имъ подражали «намѣстники и волостели» въ уѣздахъ и волостяхъ, на которые распадались «черныя» (государственныя) земли. Но съ усиленіемъ центральной власти ихъ начали стѣснять княжескіе или «путные» волостели, называемые такъ отъ «путей», которыми «доходили» до прибылей и которыми именовались также учрежденія, вѣдавшія эти источники доходовъ князя. Эти волостели тѣмъ болѣе развивали свою власть, что княжескіе пути въ волостяхъ всюду пересѣкали частныя земли. Подъ конецъ князь уже начиналъ судить не только намѣстниковъ и волостей, но и ихъ крестьянъ. Уже отъ его думы исходили главныя грамоты—жалованныя, купчія, межевыя. Возникъ и цѣлый разрядъ «разъѣздчиковъ» (межевиковъ).

Распорядительная власть князя возростала еще отъ развитія *войска*. Ядро уже огромной арміи составляли бояре, выходившіе въ поле «конно, людно и оружно». Они же несли «сторожевую и станичную службу на рубежѣ, который шелъ, при Калитѣ, отъ Оки до Дона. Этотъ рубежъ былъ усѣянъ «городками, осторожками и засѣками». Сверхъ того, далеко въ степь высылались разъѣзды «станичниковъ». Кромѣ бояръ, рать попрежнему состояла изъ земской пѣхоты, которая кормилась въ походахъ, насчетъ мѣстнаго населенія: ее называли «посохой», такъ какъ она набиралась, подобно данямъ, съ сохъ. Снаряженіе ратей также оставалось прежнее; только развилось осадное дѣло, благодаря разнымъ машинамъ, а подъ конецъ — и пушкамъ. Наши войска изнурялись не столько отъ боевъ, сколько отъ неурядицъ и безкормицы въ походахъ: въ этомъ періодѣ насчитывается до 250 войнъ, а сраженій было всего 70.

Бояре.

Соотвѣтственно съ государственнымъ нарядомъ измѣнялись и общественныя отношенія. Конечно, сначала и здѣсь сохранялись пережитки удѣльщины. Бояре еще походили на бродячую дружину, пользуясь правомъ отъѣзда. Но князь уже старался прикрѣпить ихъ къ землѣ путемъ распространенія вотчинъ. Да и сами бояре стремились къ осѣдлости: земля становилась главнымъ доходомъ, а князья стали раздавать своимъ сподручникамъ, наряду съ вотчинами, еще *помѣстья*—земли въ пользованіе, покуда они числились на службѣ. Они поручали также имъ попрежнему правительственныя должности и «пути», доставлявшіе сытый кормъ. Такъ, бояре, считавшіеся, по праву,

все еще вольными сотрудниками князя, на дѣлѣ становились уже его *служилыми* людьми, военнымъ сословіемъ, которое, впрочемъ, занимало и гражданскія мѣста.

Въ Москвѣ скопилось множество бояръ, богатѣвшихъ такъ, что удѣльные князья старались породниться съ ними. Они уже составляли обособленный класссъ: рѣдко бывали случаи пожалованія въ бояре даже изъ богатыхъ гостей. Подъ конецъ въ Москвѣ зарождаются осѣдлые боярскіе *роды*, хотя еще безъ фамилій: каждый бояринъ назывался по имени и отчеству. Тутъ видимъ, прежде всего, «захудалые» роды Рюриковичей и Гедиминовичей, которые отличались отъ остального боярства только названіемъ князей. Но этихъ «титулованныхъ» было уже мало: боярство все болѣе пополнялось выходцами отовсюду, даже почти со всѣхъ странъ Европы. Самые важные изъ нихъ назывались собственно *боярами* или «большими», а также думцами и «путными или путниками»: это—дворцовые чины да военачальники. За боярами слѣдовали *дѣти боярскія*, съ тѣми же правами, только безъ участія въ думѣ князя. Еще ниже стояли *дворяне*, или «вольные слуги» князя, которые отчасти и становились служилыми, а больше посылались на кормленье или завѣдывали работами на княжихъ земляхъ; на эти должности назначались иногда и княжіе холопы.

Тяглецы. Служилые справляли свою службу, но не несли государственныхъ «тягостей» или налоговъ. Все остальное населеніе называлось *тяглыми* людьми. Они попрежнему были вольнымъ, бродячимъ людомъ, который временно примащивался къ дворцовымъ и чернымъ землямъ или къ частнымъ владѣніямъ бояръ и церквей. Ихъ высшій слой, средній слой зажиточныхъ, получилъ названіе *посадскихъ*: онъ «сидѣлъ» въ лавкахъ на «посадахъ» разстилавшихся подъ городами, гдѣ жили только служилые. Посадскіе принизились сравнительно съ горожанами южной Руси. Вмѣстѣ съ паденіемъ денежнаго хозяйства и богатыхъ вѣчевыхъ городовъ, исчезъ не только дружинникъ-торговецъ, но и гость-промышленникъ. Городами уже управляли служители князя; посадскихъ начинали приравнивать къ сельскимъ массамъ, называя ихъ, въ грамотахъ, «черными сотнями и слободами». А на юго-западѣ возникало *магдебургское право*, близкое къ вѣчевымъ порядкамъ: оно предоставляло посадскимъ самоправленіе и освобождало ихъ отъ торговыхъ пошлинъ. Литовское правительство покровительствовало горожанамъ даже безъ различія вѣръ и народностей: за обиду еврея оно наказывало такъ же, какъ и за оскорбленіе своего шляхтича. На подобныя льготы не скупились и князья на сѣверо-востокѣ.

Но чѣмъ льготнѣе становилось посадскимъ, тѣмъ незавиднѣе было положеніе *сельчанъ*, на которыхъ ложилось тягло почти всею своею тяжестью: Русь и дѣлилась въ правительственномъ отношеніи на «сохи». Всѣ сельчане стали называться вообще *черными* или «черносошными», а иногда—«крестьянами». Крестьянинъ не имѣлъ своего угла: «своеземцы» лишь изрѣдка встрѣчались въ старыхъ городахъ. Крестьянинъ садился на чужой землѣ, снимая ее погодно «по ряду» и переходя въ «бобыли» или «непашники», когда беднѣлъ. Онъ являлся только «душой да тѣломъ» къ готовому «крестьянскому заводу», т. е. на полное оозаведеніе, со ссудой отъ владѣльца деньгами или хлѣбомъ, которая называлась «серебромъ». За это серебро онъ платилъ или денежнымъ «ростомъ», или пашеннымъ «издѣльемъ», а за пользованіе землей «сребряникъ» вносилъ «оброкъ». Тутъ же онъ становился «тяглецомъ» государства, платя дани и работая на князя и его служителей. За крестьяниномъ сохранялось только право свободнаго перехода. И оно было въ большомъ ходу, благодаря помѣстьямъ—этимъ пустырямъ съ неистощенной новью, куда тянулся вереницей изъ селъ и городовъ бобыльскій людъ, приманиваемый ссудами и льготами. Но подъ конецъ крестьянинъ уже могъ «отказываться»

отъ своего землевладѣльца только въ теченіе трехъ недѣль около осенняго Юрьева дня, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ. Тогда же бояре начали получать право суда надъ своими оброчниками; а съ появленіемъ помѣстій возникло и имя «помѣщика». Подлѣ вольныхъ, перехожихъ черныхъ людей видимъ по прежнему *холоповъ*; да еще появились *закладни*, которые закладывались за богатыхъ по займу или же, чтобы «избыть тягла»: закладничество—какъ бы переходъ отъ закупничества къ холопству. Вообще холопство росло. Сначала былъ только одинъ видъ его—«обель», т. е. «полный» (по рожденію) холопъ или «рабъ, челядь»; источниками его были плѣнъ, женитьба на рабѣ да исполненіе рабскихъ должностей («ключникъ, приказчикъ» хозяина). Теперь же возникли еще холопы «грамотные» (самопродажа по грамотамъ), «купленные» и «ордынцы» (плѣнные, выкупленные въ Ордѣ).

Церковь. Въ третьемъ періодѣ наша церковь распалась на *сѣверо-восточную* и *юго-западную*. Когда палъ Кіевъ, митрополиты стали «тянуть» къ возвышавшейся суздальской землѣ, а затѣмъ перебрались сначала во Владиміръ, потомъ въ Москву. Московскій митрополитъ тотчасъ же задался мыслью стать церковнымъ главой »всея Руси», на подобіе своего князя. Но противъ этого возстала усилившаяся Литва, которая поддерживала власть константинопольскаго патріарха. Оттого «сотворился мятежъ во святительствѣ»: бывало разомъ по два митрополита. И московскій князь уже снялъ однажды бѣлый клобукъ съ патріаршаго ставленника и заточилъ его. Обѣ русскія церкви то соединялись, то опять распадались. Наконецъ, онѣ совсѣмъ раздѣлились при Исидорѣ, который былъ послѣднимъ грекомъ на митрополичьемъ престолѣ Россіи и ставленникомъ Византіи. Этотъ митрополитъ «всея Руси» поѣхалъ на флорентійскій соборъ вопреки желанію Василія Темнаго и возратился съ званіемъ папскаго легата. Онъ потребовалъ *уніи*. Василій посадилъ его подъ стражу и велѣлъ собору судить его, какъ «еретика». Исидоръ бѣжалъ въ Римъ, а въ Москвѣ былъ поставленъ въ митрополиты *русскій* епископъ Іона, и соборомъ русскихъ же владыкъ, помимо патріарха (1448). Вслѣдъ затѣмъ въ юго-западной Руси была объявлена унія и былъ поставленъ свой епископъ, а русское духовенство получило льготы отъ польскаго короля. Въ Москвѣ же былъ созванъ соборъ отъ епископовъ сѣверной Руси, который положилъ стоять за «московскую» церковь и самимъ избирать митрополита всея Руси, «по повелѣнію господина великаго князя, русскаго самодержца».

Духовенство. Тогда же возвышалось значеніе нашего духовенства. Оно стало болѣе обширнымъ и *сплоченнымъ сословіемъ*. Явились даже церковные законы: 1282 г.—*Кормчая Книга* («кормити» —управлять), представлявшая болгарскій переводъ византійскаго Номоканона съ русскими дополненіями. Число нашихъ епархій возросло до 18. Значеніе владыкъ также подымалось, вмѣстѣ съ расширеніемъ власти московскаго князя: слово «дьякъ» показываетъ, что сначала все правительственное письмоводство было въ рукахъ духовенства. Какъ единственное образованное сословіе, духовенство владѣло еще всѣмъ просвѣщеніемъ и имѣло большое нравственное вліяніе, утѣшая народъ среди бѣдствій татарщины. Оно стало также замкнутымъ сословіемъ: правительство запретило ставить въ попы тяглецовъ и служилыхъ, чтобы не было ущерба казнѣ; а права, дарованныя князьями духовному лицу, переходили и къ его роднѣ. Наконецъ, духовенство *богатѣло*, съ ростомъ населенія: у владыкъ и монастырей были цѣлые города и волости; князья завѣщали имъ села на поминъ души. И народъ охотно стекался сюда: церковныя имѣнія пользовались большими льготами, которыя были узаконены, какъ *тарханами* (жалованныя граматы) князей, такъ и ярлыками хановъ. Граматы освобождали ихъ отъ даней, мытъ, даже отъ княжаго суда (кромѣ уголовщины). Немудрено, что митрополитъ уподоблялся князю, который даже выѣзжалъ ему навстрѣчу за

нѣсколько верстъ. У него былъ свой дворъ, свои печати «Божіей милостью», своя дума.

Монашество. Монашество процвѣтало, какъ никогда. Оно ревностно продолжало выполнять свое призваніе—заселять пустыни, сѣять сѣмена христіанства и просвѣщенія, печаловаться о народѣ. Явилось болѣе 180 новыхъ обителей, отчасти независимыхъ, отчасти митрополичьихъ и княжихъ: общежитіе все развивалось насчетъ иночества. Этому содѣйствовали независимость и полная свобода основанія монастырей. Князья давали имъ льготы еще охотнѣе, чѣмъ свѣтскому духовенству. И измученный народъ валилъ въ эти тихія пристанища, гдѣ не только избывали тяготей, но и жили безопаснѣе отъ татаръ и княжихъ служителей. Въ сѣверо-восточной Руси уже появился свой царь монастырей—*Троицко-Сергіева Лавра*, основанная знаменитымъ святителемъ Сергіемъ Радонежскимъ. Послѣдователи Сергія создали Кирилло-Бѣлозерскій и Соловецкій монастыри, игравшіе большую роль въ нашей исторіи. А подвижникъ Стефанъ Пермскій изобрѣлъ азбуку для зырянъ и перевелъ на ихъ нарѣчіе часть Св. Писанія.

Нравы. Монастыри были единственнымъ убѣжищемъ нравственности, гдѣ встрѣчались такіе самоотверженные идеалисты, какъ св. Сергій: *нравы* тогда вообще *пали* противъ прежняго. Начались взятки и «шемякинъ судъ»; а княжіе люди дѣлали разбойничьи «наѣзды» на обывателей; войны отличались жестокостью и грабежами; развивались не только кулачные, но и «дреколльные» бои. Грубость въ обращеніи уже вызвало наказаніе за оскорбленіе словомъ. Воровство доходило до того, что съ Василія Косого сорвали похищенный поясъ на свадьбѣ во дворцѣ. *Женщина* лишь формально сохраняла старыя права на собственность и «приданое» (тогда появилось это слово), на дѣлѣ же походила на невольницу: ее заключили въ *теремъ*, чтобы избавить отъ плѣна татарскаго, а отчасти по византійскому образцу. Тогда нерѣдко самовольно разводились, имѣли по нѣсколько женъ, даже брачились безъ церковнаго обряда. Не лучше было и духовенство. Іерархи брали мзду при поставленіи въ попы и роскошествовали; попы вѣнчали женатыхъ, бражничали, занимались ростовщичествомъ. То же видимъ у монаховъ въ богатыхъ обителяхъ. Противъ пороковъ духовенства уже возставали соборы и владыки въ своихъ посланіяхъ.

Понятія. Просвѣщеніе. Нравамъ соотвѣтствовали понятія. Замѣтно даже съуженіе мысли: пало сознаніе «русской земли». Новыхъ понятій не прибавлялось, такъ какъ *просвѣщеніе пошло назадъ*. Новыхъ училищъ не появлялось, а старыя были разрушены татарами, которые сгубили много памятниковъ письменности; самая граматность встрѣчалась рѣдко. Недоставало даже богослужебныхъ книгъ, а въ тѣхъ, какія попадались, было много языческаго. Москва погружалась въ старое *двоевѣріе*: приносили жертвы «бѣсамъ, болотамъ и колодцамъ», сожигали колдуновъ и вѣдьмъ, вѣрили всякимъ «знаменіямъ»; «трясовицы» (лихорадки) считались дочерьми Ирода. Этому двоевѣрію предавались даже книжники и духовенство. Умственное движеніе проявилось лишь въ первой ереси. То были *стригольники*, явившіеся во Псковѣ при Донскомъ. Напоминая богомиловъ, они возставали особенно противъ духовенства и противъ обряда погребенія, какъ бы не вѣруя въ загробную жизнь. Стригольники производили впечатлѣніе своею нравственностью, безкорыстіемъ и знаніемъ Св. Писанія. Іерархи боролись съ ними до самаго конца періода.

Письменность. Пала и письменность, хотя «доброписцы» трудились по прежнему и даже ввели лучшій почеркъ—*полууставъ*. Она отличалась византійской витіеватостью и религіозной поучительностью. *Житія Святыхъ* стали любимымъ чтеніемъ народа. Тогда появилось множество длинныхъ, витіеватыхъ житій. Ими занимались больше всего южные славяне, ученики греческихъ риторовъ.

Изъ Сербіи и Болгаріи приходили еще близкіе къ житіямъ по сказочности *апокрифы*, «тайныя книги». Это—религіозныя повѣсти изъ Библіи, не принятыя вселенскими соборами и потому названныя еще «отреченными» (запрещенными) книгами.

Скудна была и свѣтская письменность. То были повторенія старыхъ сборниковъ. Лишь подъ конецъ возникъ ихъ новый родъ—*Азбуковники* или словари, объяснявшіе непонятныя слова въ священныхъ книгахъ. Еще распространялись *Хожденія*, вызванныя обуявшею народъ страстью паломничества: тутъ уже описывался Западъ, вызывавшій сознаніе нашей умственной и матеріальной нищеты. Важнѣе всего была попрежнему *лѣтопись*, хотя, сосредоточившись на сѣверѣ, она стала сухою, напыщенною. На суздальско-московскую лѣтописъ опирались московскіе властители для доказательства своихъ правъ въ Ордѣ, Новгородѣ и Твери. Лѣтописецъ уже рѣдко поучаетъ князей: онъ больше восхваляетъ ихъ и проявляетъ патріотизмъ. Зато лѣтопись обогатилась *граматами*, которыя становились все разнообразнѣе: кромѣ «договорныхъ» (между князьями) и «правыхъ» (оправданіе частныхъ лицъ), размножались граматы «уставныя» (установленіе судовъ) и «жалованныя» (льготы сословіямъ и лицамъ). А рядомъ возрастало число *актовъ* или юридическихъ бумагъ: было много купчихъ, данныхъ, записей, духовныхъ, заемныхъ и др. На югѣ продолжалась старая лѣтопись; на русскомъ языкѣ писались даже литовскія лѣтописи. Къ третьему періоду относятся важныя измѣненія во внѣшности лѣтописнаго дѣла. Тогда впервые появились *изводы* (редакціи) нашихъ лѣтописей, начиная съ знаменитаго Лаврентьевскаго списка (1377), переведеннаго на иностранные языки. Около 1400 г. начало года переносится съ марта на сентябрь, хотя счисленіе еще шло отъ сотворенія міра; и вмѣсто «хартьи» (пергаментъ) стали употреблять бумагу. Наконецъ, на сѣверѣ замѣчаются монастырскія лѣтописи, хотя это были лишь переводы византійскихъ *хронографовъ*, къ которымъ прибавляли русскія извѣстія да отдѣльныя сказанія. Эти *сказанія* (свѣтскіе разсказы)—одно изъ отличій нашей письменности третьяго періода. Содержаніе ихъ—событія изъ борьбы съ сосѣдями, въ особенности же съ татарами. Сказаніе—неудачное подражаніе «Слову о полку Игоревѣ»; ихъ направленіе—хвастливо-патріотическое и библейско-поучительное. Главныя сказанія относятся къ Александру Невскому и къ Куликовской битвѣ. Тогда же начались *историческія пѣсни*, воспѣвающія подвиги русскихъ въ борьбѣ съ татарвой. Онѣ сохраняли складъ и поэтическіе пріемы древнихъ, языческо-богатырскихъ пѣсенъ.

Искусство развивалось медленно, да и то преимущественно въ старыхъ южныхъ городахъ, въ Новгородѣ и Псковѣ. Именно, размножались русскіе художники, хотя за ними осталось нѣмецкое названіе «мастеровъ» (Meister—отъ латин. magister). Особенно расплодились *иконописцы*, которые составляли уже «дружины» (артели), подъ руководствомъ «старѣйшинъ» изъ грековъ. *Миніатюра* становилась изящнѣе и стремилась превратиться въ историческую и бытовую живопись. И здѣсь уже ясно западное вліяніе, которое сливается съ византійскимъ, иногда даже въ одной и той же рукописи, какъ у южныхъ славянъ. *Зодчество* было жалко на сѣверо-востокѣ, гдѣ даже Москва состояла все еще изъ избъ и только при Даніилѣ явился каменный Кремль, впрочемъ щеголявшій уже при Калитѣ соборами (Успенскій, Архангельскій). Въ остальныхъ городахъ крѣпости были дубовыя, и дѣлались онѣ недѣли въ двѣ; деревянныя церковки-«обыденки» сколачивались въ одинъ день. А если брались за каменныя постройки, то онѣ зачастую разваливались такъ, что иногда каменьщики (больше Ростовцы) едва успѣвали разбѣжаться. Расцвѣлъ только *новгородско-псковской* стиль, да и то бѣдный украшеніями: онъ создался подъ западнымъ вліяніемъ и послужилъ переходомъ къ русскому пошибу XVI—

Искусство.

XVII вв.; псковичи строили и въ Москвѣ, въ началѣ слѣдующаго періода, до прихода итальянцевъ. Въ Новгородѣ же, въ рукописяхъ XIV вѣка, видимъ высшее развитіе *узорочья*, которое сдѣлало тогда успѣхи и въ суздальскомъ пошибѣ, овладѣвъ даже крышами церквей. При этомъ иностранцы помогали дѣлать золотыя «маковицы» (главы), мѣдныя двери, мраморные полы. Они же лили *колокола* и поставили (около 1400 г.) первые *часы* съ боемъ въ Москвѣ, на княжемъ дворѣ. Иностранцы научили также нашихъ «денежниковъ» чеканить собственную *монету*, уже изящнѣе прежней, какъ видно изъ псковскихъ «денегъ». На этихъ деньгахъ изображался псковской князь; но какъ только Псковъ лишился независимости, тотчасъ онъ былъ замѣненъ «ѣздецомъ», съ саблей въ рукѣ, означавшимъ великаго князя: такъ образовалась монета «московка». Подъ иностраннымъ же вліяніемъ у насъ начали рѣзать штемпеля для оловянныхъ княжихъ *печатей*, которыя навѣшивались при граматахъ, начиная съ Калиты.

Внѣшній бытъ. Основой матеріальной культуры было все еще *земледѣліе*. Его значеніе даже возросло. По обстоятельствамъ, произошло странное явленіе: въ черноземномъ Приднѣпровьи русскіе предавались торговлѣ, а. пересѣвши на верхневолжскій суглинокъ, они ревностно принялись за обработку полей. Здѣсь значеніе князя, вотчинника и служилаго, ихъ кормы и доходы,—словомъ, все зависѣло отъ земли. Сельское хозяйство, можно сказать, было даже первымъ проводникомъ объединительной силы самодержавія: дѣла о немъ постепенно стягивались отъ намѣстниковъ и волостелей къ великому князу на докладъ. Съ другой стороны, служилые старались набрать побольше земель. Въ общемъ, сельское хозяйство третьяго періода было все еще полукочевое. Переселенцы садились на «сыромъ корню», по нагорнымъ берегамъ рѣкъ, по сухимъ холмистымъ «раменамъ» или окраинамъ дѣвственныхъ боровъ и болотъ. Устроивъ свою «околицу», эти «старожильцы» перезывали къ себѣ «новоприходцевъ»—тягловый людъ «съ иныхъ сторонъ». А разродятся и станетъ тѣсно—дѣлаютъ «выставки» или «выселки» да «починки» въ лѣсу, словно отроившаяся пчела: опять садятся на свѣжихъ «займищахъ». Такъ шла тяжкая работа, страда на заросшихъ «новяхъ», съ первобытными орудіями и способами: это—хозяйство «переложное» и «подсѣчное», при которомъ быстро истощаемая почва мѣняется на расчищаемую изъ-подъ «свѣжины». Оно требовало большаго простора и свободнаго перехода крестьянъ; отсюда малодворность поселковъ.

Но уже развивался цѣлый рядъ сельскихъ *промысловъ* или кустарныхъ издѣлій, отчасти уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней. Ихъ богатство и разнообразіе видно уже изъ множества «путей», которые были въ рукахъ не однихъ князей, но и частныхъ лицъ, и монастырей. Всюду попадались садовники, огородники, лыкодеры, рыболовы, звѣрогоны и т. д. Особенно процвѣтало старое бортничество: появился цѣлый классъ «древолазовъ»: и въ законахъ были особыя статьи насчетъ правъ собственности въ медовыхъ лѣсахъ. Медъ и воскъ попрежнему составляли видный предметъ вывоза и даней; возраставшая религіозность и чревоугодіе вызывали въ нихъ особенную потребность. Охота также была не забавой, а важнымъ «доходомъ». Особенно цѣнились «бобровые гоны», которые встрѣчались даже подъ Москвой. Князья высылали свои «ватаги», съ «ватагаманами» (атаманами), за звѣремъ, рыбой, птицей и пчелой до самаго Бѣлаго моря. Тогда же усовершенствовалось изготовленіе разныхъ напитковъ, особенно медовъ, и завелись соляныя варницы. Менѣе развивались городскіе промыслы, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ работали иностранные мастера.

Торговля же скорѣе сократилась, чѣмъ возрасла. Стало меньше капиталовъ и оборотовъ, что видно изъ высокаго роста, изъ вздорожанія денегъ:

за исключеніемъ Новгорода, 14% считались легкимъ простительнымъ взиманіемъ; а ходячая гривна съ полфунта вѣса пала до $^1/_7$ фунта. *Пути сообщенія* находились въ прежнемъ, невозможномъ состояніи. Все это задерживало развитіе *городовъ*, хотя они и подымались, повидимому, подъ конецъ и въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ татаръ: таковы были Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Полоцкъ и Вологда. А Кіевъ, Москва и Нижній, хотя и страдали отъ баскаковъ, сохраняли значеніе торговыхъ узловъ, въ виду своего географическаго положенія. По обширности торговли, выше всѣхъ стоялъ все еще Новгородъ, который велъ дѣла уже съ богатѣйшей ганзой и расцвѣтавшимъ Стокгольмомъ. Затѣмъ, въ Смоленскѣ и Полоцкѣ проживали гости даже изъ Мекленбурга и Мюнстера; въ Москвѣ встрѣчались гости изъ Персіи, Арменіи и Литвы, а въ Кіевѣ сталкивались купцы изъ Польши, Австріи, Царьграда, и Италіи; Галиція же и Подолія торговали съ Венгріей и Молдавіей. Хаджибей (Одесса) былъ литовско-русской гаванью, черезъ которую шла подольская пшеница въ Константинополь. На развитіе торговли указываетъ и измѣненіе *монеты*. Вмѣсто «кунъ», она уже называется по татарски «деньгами»; вмѣсто гривенъ, возникъ счетъ на «рубли», съ первой половины XIV вѣка. Впрочемъ, рубль былъ еще не монетой, а продолговатымъ кускомъ серебра, болѣе $^1/_4$ фунта вѣсомъ, стоимостью около 10 нынѣшнихъ рублей. Изъ этого «рубленнаго» серебра чеканились деньги. «Деньга» была мелкой монетой (около 10 коп.); въ рублѣ считалось 100 денегъ. Еще была серебряная «полушка» ($^1/_4$ деньги) и «алтынъ» въ 6 денегъ (по-татарски «алты»—шесть). Начали чеканить и «пулы»—мѣдную мелочь. Такъ, послѣ перерыва при удѣлахъ, у насъ возобновилась чеканка собственной монеты по отдѣльнымъ княжествамъ. Позже всѣхъ, уже въ концѣ періода, взялись за нее въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ сначала торговали на «пѣнязи» (нѣмецкіе пфенниги),

При такой торговлѣ, лучшіе города имѣли значительное населеніе: около 1400 г. въ Новгородѣ погибло отъ мора 80.000 человѣкъ — и городъ не палъ. Обширны были и владѣнія такихъ городовъ: они раздѣлялись на «уѣзды» (уѣздъ, разъѣздъ—размежевка), которые въ свою очередь, распадались на волости, станы и околицы. Улучшался и ихъ внѣшній видъ. Во Псковѣ появилась даже бревенчатая *мостовая* на рынкѣ; здѣсь же и въ Новгородѣ протягивались длинные деревянные *мосты*: здѣсь было также уже не мало каменныхъ храмовъ, остроговъ и монастырскихъ стѣнъ; у новгородскаго владыки завелись даже каменныя палаты. А юго-западные города уже походили на европейскіе: говорили, что и у нѣмцевъ не видать такой красы, какъ Владиміръ-Волынскій. Зато московскій путешественникъ дивился у нѣмцевъ и грековъ, какъ чудесамъ, водопроводамъ, садамъ, каменнымъ домамъ и особенно чистотѣ даже на улицахъ. На Москвѣ и *домашній* бытъ былъ не лучше прежняго. Даже князья жили въ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ и спали на соломѣ. Вещей у нихъ было немного: они дорожили каждымъ сосудомъ и кожухомъ, поименовывали ихъ въ своихъ завѣщаніяхъ. У народа же было почти пусто въ избахъ: жители сносили, что получше, въ церкви, какъ мѣста, болѣе безопасныя отъ пожаровъ, грабежей и татаръ. Одежда оставалась первобытная, какъ можно судить по изображенію Василія I Димитріевича и его супруги, Софьи Витовтовны, вышитому на сакосѣ, хранящемся въ синодальной ризницѣ.

Значеніе періода.

Въ третьемъ періодѣ нашей исторіи земельное и народное объединеніе обозначилось ярко: къ концу періода въ управленіи, въ сословіяхъ, въ общежитіи—всюду бросается въ глаза осѣданіе, установленіе послѣ вѣковыхъ кочевокъ и переметчивости. Тогда возникъ знаменитый терминъ—*собираніе Русской земли.* Стало быть, это уже была народная потребность, а не

темное чутье, въ видѣ каприза или алчности князей: тутъ византійство, татарщина и тому подобныя вліянія были лишь подспорьями для удовлетворенія необходимости. Этому стремленію противорѣчило только отпаденіе южной Руси къ Польшѣ и Литвѣ, благодаря татарщинѣ, отвлекшей вниманіе русскихъ на востокъ. Но это же бѣдствіе было благодѣяніемъ для будущаго объединенія: если Россія третьяго періода стала меньше Россіи втораго и даже перваго періодовъ, зато это значило, что она сжалась для большей плотности. Сосредоточиваясь на сѣверо-востокѣ, она могла образовать крѣпкое ядро: именно тогда зрѣло сознаніе необходимости собрать *русскую* землю, т. е. все, что когда-либо принадлежало намъ, что населено нашимъ людомъ. И то, что Москва уже успѣла пріобрѣсти къ концу періода, было гораздо большимъ успѣхомъ земельнаго сплоченія, чѣмъ гдѣ-либо на Западѣ.

Но жгучая потребность въ государственномъ объединеніи, какъ плодъ желѣзныхъ законовъ географіи и этнографіи, поглощала всѣ силы народа; при такой страдѣ, какъ быстрое строеніе огромнаго и разношерстнаго государства, подъ гнетомъ татарщины, русскому люду было не до умствованій. Много вредило также отпаденіе южной Руси, которая была такъ тѣсно связана съ Западомъ, что должна была служить главнымъ проводникомъ къ намъ его культурнаго вліянія. Прекратились связи даже съ Византіей, откуда прежде перепадали на Русь плоды болѣе высокой цивилизаціи, а также плоды того же западнаго вліянія. Наконецъ, чего стоило такое обстоятельство, какъ необходимость московской Руси, этому ядру нашей исторіи, надолго замкнуться въ дикихъ лѣсахъ и болотахъ сѣверо-востока, бокъ-о-бокъ съ такимъ исчадіемъ Азіи, какъ татарская орда! Россія была бы вычеркнута изъ списка цивилизованныхъ странъ, если бы такое самозамуравленіе утвердилось, какъ въ Китаѣ. Но ея культурный застой былъ вынужденный и временный: ей суждено было развиваться, какъ націи европейской, а не азіатской. За это ручалось самое отдѣленіе южной Руси, которая, вслѣдствіе того, вошла въ болѣе тѣсныя связи съ Западомъ. Здѣсь-то вырабатывалась подготовка умственнаго развитія, которая начала переноситься потомъ въ Москву. Эта подготовка шла и съ другой стороны. Новгородъ уже почти сливался съ Москвой, а онъ подчинялся западному вліянію. Отсюда пошла первая закваска замѣчательнаго умственнаго движенія въ слѣдующемъ періодѣ.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

Самодержавіе и смута. Около 1450—1650.

Германо-романскій Западъ. Четвертый періодъ русской исторіи, обнимающій, главнымъ образомъ, знаменитый въ жизни человѣчества XVI-й вѣкъ, имѣетъ великое значеніе. Онъ представляетъ и большой соціологическій интересъ, при сравненіи его съ исторіей Запада, безъ котораго онъ и не можетъ быть понятъ вполнѣ.

Западъ вообще представлялъ тогда такую же смуту, какъ и Россія, и отчасти по тѣмъ же причинамъ. И тамъ шла борьба пережитковъ феодализма съ великою силою новой исторіи—съ монархизмомъ. Она кончилась побѣдой новаго начала, которое подконецъ достигло, благодаря кардиналу Ришелье, прочной системы, названной *абсолютизмомъ* или самодержавіемъ.

Великая политическая смута на Западѣ была связана съ культурнымъ переворотомъ. Общественный бытъ, въ зависимости отъ экономики, принялъ новый видъ. Наставало царство капитализма, и возвышалось среднее сословіе

или буржуазія. Торговля и промышленность достигли небывалыхъ размѣровъ; и естественное хозяйство смѣнялось денежнымъ. Въ то же время настал разгаръ классицизма, въ видѣ Возрожденія античныхъ наукъ и искусствъ. Все это выдвигало реализмъ или свѣтское міровоззрѣніе, которое подавило, наконецъ, идеализмъ, эту душу средневѣковья. Оттого пошатнулось и папство: плодъ Возрожденія, *реформація* отторгнула отъ него полъ-Европы въ пользу протестантизма, который опирался на монархизмъ. И никакія усилія іезуитовъ не могли вознаградить этого ущерба міровой власти римской куріи.

Южные и западные славяне.

Великая смута на германо-романскомъ Западѣ тяжело отражалась на судьбѣ ближайшихъ къ нему славянъ. Пользуясь ею, османскіе *турки* подняли голову: XVI-й вѣкъ—эпоха высшаго процвѣтанія Порты. А отсюда небывалыя бѣдствія *южныхъ славянъ*. Османліи и ихъ пріятели, фанаріоты (греческое духовенство) всячески угнетали болгаръ, сербовъ и румынъ непосредственно. Сверхъ того, турки безпощадно опустошали ихъ страны, совершая черезъ нихъ почти ежегодные походы въ Венгрію и Польшу. Подконецъ болгары стали приходить на Русь за милостыней и съ мольбами о защитѣ; а затѣмъ завязались сношенія Москвы съ сербами, черногорцами и румынами.

Тяжело было и положеніе ближайшей къ Дунаю отрасли *западныхъ* славянъ. Чехи, подобно своимъ южнымъ соплеменникамъ, лишились независимости. Виной тому были нѣмцы, которые старались поглотить славянъ; вмѣсто того, чтобы защищать ихъ отъ турокъ. Они захватили Богемію въ свои руки, пользуясь поддержкой корыстныхъ пановъ, которые, съ ихъ помощью, угнетали народъ. Съ 1526 г. въ Прагѣ воцарились *Габсбурги* и началось усиленное онѣмеченіе чеховъ, особенно благодаря іезуитамъ. Тяжело было и положеніе поляковъ. Сначала эта даровитая нація сдѣлала много успѣховъ въ культурѣ. Но подконецъ она подпала реакціонному вліянію іезуитовъ. Въ то же время развилось старое зло—аристократизмъ, и онъ превратилъ Польшу въ такую слабую избирательную монархію, что ее называли Рѣчью Посполитой (республикой). А кругомъ возрастали враги. Изъ польскихъ земель образовались независимыя государства—герцогство Пруссія и герцогство Курляндія. Окрѣпшая Швеція начала упорную борьбу съ поляками. На югѣ нападали крымцы (татары) и возставали запорожцы. А главное, все это давало возможность усиливаться самому грозному врагу Москвѣ.

Иванъ III. Собираніе русской земли.

А въ Москвѣ, уже въ началѣ періода, были готовыя средства для развитія самодержавія и объединенія Руси, завѣщанныя Василіемъ II Темнымъ. Но и здѣсь такое дѣло не могло совершиться безъ борьбы. Она наполняетъ цѣлый періодъ, такъ что его можно называть *смутнымъ временемъ* вообще, хотя этимъ именемъ принято обозначать его страшный конецъ при самозванщинѣ. Съ самаго начала новая потребность Руси воплотилась въ выразительной личности крупнаго «собирателя русской земли» *Ивана III,* сына Василія Темнаго. Это—нашъ Людовикъ XI даже по нраву. Мрачный, замкнутый, недоступный страстямъ, онъ не стѣснялся ничѣмъ ради политики. Вѣчно занятый расчетами, Иванъ ежегодно объѣзжалъ свое царство-вотчину, чтобы все видѣть своимъ хозяйскимъ глазомъ. И тихо, но безостановочно собиралъ онъ русскую землю. Къ Москвѣ были присоединены Верея, Дмитровъ, Угличъ, часть Рязани и сама Тверь—самая сильная изъ сѣверныхъ княжествъ.

Наконецъ, палъ и маститый представитель вѣчевой старины, *Новгородъ.* Онъ не могъ держаться при жгучей потребности русскихъ въ сплоченіи, даже если бы былъ сильнѣй. А въ немъ не было ни прочнаго устройства, ни героизма. Новгородъ не додумался даже до самостоятельной торговой политики; онъ оставался лишь передаточнымъ мѣстомъ и потому зависѣлъ отъ

своего рынка—отъ Московской земли. Борьба партій достигла въ немъ крайнихъ размѣровъ. «Меньшіе», тѣснимые «лучшими», надѣялись поправить свое положеніе, подчинившись могучему московскому князу. «Лучшіе» же, люди своекорыстные, утопавшіе въ блаженствѣ, обратились, какъ измѣнники Руси, къ Литвѣ. Новгородъ былъ присоединенъ къ Москвѣ (1478). Чтобы подорвать даже его надежды на будущее, Иванъ III закрылъ контору ганзеатовъ, а ихъ самихъ бросилъ въ тюрьму. Теперь на всемъ сѣверѣ Россіи оставались независимыми только Псковъ да часть Рязани.

Самодержавіе и Западъ. Иванъ III собралъ не одну русскую землю: онъ сдѣлалъ больше всѣхъ своихъ предшественниковъ и для собиранія власти. Въ этихъ видахъ онъ и женился на Софьѣ Палеологъ, племянницѣ послѣдняго византійскаго «императора»: ему было лестно породниться съ домомъ, носившимъ титулъ, который считался у русскихъ высшею почестью на землѣ. Властительная, гордая гречанка довершила роль византійскаго духовенства на Руси. Бояре говорили: «Какъ пришла сюда Софья, то наша земля замѣшалася. Великій князь обычаи перемѣнилъ; онъ перестаъ совѣтоваться съ нами, а всѣ дѣла дѣлаетъ, запершись у себя, самъ-третей со своей княгиней да съ наперсникомъ».

Бояре были правы: порядки Византіи перешли въ Москву. Царьградскій черный *двуглавый орелъ* сталъ московскимъ гербомъ. Появились греческіе *придворные чины* (конюшій, окольничій и проч.). Ивана стали называть «царемъ», били ему челомъ въ землю; при дворѣ пошли пышныя церемоніи. Иванъ сталъ недоступенъ, суровъ и гнѣвенъ: его называли Грознымъ; челобитчики нѣмѣли, съ жалобами въ рукахъ, когда онъ появлялся на престолѣ; женщины падали въ обморокъ отъ одного сердитаго взгляда. Иванъ уже казнилъ бояръ и лишалъ имущества и не дозволялъ имъ отъѣзжать изъ Москвы. Наконецъ, онъ установилъ *престолонаслѣдіе* по прямой линіи. Государство принимало стройный видъ. Возникли *приказы*—родъ министерствъ. Всѣ должны были платить опредѣленную подать, и для этого составлялись *писцовыя книги*—перепись народа и имуществъ. Былъ изданъ *Судебникъ* (1497)—лучшее противъ прежняго собраніе законовъ. Жизнь становилась шире, разнообразнѣе. Зашевелились умы—и Москва впервые вступила въ *сношенія съ иностранными державами*. Иванъ сталъ призывать съ Запада искусныхъ мастеровъ. Зародилась *русская интеллигенція*, критическая мысль. Она проявилась въ *жидовствѣ*, которое продолжало движеніе стригольниковъ.

Пробужденіе умовъ. Жидовство и осифлянство. Жидовство затронуло всѣ лучшіе умы, вызвало горячую борьбу, даже пріобрѣло политическое значеніе, когда перенеслось въ Москву. Оно привело къ сознанію потребности въ преобразованіи идей и нравовъ. Жидовство быстро распространилось въ высшемъ обществѣ столицы и даже при дворѣ; оно увлекло самого митрополита. И Иванъ III молчалъ. Но, вотъ къ нему проникъ подвижникъ, *Іосифъ* Санинъ, основатель строгой обители въ лѣсной глуши Волоколамска, первый начетникъ на Руси, авторъ «Просвѣтителя»—горячаго обличенія «еретиковъ». За него сталъ новгородскій владыка—тоже хорошій книжникъ, смѣтливый и неумолимый Геннадій, который осуждалъ мягкость великаго князя и писалъ іерархамъ грозныя посланія противъ жидовствующихъ. Сюда же склонилась Софья. Иванъ III созвалъ соборъ (1504). Жидовство было объявлено ересью, а его вожди частью сожжены, частью искалѣчены. Но и въ наши дни встрѣчаются люди, которые съ негодованіемъ произносятъ имя *осифлянъ*.

Жидовство послужило умственнымъ бродиломъ на Руси. Тотъ же Геннадій потребовалъ училищъ для духовенства и самъ перевелъ недостававшія книги св. Писанія съ латинскаго и еврейскаго. Соборъ 1504 г. принялъ мѣры къ исправленію духовенства. И выступилъ *Нилъ*, учившійся на Аѳонѣ и устроившій скитъ на р. Сорѣ. Глубокомысленный идеалистъ, онъ требовалъ не внѣш-

няго аскетизма, а искренней молитвы, чтенія св. Писанія да полнаго нищенства; онъ возмущался тѣмъ, что монастыри владѣютъ землями и крестьянами. Нилъ впервые на Руси поднялъ вопросъ о *церковныхъ имуществахъ* открыто, на соборѣ 1504 г. Иванъ III, въ политическихъ видахъ, сочувствовалъ Нилу, но духовенство, одушевляемое Іосифомъ, отстояло свою привилегію. Съ той поры Нилъ и Іосифъ стали заклятыми врагами. Нилъ упрекалъ Іосифа въ жестокости къ еретикамъ; Іосифъ называлъ Нила еретикомъ и уличалъ въ невѣріи. Эта борьба, вызвавшая цѣлую литературу, была прекращена лишь смертью противниковъ.

Такое умственное оживленіе означало, что въ русскомъ народѣ пробуждалось самосознаніе; а онъ уже ясно чувствовалъ и силу своей государственности. У него неизбѣжно должны были расширяться и внѣшнія задачи, чего требовали и обстоятельства. Развитіе сосѣднихъ народовъ ставило двѣ такихъ задачи, не мѣстнаго только, московскаго значенія: это, съ одной стороны, восточный вопросъ, съ другой—западно-европейскій или борьба съ Польшей. **Казачество.**

Восточный вопросъ сводился тогда къ простой задачѣ—къ *низверженію татарскаго ига*. Къ ней взывало самое ослабленіе монгольщины, которое, прежде всего, зависѣло именно отъ развитія Руси. Постепенно исчезало самое раздолье степняковъ,—это «дикое поле», наша южная Украйна. Она заселялась неудачниками, бобылями-бездомниками, по преимуществу холопами. Это движеніе все росло, по мѣрѣ усиленія бремени государственнаго наряда. Татары также заставляли народъ разбѣгаться, да еще придавали нравственную силу этимъ бродникамъ, которые били и грабили «бусурмановъ», вторгаясь въ предѣлы Золотой Орды, ногаевъ и турокъ. Здѣсь несчастные бѣглецы «полевали» на просторѣ, а потомъ составляли военныя «станицы» на укромныхъ пристанищахъ. Они пріобрѣли привычки степняковъ и даже заимствовали у нихъ названіе *казаковъ*.

Московское правительство сначало думало «казнить ослушниковъ, кто пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество», но потомъ оно поняло пользу казаковъ въ борьбѣ съ «татарвой». Оно стало принимать ихъ на службу, чтобы они охраняли наши южныя границы. Такъ среди полевой вольницы образовался осѣдлый отдѣлъ—казаки *городовые* или «сторожевые». А новые пришельцы «гуляли» дальше въ полѣ, какъ *вольные* или «степные» казаки. Сначала на первомъ планѣ стояла донская вольница; потомъ историческое значеніе перешло къ удальцамъ днѣпровской Украйны, которыхъ называли то *малороссійскими* казаками, то «украинцами» или «черкасами»: ихъ главный притонъ былъ въ городѣ Черкасахъ. Тутъ уже было много польскихъ холоповъ, да тѣхъ изъ русскихъ, которые уходили отъ польскаго ига изъ Галичины, Волыни, Подоліи и Кіева. Польскому королю Баторію удалось обратить ихъ въ правильное воинство, записавъ въ списки. Но около половины XVI-го вѣка подлѣ этихъ «реестровыхъ» казаковъ появилась такая же вольница, какъ на Дону: то были знаменитые рыцари Руси—*запорожцы*.

Уже появленіе казачества свидѣтельствовало о засиліи русскихъ противъ бусурманъ. Имъ навстрѣчу шло разложеніе силы татарской. Въ началѣ періода татары уже распались на три орды—Сарай, Казань и Крымъ. И двѣ послѣднія уже обращались къ русскимъ за помощью противъ Сарая: а въ самомъ Сараѣ свирѣпствовали усобицы, которыя искусно разжигала Москва. Иванъ III уже не обращалъ вниманія на татаръ: онъ даже прекратилъ дань—«выходъ въ Орду». Наконецъ, онъ выступилъ на р. Угру (1480) съ огромной ратью, которая, благодаря Западу, блистала артиллеріей и улучшеннымъ военнымъ строемъ. Впечатлѣніе грозной Руси было таково, что татары ушли безъ боя. Вслѣдъ затѣмъ подручникъ Ивана, крымскій ханъ, разрушилъ Сарай. **Восточный и западный вопросы.**

Такъ погибла Золотая Орда: *татарское иго на Руси прекратилось.* И для насъ западный вопросъ уже становился важнѣе восточнаго.

Необходимо было принять мѣры противъ Литвы, которая соединилась съ Польшей и захватила всю юго-западную Русь. Московскій князь впервые объявилъ себя, въ сношеніяхъ съ иностранцами, «государемъ *всея* Руси». Такъ около 1500 г. сѣверо-восточная Русь перешла въ *наступленіе* на Западъ. Ей помогали мелкіе князья русскихъ пограничныхъ земель, отошедшихъ къ Литвѣ: они отъѣзжали въ единовѣрную Москву, а Иванъ III объявлялъ ихъ вотчины своими. Сверхъ того, онъ заключилъ союзы съ врагами Польши— Крымомъ, Венгріей и Молдавіей. И Литва была побѣждена: Москва возвратила себѣ *Сѣверскую* область.

Первый монархъ въ мірѣ. Задачи, которымъ служилъ Иванъ III, правильно развивались при его сынѣ, Василій III. То былъ *послѣдній собиратель* сѣверо-восточной *Руси*: юго-западную нужно было не собирать, а завоевывать. Мирно присоединились къ Москвѣ Псковъ (1510) и остальная часть Рязани. Василій окончательно подобралъ и власть въ свои руки. Онъ легко подавилъ еще малочисленное боярство. На счетъ послѣдняго выдвигались всѣмъ обязанные князю—боярскія дѣти да дьяки. Василій давалъ своимъ любимцамъ не вотчины, а *помѣстья*, какъ жалованье за службу, которое отымалось при малѣйшемъ нерадѣніи. Подконецъ въ рукахъ Василія уже сосредоточилась власть, какой не было ни у одного монарха въ мірѣ, по свидѣтельству нѣмецкаго посла, Герберштейна. Всѣ подданные стали смотрѣть на себя, какъ на «холоповъ» князя, а его называли «ключникомъ и постельникомъ Божіимъ». Василій развилъ дѣло отца и по отношенію къ *Западу*. Его стремленіе въ эту сторону поддерживалось женой, питомицей поляковъ, Еленой, дочерью литовскаго выходца, князя Глинскаго: въ угоду ей, князь даже сталъ брить бороду. Католики считали его время лучшею для себя порой въ древней Россіи. Василія связывала съ Западомъ и прекращавшаяся борьба съ Литвой: онъ сталъ союзникомъ ея враговъ—бранденбургскихъ курфюрстовъ и тевтонскихъ рыцарей Ливоніи. Литва принуждена была уступить Москвѣ *Смоленскъ*. А Василій шагнулъ еще дальше на западъ въ своихъ сношеніяхъ: онъ заключалъ союзы съ шведами, ганзеатами и датчанами. Самъ папа звалъ его къ крестовый походъ, чтобы отстаивать «свою вотчину константинопольскую».

Первый царь. Но новому порядку вещей, при всей его силѣ, пришлось выдержать тяжелое испытаніе. Старина, въ лицѣ бояръ, ополчилась въ малолѣтство сына Василія, *Ивана IV*. Она около 10 лѣтъ управляла Русью. Смута овладѣвала страной: «люты были, какъ львы, намѣстники и ихъ люди; поднялось лжесвидѣтельство противъ хорошихъ людей», печаловался лѣтописецъ. Главари бояръ, Рюриковичи Шуйскіе, душили своихъ соперниковъ, заточили митрополита московскаго. На глазахъ государя-мальчика, они колотили его друзей, а съ нимъ самимъ обращались «по-властелински, какъ съ рабомъ». Мальчикъ разсвирѣпѣлъ. Когда ему было 13 л., онъ вдругъ бросилъ одного изъ Шуйскихъ на растерзаніе псамъ, остальныхъ сослалъ; затѣмъ погибло еще много жертвъ его свирѣпости, даже изъ самыхъ близкихъ людей. Царственный отрокъ, котораго ничему не учили, началъ предаваться буйству и развлеченіямъ. Въ 1547 г. Иванъ короновался, 17-ти лѣтъ, но не великимъ княземъ, а *царемъ*, какъ титуловали въ Москвѣ только византійскаго императора, да хана Золотой Орды. Тогда же онъ женился на кроткой Анастасіи, дочери боярина Романа Юрьева, и подчинился вліянію придворнаго попа Сильвестра, большого начетчика, человѣка смѣтливаго и дѣятельнаго, который показался юношѣ святымъ, когда предсталъ предъ нимъ грознымъ печалователемъ за народъ. Настала 13-лѣтняя добрая пора новаго царствованія, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ минутъ въ древней Руси. У престола возникла «избранная

дума»: тутъ были, помимо Сильвестра, и ученый митрополитъ Макарій» и просвѣщенный князь Курбскій, и неродовитые люди. Особенно выдавались дарованіями послѣдніе, и во главѣ ихъ Адашевъ, котораго уподобляли «ангелу» за его доброту и честность. Въ 1549 году былъ созванъ *земскій соборъ*. И царь клялся всенародно защитить «людей [Божіихъ» отъ «бояръ и вельможъ».

Пошли небывалыя преобразованія. Явился новый *судебникъ* (1550)—первая книга законовъ со всероссійскимъ значеніемъ. Въ его основаніе была положена глубокая мысль о *выборномъ* началѣ въ управленіи, которое было раздѣлено для этого на «государево» и «земское». Тутъ же «поле» (судебный поединокъ) замѣнялось «обыскомъ»—опросомъ общества. Затѣмъ сокращались холопство и мѣстничество, какъ вредный для государства пережитокъ родового быта. Такъ какъ мѣстничались, ссорились изъ-за мѣстъ, особенно воеводы въ походахъ, то этимъ улучшалось ратное дѣло, которое было поднято еще введеніемъ постояннаго войска—*стрѣльцовъ*. А чтобы улучшить духовенство, былъ созванъ церковный соборъ, издавшій *Стоглавъ*, который развивалъ мысли Нила Сорскаго: было ограничено право владыкъ и монастырей владѣть вотчинами. Наконецъ, принимались усиленныя мѣры къ привлеченію въ Россіи полезныхъ иностранцевъ съ Запада. **Добрая пора. Преобразованія.**

Въ эту добрую пору Русь почуяла свою силу и показала ее внѣшнимъ врагамъ. Она присоединила къ себѣ царства *Казанское* и *Астраханское*. То было одно изъ важнѣйшихъ событій эпохи, снискавшее славу даже на Западѣ. Оно показало, что пало торжество луны надъ крестомъ, котораго не могла охранить католическая Европа. Русь придвигалась къ Кавказу и Сибири, которая потомъ вскорѣ и была захвачена горстью казаковъ Ермака; ей открывался путь къ богатому Востоку. Еще важнѣе, что она сама становилась перепутьемъ между сокровищами Азіи и цивилизаціей Запада. Стремленіе отца и дѣда къ Европѣ стало въ Иванѣ IV почти болѣзненной страстью. Его задушевной мыслью стало пріобрѣсти *Ливонію*, т. е. добраться до береговъ Балтики. Онъ уже отбиралъ города у тевтонскихъ рыцарей.

Успѣхи во внѣшнихъ дѣлахъ произвели потрясающее дѣйствіе на впечатлительнаго, болѣзненнаго царя. Онъ сталъ тяготиться опекой «избранной думы» и началъ странствовать по монастырямъ. Тамъ осифляне начали настраивать его противъ преобразователей. Въ 1560 г. были заточены Сильвестръ и Адашевъ—и настала злая пора, цѣлое 20-лѣтіе бѣдствій, еще невиданныхъ на Руси. Началось преслѣдованіе людей разныхъ званій, въ особенности же бояръ. Кто могъ—бѣжалъ. Однимъ изъ первыхъ отъѣхалъ въ Литву князь Курбскій, этотъ типъ предтечи новаго русскаго человѣка. Онъ отличался рѣдкимъ тогда свободомысліемъ и просвѣщеннымъ патріотизмомъ: его политическій идеалъ былъ основанъ на миролюбіи и благѣ земщины. Въ своей перепискѣ съ царемъ онъ горячо отстаивалъ старый порядокъ—участіе бояръ въ правленіи. Изъ отвѣтовъ Ивана видно, что имъ овладѣло душевное разстройство. **Злая пора Опричнина.**

Наконецъ, ему почудилось, будто вся русская земля—его тюрьма, а весь народъ—его палачъ.

Оно выразилось, главнымъ образомъ, въ чудовищной *опричнинѣ* (1564). Въ противоположность ей, вся Русь была названа «земщиной»: у нея было отдѣльное, старое правленіе, съ боярскою думой во главѣ; но она была въ опалѣ у опричнины. Не для смиренія уединился царь въ своей опричнинѣ, а для терзанья своего народа: онъ сталъ Грознымъ; онъ началъ войну съ покорными подданными. Пощады не было никому: въ мученіяхъ гибли близкіе родственники царя, его первенецъ, митрополитъ, даже главари самой опричнины. Наконецъ, пошли массовыя истребленія: 1570-й годъ ознаменовался

особенно кровавымъ походомъ противъ подданныхъ. Наиболѣе досталось родинѣ Сильвестра, Новгороду, затѣмъ Пскову и Твери за ихъ былую силу и вольность. Тутъ опричникамъ приказано было бить и грабить все, что ни попадется по дорогѣ. Пользуясь ужасами опричнины, Западъ бросился на Русь, для этого соединились вчерашніе враги—поляки, шведы и ливонскіе нѣмцы. Иванъ долженъ былъ уступить полякамъ всѣ завоеванія въ Ливоніи и Литвѣ, сдѣланныя въ добрую пору, а шведамъ отдалъ часть своей земли.

Значеніе Грознаго. Личность Грознаго полна не одного художественнаго интереса, но и историческаго смысла. Это—самъ великій народъ неоглядной сѣверо-восточной равнины, съ его широкими порывами и дарованіями, подавленными роковою средой. Это—сама древняя Русь въ наиболѣе тяжелую пору своей жизни. Она догорала въ ужасной грезѣ этой помутившейся души, въ которой отразилась «смута» или сумракъ борьбы слабыхъ зародышей новаго порядка съ пережитками старины. Въ лицѣ Грознаго древняя Русь падала подъ тяжестью сознанія своей гнетущей громадности и необходимости наверстать вѣка въ дѣлѣ внутренняго развитія. Спозаранку онъ, подобно болѣе великому и счастливому творцу новой Россіи, почуялъ въ себѣ порывы засидѣвшагося богатыря къ сильному движенію. Онъ безсознательно тянулся къ просвѣщенному Западу, мечталъ умереть въ Англіи, до конца считалъ книгопечатаніе перломъ своего царствованія и не могъ оторвать взоровъ отъ Ливоніи, этой дороги въ Европу.

Но старина, собиравшая тогда свои силы, въ предчувствіи кончины, сокрушила властелина: изъ царя-надежи «людей Божіихъ» вышелъ палачъ своего народа; за минутой просвѣтленія надолго сгустился прежній мракъ. Зло пошло отъ оскорбленнаго самолюбія самодержца, во время его болѣзни. Въ его головѣ гвоздемъ засѣла мысль объ «измѣнѣ» вельможъ, которые будто бы «снимали власть» съ своего господина и готовы были его «и съ дѣтьми известн», какъ Андрея Боголюбскаго. «За себя есми сталъ», отвѣчалъ онъ Курбскому. Онъ не отрицалъ обвиненій своихъ противниковъ, но ставилъ имъ въ вину свои прегрѣшенія, а свое безчеловѣчье оправдывалъ, какъ божескую казнь преступныхъ крамольниковъ. Ему представилось, будто такую власть, какъ у него, должно являть какимъ-то особеннымъ небывалымъ образомъ.

Олицетвореніе древней Руси, Иванъ IV поясняетъ ее самымъ свойствомъ своей болѣзни. Онъ страдалъ жгучей ревностью къ власти, къ этому единственному тогда орудію для удовлетворенія основной потребности народа въ интеграціи, въ земельномъ и племенномъ *сплоченіи*, въ которомъ и состоитъ положительный смыслъ нашей древней исторіи. Въ утомленную душу Грознаго вселился малодушный страхъ русскаго человѣка—какъ бы отъ малѣйшаго толчка не развалилась его громадная храмина, сколоченная на сѣверной трясинѣ.

Грозный быстро пережилъ себя. Онъ разрушалъ плоды своихъ рукъ: даже не пускалъ на Западъ подданныхъ, которые, по его же примѣру, потянулись было за просвѣщеніемъ. А рядомъ продолжалась безумная борьба со стариной, въ лицѣ бояръ: царь усердно измышлялъ крамолы, яростно ломился въ открытую дверь, но въ то же время, предаваясь, въ своей опричнинѣ, однѣмъ личнымъ похотямъ, онъ оставилъ государство на руки тѣмъ же боярамъ, воскрешая удѣльную пору. Грозный съ особымъ рвеніемъ продолжалъ дѣло предковъ—прибираніе къ рукамъ земель и власти, а собственноручно прекращалъ династію и задерживалъ расширеніе границъ: отъ его звѣрства отшатнулась западная Русь, которая сначала собиралась поставить его въ короли Польши. Въ злую пору грознаго царя сѣялись сѣмена той смуты, которая прикончила древнюю Русь, породившую такого властелина.

Въ крупной личности Грознаго отразилось также роковое своеобразіе Руси—жить минутами доброй поры и цѣлыми періодами застоя, даже разру-

шенія новыхъ началъ, предпринимаемаго ихъ же лелѣявшими руками. Но въ немъ же проявилась сила историческаго народа—неистребимость новыхъ началъ. Иванъ IV—не только жертва древней Руси, но и кровавая, какъ нашъ великій преобразователь, заря будущаго: проблески новой Россіи мерцаютъ по всему его царствованію, особенно во внѣшней политикѣ, которая идетъ обыкновенно болѣе прямымъ путемъ, повинуясь самому строгому и болѣе простому историческому закону.

Когда закрылъ глаза многогрѣшный Грозный царь, лѣтописцы молчали. Надъ Русью носилось смутное предчувствіе бѣдствія, которое должно было родиться изъ такого всеобщаго разложенія, какъ опричнина. Было извѣстно, какъ ненадежны были послѣдніе отпрыски Рюрикова племени—два сына Ивана IV, Ѳедоръ, отъ Анастасіи и Димитрій отъ Нагой. Первый былъ болѣзненъ, второй—дитя въ пеленкахъ. Какъ въ малолѣтство Грознаго, закипѣла борьба изъ-за власти между боярами, и борьба уже о созданіи новой династіи, такъ какъ Ѳедоръ былъ бездѣтенъ. Самыми знатными изъ бояръ были Гедиминовичи Мстиславскіе и Рюриковичи Шуйскіе, а самыми близкими къ престолу—родственники Ѳеодора *Романовы* (Юрьевы) и *Годуновы*. Власть сосредоточилась въ рукахъ *Бориса Годунова*, сестра котораго, Ирина стала женой Ѳедора. Потомокъ татарскаго мурзы, Годуновъ былъ красивъ, обходителенъ, «сладкорѣчивъ». Онъ поражалъ иностранцевъ широтой природнаго ума, презиралъ тупое самодовольство москвичей, стремился къ Западу, но трепеталъ передъ чародѣями. Это было само коварство: сегодня Борисъ былъ «свѣтлодушенъ», нищелюбивъ, обворожителенъ, завтра—свирѣпъ и кровожаденъ. Но всегда онъ былъ доступенъ подозрительности и наушничеству. Окруживъ себя массой шпіоновъ и обладая проницательностью, онъ все зналъ во-время, а при своей желѣзной волѣ могъ выжидать цѣлые годы, вырабатывая свои замыслы до мелочей. Въ этихъ замыслахъ не было ничего новаго; но даровитый правитель глубже своихъ предшественниковъ понималъ дѣло. Въ этомъ смыслѣ онъ былъ отдаленнымъ, хотя и мелкимъ предтечей Петра Великаго. **Борисъ Годуновъ**

Оттого весьма важно правленіе Годунова при Ѳедорѣ (1584—1598). Борисъ любилъ *миръ* и *просвѣщеніе*. Онъ желалъ не воевать съ Западомъ, а устрашать его внутреннею силой, хорошимъ устройствомъ Руси. Но правитель понималъ, что для этого необходимо заимствовать у Запада его науку и гражданственность: у него это стремленіе было сознательнѣе, чѣмъ у Ивана III и Грознаго. Годуновъ задумалъ было основать цѣлую систему школъ, въ которыхъ учителями были бы иностранцы. Духовенство не допустило этого; но онъ настоялъ на томъ, чтобы хоть посылать молодыхъ людей учиться за границу. Борисъ всячески выказывалъ свое пристрастіе къ иностранцамъ, даже завелъ при дворѣ много обычаевъ, отчасти и обстановку Запада. Подражая ему бояре также начали измѣнять свой бытъ на европейскій ладъ: заводили даже обычай брить бороды. Годуновъ востановлялъ павшіе города и строилъ новые, а также заселялъ пустыни, особенно на южной Украйнѣ, и сооружалъ крѣпости. Годуновъ былъ разумный колонизаторъ: онъ не насильно сгонялъ народъ на пустыри, а привлекалъ его льготами и денежной поддержкой. Борисъ старался лично привязать къ себѣ низшіе классы. Не проходило дня, чтобы онъ не благотворилъ. Онъ самъ часто ѣздилъ по областямъ и вездѣ кормилъ, поилъ, ласкалъ народъ. Но народъ не любилъ Бориса. Онъ считалъ его злодѣемъ и чародѣемъ. Онъ видѣлъ, что у этого выскочки не было великодушія генія, чтобы основать царственное значеніе своей семьи на правдѣ, на самоотверженной преданности общественному дѣлу. Годуновъ былъ, какъ говоритъ лѣтопись, «лукавою лисой» и себялюбцемъ, когда пресмыкался у престола при Грозномъ; онъ остался такимъ, когда овладѣлъ имъ. Въ этомъ **Правленіе Годунова.**

смыслѣ это былъ воспитанный опричниной потомокъ смѣтливаго татарина, а не предшественникъ Петра Великаго.

Крѣпостничество и патріаршество. Подозрительность народа часто оправдывалась и относительно мелкихъ преступленій Годунова; но важнѣе всего основное противорѣчіе въ дѣятельности Бориса. Здѣсь на первомъ планѣ стояли мѣры, которыя клонились къ *закрѣпощенію* крестьянъ. Правда, Годуновъ былъ здѣсь орудіемъ исторіи, которая дѣйствовала точно такъ же, въ свое время и на Западѣ. Государство требовало обезпеченія арміей, а служилые люди не могли кормиться безъ помѣстій съ крестьянами. Оттого московскіе государи уже давно постепенно стѣсняли свободный переходъ крестьянъ. Годуновъ ввелъ только самыя рѣшительныя мѣры въ этомъ смыслѣ. И если, ставши царемъ, онъ нѣсколько ослабилъ ихъ, то лишь съ тѣмъ, чтобы крестьяне переходили не къ богатымъ, а къ мелкимъ помѣщикамъ. Соотвѣтственно съ этой участью крестьянъ понизилось и положеніе «вольныхъ слугъ», которые сразу обращались въ холоповъ. Эти мѣры дѣйствовали гибельно на массу населенія: доказательствомъ тому служитъ немедленное появленіе кучи бѣглыхъ и развитіе казачества да разбойничества. Но служилые были привлечены къ Годунову.

Точно также Годуновъ хотѣлъ привязать къ себѣ духовенство. Вопреки послѣднимъ соборамъ, онъ покровительствовалъ церковному землевладѣнію: онъ возстановилъ его льготы, давалъ владыкамъ и монастырямъ свободу отъ повинностей. Наконецъ, Годуновъ возвысилъ главу русской церкви въ санъ *патріарха* (1589), не соображая, сколько вреда государству могло произойти отсюда въ будущемъ. Годуновъ думалъ только, что патріаршество будетъ способствовать блеску царя, тѣмъ болѣе, что константинопольскій патріархъ сталъ тогда рабомъ султана. Во всякомъ случаѣ, глава русской іерархіи становился выше кіевскаго митрополита, а это должно было привлекать къ Москвѣ православныхъ въ Литвѣ. Патріархомъ сталъ Іовъ—покорное орудіе Бориса.

Борисъ — царь. Опираясь на духовенство и служилыхъ, Годуновъ считалъ себя въ безопасности и истреблялъ потихоньку вліятельныхъ бояръ, владыкъ и даже «лучшихъ людей» среди московскихъ посадскихъ. Но народъ все больше не довѣрялъ ему. Онъ приписалъ ему даже загадочную смерть царевича Димитрія въ Угличѣ (1591), до сихъ поръ не вполнѣ разъясненную. Говорили, что и смерть царя Ѳедора (1598)—дѣло его рукъ, тѣмъ болѣе что *царемъ* сталъ дѣйствительно *Борисъ*, хотя онъ былъ избранъ правильно земскимъ соборомъ. Это краткое царствованіе было безславно. Борисъ-царь лишь сначала продолжалъ дѣло Бориса-правителя: соблюдалъ миролюбіе, старался оградить себя кротостью, милостями, полезными для государства мѣрами. Но около 1600 г. пронесся слухъ, будто въ Угличѣ зарѣзали подмѣненнаго мальчика, а царевичъ Димитрій спасся. Борисъ пришелъ въ ужасъ,—и страна покрылась доносчиками. Такъ какъ Борисъ особенно боялся бояръ, то посыпались доносы подкупаемыхъ холоповъ на господъ. Пошли пытки, казни, ссылки въ Сибирь. Особенно пострадали *Романовы*, которые, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, дѣйствительно были опасны Борису. Самый умный и упорный изъ ихъ пяти братьевъ, Ѳедоръ Никитичъ, былъ постриженъ въ монахи, подъ именемъ Филарета; сынъ его, маленькій Михаилъ, былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Только они двое и уцѣлѣли изъ Романовыхъ. чѣмъ больше лилась кровь, тѣмъ кровожаднѣе и подозрительнѣе становился Борисъ: онъ уже сталъ почти невидимъ. Между тѣмъ кругомъ начали совершаться мрачныя знаменія: появилась хвостатая звѣзда; отъ недорода насталъ страшный голодъ. Толпы бѣжали, куда глаза глядятъ. Образовались сильныя разбойничьи шайки. Народъ волновался; и изъ устъ въ уста перелетало, въ сказочномъ освѣщеніи, имя царевича Димитрія. Борисъ началъ даже совѣщаться съ вѣдунами и ворожеями. Тутъ ему донесли,

что царевичъ вступилъ въ предѣлы Руси, сопровождаемый благословеніями народа (1604).

Началась смута, въ частномъ значеніи этого слова, т.-е. начало XVII вѣка на Руси (1604—1613): она была лишь послѣднимъ актомъ полуторавѣковой драмы, которую можно назвать вообще *смутною эпохой*. Эта эпоха была неизбѣжна. Она имѣетъ даже міровое значеніе. XV и XVI вѣка были смутой повсюду. Во всей Европѣ были и смѣны династій, и самозванщина, свирѣпствовала буря перехода отъ средневѣковья къ новой исторіи,—буря, связанная съ умственнымъ, экономическимъ и общественнымъ переворотами. На Руси также происходилъ послѣдній разсчетъ между пережитками старины и новыми потребностями. **Условія смуты. Общественно-экономическій переворотъ.**

Важнѣе всего, какъ и на Западѣ, былъ переворотъ *общественный*, связанный съ *экономикой*. Ему способствовалъ самъ корень старины, племя Рюрика, которое само подготовляло смуту, въ лицѣ Грознаго. Опричнина несомнѣнно была цѣлой экономической революціей. По словамъ новѣйшаго историка смуты, проф. Платонова, она усилила передвиженіе земель и запутывала его, перетасовывая владѣльческія права. «Массовая конфискація и секуляризація вотчинъ въ опричнинѣ, массовое передвиженіе служилыхъ землевладѣльцевъ, обращеніе въ частное владѣніе дворцовыхъ и черныхъ земель—все это имѣло характеръ бурнаго переворота въ области земельныхъ отношеній и неизбѣжно должно было вызывать очень опредѣленное чувство неудовольствія и страха въ населеніи». И если отъ невольныхъ, внезапныхъ передвиженій страдали землевладѣльцы, то еще хуже становилось положеніе рабочаго люда. Ему зачастую приходилось попадать въ частную зависимость: все росла подготовка нашего крѣпостничества. Тутъ опричнина создала еще одно подспорье смуты. Разгромъ боярства выкинулъ на произволъ судьбы цѣлую кучу дворни, которая именно тогда расплодилась, благодаря роскошничанью вельможъ. А тутъ настала голодуха—и господа сами распускали свою «челядь», которая и образовала то «собраніе злодѣевъ» на украйнахъ, на которое указываетъ Авраамій Палицынъ. Прибавимъ, что правительство не знало, на какую ногу стать, какъ видно изъ отношеній къ служилымъ и крестьянамъ даже такого умнаго политика, какъ Годуновъ. Ему приходилось въ одно время и выдвигать служилыхъ и бороться съ ихъ притязаніями. Оно колебалось и тѣмъ еще болѣе путало, осложняло дѣло.

И кончилось всеобщимъ запустѣніемъ и недовольствомъ. Этотъ пожаръ, задолго до смуты охватывалъ главную часть государства—центръ и югъ. Сѣверъ, Поморье, не переживалъ этого кризиса: тамъ было мало служилыхъ, и земля принадлежала еще тяглецамъ, лишь отчасти стѣсняемымъ монастырями. Изнутри же Московіи населеніе, «не могa терпѣти», разбредалось явственно уже съ половины XVI-го в.; а къ концу царствованія Грознаго, казалось, наставало общее бѣгство. Наконецъ само правительство, столь тароватое на раздачи помѣстій стало замѣчать, что его земля «въ пустотѣ *изнурилась*», а его слуги очутились въ «великой тощетѣ». Особенно тяжело и смутно становилось положеніе Дикаго Поля, южной Украйны. Оно втягивалось въ Московское государство именно путемъ общественно-экономическаго кризиса. Оно кишѣло бѣглыми, протестующими противъ московскаго народа. А государство уже настигало ихъ и здѣсь пыталось сокрушить ихъ новую волю. Оттого-то уже и отсюда шло бѣгство дальше, за рубежи: росло нищее, «воровское» казачество, какъ грозный символъ всеобщаго недовольства. Въ то же время зашевелился и средній классъ. Горожане почувствовали свое значеніе со временъ Грознаго и подъ вліяніемъ Годунова. **Всеобщее „изнуреніе“.**

Наряду съ матеріально-соціальнымъ переворотомъ шла *духовная* подготовка смуты, опять особенно благодаря Грозному. Умственное броженіе, заро- **Духовный переворотъ.**

дившееся съ начала періода, не могло заглохнуть; то слагался новый русскій человѣкъ, какъ и на Западѣ задолго до Возрожденія. Это движеніе и поддерживалось возроставшимъ вліяніемъ Запада. Образовался слой просвѣщенныхъ, «избранныхъ» людей. Обозначились двѣ всюду неизбѣжныхъ партій—прогрессистовъ и ретроградовъ. Первые, понятно, еще не имѣли своей клички: какъ друзей *новшествъ*, на Западѣ ихъ назвали бы новаторами. Но второе направленіе уже именовалось осифлянствомъ. Прогрессисты уже блистали такими именами, какъ Курбскій, Адашевъ, Сильвестръ и предтеча знаменитыхъ русскихъ иностранцевъ—Максимъ Грекъ, питомецъ западнаго Возрожденія, смѣло и патріотично громившій предразсудки и суевѣрія Руси при Василіи III. Но и новые люди еще не могли разобраться въ кучѣ понятій. Максимъ Грекъ ненавидѣлъ еретиковъ и философовъ и почиталъ за грѣхъ обувать турецкіе сапоги; Курбскій описывалъ чары, которыя казанцы напускали на русскихъ; Годуновъ трепеталъ предъ чародѣями, а Сильвестръ—авторъ «Домостроя», этого Символа вѣры допотопныхъ понятій и нравовъ. Борьба двухъ направленій мутила русскіе умы, Съ одной стороны, она, по необходимости, тянулась къ Западу: въ лицѣ Годунова, она явственно шла впереди прогрессивныхъ людей. Съ другой, она подавала руку осифлянству, которое, по преданію, внушало Грозному, когда онъ странствовалъ по монастырямъ передъ злою порой: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя, ибо ты лучше всѣхъ». И вотъ, Максимъ Грекъ, котораго выписалъ самъ Василій III, очутился заточникомъ въ монастырѣ. Подобная же участь постигла «любимыхъ» избранныхъ Ивана IV, хотя грозный царь сгоралъ жаждой книжнаго знанія, презиралъ свой народъ за невѣжество и считалъ книгопечатаніе перломъ своего царствованія.

Такъ русскіе люди еще не успѣли приладиться къ новому порядку, который требовалъ и новыхъ навыковъ, и новыхъ жертвъ, а потому считался, въ массахъ, какимъ-то дьявольскимъ наважденіемъ. Подконецъ пошелъ еще рядъ такихъ бѣдствій, какъ голодъ, моръ, разбои, отъ которыхъ совсѣмъ затуманилась душа народа. А она была и безъ того омрачена: напоминалъ опричнину конецъ правленія нелюбимаго царя, друга иноземщины, «латинскаго» Запада. Невѣжество было отличнымъ подспорьемъ смуты. Источникъ легковѣрія, оно склоняло подозрительныя, забитыя массы внимать самымъ нелѣпымъ слухамъ, принимать всякія фантазіи, смахивавшія на чудеса, за дѣйствительность. Все это, въ связи съ экономическимъ разстройствомъ, служило лучшею подготовкой той *нравственной* шаткости, безъ которой, какъ безъ воздуха, немыслима смута, сама составляющая колоссальную ложь. Всѣ извѣстія современниковъ рисуютъ яркую картину паденія нравовъ въ пору самозванщины. Личность не признавала общественныхъ сдержекъ: каждый жилъ «особѣ», при одномъ внѣшнемъ, насильственномъ объединеніи Руси: каждый былъ своего рода опричниной.

Иноземная интрига. Самозванецъ.

Сами русскіе признавались, что они «измалодушничались», стали «перелетами» или переметными сумами, служа сегодня одному, завтра другому правительству. А иностранцы изумлялись другому пороку русскихъ—«нестерпимому глупому высокомѣрію» этихъ «невѣгласовъ, невѣжъ», которые считали себя избраннымъ народомъ Божіимъ. А отсюда недоброжелательство, презрѣніе, недовѣріе къ Москвѣ за границей, которыя способствовали смутѣ. Тамъ рады были разложенію Руси. Оно было особенно выгодно ея сосѣдямъ—полякамъ, литовцамъ и шведамъ. Первымъ изъ нихъ приходилось такъ тяжело съ крѣпнувшей Русью, что они, съ прекращеніемъ династій Ягеллоновъ (1572), уже мечтали о соединеніи съ нею, какъ тогда же удалась имъ унія съ Литвой: конечно они думали окатоличить ее, съ помощью своихъ іезуитовъ. Царь тоже помышлялъ объ этомъ, но съ мыслью, обратить поляковъ въ православныхъ.

Θедоръ даже несомнѣнно сталъ бы польскимъ королемъ, если бы поставилъ Польшу рангомъ выше Москвы. Но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, всѣ попытки прекратить мучительную сосѣдскую распрю добровольнымъ единеніемъ приводили только къ пущей враждѣ. Конечно, поляки, іезуиты, папа не должны были упускать такого рѣдкаго случая къ завладѣнію Москвой, какъ Смута.

И если среди русскихъ, соединенныхъ самодержавіемъ, знаменосцемъ смуты могъ быть только представитель старой династіи, хотя бы и ложный, то онъ долженъ былъ показаться изъ-за польскаго рубежа. Какъ задолго до смуты всѣ предвидѣли ее, такъ при первой молвѣ о спасеніи царевича Димитрія въ народѣ заговорили, что онъ укрывается за литовской границей. И *самозванецъ* явился оттуда (1604), съ польскимъ отрядомъ, какъ предтеча нашествія на Русь короля Сигизмунда III и его сына Владислава. Новѣйшія изслѣдованія, связанныя съ ватиканскимъ архивомъ, удостовѣряютъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ Лжедимитрія I съ Римомъ и Варшавой. Но они же доказываютъ, что самозванецъ былъ дѣйствительно самозванецъ и, кажется, московскаго происхожденія. Говоримъ «кажется», потому что документально вопросъ еще не рѣшенъ: проф. Платоновъ все еще справедливо называетъ его «таинственнымъ Гордіевымъ узломъ».

Предтечи преобразователя Олигархія княжатъ.

Отъ личности Лжедимитрія и отъ всего его быта вѣетъ человѣкомъ европейскаго воспитанія. Его правленіе было сильнымъ толчкомъ всему, что было тогда прогрессивнаго въ Россіи. Лжедимитрій открывалъ собою эпоху *преобразованій* въ русской исторіи, о которой думалъ Годуновъ и которая развилась при Петрѣ I. Народъ почувствовалъ облегченіе: было запрещено даже потомственное холопство, а бѣглый крестьянинъ становился свободнымъ черезъ пять лѣтъ. Но толпа не могла оцѣнить передовыхъ стремленій Лжедимитрія, какъ и Годунова. Она не знала, что иноземные враги Руси ошиблись въ своемъ ставленникѣ: внѣшняя политика Самозванца была основана на выгодахъ Москвы. Толпа видѣла только, что Лжедимитрій окруженъ иностранцами, не соблюдаетъ ея обрядовъ и обычаевъ, живетъ по-европейски.

Этимъ воспользовались княжата, которые работали противъ Годунова для себя, а не для какого-то Самозванца. Они разжигали недовѣріе народа, руководимые властолюбивымъ Василіемъ Шуйскимъ, котораго великодушно пощадилъ Самозванецъ. Лжедимитрій погибъ жертвой ихъ происковъ (1606). Царемъ сталъ Шуйскій, поставленный не земскимъ соборомъ, а московскими боярами, взявшими съ него запись о раздѣленіи власти съ ними. Водворилась *олигархія княжатъ*, (титулованныхъ бояръ) которую называютъ реакціей, по сравненію съ правленіемъ Лжедимитрія I. Она была мимолетна. Бездарный, жестокій царь Василій скоро возстановилъ всѣхъ противъ себя. Народъ опомнился, сталъ жалѣть «царя Димитрія», сравнивая его съ бояриномъ, «воровски» занявшимъ престолъ. А главное, тогда выступила новая, грозная сила, которая неизбѣжно вела Русь къ разгару смуты или къ «розрухѣ», длившейся семь лѣтъ.

Соціальная розруха.

Открылась новая эпоха смуты — *соціальная* борьба. Въ этомъ-то главный смыслъ той замѣчательной поры. Въ наукѣ теперь брошенъ первоначальный взглядъ на самозванщину, какъ на дѣло иноземной интриги. Какъ вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, это внѣшнее условіе играло второстепенную, случайную роль. Число поляковъ у Лжедимитрія I было ничтожно; да и при Лжедимитріи II у самаго страшнаго польскаго наѣздника, Лисовскаго, войско состояло изъ русскихъ, и именно изъ казаковъ съ Поля и Дона. Оттого-то, когда выступили, наконецъ, противъ развалинъ Московіи цѣлыя иноземныя государства, Польша съ Швеціей, они тотчасъ убѣдились, что для нихъ игра не стоитъ свѣчъ. Не случайно самозванщина началась именно на нижней украйнѣ,

которою она и питалась до самаго своего издыханія. Здѣсь *голытьба* была увлечена словами Лжедимитрія: «я буду васъ жаловати и въ чести держати; и учиню васъ въ тишинѣ и въ покоѣ и во благоденственномъ житіи».

Такъ было на южной украинѣ. Сѣвернѣе, въ рязанской области, поднялась, съ дворянами Ляпуновыми во главѣ, масса мелкихъ *служилыхъ*: они также негодовали на «сильныхъ людей», которые-де теперь уже не дадутъ подыматься «худороднымъ». Взбунтовались и *иногородцы*, съ Мордвой впереди, чтобы отомстить Москвѣ за отнятіе у нихъ земель, за звѣрства ея воеводъ, за нетерпимость ея церкви. Поднялись даже терскіе и другіе казаки, жалуясь на «лихихъ бояръ, которые переводятъ жалованье» ихъ на себя. Только Сѣверъ молчалъ, словно выжидая чего-то. Все это шло на Москву, какъ на сердце стараго ненавистнаго порядка, хотя толпа и здѣсь сочувствовала перевороту. А москвичи, не разбирая ничего, прозвали все новое движеніе затѣей *воровъ* (злоумышленниковъ) «на разореніе православнаго христіанства». Только внутренняя рознь сгубила эту силу. Прокопій Ляпуновъ передался къ Шуйскому за санъ думнаго дворянина, — и въ концѣ 1606 г. рать царя Василія отбросила Болотникова отъ Москвы. Голытьба отхлынула «во-свояси». А Василій началъ издавать указы, которые полагали государственныя основы крѣпостничеству, превративъ холопьи побѣги изъ гражданскаго проступка въ уголовщину.

Но такое непониманіе исторической минуты тотчасъ вызвало народную Немезиду, жалкимъ орудіемъ которой оказался второй самозванецъ, прозванный просто *Тушинскимъ воромъ*, — личность совсѣмъ темная.

Тушинскій воръ. То было чисто соціальное движеніе, которое лишь пользовалось самозванщиной, какъ политической прикрышкой: въ подлинность Лжедимитрія II мало вѣрили; о немъ никто не заботился; подлѣ него возникло до десятка другихъ самозванцевъ; былъ даже какой-то «Царевичъ Ерошка». Въ Тушино стекались и остатки воинства Болотникова, и свѣжія толпы донцовъ и запорожцевъ. Вору помогли опять боярскія козни...

Но уже черезъ два-три мѣсяца тушинцы утратили свое обаяніе. Не понимая своей исторической роли, они превратились въ истинныхъ «воровъ», т. е. злодѣевъ, мародеровъ. Отсюда естественная реакція въ Московіи. Столь же естественно она началась въ мѣстностяхъ, еще не тронутыхъ «ворами», — въ Поморьѣ, гдѣ соціальный бытъ не походилъ на украинскій, да среди «замосковныхъ» городовъ, какъ именовали тогда центръ государства, коренное Великорусье. Ея средоточіями стали Новгородъ, Вологда, Кострома, Ярославль, Нижній.

Иноземщина. Въ сѣверныхъ городахъ подымалось «мужичье» движеніе, какъ выражались тушинскіе воеводы съ презрѣніемъ. Оно сливалось съ ратной дѣятельностью родственника царя Василія, Скопина-Шуйскаго, въ Новгородѣ: тамъ помогали ему шведы, испугавшіеся усиленія поляковъ. Смута принимала *международный* характеръ: Сигизмундъ III вступилъ съ войскомъ въ предѣлы Руси. Эта организованная европейская сила одолѣла хаотическую среду, тѣмъ болѣе, что доблестный Скопинъ внезапно умеръ, кажется, отъ отравы. Тушино изчезло. Важнѣйшія лица въ немъ вступили въ переговоры съ польскимъ королемъ. За ними пошли другіе тушинскіе бояре: то были остатки дворцовой знати временъ опричнины, соперники княжатъ, группировавшихся въ Москвѣ вокругъ царя Василія. Эти бояре хватались за Вора, лишь какъ за орудіе борьбы съ Шуйскимъ; когда оно оказалось негоднымъ, они бросили его и обратились въ польскій лагерь за Владиславомъ. А за ними послѣдовали тѣ московскіе бѣглецы, которыхъ современникъ называетъ «самыми худыми людьми, торговыми мужиками»; во главѣ ихъ находился кожевникъ Ѳедька Андроновъ.

Тушинскіе бояре потребовали, въ договорѣ съ Владиславомъ, чтобы онъ возстановилъ «звычаи всѣ давные добрые»; они увеличивали свои права, а главное, они точно такъ же, какъ княжата Василія, стояли за крѣпостничество. А вопросъ о казачествѣ отложили: вѣдь, эти «воры» ушли въ Калугу за своимъ «царикомъ»! Этотъ договоръ съ поляками, какъ готовая программа, явился въ Москвѣ, благодаря Филарету, котораго схватили на пути къ королю. И тамъ вдругъ зашумѣла толпа, и не только противъ властей, но и противъ богачей, которые, пользуясь голодомъ, продавали «отцовъ своихъ и братію на серебро». Она «ссадила» Василія съ престола (1610).

Прямое вмѣшательство иноземщины вызвало силу *націонализма*, которымъ отмѣченъ третій періодъ смуты. **Національная смута.**

Онъ мелькалъ съ самаго начала, когда родной «царевичъ» появился изъ чужой земли, окруженный спѣсивыми панами-латинцами. Прокопій Луняновъ ненавидѣлъ все иноземное. Москвичи называли воинство Лжедимитрія II то ворами, то «литвой, поляками»,—даже «загонными людьми» (zagon—по-польски набѣгъ, наѣздъ). Народъ возлюбилъ Скопина, какъ «очистителя государства россійскаго» и отъ внутреннихъ, и отъ внѣшнихъ враговъ. Даже договоръ съ Владиславомъ требовалъ сохранить православіе и не давать должностей на Руси панамъ. Теперь же національное сознаніе созрѣло, когда и сами бояре получили возмездіе за дружбу съ иноземщиной: вожди княжатъ и глава Романовыхъ, Филаретъ, попали въ польскій плѣнъ; остальные бояре «всѣ живы не были» подъ гнетомъ военной диктатуры въ Москвѣ.

За національную задачу пришлось взяться «самымъ худымъ людямъ». Какъ бы въ силу реакціи, выступила подспудная сила изъ самой глубины массъ: начинался народный подвигъ спасенія Московіи.

Масса, при всемъ одушевленіи націонализмомъ, не могла дѣйствовать безъ руководящей силы. Древняя Русь выработала два устоя общежитія,—самодержавіе и православіе. Волей-неволей долженъ былъ выступить патріархъ; Гермогенъ ненавидѣлъ иноземцевъ, и особенно «латынянъ», и понималъ только одно—«все подъ руку покорять московскому царю». Филаретъ, сталъ посылать изъ польскаго плѣна патріотическія воззванія. По Руси полетѣли «увѣщательныя грамоты» патріарха. По городамъ и селамъ звонили въ колокола, собирали народъ. Въ естественныхъ центрахъ, въ Нижнемъ и Ярославлѣ, еще до появленія грамотъ разсуждали о спасеніи государства. Отсюда вышло первое *ополченіе* (1611). То были служилые тяглецы, да остатки новгородской рати Скопина. Ими начальствовалъ земскій человѣкъ, Ляпуновъ, который призывалъ всѣхъ обездоленныхъ, обѣщая имъ «волю и жалованье, какъ и инымъ казакамъ». Въ его лагерѣ, подъ Москвой, образовалось какъ бы временное правительство—совѣтъ «всея земли», съ участіемъ «посыльщиковъ» отъ городовъ и чиновъ, предводившихъ тяглыми ратниками. **Ополченіе Руси.**

Но, на бѣду, сюда же пристали бывшіе тушинцы, уже убившіе своего «царика». Ляпуновъ старался слить съ своимъ воинствомъ эту «воровскую» рать для общаго подвига—«противъ разорителей вѣры христіанскія». Но казаки не могли отдѣлаться отъ привычки «воровать», за что Ляпуновъ сталъ «сажать ихъ въ воду». Казаки убили Ляпунова и захватили правительство въ свои руки. Земское ополченіе очутилось между казаками и поляками Кремля: и «отойдоша вси отъ Москвы прочь».

Ни верхи, ни низы общества не спасли Руси. Но оставался *средній* слой общества, который также одушевляла церковь, въ лицѣ людей Троицко-Сергіевской Лавры, за смертью Гермогена. Онъ и сдѣлалъ попытку «очищенія» Руси—уже разомъ и отъ иноземцевъ, и отъ «воровъ». Починъ нижегородскаго ополченія 1612 года принадлежалъ безспорно посадскимъ тяглецамъ, за ко- **Очищеніе Руси. Среднее сословіе.**

торыми потянулись служилые и духовенство: душой движенія былъ выборный земскій староста, мясной торговецъ, безграмотный Кузьма *Мининъ*, по прозванію Сухорукъ. Въ Ярославлѣ нижегородская власть превратилась во временное правительство всея Руси, въ отмѣну казачьяго правительства. Казачество частью разбѣжалось, частью, скрѣпя сердце, примкнуло къ ополченцамъ. Роль казачества въ смуту окончилась.

Такъ, Русь была спасена среднимъ слоемъ общества. И подъ его вліяніемъ оставалась политика возстановленнаго правительства до Уложенія 1648 г. Золотое же времячко боярщины миновало со смутой точно такъ же, какъ и вольность и засиліе казачества. Смута еще болѣе развила почти болѣзненную *потребность* русскихъ *въ ополченіи*, въ государственной интеграціи.

Избраніе Романова. Избраніе Михаила совершилось сравнительно скоро и легко (февраль 1613), несмотря на неизбѣжныя козни разныхъ притязателей на престолъ, особенно княжатъ. Именно продѣлки княжатъ въ смуту склоняли народъ къ фамиліи Романовыхъ. Къ тому же, при избраніи этой семьи, не блиставшей богатствомъ, власть какъ бы переходила только въ побочную, женскую линію рода Рюрика: Анастасія Романовна доводилась двоюродной бабкой Михаилу Ѳедоровичу. Эта Анастасія и Никита Романовичъ казались многострадальному народу ангелами кротости, смирявшими ярость Грознаго, какъ пѣлось въ пѣсняхъ; остальные же Романовы, и самъ Михаилъ, спасенный отъ поляковъ мужикомъ Сусанинымъ, представлялись мучениками боярства и иноземщины.

Двоевластіе. За болѣзненнаго юношу правилъ 14 л. его отецъ, патріархъ *Филаретъ*. Это время называютъ даже *двоевластіемъ*. Человѣкъ умный, образованный и съ сильной волей, Филаретъ посвятилъ себя ясной задачѣ—заглаживать послѣдствія смуты. Своею разумной строгостью, справедливостью и вниманіемъ къ «сирымъ и обидимымъ» онъ заслужилъ добрую славу на Руси. Онъ очистилъ страну отъ послѣднихъ «воровъ» и «лисовчиковъ»; затѣмъ оглядѣлъ разрушенное царство, разославъ повсюду «писцовъ» и «дозорщиковъ». Онъ сталъ созывать земскіе соборы, развилъ систему приказовъ, заселялъ окраины, особенно южную и сибирскую, привлекая туда населеніе льготами и постройкой городовъ. Филаретъ призывалъ изъ Европы не только мастеровъ, но и ученыхъ, возобновилъ книгопечатаніе и основалъ греко-латинское училище по западному образцу. Только финансы составляютъ пятно на его дѣятельности. Пустую казну приходилось наполнять всякими средствами: казна стала монополистомъ, захватывая продажу даже соли; развились откупа, особенно винные; возникла масса тяжелыхъ налоговъ.

Деньги требовались тѣмъ болѣе, что смута завѣщала упорную борьбу съ Польшей и съ Швеціей. А для нея пришлось добывать за границей и боевые матеріалы, и самихъ солдатъ, которымъ поручали неслыханное у насъ дѣло—обученіе русскихъ иностранному строю. Обратили особенное вниманіе и на стрѣльцовъ, напоминавшихъ иноземное войско. При всемъ томъ, пришлось возвратить полякамъ земли Смоленскую, Черниговскую и Сѣверскую. Одновременно шла война со шведами, которыми предводительствовалъ самъ знаменитый Густавъ-Адольфъ: пришлось и имъ уступить «приморскую полосу», у Финскаго залива. Борьба съ такими сосѣдями вовлекла Россію въ широкія международныя *сношенія* именно *съ Западомъ*, который, въ свою очередь, искалъ этого. При Михаилѣ, уже ясно возстановленіе этихъ благодѣтельныхъ связей, порванныхъ татарщиной, теперь лежавшей у ногъ побѣдоносной Московіи. Наши послы появились въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Европы: при войнѣ съ Швеціей, Михаилъ просилъ помощи у Франціи, Англіи и Голландіи. Англія поддержала его въ борьбѣ съ Польшей, ссудивъ знатную сумму денегъ: то былъ нашъ *первый иностранный заемъ*. Въ Москвѣ впервые появились пе-

сланцы Англіи и Франціи, а шведы завели «резидента»—постояннаго представителя. Въ то же время въ Россіи проживало уже много иноземныхъ солдатъ и ученыхъ, въ особенности же ремесленниковъ, строившихъ разные заводы и украшавшихъ бытъ двора.

ЛЕКЦІЯ ДЕСЯТАЯ.

Культура четвертаго періода.

Земля и населеніе.

Въ четвертомъ періодѣ нашей исторіи (ок. 1450—1650) Россія сильно измѣнилась, особенно во всемъ, что касалось болѣе внѣшнихъ условій жизни. Въ концѣ его она занимала пространство вдесятеро больше, чѣмъ въ началѣ. Тогда даже иностранцы считали «Московію» самымъ большимъ государствомъ въ Европѣ. Они изумлялись и ея природнымъ богатствамъ—плодородію почвы, лѣснымъ и горнымъ сокровищамъ. Но Россія все еще была бѣдна и малонаселенна. Голодъ и моръ были привычными явленіями, хотя они уже не были такъ повсемѣстны, какъ прежде. Они попрежнему зависѣли отъ неурожаевъ, при неумѣніи обращаться съ землей, отъ плохихъ средствъ сообщенія, отъ пожаровъ и разбоевъ. Бичемъ народа стали еще войны, которыя сдѣлались почти безпрерывными съ расширеніемъ государства; тутъ выгода противъ прежняго состояла только въ томъ, что мы вездѣ перешли въ наступленіе, и врагъ уже рѣдко и мимолетно вторгался въ наши предѣлы. Подконецъ народъ посѣтили еще такія бѣдствія, какъ опричнина и смута, окончившаяся полной «розрухой». А рядомъ развивалось крѣпостничество. Немудрено, что старый обычай русскихъ—«разбрестись розно» разростался. Отсюда особенная черта Московіи: внутри ея зіяла пустота—«поросшія земли, пустоши, что были деревни»; а границы нашей народности расширялись. Развивалось наше знаменитое переселеніе; только теперь оно шло не на сѣверо-востокъ, а обратно, и съ такой силой, что образовалось знаменитое казачество.

Самодержавіе.

Такъ, Россія становилась громадиной, по своимъ предѣламъ, и почти безплодной, убогой страной по своему населенію и его быту. То же видимъ въ ея внутреннемъ строѣ. Рамки этого строя, государственная власть расцвѣтала пышно; а его содержаніе, культура страны была слаба. Самодержавіе подконецъ выходило побѣдителемъ изъ борьбы со старымъ порядкомъ. Удѣльно-вѣчевой строй явно падалъ съ самаго начала періода. Иванъ III уже назывался «императоромъ» въ домашнемъ обиходѣ. Онъ завелъ правильный *дворъ*, съ его строгими обрядами и пышными чинами. Желая женить наслѣдника, онъ призвалъ на смотръ 1.500 лучшихъ дѣвицъ со всей Руси. Тогда же выработался суровый *посольскій чинъ*: главной службой посла, которому не давали денегъ на издержки, было смотрѣть, чтобы не «умалить» достоинства своего господина. Василій III уже превосходилъ властью всѣхъ монарховъ Европы. Русскіе уже гордились его «богоподобіемъ» и подписывались въ челобитныхъ: «холопъ твой, рабица, сирота». А бояре ссорились изъ-за чести быть за столомъ государя, получить изъ его рукъ хлѣбъ или соль да шубу съ его плеча.

Иванъ IV—уже первый признанный русскій *царь*. Въ его титулѣ цѣлая молитва и перечисленіе 26-ти покоренныхъ государствъ; его грамоты полны пышныхъ выраженій изъ бумагъ восточныхъ султановъ. Грозный всю жизнь боролся съ воображаемой «крамолой», желая скосить все выдающееся, сильное. Съ его времени исчезаютъ договорныя отношенія между князьями. Своимъ болѣзненнымъ звѣрствомъ и распутствомъ онъ уничтожалъ корень Рюрикова

племени и подготовлялъ смуту. А самодержавіе все росло и пережило самую розруху. Никогда оно не было такъ сильно, какъ при Михаилѣ Федоровичѣ. Тогда была сдѣлана государственная «печать новая, больше прежней, и прибавлено въ подписи—*Самодержецъ*». Даже желаніе увидѣть царя стало преступленіемъ.

Самодержецъ сталъ и символомъ сказочнаго *богатства*. Была только царская казна, а не государственная, и царь самъ окладывалъ подданныхъ. Земля также считалась государевой. Отсюда правило: у кого земля, тотъ обязанъ нести службу государеву или тягло.

Чинъ „пресвѣтлаго величества".

Величіе власти и сила богатства Верха выразились, съ Грознаго, въ *царскомъ чинѣ*. Это—цѣлый культъ «пресвѣтлаго царскаго величества», жизнь котораго текла чтивымъ, степеннымъ «обрядомъ». Возникло «вѣнчаніе на царство». Всѣ падали ницъ при видѣ царя и особенно царицы. А внутри его самые родовитые вельможи били челомъ царю за особую милость—до 30 разъ. Здѣсь все, даже обѣдъ государя и его посѣщеніе царицы, было строгимъ обрядомъ. У царицы былъ свой дворъ—до 150 женщинъ и до 250 однихъ стольниковъ (пажей). Вся эта масса народу заботилась, прежде всего, объ «обереганіи чести государева двора», т.-е. о неукоснительномъ соблюденіи обрядовъ царскаго чина. Сюда относились и пышная «царская тѣшь» (охота), и представленія скомороховъ, медвѣдниковъ, «дураковъ и шутовъ, дурокъ и шутихъ», карловъ и карлицъ.

На дворѣ денно и нощно держали караулъ изъ 250 стрѣльцовъ, съ заряженными пистолями и дымящимися фитилями. А въ самомъ дворцѣ дневали и ночевали ихъ отборные товарищи—тысячи двѣ «стряменныхъ». Сверхъ того, здѣсь кишѣла масса «дворянъ московскихъ», которыхъ назначали, по наряду, для дворцовой стражи; 40 изъ нихъ ночевали подлѣ царской опочивальни. Подконецъ установилось общее «крестоцѣлованье» (присяга), запись котораго гласила: «Лиха никакого никакъ ни хотѣти, не мыслити, не думати, не дѣлати никакими дѣлы, никоторою хитростію», а что я такого «свѣдаю или со стороны услышу, мнѣ сказати государю», или черезъ ближнихъ его «то слово донести до государя».

Законодательство. Боярская дума.

Воля самодержца стала закономъ и правительствомъ. Законовъ почти и не было: иностранцы дивились, какъ это въ Москвѣ они сводились къ такой тощей книжкѣ, какъ *Судебникъ* Ивана IV, который лишь случайно дополнялся разными указами да уставными грамотами. Высшею законодательной формой все еще считался государевъ *именной указъ*. Онъ означалъ приговоръ царя совмѣстно съ думой: «царь указалъ, бояре приговорили», писалось въ немъ.

Дума была вообще высшею ступенью всѣхъ властей. Она уже превратилась изъ дворцовой конторы въ государственный совѣтъ всея Руси: иностранцы переводили слова «дума, думцы, думные дьяки» словами «сенатъ, министры-государственные секретари». Но у нея не было даже распорядка дѣлъ, правильной канцеляріи и архива. Думцы принимали доклады или предрѣшенія, которыя сочинялись въ царской «комнатѣ», въ «ближней» или «тайной» думѣ.

Земскіе соборы.

Выше боярской думы была великая земская дума или *земскій соборъ*. Народъ страдалъ отъ «несправедливыхъ судей и лихоимцевъ» и «докучалъ» государямъ челобитными. Это обнаружилось особенно въ малолѣтство Ивана IV, когда дѣло дошло до мятежа въ Москвѣ. Власть рѣшилась приблизиться къ «людямъ Божіимъ»,—и съ 1549 г. возникли земскіе соборы, по образцу церковныхъ и по новгородскимъ воспоминаніямъ попа Сильвестра. На соборахъ должна была участвовать «вся земля», «люди всякихъ чиновъ» или разрядовъ свободныхъ людей. Но на дѣлѣ полныхъ соборовъ не бывало: крестьянство

участвовало только разъ, при избраніи Михаила; купцовъ также было мало. Большинство состояло изъ духовенства, бояръ и служилыхъ. Трудно даже опредѣлить точно число соборовъ: до конца періода ихъ было не менѣе 20.

Въ своей полуторастолѣтней исторіи (1549—1698) земская дума иногда вершила судьбу государства: она избрала 6 государей, рѣшила вопросы о войнѣ и мирѣ и о расправѣ съ «ворами»; ея дѣломъ былъ Судебникъ Ивана IV; она объединяла Русь и прямо спасала ее, не жалѣя ни добра, ни «животовъ» своихъ въ годину бѣдствій. Наконецъ, черезъ «наказы» выборнымъ вся земля подавала Верху челобитныя «обо всякихъ нуждахъ своей братіи», которыя вскрывали язвы государства.

Задачей соборовъ было собственно денежное вспоможеніе да оберегаиіе страны и ея главы. Соборы были вызваны быстрымъ ростомъ государства, непосильными ему задачами. Они процвѣтали при самозванщинѣ да при Филаретѣ. Подконецъ уже выдвигался иной обычай — призывать «на совѣтъ» свѣдущихъ людей для обсужденія, вмѣстѣ съ думцами, текущихъ дѣлъ. Соборы старались закрѣпить самодержавіе.

Таковы были высшія учрежденія древней Руси, при ея кончинѣ. Соборы и думу можно назвать органами законодательства, хотя, при общей смутности той жизни, здѣсь видимъ и высшія инстанціи властей судебной и распорядительной. Наряду съ ними, тогда же выработалось высшее учрежденіе, посвященное по преимуществу администраціи или правительственной «расправѣ». Это — московскіе *приказы*. Зародышемъ ихъ можно считать тѣхъ бояръ, которымъ князья «приказывали» вѣдать извѣстныя дворцовыя дѣла. Но приказы, какъ подобіе министерствъ, обособились лишь въ четвертомъ періодѣ. Они были вызваны, съ одной стороны, крайнимъ накопленіемъ дѣлъ въ думѣ, съ другой—ростомъ самодержавія, желавшаго сосредоточить власть, сокращая число посредниковъ между Верхомъ и народомъ. Приказы сначала даже назывались то «подклѣтами, избами» дворца, то «четями» (четвертями, частями) думы. Потомъ приказы совсѣмъ обособились, въ значительномъ числѣ (подконецъ десятка два), вѣдая, то извѣстныя дѣла, то разряды лицъ, то данныя мѣстности. Но, въ сущности, они представляли хаосъ. Приказы выростали «по нужѣ», какъ кривыя улицы Москвы съ тупыми переулками. Кругъ ихъ вѣдомства былъ неопредѣленъ: они сами не знали, что вершать самимъ, что «взносить» въ думу въ видѣ «статей» или вопросовъ. А это поощряло «московскую волокиту» и лихоимство, хотя приказнымъ было чѣмъ жить: въ «вѣдѣніе» каждаго приказа приписывались цѣлые города или разряды тяглыхъ. Приказы.

Впрочемъ, начальники приказовъ, бояре и окольничіе, были лишь орудіемъ своихъ «товарищей», *дьяковъ*, да письмоводителей, *подьячихъ*. Дьяки-то да подъячіе, эти пресловутые «приказные», были душой всего дѣла. Люди «худородные», «страдничьи дѣти» (поповичи, отпущенники, княжьи дворовые холопы), они заняли положеніе западныхъ легистовъ или юристовъ римскаго права. Безграмотное правительство не могло ступить шагу безъ этихъ выскочекъ. И дьячество стало чиномъ, который велъ до самаго окольничества; передъ смутой возникъ даже «думный» дьякъ, который продвигался въ рядъ «ближнихъ» или «великихъ» людей. Главные дьяки уже выходили изъ служилыхъ, иногда даже изъ родовъ удѣльнаго боярства. Они начали родниться съ вельможами и образовывать какъ бы приказныя династіи. Они уже получали вотчины, помѣстья и «дьячьи пошлины». Въ ихъ рукахъ сосредоточилось все управленіе Русью. Возникла пословица: «быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ». Понятно, что старая знать гнушалась этими «новыми вѣрниками» царя, оттиравшими ее отъ Верху. Они считали ихъ «неродословными», лишенными «отеческой чести», а ихъ должность—«худымъ чиномъ».

Областное управленіе. Приказные заправляли изъ Москвы и всѣми областями Руси. Отъ нихъ вполнѣ зависѣли *намѣстники* и *волостели*, при которыхъ сидѣли свои дьяки; да еще разсылались по странѣ «писцы», эти приказные дозорщики по податнымъ и крѣпостнымъ дѣламъ. Ради взятокъ, приказы смѣняли областныхъ правителей чуть не ежегодно; а тѣ спѣшили «покормиться, быть сытыми» и становились лютыми «львами», по выраженію лѣтописца. Оттого въ Судебникѣ Ивана IV впервые положено наказаніе за злоупотребленіе властью. Тогда же возникло *выборное* начало въ областномъ управленіи. Правительство отдавало городскимъ и сельскимъ общинамъ намѣстничьи дѣла, дозволяя имъ выбирать для того *земскую избу* и «излюбленныхъ головъ и старостъ». На окраинахъ же, при Грозномъ, появилась власть болѣе сильная, чѣмъ намѣстникъ: это — пограничные *воеводы*, которые сидѣли въ «острогѣ» (крѣпости) для ратнаго дѣла, между тѣмъ какъ намѣстникъ завѣдывалъ «городомъ» или гражданской частью.

Но порядочные люди не шли въ «излюбенные»: и земская изба наполнялась такими пройдохами, что вскорѣ народъ сталъ просить царя отставить выборное начало. Подконецъ въ областномъ управленіи видимъ уже возвращеніе къ старому порядку, и въ болѣе строгой формѣ: всюду начали замѣнять намѣстниковъ и волостелей воеводами, въ рукахъ которыхъ соединяли обѣ власти—и военную, и гражданскую. Воевода былъ лишь орудіемъ московскаго сосредоточенія власти, онъ безпрекословно тянулъ къ приказамъ, какъ вполнѣ ихъ подчиненный. Немудрено, что подконецъ слышатся такія же жалобы на воеводъ, какъ прежде на намѣстниковъ. Въ челобитныхъ посадскіе часто грозили «разбрестись розно». Тамъ и сямъ вспыхивали «безчинства, воровскіе заводы, мятежи».

Внизу областнаго управленія сохранилась *община*, съ ея исконнымъ «міромъ», съ «земскою избой», съ выборными «старостами и сотскими», со «сходами», которые въ юго-западной Руси назывались вѣчами (позже—громадами). Но подконецъ падалъ и общинный строй, подъ давленіемъ приказовъ и крѣпостничества. Послѣднее выдвигало вотчинное начало въ низшемъ управленіи. Селами начали завѣдывать царскіе и помѣщичьи «приказчики» или «ключники»; въ писцовыхъ книгахъ земли уже описывались не по общинамъ, а по вотчинамъ и помѣстьямъ. Самое имя «волости», какъ части уѣзда, уступало мѣсто правительственному названію—*станъ*. Самый уѣздъ, страдавшій безграничіемъ, подвергся государственному вліянію: государевы «разводчики» и писцы ставятъ межи, «грани тешутъ, ямы копаютъ».

Казна. Еще болѣе нуждалась въ государственномъ упорядоченіи главная отрасль управленія — финансы или, по-татарски, *казна*. Здѣсь особенно сказывался хаосъ отъ борьбы новаго порядка со стариной и отъ быстраго роста государства. Тутъ вотчинное начало перемѣшивалось съ государственнымъ, земельное—съ сословнымъ; а неопытные и сами спутанные приказы вели казенныя книги «по-купецки», т.-е. какъ ни попало, по-домашнему. Казна, безпорядочная тогда и на Западѣ, потрясенномъ приливомъ металла изъ Новаго Свѣта, представляла у насъ особыя затрудненія. Если татарщина, вызвавшая «выходы» или общую подать, дала ей ранній толчекъ, зато сила пережитковъ удѣльной поры, быстрый ростъ государства, вѣчныя войны и смуты да кочевка населенія разбивали всѣ разсчеты. Оттого страна была бѣдна. Нигдѣ не было такого рокового стремленія «избывать тягла» всякими способами, въ особенности же бѣгствомъ: отсюда развитіе закладничества въ его разныхъ видахъ. Наконецъ, въ Москвѣ отражался и тягостный переходъ Европы отъ естественнаго хозяйства къ денежному: натуральныя повинности стали перекладываться на денежный *оброкъ*, хотя это новшество прививалось пока туго.

Доходы строились по простымъ правиламъ, имѣющимъ въ виду нужды правительства, безъ соображеній о податныхъ силахъ народа. Это—*окладная роспись*, напоминавшая «индиктъ» византійскихъ императоровъ. Она назначала ежегодно, сколько взять съ каждой мѣстности, причемъ основой обложенія были не лица, а имущество. Ей помогали «писцовыя книги» (кадастръ), возникшія съ начала періода и бывшія плодомъ народной переписи, введенной при Димитріи Донскомъ ради «выходовъ». Эти книги, при всемъ ихъ несовершенствѣ, давали хоть примѣрную оцѣнку земель, промысловъ и торговъ и мѣстами играли роль крѣпостей на землю и крестьянъ до самого XIX-го в. А главное, онѣ служили основой окладныхъ сборовъ. Раскладка этихъ сборовъ поручалась сельскимъ старостамъ, а за ихъ взиманія отвѣчалъ воевода, который ставилъ тяглецовъ на правежъ «нещадно» и отбиралъ животы: всякая недоимка считалась «воровствомъ»; ее «правили» и съ мертваго—съ его вдовы и дѣтей, съ членовъ общины и съ самихъ сборщиковъ. Корнемъ окладной росписи были собственно *подати* или прямые налоги, въ простонародьѣ—«*тягло, тягость*». Здѣсь на первомъ планѣ стояло поземельное, возросшее до $1^1/_2$ милл. р. Оно взималось съ «сохи» (200—600 десятинъ) и называлось «посошное»; но въ концѣ періода выдвинулось болѣе справедливое «подворное» обложеніе, о которомъ просилъ самъ народъ. Остальную часть тягла составляли разныя «повинности». Онѣ постепенно перелагались съ натуры и издѣлья на денежный оброкъ, за исключеніемъ такихъ, какъ ратное дѣло (выставленіе «даточныхъ» или «посохи»; «зелейное» или пороховое дѣло; «городовое и острожное» дѣло и проч.) и тяжкая «ямская» служба («ямъ»—по татарски дорога). Послѣ окладной росписи былъ длинный рядъ «*неокладныхъ*» взиманій—косвенныхъ налоговъ или собственно «сборовъ» и «пошлинъ». Изъ нихъ подконецъ многіе отдавались на откупъ, по-татарскому образцу. Казна пользовалась еще многими *монополіями* или исключительнымъ торгомъ: одна она содержала «кружечные дворы», т. е. изготовляла и продавала пиво, медъ, водку. Наконецъ изыскивалась куча случайныхъ мелкихъ неуловимыхъ доходовъ («полоняночныя, пищальныя деньги» и проч.), въ томъ числѣ «пятинные сборы», напоминавшіе подоходный налогъ.

Подконецъ замѣчалось улучшеніе казеннаго дѣла. Выдвигались, какъ единицы обложенія, дворъ и «выть» (часть сохи), которые имѣли въ виду уже не столько землю, сколько трудовую способность владѣльца. Привлекались къ тяглу помѣщики. Стѣснялось церковное землевладѣніе. Натура и издѣліе замѣнялись деньгами. Вообще государственное начало брало верхъ надъ вотчиннымъ, новый порядокъ—надъ первобытностью.

Другой нервъ администраціи, войско, напоминалъ казну своей мучительностью и безпорядочностью. Ратная повинность была безпрерывна: даже въ мирное время населеніе несло *береговую службу*. Но постояннаго войска еще не было. Основу арміи составляли попрежнему *служилые* (дворяне и дѣти боярскія), которые созывались только на время войны. Ихъ было уже до 100.000, да каждый велъ съ собой хоть по два человѣка съ каждой четверти помѣстной земли. Они снаряжались на свой счетъ; посоху содержала впроголодь ея община. Были еще «приходцы» или «охочіе» люди—стрѣльцы, казаки, татары. *Стрѣльцы* (тысячъ 15) служили зародышемъ постоянной арміи. Они пользовались самоправленіемъ и многими льготами, жили въ особыхъ слободахъ. Они стрѣляли изъ «ручницъ» (ручныя пищали) или тяжелыхъ ружей. Подконецъ появились отряды *иностранцевъ* (тысячъ 5); а при Михаилѣ завелись русскіе полки, обученные иноземному строю, съ иноземцами-офицерами. Иностранцы же устроили намъ *нарядъ* или артиллерію,—преимущественно «пищали» (пушечки). Только иностранцы, стрѣльцы да посоха представляли зародышъ пѣхоты. Вообще же наша армія, служилые, была

Ратное дѣло.

конная. Она была выше татаръ, но служила посмѣшищемъ для западнаго воинства. Она не знала дисциплины; воеводы мѣстничались передъ лицомъ непріятеля. Наша рать боялась нападать и ходить на приступы, не умѣла укрѣплять лагерей. Вооруженіе у нея было отчаянное: пушки часто разрывались и вредили своимъ.

Великорусскіе казаки.

Наконецъ, въ четвертомъ періодѣ развилось *казачество*, это зерно нашего знаменитаго «иррегулярнаго» войска. Донцы уже могли выставить тысячъ пять окружныхъ молодцовъ. У нихъ, въ Черкасскѣ, были уже свой атаманъ, есаулъ, сотники и дьяки, — власти, избираемыя «кругомъ». Но онѣ имѣли мало значенія: «всѣ мы равны», говорили донцы москвичамъ. У нихъ не было и духовенства: бракъ и разводъ состояли въ простомъ заявленіи кругу. Подконецъ у донцовъ замѣчались признаки гражданственности. Они приближались къ городской жизни и богатѣли отъ торговли съ Москвой и Азіей, въ особенности же отъ рыболовства и скотоводства. Въ концѣ періода, донцы какъ бы хотѣли расплатиться съ Русью за свое «воровство» въ смуту: они отняли у турокъ *Азовъ*, который неохотно отдали назадъ, по приказу царя Михаила. Этотъ подвигъ прославленъ, какъ «азовское сидѣнье», въ пѣсняхъ русскаго народа, который считалъ донцовъ своимъ роднымъ отпрыскомъ. Донцы перебрались и въ Поволжье, гдѣ сливались съ другими бѣглецами изъ Московіи: такъ образовались *волжскіе* казаки, особенно послѣ покоренія Казани. Они садились здѣсь на селищахъ истребляемыхъ туземцевъ. Волжскіе казаки такъ обижали царскихъ пословъ и русскіе караваны, что, послѣ Грознаго, правительство стало усердно строить тамъ города. Изъ этой-то вольницы образовался доблестный отрядъ Ермака, который послужилъ зерномъ *сибирскихъ* казаковъ. Но оставшихся на Волгѣ товарищей Ермака постигъ разгромъ: Грозный уничтожилъ ихъ за «воровство». Часть ихъ укрылась въ камышахъ, у устьевъ Яика: отсюда *яицкіе* казаки или зародышъ уральскаго войска. Они устроились такъ же, какъ донцы; но здѣсь сохранялось больше первобытныхъ чертъ, съ общиной во главѣ. Наконецъ, въ четвертомъ періодѣ вполнѣ развилось *малороссійское* казачество. Но его судьба связана съ исторіей юго-западной Руси, о которой рѣчь впереди.

Общественный строй. Притязанія боярства.

Таковъ былъ политическій строй древней Руси предъ ея кончиной. По общимъ социологическимъ законамъ, онъ непосредственно связанъ съ *общественнымъ строемъ*. Такъ развитіе и паденіе высшаго сословія служатъ главнымъ отличіемъ четвертаго періода, наравнѣ съ засиліемъ самодержавія.

Боярство было пережиткомъ *удѣльнаго строя*. До половины XVI вѣка встрѣчались вельможи, которые сидѣли во своихъ бывшихъ удѣлахъ и пользовались верховною властью. Сначала эти преданія какъ бы тлѣли подъ пепломъ: самодержавіе не раздражало ихъ, вводя новизну «тихимъ московскимъ обычаемъ». Иногда «княжье» даже назначалось въ намѣстничество туда, гдѣ оно прежде занимало столы. Правительство не касалось даже мѣстничества, при всемъ вредѣ этого прибѣжища боярской спѣси. Недалекіе бояре ударились въ погоню за личными выгодами, которая была нелегка при ихъ наплывѣ въ Москву. Такъ, въ концѣ третьяго періода боярство превращалось въ служилое сословіе. Но, вотъ, самодержавіе заспѣшило съ истребленіемъ слѣдовъ удѣльнаго строя. Оно даже видѣло опасность, гдѣ ея не было. Власть съ такими безумными пріемами, какъ опричнина, сама создавала изъ знати политическую силу. Боярство встрепенулось. Обстоятельства благопріятствовали ему: боярамъ случалось даже управлять Русью за малолѣтствомъ государя.

Самый наплывъ знати способствовалъ зарожденію ея политическихъ притязаній. Уже въ концѣ прошлаго періода князья и старые бояре образовали матерые *роды*, которые принимали фамиліи, чтобы обособиться отъ новыхъ выходцевъ. Отсюда пресловутое *мѣстничество*. Бояре «держали счеты» по

«отечеству», по породѣ, по заслугамъ предковъ, руководясь сначала «памятями» старцевъ. Иванъ III учредилъ «разряды»—книги всякихъ служебныхъ назначеній; а при его сынѣ возникъ *Разрядъ*, въ смыслѣ особаго приказа, который составилъ «Государевъ Родословецъ» (1555) или послужной списокъ родовитыхъ бояръ. Отсюда цѣлое чиноначаліе знати — три разряда, во главѣ которыхъ стояли княжата, т. е. служилое княжье или титулованное боярство, которое пользовалось особыми преимуществами и составляло высшій чинъ— «думныхъ бояръ». Каждый изъ разрядовъ стремился въ наслѣдственности. Такъ, боярство съ виду начинало напоминать немного западную аристократію.

Но уже при Иванѣ III начались казни вельможъ и «описыванье» вотчинъ въ казну, особенно за «отъѣздъ». При Василіи III послѣдній удѣльный князь пошелъ въ тюрьму, сопровождаемый насмѣшками московскаго юродиваго. Въ то же время выдвигались «новики»,—выскочки изъ «поповства» да «всенародства». Такъ, у насъ, какъ и на Западѣ, подлѣ родового вельможества выросла служебная, правительственная знать. Она проникла на Верхъ, добивалась званія «комнатнаго, ближняго» человѣка, затмевая значеніе боярской думы. И на такое-то боярство «опалился» Грозный. Онъ не только лишалъ его послѣднихъ правъ: но просто истреблялъ многимъ боярамъ запрещалъ даже жениться. Послѣ опричнины, слѣды верховной власти вельможъ въ вотчинахъ стали невѣроятнымъ преданіемъ. Крушеніе боярства.

Со смертью Грознаго начинаются высшія притязанія бояръ. Они борятся уже не за роль временщиковъ, а за основаніе новой династіи. И явились неслыханные на Руси намеки на ограниченіе власти — добровольный посулъ Бориса никого не казнить пять лѣтъ, манифестъ Лжедимитрія I о томъ, чтобы «честь и повышеніе учинить» боярамъ, запись Шуйскаго, напоминавшая аристократическія конституціи Польши и Швеціи. То были какъ бы зародыши олигархіи, которая сгубила Годунова и Лжедимитрія I, выдвигавшихъ народъ. При этомъ княжата боролись съ болѣе мелкой дворцовой знатью. Но смута же нанесла послѣдній ударъ боярству; тогда Русь спасли «послѣдніе люди». Былая сила вельможъ, лежавшая въ обычаѣ, вывѣтрилась. Потускнѣли преданія удѣльной поры. Рушился самый составъ боярства: «прежніе большіе роды безъ остатку миновались», говоритъ очевидецъ. Маститая боярская дума стояла развалиной, формой безъ содержанія. Чтивую знатную старину затирали люди «самые худые, дѣтишки боярскіе, поповичи, мясники», какъ подсмѣивались польскіе паны. Чинъ «государево жалованье» становились властью, а порода, «отечество»—древностями, увядшими мечтами придворнаго обряда. Крушеніе боярства было неизбѣжно.

Еще менѣе политическаго значенія могъ имѣть низшій слой знати, названный *служилыми* людьми по преимуществу: это—потомки «дѣтей боярскихъ», призванные на службу для защиты Руси отъ враговъ. Съ зарожденіемъ самодержавія они стали «дворянами» князя, его дворней, домочадцами. Въ началѣ четвертаго періода бояре еще гнушались этой новой клички; но дѣти боярскія уже сливались съ дворянами, какъ служилые и помѣщики. Подконецъ уже всѣ служилые—дворяне, только раздѣленные на «московскихъ» и «городовыхъ».

Самодержавіе справедливо видѣло въ служилыхъ свою главную опору въ борьбѣ съ боярствомъ. Оттого оно не жалѣло земель для нихъ: передъ смутой имъ было роздано уже до 50 милліоновъ четвертей земли. Тогда же цари начали, хотя и съ большимъ трудомъ, уступать ихъ стремленію превращать свои помѣстья въ вотчины. Но это мало помогало дѣлу. Положеніе дворянъ отягчалось тѣмъ, что земля имѣла цѣнность только, когда при ней были руки; а ихъ-то не хватало: крестьянъ переманивали льготами въ свои вотчины бояре и особенно церковники. Отсюда—челобитныя служилыхъ объ ихъ «тощетѣ» и вопросъ о церковныхъ имуществахъ. Но изъ этого ничего не выходило — и

явилось закрѣпощенiе крестьянъ, по примѣру Литвы. Такъ создалось «господское», владѣльческое сословiе по отношенiю къ народу, но безправное передъ властью, которая, даровавъ ему эту льготу, стала еще строже относиться къ его службѣ.

Крестьяне. Община.

До крѣпостничества судьба крестьянъ была сносна. Основой ихъ быта служила *сельская община*, которая мало стѣсняла свободу: вступленiе и выходъ изъ общины были легки; передѣлы заводились лишь къ концу перiода; самодержавiе также сначала благоволило общинѣ, которая обезпечивала тягло круговой порукой. И община сохранилась до конца, хотя не вездѣ, лучше всего — по окраинамъ, именно на сѣверѣ, въ Сибири да у южной казацкой вольницы. Общинный духъ проникалъ во всѣ отрасли хозяйства. Въ промыслахъ, даже въ торговлѣ онъ проявлялся въ видѣ артелей или товариществъ «сябровъ», ватагъ «дружинъ» иконописцевъ и т. под. Но чѣмъ дальше отъ начала перiода, тѣмъ больше видоизмѣнялась и слабѣла община, вмѣстѣ со всею первобытностью. При всемъ томъ, сельская община до конца лежала въ основанiи русской жизни, образуя и единицу правительственнаго дѣленiя страны.

Ядромъ общины были «пашенные» мужики или собственно *крестьяне*, христiане: это слово постепенно вытѣснило тогда «смерда». Они назывались еще «черносошными» и «тяглецами». Но среди нихъ уже рѣдко встрѣчались землевладѣльцы или «своеземцы» (въ областяхъ Новгорода): крестьяне почти сплошь сидѣли на владѣльческихъ, монастырскихъ или дворцовыхъ земляхъ. Но до половины XVI-го вѣка положенiе ихъ было сносно: они сохраняли право мѣнять арендуемыя земли, переходить отъ владѣльца къ владѣльцу. Мужикъ платилъ не болѣе $^1/_5$ своего дохода; да онъ еще пользовался правомъ имѣть лавки въ посадѣ. Затѣмъ крестьянину стало тяжко жить: при развивавшемся бѣгствѣ, оставшимся трудно было нести бремя окладныхъ податей. И росло число «затяглыхъ» (безземельныхъ) или «бобылей», которые зачастую кончали холопствомъ; ихъ особенно много водилось внутри Россiи, близъ Москвы. Было еще много, особенно на сѣверѣ, «подворниковъ, захребетниковъ, подсусѣдниковъ», которые жили на чужихъ дворахъ или работали на чужой землѣ. Тогда вообще мужикъ все чаще, изъ нужды, самъ себя лишалъ не только земли, но и свободы. Избывая тяглы, бѣднякъ поступалъ къ имущему въ «послуживцы», или въ «вольные слуги», что также вело къ холопству. Все это — пережитокъ наймитства или закупничества. Но больше всего развивалось закладничество, бывшее какъ бы переходомъ отъ закупа къ холопу: при неуплатѣ долга въ срокъ, что было почти неизбѣжно, закладень обращался въ холопа.

Холопство. Крѣпостничество.

А съ *холопства* началась утрата крестьянской свободы. Оно видимо развивалось. До сихъ поръ можно было быть только «обелью», т.-е. полнымъ холопомъ (хлопецъ — парень, слуга) или рабомъ (отъ работать), челядью (чадью, домочадцемъ). Развитiе холопства сказывалось уже въ концѣ третьяго перiода въ разнообразiи названiй обели, въ особенности съ появленiемъ холопьихъ «грамотъ» (прежде дѣло происходило словесно). Въ началѣ четвертаго перiода подлѣ обели возникаетъ *кабальное* холопство. Кабала (татар. долговая росписка), или «крѣпость», крѣпила «заемщика» заимодавцу, который даже получалъ право суда надъ нимъ. Кабальство развивалось быстро. И на него стали ссылаться для прикрѣпленiя крестьянъ. Такъ, *крѣпостничество* незамѣтно проникало въ жизнь, какъ обычай, задолго до вмѣшательства государства. Уже въ концѣ третьяго перiода, свободный «выходъ», или «отказъ», былъ ограниченъ Юрьевымъ днемъ; а къ концу XVI-го в. онъ уже замираетъ самъ собой. Между тѣмъ правительство стало освящать этотъ порядокъ, чтобы выручить служилыхъ и соблюсти выгоды казны.

Такъ постепенно сложилось законное крѣпостничество, къ которому особенно приложилъ руку Годуновъ. Первымъ изъ дошедшихъ до насъ формальныхъ установленій въ этомъ направленіи былъ указъ 1597 г., онъ объявлялъ «бѣглыми» всѣхъ крестьянъ, которые ушли безъ отказа, не ранѣе, какъ за пять лѣтъ до того; онъ же узаконялъ существовавшее на дѣлѣ кабальнохолопство. Палицынъ разсказываетъ, какъ богачи пользовались этимъ указомъ. Они привлекали къ себѣ на «вольную» службу не только чернь, но и служилыхъ, соблазняя ихъ льготами отъ государевой службы и вольготной жизнью у себя, а то и «чарочками», а затѣмъ вымучивали у нихъ «написаніе служивое», т.-е. кабалу. Послѣ Лжедимитрія I, который хотѣлъ облегчить участь крестьянъ, ихъ закрѣпощеніе развивалось съ неудержимой силой повсюду, кромѣ Поморья, этой глухой сѣверной Украйны. Подконецъ, уже два старыя слова получили новый смыслъ: крестьянинъ сталъ именовать своего владѣльца «государемъ», какъ говорили холопы о своемъ господинѣ; около 1630 г., въ крестьянскихъ порядныхъ является названіе «крѣпостной», которое прежде означало только холоповъ. Тогда же усилился побѣгъ крѣпостныхъ.

Горожане. Высшій слой тяглыхъ, *посадскіе*, выгодно отличались отъ крестьянъ только личной свободой. Съ паденіемъ Новгорода и Пскова, въ московской Руси изчезли послѣдніе слѣды первобытной вольности посадскихъ. Если число городовъ прибавлялось (передъ смутой—болѣе 200), зато они строились правительствомъ, и по окраинамъ, съ военной цѣлью. Съ Ивана III посадскіе теряютъ послѣднее значеніе: съ образованіемъ рати изъ служилыхъ миновала нужда въ городовыхъ полкахъ. Если при Грозномъ и у нихъ были введены выборы, они, какъ и крестьяне, сами тяготились ими. Разруха подорвала города и матеріально. «Лучшихъ» посадскихъ стало мало. Города состояли почти изъ одкихъ «среднихъ» (мелочные торговцы) да «молодшихъ» (ремесленники, земледѣльцы, чернорабочіе). Это—*черныя сотни*, близкія къ черносошнымъ крестьянамъ. Тутъ «торговые людишки» тоже всячески избѣгали тягла и разбредались розно. Оттого и здѣсь произошло закрѣпощеніе: Михаилъ общимъ закономъ воспретилъ переходы посадскихъ. Самое слово «посадскій» вытѣснило старыя названія—«купецъ, гость, торговый мужикъ». Только въ Москвѣ сохранялось почетное имя *гостей*: оно обозначало высшій слой посадскихъ, который зародился передъ смутой. Гости — чины, связанные съ льготами, но только личными. Они вытекли изъ потребности государства-монополиста въ опытныхъ людяхъ, которые отвѣчали своей мошной за казенные сборы. Гости, этотъ финансовый штабъ правительства, набирались насильно изъ «лучшихъ» посадскихъ, подобно московскимъ дворянамъ, этому военному штабу Москвы.

Иностранцы. Къ концу періода усиливалось новое бѣдствіе для горожанъ. Посадскіе начали жаловаться на наплывъ *иностранныхъ* гостей, съ которыми имъ было не вмоготу «стянуть». Правительство, наставившее кучу таможенъ внутри страны, давало иноземцамъ право безпошлинной торговли. Еще больше, чѣмъ купцовъ, прибывало изъ Европы промышленниковъ, которыхъ обязывали «людей государевыхъ научить и никакого ремесла отъ нихъ не скрывать». А Михаилъ даже вербовалъ на Западѣ тысячи солдатъ и матросовъ. Можно сказать, что съ Ивана IV иностранцы становились уже неразрывной частью нашей исторіи, какъ было и вездѣ при сосѣдствѣ некультурныхъ народовъ съ цивилизованными. Тутъ ради пользы, по необходимости забывается «нестерпимое высокомѣріе» туземныхъ невѣгласовъ: «у насъ есть золото и серебро, но мы не умѣемъ достать ихъ», смиренно признавался Грозный европейцамъ. Къ концу періода въ Москвѣ уже образовалась цѣлая *Нѣмецкая Слобода*, и появились иностранные *резиденты*. Съ XVI-го вѣка начинаются и *сказанія иностранцевъ* о Россіи.

Церковь и духовенство.

Среди всеобщаго разгрома, одна церковь оставалась на Руси несокрушимой. Она даже возвысилась въ смуту, когда пошатнулось-было и самодержавіе. Церковь была спутницей даже всякой вольницы, которая бѣгствомъ разрывала всякія связи съ государствомъ: при Михаилѣ уже въ Тобольскѣ появился архіерей. Всюду возникали новые монастыри. Троицкая лавра закрѣпила свое значеніе великою заслугой передъ отечествомъ при самозванщинѣ; а Іосифовъ Волоколамскій монастырь сталъ родникомъ глубокаго движенія въ обществѣ. Если замирала колонизаторская роль чернецовъ, за то святыя обители все еще были главными хранительницами письменности, разсадниками грамотности, школами иконописи, а также примѣромъ хорошаго домоводства и земледѣлія. Росло и внѣшнее могущество церкви. Наконецъ, явилось *патріаршество*, которое принижало кіевскаго митрополита и нравственно подчиняло польскую Русь Москвѣ, а также посрамляло насмѣшки іезуитовъ надъ зависимостью нашей церкви отъ «султанскаго раба», патріарха въ Константинополѣ. А члены «освященнаго собора», въ просторѣчьи *владыки* назывались, въ грамотахъ, «властями»: они имѣли дѣйствительно обширную власть почти во всѣхъ углахъ государственнаго строя. Еще важнѣе была экономическая мощь церкви. Среди всеобщаго обнищанія, она одна сохранила свои богатства и искусно пріумножала ихъ: монастыри стали крупными банкирами. Правительство уже завистливымъ окомъ смотрѣло на такое благополучіе: съ Ивана III зарождается мысль о постепенномъ «обмірщеніи» церкви, объ отобраніи ея имуществъ въ казну.

Нашъ клиръ становился замкнутымъ сословіемъ, тѣмъ болѣе, что бѣлый отдѣлъ, какъ брачный, пополнялся самъ собой. На массу наше духовенство не могло вліять, по своему невѣжеству, по своимъ семейно-хозяйственнымъ заботамъ, по непорядкамъ своего быта; съ XVI в. на Руси даже замолкла проповѣдь; церковные соборы все заботились объ «исправленіи» церкви.

Пережитки въ нравахъ.

Въ массахъ господствовали прежнее *невѣжество* и грубость нравовъ. Даже подьячіе писали «языкъ высуня», а думцы сидѣли «брады уставя». Сами попы нерѣдко служили на-память, не одолѣвъ даже чтенія. Рукописей все еще было немного: ихъ берегли, какъ святыню; а при новыхъ спискахъ пошло «растлѣніе книгъ» отъ ошибокъ доморощенныхъ переводчиковъ и «борзописцевъ». А когда завели книгопечатаніе, невѣгласы «уставщики» наплодили еще кучу ошибокъ; пришлось назначить «справщиковъ», которые и сами были еле грамотны. Немудрено, что «книгочіи» то вдавались въ жалкое буквоѣдство, то «въ книгахъ заходились», что внушало въ народѣ недовѣріе къ книгѣ, какъ къ пагубѣ.

Естественно также, что грубость нравовъ все еще напоминала слова Нестора про «звѣринскій обычай». «Жесточь» власти достигла ужасовъ опричнины. Пытка, вынуждавшая всю «подноготную», стала обычнымъ дѣломъ. Тѣлесныя наказанія примѣнялись всюду: даже деньги выколачивались «на правежѣ». Кнутъ и батоги касались даже вельможъ и игумновъ. И народъ говорилъ, что «за битаго двухъ небитыхъ даютъ». Онъ самъ жилъ кулачною расправой. Въ каждомъ домѣ стонъ стоялъ отъ побоевъ. Всюду встрѣчались разбойники и поджигатели. Сильный прямо задиралъ слабаго — нерѣдко медвѣдями и псами. Кулачные бои были любимымъ развлеченіемъ; да и частныя пирушки обыкновенно кончались убійствомъ, особенно когда проигрывались въ «зернь» (кости) или въ карты. Иностранцевъ поражало еще повальное пьянство и «сквернословіе», процвѣтавшія и въ монастыряхъ. Лукавство поражало европейцевъ на каждомъ шагу. «Не надуешь, не продашь», говорилъ купчина. Былъ даже «большой обманъ на дѣвокъ» при выдачѣ ихъ замужъ. Наконецъ, все смутное время—чудовищная ложь, которою завершилась исторія древней Руси, въ видѣ Лжедимитріевъ.

Новыя черты нравовъ.

Но къ концу періода и въ нравахъ проглядывали задатки лучшаго будущаго. Повтореніе опричнины стало немыслимо. Правительство все строже оберегало холопство отъ злоупотребленій и запрещало «поле». Съ Ивана III идетъ непрерывный рядъ попытокъ власти и соборовъ исправить нравы, увѣнчавшійся такой страстной критикой растлѣнія Руси, какъ Стоглавъ. Филаретъ запрещалъ даже кулачные бои и сквернословіе, правда, подъ страхомъ кнута же. Тогда же иностранцы дивились «учтивствамъ» московскихъ пословъ, которыхъ прежде называли «свиньями, полузвѣрями и негодяями». И въ народѣ всюду признавалось *милосердіе*. Отъ Верха до крестьянской избы встрѣчались «нищелюбцы, христолюбцы», творившіе милостыню «отай», тайкомъ. Слой лучшихъ людей возрасталъ. Онъ тянется съ Ивана III, когда зародилось умственное движеніе. Тутъ враги—Патрикѣевы, Геннадій, Нилъ Сорскій, Іосифъ Санинъ—сходились между собой въ идеализмѣ. Ихъ преданія поддерживались, при Василіѣ III, послѣднимъ Патрикѣевичемъ, Вассіаномъ Косымъ, да иностранными выходцами, Глинскимъ и Максимомъ Грекомъ. Ихъ расцвѣтъ представляетъ добрая пора Ивана IV. Въ смуту народъ гнушался «перелетами» и каялся въ «малодушіи». «Послѣдніе люди» спасли отечество отъ «воровства»: они выставили подвижниковъ отчизнолюбія—Минина, Сусанина, Гермогена. Очищалась духомъ и знать, въ лицѣ Пожарскаго, Шеина, Хворостинина, наконецъ, Скопина, этого народнаго идеала честнаго и добраго человѣка. Отъ этихъ людей вѣетъ Западомъ, какъ и отъ Филарета, который доходилъ даже до суровости аскета въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ отъ русскихъ. Къ концу періода видимъ нѣкоторое измѣненіе и въ мірѣ *женщины*, хотя онъ вообще наиболѣе служилъ пережиткомъ глубокой старины. Царевны и боярышни начали обучаться грамотѣ. Боярышни стали выѣзжать чаще, и не въ одинъ храмъ Божій. Это дѣйствовалъ примѣръ иностранокъ, которыя даже участвовали въ правленіи, впервые послѣ Ольги (Софья Витовтовна, Софья Палеологъ, Елена Глинская).

Пережитки въ умахъ.

Улучшеніе нравовъ совершалось подъ вліяніемъ болѣе человѣчныхъ понятій, приносимыхъ просвѣщеніемъ. Въ началѣ же періода сохранялось еще старое умоначертаніе. *Двоевѣріе* лучше всего вскрылось на соборѣ 1551 года. Суевѣрія и обряды всякаго язычества не были чужды даже пастырямъ церкви. Волхва еще боялись, часто ставили выше попа. Колдуновъ и ворожей держали на Верху, гдѣ все боялись «порчи»; передъ ними трепеталъ умный Годуновъ. Православные предавались «чернокнижію»: никогда еще не было столько «гадальниковъ» (оракуловъ). Въ примѣты вѣрили даже Максимъ Грекъ и Курбскій. За нюханье табаку, какъ дьявольскаго зелья, было урѣзано не мало носовъ. Христіанство все еще понималось внѣшнимъ образомъ, какъ новая *обрядность*. Но и обрядность понималась различно. При Иванѣ III всталъ большой соблазнъ изъ-за того «по-солонь» (по солнцу) или наоборотъ, ходить вокругъ церкви, при ея освященіи. Тогда же спорили о томъ—«сугубить» ли (двоить) или троить аллилуя, а также креститься или двумя или тремя перстами? Стоглавый соборъ принялъ сугубіе и двуперстіе.

Крѣпости суевѣрій соотвѣтствовало могущество *пошлины* (обычая) порождавшей *нетерпимость*. Хворостинина наказали именно какъ «самомнителя», который «высокоуміемъ вознесся» и все проповѣдывалъ разныя «новшества». Понятно, что эта рутина особенно ненавидѣла «иноземщину». Нечего и говорить про евреевъ, которыхъ вовсе не пускали къ себѣ, хотя рядомъ, въ Литвѣ, они были сравнены въ правахъ со шляхтой: даже протестантъ и католикъ считались погаными бусурманами; они должны были перекрещиваться, переходя въ православіе. Иностранныхъ дипломатовъ держали какъ въ плѣну; царь омывалъ руки послѣ ихъ пріема. Выѣздъ за границу былъ запрещенъ до самаго конца. Старина поддерживалась пережитками *родового* быта. Лич-

ности еще не было: всюду проникало отеческое (патріархальное) начало. Передъ старшими всякій былъ недорослемъ до сѣдыхъ волосъ. Самое слово «честь» происходитъ отъ «отецъ, отчить», а преданіе называлось «отчиной», какъ наслѣдственная земля. Въ хозяйственномъ быту родовое начало царствовало въ видѣ общины. Въ нравственной области оно поддерживалось церковью, которая учила: «всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется». У каждаго русскаго не было собственнаго обличія, какъ не было и фамиліи. И когда у бояръ завелись послѣднія, онѣ обыкновенно происходили не отъ мѣстностей, какъ на Западѣ, а отъ предковъ (Ивановъ, Семеновъ).

Новыя понятія. Первая книга. Но рядомъ мелькаютъ новыя понятія. Съ началомъ періода зарождается свѣжая интеллигенція, не лишенная одушевленія и воли. Она развивается даже въ опричнину, подъ болѣе свѣжимъ иностраннымъ вліяніемъ: византійское просвѣщеніе смѣнялось *западнымъ*. Какъ только, въ лицѣ Софьи Палеологъ, лучъ Возрожденія прорѣзалъ мракъ Руси, тотчасъ «наша земля замѣшалася, стала свои обычая переставливать». Смущенная Москва спѣшила сберечь свою старину, собравъ ее въ Четьи-Минеи, въ Домострой и Азбуковники, эти энциклопедіи древней Руси. А все юное, свѣжее рвалось къ новому свѣту. Уже въ кружкѣ Максима Грека одинъ бояринъ предпочиталъ турецкіе порядки московскимъ. Въ то же время росло умственное броженіе вокругъ *ересей*, которыя выступали уже не церковнымъ споромъ, а отрицаніемъ московской старины вообще: въ этомъ смыслѣ велико значеніе «жидовства».

Но важнѣе всего для новыхъ понятій и для просвѣщенія на Руси былъ питомецъ итальянскаго гуманизма, *Максимъ Грекъ*, совмѣщавшій въ себѣ университетъ, академію и журналистику. Онъ былъ той душой русскихъ передовиковъ, которая отразилась, въ слѣдующемъ поколѣніи, въ избранной «думѣ» и въ стоглавомъ соборѣ. Максимъ сильно возсталъ противъ всякихъ «темнителей» на Руси; словомъ и перомъ отзывался онъ на всѣ злобы дня. А рядомъ онъ насаждалъ просвѣщеніе, для чего и призвалъ его Василій III. Это—нашъ первый «справщикъ», отецъ исправленія богослужебныхъ книгъ и проповѣдникъ школьнаго обученія. Невѣжественная старина отплатила просвѣтителю обычной данью: онъ сгнилъ въ заточеніи въ Троицкой лаврѣ. Но такія сѣмена не пропадаютъ даромъ. Максимъ былъ еще аѳонскій монахъ: онъ защищалъ православіе и отъ Лютера, и отъ Аристотеля съ Платономъ. Въ слѣдующемъ поколѣніи, умственное движеніе на Руси, очищенное гоненіемъ стало еще болѣе свѣтскимъ, сильнымъ и глубокимъ, болѣе похожимъ на западный гуманизмъ.

Новое управленіе овладѣло *Верхомъ*. Добрая пора Ивана IV, это—дружная работа его питомцевъ, кружка первыхъ русскихъ преобразователей. Тутъ Верхъ шелъ впереди, задерживаемый церковью и толпой. Онъ привлекалъ иностранныхъ «хитрецовъ» и думалъ объ устройствѣ училищъ. Онъ собиралъ книжныя сокровища. Грозный завелъ собственную *типографію*, которая выпустила первую русскую книгу въ 1564 году. Въ обществѣ умственное движеніе расширялось, особенно отъ связей съ Литвой и Ливоніей. Лютеранскія мнѣнія боярскаго сына *Башкина*, которыя раздѣляли даже нѣкоторые изъ высшаго духовенства, заставили Грознаго даже созвать церковный соборъ. Ересь была подавлена, но ея отголоскомъ явились мнѣнія бѣглаго холопа, *Ѳеодосія Косого*, у котораго было много приверженцевъ начиная съ его собственнаго помѣщика.

Просвѣщеніе и политика. Къ концу періода замѣчались предвѣстники близкаго торжества новыхъ понятій и просвѣщенія. При Максимѣ иностранцы уже засѣли плотнымъ слоемъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Знать уже открыто посѣщала ихъ и стала выводить свои роды изъ-за границы. Поклонникъ Запада, Морозовъ, былъ дядькой царевичей и даже нашилъ имъ нѣмецкихъ платьевъ. Филаретъ училъ латинскую грамматику, написанную ему иностранцемъ русскими буквами, и выпи-

сывалъ изъ-за границы не однихъ мастеровыхъ, а и ученыхъ. Явилось и первое европейское училище, *греко-латинское*, съ иностранными учителями. При Михаилѣ была возстановлена и *типографія*, на прочныхъ началахъ, а также вновь пошло *исправленіе книгъ*. А рядомъ развивалось дѣло барзописцевъ, которые ввели и «скоропись»; изъ ихъ издѣлій составлялись значительныя книгохранилища.

Новизна конечно, отразилась и въ письменности, которая обогатилась небывалыми чертами. Въ переходныя эпохи возникаетъ потребность подвести итоги прошлому и сравнить его съ новшествами: отсюда энциклопедическій и полемическій характеръ письменности. Такъ и Русь создала тогда такіе итоги, какъ Библія Геннадія, Четьи-Минеи Макарія, Домострой Сильвестра, Азбуковники и Судебники. А рядомъ все рѣшительнѣе выступала главная черта новизны—свѣтскость, которая должна была вступить въ горячую полемику съ церковностью. Такъ какъ первою свѣтской задачей у насъ было государство, то на немъ прежде всего и сосредоточилась выходившая изъ пеленокъ русская мысль. Возникла оживленная *публицистика*, отцомъ которой должно считать Максима Грека. Затѣмъ сама власть снизошла до литературнаго поприща для борьбы съ своими противниками: появилась *переписка Курбскаго съ Грознымъ*, гдѣ отразились главныя черты нашей интеллигенціи четвертаго періода. Еще явственнѣе проходитъ новая струя въ письменности послѣ смуты. Въ 16-мъ вѣкѣ еще замѣтно предпочтеніе церковности и Византіи: это видно на самомъ Курбскомъ. Съ началомъ же 17 вѣка русская мысль рѣшительнѣе обращается къ Западу. **Публицистика.**

Въ четвертомъ періодѣ, зародыши свѣтской науки, хотя и ранніе, явственны всюду. Послѣ публицистики больше всего выдвигается *лѣтопись*. Она переходитъ въ свѣтскія руки, къ горожанамъ. Въ ней прорывается гражданская точка зрѣнія. Отсюда разнообразіе взглядовъ. Но вообще областное лѣтописаніе падало: дѣло сосредоточивалось въ Москвѣ, гдѣ, съ Ивана III, завелся и *архивъ* или собраніе государственныхъ грамотъ. Тутъ хранились и «статейные списки» или посольскіе отчеты. При Михаилѣ, изъ нихъ стали дѣлать выборки, съ присоединеніемъ извѣстій изъ голландскихъ газетъ: такъ возникли *куранты*—первая газета на Руси, хотя только для Верха. Это — уже всеобщая исторія. Вкусъ къ ней развивался, по мѣрѣ сношеній съ Западомъ. Въ обществѣ онъ удовлетворялся *хронографомъ*, который расширялся извѣстіями изъ русскихъ польскихъ и латинскихъ лѣтописей. Началась и настоящая *исторія* или обработка историческихъ извѣстій: тутъ опять Курбскій оказался лучшимъ прагматикомъ, особенно въ своей «Исторіи князя великаго московскаго». Подконецъ распространялись и *записки* современниковъ, къ которымъ можно причислить и «Сказанія о мятежахъ», составленныя при Михаилѣ. Подлѣ исторіи появились начатки другихъ наукъ. Даже въ старыхъ сборникахъ назидательнаго чтенія, чѣмъ позже, тѣмъ больше церковность уступала мѣсто «физіологамъ» (естествознаніе) и «бестіаріямъ» (зоологія), что было связано съ усиленіемъ заимствованія изъ западныхъ источниковъ. Съ помощью «математики» были составлены *пасхальныя таблицы*, около 1500 г., когда ждали кончины міра, съ истеченіемъ 7,000 лѣтъ отъ его сотворенія. Еще явственнѣе выдвигались свѣтскія знанія внѣ сборниковъ. Особенно посчастливилось *географіи*. Статейные списки становились богатымъ источникомъ свѣдѣній о землѣ и народахъ. Развились путешествія, и не съ одной религіозной цѣлью, какъ прежде, а ради торговли. Явился первый учебникъ «космографія» (географія)—переводъ Меркатора Была исправлена первая наша карта—«Большой чертежъ земли русской», а при ней былъ изданъ текстъ—«Книга Большой Чертежъ», важная по исчезнувшимъ потомъ именамъ многихъ мѣстностей. Подконецъ началась и «*Ариѳметика*, сирѣчь наука **Свѣтская наука.**

числительная». По заказу царя Михаила, была составлена первая наша азбука—*Букварь* славянскій. Наконецъ, возникъ цѣлый новый отдѣлъ письменности—*Вожди по жизни*, дававшіе наставленія для свѣтскаго быта. Ихъ лучшимъ образчикомъ служитъ Домострой Сильвестра, это зеркало нравовъ и понятій того времени, въ особенности въ верхнемъ слоѣ общества.

Церковная письменность. По мѣрѣ развитія свѣтскости, церковная письменность должна была падать. Она чуяла это и стремилась стянуть свои силы, подвести свои итоги, а также дать послѣднюю битву пережиткамъ язычества и придаткамъ свѣтскости, которые вторгались въ нее путемъ *апокрифовъ*. Апокрифъ, связанный и съ древней поэзіей, и съ юной наукой, и съ ересями, сталъ любимцемъ народа. Церковные книжники съ ужасомъ замѣчали, что эти «богоотменныя» книжки проникали во всѣ слои общества; да они и сами не знали, гдѣ кончаются эти вымыслы христіанской поэзіи и гдѣ начинаются догматы богословія. Правда, церковь, наконецъ, составила, въ началѣ періода, статью «О книгахъ истинныхъ и ложныхъ». Это — первый намекъ у насъ на исторію словесности. Но подконецъ эта статья замирала, подъ вліяніемъ всеобщей потребности въ свѣтскомъ просвѣщеніи. На помощь грозной статьѣ пришли Великіе *Четіи-Минеи* Макарія, сотрудника Сильвестра и Адашева въ «избранной думѣ» Ивана IV: та указывала плевелы, эта собирала пшеницу для пропитанія душъ православныхъ. Это—энциклопедія церковной письменности того времени. Но больше всего здѣсь было житій святыхъ: это—полная русская *агіографія*. Она служитъ образцомъ риторики и въ то же время указываетъ на переходъ отъ церковной письменности къ свѣтской, въ силу своихъ поэтическихъ и историческихъ подробностей. Тогда же возникло первое полное собраніе книгъ Св. Писанія на славянскомъ языкѣ—*синодальный списокъ Библіи* (1499), составленный Геннадіемъ въ отпоръ жидовствующимъ, которые ссылались на книги, незнакомыя православнымъ. И помимо этой, такой сборной, издательской работы церковь не дала ничего особеннаго.

Поэзія. Такъ русскій народъ переходилъ отъ церковной прозы къ свѣтской. Но *народная поэзія* была скучна, даже ослабѣла противъ прежняго. Она уцѣлѣла лишь въ ничтожныхъ обрывкахъ устной поэзіи—въ преданіяхъ лѣтописей, въ древнихъ намекахъ пѣсенъ, въ обломкахъ былинъ, въ духовныхъ стихахъ, да въ кучѣ такихъ мелочей, какъ повѣрья, примѣты, загадки, пословицы, заклинанія и проч. Народная поэзія была убита у насъ церковными книжниками, которые ненавидѣли ее, какъ язычество. А вмѣсто ея они вносили, для удовлетворенія народной потребности, христіанскую поэзію, въ видѣ житій и апокрифовъ. Присутствіе апокрифа особенно явственно въ *духовныхъ стихахъ*, которые окончательно сложились въ то время. Это—сліяніе старыхъ формъ поэзіи, народной пѣсни, съ церковнымъ содержаніемъ, искаженнымъ пережитками язычества. Но поэтическое творчество массъ не могло удовлетвориться этимъ. *Историческія пѣсни* великоруссовъ никогда еще не были такъ разнообразны и содержательны. Онѣ примыкаютъ, главнымъ образомъ, къ личности Ивана Грознаго, а также къ Никитѣ Романовичу. Много пѣсенъ посвящено тоже розрухѣ. Развивались и историческія *сказанія*, въ которыхъ замѣчаются различные взгляды и критика. Они также относятся по преимуществу къ Грозному да къ розрухѣ. Но самое богатое развитіе, какъ и на Западѣ, выпало у насъ на тотъ отдѣлъ вымысла, который соотвѣтствуетъ нынѣшней *беллетристикѣ* и открывалъ настоящее поприще для свѣтскаго міровоззрѣнія. Тутъ сказки или «повѣсти» представляютъ лучшій примѣръ перехожей, международной литературы. Онѣ приходили къ намъ отовсюду, подконецъ особенно съ Запада черезъ Польшу. Постепенно онѣ измѣнялись такъ, что въ нихъ только имена оставались иностранныя (Бова), а содержаніе — почти все русское. А съ началомъ XVII-го вѣка возникаетъ наша собственная сказка, наи-

болѣе свободная отъ слѣдовъ церковности. Подконецъ ее снабжали даже лубочными картинами. Она сразу обнаружила сатирическое направленіе, чутье дѣйствительности и политическій интересъ: таковъ «Шемякинъ судъ», «Ершъ Ершовичъ Щетинниковъ», «Горе-Злосчастіе». Наконецъ, появились зачатки *драмы*, которые у насъ, какъ и на Западѣ, коренились въ народныхъ обычаяхъ и церковныхъ обрядахъ. Тогда установились, хотя и не надолго, три церковныхъ «чина» или обряда, вродѣ западныхъ мистерій — «Пещное Дѣйство» (три отрока въ печи), «Страшный судъ» и «Шествіе на осляти», причемъ патріархъ изображалъ Христа, входящаго въ Іерусалимъ на ослѣ, а царь велъ осла за поводъ.

Подвинулось впередъ и искусство, хотя менѣе замѣтно, чѣмъ письменность. Его движеніе также происходило, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Запада. Совершался непрерывный приливъ *иностранныхъ* мастеровъ, сначала изъ Италіи, потомъ изъ Германіи, а въ концѣ періода — изъ Голландіи. Онъ начался, благодаря Софьѣ Палеологъ: тогда былъ выписанъ зодчій Фіоравенти, котораго прозвали Аристотелемъ за его искусство. Четвертый періодъ вообще можно назвать золотымъ вѣкомъ въ исторіи архитектуры древней Руси. Но именно здѣсь выразилось смѣшеніе разныхъ вліяній, и самымъ своенравнымъ образомъ. Итальянцамъ пришлось брать суздальскій стиль, который и самъ былъ сліяніемъ разныхъ стилей, и убирать его западными украшеніями. Отсюда еще болѣе *смѣшанный* пошибъ, который мѣстами дожилъ до XVIII вѣка. Таковы кремлевскіе соборы, и во главѣ ихъ — Успенскій нашего Аристотеля (1480). Но рядомъ, по деревнямъ, развивался нашъ изначальный пошибъ — *шатровый* (крыша шатромъ). Съ покореніемъ Казани къ нему присоединяются азіатскія черты. Съ XVI-го вѣка шатровый стиль сливается со смѣшаннымъ и создается общій *русскій пошибъ*, лучшимъ образцомъ котораго служитъ Василій Блаженный въ Москвѣ. Подконецъ русскій пошибъ, а съ нимъ и каменное дѣло, примѣнялись уже не къ однимъ храмамъ, но и къ свѣтскимъ постройкамъ. Тамъ и сямъ возникали «палаты» (каменные дома); и ихъ возводили уже наши мастера. Появились также каменные мосты и стѣны съ «стрѣльницами» (башнями). Наконецъ, возникъ кремлевскій дворецъ, который строился въ теченіе всего періода. Но мы можемъ судить о его великолѣпіи только по уцѣлѣвшей Грановитой палатѣ, которая замѣнила гридню, въ качествѣ парадной залы. Искусство.

Послѣ зодчества, больше всего развилась *живопись*. «Корсунское» (византійское) письмо пошатнулось. Возникла новгородско-псковская школа, которая находилась подъ вліяніемъ творцовъ итальянскаго Возрожденія. Старина возмутилась — и явились «подлинники», это старовѣрство въ живописи: отъ нихъ не дозволялось отступать ни на іоту. Образцами имъ служили византійскіе подлинники, которые сами руководились иконописью аѳонскихъ монаховъ XII-го в. Но уже нельзя было остановить зародившейся жизни. Въ концѣ XVI-го в. возникла строгановская школа, которая подпала «фряжскому» вліянію и стала переходною ступенью къ новому русскому искусству. Въ то же время размножались книги и листы съ итальянскими и нѣмецкими гравюрами. А на Верху появились «парсуны» (персоны, портреты), «фряжскіе листы» (свѣтскія гравюры) и «бытейное письмо» (историческая живопись). Развивалась и *миніатюра*. Она больше прежняго становилась свѣтской и подвергалась западному вліянію. Она проникала всюду, отъ церковныхъ книгъ до духовныхъ стиховъ и повѣсти. Тутъ истинный зародышъ нашей исторической и бытовой живописи. Столь же важны, въ этомъ смыслѣ, *лубки* или «простовики» — грубыя гравюры, возникшія въ концѣ періода. Они передѣлывали на русскій ладъ «нѣмецкіе потѣшные листы» и нерѣдко зло осмѣивали старину. Вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ возникла и серьезная *гравюра* или

«фряжское рѣзное дѣло». Свѣтскость и прямо итальянскій стиль убивали византійство и въ нашемъ узорочьѣ (орнаментъ), даже въ вышиваніи. Менѣе всего развивалось *ваяніе*, какъ одно изъ отличій латинства. Но и здѣсь подконецъ развивалась «фрящина».

Внѣшній бытъ. Подконецъ и внѣшній бытъ подвергся измѣненіямъ, подъ западнымъ вліяніемъ. Но они замѣтны преимущественно въ высшемъ слоѣ общества и по большимъ городамъ; масса же народа жила все еще по-старому. *Земледѣліе* сначала находилось въ первобытныхъ условіяхъ. Но постепенно кочевое, переложное и подсѣчное хозяйство стало замѣняться осѣдлымъ, «трехпольнымъ», которое развивалось по мѣрѣ стѣсненія переходовъ крестьянъ. Тогда же начались удобренія и замѣна сохи плугомъ. Но еще не мало занимались охотой и особенно бортью. При маломъ раздѣленіи труда, мужикъ не бросалъ и разныхъ ремеслъ, нерѣдко и торговалъ. Земледѣльцу, для обзаведенія, довольно было трехъ тогдашнихъ рублей: изба съ овиномъ стоила 20 денегъ. А заработная плата достигала 20 алтынъ въ годъ.

Промыслы мало подвинулись впередъ, по своему внутреннему достоинству, но количественно они расширялись, вмѣстѣ съ ростомъ населенія: ихъ насчитывалось уже болѣе 200 названій. Холсты шли даже за границу такъ же, какъ и русское вышиванье. Особенно развился соляной промыселъ. Заводы возникли лишь въ концѣ періода, благодаря иностранцамъ. Гораздо болѣе успѣховъ сдѣлала *торговля*, особенно внѣшняя, и какъ съ Востокомъ, такъ и съ Западомъ. Все это, конечно, связывалось съ ростомъ *городовъ*, хотя онъ шелъ медленно. Городъ обособлялся отъ «земли» только въ срединѣ Московіи, на сѣверѣ же онъ еще походилъ на село, а на юго-востокѣ онъ только-что выросталъ изъ острога.

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

Юго-западная Русь.

Значеніе Малороссіи. Описанный внѣшній и внутренній бытъ не исчерпываетъ всего нашего народа въ древности. Это—только сѣверо-восточная Русь, «Московія» иностранцевъ. Богатые задатки бытового развитія хранились въ подвластной польско-литовскому государству *юго-западной* Руси. И безъ знакомства съ ними непонятна дальнѣйшая судьба самой Москвы. Впрочемъ, историческое значеніе принадлежитъ не всей этой Руси. Его лишена западная Русь, или *Бѣлоруссія*, съ ея убогой природой и первобытнымъ, забитымъ населеніемъ, которое почти никогда не пользовалось самостоятельной жизнью и сразу подпало польскому вліянію. Вся сила въ южной Руси или *Малороссіи*, историческое значеніе которой важно, какъ перепутье между Востокомъ и Москвой, съ одной стороны, Польшей, Германіей и Византіей — съ другой. Это—знаменитая въ началѣ нашей исторіи *Кіевская* Русь, которая была подорвана усобицами и татарами, но не убита. Она на два вѣка сошла со страницъ исторіи, стала частью польско-литовскаго государства, но только для того, чтобы собраться съ силами, запастись развитіемъ отъ болѣе просвѣщенныхъ поработителей и, передавъ его Москвѣ, помочь ей одолѣть общаго врага. Въ эту пору политической погибели, въ душѣ малоросса сохранялись горделивыя историческія воспоминанія, тлѣли искры любви къ русской народности и къ своей благодатной, поэтической природѣ: отсюда въ четвертомъ періодѣ, возрожденіе Кіевской Руси.

Запорожцы.

Но это была уже иная южная Русь. Подконецъ даже природа сильно измѣнилась. Степь сохраняла дѣвственный видъ только въ Старой Малороссіи; на югѣ же, съ исчезновеніемъ лѣсовъ, она превратилась въ Пустополе, какъ называли поляки Запорожье. То была мертвая пустыня, съ оазисами луговъ да мѣстъ ловли дичи и рыбы. Здѣсь-то появился, около 1500 г., *запорожецъ*—бѣглецъ изъ Старой Малороссіи. Онъ занимался рыболовствомъ и скотоводствомъ, отчасти пчеловодствомъ. Число запорожцевъ быстро росло, особенно когда Малороссія перешла отъ Литвы къ Польшѣ. Поляки, имѣя собственныхъ казаковъ, не нуждались въ «черкасахъ» и старались обратить ихъ въ своихъ хлоповъ. Баторій далъ шляхетство только 6,000 украинцевъ, обративъ ихъ въ реестровыхъ казаковъ, съ жалованьемъ отъ правительства и съ короннымъ гетманомъ. Остальные черкасы удалились въ Запорожье, унося въ своихъ сердцахъ ненависть къ полякамъ. Постепенно набралось до 100,000 запорожцевъ-степняковъ, которыхъ называли еще «низовыми» казаками, въ отличіе отъ жившихъ выше по Днѣпру украинцевъ или «городовыхъ, семейныхъ» казаковъ.

Запорожье стало зерномъ цѣлаго государства, которое отцвѣло, не успѣвъ расцвѣсть. Тутъ были и простые обыватели или *посполъство*, и войско, которое называлось *лыцарствомъ* или «товариствомъ». Посполъство промышляло тѣмъ же, чѣмъ и украинцы, въ особенности же торговлей съ поляками, турками, греками и армянами. Лыцарство (до 10,000) охраняли его отъ крымцевъ. Оно построило до десятка *сѣчей* (засѣкъ), окружая островки Днѣпра частоколами. Сѣчью по преимуществу называлось самое древнее укрѣпленіе (около 1550 г.) на о. Хортицѣ. Сюда принимались всякіе молодцы, кромѣ иновѣрцевъ; не допускались также женщины. Лыцарство распадалось на полсотни «куреней» (курная казарма или полкъ) и управлялось «громадой»—общиной, съ полнымъ равенствомъ и съ общностью имуществъ. «Рада» (вѣче) избирало войсковую «старшину», т. е. «кошеваго» (главнаго атамана), судью, эсаула, писаря и куренныхъ атамановъ. Сначала у запорожцевъ былъ одинъ только врагъ—«басурмане», т.-е. крымцы, ногайцы да турки: они заплывали на своихъ «чайкахъ» до Азова, Бессарабіи, Анатоліи и Египта. Но съ половины XVI-го вѣка сила и ненависть запорожцевъ обращаются въ другую сторону. Тогда на Украйнѣ произошелъ великій переворотъ: настала *польщизна* или ополяченіе.

Польщизна.

Польское вліяніе стало расти съ люблинской уніи (1569), которая оторвала южную Русь отъ Литвы и подчинила ее непосредственно Варшавѣ. Господство литовцевъ въ Малороссіи не было замѣтно: народъ менѣе развитый, они сами подпадали русскому вліянію. Но поляки стояли на высотѣ европейскаго образованія; они съ кичливостью смотрѣли на малороссовъ, далекихъ отъ западной гражданственности. Они начали быстро проводить свое вліяніе, увлекая высшіе классы Украйны. Вскорѣ Малороссія стала противополагаться Московскому государству, какъ «польская Русь», не только въ политикѣ, но и по складу своей жизни. Сюда бѣжали изъ «варварской Московіи» такіе «избранные», какъ Курбскій. Въ польской Руси, какъ на Западѣ, развилось и «мѣщанство» или среднее сословіе, съ его богатствомъ и просвѣтительными стремленіями: его охраняли суды и такіе льготные законы, какъ магдебургское право да литовскій статутъ Сигизмунда. Мѣщане и знать посылали свою молодежь въ университеты Кракова, Праги, даже Парижа и Италіи или же въ мѣстныя польскія школы. Ученики, конечно, старались походить на своихъ блестящихъ учителей во всемъ, не исключая одежды: они говорили по-польски, гнушаясь своимъ «мужицкимъ» языкомъ. Письменность Малороссіи надолго стала какъ бы придаткомъ польской литературы. Правительство всячески распространяло польщизну. Оно создало *русскую шляхту*, надѣляя этимъ зва-

ніемъ войсковую старшину реестровыхъ казаковъ. Русскій шляхтичъ корчилъ изъ себя чистокровнаго польскаго пана. Русская шляхта усердно подражала польскимъ панамъ и въ превращеніи своего посполъства въ хлоповъ. Такъ, польщизна несла въ себѣ самой задатокъ погибели, отрывая верхъ народа отъ его корней. Въ ней была и другая язва: фанатизмъ.

Іезуиты и унія.

«Хохолъ» сносилъ всѣ притѣсненія отъ презиравшаго его поляка-помѣщика. Онъ почти 7 дней въ недѣлю работалъ на него, платилъ массу податей и пошлинъ, обогащалъ евреевъ, которымъ паны сдавали свои имѣнія въ аренду. Но онъ не могъ стерпѣть посягательства на свою совѣсть. А поляки стали именно орудіемъ *іезуитовъ*. Іезуиты задумали тогда, съ ихъ помощью, искоренить православіе на Украйнѣ. Была уничтожена галицкая (православная) митрополія: ее подчинили львовскому (католическому), архіепископу. Православные монастыри и церкви были частью закрыты, частью лишены своихъ земель. Ихъ замѣняли роскошныя коллегіи іезуитовъ и польскіе костелы. Польское духовенство стало необыкновенно пышно и высокомѣрно.

Іезуиты захватили въ свои руки все воспитаніе юношества, а съ нимъ и письменность, которая превращалась въ восхваленіе папства и опроверженіе «схизмы» (ереси), т. е. православія. Наконецъ, когда не удалась попытка окатоличить Грознаго, іезуиты изобрѣли знаменитую *унію* или «соединеніе»: вздумали обмануть цѣлый русскій народъ, навязавъ ему папство и римскій катехизисъ, сохранили одну внѣшность—обряды да церковно-славянскій языкъ. Планъ уніи былъ изложенъ іезуитомъ Скаргой въ сочиненіи «О единствѣ церкви Божіей». Къ нему пристали нѣсколько русскихъ епископовъ и самъ кіевскій митрополитъ Рагоза. Они объявили въ Римѣ, что церковь польской Руси принимаетъ унію (1595). Іезуиты стали насильничать пуще прежняго. Вся іерархія въ польской Руси превратилась въ уніатовъ: некому было посвящать православныхъ поповъ, и ихъ мѣста переходили къ уніатскимъ священникамъ. Православныя церкви превращались въ корчмы (гостинницы); кіевская св. Софія стала уніатскимъ каѳедраломъ. Наконецъ, стали отдавать русскія церкви въ аренду евреямъ, наравнѣ съ шинками (кабаками)

Отпоръ польщизнѣ. Острожскій.

Работа іезуитовъ переполнила чашу страданій, поднесенную малороссамъ панами и шляхтой—и исторія юго-западной Руси стала лѣтописью борьбы русской народности за свое существованіе. Но безъ просвѣщенія нельзя было дать отпоръ польщизнѣ. Оттого борьба православія съ католичествомъ началась на *умственной* почвѣ, а слѣдовательно съ *знати*, воспитанной на европейскихъ же началахъ. Русскіе вельможи воспользовались своимъ «патронатомъ»—старымъ правомъ быть наслѣдственными покровителями, старостами церквей и монастырей. Среди нихъ «начальными людьми», вождями народа, объявились могущественные и образованные князья *Острожскіе*. Самъ князь Константинъ, побѣдитель русскихъ у Орши, строилъ православныя церкви и заводилъ при нихъ русскія школы. Но истиннымъ столпомъ православія оказался его сынъ, Константинъ. Подобно отцу, онъ вѣрно служилъ королю и жилъ, какъ панъ: въ его семьѣ говорили по-польски. Но то была русская душа: онъ энергичнѣе отца взялся за умственное возрожденіе своего народа. Онъ-то устроилъ, въ своемъ Острогѣ, первую типографію въ польской Руси, которая стала издавать русскія книги противъ іезуитовъ. Тамъ же возникло высшее училище, которое руководило цѣлымъ рядомъ русскихъ школъ. Острожскій особенно горячо дѣйствовалъ противъ уніи, всячески изобличая «папежниковъ». Но потомъ боецъ усталъ. И вообще русская знать слабѣла: она совсѣмъ ополячивалась.

Братства.

Но на смѣну ей выступили *братства*. Съ XV-го вѣка по всей Руси развивались «братчины»—пиры вскладчину, этотъ пережитокъ языческаго побратимства или товарищества. Онѣ постепенно становились учрежденіями,

выбирали собственныхъ старостъ, собирали казну, даже покупали братскіе дома. Въ польской Руси братства превратились въ благотворительныя учрежденія, устраиваясь при церквахъ, сливаясь съ приходомъ. Самыми сильными были самыя древнія изъ нихъ—львовское (1439) и виленское. Эти братства утверждались восточными патріархами, которые даже даровали имъ право надзирать за духовенствомъ и судить его. Братства-то взялись выручать православіе, когда появились іезуиты. Они создали русскую юго-западную письменность, устраивая типографіи и школы не только низшія, приходскія, но и среднія, по образцу іезуитскихъ коллегій; болѣе даровитыхъ юношей даже посылали въ европейскіе университеты. Тутъ снова поднялся Кіевъ, какъ духовный вождь русскаго народа. Когда была объявлена унія, онъ завелъ у себя сильное братство, благодаря пожертвованіямъ мѣщанъ. Оно прославилось тѣмъ, что возстановило внѣшній чинъ попраннаго православія, уговоривъ проѣзжавшаго черезъ Кіевъ іерусалимскаго патріарха посвятить православнаго митрополита и нѣсколькихъ епископовъ. Братство основало также школу съ древними языками, куда принимали дѣтей всѣхъ званій.

Эта школа стала средоточіемъ русскаго образованія въ польской Руси, благодаря питомцу Парижа, кіевскому митрополиту, *Петру Могилѣ*. Этотъ замѣчательный человѣкъ отдалъ всего себя на общее благо. Онъ издалъ много богословскихъ сочиненій, отчасти переведенныхъ на европейскіе языки, и велъ горячую полемику, противъ католичества. Но больше всего онъ заботился о распространеніи образованія въ польской Руси. Наконецъ, Могила послалъ отборныхъ юношей заграницу и, когда они возвратились, преобразовалъ школу братства въ *кіевскую коллегію*, по образцу краковской: ее должно считать матерью русскихъ университетовъ вообще. Могила склонялъ мѣщанъ къ обязательству поддержать ее, а казаковъ — защищать ее оружіемъ, какъ оплотъ православія. Онъ устроилъ при ней монастырь, гдѣ жили наставники, бывшіе также проповѣдниками и главными писателями. Для бѣдныхъ студентовъ была основана «бурса». Воспитаніе здѣсь было іезуитское, преподаваніе схоластическое, какъ и на Западѣ въ то время. Было обращено особое вниманіе на «казнодѣйство» (краснорѣчіе) или проповѣди, о которыхъ тогда не имѣли понятія въ Москвѣ. Писалось также много сочиненій, въ особенности учебниковъ, которые печатались при коллегіи, въ собственной *типографіи*. Наконецъ, показались зародыши русской книжной поэзіи. Возникшій здѣсь нашъ литературный языкъ—сначала грубая смѣсь церковно-славянскаго съ малороссійскимъ — подконецъ сталъ очищаться отъ полонизмовъ. Словомъ, благодаря могилянской коллегіи, Кіевъ сталъ источникомъ нашего Возрожденія, которымъ жила вся Русь еще при Петрѣ I.

Казацкіе бунты.

Это возрожденіе отражалось на всей польской Руси, до глубины народныхъ массъ. Его почуяли и казаки, которыхъ призывали оборонять православіе такіе вожди русской народности, какъ Могила и князь Острожскій. Чѣмъ упорнѣе становилась польщизна, тѣмъ больше ихъ лютость и жажда брани переносились съ юга на сѣверъ, отъ «татарвы» къ «ляхамъ» и «жидамъ». Тамъ и сямъ хлопы уже расправлялись самосудомъ съ фанатиками уніи. Въ Полоцкѣ толпа растерзала на улицѣ злого, надменнаго уніатскаго епископа, Кунцевича. Послѣ такихъ расправъ, преслѣдуемая чернь массами убѣгала въ Сѣчь, подливая тамъ масла въ огонь. Начали волноваться даже реестровые казаки. Правительство спѣшило отнять у нихъ льготы и сократить ихъ число. Но это вывело изъ терпѣнія все казачество: конецъ XVI-го и первая половина XVII-го вв. называются, въ исторіи Польши, порой *казацкихъ бунтовъ*. Особенно прославился удалью и лютостью кошевой Наливайко: въ годъ уніи (1595) ему удалось пройти до Бѣлоруссіи, подвергая «супостатовъ» ужаснымъ истязаніямъ. Правда, онъ былъ самъ замученъ въ Вар-

шавѣ, да такъ же кончились и другіе набѣги запорожцевъ. Но это только разжигало ненависть «лыцарей». Они слились съ своими низовыми братьями въ неслыханномъ «мятежѣ» предпріимчиваго Павлюка (1618). То уже была цѣлая рать, которая дала настоящее сраженіе королевскимъ «жолнерамъ» (солдатамъ). Но и она была разбита. Казакамъ недоставало ни порядка, ни денегъ, ни вооруженія; терзали ихъ и раздоры между реестровыми гетманами и запорожскими атаманами. Подконецъ казаки нанимались цѣлыми отрядами на службу къ французскому королю. Ихъ разбитые вожди уходили въ Москву помогать ей рости для свѣдѣнія послѣднихъ счетовъ съ ляхомъ. Но важнѣе было то, что туда же къ своему кровному брату, великороссу, уже несъ малороссъ свой умъ и свои знанія, которыя получилъ онъ самъ отъ своего злѣйшаго врага, отъ поляка, озареннаго европейскимъ просвященіемъ. Тогда насталъ расцвѣтъ русской письменности въ польско-литовской Руси.

Письменность юго-западной Руси.

Эта письменность родилась подъ вліяніемъ *Запада и западныхъ славянъ*. Оттого, если въ ней еще преобладала церковность, то только вначалѣ, притомъ въ видѣ *схоластики*, которая допускала діалектику или доказательство отъ разума. Изложеніе ея было болѣе свѣтское: это—средневѣковое *риторство*. Самый языкъ вовсе не походилъ на старый, церковный; онъ становился богатъ, хотя и запестрѣлъ полонизмами да латинизмами. Свѣтскость прорывалась все рѣшительнѣе и въ содержаніи. Богословы не столько погружались въ догматику, сколько увлекались *полемикой*, причемъ прибѣгали и къ свѣтскимъ писателямъ, и къ собственнымъ разсужденіямъ. А рядомъ развивалась наука—исторія и философія, естествознаніе и математика. Наконецъ, возникали новые роды изящной словесности; зарождалась бойкая жизненная поэзія. Отличіемъ новой письменности польской Руси служило еще то, что она вся—*печатная*. На первомъ планѣ стояла церковная полемика,—сначала только противъ папистовъ, потомъ также противъ евреевъ, магометанъ и язычниковъ. Полемикѣ служила и проповѣдь, которая процвѣтала не меньше ея. Она брала примѣры даже изъ Эзопа, Овидія, Цицерона и Тасса; въ ней проявились чувства—насмѣшка, шутка, бранный задоръ. Но казнодѣи, по примѣру іезуитовъ, вдавались въ театральность и напыщенную декламацію. Изъ наукъ особенно посчастливилось словесности. Среди учебниковъ, прежде всего, появились «букварн» (азбуки), затѣмъ азбуковники (словари): явился и первый «Славско-русскій лексиконъ», и первая славянская грамматика, за которой послѣдовала грамматика Смотрицкаго (1619), перепечатанная въ Москвѣ въ концѣ періода. Тогда вообще вся юго-западная проза начала переходить въ сѣверо-восточную Русь, которая воспитывалась на ней до самаго Ломоносова. Тогда же потянулись въ Москву, сначала для исправленія книгъ, потомъ для борьбы съ расколомъ и со всею древней Русью, сами творцы русскаго Возрожденія на югѣ, которымъ становилось тяжело жить на родинѣ, при засиліи польщизны.

Тѣ же писатели разрабатывали поэзію. Но то была жалкая *книжная поэзія*,—вѣрнѣе, та же риторическая проза, только въ неуклюжихъ стихахъ: она и называлась «виршами» (лат. versus), т. е. стихами. Въ нихъ господствовалъ несвойственный русскому языку, «силлабическій» (слоговой) складъ. Конечно, такая лже-поэзія исчезла безслѣдно и мало дѣйствовала на сѣверо-востокъ. Важнѣе зачатки драмы. Это—западныя мистеріи, перешедшія изъ Польши. Впрочемъ эти, любимыя іезуитами, «дѣйства» не привились въ Малороссіи. Болѣе успѣха имѣли «вертепы» (ясли), занесенные также изъ Польши. Это—ящикъ съ картонными куклами, изображавшими жизнь Христа. Бурсаки ходили съ вертепами, объ Рождествѣ, распѣвая вирши и колядки. Впослѣдствіи прибавились потѣшныя куклы—еврей, хохолъ, панъ, дьякъ и проч. Истинная поэзія заключалась въ *народныхъ пѣсняхъ*, которыя развились у

малороссовъ, подъ вліяніемъ южно-русскаго Возрожденія. Это—рѣдкій примѣръ поздняго историческаго эпоса. Особенно важны «думы»—пѣсни казачества, преимущественно XVII-го в. Смыслъ ихъ—воспѣваніе лыцарства, похожее на «Слово о полку Игоревѣ». Стихосложеніе ихъ—тоническое, пѣвучее, чисто-русское. Украинскія пѣсни имѣютъ значеніе и въ исторіи пѣнія. Ихъ напѣвы богаты и своеобразны. Въ Малороссіи и церковное пѣніе становилось, подъ западнымъ вліяніемъ, живѣе и стройнѣе, въ сравненіи съ московскимъ «демественнымъ» пѣніемъ, принесеннымъ изъ Византіи, и его «крюками» или мудреными намеками на ноты. Въ концѣ періода польская Русь была переполнена книжками и тетрадками по «партесному» или «мусикійному» пѣнію, т. е. подчиненному правиламъ гармоніи, и съ настоящими, линейными нотами.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Значеніе древней Руси.

Олицетвореніе древней Руси. Грозный поясняетъ ее самымъ свойствомъ своей болѣзни. Онъ страдалъ жгучею ревностью къ власти, къ этому единственному тогда орудію для удовлетворенія основной потребности народа въ *земельномъ* и *племенномъ сплоченіи*, Въ этомъ сплоченіи и состоитъ положительный смыслъ нашей древней исторіи. Оно уже перестало быть вопросомъ: оно было заявлено міру въ правительственномъ титулѣ. Если на дѣлѣ это еще не была вся Русь, то на нее указывала наступательная война съ Польшей которая стала злобой дня, какъ только былъ покончевъ татарскій вопросъ; и борьба малороссовъ съ польщизной уже подготовляла роковой исходъ для Польши, слабѣвшей подъ гнетомъ шляхты и іезуитовъ. Выяснялось также, что Русь понимала сплоченіе въ смыслѣ естественныхъ, а не народныхъ границъ. До татаръ даже Суздаль считался мѣстомъ ссылки: отправляясь въ Кіевъ или въ Новгородъ, его князья «ѣздили въ Россію». Теперь же Русь—и Балтика, гдѣ жили финны, нѣмцы да литовцы, и Каспій, Черное море, Тихій океанъ, гдѣ случайно появилась кучка казаковъ среди массъ инородцевъ. **Собираніе земли.**

Тоже самое естественно произошло съ политическимъ сплоченіемъ Руси, или *самодержавіемъ*. Оно развивалось безпрерывно, даже при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Нашъ народъ выдержалъ и опричнину, и даже розруху, чуть не сгубившую все, не усомнившись въ его пригодности. Розруха даже послужила къ его упроченію: съ воцареніемъ Романовыхъ оно перестало быть вопросомъ. **Самодержавіе.**

Иностранцы уже съ Василія III представляли Русь примѣромъ невиданной власти. Царь, по понятіямъ народа, былъ божествомъ: какъ источникъ закона, онъ не могъ подчиняться ничему. Верхъ и его царедворцы составляли всю Русь, все ея предопредѣленіе. Розруха утвердила этотъ порядокъ, завѣщавъ польскій и балтійскій вопросы.

Если въ 16-мъ вѣкѣ бояре еще считали себя «столпами и крамольничали, помня свои права дружинниковъ, то подконецъ это уже были «захудалые» роды. Запоздалыя попытки боярства пріобрѣсти политическое значеніе окончились его крушеніемъ. А дѣло правленія перешло въ руки «новиковъ»—выслужившихся разночинцевъ, про которыхъ еще Грозный писалъ своему наперснику, Васюткѣ Грязному: «бояре стали намъ измѣнять; и мы васъ, мужиковъ, къ себѣ приблизили, надѣясь отъ васъ службы и правды». Духовенство никогда и не думало о политическомъ значеніи, хотя мало занима-

лось и наставленіемъ своей паствы. Среднему сословію не было мѣста при убожествѣ торговли и промысловъ. Посадскіе—тѣ же черные тяглецы. Города подрывались и взаимною завистью, и казной, а также монастырями и служилыми, которымъ власть дала огромный и почти единственный тогда капиталъ—помѣстья и вотчины съ крестьянами. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было связано съ прикрѣпленіемъ высшаго класса къ службѣ: оно произошло незамѣтно, путемъ самой жизни, безъ предписаній закона.

Закрѣпощеніе и приказный духъ. Послѣ восьми вѣковъ существованія древней Руси сословій не оказалось: всякій могъ передвигаться по общественной лѣстницѣ, гдѣ были только обыватели «лучшіе, средніе и меньшіе», по достатку въ окладной росписи казны. Община и городъ, церковь и княжье, земскіе соборы и дума — все было принесено въ жертву государству, которое должно было взять на себя задачу осѣдлости при всеобщемъ бродяжничествѣ, взять на себя всѣ заботы. Управленіе особенно затруднительно въ такой громадной разноплеменной и невѣжественной странѣ, какъ Древняя Русь. Сами цари прибѣгали къ помощи земщины. Управленіе оказалось плохимъ, по свидѣтельству нашихъ же лѣтописей, документовъ и сказаній. Древняя Русь завѣщала новой Россіи *приказный духъ*,—это всесильное дьячество и подъячество, которое, можно сказать обращало самодержавіе въ своего раба.

Культурная отсталость. Въ четвертомъ періодѣ выяснилась и другая черта древней Руси—*недостатокъ бытового развитія*, особенно сравнительно съ Европой-

Оттого иностранцу претила первобытность Московіи даже по *внѣшности*, которая бросалась ему въ глаза. Жалка была эта безпредѣльная юдоль «сиротъ, напоминавшихъ изгоевъ, съ ея безпутицей и переложнымъ земледѣліемъ, съ ея курными скородомами, полными грязи и лишенными мебели. Жалокъ былъ и ея обитатель, закутанный въ шкуры и азіатскіе халаты, съ грязной бородой и хмѣлемъ въ головѣ. Отъ татаръ и вѣчныхъ войнъ его *нравы* огрубѣли. Онъ жилъ порывами и крайностями дикаря. Раболѣпный предъ властью, онъ былъ самоволенъ и жестокъ съ низшими, лукавъ съ равными. Особенно бросались въ глаза сварливость и завистливость, при страстномъ стремленіи Руси къ внѣшнему сплоченію, точно также какъ бродяжничество, легкій разрывъ даже съ родиной. Единодушіе вызывалось только ненавистью ко всякому проявленію личности и новизны: общинно-родовой бытъ, уничтоженный въ политикѣ, процвѣталъ въ быту, какъ нравственное закрѣпощеніе народа. Древняя Русь до конца отличалась оттѣнкомъ сказочной патріархальности. Здѣсь все слито въ общей массѣ: нѣтъ рѣзкихъ чертъ ни въ лицахъ, ни въ жестахъ; всюду «одиночество», стадность; и безъ всякихъ указовъ всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ. Еще не выдѣлилась и женщина: была только самка, раба да «постница» Вездѣ безпомощность и дряблость, безконечное терпѣніе да мольбы и ожиданія всего отъ Бога да отъ Верха.

Какъ вездѣ, нравственная несостоятельность была плодомъ *умственной незрѣлости*. Древняя Русь до конца руководствовалась «двоевѣріемъ»; и обѣ вѣры понимались такъ наивно, что вносили только смуту въ умы. Оттого отличіемъ умовъ была первобытная косность, особенно поразительная при невоздержности въ нравахъ. Иностранцы удивлялись, какъ московиты «всѣ словно одного возраста». Такое старовѣрство поддерживалось убѣжденіемъ, что всякая новизна и иноземщина—грѣхъ и преступленіе, противъ котораго нужно кричать «слово и дѣло», въ огражденіе Богомъ избранной, святой и непорочной Руси. Это «нестерпимое глупое высокомѣріе» привело къ тому, что чужіе народы считались «черною костью» въ сравненіи съ нашимъ «бѣлымъ царемъ». и полагалось, что нѣтъ на свѣтѣ ничего выше и больше, чѣмъ Иванъ Великій, Царь колоколъ и Царь-Пушка. Народъ отстоялъ противъ самого Василія III свою бороду, которая служила такимъ же символомъ святой Руси, какъ татар-

скій халатъ и византійское облаченіе. Даже такіе враги старины, какъ Нилъ Сербскій, Максимъ Грекъ и Курбскій, жили по «Чиновнику» и Домострою, этимъ плодамъ Византіи временъ отцовъ церкви. Такое потрясеніе, какъ розруха, въ быту было лишь рябью на поверхности океана: какъ при разгромахъ татаръ, русскіе разбрелись розно, потомъ опять собрались, наплодились— и потянулась старая пѣсня.

Умственная незрѣлость—плодъ *невѣжества*, которое составляетъ главное отличіе древней Руси отъ Запада. Русскому некогда было заниматься наукой, теоріей: самый политическій народъ въ Европѣ, послѣ спартанцевъ, онъ до того былъ увлеченъ своею практической задачей, что считалъ ихъ забавой празднолюбцевъ. А ревнивая къ умственному единообразію церковь внушала ему, сверхъ того, что подобныя занятія—такой же грѣхъ, какъ народная поэзія и свѣтское пѣніе. Оттого письменность древней Руси, за немногими исключеніями ранняго времени, представляетъ какъ бы восточное явленіе, которое отчасти повторилось только въ Византіи. На протяженіи восьми вѣковъ, въ ней почти нѣтъ исторіи, смѣны направленій, да почти нѣтъ и именъ сочинителей, которые замѣнялись «списателями» и переводчиками. Это— нерасчлененная,, смутная масса, въ которой можно начинать хоть съ конца. Съ 10-го до 18-го в. тянется рядъ однѣхъ и тѣхъ же рукописей, которыя укладываются въ нѣсколько сборниковъ, разнообразясь только количествомъ ошибокъ въ разныхъ «изводахъ». Если подконецъ сюда проникали отклики Запада, то Коперникъ спокойно помѣщался подлѣ Индикоплова, не нарушая силы трехъ китовъ, на которыхъ покоился пупъ земли.

То была все церковная или навѣянная церковью письменность, и по большей части переводы съ греческаго. Переводили буквально, что вело къ нелѣпицамъ, при разности въ строѣ двухъ языковъ; къ тому же брали искусственныя сочиненія, которыя предназначались въ Византіи для утонченной интеллигенціи, а у насъ были «мудростью запечатлѣнною». Оттого нерѣдко оставляли непонятныя греческія слова или переводили такъ, что не добьешся смысла безъ сличенія съ подлинникомъ. «А книгочія» поглощалъ все это съ благоговѣніемъ, какъ вкушалъ просвирку, не проронивъ крохи: отсюда *буквоѣдство* нашихъ начетчиковъ. То же происходило съ зачатками свѣтской письменности, какъ видно изъ сличенія судебъ одной и той же повѣсти у насъ и на Западѣ. Нашъ читатель не могъ предъявлять къ своей письменности новыхъ требованій, въ силу своей косности. Между тѣмъ какъ даже въ Польшѣ иные кучера и горничныя говорили полатыни, у насъ былъ весьма ограниченъ самый кругъ грамотныхъ; а о школьной наукѣ не было и помину. Наша сухая, византійская письменность стала только украшаться, подконецъ, подъ вліяніемъ польскаго риторства, «широковѣщательною и многошумящею» рѣчью, совсѣмъ непостижимою для любителей «книжнаго почитанія».

Всеобщая смута.

Всѣ указанныя отличія древней Руси сводятся къ общей поучительной чертѣ, которая поясняетъ, что можетъ сдѣлать народъ-ребенокъ въ бытовомъ развитіи, на долю котораго выпадаетъ широкая политическая задача. Это — всесторонняя *смута*, хаосъ. Какъ въ самомъ православномъ, такъ и въ его святой Руси не было ясныхъ, выпуклыхъ, чертъ, не замѣчалось точныхъ опредѣленій, расчлененныхъ разумомъ понятій, строгаго раздѣленія труда; все дѣлала сама жизнь, случайная практика; вездѣ робкіе опыты да примѣры, не сведенные къ правиламъ, къ теоріи.

Управленіе шло по обычаю, по памяти да по заковыкамъ приказовъ, которые сами представляли образецъ путаницы; даже придворное чиноначаліе установилось лишь къ концу древней Руси. Всюду проглядывалъ еще вотчинный взглядъ: до самой розрухи встрѣчались пережитки волостей-княженій; основою распорядковъ все еще служила дробная мѣстность, а не общегосудар-

ственные предметы вѣдомства. Лишенные сословныхъ опредѣленій князья, бояре и церковники, гости, посадскіе и крестьяне переплетались между собой въ занятіяхъ.

При такой смутѣ въ государствѣ, нечего и говорить про бытъ древней Руси. Въ умахъ трудно отличить, гдѣ кончается одна вѣра и начинается другая, въ письменности—гдѣ кончается Библія и начинается апокрифъ, гдѣ поправка владыки или собора и гдѣ ошибка списателя-невѣгласа. Въ нравахъ, въ искусствѣ, не исключая «русскаго» узорочья, во внѣшнемъ быту—всюду смѣшеніе неожиданныхъ крайностей, своенравная путаница заимствованій чуть не со всего свѣта. Древняя Русь, это—ларь скопидома, или кладъ съ монетами разныхъ временъ. Ея символами служатъ Василій Блаженный да кремлевскій дворецъ, гдѣ сливались всякіе пошибы въ грудѣ разбросанныхъ зданій и хранились драгоцѣнности татарскія, арабскія, персидскія, византійскія, западныя изъ разныхъ временъ. И ея языкъ кишитъ всякими составами—варяжскимъ, византійскимъ, татарскимъ, польскимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ. Немудрено, что еще такъ много смутнаго въ изученіи древней Руси, тѣмъ болѣе, что она, храня дорогія бездѣлушки, частью истребила важнѣйшія свидѣтельства, частью не позаботилась сберечь ихъ. Историкъ не можетъ полагаться даже на точные съ виду термины: въ XVI-мъ в. «сокольниками» именовались тѣ, которые «платятъ за соколы оброкъ», а это были сапожники и хлѣбопеки. Такъ, почти вездѣ тогда «св. Пятница бывала на св. Прасковью», а аллилуія шла въ «скокъ, перескокъ, недоскокъ».

Такъ, древняя Русь не даетъ опоръ для «нестерпимаго высокомѣрія». Она не внесла новыхъ началъ и идеаловъ въ сокровищницу человѣческаго развитія: питаясь чужимъ добромъ, она не перерабатывала его въ перлы искусства или науки, а зачастую искажала съ высокомѣріемъ невѣгласа. Во многихъ отношеніяхъ, «святая» Русь оказалась святою простотой.

Русь и Европа. Но древняя Русь явила новый и рѣдкій въ исторіи примѣръ благородной борьбы народа съ тяжкими условіями за высшія блага человѣчества. Въ этомъ смыслѣ она, въ свою очередь, не даетъ опоръ ни для отчаянія, ни для самоуниженія. Древняя Русь подчинена общимъ историческимъ законамъ. Независимость обезпечена великому историческому народу; а своеобразіе, котораго не лишена даже ни одна личность,—дѣло времени, развитія. Древняя Русь во многомъ поражаетъ своимъ сходствомъ съ Европой до названій въ мелочахъ. Западъ не только былъ такою же святою простотой въ свое время, но отчасти сохранялъ до конца періода видъ смуты отъ пережитковъ средневѣковья: тамъ были даже свои розрухи и самозванцы въ свою переходную пору. Въ своемъ быту Европа также представляла смѣсь всякихъ вліяній, не исключая азіатскихъ, но она успѣла претворить ихъ въ новую, богатую гражданственность и полагала своею гордостью истребленіе пережитковъ старины. И эта разница объясняется не тѣмъ, что на Западѣ жили какіе-то избранники: перенесенные на востокъ, они оказались бы тою же святою Русью. Иностранцы сами сознавали это. Гнушаясь бытовою отсталостью московита, они скорѣе боялись, чѣмъ презирали этого сильнаго «варвара», который, среди самыхъ тяжкихъ условій, собралъ громадную землю, создалъ большое государство и, едва освободившись отъ татарскаго ига, уже протягивался къ пяти морямъ, даже переходилъ въ наступленіе на Западъ. Иностранцы дивились переимчивости русскаго, который своими заимствованіями со всего свѣта готовилъ богатый матеріалъ для своего будущаго творчества. Они понимали, что если Москва—не Аѳины, то и не Спарта, разрушительница прогресса, что это—чернорабочій человѣчества, «богатырская застава» Европы отъ азіятчины. Развивъ, благодаря этой защитѣ, свою гражданственность, Западъ подконецъ несъ ее къ московиту, какъ достойную плату своему брату, арійцу.

Русь также тянулась къ Западу, возвращаясь къ лучшимъ преданіямъ Кіева, подорваннымъ Византіей, усобицами и татарами. Въ этомъ стремленіи къ старшему, по образованности, брату лежалъ главный залогъ великой будущности. Древняя Русь проявляла его въ каждую счастливую минуту: «ученье—свѣтъ, а неученье тьма», это было такимъ же непрерывнымъ призывомъ жизни, какъ византійство было преданіемъ застоя. Первообразъ московита, суровый скопидомъ и властодержецъ, оторванный отъ всего міра въ своей захолустной опричнинѣ, Андрей Боголюбскій призвалъ фрязиновъ—и св. Маркъ изъ Венеціи сталъ гулять, въ суздальскомъ нарядѣ, по всей святой Руси. Не успѣла Русь освободиться отъ татаръ, какъ уже горячо, смѣло схватилась за западный вопросъ и за упущенное бытовое развитіе. Тотчасъ ея повелитель выбралъ себѣ подругу на Западѣ—и настала та знаменитая пора, которая считается и настоящею Московіей, и нашимъ первымъ Возрожденіемъ. Москва съ жадностью стала брать все съ Запада, отъ свѣтскихъ учителей и типографій до одежды и манеръ: она брала даже черезъ посредство своихъ враговъ—поляковъ и погубленнаго ею Новгорода. Сразу появились и западныя книжки на Верху.

Вліяніе Запада.

Московія, въ своихъ лучшихъ слояхъ и стремленіяхъ, вдругъ стала походить на татарскую Русь меньше, чѣмъ Россія XVIII вѣка походила на нее самое. Такія явленія, какъ Нилъ Сорскій, этотъ живой протестъ Новаго Завѣта противъ византійства осифлянъ, или какъ возстаніе самого Стоглава противъ старины, не говоря уже про письма Курбскаго, сдѣлали бы честь и Западу: въ нихъ сказалась сила европейскихъ идеаловъ въ пробужденномъ даровитомъ обществѣ. Курбскій и его друзья—уже зрѣлый патріотизмъ: то были питомцы Запада, но съ русскою душой. Въ ихъ царственномъ противникѣ воплотился всеобщій расколъ, споръ между азіятчиной и европеизмомъ, между Византіей и Западомъ, борьба древней Руси съ зачатками новой. Въ этой борьбѣ, достойной великаго народа, помутился умъ царя, какъ, по смерти его, замутилась и вся земля.

Но новая Россія росла, не взирая ни на что. Годуновъ былъ уже западнымъ человѣкомъ, предтечей Лжедимитрія I и Морозова. И русскіе, истребляя поляковъ въ розруху, у нихъ же брали все, отъ языка до брадобритія. Подконецъ уже былъ рѣшенъ вопросъ—суждено ли Руси быть Азіей или Европой? Въ ней дѣлались попытки всестороннихъ преобразованій, отъ постояннаго войска до финансовъ и статистики; бродили новыя понятія; обнаруживались первые проблески личности; появлялись благородные характеры и развитые умы. Москва дѣятельно сносилась дипломатически съ далекимъ Западомъ. Въ ней самой мелькала даже его обстановка и утверждалась цѣлая колонія его представителей. И уже широкою волной переходила къ ней европейская гражданственность черезъ польскую Русь.

Не мало жизненной крѣпости и идеализма было въ народѣ, который достигъ такихъ успѣховъ человѣчности, при столь тяжкихъ условіяхъ. Вопросъ состоялъ только въ томъ—какъ понимала свою задачу единственная выработанная имъ сила, которой покорялась даже всемогущая въ такія времена церковь? Русь не могла обмануться въ своемъ самодержавіи. Оно безсознательно шло впереди народа въ силу историческаго закона, по которому въ неразвитомъ обществѣ все идетъ сверху. Самодержавіе воспитывало общественное сознаніе, подавляя всеобщую рознь и частыя льготы, облагая тяглецовъ по разрядамъ достатка. Оно смиряло спесь бояръ и сдерживало любостяжаніе церковниковъ и алчность купцовъ, покровительствуя иностраннымъ гостямъ. Оно «нещадно, во всю ивановскую» било батогами попадавшихся приказныхъ лиходѣевъ. Оно упорно стремилось къ Западу. Съ Верха шли всѣ нововведенія, начиная съ освобожденія женщины изъ терема, съ глобуса, ча-

совъ и театра, кончая брадобритіемъ, розами и табакомъ. Оттого подконецъ уже все предвѣщало великій историческій переворотъ, съ котораго самодержавіе же начнетъ дѣло раскрѣпощенія народа.

На порогѣ преобразованій.

Древняя Русь завѣщала, съ одной стороны, весь свой сумракъ пережитковъ, съ другой—крѣпкое самодержавіе съ свѣжей династіей и народъ, который, въ своихъ передовыхъ рядахъ, съ юношескимъ пыломъ рвался къ новой жизни, подъ знаменемъ европейскаго просвѣщенія. Чтобы настала пора преобразованій коренныхъ, небывалыхъ, требовалась особенно крупная личность на Верху. Въ ней должны были воплотиться: безграничная власть и такая же воля, свѣтлая мысль и ясныя желанія, непреодолимая страстность и неусыпное трудолюбіе любовь къ своей странѣ до самопожертвованія и жажда знанія съ переимчивостью ребенка, съ благоговѣніемъ юноши къ своимъ учителямъ, наконецъ — отвага героя, равная жгучей ненависти къ недостаткамъ старины. Таковъ былъ представитель новой Россіи,—тотъ Петръ, который признанъ Великимъ уже не «нестерпимымъ высокомѣріемъ» своего народа, а голосомъ всего міра,—тотъ небывалый исполинъ исторіи, за порожденіе котораго простятся всѣ грѣхи его матери, древней Руси.

Но переворотъ, произведенный Петромъ, привелъ бы только къ разрушенію востока Европы, а не къ созданію новой Россіи, если бы нашъ народъ не подготовлялся къ нему раньше «тихимъ московскимъ обычаемъ». Все, что происходило послѣ перваго Романова, уже носитъ на себѣ иной отпечатокъ, чѣмъ прежде. Вторая половина XVII-го в. болѣе походитъ на эпоху Петра, чѣмъ на четвертый періодъ. Она сливается съ нею до того, что ихъ невозможно разъединять: во всѣхъ сторонахъ жизни, сѣмена одной даютъ плодъ въ другой. Новая исторія Россіи начинается около 1650 г.: царствованія Алексѣя и Θедора и правленіе Софьи—ея первая вводная глава.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Преобразованія и Западъ. Около 1650—1800 г.

Царь Алексѣй и бояринъ Морозовъ.

Первый Романовъ оставилъ престолъ (1645) сыну своему 16-лѣтнему *Алексѣю Михайловичу*. То былъ образецъ русскаго добраго молодца, человѣка здороваго, съ уравновѣшенной душой. Царь Алексѣй—воплощенный миръ и благоволеніе. Доброта, которая изливалась даже въ его задушевныхъ письмахъ, снискала ему имя «тишайшаго»--кроткаго, милосерднаго. Его мягкость граничила съ безволіемъ, которое проявлялось и въ припадкахъ вспыльчивости, когда онъ не скупился на пощечины самымъ близкимъ людямъ. Онъ любилъ уноситься мыслью къ Богу, упивался мягкой природой своего Коломенскаго, до мелочей справлялъ всѣ обряды церкви и царскаго чина. Но умъ, пытливость и впечатлительность придавали Алексѣю оттѣнокъ новаго человѣка: къ тому же дядька обучалъ его по нѣмецкимъ картинамъ и ходилъ съ нимъ въ Нѣмецкую Слободу. Душа Алексѣя была согрѣта терпимостью: это былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени. Онъ и выдвигалъ людей даровитыхъ, съ западнымъ образованіемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше царь прилѣплялся къ Западу. Этому смиреннику пришлось 30 л. править обширнымъ и разстроеннымъ государствомъ: и онъ скоро усталъ и отдалъ власть боярамъ, чиновникамъ и осыпалъ милостями опасныхъ стрѣльцовъ. Началось замѣчательное, по своей содержательности, но полное треволеній правленіе временщиковъ, вмѣстѣ съ развитіемъ приказнаго духа.

Сначала дѣла перешли къ дядькѣ царя, къ боярину Борису *Морозову*, который сочувствовалъ западному просвѣщенію и привлекалъ малороссійскихъ ученыхъ въ Москву. Но это былъ алчный и властолюбивый царедворецъ, закрѣпившій свое вліяніе бракомъ царя съ дочерью своего подчиненнаго, *Милославскаго*, на сестрѣ которой женился самъ. Морозовъ истомилъ народъ непосильными поборами, въ особенности пошлиной на соль. Толпа взбунтовалась въ Москвѣ (1648), требуя казни «измѣнниковъ». Царь со слезами умолялъ народъ смириться и исполнилъ его главныя требованія; даже отмѣнялись откупа. Въ то же время было составлено новое, лучшее *Уложеніе*, которое было утверждено земскимъ соборомъ.

Московскій бунтъ былъ лишь началомъ волненій. Самое важное изъ нихъ связано съ именемъ патріарха *Никона*, который выступилъ впередъ, когда палъ Морозовъ. «Тишайшій» вполнѣ подчинился Никону, этому воплощенію бурной страсти, несокрушимаго рвенія и крайняго властолюбія. Никонъ самъ вызывалъ бури и гордился тѣмъ, что «отъ всѣхъ возненавидѣнъ». Онъ вступилъ на скользкій путь политическихъ интригъ. Англичане считали его за это какимъ то реформаторомъ, католикамъ онъ представлялся чуть не папистомъ. Но его реформы состояли въ исправленіе обрядности. Никонъ—противоположность Петра Великаго, на котораго больше походилъ другой святитель, Филаретъ. Онъ не могъ быть даже Петромъ Могилой, по скудости своего образованія. Никонъ язвилъ Алексѣя названіемъ «латино-мудренника», изгонялъ иностранныхъ купцовъ изъ Москвы, кромсалъ нѣмецкое платье въ куски, разбивалъ польскіе органы, всенародно выкалывалъ глаза иконамъ «франкскаго письма». То былъ старовѣръ, византійскій церковникъ, по духу: до своего патріаршества онъ принадлежалъ къ кружку «ревнителей о вѣрѣ», которымъ заправлялъ протопопъ Аввакумъ. А вознесшись на престолъ, Никонъ бросилъ свою братію и сталъ окружать себя именно ея врагами—малороссами, въ особенности же греками, съ помощью которыхъ онъ поднялъ знамя возрожденія византійства. **Никонъ.**

Сила Никона заключалась въ неугомонномъ рвеніи: онъ былъ правитель, хозяинъ, учитель, библіотекарь, обличитель, строитель. Но его имя врѣзалось въ нашей исторіи, лишь благодаря замѣчательной эпохѣ, въ которой положеніе русскаго патріарха было высоко. Оно неизбѣжно сплеталось съ вопросами, отчасти волновавшими весь міръ. Оттого то всѣ борющіяся стороны привязывались къ мятежной личности Никона, запутывая ея черты передъ историкомъ. Іезуиты поддерживали несправедливое подозрѣніе въ его связяхъ съ Польшей и папствомъ. Бояре взводили на него клевету въ подрывѣ самодержавія и въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Малороссіей, тогда какъ враги абсолютизма прославляли въ немъ жертву вольнолюбія. Раскольники сплетали его имя съ именемъ Петра I въ смертельной ненависти, а ревнители просвѣщенія называли его, за страстную борьбу съ расколомъ, «свѣтоводителемъ». Народъ, для котораго Никонъ ничего не сдѣлалъ, считалъ его своей охраной за вражду къ боярамъ; на знаменахъ Разина его изображеніе красовалось рядомъ съ портретомъ царевича. Никонъ не былъ въ силахъ воспользоваться своимъ историческимъ положеніемъ. Не могло быть прочнымъ вліяніе человѣка, который не понималъ своего времени, повертывалъ къ церковной Византіи, когда передовая Русь рвалась къ обмірщенію путемъ западной гражданственности,—человѣка, который мнилъ себя душой и господиномъ Россіи, бичемъ призрака Грознаго, а самъ разыгрывалъ роль зазнавшагося временщика при «тишайшемъ» царѣ.

„Двоица“. Книжное исправленіе. Въ эту роль такую натуру вовлекали обстоятельства. Въ Алексѣѣ воплотилось сознаніе всей Руси, что патріархъ — «второй государь, начальный человѣкъ». Онъ поклялся «почитать его, какъ отца верховнѣйшаго», велѣлъ писать

его въ грамотахъ «великимъ государемъ», цѣловалъ его въ руку. И Никонъ началъ проповѣдывать, что Россія живетъ «богомудрою *двоицею*», а главное—«почтеніемъ къ святителямъ». Онъ попиралъ посохомъ, какъ «проклятую книгу», новое Уложеніе, стѣснявшее права церкви. Патріархъ выдвинулъ папское ученіе о «солнцѣ и лунѣ», о «двухъ мечахъ—духовномъ и гражданскомъ»: въ пылу гнѣва, онъ прямо грозилъ судомъ Рима и не скрывалъ желанія называться «русскимъ папой». Въ теченіе шести лѣтъ властолюбца уже возненавидѣли церковники, бояре, сама царица и Милославскіе. Стоило присоединиться къ нимъ народу — и святителю конецъ. Это и случилось по поводу *книжнаго новоправленія*.

Въ нашей церкви выработались нѣкоторыя особенности, нерѣдко отъ простого невѣжества переводчиковъ или списателей. Они пріобрѣли особенное значеніе съ введеніемъ книгопечатанія, которое какъ бы освящало ихъ въ глазахъ буквоѣдовъ. Двуперстное сложеніе и сугубое аллилуя были утверждены даже Стоглавомъ. Вскорѣ замѣтили ошибки и вздумали исправить книги. Но вышла новая бѣда: еле грамотные «справщики» вносили новыя ошибки. Никонъ взялся за «новоправленіе» книгъ, поручивъ его малороссійскимъ и греческимъ ученымъ. Соборъ 1654 г. не только согласился съ этимъ, но и объявилъ проклятіе за двуперстіе.

Дѣло Никона. Старообрядчество.

Косная масса забушевала. Она опять заговорила и объ аллилуѣ, и о восьмиконечномъ крестѣ, и объ «Исусъ» вмѣсто Іисусъ, и о «рожденна, а не сотворенна», ибо «подобаетъ умереть за одинъ азъ». Духовенство, съ соловецкими иноками во главѣ, кричало, что Никонъ—антихристъ, ибо онъ вводитъ еретическія «новшества». Старые справщики увѣряли, что это новоправленіе сдѣлано по книгамъ, испорченнымъ латинянами. Сталъ охладѣвать и царь, который уже свыкся съ властью въ теченіе 14-ти лѣтъ. А Никонъ гнѣвался, называлъ его «Ровоамомъ». Наконецъ, Алексѣй созвалъ соборъ, съ участіемъ восточныхъ патріарховъ (1666). Никонъ былъ заточенъ въ монастырь, по его приговору. Дѣло Никона, какъ представителя притязаній духовной власти, было проиграно и не оставило слѣдовъ.

Но новоправленіе оставило слѣдъ, который не изгладился до нашихъ дней. Отсюда начался расколъ, именуемый *старообрядчествомъ*. Русскіе по большей части и слышать не хотѣли объ измѣненіи «прародительскаго преданія» хотя бы на іоту. Многіе фанатики всю жизнь боролись съ «никоніанскою ересью», какъ назвали они православіе. Появились упорные расколоучители, и во главѣ ихъ іосифовскіе справщики, Никита Пустосвятъ и Аввакумъ. Ихъ ссылали; а это только распространяло старообрядчество по окраинамъ. Правительство сразу приняло суровыя мѣры противъ «церковныхъ мятежниковъ». Соборъ 1666-го года проклялъ ихъ и издалъ противъ нихъ книгу Полоцкаго «Жезлъ Правленія». Было даже возстановлено древнее наказаніе—сожженіе. Но фанатики стали сами сожигать себя тысячами, вмѣстѣ съ младенцами, при приближеніи царскихъ войскъ.

Бунты. Разинъ.

Этимъ дѣло не кончилось. Царствованіе тишайшаго царя было завершеніемъ долгаго періода смуты. Церковный мятежъ, это возстаніе невѣжества и косности, былъ поддержанъ гражданскими *бунтами*. Но то не была борьба съ самодержавіемъ, которое оставалось, въ глазахъ народа, такою же святыней, какъ старое православіе. Народъ былъ увѣренъ, что именемъ добраго царя управляютъ разные Морозовы да Милославскіе, и что царь даже бѣжалъ въ Литву отъ тиранства бояръ. Главною причиной бунтовъ было дурное управленіе страной. Сверхъ того, упорныя войны съ Польшей заставляли правительство награждать бояръ и служилыхъ землями съ населеніемъ: тогда сильно развилось крѣпостничество. Обнищалые мужики, холопы, бѣглые ратники,—вся эта *голытьба* становилась разбойниками. Разбойничество стало какъ бы поли-

тическимъ расколомъ: да голытьба и была раскольница. Разбойники не только истребляли помѣщиковъ и властителей, но и грабили зажиточныхъ обывателей, особенно торгашей. Второю причиной бунтовъ были нравы грубаго общества. Въ разбойничествѣ видѣли какое то богатырство, что то почетное и привлекательное. Въ него поступали и тѣ, кому хорошо жилось. Народъ воспѣвалъ «атамановъ-разбойничковъ», этихъ «смирителей лиходѣевъ». *Гиль* (мятежъ) подымалась случайно по разнымъ мѣстамъ, сначала особенно на сѣверѣ, гдѣ долго боролась съ правительствомъ Соловецкая обитель, какъ притонъ раскольниковъ. Волненія въ Новгородѣ и Псковѣ были уже серьезны. Вспыхнулъ первый и второй бунтъ въ Москвѣ (1662). Царь сталъ недовѣрчивъ: возникъ *Приказъ Тайныхъ Дѣлъ*, гдѣ сосредоточилось государево «слово и дѣло» или политическія преступленія.

Но въ то же время вспыхнулъ пятилѣтній бунтъ на Дону. Тамъ набралось столько голытьбы, что «сталъ голодъ большой», и не знали, какъ достать себѣ «зипуна». Во главѣ ея сталъ Степанъ *Разинъ*, сильный, суровый, предпріимчивый казакъ, бѣшеный и своенравный степнякъ, который очаровывалъ толпу безумной отвагой да горячимъ словомъ. Онъ собралъ голытьбу и началъ, у Камышина, бросаться на русскихъ купцовъ и воеводъ. А черни и стрѣльцамъ говорилъ: «пришелъ бить бояръ да богатыхъ господъ, и хочу жить съ вами, какъ братъ». Усилившись ими, ватага Разина стала гулять по низовьямъ Волги и по Каспійскому морю. Атаманъ любилъ мучить царскихъ слугъ и истреблять казенныя бумаги. Онъ поддерживалъ старообрядцевъ, поднималъ угнетенныхъ инородцевъ, сносился съ крымцами и съ персидскимъ шахомъ. Онъ увѣрялъ, что съ нимъ идутъ Никонъ и (умершій) сынъ царя. Но Разина побѣдила царская рать, обученная по-европейски (1671). Бунтъ Разина указывалъ на необходимость преобразованій, которыя и начались тогда же. Но «казацкая вольность» была отжившею мечтой; именно тогда пало болѣе могущественное казачество—малороссійское.

Хмельнитчина.

Положеніе малороссійскихъ казаковъ стало невыносимо—и у нихъ явился серьезный вождь. Питомецъ іезуитовъ, вѣрный слуга королю въ войнахъ съ Москвой, Богданъ Хмельницкій вдругъ возмутился отъ притѣсненій своего народа, да и поляки нанесли ему лично жестокую обиду. Онъ началъ враждовать съ панами и, наконецъ, бѣжалъ въ Сѣчь. Началась «хмельнитчина» или *казацкія войны* (1648—1653). За опытнымъ «батькой» пошла вся Малороссія: теперь у «хохловъ» дѣло шло уже не объ огражденіи своихъ правъ, а о спасеніи русской народности и православія. На Украйнѣ «всѣ крестьяне пошли въ казаки»: они составляли отряды *гайдамаковъ*, которые истребляли помѣщиковъ, ксендзовъ и евреевъ. При такомъ одушевленіи народа, ошеломленные поляки сначала терпѣли пораженія: и къ Хмельницкому являлись посольства отъ царя, султана, хана, господарей румынскихъ и отъ шведскаго короля.

Но батька оказался неспособнымъ къ роли вождя, дающаго направленіе будущности народа: онъ выступилъ впередъ случайно, повинуясь личной мести. Онъ почуялъ всю отвѣтственность своего положенія — и страхъ закрался въ его изнѣженную душу, разслабленную іезуитскимъ воспитаніемъ. Онъ боялся обѣихъ крупныхъ сосѣдокъ—и Польши, и Москвы, не постигая, которая изъ нихъ сильнѣй: а мудреная мысль о самобытномъ государствѣ не овладѣвала его казацкой головой. Богданъ сгоряча послалъ царю грамоту съ предложеніемъ подданства, потомъ вступилъ въ переговоры съ королемъ. Но паны потребовали, чтобы онъ отказался отъ «черни»: имъ хотѣлось «мстить своимъ холопамъ до самой смерти». Батька опять вознегодовалъ на поляковъ—и за нимъ пошла вся Украйна: слово «казакъ» стало означать вообще «русскаго». Прискакало на помощь много донцовъ; пристали и крымцы. Но татары то и

погубили дѣло, измѣнивъ казакамъ въ рѣшительную минуту. Хмельницкій потерпѣлъ пораженіе и уже рѣшительно предложилъ царю «принять казаковъ подъ свою высокую руку».

Присоединеніе Малороссіи. Изъ Москвы отправили въ Переяславль посольство принять присягу отъ казаковъ (1654). Богданъ настаивалъ, чтобы царь, въ свою очередь, присягнулъ «не нарушать вольностей казаковъ». «Никогда этого не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ и говорить объ этомъ непристойно», отвѣчали ему. Казаки со слезами присягнули присоединиться къ Москвѣ, подъ именемъ *Малой Россіи*. Они сохранили право имѣть собственное войско и избирать себѣ гетмана, а также имѣть свой судъ и управленіе и принимать иностранныхъ пословъ. Изъ московскихъ властей допускались только приказные да воевода въ Кіевѣ, для наблюденія за сборомъ дани. Присоединеніе Малороссіи предрѣшило перевѣсъ Россіи надъ Польшей и побѣду христіанства надъ мусульманствомъ въ Европѣ; но вначалѣ оно доставило много горя Москвѣ, вовлекши ее въ борьбу съ Польшей и Турціей, которая не прекращалась до смерти Алексѣя. Сверхъ того, Украйна долго находилась въ тяжеломъ броженіи. Народъ еще не сложившійся, малороссы должны были перенести смуту, еслибы даже были предоставлены сами себѣ; а тутъ еще замѣшивались два враждебныя вліянія— московское и польское. При польскомъ игѣ ихъ еще соединяло общее бѣдствіе; теперь же обозначились общественныя различія.

Народъ распался на посполььство и казаковъ, но не въ прежнемъ смыслѣ. *Казаки*, въ составъ которыхъ вошли и запорожское товарищество, и еще уцѣлѣвшій остатокъ украинскаго шляхетства, образовали полноправный классъ, родъ московскихъ служилыхъ; они владѣли землей, которая вся считалась «войсковою». Но они сами распались на «значныхъ» (знать, лучшіе) и «чернь» или «гультяевъ». Значные—люди съ достаткомъ и вліяніемъ: но они не платили податей; изъ нихъ выбиралась старшина. Они ополячивались и, вмѣстѣ съ привычками, усваивали идеалы панства, съ которымъ даже роднились. Чернь же, гнѣздомъ которой была Сѣчь Запорожская, продолжала борьбу съ польщизной, хотя страшилась и презирала москалей не меньше, чѣмъ поляковъ. *Посполъство* — тѣ же московскіе тяглецы. Сюда относились «пашенные мужики» всею своей массой и тонкій слой «мѣщанства» или горожанъ, которые богатѣли, сохранивши за собой магдебургское право, и тѣмъ возбуждали зависть значныхъ. Церковь также представляла смуту. Ополяченные воспитаніемъ, одаренные льготами владыки, въ особенности же кіевскій митрополитъ, котораго не давила власть далекаго и слабаго константинопольскаго патріарха, питали шляхетскія стремленія, сливаясь съ значными: они презирали и угнетали низшее духовенство, которое было связано съ посполььствомъ и блюло православіе и русскую народность. Сословная рознь питала еще борьбу между честолюбцами изъ знатныхъ. Возникало много соискателей гетманства, которые опирались, кто на верхи, кто на низы общества и поджигали народъ сегодня вырѣзывать москалей, завтра — поляковъ. Иногда разомъ числилось нѣсколько гетмановъ на Украйнѣ и въ Сѣчи.

Малороссійскій вопросъ. Къ внутреннимъ причинамъ смуты присоединялись внѣшнія, которыя доканали несчастную Малороссію. Украйна не только лишилась независимости, но еще произошелъ гибельный раздѣлъ ея земель. Правобережная, западная Украйна, гдѣ господствовала знать, оставалась за Польшей, и въ ней была своя гетманская столица *Чигиринъ*; въ лѣвобережной, восточной, заселенной чернью съ праваго берега Днѣпра, сидѣлъ, въ *Батуринѣ*, свой гетманъ, подчиненный Москвѣ. А митрополичья столица, Кіевъ, это прирожденное средоточіе южной Руси, остался въ сторонѣ отъ историческаго движенія: онъ потерялъ объединительное значеніе, такъ какъ политическій вопросъ выдвинулся насчетъ бытового. Положеніе было мучительное, неестественное. Конечно, обѣ

половины Украйны стремились слиться, а властвующія державы не понимали своихъ задачъ. Польша могла утвердить за собой Малороссію: стоило только не угнетать черни и православія, а знати дать шляхетскія льготы съ мѣстомъ на своихъ сеймахъ. Но она застыла на своихъ грѣхахъ: поляки мечтали по-прежнему о своей уніи да о кровавомъ мщеніи казакамъ за «мятежъ»; они даже гнушались значными, какъ бывшими своими хлопами. Съ другой стороны, Москва могла сразу и спокойно укрѣпить за собой обѣ Украйны, и сбереглось бы много напрасно пролитой крови и слезъ; стоило только сдѣлать уступку самобытнымъ стремленіямъ малороссовъ.

Но москвичи не признавали иныхъ идеаловъ, кромѣ своихъ собственныхъ и нигдѣ не допускали жизненныхъ различій. Они взглянули на Украйну, какъ на завоеванную страну и даже выказывали презрѣніе ко всѣмъ обычаямъ и особенностямъ ея населенія. Вопреки договору, казаки вдругъ изъ «вольныхъ» стали «вѣчными» подданными: и здѣсь явилось «слово и дѣло», повлекшее многихъ значныхъ въ Сибирь. Московскіе воеводы стали распоряжаться такъ, что быстро разочаровалась даже чернь, на которую вліяла также мѣстная церковь, замѣтившая, что хотятъ подчинить кіевскаго митрополита московскому патріарху. «Москаль» и «хохолъ» стали бранными словами. Но черни легче было сносить обиды отъ православныхъ, чѣмъ отъ поляковъ: она все-таки тянула къ Москвѣ, которая поэтому все распространялась на югъ, несмотря на свою слабость. Въ умахъ же значныхъ возникъ идеалъ *независимой Украйны*, свободной какъ отъ польскихъ, такъ и отъ московскихъ вліяній. А для этого оставалось лишь печальное средство разлагающихся обществъ—путь дипломатіи, коварства, козней, подрывающихъ нравственное сознаніе народа. Вождямъ малороссовъ приходилось изворачиваться между Москвой, Польшей, Турціей и даже Швеціей, выдвигая новый міровой вопросъ—соперничество *сѣверныхъ державъ*, какъ назвали поднимавшіяся тогда Россію и Пруссію, а также ту Австрію, которая примыкала къ нимъ, въ виду сосѣдства всѣхъ ихъ съ такими слабыми государствами, какъ Польша, Турція и Швеція. Но эта дипломатическая путаница только сгущала мракъ: смута до того терзала Украйну, что вторая половина XVII-го в. названа въ казацкихъ думахъ «руиной», т. е. розрухой.

Войны и дипломатія Алексѣя.

Украинская смута сливается съ польскими войнами Алексѣя, въ предвѣдѣніи которыхъ царь такъ долго уклонялся отъ подданства казаковъ. А эти войны естественно сливались съ войной съ турками. Тогда же разгорѣлась борьба со шведами: Алексѣй, подобно Грозному, увлекался мыслью о Балтикѣ и особенно о Ливоніи; онъ даже мечталъ о «пристаняхъ», составлявшихъ ключи къ р. Невѣ. Послѣ многихъ неудачъ, которымъ была причастна измѣна малороссовъ, москвичи одолѣли-таки поляковъ, которые должны были признать за ними восточную Украйну и уступить имъ Смоленскъ, Сѣверскую землю и даже Кіевъ. Но зато Алексѣй принужденъ былъ платить дань крымскому хану и признаналъ за нимъ право назначать гетмана западной Украйны. При всей тяжести этихъ войнъ Россія расширяла тогда свои предѣлы даже за «Хребтомъ» (Кавказъ) и «Камнемъ» (Уралъ). У Хребта уже тянулись «линіи» *гребенскихъ* казаковъ; на Терекѣ сидѣли наши воеводы; даже и въ трущобахъ Дагестана былъ русскій городокъ; цари Кахетіи и Имеретіи просились въ подданство «бѣлаго» царя. А за Камнемъ «провѣдыватели новыхъ землицъ» дошли до *Берингова пролива* (1648), казаки же захватили-было китайскій *Албазинъ*. И начались дипломатическія сношенія Москвы съ Китаемъ (1654). Они развивались тогда и по всему Западу. Въ этомъ былъ глубокій смыслъ. Посольства показывали, что Европа начинаетъ интересоваться Россіей и нуждаться въ ней, а Москва рѣшилась распахнуть двери, въ сознаніи, что она вышла изъ поры уединеннаго дѣтства. Она стремилась показаться въ люди и

у себя принимать гостей. Чувство силы проявлялось и въ смѣлости русскихъ. Имъ вдругъ захотѣлось вездѣ найти свою выгоду и не зависѣть отъ другихъ. Они собирались даже «ходить кораблями для пряныхъ зелій и овощей», т. е. до Индіи: Алексѣй упорно, хотя тщетно, просилъ герцога курляндскаго продать ему для этого свои корабли.

Преобразователи. Во главѣ Новой Россіи стояли три крупныя и рѣзко очерченныя личности *преобразователей*, питомцевъ Запада. Сынъ бѣднаго помѣщика, *Ординъ-Нащокинъ*, выдвинулся наравнѣ съ европейскими дипломатами. Онъ самъ былъ европеецъ, по своимъ познаніямъ, стремленіямъ и даже образу жизни. Онъ льнулъ къ полякамъ и возставалъ противъ московскихъ невѣгласовъ, противъ «воровства» и нерадѣнія» приказныхъ. Нащокинъ поднялъ значеніе Посольскаго Приказа, завелъ почты, упрочилъ изданіе курантовъ. Онъ же построилъ на Окѣ, первый русскій ботъ, сохранившійся у Милославскихъ. Старина вытѣснила этого новика. Но его Приказъ и вліяніе перешли не къ ней, а къ Артамону *Матвѣеву*, который еще больше походилъ на европейца. Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ Нѣмецкой Слободѣ: тамъ онъ выбралъ себѣ и жену. И его каменныя палаты стали на Руси образцомъ западнаго дворца. Здѣсь уже собирались гости для бесѣдъ и изящныхъ развлеченій; и общество оживлялось присутствіемъ женщинъ, душой которыхъ была родственница хозяйки, Наталья Кирилловна Нарышкина. Здѣсь же одинъ нѣмецъ устраивалъ «комедійныя дѣйства», набравъ труппу изъ крѣпостныхъ и подъячихъ хозяина. Матвѣевъ самъ писалъ историческія замѣтки и занимался естественными науками, особенно медициной; а въ Посольскомъ приказѣ «строили» переводы по семи свободнымъ наукамъ и искусствамъ.

Третьимъ другомъ царя и западникомъ былъ постельничій *Ртищевъ*— бояринъ-философъ, который все доискивался глубокаго смысла христіанства и хотѣлъ исправить ошибки въ нашихъ книгахъ. Онъ устроилъ на свой счетъ, Ученое Братство изъ 30-ти кіевскихъ монаховъ, а при немъ школу. Такъ Ртищевъ былъ какъ бы звеномъ между свѣтскими и духовными преобразователями временъ царя Алексѣя. Первые понемногу передѣлывали древнюю Русь съ внѣшней стороны: они устраивали войско по западному образцу, мечтали о флотѣ, и морѣ, налаживали правильную дипломатію, дѣлали финансовые опыты, искали серебро въ Сибири, нашли мѣдь у Олонца, обрабатывали желѣзо, наконецъ, заводили европейскіе обычаи и обстановку. Все это съ помощью иностранцевъ.

Вождями научнаго переселенія изъ юго-западной Руси были *Славинецкій* и *Полоцкій*. Книжное новоправленіе было дѣломъ Славинецкаго, который воспитывался въ Кіевѣ и заграницей. Этотъ скромный, трудолюбивый іеромонахъ обучалъ также молодежь и переводилъ даже свѣтскія книжки. Менѣе глубокій, но болѣе блестящій бѣлоруссъ Симеонъ Полоцкій имѣлъ еще больше вліянія. Для Москвы именно и требовался такой всесторонній, развязный, бранчивый борзописецъ, родъ журналиста, создававшаго читателей. Наставникъ царевичей, онъ могъ защищать, при двухъ царяхъ, юго-западныхъ ученыхъ противъ козней московскихъ невѣгласовъ. И онъ громилъ невѣжество, въ особенности же расколъ, который былъ изобличенъ имъ въ безпощадномъ «Жезлѣ Правленія». Онъ неутомимо совѣтовалъ властямъ заводить училища, выискивать и «честьми поощрять», учителей, причемъ особенно высоко ставилъ изученіе иностранныхъ языковъ.

Пріѣзжалъ въ Москву и сербъ *Крижаничъ*, который походилъ на кіевскихъ ученыхъ, но былъ еще болѣе образованъ и развитъ, воспитавшись на Западѣ. Русскіе, говоритъ онъ, *коснаго* разума и неудобно сами что выдумываютъ; наше людство лѣно и непромысльно, и сами себѣ не хотятъ добра учинити, аще не будутъ нѣкако силою принужены». Ему претили даже и ихъ

«убогій», непріятный, необработанный» языкъ, и ихъ одежда, которая «мѣшаетъ достоинству, свободѣ, непринужденному движенію человѣка, производитъ впечатлѣніе рабства, стѣснительности, безпомощности». Крижаничъ все восхвалялъ блага западной культуры, въ особенности же просвѣщеніе. Описавъ «алчное обдирательство народа продажными приказными» и кабаками авторъ восклицаетъ: «удивительно, какъ могутъ честные люди въ Москвѣ жить!»

Кружокъ преобразователей составлялъ своего рода «избранную думу» подлѣ царя. Алексѣй поручилъ имъ даже воспитаніе своихъ дѣтей, которыя знали по-польски. Замѣчательно, что съ лѣтами онъ все шелъ впередъ. Правда, ему было всего 40 лѣтъ, когда онъ окончательно примкнулъ къ западникамъ, подчиняясь имъ даже въ своемъ домашнемъ быту. Тогда умерла Милославская, женщина стараго закала, и онъ женился на Натальѣ Кирилловнѣ *Нарышкиной*. То была первая женщина новой Россіи. Она получила европейское образованіе въ домѣ Матвѣева, наравнѣ съ его сыномъ. Умная, развязная, развитая, она подсмѣивалась надъ московскими увальнями, любила общество и развлеченія. Своими смѣлыми выходками она приводила въ ужасъ питомицъ терема и Домостроя—шестерыхъ дочерей Милославской, почти ровесницъ ей; она первая изъ царицъ явилась на народѣ въ открытой колымагѣ. Къ великому соблазну старины, на Верху объявилась Комидійная Палата, съ пляской (балетъ), съ флейтами, скрипками и органами. **Новый дворъ Нарышкина.**

30-го мая 1672 г. величавая, рослая царица-красавица подарила Россію ребенкомъ-богатыремъ и красавцемъ—Петромъ. И вліяніе новиковъ закрѣпилось. Ихъ кружокъ расширялся. Среди ближнихъ бояръ выдвигался Хитрово, особый пріятель иностранцевъ. Старый дядя царя, Никита Романовъ, обрядилъ своихъ холоповъ въ западныя ливреи и приберегъ ботикъ Нащокина. Бояре начинали обучать своихъ дѣтей иностраннымъ языкамъ. Въ Москвѣ появились польскія книги и нѣмецкія гравюры. Даже русскій языкъ запестрѣлъ полонизмами. Словомъ, казалось, что вся западная цивилизація хлынула волной на Москву. Но передъ взоромъ «тишайшаго» рано померкла заря новой Россіи: онъ тихо угасъ въ 1676 г.

Алексѣй завѣщалъ своему преемнику, Ѳедору III, тяжелую задачу. Осталось огромное государство, разстроенное изнурительными войнами на западѣ, а главное, взволнованное глубокою смутой. Мятежи и измѣны на окраинахъ только притихли. Подъ этимъ пепломъ пылало въявь пламя непримиримаго раскола. Осиротѣвшая семья тишайшаго царя распалась на два соперничествующіе лагеря, сообразно съ двумя браками Алексѣя. Отъ Милославской осталось два сына—Ѳедоръ (14 лѣтъ) и Иванъ (9 лѣтъ), и много дочерей, съ 19-лѣтней Софьей во главѣ, отъ Нарышкиной—двѣ дочери и 4-лѣтній Петръ. Сначала возобладали Милославскіе, такъ какъ царемъ сталъ ихъ Ѳедоръ. Но Ѳедоръ таялъ отъ цынги, а его братъ, Иванъ, былъ «скорбенъ главой», тогда какъ ребенокъ Петръ поражалъ всѣхъ здоровьемъ и бойкостью. **Борьба двухъ эпохъ**

Обычныя въ такихъ случаяхъ, козни означали *борьбу двухъ историческихъ направленій*. Мстиславскіе, это—древняя Русь, въ которой если и было какое образованіе, то устарѣлое, лишь подготовительное, польское или южно-русское. Нарышкины—новая Россія, съ ея стремленіемъ къ кореннымъ преобразованіямъ, съ просвѣщеніемъ западнымъ, нѣмецкимъ. Первую сторону составляли родовитые бояре, во главѣ которыхъ стояли такіе невѣгласы, какъ дядя царя, Иванъ Милославскій, да патріархъ Іоакимъ; ихъ орудіемъ были грубые стрѣльцы да раскольники. Душой второй стороны былъ Матвѣевъ; а за нимъ стояли новыя, европейски обученныя войска и просвѣщенная Нѣмецкая Слобода. Милославскіе овладѣли болѣзненнымъ Ѳедоромъ. Царица Наталья очутилась въ почетной неволѣ, въ селѣ Преображенскомъ.

Преобразованія Өедора.

Но уже прошло время старины. Милославскіе хозяйничали не болѣе трехъ лѣтъ. Достигши совершеннолѣтія, Өедоръ, ученикъ Полоцкаго, выдвинулъ новиковъ и женился на полькѣ. На Верху начали брить бороды, стричь волосы, одѣваться въ кунтуши, даже говорить по-польски. И во все 6-лѣтнее царствованіе Өедора продолжались преобразованія его отца, несмотря на смуты на Украйнѣ и на тяжкую войну съ Турціей. Даже совершилась, на соборѣ служилыхъ, отмѣна мѣстничества (1682), т. е. былъ вырванъ корень боярской старины. Взамѣнъ Разрядныхъ Книгъ былъ составленъ уставъ о «степеняхъ», въ силу котораго сановники получали бы разные чины по своимъ должностямъ. Тогда же явился уставъ перваго высшаго учебнаго заведенія въ Россіи — *славяно-греко-латинской академіи*, сколокъ съ кіевской. А 7-лѣтнее *правленіе Софьи* (1682—1689) было продолженіемъ царствованія Өедора.

Значеніе Софьи.

По своему положенію, Софья была предназначена служить оплотомъ старины. Она и должна была опереться на стрѣльцовъ и раскольниковъ среди «неукротимыхъ несогласій», снова вспыхнувшихъ между Милославскими и Нарышкиными, по смерти Өедора. Первый стрѣлецкій бунтъ (1682) далъ ей власть, вырвавъ ее изъ рукъ Нарышкиныхъ. Но *Софья* была воплощеніемъ не старины, а поры подготовки коренныхъ преобразованій. Это—не старинная боярышня, но и не вполнѣ новая женщина. Теремъ, гдѣ она просидѣла заключенницей до 20-лѣтняго возраста, наложилъ на нее свой отпечатокъ: она читала больше божественное, особенно житія святыхъ, и свыклась со старицами и юродивыми древней Руси; и видомъ она походила на старинную красавицу. Но душой Софья была создана для новой Россіи. Она походила на отца дарованіями и любознательностью. Даже Петръ признавалъ ея «великій умъ». Сестра была подстать такому братцу, по своему здоровью, упорному нраву, отвагѣ, предпріимчивости, а также по склонности къ просвѣщенію. Ученица Полоцкаго, она много читала по-польски и любила бесѣдовать съ образованными людьми. Выборъ ея сердца палъ на человѣка, который также былъ связанъ своимъ положеніемъ со стариной, а по существу былъ новымъ человѣкомъ. Умный, образованный, вѣжливый *Василій Голицынъ* отличался особымъ пристрастіемъ ко всему западному. Онъ говорилъ по-латыни съ иностранцами, допустилъ іезуитовъ въ Москву, защищалъ малороссійскихъ ученыхъ отъ нашихъ невѣгласовъ. Онъ горячо говорилъ, въ Нѣмецкой Слободѣ, о необходимости преобразованій, даже объ освобожденіи крестьянъ съ землей. Изувѣры старины покушались на его жизнь.

Немудрено, что такая грубая сила, какъ стрѣльцы, претила Софьѣ. Они же зазнались послѣ своего перваго бунта и окончательно слились съ раскольниками, которые кричали, что пора «подвигнуться, порадѣть за отеческія преданія». Дошло до того, что дворъ, изъ страха, скитался по окрестнымъ селамъ и монастырямъ. Софья вдругъ собрала служилыхъ въ Троицкой Лаврѣ и жестоко расправилась съ вожаками стрѣльцовъ и раскольниковъ. Началось ея дѣятельное правленіе, которое боролось съ грубостью, невѣжествомъ и безпорядочностью старины. Тогда же Польша была принуждена къ «вѣчному» миру, уступившему намъ Кіевъ навѣки; и русскіе впервые перешли въ наступленіе относительно крымцевъ. Возможно, что правленіе Софьи дало бы еще болѣе крупные результаты въ смыслѣ новизны, если бы оно не было прервано переворотомъ, связаннымъ съ именемъ ея брата Петра.

Низверженіе Софьи.

Петръ не безъ пользы прожилъ 13 л. въ Преображенскомъ. Пользуясь свободой, онъ посѣщалъ многія «царскія села», гдѣ встрѣчался съ разными заведеніями хитрыхъ иноземцевъ. Необыкновенно живой мальчикъ мучилъ всѣхъ разспросами обо всемъ, что ни попадалось на глаза. И подлѣ него находились иностранцы, отъ которыхъ онъ научился многимъ ремесламъ; даже

его учитель, дьякъ Зотовъ, не пренебрегалъ «кунштами»—заморскими картинками. Подъ вліяніемъ опытнаго шотландца Менезіуса, мальчикъ увлекался воинскими «потѣхами», которыя приняли потомъ серьезный видъ, когда голландецъ Тиммерманъ объяснилъ ему геометрію и фортификацію. Тутъ же Петръ нашелъ ботикъ Нащокина и началъ плавать по прудамъ, а потомъ въ Переяславскомъ озерѣ, гдѣ заложилъ верфь. Юношу не могла усадить дома женитьба, въ 16 лѣтъ, на Евдокіи Лопухиной, походившей на настоящую боярышню.

Такъ Петръ дожилъ до 17-ти лѣтъ (1689). Софья видѣла, что этотъ братецъ—не чета Ивану. Страхъ распалялъ ея старую ненависть къ Нарышкинымъ. Она стала писаться въ указахъ «самодержицею», собираясь вѣнчаться на царство. Замѣтивъ, что встревожились и въ Преображенскомъ, Софья стала смѣло готовиться къ рѣшительному удару—и снова попала въ ложное положеніе. У нея опять оставалась одна опора—стрѣльцы, одинъ путь—насиліе и мятежъ. Но стрѣльцы же извѣстили Петра объ опасности. Онъ бѣжалъ въ Троицкую лавру и разослалъ грамоты, дышавшія твердостью воли. Къ нему явились его «потѣшные» и солдатскіе полки иноземцевъ, а за ними служилые, бояре, даже многіе стрѣльцы, наконецъ, самъ Василій Голицынъ. Покинутая почти всѣми Софья была заточена въ Новодѣвичій монастырь. Петръ сталъ царемъ на дѣлѣ, а по смерти брата Ивана (1696)—и единодержавнымъ. Впрочемъ, еще лѣтъ пять управляли бояре—и возникла послѣдняя попытка возстановленія старины, подъ руководствомъ патріарха Іоакима. Пошли гоненія на кіевскихъ ученыхъ; іезуиты были изгнаны; иноземцы Нѣмецкой Слободы были подвергнуты стѣсненіямъ и обидамъ.

Нѣмецкая Слобода „Настоящее дѣло“.

А въ этой-то Слободѣ Петръ доканчивалъ тогда свое самовоспитаніе, благодаря такимъ даровитымъ и свѣдущимъ иностранцамъ, какъ генералъ иноземныхъ полковъ, шотландецъ Гордонъ, швейцарскій французъ Лефортъ, голландецъ Виніусъ и другіе члены «компаніи» юнаго царя. Тутъ проявлялось много слѣдовъ старины, особенно ея грубость и чувственность: отсюда частыя болѣзни царя-гиганта и припадки падучей. Но иностранцы видѣли въ этомъ разгулѣ только избытокъ силъ юнаго богатыря, воспитаннаго улицей. Дѣйствительно, почти ежедневныя посѣщенія Нѣмецкой Слободы въ 1690—1694 гг. знакомили Петра съ бытомъ всѣхъ классовъ Европы, съ ея науками, съ ея міровоззрѣніемъ. Они доставляли ему разныя мастерства и всякія практическія свѣдѣнія, прививали къ нему трудолюбіе и добросовѣстность, вселяли въ него духъ вѣротерпимости и мірового братства. Среди потѣхъ, Петръ положилъ основаніе русской арміи и флоту, которые требовались тогда прежде всего, и пробрался до Бѣлаго моря, гдѣ заложилъ верфь въ Архангельскѣ. Онъ проходилъ службу съ низшихъ чиновъ.

Наконецъ, подстрекаемый украинскимъ гетманомъ, Мазепой, Петръ двинулся противъ турокъ, вспомнивъ «Азовское сидѣніе» донцовъ. Если этотъ *первый азовскій походъ* (1695) окончился неудачей, за то онъ вызвалъ всѣ юныя силы богатыря. Онъ самъ, больной, въ сущей каторгѣ, работалъ зиму, въ Воронежѣ, надъ сооруженіемъ цѣлой флотиліи и, самъ отличный лоцманъ, провелъ ее въ море. Турецкій флотъ былъ отогнанъ, и Азовъ палъ. Затѣмъ Петръ спѣшилъ построить цѣлый флотъ; но Европа давала плохихъ мастеровъ. Царь опредѣлилъ *уничтожить зависимость Россіи отъ иностранцевъ, передѣлавъ ее на европейскій ладъ* — вотъ его основной замыселъ, вотъ главный плодъ азовскихъ походовъ, этого перваго «настоящаго дѣла» великаго преобразователя. Тотчасъ же послали 50 придворныхъ юношей въ морскія страны за наукой; а за ними царь и самъ собрался туда же.

Значеніе заграничнаго путешествія.

Путешествіе Петра по Европѣ, длившееся полтора года (1697—1698), имѣло историческое значеніе уже потому, что присутствіе перваго царя за границей означало уваженіе Россіи къ западной гражданственности. Но путеше-

ствіе такого геніальнаго и уже разорвавшаго со стариной государя, какъ Петръ, предвѣщало еще коренное преобразованіе страны, жившей до тѣхъ поръ подъ восточнымъ вліяніемъ. Петръ выступалъ тутъ уже и какъ дипломатъ: онъ искалъ союзовъ противъ ислама. Европа должна была задуматься и оттого, что спеціальностью любознательнаго царя, не пропускавшаго ничего безъ вниманія, оказалась корабельная и военная техника, которою онъ овладѣлъ вполнѣ. А западная интеллигенція, съ Лейбницемъ во главѣ, замѣтила, что это — геніальный дикарь, который станетъ «знаменитымъ«, такъ какъ онъ хочетъ поднять своихъ подданныхъ на уровень гражданственности другихъ народовъ, вывести ихъ изъ тьмы невѣжества.

Козни старины.

Для исполненія этого пророчества нужно было, чтобы Петръ тогда же возненавидѣлъ древнюю Русь со всей своей страстью. Она сама позаботилась объ этомъ. Уже передъ отъѣздомъ царя за границу, бояре, ихъ иногда женатыя дѣти, посланныя въ чужіе края, раскольники, попы, монахи роптали на то, что онъ «не изволитъ жить въ своихъ государскихъ чертогахъ на Москвѣ, не соблюдаетъ царскаго чина и степенства, безпрестанно бываетъ у еретиковъ въ Слободѣ». Старина видѣла свой идеалъ въ царицѣ Евдокіи, которая жила, съ своимъ сыномъ, Алексѣемъ, прежнимъ обычаемъ, заброшенная мужемъ для разбитной мѣщанки Слободы, Анны Монсъ. Она естественно припоминала и Софью. Нѣсколько стрѣльцовъ составили было заговоръ, чтобы поставить Алексѣя на царство, а Софью сдѣлать опять правительницей. Петръ живо расправился съ ними, впервые проявивъ страшную жестокость и свирѣпство; стрѣльцы же были выгнаны изъ столицы. Теперь они ободрились, такъ какъ «про царя ничего не слышно», и среди нихъ пронесся слухъ, будто Софья зоветъ ихъ обратно въ Москву. Разразился второй стрѣлецкій бунтъ (1698) Эти «русскіе янычары и преторіанцы» (слова иностранцевъ) двинулись на столицу съ криками: «убьемъ царя за то, что онъ сложился съ нѣмцами, которые, послѣдуя брадобритію и табаку, всесовершенно ниспровергнутъ благочестіе». Но они разбѣжались при первыхъ залпахъ артиллеріи солдатскихъ полковъ Гордона. Петръ вдругъ примчался изъ Вѣны разъяреннымъ львомъ—и начались неслыханныя истязанія стрѣльцовъ и даже стрѣльчихъ. Софья и Евдокія Лопухины были пострижены въ монахини.

Плоды путешествія.

Петръ освободился отъ путъ старины—и началась его настоящая пора. Теперь оказались плоды заграничнаго путешествія. Они были значительны даже *во внѣшней политикѣ*, о которой Петръ мало думалъ. Царь привезъ съ собой соглашеніе съ Польшей насчетъ нападенія на шведовъ, торговые договоры съ Бранденбургомъ и Англіей и недоброжелательство къ Франціи, Австріи и Риму. Стало быть, Россія вступала въ кругъ германскихъ націй и протестанства, какъ недругъ романцевъ и католичества. Во всякомъ случаѣ, она вдругъ стала европейской державой, безъ которой не могла идти политика Запада. Но еще важнѣе внутреннія, глубокія связи, которыя на вѣкъ завязались тогда между обѣими половинами Европы. Въ ту минуту онѣ выражались въ прямыхъ *личныхъ* сношеніяхъ между русскими и европейцами. На Западѣ всюду проживали не только посланные царедворцы, но и «волонтеры», число которыхъ все росло. Даже почтенныя лица стали проситься за границу—полѣчиться или просто провѣтриться. Но главнымъ магнитомъ для русскихъ была *наука*, и именно житейская, прикладная. Среди этой учащейся Россіи оказалось не мало сподвижниковъ Петра на всѣхъ поприщахъ. Когда царь возвратился домой, непрерывный рядъ волонтеровъ служилъ живой связью между Россіей и Западомъ. Петръ постоянно дѣлалъ имъ запросы, давалъ порученія. Съ другой стороны, онъ до самой смерти заботился о переселеніи Европы къ намъ: тогда прибыло къ намъ много тысячъ иностранцевъ, изъ которыхъ не мало обрусѣло.

Но главнымъ плодомъ путешествія царя были неистребимыя связи *бытовыя*, душевныя, которыя сливали обѣ половины Европы въ цѣльный типъ новой гражданственности, на благо имъ обѣимъ. Съ тѣхъ поръ Петръ сроднился съ Западомъ, который также сталъ считать русскихъ уже не азіатами, а своими людьми. Онъ не только интересовался всѣми его злобами, но и его мнѣніемъ о Россіи. Тогда зародилась наша оффиціозная печать заграницей. Заграницей Петръ одѣлся по европейски, заговорилъ по-голландски. Подконецъ его находили уже «болѣе учтивымъ, приличнымъ и осторожнымъ».

Недаромъ на Западѣ замѣтили, что изъ русскихъ «только самъ царь умѣетъ учиться, какъ слѣдуетъ». Углубляясь въ частности техники, онъ незабывалъ идеи, теоріи: «еслибъ я не научился у англичанъ, то навсегда остался бы лишь плохимъ рабочимъ», говорилъ онъ потомъ. Столь-же глубокомысленны его письма и указы, которые служили лучшею школой для тогдашней Россіи. Въ нихъ ясны многія изъ высшихъ началъ гражданственности, усвоенныя Петромъ, который часто прибавлялъ: «какъ въ иныхъ государствахъ». Здѣсь указывается на предпріимчивость, изобрѣтательность и науку Запада, на его прилежаніе, постоянство и трудолюбіе, на его порядливость, добросовѣстность и терпимость. Указъ 1702 г. вскрываетъ всю силу плодовъ путешествія. Имъ отмѣнялся «древній обычай, посредствомъ котораго совершенно воспрещался иностранцамъ свободный въѣздъ въ Россію»,—отмѣнялся съ тѣмъ, «дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться по нынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ». Съ этою же цѣлью вводилось «свободное отправленіе богослуженія всѣхъ христіанскихъ сектъ: мы совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей». И Петръ уже замышлялъ великій скандалъ на московской Руси — выдать своихъ племянницъ, дочерей царя Ивана, Анну и Екатерину, замужъ за иностранныхъ принцевъ.

Въ Европѣ тотчасъ же поняли, что значило такое перерожденіе у такой силы, какъ Петръ. Будучи въ Англіи, Петръ уже поручилъ ученому Ли составить цѣлый планъ *коренныхъ преобразованій*. Въ трудѣ Ли упоминаются семь «коллегій», въ томъ числѣ коллегія «для развитія обученія, для поощренія искусствъ, для исправленія нравовъ»; онѣ должны были заводить практическія школы и университеты, распространять знанія восточныхъ языковъ, помогать изобрѣтеніямъ и открытіямъ, посылать «цензоровъ» по странѣ для покаранія пороковъ и награжденія добродѣтелей. Тутъ говорилось также о каналахъ и дорогахъ, о финансахъ, ревизіяхъ и переписяхъ, о торговлѣ и промыслахъ, по образцу англійскихъ и голландскихъ компаній, и т. под.

Первыя преобразованія.

И тотчасъ, по возвращеніи царя начались коренныя и всестороннія преобразованія. Иностранные дипломаты въ каждой депешѣ доносили о новыхъ мѣрахъ и замыслахъ молодого властителя пол-Европы, едва успѣвая слѣдить за ними. Западъ былъ тѣмъ болѣе пораженъ, что тогда же Петръ началъ нескончаемую войну со шведами, а по всей странѣ пылалъ мятежъ старины. Впрочемъ, эти бѣдствія отразились-таки на планахъ царя: преобразованія перваго десятилѣтія, до полтавской битвы, представляютъ собой лишь смѣлые опыты; они были поверхностны, отрывочны, поспѣшны и иногда отличались почти дѣтскимъ подражаніемъ Западу. Они выражались въ сжатыхъ указахъ, которые только намекали на недозрѣвшую мысль, обличали малое знакомство съ положеніемъ дѣлъ. Но и здѣсь уже затрагивались всѣ стороны жизни: то былъ бѣглый набросокъ огромной исторической картины.

На другой день по возвращеніи въ Преображенское, Петръ схватился за самые внѣшніе признаки старины: онъ сталъ рѣзать *бороды* боярамъ и велѣлъ служилымъ носить короткополую *одежду*, какъ въ Европѣ. Повелѣвалось и жить по-западному — открыто, сообщительно: служилые должны были

даже выводить въ гости своихъ женъ и дочерей, одѣтыхъ по-европейски. *Табакъ* былъ не только разрѣшенъ для куренія, но и сталъ разводиться дома заботами царя. Внѣшній бытъ приводился въ порядокъ устройствомъ болѣе правильной *полиціи*. Принимались мѣры противъ нищенства и разбоевъ, противъ пожаровъ и заразъ. Заводились госпитали, аптеки и богадѣльни, въ которыхъ можно класть младенцевъ тайно. Запрещалось хоронить раньше трехъ дней, убивать младенцевъ-уродцевъ, носить острые ножи. Проводились дороги, строились каменные мосты, мостовыя, мельницы и дома — все по западному образцу. Подготовлялся переворотъ и въ высшемъ управленіи. Съ 1700 г. работала комиссія для новаго Уложенія, которое должно было быть сводкой законовъ Франціи, Англіи и Шотландіи. Съ того же года ничего не слышно про боярскую думу, а появляется *Ближняя Канцелярія*, куда съѣзжаются «министры» для «консиліи». Но царь носится по странѣ,—и вездѣ подлѣ него *кабинетъ*, какъ душа всего управленія. Возникъ и первый опытъ надзора за властями—*прибыльщики*, которые старались также развивать доходъ казны: они ввели «орленую» или гербовую бумагу. Было затронуто и областное управленіе. Россія была подѣлена на 12 *губерній* (1708), которыя распадались на провинціи. Наконецъ, явился *Петербургъ* (1703), этотъ истинно «Петровъ Градъ», символъ и сердце новой Россіи.

Рядомъ мелькали просвѣтительныя мѣры, въ широкомъ смыслѣ новыхъ, человѣчныхъ началъ въ жизни Руси, основанныхъ на общественномъ духѣ и на свѣтской наукѣ. Было запрещено подписываться уничижительными именами въ бумагахъ царю, падать передъ нимъ на колѣна, снимать шапки передъ дворцомъ. Явилась сохранившаяся доселѣ *присяга*, гдѣ говорится объ отечествѣ, государствѣ и гражданинѣ. Были введены выборные *бурмистры*, чтобы средній классъ освобождался отъ произвола воеводъ путемъ объединенія и чтобы пріучались сами заправлять своими дѣлами. *Женщина* освобождалась отъ теремной неволи выходомъ въ люди, а духовенству воспрещалось вѣнчать безъ взаимнаго согласія брачущихся. Участіе женщины въ обществѣ было косвеннымъ воспитательнымъ средствомъ. Но начиналось и прямое обученіе. Въ Москвѣ появились двѣ *школы*—математическая и навигацкая; въ гошпиталѣ обучали медицинѣ; плѣнный ливонецъ Глюкъ открылъ гимназію, отчасти съ университетскими курсами, при пособіи правительства. Въ Амстердамѣ возникла русская типографія, которая изобрѣла нашу *гражданскую азбуку* (1708) и стала печатать учебники да переводы по реальнымъ наукамъ. Куранты были замѣнены *Русскими Вѣдомостями* (1703)—первою газетой для всѣхъ. Нѣмецкая труппа также начала давать представленія для всѣхъ въ общественномъ *театрѣ*. Новыя начала особенно ярко обнаружились въ отношеніяхъ Петра къ церкви. Было *отмѣнено патріаршество* (1700); для управленія церковными имуществами былъ учрежденъ свѣтскій *Монастырскій Приказъ*. Тогда же возникло свѣтское *лѣтосчисленіе* (1700); «чтобы сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальною Европой», было возвѣщено, что отнынѣ Новый годъ будетъ 1-го января, и годы будутъ считаться съ Р. Х. Съ этихъ поръ русскій царь стоялъ, на церемоніяхъ, не среди духовенства, въ облаченіи, а офицеромъ при своемъ полку, въ *военномъ мундирѣ*, и съ *орденомъ* (Андрея Первозваннаго), которые были учреждены тогда по западному образцу.

Просвѣщеніе. Послѣ Полтавы Петръ снова бросился на Западъ, гдѣ ему не удавалось путешествовать уже лѣтъ 12. Онъ ѣздилъ туда, въ 1700—1717 годахъ, почти ежегодно. По прежнему увлекался онъ новинками, все изслѣдовалъ, лично сносился съ учеными и художниками, пріобрѣталъ рѣдкости. По возвращеніи домой, царь тотчасъ же рѣшительнѣе прежняго взялся за широкое воспитаніе своего народа и за облагороженіе его быта. О глубокой сознательности новыхъ преобразованій свидѣтельствуетъ его рѣчь, въ 1714 г., передъ своими

сотрудниками. Указавъ на распространеніе «всѣхъ знаній» изъ Греціи, онъ замѣтилъ: «Невѣжествомъ нашихъ предковъ они были остановлены и не проникли далѣе Польши. Поляки, равно какъ и нѣмцы, пребывали въ такомъ же непроходимомъ мракѣ невѣжества, въ какомъ мы пребываемъ доселѣ. Но непомѣрными трудами правителей своихъ они открыли глаза и усвоили прежнія греческія *искусства, науки и образъ жизни*. Теперь дошла очередь до насъ». И тотчасъ же были подняты и обмірщены академіи кіевская (бывшая коллегія) и московская. Развивалась система новыхъ, вполнѣ свѣтскихъ, *школъ*, которыя уже устраивались и частными лицами изъ иностранцевъ. Возникли и спеціальныя училища для художествъ, для военнаго дѣла, для приготовленія подъячихъ. Изъ математическихъ школъ уже выходили собственные учителя, которые разсылались по губерніямъ и должны были даромъ обучать дѣтей всякаго чина грамотѣ, цифири и геометріи. А въ каждой епархіи заводились духовныя училища, гдѣ, однако, занимались больше свѣтскими науками, чѣмъ богословіемъ. Петръ строго требовалъ обученія юношества: иначе дѣтей церковниковъ брали въ солдаты, а дворянскихъ недорослей насильно отдавали въ школы, даже не позволяли имъ жениться, пока не выучатся грамматикѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Развивалось *книгопечатаніе*. При поощреніи казны, типографіи издавали все полезные переводы учебниковъ по всѣмъ отраслямъ реальныхъ знаній. Мы даже стали посылать книги и учителей къ турецкимъ славянамъ. А къ намъ привозили изъ Европы безпошлинно учебныя пособія, картины, цѣнныя библіотеки. Отсюда—наши первые музеи, естественный и археологическій. Возникла медицинская контора, открылись первыя минеральныя воды. А по Россіи разъѣзжали собственные геодезисты, составлявшіе ея научную карту; самъ же царь намѣчалъ ученыя экспедиціи, которыя были совершены уже послѣ него. Подконецъ Петръ подошелъ къ своей завѣтной мечтѣ, которую поддерживали и такіе иностранцы, какъ Лейбницъ, и нашъ Посошковъ: онъ вѣнчалъ свое просвѣтительное зданіе планомъ *академіи наукъ* (1724). Передъ смертью, преобразователь мечталъ еще выписать цѣлый запасъ ученыхъ, художниковъ, артистовъ, чтобы основать университетъ въ Москвѣ и развить искусства, особенно театръ. Петръ смотрѣлъ, какъ на воспитательное средство, и на свои *ассамблеи* (1717)—общественныя собранія, куда служилые должны были вывозить даже своихъ дочерей съ 14-лѣтняго возраста: среди нихъ было много иностранцевъ.

Государственная реформа.

Послѣ Полтавы произошли и самыя важныя государственныя преобразованія. Такъ какъ и боярская дума, и приказы уже замерли сами собой, то возникъ *сенатъ* (1711), образцомъ которому послужили учрежденія Швеціи и Польши. Это — высшее мѣсто, съ небывалой властью. Петръ назвалъ его «управительнымъ» и велѣлъ повиноваться ему, «какъ намъ самому», ибо у него «все въ рукахъ». «Господа-сенатъ» даже раздавали чины. Въ ихъ распоряженіи находились «фискалы», доносившіе о всякихъ злоупотребленіяхъ. Но сами фискалы и сенаторы были подчинены надзору *генералъ-прокурора* сената, котораго Петръ назвалъ «око наше». Подлѣ сената явились 9 *коллегій* (1718), замѣнившихъ приказы и также могущественныхъ; ихъ президенты сносились съ царемъ непосредственно. Коллегіи должны были вырабатывать хорошихъ и честныхъ дѣльцовъ, которые получали жалованье вмѣсто кормленья. Съ этой же цѣлью была издана *табель о рангахъ* (1722), которая придавала бывшимъ приказнымъ, получившимъ названіе *дворянства* или «шляхетства», ремесленную замкнутость съ своимъ особымъ духомъ, но внушала уваженіе къ государственной службѣ. Такъ образовалось *чиновничество*. Каждый подданный (кромѣ крѣпостныхъ), получившій за службу первый офицерскій чинъ или VIII классъ по гражданскому вѣдомству, становился дворяниномъ. Такъ, родовая знать окончательно превратилась въ слу-

жебную. За эту пожизненную службу Петръ освободилъ дворянство отъ податей, заводилъ для него особыя училища и учредилъ ордена, даже женскій (св. Екатерины). Въ церкви роль сената игралъ *синодъ* (1721), который долженъ былъ заниматься уже не однимъ искорененіемъ ересей, но также изданіемъ церковныхъ книгъ и устройствомъ школъ для приготовленія священства. При этомъ принимались мѣры для исправленія духовенства, сокращалось число монастырей. Отобравъ доходы съ монастырскихъ вотчинъ въ новый приказъ, Петръ велѣлъ выдавать чернецамъ хлѣбъ и деньги на содержаніе, но съ тѣмъ, чтобы они занимались обученіемъ народа и добрыми дѣлами. Вновь поступать въ монашество было воспрещено безъ царскаго указа. Развивались и областныя реформы. Подлѣ губернскаго строя были поставлены избираемые дворянами *ландраты* и земскіе судьи или *ландрихтеры*; *въ* городахъ были введены свои *суды—надворные и нижніе*.

По словамъ самого Петра, всѣ эти преобразованія клонились, прежде всего, къ улучшенію войска и финансовъ. Установилось правильное войско, какъ сколокъ съ европейскихъ армій, и завелся сильный флотъ. Петръ утвердилъ ихъ *воинскимъ уставомъ* (1716), который обязателенъ и теперь. Войско стало постояннымъ и на жалованьѣ. Брали въ солдаты людей всѣхъ состояній, и служба была равная для всѣхъ. Но «артеріей и жизнью войны» служатъ деньги, которыхъ требовали и преобразованія. Петръ ввелъ *подушную подать* (1719) съ крестьянъ и промышленниковъ, сбору которой способствовали *метрическія книги* (1702) при церквахъ. Тогда же начались *ревизіи* или правильная народная перепись, а также возникли *паспорты*, окончательно установленные «плакатомъ» (1724). Подлѣ прямой подати оставалось множество косвенныхъ налоговъ: крестьянинъ даже платилъ 2 коп. съ бороды при въѣздѣ въ городъ. Множество сборовъ все еще было на откупѣ, да еще казна пользовалась монополіями (даже на соль и гробы). Но денегъ все не хватало.

Печальное положеніе финансовъ тяжелѣе всего отразилось на *крестьянствѣ*. Подушное платили за всякаго мужчину. Рекрутчина иногда производилась по нѣскольку разъ въ годъ; и солдатъ, заклейменный по рукамъ, терпѣлъ всякія лишенія, даже голодалъ, и переносилъ жестокую дисциплину съ нѣмецкими «шпицрутенами» (сквозь строй). Уцѣлѣвшіе отъ набора работали, по наряду, при постройкѣ городовъ, крѣпостей, каналовъ, кораблей, мостовыхъ. Крѣпостничество развивалось и становилось суровѣе. Желая, чтобы у насъ торговля и промышленность вдругъ процвѣли, какъ на Западѣ, Петръ всячески поощрялъ устройство фабрикъ и заводовъ. Онъ приписывалъ къ нимъ окружное населеніе: такъ возникли «заводскіе» крестьяне. Въ то же время все дорожало, такъ какъ на иностранные товары были наложены высокія пошлины, чтобы они не мѣшали размноженію собственнаго производства.

Онъ учредилъ коммерцъ-коллегію, которая издавала «прейсъ-куранты», чтобы побуждать нашихъ торговцевъ ѣздить на Западъ, гдѣ его дипломаты выхлопатывали имъ льготы и заключали выгодные торговые договоры. Всюду заводились почты и улучшались дороги. Явились первые каналы—Вышневолоцкій (1711) и Ладожскій. Была упорядочена денежная система, принявшая почти нынѣшній видъ. А по Россіи разъѣзжали знатоки дѣла, чтобы устраивать новые промыслы. Петръ особенно увлекался горнымъ дѣломъ, для котораго учредилъ особую бергъ-коллегію. Когда казенные заводы упрочивались, царь сдавалъ ихъ частнымъ лицамъ; не то приказывалъ послѣднимъ строить такіе же заводы, снабжая ихъ льготами, деньгами, машинами, даже землями съ крестьянами. Наконецъ, чтобы «собрать разсыпанную храмину купечества», Петръ развивалъ выборное начало въ городахъ, подражая магдебургскому праву. Возникла цѣлая цѣпь *магистратовъ* и *ратушъ* (1722), которые вѣ-

дали судебныя и хозяйственныя дѣла городовъ. Городовые магистраты подчинялись «главному» въ Петербургѣ, а тотъ—сенату. Горожане были раздѣлены на двѣ *гильдіи*; каждое ремесло образовало особый *цехъ*. Низшій разрядъ горожанъ, чернорабочіе и поденщики, также избирали своихъ десятскихъ.

Такъ, преобразованія коснулись всего русскаго человѣка, съ ногъ до головы: не остался нетронутымъ ни одинъ мелкій или потаенный уголокъ его жизни. И вездѣ присутствуетъ личность самого преобразователя. Трудно перечислить указы, выходившіе каждый день изъ-подъ его пера или подъ его диктовку; а многое совершалось его записочками, словами, примѣромъ, нерѣдко однимъ его взглядомъ или жестомъ. Петръ указывалъ самъ, лично или письменно, какъ сохранять лѣса, разводить шленскихъ овецъ, косить хлѣбъ, пилить дрова, приготовлять льняное и конопляное масло или напитки, разводить табакъ или холмогорскій скотъ, строить крыши, мельницы и дороги, дѣлать «широкія полотна». Онъ самъ отмѣчалъ, что переводить для «Вѣдомостей», и держалъ ихъ корректуру; училъ даже, *какъ* переводить. Въ то же время онъ сносился съ западными учеными, посылалъ во французскую академію археологическія находки и неизвѣстныя рукописи для разбора, самъ заказывалъ за границей брошюры для разъясненія русскихъ дѣлъ, набрасывая ихъ содержаніе и исправляя ихъ.

Коренныя, всестороннія, быстрыя преобразованія должны были вызвать всеобщее смятеніе въ такой косной средѣ, какъ тогдашняя Русь. Второй стрѣлецкій бунтъ былъ лишенъ предвѣстникомъ повсемѣстнаго сопротивленія старины, которое преслѣдовало гиганта новизны до самой его кончины, несмотря на всю его возраставшую славу. Всѣ слои народа были возстановлены уже въ силу непониманія стремленій Петра. Сверхъ того, его великое дѣло было невыносимо тяжело для бѣдной страны, и проводилось оно съ безпощадной крутостью. Общій ропотъ касался, прежде всего, нарушенія внѣшнихъ символовъ старины—бороды, халата, табака, постовъ, церквей, колоколовъ. **Возстаніе старины.**

Сначала старина на каждомъ шагу оказывала сопротивленіе насильно. По странѣ носился глухой ропотъ, ходили чудовищныя сказки: *онъ*-де «нѣмецъ, латышъ, обмѣнный царь», а нето и прямо *Антихристъ*. Возникали даже самозванства съ именемъ «прямого государя христіанскаго, Іоанна Алексѣевича». Тамъ и сямъ народъ разбѣгался; иногда толпа запиралась въ хоромахъ и поджигала подъ собой порохъ. Затѣмъ стало рости разбойничество; и мѣстами избивали сборщиковъ податей. Наконецъ, вспыхнулъ *бунтъ астраханцевъ* (1705), которые уже собирались идти на столицу, чтобы корень весь вывести». Но донцы не тронулись—и бунтъ былъ легко усмиренъ. Вслѣдъ затѣмъ поднялись всѣ измученные воеводами *инородцы*, отъ Перми до Терека, а за ними—яицкіе и гребенскіе казаки. Однако калмыки стали за царя—и ничтожные отряды солдатъ подавили «башкирское воровство». Но запылалъ мятежъ *на Дону* (1708). Тамъ размножилась «голытьба» отъ притока новыхъ «сходцевъ». Петръ наложилъ на нее тяжкія работы—и она поднялась подъ начальствомъ атамана Булавина; къ ней на помощь потянулись запорожцы. Но, какъ при Разинѣ, старые казаки остались вѣрны царю—и мятежъ голытьбы былъ подавленъ съ лютостью, напомнившей ужасы расправы со стрѣльцами.

Борьба со стариной продолжалась, послѣ Софьи, въ самой семьѣ преобразователя. Недаромъ Петръ ненавидѣлъ своихъ сестеръ и тетокъ и пытками доискивался у стрѣльцовъ корней «сѣмени Милославскихъ»; недаромъ онъ нетерпѣлъ и Лопухиныхъ. Старина постоянно выдвигала имена сначала Софьи и Ивана, потомъ—сына самого Петра отъ Евдокіи, *Алексѣя*. Она говорила: «Плачетъ и тоскуетъ царевичъ. Но онъ говоритъ: дай срокъ, я ихъ подберу!» Петръ уже передъ поѣздкой за границу разогналъ Лопухиныхъ, а по возвра- **Царевичъ Алексѣй.**

щеніи взялъ 9-лѣтняго Алексѣя отъ матери и отдалъ на воспитаніе своей единоутробной сестрѣ, Натальѣ. И отецъ совсѣмъ забылъ про сына, который, однако, былъ наслѣдникомъ престола. Бездарный, вялый и хилый мальчикъ не могъ сочувствовать кипучей дѣятельности богатыря. Это настроеніе поддерживалось матерью и окружавшими ее церковниками. Такъ выработался представитель старой Руси—нелюдимый, грубый ханжа, который сносился съ своей московской «компаніей» цифирнымъ письмомъ, когда его увезли въ Преображенское къ Натальѣ. Когда царевичу было уже 13 л., Петръ вдругъ вспомнилъ про сына и вздумалъ сразу затянуть его въ свою безпощадную службу и въ ученье. «Труда никакого понести не могу», жаловался несчастный своимъ друзьямъ; а отецъ бранилъ, даже билъ его за «бездѣлье», но не говорилъ съ нимъ. Онъ женилъ сына на нѣмецкой принцессѣ; но молодые возненавидѣли другъ друга. Петръ, наконецъ, потребовалъ формально, чтобы Алексѣй измѣнился, ибо «лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный». Сынъ покорно согласился на «лишеніе наслѣдія короны». Но отцу это показалось «ложью и жестокосердіемъ». Борьба эта кончилась страшною трагедіей. Былъ сдѣланъ ужасный розыскъ. Царевича осудили на смерть. Царь издалъ законъ о *престолонаслѣдіи* (1722); государь «кому хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство».

Если нельзя требовать, чтобы общественный дѣятель, да еще такой величины, какъ Петръ, обратился въ гувернера своихъ дѣтей, то нельзя также оправдать никакими высшими заботами его пренебреженія къ средствамъ, бывшимъ подъ руками: Петръ самъ отнялъ у Алексѣя дядьку-иностранца, который понадобился ему для посольства и не обратилъ вниманія на предложенія нѣмецкаго императора и французскаго короля прислать къ нимъ царевича для обученія. А затѣмъ онъ самъ выбралъ ему нелюбимую жену, хотя запрещалъ вѣнчать своихъ подданныхъ безъ согласія брачущихся. Сынъ же любимой женщины не сдѣлался бы естественнымъ средоточіемъ надеждъ старины, жаждавшей сгубить отца: онъ не былъ бы невольнымъ орудіемъ той зловѣщей среды, которая отравляла дыханіе преобразователя въ ту недѣлю, когда онъ каждый день обливался слезами, прося Бога внушить ему рѣшеніе, «согласное съ его честью и съ благомъ народа». Именно тогда иностранные посланники посылали домой ужасныя вѣсти: «Царевичъ хотѣлъ извести царя и иностранцевъ, чтобы привести Россію въ прежній хаосъ и безобразіе. «Въ случаѣ преждевременной кончины царя, все, созданное имъ съ такимъ трудомъ, рушилось бы непремѣнно.

Внѣшніе успѣхи.

Среди ужасовъ мятежей, среди сутолоки коренныхъ преобразованій и путешествій. Петръ всю свою жизнь велъ войны и направлялъ мудреные ходы дипломатіи, Онъ началъ съ главнаго внѣшняго дѣла, завѣщаннаго древнею Русью, — съ «восточнаго» вопроса или съ турецкой войны, кончилъ другимъ наслѣдіемъ Московіи—«сѣвернымъ» или балтійскимъ вопросомъ. Мучительная *сѣверная война,* длившаяся болѣе 20-ти лѣтъ (1700—1721), имѣетъ міровое значеніе. Ничтожной Московіи пришлось бороться съ лучшею арміей въ Европѣ и съ первымъ полководцемъ своего времени. Но за тоея Петръ обнаружилъ тутъ всю силу самыхъ блестящихъ своихъ качествъ, поражавшихъ уже въ азовскихъ походахъ—хладнокровіе, разсчетливость и скромность, въ связи съ глубокой вѣрой въ свой народъ и съ искусствомъ хозяина-организатора. Ему помогла недальновидность Карла XII, который умѣлъ только давать битвы и не понималъ обстоятельствъ. Значеніе *полтавскаго боя* (1709) было оцѣнено тотчасъ-же. Петръ назвалъ эту побѣду «днемъ русскаго воскресенія, началомъ нашего спасенія. Въ Европѣ видѣли въ ней залогъ прогресса въ Россіи, а правители начали ласкать русскихъ и заискивать у царя. Петръ по праву становился первымъ человѣкомъ въ Европѣ. Несмотря на возраста-

шіе недуги, онъ лично сражался на морѣ и на сушѣ, отъ Невы до Голштиніи. Онъ всюду поправлялъ ошибки своихъ союзниковъ, которыхъ били почти вездѣ, гдѣ его не было. Союзники отдали свои войска въ его распоряженіе. Его уже называли «диктаторомъ» сѣвера; а англичане даже опасались за свое морское первенство, когда онъ одержалъ громкую морскую побѣду у *Гангеуда* (1714), который сталъ Полтавой нашего флота. Немудрено, что *Ништадтскій миръ* (1721) былъ блестящъ для Россіи: она добилась, наконецъ, моря, получивъ Эстляндію и Лифляндію, Выборгъ и Неву. Сенатъ поднесъ Петру титулъ *императора*. Царь отвѣчалъ: «не должно ослабѣвать; подлежитъ стараться о пользѣ общей». И, вмѣсто отдыха, открылась новая громадная задача, завѣщанная преобразователемъ потомству. Петръ постоянно лелѣялъ мечту—сдѣлать Россію посредницей въ торговлѣ между Европой и Азіей. Онъ уже давно подходилъ къ этому рядомъ дипломатическихъ мѣръ. Наконецъ, царь самъ повелъ огромную армію на *Персію*. Шахъ уступилъ ему безъ битвъ берега Каспійскаго моря у Кавказа (1723).

Личность Петра.

28 января 1725 г. не стало Петра. Онъ скончался всего 53-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ умеръ въ жестокихъ страданіяхъ, не успѣвши назначить себѣ преемника. Чрезвычайно красива была величавая фигура преобразователя, отличавшагося и рѣдкой силой мускуловъ. Но эта красота нерѣдко искажалась то отъ прилива гнѣва, то отъ припадковъ падучей и другихъ болѣзней, которыми страдалъ нашъ богатырь смолоду. Болѣзненны были у него и порывы дикой страсти.

Черты первобытности—плодъ плохого воспитанія. Древняя Русь не дала своему богатырю даже грамотности, а завѣщала ему чутье безграничной власти. Онъ съ трудомъ переносилъ противорѣчія и не терпѣлъ охулки своихъ дѣлъ. Но въ этой богатой натурѣ сохранялись и слѣды патріархальности «тишайшаго» отца, вмѣстѣ съ его склонностью къ смягчающей душу красотѣ. Петръ былъ религіозенъ, цѣловалъ руки старцамъ, соблюдалъ древніе обычаи. Въ частномъ быту онъ былъ чувствителенъ и простодушенъ до дѣтскости. Онъ былъ привязанъ къ своей матери и къ Екатеринѣ, ласкалъ своихъ дочерей, почиталъ старшаго брата, какъ «батьку». За границей онъ стыдился своей неотесанности; а дома, послѣ трудовъ, предавался забавамъ, какъ ребенокъ, и такъ же наивно радовался малѣйшему успѣху. Искреннимъ весельемъ сопровождалось и примиреніе съ врагомъ или прощеніе раскаяннаго: великанъ былъ «памятью незлобенъ». Постепенно, подъ вліяніемъ Запада, развилась въ немъ страсть къ искусствамъ, особенно къ зодчеству, только музыки онъ не понималъ.

Но не эти черты, коренящіяся въ древней Руси, составляютъ Петра. Преобразователь былъ ходячимъ отрицаніемъ старины, какъ *личность*, отчетливая и могучая. Онъ и на Западѣ казался «страннымъ господиномъ», отмѣченнымъ печатью генія. Тамъ приписывали его «необычайныя дарованія» изумительной любознательности и переимчивости. Въ его глазахъ, вся жизнь была школой; и она дала ему основы новаго воспитанія—наглядность, положительную науку, ремесленное умѣнье, новые языки. Петръ не терпѣлъ ханжества и фанатизма. Узнавъ, что по р. Выгу поселились раскольники, онъ сказалъ: «Пусть живутъ! По мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ. И когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ». Развитая личность проявлялась еще болѣе въ томъ великодушіи, безъ котораго нѣтъ истиннаго генія, и котораго особенно недоставало древней Руси. Если воля Петра граничила съ опасной самоувѣренностью, зато не было границъ и его отвагѣ: онъ выросталъ вмѣстѣ съ препятствіями. Неугомонность, безустанный трудъ были лѣкарствами великана. «Мы въ потѣ

лица ѣдимъ хлѣбъ свой:»—вся жизнь его въ этомъ отголоскѣ съ воронежской каторги. Это *мы* имѣло небывалый смыслъ: *онъ* былъ самъ вездѣ, въ великомъ и маломъ, служа и зодчимъ, и рабочимъ, преодолѣвая и собственныя болѣзни, и всяческія препятствія. «Нѣтъ сомнѣнія, что безъ его приказаній все было бы сдѣлано на выворотъ», говорили иностранцы. Да, уѣдетъ, бывало, царь, задавъ уроки и оставивъ планы: возвратится—и «въ нѣкоторыхъ дѣлахъ немного, а въ иныхъ и ничего»; а зданія поставятъ задомъ напередъ (петербургскій университетъ).

Петръ былъ живымъ отрицаніемъ и «нестерпимо глупаго высокомѣрія» древней Руси. Геній, красавецъ, самодержецъ, онъ сохранялъ скромность и самозабвеніе даже тогда, когда собственныя заслуги вознесли его на степень перваго человѣка въ Европѣ. Онъ съ улыбкой вычеркивалъ свое имя въ справедливыхъ похвалахъ. Онъ сознавалъ свои ошибки, стараясь уяснить ихъ себѣ, и самъ все разсказалъ посламъ объ ужасахъ неудачнаго прутскаго похода. Послѣ попоекъ царь просилъ прощенія у обиженныхъ. Простота Петра шла въ уровень съ его величіемъ и служила лучшимъ его украшеніемъ. Онъ ни въ чемъ не терпѣлъ искусственности: «храните дѣло, а за высокими словами не гоняйтесь», училъ онъ переводчиковъ. Жилъ онъ всегда «урядникомъ Петромъ Михайловымъ», какъ назвался при появленіи за границей. Онъ не признавалъ ни перчатокъ, ни манжетъ, ни париковъ. Камзолъ ему шила царица, а чулки онъ штопалъ себѣ самъ; сапоги у него зачастую были съ подметками; спалъ онъ иногда на полу и, случалось, принималъ пословъ ночью, въ бѣльѣ и колпакѣ. За-границей говорили: «царь разсчетливъ для самого себя, какъ бѣдняга-простолюдинъ».

Такъ Европа отмѣтила въ Петрѣ самую изумительную для русскихъ черту—*общественный* духъ. Петръ зналъ только «пользу государства». Врагъ скаредности и обмана, онъ доходилъ, въ казенныхъ дѣлахъ, до скупости и до дипломатическихъ хитростей, чтобы больше выторговать. Онъ спаивалъ пословъ и своихъ вельможъ, чтобы они пробалтывались, а самъ рѣдко пилъ черезъ мѣру, да и тогда не говорилъ лишняго. Преслѣдованіе неправды развивалось у него съ каждымъ годомъ.

Такое служеніе своему народу было сознательнымъ патріотизмомъ. Петръ любилъ Россію и считалъ свое дѣло лишь «собираніемъ разсыпанной храмины» предковъ. Онъ принималъ мѣры для сохраненія ея древностей. Онъ нанималъ иностранцевъ лишь по нуждѣ и временно, стараясь, чтобы ученики поскорѣе отдѣлались отъ учителей. Вездѣ начальниками стояли русскіе, хотя бы неспособные; а подлѣ нихъ орудовали иностранцы. Петръ черезчуръ горячо схватился за покровительство туземнымъ промысламъ и радовался, какъ ребенокъ, когда впервые сшилъ себѣ «къ празднику» кафтанъ изъ русскаго сукна. Чѣмъ позже, тѣмъ ярче выступало въ Петрѣ національное сознаніе. Самый его языкъ становился чище и простонароднѣе. И все росла въ немъ вѣра въ свою Россію. Въ его мечтахъ эта, достойная просвѣщенія, страна утопала въ богатствѣ, благодаря флоту, этому «дитяти его сердца»: русскіе корабли съ русскими товарами неслись къ русскимъ колоніямъ на Мадагаскарѣ и въ Персидскомъ заливѣ. И въ томъ Петербургѣ, который всѣ проклинали, онъ сказалъ недовѣрчивымъ: «Твердо надѣйтесь, что, можетъ быть, еще на нашемъ вѣку вы пристыдите другія образованныя страны».

Для этой-то новой Россіи ея богатырь превратился въ мученика «жестокой школы», какъ называлъ онъ свою жизнь и въ особенности войны, которыя онъ велъ безпрерывно, не любя и опасаясь ихъ. Для нея онъ сгубилъ собственнаго сына. Передъ Полтавскимъ боемъ, въ которомъ у него были прострѣлены шляпа и сѣдло, онъ говорилъ войскамъ: «теперь не думайте о

царѣ, а думайте о Россіи». Онъ имѣлъ право сказать: «я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ». Такъ сказалъ Петръ подконецъ. А въ юности онъ подписывался въ письмахъ къ матери: «недостойный сынишка твой, въ работѣ пребывающій». Такая личность имѣетъ значеніе не для одной своей страны. Различныя поколѣнія могутъ разно смотрѣть на дѣла нашего богатыря, какъ на злобу давно прожитаго дня, какъ на плодъ неповторяющихся обстоятельствъ. Но самъ онъ, съ его геніальными стремленіями, съ его дивнымъ великодушіемъ, съ его божественнымъ взглядомъ на призваніе вождя народа, навсегда останется поучительнымъ примѣромъ. Это—образецъ желѣзнаго мужества и скромнаго но безконечнаго самосовершенствованія путемъ ученія до гробовой доски да неусыпныхъ трудовъ на общую пользу.

Величіе Петра тѣмъ поучительнѣе, что онъ работалъ почти одинъ: «нашъ монархъ тянетъ въ гору самъ-десять, да подъ гору тянетъ милліонъ», сказалъ Посошковъ. Петръ самъ создавалъ этотъ десятокъ своихъ *птенцовъ*. И онъ испыталъ новое горе: здѣсь-то ему пришлось непосредственно сталкиваться съ косностью и невѣжествомъ древней Руси. Приказывая боярамъ Ближней Канцеляріи вести опись своимъ занятіямъ, чтобы наблюдать за ними при своихъ отлучкахъ, онъ замѣтилъ «симъ всякаго дурость явлена будетъ». Онъ писалъ Екатеринѣ: «Въ одной рукѣ принужденъ держать шпагу и перо; а помощниковъ сколько, сама знаешь». Посланникамъ онъ жаловался, что завидуетъ ихъ государямъ, имѣющимъ совѣтниковъ. И они удостовѣряли, что царь «почти-что не имѣетъ помощниковъ, и оттого поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ». Наскоро создавая собственную школу, Петръ принужденъ былъ, особенно сначала, прибѣгать даже къ родовитымъ столпамъ древней Руси или *старорусамъ*, какъ называли ихъ иностранцы,—къ самимъ Рюриковичамъ-Долгорукимъ и Гедиминовичамъ-Голицынымъ. Но главными исполнителями были новики, начиная съ пирожника Меншикова. Они были несостоятельны во многомъ, особенно касательно нравовъ. Петра особенно возмущали ихъ плутовство, взяточничество и казнокрадство, которыхъ онъ не могъ истребить ни дубинкой, ни кнутомъ, ни топоромъ. Менѣе важно было ихъ невѣжество: люди даровитые, они быстро нахватывали знаній, благодаря школѣ Запада и самого царя. И работали они на славу, не щадя живота своего: отъ грознаго хозяина имъ «никуда нельзя было уйти». **Птенцы Петра.**

Ихъ типомъ служитъ ровесникъ царя глава новой партіи и послѣ Петра, этотъ «Алексашка» Меншиковъ, который понималъ своего владыку съ одного слова и лѣзъ изъ кожи, чтобы не отставать отъ него ни въ чемъ. Столь-же крупны, хотя болѣе односторонни, но не менѣе безнравственны были Петръ Толстой и Ягужинскій, изъ которыхъ первый сталъ, наравнѣ съ Меншиковымъ, главнымъ устоемъ новой Россіи, разорвавъ послѣднія связи со стариной прямымъ участіемъ въ гибели царевича Алексѣя. Наконецъ, самая глубина массъ дала преобразователю еще нѣсколько сподвижниковъ, помимо Меншикова. Строгановы и Демидовы были трудолюбивыми исполнителями его замысловъ на хозяйственномъ поприщѣ, прибыльщикъ Курбатовъ и оберъ-фискалъ Нестеровъ,—въ финансовыхъ дѣлахъ, Макаровъ—какъ секретарь Кабинета. Крестьянинъ Посошковъ оказался дѣльнымъ, просвѣщеннымъ публицистомъ и горячимъ защитникомъ реформъ. Такою-то ничтожной плеядой свѣтлыхъ русаковъ пробавлялся богатырь въ своемъ громадномъ дѣлѣ. Изъ *иностранцевъ* только трое занимали высшіе посты, но то были Остерманъ, Минихъ и Брюсъ—люди самые даровитые, наиболѣе сознательно помогавшіе возрожденію Россіи, которой они были преданы, какъ своему второму отечеству.

Встрѣчались новые люди и среди *духовенства*. То были все еще малороссійскіе ученые. Во главѣ ихъ стоялъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—явленіе во-

8*

обще рѣдкое въ исторіи, какъ іерархъ-политикъ, проводникъ свѣтскихъ и такихъ смѣлыхъ мыслей, что онѣ отчасти опережали свой вѣкъ. Петръ оцѣнилъ этого питомца итальянскаго Возрожденія, поклонника Бекона и Декарта, онъ отстаивалъ его отъ доносовъ невѣгласовъ, осыпалъ его милостями. Если Меншиковъ былъ правой рукой преобразователя, то Ѳеофанъ сталъ его перомъ и словомъ. Ѳеофанъ—самъ Петръ въ рясѣ, даже по своей могучей внѣшности и жизнерадостному, энергичному, дѣятельному нраву. Подъ именемъ вице-президента синода, Ѳеофанъ заправлялъ русской церковью. Но еще важнѣе его защита и разъясненіе преобразованій. Врядъ-ли кто-либо глубже его постигалъ и любилъ дѣло Петра. Этотъ владыка—первый нашъ *свѣтскій* писатель въ эпоху преобразованій: его «слова и рѣчи», изданныя лишь при Екатеринѣ II,—смѣлая, пылкая, талантливая публицистика. Ѳеофанъ сталъ вводить протестантскую науку въ наше богословіе, оправдывая не только браки съ иновѣрцами, но и разводъ, съ правомъ жениться для обѣихъ сторонъ. Конечно, Ѳеофану пришлось всю жизнь бороться, и не съ однимъ московскимъ клиромъ но и съ малороссійскимъ, который склонился къ пышному католичеству. Полетѣли доносы на «лютеранина, кальвиниста, ересіарха» и развратника, который не признаетъ ни иконъ, ни млека Богородицы, ни крови и волосъ Христа. Но Петръ сберегъ своего проповѣдника. Ѳеофанъ могъ, надъ его гробомъ, заставить всѣхъ цѣлый часъ плакать словами: «До чего мы дожили! что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ. *Но онъ духъ свой оставилъ намъ*».

Ѳеофану тѣмъ труднѣе было бороться со стариной, что президентомъ синода былъ его противоположность—Стефанъ Яворскій, лѣтъ на 20 старше его, тогда какъ Ѳеофанъ былъ лѣтъ на 10 моложе Петра. Человѣкъ съ иконописнымъ обличіемъ, съ пристрастіемъ къ «схимническому житію», съ воззрѣніями Никона, съ ненавистью къ «треокаянному еретику» Лютеру, этотъ питомецъ Кіева увидѣлъ въ дѣлѣ преобразователя «разореніе Закона Божія». Онъ всенародно молился за Алексѣя Петровича и уличалъ соперника въ протестантствѣ. Впрочемъ и Стефанъ сначала, пока не было Ѳеофана, долго помогалъ Петру, въ особенности въ борьбѣ съ расколомъ, въ которой доходилъ до жестокой нетерпимости. Таково ужъ было время. Съ богатыремъ тянулся въ гору и болѣе старый человѣкъ и другъ Стефана, также малороссъ, Дмитрій Ростовскій. Этотъ человѣкъ великаго иноческаго закала, причисленный къ лику святыхъ, «возложилъ на себя послушаніе»—указывать народу путь нравственности живымъ словомъ, искреннимъ перомъ, распространеніемъ образованія. Димитрій успѣлъ поддержать стремленія преобразователя многими сочиненіями и проповѣдями, изобличая невѣжество, особенно въ лицѣ духовенства и раскольниковъ, защищая даже брадобритіе. Онъ основалъ, въ Ростовѣ, первую въ сѣверной Руси семинарію, которую содержалъ на свой счетъ, подобно тому, какъ Ѳеофанъ завелъ собственную школу, которой завѣщалъ свое имущество. Великорусское же духовенство оказывало преобразователю упорное сопротивленіе. Весьма рѣдки были такія свѣтлыя исключенія, какъ епископъ воронежскій Митрофанъ, также причисленный къ лику святыхъ, но лишь при Николаѣ I.

Значеніе Петра. Величіе Петра доказывается уже трудностью его оцѣнки. Его дѣло такъ глубоко вошло въ жизнь Россіи, что до сихъ поръ у насъ слышатся страстныя и противорѣчивыя сужденія о немъ. Противники преобразованій относятся къ Петру, какъ къ еще живой личности, оскорбляясь темными пятнами на его памяти и приписывая все деспотическому своенравію «революціонера на тронѣ». Ихъ увлекаютъ его увлеченія. Двигателемъ Петра была страсть, сокрушительная въ такомъ великанѣ. Рѣдкій практикъ въ исполненіи, онъ, словно мечтатель, сразу создавалъ широкіе планы, не справляясь о средствахъ. Ра-

ботая въ вихрѣ необычайныхъ событій, онъ, безъ подробнаго разбора, схватывалъ явленія цѣликомъ, какъ живыя силы. Въ каждомъ препятствіи онъ видѣлъ личнаго врага своему самоотверженному служенію дѣлу. Возникъ *Преображенскій Приказъ* (1702) въ Москвѣ, а за нимъ *Тайная Канцелярія* (1718) въ Петербургѣ—сыскныя учрежденія, съ ужасными застѣнками, которыя народъ назвалъ «бѣдностью». Пошло искорененіе «сѣмени Милославскихъ». Но Петръ не пощадилъ и собственнаго сѣмени: Алексѣй палъ жертвой страстнаго мечтателя, который видѣлъ вездѣ одно «тунеядство» и вообразилъ, что можно сразу цѣлый народъ «передѣлать на свой ладъ» Тяжкое страданіе вынесла и Россія, которую великанъ «поднялъ на дыбы». Передъ смертью Петръ даже мечталъ о переселеніи русскихъ съ окраинъ во внутреннія губерніи. Передъ такой титанической работой содрогался самъ отважный Фридрихъ Великій, сказавшій, что Петръ дѣйствовалъ на Россію, какъ царская водка на желѣзо.

Всѣми своими чертами Петръ былъ кровнымъ сыномъ своего народа, тѣмъ самымъ явленіемъ, которое ожидалось въ концѣ древней Руси. И его дѣло было лишь исполненіемъ задачъ, завѣщанныхъ Московіей.

Во внѣшней политикѣ на его долю выпала только самая трудная часть старой задачи. Восточный вопросъ требовалъ флота, о которомъ уже задумывался царь Алексѣй. Онъ, вмѣстѣ съ ливонскимъ дѣломъ, разросся въ политику «сѣверныхъ державъ», требовавшую европейскаго войска и ловкой дипломатіи. И Петръ повелъ дѣло такъ блистательно, что произвелъ міровой переворотъ. Начался раздѣлъ Польши и Швеціи, поднявшій Пруссію; международный центръ тяжести переходилъ съ романскаго, католическаго юго-запада на германо-славянскій, протестантско-православный сѣверо-востокъ. Вступленіе Россіи въ кругъ европейскихъ державъ остановило распространеніе нѣмцевъ и турокъ насчетъ славянъ: Петръ принялъ роль покровителя балканскихъ славянъ; если вѣрить Миниху, его «любимымъ намѣреніемъ было завоевать Константинополь». И Англія, опасаясь за свою Индію, уже высылала свой флотъ къ Петербургу. Несомнѣнно одно—что Петръ съ такой-же страстью тянулся къ Балтикѣ, какъ Грозный. Но даже Петербургъ эта «дорога къ морю», выдуманъ не имъ: его отецъ мечталъ о немъ; а поляки совѣтовали еще Лжедимитрію I перенести столицу изъ Москвы, чтобы придвинуться къ просвѣщенной Европѣ. Петръ писалъ послѣ Полтавы: «теперь положенъ камень въ основаніи Петербурга». Оттого Лейбницъ радовался этой побѣдѣ; и Вольтеръ назвалъ ее единственнымъ сраженіемъ, плодомъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества. Среди крови Сѣверной войны выросла современная Россія: война была рѣшена въ Москвѣ, ея окончаніе праздновалось въ Петербургѣ; а посрединѣ ея Петръ велѣлъ называть свою страну уже не Московскимъ царствомъ, но *Россійскимъ государствомъ.* А міръ призналъ ее имперіей и *великою европейской державой.*

Во внутренней политикѣ дѣйствія Петра казались болѣе произвольными. Но теперь, при ея ближайшемъ изученіи, ясно, что и здѣсь онъ былъ лишь ревностнымъ исполнителемъ завѣтовъ исторіи. Нѣтъ ни одного государственнаго преобразованія, которое не было бы подготовлено непосредственно или косвенно, и иногда задолго до преобразователя: даже ранги, оказываются прямымъ развитіемъ «степеней» Ѳеодора. Нѣтъ даже ни одной бытовой перемѣны, которая не была бы указана или затронута раньше, не исключая положенія женщины. Изъ сѣмянъ начала четвертаго періода уже при Лжедимитріѣ I-мъ явился намекъ на цѣлый плодъ. При Михаилѣ видимъ и нужду въ обученіи, и заводы, и аптеки, и часы, а въ лицѣ Филарета—общественный духъ и сочувствіе къ массамъ. При Алексѣѣ, и особенно при Ѳедорѣ и Софьѣ, уже

до того чувствуется водоворотъ петровскихъ преобразованій, что мы принуждены были поставить эти царствованія вводною главой къ исторіи эпохи реформъ.

Время Петра было русскимъ Возрожденіемъ: овладѣвшая тогда «волонтерами» горячка свѣтскаго просвѣщенія напоминаетъ идеалистическій восторгъ героевъ гуманизма. Этотъ духъ примирялъ Европу съ суровымъ преобразователемъ «варварской Московіи»; устами Лейбница она называла русскаго генія «благодѣтелемъ человѣчества, орудіемъ Провидѣнія для насажденія цивилизаціи среди скиѳовъ.

Во всемъ остальномъ сынъ своего времени и рабъ отечественной исторіи, Петръ опередилъ вѣкъ въ просвѣщенномъ патріотизмѣ и въ отвращеніи къ порокамъ западной цивилизаціи. И онъ сознавалъ значеніе своего дѣла. Подконецъ онъ утѣшался такою мыслью: «Которыхъ не зналъ свѣтъ, нынѣ почитаютъ. По совѣсти, нашими неусыпными трудами мы обучили народъ свой во многихъ военныхъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ». Когда умеръ «вѣчный работникъ на тронѣ», благороднѣйшая личность среди его птенцовъ, Неплюевъ, заболѣвшій при извѣстіи объ его смерти, выразилъ всеобщую мысль словами: «Онъ научилъ узнавать, что и мы люди. И на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ; и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». Поколѣніе спустя, Минихъ говорилъ о дѣлахъ Петра: «Кто этого не видалъ, тотъ понять не можетъ. Что есть въ Россіи великаго, все то имъ зачато; и еще болѣе есть такого, что осталось недоконченнымъ». Имя Петра дало престолъ Елизаветѣ, 16 л. по его смерти. Екатерина II спрашивала себя, при затрудненіяхъ, какъ поступилъ бы онъ? Въ Россіи и за ея предѣлами, друзья и враги называли его Великимъ и почтили памятниками. Великою стала и Россія, которая вынесла Мѣднаго Всадника, попирающаго змія косности древней Руси, какъ изобразили нашего богатыря родной поэтъ и чужой ваятель.

Завѣтъ Петра. Напрасно змій усиливался извести Преобразователя. Напрасно измученный гигантской работой народъ впервые все сваливалъ на своего царя и выставлялъ самозванцевъ, какъ въ розруху. Напрасно иностранцы писали изъ Россіи, особенно подконецъ: «Москвитяне все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука!» Напрасно на Западѣ говорили уже о 29-мъ заговорѣ на жизнь великана, и шведъ затягивалъ мирные переговоры въ надеждѣ на «ужасное крушеніе» Россіи. И напрасно, по смерти Петра, у насъ «мыши кота погребали» (раскольничья лубочная картина), а заграницей палили, служили молебны и перепились съ радости, что странная «русская имперія погибла, и всѣ дѣла ниспровергнутся». Не могло погибнуть дѣло, которое, было не безсмысленной ломкой стараго строя, а плодомъ его розрухи,—дѣло разумное, начатое во имя общечеловѣческаго развитія, котораго давно ждали лучшія силы народа. Оно въ четверть вѣка перевернуло всю громадину сѣверо-востока Европы и затронуло весь міръ. Россія уже не могла стать Московіей, снова повернуться лицомъ къ Азіи. Подконецъ видимо сокращалось личное вліяніе Петра въ дѣлахъ. Послѣ его смерти они переходили въ руки его «дѣтей сердца», Екатерины и Меньшикова. Уцѣлѣли не только коренная мысль преобразованій, но и короткополье образованныхъ людей. «Неколебимо,. какъ Россія», стоитъ и вдругъ выросшій, на глазахъ старины, блѣднымъ призракомъ городъ, «основанный подъ моремъ роковой волей чудотворнаго строителя», который видѣлъ въ немъ свой «парадизъ» (рай). Новая столица пріютилась въ такомъ укромномъ уголку, что даже другой «великанъ, изъ далекихъ чуждыхъ странъ», не посмѣлъ тронуть ее. Она быстро росла, какъ символъ новой Россіи, какъ необходимое ей «окно въ

Европу» изъ Азіи. Петербургъ сталъ стражемъ новизны и общечеловѣческаго прогресса, Москва — охранительницей преданій и русской народности. И напрасно столица древней Руси сначала оспаривала свое первенство, во имя почета сѣдинъ. Съ Анны Ивановны уже навсегда, не исключая временъ патріотки Елизаветы, она оставалась «порфироносною вдовой».

Но прежде, чѣмъ дѣло Петра вошло въ плоть и кровь русскихъ, оно должно было выдержать тяжелую борьбу съ пережитками древней Руси, неизбѣжную при всякомъ историческомъ переломѣ. Не страшны были эти пережитки: не на ихъ сторонѣ была душа жизни—просвѣтительная мысль. Но они были еще сильны количественно. Преобразователь, съ его птенцами, былъ опричиной въ томъ смыслѣ, что только «самъ—десять» вытягивалъ народъ изъ омута. Главная его вина была въ томъ, что онъ умеръ рано. Его подвигъ оборвался, какъ вдохновенная рѣчь оратора на полусловѣ. Отсюда нестройность и шаткость частей великаго зданія.

Уже Петръ подконецъ сознавалъ, что вездѣ подымается «неправда». **Екатерина.** Послѣ него настала тяжелая пора, какъ говорилось даже въ указахъ. Болѣе поколѣнія (1725 — 1762) длились дворцовые перевороты, не безъ участія козней иностранной дипломатіи. «Самодержавнаго великана» замѣнила *Екатерина I*, женщина безъ особыхъ дарованій. Но воспитанница нѣмцевъ (родомъ онъ была литвинка), она благоговѣла передъ памятью Петра. Ее и отстояли птенцы и иноземцы, за которыхъ было войско: староруссы хотѣли возвести на престолъ 9-лѣтняго внука преобразователя, Петра Алексѣевича.

Управленіе перешло къ Меншикову. Чтобы подорвать сенатъ, гдѣ господствовалъ его соперникъ, Ягужинскій, онъ устроилъ *Верховный Тайный Совѣтъ* (1726) подъ предсѣдательствомъ императрицы. Зерномъ этому учрежденію служило, при Петрѣ, совѣщаніе «верховныхъ господъ». Совѣтъ и продолжалъ преобразованія: онъ сокращалъ расходы, отмѣнялъ монополіи и привиллегіи, поддерживалъ просвѣщеніе, подготовлялъ новое Уложеніе. Чтобы задобрить всѣхъ, Меньшиковъ устроилъ такъ, что, по смерти Екатерины (1727) оказался слѣдующій «тестаментъ»: Петръ Алексѣевичъ наслѣдуетъ престолъ и женится на дочери временщика, Маріи; въ его малолѣтство управляетъ Верховный Совѣтъ; при его бездѣтности, наслѣдуютъ дочери Петра I, Анна и Елизавета.

Съ *Петромъ II* настало господство Меншикова. Пріятель послѣдняго, **Петръ II.** Остерманъ, сталъ воспитателемъ царя. Анна Петровна съ мужемъ были высланы въ Голштинію. А чтобы угодить староруссамъ, Меншиковъ приставилъ къ царю ихъ пріятелей, Долгорукихъ, и ласкалъ Голицыныхъ. Но черезъ четыре мѣсяца палъ «прегордый Голіаѳъ». Ему измѣнилъ самъ *Остерманъ*. То былъ самый дѣльный и образованный изъ нѣмцевъ Петра I, отецъ новой русской дипломатіи. Самъ Макіавель въ жизни, онъ сумѣлъ удержаться при всѣхъ правителяхъ, начиная съ Ивана V. Вѣрный преданіямъ Преобразователя, онъ искусно пользовался староруссами, истребляя ихъ одного черезъ другого. Этотъ «честный нѣмецъ» сдѣлалъ много добра Россіи, которую считалъ своимъ вторымъ отечествомъ. Твердо держа знамя просвѣщенія и прогресса, онъ нерѣдко, какъ «оракулъ», заправлялъ всѣмъ. Остерманъ пріобрѣлъ вліяніе на своего питомца и задумалъ завладѣть дѣлами его именемъ, низвергнувъ зазнавшагося Меншикова. Онъ соединился съ Долгорукими и Ягужинскимъ — и Голіаѳъ очутился въ Березовѣ.

Но для Россіи не послѣдовало перемѣны. Напротивъ, утвердилась эпоха *фаворитства*: «быть въ фаворѣ» значило играть роль временщика. Сначала возобладало фаворитство туземцевъ, благодаря пристрастію Петра II къ своему юному другу, Ивану Долгорукову. Дворъ переселился въ Москву. Ино-

страницы опасались, что «великіе замыслы Петра I вскорѣ будутъ приведены къ нулю». Но уже въ 1730 г. императоръ скончался.

Воцареніе Анны Ивановны.

Борьба партій разгорѣлась. На первомъ планѣ стояли старорусcы, которыхъ называли тогда «верховниками»: въ Верховномъ Совѣтѣ было только два птенца, Остерманъ и Головкинъ, противъ двухъ Голицыныхъ и четырехъ Долгорукихъ. Они выбрали Анну Ивановну. Они заставили Анну подписать «кондиціи», ограничивавшія ея власть въ пользу Совѣта. Верховники тайкомъ устроили это дѣло, выгодное только для нихъ. Но оно разгласилось—и поднялось волненіе противъ родовитыхъ «затѣйщиковъ». Особенно зашумѣло *шляхетство*—мелкое дворянство, напоминавшее польскую шляхту въ отношеніи пановъ. Здѣсь были такіе даровитые люди, какъ Татищевъ и Волынскій; но внѣшнимъ главаремъ партіи считался богатѣйшій родственникъ Нарышкиныхъ, князь Черкасскій. Шляхетство, находя «сумнительства» въ кондиціяхъ верховниковъ, набросало дюжину собственныхъ «проектовъ» и изготовило челобитную Аннѣ Ивановнѣ о назначеніи комиссіи, чтобы «форму правленія государственнаго сочинить».

Но птенцы желали сохранить самодержавіе, которому великій Преобразователь придалъ прогрессивный характеръ. Остерманъ тайкомъ руководилъ Анной Ивановной, несмотря на то, что одинъ изъ Долгорукихъ не отходилъ отъ нея. Она съ одной стороны, подписала «кондиціи», съ другой—приняла глухую присягу, безъ упоминанія о нихъ, и объявила себя полковникомъ гвардіи. Гвардейцы пришли въ восторгъ: ими руководилъ молодой поэтъ Кантемиръ, другъ Ѳеофана Прокоповича, ненавистникъ старорусcовъ, европейски образованный человѣкъ. Ѳеофанъ гремѣлъ противъ стерегущаго императрицу «дракона» верховниковъ. Синодъ велѣлъ поминать въ церквахъ «самодержицу». Наконецъ, гвардейцы окружили дворецъ съ криками: «мы — вѣрные рабы самодержицы; мы не потерпимъ ея злодѣевъ!» Высшіе чины и офицеры подали Аннѣ челобитную о самодержавіи, составленную Кантемиромъ. Она подписала ее. Шляхетство, думавшее опять заговорить о комиссіи, замолчало. Императрица разорвала «кондиціи» верховниковъ.

Бироновщина.

Анна Ивановна 20 л. проживала въ Митавѣ вдовой герцога курляндскаго. Не чувствуя влеченія къ дѣламъ, она отдалась во власть Бирона сына конюха, безсердечнаго карьериста. Онъ сталъ теперь властелиномъ Россіи, даже герцогомъ Курляндскимъ. Чужеземный выскочка рѣшилъ «положить» русскую знать «вмѣсто бревенъ, для исправленія мостовъ». Дворъ переселился въ Петербургъ—и началось «искорененіе» знати. Родословныхъ оставили только въ сенатѣ, но власть его перешла къ *Кабинету*, гдѣ заправляли Остерманъ и Минихъ. При дворѣ ихъ уцѣлѣло только трое, и то въ качествѣ «шутовъ». Дмитрій Голицынъ вскорѣ умеръ въ крѣпости; Долгорукихъ сослали въ Березовъ, потомъ казнили.

Затѣмъ настала *бироновщина*, какъ называли русскіе вообще угнетеніе народа нѣмцами. Многіе владыки были казнены. Средній классъ разорялся отъ застоя въ дѣлахъ и отъ паденія рубля больше, чѣмъ наполовину. Крестьянъ мучилъ Доимочный Приказъ, безпощадно взимавшій съ нищихъ недоимки за многіе годы; а затѣмъ начались тяжкія войны. Башкиры и киргизы изнывали отъ постройки крѣпостей. Въ Сибири совершались такія злоупотребленія, что пришлось обезглавить перваго же иркутскаго губернатора. «Слово и дѣло» осѣнило всю страну. Шпіоны доставляли массу жертвъ для «Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи». Въ войскахъ заводилась курляндская казарма. Наконецъ, наслѣдникомъ былъ объявленъ только-что родившійся Иванъ, сынъ Антона Брауншвейгскаго и племянницы императрицы, Анны Леопольдовны, которая сама была дочерью герцога Мекленбургскаго. А Елизавета Петровна жила въ загонѣ.

Волынскій.

Всюду поднимались волненія и ропотъ. Во главѣ недовольныхъ сталъ просвѣщенный любимецъ Петра I, Волынскій, женатый на Нарышкиной. Человѣкъ честолюбивый, алчный и пронырливый, онъ втерся въ довѣріе къ Бирону и уже орудовалъ Кабинетомъ. Но онъ возмечталъ устранить самихъ нѣмцевъ, не исключая Остермана. Волынскій сталъ главаремъ «новой русской партіи», набранной изъ птенцовъ и волонтеровъ Петра I. Они собирались у Волынскаго читать запретныя книги и такія рукописи, какъ «Исторія Россійская» Татищева, снискавшая автору имя «аѳеиста». Волынскій выработалъ и «проектъ о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ».

Волынскій началъ доносить Аннѣ на нѣмцевъ, въ особенности на Остермана. Наконецъ, онъ сталъ разоблачать, въ Кабинетѣ, самого Бирона. Волынскій былъ замученъ и четвертованъ. Такъ же расправились съ его «конфидентами». Волынскій вошелъ въ поэзію и преданія народа, какъ жертва бироновщины. Екатерина II назвала его «патріотомъ», потерпѣвшимъ «невинно».

Правительница и Минихъ

Биронъ сталъ сильнѣе прежняго, Анна Ивановна, умирая (1740), назначила его регентомъ при ребенкѣ Иванѣ VI. Временщикъ началъ тѣснить даже своихъ—Остермана и особенно опаснаго Миниха. Но Минихъ сговорился съ матерью императора и внезапно арестовалъ Бирона. Осторожные вельможи признали Анну Леопольдовну *правительницей*. Биронъ попалъ въ Пелымъ. *Минихъ* сталъ временщикомъ. Петръ I говорилъ про дѣльнаго, просвѣщеннаго птенца: «его труды дѣлаютъ меня здоровымъ». А Минихъ неутомимо работалъ до смерти «въ память Петра Великаго». Неисчислимы его заслуги передъ русскимъ народомъ, который гордился имъ, какъ «столпомъ имперіи». Отличный инженеръ и полководецъ, «ясный соколъ» солдатъ, Минихъ—одинъ изъ творцовъ нашей арміи, флота и канализаціи. Онъ работалъ при семи царствованіяхъ, какъ неутомимый исполинъ, вѣчно бодрый, веселый и благотворительный. Минихъ отомстилъ туркамъ за Прутъ: онъ разгромилъ ихъ въ первомъ открытомъ бою и уже мечталъ о своей завѣтной цѣли—о Константинополѣ.

Теперь Минихъ еще болѣе увлекался этою мечтой, а также страстью исправить внутреннія дѣла въ духѣ Петра I. Но не прошло и пяти мѣсяцевъ, какъ Россія очутилась въ рукахъ новаго временщика—Остермана, которому удалось удалить «верховнаго визиря». Но и Остерманъ сталъ «настоящимъ царемъ россійскимъ» всего на 8 мѣсяцевъ. Онъ палъ жертвой интригъ Франціи, которой нужно было низвергнуть Брауншвейгскую фамилію, дружившую съ ея соперницей, Австріей. Этотъ переворотъ могъ совершиться только во имя Елизаветы Петровны. Дочь Преобразователя силою вещей выдвигалась на первый планъ въ разгаръ національнаго чувства. Ее угнетали нѣмцы, ея дворъ состоялъ изъ русскихъ; она посѣщала святыни, являлась на народъ, крестила дѣтей у гвардейцевъ. Гренадеры и принесли ее во дворецъ, въ ноябрѣ 1741 г. Правительницу съ мужемъ отправили въ Холмогоры, Ивана VI—въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ при Екатеринѣ II. Минихъ и Остерманъ были сосланы въ Сибирь.

Елизавета.

Елизавета напоминала мать веселостью, добротой и сметливостью, съ прибавкой французской утонченности, которую она заимствовала отъ своей гувернантки. Но Елизавета сохраняла тотъ патріотизмъ, ту простоту отца, которые снискали ей у массъ имя «матушки». Въ ея лицѣ проходила въ жизнь основная мысль Преобразователя о сліяніи общечеловѣческаго съ туземнымъ. Ея дворъ подчинялся *вліянію Франціи*, овладѣвшему тогда Европой. Но императрица легко переходила отъ версальскихъ забавъ къ быту русской помѣщицы. Она богомольствовала, часто жила въ Москвѣ, выдвигала русскихъ людей. Имъ-то она вручила управленіе. «Волонтеръ» Петра I, коварный Бестужевъ, велъ иностранную политику не хуже Остермана. Корыстолюбивый, но

свѣдущій и дѣльный Петръ Шуваловъ заправлялъ казной и хозяйствомъ страны. «Благородный учтивецъ», поклонникъ Франціи, Иванъ Шуваловъ, завѣдывалъ народнымъ просвѣщеніемъ.

Елизавета тотчасъ же вступила на путь отца, замѣнивъ Кабинетъ Конференціями при своей особѣ и возстановивъ значеніе сената, который занялся планами Петра Шувалова. Всячески щадили малочисленный народъ: устраняли казнь и пытки, облегчили воинскую повинность и подати, благодаря ревизіямъ Заселяли югъ Россіи славянами изъ Австріи. Разными льготами помогали развитію промысловъ. Торговлѣ содѣйствовали банки, «Комиссія о комерціи» и отмѣна внутреннихъ таможенъ. Даже Малороссія получила облегченія: было возстановлено гетманство. Ив. Шуваловъ основалъ московскій университетъ (1755) и академію художествъ (1757). Явились также первыя гимназіи и народныя школы. Тогда же возникли русскій театръ, журналъ (Ежемѣсячныя Сочиненія) и полная газета (Московскія Вѣдомости). Выступили русская словесность и наука. Обнаружилось человѣколюбіе: была отмѣнена смертная казнь (1754) для дѣлъ неполитическихъ; исчезали пытки; облегчалась участь солдатъ и крѣпостныхъ; заводились богадѣльни.

Елизавета и во внѣшнихъ дѣлахъ шла по стопамъ отца. Она энергично окончила начатую до нея войну со шведами: къ Россіи отошла еще часть Финляндіи. Памятуя завѣтъ отца о «равновѣсіи въ Германіи», Елизавета возстала противъ «конкерантнаго права» Фридриха II прусскаго, когда онъ выступилъ почти противъ всей Европы въ Семилѣтней войнѣ. Въ соединеніи съ австрійцами. русскіе нанесли самому Фридриху жестокое пораженіе у Кунерсдорфа (1759) и явились въ Берлинъ. Но мы ничего не получили: Фридриха спасла смерть Елизаветы (дек. 1761).

Петръ III. Елизавета съ самаго начала назначила наслѣдникомъ своего племянника, сына Анны Петровны, Петра Ѳедоровича, котораго она обвѣнчала съ цербстской принцессой Екатериной Алексѣевной. Ставши императоромъ *Петромъ III*, онъ оказался голштинцемъ по воспитанію и поклонникомъ Фридриха II. Онъ ненавидѣлъ все русское, особенно духовенство, и завелъ голштинскіе порядки, наиболѣе тяжелые для войскъ. При дворѣ опять появились нѣмцы, а русскіе исчезали. Сначала еще замѣчалось человѣколюбіе: раскольникамъ и даже скопцамъ объявили свободу, а церковныя имущества подчинили «Коллегіи Экономіи». Была уничтожена тайная канцелярія. Но вскорѣ начали портить монету и расплачиваться бумажками банка. Русскія войска пошли на помощь Фридриху II и противъ Даніи—для пріобрѣтенія Голштиніи.

Войско негодовало, тѣмъ болѣе, что царь презиралъ его и завелъ голштинскую гвардію и прусскую дисциплину. Его ропотъ поддерживался обиженнымъ духовенствомъ. Тяжело становилось и придворнымъ отъ странныхъ капризовъ болѣзненнаго императора. Наконецъ Петръ III вызвалъ на бой страшнаго врага въ лицѣ своей жены. Екатерина 18 л. мучилась, заброшенная, среди интригъ двора. Ея характеръ окрѣпъ въ уединеніи. Она читала много серьезныхъ книгъ, въ особенности энциклопедистовъ, Монтескьё и Вольтера: посланники назвали ее «философомъ». Она овладѣла русскимъ языкомъ, много узнала про Россію и старалась привлекать русскихъ, даже соблюдала посты. Мужъ возненавидѣлъ эту женщину, «страшную, какъ дьяволъ», и началъ оскорблять ее; а Елизавета отняла у нея ребенка, Павла, чтобы воспитывать его по своему. У Екатерины образовался кружокъ «пособниковъ» изъ русскихъ всякихъ званій, съ Бестужевымъ во главѣ. Видными лицами были также воспитатель Павла, Никита Панинъ и Григорій Орловъ, имѣвшій большое вліяніе въ гвардіи. 28 іюня 1762 г. всѣ признали Екатерину «самодержавной императрицей». Петръ III вскорѣ умеръ во дворцѣ въ Ропшѣ.

Никто не всталъ за него, кромѣ старика Миниха: у него не было никакой идеи, программы, знамени. Горсть его приближенныхъ не пострадала.

Екатерина II поражала всѣхъ не только своимъ умомъ, образованностью и женской привлекательностью, но и мужествомъ. Ее называли «безстрашной». А она сама говорила: «По примѣру дѣдушкину, унывать не станемъ». Она ободряла всѣхъ и всегда трудилась самостоятельно: фавориты были ея орудіями и учениками. Особенно ловка она была въ дипломатіи. Но не меньше работала она надъ книгами. Екатерина увлекалась перепиской съ своими «учителями», какъ называла она «философовъ». Отъ нея осталась масса замѣтокъ, выписокъ цѣлыхъ сочиненій по политикѣ и педагогіи, не говоря уже про рядъ литературныхъ произведеній. Эту меценатку прославляли и философы, какъ одного изъ вождей просвѣщеннаго абсолютизма, наряду съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II. Образованіе было въ ея глазахъ спасеніемъ отъ всѣхъ золъ. Милосердіе и терпимость вездѣ выставлялись ею какъ знамя; «насилія ненадобно, довольно школъ», твердила она по поводу раскола. Общечеловѣческая струя просвѣщенія сливалась въ Екатеринѣ съ національными требованіями. Она считала русскій языкъ лучшимъ въ свѣтѣ. Она ставила на высокія мѣста только русскихъ. Часто разъѣзжая по своей странѣ, она ни разу не заглянула въ Европу, но приводила ее къ себѣ. Высоко ставя выгоды и честь Россіи, она вліяла на весь Западъ, въ особенности же на Германію. Екатерина часто поминала Петра Великаго, какъ своего учителя. Подобно ему, она твердила о преобразованіяхъ, поучала въ своихъ указахъ. **Екатерина II.**

Начала Екатерина рядомъ мѣръ, которыя были частью возстановленіемъ, частью развитіемъ мысли Петра I о преобразованіи Россіи въ духѣ европейскаго просвѣщенія. Но тотчасъ же обнаружилась разница въ пріемахъ учителя и ученицы. Петръ, жившій, когда и на Западѣ не было теорій, орудовалъ, какъ практикъ; Екатерина руководилась основами «философіи». Тотъ дѣйствовалъ прямо, рѣзко, поспѣшно, эта—осторожно, вкрадчиво, примѣняясь къ средѣ. Любимымъ дѣломъ Екатерины были комиссіи, какъ для изученія почвы, такъ и для подготовки ея къ принятію новыхъ сѣмянъ. Первымъ изъ самыхъ громкихъ ея опытовъ въ этомъ направленіи была *Большая комиссія* для составленія новаго уложенія (1767). Царица призвала «депутатовъ» отъ всѣхъ сословій и, въ помощь имъ, сама начертала *Наказъ*, эту исповѣдь правителя. «Наказъ» представляетъ идеалистическую проповѣдь началъ Просвѣщенія. То было изложеніе основъ Монтескьё и Беккаріи. Оно проникнуто гуманностью, терпимостью, свободомысліемъ. **Большая Комиссія.**

Но Комиссія не оправдала надеждъ императрицы. Вспыхнула борьба узкихъ сословныхъ интересовъ; выступила рознь между ядромъ государства и окраинами. Наконецъ Комиссію закрыли—по случаю турецкой войны. Екатерина поняла, «съ кѣмъ дѣло имѣетъ», и смѣло пошла одна по своей дорогѣ.

Тотчасъ же обнаружился рьяный просвѣщенный абсолютизмъ, а именно централизація, стремленіе сосредоточить жизнь государства въ одномъ лицѣ и въ одномъ мѣстѣ. При особѣ императрицы явился *Государственный Совѣтъ* изъ ея наперсниковъ; сенатъ утратилъ свое значеніе. И вездѣ коллегіальность уступала мѣсто вліянію наперсниковъ императрицы. Гетманство было отмѣнено (1764), а Сѣчь разорена. Въ то же время произвели всеобщее межеваніе земель (1765). Явилось учрежденіе для управленія *губерній* (1775): Россія раздѣлялась на 50 «губерній» и много «уѣздовъ». Особенное вниманіе было обращено на фискаловъ, въ виду огромныхъ расходовъ. Кромѣ иностранныхъ займовъ, возникли внутренніе, подъ видомъ *ассигнацій* для которыхъ былъ устроенъ особый банкъ. Съ тою же цѣлью развивался гибельный винный от- **Реформы.**

купъ и были *отобраны въ казну церковныя имущества*, (1764), крестьяне которыхъ были подчинены «коллегіи экономіи». Екатерина II подражала Петру I во многихъ мѣрахъ для улучшенія сельскаго хозяйства, торговли и промышленности. Онѣ увѣнчались городовымъ положеніемъ. Наконецъ, были учреждены воспитательные дома и медицинская коммиссія. А Бецкій составилъ «учрежденія, касающіяся до воспитанія»—планъ цѣлой системы низшаго, средняго и университетскаго образованія. Но осуществилась только мысль о *Россійской Академіи* для развитія русскаго языка.

Иностранная политика. Внѣшняя политика Екатерины II была болѣе удачна и цѣльна, чѣмъ внутренняя. Ея цѣль—сдѣлать Россію «арбитромъ Европы»; а средствомъ было «сохранять себѣ свободныя руки». Екатерина искусно играла «аліанцами». Она заключила союзъ съ Пруссіей, потомъ—съ Австріей, и попользовалась обоими. Фридрихъ II помогъ ей устроить и первый *раздѣлъ Польши* (1772); идея, которая коренилась въ духѣ времени и поддерживалась внутренними неурядицами въ рѣчи Посполитой; затѣмъ послѣдовали второй и третій раздѣлы. Россія получила Бѣлоруссію, Западную Украйну (Волынь и Подолія), Литву и Курляндію. Въ то же время успѣшно шли *турецкія* войны, прославившія Румянцева и Суворова и даже новосозданный флотъ. По миру въ Кучукъ-Кайнарджи (1774) мы получили восточные берега Чернаго моря и земли между Днѣстромъ и Бугомъ, къ которымъ потомъ (1783) присоединился еще Крымъ. По миру въ Яссахъ (1791) Россія пріобрѣла Очаковъ съ землями между Бугомъ и Днѣстромъ, гдѣ тотчасъ возникла Одесса. Сверхъ того, она добилась права покровительствовать турецкимъ христіанамъ, а ея купеческія суда начали свободно плавать по Черному морю. Немного позже русскіе захватили Дербентъ и Баку, защищая Грузію отъ притязаній Турціи и Персіи. Наконецъ, Екатерина стала дѣйствительно арбитромъ Европы, воспользовавшись германскимъ междоусобіемъ и борьбой Англіи съ Америкой. Тешенскій миръ (1779), прекратившій соперничество между Пруссіей и Австріей, доставилъ ей право *вмѣшательства въ дѣла Германіи*. А ея *вооруженный нейтралитетъ* (1780) унизилъ Англію въ ея собственной стихіи и снискалъ ей восторги друзей Просвѣщенія, какъ застрахованіе мира и справедливости на моряхъ противъ кулачнаго права. «Философы» прославляли «сѣверную Семирамиду» и за *греческій проектъ*, какъ очищеніе Европы отъ азіатства. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы раздѣлить Турцію между Россіей, Австріей и Франціей, при чемъ возстановлялась Византійская Имперія для внука Екатерины, Константина Павловича.

Пугачевщина. Несмотря на внѣшній блескъ, вызывавшій всеобщую лесть, тревожно было царствованіе «Екатерины Великой», въ особенности его первая половина. Массамъ было тяжко отъ войнъ, отъ самыхъ преобразованій, которыя стоили дорого. Отсюда самозванство, эта обычная въ необразованномъ обществѣ форма протеста. Эта мірская ложь развилась особенно послѣ Петра I, подъ вліяніемъ ряда переворотовъ въ Петербургѣ. Вѣрили во всевозможныя нелѣпости. Въ началѣ царствованія Екатерины являлись заговоры въ пользу Петра III, Павла и даже Ивана VI. Даже ссыльные въ Камчаткѣ, съ полякомъ Беневскимъ во главѣ, составили «компанію для Павла». А въ Петербургѣ подпоручикъ Мировичъ вздумалъ освободить Ивана Антоновича, что стоило жизни послѣднему (1764). Возникла даже княжна Тараканова—якобы «дочь Елизаветы и Разумовскаго» и «сестра Пугачева». Во имя же Петра III было 15 самозванцевъ въ первыя 15 лѣтъ; было даже 2 въ Черногоріи и 1 въ Албаніи. Важнѣе было недовольство цѣлыхъ сословій. Московское дворянство и купечество роптали на предпочтеніе любимцевъ и на преобразованія. Духовенство возмущалось отобраніемъ церковныхъ имуществъ. Ростовскій владыка Арсеній Мацѣевичъ проклиналъ «хищниковъ» и поносилъ императрицу:

онъ кончилъ жизнь въ казематѣ. Росло недовольство раскольниковъ, которымъ лучше жилось при Петрѣ III. А они кишѣли среди казачьей вольницы юго-востока, приволье которой смѣнялось требованіями государства. Тамъ же кипѣло негодованіе инородцевъ, особенно калмыкъ и башкиръ, которыхъ насильно обращали въ православіе. Самымъ грознымъ завершеніемъ общественной смуты, терзавшей Россію съ Ивана IV, была *пугачевщина*. Она возникла тамъ же, гдѣ буйствовалъ Разинъ,—на низовьяхъ Дона, Волги и Урала. Самъ Емельянъ Пугачевъ принадлежалъ къ донской голытьбѣ. Онъ обѣщалъ освободить крестьянъ, дать права раскольникамъ и посадить на престолъ «своего сына», Павла. Екатерина была занята турецкой войной; солдаты, сами крѣпостные, нерѣдко сочувствовали самозванцу. Весь народъ бросился въ пугачевщину, до самой Москвы. Но вскорѣ регулярныя войска справились со сбродомъ самозванца, и Пугачевъ былъ казненъ (1775). Но побѣда досталась дорого.

Реакція.

Послѣ пугачевщины внутри все затихло—и внѣшній блескъ больше прежняго окружалъ Екатерину. Но за нимъ скрывалась иная картина, которая отражалась все сильнѣе къ концу царствованія.

За серебряный рубль давали почти $1^1/_2$ р. бумажками. Почти вездѣ свирѣпствовали голодъ и нищенство. И опять пошли крестьянскіе бунты и вспыхнуло возстаніе донцовъ. Узнавъ про революцію 1789 года, царица воскликнула: «Я—самая аристократическая императрица въ Европѣ!» У себя она закрѣпила дворянство *жалованною грамотой* (1785), которая предоставляла ему управленіе своими дѣлами. Послѣднія 6 л. были уже сознательною реакціей. Екатерина считала даже отвѣтственность министровъ государственнымъ преступленіемъ, а Вашингтона—«мятежникомъ». Узнавъ о казни Людовика XVI, она пожелала «искорененія всѣхъ французовъ». Она покровительствовала эмигрантамъ и даже іезуитамъ. Возникла строгая цензура, руководимая синодомъ. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь за свое «Путешествіе въ Москву», гдѣ говорилось то же, что въ «Наказѣ». Далекій отъ политики издатель Новиковъ очутился въ Шлиссельбургѣ. Наконецъ, Суворову было приказано готовиться въ походъ для истребленія «заразы неистовства и развратовъ французскихъ».

Павелъ I.

Въ 1796 г. воцарился сынъ Екатерины II, Павелъ I. При матери онъ жилъ въ Гатчинѣ. Его образованіемъ пренебрегали; въ немъ развивались нервность, подозрительность, да пристрастіе къ Фридриху II, который приходился родственникомъ жены цесаревича, Маріи Ѳеодоровны, и ненавидѣлъ Екатерину II. Павелъ положилъ «не слѣдовать правиламъ родительницы своей». Осуждая мать за «виды пріобрѣтенія», онъ сталъ за миръ, даже вступилъ въ переговоры съ Парижемъ и началъ благоволить полякамъ. Помня свою печальную судьбу при матери, Павелъ упрочилъ престолонаслѣдіе по прямой линіи «учрежденіемъ объ императорской фамиліи» (1797). Онъ отмѣнилъ жалованную грамоту и сократилъ барщины. Раскольникамъ разрѣшили имѣть собственныя церкви; а іезуиты были изгнаны. Остзейскому краю были возвращены привилегіи; въ Дерптѣ былъ основанъ университетъ. Были возстановлены права донскихъ и малороссійскихъ казаковъ, не исключая гетманства.

Но затѣмъ пошла реакція, связанная съ противорѣчіями и путаницей въ дѣлахъ. Царь замкнулся въ своемъ дворцѣ (Инженерный замокъ) съ наперсниками, во главѣ которыхъ стояли камердинеръ Кутайсовъ и военный формалистъ Аракчеевъ, да изворотливый полицеистъ Паленъ. Все измѣнилось. Павелъ началъ ненавидѣть французовъ и ласкать іезуитовъ; онъ сталъ даже гросмейстеромъ мальтійскаго ордена іоаннистовъ. Дворъ наполнился эмигрантами, а въ Митавѣ проживалъ на наши деньги глава Бурбоновъ, какъ «Людовикъ XVIII». Россія стала душой коалиціи противъ французовъ—и Суво-

ровъ сталъ бить ихъ въ Италіи (1799). Но вдругъ Павелъ разсорился съ союзниками и даже заключилъ союзъ съ консуломъ Бонапартомъ и снаряжалъ экспедицію въ Индію, а пока захватилъ Грузію. Такъ вызывалась борьба съ Европой, Портой и Персіей; а внутри развились неурядицы. Все трепетало отъ возроставшихъ строгостей и противорѣчій, не исключая наперсниковъ. Тяжело становилось положеніе и дѣтей государя, воспитанныхъ Екатериной II, особенно старшаго, Александра, котораго бабушка думала сдѣлать своимъ наслѣдникомъ. Росло число недовольныхъ. Къ нимъ принадлежали даже такіе царедворцы, какъ Беннигсенъ, братья Зубовы, Паленъ и Кутайсовъ. Они находились въ сношеніяхъ съ англійскимъ посланникомъ Уитвортомъ. 11-го марта 1801 г., Павелъ «скончался скоропостижно апоплексическимъ ударомъ», какъ гласитъ рескриптъ.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Культура періода преобразованій. Около 1650 –1800.

Земля и населеніе. Въ періодъ преобразованій *границы* Россіи расширились до того, что старая Московія казалась лишь зародышемъ величайшей въ Европѣ имперіи. Но онѣ были неопредѣленны на югѣ. Даже внутри страны межи были шатки: всякій «заѣзжалъ» въ чужія владѣнія, пока не было произведено «генеральное межеваніе», при Екатеринѣ II. Но чѣмъ необъятнѣе становилась Россія, тѣмъ больше чувствовался недостатокъ *населенія*. При Алексѣѣ Михайловичѣ было всего 3 милл. податныхъ; перепись 1741 г. дала $6^1/_2$ милл. душъ, подлежащихъ рекрутчинѣ. До самаго конца все еще гонялись за «пашеннымъ мужикомъ»; казна и частные промышленники перебивали другъ у друга рабочихъ. Оттого-то крѣпостничество не ослабѣвало, а даже усиливалось. Оттого-же и правительство приманивало всякихъ иностранцевъ, кромѣ евреевъ: Екатерина II устроила для завѣдыванія ими «канцелярію опекунства иностранныхъ». Благодаря такимъ мѣрамъ да завоеваніямъ, населеніе возросло подконецъ до 40 милл.

Рѣдкость населенія зависѣла отъ старыхъ причинъ. *Войны* становились обширнѣе и тяжелѣе, захватывая даже моря: одна вторая турецкая, при Екатеринѣ II, поглотила около полмилліона солдатъ. Особенно мучительно для массъ было содержаніе арміи въ мирное время. Солдатчина порождала еще сильное дезертирство, которое, вмѣстѣ съ крѣпостничествомъ, питало разбойничество. «Шатущій людъ» даже при Екатеринѣ II ходилъ отрядами съ пушками и дрался съ царскими войсками. То же продѣлывало могущественное нищенство. Массу населенія истребляли мятежи, которые не разъ переходили въ обширные бунты. Погибало еще множество раскольниковъ отъ преслѣдованій. Наконецъ, великую жатву собирали *неурожаи, пожары, скотскіе падежи и моръ*: чума 1770 г. истребила $^1/_4$ населенія Москвы.

Государство. Основою государства сохранялось самодержавіе. Въ началѣ періода оно получило освященіе закона въ Уложеніи. «Тишайшій» Алексѣй Михайловичъ былъ гораздо властнѣе своего отца: онъ считался даже главой церкви; при немъ цѣлый рядъ приказовъ завѣдывалъ дворцовымъ хозяйствомъ. Провозглашеніе Петра I царемъ было послѣднимъ отголоскомъ народнаго собранія: и самодержавіе утвердилось. Преобразователь освободилъ его даже отъ вліянія церковности: онъ смѣнилъ «облаченіе» на военный мундиръ. Наконецъ царь сталъ императоромъ; и Петръ далъ самодержавію ясное, законное опредѣленіе, заимствовавъ его у абсолютизма Запада. Но Преобразователь, по существу

все еще царь-вотчинникъ, уже считалъ себя первымъ слугой своего народа: онъ освободилъ своихъ подданныхъ отъ мелочей уничиженія и первый отдѣлилъ свой личный кошелекъ отъ казны. Петръ высоко цѣнилъ выборное начало, коллегіальность и вообще «кумпанства». Онъ создалъ «Правительствующій» Сенатъ и Синодъ и мечталъ объ еще болѣе властительномъ верховномъ совѣтѣ.

Управленіе. Управленіе только слагалось въ началѣ періода. Законодательства почти не было. Уложеніе Алексѣя напоминало старые Судебники. Боярская дума имѣла мало законодательнаго значенія; и къ 1700-му году она умерла собственною смертью. Земскіе соборы были только при Алексѣѣ, и то случайно, и только въ началѣ царствованія. Приказы также падали, ставши окончательно игрушкой корыстныхъ и бездарныхъ дьяковъ и особенно подъячихъ: тогда-то «московская волокита» вошла въ пословицу. Въ руки приказныхъ перешло и областное управленіе: выборное начало исчезало, а съ нимъ падала и сельская община. Алчность и жестокость воеводъ доводили народъ до мятежей. Наверху уже передъ Петромъ I видѣли недостатки управленія: дѣлались попытки обуздать воеводъ и сократить приказы.

Но Петръ первый понялъ необходимость систематическихъ учрежденій или «присутственныхъ мѣстъ», притомъ съ «коллегіальностью» или сотовариществомъ, съ выборнымъ началомъ и съ замѣной «кормленья» жалованіемъ. Къ 1709 г. приказный строй развалился. На его мѣстѣ явился прежде всего новый областной строй. Губернская реформа Петра I ограничивала воеводъ и губернаторовъ выборными ландратами. Затѣмъ было преобразовано высшее центральное управленіе. Боярская дума была замѣнена сначала «ближнею канцеляріей», потомъ сенатомъ. Затѣмъ коллегіи нанесли окончательный ударъ старинѣ; онѣ отличались отъ шведскихъ только тѣмъ, что были менѣе самостоятельны, какъ исполнительные органы сената. Но Петръ не добился полнаго сосредоточенія и упорядоченія управленія. И законовъ все еще не было, несмотря на всѣ его старанія. Наверху видѣли эти недостатки: отсюда развитіе разныхъ проектовъ. Попытки реформъ особенно замѣтны въ высшемъ управленіи: таковы верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, конференціи при государѣ. Но эти учрежденія быстро исчезали въ борьбѣ съ величавымъ сенатомъ, который Екатериной II былъ обращенъ въ высшую судебную инстанцію. При Екатеринѣ же измѣнилось областное управленіе, благодаря учрежденію о губерніяхъ, которое поставило подлѣ мѣстныхъ властей цѣлую систему учрежденій. Тутъ важно было и то, что отчасти опять вводилось выборное начало, и гражданская власть отдѣлялась отъ военной.

Финансы. Финансы были самымъ больнымъ мѣстомъ Россіи. Расходы не соотвѣтствовали силамъ страны. Въ началѣ періода изобрѣтались новые налоги и монополіи, да возстановлялись откупа, портилась монета. Но дѣлались и улучшенія: натуральныя повинности замѣнялись оброкомъ, мелкія пошлины — общею «рублевою»; косвенные налоги падали передъ прямою податью, которая стала около 1680 г. «подворною», благодаря дворовой переписи. Но вообще финансы еще покоились на старыхъ началахъ—вотчинномъ и земельно-сословномъ. Петръ ввелъ новыя начала своею губернскою реформой, которая была въ сущности военно-фискальной мѣрой такъ же, какъ и коллегіи. Но казна находилась въ такой нуждѣ, что Преобразователю приходилось заботиться только объ ея наполненіи всяческими средствами. «Фискалы и прибыльщики» не щадили ничего для этого. Развивали откупа, монополіи, всякіе косвенные сборы. Сверхъ «табельныхъ» (окладныхъ) ввели «запросные» (чрезвычайные) сборы. Портили монету до того, что курсъ ея палъ наполовину. Но всѣ мелкіе «приборы» продолжали стремиться къ сліянію въ одну крупную подать. Стали дѣлать переписи—и явилась подушная подать. Послѣ Петра не было

лучше. При бироновщинѣ рубль палъ еще ниже; а недоимки возросли до того, что ихъ взыскивали до 1861 г. Чиновникамъ приказывали «довольствоваться по старому отъ дѣлъ». При Елизаветѣ ввели даже лотерею; и все-таки царица собиралась продавать свой гардеробъ. При Петрѣ III явился уже банкъ для производства бумажекъ; а при Екатеринѣ II возникли ассигнаціи, число которыхъ дошло до 150 милл., при 25 милл. дохода и 80 милл. расхода; да еще дѣлались займы заграницей.

Войско. Войско особенно подверглось преобразованіямъ. Уже съ начала періода стали выдвигаться «непремѣнныя» и пѣшія войска. Сюда относились прежде всего стрѣльцы; но они были лишь переходомъ къ европейской арміи и скоро исчезли. Подлѣ нихъ уже при Алексѣѣ явились «солдаты» и «рейтары» изъ охочихъ людей, на царскомъ жалованьи, съ иностранными офицерами. Изъ этихъ зародышей Петръ развилъ настоящую армію, которая уже прославилась Полтавой. Въ ея основаніе были положены всеобщая воинская повинность и выборное начало при чинопроизводствѣ. Ей былъ данъ прочный воинскій уставъ. Получило болѣе правильное устройство и иррегулярное войско—казаки и инородцы. Былъ созданъ флотъ. Послѣ Петра войско было такъ запущено, что въ мирное время его почти не существовало. Улучшалось только положеніе офицеровъ, особенно благодаря Миниху. При Елизаветѣ, послѣ уроковъ Семилѣтней войны, войско опять начало подниматься, а при Екатеринѣ II оно уже сравнялось съ европейскимъ и прославилось, вмѣстѣ съ возрожденнымъ флотомъ.

Бояре. Высшее сословіе перешло въ періодъ преобразованій въ обновленномъ видѣ. Дворяне или служилые уже при Алексѣѣ Михайловичѣ представляли собой пестрый классъ: тутъ были и потомки князей и бояръ, и дворня царя, и иноземцы, даже крестьяне и холопы. Ихъ отличіемъ было только крѣпостное право; при Өедорѣ помѣстья почти превратились въ вотчины. А высшій слой служилыхъ, боярство, совсѣмъ утратило политическое значеніе: оно стало лишь привиллегированной служней царя. Бояре почти всегда были полковыми воеводами; въ гражданскомъ управленіи орудовали не они, а дьяки. Боярство и само вырождалось: въ 1705 г. среди 52 думцевъ видимъ только 17 старыхъ родовъ или «столповыхъ» фамилій. Да и тѣ были бѣдны и невѣжественны. Ихъ вездѣ забивали «новики», которыхъ называли «промышленниками», т. е. людьми изобрѣтательными, свѣдущими. Отмѣна мѣстничества означала окончательное крушеніе боярства и вообще родового быта. Чинъ, должность совсѣмъ отрывались отъ отечества»; а въ «степеняхъ» Өедора III обозначились, задолго до табели о рангахъ, и гражданскіе чины.

Дворянство. «Табель о рангахъ» Петра I была коренною реформой знати. Это —демократическое начало: замѣняя породу заслугой, табель сравнивала всѣхъ. Она создавала новый верхъ общества, въ видѣ *чиновничества*. Рангъ опредѣлялся мѣстомъ, должностью. И «статская» служба выдвигалась тутъ наравнѣ съ военною. Новый служилый классъ получилъ и новое названіе — *дворянства* или «шляхетства». «Боярство» вымерло окончательно около 1750 г. оставивъ слѣдъ лишь въ словѣ «баринъ». Петръ закрѣпостилъ дворянство на вѣчную службу въ полкахъ и канцеляріяхъ, съ обязательнымъ обученіемъ. За это ему были даны внѣшнія преимущества. Оберъ-офицерскій чинъ и VIII классъ давали «потомственное» или «столбовое» дворянство, которое пользовалось внѣшнимъ почетомъ. Дворянамъ жаловались ордена, разрѣшались гербы и титулы: контора «герольдіи» замѣнила Разрядъ. Еще дворянство освобождалось отъ подушной подати; и въ его рукахъ сосредоточивались земли съ крестьянами.

Крестьяне. Крѣпостничество уже въ началѣ періода приняло установленный законный видъ: въ Уложеніи Алексѣя Михайловича видимъ всѣ его условія, съ потомственностью во главѣ. Съ 1670 г. начинается смѣшеніе крѣпостныхъ съ

холопами. Даже у служилыхъ размножалась дворня. Петръ I жалѣлъ крестьянъ и даже наказывалъ жестокихъ помѣщиковъ; но и при немъ развивалось крѣпостничество, обнимавшее уже почти всѣхъ крестьянъ; и все чаще продавались «души» безъ земли. Особенно тяжка была участь заводскихъ крестьянъ. Наверху мысль объ освобожденіи крестьянъ мелькала только у Екатерины II въ молодости: но вожди интеллигенціи (Державинъ, Сумароковъ) возстали противъ нея такъ же какъ и Большая Комиссія. Помѣщикъ пріобрѣлъ государственныя права надъ народомъ: онъ даже ссылалъ мужиковъ въ каторгу, отдавалъ ихъ въ рекруты, подвергалъ пыткамъ. Отсюда побѣги, бунты, разбои, наконецъ, пугачевщина.

Горожане.

Горожанамъ было особенно плохо въ началѣ періода. Посадскіе не могли кормиться своими «промыслишками», а ихъ разсоряли еще службой въ земскихъ старостахъ и въ «вѣрныхъ» или присяжныхъ по казеннымъ сборамъ. Ихъ обирали и воеводы, и приказные, и разбойники. Бѣдняги то разбѣгались, то становились закладнями, то бунтовали. Уложеніе наложило на посадскихъ настоящую крѣпость къ ихъ мѣстамъ, чтобы они не «избывали тягла». Но оно же вводило опредѣленныя низшія сословія, разграничивъ людей «торговыхъ» отъ «пашенныхъ». И уже Нащокинъ положилъ начало муниципальному строю на Руси (1666) и торговому уставу. Петръ I развивалъ выборное начало въ среднемъ сословіи: его магистраты или ратуши (1721) обладали почти царскою властью Екатерина I образовала «Комиссію о коммерціи», которая старалась размножать заводы. Елизавета устроила банкъ для фабрикантовъ и купцовъ и отмѣнила внутреннія таможни. Екатерина II развивала мысль Петра I о торговыхъ компаніяхъ и подняла средній классъ городовымъ положеніемъ: купцы и мѣщане получили право собственнаго суда и управленія въ своихъ городскихъ думахъ.

Духовенство и церковь.

Духовенство подверглось самымъ крупнымъ перемѣнамъ.

Уже при Алексѣѣ духовенство исчезало изъ боярской думы и изъ судовъ. Петръ I отмѣнилъ патріаршество и завелъ монастырскій приказъ—переходная мѣра къ отобранію церковныхъ имуществъ въ казну, т. е. осуществленіе идеала Нила Сорскаго. Синоду (1721) было вмѣнено дѣйствовать въ свѣтскомъ, преобразовательномъ духѣ. Но онъ же взялся за старое «истребленіе ересей». Петръ хотѣлъ щадить раскольниковъ, особенно въ виду ихъ колонизаторскаго значенія. Но Синодъ запугалъ его ихъ распространеніемъ. Тогда въ олонецкихъ лѣсахъ у нихъ возникъ выговскій монастырь, а на Волгѣ, по р. Керженцу, утвердилось другое гнѣздо старовѣрства. Расколъ уже распадался на 22 толка, съ «поповщиной» во главѣ, къ которой присоединилась потомъ «безпоповщина». При Екатеринѣ II возникли скопчество, духоборство и молоканство.

Послѣ Петра и въ церкви настала «конфузія»: при Елизаветѣ преобладала старина, при Аннѣ и Петрѣ III—почти лютеранство. Но вообще развивался основной взглядъ преобразователя: церковь оставалась государственнымъ учрежденіемъ. Затѣмъ были отобраны въ казну церковныя имущества.

Понятія.

Умственное развитіе страны сначала шло медленно: Крижаничъ приписывалъ русскимъ «косный разумъ». Сохранялась стадность, не допускавшая «мнѣній», личности, даже собственной фамиліи. Нетерпимость оставалась религіей массъ и выступала ярче въ виду надвигавшагося западнаго просвѣщенія. Даже малороссійскіе и греческіе грамотѣи, которые считали западныхъ ученыхъ еретиками, были въ глазахъ москвичей зловредными «обливанниками и ляшенками». Тѣмъ болѣе гнушался онъ всѣмъ западнымъ. Московская академія сожигала книги иноземныхъ учителей, а подчасъ и ихъ самихъ. Нѣмецкая Слобода была отведена иностранцамъ, какъ заразный уголъ. Иностранцы страдали въ Москвѣ еще отъ суевѣрій: народъ считалъ науку чертовщиной.

Даже Полоцкій видѣлъ въ естествознаніи «буйство предъ Богомъ». Вѣра въ чорта вполнѣ процвѣтала; и главнымъ вмѣстилищемъ нечистой силы все еще считалась женщина: передъ Петромъ нерѣдко сожигали колдуній и вѣдьмъ. Еще вѣрили снамъ, нашептывали, гадали, носили паузы, скакали черезъ огонь. Господствовалъ и прежній взглядъ на христіанство. Православные не менѣе упорно, чѣмъ раскольники, стояли за всякую внѣшность, отъ трехперстнаго сложенія до бороды. А расколъ—самое наглядное совмѣщеніе нетерпимости съ обрядностью древней Руси: отсюда названія «старовѣрство, старообрядчество».

Но рядомъ крѣпли новыя понятія. Самый расколъ служилъ умственнымъ бродиломъ. Въ его крайнихъ толкахъ возрождались старыя ереси, съ признаками лютеранства. Но важнѣе всего было непреодолимое вліяніе западнаго просвѣщенія. Поворотъ нашей мысли въ эту сторону совершился подъ вліяніемъ южной Россіи. Въ то же время начался наплывъ иностранцевъ, которыхъ вызывали сами правители изъ государственной нужды. При Алексѣѣ уже образовался кружокъ преобразователей, воспитанныхъ Западомъ; а церковный соборъ 1666 г. разгромилъ стоглавый соборъ за то, что онѣ «мудрствовалъ невѣжествомъ своимъ безразсудно и неправедно». Въ Петрѣ I воплотилось новое умоначертаніе Россіи. Онъ внесъ много свѣжихъ понятій уже переводомъ такихъ книгъ, какъ свободомыслящій Пуффендорфъ. А затѣмъ потянулся рядъ «волонтеровъ» на западъ—и уже сочиненія Посошкова оказались критикой взглядовъ Домостроя. То же проповѣдывали такіе владыки, какъ Ѳеофанъ и св. Димитрій.

Послѣ Петра новыя понятія развивались. Но до половины XVIII-го в. имъ приходилось еще выдерживать упорную борьбу со стариной. Сами верховники принадлежали къ «старорусcамъ» по убѣжденіямъ. Ѳеофанъ подвергся нападкамъ со стороны столпа старины, Яворскаго. При Елизаветѣ особенно развивалась религіозная исключительность: синоду была ввѣрена цензура; инородцевъ насильно крестили; всѣмъ евреямъ было велѣно покинуть Россію. Съ Петра III правительство стало терпимѣе; но въ народѣ суевѣрія и ненависть къ наукѣ сохранялись до конца, отчасти даже въ высшемъ обществѣ. Бунтъ москвичей во время чумы 1770 г. былъ направленъ противъ разумныхъ мѣръ врачей, полиціи и митрополита Амвросія. Книги издавались только правительствомъ и не покупались. Но новое направленіе доказало свою крѣпость уже при Аннѣ, когда оно сосредоточилось въ «ученой дружинѣ» Ѳеофана, Кантемира, Татищева, и нѣмцевъ-протестантовъ, которая одолѣла кружокъ Яворскаго и католиковъ. При Елизаветѣ распространилось французское просвѣщеніе. Съ воцареніемъ Екатерины II началось небывалое умственное движеніе. На самомъ верху объявилось вольтерьянство, которое быстро проникало въ общество и даже въ женскую среду. Явились и крайности. Возникъ матеріалистическій кружокъ Радищева и водворялось идеалистическое масонство (1772), душой котораго сталъ Новиковъ. Но подконецъ настала реакція въ самомъ обществѣ. Масоны впадали въ мистицизмъ и громили науку. Разумный національнизмъ превращался въ древнее высокомѣріе.

Просвѣщеніе. Вначалѣ грамотность была такъ мало распространена, что даже многіе птенцы Петра «прикладывали руку»; духовенство и потомъ нерѣдко было безграмотно. Но такое невѣжество вызывало негодованіе въ лучшихъ людяхъ.

Полоцкій и Славинецкій умоляли «царя и могучихъ людей» заводить школы. Морозовъ уже училъ Алексѣя по «нѣмецкимъ» листамъ. Для Никона переводили иностранные учебники. Тогда же прибылъ въ Москву Крижаничъ, на помощь кружку преобразователей: онъ выше всего ставилъ западное просвѣщеніе и требовалъ учить даже дѣвочекъ. При Алексѣѣ уже идетъ борьба между двумя иноземными вліяніями. Самъ царь привлекалъ въ Россію свѣдую-

щихъ иностранцевъ. И Москва становилась неузнаваема. По улицамъ встрѣчались выбритые, короткополые щеголи. На Верху слышался мольеровскій смѣхъ съ иноземною музыкой; у каждаго члена царской семьи завелась своя «книгохранильница». То же у бояръ, которые приглашали иностранцевъ обучать своихъ дѣтей; у нѣкоторыхъ говорили на новыхъ языкахъ. Съ другой стороны, при Алексѣѣ же начали привлекать въ Москву малороссійскихъ ученыхъ и грековъ, во главѣ которыхъ стояли Полоцкій, Славинецкій и братья Лихуды.

Петръ сталъ на сторону западныхъ иностранцевъ. Въ немъ олицетворился духъ новаго времени—германская реформація, свѣткость, жизненная практичность. Таковы его школы и спеціальныя училища для всѣхъ сословій. Помимо школъ, къ просвѣтительнымъ мѣрамъ Петра должно отнести всѣ его дѣла, его собственный примѣръ. Онъ самъ постоянно лично черпалъ изъ источника знаній на Западѣ и увлекалъ къ тому же своихъ сподвижниковъ: ему хотѣлось посылать даже нашихъ женщинъ «за море, въ науку»; его дамы говорили по французски, по нѣмецки и по итальянски. Всюду заводились иностранныя книги или переводы ихъ, наряду съ научно-художественными музеями. Возникла и русская журналистика. Тотъ же смыслъ въ стремленіяхъ Петра замѣнить церковно-славянскій языкъ русскимъ, а церковную азбуку—гражданской и ввести новое лѣтосчисленіе. Отсюда развитіе типографскаго дѣла на европейскихъ началахъ.

Послѣ Петра просвѣщеніе развивалось въ его духѣ. Сначала было сильное нѣмецкое вліяніе, потомъ французское, подконецъ начиналось англійское. Въ высшемъ обществѣ развивались гувернерство и путешествія за границу съ воспитательной цѣлью. Расцвѣтала печать, особенно подъ вліяніемъ журналистики. Размножались библіотеки у помѣщиковъ. Подвигалась и педагогія, хотя медленно, за скудостью средствъ. Явилась академія наукъ съ гимназіей (1725), а при Аннѣ—кадетскій корпусъ. При Елизаветѣ были открыты московскій университетъ и академія художествъ. Но низшее и среднее образованіе ограничивалось лишь планомъ И. Шувалова. Екатерина II поощряла просвѣщеніе посылкой молодежи за границу и собственнымъ меценатствомъ: ея Эрмитажъ становился его очагомъ; въ немъ помѣстились библіотеки Вольтера, Дидро и д'Аламбера. Екатерина сама участвовала въ сатирической журналистикѣ и въ переводахъ. Строилась оконченная Павломъ Публичная Библіотека для помѣщенія Краковскаго книгохранилища. А въ концѣ царствованія общество выступило на смѣну правительства, впавшаго въ реакцію. Всюду заводились типографіи. Масоны, къ которымъ причислялся самъ цесаревичъ Павелъ, дѣлали переводы, устраивали книжныя лавки, библіотеки и училища, лечили народъ, заступались за сектантовъ. Средоточіемъ ихъ было основанное Новиковымъ Дружеское Ученое Общество (1781). Тогда же возникло Вольное Экономическое общество. Академія снаряжала ученыя экспедиціи. Начались публичные курсы. Но планъ Шувалова не былъ исполненъ отъ безденежья.

Тотъ же ходъ развитія видимъ въ литературѣ. И здѣсь церковное начало уступало свѣтскому. Оно замѣтно уже въ работахъ малороссійскихъ ученыхъ; а Ѳеофанъ—уже типъ просвѣщеннаго владыки. При Елизаветѣ же церковная письменность замираетъ. А свѣтская расцвѣтала съ самаго начала. Жажда знанія проявлялась въ переводахъ и учебникахъ, которые издавали малороссійскіе ученые. Она развилась при Петрѣ I, когда явилось множество учебниковъ, а также выступали историческія сочиненія, записки современниковъ и публицистика. Увлеченная наукой мысль пренебрегала поэзіей: народная поэзія обогатилась только раскольничьими стихами да пѣснями о Разинѣ. «Повѣсть» (рыцарскій романъ) питалась почти только переводами. Изъ Малороссіи были занесены вирши, которыя прославляли преобразованія, и Литература.

театръ, который давалъ при Петрѣ I уже переводы Мольера и панегирики, разъяснявшіе реформу.

Послѣ Петра духъ его жилъ и въ письменности. Здѣсь безпрерывно совершалось сліяніе европейской образованности съ національными потребностями. До Екатерины II, и именно при Елизаветѣ, только создавалась *новая русская литература*, подъ прямымъ вліяніемъ Запада. Было множество переводовъ, и уже не на одинъ правительственный счетъ. Но Западъ дѣйствовалъ и непосредственно на отцовъ нашей новой письменности. Кантемиръ, Третьяковскій, Сумароковъ, Ломоносовъ, Татищевъ жили за-границей. Отсюда у нихъ широкій взглядъ и вѣра въ прогрессъ. Они обличали пережитки старины, требовали человѣчныхъ реформъ, съ образованіемъ во главѣ, отстаивали достоинство личности. Они создали основы новой литературы—русскій языкъ, сатиру, журналистику и театръ. Особенно выдвигалась сатира, этотъ лучшій залогъ самосовершенствованія. Слѣды ея обозначились, какъ только пошатнулась древняя Русь; но она опредѣлилась съ Петра. Этотъ возбужденный имъ русскій умъ становился на стражѣ просвѣщеннаго патріотизма въ борьбѣ съ доморощеннымъ невѣжествомъ и съ эгоизмомъ иноземцевъ. Отецъ нашей сатиры, Кантемиръ, человѣкъ, европейски образованный, всей душой стоялъ за идею Петра противъ «квасного» патріотизма и сдѣлался отцомъ «ученой дружины». Сумароковъ громилъ уже и новую язву—рабское подражаніе Западу, обезьянство, создавшее «напудренныхъ скотинъ—петиметровъ». Это направленіе проходитъ по всей нашей письменности XVIII-го в., сосредоточиваясь въ журналистикѣ, которая особенно занималась публицистикой. Оно замѣтно и въ нашемъ театрѣ, созданномъ Волковымъ (1756). Съ Елизаветы выдвигается и научная проза, въ лицѣ Ломоносова и Татищева, которые также обладали публицистической жилкой и больше всего проповѣдовали необходимость образованія.

Съ воцареніемъ Екатерины II умами быстро и сильно овладѣло философское «Просвѣщеніе» Запада. Оно и составляетъ грань, которая дѣлитъ пополамъ 75 л., протекшія со смерти Преобразователя до конца періода. Всякій его новый плодъ немедленно переходилъ къ намъ. При академіи наукъ завелся цѣлый «переводный департаментъ». Непосредственное вліяніе Запада отражалось уже на всѣхъ рѣшительно писателяхъ, начиная съ самой Екатерины II, которая называла себя за «Наказъ» «вороной въ павлиньихъ перьяхъ». Даже «Бригадиръ» Фонвизина заимствованъ у датскаго писателя Гольберга; а для Радищева образцомъ служило «Путешествіе» англичанина Стерна. Русскій душой Новиковъ и масоны прямо подражали Западу во всей своей дѣятельности. Всѣ журналы походили на «Всякую всячину», а она была сколкомъ съ англійскаго «Зрителя». Направленіе сначала было почти одинаковое вездѣ: это—реализмъ или раціонализмъ энциклопедистовъ. Лжеклассицизмъ вдругъ палъ. Письменность превращалась почти въ сплошную сатиру и публицистику, которыя осмѣивали ходульность «одохватовъ» казнили общественные и даже политическіе недуги Россіи. Журналы, процвѣтавшіе въ 1769—1774 годахъ, были по преимуществу сатирическіе. И они стояли уже за русскую самобытность. Сатира вызвала такіе крупные таланты, какъ Капнистъ и Фонвизинъ. То же трезвое направленіе проникало въ драму. Здѣсь, въ отпоръ лжеклассицизму, подражали «мѣщанской трагедіи» Запада, переводили и передѣлывали Шекспира, Шиллера и Гейне, заговаривали о простонародьѣ. Даже въ опереткѣ и балетѣ выступали бытовыя, реальныя и сатирическія черты: нѣкоторые изъ нихъ составлены однимъ крѣпостнымъ, другіе—императрицей. То же видимъ въ повѣсти и романѣ, только-что возникшихъ тогда. Сатирой дышатъ даже многія оды лжеклассика Державина. Увлеченная литературой русская мысль не дала тогда ничего крупнаго въ

наукѣ. Но уже образовались ученые кружки, которые переносили къ намъ французскую, нѣмецкую, даже шотландскую науку и подготовляли самостоятельныя изслѣдованія. Семинаристъ Десницкій, слушавшій Адама Смита, сталъ первымъ русскимъ профессоромъ права; и онъ горячо проповѣдовалъ гласный судъ, равноправность женщины. Но больше всего собирались матеріалы для всесторонняго изученія Россіи.

Къ концу періода просвѣщеніе слабѣло и вырождалось въ литературѣ, какъ и въ обществѣ. Уже въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина проскользнула мысль, что на Западѣ нѣтъ ничего путнаго и что Россіи слѣдовало бы пробавляться собственными силами. Затѣмъ начали громить самого Петра. При Павлѣ реакція росла. Державинъ, вмѣстѣ съ Шишковымъ, отстаивалъ крѣпостничество и московскую Русь. Появились такія книжки, какъ «Вольтеръ изобличенный» и т. п.

Наше искусство переживало ту же самую судьбу. Здѣсь свѣтское вліяніе Запада развивалось даже быстрѣе и очевиднѣе. Уже съ Петра началось полное сліяніе съ европейскимъ художествомъ. Древнія черты сохранялись только въ самомъ началѣ, въ зодчествѣ: «русскій пошибъ» замѣтенъ въ церквахъ до самаго XVIII-го в. Но онъ уже терялъ свою строгость; и уже не создалось такихъ крупныхъ его образцовъ, какъ московскіе соборы. Его лучшими образцами служили лишь дворцы; да и то Кремлевскій дворецъ сталъ хаотической массой отъ «преизрядныхъ обновленій». Только Коломенскій дворецъ представлялъ предсмертную красу искусства древней Руси. Но и это «осьмое диво» было капризной «игрушкой», лишенной соразмѣрности и порядка; притомъ внутри оно было обряжено иноземцами совсѣмъ по европейски. Здѣсь живопись (тогда и возникло это слово) почти вся иностранная, свѣтская, которая даже проникала въ иконопись, какъ «фряжское письмо». Западное вліяніе сквозило даже въ гравюрахъ и лубкахъ. Наша неглубокая рѣзьба замѣнялась нѣмецкой «фигурной» (обронною) въ стилѣ Возрожденія. Вліяніе Запада сказывалось даже въ музыкѣ и пѣніи. Уже при Алексѣѣ явились европейскіе инструменты и нарядные малороссійскіе «спѣваки», которые пѣли не по крюкамъ, а по «линіямъ» (нотамъ), да по «книжкамъ и тетрадкамъ» польской Руси. Около 1700 г. крюки, какъ и древняя иконопись, становятся достояніемъ однихъ старовѣровъ. **Искусство**

Съ Петра I исчезаетъ путаница переходнаго времени. Наше искусство совсѣмъ сливается съ западнымъ и даже переходитъ въ руки иностранцевъ. Въ зодчествѣ возобладалъ стиль «барокъ» или «причудливый», который при Елизаветѣ слился съ пышнымъ «рококо». Но многое строилось и въ стилѣ Возрожденія. Заботы правительства о созданіи отечественныхъ художниковъ сосредоточивались сначала на академіи наукъ (тамъ было отдѣленіе живописи и ваянія), а съ Елизаветы—на академіи художествъ. Но здѣсь ученики иностранцевъ же рѣдко поднимались выше уровня подражателей и ремесленниковъ. Особенно не давались намъ ваяніе и зодчество; больше успѣховъ было въ живописи, и именно портретной. Наши гравюры развивали попреимуществу лубочное дѣло; но и тутъ зачастую видимъ лишь перепечатку иностранныхъ произведеній. Свѣтское пѣніе развивалось наверху, благодаря иностраннымъ учителямъ и итальянской оперѣ, которая явилась при Аннѣ. При Екатеринѣ II начали обращать вниманіе и на народные напѣвы. Тогда же синодъ издалъ первыя наши печатныя нотныя книги для богослуженія, которыя служатъ до сихъ поръ. Музыка переходила къ намъ цѣликомъ изъ Европы; особенно привилась опереточная и балетная.

Внѣшній бытъ подвергся сильнымъ измѣненіямъ съ Петра I, подъ прямымъ вліяніемъ Запада, но только въ городахъ и въ высшемъ кругу. Сельская жизнь до конца оставалась, въ главномъ, прежнею. Больше движенія **Внѣшній бытъ.**

замѣчалось въ промыслахъ и торговлѣ. Уже сначала періода возникли такіе приказы, какъ Аптекарскій, съ особыми садами, и Золотого и Серебрянаго дѣла. Торговля росла даже съ Китаемъ, въ особенности же съ англичанами и голландцами. Улучшались пути сообщенія: при Алексѣѣ возникла почта для писемъ на Ригу; въ Европу стали ѣздить сухимъ путемъ. Но еще продолжалась монетная неурядица: по-прежнему считали на рубли, гривны и алтыны, а на дѣлѣ ходили только плохія серебряныя «копѣйки» да «деньги»; опасный опытъ съ мѣдной монетой вскорѣ бросили. Особенно быстро измѣнялся бытъ двора и бояръ. При Софьѣ наверху уже видимъ почти весь западный блескъ внѣшности—стекло, зеркала, кресла, стулья, часы, туалетныя вещи. Такіе вельможи, какъ Василій Голицынъ, ѣздили въ каретахъ, стригли волосы, брили бороды и одѣвались по польски.

Великое значеніе Петра I наглядно сказалось въ матеріальномъ развитіи Россіи. Онъ много сдѣлалъ для путей сообщенія: явилась должность генералъ-почтмейстера. Въ дѣлѣ проведенія каналовъ русскіе опередили даже своихъ учителей. Петръ положилъ основаніе нынѣшней монетной системѣ, съ присоединеніемъ къ серебру золота и мѣди. Онъ положилъ много труда на подъемъ промышленности, хотя меркантилизмъ и фискальство подрывали дѣло. Вдругъ выросла цѣлая система заводовъ и фабрикъ, хотя больше казенныхъ. Особенно много было сдѣлано для горной промышленности. Бытъ двора, вельможъ и богачей окончательно слился въ Петербургѣ, съ бытомъ Запада.

Послѣ Петра менѣе всего было сдѣлано для сельскаго хозяйства и для крестьянъ, такъ какъ развивалось крѣпостничество. Вниманіе правительства сосредоточивалось на промышленности, которая постепенно оживлялась, особенно съ Елизаветы. Она покровительствовала также торговлѣ. При Екатеринѣ II улучшались пути сообщенія, строились новые каналы; и въ Средиземномъ морѣ появился первый купеческій корабль изъ Россіи. Почта приняла европейскій видъ; впрочемъ, она ходила только между столицами и Кіевомъ. Принимались мѣры для окончательнаго упорядоченія монеты, мѣръ и вѣсовъ; фунтъ сократился до 96 золотниковъ, верста—до 500 саженей. По провинціямъ явились лекаря, больницы, аптеки, школы, полиція, даже типографіи. Были заведены казенные магазины для удешевленія хлѣба. Сибирь, куда прежде привозили хлѣбъ изъ Россіи, стала сама прокармливаться. А внѣшній бытъ двора и высшаго общества старался уже перещеголять Западъ роскошью обстановки и особенно нарядовъ.

Значеніе періода. Пятый періодъ русской исторіи (1650—1800) имѣетъ великое значеніе въ судьбахъ всего человѣчества. Тогда родилась наша *новая* исторія, смыслъ которой состоитъ въ усвоеніи западной гражданственности; тогда Россія превратилась изъ азіатской державы въ *европейскую*. Еще одинъ народъ вошелъ въ русло общечеловѣческаго развитія. Посрединѣ пятаго періода, какъ и въ четвертомъ, стоитъ высокимъ переломомъ исключительная личность. Но изъ сравненія Великаго императора и Грознаго царя вытекаетъ глубокая разница между двумя порами въ жизни русскаго народа. Иванъ IV не выдержалъ борьбы новыхъ началъ съ заматерѣлыми пережитками: онъ быстро бросилъ преобразованія, даже ушелъ, въ отчаяніи, отъ своего народа. И его царствованіе осталось кровавымъ пятномъ въ лѣтописяхъ древней Руси. Петръ I раздавилъ «змія» косной старины, вѣруя въ силы своего народа, съ которымъ онъ сливался, какъ простой труженикъ. Если онъ уходилъ, то не въ глухую слободу, а въ дѣловую Европу, за сѣменами новой, лучшей жизни. И заслужилъ онъ міровое безсмертіе: не только для Россіи, но и для Запада, онъ остался идеаломъ честнаго генія, образцомъ власти, сознающей свое предназначеніе —быть орудіемъ прогресса.

Дѣло Петра вышло примѣрнымъ и плодотворнымъ, потому что въ основѣ его лежало *просвѣщеніе*. А при наличности болѣе развитыхъ народовъ путь къ нему одинъ—подражаніе старшимъ участникамъ прогресса. Русскіе уже съ начала пятаго періода ломились въ двери Европы, несмотря на всякія препятствія. Дѣла Алексѣя и Ѳеодора были малой программой великаго преобразователя. Софья была представительницей старины только по своему политическому положенію передъ Петромъ: она боролась съ патріархомъ за новое, хотя и быстро устарѣвшее образованіе; она тѣснила стрѣльцовъ и раскольниковъ. И Петръ былъ сыномъ своей страны. Его цѣлью было поскорѣе избавить русскихъ отъ неизбѣжной опеки иностранцевъ; его преобразованія были плодомъ опыта и сдѣлокъ съ мѣстными условіями. Онъ былъ лишь геніальнымъ истолкователемъ потребностей своей націи. Отсюда прочность и воспитательное значеніе его дѣла: оно развивалось даже при всѣхъ его преемникахъ.

Стремленіе къ просвѣщенію проходитъ красною нитью по всему пятому періоду. Самую блестящую сторону той поры составляетъ *умственное* развитіе, подъ разными западными вліяніями. Петръ наскоро бралъ культуру, по сосѣдству, у нѣмцевъ; а у нихъ былъ только профессіонализмъ, т. е. одни прикладныя ремесленныя знанія, что и требовалось намъ тогда. Затѣмъ Россія почувствовала потребность въ теоріи, въ литературно-научномъ образованіи, а также въ развитіи общественности; а это могла дать только Франція: отсюда смѣна у насъ нѣмецкаго вліянія французскимъ. Силой этихъ вліяній измѣряется даровитость русскаго человѣка. Едва Петръ внесъ западное просвѣщеніе, какъ явился Ломоносовъ, эта европейская знаменитость въ наукѣ. Лишь только стали знакомиться съ иностранными книгами, какъ зародилась богатая литература во всѣхъ родахъ. Благодаря переводамъ, къ концу періода Россія усвоила главные плоды вѣкового умственнаго развитія Европы, а въ журналистикѣ превзошла всѣхъ. Съ Анны показались даже признаки зрѣлости въ литературѣ—умная сатира, стремленіе къ народности и реализмъ. Послѣдній сохранялся даже при наставшей реакціи: онъ подходилъ къ складу русскаго ума.

Менѣе значительна разница между новою и старою Россіей въ *политикѣ*. Она замѣтна больше во внѣшнихъ дѣлахъ. Тутъ даже измѣнилась задача. Россія повернулась лицомъ къ Западу: выдвинулись вопросы польскій, шведскій и «восточный» въ смыслѣ турецкой райи. Россія стала звеномъ въ цѣпи международной «системы» Европы, а съ Елизаветы начала вліять на судьбу Германіи. Она даже возвысилась до званія «имперіи» и «великой державы». Но наша внутренняя политика измѣнилась больше по виду, чѣмъ по содержанію. Виной тому были попрежнему обширность, разноплеменность и военное положеніе государства. Выборное начало вышло неудачнымъ. Управленіе улучшилось только въ смыслѣ внѣшняго благоустройства, особенно подконецъ; да и то провинціальное управленіе еще напоминало древнюю Русь. Но сознаніе необходимости коренного преобразованія и тутъ проходитъ по всему періоду. Это преданіе освящено именемъ геніальнаго «труженика на тронѣ», который желалъ, чтобы всѣ «тянули въ гору» заодно съ нимъ. Каждый новый правитель обѣщалъ «идти по стопамъ Петра Великаго»; о рѣшительномъ поворотѣ къ старой Руси никто не думалъ.

Главная бѣда была въ медленности *нравственнаго* развитія. Церковь измѣнилась только по формѣ: и православіе распространялось слабо, а секты росли. Нравы смягчались только наверху, и лишь съ Елизаветы, подъ французскимъ вліяніемъ: этому мѣшало крѣпостничество. Вообще сохранялось первобытное разъединеніе, отсутствіе общественнаго духа. Отсюда печальная судьба выборнаго начала и частнаго почина, о которыхъ такъ заботился

Петръ I. Всякій взывалъ къ правительству, требовалъ себѣ особыхъ правъ и вспоможеній отъ казны. При такихъ нравахъ, не могло быть глубокихъ измѣненій въ *общественномъ* строѣ. Знать, претворенная Петромъ изъ боярства въ дворянство, не образовала крѣпкаго сословія, при всѣхъ своихъ льготахъ. Купцы и мѣщане были еще менѣе развиты, даже безграмотны. Въ концѣ періода только разсуждали о созданіи «третьяго чина». Духовенство не могло вліять на народъ нравственно, вслѣдствіе своего невѣжества и нищенства. Положеніе крестьянъ было тяжело. Отсюда мысль объ *освобожденіи крестьянъ*, которая перешла въ XIX-й вѣкъ главнымъ завѣтомъ пятаго періода.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Девятнадцатый вѣкъ.

Александръ I. Тріумвиратъ. Казалось, съ этого завѣта прошлаго вѣка, съ раскрѣпощенія народа, и суждено было начаться XIX-му вѣку въ Россіи. Въ 1801 г. воцарился просвѣщенный питомецъ «якобинца» Лагарпа, кроткій юноша съ идеальными стремленіями, Александръ I. Онъ хотѣлъ быть философомъ на престолѣ и «управлять по законамъ и по сердцу своей бабки». Но печальные раздоры въ семьѣ и страхъ предъ отцомъ развили въ немъ скрытность, подозрительность и нерѣшительность. Его одушевляло желаніе поскорѣе осуществить свой идеалъ коренныхъ преобразованій. Явился «тріумвиратъ» подобныхъ же молодыхъ сподвижниковъ Александра. То были: англоманъ Новосильцевъ, франкофилъ Строгановъ и полякъ Адамъ Чарторижскій. Старорусcы называли тріумвиратъ «комитетомъ общественнаго спасенія», припоминая господство якобинцевъ въ Парижѣ. Но кружокъ, совѣщавшійся съ Лагарпомъ, думалъ просто о преобразовательной идеѣ, которая принимала тогда новую форму: къ французскимъ вліяніямъ присоединялось вліяніе Англіи. Тріумвиратъ называли «англоманами» или «либералами».

Преобразованія. Тотчасъ начались коренныя преобразованія. Возникъ *государственный совѣтъ* (1801)—не прежній, а какъ правильное, постоянное учрежденіе, подъ личнымъ предсѣдательствомъ царя, для обсужденія главныхъ дѣлъ и законопроектовъ. Казалось, воскресла мысль Петра I о коллегіальности. Тогда же подняли значеніе сената, давъ ему право обжалованія законовъ и указовъ, которымъ пользовались французскіе парламенты. Но вслѣдъ затѣмъ были уничтожены самыя коллегіи: ихъ замѣнили *министерства* (1802). По формѣ, это сближало Россію съ Западомъ, но на дѣлѣ министерства были тѣ же коллегіи, только безъ петровской коллегіальности. Министры не составляли единодушнаго, однороднаго «кабинета» съ своею программой; не было даже совѣта министровъ. Затѣмъ была отмѣнена тайная канцелярія, и были смягчены уголовныя кары. Ослабили цензуру, разрѣшили частныя типографіи, дозволили ввозъ иностранныхъ книгъ и выѣздъ за-границу. Были возстановлены права дворянства, духовенства и городскихъ думъ, дарованныя Екатериной II. Было стѣснено крѣпостничество, особенно въ Остзейскомъ краѣ, Относительно раскольниковъ была возвѣщена «терпимость». Рыли каналы, давали льготы торговцамъ, привлекали льготами переселенцевъ изъ Германіи и Румыніи, поднимали черноморскіе города. Осуществили и образовательный планъ Екатерины II: возникли учебные округа, гимназіи, уѣздныя и приходскія училища, педагогическіе институты, царскосельскій лицей, разныя спеціальныя школы. По примѣру Германіи, явился хорошій университетскій уставъ

(1808), и были основаны университеты въ Харьковѣ, Казани, Вильнѣ и Дерптѣ. Рядомъ были устроены духовныя академіи, семинаріи и духовныя училища. Исполнилась мысль Екатерины о кругосвѣтномъ плаваніи.

Первыя войны.

Все это совершалось среди почти постоянныхъ войнъ, вызванныхъ Бонапартомъ. Напрасно Наполеонъ предлагалъ Александру дружбу, увѣренный, что Франція и Россія не могутъ враждовать уже въ силу географическаго положенія. Царь поддерживалъ требованія Павла въ пользу ненужныхъ намъ Неаполя и Сардиніи, а самъ думалъ осуществить греческій проектъ своей бабки. Подстрекаемый англичанами и «старорусcами», которые ненавидѣли Наполеона, какъ «исчадіе революціи», онъ поднялся на защиту нѣмцевъ. Его первая война съ Бонапартомъ, въ союзѣ съ Австріей, окончилась пораженіемъ Кутузова подъ *Аустерлицемъ* (1805), вторая, въ союзѣ съ Пруссіей, привела къ тяжелой нерѣшительной битвѣ у *Эйлау* и къ разгромленію Беннигсена подъ *Фридландомъ*. Такъ какъ тогда же мы вели войну съ Портой, поднятой Наполеономъ, то пришлось заключить миръ въ *Тильзитѣ* (1807), который на время измѣнилъ нашу политику.

Потерявшій вѣру въ союзниковъ и обвороженный Наполеономъ Александръ сталъ другомъ геніальнаго завоевателя, который предложилъ ему подѣлить міръ: Франціи—Европа, Россіи—Турція, Финляндія и Востокъ. Россія обязывалась еще помогать Наполеону въ усмиреніи Англіи, выславъ войска въ Индію и приставъ къ континентальной системѣ, т. е. прекративъ торговлю съ Великобританіей. Наконецъ, она признала герцогство Варшавское, созданное Наполеономъ изъ польскихъ владѣній Пруссіи. Такъ, Россія была приведена къ войнамъ съ Англіей, Швеціей, Турціей и Персіей. По миру въ *Фридрихсгамѣ* (1809), мы получили всю Финляндію до р. Торнео. А по миру въ *Бухарестѣ* (1812) Турція уступила намъ Бессарабію. Тогда же мы отстояли Грузію отъ притязаній Персіи.

Не смотря на эти выгоды, дружба съ Франціей вскорѣ разстроилась. Ни Россія, ни Франція не исполняли своихъ обѣщаній вывести войска изъ Молдавіи и Пруссіи. Александръ защищалъ своихъ родственниковъ въ Германіи, тѣснимыхъ Наполеономъ, который даже отнялъ герцогство Ольденбургское для довершенія континентальной системы. При новой войнѣ Бонапарта съ Австріей (1809), онъ скорѣе поддерживалъ Габсбурга, чѣмъ своего союзника. Въ 1810 г. Россія дозволила привозъ англійскихъ товаровъ и запретила ввозъ французскихъ; и ея войска придвигались къ Вислѣ.

Сперанскій.

Преобразованія и войны привели къ великой всеобщей тягости и къ недовольству. Русскіе жаловались сначала на трату своихъ силъ ради нѣмцевъ и англичанъ, потомъ—ради французовъ. Герцогство Варшавское казалось имъ возстановленіемъ Польши. Всѣхъ тяготило слѣдствіе континентальной системы—застой въ торговлѣ, который довелъ нашъ рубль до четвертака, при массѣ ассигнацій. А при всеобщей дороговизнѣ, бѣдные чиновники должны были прибѣгать къ взяточничеству и казнокрадству. Преобразованія прививались плохо—и тріумвиратъ распался. Но правленіе перешло въ надежныя руки Сперанскаго (1809).

Сперанскій—первый истинно государственный человѣкъ въ Россіи. Этотъ семинаристъ всѣмъ былъ обязанъ своимъ дарованіямъ, трудолюбію и скромному, но твердому нраву. Онъ отличался находчивостью въ дѣлахъ, умѣніемъ обобщать и придавать форму идеямъ, смѣлостью и энергіей въ широкой постановкѣ вопросовъ. Онъ сталъ единственнымъ повѣреннымъ и помощникомъ царя во всемъ. При немъ развилась преобразовательная дѣятельность Александра. Но англійское вліяніе смѣнилось французскимъ. Сперанскій былъ поклонникомъ Монтескье и Наполеонова кодекса. Сперанскій представилъ планъ преобразованія всего государственнаго строя, основанный на идеѣ всеобщаго подчиненія либеральнымъ

законамъ. Императоръ Александръ оставилъ этотъ планъ въ тайнѣ, рѣшивъ исполнять его незамѣтно, по частямъ. Въ 1810 г. открылся *государственный совѣтъ*, (по образцу Наполеоновскаго), который существовалъ до тѣхъ поръ лишь по имени. Онъ получилъ значеніе, которое Петръ I хотѣлъ придать сенату: онъ заготовлялъ проекты законовъ и указовъ, а также разсматривалъ отчеты министровъ. Но дальнѣйшая реформа высшаго управленія оставалась на бумагѣ: государственный совѣтъ опасался, что она произведетъ смуту.

Сперанскій первый объяснилъ, что ассигнаціи—государственный долгъ и что ихъ нужно постепенно истреблять. Для этого онъ завелъ *комиссіи погашенія долговъ*, сократилъ расходы и увеличилъ на годъ подать съ крѣпостныхъ. Былъ пониженъ иностранный тарифъ: Сперанскій, изучавшій Адама Смита, былъ сторонникомъ свободной торговли. Чинъ коллежскаго асессора (VIII классъ), дававшій потомственное дворянство, былъ связанъ съ университетскимъ дипломомъ или съ особымъ экзаменомъ. Наконецъ, Сперанскій вступилъ въ *законодательную комиссію*, гдѣ быстро повелъ дѣло, положивши въ его основаніе Наполеоновъ кодексъ.

Низверженіе реформатора. Такія важныя реформы не могли привиться сразу, особенно при отсталости общества. Это колебало довѣріе царя къ Сперанскому, у котораго была масса враговъ. Была возвышена подать съ государственныхъ крестьянъ и съ горожанъ, а также поднята цѣна соли и гербовой бумаги; пониженіе же тарифа подрывало заводчиковъ. Экзаменъ на чинъ озлоблялъ мелкое полуграмотное дворянство. Но больше всего роптали властолюбцы, съ Аракчеевымъ во главѣ, да знать, начиная съ министровъ, которые не хотѣли подчиняться государственному совѣту. Помѣщики опасались за крѣпостничество. Московскіе «старорусcы» переименовались въ партію «патріотовъ», роптавшую на выскочку, который не якшался съ ними и раскрылъ ихъ плутни въ питейномъ откупѣ. Они начали открыто говорить объ его «измѣнѣ» въ пользу Наполеона. Главнымъ выразителемъ этого взгляда выступилъ Карамзинъ, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», гдѣ отстаивалась старина и осмѣивались мѣры «экс-якобинца». Къ патріотамъ примкнули затронутые Сперанскимъ іезуиты. Посыпались безыменные доносы на «тайнаго иллюмината». Императоръ Александръ сослалъ своего помощника въ Нижній (1812), жалуясь, что ему «отняли правую руку». Шли новые доносы—и «вреднаго человѣка» отправили въ Пермь.

Борьба съ Наполеономъ. Сперанскій палъ жертвой ненависти «патріотовъ» не только къ преобразованіямъ, но и къ Франціи. Отъ нихъ жутко приходилось французскому посольству въ Петербургѣ. Разрывъ съ Наполеономъ становился неизбѣженъ. Въ апрѣлѣ 1812 г. Александръ I послалъ ему ультиматумъ и отправился въ главную квартиру, въ Вильну. «Русскій походъ» Наполеона знаменитъ, прежде всего, своими сюрпризами. Мы рвались въ бой самоувѣренно, а пришлось отступать. Наполеонъ создалъ геніальный планъ, чтобы избѣгнуть ошибки Карла XII, а долженъ былъ углубиться въ Россію. Невольное отступленіе спасло русскихъ: гоняясь за ними, Наполеонъ потерялъ больше людей, чѣмъ при отступленіи изъ Москвы. Наполеонъ надѣялся повести на насъ всю Европу, кромѣ Англіи, а ему измѣнили шведы и австрійцы. Подъ Смоленскомъ онъ думалъ задать намъ Аустерлицъ, а оказалось, что то былъ тяжкій бой съ однимъ нашимъ аріергардомъ. Подъ Бородинымъ бойцы были почти въ равномъ числѣ, и Бонапартъ распоряжался блистательно; а полупобѣда досталось ему со страшными потерями, и лишь благодаря грубымъ ошибкамъ Кутузова. Наконецъ, русскіе проявили такой же патріотизмъ, какъ испанцы, и у нихъ оказался могучій союзникъ—природа страны. А Наполеонъ, не зная ихъ, губилъ себя ожиданіемъ ихъ покорности. Оттого онъ, уже истощенный, потянулся изъ Москвы, и это отступленіе превратилось въ доблестное, но ужасное бѣг-

ство. «Великая армія» исчезла: за Нѣманъ возвратилось, изъ полумилліона бойцовъ и 1,350 орудій, 1,000 человѣкъ съ 9 пушками.

Но и русскимъ было тяжело: Кутузовъ взывалъ къ миру; и его поддерживало общественное мнѣніе. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что «прочный миръ можетъ быть подписанъ только въ Парижѣ», и 1/13 января 1813 г. русскіе перешли границу. Они не разъ были разбиты «издыхающимъ львомъ», даже послѣ присоединенія къ нимъ пруссаковъ. Это заставило Австрію примкнуть къ нимъ; но всѣ потерпѣли жестокое пораженіе подъ Дрезденомъ. Они уничтожили Наполеона, у Лейпцига, только тогда, когда могли задавить его численностью своихъ войскъ. Сами союзники измучились и желали мира. «Кампанія во Франціи», въ 1814 г., покрыла Наполеона новою славой: но число и тутъ взяло верхъ. Союзники явились въ Парижъ и возстановили Бурбоновъ, хотя вопреки Александру, который считалъ ихъ «неисправимыми» и заставилъ ихъ дать французамъ конституціонную хартію. Въ 1815 г., когда, послѣ Ватерлоо, Наполеонъ былъ окончательно уничтоженъ, Императоръ Александръ снова великодушно спасъ французовъ отъ корыстныхъ притязаній союзниковъ и поставилъ имъ либеральное министерство своего друга, Ришельё, бывшаго правителя Одессы.

Либерализмъ и мистицизмъ.

Либерализмъ юности еще проявлялся у Александра Павловича въ желаніи завершить свои преобразованія. Но у него уже не было помощниковъ, кромѣ просвѣщеннаго Каподострія, но это былъ грекъ, мечтавшій о возрожденіи Эллады, и онъ руководилъ только иностранными дѣлами. Александръ даровалъ полякамъ конституцію. Съ этою цѣлью было образовано изъ герцогства Варшавскаго *Царство Польское*, вопреки другимъ державамъ. Затѣмъ была остановлена интрига іезуитовъ, которые уже начали обращать «старорусовъ» въ католицизмъ, увлекая ихъ, какъ опоры старины и реакціи. Патеры были высланы, вмѣстѣ съ ихъ вдохновителемъ, ловкимъ сардинскимъ графомъ де-Местромъ. Католическая церковь въ Россіи была окончательно подчинена императору. Наконецъ, Александръ I опять взялся за освобожденіе крестьянъ. Онъ довершилъ его въ Остзейскомъ краѣ (1819) и велѣлъ составить планъ отмѣны крѣпостничества въ остальной Россіи. Онъ торопилъ съ окончаніемъ свода законовъ и довершилъ свои заботы о просвѣщеніи открытіемъ университетовъ въ Або, Варшавѣ и Петербургѣ (1819), а также лицея въ Одессѣ.

Но рядомъ съ послѣдними проблесками либерализма шли попытки реакціи, которыя все усиливались. То былъ плодъ новаго направленія, овладѣвшаго тогда и обществомъ, и правительствами даже на Западѣ. Послѣ бурь революціи и имперіи, всѣми овладѣвало утомленіе. Всѣ вдавались въ мистику да въ сентиментальный романтизмъ; совершались даже чудеса «магнетизеровъ». Всѣ искали «покоя», который и былъ названъ Меттернихомъ «основой современной политики». Этотъ переломъ произошелъ въ душѣ Императора Александра еще въ 1812 г.. подъ вліяніемъ ужасовъ «отечественной войны». 1815-й годъ окончательно смутилъ его. Онъ сталъ посѣщать за границей мистиковъ и подвергся вліянію рижской баронессы Крюденеръ, которая считала себя пророчицей и была въ связяхъ съ парижскою знатью. Тутъ же онъ сблизился съ мистикомъ Голицынымъ, который радовался его новому пути. Въ этомъ кружкѣ Императоръ Александръ измыслилъ планъ *Священнаго Союза* (1815), чтобы «слѣдовать согласно съ истинами вѣчной религіи» и патріархально править народами. Меттернихъ превратилъ этотъ Союзъ въ орудіе крайняго абсолютизма и «реставраціи» старины, во главѣ которой стали «восточныя державы» — Россія, Австрія и Пруссія. И самъ Александръ I увлекся этою ролью.

Реакція.

Императоръ Александръ съ ужасомъ видѣлъ плоды войны — обнищаніе страны, страшное казнокрадство. Его возмущали успѣхи коварныхъ іезуитовъ·

Онъ, подобно Грозному, сталъ презирать своихъ и склоняться къ иностранцамъ, да полякамъ. А поляки отвѣчали ему недовѣріемъ, хотя намѣстникъ, Константинъ Павловичъ, отказался отъ престола, чтобы жениться на полькѣ: они мечтали о старой Рѣчи Посполитой. Когда ввели строгую дисциплину въ войскахъ и мѣры обрусенія, когда установили цензуру и закрыли масонскія ложи, поляки начали составлять тайныя общества. Недовольство поддерживалъ Чарторижскій, обиженный тѣмъ, что его не сдѣлали вице-королемъ. А русскіе «патріоты», поддерживаемые іезуитами, все сильнѣе негодовали на «полонофильство» и «якобинство» царя. Карамзинъ снова выступилъ съ своими наставленіями, что отразилось и на его «Исторіи» (1818). Архимандритъ Фотій вѣщалъ тоже именемъ «Откровенія». Александромъ овладѣли равнодушіе ко всему и жажда самоотреченія; онъ сталъ уединяться. Каподистрія замѣнилъ другъ Меттерниха, Нессельроде. Внутреннія дѣла перешли къ Голицыну, который сталъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Онъ развивалъ «благочестіе и страхъ Божій», съ помощью Крюденера и Библейскаго Общества. Но важнѣе его сталъ Аракчеевъ; всѣ раболѣпствовали передъ нимъ, министры дѣлали ему доклады.

Аракчеевъ превратилъ въ каторгу военныя поселенія, которыя были устроены, по образцу австрійской Военной Границы, для избавленія русскихъ отъ военнаго постоя. Росли государственные долги, а финансы совсѣмъ разстроились при бездарномъ Гурьевѣ, пріятелѣ Аракчеева. Для увеличенія доходовъ стали твердо держаться протекціонизма, начиная съ тарифа 1810 г. Въ просвѣщеніи насталъ застой. Реакція отражалась даже на Кавказѣ. Въ началѣ царствованія Александра I Грузіей управляли любимцы туземцевъ, Циціановъ и Тормасовъ; и мы такъ успѣшно воевали съ Персіей, что, по миру въ Гулистанѣ (1813), шахъ уступилъ намъ все свое Закавказье. А теперь намѣстникомъ Кавказа сталъ «патріотъ», Ермоловъ, походившій на Аракчеева: и туземцы старались освободиться отъ Россіи, съ помощью персіанъ, турокъ и западныхъ державъ.

Реакція усилилась съ 1818 г., когда узнали о тайныхъ обществахъ, особенно среди офицеровъ. Палъ даже Голицынъ: его низвергъ союзъ Аракчеева съ главами «патріотовъ», Шишковымъ и съ Фотіемъ. Но вскорѣ Императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ (1825).

Николай I. Восточный вопросъ. Тайныя общества воспользовались переходомъ правленія не къ старшему брату Александра Павловича, Константину, отказавшемуся отъ престола, а къ младшему, Николаю Павловичу. Но движеніе «декабристовъ» въ Петербургѣ (14 дек. 1825) было легко подавлено. «Православіе, самодержавіе, народность»—вотъ программа Николая I; она была высказана министромъ просвѣщенія Уваровымъ, который заимствовалъ ее у славянофиловъ. Императоръ Николай содѣйствовалъ возстановленію Священнаго Союза на конгрессѣ восточныхъ державъ въ Мюнхенгрецѣ (1833), а послѣ паденія Меттерниха (1848) сталъ его замѣстителемъ, какъ стражъ консерватизма. Но эта роль, требовавшая «вмѣшательства» въ дѣла другихъ государствъ, вела къ постояннымъ тревогамъ.

Дѣло началось съ вмѣшательства въ дѣла грековъ, возставшихъ противъ Турціи. Такъ какъ тогда же персіане напали на Кавказъ, пользуясь недовольствомъ грузинъ, то Императору Николаю пришлось рѣшить свой любимый *восточный вопросъ* оружіемъ разомъ съ двухъ концовъ. По миру въ Туркманчаѣ (1828), мы пріобрѣли отъ шаха Эривань и Нахичевань; и жившій въ Эчміадзинѣ армянскій патріархъ сталъ нашимъ подданнымъ. Турція уступила намъ, по Адріанопольскому миру (1829), устья Дуная, восточный берегъ Чернаго м. и Ахалцыхъ, а также покровительство надъ румынами и сербами; а Греція была признана независимой.

Вслѣдъ затѣмъ было усмирено возстаніе поляковъ, которые надѣялись возстановить Рѣчь Посполитую, подъ вліяніемъ Франціи, Англіи и іюльской революціи 1830 года. Народъ не пошелъ за вожаками мятежа, которые тогда же отвергли, на сеймѣ, мысль объ освобожденіи крестьянъ. А среди самихъ предводителей настали раздоры между умѣренными и крайними. Западныя державы не помогли: онѣ были заняты своими внутренними заботами и возстаніемъ бельгійцевъ. Пруссія же и Австрія поддержали Россію.—и Варшава пала (1831). «Органическій Статутъ» отмѣнилъ конституцію Александра I.

Эпоха Николая и Англія.

Въ Россіи настало спокойствіе, котораго былъ лишенъ Западъ, гдѣ господствовали революціонныя бури. Ея огромная армія, на которой сосредоточивались заботы правительства, стояла готовая къ бою. Ея повелитель счелъ возможнымъ выступить въ роли рѣшителя судебъ Европы, водворителя «порядка» повсюду. И настала 20-лѣтняя «эпоха Николая». Занятая своими неурядицами Франція Люи-Филиппа угождала ему, а раздробленная Германія была у него въ рукахъ, особенно благодаря его браку съ прусской принцессой Александрой Ѳеодоровной. Николай опять взялся за восточный вопросъ, подъ видомъ помощи Портѣ, которую тѣснилъ египетскій паша Мехметъ-Али. Онъ принудилъ ее къ «оборонительному союзу» въ Ункіаръ-Скелесси (1833), который закрывалъ Дарданеллы для военныхъ судовъ Запада и отдавалъ Молдо-Валахію въ распоряженіе императора. Французскій дипломатъ сказалъ тогда: «Теперь я вижу ясно, что Турція сдѣлалась русскою провинціей».

Но здѣсь-то разгорѣлось великое соперничество Россіи съ Западомъ, во главѣ котораго выступила Англія, прямо заинтересованная въ восточномъ вопросѣ черезъ свою Индію. Противъ властелина «восточныхъ» державъ всталъ достойный соперникъ, душа виговъ, Пальмерстонъ. Онъ-то продлилъ нашу борьбу съ кавказскими горцами, поддержавъ среди нихъ мюридизмъ—фанатичное религіозное ученіе, выставившее такого упорнаго героя, какъ Шамиль. Англія поставила своего князька и въ Афганистанѣ, а Россія присоединила къ себѣ три милліона киргизовъ, и отрядъ Перовскаго уже двинулся въ Хиву (1839), хотя неудачно. Англія работала противъ насъ также въ Персіи и даже Китаѣ, но безуспѣшно. Но главная борьба происходила у Босфора. Пальмерстонъ ловко спасъ Турцію изъ рукъ Россіи и достигъ протектората надъ Египтомъ. Онъ устроилъ конвенцію о проливахъ (1841), которая и теперь сковываетъ насъ: этотъ актъ закрывалъ Босфоръ и Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ державъ, т. е. у Россіи вырывалось Мраморное море, и она замыкалась въ безпроходномъ Черномъ морѣ, какъ въ озерѣ. Наконецъ, «лордъ-поджигатель» началъ собирать противъ Императора Николая наемниковъ: онъ устроилъ «сердечное согласіе» съ Франціей, первый признавъ Наполеона III.

Венгерская кампанія.

Среди такой военной и дипломатической борьбы не прерывалась дѣятельность Императора Николая, какъ охранителя порядка въ Европѣ. И здѣсь-то оказались невыгоды «вмѣшательства» для насъ самихъ. Николай I взялся выручать Австрію, которая всегда тайно помогала англичанамъ въ восточномъ вопросѣ. Къ этому вела роль стража того порядка, который былъ нарушенъ въ Австріи, частью отъ деспотизма Меттерниха, частью подъ вліяніемъ февральской революціи 1848 года. Тамъ начались возстанія угнетенныхъ народностей. Сначала поднялись поляки. Въ 1846 г. польскіе эмигранты, съ Мѣрославскимъ во главѣ, сосредоточились въ вольномъ городѣ Краковѣ и оттуда произвели мятежи въ Познани и Галиціи. Но въ Галиціи противъ нихъ возстали крѣпостные, принадлежавшіе къ «русинамъ» (малороссы). Въ Краковъ же пришли русскія войска — и онъ былъ присоединенъ къ Австріи, вопреки протестамъ западныхъ державъ.

Важнѣе было возстаніе мадьяръ противъ австрійскихъ Габсбурговъ. Пользуясь революціей въ Вѣнѣ, въ 1848 году, они поднялись единодушно, подъ начальствомъ даровитаго Кошута. Они побили австрійскія войска и провозгласили республику. Но Императоръ Николай, забывая интересы своей страны, которой всегда вредили Габсбурги, бросился спасать ихъ, выставляя предлогомъ участіе поляковъ въ движеніи мадьяръ. Послѣ тяжкой кампаніи, Паскевичъ принудилъ венгерское войско къ сдачѣ въ Вилагошѣ (1849). Такъ была вызволена Австрія. Когда, вслѣдъ затѣмъ, Пруссія двинулась-было противъ Габсбурга, Императоръ Николай снова охранилъ его своимъ вмѣшательствомъ. А Австрія тогда уже выступила противъ насъ въ восточномъ вопросѣ: она остановила успѣхъ Омера-паши въ Черногоріи, чтобы разрушить русское вліяніе среди балканскихъ славянъ. И ея министръ заявилъ, что «Австрія удивитъ міръ своею неблагодарностью».

Крымская война. Но Императоръ Николай считалъ спасеннаго имъ Габсбурга своимъ орудіемъ, а прусскаго Гогенцоллерна и нѣмецкихъ потентатовъ—своими приспѣшниками. Франція казалась ему ничтожествомъ, такъ какъ узурпаторъ Наполеонъ III внушалъ всеобщее недовѣріе. Англію же царь надѣялся удовлетворить Египтомъ и Критомъ, при раздѣлѣ наслѣдія «больного человѣка», какъ называлъ онъ Турцію. Наша дипломатія стала высокомѣрна вездѣ; а съ султаномъ она обращалась, какъ съ своимъ вассаломъ. Киселевъ распоряжался въ Молдавіи и Валахіи, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Въ Іерусалимѣ христіане греческой вѣры стали отстранять католиковъ отъ гроба Господня и тѣмъ создали вопросъ «о святыхъ мѣстахъ». Когда католики, благодаря Наполеону III, добились отъ султана равноправія съ православными, императоръ Николай рѣзко потребовалъ себѣ протектората надъ всѣми православными въ Турціи. Отсюда Крымская война (1853—1856).

Западъ возсталъ противъ усиленія Россіи, причемъ явилось единодушіе между правительствами и обществомъ. Вездѣ роптали на Императора Николая, за усвоенную имъ роль Меттерниха. Оттого, когда Горчаковъ занялъ Молдо-Валахію, а Нахимовъ истребилъ турецкій флотъ у Синопа, Франція и Англія объявили намъ войну, а Австрія придвинула войска къ югу и, вмѣстѣ съ Пруссіей, требовала, чтобы мы очистили Дунайскія княжества; и когда это было исполнено, она заняла ихъ. Союзники перенесли войну въ Крымъ. Разбивъ Меньшикова у Альмы, они осадили Севастополь, этотъ ключъ къ военному значенію Россіи на Черномъ морѣ. Въ разгаръ осады внезапно скончался потрясенный горемъ императоръ Николай I; а къ союзникамъ присоединились сардинцы. Севастополь палъ послѣ геройской обороны (1855). Въ теченіе войны флоты союзниковъ нападали на Одессу, на порты Азовскаго и Чернаго морей, на Свеаборгъ, даже на Петропавловскъ, Соловки и Колу, но безъ особаго успѣха. А въ Азіи Муравьеву удалось взять у турокъ Карсъ. Новый царь Александръ II тотчасъ открылъ мирные переговоры. По парижскому миру (1856), обѣ стороны возвращали свои завоеванія. Мы уступали только въ пользу Молдавіи устья Дуная съ клочками Бессарабіи и лишились исключительнаго протектората надъ турецкою райей. Черное море было объявлено нейтральнымъ, т. е. открытымъ для всѣхъ торговыхъ и закрытымъ для всякихъ военныхъ судовъ. Плаваніе торговыхъ судовъ по Дунаю также стало свободнымъ для всѣхъ націй. Такъ Турція вступала «въ концертъ европейскихъ державъ», т. е. заботы о райѣ становились задачей всей Европы, а не одной Россіи.

Внутреннія дѣла. Николай Павловичъ ревностно преслѣдовалъ злоупотребленія чиновничества. Заботы о новомъ уложеніи увѣнчались сводомъ законовъ (1833), подъ руководствомъ Сперанскаго. Сперанскій лишь исполнялъ приказы государя, который не допускалъ ничего иностраннаго. Но не Сперанскій былъ душой

управленія, а Клейнмихель, Киселевъ и Канкринъ. Киселевъ, глава новаго министерства государственныхъ имуществъ (1837), напоминалъ Аракчеева. Канкринъ не терпѣлъ новизны и боялся гласности въ дѣлахъ: желѣзныя дороги казались ему «холерой». Завзятый протекціонистъ и формалистъ, онъ выдвигалъ гибельные откупа, особенно винный. Если онъ ввелъ серебряный рубль ($3^1/_2$ ассигнаціоннаго), то монету обмѣнивалъ не на металлъ, а на «депозитки»—государственныя обязательства, которыя были замѣнены потомъ «кредитными билетами» (1843).

Подконецъ реакція усиливалась, особенно подъ вліяніемъ февральскаго переворота въ Парижѣ. Паспортная система стала строга, а заграничные паспорты давались рѣдко и за 500 р. Въ университетахъ и гимназіяхъ была возвышена плата за ученіе, затѣмъ ограничили число студентовъ въ каждомъ университетѣ до 300 (1849). Суды были таковы, что Императоръ Николай уже задумывался надъ ихъ преобразованіемъ. Всѣ внутреннія язвы были вскрыты Крымскою войной. Она доказала, что Россія была не готова и очень отстала даже въ своей главной силѣ—въ военномъ отношеніи.

Александръ II. Преобразованія.

И Александръ II пошелъ по новому пути. Онъ напоминалъ больше своего дядю и соименника, чѣмъ отца. Онъ воспитывался подъ иностраннымъ вліяніемъ романтиковъ—нѣмца Мердера и поэта Жуковскаго. Въ Мартѣ 1856 года былъ подписанъ парижскій трактатъ, означавшій прекращеніе «николаевской эпохи». Тогда же манифестъ извѣстилъ: «Да утверждается и совершенствуется внутреннее благоустройство Россіи; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ и всѣмъ равно покровительствующихъ». И началось возрожденіе Россіи: послѣдовалъ рядъ коренныхъ преобразованій, которыя были завершеніемъ великихъ плановъ Петра I и Екатерины II и исполненіемъ давнихъ чаяній лучшихъ людей Россіи.

Сначала отмѣнялись послѣднія стѣсненія относительно паспортовъ, цензуры и тарифовъ, ссыльныхъ, раскольниковъ, евреевъ. Стали разрѣшать городскіе банки и давать концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ и остановили выпускъ кредитокъ. Старые чиновники замѣнялись новыми. Мѣсто Нессельроде занялъ Горчаковъ, противникъ николаевскихъ преданій въ политикѣ. Затѣмъ явилось *положеніе 19 февраля 1861 г.*, снявшее съ народа почти трехвѣковое иго крѣпостничества. При этомъ, въ отличіе отъ того же процесса на Западѣ, крестьяне получили земельный надѣлъ, хотя и съ условіемъ выкупа его: отсюда названіе «временно-обязанныхъ» Для опредѣленія размѣровъ надѣла и выкупа назначались избираемые дворянствомъ «мировые посредники»—должность, отмѣненная въ 1875 г. Для облегченія выкупа, казна сразу заплатила помѣщикамъ, процентными свидѣтельствами, около 750 милл. руб.,—сумма, которую крестьяне должны были возвратить ей въ 49 л. Положеніе 1861 года было распространено и на Царство Польское, послѣ возстанія 1863 г.

Положеніе 19-го февраля, совершенно измѣняя бытъ Россіи, вызывало рядъ другихъ преобразованій, тѣмъ болѣе, что, благодаря фактической свободѣ мнѣній, поощряемой оффиціозными изданіями, раскрывались вопіющія злоупотребленія повсюду. Въ 1864 г. совершились реформы областная и судебная, на началахъ всесловности и самоправленія. *Земства* стали помогать правительству въ завѣдываніи мѣстными дѣлами. Земская реформа была дополнена *Городовымъ Положеніемъ* (1870), которое развивало планъ Екатерины II, хотя только для важнѣйшихъ городовъ. Въ основаніе *судебныхъ уставовъ* положены коренныя европейскія начала—отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, гласность и устность, независимость (несмѣняемость)

судей, равенство всѣхъ передъ закономъ, присяжные засѣдатели и выборные мировые судьи, защита подсудимаго (присяжные повѣренные). Затѣмъ и военные суды были подогнаны къ образцу гражданскихъ (1867). Наконецъ, войско подверглось коренной реформѣ, затронувшей весь общественный строй. *Уставъ о воинской повинности.* (1874) распространилъ эту обязанность равно на всѣ сословія и сильно понизилъ срокъ строевой службы. Въ то же время последовала коренная реформа военнаго образованія (военныя гимназіи вмѣсто корпусовъ). Наконецъ, было много сдѣлано для поднятія *матеріальнаго быта* страны и для упорядоченія финансовъ: старались отступать отъ пагубной старой системы, начавъ съ отмѣны виннаго откупа (1862).

Иностранныя дѣла. При такихъ широкихъ преобразованіяхъ, внѣшняя дѣятельность Россіи должна была сосредоточиваться на *дипломатіи.* Канцлеръ Горчаковъ доказывалъ Европѣ, что Россія дѣйствительно «уходитъ въ себя» (se recueille). Мирно, лишь пользуясь замѣшательствами на Западѣ, онъ добился отмѣны той статьи парижскаго трактата, которая ограничивала наши силы на Черномъ м. (1871). Между тѣмъ мы подвигались въ *Туркестанъ.* Въ 1864—1875 гг. образовалось туркестанское генералъ-губернаторство, были присоединены Хива и Коканъ (Ферганская область). Китай уступилъ намъ, по айгунскому договору (1858), часть Манджуріи, изъ которой было составлено *пріамурское* генералъ-губернаторство; а въ 1875 г. Японія отдала намъ часть *Сахалина.* Было покончено и съ горцами Кавказа: Шамиль былъ сосланъ въ Калугу (1859); черкесы выселились въ Турцію. Но и въ Европѣ намъ все-таки пришлось проливать кровь изъ-за восточнаго вопроса. Турки попрежнему угнетали свою райю. «Болгарскія звѣрства» смутили даже Западъ; тѣмъ болѣе подымалось чувство состраданія въ Россіи, поддерживаемое славянскими комитетами. Въ 1877 г. разразилась *восточная война,* очень тяжелая, такъ какъ турокъ поддерживали англичане. Но послѣ первыхъ неудачъ (Зивинъ, Плевна) русскіе дошли до Адріанополя. Они были бы уже въ Константинополѣ, если бы не вмѣшательство Запада, остановившее ихъ у Санъ-Стефано. Россія принуждена была принять берлинскій договоръ, составленный державами (1878). Сѣверная Болгарія стала независимой; мы получили часть Бессарабіи, уступленную въ 1856 году, и пріобрѣли Карсъ съ Батумомъ. Берлинскій договоръ внушилъ русскимъ недовѣріе къ двуличной политикѣ Бисмарка: въ Петербургѣ начинался поворотъ на сторону Франціи. Россіи пришлось выдержать еще, въ разгаръ реформъ, польское возстаніе 1863 года. По усмиреніи его, Царство Польское превратилось въ 10 русскихъ губерній (1866). Здѣсь также постепенно вводились преобразованія, только съ ограниченіями. Но подконецъ и внутри Россіи преостанавливалась преобразовательная дѣятельность. Послѣ восточной войны Александръ II намѣревался взяться за дальнѣйшія реформы; но онъ палъ жертвой революціонной партіи, 1-го марта 1881 г.

Александръ III. При Императорѣ Александрѣ III первенствующую роль въ управленіи игралъ, до самой своей смерти, Графъ Толстой (1883—1889). Онъ твердою рукой повелъ дѣло возстановленія программы Уварова. Оно увѣнчалось введеніемъ земскихъ начальниковъ изъ дворянъ (1889), съ цѣлью поставить «близкую къ народу твердую правительственную власть». Практическій характеръ правительства сказывался въ попеченіяхъ о матеріальномъ благосостояніи народа. Былъ учрежденъ для крестьянъ земельный банкъ (1882) и новое 11-ое министерство земледѣлія (1894). Была отмѣнена подушная подать (1886). Для сокращенія расходовъ, были отмѣнены $^3/_4$ придворныхъ должностей, а также удѣлы и титулы членовъ царской фамилій. Купечество получило разныя привиллегіи. Ему дано было господство въ городскихъ думахъ. Замѣтно развивалась идея обрусенія. Были приняты ограничительныя мѣры противъ евреевъ. Шла борьба съ сектантами, особенно со штундой. Въ Бал-

тійскомъ краѣ вводился русскій языкъ, какъ обязательный; въ дерптскомъ университетѣ, переименованномъ въ юрьевскій, было предписано преподавать по русски. То же происходило въ Польшѣ, а подконецъ и въ Финляндіи. Не жалѣли средствъ на постоянныя перевооруженія и расширеніе арміи, а флотъ возникъ заново. Но императоръ Александръ III употреблялъ эту грозу для сдерживанія милитаризма сосѣдей: Европа увѣнчала его титуломъ Миротворца. Въ отпоръ ему, Бисмаркъ устроилъ «тройственницу»—союзъ Пруссіи, Австріи и Италіи. Россія отвѣчала тяжкими для Германіи пошлинами. Бисмаркъ объявилъ намъ «тарифную войну» и началъ походъ противъ нашего кредита, обезцѣнивая русскія бумаги на берлинской биржѣ. Тогда Франція открыла кредитъ для нашихъ займовъ. Французскіе моряки были восторженно приняты въ Кронштадтѣ (1891), наши—въ Парижѣ (1893). Дружба двухъ державъ скрѣплялась ихъ борьбой съ Англіей. Когда наши войска оттѣснили афганцевъ у р. Кушки и присоединили туркменовъ Мерва до р. Пендже, англичане чуть не объявили намъ войны (1887). Но, испугавшись Франціи, они уже не протестовали, когда мы устроили постъ на Памирѣ, за Мургабомъ (1892). Эта глухая борьба отражалась и на дѣлахъ Болгаріи. Жертвой ея былъ первый болгарскій князь, Александръ Баттенбергскій. На мѣсто его болгары избрали Фердинанда Кобургскаго (1887).

Царь - Миролюбецъ скончался 20 октября 1894 г. Ему наслѣдовалъ нынѣ благополучно царствующій Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, который тотчасъ возвѣстилъ, что «вспоминаетъ завѣты своего усопшаго Родителя» и ставитъ себѣ цѣлью—«мирное преуспѣяніе Россіи и устроеніе счастья вѣрноподданныхъ». И «конецъ вѣка» уже успѣлъ ознаменоваться важными событіями въ этомъ направленіи. Россія заключила торговые договоры съ Германіей, Австріей, Болгаріей, Португаліей, Даніей и даже Японіей; наши дипломаты появились въ Ватиканѣ, Марокко и Сіамѣ. Совершилось полное примиреніе съ Болгаріей, наслѣдникъ которой принялъ православіе. Россія старалась сократить кровопролитіе въ греко-турецкой войнѣ и умиротворить дальній Востокъ: она добилась мирнаго соглашенія съ Японіей, отказавшись отъ своего вліянія въ Кореѣ. Императоръ скрѣпилъ союзъ съ Франціей личнымъ посѣщеніемъ Парижа (1896). Наконецъ, явилось его заявленіе о созывѣ международной конференціи «для охраненія всеобщаго мира и для сокращенія чрезмѣрныхъ вооруженій». Плодомъ его была мирная конференція почти всѣхъ государствъ въ Гаагѣ (1899). Если Россія должна была принять участіе во всеобщей войнѣ съ Китаемъ, въ 1900 году, то она старалась сократить ея размѣры. «Конецъ вѣка».

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Культура XIX-го вѣка.

XIX вѣкъ имѣетъ величайшее значеніе въ развитіи всѣхъ сторонъ жизни Россіи. Наши границы расширились безпримѣрно: были пріобрѣтены Царство Польское, Финляндія, Бессарабія, восточные и отчасти южные берега Чернаго м., почти все Каспійское м., Закавказье до Карса, Туркестанъ до Памира и часть Китая, а именно Портъ-Артуръ и Таліенванъ (1898). Россія превосходитъ теперь въ $2^1/_2$ раза весь материкъ западной Европы. Въ началѣ вѣка въ ней насчитывалось до 30 милл. душъ, теперь—130. Но это составляетъ всего 5 чел. на 1 кв. в. Россія—первая страна въ Европѣ по смертности и краткости жизни. Пожары истребляли ежегодно до 100 милл. р. капитала; а страховыя общества завелись лишь съ 1827 г., и ихъ всего 30 теперь. Земля и населеніе.

Неурожаи нерѣдко доводили цѣлыя области до голода: такъ было въ Симбирскѣ (1873) и Самарѣ (1899). Выходомъ для народа служило переселеніе, которое все росло. Оно шло сначала на Амуръ, потомъ въ Западную Сибирь и на Кавказъ.

Государство. Въ государственномъ строѣ постепенно усиливалось стремленіе къ централизаціи относительно окраинъ. Это ясно обнаружилось на примѣрѣ Финляндіи, которая получила было въ 1863 г. свой сеймъ, свою монету и армію; подконецъ тамъ была введена общая воинская повинность, и вводилась обязательность русскаго языка, а управленіе переносилось въ Петербургъ. На Кавказѣ было отмѣнено намѣстничество (1881). Но кое-гдѣ существуютъ еще мѣстные законы. Для завершенія законодательства была наряжена въ 1882 году комиссія, работы которой еще не завершились къ новому вѣку. Провинціальное управленіе наиболѣе подвергалось измѣненіямъ. Съ появленіемъ земствъ выборная система достигла высшаго развитія, и водворилась всесословность — новое начало, которое проходило по всѣмъ реформамъ Александра II, воспитывая въ народѣ сознаніе равноправія всѣхъ предъ закономъ. Положеніе 19-го февраля возстановляло древній «міръ»; только подлѣ сельскаго схода возникло волостное правленіе. Наконецъ, явились генералъ-губернаторы (1879), а въ селахъ—урядники (1878). При Александрѣ III это направленіе увѣнчалось учрежденіемъ земскихъ начальниковъ (1889), къ которымъ перешли и дѣла мировыхъ судей. Въ 1894 г. была назначена комиссія для пересмотра судебныхъ уставовъ 1864 г.

Финансы и войско. Финансы все время находились въ тяжеломъ положеніи. При Александрѣ I, послѣ наполеоновскихъ войнъ, нечѣмъ было покрывать даже $^1/_5$ расходовъ; а выпуски ассигнацій (болѣе чѣмъ на 800 милл. руб.) превращали бумажный рубль въ четвертакъ. Гурьевъ прибѣгалъ къ обременительнымъ для народа мѣрамъ, въ особенности къ винному откупу, сборъ съ котораго дошелъ до $^1/_3$ всѣхъ доходовъ. Такъ же поступалъ Канкринъ при Николаѣ I. Сверхъ того, онъ ввелъ «кредитные билеты» взамѣнъ старыхъ «депозитокъ» (1843). При Александрѣ II финансы подрывались дорогими реформами и восточной войной, которая поглотила болѣе милліарда руб. Подконецъ курсъ бумажнаго рубля не достигалъ $^2/_3$ серебрянаго; звонкая монета уплывала заграницу, вслѣдствіе слабости нашего вывоза; государственный долгъ требовалъ до 200 милл. на проценты и погашеніе; образовался хроническій дефицитъ. Тутъ не могъ вызволить и государственный контроль съ единствомъ кассы (1862). Съ назначеніемъ министра Абазы (1880) взялись за болѣе рѣшительныя мѣры: начали выкупать желѣзныя дороги въ казну, остановили выпускъ кредитокъ. Абаза также впервые обнародовалъ искренній бюджетъ и подготовилъ отмѣну подушной подати. Министръ Императора Александра III, Вышнеградскій, началъ «конверсіи» государственныхъ долговъ съ сокращеніемъ процентовъ. Тогда же возстановили казенную продажу вина, а рядомъ было учреждено попечительство о народной трезвости (1894). Затѣмъ продолжалась та же система, причемъ уменьшались прямые налоги и возвышались косвенные. Министръ Императора Николая II, Витте, сверхъ того, озабочивался поднятіемъ нашей промышленности, сообразно съ небывалымъ ростомъ индустріализма на Западѣ: часть новыхъ преимущественно французскихъ займовъ шла на поддержаніе отечественныхъ фабрикъ и на техническое образованіе. Были приняты также мѣры къ возстановленію звонкой монеты: въ 1898 г. металлическихъ денегъ уже было въ обращеніи болѣе, чѣмъ на $1^1/_2$ милліарда р., а кредитныхъ билетовъ оставалось менѣе одного милліарда. Доходы достигли почти $1^1/_2$ милліарда руб., чему соотвѣтствовали расходы. Главнымъ доходомъ становился уже не питейный, а желѣзнодорожный сборъ. Государственный долгъ исчислялся къ 1897 г. въ 7 милліардовъ; на платежи по немъ уходило 272 милліона въ годъ.

Военныя преобразованія, надъ которыми много поработалъ министръ Милютинъ, совершались сначала по французскому, потомъ—по прусскому образцу. Во главѣ ихъ стоитъ воинскій уставъ 1874 г. Онъ проникнутъ гражданскимъ духомъ просвѣщенія, человѣчности и справедливости. Были отмѣнены тѣлесныя наказанія (кромѣ штрафныхъ) и возвышено образованіе даже рядовыхъ. Военныя гимназіи, юнкерскія училища, полковыя школы составили цѣлую педагогическую систему, отчасти помогавшую обще-образовательнымъ цѣлямъ; военныя академіи были поставлены на научную ногу; возникло много дѣльныхъ и общеинтересныхъ военныхъ журналовъ и книгъ. Военно-юридическая академія давала просвѣщенныхъ дѣятелей для новыхъ военныхъ судовъ. Съ отмѣной военныхъ поселеній была введена французская система военно-окружныхъ управленій (1864), служившая къ ослабленію крайней централизаціи николаевскаго строя и къ сокращенію арміи. Поднятая матеріально и нравственно, хорошо одѣтая и вооруженная по лучшимъ образцамъ Запада, опирающаяся на 16 большихъ крѣпостей, наша армія стала неузнаваема. Подконецъ она состояла почти изъ милліона солдатъ въ мирное время, а при войнѣ могла выставить $2^1/_2$ милл. При Александрѣ II, можно сказать, создался и нашъ флотъ. Иностранцы устранялись; а наши моряки были сравнены въ правахъ съ арміей и получили болѣе высокое образованіе. Флотъ преобразился изъ парусного въ паровой. Подконецъ въ немъ числилось 80 большихъ кораблей (по большей части броненосцы), до 200 минныхъ судовъ и болѣе 2.000 орудій. Сверхъ того, «добровольный флотъ» (1877) былъ приспособленъ къ военной службѣ. Въ 1898 г. было сразу ассигновано 90 милл. руб. на постройку новыхъ броненосцевъ. Нашъ флотъ опирается на военныя гавани въ Кронштадтѣ, Либавѣ, Николаевѣ, Керчи, на кавказскомъ берегу Черного моря, во Владивостокѣ. Къ нимъ прибавились подконецъ порты въ Бердянскѣ, Ѳеодосіи и Портъ-Артурѣ.

Реформы Александра II коснулись и духовенства. Была ослаблена власть консисторій, которыя подверглись улучшеніямъ. Было дозволено всѣмъ поступать въ священники, а дѣтямъ духовенства—выбирать себѣ родъ занятій. Были измѣнены семинаріи, духовныя училища и академіи на общеобразовательныхъ началахъ. Православіе подчинялось общему духу терпимости и человѣчности, какъ доказывала мирная дѣятельность миссіонерскаго общества (1870). Но оно распространялось только среди инородцевъ, особенно въ Сибири. Уніаты, съ уничтоженіемъ уніи (1839), нерѣдко возвращались въ нее. Католичество обнимало до 10 милл. душъ. У старообрядства явились такія сильныя гнѣзда, какъ Выгорѣцкая, Керженецъ (Нижегор. губ.), Стародубье (Черниг. губ.), Вѣтка (Могил. губ.), по р. Иргизу и на Дону. Множество раскольниковъ проживало повсюду, благодаря ихъ богатствамъ и взаимной поддержкѣ. Центромъ поповцевъ и безпоповцевъ были Рогожское и Преображенское кладбища въ Москвѣ. Сверхъ того, поповцы устроили собственную епархію (1846) въ Бѣлой Криницѣ (Буковина), которая поставляла въ Россію своихъ епископовъ. Число ихъ дошло до 3 милл.; безпоповцевъ считается 8 милл. И въ ней усиливаются крайніе толки, отвергающіе всѣ таинства и обряды, иногда и загробную жизнь, а также не признающіе властей, присяги, податей и военной службы. Таковы «бѣгуны, немоляки» и др. Имущество у нихъ общее, женщины равноправны съ мужчинами. По своему раціонализму, эти толки служатъ переходомъ отъ раскола къ духоборцамъ и молоканамъ, которыхъ уже болѣе милліона. Ок. 1866 г. въ Малороссіи возникла штунда, напоминающая меннонитовъ и методистовъ. Развивалось и скопчество, какъ доказало дѣло милліонера Плотицына. Впрочемъ, разладъ въ церкви сглаживался въ царствованіе Александра II, отголоскомъ котораго было дарованіе Церковь.

раскольникамъ права имѣть свои молельни и школы (1883), такъ какъ вредною сектой было признано только скопчество.

При Александрѣ III на церковь было обращено особенное вниманіе. Ей передавали начальное образованіе: всюду устраивались церковно-приходскія школы, узаконенныя въ 1884 г., когда казна стала выдавать имъ значительныя суммы. Старались умножить число храмовъ и улучшить бытъ духовенства. Подконецъ въ Россіи было 65 епархій (съ 3 митрополитами), обнимавшихъ около 65.000 церквей, болѣе 700 монастырей, до 50.000 монашествующей братіи и болѣе 100.000 бѣлаго духовенства. Въ силу «временной мѣры» или майскаго закона 1882 г. евреямъ разрѣшалось жить лишь до извѣстной «черты осѣдлости», и то только по городамъ. Подконецъ стали думать о разрѣшеніи евреямъ селиться въ деревняхъ. Усиливалась и борьба съ сектантствомъ. Штунда была запрещена, какъ «одна изъ наиболѣе опасныхъ и вредныхъ сектъ» (1894). Въ Остзейскомъ краѣ воздвигались православные храмы, усиливалось обращеніе массъ въ православіе, строго преслѣдовалось отпаденіе въ лютеранство. То же происходило въ Польшѣ съ католичествомъ. Тамъ и здѣсь протестантамъ и католикамъ воспрещалось пріобрѣтать землю не только покупкой но и по наслѣдству.

Нравы. Смягченіе нравовъ очевидно, если сравнить конецъ вѣка съ его началомъ. Оно ясно уже въ правительствѣ, Александръ I уничтожилъ пытку. Затѣмъ почти совсѣмъ исчезли тѣлесныя наказанія въ законѣ (1863). Среди молодежи духовенства, исчезъ типъ семинариста-бурсака точно такъ же, какъ уже трудно найти самодура комедій Островскаго среди купцовъ, отдающихъ своихъ дѣтей въ университетъ. Въ крестьянствѣ падали узы патріархальности. Потребленіе водки пало въ 1860-хъ годахъ на 5%, когда населеніе возросло на 10%; а чаепитіе расширялось съ каждымъ годомъ. Развивались общества трезвости, начиная съ Литвы (1858). Подконецъ кабаки превратились въ благообразныя винныя лавки, гдѣ за прилавкомъ сидятъ интеллигентныя женщины. Въ большихъ городахъ появились общества для доставленія массамъ благородныхъ развлеченій; устраивались съ этою цѣлью народные дома и театры. Рядомъ расширялись пожертвованія на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли, не исключая покровительства животнымъ. Подконецъ особенно заботились о дѣтяхъ, устраивая для нихъ «ясли», забавы, лѣтнія колоніи и т. д. Пробужденіе общественнаго самосознанія сказывалось въ чествованіи вождей мысли.

За дальнѣйшее улучшеніе нравовъ ручается стремленіе къ образованію, которое подконецъ стало жгучею злобой дня. Другое ручательство—въ томъ явленіи, которое составляетъ безсмертную славу русскихъ и снимаетъ съ нихъ позорный титулъ варварства. Это—высокое положеніе женщины, какимъ она не пользуется во многихъ странахъ Запада. За исключеніемъ неравенства въ наслѣдствѣ, она имѣетъ у насъ не только имущественныя права, но и голосъ въ земствѣ и городской думѣ. А, главное, она получила какъ среднее, такъ и высшее образованіе. Въ началѣ 1860-хъ годовъ женщины стали посѣщать петербургскій университетъ. Тогда же явились женскія гимназіи, педагогическіе курсы и высшіе женскіе курсы въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ и Казани; а медицинскіе курсы въ Петербургѣ выпускали много женщинъ-врачей, пользовавшихся правами практики наравнѣ съ мужчинами. Подлѣ нихъ возникали школы фельдшерицъ, акушерокъ, сестеръ милосердія. Общество дѣлало крупныя пожертвованія, особенно на высшее образованіе женщинъ; частныя лица открывали женскія гимназіи. Женщины служили и по земству, и на казенныхъ мѣстахъ (врачи, учительницы, телеграфистки). Онѣ даже брались за адвокатуру (у мировыхъ судей). Явился рядъ полезныхъ дѣятельницъ, а нерѣдко и героинь изъ всѣхъ слоевъ общества и почти на всѣхъ поприщахъ.

даже на поляхъ брани. Софья Ковалевская († 1891), профессоръ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, прославила русское имя въ наукѣ. Наши женщины удостоились почетнаго званія и по другимъ наукамъ, а также чтенія публичныхъ лекцій и руководительства занятіями курсистокъ. Онѣ пріобрѣли значеніе въ литературѣ и искусствахъ.

Систематическое образованіе Россіи—попреимуществу дѣло XIX-го вѣка. **Просвѣщеніе.** Оно началось при Александрѣ I, который бралъ изъ Франціи и Германіи образцы какъ реальнаго, такъ и классическаго обученія. Тогда появился рядъ университетовъ, Ришельевскій и Демидовскій лицеи (въ Одессѣ и Ярославлѣ), Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Библейское общество основало много сельскихъ школъ. Но все это было каплей въ морѣ. Встрѣчалось еще много безграмотныхъ дворянъ и полуграмотныхъ священниковъ. Оттого іезуиты овладѣвали умами знати, когда открыли свою пышную коллегію. Но просвѣтительное стремленіе продолжало жить въ талантливыхъ людяхъ. Опять подъ вліяніемъ Запада, оно овладѣло нашимъ обществомъ такъ же, какъ и Александромъ I. Оно охватило даже нашу армію, побывавшую въ Парижѣ. Тогда издавалось много книгъ и журналовъ и переводилось все лучшее. Литература затрогивала даже женщинъ и юношество. Театры были полны. У вельможъ и писателей устраивались литературные вечера. Возникло нѣсколько литературныхъ обществъ, издававшихъ собственные сборники. Развивалась книжная торговля: «Исторія» Карамзина была расхватана въ нѣсколько дней. Званіе писателя становилось почетнымъ и независимымъ. Дворъ поднималъ его значеніе своимъ меценатствомъ. Въ литературѣ реализмъ выдвигался насчетъ лжеклассицизма и сентиментализма. Наука выступала въ журналахъ и въ общественныхъ кружкахъ. Возникали критика, филологія, серьезное изученіе исторіи, археологіи и народности; Врангель и Коцебу изслѣдовали сѣверный и южный океаны. Интеллигенція уже искала дѣльныхъ работъ и роптала: «журналовъ тысячи, а книги ни одной». Литературный, эстетическій интересъ уступалъ мѣсто политико-общественному. Вдругъ настала реакція. Съ 1815 г. развивался мистицизмъ, въ который впадали и масоны. Цензура усилилась: «Горе отъ ума» долго ходило въ рукописи. Даже прописи передѣлывались на мистическій ладъ. Но средства просвѣщенія развивались и при Николаѣ I, особенно при образованномъ Уваровѣ (1833—1849). Явился университетскій уставъ 1835 г., взятый изъ Германіи. Возникли Кіевскій университетъ, Технологическій институтъ, Школа Правовѣдѣнія, Пулковская обсерваторія, Археографическая комиссія, географическое и другія ученыя общества, а также рядъ ученыхъ экспедицій и научныхъ трудовъ, изданныхъ казной. Вышелъ уставъ гимназій и училищъ (1828). Въ гимназіяхъ равно обращалось вниманіе какъ на классицизмъ, такъ и на новые языки и естествознаніе. Прибавлялись уѣздныя и приходскія училища; заводились сельскія школы, пріюты, школы кантонистовъ. Тогда же воспитались «люди сороковыхъ годовъ», которые двинули реформы по смерти Императора Николая I.

Эти реформы сами были просвѣщеніемъ. Спеціально же народное образованіе быстро двинулось впередъ при Александрѣ II. Университетскій уставъ 1863 г. былъ развитіемъ лучшихъ началъ устава 1835 г. Къ нему примыкала широкая система средняго и низшаго обученія. Тогда въ образованіи народа стало принимать участіе и общество, въ особенности земства и думы; правительство же выдвигало его при всякомъ случаѣ. Въ реформахъ всюду видимъ образовательный цензъ. Все министерство просвѣщенія стоило въ 1862 году 4½ милл. руб.; въ 1879-мъ расходовалось болѣе 7 милл. руб. на одно среднее образованіе. Послѣ закона о льготахъ по воинской повинности (1874), земства 400 уѣздовъ тратили на народное образованіе столько же, сколько правительство—на всю имперію. Для подготовки преподавателей

въ народныхъ школахъ устраивались учительскіе институты, семинаріи и лѣтніе курсы. Входили въ обычай съѣзды этихъ учителей и учительницъ, отчасти и гимназическихъ преподавателей. Женское образованіе развилось въ цѣлую систему: обучалось болѣе полумилліона дѣвочекъ, и правительство уже издерживало на однѣ гимназіи для нихъ до 3 милл. руб. Дѣлу образованія помогали педагогическія общества и такіе же журналы. Еще болѣе развились ученыя общества, особенно по естественнымъ наукамъ. Появились біологическія станціи на Черномъ и Бѣломъ м. Публичныя лекціи и съѣзды естественниковъ и археологовъ становились обычнымъ явленіемъ. Возростало число типографій, книжныхъ лавокъ и издателей. Особенно размножалась періодическая печать: въ 1830 г. было 63 изданія, въ 1881—болѣе 600, впрочемъ, больше спеціальныхъ; у газетъ число подписчиковъ переходило за 20,000. При Александрѣ III выдвигалось «профессіональное» (ремесленное) обученіе; были узаконены школы грамотности (1882); развивались церковно-приходскія школы. Подконецъ возникли политехникумы въ Кіевѣ, Харьковѣ и Варшавѣ. Наконецъ, стала неузнаваема провинція: по большимъ городамъ появились дѣльныя и богатыя газеты, музеи, ученые архивы, картинныя галлереи, публичныя библіотеки, даже литературныя и художественныя общества и публичныя лекціи, не говоря уже о множествѣ народныхъ чтеній и театровъ.

Литературныя теченія. Во главѣ просвѣщенія шла литература. Переживая всѣ колебанія въ политикѣ, она не переставала двигаться впередъ: ея развитіе—самая симпатичная черта въ нашей исторіи XIX-го вѣка и лучшая заслуга даровитой націи передъ всѣмъ человѣчествомъ. Въ литературѣ XVIII-й вѣкъ завѣщалъ XIX-му двѣ задачи — развитіе реализма и выработку книжнаго языка. Эго и преслѣдовалъ Карамзинъ, бывшій сначала представителемъ либерализма Александра I и врагомъ лжеклассицизма, который онъ замѣнилъ болѣе жизненнымъ сентиментализмомъ. «Карамзинисты» «Вѣстника Европы» (1802—1830) боролись съ «славянофилами». Но затѣмъ самъ Карамзинъ впалъ въ славянофильство, а сентиментализмъ выродился въ нѣмецкій романтизмъ Жуковскаго. Поднялись націонализмъ и реализмъ, особенно проявлявшіеся сначала въ сатирѣ, потомъ въ романѣ и драмѣ, бравшихъ содержаніе изъ русской жизни. Самыми геніальными ихъ представителями были Грибоѣдовъ и Пушкинъ. «Горе отъ ума» (1823) — высшее развитіе нашей сатиры въ драматической формѣ. Монологи Чацкаго показываютъ, до какой высоты сознанія и просвѣщенія дошла наша мысль въ теченіе первой четверти XIX-го в. При Николаѣ I литература продолжала идти уже намѣченнымъ путемъ. Она перерабатывала западныя вліянія самостоятельно и достигла, наконецъ, *русскихъ* классическихъ образцовъ, которые стали привлекать къ себѣ вниманіе всей Европы. Въ 1830-хъ годахъ сентиментализмъ и романтизмъ уже совсѣмъ исчезли. Реализмъ глубже и шире захватывалъ жизнь, отличаясь элегичностью. Всѣ эти черты, бывшія уже у Пушкина, развились у Лермонтова и Кольцова. Наконецъ, явился Гоголь, котораго Бѣлинскій провозгласилъ отцомъ *натуральной* школы. «Ревизоръ» (1835) служилъ и началомъ образцовой «обличительной» литературы. Возникъ и историческій романъ, сразу завоевавшій себѣ популярность, подобно его образцу, Вальтеру Скотту. Сороковые годы особенно богаты мыслью и литературными талантами, которые съ блескомъ развивали новое направленіе. Послѣднее стало твердою идеей, съ опредѣленнымъ именемъ *западничества*. Оно-то сдѣлалось общественнымъ мнѣніемъ; его-то вожди именуются «людьми сороковыхъ годовъ». Его смыслъ выясненъ «критикомъ сороковыхъ годовъ», и Бѣлинскимъ. Противное западничеству *славянофильство*, во главѣ котораго стояли питомцы западнаго же просвѣщенія (Хомяковы, Аксаковы, Кирѣевскіе, Самарины), вносило оживленіе и приносило пользу изученіемъ народнаго быта и нашей древней исторіи. Славянофилы признавали литературу

всѣхъ мелкихъ славянскихъ народностей, а слѣдовательно и малороссійскую, которую презирали западники, какъ «провинціализмъ». Ихъ поддержало основаніе каѳедръ славяновѣдѣнія (1838). Славянофилы мало сдѣлали въ литературѣ, которая шла по стопамъ Гоголя. Рядъ крупныхъ талантовъ (Тургеневъ, Герценъ, Гончаровъ, Достоевскій и др.), избравшихъ своей формой правоописательный романъ, отличался публицистическимъ и критическимъ характеромъ. Онъ рисовалъ среду, въ видѣ типовъ и ихъ исторіи, расширяя ее до глухой деревни. Съ 1847 г. это богатое литературное движеніе пріостановилось до 1855 г. Но наука развивалась въ прежнемъ направленіи. Общество стремилось къ опытному и прикладному знанію, гдѣ уже выдвинулись европейскія имена (Остроградскій, Бэръ). Но больше всего занимались исторіей, и именно русской (Кавелинъ, Соловьевъ, Рѣдкинъ, Буслаевъ, Грановскій и др.). Развивалась и собирательная работа на поприщѣ изученія русской этнографіи.

При Александрѣ II развились таланты, выступавшіе въ 40-хъ годахъ. При всемъ ихъ разнообразіи, они продолжали прежнее дѣло. Въ изящной словесности натуральная школа изощряла свой анализъ и глубже вникала въ причины общественныхъ явленій. Исканіе и знаніе народнаго быта доходили до фотографированія дѣйствительности и до сліянія съ этнографіей. Рядомъ, вслѣдствіе борьбы направленій въ жизни, встрѣчались тенденціозные романы разныхъ оттѣнковъ. Сатира достигла своего вѣнца въ твореніяхъ Щедрина († 1889). Тогда же появились главныя произведенія Некрасова († 1878), Достоевскаго († 1880), Писемскаго († 1881), Тургенева († 1883), Островскаго († 1886), Гончарова († 1891), Льва Толстого и др. Въ критикѣ преданія Бѣлинскаго поддерживались Добролюбовымъ († 1861), Писаревымъ († 1868) и Чернышевскимъ († 1889). Наша литература стала самостоятельной и замѣтной въ Европѣ силой. Она достигла твердаго положенія: въ 1860 г. образовался богатый «литературный фондъ». Наука также уже пріобрѣла почетъ на Западѣ. Но все еще преобладали переводы, которые необыкновенно размножались въ 1860-хъ годахъ. Книгъ все еще издавалось недостаточно. И не онѣ имѣли главное вліяніе, а попрежнему журналистика. Она особенно оживилась въ эпоху реформъ. Она частью «обличала» пороки страны, частью разрабатывала текущіе вопросы. Періодическія изданія представляли различные оттѣнки русской мысли, которые сводились къ двумъ обычнымъ направленіямъ—консервативному и прогрессивному.

Къ первому было болѣе наклонно славянофильство, ко второму—западничество; но между ними уже не было такой рѣзкой разницы, какъ прежде. Славянофилы отказывались отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ крайностей; а народность, въ смыслѣ національной самобытности, становилась идеей всей интеллигенціи, какъ признакъ самосознанія. Оттого новое славянофильство было болѣе распространено, чѣмъ прежнее, но имѣло скорѣе политическое, чѣмъ культурное значеніе. «Славянскій комитетъ», устроенный съ помощью правительства въ 1837 году, созвалъ славянскій съѣздъ въ Москвѣ, во время этнографической выставки (1867). Онъ помогалъ славянамъ деньгами, книгами и церковными принадлежностями, въ особенности же дѣйствовалъ въ минуты кровавыхъ столкновеній Россіи и балканскихъ славянъ съ турками.

При Александрѣ III въ литературѣ обнаружились новыя теченія. Главное изъ нихъ воплощалось въ «великомъ писателѣ земли русской». Л. Толстой уходилъ изъ художественной области въ философскую: морализація овладѣвала обществомъ, доходя иногда до мистицизма. Эти черты видны въ попыткахъ «символистовъ» и «декадентовъ» низвергнуть «натуральную школу», причемъ замѣтна погоня за новизной во что бы то ни стало. Но эти попытки не имѣли успѣха. Самъ Л. Толстой дарилъ иногда Россію новыми художественными произведеніями, хотя и не такими крупными, какъ прежде То же видимъ въ

журналистикѣ, которая переживала важную эпоху. Она вообще падала. Болѣе развившаяся и широкая интеллигенція начинала предпочитать, какъ и на Западѣ, книги, чтобы составлять самостоятельныя сужденія. Она начала также увлекаться газетами, у которыхъ число подписчиковъ возростало быстро.

Искусство. Наше искусство представляетъ замѣчательное развитіе съ половины XIX-го вѣка, особенно съ эпохи реформъ. До тѣхъ поръ было очень мало художниковъ, да и тѣ жили только казенными заказами. Среди нихъ господствовалъ академическій лжеклассицизмъ, съ примѣсью романтики. Но подконецъ эта школа достигла европейской извѣстности въ лицѣ Брюллова († 1853) и Иванова, служащаго переходомъ къ новому направленію. Отцомъ новой, русской или реальной, школы былъ Ѳедотовъ, вдохновленный типами Гоголя и Островскаго. Ея представители (Перовъ, Крамской, Рѣпинъ, Верещагинъ, Маковскій, Васнецовъ, Ярошенко, Ге, Шишкинъ и др.)—самобытные труженики: пренебрегая заказами, академическими наградами и посылкой въ Италію, они изучали Россію и составили свою артель (1863), которая привела къ товариществу передвижныхъ выставокъ (1870). Подконецъ русская школа уже заняла почетное мѣсто и на иностранныхъ выставкахъ. Ея задача—та же, что и у натуральной школы въ литературѣ. Она посвящена жанру и портрету, отчасти исторіи; подконецъ выдвигался пейзажъ и декоративная живопись, вызванная постановкой русскихъ оперъ, балетовъ и историческихъ драмъ. Началось иллюстрированіе отечественныхъ писателей.

Вообще живопись представляла гордость русскаго изобразительнаго искусства. Ваяніе подвигалось медленнѣе. Здѣсь лжеклассицизмъ былъ упорнѣе. Но съ эпохи реформъ и здѣсь зародилась реально-національная школа, которая уже выставила такой европейскій талантъ, какъ Антокольскій. Наши живопись и ваяніе вызвали, помимо Эрмитажа, такія важныя собранія частныхъ лицъ, какъ галлереи Третьякова и Солдатенкова, а затѣмъ и провинціальные музеи. Подконецъ они начали сосредоточиваться въ замѣчательномъ Музеѣ Императора Александра III. Зодчество развивалось туго. До послѣдняго времени только дворцы, да такіе храмы, какъ Исаакія и Спаса (открытъ въ коронацію 1883 г.), выдѣлялись своею колоссальностью, богатствомъ и подражаніемъ лучшимъ иностраннымъ стилямъ. При Александрѣ II началъ выдвигаться русскій стиль—возстановленіе пошиба древней Руси съ нѣкоторыми улучшеніями. Онъ щеголялъ пестрымъ узорочьемъ, которое проникало даже въ иллюстраціи и въ одежду. Его первоначальнымъ образцомъ служили Романовскія Палаты въ Москвѣ (1859). Музыка представляетъ такое же замѣчательное развитіе, какъ живопись, и относится почти вся къ XIX-му в. До тѣхъ поръ славились только народныя пѣсни, рѣдкія по разнообразію и самобытности мотивовъ, оцѣненныхъ самимъ Бетховеномъ. Но къ «концу вѣка» онѣ уже вымирали, вмѣстѣ съ національной одеждой, особенно близъ желѣзныхъ дорогъ. Въ церковномъ пѣніи сначала еще сохранялось вліяніе польскихъ «тетрадокъ»; но онѣ же натолкнули нашихъ композиторовъ (Бортнянскій) на мысль учиться у итальянцевъ. Болѣе успѣховъ сдѣлалъ нашъ романсъ, который уже соперничалъ съ нѣмецкимъ. Наконецъ, явилась первая національная опера «Аскольдова Могила» Верстовскаго (1835), полная народныхъ пѣсенъ. Но отцомъ нашей оперы, какъ и всей отечественной музыки, признается Глинка († 1857). Послѣ «Жизни за Царя» (1836), онъ создалъ «Руслана», этотъ переходъ къ новой русской школѣ, отцомъ которой считается Даргомыжскій († 1868). Онъ выдвинулъ реализмъ, который стремится превратить оперу въ правдивую музыкальную драму и воспроизводить національныя черты. Эта школа развивалась въ произведеніяхъ Сѣрова († 1870), Мусоргскаго († 1881), Бородина, Римскаго-Корсакова. Внѣ ея стояли Чайковскій († 1893) и Антонъ Рубинштейнъ († 1894). Подконецъ наши пьесы стали появляться съ большимъ успѣхомъ въ

концертахъ и на театрахъ Запада. Русскіе прославились подконецъ и какъ исполнители: Рубинштейнъ былъ признанъ всюду царемъ виртуозовъ. Музыкальному развитію помогало Русское Музыкальное Общество въ Петербургѣ (1859), съ отдѣленіями въ провинціальныхъ городахъ. Оно основало консерваторіи въ Петербургѣ (1862), Москвѣ, Варшавѣ и Кіевѣ. Новая школа завела свое музыкальное училище. Появлялись и общественныя школы. Частныя постановки оперъ встрѣчались во всѣхъ главныхъ городахъ. Завелись музыкальные журналы и критика.

При Александрѣ III наше искусство шло нога въ ногу съ литературой. И здѣсь являлись попытки «символизма, импрессіонизма, декаденства». Но онѣ были столь же мимолетны. Русская же школа представила рядъ крупныхъ произведеній частью прежнихъ мастеровъ, частью ихъ учениковъ. Подлѣ передвижниковъ образовались другія товарищества художниковъ. Росло число выставокъ и покупателей картинъ. Иностранные художники стали выставлять у насъ свои работы. Наконецъ, академія художествъ подверглась коренному преобразованію.

Внѣшній бытъ.

При всемъ разстройствѣ финансовъ, правительство въ теченіе всего XIX-го в. заботилось о матеріальномъ развитіи Россіи. Даже Александръ I и Николай I старались подымать торговлю и промышленность. Они поощряли предпринимателей разными льготами и покровительственными тарифами; заключали торговые договоры даже съ Бразиліей и Кохинхиной; рыли каналы, проводили новыя дороги. При Александрѣ I появились первые шоссе и пароходы. При Николаѣ I были открыты первыя желѣзныя дороги — царскосельская (1838) и Николаевская (1851). Но своихъ капиталовъ было мало. Кредитъ былъ плохъ: у частныхъ лицъ онъ основывался только на закладныхъ и доходилъ до 25%. Тогда наши фабрики и заводы (за исключеніемъ Польши и Финляндіи) работали всего на 200 милл. Земледѣліе находилось въ застоѣ.

При Александрѣ II Россія не могла подняться матеріально. Двѣ тяжкія войны и дорогія реформы, подрываемыя подконецъ, отзывались тяжело на народномъ хозяйствѣ. Къ тому же правительство продолжало покровительствовать торговлѣ и промышленности, пренебрегая интересами сельскаго хозяйства. Кустарей угнеталъ «кулакъ». При всемъ томъ, двигалось понемногу даже сельское хозяйство. Развивались переселенія. Умножалось количество пашенъ: выкорчевывались лѣса, обводнялись степи, осушались Пинскія болота. Заводились земледѣльческія машины, и подконецъ ихъ уже дѣлали дома. Было открыто химическое удобреніе—фосфоритъ. Развилось добываніе каменнаго угля и нефти. Въ Крыму и на Кавказѣ прививались винодѣліе, табаководство и даже разведеніе чая. Быстрѣе росли торговля и промышленность. Въ началѣ царствованія числилось всего 8.000 фабрикъ, подконецъ было 265 однихъ сахарныхъ заводовъ. Наши ситцы и полотна уже захватывали азіятскія рынки. При реформахъ, зашевелились отечественные капиталы, и явился небывалый притокъ денегъ изъ-заграницы. Предпріимчивость поддерживалась частными банками, число которыхъ дошло до 300. Особенно развивались желѣзныя дороги и сопровождающіе ихъ телеграфы; черезъ Кавказскій хребетъ протянулось замѣчательное шоссе—военно-грузинская дорога. Почта была преобразована по европейскому образцу. Въ главныхъ центрахъ населенія и въ высшихъ кругахъ появился комфортъ или удобства цивилизованной жизни. Столицы, съ милліоннымъ населеніемъ, начинали соперничать съ лучшими городами Запада. Появилась цѣлая дюжина городовъ внутри страны, достигавшихъ ста тысячъ жителей и пользовавшихся новѣйшими усовершенствованіями быта. Оживлялись даже Сибирь и Кавказъ.

При Александрѣ III обратили вниманіе на сельское хозяйство. Но дѣлу вредили неурожаи и размноженіе населенія. Правительство давало льготы по

арендованію казенныхъ земель. Въ 1883 г. были освобождены путемъ обязательнаго выкупа послѣдніе $1^1/_2$ милл. крѣпостныхъ, а самый выкупъ былъ сокращенъ на 12 милл. руб. въ годъ. Затѣмъ замѣнили выкупомъ оброкъ у государственныхъ крестьянъ и у чиншевиковъ. Вышелъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894). Наконецъ, послѣдовала отмѣна послѣдняго осколка крѣпостничества—подушной подати (1886), замѣненной имущественнымъ налогомъ (съ 1898 г.—и въ Сибири). Казна стала поддерживать частное общество помощи переселенцамъ, а затѣмъ возникло особое переселенческое управленіе (1896). И Россія все еще вывозила за границу 500 милл. пуд. хлѣба на 200 милл. р. (1899). Но опять больше всего пеклись о торговлѣ и промышленности. Подконецъ покровительственная система стоила народу до 1 милліарда р.; она до того повышала пошлины на иностранные товары, что вызвала таможенную войну съ Германіей (1893). При этомъ заботились и о рабочихъ, по примѣру Запада. Были введены правила о наймѣ ихъ; надзоръ за ними былъ ввѣренъ фабричнымъ инспекторамъ (1882): была ограничена работа малолѣтокъ и женщинъ. Торговлѣ оказывалась помощь улучшеніемъ путей сообщеній. Ради сохраненія водныхъ силъ былъ изданъ законъ о сбереженіи лѣсовъ (1888). Прорывался каналъ для соединенія Восточной и Западной Сибири. Водные пути обнимаютъ уже болѣе 100.000 в., а желѣзныя дороги—50.000. Развитіе послѣднихъ увѣнчалось такими колоссами, какъ закаспійская и сибирская линіи. Половина рельсовыхъ путей уже выкуплена казной, и на ней удешевлена плата. Телефонъ уже соединилъ обѣ столицы (1900). Развивался и кредитъ. Къ 1898 г. насчитывалось 1.300 посвященныхъ ему учрежденій, не считая 3.000 почтово-сберегательныхъ кассъ и до 1.700 частныхъ заведеній мелкаго кредита. Подконецъ снова стали сильно притекать иностранные капиталы, при поощреніи правительства. Нашъ отпускъ состоялъ все еще наиболѣе изъ плодовъ сельскаго хозяйства самой слабой обработки; направлялся онъ по преимуществу въ Англію, Францію и Италію. Вывозъ животноводства (особенно лошади) падалъ; изъ ископаемаго царства шла особенно нефть, между тѣмъ какъ вывозъ металловъ почти прекратился. Торговля расширялась наиболѣе съ Востокомъ: въ 1885—1895 гг. она возросла почти наполовину. Еще быстрѣе распространялась внутренняя торговля. При Александрѣ III товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ возросло на 170%. Въ 1896 г. торговые обороты достигли 11 милліардовъ р. Промышленное развитіе шло еще быстрѣе. Въ 1896 г. насчитывалось уже до 40.000 фабрикъ и заводовъ, при 1.750.000 рабочихъ. Онѣ производили болѣе, чѣмъ на $2^1/_2$ милліарда р., причемъ особенно росла заманчивая прибыль въ главныхъ производствахъ—сахарномъ, хлопчато-бумажномъ и нефтяномъ. Подконецъ обратили вниманіе на горное дѣло. Явился рядъ законовъ для упорядоченія тутъ частной предпріимчивости. Но съ началомъ XX-го в. промышленность оказалась въ затрудненіи.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Историческая наука.

Историческій методъ.

Мы вступаемъ въ новое столѣтіе необозримой жизни человѣчества. Девятнадцать вѣковъ, насчитываемыхъ христіанами, — лишь частица этой жизни, которая уже до нашей эры выработала не мало основъ быта, замѣтныхъ до нынѣшняго дня. По годамъ человѣчество можетъ почитаться ветхимъ старцемъ; но по дѣламъ, чувствуешь, что конецъ 19-го вѣка — разгаръ юношескихъ силъ, словно вчера только пробудившихся, но уже достигшихъ невиданной зрѣлости. Эта мощь человѣчества, вступающаго въ новое столѣтіе, обнаруживается ярче всего въ наукѣ вообще, и въ исторической особенно.

Еще недавно исторія, какъ и всѣ другія науки, жила аскетомъ, уединяясь отъ всѣхъ остальныхъ областей знанія и надменно выдѣляя свой предметъ, какъ особое сокровище привилегированныхъ: историки не замѣчали, что они походятъ скорѣе на улитокъ въ своихъ раковинахъ. Теперь не то. Въ наши дни историческая наука, выйдя изъ кабинетовъ политика и философа на просторъ, расширилась во взглядѣ, почувствовала родство съ остальнымъ міромъ. Она примкнула къ лучшему завѣту 19-го вѣка. Она вступила въ безграничную область *эволюціонной теоріи*, и по полному праву: естественники, создавшіе эту поистинѣ научную теорію, пришли къ ней, благодаря *историческому методу*, или пути, способу.

Эволюція.

Основной законъ жизни вселенной, *эволюція*, означаетъ превращеніе міроваго содержанія въ различные виды или формы: такъ цвѣтокъ «распускается» изъ почки. Этотъ законъ невольно пробуждаетъ въ насъ чутье родства всего на свѣтѣ: вселенная есть непрерывная цѣпь постепенныхъ превращеній или «метаморфозъ» одной и той же сущности, которыя и образуютъ *исторію*. Конечно, въ частности, превращенія могутъ быть всякія, удачныя и неудачныя, правильныя и болѣзненныя; но въ общемъ каждымъ чувствуется неизмѣримая разница, по достоинству, между скалой, червякомъ, бабочкой, рыбой, львомъ и человѣкомъ: оттого эволюціонную теорію называютъ еще ученіемъ о *развитіи*.

Исторія и соціологія.

Каждый человѣкъ — любопытный «мірокъ» или микрокосмъ. Но онъ поучителенъ только какъ предметъ психологіи, которая и помогаетъ историку, или какъ герой романа, если въ немъ выражается сложившаяся личность, плодъ извѣстныхъ условій жизни. Въ исторію онъ входитъ лишь въ томъ случаѣ, когда служитъ нагляднымъ представителемъ потребностей своего общества: это — «историческій дѣятель», котораго прежде награждали титуломъ «великаго», считая его чудодѣемъ. Даже въ жизни народовъ все обыденное, заурядное, отбрасывается историкомъ: онъ беретъ лишь *событія*, т.-е. важнѣйшіе факты, которыми знаменуются «направленія» или превращенія, разныя формы жизни *обществъ*. Описывая эти превращенія, уясняя ихъ смыслъ, т.-е. условія ихъ происхожденія, вліянія и прекращенія, исторія подготовляетъ матеріалъ для *соціологіи*—науки о законахъ общественной эволюціи.

Историческая наука, какъ и всякая другая, орудуетъ двумя способами—изслѣдованіемъ и сличеніемъ данныхъ. *Историческая критика* установляетъ, удостовѣряетъ факты; *сравнительный методъ* уясняетъ ихъ, показывая сходство и разницу между народами, а также ихъ взаимодѣйствіе и относительную цѣнность въ общемъ развитіи человѣчества. Такое осмысленіе данныхъ требуетъ и сравненія *среды*, т.-е. условій, среди которыхъ живутъ разныя общества. Среда бываетъ физическая и умственная: исторія опирается на *естествознаніе* и на весь кругъ *гуманитарныхъ* или «нравственныхъ» наукъ, къ которому она сама принадлежитъ.

Прогрессъ. Если и въ естествознаніи эволюція сливается съ развитіемъ, то въ исторіи это послѣднее понятіе составляетъ душу предмета. Благодаря уму, этому могучему орудію безграничнаго и быстраго развитія, здѣсь особенно ясно выступаетъ *дифференцированіе* или расщластованіе, расчлененіе первозданнаго сѣмени, развертываніе листка изъ почки, что ведетъ къ осложненію, которое и считается возвышеніемъ «организаціи» или строя предмета. Сверхъ того, здѣсь, въ нашей собственной средѣ, мы сильнѣе чувствуемъ, какъ эти превращенія дѣлаютъ насъ совершеннѣе, разумнѣе, образованнѣе. Здѣсь-то и выработалось всюду неизбѣжное слово *прогрессъ*, т.-н. движеніе впередъ, успѣхъ.

Въ исторіи, какъ и во всякой эволюціи, прогрессъ не идетъ прямолинейно и безостановочно: въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, онъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе преодолимыя препятствія. Народы иногда останавливаются въ своемъ развитіи, какъ усталые путники: это—«стагнація», застой. Иногда они даже пятятся назадъ: это—«регрессъ», отступленіе. Послѣднее случается тогда, когда, по какой-либо причинѣ, не только нарушается творчество общества, но и всплываютъ наверхъ, забираютъ былую силу *пережитки*. Это—слѣды древняго состоянія человѣчества, сохранившіеся во многихъ сторонахъ жизни, особенно во всяческихъ «предразсудкахъ».

На пережитки опирается чуждый наукѣ *пессимизмъ*, которому все представляется въ «сквернѣйшемъ» видѣ, точно такъ-же, какъ *оптимизмъ* столь-же поверхностно видитъ все въ «наилучшемъ» свѣтѣ. Эволюціонизмъ приводитъ къ иному міровоззрѣнію, опираясь на строгое изученіе фактовъ и на открытіе глубокой связи между ними. Позвольте окончить эту вступительную лекцію словами, съ которыми мы уже давно не перестаемъ обращаться къ жаждущимъ знанія, въ особенности же къ «родному юношеству».

«Наряду съ любовью къ труду и съ вѣрой въ человѣческое достоинство, воспитывайте въ себѣ гуманность къ людямъ, потому что малѣйшій успѣхъ достается имъ съ великими усиліями. Учитесь исторіи—и вы поймете, что нашъ совѣтъ исходитъ не только изъ сердца, но и изъ опыта. А кончите ее—и увидите, что труды человѣчества не безплодны: на свѣтѣ все прибавляется ума, честности и правды» [1]).

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Первобытность.

Политика и бытъ. Доисторическія времена. При новомъ взглядѣ на исторію, значительно расширились ея рамки. Прежде она разумѣла подъ событіями только «дѣянія» — одну *политику* или государственную жизнь, связанную съ крупными «дѣятелями», съ правителями, дипломатами да полководцами. Теперь она изслѣдуетъ и *культуру*, или быто-

[1]) *А. Трачевскій:* Древняя Исторія. Посвященіе.

вую эволюцію, какъ матеріальную (вещественный бытъ), такъ и идейную (религія, наука, искусство, литература). Прежде дѣлили человѣчество на «историческое и неисторическое», въ смыслѣ привилегированныхъ и отпѣтыхъ народовъ, теперь, когда цѣпь эволюціи связала все воедино, это дѣленіе имѣетъ только внѣшній смыслъ. Мы называемъ «до-историческое» время *первобытностью*, т.-е. тою начальною порой развитія человѣка, о которой, за недостаткомъ письменности, свидѣтельствуютъ только бытъ нынѣшнихъ дикарей да пережитки, устныя преданія и издѣлія (вещи и памятники) глубочайшей древности.

Ископаемые. Потопъ и начало человѣка.

О временахъ самыхъ старыхъ, о началѣ первобытности, говорятъ намъ еще, хотя и глухо, *остатки* самого человѣка. Человѣкъ, по геологическому счету, совсѣмъ юное созданіе. Его не было почти во все безконечное время образованія земной коры, толща которой доходитъ до 35 верстъ: первые признаки его, да и то сомнительные, показываются лишь въ концѣ третьяго періода жизни нашей планеты. Вѣрнѣе, человѣкъ — жилецъ четвертаго періода или уже современной исторіи земли, которая обнимаетъ слои всего въ 100 саженей толщины, хотя и она длилась сотни тысячъ лѣтъ, среди великихъ міровыхъ переворотовъ. Этотъ періодъ начался ледниковою эпохой, когда въ Европѣ обиталъ мамонтъ, пещерный медвѣдь и сѣверный олень—эти главныя отличія «дилювія» или слоевъ эпохи *потопа*. Рядомъ съ костями этихъ-то великановъ мы встрѣчаемъ впервые останки *человѣка*, а также его спутниковъ — *домашнихъ* животныхъ и растеній [1]).

Культура и цивилизація.

Тогда, и долго еще потомъ, нашъ пращуръ походилъ на нынѣшнихъ *дикарей*, только былъ еще болѣе безпомощенъ: лишенный почти всякихъ средствъ, онъ вполнѣ подчинялся природѣ, которая была въ ту пору могучѣе и грознѣе, чѣмъ теперь. Жили эти какіе-то полу-люди вразсыпную, по пещерамъ, въ пескахъ. Лишь постепенно и очень медленно дошли они до изобрѣтенія орудій, этихъ первыхъ помощниковъ въ покореніи природы, связанномъ съ развитіемъ ума. Тогда-то зародилась *культура* (лат. colere—ходить за чѣмъ, обрабатывать) или подчиненіе природы, — это яркое отличіе человѣка отъ остального міра. Она такъ связана съ общительностью, быстро развившеюся въ первобытномъ человѣкѣ, что ее называютъ еще *цивилизаціей* или «гражданственностью». Впрочемъ это понятіе означаетъ уже избранное, болѣе высокое сообщество, и потому оно болѣе узко: культура, хотя бы только матеріальная, замѣтна даже у пещерника; цивилизація (лат. civilis—гражданскій городской) предполагаетъ уже государство.

Породы.

Медленно, мучительно, но неуклонно развивался нашъ пращуръ во всемъ, начиная съ тѣла. По свидѣтельству антропологіи и этнографіи, сохранилось еще много людскихъ *породъ* или «расъ», которыя представляютъ разныя степени физическаго совершенствованія. Самая необразованная изъ нихъ—вмѣстѣ и наиболѣе животнообразная: это — *черные*, т.-е. негры, готтентоты, кафры и папуасы. *Желтые* благообразнѣе и уже играютъ значительную роль въ исторіи, въ особенности монгольское племя, которое распадается на «алтайцевъ» (татары, китайцы, туранцы, калмыки, киргизы, сибирскіе инородцы, турки) и «уральцевъ» (финны, поволжскіе инородцы, мадьяры). Желтые служатъ переходомъ къ *бѣлымъ* или кавказцамъ, которые составляютъ главнымъ образомъ исторію, какъ порода самая совершенная. Бѣлые распадаются на «семитовъ» (арабы и евреи) и «арійцевъ»; послѣднихъ называютъ еще, по Библіи, «яфетидами» (индусы и персы, греки и римляне, кельты и германцы, литовцы и славяне), приписывая

---

[1]) Подробности о первобытномъ человѣкѣ можно почерпнуть изъ переведенныхъ на русскій языкъ первоклассныхъ сочиненій *Леббока*, *Тайлора*, *Липперта*, *Клодда* и др., а также изъ трудовъ отечественныхъ археологовъ—*Уварова*, *Иностранцева* и др.

имя «хамитовъ» смѣси породъ, наполнявшей въ древнѣйшія времена южную Азію и сѣверную Африку. Чѣмъ совершеннѣе порода, тѣмъ она многочисленнѣе и моложе. На $1^1/_2$ милліарда всѣхъ людей черныхъ приходится 250 милліоновъ, желтыхъ—600, бѣлыхъ—650. И бѣлые все размножаются насчетъ остальныхъ: число породъ все сокращается. Но есть много оттѣнковъ, переходовъ отъ одной породы къ другой. Черные еще вовсе не участвовали въ исторіи. Раньше всѣхъ выступили въ ней желтые (китайцы и туранцы) потомъ хамиты, семиты и, наконецъ, арійцы.

Развитіе языка. Медленно развивалась и человѣческая *рѣчь*, какъ доказываетъ «лингвистика»—наука объ языкѣ. Она вытекла изъ потребности общежитія въ особенности общей работы, а потомъ сама способствовала ея развитію. Сначала было мало словъ, какъ теперь у дикарей, которые прибѣгаютъ къ жестамъ. Потомъ языки вездѣ развивались по общимъ законамъ. Ихъ — масса еще и теперь (болѣе 1.000), но она сокращается: здѣсь также все подчиняется самому совершенному типу — языкамъ бѣлой породы.

Развитіе общежитія. Высшее развитіе нравственности и ума связано съ развитіемъ *общительности*: человѣка называютъ «политическимъ» или «соціальнымъ» (общественнымъ) животнымъ. Общежитіе началось съ *семьи*, руководимый безграничною властью родителей. Въ случаѣ опасности, семьи сплачивались въ *орду*. Въ ту пору господствовалъ охотничій бытъ, который смѣнился пастушескимъ и кочевымъ (номады), когда человѣкъ приручилъ травоядныхъ животныхъ. Послѣдній бытъ называютъ еще *родовымъ* или патріархальнымъ: огромныя семьи (тогда существовала полигамія или многоженство) жили, не раздѣляясь, со внуками и правнуками, строго подчиняясь «старѣйшему» въ родѣ, котораго ограничивалъ только «обычай» или преданіе. Наконецъ, люди осѣдаются на облюбованномъ участкѣ: наступаетъ *осѣдлый* или *земледѣльческій* бытъ. Но долго еще сохраняются слѣды рода: частная или личная собственность лишь постепенно вытѣсняетъ собственность «общинную». Въ осѣдломъ, болѣе мирномъ быту, населеніе растетъ, потребности умножаются: возникаетъ раздѣленіе труда а съ нимъ и *сословія*. Но всѣ чувствуютъ общую связь между собой и съ своей землей (территоріей): всѣ составляютъ одинъ «народъ» (націю —«нарожденіе») и одно *государство*. «Государь» — уже не родовой отецъ, а повелитель «подданныхъ»: онъ руководится «правомъ»— писанными «законами»; ему помогаютъ чиновники, — люди «государственной службы». Затѣмъ идетъ дифференцированіе государства: гдѣ возникаютъ аристократіи, гдѣ — демократіи, въ одномъ мѣстѣ — монархіи, самодержавныя (абсолютизмъ) или ограниченныя (конституція), въ другомъ — республика.

Превращеніе внѣшняго быта. Еще болѣе ясна эволюція въ такой доступной точному наблюденію области какъ матеріальная культура или внѣшній бытъ. Отъ нынѣшнихъ удобствъ или, какъ говорятъ богатые англичане, «комфорта», мы постепенно можемъ прослѣдить тяжкія усилія человѣка вплоть до той поры, когда онъ открылъ *огонь*. То былъ его первый могучій помощникъ въ борьбѣ за существованіе: недаромъ вначалѣ вездѣ это было божество, а мѣстами и теперь встрѣчаются огнепоклонники. Вторымъ товарищемъ было *орудіе* (инструментъ), которое также постепенно дифференцировалось, начиная съ простого камня и дубинки. Сначала орудія были вмѣстѣ и оружіемъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ шаговъ въ исторіи цивилизаціи было изобрѣтеніе металлическихъ орудій.

Археологическая эволюція. Каменный вѣкъ. Эволюція внѣшняго быта блестяще подтверждается *до-исторической археологіей*—наукой о древностяхъ первобытности, добываемыхъ путемъ раскопокъ. Вездѣ мы видимъ три «археологическихъ вѣка», хотя конечно не строго разграниченныхъ.

1) *Каменный* вѣкъ былъ самымъ длиннымъ. Онъ даже распадается на двѣ части — на *палеолитическій* (старый) и *неолитическій* (новый) періоды: въ первомъ дѣлали орудія изъ «отбивного» камня или кремня, во

второмъ—изъ «полированнаго» (лощеннаго). Въ старо-каменномъ вѣкѣ человѣкъ не зналъ даже огня, былъ людоѣдомъ »троглодитомъ» (пещерникомъ), одѣвался въ звѣриныя шкуры. Но подъ конецъ у него явилось уже нѣсколько орудій, и даже изъ кости, въ томъ числѣ бирка (палочка съ насѣчками), которая указываетъ на счетъ; онъ сталъ шить одежды и выцарапывать на кости изображенія растеній и животныхъ. Въ ново-каменномъ періодѣ нашъ пращуръ уже сооружалъ землянки, избы и искусныя *свайныя* постройки на озерахъ. Возникали даже *крѣпостцы* (акрополи, кремли) изъ неотесаннаго камни, безъ цемента,—такія грубыя, что ихъ назвали «циклопическими постройками». Здѣсь же видимъ начало прирученія животныхъ, а подконецъ и земледѣлія. Для хлѣба завели ручныя мельнички; начали прясть и ткать; додумались до колесъ, хотя еще сплошныхъ, безъ спицъ. Развилось гончарное производство и появился цѣлый туалетъ украшеній. Наконецъ, возникли памятники, эти первые намеки на исторію, хотя и въ видѣ «мегалитовъ» (большіе камни) — неотесанныхъ каменныхъ глыбъ и столбовъ. Народъ и теперь чувствуетъ суевѣрный страхъ передъ каменными орудіями; они долго сохраняются въ богослуженіи. Каменный вѣкъ разсѣянъ по всему міру. Онъ указываетъ намъ, что человѣчество распространилось изъ юго-восточной Азіи. Желтые принесли древне-каменныя орудія въ Европу въ первобытныя времена. Гораздо позже (тысячъ семь лѣтъ тому назадъ) въ Европу прикочевалъ съ Востока же бѣлый человѣкъ, уже съ лощеными орудіями; онъ шелъ по берегамъ Средиземнаго моря, вытѣсняя желтыхъ на сѣверо-востокъ. Но его, въ свою очередь, вытѣснили новые бѣлые переселенцы изъ Азіи, которые принесли съ собой *металлическія* орудія.

Бронзовый вѣкъ. 2) Металлъ—такое великое дѣло, что начало его окружено благоговѣніемъ народовъ: руду охраняютъ въ землѣ чудовищные кузнецы—карлики, гномы, слуги Вулкана. И здѣсь мы видимъ постепенное дифференцированіе, два археологическихъ вѣка — бронзовый и желѣзный. Сначала человѣкъ только лилъ мѣдь и особенно *бронзу* (сплавъ мѣди съ оловомъ), потомъ сталъ ковать. Для этого требуются уже мастерскія и далекія сношенія: олово находится лишь въ немногихъ мѣстахъ. Тогда торговля шла отъ Передней Азіи до Шотландіи, Норвегіи и Оки; главными купцами были сначала финикіяне, потомъ греки, этруски и римляне. Чѣмъ дальше отъ Средиземнаго моря, тѣмъ позже настаетъ бронзовый вѣкъ. Въ Передней Азіи бронза была извѣстна уже за 6000 л. до нашего времени; гомеровская Троя (3000 л.) представляетъ переходъ отъ бронзы къ желѣзу; на югѣ Европы бронзовый вѣкъ кончается за 1000 л. до Р. Х., а въ Скандинавіи онъ только начинался тогда. Въ бытѣ бронзоваго вѣка почти все прежнее, только въ улучшенномъ видѣ. Особенно усовершенствовались утварь и нарядъ, являя много изящества: въ нашихъ магазинахъ—лишь подражаніе этимъ прелестнымъ лепесткамъ, спиралямъ, змѣйкамъ. Очень развился узоръ (орнаментъ) и возникла страсть къ краскамъ. Бронзовый вѣкъ находятъ вездѣ; но больше всего развился онъ въ Мексикѣ и Перу, гдѣ видимъ вообще самую замѣчательную цивилизацію до-историческаго времени.

Желѣзный вѣкъ. 3) *Желѣзный* вѣкъ начался (за 6000 л.) также на Востокѣ—въ Египтѣ и Ассиріи, гдѣ онъ сливался тогда съ историческимъ временемъ. Оттуда желѣзо распространилось по Европѣ, съ юга на сѣверо-западъ. Это происходило почти до 500 г. по Р. Х., когда въ Европѣ кончались археологическіе вѣка и начиналась историческая желѣзная цивилизація. Въ Россіи почти не было до-историческаго желѣзнаго вѣка. Въ желѣзномъ вѣкѣ человѣкъ опять-таки не столько изобрѣталъ новое, сколько совершенствовалъ старыя формы быта. Украшенія даже дѣлались изъ бронзы да еще изъ серебра, котораго не знали раньше. Важнымъ открытіемъ было только *стекло*. Явились также *шерстяныя* матеріи и первые *музыкальные* инструменты—мѣдные барабанчики. Только въ религіи тогда, какъ и въ бронзовомъ вѣкѣ, незамѣтно развитія: лишь погребальные обряды стали

пышнѣе и дороже. Желѣзный вѣкъ ознаменованъ полною осѣдлостью, правильною торговлей и изобрѣтеніемъ письма. Явились *земледѣльческія оруд я* (соха, серпъ) и виноградарство; были приручены птицы и кошки; возникли сѣдло и уздечка. Торговля соединяла уже почти всю бѣлую породу и часть желтой, пользуясь путями сообщенія, мостами, большими судами. Она уже превратилась изъ мѣновой въ денежную. *Деньгами* сначала были рѣдкія раковины, соль, особенно скотъ и мѣха (у насъ — «куны», куницы), затѣмъ металлы, но въ видѣ слитковъ, прутиковъ, шариковъ. Чеканка монеты изобрѣтена на Востокѣ. Въ Европѣ до Р. Х. ходила греческая монета, потомъ римская (императорская), которая достигала Россіи, гдѣ ее смѣнила «куфическая» (арабская); позже появляются монеты кельтскія и германскія. *Письмо* явилось также съ Востока. На юго-западѣ рано утвердилась латинская азбука; но на сѣверо-востокѣ долго сохранялось собственное письмо — «черты» и «рѣзы» у славянъ, «руны» у германцевъ. Къ концу археологическаго желѣзнаго вѣка почти по всей Европѣ родовой бытъ настолько ослабѣлъ, что начинали возникать государства.

Пережитки. Итакъ, въ археологическихъ вѣкахъ лежитъ начало всѣхъ сторонъ цивилизаціи, за исключеніемъ литературы, такъ какъ письмо тогда едва зарождалось. Этими вѣками исчерпывается первобытность. Она довольно хорошо извѣстна намъ, благодаря до-исторической археологіи, но больше съ внѣшней стороны. Ея идейное содержаніе мало выступаетъ изъ этихъ вещественныхъ остатковъ сѣдой старины. Но къ ней ведутъ два другихъ источника знанія — пережитки и преданія. *Пережитки* — самый древній источникъ исторіи: они сохраняются упорно, и во всѣхъ сторонахъ культуры. Сюда относятся: предразсудки и пословицы (первобытныя понятія), суевѣрія (древнѣйшая религія), множество обрядовъ и обычаевъ, звѣрскія черты нравовъ, вышедшія изъ употребленія вещи и орудія, народныя пѣсни съ ихъ напѣвами (изначальная поэзія и музыка), многія особенности обычнаго права, въ которыхъ рисуются кочевой и даже охотничій бытъ. Осебенно древни пережитки въ языкахъ: по смыслу пракорней востановляютъ цѣлыя картины чуть не допотопной жизни человѣка.

Преданія. Не менѣе драгоцѣнны для изученія первобытности *преданія* — разсказы человѣка о своемъ прошломъ, передаваемые устно отъ старшихъ младшимъ. Такъ какъ тогда все представлялось воображенію въ видѣ вѣрованій и поэтическихъ мечтаній, то преданія облечены въ чудесную, баснословную форму. Это — «миѳъ» или «легенда» (сказаніе о богахъ и герояхъ), «сага» (сказка) и народная пѣсня. Древнѣе всего миѳы, особенно составляющіе «космогонію» — думы о происхожденіи міра. У многихъ народовъ они сходны. Вездѣ, прежде всего, говорится о потопѣ; вездѣ человѣкъ созданъ изъ вещества (земли, глины, дерева); вездѣ вѣра въ «золотой вѣкъ» или рай первыхъ людей. Утрата рая почти у всей бѣлой породы представляется, какъ у персовъ и индусовъ: злой духъ, въ видѣ змѣя, далъ первымъ людямъ вкусить плодовъ отъ древа жизни и возстановилъ ихъ противъ добраго духа: послѣдній изгналъ ихъ изъ рая — и для людей насталъ «желѣзный», тяжелый вѣкъ. Археологія нашла, что золото предшествовало желѣзу: оно относится къ бронзовому вѣку.

Эволюція письма. Самымъ новымъ и важнѣйшимъ источникомъ знаній о прошломъ человѣчества служитъ *письмо*, это главное отличіе *историческаго* времени. Въ немъ также ясна эволюція. Сначала, вмѣсто буквъ, рисовали самый предметъ: это — *идеографическое* или образное письмо. Долго эти буквы-картины вырѣзывались на скалахъ, кирпичахъ и вещахъ; египтяне первые стали писать ихъ на тканяхъ и потомъ на бумагѣ изъ «папируса» (камыша). Незадолго до Р. Х. былъ изобрѣтенъ, въ городѣ Пергамѣ, «пергаментъ» (изъ воловьей кожи); и лишь 12 вѣковъ спустя выдумали бумагу — сначала изъ хлопка, потомъ изъ тряпокъ и дерева. Крайне мудреное образное письмо было ремесломъ немногихъ, сначала именно жрецовъ: его и назвали «іероглифами», т.-е. священнымъ ваяніемъ. Но

оно постепенно упрощалось до линій и черточекъ, какъ видно изъ письма «клиньями» въ Ассиріи. Человѣкъ бросилъ эту тарабарщину, какъ только замѣтилъ, что языкъ состоитъ изъ немногихъ звуковъ, которые можно изобразить условными знаками или буквами: отсюда *фонетическое*, т.-е. звуковое письмо. Но и оно было сначала затруднительнымъ «силлабизмомъ» (знакъ означалъ слогъ), пока не изобрѣли «алфавитизма» или *азбуки*. Азбука изобрѣтена (за 4000 л. до нашего времени) финикіянами, которые составили ее изъ египетскихъ іероглифовъ. Главные купцы, финикіяне, всюду развозя товары, распространили и письмо: оттого есть родство между всѣми азбуками на свѣтѣ.

Письмо служило первоначально для домашняго обихода и для жрецовъ. Но вскорѣ оно привело къ главному орудію идейныхъ потребностей человѣка — къ *письменности*. Древнѣйшими памятниками письменности служатъ египетскія и халдейскія надписи (за 6000 л. до нашего времени). Немного моложе древнѣйшая книга — египетскій папирусъ въ Парижѣ. За нимъ слѣдуютъ священныя книги индусовъ (Веды), персовъ (Зендъ-Авеста), евреевъ (Библія) и китайцевъ Шу-Кингъ). Такъ какъ трудно разбирать древнѣйшее письмо, еще до книгъ, то образовалась «наука о надписяхъ» — *эпиграфія*. Это — поразительное торжество ума человѣческаго Не легко читать даже старѣйшіе «манускрипты» (рукописи): оттого создалась цѣлая наука о «древнихъ письменахъ» — *палеографія*. Она занимается преимущественно изученіемъ «документовъ» — государственныхъ бумагъ, судебныхъ дѣлъ, писемъ. Гораздо позже этихъ дѣловыхъ записей люди начали составлять «хроники» (лѣтописи) и частные «мемуары» (записки) о разныхъ событіяхъ. Все это послужило матеріаломъ или источниками для *исторической науки*, отцомъ которой считается Геродотъ (за 2350 л. до нашего времени). Эта наука, въ свою очередь, претерпѣла рядъ превращеній: ея содержаніе и отчасти форма видоизмѣнялись, вмѣстѣ со смѣной міровозрѣній у просвѣщенной части человѣчества [1]). Письменность.

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Древняя исторія.

I. Востокъ.

Исторія началась, конечно, въ *Старомъ Свѣтѣ*. Онъ отмѣченъ самою природой, какъ старшій братъ, сравнительно съ новымъ или западнымъ полушаріемъ. Въ немъ преобладаютъ земля и сухость: нерѣдки даже огромныя безводныя пустыни. Растенія и животныя здѣсь болѣе развиты, чѣмъ въ Америкѣ. Выше стоитъ и самъ человѣкъ. Въ Старомъ Свѣтѣ видимъ всѣ породы, въ Новомъ — одну желтую, съ краснымъ оттѣнкомъ (индѣйцы); въ Европѣ приходится 50 человѣкъ на кв. милю, въ Азіи — 20, въ Африкѣ — 10, а въ Америкѣ — 5. Въ культурѣ туземцы Америки не пошли дальше бронзоваго вѣка. Они получили отъ Стараго Свѣта даже такихъ важныхъ помощниковъ человѣка, какъ собака, конь и волъ; новѣйшая же цивилизація прямо принесена туда изъ Старый свѣтъ.

---

[1]) Общій очеркъ эволюціи исторической науки желающіе найдутъ въ нашихъ статьяхъ о «Современныхъ задачахъ исторической науки» (*Бесѣда*, 1871), а также въ нашихъ вступительныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ одесскомъ и петербургскомъ университетахъ. *Записки Новороссійскаго университета*, 1878, т. XXVIII. *Новости* отъ 22 февраля 1891.

Европы бѣлыми переселенцами, которые уже почти истребили краснокожихъ. Родившись въ восточномъ полушаріи, исторія и здѣсь постепенно подвигалась съ востока до крайняго запада. Оттого ея первый отдѣлъ, *Древняя исторія*, распадается на Востокъ (Азія и Египетъ) и Западъ (Греція и Римъ).

Старѣйшая порода въ исторіи. Китайцы.

Именно здѣсь, на востокѣ Стараго Свѣта, выступила старѣйшая въ исторіи порода—*желтые*. Самыми чистыми ея представителями служатъ *китайцы*; они же, пожалуй, — и самый древній народъ: по ихъ преданіямъ, десятки тысячъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ той поры, когда ихъ праотцы истребили туземныхъ черныхъ дикарей, спустившись къ нимъ съ Памира, а потомъ выдержали потопъ, прозябая въ гнѣздахъ и пещерахъ, и добрались постепенно до «золотого вѣка». Во всякомъ случаѣ, благодаря своей безпримѣрной замкнутости, китайцы сохранили своеобразную первобытность: по нимъ можно судить, до чего способна развиться желтая порода, предоставленная самой себѣ. Китайцы до сихъ поръ живутъ *конфуціанствомъ*, опредѣленнымъ въ книгѣ Шу-Кингъ. А творецъ этой китайской Библіи, Конфуцій (550 л. до Р. Х.), лишь освятилъ и закрѣпилъ ею основы первобытности. Тутъ ясны черты общинно-родового быта. Вся жизнь — цѣпь «церемоній» или допотопныхъ обрядовъ. Все предписано—до одежды и обращенія съ женой и животными: и малѣйшее отступленіе отъ «правилъ» считается уголовщиной. Государство — та же великая церемонія, направляемая цѣлою іерархіей «мандариновъ» — ученѣйшихъ конфуціанцевъ, которые кладутъ чуть не полжизни на долбленіе первобытныхъ заповѣдей своего пророка. Они-то написали десятки тысячъ книгъ, но все это — одно толкованіе словъ учителя. При такихъ условіяхъ, китайцамъ не принесли пользы ни канализація и порохъ, ни компасъ и книгопечатаніе, которые они узнали гораздо ранѣе европейцевъ. Ихъ бытъ — лучшій примѣръ историческаго *застоя*. Китайскій языкъ, какъ у дикарей, состоитъ изъ односложныхъ корней, безъ грамматики; ихъ письмо—образное; поэзія у нихъ—нелѣпое римоплетство, а романъ — сказки съ чудовищами. Китаецъ не знаетъ стремленія къ прогрессу, новизнѣ: другъ «золотой середины», онъ хранитъ въ себѣ «древняго человѣка». Богдыханъ считается «сыномъ неба»: ему приносятъ жертвы. Въ Китаѣ сохранились рабство, многоженство и затворничество женщинъ; религія не пошла дальше вѣры въ духовъ, особенно въ предковъ.

Японцы.

Эта окаменѣлая первобытность можетъ дифференцироваться лишь подъ сильнымъ напоромъ цивилизованныхъ народовъ, что и начинается на нашихъ глазахъ, благодаря европейцамъ. Въ успѣхѣ ручается примѣръ выселенцевъ изъ Китая—*японцевъ*, появившихся лѣтъ за 600 до Р. Х. Тогда японцы уподоблялись туземнымъ дикарямъ и завели своего богдыхана — «сына богини солнца», микадо. Такъ прозябали они до половины нашего вѣка, когда самъ микадо началъ такую эру «просвѣщеннаго закона», что теперь японцы стараются сравняться съ самыми развитыми народами бѣлой породы. Этотъ переворотъ совершился подъ прямымъ вліяніемъ европейцевъ.

Остальные желтые.

За исключеніемъ китайцевъ и японцевъ, желтая порода бездѣйствуетъ въ исторіи. Она играла нѣкоторую роль, да и то отрицательную, въ средніе вѣка, въ лицѣ *татаръ* (монголовъ) и *турокъ*, если не считать такую мелочь, какъ гунны, печенѣги, половцы и др. Изъ нихъ если турки удержались до сихъ поръ, то сами они сильно смѣшались съ бѣлыми; и ихъ имперія исчезаетъ. Прочнѣе другое государство желтыхъ — *венгерское*; но оно вполнѣ европейское и по религіи, и по цивилизаціи. Историческая роль громадной желтой породы должна сказаться въ будущемъ. Азія, въ особенности же Японія и Китай, все болѣе и болѣе раскрываются передъ европейцами; съ другой стороны, Китай уже далъ болѣе трехъ милліоновъ эмигрантовъ (рабочихъ кулієвъ) Америкѣ и Австраліи.

Туранцы.

Старѣйшинство желтыхъ въ исторіи подкрѣпляется туранскою теоріей, которая недавно водворилась въ наукѣ. *Туранцами* стали называть алтайцевъ,

такъ какъ первобытные арійцы называли Тураномъ (страной тьмы) колыбель этихъ народовъ — нынѣшній Туркестанъ. По преданіямъ кочевниковъ этой страны, прародиной туранцевъ была одна долина въ Алтаѣ, къ сѣверу отъ Памира. Она была окружена, какъ стѣнами, желѣзными горами; пожаръ расплавилъ желѣзо — и первые люди вышли какъ бы изъ нѣдръ матери-земли. Одна часть туранцевъ двинулась на востокъ, другая заняла всю Переднюю Азію, а затѣмъ Европу, гдѣ ихъ потомками считаются загадочные *этруски* и пиренейскіе *баски*, Въ Передней Азіи туранцы господствовали даже въ 7-мъ в. до Р. Х., подъ именемъ *скиѳовъ*; но главнымъ ихъ притономъ была *Мидія* («земля»). Вліяніе туранцевъ сохранялось въ Передней Азіи даже послѣ возобладанія бѣлыхъ: они раньше всѣхъ цивилизовались; имъ принадлежитъ начало письма и обработки металловъ. Бѣлые заимствовали у нихъ эти изобрѣтенія, а отчасти и религію. Персы сопровождали свои надписи не только семитскимъ (вавилонскимъ), но и туранскимъ переводомъ. Замѣчается связь между туранцами и бѣлыми даже по физическому типу и языку. Таковъ древнѣйшій примѣръ народнаго *взаимодѣйствія*: южные туранцы служатъ какъ бы переходомъ отъ желтой породы къ бѣлой.

Бѣлая порода. Кушиты.

Второй примѣръ сліянія, побратимства цѣлыхъ племенъ представляютъ *кушиты*: это — переходъ отъ черныхъ къ бѣлымъ. Библія причисляетъ ихъ къ бѣлой породѣ. По ея преданію, бѣлые, какъ и желтые, вышли, послѣ потопа, изъ Памира: то были потомки Хама, Сима и Іафета. Хамиты, вѣрнѣе — кушиты (отъ Куша, сына Хамова) выселились раньше всѣхъ; они прошли дальше всѣхъ на юго-западъ и смѣшались съ черными, которые были туземцами по всему югу Азіи и по всей Африкѣ. Теперь кушитовъ уже нѣтъ въ Азіи: къ нимъ принадлежатъ только африканскіе феллахи (египетскіе крестьяне), абиссинцы да берберы. Кушиты темны, приземисты, сухощавы, но широкоплечи; у нихъ короткій носъ, низкій лобъ, толстыя губы, узкіе глаза, они почти курчавы; кушитка отличалась пріятной тонкостью чертъ, маленькою ручкой и свѣтло-оливковымъ цвѣтомъ кожи. По языку, кушиты близки къ семитамъ, съ которыми они вездѣ легко сливались. Имъ принадлежатъ древнѣйшіе слѣды цивилизаціи въ Азіи и Африкѣ. Семиты и арійцы, позже спустившіеся съ Памира, были ихъ учениками, хотя и покорили ихъ государства: первый примѣръ непреодолимаго *воздѣйствія высшей культуры* на низшую. Кушиты удержались надолго только въ Египтѣ. Какъ Китай — высшая степень цивилизаціи желтыхъ въ древности, такъ древній Египетъ представляетъ собой все, до чего могло развиться хамитское племя [1]).

Египетъ и египтяне.

Египетъ былъ въ древности самою плодородною мѣстностью Стараго Свѣта, «житницею вселенной»; а между тѣмъ это — часть «безводнаго или песчанаго моря», Сахары. Египетъ — обширный оазисъ, который Геродотъ мѣтко назвалъ «даромъ *Нила*»: онъ — созданіе правильныхъ разливовъ этой царственной рѣки (5000 в. длины). Это — долина всего въ 15 в. ширины; но осаждавшійся разливами илъ, этотъ наносъ благодатной почвы тропиковъ, такъ тученъ, что кишѣвшіе, какъ муравьи, кушиты собирали по двѣ жатвы и разводили массу овощей. То былъ народъ добрый, ласковый и, какъ волъ, терпѣливый и трудолюбивый; черты его запечатлѣны скромностью, даже грустью и самоотреченіемъ. Онъ былъ такъ же тихъ, какъ его величавый Нилъ, такъ же постояненъ, какъ невозмутимая лазурь его неба. Какъ его богъ, Озирисъ, плыветъ съ вѣчной правильностью, по этой лазури въ золотой лодочкѣ, такъ же аккуратно и безмятежно хотѣлось египтянину скоротать свой вѣкъ. Онъ чуждался иностранцевъ, даже не ѣлъ съ ними изъ одной посудины: любилъ онъ доброе старое время, гну-

---

[1]) Для подробностей по исторіи древняго Востока у насъ есть переводы главныхъ иностранныхъ пособій — *Ленормана* и *Масперо*. Буддизмъ обстоятельно разсмотрѣнъ въ русскихъ сочиненіяхъ *Васильева* и *Ольденбурга*.

шался всякихъ новшествъ. Египтяне считали себя самымъ древнимъ и избраннымъ народомъ въ мірѣ. Они даже были увѣрены, что сначала боги сами правили ихъ страной.

Древнее царство. Такое мнѣніе египтянъ находитъ подтвержденіе въ преданіяхъ другихъ народовъ, намекающихъ на *ѳеократію* или «господство боговъ» (жрецовъ) въ глубокой древности. Изъ разсказовъ старѣйшаго историка, египетскаго жреца Манеѳона, видно, что кушиты, встрѣтившіе на Нилѣ черныхъ троглодитовъ каменнаго вѣка, жили родами, подъ властью патріарховъ-жрецовъ. Затѣмъ началось неизбѣжное дифференцированіе сословій, связанное съ раздѣленіемъ труда, съ экономическимъ бытомъ. Раньше всѣхъ сложился военный классъ: онъ возмутился противъ владычества жрецовъ и создалъ свѣтское государство, съ *фараономъ* во главѣ (5000 л. до Р. Х.). Столицей этого государства сталъ Мемфисъ. Тамъ тихо протекалъ, около 20 вѣковъ, первый періодъ египетской исторіи, который называютъ *древнимъ* царствомъ. Одинъ фараонъ составилъ катехизисъ и лечебникъ. Уже *четвертая* династія прославилась гигантскими (до 70 саж. вышины) сооруженіями—*пирамидами*, которыя служили усыпальницами фараоновъ. Это — самая первобытная архитектурная форма, вытекшая изъ кургана-могилы. Рядомъ появились древнѣйшія формы скульптуры—*сфинксы* (громадные каменные львы съ головой мужчины въ чепцѣ) и *барельефы* или вырѣзанныя на гробницахъ сцены изъ обыденной жизни.

Среднее царство. Древнее царство — темное время: для цѣлаго полтысячелѣтія мы лишены всякихъ свѣдѣній. Видно только, что были какія-то жестокія смуты, перевернувшія всю жизнь египтянъ: почти за 2500 л. до Р. Х. начинается *среднее* царство. Столица — уже не маститый Мемфисъ, а *Ѳивы*—огромный, роскошный городъ, названный «Стовратнымъ» въ отличіе отъ греческихъ Ѳивъ. Среднее царство, существовавшее лѣтъ 300, прославлено *двѣнадцатою* династіей. Его границы доходили до мѣдныхъ рудниковъ Синая и до глубины Эѳіопіи. Земледѣліе и винодѣліе брали верхъ надъ скотоводствомъ. Развились промышленность и торговля: холстъ и ткани шли уже въ Аравію и Эѳіопію. Возникли новыя формы искусства—*храмъ* съ колоннами, *обелискъ* (греч. «копьецо») или громадный гранитный столбъ для надписей и *дворецъ*, образчикомъ котораго служилъ «лабиринтъ», гдѣ легко было заблудиться среди 3.000 покоевъ. Развилась и письменность: началось священное писаніе египтянъ — *Книга Мертвыхъ* или собраніе разсказовъ о замогильной жизни и молитвы о спасеніи души. Вообще тогда сложилась та мудрость, которую такъ прославляли евреи и греки и на которой застылъ умъ египтянина. Въ одномъ только среднее царство ниже древняго: появились *рабы* изъ черныхъ.

Гиксы. Около 2300 г. изъ-за Евфрата прикочевало въ Палестину невѣдомое пастушеское племя: то были евреи, руководимые своимъ родовымъ патріархомъ, Авраамомъ. Они вытѣснили туземцевъ, кушитовъ и, увлекаясь преслѣдованіемъ, вмѣстѣ съ ними, нахлынули къ устью Нила: у обитателей восточной части нижняго Египта или Дельты до сихъ поръ сохранились еврейскія черты. Здѣсь они властвовали лѣтъ 500, подъ именемъ *гиксовъ* или «царей-пастырей». Полудикіе кочевники опустошили цивилизованную страну: отъ того времени почти не сохранилось памятниковъ. Вскорѣ гиксы подчинились высшей культурѣ: ихъ бытъ, отразившійся въ Библіи, чисто египетскій. Но египтяне презирали своихъ поработителей: гиксы жили особнякомъ, въ своихъ шатрахъ, вокругъ крѣпости Таниса; въ остальномъ Египтѣ стояли только ихъ гарнизоны, а правленіе осталось въ рукахъ мѣстной знати. Чтобы укрѣпить свое шаткое господство, гиксы союзились съ своими соплеменниками — сирійскими семитами. Послѣдніе переселялись къ нимъ цѣлыми родами; *Іосифъ* даже получилъ управленіе Египтомъ отъ фараона Апапи. Но это послужило искрой для патріотизма египтянъ, тлѣвшаго въ Ѳивахъ, гдѣ уцѣлѣла одна отрасль національной династіи. Вскорѣ послѣ

Іосифа (ок. 1700 г.) тамъ вспыхнуло освободительное возстаніе. Гиксы были частью истреблены, частью изгнаны обратно въ Палестину или же обращены въ рабство. Возвратившіеся гиксы разсѣяли въ Сиріи сѣмена египетской цивилизаціи: тогда-то возникла финикійская азбука.

Новое царство. Освобожденіе отъ гиксовъ подняло силы націи: настало *новое* царство — эта высшая точка развитія древняго Египта, прославленная *восемнадцатою* и *девятнадцатою* династіями. Столица, Ѳивы, раскинулась на 100 верстъ: на ея развалинахъ лежатъ теперь 4 деревни, въ томъ числѣ Луксоръ и Карнакъ. Въ ней было много пяти-этажныхъ домовъ, заводовъ, «священныхъ аллей и царскихъ путей» — цѣлыхъ рядовъ статуй, сфинксовъ и обелисковъ. Отсюда развозили великолѣпныя издѣлія изъ полотна, стекла, глины и разныхъ камней, достигавшія Вавилона, Индіи и о-въ Средиземнаго моря. Новое царство особенно блистало искусствомъ. *Карнакъ* и *Луксоръ* — цѣлые художественные музеи. Здѣсь преобладаютъ дворцы, слитые съ храмами. Возникла и новая скульптурная форма — колоссальныя *статуи* фараоновъ; особенно любопытна Мемнонова статуя, издававшая томные звуки при восходѣ солнца. Вообще это искусство — верхъ развитія всего египетскаго художества. Оно напоминаетъ Грецію по правильности чертъ и по нѣжной граціи. Ему недостаетъ только жизни, разнообразія: египетскій художникъ работалъ по неизмѣннымъ подлинникамъ, даннымъ жрецами.

Сезострисъ Великій. Тогда же (около 1400 г.) блисталъ герой египетской поэзіи, воплощеніе силъ кушитства, пышный фараонъ девятнадцатой династіи, Рамессу II, котораго греки называли *Сезострисомъ Великимъ*. Онъ описывается въ мѣстныхъ поэмахъ, какъ мудрый, добрый и могучій владыка: тогда Египту принадлежала Эѳіопія, съ блестящей столицей Мероэ, Аравія, вся Сирія, Финикія, Вавилонъ и Ассирія; онъ обладалъ флотами, которые господствовали надъ Краснымъ моремъ и почти надъ всѣмъ восточнымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Поэты видѣли своего непобѣдимаго Рамессу даже на Гангѣ и въ Колхидѣ, на Дону и во Ѳракіи. На дѣлѣ было совсѣмъ не то. Сезострисъ только оборонялся и даже терпѣлъ пораженія: тогда семиты образовали великую державу, завоевавъ почти всю Сирію и Малую Азію; а къ западу отъ Дельты появился невиданный грозный врагъ — полудикари бронзоваго вѣка, голубоглазые арійцы, которыхъ египтяне называли *лебу* (ливійцами). Рамессу выскребалъ на памятникахъ имена прежнихъ фараоновъ и вездѣ ставилъ свое. Онъ мучилъ населеніе непосильными данями и громадными сооруженіями, въ особенности прорытіемъ канала между Ниломъ и Краснымъ моремъ. Онъ любилъ ходить въ Эѳіопію охотиться на черныхъ и массами переселялъ ихъ въ Азію, а на ихъ мѣсто пригонялъ сирійцевъ. Наконецъ, испугавшись размноженія евреевъ, Рамессу велѣлъ избить у нихъ младенцевъ мужескаго пола: отсюда «исходъ» ихъ изъ Египта, съ Моисеемъ во главѣ, при преемникѣ Рамессу (около 1350 г.).

Египетская культура. 1) Государство и общество. При девятнадцатой династіи сложился типъ египетской культуры, который такъ и окаменѣлъ. Въ государствѣ, это — восточный *деспотизмъ*. Фараонъ значитъ «сынъ бога Ра»; это — «лучезарное солнце», а его жена — «богиня Изида, владычица вселенной». У фараоновъ были собственные храмы, гдѣ приносились жертвы передъ ихъ статуями. «Фараонъ безсмертенъ», говорили египтяне, и число ихъ боговъ умножалось съ кончиной каждаго царя. Роскошенъ былъ дворецъ: фараону принадлежала треть земли, которую онъ отдавалъ въ аренду; онъ собиралъ еще огромныя дани. Но не легка была жизнь владыки: вся она до мелочей подчинялась строгому древнему чину: царь не смѣлъ даже ничего ѣсть, кромѣ телятины и гуся. Фараона окружало *военное* сословіе — владѣвшее также третью земли. Тутъ были тѣлохранители, царедворцы, «писцы» (министры), намѣстники областей и воины, обучавшіеся въ школахъ довольно развитому ратному дѣлу. Помѣщики же занимались торговлей и промыслами, пользуясь крѣ-

постнымъ правомъ; торговля была мѣновая; а дани собирались натурой, за неимѣніемъ монетъ. Воины раздѣляли власть и богатство съ *жрецами*, которые владѣли остальною третью земли, пользовались жертвами и получали жалованье, какъ судьи. Но жрецамъ жилось такъ же тяжело, какъ фараонамъ. Они были обязаны брить бороду и брови каждые два дня, купаться дважды въ сутки, поститься (имъ не дозволялись свинина и рыба) и носить только холщевый халатъ да папирусныя сандаліи. Имъ возбранялось многоженство, которое господствовало у остальныхъ египтянъ. Ихъ жены и дочери прислуживали въ храмахъ, но не могли быть жрицами, тогда какъ царицы почитались наравнѣ съ фараонами и могли управлять государствомъ. Воины и жрецы жили замкнуто, лишь изрѣдка вступая между собой въ брачныя связи.

На *крестьянъ* же всѣ смотрѣли, какъ на рабовъ или животныхъ. Они были лишены всякихъ правъ, даже земли и имущества: ихъ продавали, перегоняли съ мѣста на мѣсто, били, какъ собакъ; на нихъ наваливали непосильныя работы, какъ на скотъ. Одну пирамиду строило полмилліона народа въ теченіе 30-ти лѣтъ, и безъ всякихъ орудій, кромѣ веревки, катка да молота.

2) Письменность. Воины и жрецы боролись между собой изъ-за власти. Послѣ Рамесса II жрецы одолѣли: въ ихъ рукахъ находилось образованіе. Искусство всегда подчинялось ихъ подлинникамъ; теперь то же произошло съ письменностью. Эта письменность не мала: у нея былъ свой богъ — *Тотъ*, «предсѣдатель книжныхъ залъ», т. е. библіотекъ. Но все это было достояніемъ однихъ жрецовъ. Тутъ числились 42 «священныя книги», съ *Книгой Мертвыхъ* во главѣ, которую клали въ каждый гробъ. Въ нихъ заключалась и вся наука египтянъ — зачатки астрономіи, медицины и географіи. Египтяне уже въ древнемъ царствѣ замѣтили, что есть планеты и неподвижныя звѣзды. Годъ у нихъ дѣлился на 12 мѣсяцевъ, мѣсяцъ — на 3 части, день на 12 часовъ. Но египтяне думали, что неподвижныя звѣзды — лампы боговъ; а планеты — духи, которые плывутъ (въ видѣ людей или животныхъ) на золотыхъ лодкахъ по жидкой массѣ (небо), лежащей на твердой атмосферѣ. Египетскіе врачи славились даже въ Азіи: бальзамированіе труповъ доставляло имъ анатомическія познанія. Они любили прибѣгать къ слабительному и рвотному, которыя прописывались разъ въ мѣсяцъ даже здоровымъ. Но особенно искусно лечили глазныя болѣзни, наиболѣе распространенныя въ Египтѣ. Врачи занимались также изгнаніемъ духовъ посредствомъ заклинаній и ворожбы. Но и они, какъ художники, не смѣли отступать отъ древнихъ предписаній жрецовъ. Если больной умиралъ, врача преслѣдовали, какъ убійцу. Свѣтская письменность состояла лишь изъ нѣсколькихъ поэмъ да изъ частныхъ писемъ. Впрочемъ сохранились двѣ сатиры съ каррикатурами: здѣсь левъ — фараонъ, газели — его жены, лисицы — царедворцы, а борьба мышей съ кошками — война

3) Религія. Но главная сила жрецовъ состояла въ религіи. Египтяне — изумительно вѣрующій народъ: вездѣ у нихъ боги, которые раньше всѣхъ выдѣлились изъ предвѣчнаго хаоса-океана, хранившаго сѣмена всего на свѣтѣ. Боги кишѣли всюду; но ихъ главари — одни и тѣ же, только со множествомъ мѣстныхъ кличекъ. Такъ богъ боговъ, солнце, назывался въ Верхнемъ Египтѣ *Ра* (Фра) или *Амунъ*, въ Среднемъ — *Фта*, въ Нижнемъ — *Озирисъ*. Ему былъ посвященъ быкъ Гапи (Аписъ у грековъ), который потомъ самъ сталъ богомъ. Ра изображается краснымъ ребенкомъ на груди у матери, одѣтой въ голубое платье со звѣздочками. Онъ плыветъ, въ видѣ круга, на золотой ладьѣ, на западъ и проѣзжаетъ 12 воротъ. Цѣлая рать мелкихъ боговъ помогаетъ ему въ борьбѣ съ Апапомъ, — залегающимъ дорогу змѣемъ, царемъ ночи и зла, «который оскорбилъ дочь солнца, священную кошку». Эта вѣчная драма лучше всего выразилась въ позднѣйшемъ миѳѣ объ *Озирисѣ, Изидѣ и Тифонѣ*, который одинаково признавался во всей странѣ. Озирисъ — тотъ же Ра, только невидимый, ночной,

живущій въ подземномъ мірѣ; это — богъ добра и цивилизаціи по преимуществу. У Озириса былъ коварный братъ, Тифонъ, отъ котораго пошло все зло на землѣ. Онъ убилъ Озириса и разбросалъ его члены по свѣту. Жена Озириса, Изида, обрѣзала себѣ волосы, надѣла трауръ и, горько плача, пошла собирать тѣло мужа: гдѣ ни подниметъ она частичку, тамъ воздвигается храмъ Озирису, а люди научаются всему доброму, и къ нимъ приходитъ счастье. Озирисъ переселился царствовать въ преисподнюю, а на землю прислалъ своего вѣчно юнаго сына *Гора*. Горъ изловилъ Тифона, заковалъ его въ цѣпи и привелъ къ Изидѣ. Добрая богиня даровала жизнь злодѣю, снабдивъ его ослиными ушами и чернымъ цвѣтомъ кожи.

Изъ этого миѳа ясно понятіе египтянъ о *безсмертіи души*. Рожденіе и смерть человѣка — все равно, что восходъ и закатъ солнца. Какъ Озирисъ безсмертенъ, такъ и душа покойника погружалась въ ночь съ тѣмъ, чтобы потомъ возродиться, подобно Гору: покойника даже называли въ молитвахъ и на памятникахъ «Озирисъ *такой-то*». Къ Озирису же отправлялась всякая душа, на лодочкѣ, по небесной лазури. Въ преддверіи преисподней ее встрѣчало чудовище съ раскрытой пастью. Въ первой залѣ засѣдали 42 судьи (по числу смертныхъ грѣховъ), во главѣ ихъ Озирисъ, тронъ котораго обтекаетъ «вода жизни», съ плавающими на ней цвѣтками лотоса. «Сердце» (совѣсть) покойника уличало его въ грѣхахъ: его взвѣшивали, а Тотъ записывалъ вѣсъ. Грѣшныя души отсылались въ адъ, гдѣ онѣ томились въ 75 отдѣленіяхъ; демоны рѣзали и жарили ихъ; онѣ бродили толпами, безъ головъ, таща за собой собственныя истерзанныя сердца. Потомъ онѣ должны были еще цѣлыя тысячилѣтія томиться на землѣ, переселяясь въ тѣла поганыхъ животныхъ. Наконецъ, душа должна была снова войти въ свое тѣло: отсюда заботы египтянъ о сохраненіи труповъ, вызвавшія *бальзамировку* или приготовленіе *мумій*, а также прочныхъ могилъ и каменныхъ саркофаговъ. «Наши дома — гостиницы, говорили египтяне, а наши могилы — вѣчные дома». Душу праведника боги окропляли живою водой. Она невредимо миновала ужасы ада и достигала полей Солнца на Востокѣ, гдѣ пожинала готовыя колосья, срывала плоды и цвѣты, гуляла по тѣнистымъ аллеямъ, нѣжилась въ прохладныхъ прудахъ. Здѣсь же она сливалась, наконецъ, съ Озирисомъ.

Зооморфизмъ.

Египтяне посвящали каждому божеству какое-нибудь *животное*, которое становилось его «аттрибутомъ» (необходимою принадлежностью), и употреблялось въ изображеніяхъ какъ его «символъ» (знаменіе, примѣта). Нѣтъ лучшаго примѣра «зооморфизма» или животнопоклонства. Египтяне считали богами самихъ животныхъ и ихъ изображенія или «идоловъ», т.-е. впадали въ фетишизмъ. Такимъ святынямъ, какъ волъ, кошка, копчикъ, жукъ, строили дорогія жилища и храмы. Ихъ мыли и умащали, обвѣшивали ожерельями и браслетами; передъ ними курили ѳиміамъ. Цѣлыя земли съ крестьянами отводились на ихъ прокармливаніе; иной богачъ, ради спасенія души, ухлопывалъ все свое состояніе на погребеніе жука. Наткнется ли египтянинъ на трупъ собаки — онъ рыдаетъ, рветъ на себѣ волосы, бѣжитъ отъ самого себя; убьетъ ли онъ нечаянно копчика — его казнятъ смертью; случится ли пожаръ — погибай все, даже дѣти, а ужъ кошекъ или ихъ идоловъ спасутъ. Особенно почиталась пиголица — *фениксъ* у грековъ: египтяне вѣрили, что она прилетала черезъ каждыя 500 лѣтъ съ запада и садилась на храмъ Солнца, гдѣ сама себя сожигала на пахучемъ кострѣ, затѣмъ воскресала изъ пепла юницей и улетала на востокъ. Животнопоклонство также отличалось мѣстнымъ характеромъ: въ одномъ городѣ молились крокодиламъ, въ другомъ — ихъ истребляли. Только одинъ Гапи почитался вездѣ. Этотъ «сынъ солнечнаго луча, душа Озириса» былъ мощный черный волъ съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу. Его главная святыня находилась въ Мемфисѣ, гдѣ онъ давалъ прорицанія. Когда Гапи достигалъ 25-лѣтняго возраста, жрецы то-

пили его въ священномъ водоемѣ — и онъ становился Озирисомъ, Озар-Гапи: отсюда греч. *Сераписъ*. Передъ его муміей молились. При смерти Гапи всѣ плакали и истязали себя: во всей странѣ жизнь замирала на два мѣсяца, пока не находили ему преемника. Потомъ наставали дни столь же неистоваго веселья въ честь новаго Гапи.

Паденіе Египта. Послѣ Сезостриса Великаго Египетъ существовалъ еще около тысячи лѣтъ; но эволюція его самобытной жизни уже окончилась. Лѣтъ сто спустя, началось паденіе и старыхъ основъ Египта, ослабленнаго исходомъ евреевъ, который лишилъ его трехъ милліоновъ полезныхъ работниковъ. Съ запада и съ моря все сильнѣе насѣдали лебу, опустошая страну хуже гиксовъ; на востокѣ возникли великія державы — Ассирія и Израиль. Въ самомъ Египтѣ настали усобицы: жрецы отняли власть у фараоновъ. Великая кушитская держава распалась. Эѳіопія образовала сильное государство съ египетскою цивилизаціей: ея столица, Мероэ, была такъ блестяща, что греки сочли ее матерью Египта. Въ остальныхъ частяхъ заводились свои царьки, которые не признавали фараона, жившаго въ Дельтѣ, въ *Саисѣ*. Оттого-то Египтомъ, за исключеніемъ болотистой Дельты, владѣли одно время то *эѳіопы*, то *ассирійцы*; а саисскіе фараоны держались только греками, которые основали тогда, западнѣе, цѣлое царство *Кирену*.

Европеизація Египта. Лишь восемь вѣковъ спустя послѣ Сезостриса. Египетъ началъ возрождаться, при *Псаметихѣ I*, красивомъ, хитромъ и честолюбивомъ фараонѣ въ Саисѣ; но то уже былъ *европейскій* періодъ въ его культурѣ. Псаметихъ одолѣлъ цѣлую дюжину соперниковъ съ помощью грековъ. Онъ сдѣлалъ ихъ своими тѣлохранителями, наперстниками и правителями, раздарилъ имъ земли, отдавалъ имъ египетскую молодежь въ науку. Впечатлительные греки, съ своей стороны, были очарованы древностью и высотой египетской цивилизаціи. Они сочинили, будто египтяне Данай и Кекропсъ переселились къ нимъ, въ Грецію, и будто даже ихъ боги вышли изъ Египта: долго *Египетъ былъ школою Эллады*. Сынъ Псаметиха, *Нехо*, былъ уже совсѣмъ грекомъ даже по нраву. Онъ завелъ флотъ изъ греческихъ и финикійскихъ судовъ, который совершилъ первое путешествіе вокругъ Америкѣ. Египетъ обогащался отъ торговли, оживлялся отъ грековъ. Но косная масса негодовала на европеизмъ двора и высшихъ классовъ и не поднялась на защиту государства, когда съ востока пришла новая бѣда. Персы покорили всю Переднюю Азію и нагрянули на Египетъ (525). Они господствовали на Нилѣ лѣтъ 200, пока ихъ не уничтожилъ Александръ Македонскій (332).

Значеніе Египта. Египтяне — народъ даровитый и почтенный. Они оказали успѣхи въ земледѣліи и промыслахъ, въ торговлѣ и въ военномъ дѣлѣ. Про ихъ художество говорятъ: «дайте движеніе этимъ скаламъ — и эллинское искусство останется позади». Египтяне были образцомъ трудолюбія и кротости, У нихъ были высокія нравственныя заповѣди. Усопшій говоритъ въ «Книгѣ Мертвыхъ»: «Я не богохульствовалъ и не обманывалъ боговъ въ жертвахъ, не лгалъ, не лицемѣрилъ. Я никого не убилъ и не тиранилъ. Никто не голодалъ и не плакалъ отъ меня. Не былъ я ни лѣнтяемъ, ни пьяницей, и не падалъ духомъ; не былъ я любопытенъ и болтливъ. Я не клеветалъ и не завидовалъ, не злословилъ и не шпіонилъ. Я не выгонялъ раба, не общитывалъ поденщика и не заставлялъ ихъ работать сверхъ силъ. Я не поддѣлывалъ печатей и не обвѣшивалъ: мои руки чисты. Я не былъ ростовщикомъ, не обидѣлъ вдовы, не лишилъ молока грудного ребенка. Я кормилъ голоднаго, поилъ жаждущаго, одѣвалъ нагого». Духъ милосердія и справедливости отразился также въ положеніи *женщины*, которая была въ Египтѣ не рабой или вещью: она могла даже управлять государствомъ. По внѣшности, египтянинъ былъ человѣкомъ благовоспитаннымъ: онъ дорожилъ чистотой опрятностью; его манеры и обращеніе были вѣжливы и мягки.

Но египтяне остановились въ своемъ развитіи, достигнувъ высокой цивилизаціи въ отдаленное время. Съ 12-й династіи до Александра Македонскаго, въ теченіи 3000 лѣтъ, почти ничего не измѣнилось: египетскій языкъ, сохранившійся въ видѣ *коптскаго*, въ 17-мъ вѣкѣ по Р. Х. напоминалъ языкъ четвертой династіи. У египтянъ идеалъ былъ назади: они старались сохранить старину, видя только въ ней свою національность; ихъ исторія представляется засохшею муміей. По этому *застою*, древній Египетъ можно назвать Китаемъ бѣлой породы: у него даже была на Суэзскомъ перешейкѣ усѣянная крѣпостцами стѣна, отдѣлявшая его отъ остальнаго міра. Но то, чего египтяне достигли такъ рано, принесло пользу человѣчеству: они были *первыми учителями семитовъ и арійцевъ;* у нихъ сосредоточилось все, до чего могла развиться цивилизація хамитовъ, эта первая школа человѣчества.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Семиты.

Сирія и Аравія. За хамитами на историческое поприще выступила вторая отрасль бѣлой породы — *семиты*. Они дѣйствовали въ юго-западной Азіи, начиная съ ущелій Тавра, который вели въ Сирійское плоскогорье или еврейскій *Арамъ*. Это — сѣверо-западъ Сиріи; онъ усѣянъ пещерами и прорѣзанъ отрогами Тавра — Ливанскими горами, за которыми красовался прелестный оазисъ — «око Востока, рай Божій», Дамаскъ. Въ двухъ мѣстахъ Арамъ стремительно спускается въ прекрасныя низменности — *Палестину* и *Целе-Сирію* (Полую Сирію) или долину р. Оронта. Целе-Сирія — одна изъ самыхъ плодородныхъ странъ въ Азіи: въ рукахъ римлянъ она, подобно Египту, стала «житницею вселенной». Сирійское плоскогорье соединяется гранитнымъ полуостровомъ, Синаемъ, съ пустыннымъ плоскогорьемъ *Аравіей*. А къ востоку оно переходитъ въ *Сирійскую низменность*: это — уже настоящая песчанная степь, разстилающаяся между Тавромъ, Ливаномъ, Аравіей и Евфратомъ; здѣсь рѣдко встрѣчаются такіе дивные оазисы, какъ Пальмира (теперь Тадморъ).

Месопотамія. А дальше на востокъ, по сосѣдству съ этою обителью смерти, красовался рай земной—*Месопотамія* (Междурѣчье—по-гречески, Нахараинъ—у семитовъ), или долина рѣкъ Евфрата и Тигра. Это — самая плодородная, послѣ Египта, мѣстность во всемъ Старомъ Свѣтѣ. *Ефратъ* (Изобильный) тянется тихимъ, широкимъ и глубокимъ (судоходенъ на 2000 верстъ) потокомъ отъ снѣжныхъ вершинъ Тавра къ Персидскому заливу. Его близнецъ, напротивъ, бѣшено несется по ущельямъ Арменіи, этой «западно-азіатской Швейцаріи», и между холмовъ Ассиріи: его прозвали *Тигромъ* (стрѣлой). По своей природѣ, Месопотамія раздѣляется на двѣ части; межой служитъ *Мидійская Стѣна*, устроенная Навуходоносоромъ на половинѣ пути между Вавилономъ и Нинивіей; а подлѣ тянулся на 30 в. Царскій Каналъ, соединявшій Тигръ съ Евфратомъ. Къ сѣверу отъ этой межи лежитъ верхняя Месопотамія, или *Ассирія*, съ прекрасными долинами на востокѣ, покрытыми лѣсами платановъ и кипарисовъ, и съ пустыней на западѣ.

Къ югу отъ Мидійской Стѣны идетъ *Вавилонія* (у евреевъ и на надписяхъ— Сеннааръ) — низменная долина образованная насосами съ моря. Здѣсь невыносимая жара и засуха: надъ огромной равниной, гдѣ не увидишь холмика, разстилается вѣчно-ясное небо, и въ его глубокой лазури ярко блестятъ свѣтила, приковывая къ себѣ вниманіе человѣка. Здѣсь была бы Сахара, еслибы не Тигръ съ Евфратомъ, которые своими разливами орошаютъ жирный темный илъ почвы.

Въ древности, при замѣчательной канализаціи, это былъ «садъ Азіи». Здѣсь пшеница и рисъ всходили самъ-двѣсти, и жатву собирали два раза въ годъ; повсюду встрѣчались цѣлые лѣса финиковыхъ пальмъ, удовлетворяющихъ, по словамъ персидскихъ поэтовъ, 360-ти нуждамъ человѣка; на цвѣтущихъ лугахъ паслись большія стада скота и даже слоновъ. Въ этой благодатной странѣ, способной прокормить массу людей, на зарѣ исторіи толпились всѣ племена бѣлой породы: то было истинное «смѣшеніе языковъ». Здѣсь-то возникла другая колыбель нашей цивилизаціи, которая соперничаетъ съ Египтомъ по своей древности. Теперь Египетъ воскресаетъ къ новой жизни, благодаря европейскому просвѣщенію: возстановленный каналъ Рамессу II (Суэзскій) придвигаетъ Африку и Азію къ нашей цивилизаціи. А нынѣшняя Месопотамія — сплошная печальная развалина. Это — дикая пустыня, занесенная пескомъ и усѣянная курганами, между которыми таятся хищныя звѣри да арабскіе разбойники. Дворцы, храмы, всѣ роскошныя сооруженія превратились въ груды мусора. Вмѣсто висячихъ садовъ и цвѣтущихъ эдемовъ (раевъ), лѣса сѣдыхъ тростниковъ покрываютъ болотистые берега.

Эламъ

То же должно сказать о сосѣднемъ съ Месопотаміей *Эламѣ* (иначе — Сузіама, теперь Хушистанъ), который составляетъ третью колыбель цивилизаціи. Это — равнина, на югѣ который былъ такой зной, что змѣи и ящерицы издыхали, переползая черезъ дорогу. Но сѣверная часть Элама отличалась умѣреннымъ климатомъ и плодородною почвой. Она изобиловала виноградомъ, хлопчатникомъ и сахарнымъ тросникомъ, а пшеница родилась здѣсь самъ-двѣсти. Среди множества прозрачныхъ рѣчекъ славился *Хоаспъ* своею вкусною водой, которую возили всюду за царями. Страна была изрѣзана каналами и покрыта поселеніями. Столица Элама, *Суза*, славилась, какъ одинъ изъ роскошнѣйшихъ городовъ Востока. Теперь отъ нея осталось лишь два огромныхъ кургана, заросшихъ высокою травой, въ которой ютятся дикіе звѣри.

Раскопки въ Месопотаміи и Эламѣ.

До половины текущаго вѣка мы знали исторію Месопотаміи изъ Библіи и Бероза (вавилонскій жрецъ 3-го в. до Р. Х.): затѣмъ пошли знаменитыя *раскопки* французовъ и англичанъ, пролившія новый свѣтъ на эту дивную древность. Раньше всего изслѣдовали курганы-великаны близъ нынѣшняго *Мосула* — все развалины дворцовъ и изрѣдка храмовъ: болѣе хрупкіе частные дома исчезли безслѣдно. Это — знаменитая древняя Ниннвія, столица Ассиріи: ея остатки относятся ко времени отъ 700 до 1000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Затѣмъ, у нынѣшняго *Багдада* выступила изъ-подъ земли еще болѣе сѣдая древность. Это — пресловутая Вавилонія, которая, какъ оказалось теперь, дѣлилась на двѣ части — на сѣверную, или собственно Вавилонію, и южную, которую греки называли Халдеей. Здѣсь, какъ и въ Ассиріи, чѣмъ южнѣе развалины, тѣмъ онѣ древнѣе. Столица сѣвера, пресловутый Вавилонъ — юнецъ (ок. 2000 л. до Р. Х.) сравнительно съ пра-городами Халдеи (болѣе 4000 л. до Р. Х.), главой которыхъ былъ приморскій *Уръ* (библейской Халанни). Развалины Ура находятся теперь у сліянія Тигра съ Ефратомъ, за 100 в. отъ Персидскаго залива: въ древности же сюда достигало море, и обѣ рѣки впадали въ него отдѣльно. Раскопки дали также очень древнія поселенія къ востоку отъ Тигра, въ *Эламѣ*. Вообще въ тѣхъ мѣстахъ археолога ждутъ великія открытія, которыя, вѣроятно, приблизятъ исторію къ колыбели человѣчества.

Туранцы въ Халдеѣ.

Преданія подтверждаютъ, что Вавилонія гораздо старше Ассиріи. Они видятъ тамъ даже начало исторіи вообще. По Библіи, «первые люди пришли съ востока въ Сеннааръ, и тамъ Господь смѣшалъ языки всей земли». По Березу, «съизначала въ Вавилоніи было множество людей разныхъ націй». Раскопки также свидѣтельствуютъ о скопленіи народовъ: близъ древняго Вавилона былъ городъ Борсиппа — имя, означающее «башню языковъ». Оказывается, что на глазахъ исторіи древнѣйшими обитателями Халдеи были *туранцы*, вытѣснившіе черныхъ дикарей: языкъ ихъ, сохранившійся на самыхъ ветхихъ надписяхъ, близокъ къ

татарскимъ нарѣчіямъ. Эти туранцы уже достигли значительной цивилизаціи. Они-то строили города, которые своею древностью соперничаютъ съ египетскими пирамидами. Ихъ вещи относятся къ *бронзовому* вѣку, хотя встрѣчаются и каменныя орудія; желѣзо употреблялось только для украшеній. У халдейскихъ туранцевъ были уже цари; родители, пренебрегавшіе своими дѣтьми, заключались въ тюрьму; женщина имѣла права и собственность. Были и астрономическія понятія, но смѣшанныя съ грубыми сказками. Земля представлялась опрокинутою лодкой, обтекаемою океаномъ, съ Халдеей въ центрѣ: на востокѣ и западѣ помѣщались двѣ горы, которыя поддерживали небо, вращавшееся вокругъ нихъ въ видѣ колпака; небо усѣяно неподвижными звѣздами, а между небомъ и землей ходятъ 7 планетъ въ видѣ громадныхъ животныхъ.

Религія туранцевъ была также груба. У нихъ было три главныхъ бога— одинъ на небѣ, другой на землѣ, третій въ преисподней. Небесный богъ объѣзжалъ днемъ вселенную на лодкѣ, управляемой низшими богами, а вечеромъ скрывался за западной горой. Туда же направлялись души умершихъ; тамъ онѣ вѣчно жили, какъ въ темницѣ, не имѣя другой пищи, кромѣ грязи и пыли; тамъ господствовалъ «мракъ, гдѣ тѣни, какъ птицы, кишѣли подъ сводомъ». Главнымъ богамъ подчинялась куча божковъ и духовъ, добрыхъ и злыхъ, которые управляли силами природы и душевными движеніями человѣка. Особенно много было злыхъ демоновъ: богослуженіе состояло главнымъ образомъ въ ихъ заклинаніи. Жрецы были колдунами; ихъ называли *магами* — и отсюда пошла повсюду «магія», или чернокнижіе (колдовство). У туранцевъ Халдеи было образное письмо, сначала въ видѣ рисунковъ, потомъ въ формѣ *клиньевъ*, которые позже стали обозначать звуки. Туранцы были вытѣснены изъ Халдеи кушитами и утвердились въ *Эламѣ*, гдѣ основали сильное царство со многими кирпичными городами, во главѣ которыхъ стояла роскошная Суза.

Халдеи. Сумеръ и аккадъ.

Туранцы были смѣнены въ Халдеѣ *кушитами*, которыхъ древніе вообще именовали тамъ *халдеями*. По преданію, они спустились, въ незапамятныя времена, съ Гинду-куша, и прежде всего основались у Персидскаго залива. Здѣсь они называли себя *сумерами*, въ отличіе отъ своихъ соплеменниковъ въ собственной Вавилоніи, которые именовались *аккадами*. У нихъ-то создалась едва-ли не самая древняя изъ цивилизацій бѣлой породы, которая распространилась потомъ до Инда и Средиземнаго моря: туда ходили суда изъ торговаго центра— *Ура*, славнаго также своимъ «зиггуратомъ» — храмомъ, который имѣлъ видъ башни съ ярусомъ и походилъ на древнѣйшую пирамиду со ступеньками въ Египтѣ. Въ Урѣ жили халдейскіе цари: слѣдовательно, родовой бытъ уже палъ. Это видно и изъ религіи сумера, которая легла въ основу вѣрованій почти всего древняго Востока. Сначала, пока халдеи жили въ родовомъ быту, у нихъ было много мѣстныхъ божествъ, во главѣ которыхъ стояли три пары, въ особенности *Белъ* и *Бѣлита* (Милита). Эти боги изображались въ видѣ людей, то съ птичьей головой, съ орлинымъ хвостомъ и крыльями, то съ рыбой на плечахъ, или съ рыбьимъ плесомъ, то на курьихъ ножкахъ. Когда образовалось государство, эти божества были подчинены верховному богу, *Илу*, и стали означать уже астрономическія явленія — солнце, луну, атмосферу. Подлѣ нихъ возникли 5 боговъ-планетъ. Изъ нихъ любимица народовъ, *Истаръ* (Венера), была, съ одной стороны, нѣжною красавицей, съ другой—воинственною «царицею побѣдъ»; въ первомъ случаѣ она изображалась нагою, съ руками, приложенными къ груди; во второмъ — она несется на львѣ или на волѣ, въ унизанной звѣздами тіарѣ, съ лукомъ и колчаномъ въ рукахъ. За исключеніемъ Аравіи, сабеизмъ нигдѣ не былъ развитъ до такой степени, какъ въ Вавилоніи: здѣсь даже въ клинообразномъ письмѣ слово «богъ» обозначается звѣздочкой.

Но рядомъ съ богами видимъ множество духовъ, съ которыми связана куча талисмановъ—бронзовыхъ идольчиковъ, въ видѣ чудовищъ (демоны). Это—вліяніе

туранцевъ: у халдеевъ даже жрецами были туранскіе маги; въ ихъ храмахъ и школахъ употреблялся туранскій языкъ, какъ латынь у католиковъ. Туранскій отпечатокъ лежитъ и на всей халдейской культурѣ, частью каменной, частью бронзовой. Ея главными остатками служатъ дѣтски сработанные «цилиндрики» (печати, которыя носились на рукѣ, на шнуркѣ), зиггатуры, могилы со склепами изъ голубой глазури, да изразцы, которыми украшали узкіе, длинные дома изъ сушенаго кирпича. Преданія халдеевъ, сохранившіяся на надписяхъ, служатъ древнѣйшими воспоминаніями человѣчества: здѣсь-то читаемъ разсказъ о потопѣ и вавилонской (борсиппской) башнѣ, весьма близкій къ библейскому. Послѣ потопа преданіе ставитъ рядъ царей-чудодѣевъ: во главѣ ихъ—Нимродъ, «великій ловецъ передъ Господомъ». Но исторія считаетъ первою халдейскою династіей урскую, отъ которой сохранились памятники. Она была уничтожена, около 2300 г. до Р. Х., нашествіемъ эламитовъ, которые пронеслись тогда ураганомъ до самой Палестины.

Первобытные семиты. При урской династіи въ исторіи выступаютъ *семиты* или «славные». Они спустились съ Памира послѣ кушитовъ и остановились въ Халдеѣ, среди этихъ своихъ родственниковъ. Размножившись тамъ и тѣснимые эламитами, они начали выселяться въ разныя стороны. Одни изъ нихъ, со сказочнымъ Ассуромъ во главѣ, перебрались въ сѣверную Месопотамію. Другіе были выведены патріархомъ Ѳарой на сѣверо-западъ, въ Гаранъ, откуда они перешли потомъ, съ Авраамомъ, въ Палестину, гдѣ получили названіе *евреевъ* или «зарѣчныхъ», а оттуда пробрались въ Финикію и даже Египетъ. Многіе двинулись на западъ, въ Сирію, гдѣ стали именоваться *арамеями*. Наконецъ, семиты заселили Аравію и отчасти Абиссинію.

Месопотамскіе семиты. Оставшіеся въ Халдеѣ семиты развивались на счетъ кушитовъ и туранцевъ. У нихъ явился герой, низвергнувшій иго эламитовъ—*Саргонъ I*. По преданію, мать тайно родила его и бросила въ Ефратъ, въ корзинкѣ. Одинъ рыбакъ вынулъ ребенка и воспиталъ, какъ своего сына. Выросши, Саргонъ сталъ во главѣ покоренныхъ и изгналъ эламитовъ. Такъ было возстановлено царство халдеевъ, но уже съ чисто семитскимъ отпечаткомъ: Саргонъ перевелъ туранскія книги на нарѣчіе семитовъ. Средоточіемъ его сталъ уже болѣе сѣверный *Вавилонъ*. Вскорѣ и сѣверная Месопотамія превратилась въ чисто-семитскую *Ассирію*, съ столицей Эль-Ассуръ, недалеко отъ Мидійской стѣны. Въ то время (1800—1600) Вавилонія и Ассирія были тѣсно связаны между собой; Ассиріей даже управляли вавилонскіе намѣстники. Но въ концѣ этого періода египтяне овладѣли обѣими странами: ихъ намѣстники завѣдывали ими лѣтъ 300. Около 1300 г. Месопотамія освободилась отъ этого ига; но Вавилонія подпала власти усилившейся Ассиріи, которая владѣла ею почти семь вѣковъ (1300—600).

Вавилонская цивилизація. Египтяне и ассирійцы не касались внутренней жизни Вавилона: именно тогда онъ достигъ міровой славы, какъ представитель верха *семитской цивилизаціи* въ Азіи. Самая столица поражала невиданной роскошью: «это—царство, а не городъ», говорили тогда про *Вавилонъ*, который раскидывался на 100 в. въ окружности и былъ усѣянъ величавыми зиггуратами и красивыми палатами. На улицахъ кишѣли толпы разныхъ націй; всюду бросались въ глаза богатство и франтовство. Вавилоняне ходили въ тройныхъ хламидахъ изъ дорогихъ матерій, обвивали волоса ленточками, заплетали бороды, умащали тѣло, носили цѣнные перстни и посохи и водили съ собой огромныхъ индійскихъ псовъ. Они были надменны, тщеславясь своею столицей, которую пророкъ Исаія называлъ «золотымъ городомъ», славой царствъ, прелестью халдейскаго величія». Вавилонъ былъ узломъ всемірной торговли и промышленности, которой служили тысячи заводовъ. Славились вавилонскія ткани, ковры, изящныя бездѣлушки, парфюмерія и косметика.

Вавилонъ былъ и всесвѣтною школой. Тамъ знали почти все, что можно было замѣтить на небѣ простымъ глазомъ: правильно дѣлили годъ, называя дни по именамъ планетъ, измѣряли время солнечными часами, установили созвѣздіе со знаками зодіака (кругъ животныхъ), предсказывали лунныя затменія. Вавилоняне знали таблицу умноженія и дроби, изобрѣли систему мѣръ и вѣсовъ, а также монету (талантъ). Царскій каналъ свидѣтельствуетъ о геометріи, а при ней развилось зодчество, которое пышно убиралось барельефами и красками. Но у этихъ богачей господствовали эгоизмъ и легкомысліе. Самая религія превращалась у нихъ въ грубую забаву. Они почитали только *Бела*, а больше всего *Милиту*, при храмахъ которой были голубятни, пруды и рощицы, гдѣ стекалось много женщинъ и устраивались оргіи. Толпа предавалась еще фетишизму, не понимая мудренаго сабеизма жрецовъ и знати. Вавилонъ представляетъ собой первый въ исторіи *центръ международныхъ сношеній*. Оттого даже послѣ его погибели были окружены обаяніемъ жалкіе потомки великихъ космополитовъ Востока—тѣ шарлатаны, которые, подъ именемъ «халдеевъ», жили въ блестящемъ Римѣ фокусами да колдовствомъ.

Такъ первенствовалъ Вавилонъ въ культурѣ, подчиняясь политически чужеземцамъ. А между тѣмъ подлѣ него росла его колонія и ученица, *Ассирія*. Ея столица постепенно переносилась изъ Эль-Ассура далѣе на сѣверъ, пока не утвердилась въ *Ниневіи*. Ея правители, бывшіе вассалы Вавилона, потомъ Египта, стали называться «сарами» (царями). Около 1300 г., когда ослабѣлъ Египетъ, они уже овладѣли Вавилономъ; а около 1100 г. намъ предстаетъ типъ воинственнаго деспота, *Тиглат-фала-сара I*. Онъ боролся съ хищными звѣрями и лично водилъ грозныя рати отъ Арменіи до Ура, отъ Мидіи до Средиземнаго м. Онъ самъ увѣковѣчилъ свои подвиги на страшныхъ надписяхъ. Тутъ онъ говоритъ намъ: «Я словно буря, свалилъ ряды враговъ. Я преслѣдовалъ ихъ, какъ лютыхъ звѣрей. Я покрылъ ихъ трупами долины и горныя вершины. Я отрѣзалъ имъ головы. Изъ зубцовъ ихъ крѣпостей я наворотилъ кучи, словно горы. Я забралъ несмѣтное число всякаго добра, драгоцѣнностей и ихъ боговъ. Я обратилъ въ пепелъ, разрушилъ, сравнялъ съ землей ихъ города. Тысячи ихъ воиновъ, бѣжавшихъ передъ моими холопами и принявшихъ тяжкое иго моего владычества, я отдалъ въ рабство людямъ моей земли. Таковъ я, Тиглат-фаласаръ, могучій царь, бичъ злодѣевъ, разгромитель вражьихъ ратей». Преемники лютаго царя столкнулись съ новыми сильными врагами—съ *хананитами*, которые занимали Целе-Сирію, Финикію и Палестину. **Возвышеніе Ассиріи.**

Финикія — клочекъ земли между Ливаномъ и моремъ; но ему принадлежитъ одна изъ первыхъ ролей въ древности. Здѣсь была одна изъ самыхъ плодородныхъ почвъ въ Азіи. Всюду господствовала богатѣйшая растительность; а у самаго моря извивалась превосходная береговая линія, гдѣ изстари пріютились богатые портовые города — древнѣйшій Сидонъ или «мать городовъ», его юный соперникъ Тиръ (Скала), Триполисъ и др. Отсюда — развитіе у моря городской и торговой жизни; а горы разбивали страну на множество мелкихъ республикъ. Совсѣмъ не то была *Палестина*, по-еврейски — Ханаанъ или низменность. Прелестныя долины, дававшія роскошную жатву почти безъ труда, и склоны горъ, покрытые лѣсами, призывали населеніе къ земледѣлію и скотоводству; но отдаленность отъ моря и замкнутость среди горъ не дозволяли ему развиваться, переходить къ городскому быту: города тамъ — Іерусалимъ, Іерихонъ, Виѳлеемъ, Самарія — походили на большія села; въ тѣсныхъ долинахъ гнѣздились родовыя общины, враждовавшія между собой. Финикія и Палестина въ незапамятныя времена были заняты кушитами съ Персидскаго залива, которые застали здѣсь какихъ-то «жужжавшихъ» дикарей-великановъ. Истребивъ ихъ, они ввели свою культуру. Особенно много сдѣлала отрасль ихъ, разселившаяся у моря, подъ именемъ *финикіянъ* или «пунійцевъ»: они-то настроили тутъ много **Хананиты. Финикія и Палестина.**

городовъ. Около 2200 л. до Р. Х. жизнь кушитовъ была нарушена нашествіемъ семитовъ изъ Месопотаміи. Изъ смѣси этихъ двухъ племенъ образовались *хананиты*, у которыхъ преобладало *семитство*. Только финикіяне сохраняли свою цивилизацію, которую передали даже пришельцамъ; но и они стали говорить по-семитски. Въ наибольшей чистотѣ семиты сохранились въ Палестинѣ, въ лицѣ евреевъ.

Первобытные финикіяне. Пока евреи коснѣли въ патріархальности, финикіяне быстро богатѣли, развивая свою торговлю. Господство египтянъ (1700—1200) не мѣшало имъ: фараоны дорожили ихъ флотомъ. Тогда въ Передней Азіи настала эпоха маститаго *Сидона*. Сидонцы распространяли свои колоніи, торговыя конторы и пристани по *восточному* бассейну Средиземнаго моря до Италіи, по Архипелагу и Черному морю до Колхиды (Грузіи) и устьевъ Тира (Днѣстра); сидонецъ Кадмъ основалъ даже Ѳивы внутри Греціи. Въ то же время финикіяне вели сухопутную торговлю съ Индіей, Аравіей, Вавилономъ и Кавказомъ. Они мастерски приготовляли *бронзовыя* издѣлія, доставая олово въ Индіи и на Кавказѣ, и развозили ихъ по берегамъ Средиземнаго моря, обитатели которыхъ жили еще въ каменномъ вѣкѣ. Наконецъ, и у сидонцевъ явился опасный врагъ—арійцы, которые появились около 1400 г. по берегамъ Малой Азіи, подъ именемъ *пелазговъ*. Вскорѣ эти предпріимчивые предки грековъ усилились до того, что достигли Мемфиса и Колхиды — два событія, которыя слились, въ ихъ преданіяхъ, въ одну сказку о *походѣ Аргонавтовъ*. Часть ихъ, съ Крита, ворвалась въ Палестину, подъ именемъ *филистимлянъ*. Въ то же время могущество сидонцевъ было потрясено нашествіемъ новыхъ семитовъ: то евреи возвращались изъ Египта. Ок. 1200 г. палъ Сидонъ; но его мѣсто занялъ *Тиръ*—и финикіяне усилились больше прежняго.

Еврейская держава. Давидъ. Знаменитый «исходъ» изъ Египта послужилъ началомъ исторіи Палестины. Пока евреи странствовали въ пустынѣ, опасаясь фараона, который опустошалъ Сирію у нихъ не могло быть государства: они распадались на 12 колѣнъ, которыя вели свое происхожденіе отъ Іакова, внука Авраамова, и раздѣлялись на роды, управляемые старѣйшинами. Но они уже составили особую народность, благодаря новой религіи, данной черезъ *Моисея*. Они презирали свою старую вѣру, сохранявшуюся у хананитовъ, какъ идолопоклонство, и стали монотеистами, признавъ единаго *Іегову*. Іегова сталъ могучимъ и строгимъ царемъ евреевъ; онъ далъ имъ первые законы (10 заповѣдей) и соединилъ ихъ вокругъ своего святилища — скиніи (палатки) съ ковчежцемъ, у которой собирался весь народъ въ праздники Пасхи, Пятидесятницы и Кущей. Съ такимъ Богомъ евреи почувствовали въ себѣ силу и захватили *Палестину* у хананитовъ (ок. 1300 г.). Но здѣсь они должны были остановиться, въ виду сильныхъ филистимлянъ и сидонцевъ. Вскорѣ они стали подчиняться мѣстнымъ вѣрованіямъ, и у нихъ начались междоусобія: родъ возсталъ на родъ.

Тогда возникли у евреевъ попытки создать государство: вожди побѣждавшіе хананитовъ, становились князьками, подъ именемъ *судей* (Самсонъ, Девора и Баракъ, Гедеонъ, Илья, Самуилъ). Но судьи являлись лишь временно, и не всѣ колѣна подчинялись имъ. Бѣдствія продолжались, — и евреи выбрали себѣ царя, т.-е. перешли къ государственному быту. Первый царь, Саулъ, еще не могъ ввести порядка; но его преемникъ, *Давидъ*, уже объединилъ евреевъ и основалъ, среди колѣна Іуды, столицу *Іерусалимъ*, куда была поставлена священная скинія. При немъ евреи стали великою державой, наравнѣ съ Египтомъ и Ассиріей, и такими же воинственными. Давиду повиновались всѣ народы отъ Евфрата до Египта, а финикіяне искали его союза. Много было недостатковъ у Давида; но евреи помнили только, что это былъ сильный и искусный основатель ихъ державы и, сверхъ того, народный поэтъ. Давидъ сталъ героемъ націи, типомъ Мессіи, который при-

детъ возстановить еврейство въ минуту его паденія: съ его именемъ связаны всѣ религіозныя пѣсни народа.

Такимъ же національнымъ героемъ сталъ сынъ Давида, *Соломонъ* (ок. 1000 л.), только съ другимъ характеромъ. Соломонъ — не воинъ, а философъ. Евреи вели отъ него всю свою философскую литературу, состоявшую изъ изреченій по житейской мудрости и отчасти по зоологіи и ботаникѣ. Они превозносили его, какъ вѣчный образецъ премудрости, какъ учителя, къ которому пріѣзжала за совѣтами даже царица аравійскаго государства Сабы. Этотъ величавый образъ перешелъ въ преданія всѣхъ семитовъ и даже арійцевъ. Соломонъ былъ также типомъ царя сильнаго, установившагося царства. У него было множество женъ, и онъ иногда служилъ ихъ богамъ. Его дворцы блистали роскошью; Соломонъ построилъ и храмъ въ Іерусалимѣ, который народъ считалъ чудомъ Свѣта, хотя онъ былъ ничтожествомъ сравнительно съ сооруженіями египтянъ и халдеевъ, такъ какъ евреи были небольшимъ и бѣднымъ народомъ: одинъ Тиръ былъ богаче всего ихъ царства. Чтобы сдѣлать свой народъ такимъ же богатымъ, какъ финикіяне, Соломонъ устраивалъ торговые пути и завелъ флотъ съ помощью своего союзника, тирскаго царя. Эти предпріятія разнесли имя Соломона по всему свѣту. Но они были тяжелы для народа: евреи были мирными земледѣльцами и твердыми приверженцами старины, освященной вѣрою, которая сохраняла ихъ національность среди массы чуждыхъ народовъ; а ихъ хотѣли сдѣлать воинственною и торговою націей, стремящеюся къ новизнѣ и чужимъ обычаямъ.

Соломонъ. Ассирійское плѣненіе.

Оттого еврейская держава процвѣтала недолго, да и то лишь благодаря упадку Египта, Ассиріи и Сидона. Она начала разлагаться уже въ концѣ царствованія Соломона. Между колѣнами вспыхнула вражда. Народъ волновался еще отъ тяжелыхъ налоговъ, которыми поддерживалась пышность Соломона. 10 сѣверныхъ колѣнъ отложились: назвавъ только себя *Израилемъ* (прозвище Іакова), они выбрали себѣ особаго царя; остальныя два колѣна, съ іудинымъ во главѣ, признали сына Соломона. Такъ распалась еврейская держава на два царства — іудейское и израильское (978 г.); столицей послѣдняго стала *Самарія*. Между обоими царствами возгорѣлось соперничество, тѣмъ болѣе упорное, что они были равносильны. Но израильское царство пало раньше. На него пали первые удары *Ассиріи*, которая стала тогда главною державой на Востокѣ: пророки называли ее «ливанскимъ кедромъ». Овладѣвъ большею частью передней Азіи, саръ Саргонъ задумалъ уничтожить Палестину, Финикію и Египетъ. Палестину тогда раздирали усобицы. Въ обоихъ царствахъ евреевъ боролись двѣ партіи — воинственная — свѣтская и мирная — духовная. Во главѣ послѣдней стояли *пророки*, эти носители чистоты религіи. Саргонъ сначала разбилъ сирійскихъ царьковъ, потомъ взялъ Самарію (720). Ея жители были переселены въ Мидію: евреи называютъ это бѣдствіе *ассирійскимъ плѣненіемъ*.

Финикійская культура.

Но и ассирійская коса нашла на камень. Великаго Саргона остановила маленькая Финикія. Она достигла тогда своего высшаго развитія — *эпохи Тира* (1200—700), смѣнившаго Сидонъ. Тиръ былъ главой союза городовъ, каждый изъ которыхъ походилъ на конституціонную монархію. Матеріальная культура достигла тогда въ Финикіи невиданныхъ успѣховъ. Особенно поразительно развитіе промышленности и торговли. Каждый городъ былъ переполненъ заводами и мастерскими, гдѣ изготовлялись, главнымъ образомъ, очень дорогія *пурпурныя* (цвѣтныя) матеріи изъ шерсти: краски извлекались изъ морскихъ раковинъ. Затѣмъ шло *стекло* (вазы, ожерелья, бусы и т. п.), гончарныя издѣлія (раскрашенныя вазы послужили образцомъ для греческихъ) и всякаго рода металлическія вещи, въ особенности *бронзовыя* (онѣ — образецъ для бронзоваго вѣка въ Европѣ). Въ *торговлѣ* финикіяне превосходили средневѣковыхъ венеціанцевъ. Она соединяла Индъ съ Оловянными островами (теперь Сорлингскіе); а сухимъ

путемъ шла въ Колхиду, Месопотамію, Аравію, Египетъ, и отъ Одера до Сены, Роны и По. Эта торговля была мѣновая. Она создала мрачный характеръ «торгаша», какъ называли греки финикіянъ, походившихъ на морскихъ разбойниковъ.

Эти черты отразились и въ грубой религіи финикіянъ. Въ основѣ это были вавилонскія божества — *Бааль* (Белъ) и Милита или *Ашера*, которой особенно служили безцеремонныя женщины въ лѣтніе праздники «кущей» или палатокъ. Даже добрый Баалъ обращался лѣтомъ въ палящее солнце, въ смерть: онъ становился *Молохомъ* («царемъ») — мѣднымъ истуканомъ съ бычачьей головой и съ протянутыми руками, на которыя клали дѣтей, скатывавшихся въ раскаленнаго идола. Веселая Ашера также превращалась въ свирѣпую *Астарту*, въ неприступную дѣву, скачущую на львѣ, съ копьемъ въ рукѣ: ея жрецы рѣзали себя, бичевали, оскопляли. Торгаши съ такими понятіями не могли увлекаться ни наукой, ни искусствомъ. Они только изобрѣли азбуку по торговой надобности. Зодчество они заимствовали у египтянъ, скульптуру — частью у нихъ же, частью у ассирійцевъ. Этотъ смѣшанный стиль отразился въ раннемъ греческомъ ваяніи, а также у этрусковъ.

Колоніи финикіянъ. Кароагенъ.

Торговля привела финикіянъ къ основанію *колоній*, особенно въ тирскую эпоху, когда они покрыли ими западный бассейнъ Средиземнаго моря (1300—1000). Тутъ возникли Утика, Гадесъ (Кадиксъ) и множество поселковъ на всѣхъ берегахъ. Всѣ переселенцы платили дань своей «митрополіи» (матери-городу) и получали отъ нея намѣстниковъ. Самою важною колоніей оказался *Кароагенъ* («новый городъ»), основанный (ок. 880) Элиссой или Дидоной («бѣглянкой»), сестрой тирскаго царя, неудачно возставшей противъ своего брата во главѣ денежной знати. *Пунійцы* (такъ звали кароагенянъ на Западѣ) въ два вѣка покорили туземцевъ и, въ свою очередь, основали много колоній по сѣверному берегу Африки и на островахъ. Около 600 г. они столкнулись съ греками у Кирены и отбили у нихъ выгодный торгъ съ неграми до оз. Чада и р. Нигера. Когда палъ Тиръ, всѣ его колоніи искали опоры у Кароагена, который сталъ великою державой, завелъ сильный флотъ, колонизовалъ берега Италіи и Сициліи. Но *культура* пунійцевъ не пошла дальше финикійской, которая даже погрубѣла у нихъ. Они были только первыми банкирами въ мірѣ и дошли почти до бумажныхъ денегъ; но рядомъ они занимались плантаціями съ массой рабовъ изъ туземцевъ. Кароагеняне поклонялись преимущественно свирѣпому *Ваалу-Сожигателю* (Молоху), которому приносили въ жертву дѣтей даже въ началѣ христіанства. Роль жрецовъ играли чиновники.

Государство вообще поглощало жизнь гражданъ. Оно было деспотическое, хотя и называлось *республикой*. Во главѣ стояли два «суффета». Вся власть была въ рукахъ капиталистовъ, среди которыхъ выдавались фамиліи *Магона* и *Барки*. Кароагенъ былъ *передовымъ* распространителемъ восточной цивилизаціи на Западѣ, первымъ образчикомъ республики и единственнымъ въ древности примѣромъ торговаго государства съ завоевательною политикой. Но онъ распространялъ чужую культуру: истинными *піонерами цивилизаціи на Западѣ* были финикіяне.

Паденіе Тира и Іерусалима.

Тиръ лишь на время задержалъ завоеваніе Саргона. Но вскорѣ всѣ другіе города Финикіи подчинились Ассиріи. Затѣмъ настало новое азіатское иго: въ 574 г. халдейскій царъ *Навуходоносоръ* разрушилъ Тиръ. А въ 537 г. финикіяне уже безъ борьбы подчинились персидскому царю Киру. Союзники финикіянъ, евреи, гораздо раньше испили ту же горькую чашу. Послѣ паденія Израиля, іудейское царство оставалось ничтожествомъ. Евреи чуяли бѣду и еще болѣе упорствовали въ своемъ націонализмѣ. Пророка Исаію, замученнаго царемъ-идолопоклонникомъ, замѣнилъ *Іеремія* — «богодухновенный» мужъ еще болѣе непримиримый. Затѣмъ «левиты» (священники) нашли въ храмѣ «Второй Законъ» (622) — книгу о болѣе строгомъ почитаніи Іеговы: и чужеземные идолы были

уничтожены, вмѣстѣ съ ихъ жрецами. Между тѣмъ поднялось вновь халдейское царство — и Навуходоносоръ взялъ Іерусалимъ (587). Множество евреевъ было переселено въ его столицу: началось «70-лѣтнее *вавилонское плѣненіе*». Послѣ паденія еврейскихъ царствъ постепенно замеръ и древній ихъ языкъ. Около времени Магомета (600 л. по Р. Х.) онъ уступилъ мѣсто арамейскому нарѣчію, какъ народный говоръ, сохранившись лишь въ церкви и литературѣ. Но и тутъ онъ подвергся большимъ измѣненіямъ, воспріявъ въ себя много словъ арамейскихъ, греческихъ, латинскихъ и арабскихъ. Таковъ Талмудъ (собраніе толкованій раввиновъ) и нынѣшній литературный языкъ евреевъ.

Процвѣтаніе Ассиріи. Искусство.

Евреи и финикіяне не пали бы такъ легко, если бы они уже не были надломлены силой Ассиріи. Высшее развитіе этой страшной державы относится именно ко времени Саргонидовъ, и особенно къ царствованію *Ассуръ-банъ-абала* (ок. 650 г.). Этотъ саръ былъ полнымъ представителемъ своего народа, образцомъ энергіи, воинственности, жестокости и любви къ искусству. Ему принадлежала почти вся Передняя Азія, а также Египетъ до Ѳивъ. Онъ сгубилъ и гордый Эламъ: туловище его царя онъ бросилъ псамъ, а голову посолилъ и повѣсилъ въ своемъ саду. Онъ довершилъ чудеса *искусства*, открываемыя теперь раскопками. Тутъ — узкіе, длинные дворцы изъ сушеныхъ на солнцѣ кирпичей, устроенные какъ теперь у турокъ. У входа стоятъ «херувы» — два каменныхъ быка-великана (или льва) съ человѣческой головой и крыльями. Внутри всюду черное дерево, кипарисъ, кедръ, серебро, слоновая кость, и особенно изразцы, а также барельефы и фрески (стѣнопись). Позади — зиггуратъ, служившій обсерваторіей для придворныхъ астрологовъ, которые гадали по небеснымъ свѣтиламъ. Ассирійское зодчество отчасти сохранилось на востокѣ и теперь и послужило образцомъ для греческаго; но оно ниже египетскаго. Зато ваяніе выше египетскаго: оно не такъ величественно, но отличается реализмомъ и мягкостью чертъ, полно жизни и движенія: въ правдивомъ изображеніи животныхъ даже греки не превзошли ассирійцевъ. Эта скульптура, несмотря на нѣкоторую дѣтскость (господство профиля), — мать греческой пластики. Художественный талантъ отразился и въ промышленности ассирійцевъ, — въ ихъ изразцахъ, металлическихъ издѣліяхъ и вазахъ, которыя встрѣчаются даже въ Этруріи. Славились также ассирійская рѣзная мебель и прекрасные узоры на матеріяхъ.

Письменность и религія ассирійцевъ.

Только въ искусствѣ и проявилась самобытность ассирійцевъ, хотя и его начатки заимствованы у халдеевъ. Остальная культура у нихъ — вавилонская. Въ *письменности* прибавлялись только грамматика да словари, что было вызвано трудностями клинообразнаго письма и разнообразіемъ покоренныхъ народовъ. Книгъ вообще было много: открыта цѣлая придворная библіотека изъ исписанныхъ кирпичей, цилиндровъ и призмъ. У придворныхъ писцовъ слагался даже эпосъ. Это — сказаніе о богатырѣ *Нинѣ*, строителѣ Ниниріи, и объ его женѣ *Семирамидѣ* — чародѣйкѣ, которая завоевала все до Инда, Нила и Дона, всюду строила дороги, каналы, «раи» (парки) и украсила Вавилонъ «чудомъ Свѣта», висячими садами. Если Семирамида — богатырь въ юбкѣ, то послѣдній царь преданій — женоподобный *Сарданапалъ*. Онъ одѣвался въ женское платье, румянился, ткалъ и шилъ; сверхъ того, предавался лѣни и пьянству. Когда ворвались враги, онъ сжегъ себя, вмѣстѣ со своими женами и сокровищами. Главный богъ у ассирійцевъ былъ также переименованъ изъ Бела въ Ассура и Нина: остальное въ религіи все — вавилонское.

Ассирійское государство.

У Ассирійцевъ женщины были рабынями мужчинъ, вслѣдствіе многоженства и распутства: онѣ жили узницами, въ гаремахъ. Должникъ становился собственностью кредитора. Да и всѣ законы были жестоки. Судъ былъ военный и съ пытками. Обычною казнью было сдираніе кожи живьемъ; даже за проступки отрѣзывали члены, выкалывали глаза, вырывали языки. Таковъ былъ и единственный законодатель — *саръ*. Это — «намѣстникъ боговъ на землѣ», т.-е глава

религіи и неограниченный ни чѣмъ владыка. Онъ выбиралъ себѣ кого-угодно (иногда изъ рабовъ) въ наперстники и «сатрапы», которые распоряжались по провинціямъ, какъ царьки, пока саръ не снималъ съ нихъ головы, чтобы воспользоваться ихъ богатствомъ. Ассирійцы были крайне религіозны; войны и великія постройки ихъ царей были столько же свѣтскими, сколько религіозными подвигами. 700-лѣтнее господство Ассиріи (1300 — 625) оставило глубокій, но печальный слѣдъ въ исторіи: вся Передняя Азія представляла развалины съ истощенными народами, — готовая добыча для новаго завоеванія.

Гибель Ассиріи.

Самое паденіе Ассиріи служитъ незабвеннымъ урокомъ исторіи: пышная, грозная держава сразу рухнула, достигнувъ верха процвѣтанія. Пока великолѣпный Ассуръ-банъ-абалъ совершалъ отдаленные походы, подготовлялась гибель Ниневіи. Этими отлучками деспота всегда пользовались порабощенные народы. Особенно часто возставали гордые вавилоняне, давшіе Ассиріи всю цивилизацію: они вступали въ союзъ то съ сирійцами, то съ эламитами. На этотъ разъ у нихъ явился болѣе надежный союзникъ — *мидяне*. Въ Мидію уже давно пришли арійцы. Они покорили туранцевъ, но сами были порабощены ассирійцами (ок. 800 г.). Но затѣмъ у нихъ возникло государство изъ родового быта, благодаря предпріимчивому и хитрому *Кіаксару*. Онъ уже подступилъ къ Ниневіи, какъ вдругъ принеслись полудикіе *скиѳы* кочевавшіе въ степяхъ южной Россіи. Они лѣтъ восемь опустошали почти всю Переднюю Азію и, наконецъ, обрушились на Мидію. Кіаксаръ созвалъ ихъ вождей на пиръ и всѣхъ передушилъ, а затѣмъ поразилъ ихъ войско. Скиѳы удалились за Кавказъ; а Кіаксаръ поспѣшилъ покончить съ полуразрушенной ими Ниневіей. Онъ соединился съ вавилонянами и взялъ ее (625); самъ сжегъ себя. Вскорѣ исчезъ и ассирійскій языкъ: его мѣсто заняло арамейское нарѣчіе, которое было уничтожено, въ свою очередь, арабскимъ языкомъ, при господствѣ ислама.

Ново-халдейская держава. Навуходоносоръ.

Ассирію замѣнили двѣ новыхъ державы — мидійская и вавилонская: мидянамъ досталась не только Нинивія, но и ея сѣверо-западные вассалы; вавилоняне присоединили къ себѣ Эламъ, Сирію и Ханаанъ. Послѣднія силы семитовъ сосредоточились въ воскресшемъ Вавилонѣ, подъ именемъ *Ново-халдейскаго* царства. Вавилонъ словно забылъ, что при Саргонидахъ дважды былъ уничтоженъ до тла за мятежи. Онъ сразу воспрянулъ выше прежняго. Ему помогло легкомысліе фараона Нехо, который вообразилъ, въ своей гордости, что можетъ перенять роль погибшей Ассиріи. Онъ покорилъ Іудею, Финикію и Сирію и, увлекаемый воинственнымъ пыломъ, принесся со своими побѣдоносными полчищами къ Евфрату. Но здѣсь, между Вавилономъ и Нинивіей, онъ былъ разбитъ на голову, у Кархемыша (604), вавилонскимъ царемъ *Навуходоносоромъ* (на надписяхъ Набу-Кудур-Уссуръ). «Съ тѣхъ поръ, — говоритъ Библія, — фараонъ уже не выходилъ изъ своей земли»: роль единственной великой державы на Востокѣ перешла къ Вавилону. Его царь-побѣдоносецъ сталъ героемъ халдеевъ и прославился на весь міръ: родилась сказка, что онъ самолично доходилъ до Столбовъ Геркулесовыхъ (Гибралтаръ). И въ ней былъ смыслъ: финикійскія колоніи склонились предъ Навуходоносоромъ, когда онъ уничтожилъ Тиръ, разрушилъ самый храмъ Соломона и, преслѣдуя евреевъ, бѣжавшихъ въ Египетъ съ своимъ Іереміей, захватилъ часть Дельты.

Новый Вавилонъ.

Ново-халдеи прославились и своею культурой. *Новый Вавилонъ* сталъ первымъ городомъ въ мірѣ, благодаря поту и крови плѣнниковъ, пригнанныхъ изъ Ханаана. Онъ занималъ уже площадь въ 500 кв. верстъ въ окружности. Она была окружена рвомъ и исполинской стѣной въ 3 саж. толщины, съ сотней бронзовыхъ воротъ. Дома въ столицѣ были въ 3 — 4 этажа; улицы, все прямыя, выходили на Евфратъ, гдѣ каждая замыкалась бронзовыми воротами. Красой города былъ роскошный *дворецъ*, развалины котораго образуютъ теперь главный гигантскій курганъ. Подлѣ него тянулись чудные ступенчатые *висячіе сады*,

которые разбилъ Навуходоносоръ, чтобы плѣнять взоры своей супруги, уроженки горной Мидіи. А подлѣ этой роскоши «царскаго города», въ «простомъ городѣ» изнывала масса создавшихъ ее плѣнниковъ. Здѣсь-то гремѣли противъ «окаянной столицы» страстныя проповѣди пророковъ Іезекіиля и Даніила; здѣсь сложилась щемящая душу пѣсня заживо погребенныхъ — «На рѣкахъ вавилонскихъ». Навуходоносоръ воздвигъ еще Башню Семи Планетъ въ Борсиппѣ, совершенно по образцу послѣ-потопной Башни Языковъ. Онъ поставилъ также много храмовъ по всей Вавилоніи, устроилъ портъ у устья Евфрата, возстановилъ Царскій каналъ.

Но со смертью Навуходоносора разлетѣлась легкая слава ново-халдейской державы. Его преемники погибали жертвами придворныхъ мятежей, питаемыхъ негодованіемъ порабощенныхъ массъ. Послѣднему изъ нихъ, *Валтасару* Библіи (на надписяхъ Бел-сар-уссуръ) пришлось вынести смертельный ударъ отъ новой великой державы Востока: то были персы, герой которыхъ, *Киръ*, задумалъ покорить всю Переднюю Азію. Киръ могъ взять неприступный Вавилонъ только военною хитростью: онъ отвелъ воды Евфрата каналами и прошелъ по его руслу ночью, когда безпечные халдеи справляли большой праздникъ (538). Валтасаръ погибъ въ свалкѣ. Вавилонъ уже не воскресалъ болѣе: кругомъ подымались новые славные города; историческая жизнь отливалась въ новыя русла. Уже около Р. Х. онъ былъ пустыней, которою остается до нашихъ дней. **Паденіе Вавилона.**

Ново-халдейское царство — лучшій примѣръ *превратностей судьбы*, свойственныхъ восточнымъ государствамъ. Въ теченіе трехъ поколѣній ново-халдеи изъ ассирійскихъ рабовъ стали міровыми завоевателями и затѣмъ исчезли навѣки. Что касается семитовъ, подчинявшихся халдеямъ (Сирія, Палестина, Финикія), то они безропотно перешли подъ власть персовъ, тѣмъ болѣе, что новые господа не походили на лютыхъ ассирійцевъ: персы обращались съ ними мягко. Евреи даже привѣтствовали своихъ новыхъ господъ чуждой крови изъ ненависти къ родственнымъ халдеямъ. Они назвали Кира «помазанникомъ Іеговы», и онъ отпустилъ ихъ домой, подаривъ имъ священные сосуды, взятые халдеями. Около 50,000 іудеевъ возвратились въ Іерусалимъ и тотчасъ же начали возобновлять храмъ Соломона.

Преемники кушитовъ, семиты, создавали исторію въ теченіе почти 1500 л. (2000—538 г.). Изъ нихъ вавилоняне, ассирійцы и финикіяне совсѣмъ погибли; евреи исчезли, какъ нація, но сохранились въ Азіи и Европѣ, какъ части чужихъ государствъ. Одни арабы, невѣдомые въ древности, выступили, черезъ 600 л. послѣ Р. Х., какъ важная нація, но ненадолго: они создали магометанство, но вскорѣ возвратились въ свою пустыню, гдѣ и теперь живутъ такъ же первобытно, какъ до Р. Х.; а свою религію они передали многимъ народамъ туранскаго и отчасти арійскаго племени. Магометанство — монотеизмъ, еврейская религія — также монотеизмъ. Такимъ образомъ, значеніе семитовъ — въ *религіозномъ* развитіи. Они мало сдѣлали для остальныхъ сторонъ идейной культуры: у нихъ не процвѣтали науки, искусства и письменность, которыя они лишь временно заимствовали у кушитовъ Халдеи и Египта да у арійцевъ (арабская образованность — плодъ греческой). *Семиты не проявили и государственныхъ способностей*. Ихъ народы вѣчно враждовали между собой, и у каждаго изъ нихъ происходили революціи: семиты пожирали сами себя, вмѣсто того, чтобы создать сильное цѣлое. **Значеніе семитовъ.**

Одна Ассирія стремилась къ такой цѣли, но хотѣла достигнуть ея путемъ смерти и рабства. Она не упорядочила, а погубила семитовъ. Разрушая ихъ царства, истощая ихъ народность войнами, она *прокладывала путь господству арійцевъ*: этимъ объясняются быстрыя завоеванія Кира, этого бойкаго представителя свѣжаго, даровитаго племени. Изъ всѣхъ семитовъ одни ассирійцы проявили воинственную энергію, какъ самые сѣверные обитатели горныхъ странъ.

Остальные, южные, отличались *мирными* свойствами. За исключеніемъ евреевъ, занимавшихся земледѣліемъ, они обнаружили особенную способность къ торговлѣ и промысламъ: въ этомъ смыслѣ вавилоняне и финикіяне были космополитами, соединявшими весь тогдашній міръ, отъ Индіи до Великобританіи. Но это зависѣло отъ ихъ географическаго положенія. По духу же, всѣ семиты были исключительны и косны: имъ недоставало гибкости и многосторонности натуры, которыми отличаются арійцы. Семиты упорно сохраняютъ даже свой физическій типъ; ихъ языки неподвижны, вслѣдствіе чего ихъ такъ мало; въ ихъ идейной культурѣ также мало развитія.

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Арійцы.

Значеніе арійцевъ. Послѣ хамитовъ и семитовъ, въ исторіи выступаетъ третья отрасль бѣлой породы—арійское племя. По библейскому преданію, оно происходитъ отъ *Яфета*: это имя значитъ по-семитски «распространеніе». Арійцы, дѣйствительно, самое распространенное изъ бѣлыхъ племенъ: они постепенно заняли всѣ земли отъ Индіи до краевъ Европы; оттого ихъ называютъ еще *индо-европейцами*. Никто изъ бѣлыхъ не передвигался такъ много, какъ они; никто не умѣлъ такъ *приспособлятся къ средѣ* и такъ *многосторонне развиваться*. Между тѣмъ, какъ кушиты и семиты частью исчезли, частью давно находятся въ застоѣ, арійцы создали богатую цивилизацію, которая не перестаетъ совершенствоваться. Эта цивилизація называется *европейскою*, такъ какъ Европа населена почти исключительно арійцами, которые развились именно здѣсь, а не въ Азіи. Она не только улучшается до сихъ поръ, но и не перестаетъ быстро распространяться по всему міру: въ концѣ прошлаго вѣка она обнимала собой 150 милл. людей, теперь—болѣе 500 милл. и во всѣхъ частяхъ Свѣта. Арійцы выше другихъ бѣлыхъ племенъ и по физическому типу и по дарованіямъ. Это—вполнѣ бородатое племя, совсѣмъ свѣтлаго цвѣта кожи, обладающее красивою соразмѣрностью членовъ. Оно отличается также *гибкостью ума* и *впечатлительностью*: арійскіе языки подвергались множеству измѣненій, которыя продолжаются на нашихъ глазахъ; они составляютъ самую многочисленную семью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, арійцы энергичны и выносливы: у нихъ *нѣтъ крайностей между дѣятельной и страдательной жизнью* (активностью и пассивностью), которыя встрѣчаются у другихъ племенъ Востока.

Первобытные аріи. Предки арійцевъ разселились изъ Памира. Первоначально они жили въ *Аріанѣ* (позднѣйшая Бактрія, теперь Кабулъ), у истоковъ *Окса* (Аму-Дарьи). Благодаря языковѣдѣнію, извѣстенъ ихъ бытъ тамъ болѣе чѣмъ за 3000 л. до Р. Хр. Въ Бактріи они и назвали себя *аріями*, т.-е. «благородными», въ отличіе отъ своихъ сосѣдей съ сѣвера, туранцевъ, т.-е. «бѣгающихъ» (кочующихъ). Аріи вели *полуосѣдлую* жизнь. Ихъ богатство состояло въ домашнихъ животныхъ, которыя уже почти всѣ были извѣстны имъ. Но рядомъ началось земледѣліе. Семья сложилась твердо, хотя еще не исчезло многоженство: положеніе женщины было почетно. Близкія семьи составляли *родъ*, подчиненный «князю» (родителю). Рабами были только плѣнники: для нихъ князь былъ «деспотомъ» («повелитель врага»). Аріи обоготворяли свѣтлыя, особенно небесныя, силы природы. Самый добрый «дева» (deus, dieu), *Миѳра*, вѣчно ѣздилъ по небу на четверкѣ бѣлыхъ коней. Утромъ отворяла ему двери неба его «свѣтлая» румяная дочь, Ушасъ (заря), лучшею жертвой для которой была правдивость, искренность. Миѳрѣ помогалъ грозный *Индра*, который истреблялъ все зловредное

своими молніями и громомъ. Богамъ приносили жертвы. Отецъ семейства устраивалъ на пригоркѣ алтарь изъ дерна или камня и обносилъ его изгородью. Ставъ на колѣна или поднявъ руки къ небу, онъ тутъ же сочинялъ молитву. А на алтарикѣ уже пылалъ *Агни* (огонь) — земное воплощеніе Миѳры, добытое треніемъ двухъ деревяшекъ. Это — самый добрый и близкій къ человѣку божокъ: онъ запросто живетъ въ каждой семьѣ, охраняя домашній очагъ отъ бѣдствій и истребляя всякія нечистоты: онъ «побѣждаетъ ночь своимъ краснымъ цвѣтомъ и изгоняетъ чертей». Къ Агни примыкалъ весь культъ аріевъ: онъ весело пожиралъ жертву — *сому* (мѣстное вино), отъ которой боги становились веселы и храбры. Иногда къ сомѣ прибавляли масло, кислое молоко, ячмень и каравай. Въ важныхъ случаяхъ приносили въ жертву коровъ, овецъ и даже коня. При этомъ пѣли гимны, созданные святымъ *Словомъ*, этимъ «сокровищемъ молитвы», богомъ мудрости и просвѣщенія.

Преданія аріевъ. Яване.

По преданіямъ аріевъ, боги создали сначала всю природу, потомъ *Ману* — «разумное существо». Однажды утромъ зачерпнулъ Ману воды умыться; въ рукахъ у него очутилась рыбка. «Не губи меня — сказала она — и я спасу тебя отъ потопа; сдѣлай только ковчегъ». Насталъ потопъ; рыбка всплыла и Ману привязалъ свой ковчегъ къ ея рогу; она вынесла его на высокую гору. Спасенный Ману принесъ жертву, а изъ пламени вышла жена его, *Ила*. Отъ нихъ и расплодились первобытные аріи. Такъ какъ они заняли обширное пространство и жили среди различной природы, то, съ теченіемъ времени, у нихъ образовалось два типа: обитатели восточной части Аріаны, самые древніе, сохранили за собой имя арійцевъ; а въ западной части они назывались *яванами*, — «юными». Тревожна была жизнь нашихъ пращуровъ за 3000 — 2500 л. до Р. Хр. Они такъ размножились, что имъ стало тѣсно въ Бактріанѣ; къ тому же съ сѣверо-востока ихъ тѣснили полудикіе туранцы. Яване стали массами выселяться на западъ, распадаясь на различные народы, подъ вліяніемъ времени и новыхъ климатовъ. Сначала они заняли южные и западные берега *Понта Эвксинскаго* (Черное м.), подъ именемъ *ѳрако-фригійцевъ*, изъ которыхъ выдѣлились потомъ *пелазги* или греко-италики, захватившіе постепенно западъ и югъ Малой Азіи, острова *Эгейскаго моря* (Архипелагъ), Грецію и Италію. Юркіе, отважные пелазги носились всюду, отъ Колхиды до Египта, какъ видно изъ ихъ древнѣйшей сказки о походѣ аргонавтовъ, а также изъ родословія греческихъ героевъ, гдѣ личныя имена должно считать названіями народовъ. Когда пелазги заняли почти весь югъ Европы, выступили два другіе отдѣла яванъ — *кельты* и *германцы*, сѣвшіе выше ихъ, на западѣ и въ центрѣ Европы. Позади всѣхъ шли самые юные изъ яванъ — *литовцы* и *славяне*, которымъ принадлежитъ сѣверо-востокъ нашей части Свѣта.

Зороастръ. Маздеизмъ.

Пока яване мучительно передвигались на западъ, ища себѣ угла въ борьбѣ за существованіе, оставшіеся въ Бактріи арійцы испытывали также рядъ треволненій: ихъ смутныя преданія тѣхъ временъ записаны персидскимъ поэтомъ Фирдуси (1000 л. по Р. Х.). Тогда у арійцевъ жилъ цѣлую тысячу лѣтъ божественный царь *Джемшидъ*, при которомъ былъ рай земной. Но потомъ Джемшидъ возгордился — и боги наслали на него туранское иго, въ видѣ трехглаваго «змѣя». Змѣй убилъ Джемшида и страшно угнеталъ арійцевъ, даже заставилъ ихъ признать свою кровожадную религію. Напрасно являлись герои для спасенія арійцевъ, и во главѣ ихъ слонообразный великанъ *Рустемъ*, одинъ видъ котораго приводилъ враговъ въ трепетъ. Требовалось нравственное возрожденіе цѣлаго народа. Около 2500 л. до Р. Х. явился пророкъ *Зороастръ* (по-гречески, а по-зендски Заратуштра, «блескъ золота»). Онъ происходилъ изъ царскаго рода. Его дѣтство и юность прошли въ борьбѣ съ демонами, которыхъ онъ постоянно побѣждалъ. Когда ему было 30 лѣтъ, его призвалъ къ себѣ *Ормуздъ*, — «святой духъ» (по-зендски Аура-мазда). Ормуздъ заставилъ Зороастра

пройти сквозь огненную гору, вскрылъ ему грудь, влилъ въ нее расплавленное золото, затѣмъ далъ книгу *Зенд-Авесту*, т.-е. «зендское исправленное вѣдѣніе» (знаніе), или новую религію. Зороастръ пришелъ къ бактрійскому царю и побѣдилъ своими чудесами и краснорѣчіемъ 60 придворныхъ жрецовъ; царь, а за нимъ большая часть арійцевъ приняли новую религію и стали воздвигать жертвенники съ огнемъ. Зороастръ долго жилъ, пользуясь всеобщимъ почетомъ, и погибъ въ борьбѣ съ туранцами. Впослѣдствіи погибла и Авеста, написанная клиньями; но она была возстановлена по памяти при Сассанидахъ (3 в. по Р. Хр.). Затѣмъ опять почти все было уничтожено мусульманами: сохранилась одна только книга *Вендидатъ*, у *гебровъ* или парсовъ (огнепоклонники у Бомбея, бѣжавшіе туда отъ преслѣдованія мусульманъ).

Вендидатъ — драгоцѣнный памятникъ не только новой религіи, но и древнѣйшаго изъ иранскихъ языковъ — *зенда*. Изъ него мы знаемъ ученіе Зороастра или *маздеизмъ* («всеобщая мудрость»). Это — лучшій образецъ дуализма. Богъ добра, *Ормуздъ*, сотворилъ міръ посредствомъ своего Слова; послѣднимъ созданіемъ былъ человѣкъ. Ормузду помогаютъ духи (въ томъ числѣ Миѳра), особенно «фраварды»; у каждаго предмета, даже у самого бога, есть свой фраваръ-хранитель. Когда человѣкъ умираетъ, его фраваръ вѣчно живетъ на небѣ, и ему молятся родные покойника. Но какъ только создался міръ, въ немъ зародился *Ариманъ* — «злой духъ», задача котораго — осквернять и разрушать вселенную. Ему помогаютъ свои духи, (въ томъ числѣ Индра) — «дивы» и «пери», которые являются въ формѣ вредныхъ животныхъ, ночи, разрушительныхъ силъ. Ариманъ испортилъ первыхъ людей: онъ явился къ нимъ въ рай, въ видѣ «двуногаго змѣя» или *Лжи*, и убѣдилъ ихъ, что все создано имъ, а не Ормуздомъ. Люди повѣрили, стали злыми, и за это были истреблены потопомъ. Но Ариману будетъ конецъ: придутъ три пророка съ тремя новыми книгами, — и онъ исчезнетъ, а съ нимъ пропадутъ зло, мракъ и смерть. Тогда не будетъ и ада, гдѣ покуда томятся души грѣшниковъ до воскресенія мертвыхъ. Нравственный долгъ человѣка — помогать добру въ борьбѣ со зломъ. Маздеисты истребляли все вредное и нечистое — мухъ, лягушекъ, мышей, волоса, ногти, слюну, въ особенности же трупы, которые выставлялись на подпоркахъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, чтобы не поганить ими земли. Такъ какъ поганое встрѣчалось часто, то маздеисту приходилось постоянно *очищаться* посредствомъ разныхъ обрядовъ. Онъ пуще всего боялся осквернить самые дорогіе Ормузду предметы — воду, землю и огонь. *Огонь* продолжали считать самымъ чистымъ предметомъ, даже «сыномъ Ормузда». Пламя было единственнымъ символомъ высшей силы въ маздеизмѣ, не допускавшемъ ни изображеній божества, ни храмовъ. Неугасимый огонь хранился въ каждомъ семействѣ, и ему постоянно приносились жертвы.

Иранцы. Маздеизмъ былъ отрицаніемъ первобытнаго многобожія: оттого у арійцевъ Бактріи возникли жестокія распри. Онѣ привели къ новому разселенію. Часть арійцевъ двинулась на юго-востокъ и осѣлась у пяти притоковъ Инда—въ *Пенджабѣ* (Пятирѣчіе): это — *индусы*, вѣрные первобытной религіи. Остальные пошли на юго-западъ и заняли Иранское плоскогорье: это — *иранцы*, приверженцы маздеизма, которые распались потомъ на мидянъ и персовъ. Только *персы* сохранили въ чистотѣ маздеизмъ и арійскія черты: они встрѣтили лишь слабыя поселенія кушитовъ и туранцевъ. *Мидяне* же подверглись сильному вліянію туранцевъ, сидѣвшихъ тамъ сплоченною массой. Они заимствовали у нихъ и маговъ, которые получили огромное вліяніе, предсказывая будущее. Въ Мидіи въ массахъ сохранялось даже туранское нарѣчіе; а зендъ считался такимъ же аристократическимъ языкомъ, какъ халдейскій въ Вавилонѣ.

Первобытные индусы. Ведійскій періодъ.

Арійцы, спустившіеся, за 2500 л. до Р. Х., съ прохладныхъ долинъ Бактріи въ тропическій Пенджабъ, попали совсѣмъ въ другую среду. Всюду встрѣчала ихъ могучая растительность, душистая, яркая, опьяняющая природа, тянувшая человѣка къ лѣни и нѣгѣ, къ дремотѣ и мечтательности. Арійцы-индусы заняли сначала только бассейнъ *Инда* («потокъ»), гдѣ прожили около 1000 л.: дальше на востокъ ихъ не пускали кушиты; во главѣ которыхъ стояли «люди-змѣи» — *судры*. Мы знаемъ житіе первобытныхъ индусовъ, благодаря ихъ Библіи — *Ведамъ* («вѣдѣніе»), въ которыхъ сохранился чистый *санскритъ* («совершенный»), этотъ отецъ всѣхъ индо-европейскихъ языковъ. Ту сѣдую древность (2500—1500 л.) и назвали «ведійскимъ періодомъ». Религія тогда была, въ основѣ, старо-арійская. Только *Индра* сталъ живѣе, веселѣе, предпріимчивѣе: вѣчно подъ хмѣлькомъ отъ сомы, онъ безпрестанно дерется со злымъ змѣемъ, который похищаетъ у нихъ дойныхъ коровъ (тучи); ему помогаютъ Вѣтры и вѣрный Агни. Еще появились *псалмопѣвцы*, которые сочиняли гимны, приносили жертвы и были министрами у *раджей* («правители»), возвысившихся надъ родовыми князьками. Подлѣ раджей видимъ дружину богатырей. Таковы сѣмена жреческаго и военнаго сословій; но тогда еще всякій, по призванію, могъ быть пѣвцомъ и дружинникомъ. Масса занималась уже болѣе земледѣліемъ, чѣмъ скотоводствомъ. Рядомъ съ бронзой уже употреблялось *желѣзо* для орудій и золото для украшеній. Были уже обширные поселки, а мѣстами — кремли, окруженные валами и стѣнами. Народъ рисуется въ Ведахъ терпѣливымъ, гостепріимнымъ, добрымъ даже къ животнымъ, пристрастнымъ къ музыкѣ и танцамъ, но еще чувственнымъ и недалекимъ. Онъ знаетъ цѣлебныя травы, но больше прибѣгаетъ къ ворожбѣ и заклинаніямъ; небо представляется ему колпакомъ на плоской землѣ; онъ только спрашиваетъ силы природы о причинахъ, но тѣ не отвѣчаютъ; онъ желаетъ только «жить долго и хорошо» да имѣть дѣтей.

Героическій періодъ. Великія поэмы.

Но, вотъ, индусы расплодились; пошли усобицы отъ тѣсноты: и пришельцы стали подаваться на востокъ, жестоко драться съ туземцами. Когда, наконецъ, была завоевана долина благодатнаго, священнаго *Ганга*, усобицы достигли крайней степени, при раздѣлѣ новей. Все это бурное время (1500—1000) называется *героическимъ* или *эпическимъ* періодомъ: тогда создался «эпосъ» — «слово» стихотворное, сказаніе. Прежде всего возникла *Мага-Бгарата* или «Великая Война», — поэма о жестокомъ междоусобіи въ потомствѣ славной царицы Сакунталы, происходившей отъ рѣчныхъ нимфъ. Когда все смирилось и уже весь Индустанъ подчинился арійцамъ, около 1000 л. до Р. Х., они подвинулись по Коромондельскому берегу до самаго мыса Коморина. Съ этимъ заселеніемъ Декана связана другая поэма — *Рамаяна*. — Это образецъ необузданной фантазіи индусовъ: здѣсь все — чудовищная, но поэтическая сказка. Герой поэмы, царственный Рама, изгнанный злой мачихой, удалился въ лѣса и пустыни Декана. Тамъ онъ уничтожилъ первобытную дичь, всякихъ чудовищъ и великановъ; а помогали ему обезьяны, медвѣди да коршуны. Союзники, наконецъ, проникли на Цейлонъ, устроивъ мостъ изъ цѣлыхъ горъ и лѣсовъ. Тогда Рама долго наслаждался счастьемъ праведника, пока не переселился на небо: онъ оказался воплощеніемъ бога-благодѣтеля — *Вишну*.

Браминскій періодъ. Касты.

Бытъ индусовъ въ героическомъ періодѣ уже не прежній. Вслѣдствіе войнъ, раджи стали царями-династами, воины — вотчинниками, псалмопѣвцы — жрецами. Особенно властительны стали воины или *кшатріи* («могучіе»), которые закрѣпостили народъ. Но съ прекращеніемъ героизма, когда выдвинулся мирный трудъ, когда образовались прочныя государства и города съ торговлей и промыслами, народъ взялся за первый признакъ идейной культуры — за религію: на первый планъ выступили *брамины* («молельщики»), которые ввели массу старыхъ обрядовъ, извѣстныхъ имъ однимъ. Они низвергли господство

смертную казнь, построилъ пріюты даже для хилыхъ животныхъ, насадилъ по дорогамъ деревья, насѣялъ цѣлебныхъ травъ, вырылъ колодцы. Такъ же добра и милосердна была его жена. Но послѣ Асоки начались *соборы* духовенства, исказившіе ученіе пророка. На первый планъ выступила догма съ нелѣпыми заимствованіями у браминовъ. Будда стала божествомъ, и его окружилъ цѣлый штатъ божковъ, въ томъ числѣ Брама, Индра и Вишну. Было введено множество *обрядовъ* и церемоній. Нашлось тѣло Будды, которое раздѣлили на 84000 частей и разослали по *пагодамъ* (зиггураты съ куполами, т.-е. пузырями). Возникли нелѣпыя сказанія о Буддѣ: на Цейлонѣ и теперь показываютъ его «слѣдъ» на высокой горѣ. Возникла и *статуя* Будды, со скрещенными руками и поджатыми ногами. Изобрѣли пышное богослуженіе, церковную музыку и «молитвенныя колеса», въ которыхъ вертятъ бумажки съ молитвами. Развилась обширная іерархія: въ Тибетѣ треть мужчинъ — «ламы» («высшіе»), во главѣ которыхъ стоитъ *Далай-лама*, буддійскій папа. Подлѣ жрецовъ видимъ множество муни съ четками. Эти искаженія повредили буддизму. Сначала онъ распространялся съ небывалою быстротой и, какъ первая *міровая* религія, проникъ въ другія страны — въ Заднюю Индію, на Малайскіе острова, въ Тибетъ, Монголію, Китай и Японію: теперь около трети человѣчества — буддисты. Но въ самой Индіи буддизма почти нѣтъ: его искоренили брамины, воспользовавшись искаженіемъ мысли пророка. Они внушили народу, что буддисты — безбожники, а раджамъ, что это — мятежники: и первые вѣка нашей эры наполнены страшными гоненіями на буддистовъ; ихъ избивали, а ихъ храмы посвящали Брамѣ. Внѣ Индіи буддизмъ не исправилъ своихъ поклонниковъ также оттого, что явился въ искаженномъ видѣ: здѣсь приняли не столько его нравственное ученіе, сколько его нелѣпую догму и обрядность.

Культура Индусовъ. Ихъ значеніе.

Искаженія лишили буддизмъ культурнаго значенія. Богатая цивилизація Индіи — созданіе браминовъ. Особенно замѣчательны ихъ *гроты* — храмы, высѣченные въ скалахъ (въ Эллорѣ). Это зодчество величаво, но фантастично, лишено вкуса и формъ. Таково же браминское *ваяніе*. Это — громадныя, но безобразныя статуи, часто со множествомъ головъ, рукъ и ногъ; иногда головы животныхъ торчатъ на человѣческомъ тѣлѣ. Хороши только нѣжность и мягкость линій, особенно въ женскихъ фигурахъ. Тѣ же черты замѣтны въ *литературѣ*, которая вся браминская: она величественна и нѣжна, но чудовищна. Эта литература развилась со введенія письма (ок. 800 л. до Р. Х.). Въ ней господствуетъ поэзія — лирика (Веды), эпосъ (Мага-Бгарата и Рамаяна) и драма. Драма вытекла изъ поклоненія Вишну, которое сопровождалось пѣснями, музыкой и танцами (баядерки); она достигла вскорѣ послѣ Р. Х. совершенства, въ лицѣ Калидасы, воспѣвшаго Сакунталу. Не менѣе развился *животный эпосъ*, къ которому относится большинство существующихъ басенъ. Индійскія *сказки* послужили основаніемъ арабской «Тысячи и одной ночи». Изъ наукъ у индусовъ процвѣтали особенно *философія и лингвистика*, заимствованныя у нихъ греками и арабами. Въ *математикѣ* индусамъ принадлежитъ открытіе «арабскихъ» цифръ и основаній алгебры и геометріи. Славились также индійскіе *врачи*, которые начали давать внутрь металлы и изобрѣли хирургію. Индусы вводятъ насъ въ арійскій міръ, съ его многосторонними и широкими дарованіями. Какъ вавилоняне были космополитами въ матеріальной культурѣ, такъ индусы — *космополиты идеализма*. Ихъ богатая фантазія стремилась обнять вселенную, рѣшить самые общіе философскіе вопросы; а Будда создалъ первую міровую религію. Но индусы—юные, слабые арійцы. Роскошная, опьяняющая природа разслабляла арійца въ Индіи, погружала его въ дремоту до самозабвенія и грезъ: его отличіемъ стали фантастичность до чудовищности и чувствительность до нѣжничанья. Изъ-за *крайняго идеализма* индусъ забылъ реальность, дѣйствительный міръ. Онъ населялъ вселенную миріадами божествъ и странствующихъ

душъ, а на забытой имъ землѣ водворился истинный адъ. У индусовъ множество религіозныхъ и сказочныхъ книгъ, и нѣтъ ни одного историческаго сочиненія. Вся исторія Индіи какая-то фантастическая и грустная сказка. Но она озарена прелестнымъ образомъ пророка мировой любви: благодаря ему, чувствуется, что хотя мы и на Востокѣ, но у арійцевъ.

Иранъ. Ближайшіе родственники индусовъ, *иранцы*, постепенно заняли сѣверо-западныя террасы Ирана, примыкавшія къ Ассиріи и Вавилоніи: тамъ и теперь живетъ главный изъ народовъ Передней Азіи — персіяне. Эта мѣстность полна свѣжихъ, плодоносныхъ долинъ, образуемыхъ отрогами Эльбруса на сѣверѣ и Загра — на западѣ. Ея сѣверная часть, сосѣдняя съ Ассиріей, составляла *Мидію.* Она была усѣяна сочными лугами, питавшими отличныхъ коней, а также дремучими лѣсами, садами и нефтяными источниками; а теперь тамъ много развалинъ, особенно у города Гамадала, гдѣ лежала столица Мидіи, Экбатана. Южнѣе Мидіи шла равнина *Эламъ* — оплотъ туранцевъ, которые однако должны были, наконецъ, подчиниться арійцамъ *Персиды* (теперь Фарсистанъ), разстилавшейся южнѣе, по Персидскому заливу. Персида прелестная страна: ея долины и теперь называются «цвѣтниками Ирана, страной вина и соловьевъ», Здѣсь, въ горахъ, лежатъ величавыя развалины столицы персовъ, Персеполя. Къ юго-востоку отъ нихъ находятся остатки еще болѣе древней столицы — Пасаргадъ, съ красивою гробницей Кира въ прелестномъ паркѣ. Но все это моложе развалинъ въ Мидіи, гдѣ арійцы впервые выступили на историческое поприще.

Мидійское царство. Мы уже видѣли, какъ ассирійское иго заставило мидянъ перейти изъ родового быта въ государственный и сплотиться вокругъ Экбатаны. Но они заимствовали у своихъ поработителей и деспотизмъ, и воинственность. Уже при *Кіаксарѣ* мидяне, уничтоживъ Ниневію, захватили почти весь Иранъ, не исключая Персиды, Арменію и Малую Азію до р. Галиса (теперь Кизиль-Ирмакъ). Но со смертью Кіаксара уже началось паденіе Мидіи. Сынъ его, Астіагъ, былъ бездарный и до того жестокій деспотъ, что его ненавидѣли и всѣ порабощенные народы, и домашніе: измѣна гнѣздилась въ его собственномъ дворцѣ, въ лицѣ оскорбленнаго наперстника, Гарпага. Врагомъ его оказался и внукъ *Киръ* (на надписяхъ Курушъ) отъ дочери, бывшей замужемъ за вассальнымъ царемъ Персиды. Онъ воспитывался въ Экбатанѣ, какъ заложникъ; и ненавидѣлъ испорченныхъ мидійцевъ. То былъ представитель красивыхъ и гордыхъ персовъ, сохранившихъ въ чистотѣ арійскія черты, маздеизмъ и первобытное свободолюбіе. Персы любили своихъ царей, потомковъ Ахеменеса («дружелюбный»), приведшаго ихъ изъ Аріаны: эти цари были избирательны и совѣщались съ «бѣлыми бородами» (родовые старшины). Персы боготворили даровитаго юнаго сына своего царя. Когда Киръ, сговорившись съ Гарпагомъ, предложилъ имъ сбросить иго мидянъ, они поднялись, какъ одинъ человѣкъ. Въ то же время Тигранъ армянскій предложилъ имъ свой союзъ, а войска Астіага передались Киру. Около 560 г. персидская держава замѣнила мидійскую.

Персидская держава Кира. Арменія. Какъ всегда на древнемъ Востокѣ, это означало появленіе новаго завоевателя. Только Киръ бросился, прежде всего, по новому пути – на сѣверо-западъ. Здѣсь самымъ сильнымъ и близкимъ царствомъ была *Арменія.* Въ незапамятныя времена тутъ прозябали какіе-то татуированные туземцы, уничтоженные тѣми арійцами, потомки которыхъ сохранились въ лицѣ грузинъ. Позже (ок. 700 г.) пришли армяне — изъ фригійскаго племени: они покорили грузинъ и назвались «гайками» (господами). Но всѣ эти народы жили первобытными родами: ихъ легко побѣждали старо-халдеи, египтяне, ассирійцы, наконецъ мидяне. Вся цивилизація древней Арменіи — ассирійская. Но у армянъ было живуче національное сознаніе: при паденіи Ниневіи оно воплотилось въ лицѣ *Тиграна I*, котораго они считаютъ идеаломъ ума, справедливости и патріотизма. Онъ-то помогъ

Киру покорить сначала Мидію, а потомъ Албанію (Дагестанъ), Иберію и Колхиду. Отсюда персидскій завоеватель устремился въ *Малую Азію*.

Малая Азія. Крезъ лидійскій. Здѣсь у Чернаго моря, жили тогда пелазги, подъ разными наименованіями. Въ сѣверо-западномъ углу, въ Мизіи, они назывались троянцами: недавно тамъ, на мѣстѣ *Трои*, найдены развалины трехъ древнѣйшихъ поселеній каменнаго и бронзоваго вѣковъ. Южнѣе по берегамъ Эгейскаго моря, осѣлись греческія племена — эоляне, іоняне и доряне. Южныя террассы Малой Азіи были обрывистыми, безплодными кручами — истинные притоны разбойниковъ, какими и были обитавшіе тамъ карійцы и киликійцы. Въ Малой Азіи жили сначала туранцы (внутри) и кушиты (по берегамъ). Ихъ смѣнили въ Киликіи семиты, на остальномъ же полуостровѣ — арійцы, которые живо переняли у сидонцевъ морское дѣло и, какъ мы видѣли, уже начали нападать на Египетъ. Древнѣйшимъ гнѣздомъ арійцевъ была плодородная Фригія, которая особенно процвѣтала по паденіи Трои: кромѣ Мизіи и Ликіи, нигдѣ въ Малой Азіи нѣтъ столько остатковъ старѣйшаго искусства; и по преданію, фригійскій царь Мидасъ превращалъ въ золото все, къ чему не прикасался. Восторженное поклоненіе фригійской «великой матери боговъ», *Кибелѣ*, перешло далеко за предѣлы своей родины. Фригійцы были близки къ грекамъ даже по языку; по преданію, династія Пелопидовъ, давшая имя Пелопонесу, происходила отъ нихъ. Наряду съ Фригіей рано прославилось другое царство арійцевъ — *Лидія*. Его столица, Сарды, была извѣстна уже за 1500 лѣтъ до Р. Хр. Лидію не могъ сломить и Кіаксаръ: соперники замирились, признавъ Галисъ своею межой (ок. 600 г.). Вслѣдъ затѣмъ лидійскій царь *Крезъ* овладѣлъ всею Малою Азіей къ западу отъ Галиса и захватилъ богатѣйшіе города іонійцевъ — Милетъ и Эфесъ. Благодаря этимъ завоеваніямъ, а также золоту, которымъ изобиловали рѣки и горы Лидіи, имя Креза стало нарицательнымъ именемъ богатства. Тогда въ Лидіи завелась уже монета, а ея ковры славились повсюду. Испугавшись персовъ, суевѣрный Крезъ искалъ помощи у грековъ и запросилъ ихъ оракулъ, который отвѣчалъ: «ты разрушишь большое государство». Онъ обрадовался и выступилъ противъ Кира, но былъ уничтоженъ, вмѣстѣ съ своими роскошными Сардами (554). Тогда вся Малая Азія и даже сосѣдніе греческіе острова подчинились персамъ; только фокейцы взяли на суда свои семьи и идольчики и отплыли далеко на западъ, гдѣ основали *Массилію* (Марсель).

Смерть Кира. Его значеніе. Киру оставалось покорить халдеевъ; но для этого нужно было набраться силъ и утвердить за собой восточныя владѣнія Мидіи. 15 лѣтъ провелъ неутомимый завоеватель въ тяжелыхъ походахъ по Ирану: онъ основалъ тамъ много городовъ, въ томъ числѣ Киресхату («крайній Киръ») на Яксартѣ (теперь Ходжендъ, на Сыръ-Дарьѣ). Затѣмъ, когда «копье перса» хватало уже отъ Инда до Эгейскаго м., Киръ смѣлымъ ударомъ разрушилъ Вавилонъ (538): и ему подчинились вассалы халдеевъ — Месопотамія, Сирія, Палестина и Финикія. Теперь вся Передняя Азія лежала у ногъ побѣдителя; только заклятые враги маздеизма, степные туранцы, тревожили его державу. Самыми сильными изъ нихъ были полудикіе *массагеты* на Оксѣ, первые въ мірѣ наѣздники и стрѣлки; ими правила кровожадная и отважная царица Томира. Въ 529 г. Киръ пошелъ на нихъ и уже не возвращался: говорятъ, онъ былъ разбитъ Томирой и умеръ отъ раны. Прахъ его былъ погребенъ въ Пасаргадахъ. Тамъ и теперь стоитъ бѣленькій зиггуратъ. Его простота соотвѣтствуетъ характеру Кира, вѣрнаго представителя персовъ того времени. Отличный полководецъ, Киръ избѣгалъ кровопролитія, гдѣ можно было обойтись безъ битвъ. Онъ обращался милостиво съ покоренными, ласкалъ ихъ, не нарушалъ ихъ обычаевъ и даже прежняго правленія. Киръ отпустилъ евреевъ изъ плѣна, сдѣлалъ отца Валтасарова правителемъ одной провинціи, а Креза — своимъ другомъ. Онъ жилъ просто, вращался среди подданныхъ, пересыпалъ свою рѣчь народными шуточками. Подлѣ него

находились семь совѣтниковъ и независимые судьи. Персы любили своего царя, какъ «отца»; въ своихъ преданіяхъ, разошедшихся по всей Азіи и даже Европѣ, они представляли его образцомъ человѣчности, правдивости и красоты. Но Киръ ничего не сдѣлалъ для внутренняго управленія; а къ концу своей жизни началъ увлекаться азіатскою пышностью и высокомѣріемъ ассирійскихъ деспотовъ.

Деспотизмъ вполнѣ развился у сына Кира, *Камбиза*. Съ помощью одного мага, онъ умертвилъ своего брата и убилъ, въ припадкѣ ярости, свою сестру, которую прежде сдѣлалъ своей женой. Затѣмъ Камбизъ покорилъ Египетъ и задумалъ овладѣть всею Африкой. Но финикіяне отказались дать свой флотъ для уничтоженія Карѳагена; отрядъ, посланный къ Аммонскому оазису, былъ засыпанъ пескомъ: самъ Камбизъ едва не погибъ въ Эѳіопіи, гдѣ его воинамъ пришлось пожирать другъ друга съ голоду. Когда онъ возвратился въ Мемфисъ, тамъ праздновали новаго Гапи. Деспотъ вообразилъ, что это народъ радуется его неудачамъ, и разсвирѣпѣлъ. Онъ собственноручно умертвилъ Гапи, выкидывалъ муміи изъ гробницъ, казнилъ знатныхъ египтянъ и даже персовъ. Но тутъ пришло извѣстіе, что въ Персіи воцарился самозванецъ. Видя, что всѣ противъ него, Камбизъ лишилъ себя жизни. Персидскіе вельможи, изъ рода Ахеменидовъ, умертвили ненавистнаго самозванца-мага и выбрали царемъ одного изъ своей среды: то былъ *Дарій I*, устроитель персидскаго государства. **Камбизъ. Система Дарія I.**

Дарій возвелъ въ *систему* восточный *деспотизмъ* который и сохранился до сихъ поръ въ Азіи. Царь сталъ божествомъ, замкнутымъ во дворцѣ, со своими женами и наперстниками: до него можно было дойти лишь черезъ рядъ сановниковъ, которыхъ называли «царскими глазами и ушами». При дворѣ воскресла ассирійская пышность. Его подвалы ломились отъ слитковъ золота и серебра, изъ которыхъ чеканились «дарики» (мелкая монета). Царь былъ окруженъ цѣлой ратью придворныхъ чиновъ-слугъ: во дворцѣ кормилось до 15.000, съ «застольниками» царя во главѣ. Царь лишь изрѣдка показывался народу въ пурпурной мантіи, въ высокой тіарѣ съ «діадемой» (бѣлая повязка), съ жезломъ (скипетръ) въ рукѣ. Въ придворныхъ школахъ воспитывались чиновники для 20-ти *сатрапій* (намѣстничествъ). Дѣло сатрапа было держать провинцію въ повиновеніи да собирать дани, которые впервые образовали правильные *финансы*: Дарія называли «кулакомъ-торгашемъ». Сатрапы копировали царя въ своей жизни, но у нихъ была отнята военная власть: она ввѣрялась особому генералу. Но надъ этими обѣими властями надзирала третья — царскій писецъ со своею канцеляріей. Сверхъ того, внезапно наѣзжало «царское око» — ревизоръ съ сильнымъ отрядомъ: стоило ему шепнуть слово повелителю — и сатрапа распинали безъ суда. Писцы постоянно сносились съ придворною канцеляріей. Съ этою цѣлью Дарій *основалъ почты*: постоянные верховые нарочные ѣздили отъ станціи до станціи. Эти почты служили только для правительства. Дарій проводилъ также водяные пути. Характеръ правленія виденъ изъ жестокихъ казней, заимствованныхъ у ассирійцевъ. Персидское государство начало разлагаться тотчасъ по смерти Дарія.

Персидская культура ограниченна. Въ умственномъ отношеніи все было заимствовано сначала у халдеевъ, потомъ у грековъ. Самое *письмо* было ассирійское; только тамъ былъ силлабизмъ, а персы дошли до алфавитизма. Нѣкоторая самобытность видна лишь въ персидскомъ искусствѣ, особенно въ *зодчествѣ*. Киръ украсилъ скромную резиденцію Ахеменидовъ, Пассаргады, дворцомъ, крѣпостью и жертвенниками для огня, которые составляютъ теперь цѣлое поле развалинъ вокругъ его уцѣлѣвшей гробницы. Дарій устроилъ столицу въ центрѣ своей державы, въ *Сузѣ*, развалины которой сохранились у нынѣшняго Шуша, въ трехъ огромныхъ курганахъ. Но лучшій художественный музей персовъ представляетъ обширныя развалины *Персеполя* — главнаго дворца, основаннаго Даріемъ и расширеннаго его пріемниками. Здѣсь всюду мраморъ, и такой полировки, **Культура Персовъ.**

что сейчасъ можно смотрѣться въ него, какъ въ зеркало. Особенно роскошна была зала съ сотней колоннъ небывалой высоты (до 10 саж.), которыя послужили первообразами дорическаго и іоническаго стилей. Здѣсь, такъ же, какъ и по всей Малой Азіи, разбросано много красивыхъ гробницъ; но это — подражаніе египетскимъ усыпальницамъ. *Ваяніе* персовъ прямо ассирійское, но въ немъ больше правды, мягкости линій, изящной отдѣлки мелочей: все это, а также появленіе складокъ на одеждѣ, указываетъ на греческое вліяніе. Послѣднее уже ясно въ изображеніи «дива», — дивнаго чудовища, которое перешло также изъ халдейскихъ преданій въ Апокалипсисъ.

Скиѳы и ихъ сосѣди. Весь древній Востокъ принадлежалъ Дарію — и персы начали переходить за его предѣлы. Они показались за Индомъ и на Эгейскомъ морѣ, гдѣ сдался даже непокорный Самосъ, тиранъ котораго, *Поликратъ*, славившійся своимъ счастьемъ, былъ вѣроломно убитъ лидійскимъ сатрапомъ. Наконецъ, Дарій первый изъ восточныхъ завоевателей вступилъ въ Европу. Тамъ онъ рѣшился начать со *скиѳовъ* — народа арійскаго племени, отличнаго отъ скиѳовъ, которые вторгались въ Переднюю Азію. Скиѳы занимали степи у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря отъ *Борисѳена* (Днѣпра) до *Танаиса* (Дона). Именно тутъ жили скиѳы, которыхъ называли *царскими*, потому что, въ случаѣ опасности, у нихъ появлялся общій вождь; въ мирное же время они жили отдѣльными родами. Царскіе скиѳы были свирѣпые дикари: ихъ божествомъ былъ огромный мечъ, обливаемый кровью плѣнниковъ. Становища царскихъ скиѳовъ доходили на югѣ до *Меотиды* (Азовское м.) и *Понта* (Черное м.), гдѣ этотъ народъ сливался съ арійскими же киммерійцами, имя которыхъ перешло на *Крымъ* и *Босфоръ Киммерійскій* (Керченскій проливъ). Здѣсь скиѳы смѣшивались также съ греками, жившими въ колоніяхъ *Пантикапеѣ* (Керчь) и *Херсонесѣ Таврическомъ* (съ Августа — Севастополь). Но болѣе всего подчинялись греческому вліянію, благодаря колоніи *Ольвіи*, осѣдлые скиѳы, жившіе къ западу отъ царскихъ, до *Истра* (Дуная). Эти скиѳы отчасти смѣшивались со своими арійскими сосѣдями — ѳракійцами, кельтами и германцами.

Къ сѣверу отъ скиѳовъ жили финскіе народцы, о которыхъ греки, ходившіе за золотомъ до Урала, разсказывали чудеса. Тамъ летали бѣлыя мухи, жили людоѣды и какіе-то черно-халатники, а также люди съ козьими ножками; тамъ спали по полугоду. У Перми обитали одноглазые великаны, которые похищали золото у «грифовъ» — чудовищъ съ головой и крыльями орла на львиномъ туловищѣ. А еще дальше на сѣверѣ жили блаженные *гипербореи* — невинные, озаряемые лучами Аполлона счастливцы. Къ востоку отъ скиѳовъ, между Танаисомъ, *Ра* (Волгой) и Кавказомъ, обитали бѣлокурые *сарматы*, у которыхъ женщины такъ храбро воевали, что греки сочли ихъ за своихъ баснословныхъ амазонокъ. Это — предки литовско-славянскаго племени, которое потомъ вытѣснило скиѳовъ, такъ что римляны (около 100 л. до Р. Х.) уже называли Сарматіей всю Скиѳію.

Около 500 л. до Р. Х. Дарій выступилъ въ Скиѳію съ 700-тысячной арміей. Іонійскіе греки сопровождали его на 600 судахъ и построили ему мосты черезъ *Босфоръ Ѳракійскій* (Константинопольскій проливъ) и Дунай; имъ же было поручено охранять мосты до возвращенія персовъ. Скиѳы рѣшились заманивать врага въ глубину степей, истребляя за собой запасы и засыпая колодцы. Гоняясь за ними, Дарій прошелъ 2000 в. по пустынной странѣ, до Воронежа и Волги. Наконецъ, онъ понялъ, что только отступленіе можетъ спасти его; но тутъ скиѳы начали нападать на отдѣльные отряды его истомленнаго войска. Между тѣмъ у Дуная шли совѣщанія между іонійскими тиранами (князьками), охранявшими мостъ. Владѣтель *Херсонеса Ѳракійскаго* у *Геллеспонта* (Дарданеллы), благородный аѳинянинъ Мильтіадъ, требовалъ разрушить мостъ, чтобы погубить Дарія и тѣмъ освободить малоазійскихъ грековъ отъ персидскаго ига. Но корыстолюбивый Ги-

стіей милетскій напомнилъ товарищамъ, что всѣ они — тираны лишь по милости Дарія. Гистей восторжествовалъ, и Дарій былъ спасенъ.

Персы въ Европѣ и Африкѣ.

Такъ, при Даріи Востокъ уже начинаетъ сталкиваться съ Европой. При дворѣ азіатскаго деспота мелькаютъ греческія лица. Іонійцы строятъ мосты Дарію; одинъ каріецъ совершаетъ, по его порученію, путешествіе отъ Кашмира до Суэза; другой грекъ излѣчиваетъ его отъ болѣзни и ведетъ экспедицію въ Грецію и Италію, снаряженную царемъ также для развѣдокъ. Въ то же время персидскія войска, оставшіяся за *Пропонтидой* (Мраморное море) послѣ скиѳскаго похода, покоряютъ *Ѳракію* и берутъ дань съ царя *Македоніи*. Персы показываются и въ греческихъ колоніяхъ за Египтомъ. Они воспользовались волненіями въ *Киренѣ* и *Баркѣ* и обманомъ завладѣли обѣими странами. Множество грековъ было переселено отсюда въ Бактрію. Ужасъ до того овладѣлъ всѣмъ сѣверомъ Африки, что даже отдаленный *Карѳагенъ* прислалъ дань въ Сузу. Такъ съ крайняго сѣвера и юга надвигались азіатскія полчища на юную цивилизацію Европы, именно Греціи. Кончается исторія древняго Востока: она становится *эпизодомъ* (отрывкомъ) *исторіи Греціи* и *Рима*.

Значеніе мидянъ и персовъ.

Историческое значеніе мидянъ ничтожно. Они представляютъ намъ лишь любопытный примѣръ арійскаго народа, сильно смѣшаннаго съ туранцами Гораздо важнѣе значеніе персовъ. Послѣ индусовъ это — второй чистокровный арійскій народъ. Эти родственники различны по характеру: индусы — народъ мирный, персы — *завоеватели*. Если въ Индіи былъ деспотизмъ, свойственный вообще Востоку, то ѳеократическій; персы же усвоили истинно *восточный деспотизмъ* Ассиріи: въ Передней Азіи всѣ народы обращались въ завоевателей. Но во всемъ остальномъ персы родственны индусамъ. Это — даровитый народъ съ многосторонними стремленіями, съ *задатками идейной культуры*. Маздеизмъ — возвышенная религія, которой немного недоставало до монотеизма. Его великодушное нравственное ученіе напоминаетъ буддизмъ. Гуманно и умно поступали персы даже съ покоренными народами: они пользовались ихъ силами, щадя ихъ понятія и привычки; въ дикихъ мѣстахъ они строили города, рыли каналы, проводили дороги. Персы первые въ Азіи создали *правительственную систему* или организацію и связанныя съ нею *почты*. Сверхъ того, они успѣли проявить художественный талантъ въ самое короткое время; а морскія экспедиціи, вызванныя духомъ любознательности, и привлеченіе свѣдущихъ грековъ свидѣтельствуютъ объ ихъ научныхъ стремленіяхъ. Но на всемъ лежитъ основная азіатская черта — застой, быстрое утомленіе подъ вліяніемъ могущественной природы. Послѣ Дарія персы не создали ничего новаго; и ихъ государство превратилось въ жалкое придворное правленіе. Оно быстро разлагалось само собою; и этотъ гнилой колосъ рухнулъ при столкновеніи съ маленькою Греціей, представительницей европейской цивилизаціи.

Значеніе древняго Востока.

Исторія древняго Востока касается всѣхъ частей человѣчества. Изъ нея видно, что первобытная, *черная*, порода еще не успѣла ничего выработать, какъ была смѣнена желтою. *Туранцы* уже создали многое, что легло основнымъ вкладомъ въ цивилизацію; но они давно остановились въ своемъ развитіи, впрочемъ, сохранивъ способность воспринимать чужую культуру, какъ доказываетъ Японія. Затѣмъ древній Востокъ обнимаетъ большую часть бѣлой породы, въ которой сосредоточенъ историческій прогрессъ. Сюда относится вся жизнь *кушитовъ*, этихъ вторыхъ піонеровъ цивилизаціи, которые во многихъ мѣстахъ раньше всѣхъ выступили на борьбу съ природой и невѣжествомъ и раньше всѣхъ удалились съ историческаго поприща. Культура *семитовъ*, которые всѣ входятъ въ исторію древняго Востока, за исключеніемъ арабовъ, была развитіемъ туранскихъ и кушитскихъ основъ: къ ней прибавлено мало новаго. *Арійцы*, которые лишь частью входятъ въ исторію Востока, унаслѣдовали культуру семитовъ и кушитовъ. Проживъ сравнительно мало, они не могли значительно обо-

гатить полученное достояніе. Но въ своихъ пріемахъ они обнаружили задатки самыхъ крупныхъ дарованій, гибкости ума.

Чѣмъ болѣе наука овладѣваетъ древнею исторіей, тѣмъ болѣе уваженія внушаетъ Востокъ. Безъ его исторіи непонятна дальнѣйшая судьба человѣчества. Его цивилизація — *мать европейской.* Оттуда получили мы единобожіе, любовь къ ближнему, обряды и миѳологическіе образы; тамъ начало эпоса, сказки и басни, гимна и драмы, философіи разныхъ направленій (у индусовъ), письма и грамматики, цифръ и математики, греческаго ваянія и зодчества; тамъ же первые образцы формъ общежитія — ѳеократіи, монархіи и республики, аристократіи и демократіи. Мы сами — переселенцы оттуда же. Но ослѣпительная картина первыхъ успѣховъ человѣчества покрыта мрачнымъ оттѣнкомъ, особенно если вспомнить, какъ томительно-долго создавалась она. На древнемъ Востокѣ господствуетъ печальное *однообразіе*: жизнь — какой-то обрядъ, напыщенная процессія, не отступавшая отъ древнѣйшихъ правилъ, какъ художникъ ни уклонялся отъ жреческихъ подлинниковъ. Вездѣ типы, народы, племена и расы, и *нѣтъ* общественныхъ расчлененій, кружковъ и *личностей.* Вездѣ, особенно въ политическомъ быту, послѣ поразительнаго полета генія, виденъ *застой*, предѣлъ развитія, незнакомый Европѣ. Востокъ и теперь отличается подобными чертами, которыя отчуждаютъ его отъ насъ, хотя тамъ много родственныхъ намъ народностей. Главная причина запустѣнія первой школы человѣчества лежитъ не въ людяхъ, которые составляютъ одинъ родъ человѣческій, а въ *природѣ* Азіи и Африки, которая притомъ была тогда въ полнотѣ своихъ дѣвственныхъ силъ: она была первымъ тираномъ человѣка; она то изнуряла его своими мертвыми пустынями, то убаюкивала изнѣживающею роскошью. Но есть сила крупнѣе природы: это — *время.* Первому путнику труднѣе, томительнѣе, чѣмъ идущимъ по его слѣдамъ.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Греція.

Герои и переселенія. 1500—850.

Природа Эллады. *Эллада* (такъ называли греки свою страну) — одна изъ самыхъ малыхъ земель Европы. Это — какъ бы большой мысъ, образуемый отрогами восточныхъ Альпъ. Главный изъ этихъ отроговъ, Пиндъ, тянется между Эпиромъ и Ѳессаліей, которые составляли *Сѣверную* Элладу. Дикій *Эпиръ*, населенный «варварами», былъ однакоже колыбелью греческой націи: здѣсь жилъ древнѣйшій изъ ея народцевъ — «греки», имя которыхъ римляне перенесли на всѣхъ эллиновъ; здѣсь же, въ Додонѣ (теперь Янина) былъ старѣйшій греческій «оракулъ» или прорицалище. *Ѳессалія* — котловина, въ которую проникали съ сѣвера черезъ Темпейскую долинку, а съ юга — черезъ очень узкій проходъ Ѳермопилы (Теплыя Ворота), гдѣ и теперь бьетъ сѣрный ключъ. Надъ ея сочными лугами возвышался Олимпъ — обиталище боговъ. Полуварвары ѳессалійцы представлялись эллинамъ «центаврами» — полу-людьми, полу-конями.

Настоящею Элладой считались Средняя и Южная Греція, раздѣленныя Истмомъ («перешейкомъ»). Гористая *Средняя* Греція была полна такихъ святынь, какъ гора Парнасъ и Дельфы съ ихъ оракуломъ Аполлона; тутъ же находилось древнѣйшее гнѣздо эллинизма — семивратныя Ѳивы, а восточнѣе, въ Аттикѣ — свѣтило цивилизаціи, Аѳины лежавшія въ семи верстахъ отъ трехъ прекрасныхъ гаваней. Восточная часть Средней Греціи отличалась морскимъ ха-

рактеромъ, благодаря Эгейскому морю, съ его длинною береговою линіей, т.-е. излучистостью береговъ. Это море связывало эллиновъ съ Востокомъ: какъ бы мостомъ въ Африку служитъ о. Критъ, а въ Азію — Циклады («кругъ» острововъ вокругъ Делоса) и Спорады («разбросанные»). Южная Греція или *Пелопонесъ* (теперь Морея) отличалась, напротивъ, материковымъ характеромъ. Въ средоточіи лежала «пастушья» страна — Аркадія, «греческая Швейцарія». Отсюда тянулась на югъ главная горная цѣпь — снѣжный Тайгетъ, который отдѣлялъ Лаконію отъ Мессеніи. Лаконія или *Лакедемонъ* — плодородная, но суровая долина р. Эврота; тутъ было мало городовъ, да и тѣ, подобно Спартѣ, были большими селами. Но самыми плодородными странами были Мессенія, житница Греціи, и Элида, наслаждавшаяся вѣчнымъ миромъ, благодаря храму въ Олимпіи. Однако культура процвѣтала не здѣсь, а въ восточныхъ земляхъ Пелопонеса—въ Арголидѣ и Коринфіи, куда достигало вліяніе Востока. Развитая *береговая линія* и *горы* объясняютъ какъ культурность эллиновъ, такъ и ихъ раздробленность. Затѣмъ важны *скудость* и вмѣстѣ съ тѣмъ *разнообразіе* почвы, призывавшія къ труду и его раздѣленію. Наконецъ, природа Греціи была *красива* и *умѣренна*, что порождало художественное чувство дѣйствительности. Тутъ всюду прелестные узоры горъ и береговъ, прохладныя ночи и теплые, свѣтлые дни, которые выгоняли человѣка на воздухъ и заставляли полуобнажать тѣло.

Пелазги и эллины. Праотцами эллиновъ были уже знакомые намъ *пелазги*, этотъ передовой отрядъ яванъ, заселившій сначала Малую Азію и Архипелагъ, потомъ Грецію и Италію. Эти пелазги уже обладали богатыми государствами — Троей и Фригіей. По преданіямъ эллиновъ, потомкомъ фригійскаго Мидаса былъ царь Танталъ, который оскорбилъ боговъ тѣмъ, что, испытывая ихъ всевѣдѣніе, угостилъ ихъ тѣломъ собственнаго сына, *Пелопса*. Боги воскресили Пелопса, но прокляли родъ Тантала. Самъ Танталъ попалъ въ адъ, гдѣ его окружали плоды и вода, которые уходили отъ него, какъ только онъ хотѣлъ коснуться ихъ. Дочь Тантала, *Ніоба*, сразу лишилась своихъ 12 дѣтей, перебитыхъ богами, и была обращена въ скалу. Пелопсъ былъ изгнанъ фригійцами и бѣжалъ въ южную Грецію, которой далъ свое имя: Пелопонесъ—«островъ Пелопса»; первые цари Аргоса были Пелопиды. Въ Европѣ пелазги были менѣе цивилизованы. Они приносили человѣческія жертвы и занимались преимущественно скотоводствомъ. Но они вели уже осѣдлую жизнь, подчиняясь родовымъ князькамъ. Храмовъ еще не было: пелазги вѣрили въ силы природы, которыхъ не изображали. Главными божествами были солнце и земля — *Зевсъ* и *Діона*. Имъ строили жертвенники на горахъ и въ чащѣ деревьевъ, которыя убирали лентами и погремушками. Священные пѣвцы гадали на камушкахъ въ мрачныхъ пещерахъ. Но главною, всеобщею святыней былъ *додонскій* дубъ.

Въ Элладѣ пелазги распались на нѣсколько народовъ: *лаконцы* занимали Лакедемонъ, *іонійцы*—Аттику и Ахаію (сѣверъ Пелопонеса), *эолійцы*—среднюю и сѣверную Грецію. Пелазги были піонерами цивилизаціи въ Элладѣ. Они вырубали лѣса, осушали болота, засѣяли скалы первымъ хлѣбомъ. Прошло много вѣковъ—и около 1500 г. среди нихъ произошелъ переворотъ, о которомъ такъ разсказываетъ преданіе. Пелазги жили сначала счастливо, въ «золотомъ» вѣкѣ, потому что ихъ родоначальникъ, *Пелазгъ*, былъ сыномъ Зевса и Діоны. Но потомъ они испортились и дошли до «желѣзнаго» вѣка, когда воцарились безбожіе и грубость. Зевсъ положилъ истребить порочное человѣчество и послалъ потопъ. Спаслись только Девкаліонъ и жена его, Пирра; они начали кидать камни позади себя, которые превращались въ людей. Первымъ владыкой новаго человѣчества былъ *Эллинъ*, у котораго было двое сыновей, *Эолъ* и *Доръ*, и двое внуковъ — *Ахей* и *Іонъ*. Отсюда произошло эллинское племя съ его четырьмя народами — эолійцами дорійцами, ахейцами и іонійцами. Такъ какъ здѣсь упоминается два пелазгійскихъ народа, то очевидно, эллины и пелазги — разныя

поколѣнія одного и того же племени. Эллины образовались на сѣверѣ. Тѣснимые дикими иллирійцами и ѳракійцами, они постепенно распространились изъ Эпира въ Ѳессалію, а оттуда по всей Греціи. Стѣсненные ими эолійцы подвинулись на югъ и удѣлѣли въ Беотіи, а іонійцы сохранились въ Аттикѣ. Эллины подвигались въ теченіе многихъ вѣковъ. Впереди всѣхъ шли *ахейцы* — «благородные, лучшіе». Они долго господствовали въ Греціи, подчинивъ себѣ пелазговъ. Это время (1500—1200) называется героическимъ періодомъ.

Ахейцы и героическіе подвиги. Ахейцы были отважными витязями: ихъ воспитала борьба съ покоренными пелазгами да съ иноземцами, особенно же съ ѳракійцами и финикіянами. Отъ нихъ остались развалины многихъ «акрополей» (кремлей) «циклопической» постройки: потомки думали, что это — работа одноглазыхъ великановъ-циклоповъ. Въ преданіяхъ эллиновъ отразилась бурная жизнь ахейцевъ, въ формѣ разсказовъ о героическихъ подвигахъ, во главѣ которыхъ стояли три національныхъ предпріятія. 1) Извѣстный намъ *походъ аргонавтовъ* указываетъ на начало мореходства пелазговъ, о которомъ упоминаютъ и египетскіе памятники около 1400 г. 2) Нѣсколько позже эллины совершили *походъ семерыхъ противъ Ѳивъ*, который означаетъ ихъ борьбу съ чужеземцами. 3) Третьимъ все-эллинскимъ подвигомъ была *Троянская война*, воспѣтая въ «Иліадѣ» Гомера и отчасти входящая въ исторію. Она связана съ ахейцами, уже образовавшими нѣсколько царствъ на сѣверо-востокѣ Пелопонеса, гдѣ происходили главныя столкновенія съ финикіянами. Здѣсь красовался лучшій городъ тогдашней Греціи — Микены и славился царскій родъ *Атридовъ*, дѣтей Пелопсова сына, Атрея. Старшій Атридъ, самый доблестный герой, *Агамемнонъ*, царствовалъ въ самихъ Микенахъ, его братъ, Менелай, съ первою красавицей Еленой, — въ Спартѣ. Атриды уже начали покорять острова Эгейскаго моря и достигли Малой Азіи. Но тамъ господстовалъ Пріамъ, царь блестящей *Трои*. Разбогатѣвшіе троянцы, въ свою очередь, занялись мореходствомъ. Сынъ Пріама, Парисъ, уже пробрался въ Спарту: онъ разграбилъ ее и плѣнилъ Елену. Отсюда троянская война. Троя пала лишь послѣ 10-лѣтней осады (около 1200).

Дорійцы и переселенія. Но время все еще было тревожное и отчасти баснословное: настала пора *переселеній* цѣлыхъ эллинскихъ народцевъ (1200—850). Она открывается возвращеніемъ изъ-подъ Трои уцѣлѣвшихъ героевъ, мучительныя странствія которыхъ сказочно описаны въ «Одиссеѣ» Гомера. Послѣ борьбы, имъ удалось возстановить свои права въ Пелопонесѣ. Далѣе на сѣверъ спокойно жили потомки пелазговъ—іонійцы и эолійцы. У іонійцевъ, въ Аттикѣ, утвердился царскій родъ, происходившій отъ героя, Ѳезея, который соорудилъ сильный акрополь—Кекропію. На крайнемъ сѣверѣ, у Олимпа, жили грубые горцы, *дорійцы*, во главѣ которыхъ стоялъ родъ Гераклидовъ, потомковъ героя, Геракла. Они-то нарушили спокойствіе Эллады около 1100 г. Тѣснимые сѣверными варварами, они бросились на югъ. Отраженные царемъ Аттики, Кодромъ, дорійцы наводнили Пелопонесъ и разрушили ахейскія царства; сами ахейцы по большей части бѣжали въ Ахаію, вытѣснивъ оттуда іонійцевъ въ Аттику.

Переселеніе дорійцевъ внесло разстройство почти во всей Греціи, которое долго не улегалось. Эллины не только перемѣняли мѣста внутри Греціи, но и вышли за ея предѣлы: тогда были основаны ихъ *древнѣйшія колоніи*. Многіе изъ прежнихъ обитателей Эллады не захотѣли подчиниться пришельцамъ; да и сами дорійцы не могли всѣ помѣститься въ Пелопонесѣ. Переселенцы отправлялись частью на острова, а больше на знакомые имъ берега Малой Азіи. Эолійцы съ остатками ахейцовъ заняли Мизію съ Троадой, назвали ее *Эоліей* и построили много городовъ (Кумы и др.). Южнѣе іонійцы образовали *Іонію* съ блестящими городами Милетомъ, Эфесомъ, Фокеей и др. Еще южнѣе образовалась *Дорида* съ городами Галикарнассомъ и Книдомъ; дорійцы

заняли также островъ *Родосъ* и даже отбили *Критъ* у финикіянъ, а впослѣдствіи основали *Кирену*.

Характеръ эллина.

Въ теченіе перваго періода своей исторіи (1500—800) эллины достигли значительнаго развитія. Къ концу его уже сложился *эллинизмъ*, — главныя черты, которыми всегда отличалась потомъ греческая жизнь. Онъ состоялъ изъ двухъ главныхъ народностей — изъ *дорійцевъ* (ихъ центры — Аргосъ, Спарта и Критъ) и *іонійцевъ* (Аттика, островъ Делосъ, Милетъ и Эфесъ). Эолійцы были смѣсью разныхъ древнѣйшихъ народцевъ и не играли важной роли въ исторіи. Разница между этими народностями выражалась въ «діалектахъ» (нарѣчіяхъ) греческаго языка: тяжелый эолійскій діалектъ былъ пережиткомъ глубокой древности; близкій къ нему дорическій отличался грубостью и окаменѣлостью; іоническій же славился своею юною гибкостью, мягкостью, богатствомъ формъ и звуковъ. Дорійцы и іонійцы создали различные быты и враждебныя другъ другу государства.

Тѣмъ не менѣе эллины составляли одинъ національный типъ, который выработался уже къ 8-му вѣку. Физически это былъ образецъ *арійской красоты*, т.-е. правильности чертъ лица и соразмѣрности частей тѣла. Эллинъ обращалъ большое вниманіе на свое тѣло, воспитывалъ его. Онъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія *пластики* или ваянія, т.-е. выпуклости, рельефности чертъ. Эллинъ отличался необыкновенною воспріимчивостью, блестящею фантазіей и гибкостью ума. Но крайняя подвижность приводила его къ страстности; онъ не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, увлекался мелкою борьбой партій, былъ жестокъ въ войнахъ и крайне вспыльчивъ; гордость переходила у него въ самовеличаніе. Эллинъ былъ *художникъ* попреимуществу. Онъ стремился къ *гармоніи*, или равновѣсію между своими идейными и матеріальными потребностями, и не походилъ ни на аскета-индуса, ни на матеріалиста-кушита. Въ его религіи не было противоположности между природой и человѣкомъ, матеріей и духомъ. Эллинъ не трепеталъ передъ богами, а жилъ съ ними, какъ съ дорогими идеалами. Онъ всегда почиталъ руководительницею своей жизни *Софросину* — изящную, гармоничную мѣру во всемъ. Эллинъ наполнилъ свой героическій періодъ *миѳами*, или «сказаніями»; и нигдѣ миѳологія не была такъ богата и поэтична. А въ историческую эпоху эллинъ украшалъ свою жизнь изящными произведеніями искусствъ и литературы. Главнымъ источникомъ этихъ произведеній служила греческая миѳологія, которая до сихъ поръ не утратила своего образовательнаго значенія въ искусствѣ и воспитаніи.

Миѳологія.

Греческая мифологія развилась постепенно, отчасти подъ вліяніемъ Востока. Къ пелазгическимъ Зевсу и Діонѣ прибавилось много новыхъ божествъ. Значеніе боговъ также мѣнялось: изъ безличныхъ силъ природы они становились «этическими» и «антропоморфными» существами. По «ѳеогоніи» («родословіе боговъ») поэта Гезіода (около 800 г.), сначала былъ *Хаосъ* (первобытная безформенная матерія), изъ котораго вышли *Гея* (земля) и *Уранъ* (небо), родившіе великановъ — «титановъ и циклоповъ». Главный титанъ *Кронъ* (время) серпомъ оскопилъ своего отца. Царство урана было порой бушеванія первобытныхъ, «титаническихъ» силъ природы; эпоха Крона — золотой вѣкъ. Но вдругъ Крону показалось, что дѣти погубятъ его — и онъ началъ поѣдать ихъ. Его жена спасла младшаго сына, *Зевса*, подавъ мужу камень вмѣсто ребенка. Когда малютка выросъ, онъ заставилъ отца отрыгнуть проглоченныхъ и началъ борьбу съ Крономъ, которому помогали титаны. Наконецъ, Зевсъ бросилъ противниковъ въ *тартаръ* (подземный міръ) — и началось свѣтлое, спокойное царство *Олимпійцевъ*: Зевсъ, съ братьями и сестрами, поселился на Олимпѣ. Олимпійцы уже — тѣ же люди, только больше, красивѣе и могущественнѣе. Они живутъ, какъ люди, страдаютъ, даже доступны ранамъ, и грѣшатъ на землѣ, куда часто сходятъ отъ скуки. Но они могутъ быть какими угодно оборотнями, могутъ

производить перевороты во вселенной, насылать моръ на твари. А главное — они безсмертны, всегда юны и блаженны. Они боятся только мрачнаго исчадія Ночи — Рока, который римляне назвали Фатумомъ: отсюда *фатализмъ* — вѣра въ предопредѣленіе, въ то, что отъ своей судьбы не уйдешь. Олимпійцевъ была дюжина — 6 боговъ и 6 богинь. Подлѣ нихъ толпилось множество божковъ или *демоновъ* — небесныхъ, водяныхъ, земныхъ и подземныхъ. Греки населили весь міръ человѣкоподобными существами, которыя кишѣли въ каждой волнѣ, въ каждомъ ручейкѣ, на каждомъ клочкѣ земли, на каждомъ листочкѣ и облачкѣ.

Обрядность. Обрядность была еще первобытная. У всякой семьи, глава которой былъ и жрецомъ, были деревянные *идольчики*, въ одеждѣ и украшеніяхъ; ихъ хранили въ храмикахъ-коробочкахъ. *Молитвой* служило лепетаніе гимновъ утромъ, послѣ обѣда и вечеромъ, причемъ окроплялись святою водой и прикладывались къ идоламъ. Призывая Олимпійцевъ, воздѣвали руки вверхъ; обращаясь къ подземнымъ богамъ, простирались по землѣ или прикасались къ ней руками. Важнѣе считалась *жертва*. Сначала приносили въ жертву людей, потомъ животныхъ, иногда сотню быковъ разомъ, что называлось «гекатомбой». Богатыя жертвы сопровождались «помпой» — торжественными ходами. Огромное значеніе имѣла *мантика* — ворожба, особенно при жертвахъ, когда гадали по внутренностямъ жертвы и по полету слетавшихся къ нимъ хищныхъ птицъ. Обыкновенно ворожеями были старухи, которыя жили въ таинственныхъ пещерахъ и назывались «сивиллами» (колдуньями). Но у нихъ отбивали доходъ «оракулы»— цѣлыя заведенія для предсказаній, которыя находились при храмахъ и управлялись смѣтливыми жрецами. Главнымъ оракуломъ былъ дельфійскій, гдѣ прорицала Пифія

Герои и Востокъ. Религія эллиновъ допускала *героевъ*. Это — полубоги. происшедшіе отъ брака боговъ со смертными. Герои одарены чудесной силой и высшимъ разумомъ; нѣкоторые даже безвредно сходили въ Тартаръ. Жизнь ихъ — рядъ благодѣяній. Они расчищаютъ дикую природу, истребляютъ чудовищъ, обучаютъ народъ всему полезному. Но они были смертны и даже попадали въ адъ Рѣдко кто изъ нихъ удостоивался *Элизія* — «Островъ блаженства»; и такому люди поклонялись, какъ божеству. Къ числу главныхъ героевъ относятся *Гераклъ* (римскій Геркулесъ) и *Өезей*; похожіе другъ на друга. Представленіе о нихъ мѣнялось съ развитіемъ грековъ. Сынъ Зевса, Гераклъ, сначала былъ небеснымъ помощникомъ своего отца, гонителемъ облаковъ, ночнымъ стрѣлкомъ. Потомъ каждая греческая община старалась сдѣлать его своимъ героемъ: въ его 12 подвигахъ отразились дѣла чуть не всѣхъ героевъ Эллады. Сначала Гераклъ имѣлъ значеніе творца матеріальной культуры, истребителя вредныхъ силъ природы. Потомъ, подъ вліяніемъ финикійцевъ, онъ сталъ путешественникомъ и основателемъ колоній (Гибралтарскій проливъ называли Столбами Геркулеса). Еще позже Гераклъ сдѣлался идеаломъ труда, благородной настойчивости, побѣды надъ самимъ собой. Какъ Гераклъ сначала былъ героемъ ахейцевъ Аргоса, такъ его двойникъ, Өезей, принадлежалъ преимущественно іонійцамъ Аттики, у которыхъ онъ устроилъ аөинское царство. Но впослѣдствіи этихъ двухъ героевъ почитали по всей Элладѣ: въ нихъ поэтически изображались лучшія свойства эллинизма.

Объ остальныхъ герояхъ повѣствуютъ мѣстныя сказанія или былины. Здѣсь много указаній на *вліяніе Востока*. Такъ, главною станціей финикіянъ на пути въ Грецію былъ о. Критъ: здѣсь Зевсъ царствовалъ вмѣстѣ съ дочерью сидонскаго царя, Европой (Астарта), и съ пожиравшимъ людей Минотавромъ (Молохъ); а сынъ Зевса и Европы, Миносъ, далъ Криту законы, перешедшіе въ Спарту. Затѣмъ Астарта переселилась въ самую Грецію, подъ именемъ Афродиты; а съ нею приплылъ и Молохъ, превратившійся въ Геракла. Ок. 1300 г. въ Өивы прибылъ сидонецъ Кадмъ, въ поискахъ за своей сестрой Европой,

похищенной Зевсомъ въ видѣ быка. Онъ построилъ кремль Кадмею, гдѣ потомъ царствовалъ его злополучный потомокъ Эдипъ; походъ семерыхъ — возстаніе эллиновъ противъ ига финикійцевъ. Египтянинъ Кекропсъ построилъ Кекропію и ввелъ поклоненіе Изидѣ, подъ именемъ Аѳины-Паллады. Изъ малой Азіи явились Пелониды, Гераклъ и даже боги Діонисъ (Вакхъ), Аполлонъ и Артемида (Кибела)

Былины, въ особенности же поэмы Гомера даютъ картину быта эллиновъ въ героическій періодъ ихъ исторіи. Это — *бронзовый* вѣкъ. Нравы еще грубы: гуляетъ физическая сила; всюду битвы, поединки, кровомщеніе. Но этотъ мракъ смягчается гостепріимствомъ, уваженіемъ къ женщинѣ и къ «герольдамъ» (посламъ), строгостью семьи. Въ религіи блещетъ свѣтлый образъ Аполлона съ Музами, которыя вдохновляютъ пѣвцовъ и зодчихъ. Родовое начало уступаетъ мѣсто *государственному*. Базилевсъ (царь) служитъ полководцемъ, судьей и жрецомъ. Его власть, истекающая отъ Зевса, слабо ограничена совѣтомъ дружины — «булѐ» и народною сходкой — «агорѐй». Но какъ помѣщики, *витязи* (бывшіе старѣйшины) обладаютъ большими правами и богатствомъ, которое все еще состоитъ попреимуществу изъ стадъ да изъ *рабовъ*. Рабъ — вещь, но съ нимъ обращаются, какъ съ младшимъ членомъ семьи: тогда все было патріархально; сами цари плотничали, царевичи пасли стада, царевны мыли бѣлье, царицы ткали и пряли. Промыслы и торговля развивались лишь къ концу періода. Тогда же возникли начатки поэзіи. Сначала были *гимны* — грустныя пѣсни баснословнаго Орфея, который укрощалъ даже звѣрей своимъ заунывнымъ пѣніемъ. Затѣмъ бездомные «рапсоды» начали воспѣвать, по акрополямъ, подвиги витязей, подыгривая на киѳарѣ: изъ этихъ «приключеній» создался потомъ (ок. 850 г.) цѣлый эпосъ — *Иліада* и *Одиссея*, приписанныя какому-то слѣпцу *Гомеру*.

Гомерическій бытъ.

ЛЕКЦІЯ СЕДЬМАЯ.

Эвпатриды и тираны 850 — 500.

Пелопонесъ при дорійцахъ.

Бурная эпоха переселеній остановили ростъ греческой культуры, но зато она двинула *политическое* развитіе. Вначалѣ жизнь сосредоточивалась въ *Пелопонесѣ*, который больше всѣхъ подвергался переселеніямъ. Здѣсь дорійцы выдержали долгую борьбу (1000 — 850). Имъ удалось только на юго-востокѣ образовать три государства — Аргосъ, Спарту и Мессенію; но между ними кипѣло соперничество, а ахейцы вездѣ возставали противъ поработителей. Средоточіемъ доризма стала *Спарта*, но ее раздирали усобицы. Дорійцы составляли здѣсь только высшій слой общества — «спартіатовъ» (9.000 семей). Ахейцы или «періэки» («сосѣди») владѣли лишь плохими землицами и населяли городки, гдѣ занимались промыслами и торговлей; они отдавали спартіатамъ часть своихъ доходовъ и несли военную службу подъ ихъ начальствомъ; ими управляли жестокіе «гармосты», которые могли даже казнить безъ суда. Но періэки были лично свободны; ихъ даже разумѣли вмѣстѣ съ спартіатами, когда говорили — «лакедемонцы». Гораздо хуже была судьба «илотовъ» — ахейскихъ крестьянъ, обращенныхъ спартіатами въ своихъ рабовъ. Илоты обрабатывали поля спартіатовъ, не пользуясь никакими правами. Участь ихъ была такъ жестока, что вошла въ пословицу. Каждую зиму сотни юныхъ спартіатовъ занимались «криптіей» — шпіонствомъ: они подслушивали и рѣзали недовольныхъ илотовъ. Тѣмъ не менѣе илоты, которыхъ было около полмилліона, часто возставали. Волненія въ Спартѣ увеличивались еще оттого, что спартіаты стали сильными аристократами и ста-

рались ослабить царскую власть: они установили даже, чтобы всегда было *два царя*, которые соперничали между собой.

Спарта. Ликургъ. Смуты въ Пелопонесѣ прекратились, когда Спарта окрѣпла, благодаря полу-баснословному *Ликургу* (около 850 г.). Ликургъ принадлежалъ къ царскому роду и былъ самый образованный изъ лакедемонцевъ: онъ путешествовалъ въ просвѣщенныхъ странахъ, особенно на Критѣ. На возвратномъ пути Ликургъ заручился содѣйствіемъ Пиѳіи и преобразовалъ Спарту. Для этого было оставлено древнее родовое дѣленіе спартіатовъ на 3 *филы* (колѣна), изъ которыхъ каждая распадалась на 10 *обовъ* (родовъ). Старшины обовъ составляли *герусію*, которой принадлежала законодательная и судебная власть. Сверхъ того, важнѣйшіе вопросы рѣшала народная сходка, состоявшая изъ всѣхъ взрослыхъ спартіатовъ. Мало того: было пять *эфоровъ* избираемыхъ на одинъ годъ. Они слѣдили за соблюденіемъ законовъ Ликурга; цари ежемѣсячно присягали имъ въ вѣрности и подчинялись имъ даже въ своей домашней жизни. Эфоры сопровождали царей на поле битвы и могли арестовать ихъ для представленія на судъ герусіи. Они обѣдали на главной площади, чтобы всякій могъ приносить имъ жалобы лично. Они отдавали отчеты герусіи, которая строго судила ихъ. У эфоровъ была государственная печать, и годъ назывался по имени перваго изъ нихъ. Ликургъ раздѣлилъ землю поровну между спартіатами, запретивъ отчуждать и дробить ее; по смерти спартіата, его удѣлъ переходилъ къ старшему сыну (майоратъ). Съ каждымъ участкомъ была связана военная служба. Спартіаты были «гоплитами» (со щитами и латами), періэки — легко вооруженными.

Спартанская культура. Чтобы спартіаты удержались въ борьбѣ съ окружающими врагами, Ликургъ обратилъ всѣхъ ихъ въ воиновъ и ввелъ желѣзную дисциплину. Если ребенокъ былъ слабъ и уродливъ, его забрасывали въ горы. Здоровый оставался у матери только до 7 лѣтъ; потомъ его брали въ правительственное заведеніе. Мальчиковъ обучали *гимнастикѣ* и военнымъ упражненіямъ. Ихъ водили почти нагими; спали они на камышѣ, который сами и заготовляли; кормили ихъ дурно. По временамъ имъ вовсе не давали ѣсть — и тогда мальчикамъ приказывали воровать хлѣбъ, но половчѣе; если поймаютъ, засѣкутъ. Палки и плети вообще считались лучшею педагогіей: чтобы пріучить дѣтей къ страданіямъ, производилось регулярное и поголовное сѣченье, причемъ запрещалось плакать. Умственнаго воспитанія вовсе не было. Развивали только хитрость, находчивость и умѣнье говорить *лаконически* — кратко и мѣтко. Изъ искусствъ допускались только музыка съ короткими пѣснями и танцы, и то потому, что въ хорахъ и хороводахъ пріучались къ порядку и маршировкѣ.

У взрослаго спартанца было не больше свободы, чѣмъ у мальчика. У него даже *не было* собственной, *частной жизни*: все время было занято службой. Спартанецъ жилъ въ лагерѣ. Каждый товарищъ доставлялъ скудную провизію кашевару, приготовлявшему *сисситію* — общій обѣдъ, который состоялъ изъ отвратительной черной похлебки да изъ свинины, жареной въ крови. Въ палаткахъ и спали спартанцы; домой они ходили рѣдко, и то тайкомъ. Въ походѣ было нѣсколько свободнѣе. Дома спартанецъ ходилъ въ четырехугольномъ плащѣ изъ толстой шерсти, въ тяжелыхъ сандаліяхъ (родъ лаптей), съ дубинкой въ рукѣ и съ длинными космами: на войнѣ онъ былъ чистъ и нарядeнъ. Въ лагерѣ, всегда хорошо укрѣпленномъ, раздавались звуки флейты и совершались жертвоприношенія съ попойками. Передъ арміей, которая всегда выступала въ полнолуніе и при благопріятныхъ жертвахъ, несли священный огонь и идольчиковъ. За этимъ знаменемъ маршировали, съ музыкой и грозными пѣснями, ряды рослыхъ, мускулистыхъ молодцовъ, съ львиными гривами. То была непреодолимая армія. Каждый воинъ былъ героемъ. Трусъ, бѣжавшій съ поля битвы, становился ниже илота: несчастный налагалъ на себя руки.

Спартанка воспитывалась точно такъ же. Слабыхъ и некрасивыхъ дѣвочекъ закидывали въ Тайгетъ. Остальныя обучались гимнастикѣ и достигали мужской силы и ловкости. Бракъ также считался не частнымъ дѣломъ, а службой. Правительство опредѣляло, когда кому жениться, и иногда даже назначало невѣсту; оно могло предписать разводъ или многоженство. Спартанка не только не уступала въ мужествѣ спартанцу, но и была такою же *гражданкой* и патріоткой. Въ ея груди билось солдатское сердце: она отказывалась отъ собственнаго сына-труса и одѣвалась по праздничному, если ея дѣти умирали на полѣ брани. За это гордыя и честныя спартанки пользовались большимъ почетомъ. Другіе греки, у которыхъ женщина была въ униженіи, даже видѣли въ Спартѣ «господство женщинъ».

Спарта — образецъ *исключительно государственной идеи.* Всѣ были одинаково слуги государства. Подчиненіе собственнаго эгоизма общему дѣлу—великій подвигъ. Поэтому мы видимъ въ Спартѣ трогательные образцы патріотизма, честности, терпѣнія. Но это достигалось цѣною существенныхъ недостатковъ. Въ Спартѣ *не было культурнаго развитія.* Спартанецъ былъ грубъ даже съ виду: другіе греки подсмѣивались надъ его неотесанностью. Спартанки, едва прикрывавшія свои желѣзные мускулы грубой одеждой, казались нарядным аѳинянкамъ полудикими амазонками. Спартанцы были грязны, полны суевѣрій и предразсудковъ, гнушались мирнымъ трудомъ, презирали искусства. Ликургъ запретилъ имъ писать и сочинять новыя пѣсни; когда появилась семиструнная киѳара, вмѣсто древней четырехструнной, эфоры оборвали лишнія струны. Въ Спартѣ была совсѣмъ *убита личность* человѣка: оттого никто не могъ выдвинуться ни талантомъ, ни умомъ, ни образованіемъ. Это былъ такой деспотизмъ, что Ликургъ долженъ былъ особыми законами принуждать спартанцевъ къ новому быту. Онъ не допускалъ роскоши и даже стѣснялъ торговлю: запрещено было путешествовать за-границей и у себя принимать чужеземцевъ. При всемъ томъ, впослѣдствіи спартанцы возстали противъ деспотическихъ законовъ, обрекавшихъ ихъ на вѣчный *застой.* Но сначала Ликургъ достигъ своей цѣли: невѣжественные, но воинственные спартанцы покорили Пелопонесъ.

Мессенскія войны. Гегемонія Спарты

Спартанцамъ труднѣе всего было бороться съ храбрыми и благородными мессенцами, которымъ помогали Аркадія и Аргосъ. Цѣлое столѣтіе (около 750—650) длились жестокія *мессенскія войны*, о которыхъ у мессенцевъ сложилось много сказокъ. Только хитростью и измѣной удалось спартанцамъ одолѣть врага. Часть мессенцевъ выселилась въ Италію, гдѣ они дали имя старой греческой колоніи — *Мессинѣ.* Остальные были обращены въ илотовъ. Затѣмъ Спарта продолжала свои завоеванія: около 500 г. она уже владѣла $^2/_3$ Пелопонеса; а земли, еще сохранявшія свою независимость, до того боялись ея, что вполнѣ подчинялись ея совѣтамъ въ политикѣ и отдавали ей свои войска по первому требованію. Такъ Спарта пріобрѣла первенство въ Пелопонесѣ, которое эллины называли *гегемоніей* (предводительство). И за предѣлами полуострова спартанцы прославились своею воинственностью и патріотизмомъ: греческія государства отдавали имъ на судъ свои споры; сицилійскіе греки просили у нихъ помощи противъ карѳагенянъ, Крезъ и скиѳы — противъ персовъ. Первенство спартанцевъ основывалось не на одной физической силѣ, но и на разсчетливой политикѣ. Тогда они еще не злоупотребляли своею гегемоніей, довольствуясь предсѣдательствомъ въ союзномъ совѣтѣ и предводительствомъ союзными войсками.

Эвпатриды.

Тогда въ Элладѣ настало господство *эвпатридовъ* («благородныхъ»). Они произошли изъ дружины базилевса. Пользуясь переселеніями, подрывавшими патріархальную монархію, богатые витязи, гордые происхожденіемъ отъ боговъ и героевъ, постепенно уничтожили базилевсовъ. Около 750 г., за исключеніемъ Эпира, по всей Греціи установились *аристократическія республики:* въ Спартѣ монархія сохранялась только по имени. Здѣсь впервые появилось раздѣленіе

властей: законодательство принадлежало совѣту, администрація — срочнымъ чиновникамъ. Власть эвпатридовъ была неограничена: изъ нихъ состоялъ совѣтъ; они избирали чиновниковъ; они и судили по обычному праву; имъ принадлежало и жречество съ дельфійскимъ оракуломъ. Сначала дѣла шли недурно: самые образованные и богатые люди, эвпатриды несли общественныя тяжести и защищали страну. Но власть и богатство испортили ихъ. Возникла — *олигархія* или «власть немногихъ» семей. Между тѣмъ «демосъ» (народъ) размножался и развивался. Подъ акрополями выросло много городовъ, гдѣ образовалось среднее сословіе — люди разныхъ свободныхъ занятій особенно купцы, промышленники и мореходцы. Они богатѣли, много видѣли, много знали и становились гордыми. Словомъ, создавалась *демократія*.

Тираны. Около 700 г. началась жестокая борьба демократіи съ аристократіей, которая никогда не прекращалась въ Греціи. Эвпатриды дольше всего сохранялись въ Аркадіи и Беотіи, а уцѣлѣли только въ Лаконіи и Өессаліи. Власть сначала досталась *демагогамъ* — «вождямъ народа» въ борьбѣ съ эвпатридами. Демагогъ пріобрѣталъ довѣріе демоса, обѣщая освободить его отъ ига эвпатридовъ, и, зная слабости послѣднихъ, велъ толпу къ побѣдѣ; но затѣмъ онъ овладѣвалъ кремлемъ и становился *тираномъ* — «повелителемъ». Такъ, около 650 г., возникла третья форма политической жизни въ Греціи: *7* и *6 вѣка* названы *эпохою тирановъ*.

Первыя тираніи образовались въ торговыхъ республикахъ (Коринөъ, Мегара), затѣмъ во многихъ греческихъ колоніяхъ въ Италіи и Малой Азіи. Иногда тираны оказывались хорошими правителями, мудрыми законодателями и покровителями наукъ и искусствъ: они старались блистать роскошью, дѣлали величественныя постройки, содержали поэтовъ. Но по большей части эти выскочки и похитители престоловъ думали только о власти, были жестоки и подозрительны. Они окружали себя головорѣзами-тѣлохранителями, нахватывали много денегъ, заключали тайные союзы между собой и даже съ персами. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше слово «тиранъ» означало деспотизмъ. Тиранамъ не удалось утвердить своихъ династій. Ихъ господство было тревожно: ихъ уничтожали частью эвпатриды съ помощью спартіатовъ, частью демократія.

Эвпатриды въ Аттикѣ. Представителемъ демократіи былъ городъ *Аөины*, изстари ставшій главой Аттики, благодаря Өезею, уничтожившему родовыхъ князьковъ. Здѣсь даже послѣ Кодра долго управляли базилевсы: эвпатриды низвергли ихъ лишь ок. 750 г., когда они поставили изъ своей среды *архонта* («главаря»). Постепенно они довели число архонтовъ до 9 и избирали ихъ всего на годъ. Подлѣ архонтовъ находился *буле*, состоявшій изъ старшинъ 360-ти эвпатридскихъ «геновъ» или родовъ Эти роды образовывали 4 филы, главы которыхъ творили высшій судъ на *ареопагѣ* (холмъ бога войны, Ареса).

Когда демосъ потребовалъ писанныхъ *законовъ*, архонтъ *Драконъ* далъ законы (624), но такіе, что его имя стало означать жестокость. Демосъ роптадъ больше прежняго — и эвпатридъ *Килонъ* вздумалъ разыграть роль тирана. Съ помощью войскъ своего тестя, мегарскаго тирана, онъ захватилъ акрополь; но народу не понравилось вмѣшательство иноземцевъ — и архонтъ *Мегаклъ*, изъ славнаго рода Алкмеонидовъ, выгналъ похитителя престола. Килонъ бѣжалъ; а его помощники, которымъ обѣщали свободный выходъ, были перебиты у статуй и жертвенниковъ. Это нарушеніе права «азила» (церковнаго убѣжища) смутила народъ, снова подпавшій подъ иго эвпатридовъ. Въ то же время мегарскій тиранъ, мстя за зятя, отнялъ у аөинянъ ближайшій къ нимъ *Саламинъ* и нанесъ имъ такое пораженіе, что эвпатриды запретили, подъ страхомъ смерти, даже говорить о возвращеніи этого острова. Аөиняне погибали: ихъ спасъ *Солонъ*.

Солонъ. Потомокъ Кодра, Солонъ не гнушался торговлей, которая доставила ему огромное состояніе, былъ очень любознателенъ и долго путешествовалъ по Востоку:

эллины причислили его къ своимъ 7 мудрецамъ. Онъ растратилъ свое состояніе на бѣдныхъ и освободилъ всѣхъ, попавшихъ къ нему въ рабство за долги; досугъ онъ посвящалъ прекраснымъ стихамъ, въ которыхъ передавалъ свои познанія народу. Солонъ понялъ, что, прежде всего, нужно поднять духъ народа. Прикинувшись юродивымъ, онъ выбѣжалъ на площадь и сказалъ такіе стихи, что всѣ закричали: «На Саламинъ!» — и островъ былъ завоеванъ. Затѣмъ Солонъ уговорилъ эвпатридовъ изгнать Алкмеонидовъ и очиститься отъ ихъ преступленія призваніемъ изъ Крита знаменитаго отшельника и чародѣя, Эпименида, который и успокоилъ народъ, принеся въ жертву двухъ юношей. Уѣзжая, Эпименидъ приказалъ аѳинянамъ слушаться Солона, что подтвердила и Пиѳія. Теперь Солонъ легко могъ стать тираномъ; но онъ не желалъ власти. Эвпатриды назначили его безсрочнымъ архонтомъ (595 г.) съ правомъ «сохранять или уничтожать все старое, по его усмотрѣнію». Солонъ удовольствовался тѣмъ, что совершилъ благодѣтельныя преобразованія, и затѣмъ покинулъ отечество на 10 л., взявъ съ гражданъ клятву, что за это время они не тронутъ его законовъ.

Солону хотѣлось, прежде всего, помочь несчастливцамъ. Его первымъ дѣломъ были *сейсахѳія* («облегченіе») — отмѣна рабства за долги и сокращеніе самыхъ долговъ почти на 1/4 пониженіемъ цѣнности монеты. Умѣренность и справедливость легли и въ основу политики Солона, въ видѣ *соотвѣтствія правъ съ обязанностями*. Для этого онъ, подлѣ старыхъ филъ, поставилъ новое дѣленіе народа на *четыре класса*, по земельному имуществу: I классъ, самый богатый, несъ и самыя дорогія «литургіи» (повинности) — тріерархію (флотъ), хорегію (хоры въ театрахъ), гимназіархію (гимназіи); II классъ выставлялъ конницу; III-й — гоплитовъ; IV классъ, почти безземельныя осты, служили легковооруженными и только при всеобщемъ ополченіи, но зато это были прекрасные моряки. Архонты назначались только изъ I класса; и при отставкѣ они становились пожизненно членами ареопага, который сталъ блюстителемъ законовъ и нравовъ. Буле или совѣтъ четырехсотъ избирался погодно изъ первыхъ трехъ классовъ; а ему принадлежала не только администрація, но и судъ «притановъ». Солонъ далъ много правъ и демосу, а главное — раскрывалъ ему будущее. Такъ какъ классы зависѣли отъ имущества, то родовая аристократія превратилась въ *тимократію*. Агора (сходка) до того измѣнилась что получила названіе — *экклесіи*: тутъ являлись, 4 раза въ годъ, на рынкѣ, граждане всѣхъ классовъ, достигшіе 20 л, и всякій имѣлъ право говорить. А экклесія избирала всѣ власти и ежегодно выслушивала ихъ отчеты, наказывая за беззаконія; она рѣшала и важнѣйшіе государственные вопросы. Избраннымъ ею *геліастамъ* (присяжнымъ) приносились апелляціи на рѣшеніе притановъ. Праздность была объявлена преступленіемъ: всякій могъ жаловаться въ судъ на бездѣльника; ареопагъ требовалъ у каждаго отчета въ средствахъ къ жизни,

Солонъ выдвигалъ земледѣліе, торговлю, въ особенности же промыслы. Онъ лелѣялъ *метековъ* («сожителей») — иностранцевъ: ихъ ремесленниковъ принимали даже въ филы, т.-е. даровали имъ права аттическаго гражданства. Солонъ подорвалъ власть рода, дозволивъ бездѣтнымъ завѣщать свое имущество кому угодно. Онъ исправилъ календарь и ввелъ систему мѣръ и монетъ — «оболы» (пятачки),, «драхмы» (6 оболовъ) и «таланты» (6000 драхмъ). Солонъ особенно цѣнилъ просвѣщеніе. Впервые въ исторіи возникло обязательное и равное для всѣхъ обученіе, причемъ, наряду съ гимнастикой, были поставлены музыка и поэзія и выдвинуты мастерства. Солонъ до мелочей входилъ въ жизнь аѳинянъ: издавалъ даже законы о томъ, какъ обрабатывать землю, истреблять звѣрей, совершать браки и погребеніе. Онъ не коснулся только положенія *женщины*, которое было унизительно у всѣхъ іонійцевъ. Дѣвушкой она была рабой отца и братьевъ, потомъ — рабой мужа. Женихъ покупалъ невѣсту, какъ вещь. Аѳинянку держали взаперти въ *гинекеѣ* — особомъ женскомъ отдѣленіи; она рѣдко

показывалась мужчинамъ и выходила на улицу закутанная, съ опущенными глазами и въ сопровожденіи раба.

Тиранія въ Аѳинахъ. Геніальный законодатель понималъ, что жизнь потребуетъ измѣненій въ его великомъ твореніи: ему хотѣлось только оградить его отъ ошибокъ страстей. Онъ постановилъ, что экклесія можетъ отмѣнять законъ лишь по предложенію буле, причемъ геліасты выбираютъ изъ своей среды до 400 «номоѳетовъ», которые должны судить старый законъ, какъ судятъ обвиняемаго. Солонъ даже предвидѣлъ, что его законы не устранятъ усобицъ: чтобы хоть сократить это бѣдствіе, онъ постановилъ, что каждый гражданинъ обязанъ становиться на сторону одной изъ борющихся партій. Усобицы и начались тотчасъ по отъѣздѣ Солона. Эвпатриды старались возстановить старину, демосъ стремился къ расширенію своихъ правъ. Первыми руководили неукротимые Алкмеониды и знакомый намъ *Мильтіадъ*; вождемъ народа сталъ родственникъ Солона, богачъ *Пизистратъ*. Красивый, краснорѣчивый, образованный, ловкій Пизистратъ прославился на войнѣ, помогалъ Солону, осыпалъ бѣдняковъ деньгами. Онъ побѣдилъ эвпатридовъ: Мильтіадъ бѣжалъ въ Херсонесъ Ѳракійскій, гдѣ сдѣлался тираномъ. Но властолюбіе овладѣло душой демагога. Возвратившійся Солонъ назвалъ его «хитрою лисой». Однако напрасно честный старикъ предостерегалъ «безмозглое стадо», какъ называлъ онъ народъ. Демосъ далъ Пизистрату тѣлохранителей — и демагогъ превратился въ *тирана* (560). Солонъ удалился сначала къ Крезу, потомъ на Кипръ, гдѣ вскорѣ умеръ.

Впрочемъ Пизистратъ оказался однимъ изъ лучшихъ тирановъ. Онъ сохранилъ законы Солона, помогалъ торговлѣ и промысламъ, щедро надѣлялъ бѣдныхъ, заводилъ колоніи для безземельныхъ. Пизистратъ особенно заботился объ искусствахъ и образованіи народа. Онъ основалъ первую публичную библіотеку, украсилъ Аѳины прекрасными зданіями, снабдилъ городъ водопроводами, ввелъ роскошное празднество въ честь Аѳины-Паллады, причемъ пѣлись пѣсни Гомера, приведенныя въ порядокъ. Тогда же проявилось начало *театра*, въ видѣ веселыхъ празднествъ въ честь Діониса При дворѣ Пизистрата текла свѣтлая и веселая жизнь, озаренная поэзіей и искусствомъ. Сюда приглашались лучшіе поэты и мудрецы со всей Эллады; во главѣ ихъ былъ авторъ нѣжныхъ одъ, *Анакреонъ*.

Сынъ Пизистрата, *Гиппій*, сначала управлялъ подобно отцу. Но когда двое аѳинянъ, лично оскорбленныхъ имъ, составили заговоръ и убили его брата, онъ сталъ жестокимъ деспотомъ. Эвпатриды бѣжали изъ Аѳинъ, но вскорѣ возвратились, благодаря доблестному Алкмеониду *Клисѳену*, который задобрилъ Пиѳію. Народъ присоединился къ Клисѳену — и Гиппій былъ изгнанъ (510 г.). Онъ бѣжалъ къ персамъ.

Преобразованія Клисѳена. Аѳиняне такъ опасались тираніи, что для предупрежденія ея ввели *остракизмъ*. Зимой буле (совѣтъ четырехсотъ) спрашивалъ: не нужно ли изгнать когонибудь? Если отвѣтъ былъ утвердительный, то каждый выцарапывалъ на черепкѣ имя изгоняемаго. Гражданинъ, имя котораго встрѣчалось на 6.000 раковинахъ (почти 1/3 всѣхъ гражданъ), изгонялся на 10 лѣтъ, но не лишался ни правъ, ни почета; и экклесія могла всегда возвратить изгнанника. Затѣмъ смѣлый, даровитый *Клисѳенъ*, съ благословенія Пиѳіи и съ помощью друзей, развилъ дѣло Солона въ пользу демократіи. Онъ ограничилъ эвпатридскія филы религіозными церемоніями, а политическое значеніе передалъ ***новымъ 10-ти филамъ***, изъ которыхъ каждая дѣлилась на 10 *демовъ*. Демъ (волость) состоялъ изъ главнаго села или городка съ окрестными деревнями; всѣ жившіе здѣсь, не исключая метековъ, считались гражданами; въ демѣ были свои выборныя власти, своя казна и сходка. Буле превратился въ Совѣтъ Пятисотъ, избираемый изъ всѣхъ гражданъ, и по жребію: къ нему перешло почти все управленіе. Архонтство, избираемое уже изъ первыхъ 3-хъ классовъ (но не по жребію), потеряло много правъ. Экклесія увеличивалась и стала собираться 10 разъ въ годъ. Такъ какъ

въ нее входили теперь и безземельные, то ее характеръ сталъ измѣняться изъ крестьянскаго въ городской: число геліастовъ дошло до 6.000. Такъ демократія совсѣмъ возобладала. Раздраженные эвпатриды призвали на помощь спартанцевъ: нѣсколько разъ силы всего Пелопонеса и аристократовъ Беотіи нападали на Аттику. Но демократія создала изъ аѳинянъ такое сильное и цѣльное государство, что они разбили (ок. 500 г.) разомъ всѣхъ враговъ и завоевали сосѣдніе острова; а благодаря Мильтіаду, ихъ владѣнія доходили уже до Гелеспонта.

Греческая колонизація. Востокъ.

Такъ, къ 500 году въ Элладѣ выдвинулись два крупныхъ государства — Аѳины и Спарта; и они уже начали враждовать между собой. Эта борьба, наряду съ завоеваніями спартанцевъ, послужила толчкомъ къ знаменитой эллинской *колонизаціи*; тогда даже финикіяне должны были, по всѣмъ морямъ, или удалиться, или сливаться съ греческими переселенцами. Греческія колоніи сохраняли связи съ своими митрополіями: онѣ отдавали имъ на судъ свои тяжбы и чеканили монету по ихъ образцу; а митрополіи защищали ихъ отъ враговъ и допускали колонистовъ на свои національныя торжества; война между ними считалась дѣломъ нечестивымъ. Греческія колоніи распространяли эллинизмъ и даже его языкъ далеко внутри дикихъ странъ. Онѣ вліяли и на свои митрополіи: восточныя колоніи стали учительницами своихъ «матерей». Но зато онѣ и пали раньше, подъ вліяніемъ восточной нѣги и кровавыхъ смутъ.

Греческія колоніи распадаются на 3 отдѣла, которые соотвѣтствуютъ и ихъ хронологіи. 1) *Восточныя* колоніи—самыя старыя: онѣ процвѣтали въ 650—500 гг. Онѣ быстро разбогатѣли и обогнали своихъ учителей, азіятовъ, въ культурѣ. Онѣ страдали только отъ усобицъ да отъ вліянія Востока и богатства: малоазійскіе греки славились изнѣженностью, чувственностью, тщеславіемъ. Важнѣе всѣхъ былъ союзъ 12-ти городовъ, составляющихъ *Іонію*. Ея «перломъ и царемъ морей» былъ Милетъ, славившійся своими философами, художниками, тканями, въ особенности же колонизаціей: онъ-то заселилъ берега сѣверныхъ морей отъ Геллеспонта до Азова; его назвали Стограднымъ. За нимъ слѣдовали насельтельницы западнаго бассейна Средиземнаго моря, Фокея, и Эфесъ, съ его храмомъ Артемиды, который считался однимъ изъ «семи чудесъ Свѣта» и былъ сожженъ Геростратомъ съ цѣлью прославиться столь великимъ злодѣяніемъ. Но Іонія, также какъ и *Эолія*, сильно пострадали, когда возмутились при ложномъ слухѣ о погибели Дарія въ Скиѳіи: персы поставили въ нихъ жестокихъ тирановъ (ок. 500 г.). Только *Доридѣ* (союзъ 6-ти городовъ, съ роскошнымъ Галикарнасомъ во главѣ) жилось лучше: она не участвовала въ возстаніи. Изъ массы восточныхъ колоній внучекъ, внѣ Малой Азіи, важны Херсонесъ Ѳракійскій, гдѣ ок. 500 г. правилъ Мильтіадъ Младшій (племянникъ аѳинскаго), Византія, Одесса, Ольвія, Пантикапея (Керчь), Херсонесъ Таврическій и др. Къ концу періода была уже значительно эллинизована и *Македонія*, гдѣ издавна осѣлась смѣсь пелазговъ съ дикими ѳракійцами и иллирійцами. Именно по берегамъ моря утверждались греки, которые уже за 700 л. до Р. Х. образовали государство, благодаря хитрому царю, Пердиккѣ I. У нихъ была крѣпкая столица, Эдесса (теперь Водена). Затѣмъ появились богатыя греческія колоніи Потидея и Амфиполь.

Западныя и южныя колоніи.

2) Западныя колоніи, по преимуществу дорическія, сосредоточивались въ Сициліи и Южной Италіи: послѣднюю даже называли *Великою Греціей*. Здѣсь господство принадлежало сначала *Сибарису* (за 700 л.), который былъ такъ богатъ, что слово «сибаритизмъ» означало роскошь и изнѣженность. Но лѣтъ 200 спустя, подлѣ него поднялся энергичный и просвѣщенный *Кротонъ*, руководимый самосцемъ *Пиѳагоромъ*, который учился въ Египтѣ и, какъ истый аристократъ, бѣжалъ изъ отечества, когда тамъ водворилась тиранія Поликрата. Пиѳагоръ былъ словно пророкъ новой религіи: на многихъ, особенно на женщинъ, дѣйствовали аскетизмъ и молчаливость философа, а также его таинствен-

ныя церемоніи. Пиѳагоръ завелъ правленіе аристократовъ, образовавшихъ «пиѳагорейскій союзъ» или *гетерію* — родъ политическаго клуба. Онъ возстановилъ нравственныхъ кротонцевъ противъ сибаритизма — и Сибарисъ былъ разрушенъ до основанія. Но возгордившіеся аристократы стали угнетать демосъ: ок. 500 г. народъ перебилъ пиѳагорейцевъ и утвердилъ демократію, которая быстро распространилась почти по всей Великой Греціи. Эти волненія такъ ослабили Кротона, что первенство перешло къ спартанскому *Таренту*, куда укрылись остатки пиѳагорейцевъ. Изъ другихъ греческихъ колоній въ Италіи славились *Элея*, съ ея важной философскою школою, и *Кумы*, основавшія много колоній, въ томъ числѣ *Неаполь*.

Но къ 500 г. эллинизму вообще становилось тяжело въ Италіи: его начали тѣснить туземцы. Въ Сициліи греческія колоніи занимали восточный и южный берега. Съ помощью крѣпостныхъ туземцевъ, онѣ вели обширное хлѣбопашество и скотоводство и разбогатѣли, несмотря на то, что ихъ исторія наполнена смѣной тираній, враждой іонизма съ доризмомъ, борьбой съ карѳагенянами и римлянами. Первая роль принадлежала дорическимъ *Сиракузамъ* (ок. 750), гдѣ, лѣтъ 500 до Р. Х., появился умный тиранъ Гелонъ. Онъ укрѣпилъ Сиракузы и сдѣлалъ ихъ столицей эллинизма въ Сициліи, которому тогда сильно грозили карѳагеняне, занявшіе сѣверо-западные берега острова. Въ Галліи процвѣтала Массилія, которая основала много колоній въ Генуэзскомъ заливѣ, на Корсикѣ и въ Испаніи.

3) Южныя колоніи грековъ были неважны, за исключеніемъ *Кирены*, которая богатѣла отъ торговли съ дикарями пустыни, славилась зодчествомъ, поэзіей и философіей; но она подчинилась персамъ, вмѣстѣ съ Египтомъ (525).

Національныя узы. Дельфійскій оракулъ.

Около 500 г. эллинизмъ раскинулся широко, по всѣмъ морямъ: и вездѣ онъ сталкивался съ Востокомъ. Подготовлялась борьба между Европой и Азіей въ лицѣ грековъ и персовъ. Исходъ ея былъ сомнителенъ: греки были сильнѣе персовъ культурно, но слабѣе политически. Ихъ больнымъ мѣстомъ была первобытная *раздробленность*. У нихъ были только намеки на единство, да и то не цѣлой націи, а ея частей: это — союзы или *амфиктіоніи* («сожительство»). Амфиктіоній было много; но значеніе имѣла только дельфійская, связанная съ знаменитымъ оракуломъ: она обнимала 12 народцевъ Сѣверной и Средней Греціи и существовала съ VIII в. до самаго Р. Х. и даже позже. Члены амфиктіоніи обязывались содержать и защищать свой главный храмъ, въ которомъ хранилась и союзная казна. Выборные завѣдывали святыней, устраивали празднества и жертвоприношенія, разбирали споры союзниковъ. Амфиктіоніи — лишь религіозные союзы или церковныя братства: онѣ были не прочны; ихъ члены нерѣдко враждовали между собой. Но все-таки это была подготовка къ политическимъ союзамъ, или *гегемоніямъ*. Къ 500 г. въ Греціи образовалась только спартанская гегемонія. Спарта управляла Пелопонесомъ въ военномъ и дипломатическомъ отношеніи, а сама имѣла право вести войны безъ согласія союзниковъ. Но если она вызывала войска союзниковъ безъ согласія союзнаго совѣта, они могли покинуть поле битвы, что̀ и случалось.

Но греки далеко превосходили персовъ въ идейной культурѣ, которая, зародившись подъ вліяніемъ Востока, достигла уже самобытности, стала *эллинизмомъ*. Эллинизмъ-то и служилъ сильнымъ средствомъ объединенія всѣхъ грековъ. Онъ проявлялся въ религіи, національныхъ играхъ и поэзіи. Тогда завершилось развитіе греческой миѳологіи, благодаря Гезіоду, «Ѳеогонія» которая была библіей для всякаго эллина. Подлѣ множества мелкихъ храмовъ, возникло нѣсколько главныхъ святынь, почитаемыхъ всѣми эллинами, отчасти даже иновѣрцами: таковы были храмы — Артемиды въ Эфесѣ, Аполлона на Делосѣ. Но всегреческимъ соборомъ и первымъ центромъ эллинизма былъ *дельфійскій оракулъ*, который возвысился ок. 850 г., благодаря своимъ связямъ съ главною амфиктіоніей и со

спартанцами. Въ Дельфахъ господствовала опытная аристократія, которая избирала изъ своей среды пять пожизненныхъ «святыхъ» для управленія храмомъ и выбора жрецовъ и Пиѳіи. Святые поставляли въ Пиѳіи степенныхъ женщинъ изъ простыхъ. Пиѳія садилась для прорицанія надъ дымящеюся пропастью; безсвязныя слова, произносимыя ею подъ вліяніемъ одуряющихъ паровъ, записывались жрецомъ, который и слагалъ отвѣтъ стихами. Имѣя связи по всему эллинскому міру, жрецы часто давали удачные отвѣты. Они поддерживали религіозное преданіе, уничтожили кровомщеніе, руководили основаніемъ колоній, освятили преобразованія Ликурга, Солона, Клисѳена и проч. Даже иностранные народы и государи испрашивали совѣта у Пиѳіи. Дельфы получили и финансовое значеніе: многія греческія общины складывали въ ихъ храмъ свои капиталы, которые жрецы отдавали на проценты. Лишь къ концу второго періода Пиѳія стала портиться: она вовлеклась въ борьбу партій и въ интриги, даже начала продавать свой голосъ.

Олимпійскія игры.

Другимъ средствомъ объединенія грековъ были ***національныя игры.*** Ихъ было нѣсколько въ разныхъ мѣстахъ; но всеэллинское значеніе принадлежало только ***олимпійскимъ***: греческою эрой былъ 776 г., когда впервые было записано имя побѣдителя на нихъ; четырехлѣтіе между играми называлось ***олимпіадой.*** Греки не прекращали этихъ игръ даже при нашествіи непріятеля и сохраняли ихъ почти четыре вѣка послѣ Р. Х. Олимпійскія игры, вытекшія изъ церковныхъ празднествъ, пріобрѣли національное значеніе въ VII в. Олимпія — группа домиковъ, въ которыхъ жили жрецы и учителя гимнастики, а также сохранялись принадлежности игръ и церковная утварь. Эти зданія были раскинуты вокругъ рощи, въ которой расло старое оливковое дерево, будто бы посаженное Геракломъ: изъ его вѣтвей, которыя срѣзывалъ мальчикъ золотымъ ножомъ, плели вѣнокъ — эту единственную награду побѣдителю на играхъ, которой больше всего дивились персы. Въ глубинѣ рощи возвышался одинъ изъ лучшихъ храмовъ въ Греціи, посвященный Зевсу; въ немъ, передъ статуей божества стояли кресла для судей, одѣтыхъ въ пурпуръ. Къ рощѣ примыкали полукругомъ мѣста для состязаній — ***стадій*** для гимнастовъ и ***гипподромъ*** для конскихъ скачекъ. Здѣсь же была огромная гимназія, гдѣ гимнасты по цѣлымъ мѣсяцамъ готовились къ состязаніямъ. Далѣе тянулись домики для художниковъ и мастеровыхъ, занимавшихся постройками въ Олимпіи, а также гостинницы для знатныхъ посѣтителей. Остальная несмѣтная толпа зрителей, чуть не всѣ греки (кромѣ женщинъ, которыя не допускались въ Олимпію), помѣщалась, гдѣ попало въ палаткахъ или подъ открытымъ небомъ. Повсюду были раскинуты балаганы и лавочки. Масса купцовъ сновала между зрителями: то была главная ярмарка всего эллинскаго міра. Время игръ считалось священнымъ. По всей Греціи прекращались войны и междоусобія; дороги починялись и хорошо охранялись; грабежи наказывались строго. Сама Эллада всегда признавалась священною страной, на которую никто не смѣлъ нападать: ея «вѣстники мира» пробѣгали передъ играми по всей Элладѣ, возвѣщая, что наступило время, когда въ Пелопонесѣ не должно быть ни одного вооруженнаго человѣка.

Олимпійскія игры состояли изъ разнаго рода состязаній — бѣганья, прыганья, борьбы, метанья диска и копья. Самое тяжелое испытаніе состояло въ бѣганьѣ въ полномъ вооруженіи, самое хитрое — въ бѣганьѣ съ факелами. Позднѣе явились и кулачные бои. Побѣдителемъ на олимпійскихъ играхъ признавался тотъ, кто побѣдитъ не менѣе, какъ въ трехъ состязаніяхъ. На второмъ планѣ стояли состязанія на гипподромѣ. Олимпійскія игры были всеэллинскою выставкой дарованій и воспитанія грековъ. Побѣдитель на нихъ былъ славою и украшеніемъ всей Эллады. Его имя становилось извѣстнымъ всему міру; а родной городъ осыпалъ его почестями. Побѣдителя встрѣчали съ торжественными процессіями, въ честь его слагались пѣсни, въ годовщину побѣды справлялись

празднества. Ему уступали самый опасный постъ въ битвѣ и первое мѣсто въ общественныхъ собраніяхъ; статуи его ставились во дворахъ храмовъ; его и его семью содержали на государственный счетъ.

Литература и искусство.

Третьими національными узами была *поэзія*. Подлѣ гомеровскаго эпоса возникли разные краткіе стихи съ сильнымъ чувствомъ. Сначала это были патріотическія (политическія и военныя) пѣсни или *элегіи*, потомъ насмѣшливыя стихотворенія — *ямбы*. Сюда относятся и *басни*, послужившія основой для всѣхъ европейскихъ басенъ; ихъ приписываютъ рабу Эзопу, но онѣ восточнаго происхожденія. Наконецъ, явились и романсы, тѣсно связанные съ *музыкой*, отцомъ которой считался Терпандръ, изобрѣтатель семиструнной киѳары или лиры: всѣ относящіяся сюда стихотворенія называются *лирическими*. Самыми знаменитыми лириками были Анакреонъ и Саффо. Къ концу второго періода возникла проза. Сначала это были надписи, договоры и законы. Затѣмъ явились зародыши науки, въ лицѣ *философовъ* («любителей мудрости»). Древнѣйшіе изъ нихъ называются «семью мудрецами». Они прославились, какъ патріоты, политическіе дѣятели и какъ авторы краткихъ, мудрыхъ изреченій. Кромѣ солоновскаго: «Все въ мѣру», особенно славилось изреченіе Ѳалеса милетскаго, украсившее дельфійскій храмъ: «Познай самого себя». Тогда появилось много мудрецовъ, особенно въ Малой Азіи и Италіи. То были философы-*физики*, которые все объясняли силами природы. Они изобрѣли солнечные часы и ландкарты. Послѣ физиковъ прославился философъ-математикъ, *Пиѳагоръ*. Въ одно время съ пиѳагоризмомъ была основана философская школа *элеатовъ*.

Начало развиваться и *искусство*, именно дорическое. Оно заключалось въ зодчествѣ. Возникли большіе храмы на египетскій ладъ. «Дорическій стиль» опредѣляется, главнымъ образомъ, колонной: она безъ базиса (подставки), а капитель (головка) у нея состоитъ изъ 4-угольной плиты, подъ которой лежитъ полукруглая шейка. Этотъ грубый стиль, похожій на египетскій, преобладалъ тогда въ Элладѣ. Началось и ваяніе, также подъ египетскимъ вліяніемъ; но тутъ уже зарождается и іоническій стиль, заимствованный изъ Ассиріи. Собственно искусство процвѣтало тогда у грековъ Малой Азіи; Эллада лишь подражала имъ.

ЛЕКЦІЯ ВОСЬМАЯ

Процвѣтаніе Эллады 500—400.

Персидскія войны. Мараѳонъ.

Мы видѣли, что борьба Европы съ Востокомъ была уже подготовлена со всѣхъ сторонъ. Недоставало только повода къ войнѣ. Въ 500 г. онъ явился среди мало-азійскихъ грековъ. Они давно ненавидѣли своихъ поработителей — персовъ и ихъ ставленниковъ, тирановъ. Теперь они уже не могли сдерживать своего негодованія, узнавъ о неудачахъ Дарія въ Скиѳіи: возстаніе вспыхнуло вдругъ по всѣмъ берегамъ Малой Азіи, отъ Галикарнаса до Византіи. Колонисты просили помощи у своихъ метрополій: спартанцы отказали, но аѳиняне тотчасъ же прислали свой флотъ. Однако, борьба была неравная. Громадная Персія задавила побережные городки грековъ и наложила на нихъ еще болѣе тяжкое иго. Вмѣстѣ съ утратой свободы, застыла здѣсь и историческая жизнь, отхлынувъ въ Аѳины. Самъ 60-лѣтній Мильтіадъ бѣжалъ туда. А въ Сузѣ, за столомъ Дарія, рабу приказано было ежедневно восклицать: «царь, не забудь аѳинянъ»!

Въ 490 г., болѣе 100.000 отборнаго персидскаго войска двинулось моремъ на Аттику; его направлялъ злопамятный Гиппій, мечтавшій снова стать тираномъ Аѳинъ. Впереди плыли герольды, требуя «земли и воды» (повиновенія). Всѣ

изъявили покорность. Только спартанцы бросили герольдовъ въ колодезь, а аѳиняне замучили ихъ и даже казнили собственнаго переводчика, дерзнувшаго осквернить свой языкъ передачей приказанія варваровъ. Гиппій привелъ персовъ на *Мараѳонское* поле, гдѣ могла развернуться блестящая кавалерія Дарія. Аѳиняне послали гонца въ Спарту, который въ два дня добѣжалъ туда (болѣе 200 в.). Ему отвѣчали, что религія запрещаетъ спартанцамъ выступать въ походъ до полнолунія. Аѳинянамъ приходилось драться однимъ, а у нихъ было всего 10.000 войска. Многіе совѣтовали покориться; но за битву стояли трое лучшихъ и краснорѣчивыхъ гражданъ — «стратеги» (полководцы) *Мильтіадъ*, *Аристидъ* и *Ѳемистоклъ*, и ихъ мнѣніе взяло верхъ. Главнокомандующимъ единодушно назначили Мильтіада, который обнаружилъ военный талантъ во Ѳракіи и хорошо зналъ боевые пріемы персовъ. Когда аѳиняне выступили въ походъ, къ нимъ присоединилась добровольно, безъ призыва, тысяча гражданъ *Платеи*, которую аѳиняне однажды защитили отъ нападенія спартанцевъ.

Эллины одержали изумительную побѣду, сражаясь одинъ противъ десяти. Персы бѣжали въ безпорядкѣ; множество ихъ погибло или въ морѣ, или въ сосѣднихъ болотахъ, гдѣ нашли и трупъ Гиппія. На другой день послѣ битвы пришли 2.000 спартанцевъ; они осмотрѣли поле битвы, похвалили аѳинянъ и возвратились домой. А на этомъ полѣ появились памятники изъ бѣлаго мрамора, исписанные именами убитыхъ героевъ. Много вѣковъ спустя, народъ разсказывалъ, что каждую ночь здѣсь слышится ржаніе коней и шумъ борьбы.

Мильтіадъ, Аристидъ и Ѳемистоклъ.

Въ сущности, на Мараѳонѣ умеръ старый великій народъ:—персы, и родился новый — аѳиняне, которымъ уже дивился весь тогдашній свѣтъ. Но борьба между этими двумя народами длилась еще около 50 л. Обѣ стороны понимали, что Мараѳонъ — лишь начало великой кровавой драмы, и готовились къ новому бою. Въ Аѳинахъ всѣ слушались Мильтіада, статуя котораго красовалась на Акрополѣ, среди статуй героевъ и полубоговъ. Ему вручили войско и казну; но вмѣсто того, чтобы идти на персовъ, Мильтіадъ бросился на острова Эгейскаго моря, мстя имъ за подчиненіе персамъ, и потерпѣлъ неудачу. Тогда выступилъ его соперникъ, Алкмеонидъ *Ксантипъ*, вождь демократовъ, поклонникъ идей своего родственника, Клисѳена. Подъ его вліяніемъ, геліасты приговорили Мильтіада къ огромному штрафу. Но героя замѣнили вожди новаго поколѣнія. Народъ особенно довѣрялъ *Аристиду*, человѣку скромному, правдивому, растратившему свое состояніе на пользу республики. Даже враги называли его Справедливымъ. Но Аристиду недоставало геніальности: аристократъ въ душѣ, онъ придерживался старины, законовъ; никто не былъ такъ почтителенъ ко всякимъ правителямъ. Не таковъ былъ вождь демократизма, *Ѳемистоклъ*. Ему нельзя было довѣрять: онъ не гнушался и безчестными средствами, даже бралъ взятки. Ѳемистоклъ былъ необузданъ и властолюбивъ. Уже мальчикомъ онъ хотѣлъ играть первую роль среди своихъ сверстниковъ. Потомъ онъ сталъ искать популярности, растратилъ свое большое состояніе на пышныя процессіи и хоры, защищалъ гражданъ въ судахъ и зналъ почти всѣхъ ихъ по именамъ. Но Ѳемистоклъ былъ чрезвычайно талантливъ: даже враги признавали его рѣдкимъ политикомъ. Онъ такъ понималъ будущее, что смѣло брался за мѣры, которыя казались Аристиду безумными.

Реформа Ѳемистокла.

Борьба между двумя вождями аѳинянъ была неизбѣжна. По смерти Мильтіада, Аристидъ былъ первымъ человѣкомъ въ Аттикѣ; на него перешли почести, которыя сначала расточались мараѳонскому побѣдителю; его выбрали первымъ архонтомъ. Аристидъ рѣшился поддерживать прежній порядокъ, охраняемый ареопагомъ: онъ хотѣлъ, чтобы аѳиняне оставались землевладѣльцами и гоплитами. Ѳемистоклъ же доказывалъ, что на сухомъ пути аѳинянамъ никогда не совладать ни съ спартанцами, ни съ персами, а посредствомъ моря они могутъ разбогатѣть и усилиться. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ окончательно поднять самый подвижной

элементъ въ Аттикѣ — отличныхъ моряковъ, ѳетовъ. Завязалась жестокая борьба между двумя государственными идеалами. Не проходило экклесіи, чтобы не раздавалось могучаго краснорѣчія Ѳемистокла. Геній и краснорѣчіе Ѳемистокла побѣдили: Аристидъ былъ изгнанъ остракизмомъ, незадолго до новаго нашествія персовъ, а Ѳемистоклъ сталъ первымъ архонтомъ.

Съ помощью Пиѳіи, которая сказала, что грековъ спасутъ «деревянныя стѣны», Ѳемистоклъ рѣшилъ немедленно соорудить флотъ. Казна стала строить только кузовъ триремы; затѣмъ предлагали кому угодно должность капитана — «тріерарха», но съ тѣмъ, чтобы желающій на свой счетъ оснастилъ тирему, содержалъ ея экипажъ и былъ готовъ выступить въ море по первому знаку. Если не находилось охотника, то правительство само назначало тріерархомъ кого-нибудь изъ богачей. Единственною наградой исправному тріерарху былъ золотой вѣнокъ; но зато его имя становилось извѣстнымъ всей Аттикѣ. Тріерархія была весьма почетной службой и ступенью къ высшимъ должностямъ. Когда же она назначалась обязательно, то можно было избавиться отъ нея, предложивъ болѣе богатому или взять ее, или помѣняться имуществами. Казна, облегченная такимъ участіемъ самихъ гражданъ, получила возможность устроить знаменитую аѳинскую гавань, *Пирей*, отлично укрѣпивъ ее и снабдивъ верфями, магазинами, арсеналами.

Реформа Ѳемистокла превращала аѳинянъ въ *морскую націю*. Сверхъ того, она втягивала въ государственную службу большую массу ѳетовъ, которые, какъ бѣдняки, не могли занимать должностей, лишенныхъ жалованья.

Ѳермопилы и Саламинъ. Въ это время (480 г.) противъ Эллады выступила невиданная армія всего Востока — около 2 милліоновъ войска и 1200 кораблей. Во главѣ ея стоялъ самый красивый и высокомѣрный изъ персовъ, ловкій и дѣятельный сынъ Дарія *Ксерксъ*, который уже видѣлъ во снѣ весь міръ у своихъ ногъ. Подлѣ него былъ его зять, даровитый и энергическій полководецъ, Мардоній. Армія проходила по мосту черезъ Геллеспонтъ 7 сутокъ; флотъ шелъ у берега. Эллины могли бы дать отпоръ Востоку, еслибы они составляли цѣльную націю; ихъ было до 20 милл. Но одна треть этого числа подчинялась персамъ, другая жила особнякомъ въ Италіи и Сициліи. Греками же Эллады овладѣлъ ужасъ, который поддерживала Пиѳія, совѣтовавшая покориться Ксерксу. Македонцы, ѳессалійцы и ѳиванцы подчинились персамъ безъ боя; Спарта прислала всего 7.000 пелопонесскихъ гоплитовъ, среди которыхъ было только 300 спартанцевъ. Зато этою арміей предводительствовалъ царь *Леонидъ*, образецъ чистаго спартанца. Занявъ *Ѳермопилы*, Леонидъ не скрылъ отъ воиновъ, что здѣсь придется всѣмъ умереть, и предложилъ остаться только охотникамъ. Осталось 1.200 гаплитовъ, въ томъ числѣ всѣ спартанцы. Болѣе 20.000 труповъ азіатовъ лежало передъ проходомъ. Ночью, на третій день, измѣнникъ провелъ персовъ по глухой тропинкѣ черезъ горы — и греки, поражаемые спереди и сзади, были перебиты всѣ до одного.

Въ дни ѳермопильскаго боя, аѳиняне совершали подобные же подвиги на морѣ. Они не допустили персидскій флотъ помочь Ксерксу, задержавъ его рядомъ сраженій, доказавшихъ, что одинъ греческій корабль можетъ держаться противъ пяти персидскихъ. Затѣмъ Ѳемистоклъ уговорилъ всѣхъ аѳинянъ, способныхъ носить оружіе, пойти на суда, а свои семьи перевезти въ ущелья и пещеры *Саламина* и сверхъ того, вызвать Аристида изъ изгнанія. Персы сожгли Аѳины и заняли полукругомъ весь берегъ противъ Саламина; Ксерксъ приготовилъ себѣ тронъ на утесѣ, чтобы любоваться пораженіемъ эллиновъ. Между тѣмъ на Саламинѣ господствовало смущеніе: преобладало мнѣніе спартанцевъ, что слѣдуетъ немедленно отступить къ Истму, гдѣ стояло ихъ войско. Ѳемистоклъ понялъ, что если греческій флотъ не станетъ драться теперь, то потомъ его не соберешь. Онъ пошелъ на отчаянное средство — написалъ Ксерксу, будто передается ему

и совѣтуетъ загородить путь бѣгущимъ грекамъ. На помощь къ Ѳемистоклу прибылъ тайкомъ Аристидъ. Оба соперничали, какъ львы, дрались рядомъ въ саламинской битвѣ, которая окончилась рѣшительнымъ пораженіемъ персовъ. Ксерксъ поспѣшилъ домой, оставивъ 300.000 отборнаго войска съ Мардоніемъ.

Блескъ Аѳинъ и затменіе Спарты.

У грековъ снова господствовали раздоры: всѣ завидовали аѳинянамъ. Особенно интриговали спартанцы: они внушили аѳинянамъ, будто Ѳемистоклъ стремится къ тираніи — и онъ былъ отстраненъ отъ дѣлъ. Стратегомъ сталъ Аристидъ; но и онъ уговорилъ аѳинянъ бороться съ персами «пока солнце ходитъ по небу». Аѳиняне опять перебрались на Саламинъ и послали въ Спарту за помощью. Спартанцы отговаривались то праздниками, то дурными предзнаменованіями, а сами кончали стѣну на Истмѣ. Мардоній же опустошалъ Аттику. Только когда аѳиняне погрозили заключить миръ съ персами, спартанцы выслали войско подъ начальствомъ бездарнаго царя Павзанія. У персовъ было втрое болѣе войска; тѣмъ не менѣе у *Платеи* они были снова разбиты, несмотря на свою отчаянную храбрость; палъ самъ доблестный Мардоній.

Персы уже не приходили болѣе въ Элладу: напротивъ, *греки перешли въ наступленіе*. Ихъ флотъ преслѣдовалъ корабли Ксеркса и подошелъ къ мысу *Микале*, противъ Самоса. Здѣсь 100,000 персовъ укрѣпились въ неприступной позиціи. Эллины, которыхъ было всего $3^1/_2$ т., внезапно напали на нихъ; малоазійскіе греки передались на ихъ сторону — и персы были разбиты наголову. Тогда же греки побѣдили азіатовъ на крайнемъ Западѣ. Замѣтивъ усиленіе умнаго Гелона, карѳагеняне рѣшились сразу уничтожить сиракузское господство. Они выслали противъ него огромную армію, подъ начальствомъ храбраго Гамилькара. У Гелона было въ шесть разъ меньше войска; но онъ уничтожилъ пунійцевъ у р. *Гимеры* (480), причемъ погибъ самъ Гамилькаръ, бросившійся въ пламя, какъ жертва Молоху.

Персидскія войны имѣютъ двоякое значеніе. 1) Онѣ освободили Элладу отъ завоевательныхъ стремленій Востока и доказали *превосходство европейской цивилизаціи передъ азіатской*: роль руководительной исторіи перешла отъ персовъ къ грекамъ, которые пользовались ею около двухъ вѣковъ, пока не возвысились римляне. 2) Персидскіе войны произвели *переворотъ въ самой Элладѣ*. Значеніе Спарты ослабѣло, вслѣдствіе возвышенія Аѳинъ. Правда, еще лѣтъ 20 она считалась вождемъ Греціи, что доставляло Элладѣ извѣстное единство. Тѣмъ не менѣе, было ясно, что Спарта и Аѳины должны были помѣняться ролями. Во время персидскихъ войнъ спартанцы вели себя не патріотично. Леонидъ спасъ ихъ честь, но это былъ просто честный солдатъ. *Павзаній* послѣ побѣды осрамилъ Спарту. Ему было поручено начальство надъ союзнымъ флотомъ, отправленнымъ къ Малой Азіи для продолженія борьбы съ Ксерксомъ; а онъ вступилъ въ тайные переговоры съ Сузой. Ксерксъ согласился сдѣлать его сатрапомъ Эллады и выдать за него свою дочь. Павзаній сталъ даже жить, какъ сатрапъ, и одѣваться по персидски. Аѳиняне пожаловались Спартѣ, и когда Павзанія вызвали для объясненій, начальство надъ флотомъ само собой перешло къ нимъ (476); а измѣнникъ бѣжалъ въ храмъ, спасаясь отъ казни, но эфоры завалили двери азила — и онъ умеръ тамъ съ голоду.

Новыя преобразованія въ Аѳинахъ.

Аѳиняне же заблистали небывалою славой. Въ персидскія войны они обезсмертили себя подвигами патріотизма и высокаго таланта: поэты уже воспѣвали ихъ, какъ «опору Эллады». Они выставили рядъ знаменитостей. Если Мильтіадъ сошелъ со сцены, то онъ оставилъ еще болѣе замѣчательнаго сына, *Кимона*. Былъ живъ геніальный *Ѳемистоклъ*, истинный спаситель Эллады. Если опасались его властолюбія и неразборчивости въ средствахъ; зато былъ на лицо безукоризненный *Аристидъ;* и его-то аѳиняне выставили на первый планъ, какъ своего вождя. И эти трое соперниковъ не только не мѣшали, но помогали другъ другу: Кимонъ посвятилъ себя войнѣ, и войнѣ съ персами; Ѳемистоклъ довер-

шалъ внутреннія преобразованія, причемъ уже выдвигался его великій преемникъ— Периклъ. Аристидъ всюду поднималъ нравственное значеніе своего отечества, Первые два года послѣ изгнанія персовъ (479 — 477) принадлежали Ѳемистоклу, такъ какъ нужно было устроить Аѳины. Дальновидный политикъ опасался уже не персовъ, а спартанцевъ, и понималъ великую роль Аѳинъ, какъ сердца эллинизма: онъ рѣшился превратить Аѳины въ первостепенную морскую крѣпость. Начали обносить городъ толстыми *стѣнами*: работали даже женщины и дѣти; употребляли на постройку даже памятники, колонны и статуи. Поспѣшность была умѣстна: спартанцы приказали остановить постройку. Но Ѳемистоклъ обманулъ ихъ и докончилъ дѣло. Затѣмъ онъ обнесъ *Пирей* такою толстою стѣной, что на ней могли разъѣхаться двѣ телѣги. Наконецъ, Ѳемистоклъ уговорилъ аѳинянъ строить ежегодно по 20 новыхъ триремъ. Измѣнилось и общественное положеніе гражданъ: моряки и ремесленники, ѳеты, стали главною опорой Аѳинъ, и имъ нужно было дать всѣ права. Самъ Аристидъ, аристократъ по убѣжденіямъ, провелъ законъ о томъ, чтобы *архонты* избирались *изъ 4 го класса.*

Гегемонія Аѳинъ и конецъ персидскихъ войнъ. Тогда же измѣнилось международное положеніе Аѳинъ. Ясно было, что Спарта неспособна къ широкой *всеэллинской* политикѣ, которая уже сама собой переходила къ даровитымъ аѳинянамъ. Когда имъ пришлось принять начальство надъ союзнымъ флотомъ, всѣ государства Эллады, за исключеніемъ Пелопонеса, должны были признать ихъ первенство на морѣ. Составивъ *союзъ*, названный *делосскимъ* (средоточіемъ его былъ *Делосъ*), они поручили Аристиду начертать уставъ, по которому аѳиняне должны были, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла союзниковъ, распредѣлять между ними повинности, командовать ихъ флотомъ и вести за нихъ дипломатическіе переговоры. Въ Делосѣ должна была собираться сходка союзныхъ депутатовъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ и для улаженія споровъ между союзниками по большинству голосовъ; тамъ же хранилась союзная казна.

Такъ образовалась *морская гегемонія Аѳинъ*, рядомъ съ материковою гегемоніей Спарты. Она сейчасъ же доказала свою силу, благодаря аѳинянамъ. Въ теченіе 27 лѣтъ (476 — 449) союзный флотъ былъ въ постоянномъ движеніи. Во главѣ его стоялъ доблестный *Кимонъ* — солдатъ по природѣ и воспитанію. Кимона каждый годъ выбирали стратегомъ. Онъ вытѣснилъ персовъ съ Эгейскаго моря, которое стали называть «аѳинскими водами». Персы пали духомъ. Разъ только они встрепенулись и собрали огромную силу; но Кимонъ жестоко разбилъ ихъ у р. *Эвримедона.* Въ 449 г. герой умеръ отъ ранъ при осадѣ Кипра. Сложилось преданіе о *Кимоновомъ мирѣ*, который онъ будто бы заключилъ передъ смертью. Но персидскія войны окончились безъ всякаго договора: просто малоазійскіе греки получили независимость, и персидскіе корабли не смѣли показываться въ Эгейскомъ морѣ.

Между тѣмъ какъ Кимонъ первенствовалъ, такъ что даже Аристидъ отступалъ на второй планъ, несчастная судьба постигла творца аѳинской гегемоніи, Ѳемистокла. Аѳиняне боялись его, какъ генія, не стѣснявшагося въ выборѣ средствъ, и подчинялись вліянію его политическихъ противниковъ, Аристида и Кимона. Имъ не нравилась также его ненависть къ Спартѣ: занятые персидскими войнами и развитіемъ своей торговли, они не желали враждовать съ такою сильною державой. Въ Аѳинахъ работали также козни спартанцевъ — и Ѳемистоклъ былъ изгнанъ остракизмомъ. Тутъ спартанцы узнали, что ему извѣстны замыслы Павзанія: имъ этого было довольно, чтобы обвинить его въ измѣнѣ отечеству и призвать на судъ; Ѳемистоклъ бѣжалъ. Ему обрадовались въ Сузѣ, гдѣ вскорѣ онъ пріобрѣлъ большое вліяніе, выучившись персидскому языку. Ѳемистоклъ получилъ нѣсколько греческихъ городовъ въ Малой Азіи и жилъ по царски, но года черезъ 4 умеръ отъ болѣзни (461). Лѣтъ за 6 передъ тѣмъ скончался

Аристидъ. Его похоронили на счетъ республики: она дала приданое его дочерямъ и содержала его нищихъ потомковъ.

Периклъ и его сотрудники.

Поколѣніе «мараѳонскихъ бойцовъ» сошло со сцены, но у нихъ осталось достойное потомство: Кимонъ замѣнилъ своего отца и Аристида; подлѣ него сталъ выдвигаться сынъ Ксанѳиппа, *Периклъ*, замѣнившій своего отца и Ѳемистокла. Периклъ — противоположность Кимону и по характеру, и по убѣжденіямъ. Онъ получилъ лучшее воспитаніе: его учителемъ и потомъ другомъ былъ молодой философъ, знаменитый Анаксагоръ. Периклъ отличался свободомысліемъ и широкимъ міровоззрѣніемъ. Отсюда его горячая любовь къ наукамъ и искусствамъ, а также творческая способность: съ неутомимымъ рвеніемъ онъ старался создавать новое и лучшее въ жизни. Периклъ могъ двигать трусливую толпу на новый путь: онъ обладалъ небывалымъ краснорѣчіемъ, которое, по словамъ очарованныхъ аѳинянъ, «оставляло жало въ сердцѣ слушателя». То былъ истинный представитель аѳинянъ, которые подчинялись ему свободно: въ немъ съ даровитостью Ѳемистокла соединялась непорочность Аристида. Периклъ съ художественнымъ чутьемъ іонійца избѣгалъ излишествъ. Богачъ, какихъ мало, онъ велъ трезвый, умѣренный образъ жизни; его манеры были изящны и строги; онъ никогда не возвышалъ голоса, не дѣлалъ порывистыхъ движеній, не измѣнялъ серьезнаго и величаваго выраженія своего лица; его прозвали «Олимпійцемъ». Периклъ рѣдко являлся въ экклесіи, предоставляя друзьямъ говорить за себя; онъ любилъ проводить время дома, среди массы работъ, отъ которыхъ отдыхалъ въ обществѣ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ.

Родственникъ Клисѳена, сынъ Ксанѳиппа и сотрудникъ Ѳемистокла, Периклъ сталъ противникомъ Кимона, какъ только выступилъ на политическое поприще. Съ тѣхъ поръ, до самой своей смерти, въ теченіе 40 лѣтъ (469 — 429), онъ руководилъ Аѳинами, но сначала раздѣлялъ власть съ Кимономъ. Спарта помогла уничтожить вліяніе соперника. Ее постигъ рядъ бѣдствій: половина Пелопонеса, увлекаемая успѣхами Аѳинъ, превратилась въ демократическія республики; возмутились илоты; поднялась и Мессенія. *Новая мессенская война* была такъ мучительна для спартанцевъ, что они обратились за помощью къ аѳинянамъ же. Кимону съ трудомъ удалось уговорить экклесію помочь Спартѣ, «безъ которой Эллада охромѣетъ». Но когда онъ привелъ войско, подозрительные спартанцы объявили, что его помощь уже не нужна. Вліяніе Кимона сразу пало; демократы остракизировали его и заключили союзъ съ врагами Спарты. Тогда спартанцы *возстановили гегемонію Ѳивъ надъ Беотіей*, уничтоженную за измѣну ѳиванцевъ при нашествіи персовъ, и во главѣ своихъ союзниковъ выступили противъ аѳинянъ. *Первая обширная международная война въ Элладѣ* длилась около 15 лѣтъ. Аѳиняне одерживали верхъ на морѣ и терпѣли пораженія на сушѣ. Периклу хотѣлось доставить внутреннее развитіе Аѳинамъ, которое требовало мира: и онъ добился его, подкупивъ спартанскаго царя. По «Периклову» миру (445), заключенному на 30 л., аѳиняне отказались отъ своихъ завоеваній на сушѣ, а спартанцы признали за ними морскую гегемонію.

Этотъ миръ продолжался всего 15 лѣтъ; но геніальный аѳинянинъ успѣлъ тогда такъ подвинуть культурное развитіе человѣчества, что его дѣятельность названа въ исторіи *эпохой Перикла* (460 — 429). Домъ Перикла и Аспазіи сталъ школой человѣчества. Сюда стекалось, по вечерамъ, все, что было тогда въ Элладѣ талантливаго и просвѣщеннаго. Здѣсь можно было встрѣтить великаго философа *Сократа*, тогдашняго Шекспира — *Софокла*, историка *Геродота*, отца медицины — *Гиппократа*, перваго комика въ древности — *Аристофана*, и другія свѣтила наукъ и искусствъ. Во главѣ этого кружка стояли *Анаксагоръ* и *Фидій*. Первый руководилъ научною, второй — художественною дѣятельностью Перикла. Съ такими сотрудниками и съ огромнымъ богатствомъ, можно было смѣло браться за великіе планы: къ тому же Перикла ежегодно избирали пер-

вымъ стратегомъ, которому принадлежала на дѣлѣ вся власть. Но главная сила новыхъ людей заключалась въ народѣ. Отсюда тѣ преобразованія, которыя были произведены тогда. Въ *ареопагъ* посадили 7 *номофилаковъ* — «стражей закона», ежегодно избираемыхъ экклесіей изъ гражданъ: они засѣдали на почетныхъ мѣстахъ въ буле и экклесіи, чтобы слѣдить за законнымъ ходомъ дѣлъ и наказывать его нарушителей. У остальныхъ чиновниковъ была отнята судебная власть, которая сосредоточилась исключительно въ рукахъ геліастовъ. У *архонтовъ*, которые теперь избирались *по жребію*, также было отнято всякое значеніе, кромѣ внѣшняго почета. Такъ всѣ верховныя права перешли къ *экклесіи*, которая стала собираться еженедѣльно.

Геніальный Периклъ уже увидѣлъ необходимость наложить узду на такую власть толпы. Этому служили номофилаки. Сверхъ того, экклесіи было дано право издавать только «псефизмы» — указы на частные случаи: для созданія же «номовъ» или общихъ законовъ она избирала ежегодно до 1.000 *номоѳетовъ*, которые выслушивали ся пренія о новомъ законѣ и затѣмъ рѣшали его судьбу. Чтобы всѣ должности были доступны послѣднему бѣдняку, ввели *жалованье*. Такъ какъ главнымъ средствомъ просвѣщенія былъ театръ, то былъ установленъ *ѳеориконъ* — театральныя деньги: бѣдняки получали изъ казны по два обола для платы за входъ въ театръ. Периклъ раздавалъ неимущимъ еще хлѣбъ, а главное — доставлялъ работу. Въ Аѳинахъ кипѣла строительная дѣятельность. *Пирей* сталъ цѣлымъ изящнымъ городомъ, который соединили со столицей тремя *Длинными Стѣнами*. Въ самихъ Аѳинахъ всюду встрѣчались перлы зодчества и ваянія; акрополь же сталъ не только неприступною крѣпостью, но и художественнымъ музеемъ. Прелестны были и окрестности, гдѣ помѣщались гимназіи — *Академія* и *Лицей*: то были любимыя гульбища аѳинянъ. Периклъ дорожилъ также драмой и музыкой, какъ образовательными средствами. Онъ улучшилъ хорегію, и она стала одною изъ главныхъ ступеней къ извѣстности, къ славѣ. Периклъ съ Аспазіей ввели общественныя музыкальныя состязанія, а также музыку и декламированіе стиховъ за обѣдами и ужинами, что̀ привлекало въ Аѳины поэтовъ со всей Эллады.

Аѳиняне поражали своею высокой матеріальной культурой, необыкновеннымъ развитіемъ торговли и промысловъ. Въ то же время они были воспріимчивы къ великимъ идеямъ и къ новымъ взглядамъ. Ихъ легко было увлечь рѣчами о великомъ призваніи и славѣ ихъ націи. При малѣйшей опасности, угрожавшей отечеству, они забывали свои раздоры: ѳетъ и архонтъ, художникъ и философъ — всѣ становились въ ряды простыхъ гоплитовъ или гребцовъ. Этотъ *идеализмъ* преобладалъ въ жизни аѳинянъ того времени, согласно съ философскою школой Анаксагора и Сократа: исторія наименовала его «юностью человѣчества». Сами же греки называли тогда Аѳины «школою и сердцемъ Эллады». Аѳины были и *культурною столицей всего міра*: къ нимъ перешло космополитическое значеніе Вавилона. Сюда отовсюду стекалось населеніе: оно доходило уже почти до 200.000.

Враги Перикла. Но такова была только интеллигенція. Толпа же еще не могла понимать Перикла. Она поддерживала враговъ, которыхъ у такого человѣка было множество.

Всѣ эти враги Перикла старались прежде всего лишить его помощниковъ. Они тайно убили одного его друга, адвоката. Потомъ обвинили Анаксагора въ богохульствѣ; толпа, которой не нравилось свободомысліе философа, приговорила его къ смерти; Периклъ спасъ своего друга только тѣмъ, что далъ ему возможность бѣжать. Вслѣдъ затѣмъ наклеветали на Фидія, будто онъ укралъ часть золота, даннаго гражданами на одежду одной статуи; художникъ легко оправдался; но тогда его обвинили въ кощунствѣ за то, что онъ изобразилъ себя и Перикла на щитѣ статуи Аѳины — и геній умеръ въ темницѣ. Наконецъ, обвинили Аспа-

зію въ безбожіи и дурной жизни; но Периклъ самъ защищалъ ее передъ присяжными — и ей вынесли оправдательный приговоръ. Тогда потребовали отчета у Перикла въ общественныхъ деньгахъ. Но не успѣли назначить судъ, какъ разразилась война съ Спартой — и Периклъ сталъ сильнѣе прежняго.

Пелопонесская война. Силы противниковъ.

Аѳины были тогда *первою крѣпостью и военною гаванью* въ Элладѣ. При 20.000 полноправныхъ гражданъ, Аттика могла выставить 300 триремъ и болѣе 30.000 воиновъ, хорошо обученныхъ и преисполненныхъ патріотизма. Арсеналы и магазины ломились отъ запасовъ, гдѣ были и никому невѣдомыя военныя машины. *Доходы* достигали огромной суммы (2.000 талантовъ).

Много силы придавали Аѳинамъ *Союзники*, тѣмъ болѣе, что они сами лишили себя тогда «автономіи» или независимости, превративъ свою военную повинность въ денежные взносы. Такъ аѳинская гегемонія превратилась въ «державу»: управленіе союзомъ и делійская казна перешли въ Аѳины, которыя составляли, передъ борьбой со Спартой, великую морскую державу, съ 10 милл. жителей и съ 300 государствъ и городовъ. Периклъ уже мечталъ о томъ, чтобы Аѳины, эта «школа Эллады», стали и ея главою: онъ собирался созвать пословъ отъ всѣхъ греческихъ республикъ на *панэллійскій съѣздъ* въ Аѳины для обезпеченія общихъ святынь и для обезопасенія морей.

Слабая сторона Аѳинъ состояла въ томъ, что ихъ владѣнія были раскинуты по морямъ; на сушѣ ихъ союзниками были только маленькая *Платея* да первобытные *Аргосъ* съ *Ѳессаліей*. Почти весь материкъ повиновался Спартѣ, обладавшей прекрасною пѣхотой (60.000 гоплитовъ), причемъ особенно важна была помощь богатѣйшихъ дорійскихъ республикъ и главныхъ соперницъ Аѳинъ — *Коринѳа* и *Мегары*. У Спарты союзники были надежнѣе, чѣмъ у Аѳинъ: ихъ гегемонъ, ненуждавшійся въ деньгахъ, бралъ съ нихъ только заложниковъ да войска во время войны; притомъ, въ случаѣ опасности, онъ собиралъ ихъ пословъ на сеймъ для совѣщанія.

Смерть Перикла.

Пагубное междоусобіе, именуемое *пелопонесскою войной*, было вызвано врагами Аѳинъ. Спарта и Коринѳъ возбудили противъ Аѳинъ ихъ союзника, *Потидею*, а ѳивскіе аристократы внезапно напали на платейцевъ. Когда аѳиняне начали защищаться въ этихъ мѣстахъ, Спарта выступила противъ нихъ со множествомъ несправедливыхъ обвиненій. Аѳиняне предлагали рѣшить споръ третейскимъ судомъ; но Спарта потребовала, чтобы они «освободили» своихъ союзниковъ и изгнали Алкмеонидовъ за вину ихъ предковъ, а къ Алкмеонидамъ принадлежалъ Периклъ. Аѳиняне отвергли эти дерзкія требованія — и Спарта объявила имъ войну, которая длилась 27 л. (431 — 404) и погубила Элладу. Аѳиняне приняли искусный планъ Перикла — собрать жителей Аттики въ неприступныя Аѳины и опустошать берега Пелопонеса, избѣгая сраженій на сушѣ. Спартанцы не разъ опустошали Аттику, стояли подъ Аѳинами и уходили назадъ ни съ чѣмъ; аѳиняне же наносили имъ много вреда въ Пелопонесѣ. Но въ Аѳинахъ появилась чума, занесенная съ Востока: переполненный народомъ городъ покрылся трупами. Толпа впала въ отчаяніе, обвинила во всемъ Перикла и приговорила его къ такому штрафу, что онъ не могъ уплатить его и лишился даже правъ гражданства. Вслѣдъ затѣмъ аѳиняне одумались и возвратили своему вождю прежнее довѣріе; но на него посыпались другія несчастія: умерли отъ чумы его дѣти, сестра, друзья; вскорѣ онъ самъ послѣдовалъ за ними (429).

Успѣхи аѳинянъ. Софисты.

По смерти Перикла, выступили люди увлекающіеся и съ крайними убѣжденіями. Это поколѣніе характеризуется школой *софистовъ*. При Периклѣ софистами назывались почтенные философы, близкіе къ Анаксагору; потомъ ихъ имя стало позорною кличкой. Софисты говорили: «человѣкъ — мѣрка всему», т.-е ничего не существуетъ, кромѣ мнѣній и желаній отдѣльныхъ личностей. Они первые начали брать деньги за уроки и переѣзжали съ мѣста на мѣсто, говоря, что отечество — тамъ, гдѣ хорошо. Они сами предлагали сегодня доказывать

одно, завтра — совсѣмъ другое: отсюда *софизмъ* — ложная мысль, выраженная логично. У софистовъ были и достоинства; но толпа видѣла только ихъ недостатки и не терпѣла ихъ. Между тѣмъ сами аѳиняне раздѣляли слабости софистовъ. Они изнѣжились, проводили время въ театрѣ или въ болтовнѣ на улицѣ; на экклесіи не столько разсуждали, сколько горячились и кричали. Политика стала служить себялюбію. Экклесія становилась поприщемъ козней, подкуповъ и насилія: наставало господство *охлократіи* (невѣжественной черни), съ ея своекорыстными и отчаянными демагогами, которые любили прибѣгать къ «сифокантіи» (ябедничеству) и требовали войны безъ конца.

Во главѣ мирной партіи стояли: умный и образованный политикъ, очень богатый и знатный, но еще молодой историкъ *Ѳукидидъ*, въ особенности же полководецъ *Никій*, напоминавшій Кимона по склонности къ Спартѣ и аристократіи, но бездарный педантъ и такой суевѣръ, что его всегда окружали ворожеи и жрецы. Главою воинственной партіи былъ *Клеонъ* — «кожевникъ», какъ называлъ его Аристофанъ, хотя онъ только владѣлъ кожевенными заводами. Клеонъ былъ честный человѣкъ, но грубый и властолюбивый себялюбецъ. Онъ зналъ предразсудки и настроеніе толпы, обладалъ рѣзкимъ краснорѣчіемъ, громаднымъ голосомъ и мужицкими манерами. Клеонъ ничего не боялся и говорилъ горькую правду даже толпѣ. Онъ бранилъ даже Перикла за вялость войны и не хотѣлъ слышать о «гниломъ» мирѣ съ Спартой. Случай доставилъ демагогу мимолетное первенство въ Аѳинахъ: онъ плѣнилъ 300 спартанскихъ гоплитовъ, которые уже сдавались до него, застигнутые врасплохъ. Но спартанцы рѣшились смыть такой неслыханный позоръ: у нихъ явился, наконецъ, достойный вождь. Молодой, отважный полководецъ, идолъ солдатъ, *Бразидъ* походилъ скорѣе на аѳинянина гибкостью ума, мягкостью и краснорѣчіемъ. Онъ ловко перенесъ войну въ Ѳракію, привлекая аѳинскихъ союзниковъ «свободой» отъ державной столицы Аттики. Противъ него-то выступилъ Клеонъ, не бывшій въ бояхъ. Онъ потерпѣлъ пораженіе и позорно бѣжалъ; но и Бразидъ палъ на полѣ битвы. Насталъ «Никіевъ миръ» (421); противники отказались отъ своихъ завоеваній.

Походъ въ Сицилію. Алкивіадъ.

Но война возобновилась черезъ два года. Въ Аѳинахъ выдвинулся *Алкивіадъ*, богатый аристократъ, племянникъ Перикла, въ домѣ котораго онъ и выросъ. По талантамъ, это былъ достойный преемникъ Ѳемистокла и Перикла: онъ создавалъ смѣлые и искусные планы, какъ военные, такъ и дипломатическіе, обладалъ крайнею рѣшимостью и энергіей. Но на Алкивіадѣ ярко отражались пороки времени. Этотъ красивый, изящный вельможа, которому всѣ льстили, особенно женщины, былъ властолюбивъ, самоувѣренъ, капризенъ и не признавалъ ничего, кромѣ своихъ желаній: онъ презиралъ не только суевѣрія толпы, но и мнѣніе согражданъ и законы. Съ малыхъ лѣтъ совершалъ онъ злыя проказы, а потомъ преступленія; но аѳиняне не могли обойтись безъ этого «львенка»: онъ былъ первымъ, не только по талантамъ, но и по образованію, какъ любимецъ Сократа; обидѣть же его было страшно. Алкивіадъ интриговалъ противъ Клеона, а по смерти его перекинулся къ демократамъ — и народъ выбралъ его въ стратеги.

Алкивіадъ тотчасъ измыслилъ дерзкій, но блестящій планъ во вкусѣ Бразида. Тогда въ Сициліи демократы погибали отъ сиракузянъ, которымъ помогали спартанцы. Алкивіадъ бросился на помощь къ нимъ съ лучшимъ флотомъ и вступилъ въ союзъ съ этрусками. Онъ уже сталъ забирать дорійскіе города и осадилъ Сиракузы. Но аѳиняне измѣнили ему: поддавшись клеветамъ его враговъ, въ особенности жрецовъ и аристократовъ, экклесія приговорила львенка къ смерти. Алкивіадъ бѣжалъ въ Спарту, а аѳинская армія, отданная подъ начальство Никія, была истреблена. Бѣглецъ плѣнилъ лакедемонцевъ, прикинувшись строгимъ спартіатомъ, и отомстилъ своей родинѣ: онъ убѣдилъ Спарту создать *пелопонесскій флотъ* и увлекалъ делосскій союзъ льстивыми рѣчами

о спартанцахъ, какъ «освободителяхъ Эллады» отъ аѳинскаго ига. Мало того: онъ устроилъ *союзъ Спарты съ персами* — и погибли плоды персидскихъ войнъ: Но и аѳиняне показали себя: они вдругъ создали новый флотъ; у нихъ явились даровитые полководцы, съ честнымъ демократомъ *Ѳразибуломъ* во главѣ. Этотъ флотъ сталъ у о. Самоса, чтобы сразиться съ Алкивіадомъ на смерть, но тотъ самъ явился къ нему другомъ. Алкивіадъ не выдержалъ: сталъ кутить, насмѣхаться надъ варварствомъ спартіатовъ, даже соблазнилъ царицу. Эфоры хотѣли убить его тайкомъ, но ему удалось бѣжать къ сатрапу Малой Азіи. Здѣсь онъ превратился въ перса и убѣдилъ своихъ хозяевъ, что теперь Спарта стала опаснѣе Аѳинъ.

Олигархія и паденіе Аѳинъ

Теперь у Алкивіада явилась надежда возвратиться на родину, по которой онъ тосковалъ. Сами Аѳины какъ бы просились ему въ руки. Тамъ кипѣла жестокая усобица. Подымались аристократы и богачи, которые рѣшились ввести *олигархію*, чтобы заслужить расположеніе Спарты. Во главѣ ихъ стоялъ изворотливый интриганъ, *Ѳераменъ*, который, впрочемъ, старался дѣйствовать безъ кровопролитія. Заговорщики составили обширную гетерію — и толпа приняла новое правительство (411 г.). Былъ составленъ *совѣтъ Четырехсотъ*, который созывалъ экклесію только изъ 5.000 гражданъ. Олигархи предложили миръ Спартѣ и вовсе не думали дѣлиться властью съ «львенкомъ». Озлобленный Алкивіадъ явился на самосскій флотъ, который тогда представлялъ собой аѳинскую демократію. Онъ обѣщалъ низвергнуть тиранію Четырехсотъ и доставить помощь персовъ противъ спартанцевъ. Флотъ назначилъ Алкивіада своимъ полководцемъ — и прибрежныя персидскія крѣпости, занятыя спартанскими гоплитами, начали сдаваться, а отпавшіе союзники снова признавали гегемонію Аѳинъ. Въ 410 г. Алкивіадъ одержалъ, при *Кизикѣ*, блистательную побѣду надъ спартанцами, сиракузянами и персами: весь пелопонесскій флотъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тогда же въ Аѳинахъ были низвергнуты олигархи. Съ олигархами поступили гуманно: ихъ не казнили; одни изъ нихъ были изгнаны, другіе, съ *Критіемъ* во главѣ, удалились добровольно. Затѣмъ прибылъ Алкивіадъ съ триремами, нагруженными военною добычей, Аѳиняне приняли его съ восторгомъ и назначили стратегомъ.

Но испытанія аѳинянъ еще не кончились. Сатрапомъ Малой Азіи сталъ братъ царя Артаксеркса, *Киръ Младшій* — персъ стараго закала, способный и энергичный; онъ жаждалъ отомстить аѳинянамъ за Мараѳонъ и Саламинъ, а также низвергнуть брата съ престола, при помощи лакедемонцевъ. Киръ сталъ искренно помогать Спартѣ; у которой явился тогда достойный соперникъ Алкивіада, *Лизандръ*. Лизандръ, мать котораго была илотка, долго былъ въ пренебреженіи: онъ добился званія полководца хитростями и привыкъ не разбирать средствъ. Презирая людей и свое отечество, онъ мечталъ только о первой роли въ Элладѣ. Лизандръ поддерживалъ всюду олигарховъ и устраивалъ изъ нихъ фантастическія *декархіи* (правленіе десятниковъ), которыя совершали страшныя злодѣянія съ помощью свирѣпыхъ лакедемонскихъ гармостовъ. Затѣмъ онъ очаровалъ Кира — и нанесъ много пораженій аѳинянамъ, которые снова возненавидѣли Алкивіада, обѣщавшаго имъ побѣды. Алкивіадъ скрылся въ свои крѣпкіе замки у Геллеспонта, а на его мѣсто назначили 10 стратеговъ изъ демократовъ, въ томъ числѣ даровитаго и благороднаго *Конона*. Они разбили непріятельскій флотъ; но буря помѣшала имъ подобрать раненыхъ и съ почестью похоронить убитыхъ. Олигархи напали на нихъ за это и такъ взволновали экклесію, что она привлекла къ суду и казнила шестерыхъ изъ побѣдоносныхъ стратеговъ. Замѣнившіе ихъ полководцы отличались безпечностью. Когда они расположились на берегахъ р. *Эгоспотами*, впадающей въ Геллеспонтъ, Алкивіадъ явился къ нимъ подать совѣтъ, указывая на караулившаго ихъ Лизандра. Они грубо отвергли его услуги — и потерпѣли жестокое пораженіе. Затѣмъ Лизандръ осадилъ беззащитный Пирей, между тѣмъ какъ спартанцы обложили городъ съ сухого пути. Длинныя Стѣны были разру-

шены; аѳинскій флотъ былъ сожженъ; Аттика признала гегемонію Спарты; аѳиняне обязались принять «бѣглецовъ и изгнанниковъ» (404). Тогда же погибъ Алкивіадъ. Опасаясь спартанцевъ, онъ собралъ свои богатства и отправился въ Сузу, чтобы донести Артаксерксу о замыслахъ Кира и склонить его на сторону Аѳинъ. Но на дорогѣ его ограбили разбойники. Затѣмъ его выслѣдили Киръ съ Лизандромъ. Его убѣжище было окружено наемными убійцами и подожжено. Онъ бѣжалъ, пробившись съ копьемъ въ рукѣ, но былъ сраженъ издали пущенною стрѣлой.

Тиранія Тридцати и возстановленіе демократіи.

Лизандръ устроилъ въ Аѳинахъ нѣчто худшее, чѣмъ декархіи: то была *тиранія Тридцати*, которая служила потомъ нарицательнымъ именемъ жестокости и беззаконій. Злымъ духомъ тираніи былъ краснорѣчивый и образованный *Критій*. Аѳины опустѣли: граждане толпами бѣжали въ сосѣдніе города; а тамъ ихъ настигали спартанцы.

Въ числѣ бѣжавшихъ былъ мужественный патріотъ, *Ѳразибулъ*. Онъ собралъ нѣсколько сотенъ аѳинянъ и разбилъ тирановъ въ Пиреѣ; палъ и Критій. Ѳразибулъ *возстановилъ демократію*, которая впервые въ Греціи объявила *амнистію* или всепрощеніе: былъ изданъ законъ, чтобы не вспоминать прошлаго и наказывать доносчиковъ штрафами. Такъ, было воскрешено созданіе Солона, Ѳемистокла и Перикла Аѳины прожили еще нѣсколько десятилѣтій, и не безъ славы: въ нихъ вновь процвѣтали искусства и науки, торговля и промышленность. Но уже не было величія и блеска, которыми ознаменованъ 5-й вѣкъ. Аѳины стали «среднею державой въ свѣтѣ»; ими управляли то иноземцы, то домашніе интриганы и честолюбцы. Почти исчезло трудолюбивое и выносливое крестьянство. Въ обществѣ же развивалось паденіе нравовъ, начавшееся послѣ Перикла.

Сократъ.

Сынъ бѣднаго ваятеля, *Сократъ* смолоду искалъ истины у софистовъ; но они не удовлетворили его. Онъ создалъ собственное ученіе, хотя и не обладалъ внѣшностью учителя: онъ былъ неуклюжъ и безобразенъ; его рѣчь, пересыпанная стихами, пословицами, шутками, была безпорядочна; жилъ онъ нищенски. «По мнѣ — говаривалъ онъ — не имѣть потребностей значитъ быть чѣмъ-то вродѣ божества». Иногда жена не знала, чѣмъ накормить дѣтей, и жаловалась на философа. Но Сократъ почти и не видѣлъ своей семьи. Спозаранку выбирался онъ изъ дому и цѣлый день ходилъ по улицамъ и площадямъ, чтобы учить и поучаться. Онъ закидывалъ прохожихъ ловкими *вопросами* и заставлялъ ихъ признаться, что они ничего не знаютъ, а потомъ «наводилъ» ихъ на истины своего ученія. Сократъ особенно преслѣдовалъ своей *иронiей* софистовъ, заставляя ихъ краснѣть передъ толпой. Проповѣдь Сократа была высокимъ *идеализмомъ*. Онъ училъ «познавать самого себя», т.-е. сознавать свои пороки и невѣжество и исправляться. Онъ указывалъ на вѣчную правду и добродѣтель, къ которымъ должно стремиться, презирая земныя блага и не жалѣя жизни. Онъ говорилъ даже о Высшемъ Существѣ, правящемъ міромъ, только не зналъ, какъ именовать его. Самъ Сократъ не писалъ ничего: «я желаю начертать мое ученіе — говорилъ онъ — не на звѣриной кожѣ (пергаментъ), а въ человѣческомъ сердцѣ». Сократъ самъ былъ олицетвореніемъ своей идеи. Онъ жилъ не по своимъ желаніямъ, а по внушенію сознанія, которое называлъ своимъ «демономъ» (божкомъ). Онъ никого не обижалъ и ничего не разрушалъ, кромѣ пороковъ. Сократъ образцово исполнялъ свои обязанности, какъ гражданинъ и воинъ, стоялъ внѣ партій, твердо изобличалъ крайности олигархіи и демоса. Онъ требовалъ отъ каждаго строгаго исполненія законовъ и благочестія, приносилъ жертвы, совѣщался съ оракулами, казался софистамъ отсталымъ человѣкомъ. Ученики были восторженно преданы Сократу; нѣкоторые изъ нихъ оплакивали, какъ потерянный въ своей жизни, тотъ часъ, который имъ не удавалось провести въ бесѣдахъ съ нимъ.

Но *толпа не поняла Сократа*. Многимъ не нравилось, что этотъ чудакъ-нищій говорилъ правду въ глаза и уличалъ въ невѣжествѣ. Рабочіе негодовали на него за то, что онъ отвлекаетъ ихъ молодежь отъ практическихъ занятій. Жрецы ненавидѣли Сократа, какъ всякаго философа, и придирались къ его «демону» и Высшему Существу, несмотря на то, что Пиѳія назвала его «мудрѣйшимъ изъ эллиновъ». Аристократамъ онъ не нравился, потому что изобличалъ ихъ жестокосердіе: они смѣшивали его съ софистами; и ихъ поэтъ, Аристофанъ, осмѣялъ его въ комедіи «Облака». Демократы не любили Сократа, потому что онъ открыто смѣялся надъ замѣщеніемъ должностей по жребію и доказывалъ, что власть должна принадлежать самымъ умнымъ и образованнымъ. Въ 399 году, когда Сократу было 70 лѣтъ, явилось три сикофанта, обвинявшихъ его въ обученіи софистикѣ, въ развращеніи юношества и въ подрываніи религіи. Сократъ явился въ судъ одинъ и произнесъ гордую «апологію» или самовосхваленіе: «я заслужилъ — воскликнулъ онъ — чтобы меня содержали до смерти на общественный счетъ, въ почетѣ, какъ олимпійскаго побѣдителя!»

Сократа приговорили къ смерти; но онъ просидѣлъ еще цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ. Проповѣдникъ былъ окруженъ учениками и велъ самую свѣтлую изъ своихъ бесѣдъ — «О безсмертіи души». Ученики плакали; Сократъ утѣшалъ ихъ. На предложеніе бѣжать (одинъ богатый ученикъ подкупилъ тюремщика), Сократъ сказалъ, что не хочетъ окончить свою правдивую жизнь ложью. Послѣ пріема яда, отъ котораго медленно леденѣли члены, Сократъ продолжалъ спокойно бесѣдовать съ учениками, пока смертельный холодъ не дошелъ до сердца.

Культура 5-го вѣка. Религія

Третій періодъ греческой исторіи или *5-й вѣкъ* — самая блестящая пора въ развитіи культуры всего древняго міра. Тогда греческая цивилизація была особенно производительна, и въ ней участвовали всѣ эллинскія племена. Но средоточіемъ культуры были іонійцы, въ особенности же аѳиняне, которые проявили поразительную живучесть. Въ 5-мъ вѣкѣ развились почти всѣ отрасли греческой культуры, и она уже освободилась отъ вліянія Востока, стала *самостоятельной*. Въ религіи толпа придерживалась вѣры предковъ; интеллигенція же подсмѣивалась надъ Олимпійцами, миѳами и героями; въ лицѣ Сократа, она уже предчувствовала единое *Высшее Существо* и искала *Добродѣтели*. Многіе образованные люди удовлетворяли своей потребности въ болѣе серьезной религіи путемъ *мистерій* или таинствъ. Мистеріи, давно возникшія подъ вліяніемъ Египта, дошли до ученія о Божествѣ и загробной жизни: въ таинства «посвящались» послѣ долгихъ постовъ и покаяній, причемъ давалась клятва не разглашать ничего. Мистеріи почитались даже такими умами, какъ Пиѳагоръ, Софоклъ и Платонъ; онѣ прекратились лишь около 400 г. по Р. Х. Главными изъ нихъ были *элевзинскія*. Съ ними соединялось и великое празднество, съ пышнымъ ходомъ въ Элевзисъ: тутъ народъ постился и пѣлъ жалобные гимны, а затѣмъ наставали «оргіи» — пирушки въ честь *Діониса* или *Вакха*, бога вина и веселія, причемъ давались драматическія представленія. У грековъ, кромѣ того, было много празднествъ и бомпъ, которыя устраивались очень изящно и пышно. Образцомъ ихъ служилъ главный праздникъ въ Аѳинахъ — *Панаѳинеи*, состоявшій въ томъ, что везли въ акрополь новую одежду для *палладіума* старой статуи Аѳины-Паллады.

Педагогія.

Дальше религіи пошло *воспитаніе*: оно было возведено тогда въ систему, можно сказать даже — въ религію: въ изящномъ пантеонѣ Эллады появилась Педія — богиня педагогіи. Раньше при Ликургѣ, знали только гимнастику, да и то военную; и Спарта стала на этомъ. Въ Аѳинахъ же воспитаніе сдѣлало много успѣховъ. Здѣсь при мальчикѣ состоялъ *педагогъ* или «дитяводитель» — почтенный рабъ, который зналъ всѣ правила общежитія и сопровождалъ питомца въ школу. *Школа* («досугъ») была достояніемъ зажиточныхъ людей и содер-

жалась частными лицами. Въ «музыкальныхъ» школахъ или «дидаскаліяхъ» обучались, прежде всего, *грамматикѣ*, грамотѣ и счету. Ученики писали обыкновенно на навощеныхъ дощечкахъ металлическимъ грифелемъ; изрѣдка употреблялись «цилиндры» — папирусные свитки, на которыхъ писали камышевымъ перомъ. Послѣ грамматики проходили «музыку» или все, что относилось къ Музамъ и Аполлону, т.-е. всѣ науки и искусства, но преимущественно декламированіе Гомера, сопровождаемое игрой на лирѣ и киѳарѣ. Не забывалась и «орхестика» или пляска въ «хорѣ» (хороводѣ). Важнѣе музыкальныхъ школокъ были *гимназіи*, посвященныя тѣлѣснымъ упражненіямъ, которыя мы знаемъ по олимпійскимъ играмъ. Онѣ зачастую устраивались на общественный счетъ: мы видѣли, какою почетной и дорогой должностью была гимназіархія. Гимназіи играли также роль клубовъ для взрослыхъ: сюда могъ зайти всякій погулять, посмотрѣть на занятія гимназистовъ, побесѣдовать съ друзьями и послушать родъ публичныхъ лекцій, такъ какъ тамъ, въ аллеяхъ, открыто говорили философы и риторы. Въ Аѳинахъ славились тогда двѣ гимназіи, названныя, по мѣсту, Академіей и Лицеемъ.

Если аѳинянинъ проходилъ и гимназію, и музыкальную школу, онъ получалъ *энциклопедію*, — законченное «воспитаніе въ кругу». Окончивъ ученіе въ 20 л., онъ былъ обязанъ прослужить 2 года въ военной службѣ, и тогда только становился вольноправнымъ «гражданиномъ». Къ концу 5-го в. начала развиваться *умственная* сторона воспитанія, подавленная прежде тѣлесною. Софисты завели новыя школы, въ которыхъ обучали всѣмъ наукамъ, въ особенности же *риторикѣ* или краснорѣчію. И на національныхъ играхъ явились «музыкальныя» состязанія: ими особенно славились игры *пиѳійскія*, близь Дельфъ, въ честь Апполона, который, по нреданію, убилъ тамъ змія невѣжества, Пиѳона.

Но всѣ успѣхи педагогіи не касались *дѣвочекъ*. Ихъ обучали, дома, и то только танцамъ да музыкѣ. Главное вниманіе было обращено на пріученіе ихъ къ хозяйству и рукодѣльямъ. Гречанка постоянно сидѣла въ своемъ гинекеѣ, пряла, ткала и вышивала, да управляла множествомъ рабынь. Къ числу главныхъ ея занятій относилось франтовство: туалетъ, зеркало, гребеночки и т. д. были главными принадлежностями ея жизни. Ея развлеченіями были качели, игра въ мячъ и пѣніе съ аккомпаниментомъ киѳары. Замужество было для гречанки лишь переходомъ изъ одного дома въ другой; браки совершались по разсчету, и мужья обращались съ женами грубо, смотрѣли на нихъ, какъ на главныхъ рабынь или приказчицъ. Только приданое, безъ котораго не обходилось свадьбы, давало нѣкоторую самостоятельность женщинѣ: оно считалось ея собственностью и, въ случаѣ развода, который былъ очень легокъ, возвращалось, вмѣстѣ съ нею, въ родительскій домъ.

Вся педагогія вѣка Перикла была направлена къ выработкѣ того идеала эллина, характерныя черты котораго проявляются во всей исторіи грековъ того времени.

Это, прежде всего, — *гармонія*, отъ слова «гармосъ» — связь, соединеніе т.-е. стройное сочетаніе частей въ одно цѣлое. Ея печать лежитъ на всемъ эллинизмѣ. Она ясна и въ физической, и въ нравственной жизни аѳинянина 5-го в. Особенно поучительно обнаруживалась она въ основѣ человѣческаго бытія — въ счастливомъ сліяніи потребностей тѣла и души. Идеаломъ эллина была непереводимая *калокагаѳія* (красота и добро) — здоровье всего человѣка: отсюда латинское правило — «здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ». А подъ здоровою душой разумѣлся высокій идеалъ внутренней гармоніи, который, выражался опять непереводимымъ словомъ — *софросина*. Это — благоразуміе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, Софросина — равновѣсіе всей психики. Съ одной стороны, это — непоколебимое присутствіе духа, энергія и исполнительность, съ другой — самообладаніе, да близкое къ стыдливости тонкое чувство приличія въ поступкахъ,

словахъ и даже манерахъ. Софросина заключается уже въ правилахъ древнѣйшихъ мудрецовъ Эллады и въ совѣтѣ ея врачей: хочешь прожить подольше — будь умѣренъ, воздерженъ, да дѣлай гимнастику. Чтобы взлелѣять свою любимую софросину, эллинъ 5-го в. ставилъ въ педагогіи на первый планъ *этику воспитанія*, а не теоретическое обученіе, тѣмъ болѣе, что науки были тогда еще въ зародышѣ. Да и въ этомъ «обученіи», учебѣ (матесисъ) онъ выдвигалъ не столько запасъ знаній, сколько навыкъ, самостоятельныя усилія ученика: для него все дѣло было въ выработкѣ *анхинои* — находчивости, быстроты соображенія, умѣнья раскинуть умомъ, шевелить мозгами.

Орхестика. Культъ софросины поясняетъ намъ и странное на первый взглядъ пристрастіе того времени къ *орхестикѣ*. Это совсѣмъ не то что наши танцы. Тутъ все дѣло было въ степенномъ, почти обрядовомъ хорѣ, который ходилъ въ «орхестрѣ» — мѣстѣ пляски (отсюда «оркестръ», который занимаетъ у насъ въ театрѣ именно это мѣсто). Сначала онъ былъ пантомимой, напоминалъ нашъ балетъ, но отличался противоположнымъ характеромъ. Въ Аѳинахъ мужскіе и женскіе хоры никогда не сливались: это считалось неприличнымъ вообще и недостойнымъ мужчины въ особенности. Тамъ хоръ совершалъ въ тактъ, отбиваемый вождемъ, ритмическіе обороты и граціозныя движенія туловищемъ, руками и головой: все дѣло было въ «хирономіи» — искусствѣ изящныхъ жестовъ. Позже орхестика стала сліяніемъ ритмическихъ движеній съ пѣніемъ: отсюда вытекъ театръ, какъ поясняетъ намъ нашъ вымирающій хороводъ, гдѣ иногда выступаетъ въ кругъ первобытная пара актеровъ, хотя лишь мимическихъ. Музыка же и здѣсь играла второстепенную роль, какъ аккомпаниментъ.

Основой всего «музыкальнаго» образованія была именно орхестика, подобно тому какъ борьба (палэ) была основой гимнастики. Въ 5-мъ в. она стала такою же потребностью эллина, какъ гимнастика съ ея играми. Эллинъ заставлялъ и своихъ боговъ водить хороводы: Аполлона называли музагетомъ, вождемъ музъ. Въ «Законахъ» Платона орхестика выставлена потребностью природы, вѣдь, молодежи все бы скакать, возиться да издавать звуки! Здѣсь-то, говоритъ философъ, «главнымъ образомъ воспитывается чувство изящества и приличія». Аристотель не менѣе высоко цѣнилъ орхестику. И какъ всякій аѳинянинъ гордился и наслаждался хорами своихъ мальчиковъ: юношей и дѣвъ! До чего чествовалъ онъ такихъ счастливцевъ, какъ родители Софокла, который уже мальчикомъ пріобрѣлъ себѣ имя необыкновенною граціей въ хорѣ! Какъ любовался онъ граціозностью женщины! Даже римляне писали на гробницахъ своихъ красавицъ: «славная своею благородною поступью». Немудрено, что послѣдній простолюдинъ въ Аѳинахъ 5-го в. отличался «благопристойностью», внѣшнимъ лоскомъ. За соблюденіемъ ея слѣдили и хранители лучшихъ преданій — почтенные старцы ареопага.

Искусство. Уже изъ педагогической роли музыки вообще и орхестики въ частности, а также изъ поэтичности греческой миѳологіи видно значеніе *художественности* въ то время. Она служитъ главнымъ отличіемъ эллинизма вообще и культуры 5-го в. въ особенности. Она проявилась преимущественно въ искусствахъ, во главѣ которыхъ стояло ваяніе, такъ что весь эллинскій бытъ этого періода проникнутъ *пластическимъ* характеромъ. Никогда не было столько школъ и талантовъ въ скульптурѣ; никогда они не группировались вокругъ такого генія, какъ *Фидій*, который былъ также живописцемъ и руководителемъ архитектурныхъ работъ у Перикла. Славу Фидія составляли недошедшія до насъ статуи Аѳины — Воительницы, Зевса Олимпійскаго и Аѳины Парѳенонской, у которой тѣло было изъ слоновой кости, одежда изъ золота, глаза изъ дорогихъ камней, а шлемъ и щитъ были усыпаны фигурами и группами. Отъ Фидія сохранились только прелестные *барельефы Парѳенона*. Зодчество также достигло совершенства. Явилось много изящныхъ храмовъ, особенно въ Аттикѣ; они стали

красивѣе, и ихъ дѣлали уже исключительно изъ мрамора. Колонны съузились кверху, вытянулись и покрылись красивыми ложбинками. Верхомъ совершенства были храмы на Акрополѣ, *Парѳенонъ* дорическаго стиля и *Эрехѳеонъ* — іоническаго. Тогда же былъ изобрѣтенъ новый стиль — *коринѳскій*, который отличался отъ іоническаго только капителью (чашечка распустившагося цвѣтка).

Возникли и новыя архитектурныя формы — каменный *театръ* и *Одеонъ* — круглое зданіе для музыкальныхъ состязаній, съ куполомъ въ видѣ палатки Ксеркса. Чудомъ искусства были *Пропилеи* — «преддверіе», чрезъ которое всходили на Акрополь. Это — три галлереи колоннъ, кончавшіяся съ обѣихъ сторонъ портиками, изъ которыхъ одинъ служилъ *пинакотекой* (картинною галлереей). Къ Пропилеямъ вела широкая лѣстница; посреди нея шла мраморная мостовая съ вырѣзанными въ ней колеями для колесницы, на которой возили, въ панаѳинеи, одежду для Аѳины Воительницы. Наконецъ, появилась *живопись*, благодаря геніальному *Полигноту*, писавшему большія картины (осада Трои); но она не отличалась ни тѣнями, ни сочностью красокъ: это было расписываніе стѣнъ, особенно въ храмахъ и гостиныхъ дворахъ. Но уже тогда возникли *декораціи* въ театрѣ, вызвавшія потомъ изобрѣтеніе перспективы и тѣней.

Театръ. Кромѣ искусства, художественный геній грековъ проявился въ поэзіи. Какъ передъ персидскими войнами господствовала лирика, такъ въ 5-мъ в. выдвинулась драма. Переходомъ къ новой поэтической эпохѣ служитъ послѣдній и самый важный лирикъ, ѳиванецъ *Пиндаръ*, который умеръ вскорѣ послѣ Кимона. Онъ прославился торжественными *одами* на важныя событія: тираны и богачи платили ему огромныя суммы за нѣсколько стиховъ; на играхъ ему присуждали награды; однажды посадили его на тронъ, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ, дали ему часть жертвы и поставили въ храмъ тронъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Уже при Пиндарѣ началось господство *драмы*, которая вытекла изъ религіи. При праздникахъ въ честь Діониса пѣли *диѳирамбъ*, гдѣ изображалась печаль по случаю смерти бога, а потомъ радость по поводу его воскресенія. При этомъ приносили въ жертву козла («трагосъ»); отсюда названіе жертвенной пѣсни — *трагедія.*

Драма. Отцами трагедіи считаются Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ. Въ день Саламинской битвы 35-ти лѣтній Эсхилъ сражался за отечество, 15-ти лѣтній Софоклъ былъ корифеемъ хора при торжествѣ послѣ побѣды, а Эврипидъ родился. *Эсхилъ* умеръ въ Сициліи, покинувъ Аѳины, гдѣ ему становилось тяжело жить: онъ былъ аристократъ по рожденію и по духу, защищалъ ареопагъ, восхвалялъ Кимона, въ то время какъ въ Аѳинахъ уже развилась демократія. Напротивъ, *Софоклъ*, сынъ зажиточной семьи, спокойно дожилъ въ Аѳинахъ до глубокой старости. Первая же пьеса доставила ему побѣду надъ Эсхиломъ; потомъ всѣ его трагедіи увѣнчивались наградами; за одну онъ былъ выбранъ даже полководцемъ. Аѳиняне любили и ласкали Софокла, сочиненія котораго представляютъ высшее развитіе драмы въ древности. Въ нихъ отразились всѣ лучшія стороны вѣка Перикла: они также изящны, очаровательны, и полны гармоніи, какъ статуи Фидія. Не такова была судьба *Эврипида*. Это былъ очень умный, образованный и крайне любознательный человѣкъ, изъ простыхъ: неудовлетворенный софистами, онъ сталъ другомъ Сократа. Въ театрѣ первыя трагедіи Эврипида рѣдко удостоивались награды и, Аристофанъ безпощадно осмѣивалъ ихъ. Несчастья преслѣдовали трагика и дома: его жены были злого характера. Эврипидъ постоянно тосковалъ и бранилъ все на свѣтѣ. Наконецъ, онъ покинулъ родину и переселился къ македонскому царю. Здѣсь Эврипидъ былъ окруженъ необыкновеннымъ почетомъ; но это возбудило зависть царедворцевъ, которые затравили его собаками. Трагедіи Эврипида отличались самобытностью, философскою мыслью и особенно чувствомъ: военный совѣтъ, созванный Лизандромъ для разрушенія Аѳинъ, прослезился отъ ихъ стиховъ и городъ былъ спасенъ.

Тогда-же появился самый знаменитый въ древности комикъ, *Аристофанъ*, отъ котораго сохранились почти всѣ 11 пьесъ. Аристофанъ внесъ въ пріятную аѳинскую рѣчь «аттическую соль» или сарказмъ. Онъ былъ поклонникомъ старины и аристократизма, осмѣивалъ Перикла, Аспазію, Сократа, Клеона.

Проза 5-го вѣка также достигла значительнаго развитія. Въ *философіи* возникли новыя школы, далекія отъ первоначальныхъ физиковъ. Анаксагоръ доказывалъ, что основой міра служитъ Разумъ, идея: это — начало «метафизики» или философскаго идеализма. Софисты переиначили Анаксагора, поставивъ личность на мѣсто всеобщаго Разума. **Проза.**

Изъ философіи, въ которой были въ зародышѣ всякія знанія, выдѣлились въ 5-мъ в. астрономія, медицина (Гиппократъ), юриспруденція, риторика и исторія. Прежде всего развилась *риторика*. Тогда старались говорить изысканно, взвѣшивая не только каждое слово, но и каждое удареніе, какъ въ стихахъ. Это искусственное, внѣшнее краснорѣчіе соотвѣтствовало *діалектикѣ*, или внѣшней логичности софистовъ, которые и ввели его. Отцомъ *исторіи* признали тогда Геродота, жившаго во время персидскихъ войнъ. Вслѣдствіе борьбы партій на родинѣ, онъ смолоду путешествовалъ по Египту, Азіи и Элладѣ и умеръ въ Великой Греціи, въ глубокой старости. Геродотъ описалъ свою эпоху въ правдивыхъ, милыхъ разсказахъ; но въ нихъ много наивнаго, даже сказочнаго: авторъ не разсуждалъ; онъ даже вѣрилъ въ Олимпійцевъ. Важнѣе Ѳукидидъ, котораго мы встрѣчали въ политической борьбѣ: она-то заставила его бѣжать во Ѳракію, гдѣ онъ палъ подъ ножомъ наемнаго убійцы. «Исторія пелопонесской войны» Ѳукидида — противоположность разсказамъ Геродота, надъ которыми подсмѣивался ея авторъ: она основана на массѣ фактовъ и портретовъ дѣятелей; она проникнута критикой и философскимъ глубокомысліемъ, за что современники упрекали историка въ безвѣріи. Ѳукидида изучали политики, а Демосѳенъ 8 разъ переписалъ его собственноручно.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТАЯ.

Гегемонія Ѳивъ и Македонская держава. 400 — 323.

Послѣ паденія Аѳинъ настала вторая, еще болѣе тяжкая, гегемонія Спарты, которая распространилась уже на всю Грецію. То былъ шагъ назадъ въ греческой исторіи. Спартанская гегемонія означала новое порабощеніе грековъ персами и разрушеніе «школы Эллады». Хуже всего было управленіе свирѣпыхъ и невѣжественныхъ гармостовъ (иногда изъ илотовъ) и ихъ орудій — олигархическихъ декархій. Лизандръ отвѣчалъ на жалобы союзниковъ, указывая на мечъ: «у кого сильнѣе вотъ это доказательство, тотъ лучше понимаетъ дѣло». А сама Спарта утратила даже первоначальную доблесть. Ликурговъ бытъ разлагался: пала даже военная дисциплина. Спартанцы, какъ послѣ долгаго поста, набросились на золото и наслажденія: персы легко подкупали ихъ вождей. Имущественное равенство исчезло даже между спартіатами: всѣ захватили себѣ 50 семей «равныхъ», отстраняя отъ власти «меньшихъ», которые стали бунтовать заодно съ періэками и илотами. Въ то же время эфоры вели ожесточенную борьбу съ царями, а тѣ соперничали между собой. Наконецъ, былъ живъ зловѣщій *Лизандръ*, который открыто стремился къ тираніи. Если ему, какъ не-спартіату, нельзя было сдѣлаться царемъ, зато онъ посадилъ на тронъ своего ничтожнаго сподручника, хромого и съ виду недалекаго *Агезилая*. Затѣмъ, чтобы захватить военную диктатуру, Лизандръ, толкнулъ Спарту въ войну съ персами. Поводъ къ ней былъ готовъ, благодаря *наемничеству*. **Вторая гегемонія Спарты. Наемничество.**

Эта язва была плодомъ пелопонесской войны, разорившей массы и воспитавшей въ нихъ духъ грабежа да жажду приключеній. Въ наемники шли оставшіеся безъ дѣла воины и политическіе изгнанники. Среди нихъ больше всего было спартанцевъ: главнымъ мѣстомъ найма былъ мысъ Тенаръ. Наемники составляли лучшее войско, отличались отвагой, быстротой и искусною *новой тактикой*. Отрядъ греческихъ наемниковъ пошелъ на службу къ Киру Младшему, задумавшему низвергнуть Артаксеркса съ престола. Вслѣдствіе погибели Кира въ бою близь Вавилона, дѣло наемниковъ было проиграно; но они совершили знаменитое *отступленіе десяти тысячъ* и достигли Чернаго м., пройдя 3.000 верстъ къ Черному м. по недоступнымъ мѣстамъ, среди множества враждебныхъ народовъ (400). Предводителемъ этихъ героевъ былъ простой солдатъ, но аѳинянинъ и другъ Сократа, *Ксенофонтъ*. Этотъ походъ и возвысилъ военную славу грековъ и обнаружилъ разложеніе Персіи, которой до тѣхъ поръ боялись спартанцы. Его прямымъ слѣдствіемъ было *возобновленіе персидскихъ войнъ* (399 — 387). Артаксерксъ началъ опустошать греческія колоніи въ Малой Азіи, которыя обратились за помощью къ Спартѣ, какъ гегемону Эллады. Спарта отправила армію въ Азію, подъ начальствомъ Агезилая, главнымъ совѣтникомъ котораго назначили Лизандра.

Борьба Спарты съ персами. Кориѳская война.

Но тутъ Агезилай сбросилъ маску: передъ Лизандромъ оказался одинъ изъ послѣднихъ спартанцевъ стараго закала. Талантливый полководецъ, любимецъ солдатъ, Агезилай жилъ по правиламъ Ликурга и возмечталъ воскресить его законы, завоевать Востокъ и сдѣлать Спарту владычицей міра. Онъ тотчасъ прогналъ Лизандра домой, предложивъ ему должность придворнаго повара, а на его мѣсто поставилъ славнаго Ксенофонта, который былъ аристократомъ и покинулъ Аѳины послѣ казни Сократа. Агезилай уже собирался итти на Сузу, какъ вдругъ его отозвали домой. Въ Элладѣ вспыхнуло междоусобіе. По совѣту Конона, который старался отомстить Спартѣ за Аѳины, персы возбудили противъ лакедемонцевъ половину Эллады. Самыя сильныя республики — Ѳивы, Кориѳъ, Аѳины, Аргосъ — начали войну, которая называется *кориѳскою*, такъ какъ она сосредоточивалась у Исѳма. Лизандръ смѣло выступилъ противъ союзниковъ, но былъ убитъ въ первомъ же сраженіи. Эфоры призвали Агезилая, но и онъ не могъ поправить дѣла.

А въ Аѳинахъ воскресла старая геніальность, въ лицѣ наемниковъ, вождемъ которымъ сталъ *Ификратъ*. Ификратъ былъ идоломъ солдатъ, хотя въ его лагерѣ царствовала желѣзная дисциплина. Онъ произвелъ переворотъ въ военномъ дѣлѣ, замѣнивъ тяжеловѣснаго гоплита изворотливымъ *пельтастомъ*, въ легкомъ панцырѣ, съ легкимъ щитомъ (пельта). Быстрые и удалые пальтасты внезапно словно вырастали изъ земли; и у союзниковъ Спарты матери пугали ребятъ ихъ именемъ. Вскорѣ задрожали передъ ними сами спартанцы, послѣ того какъ Ификратъ перерѣзалъ цѣлый отрядъ ихъ гоплитовъ, не давъ имъ опомниться отъ неожиданности. Въ то же время Кононъ истребилъ спартанскій флотъ, опустошилъ берега Лаконіи и, вмѣстѣ съ Ѳразибуломъ, *возстановилъ Длинныя Стѣны* въ Аѳинахъ и укрѣпленія въ Пиреѣ. Спарта просила мира и даже помощи у персовъ, которые уже начали опасаться аѳинянъ. Посланный въ Сузу хитрый спартанецъ *Анталкидъ*, послѣ многихъ униженій, добился мира (387), но какого! 1) Малоазійскіе греки и Кипръ впервые *формально* были подчинены персамъ; 2) была объявлена автономія всѣхъ мелкихъ городовъ Эллады, т. е. гибель сильныхъ республикъ — Ѳивъ, Аѳинъ и Кориѳа. Персидскій царь поручилъ Спартѣ наблюдать за исполненіемъ этихъ условій. Греки всегда считали Анталкидовъ миръ пятномъ въ исторіи Эллады.

Пелопидъ и Эпаминондъ.

Спарта стала повелительницей Эллады. Какъ блюстительница Анталкидова мира, она начала распоряжаться въ Греціи деспотичнѣе прежняго. Агезилай выступилъ съ войсками уничтожать сильныя республики. Въ Пелопонесѣ была раз-

рушена *Мантинея*, этотъ оплотъ Аркадіи. На сѣверѣ та же участь постигла *Олинѳъ*, къ которому переходило тогда морское могущество Аѳинъ. Этотъ цвѣтущій городъ образовалъ цѣлый «халкидскій союзъ» и тѣснилъ македонянъ, у которыхъ отнялъ даже столицу. Спартанцамъ оставалось расправиться съ среднею Греціей, гдѣ главною силой стали *Ѳивы*. Они хитростью овладѣли Кадмеей и начали свирѣпствовать противъ демократовъ, изъ которыхъ спаслось всего человѣкъ 500, бѣжавшихъ въ Аѳины, съ Пелопидомъ во главѣ. Никогда еще Спарта не была такъ могущественна: но тогда же началось ея паденіе.

Во главѣ враговъ Спарты стали ѳиванцы, которыхъ называли до тѣхъ поръ «беотійскими свиньями» за ихъ невѣжество, обжорство и неповоротливость. *Пелопидъ*, знатный, богатый и образованный юноша, горячій патріотъ, храбрый и блестящій воинъ пробрался тайкомъ изъ Аѳинъ въ Ѳивы, во главѣ 12 отважныхъ товарищей, и выгналъ спартанскій гарнизонъ, съ помощью воставшаго народа. Ѳиванцы устроили демократическое правленіе и вручили власть другу Пелопида, *Эпаминонду*, которому было уже 40 лѣтъ. Это былъ задумчивый философъ, усвоившій правила Пиѳагора. Эпаминондъ былъ музыкантъ, гимнастъ, ораторъ, замѣчательный политикъ и полководецъ. Онъ развилъ тактику Ксенофонта и Ификрата, изобрѣвши *косой строй*, при которомъ одна половина арміи стояла въ резервѣ, а другая представляла видъ клина, толстый конецъ котораго врѣзывался въ центръ непріятеля съ неотразимой силой. Эпаминондъ посвятилъ всѣ свои дарованія отечеству и потому не женился. Патріотизмъ же свелъ его съ Пелопидомъ: ихъ дружба была неизмѣнна.

Гегемонія Ѳивъ.

Эпаминондъ съ Пелопидомъ превратили Ѳивы въ неприступную крѣпость создали превосходную армію и возстановили *беотійскій союзъ*, уничтоженный спартанцами. Они вовлекли въ свои интересы даже сѣверную и среднюю Грецію. Тогда полудикою *Ѳессаліей* овладѣлъ даровитый, образованный тиранъ Язонъ, другъ народа Онъ собралъ лучшую въ мірѣ кавалерію и самъ предложилъ помощь ѳиванцамъ. Еще важнѣе было содѣйствіе *Аѳинъ*, которыя успѣли возобновить обширный морской союзъ, собрали большую казну и снарядили хорошую армію, подъ начальствомъ доблестнаго Ификрата. Аѳинскимъ флотомъ руководилъ даровитый сынъ Конона, Тимоѳей, который привлекалъ союзниковъ кротостью и и дисциплиной своихъ моряковъ. Аѳиняне уничтожили спартанскій флотъ и опустошили берега Лаконіи; ѳиванцы же до того отличались на сушѣ, что Агезилай заболѣлъ и удалился отъ дѣлъ. Наконецъ, спартанцы собрали всѣ свои силы и вторгнулись въ Беотію. У Эпаминонда было вдвое меньше войска; но онъ разбилъ ихъ на-голову при *Левктрѣ* (371).

Началась *гегемонія Ѳивъ*. Теперь у ѳиванцевъ была первая армія въ мірѣ; завелся и беотійскій флотъ. Они распоряжались силами большей части Эллады. Имъ подчинялась даже Ѳессалія, гдѣ Язонъ палъ отъ усобицъ: Пелопидъ не разъ ѣздилъ туда устраивать дѣла и однажды привезъ заложниковъ отъ брата, Филиппа. Этотъ патріотъ пробрался даже въ Сузу — и персы признали Ѳивы главой Эллады, коварно поручая имъ забрать аѳинскихъ союзниковъ. А Эпаминондъ совершилъ нѣсколько походовъ за Исѳмъ и два раза едва не овладѣлъ Спартой. Но успѣхи ѳиванцевъ продолжались лишь до смерти ихъ великихъ вождей. Въ 364 г. погибъ Пелопидъ, попавши въ засаду въ Ѳессаліи; а въ 362 г. палъ Эпаминондъ въ битвѣ у *Мантинеи*, хотя ѳиванцы одержали блестящую побѣду. Послѣднимъ словомъ героя былъ совѣтъ эллинамъ помириться.

Сами по себѣ некультурные ѳиванцы были недостойны великой роли, мимоходомъ выпавшей на ихъ долю. Они не понимали даже своего Эпаминонда: они лишали его власти за мягкое обращеніе съ врагами; разъ дали ему должность надсмотрщика за чистотой улицъ. Быстрое напряженіе силъ было искусственно и истощило ѳиванцевъ. Послѣ Мантинеи они погрузились въ прежнее ничтожество. Въ сущности гегемонія Ѳивъ *способствовала разложенію Эллады*. Те-

перь въ сѣверной Греціи полудикій народъ находился въ состояніи анархіи; въ средней Греціи Ѳивы и Аѳины были истощены борьбой; Пелопонесъ же разлагался. Значеніе Спарты погибло. Въ Аркадіи вспыхнуло кровавое междоусобіе: аркадяне тоже возмечтали о роли Спарты и начали громить сосѣдей.

Это всеобщее разложеніе, которымъ закончилась борьба главныхъ силъ Эллады за гегемонію, пролагало путь господству чужеземцевъ, изъ которыхъ самыми опасными становились македонцы.

Македонія. Филиппъ I. Македонія или «Горная страна» только въ своей восточной части представляла зачатки культуры, особенно по берегамъ, благодаря колонистамъ изъ Эллады: остальная земля была первобытная дичь съ рѣдкимъ населеніемъ — смѣсью пелазговъ съ какими-то «варварами», которые татуировались, поклонялись Великому Духу, подчинялись колдунамъ Изъ грековъ выдѣлилась царская династія, задачей которой было *распространеніе эллинизма въ Македоніи.*

Македонія стала выдвигаться въ исторіи только съ появленія Эллады. Около 400 г. тамъ явился замѣчательный царь *Архелай*, который ревностно прививалъ эллинизмъ, пользуясь усобицами въ Элладѣ, отъ которыхъ бѣжало много образованныхъ грековъ. Онъ всячески привлекалъ ихъ: они украсили и просвѣтили новую столицу, *Пеллу.* Но послѣ него поднялись кровавыя интриги, которыя вызвали вмѣшательство ѳиванцевъ. Ихъ прекратилъ (360) *Филиппъ* I, прожившій три года заложникомъ у Пелопида и Эпаминонда.

Въ сущности это былъ сынъ полудикой орды, которому суждено было развращать эллиновъ и губить ихъ культуру. Филиппъ былъ коваренъ, мстителенъ и бѣшенъ; онъ хвастался, что «взялъ больше городовъ золотомъ, чѣмъ желѣзомъ». Какъ настоящій македонецъ, онъ проводилъ ночи въ попойкахъ и непристойностяхъ; но, чуть заря, уже былъ на конѣ; онъ былъ покрытъ ранами и потерялъ глазъ въ бою. По внѣшности же, это былъ эллинъ: въ Ѳивахъ Филиппъ усвоилъ новую военную тактику, греческое образованіе и очаровательныя манеры. Изъ него выработался замѣчательный устроитель, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ; но особенно славился онъ, какъ дипломатъ.

Филиппъ подавилъ родовой бытъ у македонцевъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, съ вооруженіемъ и жалованіемъ отъ царя, и устройствомъ корпуса «товарищей» для сыновей князьковъ, которые служили также ему заложниками. Изъ этой-то молодой гвардіи вышли доблестные помощники сына Филиппа. Греческіе механики создали отличную артиллерію (машины). Но важнѣе всего была пѣхота, съ ея знаменитой *фалангой* — густою колонной солдатъ, закрытыхъ огромными щитами и вооруженныхъ такими длинными копьями, что ими можно было колоть даже изъ пятой шеренги. Наконецъ, былъ заведенъ флотъ и построенъ городъ *Филиппи* у богатѣйшихъ золотыхъ пріисковъ, которые наполнили казну предпріимчиваго царя. Въ то же время Филиппъ женился на эпиротской красавицѣ, царевнѣ *Олимпіадѣ*, кровожадной дикаркѣ, воспитанной колдуньями. Вскорѣ отъ нея родился наслѣдникъ престола, *Александръ*, для воспитанія котораго былъ вызванъ изъ Аѳинъ величайшій ученый древности, *Аристотель.* Теперь Филиппъ приступилъ къ исполненію своихъ великихъ замысловъ.

Вторая гегемонія Аѳинъ Сначала Филиппъ думалъ только укрѣпить Македонію и свою власть, потомъ онъ увидѣлъ, что легко стать главой Эллады; наконецъ, понялъ, что можно, въ качествѣ вождя грековъ, завоевать Персію. Съ греками было тѣмъ легче справиться, что они не обращали вниманія на ничтожную Македонію. Но, чтобы еще больше усыпить ихъ бодрость и патріотизмъ, Филиппъ ласкалъ ихъ, почти унижался передъ ними, разыгрывалъ роль ихъ друга и защитника; а между тѣмъ сѣялъ раздоры между ними, наводнилъ Элладу интригами, шпіонами, измѣнниками, составлялъ себѣ партію подкупами. Главное вниманіе Филиппа было обращено на Аѳины, тогда снова стали во главѣ эллинизма.

То была пора *второй гегемоніи Аѳинъ*. Ихъ морской союзъ дошелъ до Византіи, въ Эгейскомъ морѣ господствовалъ ихъ флотъ, предводимый Тимоѳеемъ, а на сушѣ славились непобѣдимые пельтасты Ификрата; искусство, въ особенности же наука и ораторство, достигли замѣчательнаго процвѣтанія. Но этотъ блескъ былъ непроченъ, такъ какъ масса въ Аѳинахъ нравственно пала больше прежняго. Въ ней господствовало утомленіе послѣ долгихъ войнъ, которыя истощили страну и матеріально. Лучшіе умы уходили въ философію и съ презрѣніемъ смотрѣли на общественную жизнь, въ которой господствовали козни партій да казуистика и ябедничество юристовъ, а народомъ управляли демагоги, которые думали только о своей власти и сразу издерживали до 100,000 р. на народныя празднества. Получивъ власть, демагогъ быстро вознаграждалъ свои убытки: онъ пользовался государственною казной, какъ своимъ кошелькомъ, жилъ въ пышныхъ палатахъ и откупался, если попадалъ подъ судъ. Не лучше была частная жизнь: аѳиняне готовы были грабить даже храмы; они почти не жили дома, слоняясь по улицамъ и кабакамъ, а ночью врываясь въ чужія семьи.

Греческія усобицы.

Пока аѳиняне дремали, ихъ враги работали неутомимо. Филиппъ всюду помогалъ возвышенію олигарховъ и подстрекалъ аѳинскихъ союзниковъ къ «свободѣ». И вспыхнула трехлѣтняя *союзническая война*, погубившая вторую гегемонію Аѳинъ. Союзники завоевали себѣ независимость, а аѳиняне окончательно разстроили свои финансы и торговлю и лишились Ификрата съ Тимоѳеемъ. Въ то же время Филиппъ, отправивъ къ аѳинянамъ пословъ съ выраженіемъ соболѣзнованія и готовности оказать помощь, проворно захватилъ ихъ владѣнія на берегахъ Ѳракіи, почти безъ выстрѣла. Теперь онъ стоялъ во всеоруженіи у границъ истощенной Эллады и только ждалъ удобнаго случая, чтобы перешагнуть черезъ нихъ. Греки не замедлили сами доставить ему этотъ случай. Ѳиванцы изстари ненавидѣли своихъ сосѣдей, грубыхъ и непокорныхъ фокійцевъ. Теперь имъ удалось подкупить Пиѳію которая пожаловалась на захватъ клочка ея храмового луга фокійцами. Ѳиванцы поспѣшили выступить на усмиреніе «святотатцевъ». Отсюда 10-лѣтняя *священная война*, которая охватила почти всю Элладу: за ѳиванцевъ стали ѳессалійцы, за фокійцевъ — Спарта и Аѳины, испугавшіяся новой гегемоніи Ѳивъ. Война отличалась рѣдкимъ звѣрствомъ: «божіи воины» (ѳиванцы) не давали пощады святотатцамъ, а тѣ не постыдились разграбить Дельфійскій храмъ. На эти сокровища фокійцы набрали столько наемниковъ, что начали побѣждать, какъ вдругъ выступили македонцы. Филиппъ обрадовался случаю явиться защитникомъ Эллады отъ «святотатцевъ»: его воины были украшены лавровыми вѣнками, какъ ратники Аполлона. Онъ разсѣялъ силы врага; но *Ѳессалія* стала *македонскою провинціей*. И Филиппъ бросился захватить ключъ къ средней Греціи — Ѳермопилы; но аѳиняне занимали тѣснины, а подлѣ стоялъ ихъ флотъ.

Демосѳенъ.

Опять Аѳины, одиноко поднялись на защиту Эллады. То было дѣло великаго патріота *Демосѳена*, почти ровесника Филиппу. Ученикъ лучшихъ философовъ и риторовъ, Демосѳенъ, однако, сначала не имѣлъ успѣха: въ екклесіи его осмѣяли за слабый голосъ, картавость и угловатыя манеры. Юноша обрилъ себѣ голову — и три мѣсяца провелъ за зеркаломъ, упражняясь въ декламаціи. Въ этомъ суровомъ патріотѣ трудолюбіе и настойчивость соединялись съ талантами и великодушіемъ Перикла. Онъ съ неотразимымъ краснорѣчіемъ въ глаза горячо упрекалъ согражданъ въ лѣни и трусости. Смыслъ его 60-ти рѣчей одинъ: аѳиняне должны *собрать вокругъ себя всю Элладу* и вести ее противъ общаго врага, а этотъ врагъ — *не персы, но Филиппъ*. Эти рѣчи и назывались «филиппиками» — слово, которое стало означать потомъ вообще безпощадное обличеніе. Демосѳенъ одинъ только понималъ роль Македоніи. Аѳиняне оцѣнили его только тогда, когда исполнились его пророчества. Они воздвигли ему бронзовую статую, черты которой проникнуты благородною грустью и тяже-

лою думой. На ней вырѣзали надпись: «Еслибы у Демосѳена была власть, равная его уму, македонецъ не овладѣлъ бы тогда Элладой». Когда Демосѳенъ, лѣтъ 30-ти, выступилъ на политическое поприще, ему пришлось бороться почти одному съ могущественною партіей мира, во главѣ которой стоялъ опасный соперникъ, талантливый *Эсхинъ*. Обладая очаровательнымъ и громаднымъ голосомъ, Эсхинъ отличался также живостью и поэтичностью. Онъ говорилъ по вдохновенію и рѣдко записывалъ свои рѣчи: онъ подсмѣивался надъ рѣчами Демосѳена, которыя «припахиваютъ ламповымъ масломъ». Но въ красивыхъ рѣчахъ Эсхина отражалась легкомысленная натура оратора, который отличался неистощимой веселостью, не былъ разборчивъ въ средствахъ, получалъ подарки отъ Филиппа. Подлѣ Эсхина толпились мелкіе ораторы партіи мира — все бѣднота, но жившая роскошно.

Долго увѣщанія Демосѳена не дѣйствовали; наконецъ, послали флотъ къ берегамъ Ѳракіи. Филиппъ остановился, удвоилъ прельщенія — и аѳиняне снова задремали. Вдругъ страшное извѣстіе: Филиппъ, другъ и защитникъ Олинѳа, напалъ на него безъ всякаго повода и разрушилъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ городовъ. Но тутъ же пришли отъ него самыя лестныя предложенія — и аѳиняне отправили въ Пеллу мирное посольство, съ Эсхиномъ во главѣ. Филиппъ очаровывалъ пословъ, а самъ затягивалъ переговоры и вдругъ бросился на святотатцевъ; а послѣ этого подвига многія греческія республики, съ Пиѳіей во главѣ, благодарили его и назначили предсѣдателемъ на пиѳійскихъ играхъ. Тогда только аѳиняне поняли все: они начали собирать войска. Хитрый македонецъ ушелъ домой, чтобъ лучше изготовиться. Но аѳиняне на минуту переродились: въ лицѣ ихъ, эллинизмъ въ послѣдній разъ проявилъ свои благородныя силы, напоминая времена Перикла, Настало 5-лѣтнее правленіе Демосѳена, хотя онъ не получалъ ни должностей, ни жалованья: всѣ слушались великаго патріота, образовавшаго обширную *національную* партію. Самъ Демосѳенъ разъѣзжалъ всюду, отъ Пелопоннеса до Ѳракіи, чтобы наладить «эллинскій союзъ» противъ «презрѣннаго македонца, этого разбойника у дверей Эллады»; онъ даже вступилъ въ сношенія съ персами. Онъ поднялъ духъ аѳинянъ, которые жертвовали все, что могли. Демосѳенъ сдѣлалъ все. Онъ не могъ спасти Элладу: было уже поздно. Но онъ доставилъ ей благородный конецъ.

Паденіе Эллады и Аѳинъ. Эгейское море и Пропонтида покрылись аѳинскими крейсерами, которые загнали македонскій флотъ въ Черное море и возстановили греческую торговлю. Многіе города и острова вносили деньги и давали суда аѳинянамъ, которые тотчасъ отбили у Филиппа нѣсколько греческихъ колоній во Ѳракіи и нанесли ему два сильныхъ пораженія. Отъ спасенныхъ колонистовъ посыпались золотые вѣнки на аѳинянъ; національная партія начала брать верхъ по всей Элладѣ. Въ Македоніи послышался ропотъ на безконечные наборы и налоги. Филиппъ уже отправилъ въ Аѳины пословъ съ просьбой о мирѣ, какъ вдругъ все измѣнилось. Въ Греціи вспыхнула *вторая священная война*, по проискамъ «филиппствовавшей» Пиѳіи, которая пожаловалась теперь на локрійцевъ, будто бы запахавшихъ ея поле. Амфиктіоновъ судъ, гдѣ засѣдалъ Эсхинъ, рѣшилъ призвать Филиппа для наказанія новыхъ «святотатцевъ». Филиппъ быстро опустошилъ Локриду и вдругъ повернулъ въ Беотію. Аѳиняне собрались съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и бросились на выручку къ ѳиванцамъ. У *Херонеи* (338) греки дрались цѣлый день, какъ въ дни Мараѳона и Платеи. Аѳиняне, среди которыхъ сражался Демосѳенъ простымъ гоплитомъ, уже обратили въ бѣгство Филиппа, когда 18 лѣтній Александръ смялъ ѳиванцевъ молодецкимъ натискомъ своей конницы. Греки потерпѣли полное пораженіе. Узнавъ о бѣдствіи, аѳиняне оцѣпенѣли отъ ужаса.

Но нисколько не поколебалось довѣріе къ Демосѳену: по его совѣту всѣ вооружались отъ мала до велика. Всякій, у кого были силы, выходилъ въ поле съ оружіемъ въ рукахъ: тутъ были и рабы, которымъ дали свободу, и иностранцы

съ изгнанниками, которымъ даровали гражданскія права. Самъ Демосѳенъ выѣхалъ на острова собирать деньги и провіантъ. Этимъ воспользовалась партія мира, когда Филиппъ, испугавшись народной войны, обласкалъ аѳинскихъ плѣнниковъ и прислалъ пословъ съ предложеніемъ выгоднаго мира. Аѳиняне приняли его условія и поставили статую Филиппу, какъ своему другу. Между тѣмъ Филиппъ вырѣзалъ патріотовъ въ Ѳивахъ и опустошилъ Спарту, которая одна гордо отвергала господство македонцевъ. Затѣмъ онъ собралъ на сеймъ въ Коринѳъ пословъ отъ всѣхъ греческихъ государствъ, кромѣ Спарты. Здѣсь рѣшили: 1) всѣмъ республикамъ составить *эллинскій союзъ*; 2) Эллада заключаетъ вѣчный союзъ съ Македоніей и вступаетъ въ войну съ персами, подъ неограниченнымъ начальствомъ Филиппа. Но не Филиппу суждено было вести грековъ на Востокъ. Возвратившись изъ Коринѳа, онъ все приготовилъ къ великому походу; но наканунѣ былъ заколотъ на свадьбѣ своей дочери (336). Подозрѣніе пало на Олимпіаду, которая тогда разсорилась съ мужемъ и бѣжала въ Эпиръ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Александромъ.

Александръ Великій

Александръ представлялъ смѣсь дикаго македонца съ цивилизованнымъ грекомъ. Капризы и вспышки гнѣва, которые приводили въ трепетъ потомковъ передъ его бюстомъ, искажали его прелестныя черты и обворожительныя манеры. Мягкость его нрава, великодушіе и довѣрчивость омрачались необузданностью и безпощадностью, съ которою онъ устранялъ соперниковъ, не разбирая средствъ въ политикѣ. Впрочемъ, мрачная, чувственная сторона выступила лишь подъ конецъ, вмѣстѣ съ успѣхами; вначалѣ же преобладала другая черта — восторженность и геройство до фанастичности и мечтательности. Александръ возилъ съ собой въ походахъ Иліаду, игралъ на лирѣ, какъ Ахиллесъ, и завелъ своего Патрокла — Гефестіона, съ которымъ приносилъ жертвы на могилахъ троянскихъ героевъ. Онъ печалился, что нѣтъ ни Гомера, ни Пиндара для его прославленія. Александръ дѣйствительно совершилъ почти сказочные подвиги, обладая рѣдкими способностями. Искусный гимнастъ и удалой наѣздникъ, онъ наслѣдовалъ отъ отца тонкій умъ, неутомимость и настойчивость, въ особенности же отличался быстротой и талантомъ первокласснаго полководца. Благодаря Аристотелю, учившему его въ возрастѣ отъ 13 до 17 лѣтъ, въ немъ развился идеализмъ: Александръ усвоилъ всѣ науки, въ особенности же медицину, которую онъ такъ полюбилъ, что написалъ лечебникъ; онъ присылалъ Аристотелю изъ походовъ матеріалы для естественной исторіи и просилъ доставлять книги, которыя всегда находились въ его палаткѣ. Александръ названъ *Великимъ* въ исторіи. Его имя встрѣчается въ народныхъ сказкахъ и пѣсняхъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Подвиги македонскаго героя тѣмъ изумительнѣе, что при вступленіи на престолъ его положеніе было тяжело. Возратившаяся Олимпіада истребляла друзей и даже родныхъ Филиппа, съ согласія сына. Сѣверные варвары напали на Македонію. Александръ нанесъ имъ жестокое пораженіе и даже переплылъ съ своей арміей за Дунай: но пронеслась вѣсть о погибели тамъ юнаго царя — и возстали греки, среди которыхъ дѣйствовало также персидское золото. На этотъ разъ во главѣ ихъ были ѳиванцы, на которыхъ вдругъ нагрянулъ Александръ. Ѳиванцы, дравшіеся отчаянно, были частью перебиты, частью отданы въ рабство, съ своими семьями. Ѳивы были разрушены до основанія. Затѣмъ Александръ созвалъ новый сеймъ въ Коринѳѣ, подтвердившій постановленія стараго, и приказалъ грекамъ немедленно собираться въ походъ на персовъ.

Разрушеніе персидской державы.

Мысль о походѣ въ Персію не была ни нова ни несбыточна; она была естественнымъ исходомъ исторіи Греціи и Македоніи. Александръ зналъ, что въ Элладѣ ничего не могло быть популярнѣе похода въ Азію, который притомъ не былъ страшенъ, въ виду печальнаго положенія Востока. *Персія*, послѣ Дарія и Ксеркса, быстро *клонилась къ упадку*. Въ ней развивались худшія, ассирійскія черты на счетъ лучшихъ, персидскихъ. Не было конца дворцовымъ революціямъ; рѣд-

кій царь вступалъ на престолъ не по трупамъ своихъ родныхъ, рѣдкій умиралъ собственной смертью. Этимъ пользовались властолюбивые сатрапы и порабощенные народы: сузскій богъ съ трудомъ усмирялъ мятежи, наказывая за нихъ ужасными возмездіями; въ Египтѣ уже цѣлое поколѣніе были свои фараоны. Только послѣдній персидскій царь, *Дарій III Кодоманъ*, напомнилъ первыхъ Ахеменидовъ, молодой, красивый благородный, онъ жилъ просто и трезво, правилъ справедливо и милостиво. Но у него не было ни талантовъ, ни сильной воли, ни достойныхъ сотрудниковъ. У персовъ были только несмѣтныя богатства и милліонная армія, а у Александра — всего 35,000 войска да сотня тысячъ рублей. Но это была доблестная фаланга Филиппа. Она опиралась на сочувствіе всего эллинскаго міра, въ особенности же греческихъ подданныхъ сузскаго деспота. Геніальнаго юношу окружала плеяда даровитыхъ питомцевъ Филиппа — Пердикка, Птоломей, Антигонъ, Селевкъ, Антипатръ и пр. Въ его лагерѣ толпились греческіе ученые, цѣлый штабъ для картографическихъ, инженерныхъ и осадныхъ работъ; тутъ же находился отмѣнный секретарь — изворотливый, проницательный дипломатъ, Эвменъ, Немудрено, что въ первой же битвѣ, у р. *Граника*, Александръ одержалъ блистательную побѣду надъ храбрымъ и многочисленнымъ непріятелемъ. Затѣмъ онъ создалъ весьма умный планъ — итти не вглубь Персіи, а по берегу моря, чтобы освободить народы, угнетенные персами. Съ восторгомъ встрѣтили его малоазійскіе греки, среди которыхъ онъ возстановилъ свободную демократію. Отсюда Александръ двинулся по берегу къ Финикіи; но у *Исса* ему преградилъ путь смѣлый непріятель (333). Дарій самоувѣренно напалъ на него съ вдесятеро сильнѣйшимъ войскомъ, но потерпѣлъ такое пораженіе, что едва успѣлъ бѣжать, покинувъ даже свою семью, съ которой побѣдитель обошелся весьма почтительно. Александръ же появился въ Финикіи.

Полугодовая осада *Тира* поразила міръ изобрѣтательностью съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, Тиръ палъ — и погибло навѣки торговое значеніе Финикіи. Чтобы проложить новый путь сношеніямъ человѣчества, Александръ тогда же (332) основалъ *Александрію* у устьевъ Нила. Мѣсто было выбрано такъ удачно, что новый городъ на много вѣковъ сталъ средоточіемъ міровой культуры, и не только матеріальной, но и идейной. А для египтянъ это было истиннымъ благодѣяніемъ, — и они съ восторгомъ подчинились Александру, какъ своему освободителю. Александръ уважалъ народные нравы и обычаи. Онъ не только выказалъ благоговѣніе къ Анису: но еще совершилъ опасный походъ-богомолье къ Аммонскому оракулу, въ глубину Сахары.

Между тѣмъ Дарій сдѣлалъ новую ошибку: онъ собралъ до милліона прекраснаго войска, но вздумалъ все покончить одною битвой. Александръ, у котораго было всего 50 тысячъ, внезапно напалъ на него на поляхъ *Гавгамелы*, близъ развалинъ Нинивіи (331). Онъ одержалъ трудную побѣду, лишь благодаря своей находчивости. Дарій едва ускакалъ въ Экбатану, а Александръ поспѣшно захватилъ его столицы — *Вавилонъ*, *Сузу* и *Персеполь*, гдѣ нашелъ несмѣтныя сокровища.

Превращеніе Александра.

Гавгамела разрушила величайшую державу древняго міра и была верхомъ могущества македонцевъ. Но она же была началомъ конца для ихъ великаго человѣка. Александръ *превращался изъ европейца въ азіята*. Подготовкой служила лесть Аммонскаго оракула, который назвалъ его «сыномъ бога». Непобѣдимый завоеватель не замѣтилъ, что его греки и македонцы подсмѣиваются надъ новымъ титуломъ, который понимали буквально лишь восточные люди: онъ повѣрилъ тогда пророчеству Даніила насчетъ «западнаго человѣка», которому покорится Азія. Александръ возмнилъ себя сказочнымъ богатыремъ: у Инда онъ воздвигъ 12 жертвенниковъ-башенъ и закопалъ сосуды съ оружіемъ огромныхъ размѣровъ, чтобы потомки дивились «поколѣнію великановъ». Войны Александра стали однимъ мучительнымъ исканіемъ чудесныхъ приключеній. 25-лѣтній вла-

ститель началъ предаваться чувственности. Онъ погубилъ почтеннаго философа, родственника Аристотеля, Каллисѳена за то, что тотъ не палъ ницъ передъ нимъ; по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, онъ казнилъ своихъ помощниковъ въ томъ числѣ друга дѣтства, Филота; а однажды въ спорѣ на пирушкѣ, собственноручно закололъ отличнаго полководца, Клита, однажды спасшаго его жизнь. Александръ воскресилъ ассирійскій церемоніалъ: сидя на тронѣ въ діадемѣ и бѣлой мантіи, онъ принималъ колѣнопреклоненіе соратниковъ. Онъ сталъ пополнять армію азіятами, взялъ персидскую знать въ свою свиту, раздавалъ туземцамъ высшія должности.

Новый Александръ обвинялся уже въ Персеполѣ, куда онъ прибылъ совершить «месть» персамъ за походы Дарія и Ксеркса; онъ своеручно поджегъ городъ и велѣлъ вырѣзать его жителей. Затѣмъ началась сумасбродная *погоня за Даріемъ*; когда армія отстала, богатырь одинъ, съ горстью всадниковъ, мчался дни и ночи по дикимъ горамъ и безводнымъ пустынямъ; онъ настигъ лишь трупъ противника, убитаго однимъ сатрапомъ, котораго нашъ герой распялъ послѣ жестокихъ пытокъ. Но Александръ помчался дальше: онъ завоевалъ весь *Туранъ* и *Иранъ*, переходилъ черезъ пустыни, подымался на отроги Гинду-Куша, былъ за Яксартомъ и Оксомъ у скиѳовъ. Солдатамъ приходилось есть коренья и умирать отъ жажды; самъ Александръ болѣлъ отъ дурной воды; кругомъ пылала народная война. На окраинѣ Бактріи Александра встрѣтили отчаянные дикари, которые сидѣли въ своихъ горныхъ крѣпостцахъ, какъ орлы въ гнѣздахъ. Но онъ досталъ ихъ и изъ всѣхъ сокровищъ взялъ только къ себѣ въ жены дочь одного князька, Роксану, которую называли за красоту «перломъ Востока». Отсюда Александръ бросился на другой конецъ монархіи Ахеменидовъ, перешелъ *Индъ*, чего, по преданію, не дѣлалъ самъ Геркулесъ. Въ Пенджабѣ онъ встрѣтился съ врагомъ сильнымъ и богатымъ; а ему хотѣлось все-таки пробираться впередъ, на Гангъ. Но армія, наконецъ, отказалась повиноваться. Мучительно было возвращеніе: индусы преслѣдовали македонцевъ народною войной, иранская пустыня — жаждой и голодомъ, отъ которыхъ пало $^3/_4$ великой арміи.

Міродержавіе и смерть Александра.

Но богатырь не унимался. Онъ пылалъ жаждой еще болѣе чудесныхъ подвиговъ, которые должны были начаться съ похода въ аравійскую пустыню. Ученый грекъ Неархъ изслѣдовалъ берега отъ Персидскаго залива до Инда. Близъ Вавилона заложили новый портъ, а у Каспія валили первозданные лѣса для флотиліи. Со всѣхъ покоренныхъ странъ собирали несмѣтныя рати и сокровища. Александръ носился съ мыслью о *міровой монархіи*, въ которой слились бы Востокъ съ Европой. Столицей ея предназначался роскошный *Вавилонъ*, гдѣ Александръ и поселился. Передъ новыми подвигами онъ задумалъ довершить свое торжество сказочными пирами. Для нагляднаго «сліянія» Востока съ Европой, онъ женилъ многихъ знатныхъ грековъ и македонцевъ на иранскихъ аристократкахъ, что дало поводъ къ ряду блестящихъ свадебъ. Вавилонъ переполнился любопытными иностранцами и послами чуть не со всего міра, — даже изъ Рима, Галліи, Карѳагена, Эѳіопіи и Скиѳіи: кто заявлялъ свое благоговѣніе передъ героемъ, кто просилъ его рѣшить международный споръ. При дворѣ толпилось большинство греческихъ ученыхъ и художниковъ. Подлѣ ветерановъ Филиппа красовались азіатскіе князьки и цѣлая гвардія молодыхъ персовъ.

Но, несмотря на небывалый внѣшній блескъ, въ сущности могущество Александра никогда еще не подвергалось такимъ опасностямъ. Его огромная монархія, созданная всего въ 10 л., уже развалилась. Сатрапы, несмотря на примѣрныя наказанія, грабили провинціи и помышляли сами сдѣлаться царями. Тамъ и сямъ появлялись мятежи и разбойничьи шайки. Главный казначей, другъ Александра, Гарпалъ, бѣжалъ съ несмѣтною суммой въ Аѳины, и его не выдавали: Греція уже готовилась къ возстанію. Европейская армія начала роптать. Онъ оффиціально объявилъ себя божествомъ и требовалъ себѣ религіозныхъ поче-

стей. Мучительныя работы на каналахъ и въ лѣсахъ, отъ которыхъ солдаты погибали сотнями, вывели ихъ изъ терпѣнія. Деспотъ равнодушно предложилъ ветеранамъ возвратиться домой; они взбунтовались. Александръ самъ бросился въ толпу, выхватилъ нѣсколько человѣкъ и казнилъ ихъ на мѣстѣ Потомъ онъ растрогалъ солдатъ своими рѣчами — и они мирно пошли домой, награжденные деньгами, пенсіями и почестями. А Александръ сталъ проводить дни и ночи въ шумныхъ пирахъ. Эта жизнь вскорѣ свела въ могилу Гефестіона. Трое сутокъ провелъ Александръ безъ сна и пищи, оплакивая своего друга; затѣмъ онъ устроилъ ему погребеніе, стоившее 15 милл. р. и жизни нѣсколькихъ тысячъ плѣнниковъ, принесенныхъ въ жертву тѣни усопшаго. На похоронной пирушкѣ Александръ простудился и черезъ нѣсколько дней умеръ, на 33-мъ году отъ рожденія (323). Тѣло его повезли въ Македонію; но ловкій египетскій сатрапъ, Птоломей, перехватилъ его и похоронилъ въ Александріи.

Послѣдній подъемъ Эллады. Со смертью Александра окончилось господство Македоніи. Тогда же рухнули послѣднія надежды Эллады на возрожденіе. До тѣхъ поръ греки еще мечтали о былой независимости. Когла умеръ Филиппъ, Демосѳенъ явился въ экклесію сіяющій, съ вѣнкомъ на головѣ. Александръ не могъ увлечь грековъ мыслью о національной борьбѣ съ персами: онъ самъ истребилъ ѳиванцевъ и всюду возстановлялъ ненавистныя декархіи, охраняемыя македонскими гарнизонами.

Самые блестящіе успѣхи македонцевъ на Востокѣ вызывали въ Элладѣ чувство тревоги, а не радости. Послѣ гаугамельской битвы возстала Спарта, которая никогда не признавала ихъ гегемоніи. Царь *Агисъ III*, лакедемонецъ стараго закала, собралъ войска почти со всего Пелопонеса и началъ борьбу, которую вовсе нельзя было назвать «войной мышей и лягушекъ», какъ выразился заносчиво Александръ. *Антипатръ*, оставленный съ корпусомъ войскъ слѣдитъ за Греціей, съ большими потерями одержалъ побѣду въ генеральномъ сраженіи съ Агисомъ. Движеніе спартанцевъ отразилось на Аѳинахъ, которыя уже успѣли нѣсколько оправиться. Демосѳена вѣнчали тогда въ театрѣ золотымъ вѣнкомъ, который повѣсили въ Парѳенонѣ на память потомкамъ. Это вѣнчаніе досталось патріоту послѣ упорной борьбы съ врагами, за которою слѣдила вся Эллада. Друзья Македоніи, къ которымъ принадлежала философская школа Аристотеля, пали: Эсхинъ и Аристотель бѣжали, присужденные къ штрафу. Аѳиняне приняли Гарпала, отобравъ только у него деньги въ свою пользу.

Когда пришла вѣсть о смерти Александра, радость пробѣжала по всему эллинскому міру, не исключая малоазійскихъ грековъ. Аѳиняне пожертвовали всѣ свои сокровища на войну за освобожденіе, а ихъ послы возбуждали народъ по всей Греціи. Они явились въ Ѳессаліи съ хорошею арміей, нанесли нѣсколько пораженій Антипатру и принудили его запереться въ крѣпости Ламіи, по имени которой эта война названа *ламійскою*. Но къ Антипатру подоспѣло подкрѣпленіе изъ Азіи—и греки проиграли кампанію. Антипатръ поставилъ *македонскій гарнизонъ въ Пиреѣ*. Палачи Антипатра бросились искать бѣжавшаго Демосѳена съ товарищами. Друзей великаго оратора предали мучительной смерти; самъ онъ успѣлъ принять ядъ въ храмѣ, на одномъ островѣ близъ Аргоса (322).

Культура 4-го вѣка. Философія. Въ 5-мъ вѣкѣ въ умахъ преобладалъ эстетизмъ, въ 4-мъ же — *теоретичность*, научное направленіе. И то и другое сосредоточивалось у іонійцевъ, а именно въ Аттикѣ. Если теперь Аѳины пали политически, то началось ихъ господство въ идейной культурѣ. Этимъ онѣ были обязаны наиболѣе развитію своей *философіи*. Философы 4-го вѣка — ученики Сократа: ихъ даже называли «сократиками» (сократическими). Но они искажали великаго учителя, доводя до крайности ту или другую изъ его сторонъ. Такъ творецъ *киренейской* школы, *Аристиппъ*, проповѣдывалъ эгоистическое, хотя и умѣренное наслажденіе жизнью. А аѳинянинъ *Антисѳенъ* считалъ добродѣтелью презрѣніе къ жизни, а страсть къ наслажденіямъ — недостойнымъ рабствомъ; онъ истязалъ себя, какъ аскетъ,

ходилъ нищимъ, гнушался изяществомъ и даже образованіемъ. Его теорія названа *цинизмомъ*. Она дошла до крайности у *Діогена* синопскаго: этотъ «неистовый Сократъ», спартанецъ философіи, не имѣлъ ничего, кромѣ дыряваго плаща, палки, сумы и чашки, которую онъ, впрочемъ, бросилъ, замѣтивъ, что мальчишки черпаютъ воду рукой; жилъ онъ на улицѣ, ночевалъ въ бочкѣ. Только одинъ ученикъ Сократа правильно развивалъ его теорію: это — знатный, красивый, величавый аѳинянинъ *Платонъ*. Это былъ аристократъ и душой, и жизнью: онъ примыкалъ къ Критію, восхвалялъ Спарту, восторгался пиѳагоризмомъ. Онъ училъ въ академіи: оттого его школа называется *академической*. У него была масса слушателей: пробирались даже женщины въ мужскомъ платьѣ. Онъ сохранялъ полное здоровье и свѣжесть мысли до 92-хъ лѣтъ, когда тихо заснулъ навѣки, пиша лекцію (348).

Платонъ — *основатель философіи, какъ науки*. До него были только «любители мудрости», которые не читали стройнаго курса философіи и не писали книгъ. Это были скорѣе проповѣдники, чѣмъ ученые: они учили кого попало, умнымъ разговоромъ, совѣтами, примѣромъ собственной жизни; они излагали мысль, овладѣвшую всѣмъ ихъ существомъ, не готовясь къ своему дѣлу, по вдохновенію. Въ 4-мъ же в. увеличился запасъ знаній — и Платонъ долго самъ учился, готовился къ своему поприщу, какъ ученый, обработывалъ свои бесѣды. Отсюда произошли его сочиненія, которыя составляютъ научное изложеніе цѣлаго предмета, или философскую «систему». Только внѣшняя форма его трудовъ прежняя: они изложены въ видѣ бесѣдъ Сократа съ своими учениками. Онъ считается отцомъ *метафизики или идеализма въ философіи*.

Ученикъ Платона, *Аристотель* изъ Стагиры (близъ Аѳинъ), читалъ лекціи въ лицеѣ, прохаживаясь по аллеямъ: его школу назвали *перипатетической* (гуляющей). Его сочиненія долго лежали въ погребѣ и попортились; до насъ дошла шестая, но важнѣйшая часть ихъ, въ томъ числѣ «Органонъ» — первая въ мірѣ *логика*, гдѣ опредѣлены 10 «категорій» мышленія, а также основанія грамматики. Аристотель оставилъ и первую *Психологію*, въ которой опредѣлены многія душевныя свойства. Онъ же отецъ *естествознанія*, составившій вѣрное описаніе царствъ природы, на основаніи идеи вѣчнаго совершенствованія отъ минерала до человѣка. Аристотель создалъ и теорію поэзіи своею *Поэтикой*. Наконецъ, его *Риторика* — первая теорія ораторской рѣчи, а *Политика*, въ которой разобраны политическія формы, — первая книга по государственному праву. Аристотель былъ первымъ въ исторіи *энциклопедистомъ* и геніальнѣйшимъ умомъ: это — отецъ всѣхъ основныхъ наукъ. Насколько Платонъ — поэтъ и отчасти фантазеръ, настолько же Аристотель — *ученый*. Онъ судитъ только на основаніи видѣнныхъ явленій, фактовъ и *опыта*; онъ утвердилъ открытый Сократомъ научный методъ — *индукцію* (наведеніе) или сужденіе о цѣломъ рядѣ явленій на основаніи общихъ чертъ въ нѣсколькихъ изъ нихъ.

Новая жизнь и риторика.

Первое мѣсто послѣ философіи занимала *риторика*: Аристотель уже вывелъ теорію ораторства. Возникло много риторскихъ школъ. Это зависѣло отъ превращенія во всемъ эллинскомъ бытѣ. Съ конца 5-го в. *исчезаетъ* древняя *гармонія, риѳмъ* жизни. Софисты вносили въ воспитаніе жажду знаній и критическій духъ, который обращался въ страсть къ спорамъ и діалектическимъ состязаніямъ. Строгая гимнастика превратилась въ «атлетику» — въ выгодное ремесло, щеголявшее тѣлесной виртуозностью на потѣху публики; атлеты вырабатывались такъ же, какъ «акробаты» или скоморохи, которые размножились тогда же. Драма съ Эврипида теряетъ спокойный, неземной характеръ, становится мятежною борьбой страстей. Измѣняется и музыка съ танцами. Уже у Эврипида актеръ останавливаетъ ходъ пьесы почти оперными аріями: въ хорахъ, которые щеголяли прежде риѳмами и унисономъ, каждый голосъ старается выдѣлиться, какъ соло. Инструменты также забывали тихое аккомпанированье, стремясь къ самостоятель-

ности и виртуозности; страстные звуки азіятской флейты усиливаются заглушить скромное дребезжаніе эллинской балалайки — киѳары; въ оркестрѣ слышатся даже громъ, плескъ волнъ, крики звѣрей. Танцы, это величавое, религіозно-военное движеніе, превращаются въ безпокойный балетъ, щеголяющій хореографическою замысловатостью.

Эта раздражительность выгоняла грека на улицу, въ общество: и слово стало силой, а изящнымъ эллинамъ хотѣлось красно говорить на языкѣ, который достигъ тогда совершенства, благодаря софистамъ. Къ тому же нервность и общественность вели къ столкновеніямъ: развивалось сутяжничество, кляузничество. Этотъ духъ проникалъ и въ политику: выдвинулась «дипломатія», съ ея изворотами, основанными на софистикѣ и умѣньѣ обмануть другъ друга хитрыми рѣчами. Тогда жилъ геній дипломатіи, Филиппъ, придавшій огромное значеніе посольствамъ, а послы должны были прежде всего блистать краснорѣчіемъ: ихъ называли «риторами» (ораторами). Оттого краснорѣчіе, бывшее въ 5-мъ в. преимущественно судебнымъ, обратилось въ *Политическое*. Этотъ переворотъ въ риторикѣ былъ произведенъ *Исократомъ*, которымъ открывается рядъ семи «новыхъ» ораторовъ. Онъ важенъ, какъ основатель новой школы, которую Цицеронъ сравнилъ съ деревяннымъ конемъ подъ Троей, такъ какъ изъ нея вышли герои краснорѣчія — Эсхинъ и Демосѳенъ. Съ учениками Исократа угасло политическое краснорѣчіе въ Элладѣ, хотя насчитываютъ не мало риторовъ, во главѣ которыхъ состоялъ болтливый и пустой *Димитрій Фалерейскій*, неудачный ученикъ Демосѳена. Но въ теоріи краснорѣчіе достигло поразительнаго развитія къ концу 4-го в., благодаря Аристотелю, «Риторика» котораго пытается сбросить съ рѣчи гнетъ софистики и искусственности.

Исторія. За исключеніемъ философіи и риторики, проза 4-го вѣка представляетъ упадокъ. Особенно понизилась *исторія*, сравнительно съ Ѳукидидомъ и даже Геродотомъ, какъ видно изъ ея представителя, *Ксенофонта*. Ксенофонтъ долго учился у Сократа, котораго любилъ, какъ отца и друга: онъ написалъ ему похвалу и «Воспоминанія» о немъ. Онъ не любилъ своей родины и увлекался спартанскими порядками: онъ пошелъ на помощь Киру Младшему въ отрядѣ лакедемонцевъ, отступленіе которыхъ описано имъ въ «Анабазисѣ». Ксенофонтъ былъ любимымъ писателемъ древности: его слогъ и языкъ такъ очаровательны, что его называли «аттическою пчелой». Но по содержанію, сочиненія Ксенофонта не важны. Его философія — поверхностное изложеніе Сократа; его «Эллинская Исторія», служащая продолженіемъ Ѳукидида, наполнена узкими спартанскими воззрѣніями. Еще слабѣе «Киропедія» или «Воспитаніе Кира» Старшаго: это — историческій романъ, цѣлью котораго было представить идеалъ воспитанія въ духѣ Сократа; здѣсь интересно только широкое, космополитическое міровоззрѣніе.

Поэзія. Новая комедія. Если проза 4-го в. представляетъ шагъ впередъ въ научномъ отношеніи, то поэзія запечатлѣна упадкомъ. Процвѣтала только «новая» *комедія*, да и та была ниже Аристофановой. Послѣ закона Тридцати, она не смѣла касаться политики и личностей: сухая, разсудочная, она хорошо изображала только *обыденную* жизнь. Отсюда ея связь съ Эврипидомъ: она называла его «золотымъ поэтомъ» и брала у него цѣлые стихи. Тогда же появились *мимы* («подражанія») — краткіе разговоры крестьянъ, полные грубаго юмора и голой правды, вродѣ нашего Петрушки.

Искусство. Въ искусствѣ 4-й вѣкъ мало уступаетъ 5-му: его называютъ *вторымъ процвѣтаніемъ искусства*. Если при Периклѣ искусство было идеально до сухости и прибѣгало для оживленія къ «полихроміи» (раскраскѣ), то теперь оно отличалось *реализмомъ* или подражаніемъ природѣ. Отсюда — *техника*, *индивидуализмъ*, иногда до фотографичности, и полная свобода художника; порой жертвующаго гармоніей ради *эффекта* или сильнаго впечатлѣнія. Тогда преобладала живопись, а полихромія исчезла; въ зодчествѣ господствовалъ коринѳскій

стиль и возникла декоративность (мелкія украшенія, узоры). Въ живописи явилось даже много школъ. Къ іонійской (въ Эфесѣ) принадлежали знаменитые Зевксисъ и Парризій, которые перешли въ преданіе за свое совершенство въ подражаніи природѣ. Но царемъ древней живописи считается *Апеллесъ*, жившій при дворѣ Александра. Тогда же вполнѣ развилась живопись на *вазахъ*. Содержаніе живописи 4-го в. — нынѣшнее, свѣтское. Въ ваяніи прославились аѳиняне Скопасъ и *Праксите́ль*. Послѣднему приписываютъ «Группу Ніобеи» — одинъ изъ перловъ искусства вообще. Къ 4-му в. относится также высшее развитіе *чеканки монетъ* въ древности. Въ зодчествѣ особенно выдвинулась форма *монументовъ* (памятниковъ). Тутъ «чудомъ Свѣта» считался галикарнасскій Мавзолей: его имя стало означать памятникъ вообще. Начали воздвигать монументы и въ честь живыхъ.

ЛЕКЦІЯ ДЕСЯТАЯ.

Діадохи и эпигоны. 323 - 30 до Р. Х.

Александръ македонскій не оставилъ преемника — и власть подѣлили между собой его полководцы или «наслѣдники», *діадохи*; но никто изъ нихъ не довольствовался своимъ удѣломъ; каждый стремился къ единодержавію. Идея всемірной монархіи жила еще 17 лѣтъ (323 — 306), пока не сошли со сцены люди, воспитанные въ школѣ Александра: время діадоховъ должно назвать *эпохой борьбы за восточную монархію*. Въ этой борьбѣ діадохи по большой части истребили другъ друга. Среди нихъ выдвинулись два ветерана, Птоломей и Антигонъ, и три представителя молодого поколѣнія — сынъ Антигона, Димитрій, сынъ Антипатра, Кассандръ, и самый юный изъ сподвижниковъ Александра, Селевкъ. Птоломей, обладатель богатаго Египта, былъ Крезомъ своего времени и единственнымъ мирнымъ правителемъ. Терпѣливый, осторожный, вѣрный своему слову, онъ жилъ просто, дорожилъ науками и искусствами, самъ былъ писателемъ. Онъ воевалъ только въ крайности, но тогда обнаруживалъ тонкій дипломатическій умъ, храбрость и настойчивость. Напротивъ, легкомысленный *Антигонъ* любилъ внѣшній блескъ: онъ казался царемъ всей Азіи, потому что ему достались восточныя сатрапіи, а также сокровища Сузы и Вавилона. Къ тому же онъ былъ первымъ полководцемъ своего времени и идоломъ солдатъ, любившихъ его за веселость, щедрость и любезность. Антигонъ позволялъ даже шутить надъ собой, впрочемъ только не надъ своимъ кривымъ глазомъ: одинъ поэтъ поплатился жизнью за то, что сравнилъ его съ Циклопомъ. *Димитрій*, прозванный *Поліоркетомъ* (осаждателемъ городовъ) за изобрѣтеніе осадныхъ машинъ, натура талантливая, пылкая и романтическая, быстро прославился своими отважными приключеніями и военными подвигами На полѣ битвы, особенно при осадахъ и на морѣ, лучшіе ветераны боялись этого красиваго и вкрадчиваго юноши: въ немъ видѣли будущаго Александра, котораго онъ напоминалъ и внѣшнимъ видомъ. Пока былъ живъ Димитрій, даже даровитый *Селевкъ* находился въ тѣни. Это былъ изворотливый и мужественный дипломатъ и полководецъ. Онъ умѣлъ такъ умно обходиться съ людьми, что въ Вавилонѣ плакали, когда Антигонъ выгналъ его оттуда, а когда ему удалось, всего съ тысячью всадниковъ, снова овладѣть Вавилономъ, на Востокѣ перемѣнили лѣтосчисленіе («эра Селевкидовъ»), его же самого прозвали Никаторомъ (Побѣдителемъ). *Кассандръ* былъ смѣлъ и энергиченъ, но отличался не столько талантами, сколько грубымъ честолюбіемъ, вѣроломствомъ и кровожадностью. Чтобы спокойно носить титулъ македонскаго царя, онъ перерѣзалъ семью Александра — все женщинъ да дѣтей. Сила Кассандра за- Діадохи.

ключалась въ томъ, что, кромѣ Македоніи, ему подчинялась и Греція; и въ Аѳинахъ сидѣлъ его намѣстникъ, Димитрій Фалерейскій.

Антигонъ и Паліоркетъ были послѣдними могучими борцами за всемірную монархію. Остальные діадохи составили союзъ противъ нихъ, съ цѣлью основать отдѣльныя царства; разгорѣлась долгая (314 — 301) борьба, замѣчательная по подвигамъ и искусству обѣихъ сторонъ; она разспространялась отъ Дуная до Кирены, отъ Эпира до Тигра. Сначала перевѣсъ былъ на сторонѣ Антигона и Поліоркета; и они назвали себя *царями*. Особенно величался Поліоркетъ. Посланный отцомъ въ Элладу объявить «свободу и автономію» ея городовъ, онъ явился въ Аѳины, гдѣ Димитрій Фалерейскій разыгрывалъ роль бога и утопалъ въ наслажденіяхъ, а граждане поставили ему 360 статуй. Поліоркетъ прогналъ своего соименника и возстановилъ демократію. Аѳиняне передѣлали статуи Димитрія Фалерейскаго въ ночные горшки, а Поліоркету стали оказывать божескія почести. Они называли его и Антигона «Сотерами» (спасителями), воздвигали имъ жертвенники, обозначили дни и мѣсяцы ихъ именами, пѣли въ честь ихъ гимны и совершали церковные ходы. Вдругъ Антигонъ призвалъ его къ себѣ на помощь: Птоломей, Селевкъ и Кассандръ, въ свою очередь, назвались царями, а вскорѣ ихъ примѣру послѣдовали тираны Великой Греціи и Сиракузъ. Поліоркетъ бросился въ Азію, въ сопровожденіи своего друга, блестящаго юноши, эпирскаго царя Пирра. У *Ипса* (301), во Фригіи, союзники побѣдили, Антигонъ палъ, а Димитрій бѣжалъ въ Аѳины; но его не приняли — и онъ сталъ, вмѣстѣ съ Пирромъ, знаменитымъ морскимъ разбойникомъ. Вскорѣ Поліоркетъ разсорился и съ Пирромъ; онъ сдался Селевку, у котораго умеръ въ плѣну. Всѣдъ затѣмъ умеръ Птоломей, а Селевкъ былъ убитъ однимъ изъ соперниковъ. Такъ около 280 г. вымерли крупные діадохи: настало господство ихъ ничтожныхъ преемниковъ — *Эпигоновъ*.

Эпигоны. Селевкиды. Эпигоны, это — Селевкиды въ Азіи, Лагиды — въ Египтѣ, Антигониды — въ Македоніи и Греціи. Самое большое царство, Селевкидское, рано начало распадаться. Его основатель, Селевкъ I Никаторъ, думалъ больше всего о Сиріи, куда онъ перенесъ съ Тигра свою столицу въ новый городъ, Антіохію: его царство и называли Сирійскимъ. Но то не былъ центръ его великой монархіи, доходившей до Понта, Яксарта и Инда; оттого земли къ востоку отъ Евфрата были предоставлены иранскому вліянію и вторженію такихъ кочевниковъ, какъ пареяне. Утрата этихъ земель ослабляла Селевкидовъ и на западѣ, такъ что около Р. Х. у нихъ оставалась только узкая полоса земли между Евфратомъ и Средиземнымъ м. Этому способствовала также вѣчная борьба съ Потоломеями за Палестину и Финикію. Но Селевкидамъ удалось исполнить культурную задачу—*эллинизацію земель къ западу отъ Евфрата*. Здѣсь сатрапы и всѣ власти были изъ грековъ и македонцевъ. Здѣсь строилось много городовъ, которымъ давалось самоуправленіе, привлекавшее греческій средній классъ; во главѣ ихъ стояла Антіохія, чисто греческій городъ, который соперничалъ съ Аѳинами и Александріей, въ отношеніи наукъ, искусствъ и веселой, роскошной жизни. Если въ Сиріи и Месопотаміи эллинизація проникла только въ высшій классъ и къ горожанамъ, зато Малая Азія перешла потомъ въ руки византійцевъ совсѣмъ эллинизованною; она снова приняла восточный характеръ лишь въ средніе вѣка, благодаря туркамъ-сельджукамъ и особенно османліямъ, вытѣснившимъ греческій элементъ къ берегамъ.

Сирійское царство существовало около 250 л. (312 — 65); но его паденіе началось уже по смерти Никатора, ничтожные преемники котораго увлеклись восточными обычаями. У эпигоновъ вообще семейная жизнь напоминала ужасы персидскаго двора, благодаря многоженству и бракамъ между родственниками, даже между братьями и сестрами; но нигдѣ она не падала такъ глубоко, какъ у Селевкидовъ. Общество также напоминало вавилонянъ своею безнравственностью и раболѣпіемъ. Оттого уже *Антіохъ III* «Великій», побѣдитель Египта, былъ

легко уничтоженъ римлянами въ битвѣ у Магнезіи (190). А послѣ него Селевкиды увлеклись еще религіозною нетерпимостью: они грабили и оскверняли всѣ негреческія, въ особенности же еврейскія святыни: отсюда вѣчные бунты и независимость евреевъ. Въ то же время парояне усилились до того, что держали въ плѣну не одного Селевкида. Наконецъ, *римляне* обратили Сирію въ свою *провинцію* (65).

Подлѣ царства Селевкидовъ, въ Передней Азіи образовалось множество мелкихъ государствъ. Такъ воскресла *Іудея*. Евреи, послѣ вавилонскаго плѣна, счастливо жили 200 л. (538 – 320) подъ мягкимъ владычествомъ персовъ и 100 л. (320 — 203) — подъ властью просвѣщенныхъ Лагидовъ. Но подконецъ египетскіе цари ударились въ деспотизмъ и фанатизмъ — и евреи поддались ихъ врагу, Антіоху III. Господство Селевкидовъ (203 — 168) сначала было также сносно; но когда и они стали фанатиками эллинизма, евреи возстали, подъ предводительствомъ семьи *Асмонеевъ*, во главѣ которой стояли трое братьевъ *Маккавеевъ*. Имъ удалось создать царство, которое продержалось болѣе 200 лѣтъ. Но оно было наполнено смутами: Асмонеи враждовали между собой, опираясь одни на *фарисеевъ*, другіе — на *саддукеевъ*, которые изъ религіозныхъ сектъ превратились въ политическія партіи. Пользуясь этими усобицами, римляне подчинили (37 л.) евреевъ своему клеврету, *Ироду Великому*, который прославился столько же жестокостью, сколько страстью къ постройкамъ. Въ 44 г. по Р. Х. Іудея стала *римскою провинціей*, подъ управленіемъ прокураторовъ (намѣстниковъ).

Воскресеніе и гибель Іудеи.

Іудея эпохи эпигоновъ имѣетъ значеніе, какъ орудіе Рима, въ его борьбѣ съ Сиріей и какъ центръ подготовки христіанства. Другимъ орудіемъ Рима, а также временнымъ культурнымъ центромъ, былъ *Пергамъ* — царство, основанное однимъ македонскимъ евнухомъ (281). Онъ соперничалъ съ Александріей въ эллинизаціи Востока: здѣсь былъ замѣчательный музей, привлекавшій лучшихъ ученыхъ и художниковъ, и много важныхъ построекъ, слѣды которыхъ сохранились до нашихъ дней, а *пергаментъ* вытѣснилъ папирусъ повсюду. Искусству покровительствовалъ даже послѣдній царь *Атталъ III* — сумасшедшій тиранъ, который умертвилъ свою мать и многихъ родныхъ и чиновниковъ, а затѣмъ завѣщалъ свое царство «римскому народу» (133). *Понтъ*, сталъ независимымъ, благодаря одному сатрапу, еще до Александра. Его цари удачно отбивались какъ отъ македонскаго героя, такъ и отъ діадоховъ и *галловъ* — полудикарей, которые утвердились тогда въ сосѣдней странѣ, названной Галатіей. Но съ 180 г. началась роковая борьба между Понтомъ и Римомъ, которая стала смертельною при *Митридатѣ V*.

Пергамъ. Понтъ. Парфія.

Митридатъ задался смѣлыми и широкими планами: его назвали *Великимъ*. Митридатъ изучилъ нравы и 25 языковъ мѣстныхъ племенъ, которымъ онъ нравился, какъ типъ азіатскаго деспота; онъ былъ знакомъ также съ эллинизмомъ и окружалъ себя свѣдущими греками. Вступивъ на престолъ по трупамъ матери и брата, Митридатъ поставилъ цѣлью своей жизни бороться съ Римомъ; но для этого ему нужно было расширить свое ничтожное царство. Онъ завоевалъ берега Чернаго м. отъ Синопа до Днѣпра, а также Арменію, Колхиду и Босфорское царство (Крымъ); затѣмъ такъ опуталъ своихъ сосѣдей дипломатіей и браками, что почти вся Малая Азія частью принадлежала ему, частью находилась подъ его вліяніемъ. Наконецъ, Митридатъ началъ борьбу съ Римомъ, которая длилась 25 л. (88 — 63). Сначала онъ имѣлъ успѣхъ: но онъ разомъ истребилъ до 80.000 мирныхъ римлянъ, жившихъ въ Малой Азіи — и это ожесточило его враговъ. Римляне призвали на помощь пароянъ и поразили его. Митридатъ бѣжалъ въ Пантикапею и началъ было готовиться къ великому подвигу: онъ хотѣлъ броситься на Италію съ сѣвера и нанималъ дикарей, жившихъ на югѣ Россіи и по Дунаю. Но подданные устрашились такого далекаго похода и воз-

стали, предводимые собственнымъ сыномъ деспота. Митридатъ отравилъ своихъ женъ и дочерей, а потомъ велѣлъ наемнику заколоть себя. Малоазійскій Понтъ сталъ римскою провинціей (63).

Пареянское царство, существовавшее ок. 500 л. (255 до Р. Х. — 226 по Р. Х.), наслѣдовало могущество Селевкидовъ, остановило римлянъ у Тигра и выдержало всѣ бури Востока, уступивъ лишь національному движенію новыхъ персовъ. Оно простиралось отъ Евфрата до Инда и Хивы; столицей его былъ Гекатомпилосъ (Стовратный, теперь Дамаганъ), у Астрабада. Толчкомъ къ возстанію пареянъ противъ Селевкидовъ было вторженіе изъ-за Окса родственной имъ туранской орды, подъ начальствомъ *Арсака*. Грубые и воинственные пареяне подчинились высшему вліянію: они приняли огнепоклонство и придворные обычаи персовъ, а идейную культуру заимствовали у грековъ. Но зодчество и управленіе страной были у нихъ ассирійскія. Каждая провинція управлялась мѣстнымъ царькомъ; оттого пареянскій повелитель назывался «царемъ царей»: Возвысившись путемъ завоеваній, пареяне уже думали захватить Арменію; но здѣсь столкнулись съ римлянами. Ок. 50 г. началась жестокая борьба между Пареіей и Римомъ за первенство на Востокѣ.

Лагиды. Благодаря государственному таланту *Птоломея* I *Пага*, или *Сотера*, изъ остатковъ Александровой монархіи только въ Египтѣ образовалась прочная держава, и съ міровымъ значеніемъ. Считая просвѣщеніе основой дѣльной политики, Сотеръ сдѣлалъ *Александрію* узломъ культуры того времени; а такъ какъ эта столица была также центромъ всемірной торговли и промышленности, то Египетъ сталъ *средоточіемъ міровыхъ сношеній* вообще, подобно древнему Вавилону и Аѳинамъ. Но эта черта противорѣчила характеру древняго Египта: поэтому 300-лѣтнее господство Лагидовъ (323 — 30) должно считать *новою* исторіей страны или, вѣрнѣе, исторіей иностранцевъ. Александрія состояла преимущественно изъ *грековъ* и македонцевъ, которые пользовались всякими привилегіями: династія Лагидовъ была изъ ихъ среды. Подлѣ грековъ имѣли значеніе только *евреи*, которые переселялись сюда массами, привлекаемые обширными привилегіями и вѣротерпимостью: они составляли отдѣльную общину и управлялись собственными властями. Александрія имѣла чарующее вліяніе на всю страну: нигдѣ не было такого сильнаго *слiянія эллинизма съ туземнымъ элементомъ*, какъ въ Египтѣ. Этому много способствовала умная система первыхъ Лагидовъ, которые ласкали туземцевъ, щадили ихъ особенности, заботились объ ихъ просвѣщеніи. Оттого въ странѣ царствовали порядокъ и спокойствіе: и египтяне, вѣчно бунтовавшіе при персахъ, готовы были положить жизнь за своихъ Лагидовъ.

Эта образцовая политическая система была дѣломъ трехъ первыхъ Лагидовъ, царствовавшихъ 100 л., въ особенности же Сотера, который наиболѣе щадилъ туземцевъ. Но затѣмъ и здѣсь пошло вырожденіе. Завелся обычай, чтобы цари женились на своихъ сестрахъ и племянницахъ: отсюда раздоры и убійства при дворѣ. Враги Египта пользовались этимъ — и онъ принужденъ былъ уже при 5-мъ Птоломеѣ, обратиться къ Риму за помощью противъ Селевкидовъ. Такъ началось гибельное римское вліяніе. Авлетъ уже долженъ былъ купить въ Римѣ свою корону. По смерти его, римляне посадили на престолъ его дочь, красавицу *Клеопатру*, ставшую женой его бездарнаго первенца. Желая царствовать одна, Клеопатра начала войну съ мужемъ, а затѣмъ принуждена была, по приказу римлянъ, выйти за своего младшаго брата. Вскорѣ она избавилась и отъ этого мужа отравой и царствовала одна, плѣнивъ своими прелестями сначала Цезаря, потомъ Антонія. Наконецъ, Августъ взялъ ее въ плѣнъ, а Египетъ обратилъ въ *римскую провинцію* (30 г. до Р. Х.).

Антигониды. Кончина Аѳинъ. Греція и Македонія достались, по смерти Поліоркета, его сыну, Антигону I Гонату, потомки котораго, *Антигониды*, царствовали тамъ около 150 л. То были люди даровитые и энергичные, но несчастливые. Въ Македоніи народъ ви-

дѣлъ въ нихъ лишь похитителей престола у вырѣзанной семьи Александра Великаго; а ихъ армія состояла изъ полудикихъ наемниковъ — изъ галловъ, иллирійцевъ и ѳракійцевъ, которые легко измѣняли изъ-за денегъ. Антигонидамъ приходилось вѣчно бороться съ сосѣдями — эпиротами, которые били ихъ, пока ихъ Пирръ не ушелъ въ Италію. Имъ не давала покоя ловкая политика Лагидовъ, которые особенно усердно подымали противъ нихъ *Элладу*. Тамъ господствовало разложеніе. Это зло достигло невозможныхъ размѣровъ, когда неудалась новая попытка аѳинянъ, подстроенная Лагидами, въ видѣ «хремонидской войны» (266 — 263). Усилія новаго Демосѳена, патріота Хремонида, не увѣнчались успѣхомъ — и Длинныя стѣны снова были срыты. Послѣ этой «послѣдней войны за свободу», *Аѳины исчезли, какъ политическая держава*: онѣ стали лишь «школьнымъ городомъ» и вступили въ союзъ съ Римомъ (228).

Этолійскій и ахейскій союзъ. На смѣну Аѳинамъ неожиданно выступили новыя силы. *Этолійцы* сохраняли первобытность и физическую свѣжесть, проживая крестьянскими общинами. Они стали сплачиваться и проникаться эллинизмомъ лишь съ эпохи діадоховъ, когда имъ пришлось отбиваться отъ эпиротовъ, македонцевъ, въ особенности же отъ галловъ. Образовался союзъ вокругъ единственнаго городка, Ѳермона: собираясь сюда на ярмарку, жители составили *пан-этоликонъ* или вѣче «всѣхъ этолійцевъ», которое избирало совѣтъ и «стратега». Вскорѣ этолійскій союзъ сталъ во главѣ Эллады. Но этолійцевъ не любили остальные греки за ихъ невѣжество. Сами они не могли выставить достойныхъ вождей и широкой политики: они думали только о себѣ и разбойничали, а когда усилились ахейцы, стали, изъ вражды къ нимъ, на сторону македонцевъ и, наконецъ, навели римлянъ на Грецію. Никто не принесъ больше вреда Элладѣ, чѣмъ этолійцы.

Не таковъ былъ ихъ соперникъ: *ахейскій союзъ*. Честные, трудолюбивые, образованные ахейцы пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Они явились послѣдними представителями эллинской политики и борцами за національную свободу. Испугавшись нашествія галловъ, ахейцы прогнали македонскіе гарнизоны, которые вовсе не защищали ихъ, и составили союзъ, похожій на этолійскій (280). Въ *Эгіонѣ* собиралось два раза въ годъ вѣче; но каждая республика сохраняла свое самоуправленіе. Это привлекало многихъ; къ тому же союзъ выставилъ ясную политику — борьбу съ олигархами и Антигонидами и дружбу съ Лагидами. Внушалъ всеобщее уваженіе и вождь союза, *Аратъ*, который почти безпрерывно занималъ должности стратега, въ теченіе 30 л., до самой своей смерти. Аратъ искусно присоединилъ къ союзу половину Пелопоннеса, получилъ много денегъ изъ Египта и собирался нанести вѣрный ударъ Антигонидамъ; но его остановили обычные между греками раздоры. Этолійскій союзъ изъ зависти перешелъ на сторону македонцевъ; въ то же время неожиданно опять поднялась зловѣщая Спарта.

Кончина Спарты. Лакедемонъ окончательно разлагался. Нигдѣ не было такой продажности и роскоши, какъ здѣсь; а правленіе принадлежало самой бездарной и своекорыстной олигархіи, которая не могла защитить страну отъ разбоевъ иллирійцевъ и этолійцевъ. Отсюда стремленіе двухъ юныхъ царей-патріотовъ преобразовать отечество въ духѣ Агезилая, но путемъ общественнаго переворота. *Агисъ* возстановилъ законы Ликурга, но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ олигархи возобладали и задушили царя въ тюрьмѣ. Вскорѣ попытку Агиса повторилъ *Клеоменъ* III. Сначала онъ скрывалъ свои замыслы и, чтобы усилиться, выступилъ противъ ахейскаго союза, разбилъ Арата и захватилъ почти весь Пелопоннесъ. Затѣмъ Клеоменъ разогналъ олигарховъ и возстановилъ реформу Агиса. Къ Спартѣ уже переходила гегемонія въ Пелопоннесѣ, когда Аратъ призвалъ македонцевъ и съ ихъ помощью разбилъ спартанцевъ при *Пелласіи* (221). Клеоменъ бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ зарѣзался въ изступленіи; а въ Спартѣ началось господство *тирановъ*, которые продолжали борьбу съ своими олигархами и съ ахейскимъ союзомъ.

Македонцы, ахейцы и римляне.

Ни Спарта, ни ахейскій союзъ не могли объединить Элладу, что было бы ея единственнымъ спасеніемъ въ виду возраставшаго могущества Рима. Какъ послѣ Эпаминонда, эта задача снова выпадала на долю македонцевъ, престолъ которыхъ занялъ тогда молодой внукъ Гоната, *Филиппъ* III, подававшій большія надежды. «Никого не боюсь, кромѣ боговъ! воскликнулъ онъ и задумалъ разыграть на Западѣ роль Александра Великаго воспользовавшись борьбой Рима съ Кареагеномъ. Но для этого ему нужно было утвердиться въ Элладѣ — и здѣсь произошло тоже, что передъ херонейской битвой. Послѣ паденія Спарты, началась жестокая *союзническая война*: роль фокійцевъ играли этолійцы, роль еиванцевъ — ахейцы. Аратъ призвалъ на помощь Филиппа, который смирилъ этолійцевъ, но внезапно захватилъ Коринеъ, а отъ Арата отдѣлался посредствомъ «напитка забвенія».

Однако у Арата явился знаменитый преемникъ — *Филопеменъ*, второй Эпаминондъ, котораго онъ и взялъ себѣ въ образецъ. Потомокъ аркадской знати, отличный полководецъ, политикъ и ораторъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей эпохи, этотъ «послѣдній эллинъ» готовъ былъ положить жизнь за свободу Греціи. Но было поздно: уже выступили римляне, заключившіе союзъ съ этолійцами. Филопемену пришлось соединиться съ македонцами, за которыхъ стали всѣ греческіе патріоты. Началась почти полувѣковая *борьба эллино-македонскаго міра съ римскимъ* (214 — 168). Но Филиппъ оказался недостойнымъ великой роли. Онъ наводилъ ужасъ на острова и берега Эгейскаго м., подчиненные этолійцамъ и египтянамъ, и хотѣлъ изъ зависти отравить Филопемена. Всѣ возненавидѣли македонцевъ; а аеиняне и Лагиды сами звали римлянъ на помощь. Римляне послали имъ молодого, даровитаго поклонника эллинизма, Фламинина, который очаровалъ всѣхъ грековъ, возвѣстивъ, что пришелъ бороться «за освобожденіе Эллады отъ македонскаго ига». Филиппъ былъ разбитъ и отказался отъ всѣхъ земель, кромѣ Македоніи. Погибъ и этолійскій союзъ, а ахейцы лишились Филопемена, умершаго въ плѣну отъ яда (183). Тогда же умеръ Филиппъ III. Сынъ его, хитрый скряга, Персей, набралъ большое войско, гдѣ было много галловъ и германцевъ, но былъ уничтоженъ при *Пиднѣ* (168). Вскорѣ *Македонія* была обращена въ *римскую провинцію* (148).

Послѣдніе дни Эллады.

Настала очередь Эллады. Здѣсь патріоты уже помогали Персею, а массы ненавидѣли грубыхъ завоевателей Запада, къ которымъ льнули только олигархи По доносамъ послѣднихъ, римляне бросали въ тюрьмы множество патріотовъ за «оскорбленіе римской республики». Вереницы несчастныхъ тянулись въ Римъ «на судъ», въ томъ числѣ *тысяча Ахейцевъ* — лучшихъ послѣднихъ эллиновъ, съ историкомъ Поливіемъ во главѣ. Но оставшіеся еще разъ подняли, съ отчаянія, *Ахейскую войну*. Они дрались, на Исеѣ, какъ львы, на глазахъ у своихъ женъ и дѣтей, смотрѣвшихъ съ высотъ. Но ихъ ничтожное войско было уничтожено римскою арміей грубаго, безпощаднаго Муммія. Муммій разрушилъ сосѣдній Коринеъ до основанія, причемъ погибло множество перловъ эллинскаго искусства. *Греція была обращена въ римскую провинцію*, подъ именемъ *Ахаіи* (146): ею сталъ править суровый проконсулъ, съ «римскими розгами и сѣкирой» да съ толпой мѣстныхъ олигарховъ.

Эллада погибла не только политически, но и нравственно. Аеиняне стали презрѣннымъ народомъ. При послѣдней борьбѣ Эллады за свободу, они оставались вѣрными друзьями римлянъ, которые наградили ихъ землями, сохранили за ними право чеканить свою монету и даже оставили демократію. Аеиняне унижались передъ поработителями Греціи, льстили имъ, ставили храмы ихъ божествамъ; ихъ художники приготовляли декораціи для тріумфовъ Муммія. Въ то же время они ставили статуи сирійскимъ, египетскимъ и пергамскимъ царямъ и называли свои филы ихъ именами, потому что эти цари присылали имъ денегъ. Эллада погибла и физически. Со времени херонейской битвы сотни тысячъ гре-

ковъ разошлись по Востоку, потомъ и по Италіи, въ видѣ наемниковъ, колонистовъ, купцовъ, ученыхъ и художниковъ, а также танцоровъ, актеровъ и скоморохов. А въ самой Элладѣ царствовала тишина захолустья, слабо населеннаго забитыми и нищенскими поколѣніями. Около Р. Х. проѣзжалъ здѣсь географъ *Страбонъ*: онъ нашелъ лишь нѣсколько ничтожныхъ городовъ; на мѣстѣ Ѳивъ торчали только полуразрушенныя стѣны Кадмеи, въ которыхъ пріютилось нѣсколько одичалыхъ семействъ. Чѣмъ было бѣднѣе и пустыннѣе повсюду, тѣмъ замѣтнѣе красовались вездѣ роскошныя развалины, оставленныя, на полученіе потомкамъ, изящною просвѣщенною Элладой.

Александрійская культура. Время діадоховъ и эпигоновъ — одна изъ мрачныхъ страницъ исторіи въ политическомъ и общественномъ отношеніи: вѣчныя войны вели къ нищетѣ и паденію нравовъ. Но въ *культурномъ* смыслѣ эта пора имѣетъ положительное значеніе. Тогда совершилось *распространеніе эллинизма* по всему міру. Всюду возникали средоточія греческой цивилизаціи. Греческая рѣчь слышалась во всякомъ городишкѣ, отъ Испаніи до Инда, отъ Крыма до стовратныхъ Ѳивъ; на Востокѣ она частью стала языкомъ правительства и интеллигенціи, частью совсѣмъ вытѣснила туземныя нарѣчія. Наконецъ, тогда вообще человѣчество достигло новой ступени въ своемъ развитіи: выработался особенный типъ образованности, который господствовалъ до самаго христіанства подъ именемъ *александрійской* культуры. Значеніе школы человѣчества перешло отъ Аѳинъ къ египетской *Александріи*, которая сохраняла его вплоть до византійской эпохи. Тамъ Сотеръ устроилъ *музей* — «храмъ Музъ», гдѣ жили ученые и художники, привлекаемые отовсюду казеннымъ содержаніемъ и привилегіями. Въ немъ помѣщались также залы для лекцій и гимнастики, театръ, общая столовая, ботаническій и зоологическій сады, обсерваторіи, хирургическій и анатомическій кабинеты. Здѣсь же хранилась знаменитая *библіотека*, обнимавшая всю тогдашнюю письменность. Библіотекари были первые ученые: имъ приходилось составлять критическіе каталоги и установлять тексты старинныхъ сочиненій. Музей былъ и академіей (ученымъ обществомъ), и университетомъ: сюда стекались ученики со всѣхъ странъ слушать лекціи по всѣмъ предметамъ.

Науки. На первомъ планѣ стояли науки точныя и реальныя — *математика* и *естествознаніе*. Тогда жили творецъ геометріи, Эвклидъ, основатель механики, Архимедъ, великій астрономъ, Гиппархъ. Въ 3-мъ в. вырабатывалась *медицина*, какъ наука. Оживилось и приложеніе наукъ къ практикѣ — *техническія* искусства и ремесла. Было сдѣлано много *географическихъ* открытій. Образовалась новая *тактика*, благодаря развитію машинъ. Менѣе успѣха было въ нравственныхъ или гуманитарныхъ наукахъ; но и тутъ мы обязаны той эпохѣ пониманіемъ классической письменности: тогда старую «грамматику» замѣнила *филологія* — наука объ языкахъ и литературахъ. Отцомъ ея считается Аристархъ, имя котораго означало потомъ «критика» вообще. Александрійскіе ученые собирали и издавали древнія произведенія и установили литературный *канонъ*, раздѣливъ греческихъ писателей на классы: кто попалъ сюда, тотъ считался «классическимъ», образцовымъ авторомъ. Къ ихъ средѣ принадлежали и *70 толковниковъ* — коммиссія изъ 70 еврейскихъ ученыхъ, сдѣлавшихъ переводъ Ветхаго Завѣта на греческій языкъ, извѣстный подъ именемъ *Septuaginta* (Семьдесятъ). Рядомъ съ филологіей продолжала процвѣтать *риторика*, которая проникала всюду, кромѣ реальныхъ наукъ: въ 3-мъ в. возникли знаменитыя ораторскія школы во всѣхъ городахъ, но ихъ отличіемъ была напыщенная декламація, вошедшая въ пословицу. Въ *политическихъ* наукахъ замѣтенъ глубокій упадокъ, такъ какъ тогда всюду разлагались старыя государственныя формы. По примѣру Аристотеля, многіе писали о государствѣ вообще; но это были легкія статейки. Еще больше было *историковъ*. Тогда даже туземцы стали писать историческія сочиненія: таковы Манеѳонъ египетскій и Берозъ вавилонскій. Но всѣ они подра-

жали историку 4-го в., Эфору, который первый составилъ «всеобщую» исторію. Эфоръ — образецъ отсутствія критики и вкуса: его подражатели отличались страстью къ чудесному и крайнимъ риторствомъ. Одинъ только историкъ заслуживаетъ вниманія — Поливій. Это — отецъ новѣйшей исторіографіи: онъ изобрѣлъ *прагматизмъ*, т. е. критическое описаніе событій съ указаніемъ ихъ причинъ и слѣдствій.

Философія. Изъ нравственныхъ наукъ выдавались только *философія.* Она стала такимъ же признакомъ благовоспитанности, какъ греческій языкъ. Философія проникала во всѣ круги общества, во всѣ отрасли литературы; образъ жизни людей подлаживался подъ какую-нибудь философскую систему; политическіе преобразователи исполняли предписанія философовъ. Успѣхъ философіи объясняется разложеніемъ основъ стараго быта, въ особенности политеизма, и отсутствіемъ новыхъ началъ. При всѣхъ очарованіяхъ матеріальной жизни, общество скучало безъ идеаловъ; и масса ударялась въ суевѣрія, а интеллигенція искала въ философіи указаній на цѣль жизни и на путь къ истинѣ. Тревожное состояніе умовъ отразилось въ появленіи *скептицизма* (сомнѣнія) или отрицательныхъ ученій. Философскій скептицизмъ былъ созданъ современникомъ Александра Великаго, Пирромомъ элидскимъ, ученики котораго дошли до того, что сомнѣвались въ дѣйствительности самого сомнѣнія. Торжествомъ скептицизма по отношенію къ политеизму была «Священная Исторія» Эвгомера: она доказывала, что боги и герои были простыми смертными.

Подлѣ скептицизма развивались положительныя направленія въ философіи, преимущественно въ Аѳинахъ. Академія и лицей не переставали привлекать слушателей; но здѣсь не шли дальше толкованій Платона и Аристотеля. Господство надъ умами принадлежало двумъ новымъ школамъ — *стоической* и *эпикурейской*, которыя примыкали къ циникамъ и киренаикамъ. Основателемъ стоицизма былъ Зенонъ (ок. 300), человѣкъ съ желѣзной силой воли, закалившій свое слабое тѣло лишеніями или «аскетикой» (упражненіемъ). По образу жизни, онъ былъ циникомъ, но чистымъ, облагороженнымъ; онъ ставилъ честь и убѣжденія выше всего на свѣтѣ, говорилъ кратко, былъ мраченъ и несообщителенъ. Гнушаясь внѣшними благами жизни, онъ уморилъ себя голодомъ въ старости. Ученіе Зенона, получившее названіе отъ одной стои въ Аѳинахъ, гдѣ онъ преподавалъ, соотвѣтствовало его характеру. Его сила заключалась въ этикѣ, основанной на фатализмѣ: отсюда неизбѣжность «апатіи» (безстрастія). Самоубійство было въ большомъ ходу у стоиковъ. Несмотря на свою гордость, недоступность и самовеличаніе, стоики имѣли огромное вліяніе, благодаря своему нравственному героизму, преданности добру и общему благу до самозабвенія. Эпикуръ былъ лѣтъ на 20 моложе Зенона; онъ жилъ въ Аѳинахъ, въ прелестномъ домикѣ, утопавшемъ въ зелени. Вопреки Зенону, онъ выдвигалъ индивидуальность, «блаженство» отдѣльной личности, которое видѣлъ въ «свободѣ отъ всего непріятнаго и дѣйствующаго болѣзненно», во внутреннемъ мірѣ. Самъ Эпикуръ былъ образцомъ нравственности и простоты и довольствовался малымъ. Но ученики исказили его ученіе, стремясь къ воздѣйствію и къ чувственнымъ наслажденіямъ закоренѣлыхъ эгоистовъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать «эпикуреизмъ», какъ важное культурное явленіе, замѣнившее собою сибаритизмъ.

Поэзія. Поэзія александрійской эпохи представляетъ жалкій видъ: какъ будто все творчество ушло въ науку. Ею занимались не поэты, а ученые, которые вносили въ нее педантическое стремленіе къ многознанію. Ея любимыми темами были изслѣдованія изъ области астрономіи, медицины и этнографіи, или же длинныя разсужденія о такой старинѣ, какъ походъ Аргонавтовъ и Троянская война. Словомъ, преобладали *дидактическія* (поучительныя) стихотворенія, притомъ писанныя длинными и неуклюжими «александрійскими» стихами. Если же поэтъ задавался мыслью пріукрасить форму, то выходило хуже. Онъ то изобрѣталъ

«акростихи», то такъ распоряжался длиной стиховъ, чтобы выходилъ на бумагѣ какой нибудь рисунокъ — яйцо, флейта, крылья и т. д. Эти стихоплеты брались за все и были необыкновенно плодовиты; но только два рода поэзіи дѣйствительно процвѣтали — *сатира* (съ пародіей) и *идиллія*. Особенно прославился, какъ сатирикъ, Мениппъ, давшій имя колкимъ пьесамъ, въ которыхъ стихи перемѣшиваются съ прозой. Выше сатиры стояла идиллія, особенно въ Сициліи, гдѣ долго сохранялась древняя патріархальность. Өеокритъ былъ образцовымъ идилликомъ, которому подражали потомъ всѣ поэты этого рода.

Искусство также падало. То было простое подражаніе великимъ образцамъ 4-го вѣка, ударявшееся въ эффектность. Его отличія — излишество въ *украшеніяхъ* да *колоссальность*, соотвѣтствовавшая обширнымъ предпріятіямъ Александра. Тогда-то явился «Колоссъ Родосскій» — «чудо свѣта» въ 15 саженей вышины. Но встрѣчались и такія замѣчательныя статуи, какъ Лаокоонъ, Аполлонъ Бельведерскій и Умирающій Гладіаторъ. Зодчество служило практическимъ цѣлямъ — украшенію городовъ и дворцовъ, особенно въ Сициліи. Въ немъ господствовалъ *эклектизмъ* — смѣшеніе стилей, но съ преобладаніемъ коринөской капители. Живопись служила лишь вкусу богачей, раскраскѣ ихъ палатъ. Зато развилась *глиптика* (рѣзьба): при дворахъ любили украшать *геммами* (рѣзные камни) кубки, лампы и проч. Особенно были въ модѣ *камеи* (выпуклые камни). Искусство.

Эллада — первый образецъ *цѣльнаго историческаго развитія*, и одинъ изъ самыхъ удачныхъ. Въ лицѣ грековъ человѣчество достигло великихъ открытій, разработка которыхъ составляетъ сущность цивилизаціи до нашихъ дней. Въ *политикѣ* мы видимъ здѣсь почти всѣ государственныя формы и выработанную систему колонизаціи; подконецъ явились даже попытки государственныхъ теорій. Въ *поэзіи* у эллиновъ встрѣчаются не только всѣ извѣстныя формы, но и образцовыя произведенія. Въ *искусствѣ* они достигли еще большихъ успѣховъ: никто не превзошелъ ихъ въ пластикѣ и зодчествѣ. Въ *наукѣ* мы обязаны имъ самымъ понятіемъ о ней, какъ о «системѣ», а также терминами; сверхъ того, къ нимъ сводится начало всѣхъ основныхъ наукъ нашего времени. Такъ почти во всѣхъ областяхъ культуры Грецію можно назвать *школой человѣчества*, подобно тому, какъ Периклъ называлъ Аѳины «школой Эллады». Это подтверждается исторіей Римская и византійская культуры заимствованы изъ Эллады. Средніе вѣка, незнакомые съ Элладой; называются эпохой варварства и невѣжества; новое развитіе человѣчества началось, въ концѣ среднихъ вѣковъ, съ «Возрожденія» эллинской культуры. До сихъ поръ на каждомъ шагу встрѣчаются то термины и познанія, то мысли, выработанныя въ Греціи. Если мы больше изучаемъ латинскій языкъ, то потому, что римляне были популяризаторами эллинизма и сохранили многое изъ утраченнаго наслѣдства грековъ. Въ послѣднее время мы опередили эллиновъ въ религіи, наукѣ, политикѣ, музыкѣ, живописи и матеріальной культурѣ; но въ поэзіи, особенно же въ ваяніи и зодчествѣ, мы отчасти стоимъ наравнѣ съ ними, отчасти ниже. Эллинъ былъ художникомъ по преимуществу: никто и никогда не придавалъ такого значенія формѣ, красотѣ, внѣшней гармоніи. *Проявленіе изящнаго во всѣхъ областяхъ жизни*—вотъ существенное отличіе исторіи древней Греціи. Значеніе Эллады.

Эллины первые достигли величайшихъ результатовъ историческаго развитія; трудъ ихъ былъ такъ тяжелъ, что естественно встрѣтить крупные недостатки въ эллинизмѣ. Греки не могли выбиться изъ узкихъ рамокъ мѣстнаго, племенного патріотизма, дойти до пониманія націи. До самаго Филиппа I въ разныхъ республикахъ были даже свои монеты и свои названія мѣсяцевъ. Отсюда гибельная раздробленность Эллады, которая вела къ вѣчному и ожесточенному *междоусобію*. Духъ раздоровъ, сварливости гнѣздился даже внутри каждой республики. Припоминая, какъ аѳиняне сами губили своихъ Милтіадовъ, Өемистокловъ, Алки-

віадовъ, Сократовъ, можно сказать, что Эллада — счастливая, но ужасная мать, поѣдающая собственныхъ знаменитыхъ дѣтей.

Но самый важный недостатокъ эллинизма связанъ съ его главнымъ достоинствомъ — съ художественностью. Грекъ слишкомъ поклонялся формѣ, внѣшности; подконецъ въ его жизни сталъ особенно выдвигаться матеріализмъ, и весь бытъ принималъ *риторическій* оттѣнокъ. Оттого лучшіе умы стали возставать противъ основъ эллинизма. Этотъ протестъ исподволь проявлялся давно: онъ видѣнъ у первыхъ философовъ, въ элевзинскихъ таинствахъ и пиѳійскихъ играхъ, въ Перикловой идеѣ федераціи, а всего болѣе въ отрицательномъ направленіи софистовъ и въ ученіи Сократа. Но сильнѣе всего выразился онъ въ философіи Платона, съ ея неэллинскими чертами — со стремленіемъ къ идеализму и космополитизму. То же проглядываетъ даже у реалиста Аристотеля и у друга спартанства, Ксенофонта, а также въ искусствѣ. Въ это-то время, когда чувствовалась несостоятельность эллинизма, явился Александръ съ его идеей міроваго царства, гдѣ всѣ народы должны были слиться подъ вліяніемъ политическаго равноправія и единой высшей культуры. Мы уже на порогѣ между древнею и новою исторіей, тѣмъ болѣе, что тогда выступили *римляне*, какъ міровая сила: они были проникнуты тѣмъ же стремленіемъ къ новому міровоззрѣнію и своими завоеваніями способствовали его подготовкѣ даже больше, чѣмъ Александръ.

ЛЕКЦІЯ ОДИННАДЦАТАЯ.

III. Римъ.

Цари 753 — 509.

Природа Италіи. Италія — самый малый изъ трехъ южныхъ полуострововъ Европы. По своей природѣ, она распадается на три части. *Сѣверная* Италія простиралась въ древности, на югѣ, до р. Рубикона, впадающаго въ Іоническое (Адріотическое) м. Это—долина судоходной рѣки Пада (По), бывшая одною изъ житницъ Европы. Ея русые и полные жители напоминали сѣверныхъ европейцевъ. Къ Сѣверной Италіи принадлежала Галлія Цизальпинская («по сю сторону Альпъ»): настоящая страна галловъ (Франція) называлась Галліей Трапзальпинской (по ту сторону Альпъ») за Рубикономъ тянется Апеннинскій полуостровъ, сѣверная часть котораго образуетъ *Среднюю* Италію. Онъ усѣянъ холмами, на которыхъ, также какъ и на вершинахъ голыхъ Апеннинъ, попадаются озера. Благодаря изобилію горныхъ ручьевъ и южному климату, въ Средней Италіи было много травы: здѣсь сохранялось суровое, грубое пастушеское населеніе. Небольшія равнины встрѣчались только у моря, да и тѣ прерывались зловредными болотами: таковы Понтинскія болота между Римомъ и Неаполемъ и то убійственное у Ахерзскаго оз. (близъ Неаполя), которое считалось входомъ въ преисподнюю. Только у Тирренскаго м. было три маленькихъ, но очень плодородныхъ равнины — *Этрурія, Лаціумъ и Кампанія.* На этомъ берегу встрѣчались такъ же удобныя бухты, тогда какъ берегъ Адріатики славился своею негостепріимностью. За Неаполемъ идетъ *Южная* Италія, которая называлась въ древности, какъ мы видѣли, *Великою Греціей.* Здѣсь и природа напоминала Элладу: благодаря этой-то части полуострова, древніе называли Италію Гесперіей — страной счастья, гдѣ растутъ золотыя яблоки. Люди здѣсь худые, мускулистые, темно-кожіе, съ рѣзкими чертами южанъ.

Самыя удобныя, по природѣ, страны лежали на западной сторонѣ Апеннинскаго полуострова. Здѣсь и лучшая береговая линія, хотя далеко не такъ богатая,

какъ въ Аттикѣ: весь полуостровъ скорѣе напоминаетъ Пелопоннесъ. Его внутренность, особенно Апулія, это — итальянскія Аркадіи, гдѣ процвѣтало скотоводство, отъ котораго и произошло имя Италія (по — гречески «италосъ» — быкъ). Лаціумъ и Кампанія, это — благодатныя долины Лакедемона и Мессеніи. Но въ Кампаніи природа была черезчуръ щедра: она разслабляла населеніе нравственно, какъ доказали воины Ганнибала. Равнина Лаціума всего болѣе вызывала человѣка къ труду и трезвости. Этому итальянскому Лакедемону не мѣшали Аѳины: колоніи Великой Греціи, какъ иностранки, не могли достигнуть значенія морскихъ державъ. А въ Лаціумѣ сама природа призывала Римъ къ объединительной задачѣ: благодаря Апеннинамъ, строеніе полуострова довольно однообразно; ихъ незначительныя развѣтвленія не могли разбить населеніе на множество городовъ — республикъ. Затѣмъ *срединное* положеніе на Средиземномъ м. доставляло Италіи міровое значеніе: она могла распространить свое вліяніе на всѣ берега этого историческаго моря и сама могла пользоваться культурой всего древняго міра.

Первобытное населеніе. Въ первобытныя времена Италія кишела всякими племенами. Прежде всего (ок. 2.000 л. до Р. Х.) прикочевали сюда изъ-за Балканъ смѣлые *пелазги*, занявшіе восточную часть полуострова. То были осѣдлые земледѣльцы; греки называли тогда Италію то страной быковъ, то страной вина. Лѣтъ за 1.500 до Р. Х. оттуда же прибыли родственные эллинамъ *италики*. Они утвердились въ средней Италіи до того, что народъ потомъ считалъ ихъ «аборигенами» (первоначальниками). Италики распадались на двѣ вѣтви — западную или *латинскую* и восточную или *умбро-сабельскую*. Латины или жители Лаціума, т.-е. «широкой» равнины, считались «старыми», самыми древними. Въ умбро-сабельской отрасли главную роль играли обитатели Абруццъ, *сабины*. Имъ было тѣсно въ этой горной трущобѣ: и у нихъ возникъ обычай «священной весны» — выселеніе молодежи въ извѣстные сроки. Такъ они колонизовали южную Италію. Еще позже (ок. 1.000 л. до Р. Х.) прикочевали изъ-за Альпъ *этруски*. Они осѣлись у западнаго берега, до Тибра. Судя по изображеніямъ на памятникахъ и по надписямъ, это — туранцы. Приходъ этрусковъ объясняется движеніемъ *кельтовъ* изъ Галліи, которые спустились за ними въ сѣверную Италію, гдѣ подчинились вліянію италиковъ: обитателей Цизальпинской Галліи называли «галлами въ плащахъ», въ отличіе отъ кельтовъ Транзальпины или «галловъ въ шароварахъ». Наконецъ, югъ Италіи занимали *эллины*, приведенные, по преданію, героями Троянской войны (сынъ Энея, Асканій и др.). Первыя греческія колоніи (1.200—1.000 л.) не могли процвѣтать рядомъ съ такими мореходцами, какъ этруски и карѳагеняне; разбогатѣли только Кумы, которые сами основали Неаполь и Мессину.

Культура этрусковъ. Больше всего мы знаемъ объ этрусскахъ и италикахъ. Этруски, процвѣтавшіе въ 1.000—500 г., обладали замѣчательною культурой. Это былъ мирный, *торговый* народъ, господствовавшій въ западномъ бассейнѣ Средиземнаго м. Въ ихъ гаваняхъ тѣснились корабли финикіянъ, грековъ и карѳагенянъ, привозившіе даже янтарь съ береговъ Балтики. Въ самой Этруріи было много рудъ. Она славилась обработкой металловъ, а также гончарнымъ искусствомъ: эти произведенія, въ особенно ярко раскрашенныя вазы, дорого покупались даже въ Элладѣ. Замѣчательны также инженерныя сооруженія, напоминавшія Египетъ — дѣйствующіе и теперь водопроводы, мосты дороги. Культура этрусковъ — плодъ иностраннаго, особенно *греческаго вліянія*. Послѣднее отразилось наиболѣе въ искусствѣ, гдѣ оно искажалось только прибавкой финикійскихъ чертъ. У грековъ были заимствованы даже письмо (ок. 650) и монета. Только все это было грубо: этруски не пошли дальше дорическаго стиля; а гробницы, которыми усыпана Этрурія, напоминаютъ ходы въ пирамидахъ и ихъ саркофаги. Дома у этрусковъ были греческаго фасона. Этруски любили и ваяніе: ихъ гробницы усѣяны барельефами; было много и мѣдныхъ статуй. Но это — грубая работа, щеголявшая фантастичностью и чувственною роскошью.

Такова же религія этрусковъ. Ихъ высшіе, «сокровенные» боги напоминали Фатумъ; а подлѣ нихъ была масса страшныхъ духовъ и демоновъ, кишѣвшихъ во всѣхъ предметахъ. Все это жаждало крови и страданій: этруски приносили въ *жертву* много рабовъ и плѣнныхъ и предавались самоистязанію. Религія была отраженіемъ мрачной участи массъ — пелазговъ и умбровъ, которыхъ угнетали завоеватели этруски, бывшіе и правителями, и жрецами. Этруски жили весело и роскошно, увлекаясь потѣшными боями (рим. гладіатура), въ 12-ти богатыхъ городахъ, составлявшихъ союзъ. Глава союза, царь царей, сидѣлъ на престолѣ («курульское кресло» римлянъ), носилъ пурпурную тогу; его сопровождали 12 чиновниковъ (рим. «ликторы»), носившихъ пукъ розогъ съ сѣкирой по срединѣ. Значеніе этрусковъ состоитъ во *вліяніи на Римъ*, при его зарожденіи.

Культура италиковъ. Разлучившись съ греками, италики совсѣмъ измѣнились: они утратили поэтичность, художественность. Часть ихъ, горцы *сабины*, совсѣмъ были лишены культуры: здѣсь не было городовъ, господствовалъ родовой бытъ; деревушки лишь изрѣдка объединялись, выбирая общаго «императора» (полководца). Сабины важны только, какъ колонизаторы. Главными богами у нихъ были свирѣпый *Марсъ*, почитаемый въ видѣ щита и копья, да грозный *Вулканъ* (подземная огненная сила), жрецы котораго прыгали черезъ пылающіе костры. Самыми развитыми изъ италиковъ были проворные, веселые, насмѣшливые *латины*. Они жили родами-деревнями, которыя соединялись въ гражданскія общины или маленькія государства (civitas), съ Капитоліемъ («главизна») или кремлемъ во главѣ. Когда Капитолій обносился стѣной, тогда возникалъ городъ (urbs, отъ orbis — кругъ). Такихъ городовъ-общинъ насчитывалось въ Лаціумѣ до 30. Въ каждомъ изъ нихъ были свой царь, свой сенатъ (совѣтъ «старцевъ») и комиціи (сходки) всего народа. Всѣ жители были одинаково свободны и полноправны. Всѣ города составляли *латинскій союзъ*, во главѣ котораго стоялъ древнѣйшій изъ нихъ — Альба-лонга (Бѣлая-Длинная).

Латины обоготворяли сначала природу: цвѣты и весна были у нихъ богинями *Флорой* и *Венерой*, домашній очагъ — *Вестой*. Храмъ Весты считался какъ бы очагомъ цѣлой общины. Въ немъ горѣлъ неугасимый огонь, поддерживаемый *весталками*, — непорочными жрицами изъ лучшихъ семей города: эти «дочери народа» пользовались великимъ почетомъ; преступника освобождали отъ казни, если повстрѣчается весталка. Впослѣдствіи возвысились иные боги — *Фортуна* (Счастье), ея дѣти, *Юпитеръ* съ *Юноной*, похожіе на Зевса и Геру, и *Янусъ*. Особенно любили этого двуликаго Януса, бога Солнца, который утромъ открывалъ двери неба, а вечеромъ закрывалъ ихъ; его храмъ отворялся только во время войны, чтобы молиться за ратниковъ. Янусу соотвѣтствовала *Діана*, похожая на Артемиду: ей служили въ чащѣ лѣсной, у источниковъ. Наконецъ, у латиновъ появились чужіе боги — сабинскій *Марсъ* и греческіе Кронъ и Аѳина-Паллада, переименованные въ *Сатурна* и *Минерву*. Впрочемъ, для латина важнѣе были духи (демоны). У каждаго мужчины былъ свой *геній*, у каждой женщины — своя *юнона*: это — добрые духи, хранители человѣка; а когда онъ умиралъ, его геній продолжалъ жить, какъ *ларъ* — нѣчто вродѣ домового. Лары цѣлаго города назывались *пенатами*. Было и много злыхъ духовъ, но больше подъ землей: полководцы приносили себя имъ въ жертву, чтобы выиграть битву. Латины думали о загробной жизни такъ же, какъ греки. Обряды состояли изъ грубыхъ плясокъ и пѣсенъ, а больше — изъ жертвенныхъ пировъ. Не было ни идоловъ, ни храмовъ и жрецовъ: каждый отецъ семейства былъ жрецомъ. Только для ворожбы состояли особые люди — *авгуры* и *понтифексы* («строители мостовъ»). Понтифексы были инженерами и зодчими; они надзирали за исполненіемъ обрядовъ и законовъ. Глава ихъ, «великій понтифексъ», выбиралъ и рѣшалъ ихъ судьбу. Вообще религія италиковъ разсудочна, служитъ практическимъ цѣлямъ.

Преданія о началѣ Рима.

Подобнымъ же характеромъ отличаются сказки латиновъ о началѣ римскаго государства. Тутъ извѣстны разсказы о прибытіи Сатурна, Геракла и Энея, объ Янусѣ и его потомкахъ, Латинѣ и Реѣ, Сильвіи, родившей отъ Марса близнецовъ, Ромула и Рема, вскормленныхъ волчицей и дятломъ. Далѣе видимъ, какъ Ромулъ, убившій брата, далъ свое имя новому городу, Риму (Roma), построенному имъ въ 753 г., на семи холмахъ, изъ которыхъ *Палатинъ* послужилъ основаніемъ для кремля. У римлянъ не было женъ — и они похитили ихъ у сосѣднихъ сабинянъ, приглашенныхъ на пиръ. Воинственный Ромулъ исчезъ таинственно: сенаторы объявили, что онъ отправился на небо — и римляне стали молиться ему, какъ богу Квириту (копьеносцу). Всѣ эти преданія позднѣйшаго происхожденія. Въ нихъ вѣрно только слѣдующее: римляне раньше всѣхъ латинъ перешли къ городской и государственной жизни; они — смѣсь латинскихъ и сабельскихъ народцевъ; похищеніе сабинокъ — свадебный обрядъ умыванія, а волчица и дятелъ — животные Марса; Палатинъ — древнѣйшій поселокъ, слѣды котораго долго сохранялись; Ромулъ убитъ собственною дружиной; латины уже находились въ сношеніяхъ съ греками.

Первые цари.

Даже весь царскій періодъ (753 — 509) проникнутъ преданіями. Проемникъ Ромула, сабинъ Нума Помпилій — олицетвореніе миролюбиваго и щедраго устроителя государства: ему помогала совѣтами нимфа Эгерія, обитавшая въ пещерѣ, въ лѣсной чащѣ. Нума далъ первые законы и календарь и даже заимствовалъ гаданья у этруссковъ. Внукъ его, Анкъ Марцій, завелъ суды и первую тюрьму, а также покровительствовалъ торговлѣ и промысламъ: онъ устроилъ гавань Рима — *Остію*, у устьевъ Тибра. Онъ до того любилъ бѣдняковъ, что его прозвали Добрымъ. Рядомъ шло расширеніе Рима путемъ за-воеваній, начиная съ Альбалонги (сказка о поединкѣ Горацiевъ и Куріаціевъ). Для него много сдѣлалъ этрусскій выходецъ, который самъ сталъ, наконецъ,царемъ, подъ именемъ *Тарквинія I Стараго.*

Династія Тарквиніевъ.

Тарквиній основалъ цѣлую династію, которая принесла много пользы Риму. Самъ онъ заимствовалъ многое изъ Этруріи — ликторовъ, курульское кресло, царскую тогу, *тріумфъ,* — торжественное возвращеніе побѣдителя на колесницѣ. Онъ прославился полезными сооруженіями. На холмѣ Капитоліѣ былъ воздвигнутъ соборный храмъ; у его подножія были устроены *форумъ* (рынокъ) и *комиціи* (площадь для сходокъ), а дальше — *великій циркъ* (ристалище для «римскихъ игръ», походившихъ на олимпійскія); черезъ Тибръ перекинули деревянный мостъ; всюду провели клоаки (подземныя канавы) для осушки болотъ. Тарквинію помогалъ сынъ Вулкана, латинецъ Сервій Туллій: онъ обнесъ городъ крѣпкою стѣной съ бойницами, вызволялъ бѣдныхъ, выкупалъ должниковъ и рабовъ. Народъ избралъ его царемъ, по смерти Тарквинія. Но злой сынъ послѣдняго, съ помощью знати и богачей, зарѣзалъ Сервія и воцарился самъ, подъ именемъ *Тарквинія II Гордаго.* Этотъ Тарквиній былъ образцомъ деспота. Окруженный тѣлохранителями, онъ угнеталъ бѣдныхъ и знатныхъ, былъ гнѣвенъ и высокомѣренъ. Тарквиній, его кровожадная жена и порочный сынъ, Секстъ, наводили ужасъ даже на своихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, добрый и умный *Юній*, спасъ свою жизнь только хитростью: онъ притворился юродивымъ, говорилъ вздоръ, лаялъ пособачьи, такъ что его прозвали *Брутомъ* (Дурачкомъ). Подъ этой личиной онъ могъ толкаться среди народа, который очень любилъ его, а также его друга и родственника, *Коллатина.* Лѣтъ 25 переносилъ народъ иго деспота. Наконецъ, Секстъ довелъ до самоубійства прекрасную женщину, Лукрецію, жену Коллатина. Брутъ и Коллатинъ вынесли трупъ Лукреціи на форумъ, причемъ Брутъ сбросилъ маску и сказалъ горячую, умную рѣчь народу. Тотчасъ же выгнали изъ города всѣхъ родственниковъ и друзей Тарквинія и заперли ворота. Сходка рѣшила, что царское достоинство отмѣняется, а Тарквиніи признаются врагами отечества. Это событіе произошло въ 509 году.

Такъ кончился первый, царскій періодъ римской исторіи. Въ преданіяхъ о немъ только слѣдующее. Римъ завоевывалъ окрестныя мелкія общины, приближался къ морю съ торговою цѣлью и заимствовалъ этрусскую культуру: тутъ начало римскаго зодчества. Римъ подвергался внутреннимъ волненіямъ, что повело къ преобразованіямъ Сервія, похожимъ на реформу Солона, жившаго въ то же время.

Земледѣліе и семья.

Въ царскій періодъ Римъ былъ крестьянскимъ государствомъ. Каждый «римскій гражданинъ» (civis romanus) или «отецъ семейства» (pater familias) былъ *земледѣльцемъ*. Онъ жилъ въ своей *виллѣ* (сельской усадьбѣ) — въ мазанкѣ съ высокой соломенной крышей. Въ его атріумѣ сидѣла матрона — «мать семейства» за деревенскою работой, выкраивая для всѣхъ бѣлую *тунику* (короткую рубаху-безрукавку) и строя мужу войлочную шляпу съ широкими полями. Когда римлянинъ шелъ въ городъ, онъ надѣвалъ верхнюю одежду, *тогу* («покрывало») — бѣлый шерстяной плащъ, такой же, какъ у эллиновъ. Тогда считалась почетною одеждой: никто не смѣлъ носить ее, кромѣ римскаго гражданина, Римлянинъ рѣдко ходилъ въ городъ: онъ проводилъ время въ полѣ.

Хлѣбопашество было сильно развито. На заднемъ планѣ стояло огородничество, виноделіе и разведеніе оливковыхъ деревьевъ. Рогатый скотъ держали только для плуга, но мелкій разводили въ изобиліи. Собственность состояла лишь изъ рабовъ и скота: деньги назывались *pecunia* (pecus — скотъ). Но вскорѣ земля была раздѣлена на участки, розданные въ собственность отцамъ семействъ. Впрочемъ, земли все еще было такъ много, что и послѣ раздѣла часть оставалась въ общемъ владѣніи и вмѣстѣ съ лугами, *ager publicus*, т.-е. общественнымъ (государственнымъ) полемъ. Римляне очень дорожили землей и боялись не только продавать, но и дробить ее: обыкновенно братья не раздѣлялись, сообща обрабатывали отцовскій участокъ; а дѣвицъ старались отдавать замужъ за сосѣднихъ родичей, чтобы ихъ приданое не выходило изъ рода.

Римская *семья* основывалась на строгой родительской власти: отецъ былъ господиномъ надъ всѣмъ, что находилось въ семьѣ. Матрона пользовалась большимъ почетомъ только потому, что была жена римскаго гражданина. Но передъ лицомъ мужа матрона была такая же собственность, какъ и всякая вещь въ домѣ. Мужъ имѣлъ право прогнать ее, продать въ рабство и даже убить. Умретъ онъ — вдова поступаетъ въ опеку (tutela) къ взрослымъ сыновьямъ, какъ сестра — къ братьямъ. Хотя у женщины и была собственность, но она не могла распоряжаться ею, также какъ сумасшедшіе и несовершеннолѣтніе. Только дочь могла освободиться отъ власти отца, именно если она выходила замужъ, впрочемъ опять-таки съ согласія отца. Впрочемъ и тутъ она только мѣняла господина — поступала «въ руки къ мужу». Но сынъ никогда не могъ освободиться отъ власти отца. Онъ подлежалъ ей съ самаго рожденія. Ребенка клали у ногъ отца, который могъ оттолкнуть его — и тогда малютку выбрасывали или убивали. Отецъ могъ казнить смертью своего сына или продать его въ рабство; и если даже купившій отпускалъ его, онъ все-таки возвращался подъ власть отца. Когда сынъ женится, и отецъ дастъ ему отдѣльное хозяйство, онъ все-таки принадлежитъ отцу, притомъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ, заработаннымъ собственными руками.

Рабы и кліенты.

Во власти отца семейства находились еще *рабы* — плѣнные, преступники и должники. Больше всего было должниковъ: заимодавецъ имѣлъ право тиранить несостоятельнаго заемщика, какъ хотѣлъ. Если же кредиторовъ было нѣсколько, то они имѣли право убить своего должника и раздѣлить трупъ между собой. Всякій рабъ также признавался вещью. Если его отпускали на волю, онъ все-таки не становился гражданиномъ: онъ пользовался только личною свободой; но у него ничего не было за душой. «Отецъ семейства» давалъ ему землицу, но съ тѣмъ, чтобы тотъ принялъ его фамилію и давалъ денегъ, сколько ни потребуетъ.

Онъ становился его *патрономъ* (почетный отецъ), а тотъ — его *кліентомъ* или «слугой». Патронъ всегда могъ отнять землю у своего слуги; а по смерти кліента, и его движимость переходила къ нему. Впрочемъ, такъ какъ кліентъ входилъ въ семью патрона, то установлялись патріархальныя, почти родственныя отношенія или взаимная «преданность» (pietas): патронъ заботился о кліентѣ, какъ о своемъ сынѣ; они не могли судиться между собой. Кромѣ отпущенниковъ, въ кліенты поступали и всѣ неимущіе не-граждане — «гости» (чужестранцы), обезземеленные, покоренные и пр. Кліентство избавляло Римъ отъ городского нищенства и способствовало колонизаціи: колоніи составлялись изъ кліентовъ.

Патриціи и куріи.

Управленіе покоилось на родовомъ бытѣ. *Родъ* (gens — 10 семействъ однофамильцевъ) имѣлъ свое поле съ кладбищемъ, своихъ пенатовъ, свои праздники. Родичи держали свои совѣты и совершали кровомщеніе. Каждый родъ выставлялъ всадника и сенатора, каждая семья — вооруженнаго пѣхотинца. Весь родъ наслѣдовалъ родичу, не оставившему ни дѣтей, ни завѣщанія. Римскимъ гражданиномъ считался лишь тотъ, кто принадлежалъ къ одному изъ родовъ: только онъ былъ истиннымъ «отцомъ» или «сыномъ отца»; римляне ни называли себя то *patres*, то *patricii*. Первоначально въ Римѣ было всего 100 родовъ; но когда въ него переселились сабины и латины, тогда каждый изъ трехъ народцевъ составилъ *трибу*, или «часть» цѣлаго гражданства, по 100 родовъ въ каждой. 10 родовъ составляли *курію* или «попечительство». У куріи также были свои святыни, свой жрецъ, свои праздники. Она собирала подати и солдатъ. Курій было 30. Когда дѣло касалось всего римскаго государства, онѣ собирались на сходку или *комиціумъ* подлѣ форума. Куріатныя комиціи, на которыхъ дѣла рѣшались большинствомъ курій, а не поголовной подачей голосовъ, пользовались большою властью. Онѣ избирали царя, который самъ не издавалъ законовъ, а только предлагалъ на утвержденіе сходки *рогацію*, или «просьбу» объ изданіи закона. Сходка же назначала «междуцаря», когда одинъ царь умиралъ, а другого еще не успѣвали выбрать. Она могла отмѣнить смертный приговоръ царя, если осужденный обращался къ ней за помилованіемъ. Она рѣшала также вопросъ о войнѣ и мирѣ.

Царь и сенатъ.

Но много власти было и у *царя*, который одинъ составлялъ все правительство. Онъ только назначалъ себѣ помощниковъ на судѣ — *квесторовъ* и оставлялъ *префекта города* (или «второго себя»), когда удалялся изъ Рима. Но онъ могъ и не назначать ихъ: это были какъ бы его частные секретари, наемные помощники. Въ немъ одномъ сливались всѣ государственныя должности: оттого онъ и назывался *rex*, т.-е. «вождь» народа, руководитель (отсюда «директоръ»). У его жилища горѣлъ огонь Весты и помѣщалась казна. Царь былъ главой религіи: онъ совершалъ жертвы и гаданія за народъ; ему были подчинены жрецы. Царь былъ единственнымъ судьей и полководцемъ; лишь по своему желанію онъ назначалъ въ помощь себѣ *трибуновъ*, или начальниковъ «частей» войска. Доходы царя были огромны. Въ его пользу шли всякія пошлины и плата за пользованіе общественнымъ полемъ. Онъ могъ заставить каждаго гражданина работать на своихъ обширныхъ земляхъ. Онъ же безотчетно распоряжался *эраріумомъ* (казной), и *трибутомъ* — налогомъ, который собирали со всѣхъ гражданъ, въ случаѣ войны, и потомъ возвращали. Такимъ образомъ, вся «имперія» или правительственная власть принадлежала царю. Этому соотвѣтствовали *инсигніи* — внѣшніе знаки царскаго достоинства. Царь восѣдалъ, въ пурпурной тогѣ, на курульскомъ креслѣ, съ посохомъ изъ слоновой кости, украшеннымъ орломъ наверху, въ золотомъ вѣнкѣ. За царемъ слѣдовали 24 ликтора съ розгами и сѣкирой — знакъ, что онъ можетъ наказывать гражданъ.

Но власть царя была ограниченнѣе власти гомерическаго базилевса: онъ былъ избирательнымъ; сходка имѣла болѣе правъ, чѣмъ агора; имѣлъ значеніе и

сенатъ, въ которомъ было по одному «старцу» отъ каждаго рода. Сенаторы носили тогу и башмаки, какъ у царя, и были пожизненны.

Плебеи. Римскихъ гражданъ, патриціевъ, которые соотвѣтствовали эвпатридамъ, было немного; и число ихъ уменьшалось отъ постоянныхъ войнъ. Но въ Римѣ было много не-гражданъ, называвшихся *плебсомъ*, т.-е. «множествомъ, толпой», и соотвѣтствовавшихъ аѳинскому «демосу». Тутъ были не только бѣдняки, но и богачи, даже знать только не туземная, а пришлая. Плебсъ, напоминающій періэковъ Лаконіи, составляли прежде всего покоренные латины, затѣмъ «гости» (переселенцы) и отпущенники. Плебеи могли торговать, заниматься промыслами, богатѣть. Ихъ защищалъ самъ царь, который опирался на нихъ, опасаясь силы патриціевъ: они иногда назывались «кліентами царя». Плебеи даже не несли военной службы. Они только давали постоянную подать, изъ которой составлялся эраріумъ, и должны были обрабатывать земли царя. При всемъ томъ, положеніе плебеевъ было тяжело и обидно, потому что они были лишены правъ римскаго гражданства, не могли участвовать на сходкѣ и въ общественномъ богослуженіи. Патриціи презирали плебеевъ, гнушались сообществомъ съ ними и лишали ихъ «коннубіума» — права брачиться съ ними. А между тѣмъ число плебеевъ постоянно увеличивалось. Они богатѣли и приносили много пользы государству. Римъ не могъ обходиться безъ нихъ. По преданію, Анкъ Добрый первый далъ организацію плебсу, поселивъ его на *Авентинѣ*. Съ тѣхъ поръ плебеи собирались на собственныя сходки и выбирали собственныхъ судей или чиновниковъ, которые назывались *эдилами*. Но первый шагъ къ уравненію плебеевъ въ правахъ съ патриціями былъ сдѣланъ Сервіемъ Тулліемъ.

Преобразованія Сервія Туллія. Первоначально и право, и обязанности принадлежали только патриціямъ, т.-е. основывались на *происхожденіи*; Сервій же распредѣлилъ ихъ между всѣми жителями римскаго государства по *имуществу*. Для этого онъ раздѣлилъ народъ на пять *классовъ* — «призывовъ». Къ I классу причислялись имѣющіе не менѣе 100,000 ассовъ (ассъ или «мѣдь» — 3 коп.), ко II — 75,000, къ III — 50,000, къ IV — 25,000, къ V — 12½ тычячъ. Каждый классъ долженъ былъ дать извѣстное число воиновъ, дѣлившихся на *центуріи* — «сотни». I кл. давалъ 80 центурій «тяжеловооруженныхъ», закованныхъ въ латы и снабженныхъ копьемъ, мечемъ, щитомъ и шлемомъ; сверхъ того, онъ доставлялъ 18 центурій всадниковъ, II, III и IV классы давали по 20 центуріи, V — 30. Эта часть войска называлась «легковооруженными»: здѣсь не было латъ, а у иныхъ почти никакого оружія, кромѣ пращи. Но въ Римѣ было еще много бѣдняковъ или *пролетаріевъ* («дѣтородцевъ»), которые не имѣли и 12½ тысячъ ассовъ. Они составили добавочный, VI-й классъ. Съ нихъ брали всего 5 центурій, изъ которыхъ составлялись роты рабочихъ и музыкантовъ. Такимъ образомъ, всего войска было 193 сотни (около 20.000). Оцѣнка имущества, *цензъ*, производилась легко, потому что подъ имуществомъ понимали землю. Съ этою цѣлью черезъ каждые четыре года производился кадастръ (имущественная перепись), причемъ каждый былъ обязанъ сказать, какія у него семья и имущество; за ложную сказку подвергались большимъ штрафамъ и даже смертной казни.

Такъ какъ землею владѣли тогда больше патриціи, а у плебеевъ были только маленькіе участки, то I классъ составился почти изъ однихъ старыхъ «гражданъ». Реформа Сервія отличалась справедливостью: кто былъ богаче, тотъ несъ больше тяжестей. Но еще важнѣе, что теперь плебеи сравнивались съ патриціями. Во всякой центуріи были и тѣ, и другіе; богатый плебей попадалъ въ I кл., бѣдный патрицій — въ послѣдній; плебей могъ дослужиться до военнаго трибуна или центуріона (сотника), а эти чины засѣдали въ сенатѣ. Плебеи получили даже участіе въ правительствѣ: Сервій велѣлъ собираться центуріямъ на особую *центуріатную сходку*, которая рѣшала вопросъ о войнѣ и мирѣ. Къ этой сходкѣ перешла часть верховной власти отъ куріатныхъ комицій. Наконецъ, чтобы еще

болѣе уравнять въ правахъ плебеевъ съ патриціями Сервій позволилъ первымъ имѣть свои собственныя, плебейскія сходки, которыя онъ назвалъ *трибутными*, потому что тогда же раздѣлилъ плебеевъ на 30 трибъ, чтобы удобнѣе было имъ распоряжаться своими дѣлами; на этихъ сходкахъ выбирались плебеями свои эдилы и трибуны.

Культура царскаго періода. Въ царскій періодъ римляне оказались хорошими политиками и «юристами» (правовѣдами). Они уже выработали раздѣленіе *права* на *государственное и частное*. Въ остальномъ быту царскій періодъ представляетъ мало развитія. Матеріальная культура заключалась въ одномъ земледѣліи: промыслы, даже оружейное дѣло, принадлежали грекамъ и этрусскамъ. Еще господствовалъ *бронзовый* вѣкъ. Идейная культура была въ зародышѣ. Сущность религіи мало развилась. Собственныхъ боговъ у римлянъ не было, кромѣ сухихъ понятій, возведенныхъ въ божества: *Беллона* (война), *Конкордія* (согласіе), *Квиринусъ* (военное дѣло). Остальные боги были заимствованы сначала у другихъ италиковъ, потомъ у грековъ: таковы Янусъ, Марсъ, Юпитеръ съ Юноной (Зевсъ и Гера), Діана (Артемида), Минерва (Аѳина), Меркурій (Гермесъ), Вулканъ (Плутонъ), Нептунъ (Посейдонъ), Венера (Афродита), Аполлонъ, и др. Изъ нихъ верховными божествами стали *Юпитеръ*, богъ неба, грома и побѣдъ, и *Марсъ* — въ качествѣ бога войны. Въ честь Марса первымъ мѣсяцемъ сталъ мартъ, а 1-е марта — Новымъ Годомъ.

Письменность только начиналась. Азбука (финикійская, но въ греческой передѣлкѣ) явилась въ Лаціумѣ задолго до основанія Рима, когда еще писали отъ правой руки къ лѣвой. Въ царскомъ періодѣ встрѣчается нѣсколько памятниковъ письменности — *священныя книги*, *лѣтописи*, нѣкоторые законы и договоры съ иностранными государствами. Но эта письменность исчезла при нашествіи галловъ. У разсудочныхъ, суровыхъ римлянъ не было поэтическихъ стремленій. Они цѣнили только *пляску*, отчасти священную, во всеоружіи, отчасти комическую, праздничную, съ маскарадомъ, изображавшимъ козловъ и овецъ; плясали подъ плохія костяныя *флейты*. Поэзія состояла изъ безсмысленныхъ заклинаній, надгробныхъ причитаній, былинъ о царяхъ, да «пѣсенъ о предкахъ», пѣтыхъ мальчиками на пирахъ. На будущую драму намекали маскарады сатировъ («сытыхъ»), сопровождаемые грязными шутками и потѣшными пѣснями.

Итакъ, въ царскомъ періодѣ римляне лишь заимствовали культуру другихъ, да и ту искажали. Такъ они переняли даже олимпійскія игры; но ихъ *римскія игры* были пародіей эллинскихъ: это была забава зрителей, потѣшаемыхъ комедіантами, а не всенародная оцѣнка воспитанія. Да въ Римѣ и не было никакого *воспитанія*. Мальчика (про дѣвочку и говорить нечего) ничему не учили, даже и гимнастикѣ. Онъ всюду слѣдовалъ за отцомъ — вотъ и все его воспитаніе. Этимъ способомъ онъ пріобрѣталъ главныя римскія добродѣтели: *virtus* — мужество и непреклонную волю (отъ vir мужъ), *gravitas* — важность, серьезность, въ особенности же *pietas* — преданность богамъ, отечеству и обычаямъ. Римлянинъ смолоду понималъ, что самъ по себѣ онъ — ничто; онъ лишь слуга отечества. Здѣсь человѣкъ принадлежалъ, какъ въ Спартѣ, не себѣ, а государству.

ЛЕКЦІЯ ДВѢНАДЦАТАЯ.

Патриціи и плебеи 509 — 340.

Республика. Во второмъ періодѣ римской исторіи не было важныхъ войнъ. Сами римляне не нападали на сосѣдей, да и защищались плохо: ихъ владѣнія даже уменьшились. Римъ былъ занятъ внутренними дѣлами — борьбой патриціевъ съ плебеями. Прежде всего, нужно было установить новое правленіе. Римляне отмѣнили цар-

скую власть и, по примѣру эллиновъ, ввели *республику*. Президентами республики были сдѣланы два *консула* («товарища»), по имени которыхъ назывался годъ. Консулы были похожи на царей, но съ ограниченной властью. Главное ограниченіе состояло въ томъ, что консуловъ избирали только на годъ, и они должны были, выходя въ отставку, давать отчетъ въ своей службѣ народу, который могъ даже присудить ихъ къ смерти. Впрочемъ, римляне удержали сущность царской власти, въ лицѣ *диктатора* («повелителя»); но его назначали консулы только на полгода и лишь въ случаѣ крайней опасности, когда требовался опытный полководецъ. *Сенатъ* пріобрѣлъ больше значенія, чѣмъ при царяхъ: консулы вступали въ него по окончаніи своей службы; сенатъ, какъ пожизненный, былъ прочнѣе ихъ, представляя единство и преданія государства; онъ же приказывалъ консуламъ избирать диктатора. Составъ сената измѣнился въ пользу плебеевъ: первые консулы, любимцы народа, *Брутъ* и *Коллатинъ*, назначили въ сенаторы половину плебеевъ. Плебеи получили выгоду и на сходкахъ: теперь всѣ верховныя права, не исключая избранія консуловъ, перешли *отъ куріатныхъ комицій къ центуріатнымъ*.

Господство патриціевъ. Учрежденіе республики объединило римлянъ: всѣ дружно оборонялись отъ враговъ, особенно отъ этруссковъ, которые владѣли тогда Корсикой и Кампаніей, состояли въ союзѣ съ Кароагеномъ и однажды разграбили самый Римъ. Римляне съ трудомъ справились съ этрусками благодаря помощи латинскаго союза, съ которымъ они заключили «вѣчный миръ». Но какъ только настала безопасность, патриціи начали возвращать себѣ старыя привилегіи.

Священная Гора и народный трибунъ. Но патриціи зашли слишкомъ далеко въ своихъ угнетеніяхъ, особенно когда они усилились отъ переселенія къ нимъ знатнаго сабинскаго рода *Клавдіевъ*. Въ 494 г. они выбрали въ консулы *Аппія Клавдія*. Плебеи отказались повиноваться, когда имъ велѣли итти въ походъ. Патриціи притворились, будто желаютъ помириться съ ними, и наобѣщали имъ много льготъ. Плебеи повѣрили, двинулись въ походъ и разбили непріятеля. Но патриціи обманули ихъ и начали угнетать должниковъ пуще прежняго. Плебеи вышли изъ терпѣнія; но произвели мирную революцію — прогнали полководцевъ, развернули знамена и ушли изъ Рима. Верстахъ въ 7 отъ города былъ холмъ, названный тогда *Священною Горой*. Здѣсь плебеи рѣшились поселиться и начали возводить стѣны новаго города Римъ опустѣлъ. Патриціи испугались нападенія враговъ и послали любимцевъ народа просить плебеевъ возвратиться, обѣщая имъ большія облегченія. Плебеи возвратились, и имъ была сдѣлана важная уступка. Плебеямъ дали право выбирать, въ трибунахъ, на годъ своихъ защитниковъ — *народныхъ трибуновъ*, которыхъ сначала было 2, потомъ 10.

Трибунъ не смѣлъ показываться на центуріатной сходкѣ, которою руководили консулы. Въ сенатѣ сидѣлъ онъ отдѣльно, у порога, на простой скамьѣ. Здѣсь онъ не долженъ былъ говорить ничего, кромѣ одного слова: если трибунъ замѣтитъ, что сенаторы принимаютъ вредную для плебеевъ мѣру, онъ восклицаетъ *veto*! (запрещаю) — и мѣра отмѣняется. Точно также онъ могъ своимъ вето остановить всякое приказаніе консуловъ. Если же его не послушаются, онъ приказываетъ плебеямъ не платить податей и не ходить на войну; зато онъ имѣлъ право призвать къ себѣ на судъ кого угодно, не исключая консула, и осудить даже на смертную казнь. Трибунъ созывалъ трибутныя комиціи, гдѣ плебеи разсуждали о всѣхъ государственныхъ вопросахъ и дѣлали свои постановленія — *плебесциты*. Личность трибуна была объявлена «священною». Плебейскіе эдилы стали помощниками трибуновъ, ихъ секретарями, казначеями и полицейскими.

Борьба плебеевъ съ патриціями. Теперь плебеи съ своими трибунами, а патриціи съ своими консулами, сенаторами и диктаторами стали какъ бы двумя враждующими государствами, и началась знаменитая *борьба плебеевъ съ патриціями за уравненіе правъ*,

которая длилась почти два вѣка, пока первые не добились своего. Плебеи требовали: 1) пользованія общественнымъ полемъ и брачнаго права; 2) равнаго съ патриціями участія во власти и доступа къ магистратурѣ.

Эта борьба положила мрачный оттѣнокъ на исторію Рима, особенно въ первой половинѣ того 5-го вѣка, который въ Греціи, напротивъ, представлялъ свѣтлую картину. Въ Римѣ нельзя было дня прожить спокойно: не разъ доходило до кровавыхъ сватокъ на улицахъ.

Писанные законы. Децемвиры.

Одно время въ самомъ Капитоліѣ сидѣла шайка сабиновъ и головорѣзовъ изъ молодыхъ патриціевъ: а плебеи утвердились на своемъ Авентинѣ — и Авентинъ боролся съ Капитоліемъ, какъ два враждебныхъ государства. Поля были запущены или опустошены; моровая язва свирѣпствовала по всѣмъ трибамъ. Были назначены дни покаянія и молитвъ. Женщины, съ распущенными волосами, ходили по городу и съ воплями простирались передъ статуями боговъ. Тогда-то выступилъ трибунъ *Терентилій Гарса* съ закономъ объ избраніи плебейской коммиссіи для написанія законовъ. Такъ какъ это значило опредѣлить, т. е. ограничить, власть консуловъ, то патриціи возстали, какъ одинъ человѣкъ, и боролись 10 лѣтъ. Но плебеи каждый годъ выбирали однихъ и тѣхъ же стойкихъ трибуновъ и останавливали сборъ денегъ и войскъ. Патриціи принуждены были уступить. Въ 450 г. они выбрали изъ своей среды *децемвировъ* («десять мужей»), послали ихъ въ Великую Грецію и въ Аѳины изучить тамошніе порядки и потомъ поручили имъ написать законы для Рима. Децемвирамъ дали консульскую власть и отмѣнили всѣ должности на этотъ годъ. Въ Римѣ настала тишина — и къ концу года на форумѣ появились *XII* мѣдныхъ *таблицъ* съ законами. Основа этихъ законовъ — тогдашнее обычное право. Но плебеи были довольны, такъ какъ въ таблицахъ не было различія между патриціями и плебеями и даже прямо запрещались «привилегіи», т. е. законы въ пользу «частныхъ» лицъ. Слѣдовательно, таблицы доставили плебеямъ *гражданское равенство*.

Патриціи вздумали воспользоваться децемвиратомъ, чтобы устранить трибунатъ: децемвиры не слагали своей власти и начали угнетать народъ. Плебеи *вторично* ушли *на Священную Гору* — и патриціи снова должны были уступить. Въ консулы были выбраны любимцы народа, *Валерій* и *Горацій*, а децемвировъ низложили. Новые консулы издали добавленія къ XII таблицамъ, выгодныя для плебеевъ. Трибуны получили совѣщательный голосъ въ сенатѣ. Трибутныя комиціи возвысились надъ центуріатными: ихъ плебесциты стали уже по закону всенародными постановленіями; имъ передали консульское право выбирать квесторовъ, хотя только изъ патриціевъ. Съ этихъ поръ даже патриціи стали посѣщать трибутныя сходки, въ которыхъ сосредоточилось законодательство. Дѣло Валерія и Горація такъ обезпечило трибунатъ, что съ тѣхъ поръ уже не было попытокъ къ его ниспроверженію. Оно такъ возвысило плебеевъ, что было немыслимо дальнѣйшее неравенство между ними и патриціями въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ. Борьба закипѣла снова, но уже мирная, безъ насилій.

Брачное право.

Плебеи добивались, прежде всего, *брачнаго права*: среди нихъ уже встрѣчались такія богатыя и почетныя лица, что сами патриціи старались породниться съ ними, хотя они лишались тогда права римскаго гражданства. Въ политическомъ же отношеніи они рѣшились сразу требовать консулата. Въ 445 г. трибунъ *Канулей* предложилъ два закона: 1) брачное право принадлежитъ одинаково какъ патриціямъ, такъ и плебеямъ (дѣти смѣшанныхъ браковъ принадлежатъ сословію отца); 2) плебеи избираются въ консулы наравнѣ съ патриціями. Патриціи такъ горячо возстали противъ этихъ законовъ, что плебеи въ *третій разъ ушли*, только уже не на Священную Гору, а на Яникулъ.

Военный трибунъ съ консульскою властью. Цензоръ. Плебейскій квесторъ.

Патриціи снова должны были уступить. Но ихъ гордость не могла примириться съ тѣмъ, что плебеи станутъ занимать одну изъ ихъ «курульскихъ» должностей. Они согласились лучше совсѣмъ уничтожить консулатъ, чѣмъ предоставить его плебеямъ, но власть его сохранить, только сдѣлавъ изъ нея новую, некурульскую должность. Такъ какъ высшій санъ, котораго могли достигать плебеи, былъ военный трибунатъ, то патриціи приняли это названіе для новой должности. Такъ образовался титулъ — *военные трибуны съ консульскою властью*. Этихъ трибуновъ-консуловъ было отъ 3 до 8. Ихъ выбирали центуріи на одинъ годъ изъ *обоихъ* сословій. Власть ихъ совершенно равнялась консульской; но имъ не дозволяли сидѣть на курульскихъ креслахъ, и за ними ходили только по 6, а не по 12 ликторовъ за каждымъ.

Кромѣ того, прибѣгнули къ новому пріему въ борьбѣ, который оправдывался увеличеніемъ дѣлъ и развитіемъ государства: отдѣлили часть консульской власти и составили изъ нея особенную курульскую должность — *цензора*. Цензоровъ было 2. Ихъ избирали центуріи на полтора года, и только изъ патриціевъ. Цензоръ — «оцѣнщикъ»: онъ производилъ перепись жителей и имуществъ, завѣдывалъ казной и сборомъ податей. Вскорѣ власть новаго магистрата такъ усилилась что его стали побаиваться даже патриціи: цензоръ собиралъ съ нихъ аренду за общественное поле и могъ дать имъ больше или меньше земли. Онъ-же «исправлялъ списки гражданъ», т.-е. переводилъ изъ класса въ классъ, сообразно съ имуществомъ, и даже ставилъ «ноту» (замѣтку) при именахъ преступныхъ или опозоренныхъ лицъ, что означало вычеркиваніе ихъ изъ списка. Наконецъ, цензоры, казначеи, завѣдывали общественными работами — постройкой храмовъ, дорогъ, мостовъ, каналовъ: черезъ это они находились въ соприкосновеніи съ народомъ и могли имѣть на него вліяніе.

Камиллъ и галлы.

Внутренняя борьба не прекращалась и во второй половинѣ 5-го в. Этими усобицами пользовались сосѣди, нападавшіе на Римъ. Лишь около 400 г. римлянамъ удалось перейти въ наступательное положеніе, двинувшись противъ самаго назойливаго и могучаго врага — противъ этруссковъ. Это произвело переворотъ въ ихъ быту. Необходимость вести долгую войну, и за предѣлами Лаціума, вызвала *постоянное войско*, на жалованіи: крестьянское государство превращалось въ военное. Явился и настоящій полководецъ храбрый, талантливый *Камиллъ*. Послѣ многолѣтней борьбы, разукрашенный преданіями, онъ одолѣлъ грозныхъ этруссковъ. Но побѣдитель, патрицій стараго закала, началъ вести себя деспотомъ и оскорблялъ трибуновъ. Плебеи призвали Камилла къ суду, но онъ бѣжалъ, умоляя боговъ послать на отечество такое бѣдствіе, чтобы вспомнили о немъ. Оно явилось въ лицѣ *галловъ*.

Въ ту пору галлы были тѣснимы, съ сѣверо-востока, германцами. Такъ какъ они уже уперлись въ Атлантику, то имъ оставалось повернуть на юго-востокъ, къ Альпамъ и Балканамъ, гдѣ еще были свободныя мѣста. Часть ихъ прошла до Малой Азіи (лекція 9), но главная масса устремилась въ Италію. Галлы надолго остановились въ долинѣ По. Жили они въ лѣсахъ вмѣстѣ съ свиньями — ихъ главнымъ богатствомъ. Хлѣбопашество считалось у нихъ позорнымъ дѣломъ. Главнымъ занятіемъ этихъ отличныхъ воиновъ были разбойничьи набѣги на болѣе образованные и богатые народы; они даже нанимались въ солдаты къ сосѣдямъ. Большой ростъ, длинные всклокоченные волоса и усы, звѣриная шкура на плечахъ, бычачья голова съ рогами вмѣсто шапки, большой тяжелый мечъ, огромный щитъ, пестрая узорчатая одежда, золотой обручъ на шеѣ, неистовый крикъ при нападеніи — все это наводило ужасъ на непріятеля. При этомъ галлы сражались, какъ бѣшенные, и любили поединки. Ихъ женщины не давались живыми въ плѣнъ: онѣ умерщвляли своихъ дѣтей и самихъ себя. Галлы были правдивы, безхитростны, любили красно говорить, пировать и хвастаться своими ранами, нарочно растравляя ихъ. Они не умѣли повиноваться: ихъ *бреннъ* (вождь) не могъ

ничего сдѣлать противъ ихъ воли. Въ 390 г. до 100.000 разсвирѣпѣлыхъ дикарей опустошили Этрурію и бросились къ Тибру. Римляне потерпѣли небывалое пораженіе близъ своего города, у рѣчки Алліи. Римъ былъ совсѣмъ разрушенъ. Его граждане собирались переселиться; но возвратившійся Камиллъ убѣдилъ ихъ кое-какъ обстроиться вновь.

Вскорѣ римляне оправились. Галлы помогли имъ тѣмъ, что разрушили могущество Этруріи. Оно уже было подорвано раньше усиленіемъ грековъ въ Сиракузахъ и Тарентѣ, а затѣмъ — паденіемъ Аѳинъ, съ которыми этруски были старыми друзьями по торговлѣ. Оттого римляне теперь быстро овладѣли Этруріей, тѣмъ болѣе, что массу тамъ составляли италики, которые легко романизовались: около 300 г. прекращается исторія этруссковъ. Въ то же время римляне начали распространяться и къ югу отъ Тибра. Они принудили латиновъ признать *гегемонію Рима надъ Лаціумомъ* и навсегда разрушили могущество сосѣднихъ вольсковъ и эквовъ. Но эти быстрые успѣхи едва не погубили римлянъ, которые начали также деспотически пользоваться гегемоніей, какъ спартанцы. Союзники ждали только случая, чтобы поднять оружіе противъ своего надменнаго гегемона. Въ половинѣ 4-го в. онъ представился въ лицѣ новаго страшнаго врага римлянъ. **Паденіе Этруріи.**

Самниты достигли тогда высшей степени своего могущества. Особенно развилась ихъ колонизація, дошедшая до моря. Передъ нападеніемъ галловъ самниты отняли у этруссковъ Капую, а у грековъ — Кумы и почти всѣ лучшія колоніи, кромѣ Неаполя и Тарента. Такъ, въ Италіи пали старыя державы — Этрурія, латинскій союзъ и греческія колоніи, и выдвинулись двѣ новыя — римская и самнитская, между которыми должна была возгорѣться борьба за обладаніе полуостровомъ. По обширности, богатству и населенности земель, самниты были гораздо сильнѣе римлянъ; но имъ недоставало единства, государственнаго строя: ихъ колонисты составляли отдѣльный и даже враждебный имъ міръ. Римъ же былъ строгимъ, сплоченнымъ государствомъ, въ которомъ работала безпощадная завоевательная политика. **Самнитская держава.**

Послѣ галловъ, въ Римѣ выродокъ изъ патриціевъ — доблестный *Манлій*, прозванный *Капитолійскимъ* за блестящую защиту Капитолія при нашествіи галловъ, потребовалъ въ сенатѣ выкупить должниковъ, распродавъ для этого общественное поле. Соперникъ Манлія по славѣ, Камиллъ, назначенный диктаторомъ, обвинилъ его въ стремленіи къ коронѣ — и другъ плебеевъ былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы въ пропасть, какъ преступникъ.

Смерть Манлія не пропала даромъ. Выступили два трибуна, Лициній и Секстій, — люди образованные, крѣпкіе волей и богатые. Лициній предложилъ три закона. 1) *Аграрный*. Всѣ граждане допускаются къ пользованію общественнымъ полемъ, въ видѣ наслѣдственной аренды, но не больше, какъ по 500 югеровъ (gugerum — четверть десятины) въ однѣ руки. Никто не долженъ выгонять на общественный лугъ болѣе 100 штукъ крупнаго и 500 — мелкаго скота. Общественные участки обрабатываются не одними рабами, но и свободными поденщиками. 2) *Долговой*. Уплаченные % вычитаются изъ капитала, а остальное разсрочивается на 3 года; сами же должники немедленно получаютъ свободу. 3) *Консулатный*. Взамѣнъ трибуновъ съ консульскою властью, возстановляется консулатъ, но такъ, чтобы одинъ изъ консуловъ всегда былъ плебей. **Лициніевы законы.**

Патриціи 10 лѣтъ отстраняли требованія Лицинія, прибѣгая ко всякаго рода уловкамъ и насиліямъ. Обыкновенно они старались склонять на свою сторону нѣкоторыхъ трибуновъ то подкупами, то раздачей должностей. Но плебеи каждый годъ избирали въ трибуны Лицинія и Секстія, противъ которыхъ, наконецъ, уже не смѣли возставать товарищи. Патриціи нѣсколько разъ назначали даже диктатора, все своего Камилла, который однажды даже разогналъ трибутную сходку своими ликторами. Трибуны имѣли право казнить его за это; но

они погрозили ему только штрафомъ. Тутъ Камиллъ одумался — и снова спасъ Римъ, устранивъ междоусобіе: онъ уговорилъ патриціевъ уступить. Лициніевы законы были приняты (367 г.). Тогда же Секстій сталъ первымъ плебейскимъ консуломъ; а Камиллъ построилъ, въ знакъ примиренія сословій, храмъ Конкордіи, у подошвы Капитолія.

Уравненіе правъ. Плебеямъ оставалось уже пріобрѣсти немногое, чтобы вполнѣ сравняться съ патриціями: послѣдняя борьба (367 — 300) между сословіями была не такъ ожесточенна, какъ прежде. Чтобы вознаградить себя за утрату одного консульскаго мѣста, патриціи выдумали двѣ новыя курульскія должности — претора и эдиловъ. *Претора* иначе называли «третьимъ консуломъ»: къ нему перешла судебная власть консуловъ, которымъ онъ былъ совершенно равенъ. Судебные приговоры претора, которымъ вели журналъ, составили потомъ основу римскаго гражданскаго права. Два *курульскихъ эдила* были начальниками полиціи. Они же устраивали главное народное празднество — «римскія игры», что давало имъ возможность привлекать къ себѣ массы, которыя обыкновенно выбирали эдиловъ, не скупившихся на эти увеселенія, на высшія должности. Но уже въ слѣдующемъ году плебеи настояли, чтобы и ихъ выбирали въ курульскіе эдилы, а патриціевъ стали выбирать въ плебейскіе эдилы. Лѣтъ 25 спустя, они достигли диктатуры и цензуры, а вскорѣ потомъ — даже претуры. Послѣднія должности, пріобрѣтенныя ими, были религіозныя: въ 300 г. явились первые авгуры и понтифексы изъ плебеевъ.

Такъ произошло, въ 300 г., *окончательное уравненіе правъ*, изъ-за которыхъ почти двѣсти лѣтъ боролись плебеи съ патриціями. Въ это же время улучшилось и матеріальное положеніе плебеевъ. Было запрещено брать болѣе 5% роста; но важнѣе всего была *отмѣна рабства за долги*. Сверхъ того, завоевательная политика доставляла тогда много новыхъ земель, притомъ въ лучшихъ мѣстахъ Италіи, куда выводились колоніи бѣдняковъ. Счастливыя войны доставляли также много богатствъ, въ видѣ добычи, и расширяли торговыя сношенія.

ЛЕКЦІЯ ТРИНАДЦАТАЯ.

Сенатъ и объединеніе Италіи 340 264.

Сенатъ. Третій періодъ римской исторіи, который продолжался около 100 лѣтъ, до пуническихъ войнъ — пора процвѣтанія. Внутри господствовали спокойствіе и единодушіе, внѣ — Римъ въ три поколѣнія *объединилъ всю Италію*.

Сенатъ (300 чел.) сдѣлался средоточіемъ знати и власти, такъ что республика стала аристократическою. Завелся обычай, чтобы сенаторы сами издавали законы, лишь съ условіемъ представлять ихъ на утвержденіе центурій. *Магистратура* вполнѣ подчинилась сенату, который даже писалъ «инструкціи» (наказы для консуловъ; а если консулы не слушались, онъ назначалъ диктатора. Чтобы подчинить себѣ и *трибуна*, сенатъ обратилъ его въ магистрата: трибунъ уже сидѣлъ не у порога, а среди сенаторовъ, и принималъ участіе въ разсужденіяхъ; ему даже дали право созывать сенатъ.

Въ третьемъ періодѣ римской исторіи сенатъ и знать доставили славу своему отечеству. Тогда сенатъ состоялъ изъ лучшихъ людей и не питалъ патриціанской ненависти къ народу: въ немъ засѣдало много лицъ, вчера только вышедшихъ изъ толпы, а рядъ опасныхъ войнъ заставлялъ пропускать въ него черезъ курульскія должности людей незнатныхъ, но талантливыхъ и оказавшихъ услуги отечеству. Тогда въ сенатѣ сосредоточивались патріотизмъ, честность и

государственный умъ. Здѣсь вырабатывалась политика, покорившая міръ и создавшая безсмертные законы. Здѣсь воспитывались государственные люди: дѣти сенаторовъ сопровождали своихъ отцовъ и прислушивались къ ихъ мудрымъ рѣчамъ. Тогда иностранцы съ почтеніемъ говорили о римскомъ сенатѣ, какъ о «собраніи царей». И внушали всюду страхъ и почтеніе магическія буквы *S. P. Q. R.*, т. е. Senatus populusque romanus — «сенатъ и римскій народъ».

Доблесть сената въ третьемъ періодѣ обусловливалась еще *нравами* того времени. Тогда-то сложился тотъ классическій типъ строгаго республиканца, который потомъ такъ увлекалъ многихъ. Но онъ связанъ съ патріархальностью старины. Тогда римляне не подвинулись въ культурѣ — и у нихъ сохранялась первобытная *простота* нравовъ. Лучшимъ дѣломъ все еще считалось жить на виллѣ и обрабатывать свое поле. Роскошь, даже образованіе считались опасными, а науки и искусства — праздными забавами. Нерѣдко знаменитые консулы, полководцы и сенаторы сами сѣяли рѣпу и варили себѣ гороховую похлебку, хотя были очень богаты. Кромѣ Спарты, нигдѣ *преданность отечеству* не достигала такихъ размѣровъ. Случалось не разъ, что полководцы жертвовали богамъ и отечеству то собой, то своими дѣтьми; и ни одного изъ нихъ не соблазнило золото, которое часто предлагали имъ богатые враги Рима. Оттого у римлянъ явилась тогда превосходная армія, которая оказывала такія же чудеса храбрости въ Италіи, какъ современная ей армія Александра Великаго на Востокѣ. Оттого же весь третій періодъ занятъ войнами, объединеніемъ Италіи. Онъ былъ такъ блестящъ въ этихъ внѣшнихъ событіяхъ, что получилъ названіе «героическаго». **Нравы третьяго періода.**

Но здѣсь же, а еще больше во внутреннихъ дѣлахъ, обнаруживались недостатки римлянина. Самыя его доблести были связаны съ грубостью и эгоизмомъ: онѣ создавали *практика*, *формалиста* и *казуиста* (крючкотворца). Римлянинъ, этотъ второй спартанецъ, славился грубой и нестерпимой «деревенщиной». Его барская спѣсь дома и жестокосердіе съ чужими («vae victis!» — горе побѣжденнымъ!) вошли въ пословицу, наравнѣ съ его лицемѣрной дипломатіей. Эти черты пагубно отражались на внутреннемъ строѣ государства. Республика состояла какъ бы изъ двухъ враждебныхъ частей — изъ гражданъ и подданныхъ.

Этому способствовало развитіе *рабства*. Чѣмъ успѣшнѣе воевали римляне, тѣмъ болѣе становилось у нихъ рабовъ. Вскорѣ рабовъ стало слишкомъ много и ихъ начали отпускать на волю. Классъ *отпущенниковъ* быстро возросталъ. Онъ занимался мелкою торговлей и ремеслами, обыкновенно на деньги своихъ бывшихъ господъ, которые брали себѣ главную часть выручки. Многіе отпущенники находили пропитаніе, пристраиваясь къ магистратамъ въ качествѣ наемныхъ «писцовъ», подъячихъ. Такъ какъ писцы постоянно занимали свои мѣста, то, по знанію дѣлъ, они стали важнѣе самихъ магистратовъ, часто смѣнявшихся. Они-то сочиняли обширную формалистику, чтобы брать взятки съ народа и управлять магистратами. При всемъ томъ, правительство не знало, что дѣлать съ возроставшею массой отпущенниковъ, которые стали напоминать старое кліентство: оно даже установило большой налогъ на отпущеніе рабовъ. Но лучше всѣхъ понялъ зло цензоръ *Аппій Клавдій*, который, сверхъ того, открылъ рядъ знаменитыхъ сооруженій (военныхъ дорогъ и водопроводовъ), отчасти уцѣлѣвшихъ доселѣ, и началъ римскую литературу парой стихотвореній и рѣчей. Аппій совершилъ (312) важное общественное преобразованіе, не спрашиваясь сената и комицій: онъ внесъ въ списки «гражданъ» отпущенниковъ и всѣхъ безземельныхъ бѣдняковъ — тотчасъ же въ курульскіе эдилы попалъ отпущенникъ Флавій, письмоводитель Аппія. **Рабы и отпущенники**

Въ третьемъ періодѣ выработалась и знаменитая римская армія. Пѣхота, въ видѣ *легіона* («набора»), возникла еще при Сервіѣ Тулліѣ. Легіонъ дѣлился на **Войско.**

когорты и *центуріи*: первыми командовали военные трибуны, вторыми — центуріоны (сотники). Дисциплина соотвѣтствовала родительской власти. У центуріона была виноградная дубинка, у консула — ликторскія орудія. Консулъ могъ высѣчь самаго почтеннаго трибуна и казнить хоть цѣлую когорту. Воинъ сначала не получалъ ничего: жалованье введено лишь около 400 г. Наградой служилъ вѣнокъ изъ травы или оливковыхъ вѣтвей. Въ началѣ третьяго періода Камиллъ произвелъ коренное преобразованіе въ войскѣ. Чтобы подорвать силу натиска густого строя, которымъ славились галлы, онъ ввелъ разомкнутый, или *манипулярный* строй, состоявшій изъ манипулъ — отдѣленій въ 60 чел.; манипулы разставлялись шашками. Тогда явилось любимое римское оружіе — *метательное копье* (pilum), которое кидали шаговъ на 12. Двойной залпъ копьями производилъ страшное дѣйствіе; а вслѣдъ за нимъ римляне бросались съ мечами, которые стали большими, обоюдоострыми: такъ римляне изобрѣли соединеніе далекаго боя съ близкимъ. Тогда же возникъ *резервъ* (запасъ), въ которомъ отдыхали, склонившись на одно колѣно, «тріаріи» — отборная гвардія изъ самыхъ опытныхъ бойцовъ. Наконецъ, развилась *лагерная* система. Вошло въ правило, что, достигнувъ мѣста стоянки, хотя бы на одну ночь, легіонъ, прежде всего, строилъ лагерь со рвомъ, валомъ и полисадами (плетнями). «Римлянинъ побѣждаетъ сидѣньемъ», говорила пословица: онъ не пускался въ бой наудачу. Фабій «Медлитель» былъ самымъ любимымъ изъ римскихъ полководцевъ.

Самнитскія войны. Завоеванія римлянъ начались съ трехъ самнитскихъ войнъ, которыя продолжались полвѣка (340—290). Онѣ были тѣмъ болѣе тяжелы, что къ самнитамъ присоединились всѣ народы Италіи, и во главѣ ихъ латины, давно мечтавшіе низвергнуть гегемонію Рима. Тутъ погибло много самыхъ доблестныхъ потомковъ Ромула. Одинъ полководецъ казнилъ собственнаго сына за то, что тотъ нарушилъ дисциплину, разбивъ врага безъ его позволенія. Другой, Децій, по прозванью Мышь, доставилъ побѣду своей полуразбитой арміи тѣмъ, что посвятилъ себя подземнымъ богамъ, бросившись одинъ въ густые ряды непріятеля; то же сдѣлалъ потомъ его сынъ. При всемъ томъ, римской арміи пришлось однажды испытать такой позоръ, какъ прохожденіе подъ навѣсомъ изъ копій врага, поймавшаго ее въ ущельѣ, носившимъ названіе Кавдинскихъ Вилъ. Римляне одолѣли, только благодаря раздорамъ у соперниковъ, которыми искусно пользовалась ихъ дипломатія, основанная на правилѣ: *разъединяй и властвуй* (divide et impera!). Такъ римляне разрушили латинскій союзъ тѣмъ, что дали различныя права его членамъ — кому полное римское гражданство, кому безгласное (безъ права участвовать въ комиціяхъ); однимъ оставили старое самоуправленіе, другихъ обратили въ своихъ подданныхъ.

Тарентъ и Пирръ. Самниты стали подданными Рима (290). А вслѣдъ затѣмъ римляне окончательно покорили всѣхъ ихъ союзниковъ и даже захватили почти всѣ города Великой Греціи. Ихъ остановилъ только богатый *Тарентъ*, призвавшій къ себѣ на помощь *Пирра* эпирскаго, мечтавшаго о роли Александра Великаго на Западѣ: Пирръ, со своими страшными слонами, побѣждалъ, былъ даже въ 50 верстахъ отъ Рима. Но онъ воскликнулъ: «Еще такая побѣда — и мнѣ придется возвратиться домой безъ войска!» Наконецъ, онъ былъ уничтоженъ при Беневентѣ (передъ тѣмъ — Малевентъ) и бѣжалъ въ Элладу (275). Взятіемъ Тарента завершилось завоеваніе Италіи римлянами.

Колоніи. Управленіе Италіей. Римляне упрочили за собой Италію искусною политикой. 1) Тутъ на первомъ планѣ стоятъ *колоніи* римскихъ гражданъ въ завоеванныхъ странахъ. Колонисты получали лучшую землю и становились патриціями, туземцы обращались въ плебеевъ. Они сохраняли право римскаго гражданства, и ихъ поселенія назывались «колоніями римскихъ гражданъ». Но и здѣсь римляне вносили разъединеніе: нѣкоторымъ колоніямъ не давали права голоса въ комиціяхъ: это —

«безгласныя колоніи». Колонистамъ вообще жилось хорошо; они были преданы митрополіи и романизовали покоренныя мѣстности. 2) *Военныя дороги* проводились по покореннымъ землямъ и охранялись крѣпостями. Онѣ походили на полотно нашихъ желѣзныхъ дорогъ, тянулись ровною нитью и состояли изъ кирпичей и камней. Первая и самая замѣчательная военная дорога, построенная Аппіемъ Клавдіемъ, сохранилась почти вся до сихъ поръ. 3) *Управленіе Италіей.* Римляне брали у побѣжденныхъ $^1/_3$ земли, которую присоединяли къ своему общественному полю, но оставляли имъ самоуправленіе, т.-е. собственныхъ выборныхъ чиновниковъ. Они справедливо называли такіе города и села *муниципіями*, т.-е. «одаренными», или привилегированными: муниципіи не платили прямыхъ податей, но содержали стоявшія у нихъ войска. *Подданныхъ*, т.-е. лишенныхъ всякихъ правъ и управляемыхъ префектами или замѣстниками претора, было немного въ Италіи. Сюда относились враги, особенно упорно защищавшіеся, и туземцы въ «колоніяхъ римскихъ гражданъ». Остальные италики пользовались многими, но разными правами римскаго гражданства. Выше всѣхъ было *латинское* право (почти полное римское), дарованное бывшему латинскому союзу. Другіе покоренные народы назывались *союзниками* и пользовались самыми разнообразными правами ниже латинскаго.

Почти въ половинѣ третьяго вѣка Италія представляла одно цѣлое. Всѣ старались достигнуть правъ римскаго гражданства и подражать Риму, копируя его аристократію. Всюду работали «итальянскіе квесторы», которые завѣдывали сборомъ войскъ и денегъ. Латинскій языкъ разносился колонистами по отдаленнымъ уголкамъ Италіи: и всѣ стали уже называть себя *италиками*. Римъ сталъ *пятою великою державой*, наравнѣ съ Кароагеномъ, Египтомъ, Сиріей и Македоніей. Онъ обратилъ вниманіе на море: основывались морскія колоніи въ хорошихъ гаваняхъ, и ихъ одаряли привилегіями; явились «флотскіе квесторы», устраивавшіе флотъ. Риму приходилось столкнуться съ остальными державами, и прежде всего съ ближайшею изъ нихъ — съ Кароагеномъ.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Пуническія войны 262 — 146.

Кароагенъ и Сиракузы.

Около половины третьяго вѣка западный бассейнъ Средиземнаго моря былъ занятъ тремя главными державами: *Римомъ*, который былъ главой италиковъ, 2) *Кароагеномъ* — главой пунійцевъ и 3) *Сиракузами* — главой грековъ. Римъ владѣлъ тогда всѣмъ Апеннинскимъ полуостровомъ. Границы *Кароагенской* республики простирались отъ Корсики до горъ Атласа и Сахары, отъ Кирены до Азорскихъ о. Сицилія была раздѣлена между кароагенянами и греками. Кароагенъ былъ гораздо обширнѣе Рима. Сверхъ того, у него былъ превосходный флотъ и несмѣтныя богатства. Но зато армія его была плоха: она состояла часть изъ дикихъ наѣздниковъ Африки, а больше изъ всякаго наемнаго сброда — изъ испанскихъ иберовъ, гальскихъ кельтовъ и спартанцевъ. Кароагенская республика страдала еще болѣе важнымъ недостаткомъ — дурнымъ правленіемъ вслѣдствіе котораго всѣ подданные и колонисты всегда готовы были возстать. Была еще одна невыгода въ положеніи Кароагена: онъ постоянно долженъ былъ бороться съ Сиракузами за обладаніе богатой Сициліей. *Сиракузы* были главой греческихъ колоній, которыя занимали восточную половину острова. Они были однимъ изъ самыхъ сильныхъ, богатыхъ и просвѣщенныхъ государствъ древняго міра. Но здѣсь, какъ во всѣхъ греческихъ республикахъ, боролись двѣ партіи — аристо-

краты и демократы, причемъ появились тираны. Сверхъ того, греческія колоніи враждовали между собой, особенно дорическія съ іоническими.

Кареагеняне пользовались этими раздорами, чтобы захватить весь островъ. Ихъ попытки были остановлены побѣдой сиракузскаго тирана Гелона при Гимерѣ (480). Но послѣ Гелона въ Сициліи опять настала борьба между партіями и колоніями. Сверхъ того, Сиракузами болѣе полувѣка управляли жестокіе и бездарные тираны, два Діонисія, и тамъ завелся обычай прибѣгать къ помощи отчаянныхъ наемниковъ, которые мучили самихъ Сиракузцевъ. Наконецъ, въ Сиракузахъ сталъ «царемъ» талантливый и великодушный Меценатъ *Гіеронъ*. Онъ вступилъ въ союзъ съ Кареагеномъ, чтобы истребить самыхъ страшныхъ наемниковъ — «мамертиновъ» (дѣти Марса). Римляне не постыдились вступиться за этихъ разбойниковъ. Отсюда возгорѣлись три *пуническія войны*, длившіяся болѣе столѣтія (264 — 146).

Пуническія войны. Провинціи. Пуническія войны отличались необыкновеннымъ упорствомъ и ожесточенностью. Побѣда постоянно склонялась то на ту, то на другую сторону. Но съ самаго начала у римлянъ явилось два преимущества. Гіеронъ отсталъ отъ кареагенянъ и вступилъ въ союзъ съ Римомъ, которому не измѣнялъ въ теченіе 50 л. до самой своей смерти. А сами римляне вдругъ стали моряками и изобрѣли «абордажные мосты» съ крючьями, которые вцѣплялись въ борты непріятельскихъ судовъ и превращали морскую битву въ рукопашный бой. Они даже переправились въ Африку. Но ихъ остановила «львиная семья» *Барка* (Молнія), представительница демократіи, которая взяла верхъ въ Кареагенѣ, въ минуты бѣдствій. Ея герой, Ганнибалъ, семи лѣтъ поклялся въ вѣчной ненависти къ Риму. Пока онъ подросталъ, римляне перешли за предѣлы Италіи, захвативъ Сицилію, Корсику и Сардинію.

Римляне называли свои владѣнія внѣ Италіи *провинціями* и посылали управлять ими намѣстниковъ, подъ именемъ *пропреторовъ* и *проконсуловъ*. Эти лица пользовались почти неограниченною властью; они собирали десятины въ казну, а себѣ брали дары отъ провинціаловъ. Намѣстники угнетали провинціи, въ одинъ годъ наживая огромное состояніе. На нихъ почти не было суда; да они могли и подкупать судей въ Римѣ, которые уже становились продажными. Вскорѣ къ провинціямъ присоединилась *Цизальпинская Галлія*, гдѣ римляне устроили много колоній, обративъ кельтовъ въ своихъ подданныхъ.

Ганнибалъ. Кареагеняне, съ своей стороны, обратили юго-востокъ богатой Испаніи въ свою провинцію, во главѣ которой красовался *Новый Кареагенъ*, близъ неистощимыхъ серебряныхъ рудниковъ. Они образовали прекрасную армію изъ храбрыхъ туземцевъ — *кельтовъ* и *иберовъ*. Съ нею-то двинулся на истребленіе Рима *Ганнибалъ*, герой второй пунической войны. Невзрачный, страшный, съ своимъ кривымъ глазомъ, Ганнибалъ славился своей выносливостью и тигровой гибкостью. Таковъ же былъ его изворотливый умъ, вооруженный греческимъ образованіемъ, но не пренебрегавшій и хитростью: Ганнибалъ любилъ самъ все вывѣдывать, переряжаясь и надѣвая разные парики. То былъ и великій полководецъ, идолъ солдатъ, и тонкій политикъ, умѣвшій примѣняться къ обстоятельствамъ. Онъ 10 лѣтъ распоряжался судьбами міра и внушилъ такой ужасъ итальянцамъ, что въ теченіе многихъ поколѣній его обликъ казался имъ исчадіемъ ада. Онъ погибъ лишь оттого, что силы Кареагена не соотвѣтствовали его великой задачѣ; но и погибая, раненый левъ наносилъ Риму раны, отъ которыхъ тотъ никогда не исцѣлился. Ганнибалъ ловко подготовилъ возстаніе среди подданныхъ Рима въ Цизальпинѣ и началъ со сказочнаго подвига — съ *перехода черезъ Пиренеи и Альпы* со 100-тысячной арміей.

Ошеломленность римлянъ выразилась въ ихъ полководцѣ, Фабіѣ Медлителѣ, который не смѣлъ вступить въ битвы съ геніемъ побѣдъ, а только слѣдовалъ, по горамъ, за врагомъ его «тѣнью». Не обращая на него вниманія, Ганнибалъ

носился по Италіи, чтобы поднять «союзниковъ» римлянъ. Но за нимъ пошли только галлы да нѣкоторые изъ южныхъ италиковъ. Это и было второю причиной его гибели. Не помогла и знаменитая битва при *Каннахъ* (216), истребившая блестящую армію римлянъ. Ганнибалу пришлось остановиться въ Капуѣ, поджидая подкрѣпленій; но бездушная карѳагенская олигархія покинула его на произволъ судьбы, а его воины изнѣжились въ городѣ-сибаритѣ. Римляне же оказывали невиданные подвиги патріотизма: всякій жертвовалъ, что могъ; воины отказывались отъ жалованья; набиралась армія даже изъ мальчиковъ, рабовъ и колодниковъ. Явился и достойный соперникъ Ганнибалу, *Сципіонъ*, — человѣкъ заурядный по дарованіямъ, но храбрый, молодой, красивый, веселый и, какъ дитя, вѣрившій въ свою звѣзду; греческое воспитаніе доставило изящество, краснорѣчіе, ласковость этому первому симпатичному римлянину. Отлично снаряженный Сципіонъ перенесъ войну въ Африку: тамъ, подъ Замой (202), Ганнибалъ испыталъ тоже, что римляне при Каннахъ. Сципіонъ сталъ *Африканскимъ*. Карѳагеняне отдали римлянамъ всѣ свои владѣнія внѣ Африки и даже флотъ, который тутъ же былъ сожженъ.

Покореніе Македоніи и Греціи. Борьба съ Сиріей.

Римъ сталъ первою державой, получивъ гегемонію надъ всѣмъ западнымъ бассейномъ Средиземнаго м. и закрѣпивъ объединеніе Италіи устройствомъ множества колоній въ измѣнившихъ ему мѣстностяхъ. Мало того: онъ вовлекался въ дѣла разлагающагося Востока. Союзникъ Ганнибала, *Филиппъ III* македонскій, испыталъ его участь. Затѣмъ настала очередь *Антіоха III* сирійскаго, который пріютилъ у себя Ганнибала, изгнаннаго олигархами изъ Карѳагена: онъ былъ разбитъ Сципіономъ при Магнезіи (190). То былъ послѣдній подвигъ соперника Ганнибала. Сципіонъ палъ жертвой друзей старины, которые, съ Катономъ во главѣ, ненавидѣли этого — филэллина». Они три раза привлекали его къ суду за корыстолюбіе, вопреки сопротивленію его зятя и поклонника, трибуна Гракха Старшаго. Сципіонъ гордо разорвалъ свои имущественныя записи и пригласилъ восторженную толпу въ храмъ молиться за побѣдителя подъ Замой; но, наконецъ, удалился въ свою виллу, гдѣ вскорѣ умеръ, въ одинъ годъ съ Ганнибаломъ и Филопеменомъ (183): Ганнибалъ былъ выданъ римлянамъ, но принялъ ядъ. Вскорѣ *Македонія* стала римскою провинціей (168), а поколѣніе спустя (146), за нею послѣдовала *Эллада*, подъ именемъ Ахаіи.

Провинціи Африка и Азія.

Съ каждымъ новымъ успѣхомъ римляне все сильнѣе увлекались жадною *завоевательною политикой*. Они не могли выносить существованіе Карѳагена, хотя и покорнаго имъ: особенно негодовали ихъ купцы, которые и теперь не могли соперничать съ пунійскими торгашами, богатѣвшими снова. Послѣ множества самыхъ недостойныхъ придирокъ, переносимыхъ пунійцами безропотно, римляне потребовали, безъ всякаго повода, выдачи всего оружія: карѳагеняне отдали все, до послѣдняго ножа. Но о чемъ бы ни разсуждали въ сенатѣ, вліятельный Катонъ приговаривалъ: «а я все-таки полагаю, что Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ!» И вышелъ приказъ, чтобы пунійцы сами разрушили свой городъ. Карѳагеняне рѣшились лучше умереть — и погибли, покрытые безсмертною славой. Въ нѣсколько недѣль они надѣлали множество оружія, причемъ каждый приносилъ все, что было у него металлическаго въ домѣ. Женщины отрѣзывали свои косы для канатовъ и работали на укрѣпленіяхъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Обороной руководилъ *Газдрубалъ*, послѣдній изъ «львиной семьи» Барки.

4 года сопротивлялись карѳагеняне и побили нѣсколько опытныхъ римскихъ армій. Римляне принуждены были собрать всѣ свои силы и выслали своего лучшаго полководца, Сципіона Африканскаго *Младшаго*: то былъ сирота, усыновленный побѣдителемъ Ганнибала. Сципіонъ Младшій получилъ отъ Поливія греческое образованіе, которое смягчало въ немъ римскую суровость. Но ему пришлось исполнить жестокій приговоръ сената надъ упорнымъ врагомъ, который, при послѣднемъ приступѣ, не отдавалъ безъ крови ни одного окна, ни одной

крыши въ своемъ городѣ. Изъ 700.000 жителей осталось всего 50.000, отданныхъ въ рабство. Газдрубалъ сдался; но его жена съ дѣтьми бросилась въ пламя, охватившее главный храмъ, какъ послѣдняя жертва злополучной судьбы Карѳагена. Вопреки просьбѣ Сципіона, городъ былъ сравненъ съ землей, которую вспахали. Сципіонъ долженъ былъ изрѣчь проклятіе всякому, кто осмѣлится поселиться здѣсь; но онъ произнесъ при этомъ стихъ изъ Гомера о погибели гордаго Иліона. Карѳагенское государство было обращено въ римскую провинцію, подъ именемъ *Африки* (146).

Въ томъ же году римляне разрушили *Коринѳъ*, а 13 лѣтъ спустя, получили въ даръ Пергамъ, который назвали провинціей *Азіей*. Тогда же они укрѣпили за собой *Испанію*, жестоко подавивъ возстаніе туземцевъ, руководимое даровитымъ пастухомъ изъ Лузитаніи (Португалія), Виріатомъ.

Экономическій бытъ. Рабы. Періодъ пуническихъ войнъ, связанный съ невиданной завоевательной политикой, ознаменованъ переворотомъ во всѣхъ сторонахъ жизни римлянъ. Ярче всего отразился онъ въ матеріальной культурѣ. Римъ пересталъ быть крестьянскимъ государствомъ. Земледѣльческое крестьянство исчезало. Пуническія войны погубили около милліона жителей Но еще гибельнѣе дѣйствовали экономическія условія. Провинціи (особенно Сицилія) доставляли много хлѣба въ видѣ податей. Сверхъ того, сенатъ запрещалъ имъ продавать его гдѣ-либо, кромѣ Италіи, да еще покупалъ пшеницу въ другихъ государствахъ, особенно въ Египтѣ, гдѣ она продавалась за безцѣнокъ. Онъ пускалъ эти запасы по такой дешевой цѣнѣ (5 коп. четверикъ), что путешественникъ платилъ за ночлегъ и ужинъ 2 — 3 коп. Римскому крестьянину невыгодно было продавать свой хлѣбъ по такой низкой цѣнѣ: онъ бросалъ хлѣбопашество, сбывалъ свою землю и шелъ въ Римъ, надѣясь найти тамъ поденную работу или заняться ремесломъ. Богачу, купившему у него землю, также невыгодно было вести хлѣбопашество: онъ обращалъ пашни въ луга, на которыхъ паслись у него безчисленныя стада овецъ. *Овцеводство* было выгодно: за шерсть платили дорого, и ее вывозили даже заграницу. Капиталистъ занимался еще винодѣліемъ и разведеніемъ оливковыхъ деревьевъ.

Онъ быстро обогащался: рабочіе у него были очень дешевые — не наемные, а покупные: это — *рабы*. Они продавались дешево (50 -- 100 р.), потому что морскіе разбойники въ Архипелагѣ охотились за людьми по всѣмъ берегамъ. На о. Делосѣ, гдѣ былъ главный рабій рынокъ, ежедневно продавали до 10.000 рабовъ. Римскій богачъ не воспитывалъ раба у себя и даже не держалъ семейныхъ рабовъ: онъ покупалъ всегда зрѣлаго раба, а устарѣлаго или продавалъ за безцѣнокъ, или убивалъ. Рабы жили на виллѣ барина, для котораго строилась роскошная усадьба. Ихъ кормили лишь настолько, чтобы поддержать рабочую силу; ночевали они въ *эргастулахъ*, прикованные на цѣпь, съ которою иногда ходили и въ поле. Ужасная участь рабовъ приводила ихъ къ мелкимъ возстаніямъ уже во время пуническихъ войнъ, а въ 134 году вспыхнула, въ Сициліи *первая невольническая война*, въ которой принимали участіе до 200.000 рабовъ и даже свободныхъ рабочихъ. Римляне одолѣли ихъ, только благодаря голоду, и 20.000 распяли на крестѣ. Это возстаніе отразилось на Делосѣ, а также въ рудникахъ Аттики и Македоніи.

Пролетаріи и публиканы. Итакъ, Италія обратилась въ массу огромныхъ плантацій, гдѣ кишѣли рабы, но не видно было свободныхъ крестьянъ, римскихъ гражданъ. Послѣдніе ушли въ Римъ и кишѣли здѣсь такъ же, какъ рабы въ селахъ. Они и походили на рабовъ тѣмъ, что не имѣли ни гроша за душой. Это были голодные, нищіе и праздные *пролетаріи*, впрочемъ имѣвшіе верховную власть, т.-е, право голоса на сходкахъ. Они не могли даже заниматься ремесломъ: баринъ все дѣлалъ у себя дома посредствомъ рабовъ, что убивало кустарную промышленность. Въ конторахъ банкировъ и откупщиковъ — всюду служили рабы. Понятно, что Ита-

лія была тогда менѣе населена, чѣмъ въ третьемъ періодѣ, и народъ лишь по праздникамъ лакомился мясомъ и молокомъ. Все благосостояніе среды сосредоточилось въ рукахъ немногихъ семействъ, достигшихъ колоссальнаго богатства. Нигдѣ въ мірѣ не было такихъ крупныхъ капиталистовъ, какъ въ Римѣ, гдѣ человѣкъ, дававшій 100-тысячное приданое за своей дочерью, не считался богачемъ. Вездѣ, даже въ Азіи, банкирами и поставщиками стали римляне, которые составляли даже *ассоціаціи* или денежныя общества. Ихъ главнымъ предпріятіемъ были откупа, и именно государственные: *публиканы* брали у правительства на откупъ сборъ податей, т. е. платили въ казну впередъ извѣстную сумму, а сами выбирали ее потомъ съ плательщиковъ податей.

Къ концу четвертаго періода Римъ представлялъ собою два враждебныхъ лагеря — богачей и грубыхъ, лишенныхъ работы пролетаріевъ. Эти богачи сами называли себя *оптиматами* («лучшіе», переводъ греч. «аристократы»); но на дѣлѣ это была олигархія, состоявшая изъ 50 «домовъ», до того замкнутыхъ, что даже въ театрѣ для нихъ были устроены особыя мѣста. Оптиматы не допускали къ должностямъ «новыхъ людей» или выскочекъ, не принадлежавшихъ къ ихъ кругу. Выборы въ магистраты были въ ихъ рукахъ; имъ подчинялись народныя сходки, состоявшія лишь изъ наличныхъ, жившихъ въ Римѣ, гражданъ. А эти граждане были пролетаріи, которые стекались отовсюду и зависѣли отъ щедротъ богачей: оптиматамъ было легко подкупать ихъ, такъ какъ они требовали только «хлѣба да зрѣлищъ» (panem et circenses!). Сверхъ того, сходки переполнились отпущенниками, которые ходили въ тогѣ, такъ какъ оптиматы выхлопотали имъ даже право голоса; отпущенники же были кліентами своихъ бывшихъ господъ. Такъ сходки представляли пеструю и испорченную толпу, которая ничего не понимала въ политикѣ и была свободна отъ рекрутчины и податей, ложившихся на италиковъ и провинціаловъ. **Оптиматы и толпа.**

Сенатъ четвертаго періода былъ не «собраніемъ царей», а скопищемъ близорукихъ недобросовѣстныхъ себялюбцевъ. Внѣ Италіи, къ царямъ являлись напыщенные, грубые и спокойные, какъ статуи, послы сената и, грозя легіонами, обращали ихъ въ вассаловъ. Затѣмъ изъ Рима прокрадывались козни. Наконецъ, посылалась *сенатская коммиссія* съ легіонами для умиротворенія партій, — и еще одно царство превращалось въ римскую провинцію. *Провинція считалась* и сенатомъ, и толпой *созданною для обогащенія Рима*. Кромѣ большихъ наборовъ и податей, у нея брали, при войнахъ, хлѣбъ за ничтожную плату. Особенно терзали ее публиканы и проконсулы. *Проконсулъ*, которому не давали жалованья, пріѣзжалъ въ провинцію для кормленія. Онъ былъ голоденъ: добываніе курульскихъ должностей стоило дорого, а его назначали только на годъ, такъ какъ многимъ хотѣлось покормиться. Также смотрѣли оптиматы, да и самая толпа въ Римѣ, на *италиковъ*. На нихъ ложилась главная тяжесть войнъ, а награду получали одни «римскіе граждане», которые становились притомъ все заносчивѣе: послѣдній римскій пролетарій презрительно относился, какъ «римскій гражданинъ», къ достойнѣйшему латину, а сенатъ не разъ внезапно выгонялъ десятки тысячъ латинъ, переселившихся въ Римъ и долго жившихъ тамъ. Даже на латинъ, не говоря уже объ остальныхъ «союзникахъ», не распространили той отмѣны тѣлеснаго наказанія и смертной казни, которая была дарована тогда римскимъ гражданамъ. **Характеръ правительства.**

Понятно, къ чему должна была привести такая правительственная система: къ концу четвертаго періода подготовлялись возстанія пролетаріевъ, рабовъ, провинціаловъ и «союзниковъ». Сверхъ того, уже обнаружился расколъ среди оптиматовъ. Возникла жестокая борьба между двумя разрядами, на которое распалось оптиматство — между *сенаторствомъ* и *всадничествомъ*. Сенаторы напоминали спѣсивыхъ патриціевъ — родовую и правительственную аристократію; всадники стали купеческою, денежною аристократіей.

Оппозиція. Популяры.

Уже съ конца третьяго періода началась *оппозиція* правленію знати, но она была слаба численно и состояла изъ такихъ посредственностей, какъ Фабій Медлитель и ему подобные полководцы. Она задалась — *возстановить старину*. Ея представителемъ былъ *Катонъ Старшій*. Когда Катонъ сталъ цензоромъ, оппозиція достигла власти: и оказалось, что она болѣе походила на служителей полиціи, чѣмъ на государственныхъ мужей. Катонъ понималъ только внѣшнюю политику: онъ возставалъ противъ стремленія знати къ угнетенію союзниковъ и къ расширенію республики на востокъ далѣе Адріатическаго моря; но онъ же, съ римской жестокостью и упрямствомъ, требовалъ разрушенія Карѳагена.

Впрочемъ, ранняя оппозиція, еще до Катона (около 240), успѣла провести одну важную мѣру: это — *реформа центуріатныхъ комицій*, по которой Сервіевы классы получили равное число голосовъ — по 70 центурій въ каждомъ. Слѣдовательно, I-й кл., имѣвшій прежде болѣе половины голосовъ теперь располагалъ только $^1/_5$ ихъ. Такъ въ основу центуріатной сходки легъ такой же принципъ, какъ въ трибутныхъ комиціяхъ. Оттого оба рода сходокъ почти сливались: многія дѣла рѣшались безразлично то въ трибахъ, то въ центуріяхъ. Въ одно время съ реформой комицій выступилъ, какъ вождь демократіи, *Фламиній*, который ввелъ «плебейскія игры» рядомъ съ «римскими играми» знати. При господствѣ оптиматовъ опозиція получила названіе *популяровъ* (*populus* — греч. демосъ).

Старые нравы. Катонъ Старшій.

Но уже зрѣла настоящая оппозиція, партія коренныхъ реформъ. Она была плодомъ новаго воспитанія, новыхъ идей, перевернувшихъ и умы, и нравы. Противоположность между новыми и древними нравами лучше всего обрисовывается жизнью и сочиненіями фанатика старины, Марка Порція *Катона Старшаго* (234 — 149), хотя онъ былъ не изъ знатныхъ. Катонъ выдвинулся заслугами, какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприще: онъ дослужился до званія консула и цензора. Богатырь здоровьемъ и мускульною силой, этотъ честный, правосудный патріотъ отличался такою же крѣпостью воли. Прилежный самоучка, онъ сталъ извѣстенъ также, какъ юристъ, политикъ, писатель и хозяинъ-экономъ. Но образованіе не изгладило закорузлой «деревенщины». Этого отчаяннаго защитника всего старомоднаго зналъ каждый ребенокъ въ Римѣ. Онъ хорошо извѣстенъ и намъ, благодаря своимъ «Наставленіямъ сыну» — родъ римскаго Домостроя, прекрасно рисующаго патріархальные нравы квиритовъ.

Вотъ идеалъ Катона. Изъ сына нужно сдѣлать сильнаго, выносливаго и храбраго мужа, не заботясь о развитіи его ума. Съ женщиной нужно обращаться строго: это — вредное созданіе, любящее вздорить да наряжаться. Еще суровѣе должно обходиться съ рабомъ: сѣки его за малѣйшее упущеніе, напр., при подачѣ блюдъ. Слѣдуетъ покупать раба молодого и подешевле, потомъ хорошенько выкормить его, обучить — и продать подороже. Впрочемъ, должно защищать своихъ подданныхъ, рабовъ и кліентовъ, считать ихъ какъ бы членами семьи: матрона можетъ кормить ребенка раба. Творецъ «Домостроя» отъ всей души ненавидѣлъ всякую иноземщину. Онъ бранилъ эллинскую науку, называлъ поэзію и искусства вредною забавой и придерживался, вмѣсто греческихъ врачей, старыхъ нашептываній, причитаній да знахарей. Онъ совѣтывалъ до свѣта вставать и вѣчно трудиться надъ «нашей общей кормилицей», землей, отнюдь не занимаясь безчестнымъ ремесломъ — ростовщичествомъ. Катонъ и жилъ, какъ древній «римскій гражданинъ». Онъ ѣлъ то же, что и его рабы — простую домашнюю пищу, пилъ плохое римское вино да воду съ уксусомъ; его услаждала пискливая доморощенная дудка. Писалъ онъ по стариковски, большими каракулями и медленно. Одѣвались Катонъ и его матрона, какъ при Брутѣ: у нихъ не было платья дороже 25 р. Въ домѣ у него не было ни одного ковра и не допускалось штукатурки на деревянныхъ стѣнахъ. Говорилъ Катонъ мало, смѣялся еще меньше.

Такому-то пережитку древности пришлось коротать свой вѣкъ среди совсѣмъ новаго нравственнаго міра. Общество преобразилось, подъ вліяніемъ иноземнаго просвѣщенія. Прежде *воспитаніе* ограничивалось грамотой да зубреніемъ XII таблицъ въ начальныхъ школахъ, а больше — просто примѣромъ «отца семейства»; теперь же всякій наровилъ запастись греческимъ рабомъ, чтобы ознакомить своихъ дѣтей съ языкомъ и литературой Эллады. Бытъ сталъ разнообразнѣе и шире: прежде требовалось жить важно, и даже печально, чопорно, теперь же — свободно, весело, по-гречески. Прежде молчаливость считалась добродѣтелью, теперь же стали много болтать и свободно разсуждать обо всемъ. Но большинство заимствовало не лучшія, а худшія стороны греческой цивилизаціи. Исчезла строгая преданность и мужественная честность. **Новые нравы.**

Общество впадало въ *легкомысліе* и распущенность. *Семья разлагалась*: разводы стали легки и часты; бракъ изъ церковнаго учрежденія превратился въ гражданское *«соглашеніе»*, и число женатыхъ падало. *Женщина*, правда, пріобрѣтала свободу и имущественныя права, начинала даже играть роль въ политикѣ: появились статуи матронамъ. Но на ней же ярче всего отразилась легкость нравовъ, и въ особенности *роскошь*. Женщины стали носить «столы» (платья) съ богатымъ шитьемъ, розовыя накидки, золотыя пояса, пурпурные шлейфы; онѣ обвѣшивались драгоцѣнными украшеніями и стали ѣздить на колесницахъ парой и даже четверней. Въ то же время въ Римѣ появилась масса бездѣлушекъ, серебряной утвари съ двусмысленными украшеніями, дорогихъ дивановъ и кроватей съ бронзовой отдѣлкой, ковровъ «аттальскихъ покрововъ», похожихъ на золотой штофъ. Особенно роскошенъ сталъ *обѣдъ*. Стало развиваться *отвращеніе къ труду*, страсть къ бездѣльничанью и къ развлеченіямъ. Оттого, подлѣ старыхъ «римскихъ игръ», возникло еще четыре народныхъ празднества, на которыя эдилы тратили иной разъ до 50,000 руб. Римскія празднества и общественныя игры отличались грубостью и даже звѣрствомъ. Въ четвертомъ періодѣ уже мало было скачекъ, борьбы, и кулачныхъ боевъ: на аренѣ появились сначала зайцы и лисицы, а потомъ пантеры и львы. Наконецъ, при началѣ пуническихъ войнъ, появились *гладіаторы*.

Новые нравы распространялись быстро. Ничѣмъ нельзя было остановить ихъ: самъ Катонъ оказался въ смѣшномъ положеніи. Когда упрямый старикъ былъ назначенъ цензоромъ, онъ такъ ополчился противъ всего новомоднаго, что заслужилъ прозвище *«Censorius»*, въ смыслѣ «Строгаго». Катонъ до того преслѣдовалъ казнокрадство, что затрогивалъ даже такихъ героевъ, какъ Сципіонъ; за что 44 раза попадалъ подъ судъ. Особенно безпощаденъ былъ онъ къ роскоши. Наконецъ, Катонъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ борьбѣ съ женщинами изъ за-моды. Когда начала распространяться страсть къ роскошнымъ нарядамъ, былъ изданъ законъ, запрещавшій матронамъ носить пестрыя платья и дорогія украшенія. Въ консульство Катона толпа римлянокъ пришла на форумъ и съ бранью, криками и воплями начала требовать отмѣны этого закона. «Неужели же (кричали матроны) мы не стоимъ тѣхъ лошадей, которыхъ вы украшаете, въ торжественныхъ поѣздахъ, пурпуровыми попонами?» Катонъ долго и строго увѣщевалъ бунтовщицъ, но кончилось тѣмъ, что законъ отмѣнили.

Въ эпоху пуническихъ войнъ духъ новшества овладѣлъ даже религіей и всей идейной культурой, которая тогда и зародилась подъ эллинскимъ вліяніемъ. Римляне тѣмъ легче поддавались этому вліянію, что не могли противопоставить ему ничего своего. Тогда вездѣ разлагались первобытныя *національныя религіи*; а въ Римъ эллинизмъ проникъ уже въ царскій періодъ. Къ тому же римляне всегда отличались внѣшнею набожностью, которая превратилась, въ четвертомъ періодѣ, просто въ греческую обрядность. Теперь обряды стали многочисленны, строги и пышны. Въ ганнибалову войну римляне со страху хватались за все; само правительство отправило торжественное посольство въ Малую Азію, чтобы при- **Эллинизмъ. Религія.**

везти оттуда «Великую матерь боговъ», *Кибелу*, въ видѣ дикаго камня. Вслѣдъ затѣмъ возникло въ Римѣ торжественное служеніе египетскимъ богамъ, *Изидѣ* и *Серапису*, въ особенности же греческому *Вакху*. Въ честь Вакха совершались грязныя и преступныя оргіи, прославившіяся подъ именемъ «вакханалій»: члены этого «тайнаго союза» занимались даже составленіемъ ложныхъ завѣщаній, клятвопреступленіемъ, убійствами, отравленіями и т. д. Правительство схватило однажды до 7.000 вакхантовъ и вакханокъ и почти всѣхъ ихъ казнило.

Литература. Эллинское вліяніе вызвало и *литературу* въ Римѣ. До него была только грязная народная «сатира» — мужицкія штуки надъ своей же братьей, исполнявшіяся рабами да презрѣнными иноземцами. Теперь же, съ быстрымъ распространеніемъ *греческаго языка* среди интеллигенціи, появились переводы греческихъ драмъ и Гомера. Если возникли и собственные даровитые комики, *Плавтъ* и *Теренцій* («Скупой» Мольера заимствованъ у Плавта), то у нихъ почти все — греческое. Комедія даже называлась тогда «палліатной», отъ греческаго плаща (*pallium*), въ который одѣвались актеры. Проза, которая началась тогда же, была въ рукахъ знати, писавшей прямо по-гречески. Ея первымъ образцомъ на латинскомъ языкѣ были «начатки» (Origines) *Катона*; но и эта исторія Рима, составлена, главнымъ образомъ, по греческой лѣтописи. «Наставленія» Катона, эта единственная энциклопедія того времени, сработана также по греческимъ книгамъ. Важны были зачатки *краснорѣчія* и *юриспруденціи*. Сципіонъ и тотъ же Катонъ были уже видными политическими ораторами: ихъ рѣчи распространялись въ спискахъ. Завелись бойкіе адвокаты, и славился юристъ, Муцій Сцевола, въ родѣ котораго законовѣдѣніе стало какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ.

Искусство. Еще рѣшительнѣе сказывался эллинизмъ въ *искусствѣ*. Тутъ римляне все еще не имѣли ничего своего: они только собирали греческія статуи и картины, составляя родъ музеевъ, да завели греческій обычай покрывать гробницы надписями. Въ четвертомъ періодѣ замѣтенъ успѣхъ только въ *зодчествѣ*. Къ этрусскимъ сводамъ и аркадамъ присоединились греческія колоннады (перистили), хотя здѣсь, вмѣсто греческой граціозности и изящества, господствуютъ римская величавость и жалкое смѣшеніе стилей: иногда въ одномъ и томъ же храмѣ соединялись колонны іоническія, дорическія и коринѳскія. Но больше всего римлянамъ понравился *коринѳскій* стиль, которому они придавали много затѣйливости и пестроты. Римляне любили ставить храмы на просторѣ: поэтому у нихъ явилось много красиво устроенныхъ *форумовъ* (площадей). А чтобы божество было видно отовсюду, они строили круглые храмы, безъ стѣнъ, съ одною колоннадой и съ куполомъ. Въ это же время въ Римѣ появились *базилики*, послужившія основой христіанскимъ храмамъ. Это — длинный крытый четыреугольникъ съ колоннами внутри и возвышеннымъ полукружіемъ на концѣ. На этомъ возвышеніи засѣдалъ судъ, а въ остальной залѣ были лавки — гостинный рядъ. Наконецъ, тогда же вполнѣ развился римскій *домъ*. Кромѣ атріума, въ немъ появились «таблинумъ» — кабинетъ хозяина и «перистиль» — зала съ колоннадами безъ крыши, гдѣ былъ бассейнъ съ рыбами и цвѣты, украшавшіе обѣдъ. Былъ и второй этажъ, игравшій роль терема. Кое-гдѣ воздвигались роскошныя общественныя зданія, но не только изъ греческаго мрамора, а и греческими мастерами.

ЛЕКЦІЯ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Паденіе республики. 146—30.

Пятый періодъ римской исторіи (146—30) есть время *разложенія республики*. Въ это время населеніе снова увеличилось: въ Италіи уже не могло быть новыхъ колоній, а за море римлянинъ не шелъ. Заработная плата пала, такъ что и трудолюбивому человѣку трудно было прокормиться поденщиной. Такое печальное положеніе республики внушало серьезныя опасенія лучшимъ патріотамъ, развившимся подъ вліяніемъ греческой образованности, — и возникла болѣе рѣшительная оппозиція. Кружокъ Сципіоновъ.

Центромъ патріотовъ была *фамилія Сципіоновъ*, несмотря на то, что она принадлежала къ числу самыхъ важныхъ оптиматовъ. Толпа обожала Сципіона Африканскаго Старшаго, который даже отдалъ свою дочь, *Корнелію*, за народнаго трибуна, Гракха Старшаго; а за нее сватался египетскій царь. Корнелія слыла украшеніемъ знати, была богата, красива, умна и образована по-гречески: ея письма долго считались образцами римской прозы. Корнелія горячо любила своихъ сыновей, Тиверія и Гая, и сама обучала ихъ. Она передала имъ не только свои познанія, но также и свой пылкій патріотизмъ и высокую нравственность. Когда одна оптиматка попросила ее показать свои сокровища, она указала ей на уютную спаленку, гдѣ покоились ея дѣти. Когда сыновья подросли, они развивались въ томъ же духѣ въ обществѣ своего двоюроднаго брата, *Сципіона Африканскаго Младшаго*, который женился на ихъ сестрѣ. Здѣсь уже много говорили о необходимости реформъ. Здѣсь былъ горячій *Аппій Клавдій*, на дочери котораго женился Тиверій Гракхъ, юристъ *Муцій Сцевола* и др. Здѣсь же собирались греческіе и римскіе писатели. Отсюда-то выходили попытки преобразованій.

Предстояла *борьба*, которая требовала сильныхъ мѣръ и геройскихъ борцовъ. Такими борцами были молодые *Гракхи*, люди желѣзнаго характера и необыкновенной энергіи. Никто не могъ сравниться съ ними въ патріотизмѣ: они готовы были положить свою жизнь за римскій народъ. Братья горячо любили другъ друга и, подъ вліяніемъ благородной Корнеліи, сговорились помочь своему отечеству. Но характеромъ они не походили другъ на друга. Тиверій — спокойная, кроткая, мягкая натура. Гай же былъ пылокъ и неукротимъ; онъ не только самъ увлекался дѣломъ до самозабвенія, но увлекалъ другихъ; у него было много друзей, готовыхъ пожертвовать за него жизнью. Гай былъ также замѣчательнымъ политикомъ и лучшимъ ораторомъ въ Римѣ; его краснорѣчіе было ни риторствомъ, а страстью, которая иногда до того душила его, что онъ заикался и путался въ словахъ.

Тиверію Гракху не было 30 лѣтъ, когда его выбрали въ трибуны (133). Онъ тотчасъ же предложилъ возстановить Лициніево законодательство съ небольшими измѣненіями. Именно: 1) Не дозволять никому занимать болѣе 500 югеровъ общественнаго поля для себя и 250 для каждаго изъ своихъ взрослыхъ сыновей, въ видѣ *наслѣдственной* аренды. 2) Остальную часть поля отдать бѣднымъ римскимъ гражданамъ и итальянскимъ союзникамъ (по 30 югеровъ), но *не въ полную собственность*, а въ наслѣдственную аренду, чтобы бѣдняки снова не продали своихъ участковъ богачамъ. 3) Для перваго обзаведенія выдать этимъ бѣднякамъ сокровища (казну) пергамскаго царя Аттала, который тогда завѣщалъ римлянамъ свое достояніе. Когда Тиверій предложилъ эти законы на сходкѣ, народъ ликовалъ. Но оптиматы начали готовиться къ отпору. Когда Тиверій, говоря въ комиціяхъ объ угрожающей ему опасности, указалъ на свою Братья Гракхи.

голову, сенаторы объяснили, что онъ проситъ царской діадемы и начали вооружаться. Когда истекъ срокъ трибуната Тиверія, народъ хотѣлъ выбрать его снова; но сенаторы, засѣдавшіе въ сосѣднемъ храмѣ, бросились на сходку, вооруженные чѣмъ ни попало. Изумленный такой дерзостью, народъ разбѣжался; Тиверій и 300 его приверженцевъ были перебиты. Ихъ назвали «измѣнниками», и тѣла ихъ бросили въ Тибръ. Во главѣ сенаторовъ оказался Сципіонъ, который перешелъ изъ одной партіи въ другую. Вскорѣ его нашли задушеннымъ въ собственной постели.

Римъ вступалъ на путь революціи; за первымъ потрясеніемъ долженъ былъ послѣдовать рядъ переворотовъ. По смерти Тиверія, вольски открыто потребовали правъ римскаго гражданства, и ихъ пришлось усмирять войсками. Затѣмъ, разразилась первая невольническая война. А въ Римѣ росло волненіе, когда были отмѣнены законы Тиверія. Во главѣ недовольныхъ сталъ *Гай Гракхъ*, которому не было и 30 лѣтъ. Въ 123 г. онъ былъ избранъ трибуномъ и тотчасъ же предложилъ рядъ законовъ въ пользу бѣдняковъ. Касательно общественнаго поля Гай требовалъ того же, что и Тиверій, да еще устраивалъ для бѣдныхъ колоніи, и впервые за моремъ; онъ предложилъ также ежемѣсячно выдавать почти даромъ хлѣбъ пролетаріямъ, посѣщавшимъ сходку, и еще давать имъ работу на общественныхъ постройкахъ. Чтобы подорвать силу оптиматовъ, Гай разжегъ вражду между сенаторами и всадниками: онъ постановилъ отнять судъ у сената и передать его всадникамъ, образовавшимъ теперь могущественную ассоціацію, которую называли «купеческимъ сенатомъ». Наконецъ, онъ предложилъ дать права римскаго гражданства итальянскимъ союзникамъ. Но этою-то мѣрой и воспользовались оптиматы, чтобы погубить его.

Когда Гракхъ уѣхалъ въ Африку для основанія колоніи, сенаторы стали приходить на сходку и клеветать на него, какъ на друга союзниковъ, «которые отнимутъ у васъ половину хлѣба и мѣстъ на празднествахъ». Въ то же время они начали предлагать пролетаріямъ еще больше выгодъ, чѣмъ Гай. Обманутая толпа не выбрала своего заступника вновь въ трибуны на 121 г. Гракхъ пришелъ на сходку, но всюду увидалъ вооруженныхъ прислужниковъ сената. Онъ удалился на Авентинъ — этотъ плебейскій Капитолій. Оптиматы послѣдовали за нимъ и начали бить его приверженцевъ. Гай хотѣлъ заколоться, но часть друзей увлекла его за городъ, между тѣмъ какъ остальные пали въ борьбѣ съ врагами, стараясь дать ему время бѣжать. Гракхъ остановился за Тибромъ, въ ближайшей рощѣ, гдѣ вѣрный рабъ закололъ его по его просьбѣ.

Правленіе торжествующихъ оптиматовъ представляло теперь одинъ изъ худшихъ примѣровъ *олигархіи*. Оно опозорилось невиданнымъ соблазномъ, извѣстнымъ подъ именемъ *югуртинской войны*. Царь Нумидіи, (страна отъ Марокко до Кирены), дикій и хитрый сынъ пустыни, Югурта, былъ вассаломъ Рима. Онъ началъ истреблять своихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, Адгербалъ, пожаловался въ Римъ; но Югурта подкупилъ сенаторовъ и остался правъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ умертвилъ и Адгербала, причемъ даже перерѣзалъ много римскихъ колонистовъ. Сенатъ послалъ войско въ Африку, но Югурта подкупилъ консула, и тотъ заключилъ съ нимъ миръ. Въ Римѣ народъ вознегодовалъ на сенаторовъ и заставилъ ихъ снова призвать Югурту на судъ. Нумидіецъ самъ явился въ Римъ и подкупилъ судей. А пока тянулся судъ, онъ жилъ роскошно, высказывалъ презрѣніе къ римлянамъ и на глазахъ у нихъ убилъ еще одного своего родственника. Римляне снова заставили сенатъ объявить войну Нумидіи. Уѣзжая изъ Рима, Югурта сказалъ: «Продажный городъ! Еслибъ были деньги, тебя можно бы купить всего». Онъ опять сталъ подкупать римскихъ полководцевъ и бить ихъ войска. Наконецъ, сенатъ прислалъ честнаго *Метелла*, — и Югурта тотчасъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ сосѣднюю Мавританію. Между тѣмъ, кончился годъ консульства Метелла. Служившій у него Марій попросился въ отпускъ,

чтобы выступить въ Римѣ его соперникомъ на консульскихъ выборахъ. «Погоди, — сказалъ ему Метеллъ, — вотъ подростетъ мой сынъ: съ нимъ ты будешь состязаться на выборахъ». Но Марій увлекъ комиціи горячими рѣчами противъ оптиматовъ и былъ избранъ консуломъ. Впрочемъ, и онъ не могъ совладать съ Югуртой. Его молодой квесторъ, *Сулла*, взялся изловить врага хитростью, въ чемъ и успѣлъ. Но слава побѣды досталась Марію: въ его тріумфѣ шелъ царь Нумидіи въ золотыхъ цѣпяхъ и въ царской одеждѣ. Югурта вскорѣ умеръ отъ стужи и голода въ сыромъ подземельѣ, которое онъ назвалъ «ледяною баней».

Марій. Кимвры и тевтоны.

Марій, которому было уже за 50, сталъ первымъ лицомъ въ Римѣ. Онъ родился въ горной деревушкѣ. Рано развилось въ немъ честолюбіе: онъ бросилъ плугъ и поступилъ въ солдаты; вскорѣ онъ отличился и сталъ офицеромъ. Но онъ желалъ достигнуть высшихъ должностей, и для этого женился на богатой дѣвушкѣ изъ знатнаго рода Юліевъ. Марій всегда оставался мужикомъ. У него былъ грубый и громкій голосъ, свирѣпый взглядъ, неуклюжія манеры, отрывистая народная рѣчь; въ пищѣ онъ былъ неразборчивъ. Онъ не зналъ ничего моднаго и сознавался, что спитъ въ театрѣ при представленіи греческихъ пьесъ. Марій сохранялъ деревенскія суевѣрія: онъ возилъ съ собой сирійскую ворожею, которая предсказала ему, что онъ будетъ *семь* разъ консуломъ. Счастье оправдало ея слова. Когда Марій возвратился изъ Африки, пронеслась вѣсть о новомъ нашествіи варваровъ съ сѣвера, и его вторично выбрали въ консулы. Война съ варварами продолжалась 4 года, и пришлось каждый годъ выбирать Марія въ консулы. Онъ оправдалъ надежды согражданъ, какъ прекрасный полководецъ, котораго обожали солдаты, несмотря на желѣзную дисциплину.

Марій даже преобразовалъ армію. Такъ какъ «римскихъ гражданъ» было мало, то онъ набралъ солдатъ изъ провинцій и сталъ принимать пролетаріевъ. Эти люди, лишенные земли и занятій, навсегда поступали въ солдаты: лагерь сталъ ихъ отечествомъ, полководецъ — божествомъ, а *серебряный орелъ*, введенный Маріемъ, какъ знамя, замѣнилъ имъ все дорогое человѣку. Вотъ почва, на которой выросла *военная диктатура*, проявившаяся уже тогда: Марій на полѣ битвы наградилъ двѣ когорты римскимъ гражданствомъ и отвѣчалъ на протестъ сената, что «въ шумѣ битвы не могъ разслушать голоса закона». 500 отборнѣйшихъ солдатъ составили лейбъ-гвардію полководца; они всегда находились подлѣ «преторіума» (главной квартиры), почему наказывались *преторіанцами*. Марій бросился съ новою арміей къ Альпамъ, навстрѣчу варварамъ. То были *кимвры* и *тевтоны* — народы германскаго племени. Они были свирѣпы и храбры, отличались огромнымъ ростомъ, одѣвались въ звѣриныя шкуры. Кимвры и тевтоны сначала вторгнулись въ Транзальпійскую Галлію (Провансъ) и тамъ истребили всю 100-тысячную армію римлянъ. Затѣмъ, варвары нахлынули на Италію, но, въ свою очередь, они были уничтожены Маріемъ, которому отлично помогалъ Сулла. Въ 100-мъ г. побѣдитель возвратился въ Римъ, съ пышнымъ тріумфомъ, и былъ выбранъ консуломъ въ шестой разъ.

Преемники Гракховъ.

Марій сталъ первымъ человѣкомъ въ своемъ отечествѣ. Всѣ заискивали расположенія «спасителя Рима»; а пролетаріи даже приносили ему жертвы, какъ божеству. Но онъ не понималъ тонкостей политики и, какъ солдатъ, не любилъ шума сходокъ, опасался революцій. Оттого онъ въ одной комнатѣ перешептывался съ пролетаріями, въ другой — съ оптиматами; наконецъ, предпочелъ удалиться въ Азію, чтобы наблюдать за Митридатомъ, собиравшимся напасть на Италію.

А въ Римѣ тѣмъ временемъ ожесточенно боролись партіи: на улицахъ нерѣдко происходила рѣзня. Сначала свирѣпствовали оптиматы, съ Метелломъ во главѣ: они убили краснорѣчиваго, великодушнаго трибуна *Сатурнина*, поддерживавшаго мѣры Гая Гракха. Потомъ возобладали пролетаріи: и Метеллъ былъ отравленъ. У народа явился вождь, *Ливій Друзъ*, напоминавшій Гая Гракха пылкостью, молодостью и народолюбіемъ, хотя это былъ оптиматъ и одинъ изъ

первыхъ богачей въ Римѣ. Его дверь и кошелекъ всегда были открыты для толпы, которая тѣснилась передъ его домомъ, а въ театрѣ вставала, при его появленіи, и рукоплескала. Друзъ предложилъ почти такіе же законы, какъ Гай Гракхъ, но особенно настаивалъ на дарованіи *римскаго гражданства всѣмъ союзникамъ* въ Италіи. Союзники даже вошли съ нимъ въ тайные переговоры и письменно поклялись защищать его. Но они были далеко, а оптиматы близко. Однажды вечеромъ, когда Друзъ, возвращаясь домой, прощался на порогѣ своего дома съ толпой, ударъ сзади поразилъ его. Друзъ успѣлъ произнести только: «Не скоро явится въ Римѣ гражданинъ, равный мнѣ!»

Союзническая война. Убійство Друза едва не погубило республики. Италійскіе союзники рѣшились жестоко отомстить за смерть своего любимца. Они видѣли, что теперь лопнули ихъ надежды; а ихъ положеніе было невыносимо. Съ нихъ брали много рекрутъ, которыхъ полководецъ могъ безъ суда казнить своею «сѣкирой»; римскіе чиновники распоряжались въ ихъ городахъ, уничтожая ихъ муниципальное самоуправленіе. Вдругъ поднялась почти вся Италія; къ союзникамъ пристали рабы; Митридатъ вступилъ въ союзъ съ ними. Столицей союза, назвавшагося *Италіей*, сталъ Корфиніумъ, въ ущельяхъ марсовъ, переименованный въ Италику (Италійскій): это была копія Рима, съ своимъ сенатомъ, комиціями, и т. д Три года Италія отчаянно боролась съ Римомъ и едва не взяла его. Передъ общимъ врагомъ въ Римѣ замолкли раздоры. Оптиматъ Сулла и демократъ Марій дѣйствовали заодно. Но Марій былъ вялъ, а Сулла пріобрѣлъ громкую славу своею энергіей, быстротой и изобрѣтательностью. Впрочемъ, римляне побѣдили не войсками, а своимъ правиломъ: «раздѣляй и властвуй». Они объявили, что дадутъ римское гражданство всякому, кто перейдетъ къ нимъ въ 2-мѣсячный срокъ. Часть союзниковъ тотчасъ же положила оружіе; остальные примирились съ условіемъ, что имъ дадутъ потомъ римское гражданство.

Первая междоусобная война. Союзниковъ обманули: имъ ничего не дали. Теперь оптиматовъ тревожилъ одинъ Митридатъ — и они снарядили армію противъ него, назначивъ ея вождемъ Суллу, который и отправился въ Кампанію къ войскамъ. Этого не могъ стерпѣть Марій: онъ только и мечталъ, что объ азіатскомъ походѣ, который доставилъ бы ему седьмое консульство. Его приверженцы разогнали сенатъ и перебили много оптиматовъ; самъ Сулла едва спасся, благодаря Марію же, который великодушно спряталъ его въ своемъ домѣ. Комиціи назначили Марія полководцемъ вмѣсто Суллы. Но теперь поднялся *Сулла* во весь свой ростъ. До сихъ поръ онъ не думалъ о великой государственной роли, довольствовался военной славой и предавался разгулу. Но теперь его оскорбило то, что у него хотятъ отнять армію и азіатскій походъ; и онъ сталъ заклятымъ врагомъ того самаго Марія, который только-что спасъ ему жизнь. Онъ бросился, съ своимъ войскомъ, въ Римъ, хладнокровно перерѣзалъ множество народу, не исключая женщинъ и дѣтей, и разогналъ маріанцевъ. Самъ Марій успѣлъ спастись въ рыбачьей лодкѣ; но за нимъ слѣдовали по пятамъ палачи Суллы. Скрываясь отъ нихъ, старикъ попалъ въ Минтурнскія болота, откуда его вытащили и бросили въ тюрьму. Марія хотѣли казнить но палачъ, кимвръ, бѣжалъ, когда тотъ свирѣпо взглянулъ на него и крикнулъ: «И ты, рабъ, осмѣлишься умертвить Марія!» Минтурнцы увидѣли въ этомъ знакъ воли боговъ и дали Марію денегъ и корабль, который увезъ его въ Африку. Посѣтивъ развалины Карѳагена, Марій долго проживалъ въ этой странѣ со своимъ сыномъ, въ лохмотьяхъ, питаясь подаяніемъ бѣдныхъ колонистовъ. Однажды онъ получилъ приказаніе отъ мѣстнаго проконсула уйти отсюда. «Поди — сказалъ онъ посланному — и доложи своему господину, что видѣлъ Марія на развалинахъ Карѳагена».

Звѣрства Марія. Между тѣмъ, Сулла сталъ владыкой Рима. Онъ почти уничтожилъ трибунатъ и отмѣнилъ раздачу хлѣба народу, но въ то же время показывалъ видъ, будто уважаетъ древніе законы, и разрѣшилъ народу назначить консуловъ. Сходка,

состоявшая изъ пролетаріевъ, выбрала Маріева друга, *Цинну* — храбраго офицера, но плохого политика и кровожаднаго, грубаго человѣка. Сулла подавилъ свое негодованіе, опасаясь силы пролетаріевъ, и поспѣшилъ на Востокъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ доблестно боролся съ Митридатомъ. При помощи своего храбраго офицера, *Лукулла*, онъ разрушилъ Аѳины и уничтожилъ втрое сильнѣйшее войско понтійскаго царя; а затѣмъ свирѣпствовалъ въ Азіи такъ-же, какъ въ Римѣ, грабя ее, чтобы собрать средства для борьбы въ отечествѣ. А она была неизбѣжна. Въ его отсутствіе, въ Римѣ настало царство пролетаріата. Съ помощью войскъ и получившихъ свободу рабовъ, Цинна уничтожилъ все, что сдѣлалъ Сулла для оптиматовъ, и призвалъ Марія. Съ нимъ былъ другой приверженецъ пролетаріевъ, *Серторій* — человѣкъ образованный, очень талантливый, добрый до нѣжности. Серторій отличался и какъ политикъ, обладавшій даромъ пылкаго краснорѣчія, и какъ воинъ: солдаты горячо любили его и называли Новымъ Ганнибаломъ.

Марій подвигался къ Риму, окруженный друзьями. Онъ былъ въ грязи и лохмотьяхъ. Изможденный старикъ упорно молчалъ; только взоры его дико сверкали: это былъ почти трупъ, одушевленный одною жаждой мести и крови. Римляне ужаснулись и прислали просить пощады. Марій молчалъ; а когда вступилъ въ городъ, велѣлъ запереть всѣ ворота — и его шайка бросилась рѣзать всякаго, кому онъ не кланялся, 5 сутокъ кровь лилась рѣкой въ Римѣ. Цинна и Серторій старались остановить ужасы, но Марій все повторялъ: «смерть, смерть!» Онъ любовался, за обѣдомъ, отрубленными головами сенаторовъ, ругался надъ ихъ трупами. Между тѣмъ, Цинна назначилъ Марія консуломъ въ *седьмой* разъ. Исполнилось предсказаніе ворожеи — и старику можно было умереть. Онъ не могъ спать: тѣни убитыхъ преслѣдовали его даже во снѣ. Онъ началъ горько пить и вскорѣ умеръ, сражаясь въ бреду съ Митридатомъ и проклиная Суллу, а съ нимъ и все человѣчество (86 г.). Серторій и Цинна тотчасъ же перекололи 4.000 головорѣзовъ Марія, чтобы успокоить Римъ, — и настало 3-лѣтнее господство Цинны, который каждый годъ самъ назначалъ себя консуломъ. Римляне успокоились; особенно были довольны италики, получившіе давно желанныя права. Но Цинна долженъ былъ готовиться къ встрѣчѣ съ Суллой. Онъ началъ вооружаться, но былъ умерщвленъ какимъ-то недовольнымъ солдатомъ.

Побѣда оптиматовъ.

Вождями пролетаріевъ стали Серторій и 23-лѣтній *Марій Младшій*, не наслѣдовавшій даже военнаго таланта отца. За ними шла почти вся Италія, а также «новые граждане» — италики. Между тѣмъ, Сулла, расправившись съ Митридатомъ, оставилъ въ Азіи своего друга, Лукулла, а самъ внезапно возвратился въ отечество: съ нимъ было преданное войско, но вдвое менѣе сильное, чѣмъ у противниковъ. Къ нему стекались запуганные оптиматы, во главѣ которыхъ красовался 22-лѣтній блестящій офицеръ, *Помпей*. Сулла искусно подвигался къ Риму, но чуть не погибъ подъ его стѣнами. Здѣсь междоусобная битва длилась три дня и поглотила по 50.000 съ каждой стороны. Сулла былъ уже разбитъ, какъ вдругъ его выручилъ ловкимъ маневромъ даровитый молодой офицеръ, *Крассъ*. Римъ сдался оптиматамъ; Марій Младшій зарѣзался съ отчаянія; Серторій бѣжалъ изъ Италіи. Помпей оказалъ чудеса храбрости. Сулла разрѣшилъ ему тріумфъ, назвалъ его «великимъ» и «императоромъ» (высшая военная почесть) и отдалъ за него свою дочь, приказавъ, ему развестись съ прежнею женой. Затѣмъ, побѣдитель вступилъ въ Римъ и велѣлъ сенату назначить себя диктаторомъ «безъ срока».

Диктатура Суллы.

Сулла пріобрѣлъ деспотическую власть. Онъ явился въ сенатъ и началъ говорить рѣчь; но его прервали стоны и бряцанье оружія по сосѣдству. Сенаторы ужаснулись. «Не безпокойтесь — сказалъ диктаторъ — это я очищаю республику». Стоны маріанцевъ долго не прерывались по всей Италіи. Сулла выставилъ на форумѣ *проскрипціи* — таблицы съ именами опальныхъ. Онъ платилъ по 3.000 р.

за голову каждой изъ своихъ жертвъ. Число проскриптовъ дошло до 50.000 р. Здѣсь было множество всадниковъ, какъ враговъ сената, до того разбогатѣвшихъ, что ихъ называли тогда «толстыми мѣшками». Сулла забиралъ ихъ огромныя имущества частью себѣ, частью для своихъ приспѣшниковъ. Одинъ изъ послѣднихъ купилъ за 150 р. имущество, стоившее полмилліона; при всемъ томъ казна выручила за отобранныя имущества 25 мил. Тогда Крассъ пріобрѣлъ такое состояніе, что имя его, подобно имени Креза, стало означать богатство.

Сулланцы и маріанцы. Всѣ эти злодѣянія диктаторъ совершалъ хладнокровно, опираясь на принятыхъ въ число гражданъ рабовъ, опальныхъ да на своихъ ветерановъ, изъ которыхъ онъ составлялъ военныя колоніи съ правами полнаго римскаго гражданства. Черезъ три года Сулла внезапно распустилъ свою гвардію и удалился въ прелестную виллу близъ Неаполя. Здѣсь часто видѣли, на прогулкахъ и на охотѣ, высокаго, крѣпкаго блондина, веселаго, болтливаго, всегда спокойнаго, называвшаго себя Счастливымъ. Вечеромъ онъ пировалъ, а иногда читалъ своего любимца, Аристотеля, или писалъ собственную біографію. Впрочемъ всего годъ прожилъ такъ Сулла. Онъ умеръ въ 78 г. отъ апоплексическаго удара.

По смерти Суллы, господство оптиматовъ не продержалось и десяти лѣтъ. У оптиматовъ не было преемника, достойнаго Суллы. Такіе сподвижники диктатора, какъ *Лукуллъ*, были только хорошими офицерами. Не былъ политикомъ и *Крассъ*. Наконецъ, *Помпей* меньше понималъ въ политикѣ, чѣмъ даже Марій. Храбрый полководецъ, первый гимнастъ и наѣздникъ, но человѣкъ вялый, нерѣшительный, онъ боялся отдаваться какой-нибудь одной партіи. Онъ больше молчалъ, а если заговаривалъ, то смущался. Манеры его были угловаты, обращеніе съ людьми непривѣтливо. Когда счастье выдвинуло его впередъ, онъ вдругъ сталъ высокомѣренъ, началъ сравнивать себя съ Александромъ Великимъ и впалъ въ безпечность, которая погубила его. Но Помпей былъ рѣдкимъ образцомъ нравственности въ то испорченное время. Онъ жилъ просто, несмотря на свое богатство, былъ прекраснымъ семьяниномъ и славился неподкупностью: римляне, глядя на него, говорили: «вотъ честное лицо!» Выскочка, только-что перелетѣвшій отъ пролетаріевъ, Помпей былъ сомнительнымъ вождемъ оптиматовъ; онъ, такъ же какъ его пріятель, Крассъ, мечталъ о *коронѣ*, а не о выгодахъ сената. Поэтому истиннымъ вождемъ пролетаріевъ былъ *Серторій*.

У пролетаріевъ же выдвинулись теперь три замѣчательныхъ вождя. 1) Молодой (28 л.) адвокатъ, *Цицеронъ*, ученикъ Сцеволы, побывавшій въ Греціи. Это былъ одинъ изъ первыхъ ораторовъ и писателей древности, человѣкъ очень образованный и честный, но безхарактерный и трусливый. 2) Важнѣе былъ *Юлій Цезарь*. Онъ происходилъ изъ древней оптиматской фамиліи, но съ самаго начала присоединился къ пролетаріямъ. Его тетка была замужемъ за Маріемъ; самъ онъ женился на дочери Цинны, которую такъ любилъ что чуть не погибъ изъ-за нея: Сулла велѣлъ ему развестись съ женой, но онъ отказался. Затѣмъ, Сулла приказалъ Цезарю сложить жреческое званіе, съ котораго начиналось служебное поприще молодыхъ оптиматовъ; но тотъ отвѣчалъ, что законъ не дозволяетъ ему этого, и скрылся. Конечно, Цезарь попалъ въ число проскриптовъ. Впрочемъ, знатные родственники выхлопотали ему прощеніе у Суллы, который воскликнулъ: «Въ этомъ мальчишкѣ (Цезарю не было и 20 л.) сидятъ 10 Маріевъ!» Цезарь поступилъ на военную службу и уѣхалъ на Востокъ. 3) Цицеронъ и Цезарь были еще очень молоды и только-что начали пріобрѣтать извѣстность.

Серторій. Гладіаторская война. Серторій долго скитался по морю, избѣгая римскаго флота и пиратовъ. Далеко разнеслась слава о его приключеніяхъ. Пираты почувствовали такое уваженіе къ нему, что обратились въ его помощниковъ; его звали къ себѣ въ цари народы сѣверной Африки и Испаніи. Серторій прибылъ въ Испанію и началъ управлять такъ милостиво и справедливо, что кельтиберы и лузитаны чтили память его наравнѣ со своимъ Виріатомъ. Онъ первый изъ римлянъ завелъ школу

въ этой провинціи, то есть положилъ начало романизаціи Испаніи. Туземцы до того дивились уму и военному искусству Серторія, что, замѣтивъ, какъ за нимъ всегда ходила бѣлая лань, рѣшили, что это — сама Діана, которая внушаетъ все доброе великодушному правителю. Серторій разбилъ нѣсколько армій, высланныхъ противъ него Суллой. Теперь явился въ Испанію Помпей — и точно также былъ разбитъ. Но ему опять помогло счастье: Серторій былъ вѣроломно убитъ однимъ изъ своихъ завистливыхъ пріятелей. Тогда Помпей тотчасъ же уничтожилъ маріанцевъ въ Испаніи. Въ это время его товарищъ, Крассъ, отличился въ Италіи, гдѣ разразилось новое, небывалое въ исторіи бѣдствіе. Гладіаторъ, ѳракіецъ *Спартакъ*, возмутилъ, въ Капуѣ, своихъ товарищей. Къ нимъ присоединились рабы, и ихъ армія дошла до 100.000. Это были люди, умѣвшіе отлично владѣть мечомъ: нельзя изобразить тѣ звѣрства, которыми сопровождались ихъ походы по Италіи. Два года длилась *гладіаторская война*. Было разбито много римскихъ армій, пока не выступилъ Крассъ. Онъ поразилъ гладіаторовъ, и ужасный Спартакъ палъ на полѣ битвы. Часть ихъ пробралась на сѣверъ; но тутъ ихъ истребилъ Помпей, возвращавшійся изъ Испаніи.

Помпей и пролетаріи. Когда друзья-побѣдители возвратились въ Римъ, съ новыми тріумфами, они застали здѣсь великое смятеніе. Пролетаріи поднялись противъ оптиматовъ, воспламенившись горячими рѣчами Цицерона и Цезаря. Они просили Помпея и Красса помочь имъ. Въ то же время оптиматы, испугавшихъ новыхъ успѣховъ своихъ вождей, встрѣтили ихъ холодно и дали замѣтить Помпею, что не пошлютъ его противъ Митридата, который снова опустошилъ римскую Азію. Съ своей стороны, Помпей и Крассъ сами тяготились властью гордыхъ оптиматовъ. Они поняли что можно достигнуть короны только въ союзѣ съ пролетаріями Въ 70 г. Помпей и Крассъ *измѣнили оптиматамъ* и перешли на сторону народа. Тотчасъ же были отмѣнены законы Суллы: было возстановлено значеніе трибуната и почти все, чего хотѣли Гракхи. Пролетаріямъ опять начали раздавать хлѣбъ и устраивать дорогія зрѣлища. Союзъ между вождями оптиматовъ и пролетаріями былъ закрѣпленъ тѣмъ, что Кассій уплатилъ долги Цезаря, а овдовѣвшій тогда Цезарь женился на дочери Помпея.

Цезарь подстроилъ такъ, что народная сходка вручила Помпею почти самодержавіе: ему дали *диктаторскую власть* сначала надъ всѣми берегами Средиземнаго моря, для искорененія пиратовъ, а потомъ и надъ всѣмъ Востокомъ — для борьбы съ Митридатомъ; и не было положено срока этой власти. Помпею были отданы всѣ войска и казна и дозволено, какъ царю, окружить себя свитою изъ 25 видныхъ полководцевъ. Оптиматы до того вознегодовали на этотъ законъ, что ходили слухи, будто они, подражая предкамъ, убившимъ основателя Рима, замышляютъ извести и «второго Ромула», какъ называли тогда пролетаріи Помпея.

Пираты и Востокъ. Въ 67 г. Помпей отплылъ на Востокъ, гдѣ оставался 6 лѣтъ. Прежде всего, ему нужно было искоренить морскихъ разбойниковъ. Тогда *пиратство*, съ киликійцами и критянами во главѣ, распространилось по всему Средиземному морю до поразительныхъ размѣровъ: Римъ уничтожилъ почти всѣ морскія державы, а самъ не имѣлъ хорошаго флота. Пираты разгуливали по всему морю, составляя пловучее разбойничье государство изъ людей всякихъ націй, объявившихъ войну всему міру. Ограбивъ свою жертву, они или распинали ее на крестѣ, или свозили на Делосъ, на невольничій рынокъ, помогая развитію рабства. Если же имъ удавалось захватить знатнаго человѣка, они держали его въ плѣну, требуя выкупа. Однажды имъ удалось даже изловить Цезаря, плывшаго въ Родосъ, чтобы поучиться тамъ въ знаменитой ораторской школѣ. Разбойники потребовали за него 20 талантовъ. «Какъ! воскликнулъ Цезарь, за такого человѣка, какъ я, вы требуете только 20 талантовъ? Возьмите 50». Черезъ два мѣсяца привезли 50 талантовъ. Цезарь, между тѣмъ, гордо велъ себя въ плѣну: приказывалъ

пиратамъ не шумѣть, когда ложился спать; читалъ имъ свои стихи и требовалъ похвалъ, грозя, въ противномъ случаѣ, перевѣшать ихъ впослѣдствіи. Получивъ свободу, Цезарь составилъ эскадру, догналъ разбойниковъ и распялъ ихъ, а деньги свои возвратилъ съ избыткомъ. Сначала пираты были въ союзѣ съ пролетаріями и дрались съ Суллой. Плѣнъ Цезаря нарушилъ эту дружбу Къ тому же пролетаріи вознегодовали на разбойниковъ за то, что хлѣбъ вздорожалъ въ Римѣ отъ захвата ими подвозившихъ его судовъ. Они настояли, чтобы пираты были истреблены — и Помпей въ три мѣсяца покончилъ съ ними, разрушивъ ихъ орлиныя гнѣзда въ скалахъ Киликіи.

Затѣмъ, Помпей двинулся на Митридата. Его опять вывезло счастье: понтійскій царь былъ уже истощенъ побѣдами Лукулла, который теперь охотно уступилъ мѣсто диктатору, удалившись въ свои виллы, Помпей въ два года доканалъ надменнаго Митридата. Преслѣдуя врага, римляне первые достигли Кавказа, гдѣ имъ подчинились всѣ народы, жившіе до горной цѣпи, и во главѣ ихъ земледѣльцы *иберы* (въ нын. Грузіи) и пастухи *аланы* или албанцы (у Баку). Отсюда Помпей устремился на югъ и завоевалъ всю Азію до Евфрата. Онъ обратилъ Сирію въ римскую провинцію и взялъ Іерусалимъ, гдѣ посадилъ вассальнаго царя. Повсюду Помпей вводилъ новое управленіе по римскому образцу: Востокъ былъ раздѣленъ на провинціи *Азію*, *Виѳинію*, *Киликію*, *Критъ и Сирію*; остальныя земли вошли въ вассальныя отношенія къ Риму, который бралъ съ нихъ дани и утверждалъ ихъ царей. Помпей старался распространить европейскую цивилизацію въ Азіи: онъ особенно заботился о развитіи городовъ. На Востокѣ его прозвали «царемъ царей». Въ Римѣ пролетаріи также чествовали его, какъ императора, какъ покорителя 12-ти милліоновъ душъ, сотенъ городовъ и 22 царей.

Катонъ Младшій, Катилина и Цицеронъ.

Между тѣмъ, какъ Помпей совершалъ подвиги на Востокѣ, въ Римѣ господствовала анархія. Шла ожесточенная борьба пролетаріевъ съ оптиматами. Пролетаріи надѣялись уничтожить сенатское правительство, потому что ихъ противники оставались беззащитными. Среди оптиматовъ выдающеюся личностью былъ тогда потомокъ Катона Строгаго, *Катонъ Младшій*, по прозванію *Утическій*. Онъ получилъ отличное образованіе и увлекся новою греческой философіей — *стоицизмомъ*. Катонъ былъ самымъ честнымъ и справедливымъ человѣкомъ въ Римѣ. Своему испорченному поколѣнію онъ казался даже чудакомъ, какимъ-то Діогеномъ.

Пользуясь непрактичностью вождя оптиматовъ, пролетаріи рѣшились устроить революцію и захватить правленіе въ свои руки.

Душой демократическаго заговора былъ *Катилина*, оптиматъ по происхожденію. Катилина превзошелъ всѣхъ въ кутежахъ и безнравственности, быстро растратилъ свое богатство и запутался въ долгахъ. Изобрѣтательный и энергичный, онъ пускался на всякія плутни, чтобы выпутаться изъ безденежья. Сначала Катилина надѣялся поправить свои дѣла съ помощью оптиматовъ. Онъ уже былъ преторомъ и потребовалъ себѣ консульства. Но ему отказали — и онъ перешелъ на сторону пролетаріевъ. Цезарь и Крассъ подружились съ нимъ и тайно помогали его заговору, который распространился по всей Италіи и по провинціямъ и уже располагалъ собственною арміей въ Этруріи. Но Катилина забылъ привлечь къ заговору Цицерона; оптиматы же переманили къ себѣ оратора, давъ ему консульство. Цицеронъ выказалъ рѣдкую энергію и весь свой ораторскій талантъ. Цицеронъ вполнѣ изобличилъ Катилину въ сенатѣ, въ превосходныхъ рѣчахъ (катилинаріи), затѣмъ быстро схватилъ и казнилъ его главныхъ сообщниковъ и выслалъ армію въ Этрурію. Катилина палъ героемъ, отлично сражаясь съ войсками сената. Цицеронъ получилъ отъ сената названіе «отца отечества»; а Цезарь выпросилъ себѣ проконсульство въ Лузитаніи и поспѣшно покинулъ Римъ.

Первый тріумвиратъ.

Оптиматы торжествовали недолго. Вскорѣ возвратился Помпей, а слѣдомъ за нимъ и Цезарь, блистательно покорившій Лузитанію. Вялый диктаторъ хотѣлъ

было успокоиться: онъ сдалъ сенату до 50 милл. р., награбленныхъ въ Азіи, и распустилъ войска. Онъ потребовалъ только дать земли его солдатамъ и утвердить его «азіатскія распоряженія». Сенатъ отказалъ — и Помпей пошелъ на предложеніе Цезаря составить *тріумвиратъ* (троемужіе), привлекши въ свой союзъ Красса, какъ вождя капиталистовъ (60 г.). То былъ родъ заговора трехъ частныхъ лицъ, но заговора открытаго, имѣющаго видъ новаго правительства. Это уже было начало имперіи, только теперь было три императора вмѣсто одного. Такъ какъ тріумвиратъ опирался на демократію и клонился къ разрушенію республики, то съ этихъ поръ *старо-республиканскою* партіей стали называться оптиматы, и республиканизмъ сосредоточился въ сенатѣ. Оптиматы Цицеронъ и Катонъ открываютъ собой рядъ послѣднихъ борцовъ за республику. Трибуны присудили Цицерона къ изгнанію за казнь друзей Катилины; его имущество конфисковали, а домъ разрушили. Катону дали невозможное порученіе — безъ всякихъ средствъ отнять Кипръ у египтянъ. Стоикъ молчаливо отплылъ на Востокъ и превосходно исполнилъ порученіе, причемъ доставилъ въ Римъ въ цѣлости огромную казну, найденную на Кипрѣ.

Вскорѣ тріумвиратъ обратился въ *дуумвиратъ*, или «двумужіе»: Крассъ погибъ въ походѣ противъ свирѣпыхъ пареянъ, которые наполнили золотомъ его помертвѣлыя уста. Дуумвиры подѣлили власть между собой: Цезарь предоставилъ Римъ и все управленіе Помпею, а себѣ взялъ только Цизальпійскую Галлію, гдѣ нужно было вести безпрерывныя войны съ полудикими кельтами.

Цезарь въ Галліи.

Закрѣпивъ союзъ съ Помпеемъ выдачей за него замужъ своей дочери, Юліи, Цезарь тотчасъ же отправился въ Галлію, гдѣ пробылъ 9 лѣтъ (58 — 49) и совершилъ крупные подвиги, описанные имъ самимъ въ сочиненіи «О Гальской войнѣ». Цезарь быстро покорилъ всю нынѣшнюю Францію и прогналъ германцевъ, которые, пользуясь раздорами у кельтовъ, вторгнулись-было въ Галлію; затѣмъ, онъ появился за Рейномъ и даже въ Британіи. Умный дуумвиръ не довольствовался завоеваніемъ прекрасной страны: онъ сдѣлалъ изъ нея оплотъ противъ надвигавшагося на Римъ германства и мѣсто переселенія для избытка итальянскаго населенія. Цезарь «романизовалъ» Галлію, то есть ввелъ въ ней все римское, начиная съ дорогъ, водопроводовъ, театровъ, бань, кончая языкомъ и нравами. Изъ смѣси римскихъ колонистовъ съ кельтами образовалась основа главной изъ *романскихъ* націй, получившихъ имя французовъ, вслѣдствіе сліянія съ германскими франками. Галлія обратилась въ цвѣтущую и образованную страну. *Лугдунумъ* (Ліонъ) прозвали «за-альпійскимъ Римомъ». Вскорѣ послѣ Р. Х. въ Галліи было больше школъ, чѣмъ въ Италіи, и римляне ѣздили туда учиться.

Цезарь не забывалъ и Рима. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ дѣлалось, и тайно руководилъ партіей пролетаріевъ, которыхъ теперь можно называть *цезаріанцами*. Его главнымъ агентомъ былъ *Антоній*, небогатый человѣкъ, почти безъ образованія, но даровитый, храбрый и краснорѣчивый воинъ, отличавшійся энергіей и величественною, красивою внѣшностью. Онъ умѣлъ привлекать толпу, особенно солдатъ.

Помпей и сенатъ.

Пока разгоралась борьба цезаріанцевъ съ республиканцами, Помпея какъ будто не было въ Римѣ. Онъ не зналъ что дѣлать. Но пролетаріи, по наущенію Цезаря, начали жестоко нападать на Помпея — и онъ рѣшилъ передаться на сторону республиканцевъ, какъ нѣкогда перешелъ отъ Цинны къ Суллѣ. Сенатъ назначилъ его диктаторомъ — и явился рядъ законовъ, направленныхъ противъ Цезаря. Въ 49 г. сенатъ даже приказалъ великому полководцу распустить войска и возвратиться изъ Галліи. Трибунъ *Антоній* горячо протестовалъ и бѣжалъ къ Цезарю, переодѣвшись рабомъ. Цезарь смѣло поднялъ перчатку, брошенную ему Помпеемъ; его войска съ восторгомъ согласились драться въ Римѣ для спасенія боготворимаго полководца. Цезарь «перешелъ Рубиконъ», то есть со-

вершилъ противозаконный шагъ, потому что проконсулы не смѣли входить съ войсками въ Италію. «Жребій брошенъ!» сказалъ онъ — и началась *вторая междоусобная война*, которая длилась около пяти лѣтъ (49—15).

Вторая междоусобная война. Самоувѣренность и обычная вялость погубили Помпея, онъ вовсе не приготовился къ бою и такъ поспѣшно бѣжалъ изъ Рима въ Македонію, что даже забылъ казну. Цезарь безъ сопротивленія вступилъ къ столицу и вслѣдъ затѣмъ разбилъ наголову вдвое сильнѣйшее войско Помпея при *Фарсалѣ* (48 г.). Катонъ сказалъ, что теперь все погибло, и нужно драться только изъ-за идеи и чести. Онъ собралъ самыхъ пылкихъ республиканцевъ и отплылъ въ Африку, гдѣ образовалъ большую армію подлѣ Утики: съ тѣхъ поръ его прозвали *Утическимъ* Помпей же бросился въ Египетъ, гдѣ стоялъ отрядъ его ветерановъ. Но Птоломей египетскій, воевавшій тогда съ своей сестрой *Клеопатрой*, велѣлъ убить его, надѣясь этимъ снискать себѣ покровительство Цезаря. Цезарь прибылъ въ Александрію по пятамъ Помпея. Онъ рѣшилъ споръ Птоломея съ Клеопатрой въ пользу послѣдней. Но въ Египтѣ Цезарь чуть не погибъ, увлеченный роскошью двора и прелестями молодой царицы. Народъ внезапно возсталъ противъ него и Клеопатры, и его спасла только помощь присланная изъ Азіи. Между тѣмъ, пока Цезарь замѣшкался въ Александріи, республиканцы усиливались въ Утикѣ. Но освободившись изъ Египта, онъ быстро одолѣлъ своихъ враговъ.

Основаніе императорской власти. Умиротворенный Римъ принялъ съ пышнымъ тріумфомъ своего владыку. Въ древнемъ мірѣ настало спокойствіе. Борьбы нигдѣ не было: *республика была побѣждена имперіей, или единодержавіемъ*, такъ какъ для пролетаріевъ и провинціаловъ оставалось одно спасеніе — самодержавіе, въ интересахъ котораго было покровительствовать массѣ, въ отпоръ могучимъ и властолюбивымъ олигархамъ. Верховная власть была сосредоточена въ одномъ лицѣ, но республиканскія учрежденія сохранялись. Цезарь сталъ «пожизненнымъ» диктаторомъ и трибуномъ, цензоромъ и консуломъ на 10 лѣтъ. Но важнѣе всего былъ новый титулъ «пожизненнаго» *императора*. Это слово измѣнило свой прежній смыслъ: оно стало означать царскую власть.

Законодательство Цезаря. *Сенатъ* потерялъ значеніе. Цезарь назначилъ его членовъ, число которыхъ довелъ до 900: такъ образовалось императорское дворянство, среди котораго впервые появились и провинціалы. *Комиція* также потеряла значеніе: императоръ издавалъ многіе *эдикты* (указы) вовсе безъ ихъ участія. Суды сохранялись за сенаторами и всадниками, но утвержденіе ихъ приговоровъ перешло къ императору, который тотчасъ же замѣнилъ смертную казнь ссылкой. Но болѣе всего политическій умъ Цезаря выразился въ *соціальныхъ* реформахъ. Онъ много сдѣлалъ для бѣдняковъ, подражая Лицинію, Гракхамъ и Серторію. Сверхъ того, Цезарь предпринялъ рядъ величественныхъ общественныхъ построекъ (въ томъ числѣ обширная библіотека), чтобы дать работу пролетаріямъ. Еще болѣе благодѣяній оказалъ онъ *провинціямъ*. Нѣкоторымъ изъ нихъ были даны права частью латинскаго, частью даже римскаго гражданства. Особенно заботился Цезарь о своей Галліи, гдѣ уже тогда латинскій языкъ сталъ оффиціальнымъ. Вообще онъ первый ввелъ развитое впослѣдствіи начало *императорской нивеллировки*, т.-е. объединенія и уравненія всѣхъ частей римской державы. При этомъ онъ старался внести цивилизацію въ необразованныя страны — именно *романизовать западныя провинціи и эллинизовать восточныя*. Финансы процвѣтали: они находились въ рукахъ самого Цезаря, который любилъ бережливость и порядокъ, ввелъ хорошую *полицію* и основалъ правильную монетную систему, прибавивъ къ серебряному динарію золотой *aureus*. Среди множества мелкихъ реформъ Цезаря важны: прекрасная народная перепись въ Италіи, планъ кодификаціи (свода законовъ) и *юліанскій календарь*, котораго Россія держится до сихъ поръ. Этимъ календаремъ была исправлена важная ошибка: тогда граждан-

скій (общепринятый) годъ отставалъ отъ истиннаго (астрономическаго) на 67 дней. Эта реформа была введена 1-го января 45 г.: съ тѣхъ поръ *1-е января* стало Новымъ годомъ.

Гибель Цезаря.

Цезарь сталъ вести себя, какъ древніе цари, даже поставилъ свою статую рядомъ со статуями 7 царей и съ надписью — «полубогу». На монетахъ появился его бюстъ, а въ календарѣ — дни его рожденія и побѣдъ въ числѣ праздниковъ. Мѣсяцъ, въ который онъ родился, былъ переименованъ въ *іюль*. Цезарь окружилъ себя обширнымъ штатомъ и сталъ недоступенъ. Однажды его другъ, консулъ Антоній, даже предложилъ ему корону. Все это не нравилось римлянамъ. Нашлись и фанатики республиканской идеи. Во главѣ ихъ стоялъ *Юній Брутъ*, строгій философъ, пылкій поклонникъ свободы, мечтательная, нѣжная и привязчивая натура. Сначала онъ горячо полюбилъ Цезаря, считая его душой демократической республики. Цезарь также привязался къ нему, какъ къ сыну, и осыпалъ его благодѣяніями. Но Брутъ былъ въ то же время другомъ Катона Утическаго и раздѣлялъ его убѣжденія; онъ былъ даже женатъ на его сестрѣ. Когда стало ясно, что Цезарь хочетъ уничтожить республику, Брутъ загрустилъ. Въ это время онъ находитъ на своемъ креслѣ, въ сенатѣ, записку: «Брутъ, ты спишь?» Ее подкинулъ преторъ *Кассій*, мрачный и честолюбивый полководецъ, которому Цезарь не давалъ перваго мѣста въ арміи. Брутъ и Кассій составили сенаторскій заговоръ, и въ 44 г. Цезарь палъ подъ ножами противниковъ.

Антоній.

«Освободители» (такъ называли себя заговорщики) испугались собственнаго дѣла: они не знали, что предпринять. Толпа была поражена: она ничего не понимала. Этою минутой всеобщаго оцѣпенѣнія воспользовался наперсникъ Цезаря, *Антоній*, бывшій тогда уже консуломъ. За него сталъ другой любимецъ Цезаря — честолюбивый, но недалекій *Лепидъ*, начальникъ войскъ столицы. Антоній объявилъ толпѣ, будто императоръ завѣщалъ ей свои сады и много денегъ. Народъ до того былъ растроганъ, что сжегъ дома заговорщиковъ; они сами успѣли бѣжать, вмѣстѣ съ Цицерономъ. Антоній сталъ владыкой Рима и принудилъ сенатъ поручить ему истребленіе заговорщиковъ, которые стекались въ сѣверную Италію. Онъ уже началъ снаряжать легіоны въ походъ, какъ вдругъ оказалось, что солдаты повинуются не ему, а кому-то другому.

Третья междоусобная война.

Въ то время возвратился изъ Греціи, гдѣ онъ обучался наукамъ, 19-лѣтній *Октавій*, внукъ сестры Цезаря, юноша осторожный не по лѣтамъ, скрытный, вкрадчивый и коварный. Бездѣтный императоръ привязался къ этому красивому, даровитому, но болѣзненному сиротѣ и успѣлъ передъ смертью усыновить его. Теперь юноша тотчасъ же принялъ имя Юлія Цезаря-*Октавіана* и быстро привлекъ къ себѣ всѣхъ лестью, умомъ и необыкновенной щедростью, особенно относительно ветерановъ Цезаря. Октавіанъ даже подружился съ убійцами своего дѣда и заискивалъ у Цицерона. Антоній съ презрѣніемъ смотрѣлъ на этого ребенка и спокойно двинулся въ сѣверную Италію, открывая *третью междоусобную войну*. Но республиканцы укрѣпились въ сильной *Мутинѣ*, а ихъ друзья въ Римѣ, поджигаемые Октавіаномъ, подняли бурю противъ Антонія. Особенно энергично дѣйствовалъ Цицеронъ, который рѣшился погубить Антонія. Наконецъ, сенатъ далъ Македонію и Сирію Бруту и Кассію; ихъ пріятеля, сына Помпеева, Секста, назначили адмираломъ флота; а противъ Антонія выслали войско, при которомъ разрѣшили быть Октавіану. Антоній былъ разбитъ и бѣжалъ къ своему пріятелю, Лепиду, который былъ тогда проконсуломъ южной Галліи. Сенаторы возгордились, тѣмъ болѣе, что Кассій и Секстъ Помпей слыли первыми полководцами своего времени. Они стали отмѣнять законы Цезаря, высказывая, въ то же время, презрѣніе къ Октавіану и даже оскорбляя его. «Ребенокъ», носившій дорогое солдатамъ имя Цезаря, успѣлъ склонить армію на свою сторону — и она провозгласила его императоромъ. Онъ внезапно явился съ

войскомъ въ Римъ, овладѣлъ казной, велѣлъ сенату назначить его консуломъ и объявилъ убійцъ Цезаря врагами отечества.

Второй тріумвиратъ.

Стало ясно, что Октавіанъ стремится стать дѣйствительнымъ наслѣдникомъ Цезаря. Но приходилось на-время подѣлиться властью. Подражая во всемъ дѣду, Октавіанъ устроилъ *второй тріумвиратъ* (43 г.). Октавіанъ, Антоній и Лепидъ раздѣлили между собой западныя провинціи. Тріумвиры возстановили проскрипціи Суллы. Затѣмъ, они пришли съ войсками въ Римъ, заперли всѣ ворота, — и началось кровопролитіе, котораго не видали даже при Суллѣ. Антоній доходилъ до цинизма въ наслажденіи зрѣлищемъ смерти враговъ: его жена, Фульвія, исколола булавками языкъ у трупа Цицерона. По всей Италіи лилась кровь подъ предлогомъ мести убійцамъ «божественнаго» Цезаря, законы котораго были объявлены нерушимыми. Затѣмъ, Октавіанъ и Антоній двинулись противъ Брута и Кассія. У города *Филиппи*, въ Македоніи, (42 г.) тріумвиратъ вышелъ побѣдителемъ. Брутъ бросился на собственный мечъ. То же сдѣлали многіе изъ его друзей.

Дуумвиратъ.

Но имперія утвердилась не сразу. Сначала образовался *второй дуумвиратъ*: Октавіанъ съ Антоніемъ подѣлили міръ, не обращая вниманія на ничтожнаго Лепида: первый взялъ Западъ, второй — Востокъ. Октавіанъ лѣтъ 10 неутомимо работалъ на Западѣ, ловко подражая Цезарю. Въ Римѣ было видно вліяніе правительства умнаго и мягкаго. У Антонія же эти 10 лѣтъ протекли въ пирахъ и бездѣйствіи. Сначала пышный тріумвиръ жилъ въ Тарсѣ. Онъ грабилъ вассальныя государства и призывалъ къ себѣ на судъ царей и царицъ Востока. Одною изъ этихъ царицъ была *Клеопатра*, которая приплыла въ Тарсъ, въ видѣ Венеры, на золотомъ суднѣ съ пурпурными парусами. Она увлекла Антонія гораздо сильнѣе, чѣмъ Цезаря: онъ даже женился на ней, назвалъ ее «царицею царей». Онъ переселился въ Александрію и сталъ раздавать римскія провинціи египтянкѣ и ея сыновьямъ. А между тѣмъ парояне едва не истребили римской арміи. Римляне вышли изъ терпѣнія, и Октавіанъ понялъ, что пришла пора уничтожить двоевластіе.

Четвертая междоусобная война.

Подъ вліяніемъ Октавіана, сенатъ и комиціи отрѣшили Антонія отъ всѣхъ должностей, а Клеопатрѣ объявили войну. Такъ началась *четвертая* и послѣдняя *междоусобная война* въ римской республикѣ. Антоній былъ гораздо сильнѣе Октавіана; но онъ предавался наслажденіямъ, а Октавіанъ дѣйствовалъ энергично, быстро и отважно. Онъ внезапно напалъ на врага у мыса *Акціума* (31 г.) и истребилъ его. Сраженіе при Акціумѣ считается эрой въ римской исторіи: съ этихъ поръ исчезла даже внѣшняя форма республики. Октавіанъ отправилъ своихъ наперсниковъ, Агриппу и *Мецената*, въ Римъ держать Западъ въ порядкѣ, а самъ пошелъ преслѣдовать соперника. На Востокѣ все переходило на его сторону. Сама Клеопатра тщетно очаровывала побѣдителя: она, такъ же, какъ и Антоній, должна была покончить съ собой. Октавіанъ вступилъ въ Римъ съ невиданнымъ тріумфомъ. Сенатъ поднесъ побѣдителю золотой вѣнокъ и названіе Отца Отечества и *Августа* или Священнаго; мѣсяцъ, въ который происходилъ этотъ тріумфъ, былъ переименованъ также въ *августъ*. Послѣ ряда усобицъ и проскрипцій насталъ миръ: храмъ Януса былъ закрытъ. Республика смѣнилась *имперіей*, эрою которой считается *30-й годъ* до Р. Х., когда погибъ Антоній, а Египетъ былъ обращенъ въ *первую провинцію римской имперіи*.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Республиканская культура. 146—30

Римская культура временъ паденія республики, или *пятаго* періода, представляетъ прямое развитіе чертъ, отличавшихъ ее въ четвертомъ періодѣ. Доморощенная деревенщина окончательно уступала мѣсто *городскому* лоску или утонченной греческой цивилизаціи. Но римляне не постигали внутренняго содержанія эллинизма: они больше перенимали его недостатки, развившіеся тогда въ Александріи. Всюду проникалъ *матеріализмъ*. Древнія доблести «римскаго гражданина» совсѣмъ уступали мѣсто черствому эгоизму, духу наживы и наслажденій, влеченію къ чудовищной роскоши. Продажность, насиліе, обманъ, даже убійства среди бѣла дня стали обычнымъ явленіемъ. И тутъ правительство, лишенное даже полиціи, подавало примѣръ: югуртинская война имѣетъ въ исторіи болѣе нравственное, чѣмъ политическое значеніе. *Семья* разрушилась. *Женщина*, уже во всѣхъ классахъ общества, лишилась своего достоинства: мужья сами сознавались, что мѣняли женъ по капризу, «какъ башмаки». Характеръ общества.

Бездушная государственная *религія* существовала только по имени. Толпа поклонялась больше всего персидскому Миѳрѣ и египетской Изидѣ, таинства которой привлекали многихъ. Интеллигенція увлекалась религіознымъ скептицизмомъ философіи. *Театръ* утратилъ свое величіе и поучительность: драматическое творчество замѣнилось внѣшнимъ великолѣпіемъ и техникой: все било на эффектъ; актеры, въ особенности же актрисы и балетчицы, получали царскіе доходы. *Искусство* служило варварскому вкусу, отличалось безобразной пестротой и аляповатостью. Въ зодчествѣ щеголяли лишь массой тяжелыхъ украшеній, въ особенности цвѣтнымъ мраморомъ. Статуи были всѣ греческія добываемыя грабежемъ или покупкой. Но больше всего цѣнили дорогую металлическую утварь да мебель изъ рѣдкаго дерева или слоновой кости: этими предметами роскоши убирали пышныя виллы. Были звѣрскія забавы, одинаково увлекавшія и вельможу, и пролетарія. Это — *бои звѣрей и гладіаторовъ*, достигшіе тогда отвратительныхъ размѣровъ.

Паденію и огрубѣнію нравовъ способствовали экономическія и политическія условія времени. Свободныхъ «гражданъ» въ Италіи уже насчитывалось не болѣе 7-ми милліоновъ, да и тѣ едва кормились и часто увеличивали собой шайки разбойниковъ, которыми кишѣла страна; ихъ тѣснилъ еще наплывъ иноземцевъ, особенно грековъ, въ качествѣ педагоговъ, врачей, мастеровъ, скомороховъ, да евреевъ, занимающихся мелкимъ торгашествомъ. Римская нація исчезала.

Картина общественнаго паденія Рима смягчается замѣчательными успѣхами образованности и связаннымъ съ нею процвѣтаніемъ литературы. То было прямое слѣдствіе *эллинскаго* вліянія, которое сдѣлалось душой идейной культуры римлянъ. Тогда римская молодежь стала даже посѣщать философскія и риторскія школы въ Аѳинахъ, на Родосѣ и въ Египтѣ. Но главнымъ образомъ эллинизмъ проникалъ въ Италію черезъ греческихъ переселенцевъ. Эти выходцы захватили въ свои руки *воспитаніе*. Тутъ эллинизмъ былъ такъ неотразимъ, что онъ отпечатлѣлся даже на Варронѣ, который былъ первымъ римскимъ библіотекаремъ при Цезарѣ. Этотъ поклонникъ старины, назвавшій свой педагогическій трактатъ «Катономъ», составилъ энциклопедію учебниковъ прямо по греческимъ образцамъ. Здѣсь — всѣ *семь свободныхъ наукъ и искусствъ* или «тривіумъ», тройка (грамматика въ смыслѣ филологіи вообще, риторика и діалектика или философія) и «квадривіумъ», четверка (ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка). Гимнастики уже не было, а музыка служила только въ помощь при заучиваніи наизусть литературныхъ произведеній. Особенное значеніе пріобрѣла Просвѣщеніе

философія, а именно стоическая: стоицизмъ сталъ какъ-бы государственной наукой въ Римѣ; и древній міръ, при своемъ паденіи, былъ обязанъ ему многими возвышенными характерами. Эпикуреизмъ также имѣлъ много поклонниковъ въ Римѣ: онъ вдохновлялъ такихъ крупныхъ поэтовъ, какъ Лукрецій.

Литература. Зачатки національизма. Но при всей силѣ эллинизма, римляне относились къ нему болѣе самостоятельно, чѣмъ въ четвертомъ періодѣ. Они начали перерабатывать уроки своихъ учителей: въ ихъ письменности появились національныя черты, Это привело ихъ потомъ къ собственной литературѣ. Такъ какъ переходомъ къ ней служитъ личность Цицерона, то римскую письменность пятаго періода дѣлятъ на двѣ эпохи — до-цицероновскую (146 — 80) и цицероновскую (80 — 30).

Въ четвертомъ періодѣ создавалась только форма римской словесности, теперь же литература пріобрѣла почетъ и стала *общественною потребностью.* Первые аристократы Рима окружали себя просвѣщенными греками; у нихъ много греческихъ рабовъ занималось исключительно *перепиской* литературныхъ произведеній, что привело къ *книжной торговлѣ.*

Сатира получила тогда нашъ смыслъ, то есть стала дидактическимъ сочиненіемъ, цѣль котораго — бичевать пороки общества: таковъ былъ вышеупомянутый Варронъ. Комедія не выставила тогда крупныхъ талантовъ, но развилась въ національномъ смыслѣ: она даже одѣла своихъ героевъ въ римскую тогу и касалась всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества, не исключая авгуровъ и женщинъ. Тогда же возникли вполнѣ національные виды комедіи — ателланы и мимы. *Ателланы,* съ ихъ скуднымъ запасомъ типовъ, съ ихъ мужицкой грубостью и ѣдкостью, были римскимъ Петрушкой. Впослѣдствіи они подверглись, за свою сальность, преслѣдованіямъ, особенно со стороны императоровъ и отцовъ христіанской церкви. Но уже при Цицеронѣ ихъ стали вытѣснять со сцены *мимы* — народные фарсы, мелкія сцены и разговоры, столь-же неприличные, какъ ателланы. Проза до цицероновской эпохи отличается развитіемъ *краснорѣчія,* которое превратилось тогда изъ судебнаго въ политическое, благодаря борьбѣ партій. Ораторы 146 — 80 годовъ выработали римскую прозу, искусно прилагая правила греческой риторики къ латинскому языку, и подготовили Цицерона, который самъ называетъ *Гая Гракха* своимъ учителемъ.

Золотая латынь. Цицеронъ. Въ идейной культурѣ время, слѣдовавшее за Маріемъ и Суллой, называется *цицероновскою* эпохой. Тогда все было подготовлено къ порожденію *Цицерона* (106 — 43), имя котораго стало синонимомъ краснорѣчія. Онъ же создалъ классическую прозу въ Римѣ, которою принято называть, вмѣстѣ съ классической поэзіей временъ Августа, *золотою латынью* или «золотымъ вѣкомъ» римской письменности. Трудно найти писателя, который имѣлъ бы равное съ Цицерономъ значеніе для своего народа и для отдаленнаго потомства. Въ свое время онъ былъ средоточіемъ умственнаго движенія націи, а по смерти сталъ идеаломъ всѣхъ римскихъ писателей. Главнымъ образомъ черезъ него распространялись всюду познанія классической древности. Это зависитъ отъ свойствъ его таланта. Цицеронъ обладалъ изумительнымъ даромъ схватывать плоды чужой мысли и передавать ихъ не только отчетливо, но легко и изящно: съ этой стороны онъ всегда и вездѣ былъ бы первостепеннымъ писателемъ. Сверхъ того, Цицеронъ отличался рѣдкимъ *энциклопедизмомъ* и плодовитостью: его многочисленныя произведенія — зеркало всей образованности древняго міра. Словомъ, это — образцовый *популяризаторъ* классической древности. Важны не однѣ рѣчи, но и философскіе труды Цицерона. Правда, здѣсь Цицеронъ не ученый: это — образецъ философа-*эклектика,* то есть собирателя мыслей изъ разныхъ школъ. Какъ разсудочный римлянинъ, Цицеронъ старался составить родъ курса *практической* философіи или житейской мудрости. Его заслуга въ томъ, что онъ сдѣлалъ философію пріятнымъ и моднымъ занятіемъ, вслѣдствіе чего она стала, въ эпоху Августа, однимъ изъ главныхъ двигателей римскаго просвѣщенія.

Характерна для того времени и *педагогія* Цицерона. Онъ считалъ воспитаніе однимъ изъ отличій человѣка: подвигать образованіе — высшая заслуга передъ государствомъ. Съ первыхъ дней ребенка все должно служить къ укрѣпленію въ немъ нравственности то есть самовоздержанія, умѣренности. Цицеронъ внесъ въ римскую жизнь широкую мысль греческихъ педагоговъ объ *индивидуальности* развитія.

Историки и поэты.

Подлѣ Цицерона славились двое прозаиковъ, — Юлій Цезарь и Саллюстій. *Цезарь* считался достойнымъ соперникомъ Цицерона, и какъ ораторъ, и какъ ученый. Славились также его письма къ сенату, Цицерону и друзьямъ; и онъ ввелъ *шифрованныя* депеши (письмо условными знаками, непонятными для другихъ). Но важнѣе всего сохранившіяся до насъ «Коментаріи» Цезаря, въ которыхъ описываются его походы 58 — 51 и 49 — 48 г. Здѣсь слогъ Цезаря отличается изяществомъ простоты и естественности: это — *протестъ противъ риторства* классическаго міра. Но, по содержанію, это — искусный политическій памфлетъ, собственная апологія автора и оправданіе его партіи. Сочиненія Цезаря — не исторія, а записки участника событій: они были прекраснымъ завершеніемъ *мемуарнаго* и біографическаго направленія въ исторіографіи, вызваннаго междоусобіями. Но тогда уже созрѣла потребность въ исторической наукѣ, отцомъ которой считается другъ пролетаріевъ и Цезаря, *Саллюстій*, описавшій свое время въ сочиненіяхъ «Катилина» и «Югурта». Цѣлью Саллюстія, подражавшаго Ѳукидиду, было объяснять событія: онъ ввелъ *прагматизмъ* въ римскую исторіографію. Изъ второстепенныхъ прозаиковъ цицероновской эпохи выдается другъ Цицерона, *Корнелій Непотъ*. Его «Жизнеописаніе лучшихъ полководцевъ» до сихъ поръ служитъ неизбѣжной принадлежностью школъ.

Цицероновское время, полное политическихъ бурь, было неблагопріятно для поэзіи: въ ней золотой вѣкъ насталъ при Августѣ, когда имперія умиротворила всѣхъ. Впрочемъ, тогда *подготовлялось* процвѣтаніе поэзіи, воспитывались таланты эпохи Августа, выдвигалась *лирика*, которая возникла въ Римѣ послѣ драмы и эпоса. Отцомъ латинской лирики считается *Катуллъ*, горячій республиканецъ. Наиболѣе важны его *эпиграммы*, отличавшіяся ѣдкостью и вмѣстѣ изяществомъ и прелестью языка. Катуллъ создалъ этотъ родъ поэзіи, какъ мы понимаемъ его: до него эпиграмма была надписью на статуяхъ или памятникахъ. Катуллъ развилъ латинскую *метрику*, съ которою до тѣхъ поръ никакъ не могъ справиться еще негибкій языкъ римлянъ. По содержанію, Катуллу противоположенъ его современникъ, *Лукрецій Каръ*, написавшій дидактическую поэму «О природѣ вещей». По серьезности и глубокомыслію, нѣтъ ничего равнаго ей въ римской письменности. Это — энциклопедія знаній того времени и проповѣдь эпикуреизма, облеченная въ прекрасную поэтическую форму, проникнутая жаромъ искренняго убѣжденія и восторженной вѣрой въ могущество науки. У этого замѣчательно умнаго человѣка есть даже проблески эволюціонной теоріи. Лукрецій имѣлъ огромное вліяніе на современниковъ, особенно на молодежь. Горацій и Виргилій заимствовали у него не только мысли, но даже многія выраженія.

ЛЕКЦІЯ СЕМНАДЦАТАЯ.

Имперія. Вѣкъ Августа 30 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.

Августъ и имперія.

Съ Октавіана Августа начинается *Юліева династія* (потомство Юлія Цезаря), правившая римскою имперіей почти 100 л. Августъ *выработалъ* государственную форму, созданную Цезаремъ. Онъ былъ рожденъ для этого. Болѣзненный человѣкъ небольшого роста, безъ искры генія, онъ не могъ создать

ничего новаго, но ловко подражалъ Цезарю. Это былъ рожденный *дипломатъ* — человѣкъ расчетливый, холодный, терпѣливый и молчаливый, умѣвшій управлять даже своими страстями — властолюбіемъ и чувственностью. Онъ понималъ требованія минуты и изворачивался, примѣняясь къ обстоятельствамъ: вначалѣ онъ хладнокровно подписывалъ ужасныя проскрипціи; достигнувъ власти, сталъ образцомъ милосердія и добродушія, сталъ горячо покровительствовать литературѣ и искусствамъ. А оптиматы даже пріобрѣли больше блеска. Августъ жилъ въ скромномъ домикѣ на Палатинѣ просто и тихо, окруженный друзьями, писателями да художниками. Его двери всегда были открыты для бѣдныхъ и угнетенныхъ. Онъ часто просилъ преторовъ пощадить обвиненныхъ и ходилъ на обѣдъ почти ко всякому, кто приглашалъ его. Августъ носилъ простую тогу, съ узкими пурпурными каймами, сдѣланную руками жены и дочерей. Онъ не позволялъ говорить себѣ dominus (господинъ) и ввелъ новый скромный титулъ — princeps (отсюда «принцъ»), то есть первый изъ гражданъ, такъ что его правленіе называли *принципатомъ*.

А между тѣмъ, вся власть постепенно сосредоточивалась въ рукахъ Августа. Ко времени Р. Х. Августъ былъ уже понтифексомъ, трибуномъ, консуломъ, императоромъ арміи, проконсуломъ, цензоромъ, — и все пожизненно. Онъ сталъ также главой сената. Законы состояли почти изъ однихъ эдиктовъ, а суды — почти изъ однихъ «императорскихъ» трибуналовъ, поставленныхъ подлѣ сенатскихъ. Всего болѣе новая форма правленія была замѣтна въ слѣдующихъ учрежденіяхъ. 1) Явилась *постоянная* армія въ полмилліона солдатъ, расположенная по границамъ въ крѣпостяхъ, а также флотиліи. Въ Римѣ, подлѣ Августа, безотлучно находилось 10.000 преторіанцевъ. Войска получили строгую организацію и древнюю дисциплину. 2) Явился *частный совѣтъ* Августа, къ которому перешла почти вся власть сената. 3) Подлѣ республиканскихъ властей возникъ рядъ новыхъ, «императорскихъ», чиновниковъ, назначаемыхъ и смѣняемыхъ Августомъ,—родъ министровъ. Во главѣ ихъ былъ начальникъ полиціи — *городской префектъ*. 4) Подлѣ республиканской казны, *эраріи*, явилась «императорская» — *фискъ*, для котораго Августъ ввелъ новые большіе налоги. 5) Точно также провинціи распались на два отдѣла — 15 *сенатскихъ* и 10 *цезарскихъ*. Первыя управлялись проконсулами, назначенными отъ сената на годъ, вторыя — чиновниками Августа, которые долго оставались на своихъ мѣстахъ. 6) Каждый годъ 1 января всѣ граждане *присягали* Августу въ вѣрности, какъ *подданные*.

Управленіе Августа. Всѣ понимали, что Августъ — монархъ, источникъ законовъ и власти; всѣ просили у него мира и порядка, помощи и милосердія. Августъ оправдалъ надежды подданныхъ: его правленіе было мирное, кроткое и умное. Благодаря хорошей *полиціи*, исчезли разбои. Всюду завелись прекрасныя дороги и *почты*, хотя и по персидскому образцу, то есть только для правительства. Поправлялись старые города и заводились новые. Особенно украсился Римъ, гдѣ было тогда около 2 милл. населенія (половина рабовъ), въ томъ числѣ масса пролетаріевъ, которымъ Августъ давалъ хлѣбъ и работу и устраивалъ зрѣлища. Императоръ старался также выводить бѣдняковъ и ветерановъ въ новыя колоніи, а рабовъ облегчилъ тѣмъ, что сталъ принимать отъ нихъ жалобы на жестокихъ господъ. Онъ издавалъ также законы противъ роскоши, безбрачія и разврата. Италія получила много привилегій: были расширены права ея *муниципій*, съ ихъ *куріями* (городскими думами).

Наиболѣе процвѣтали города сѣверной Италіи, они уже затмевали древніе города южной и средней Италіи. Особенно благословляли Августа *провинціи*. Августъ посылалъ туда чиновниковъ на жалованьѣ, и надолго, и строго наказывалъ ихъ за взятки и притѣсненія. Истиннымъ благодѣяніемъ была замѣна почти во всѣхъ провинціяхъ натуральныхъ податей денежными. Для справедливой

раскладки податей былъ введенъ хорошій *кадастръ*. Августъ не только не преслѣдовалъ чужихъ религій, но самъ ставилъ храмы иностраннымъ божествамъ; онъ только запрещалъ человѣческія жертвы. Словомъ, при немъ, въ теченіе почти полувѣка, вся имперія (до 100 милліоновъ душъ и 100.000 кв. м.), истомленная усобицами, вкушала сладкій отдыхъ, и всюду развивался зажиточный и утонченный бытъ.

Варвары. Конецъ Августа.

Иностранныя дѣла также шли хорошо. Сильныя арміи охраняли границы. Въ Азіи даже пареяне безъ боя возвратили орловъ и плѣнныхъ Красса. Труднѣе было охранять границы въ Европѣ: въ провинціяхъ между Италіей и Дунаемъ не прекращались войны съ варварами. Въ Мёзіи пришлось устраивать цѣлую военную линію — поселенія, послужившія основаніемъ романизаціи этого края и зерномъ *румынской* націи.

Противъ *германцевъ* также устраивали военныя колоніи. Пасынокъ императора, благородный Друзъ, дошелъ до Эльбы, гдѣ и умеръ, передавъ своему сыну прозвище *Германика*. Начиналась романизація германцевъ, которые и сами стремились въ римскую службу: въ Римѣ воспитывался ихъ князекъ, *Арминій* (Германъ). Но Арминій задумалъ освободить свой народъ отъ ига римлянъ: онъ истребилъ цѣлую армію сенатора Вара за Рейномъ, въ Тевтобургскомъ лѣсу (9 г. по Р. Х.): но ему отомстилъ образованный, талантливый, симпатичный Германикъ, котораго любили такъ же, какъ и его жену, внучку Августа, *Агриппину Старшую*. Онъ надолго утвердилъ власть Рима за Рейномъ.

Германикъ совершалъ свои подвиги уже по смерти своего вотчима. Августъ видѣлъ только пораженіе Вара, которому соотвѣтствовали семейныя бѣдствія дряхлѣвшаго императора. Августъ былъ несчастенъ въ бракахъ. Онъ подчинился своей 4-й женѣ, Ливіи, женщинѣ злой и властолюбивой, которая, ради своего сына, Тиверія, отравила его любимыхъ родственниковъ. Августъ умеръ въ 14-мъ г. по Р. Х. Тиверій сталъ вторымъ римскимъ императоромъ или цезаремъ. Но онъ царствовалъ уже послѣ *Рожденія Христа*, которое случилось въ 30-мъ году правленія Августа.

«Вѣкъ Августа».

«Вѣкъ Августа» завершилъ тѣ культурныя богатства, которыя оставилъ человѣчеству древній до-христіанскій міръ. Римъ, завоевавшій весь тогдашній міръ, сталъ *средоточіемъ послѣднихъ плодовъ древней культуры*. Во главѣ движенія стоялъ придворный кружокъ, съ Меценатомъ во главѣ, такъ что съ тѣхъ поръ покровительство просвѣщенію называется *меценатствомъ*: сюда принадлежали Горацій, Виргилій и Проперцій. Были и болѣе независимые, республиканскіе кружки, въ которыхъ славились Овидій, Тибуллъ и поэтесса Сульпиція. Подлѣ этихъ кружковъ увивалось много мелкихъ «поэтиковъ». Всякій старался втереться въ «литературную республику» (respublica litterarum) и зачитывался книгами; даже дамы сочиняли стихи наперерывъ другъ передъ другомъ. Книжныя лавки стали клубами образованныхъ людей, наряду съ *публичными библіотеками*, устроенными Августомъ. Городской лоскъ развился въ обществѣ до крайней степени. Тонкость литературнаго вкуса поддерживалась *публичными лекціями* и *рецитаціями* передъ избраннымъ кружкомъ, то есть чтеніемъ авторами своихъ произведеній до выхода ихъ въ свѣтъ. Развелось множество переписчиковъ; пользуясь правильною *почтой*, издатели разсылали свитки по провинціямъ. Возникли и первыя въ древности *періодическія изданія*, или журналы — Acta diurna (отъ dies — день, французское jour).

Но общество отличалось *эпикуреизмомъ*. Оно гонялось за тщеславными отличіями, эффектами и наслажденіями. Фальшивый тонъ, натянутыя манеры, погоня за внѣшнимъ лоскомъ—словомъ, *риторство* стало душой общества. То было дряблое поколѣніе, отдыхавшее послѣ политическихъ бурь: люди обрадовались, что имперія доставила покой, и сошли съ исторической сцены въ тишину частной жизни. Къ тому же, при имперіи *культурная централизація*

сопутствовала политической: Римъ поглащалъ умственныя силы провинцій, сглаживалъ ихъ жизненныя, своеобразныя черты.

Золотой вѣкъ поэзіи. Виргилій. *Риторство* и *преобладаніе поэзіи* составляютъ основныя черты письменности вѣка Августа. Въ поэзіи такъ же, какъ и въ прозѣ «золотой латыни», былъ свой тріумвиратъ — Виргилій, Горацій и Овидій, которые представляютъ собой два поколѣнія: во время Р. Х. Виргилію было бы 70, а Горацію 65, если бы они не умерли раньше; Овидію же было тогда только 43 г., и онъ умеръ 17 л. спустя послѣ Р. Х. Болѣзненный *Виргилій* провелъ почти всю свою жизнь въ помѣстьѣ, подаренномъ ему Августомъ. Здѣсь онъ, прежде всего, воспѣлъ прелести сельскаго быта въ *буколикахъ*. Въ этомъ сочиненіи все дѣло въ изящно отполированной формѣ; содержаніе же риторическое, чопорное: здѣсь пастухи говорятъ языкомъ римскихъ гостиныхъ. Сверхъ того, эти буколики — нерѣдко подстрочные переводы съ греческаго. То же должно сказать объ «Энеидѣ», написанной по желанію Августа. Она только по внѣшности — верхъ совершенства. Сверхъ того, цѣль ея — быть національною, римскою Иліадой и Одиссеей. Ея герой, Эней — образецъ римскихъ древнихъ добродѣтелей. Онъ считался также родоначальникомъ династіи Юліевъ, и въ его лицѣ Промыслъ уже предсказалъ необходимость имперіи Августа. Риторство и патріотизмъ Энеиды доставили небывалую славу автору среди современниковъ, а зачатки романтизма, чувствительности очаровывали всѣхъ въ средніе вѣка. На Виргилія смотрѣли съ религіознымъ благоговѣніемъ, считали его вѣщимъ, чародѣемъ; на его ссылались даже отцы церкви; а Дантъ взялъ его себѣ въ проводники по аду.

Горацій и Овидій. *Горацій* напоминалъ Виргилія только основательностью своего образованія, которое онъ получилъ отчасти въ Аѳинахъ; но онъ былъ противоположенъ ему по характеру. Это — эпикуреецъ, свѣтскій человѣкъ, другъ Мецената, душа римскихъ гостиныхъ. Горацій — истинный представитель общества вѣка Августа; и его поэзія соотвѣтствовала характеру этого общества.

Овидій былъ, какъ свой, въ семьѣ Августа. Овидій еще больше, чѣмъ Горацій, былъ сыномъ своего времени. Легкомысліе, чувственность, но также начитанность и остроуміе — вотъ черты его поэзіи, которую можно назвать «салонною», какъ доказываютъ любовныя заглавія его сочиненій. Овидій занимался также древностями и миѳологіей, подражая «ученымъ» александрійскимъ поэтамъ. Его «Превращенія» (Metamorphoses) или поэтическая миѳологія считаются первымъ послѣ «Киропедіи» романомъ древности; они были любимою книгой въ средніе вѣка. Наибольшею силой и естественностью отличаются *элегіи* Овидія, получившія тогда тотъ смыслъ грустныхъ стихотвореній, который придается имъ теперь. Вмѣстѣ со своими современниками, Тибулломъ и Проперціемъ, Овидій составляетъ элегическій тріумвиратъ, сильно подражавшій александрійцамъ. *Тибуллъ и Проперцій* оба принадлежали къ богатому кругу, оба жили частными людьми и были друзьями Мецената; оба были поэтами чувства. Но это — совсѣмъ различныя натуры. Проперцій отличался крайней чувственностью, отвагой, злой ироніей. Тибуллъ же славился идеализмомъ, идиллическою мечтательностью, романтическою нѣжностью, а также простотой и искренностью изложенія; это былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ поэтовъ; всѣ знали его наизусть и считали царемъ элегиковъ.

Драма и зрѣлища. Итакъ, поэзія золотой латыни состоитъ изъ лирики да изъ одной эпической поэмы (Энеида); драмы же почти вовсе не существовало. Немногіе драматурги вдавались въ миѳологію и ученость и щеголяли эффектами; трагедія совсѣмъ исчезала; падали даже ателланы и мимы, которыхъ замѣнили *пантомимы*, введенные Августомъ. Пантомимъ, или изображеніе комедій и даже трагедій посредствомъ жестовъ и музыки, безъ словъ, былъ соединеніемъ драмы, балета и оперы. Ради толпы его обставляли необыкновенной роскошью и чувственной прелестью.

Такъ пантомимъ приближался къ грязнымъ и дикимъ зрѣлищамъ въ циркѣ и амфитеатрѣ, гдѣ Августъ, подражая Цезарю, старался развить скачки, въ особенности же *звѣриные и гладіаторскіе* бои. Августъ изобрѣлъ еще особыя, дорогія игры—*навмахіи*, изображавшія морскія сраженія. Подлаживаясь подъ кровожадные нравы публики, императоръ ввелъ даже обычай отдавать преступниковъ на растерзаніе звѣрямъ передъ публикой. Оттого то при имперіи толпа особенно кричала, чтобы ей давали «хлѣба и зрѣлищъ». Уже при Августѣ она до того увлекалась послѣдними, что возникли *партіи цирка*. Общества капиталистовъ имѣли свои колесницы на ристалищахъ, окрашенныя въ ихъ цвѣтъ: отсюда «фракціи» «бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ».

Проза вѣка Августа находилась въ упадкѣ. То была мелкая, педантичная ученость, лишенная мыслей и талантовъ: сюда относятся антиквары, лексикографы, грамматисты и т. п. Во главѣ историковъ стоялъ *Титъ Ливій*, другъ Августа и воспитатель его внука, человѣкъ скромный, трудолюбивый и честный. Слава Ливія основывается на плѣнительности внѣшней формы. Такъ какъ исторія Ливія была проникнута еще патріотизмомъ, то немудрено, что были люди, нарочно пріѣзжавшіе взглянуть на «римскаго Геродота». **Проза.**

Лучше было положеніе точныхъ наукъ. Особенно важны работы, къ которымъ привело желаніе Августа устроить хорошій кадастръ. Явились измѣренія государства и географическо-статистическія свѣдѣнія. Въ одной публичной залѣ была выставлена *карта* древняго міра, въ видѣ большого мраморнаго глобуса. Только одна наука процвѣтала при Августѣ, какъ и всегда у римлянъ: это—*юриспруденція*. Она постоянно развивалась въ концѣ республики: тогда было издано много сборниковъ законовъ и блестящихъ толкованій такими даровитыми юристами, какъ Муцій Сцевола. Оттого при Августѣ римское право уже достигло научной системы, въ которой не было и слѣда риторства. Августъ воспользовался обычаемъ римлянъ спрашивать совѣтовъ у адвокатовъ, мнѣнія которыхъ имѣли вѣсъ въ глазахъ судей: онъ даровалъ привилегію давать *отвѣты* лишь нѣсколькимъ «мудрымъ» юристамъ; если всѣ они одинаково рѣшали вопросъ, то ихъ отвѣтъ получалъ силу закона. Немудрено, что уже при Августѣ въ юриспруденціи возникли двѣ школы, во главѣ которыхъ стояли Прокулъ и Сабинъ. *Прокуліанцы*—«раціоналисты», или теоретики; они смѣло и талантливо толковали право, руководствуясь справедливостью и требованіями жизни. *Сабиніанцы* — «позитивисты», или приверженцы «положительнаго», существующаго права: они придерживались буквы закона и формалистики.

Искусство вѣка Августа представляетъ одно цѣлое съ искусствомъ эпохи паденія республики. Оно мало отличается отъ искусства четвертаго періода и характеризуется *греческимъ* вліяніемъ; только возрасло число художественныхъ произведеній и усовершенствовалась техника. Съ другой стороны, римляне увлекались тогда уже не древнѣйшими образцами эллинскаго искусства, а произведеніями александрійской эпохи. Они стремились къ поразительности, къ роскоши и колоссальности. Тѣмъ же характеромъ отличается зодчество Августа, особенно украшавшаго столицу. *Живопись* того времени слаба: она — чисто греческая, насколько мы знаемъ ее, благодаря Помпеѣ. Это—стѣнопись или мелкія «фрески», написанныя по влажной извести. Въ *ваяніи* видно болѣе развитія. Сохранились хорошія статуи греческаго стиля, вродѣ «Венеры Медицейской». Образовался даже *римскій* стиль, отличія котораго—реализмъ, строгость и практичность. Содержаніемъ его служитъ дѣйствительность, особенно портреты. Ваяніе римскаго стиля отличалось еще служеніемъ *монументальнымъ* цѣлямъ, т. е. оно было лишь украшеніемъ памятниковъ. Тутъ вѣрно изображались и типы покоренныхъ народовъ. Этотъ же стиль видимъ на *монетахъ* со временъ Цезаря. **Искусство.**

Значеніе Рима. Внѣшнимъ образомъ Римъ существовалъ послѣ Августа еще $4^1/_2$ вѣка, до паденія Западной римской имперіи (476). Но въ эпоху имперіи его жизнь подвергалась чуждымъ вліяніямъ: она отчасти входитъ въ исторію христіанства и новыхъ народовъ Европы; въ ней нѣтъ чертъ отличающихъ историческій типъ, который рисуется въ нашемъ воображеніи при имени «Рима». Сущность римской исторіи заключается въ древнемъ, а не средневѣковомъ Римѣ. Она состоитъ въ великомъ *политическомъ* значеніи Римлянъ. Ни одинъ народъ древности не можетъ равняться съ ними въ этомъ отношеніи. Вся жизнь Рима проникнута государственностью. Оттого онъ напоминаетъ Спарту и служитъ противоположностью Аѳинъ; но Спарта—лишь зародышъ государственной идеи въ древности, а Римъ — ея полное и величественное проявленіе. Римляне развили обѣ стороны этой идеи—и внѣшнюю, и внутреннюю. Первая выразилась въ ихъ блестящемъ *военномъ искусствѣ* и въ *покореніи всего извѣстнаго тогда міра*, вторая —въ ихъ геніальномъ законодательствѣ, въ томъ *римскомъ правѣ*, которое до сихъ поръ служитъ азбукой юридическихъ наукъ. Юриспруденція составляла такое спеціальное призваніе римлянъ, что она развивалась безъ перерывовъ, не исключая эпохъ застоя во всѣхъ другихъ сторонахъ быта.

Въ *культурномъ* же отношеніи Римъ всегда отличался либо застоемъ, либо однимъ внѣшнимъ развитіемъ. Его религія съ самаго начала подпала чужому вліянію, котораго она не могла переработать. Лучшая, героическая пора его жизни (третій періодъ) протекла совсѣмъ безъ письменности и искусствъ; а потому вся его идейная культура заключалась въ слѣпомъ подражаніи Элладѣ. Оттого, въ бытовомъ отношеніи, Риму принадлежитъ лишь косвенное значеніе: именно онъ *распространялъ древнюю цивилизацію*, потому что жилъ позже Эллады и завоевалъ міръ. *Романизація западной Европы*, конечно, великая заслуга предъ человѣчествомъ; но въ основѣ ея лежалъ эллинизмъ, только искаженный римскимъ вліяніемъ. Это искаженіе выясняется при знакомствѣ съ римской культурой временъ имперіи.

Значеніе древняго міра. Прежде подъ *древнимъ* или античнымъ міромъ разумѣли только Грецію и Римъ, такъ какъ, не зная Востока, не придавали ему значенія. Теперь Востокъ занимаетъ почетное мѣсто въ древней исторіи, какъ отецъ европейскаго развитія; и слово *античный* стало означать не «древній», а грекоримскій міръ, притомъ съ оттѣнкомъ похвалы, превосходства; этимъ же оттѣнкомъ отличается слово *классическій*, въ приложеніи къ исторіи Греціи и Рима. Несмотря на великое значеніе *Востока*, его исторія и теперь выдѣляется, лишь какъ подготовительная школа въ развитіи древняго человѣчества, которое сосредоточивается въ классическомъ мірѣ: тамъ господствуютъ однообразіе и застой, отсутствіе общественнаго и личнаго развитія. Сѣмена цивилизаціи, возросшія на Востокѣ, дали плоды, когда ихъ перенесли на европейскую почву. Эти плоды замѣчательны: они до сихъ лежатъ въ основаніи человѣческаго прогресса. Нѣтъ стороны жизни, которая не была бы затронута и даже значительно развита въ древности. Основы матеріальной культуры господствовали въ жизни Европы и Азіи до прошлаго вѣка; а плодами идейной культуры до сихъ поръ живетъ интеллигенція. У насъ первыя главы важнѣйшихъ наукъ, а также основы искусствъ—греческія.

Но зато во всѣхъ областяхъ жизни классическая древность представляетъ важные *пробѣлы*, благодаря которымъ она служитъ лишь такою же подготовительною школой для насъ, какою былъ для нея Востокъ. Такъ во внѣшней политикѣ древніе не знали равновѣсія: ни одна держава не терпѣла подлѣ себя другихъ большихъ государствъ. Отсюда вѣчныя и жестокія войны между значительными государствами. Во внутренней политикѣ древніе отличались также недостаткомъ равновѣсія силъ,—горячностью: они почти не знали реформъ, жили

среди постоянныхъ революцій. Въ ихъ глазахъ *рабство* было естественнымъ, вѣчнымъ явленіемъ. Въ матеріальной культурѣ въ древности только начиналось приложеніе машинъ, такъ какъ точныя науки развились лишь незадолго до Р. Х. Точно также древніе не могли и мечтать о современномъ развитіи научныхъ теорій живописи и въ особенности музыки. Наконецъ, былъ великій нравственный пробѣлъ у древняго человѣка, какъ у восточнаго, такъ равно и у западнаго: это—узкій, эгоистическій взглядъ на все чужое, или *отсутствіе гуманности*. Даже у себя дома онъ былъ единственнымъ господиномъ, которому все должно было служить безпрекословно: женщина и ребенокъ были его рабами и вещами. Только къ концу древняго міра появились проблески простоты, *идеализма* и *гуманности*. Они обнаруживались при Александрѣ Великомъ и у діадоховъ, роль которыхъ продолжалъ Римъ. Завоеванія Александра и римлянъ сглаживали мѣстныя, національныя особенности, расчищали путь міровымъ интересамъ.

Классическій міръ былъ такъ богатъ умственными силами, что, при дальнѣйшемъ развитіи, самъ могъ бы отчасти восполнить указанные пробѣлы; но его жизнь была остановлена вторженіемъ новыхъ элементовъ въ исторію. Подлѣ него стали, съ одной стороны, *христіанство*, возникшее на Востокѣ, съ другой—*варвары* или новые народы, пришедшіе оттуда же. Изъ сліянія этихъ трехъ элементовъ образовалось новое время въ исторіи, смѣнившее древность. Отдаленнѣйшая часть этого времени, первыя 15 столѣтій нашей эры, называются *средними вѣками*. Впрочемъ, въ тѣсномъ смыслѣ, первые пять вѣковъ составляютъ лишь переходъ отъ древней исторіи къ средней. Этотъ періодъ отличается всеобщимъ броженіемъ въ Европѣ и на Востокѣ, вслѣдствіе борьбы трехъ основныхъ элементовъ новаго времени.

ЛЕКЦІЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Переходъ отъ древней исторіи къ средней. Около 1—500 по Р. Х.

Начало христіанства.

Когда въ Римѣ образовалась имперія, смѣнившая античную республику, на Востокѣ, на этой родинѣ религій, возникло *Царство Божіе*, которое низвергло древнее язычество. Старыя вѣрованія были подорваны со временъ Александра Македонскаго: римляне разрушали мѣстныя религіи вмѣстѣ съ независимостью народовъ. Но они брали изъ этихъ погибающихъ религіи старыхъ боговъ, такихъ же чувственныхъ, какъ ихъ собственные. Эти боги, нелѣпо перемѣшиваясь въ Римѣ, теряли значеніе для толпы; интеллигенція же тщетно искала новой истины, впадая то въ эпикурейскій развратъ, то въ стоическую апатію. Человѣчество давно жаждало новаго міровоззрѣнія. Это было особенно замѣтно у евреевъ: ихъ Іегова не смѣшивался съ богами древности; и римляне не трогали его, какъ уединеннаго Бога небольшой націи, не подходившаго къ ихъ воззрѣніямъ. Здѣсь давно жила идея *Мессіи*; но никогда не проявлялась она столь сильно, какъ теперь подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Крайне упорные въ своемъ патріотизмѣ и въ религіи, евреи ненавидѣли своихъ царей изъ рода Идумеевъ за ихъ угодничество Риму. Послѣ сильнаго Ирода, они не хотѣли повиноваться его сыну, *Ироду Антипѣ*. Тогда римляне подчинили ихъ своимъ прокураторамъ, однимъ изъ которыхъ былъ *Понтій Пилатъ*. Огорченные евреи стали ждать немедленнаго появленія національнаго искупителя, который управлялъ бы всѣмъ міромъ на развалинахъ римской имперіи.

На 15-мъ году царствованія Тиверія, еврейскій подвижникъ Іоаннъ вышелъ изъ пустыни проповѣдывать о пришествіи Мессіи. Это былъ *Предтеча*

Іисуса Христа, которому исполнилось тогда 30 л.: онъ готовилъ народъ крещеніемъ, т.-е. очищеніемъ тѣла и души. Вслѣдъ затѣмъ началась проповѣдь Іисуса въ Іерусалимѣ, въ особенности же въ Галилеѣ, среди неиспорченныхъ крестьянъ. Онъ былъ распятъ, а Его послѣдователи подверглись гоненіямъ. Но преслѣдованія только закаляли силу воли у исповѣдниковъ новой религіи. Ближайшіе ученики Іисуса стали «посланниками» (апостолами), разносившими «благую вѣсть» (Евангеліе). Въ эту *апостольскую эпоху* христіанская община, или *церковь*, составляла какъ бы одну семью. Уже тогда іерусалимская церковь стала «матерью», а ея пресвитеръ—*митрополитомъ*. И христіанство начало понемногу побѣждать, какъ правительство, такъ и науку древняго міра. Но особенно оказались доступными его вліянію простыя сердца варваровъ.

Варвары Кельты. Старѣйшіе изъ варваровъ, *кельты*, которыхъ древніе называли *галлами*, тревожили древній міръ съ самаго основанія Рима. Но зато они раньше всѣхъ романизовались, благодаря живости своего характера и политикѣ Цезаря. Въ IV-мъ в. Галлія была уже самою богатой и образованной изъ римскихъ провинцій. Кельты превосходили грековъ въ обработкѣ металловъ, особенно *бронзы*. Въ Арморикѣ (Бретань) и Уэльсѣ находятъ остатки ихъ искусства — каменныя гробницы и гроты. Кельты жили *кланами* (родами); правленіе принадлежало не столько князю, сколько главамъ родовъ, составлявшимъ его дружину. *Друиды* («люди дубовъ») и *друидессы* придавали единство кельтамъ, составляя могущественное сословіе: они были правителями, судьями, врачами, учителями; младшіе изъ нихъ, *барды* («пѣвцы»), воспѣвали подвиги дружинниковъ, бряцая на лирѣ. Религія кельтовъ представляла переходъ отъ духовъ къ божествамъ. Народъ вѣрилъ въ загробную жизнь, но похожую на земную. При жертвоприношеніи плели изъ вѣтвей ивы огромныхъ идоловъ, которыхъ наполняли живыми людьми и сожигали. На югѣ Галліи, къ концу періода, кельты превращались въ римлянъ. Исчезала ихъ дикая воинственность и свирѣпость. Друиды исчезали; если гдѣ сохранялись идолы, то значеніе ихъ сливалось съ римскими богами. Галлы заимствовали у римлянъ все искусство и даже обычаи. Они заводили много латинскихъ школъ, откуда выходили богословы, писатели, юристы, духовники, риторы и поэты. Древнее варварство сохранялось только на сѣверѣ—въ Арморикѣ и особенно въ Британіи, Каледоніи (Шотландія) и Ирландіи, гдѣ кельты назывались *бритами*, *пиктами* («раскрашенные») и *скотами*. Тамъ то долго сохранялась древнѣйшая поэзія кельтовъ. Это — обширный запасъ народныхъ пѣсенъ съ мрачнымъ, тоскливымъ характеромъ и съ богатою *риѳмой*, перешедшей къ другимъ народамъ Европы. Ихъ герои — вожди, боровшіеся за національную независимость (Артуръ), и барды, во главѣ которыхъ стоялъ ирландецъ *Оссіанъ*.

Германцы. О германцахъ извѣстно болѣе, чѣмъ о кельтахъ, такъ какъ римлянамъ пришлось позже вести упорную борьбу съ ними, именно, начиная съ Августа. Ихъ бытъ хорошо описанъ въ «Германіи» *Тацита* (ок. 100 л. по Р. Х.). Германцы распадались на множество народцевъ, занимая почти всю среднюю Европу. Жили они въ лѣсахъ, занимались скотоводствомъ, охотой да войной. У нихъ встрѣчаются лишь зачатки обработки *бронзы*: а городовъ не было до Х-го в. При войнѣ германцы соединялись въ большія орды и нападали неистовой пѣхотой, но разбѣгались при первомъ отпорѣ. Дома они по цѣлымъ днямъ валялись, нагіе, у очага, на звѣриной шкурѣ, которая служила имъ зачастую и одеждой; не то предавались чревоугодію и отчаянной игрѣ въ кости. Но они отличались честностью, гостепріимствомъ и супружеской вѣрностью: въ женщинѣ видѣли даже что-то вѣщее; и женихъ покупалъ невѣсту. У нихъ были даже руны — *первобытныя письмена*. У германцевъ *миѳологія* была болѣе развита, чѣмъ у кельтовъ: она сохранилась въ самой богатой, послѣ греческаго эпоса, поэзіи *Эдды*. Тутъ видимъ много боговъ, имена которыхъ

сохранились въ названіяхъ дней у нѣмцевъ и англичанъ. Во главѣ стоитъ *Одинъ*, громовержецъ и богъ войны, окруженный «дикою дружиной»—витязями, павшими на полѣ брани. Ему помогаютъ *валькиріи* — очаровательныя безсмертныя дѣвы, которыя носятся, въ полномъ вооруженіи, тамъ, гдѣ льется кровь, и подбираютъ павшихъ въ бою витязей, чтобы унести ихъ въ Валгаллу (рай). Германцы приносили въ жертву плѣнныхъ, рабовъ и преступниковъ. Обряды совершались въ лѣсной чащѣ, подъ священными липами. Идоловъ не было: ихъ замѣняли талисманы. Важны были «вѣщія жены», которыя умѣли гадать.

Германцы жили въ *родовомъ* быту, распадаясь на «марки» («межи») или общины. Земля была «общею», *альменде*, съ ежегоднымъ передѣломъ и трехпольнымъ хозяйствомъ; только *аделинги* («благородные») владѣли «полною» собственностью или *аллодомъ*, который переходилъ къ старшимъ сыновьямъ. Аделингамъ принадлежало управленіе родами, причемъ они были и жрецами, и судьями, и полководцами; изъ нихъ же избирались *графы*—представители волостей, а также главы племенъ—*короли*. Для рѣшенія важныхъ дѣлъ собирались изъ *керловъ* или свободныхъ людей родовыя и племенныя сходки (ландтаги, мартовскія поля), которыя выбирали правителей и творили уголовный судъ. Здѣсь не участвовали люди зависимые—крѣпостные и рабы. *Крѣпостные* (побѣжденныя племена) получали отъ своихъ господъ землю съ усадьбой, за которую платили барщиной и оброкомъ; они могли быть проданы только вмѣстѣ съ землей. Ихъ положеніе было лучше положенія *рабовъ*, состоявшихъ изъ плѣнныхъ, опальныхъ и проигравшихся: рабовъ даже пытали вмѣсто господъ, не сознававшихся въ преступленіи. Но и рабамъ жилось лучше, чѣмъ въ античномъ мірѣ: господа мало отличались отъ нихъ по образованію и быту и считали ихъ членами своихъ семействъ. *Судъ* былъ устный и гласный; вся община принимала въ немъ участіе или прямо, или черезъ выборныхъ — «рахимбурговъ», Преступленіе считалось нарушеніемъ частнаго, а не общественнаго права: судбище начиналось только по жалобѣ потерпѣвшаго. Доказательствами служили клятва и ордаліи или судъ божій; послѣдній состоялъ изъ *поединка* для свободныхъ и изъ *испытанія огнемъ и водой* для зависимыхъ. Войскомъ, состоявшимъ изъ всеобщаго ополченія или *геербана*, завѣдывали выборные «воеводы» или *герцоги*. Кромѣ того, послѣ Р. Х. развился *гелейтъ*, или дружина. Это—отряды охотниковъ, собиравшихся вокругъ доблестныхъ вождей, въ которые поступали даже дѣти главныхъ аделинговъ. Для дружинниковъ было высшимъ позоромъ пережить въ бою своего вождя, который дѣлилъ съ ними добычу, давалъ имъ содержаніе и оружіе. Германцы были обязаны своими завоеваніями особенно гелейту, который послужилъ къ основанію варварскихъ государствъ.

Славяне и литовцы.

Славяне и *литовцы* составляли третью, самую южную, отрасль «варваровъ». Имъ пришлось занять, назади всѣхъ арійцевъ, самое невыгодное положеніе, именно въ восточной Европѣ. Имя славянъ, которыхъ называли *вендами*, огласилось въ исторіи лишь въ слѣдующемъ періодѣ. Это племя занимало на первыхъ порахъ среднюю Россію до верховьевъ Оки, гдѣ начиналась земля финновъ, и до Камы и Волги, гдѣ утвердился другой монгольскій народъ — болгары. Около Р. Х. оно дошло, на западѣ, до Новгорода и Карпатъ, которые и назывались по имени «карповъ» (хорватовъ). Литовцы же, засѣвшіе у Нѣмана, на болотахъ, по сосѣдству съ финнами, продвинулись до береговъ Балтики и предѣловъ Пруссіи («пруссы»—одинъ изъ ихъ народцевъ). Литовцы тамъ и остались. Славяне же, съ одной стороны, напирали на туземцевъ сѣверо-восточной Россіи, съ другой — стали выселяться изъ Карпатъ. Отсюда одни изъ нихъ дошли до Эльбы и Балтики, другіе устремились на югъ, за Дунай, гдѣ заняли Мезію (Болгарія) и продвинулись до Греціи и Архипелага.

Тѣснимые германцами съ запада, окруженные полудикими туранцами съ востока, удаленные отъ античной цивилизаціи, славяне сохраняли еще первобытную грубость; но они уже переходили отъ лѣсныхъ промысловъ къ земледѣлію, которое быстро развивалось.

Юліева династія. Между тѣмъ какъ усиливались варвары и распространялось христіанство, язычество разлагалось, а римская имперія слабѣла. *Юліева династія* вырождалась послѣ Августа. Его преемники—Тиверій, Калигула, Клавдій, Неронъ—были жалкіе тираны, которыми заправляли любимцы-отпущенники. При нихъ развилось невиданное шпіонство; особые судьи слѣдили даже за словами и помыслами гражданъ. Казни и отобраніе имуществъ въ казну стали обычнымъ явленіемъ. Калигула сожалѣлъ, что у римскаго народа—не одна голова, которую онъ отрубилъ бы сразу. Во дворцѣ, гдѣ господствовали недостойныя женщины (жена Клавдія, Мессалина, и др.), совершались преступленія: тогда славилась отравительница Локуста. Живымъ цезарямъ воздвигались храмы и приносились жертвы; а по смерти они удостоивались «апоѳеозы»—причисленія къ богамъ. При Неронѣ же было воздвигнуто первое ужасное гоненіе на христіанъ (64 г.). За принципатъ стояла римская толпа, видя въ немъ оплотъ противъ междоусобій и угнетенія знатью (къ цезарямъ перешло значеніе трибуна), а также опасаясь, что безъ него отпадутъ провинціи; провинціи же дорожили центральною властью, нуждаясь въ единствѣ для своихъ торговыхъ сношеній. Солдаты, въ особенности преторіанцы, также стояли за принципатъ, который былъ военною властью, опиравшеюся на нихъ. Такъ какъ не было закона о престолонаслѣдіи, то преторіанцы стали сажать на престолъ за «подарокъ».

Лучшая пора имперіи. Немудрено, что уже по смерти Нерона настали двухлѣтнія смуты: арміи по провинціямъ провозглашали своихъ императоровъ и сами же убивали ихъ. Наконецъ, сирійскіе легіоны поставили цезаремъ Веспасіана изъ рода *Флавіевъ*, съ котораго началась *лучшая эпоха римской имперіи* (70—180). Извѣстный полководецъ, *Веспасіанъ*, былъ грубъ и невѣжественъ, но отличался честностью, практичностью и трудолюбіемъ. Онъ помогалъ бѣднякамъ, пролагалъ дороги, украсилъ Римъ богатыми сооруженіями, устроилъ публичную библіотеку, ввелъ жалованье риторамъ. Живя весьма скромно, онъ преслѣдовалъ роскошь и развратъ и подчинилъ дисциплинѣ даже преторіанцевъ. Онъ очистилъ сенатъ и предоставилъ ему важныя дѣла: сенатъ даже опредѣлилъ закономъ власть цезарей, устранивъ произволъ, внесенный Нерономъ. Веспасіанъ справился и съ тяжелыми внѣшними обстоятельствами. Особенно упорна была борьба съ евреями, которые возстали еще при Неронѣ, возмущенные притѣсненіями прокураторовъ. Доблестный сынъ Веспасіана, Титъ, подавилъ возстаніе: Іерусалимъ съ его храмомъ были разрушены, а жителей частью перерѣзали, частью продали въ рабство. Тогда же взволновались «варвары» на Рейнѣ, въ Галліи и даже въ Британіи. Возстаніе было подавлено въ крови. Затѣмъ *Британія* была *романизована* умнымъ и кроткимъ Агриколой. Огражденные отъ набѣговъ дикихъ каледонцевъ, бриты ревностно строили города, заводили школы, галлереи, цирки, стали учиться по латыни и даже носить тоги. *Тита* любили еще больше, чѣмъ Веспасіана: его называли «отрадой человѣчества». Онъ посвятилъ себя счастью 80 милліоновъ своихъ подданныхъ и считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который не сдѣлалъ добра. Онъ принялъ званіе главнаго понтифекса, чтобы не имѣть права осквернять свои руки кровопролитіемъ, и не только простилъ двухъ патриціевъ-заговорщиковъ, но сдѣлалъ ихъ своими друзьями.

Траянъ. Преданія благородныхъ Флавіевъ поддержалъ лучшій полководецъ своего времени и умный политикъ, испанскій колонистъ *Траянъ*. Вручая мечъ начальнику тѣлохранителей, онъ сказалъ: «за меня, если буду справедливъ, и про-

тивъ меня, если буду несправедливъ». Онъ возстановилъ значеніе сената и возвратилъ комиціямъ выборы магистратовъ. Въ судахъ воцарилось правило: «лучше отпустить преступнаго, чѣмъ осудить невиннаго». Траянъ жилъ солдатомъ, запросто ходилъ къ старымъ знакомымъ, продалъ множество дворцовъ и виллъ и ввелъ такую экономію, что подати понижались, а казна богатѣла. Онъ устроилъ первый сиротскій домъ въ Римѣ и благотворительныя учрежденія даже по провинціямъ, а также много почтъ, школъ для дѣтей обоего пола и знаменитую библіотеку. Имъ были обласканы ученые и писатели. Со времени Августа никто не сооружалъ столько дорогъ, мостовъ, каналовъ, бань во всѣхъ трехъ частяхъ Свѣта. Траяна прозвали *Лучшимъ* (Optimus); и послѣ его смерти сенатъ желалъ каждому цезарю «быть счастливѣе Августа и лучше Траяна».

Траяну наслѣдовалъ его родственникъ, *Гадріанъ*—типъ эллинизованнаго римлянина и Мецената на тронѣ. Онъ поддерживалъ значеніе сената, поощрялъ развитіе римскаго права и лично внушалъ миролюбіе легіонамъ. Онъ любилъ запросто путешествовать по всей имперіи, причемъ дѣлалъ много добра, очаровывая всѣхъ своимъ милосердіемъ и обходительностью: между прочимъ, онъ запретилъ господамъ убивать рабовъ. За нимъ слѣдовало множество мастеровыхъ и художниковъ: его называли «Возстановителемъ міра». Гадріанъ самъ былъ музыкантомъ, ваятелемъ и живописцемъ. Онъ писалъ сочиненія, и устроилъ ученое учрежденіе, Атенеумъ, для греческихъ философовъ и риторовъ: его называли Греченкомъ. Но этотъ полный представитель тогдашней культуры сталъ подъ конецъ жестокъ отъ мучительной болѣзни. Онъ началъ избивать родственниковъ и вздумалъ обратить евреевъ въ римлянъ. Несчастные возстали поголовно. Кончилось тѣмъ, что іерусалимскій храмъ былъ сравненъ съ землей; и у воротъ города поставили изображеніе свиньи (135). Евреевъ погибло болѣе полумилліона; остальные «разсѣялись» по всей землѣ. Впослѣдствіи имъ позволили, за плату, разъ въ годъ плакать на развалинахъ Іерусалима. **Гадріанъ.**

Усыновленникъ Гадріана, *Антонинъ Пій*, возстановилъ добрую пору. Этотъ спокойный, ласковый, милосердый императоръ былъ прозванъ «Отцомъ человѣчества». Вступая на престолъ, онъ сказалъ женѣ: «Тутъ намъ нѣтъ никакой выгоды; напротивъ, что было наше, то теперь должно принадлежать обществу». Его дворецъ былъ открытъ для всѣхъ. Благодаря скромной жизни, у Антонина скоплялись большія суммы, которыя шли на бѣдныхъ, особенно на сиротъ: на одномъ памятникѣ онъ изображенъ среди дѣтей, простирающихъ къ нему руки. Благодушный императоръ облегчилъ участь рабовъ и даже защищалъ христіанъ отъ фанатизма своихъ подданныхъ. Когда былъ открытъ одинъ заговоръ, народъ требовалъ казни; но цезарь отпустилъ виновныхъ, замѣтивъ: «Не хочу, чтобы знали, сколько у меня враговъ». Антонинъ устраивалъ школы, особенно женскія, возвышалъ жалованье риторамъ и философамъ. Онъ не дѣлалъ завоеваній, повторяя слова Сципіона: «лучше сберечь одного гражданина, чѣмъ убить тысячу враговъ». Цари Индіи и Бактріи отдавали ему на судъ свои споры; изъ Пареіи и Скиѳіи присылали ему золотые вѣнки; царь кавказскихъ иберовъ нарочно пріѣзжалъ въ Римъ взглянуть на Пія. **Антонинъ.**

Усыновленный Антониномъ *Маркъ Аврелій* — новый любопытный типъ умиравшей древности. Это—стоикъ на престолѣ. Уже 12-ти лѣтъ, на школьной скамьѣ, сидѣлъ онъ въ простомъ философскомъ плащѣ, спалъ на голой землѣ; уже тогда онъ имѣлъ видъ старика, и его прозвали *Философомъ*. Онъ благоговѣлъ предъ памятью Антонина и подражалъ ему, особенно въ развитіи благотворительности. Самъ ученый и писатель, Маркъ Аврелій желалъ, чтобы всѣ были образованы, и основалъ много школъ, особенно женскихъ. Аѳиняне удостоили его за это посвященія въ элевзинскія таинства. Маркъ Аврелій питалъ отвращеніе къ крови и давалъ гладіаторамъ тупое оружіе: но и онъ допускалъ преслѣдованіе христіанъ и любилъ приносить жертвы: у

Лукіана бѣлые волы говорятъ ему: «тебѣ—побѣда, а намъ—гибель». Много крови пролилось при немъ и отъ войнъ. Римляне съ трудомъ отбились отъ *пароянъ*, которые захватили-было Сирію, Арменію и часть Малой Азіи. Германцы перешли въ наступленіе. Вслѣдствіе движенія готовъ съ береговъ Нѣмецкаго м. на югъ и напора славянъ съ востока, многіе германскіе народцы перешли Дунай и достигли Аквилеи. Римляне лишились тогда до 100.000 одними плѣнными, не считая убитыхъ. Марку Аврелію съ трудомъ удалось остановить германцевъ посредствомъ своего правила—раздѣляй и властвуй: многіе гелейты поселились на границахъ для охраненія ихъ отъ своихъ же соплеменниковъ.

Солдатчина. Со смертью Марка Аврелія окончилась лучшая эпоха римской имперіи. Началась пора паденія великаго дѣла Цезаря, названная *солдатчиной*. Она также продолжалась около столѣтія (180—284). Военный деспотизмъ установился около 200 г., при африканцѣ *Септиміи Северѣ*. Хорошій полководецъ, солдатъ душой и жизнью, но грубый, лукавый и суевѣрный тиранъ, Северъ объявилъ сенату, что палка—лучшая форма правленія. Онъ казнилъ съ полсотни вліятельныхъ сенаторовъ и много богатыхъ провинціаловъ. *Легіонары* были осыпаны милостями. Старые преторіанцы утратили свое значеніе; вмѣстѣ съ ними пали сенаторы и даже авгуры. Северъ держалъ христіанъ при дворѣ. Власть перешла къ провинціальнымъ легіонамъ.

Но истиннымъ типомъ цезарей этой эпохи служитъ *Каракалла* (211—218). Онъ умертвилъ своего брата, на рукахъ матери, и казнилъ до 20.000 людей, сочувствовавшихъ жертвѣ, съ ихъ женами и дѣтьми, въ томъ числѣ своего учителя, *Папиніана*, который отвѣчалъ на предложеніе защитить братоубійство: «легче совершить преступленіе, чѣмъ оправдать его». Въ Александріи Каракалла собралъ все лучшее юношество, подъ предлогомъ солдатскаго набора, перебилъ его и заживо похоронилъ раненыхъ вмѣстѣ съ мертвыми; а на пиру у себя онъ перерѣзалъ именитыхъ гражданъ; при этомъ были уничтожены музей и знаменитая школа. Конфискацій не хватало на затѣи Каракаллы, который устраивалъ дорогіе бои звѣрей и объявилъ себя вторымъ Александромъ Великимъ. Чтобы увеличить доходы казны, онъ даровалъ всѣмъ провинціаламъ право римскаго гражданства: эта мѣра дала ему возможность также приравнять римлянъ къ провинціаламъ, лишивъ ихъ свободы отъ податей.

Но солдаты тотчасъ же оказались новымъ и самымъ жестокимъ бѣдствіемъ для имперіи. Они превратились частью въ трусливыхъ лавочниковъ, переженившись на провинціалкахъ, частью въ разбойниковъ. Легіоны дрались между собой изъ-за добычи и играли короной: иногда продавали престолъ съ молотка; однажды, въ теченіе 8-ми лѣтъ, царствовало 19 цезарей. Вообще на каждаго императора приходилось менѣе 4-хъ лѣтъ правленія: они погибали по большей части насильственной смертью. Произошелъ застой въ матеріальной культурѣ: народъ погибалъ отъ разбоевъ и тяжкихъ налоговъ; число жителей падало. Въ то же время внѣшніе враги до того усилились, что перешли въ *наступленіе* на сѣверѣ и востокѣ.

Союзъ германцевъ. У германцевъ, среди которыхъ все развивалось земледѣліе, началось въ III-мъ в. образованіе союзовъ изъ мелкихъ народцевъ, этого зародыша новыхъ націй. Раньше всѣхъ возникли, на Майнѣ, *алеманы*: они первые перешли въ наступленіе и доходили почти до Рима. Союзъ *франковъ* распадался на 2 части: у нижняго Рейна жили салическіе франки, а къ югу отъ Кельна—рипуарскіе («береговые»). Тѣснимые съ востока саксами, франки перешли Рейнъ, отняли у римлянъ Бельгію и дѣлали набѣги на Галлію, Испанію, даже Африку. Союзъ *саксовъ* помѣщался между Эмсомъ и Эльбой и славился морскими набѣгами на берега Галліи. Онъ сообщилъ всей сѣверной Германіи свое нижне-нѣмецкое

нарѣчіе (Platt-Deutsch). Между саксами, аллеманами и франками жили *тюринги*, *швабы* и *бургунды*. На первыхъ порахъ важнѣе всѣхъ былъ союзъ *готовъ*, обитавшихъ сначала въ Скандинавіи. Это—смѣсь германцевъ съ славянами. Въ IV-мъ в. готы жили отъ Балтики до Тиссы, Дуная и Дона, подчинивъ себѣ финновъ и славянъ южной Россіи. Уже тогда цезари должны были откупаться отъ нихъ и давать имъ земли. На своихъ ладьяхъ съ высокой крышей, готы грабили до Спарты, Трапезунда и Крита. Днѣстръ раздѣлялъ ихъ на *остготовъ* (восточныхъ) и *вестготовъ* (западныхъ). У готовъ рано появились христіанство и письмо: съ первымъ они познакомились уже въ Крыму, благодаря мало-азійскимъ плѣнникамъ; а на Дунаѣ готъ *Улфила* (Волченокъ), бывшій сначала заложникомъ въ Византіи, перевелъ Библію на языкъ своего народа (ок. 350), составивъ азбуку изъ греческихъ буквъ и рунъ.

На восточной границѣ, у Рима явился новый врагъ, гораздо болѣе опасный, чѣмъ пареяне. Сила пареянъ подрывалась тѣмъ, что эти туранскіе пришельцы всегда были ненавистны туземнымъ персамъ. Въ 226 г. персы, наконецъ, низвергли ихъ господство: ихъ національный герой, Ардширъ, сынъ Сассана Ахеменида, основалъ *ново-персидское царство Сассанидовъ*, которое продержалось болѣе 400 л. Сассаниды тотчасъ закрѣпили народное единство персовъ, утвердивъ первобытное *огнепоклонство* и возстановивъ Зендавесту. Сассаниды навязывали огнепоклонство всѣмъ подданнымъ, преслѣдуя другія религіи, въ особенности же христіанство: Мани, желавшій слить ученія Спасителя и Зороастра, былъ замученъ, а его послѣдователи, *манихеи*, подверглись жестокимъ гоненіямъ. Столь же крѣпко было политическое единство персовъ. Оттого уже при сынѣ Ардшира одинъ римскій императоръ умеръ въ плѣну у Сассанидовъ. **Ново-персы.**

Эпоха господства солдатъ прекратилась, когда войска поставили основателя *гражданскаго порядка*, Діоклетіана (285). Отъ этого человѣка уже вѣетъ воздухомъ новаго времени: это — реформаторъ, мѣры котораго были отрицаніемъ античнаго міра. 1) Теперь исчезла «діархія» (двоевластіе), какъ называли смѣшеніе имперіи съ республикой. Остатки республиканизма были замѣнены *монархическими формами*. Были покинуты республиканскія званія консула, цензора и трибуна: Діоклетіанъ называлъ себя только imperator. Преторіанцы были окончательно уничтожены. Самый Римъ утратилъ свое значеніе: Діоклетіанъ не жилъ въ немъ. Возникъ порядокъ, особенно въ финансахъ и судахъ; провинціи были ограждены отъ взяточниковъ, а подданные— отъ шпіоновъ. 2) Явилось *раздѣленіе имперіи*, о которомъ давно думали. Оно было необходимо, вслѣдствіе обширности государства, усиленія враговъ, пестроты населенія и различія въ греческой и римской культурѣ. Діоклетіанъ назначилъ своимъ соправителемъ земляка, грубаго Максиміана, называвшаго себя Геркулесомъ: оба носили титулъ *августа*. Эта мѣра оказалась столь удачною, что оба августа взяли себѣ по помощнику или *цезарю*, которые считались наслѣдниками престола. Цезарь Галерій получилъ *Иллирикъ* (теперь Греція, Далмація, Венгрія, Румынія); Констанцію Хлору (Блѣдному) дали Галлію, Испанію и Британію. Діоклетіанъ оставилъ себѣ Азію, Египетъ, Өракію и Македонію, а Максиміанъ—Италію и Африку. Такъ образовалась *тетрархія* (четверовластіе); но единство имперіи сохранялось: всѣ слушались Діоклетіана. **Реформы Діоклетіана.**

Сначала тетрархія была полезна: были отражены враги и усмирены бунты, въ томъ числѣ опасное возстаніе *багодовъ* въ Галліи—крестьянъ, угнетенныхъ римлянами и кельтской аристократіей. Но потомъ настали смуты: одно время было разомъ 6 императоровъ. Честолюбивый и свирѣпый *Галерій*, палачъ христіанъ, захватилъ всю имперію. Ему противился только *Констанцій*, въ которомъ античная культура сливалась съ новой религіей: христіане, къ ко- **Тетрархія.**

торымъ принадлежала его жена, *Елена*, занимали у него первыя мѣста. Сынъ его, *Константинъ*, былъ рѣдкимъ политикомъ и полководцемъ. По смерти отца, онъ бѣжалъ въ Британію, гдѣ войска провозгласили его августомъ. Въ то же время легіоны въ Римѣ поставили августомъ порочнаго и бездарнаго сына Максиміана, *Максенція*. Тогда же умеръ Галерій отъ жестокой болѣзни, и его замѣнилъ старый товарищъ, *Лициній*. Константину хотѣлось одному владѣть Западомъ — и онъ пошелъ на Римъ. У Мильвійскаго моста (312) произошла *первая побѣда подъ знаменемъ креста*, которое было принято тогда Константиномъ. Максенцій погибъ. Константинъ сурово обошелся съ сенаторами и поставилъ въ Римѣ свою статую съ крестомъ въ рукѣ, а вслѣдъ затѣмъ издалъ, въ Миланѣ, *эдиктъ вѣротерпимости*: христіанамъ разрѣшалось поступать на государственную службу. Въ 324 г. Константинъ, котораго любили за кроткое правленіе и успѣшные походы противъ германцевъ, выступилъ противъ кровожаднаго Лицинія, который жестоко преслѣдовалъ христіанъ. Лициній былъ разбитъ и повѣшенъ: началось *единодержавіе Константина*, прозваннаго *Великимъ*.

Константинъ Великій. Константинъ стремился *утвердить монархизмъ*, введенный Діоклетіаномъ, но положивъ *христіанство* въ его основаніе. Онъ достигъ этого тремя средствами. 1) Въ 330 г. онъ перенесъ столицу изъ Рима въ Византію, которая получила названіе *Константинополя*. Византія лежала ближе къ центру всей имперіи, чѣмъ Римъ, и служила средоточіемъ восточной и западной торговли. Здѣсь была отличная гавань — Золотой Рогъ. Но новая столица была устроена по образцу древней: были учреждены трибы, куріи и сенатъ; толпу кормили и забавляли зрѣлищами. Византія, подобно Риму, была расположена на 7 холмахъ; и на одномъ изъ нихъ красовался Капитолій съ сенатомъ. Среди множества роскошныхъ зданій выдѣлялся огромный «гипподромъ», (циркъ). 2) Константинъ положилъ основаніе *византійскимъ* формамъ государства. Онъ ввелъ новое управленіе страной, во главѣ котораго сталъ «консисторій» или тайный совѣтъ; сенатъ, такъ же, какъ и консулы, сохранялись только по имени. Префекты (намѣстники) управляли четырьмя *префектурами*, которыя подраздѣлялись на діоцезы (округи), съ «викаріями» («намѣстниками» префектовъ) во главѣ. Войско было подчинено особымъ начальникамъ—*графамъ, герцогамъ* и др. Константинъ отдѣлилъ военную власть отъ гражданской. Всюду водворились твердое правительство и порядокъ. 3) Константинъ сдѣлалъ *христіанство государственною религіей*, хотя самъ крестился только передъ смертью. Самый характеръ его измѣнился подъ вліяніемъ новой религіи. Сначала Константинъ былъ суровъ, потомъ сталъ благочестивъ, облегчилъ участь рабовъ, запретилъ гладіаторскіе бои и пытки, награждалъ солдатъ за каждаго «живого» плѣнника, помогалъ бѣднякамъ, строилъ больницы и сиротскіе дома. Подъ конецъ жизни Константинъ сталъ издавать законы противъ язычества, котораго не трогалъ прежде, разрушалъ капища и идоловъ.

Упадокъ Римской имперіи. Усилія Діоклетіана и Константина утвердить порядокъ имѣли успѣхъ при ихъ жизни. Затѣмъ возобновилась анархія съ деспотизмомъ худшихъ цезарей; а сѣверные варвары усилились больше прежняго и все передвигались, пока не образовали новыхъ государствъ на развалинахъ древняго міра. Настала эпоха *паденія Римской имперіи и переселенія народовъ*, длившаяся почти $2^1/_2$ вѣка (около 337 — 600). Она полна драматизма, превратностей судьбы, среди которыхъ мелькаютъ крупныя историческія личности, характеризующія эпоху. Вторая половина IV-го вѣка отмѣчена двумя представителями противоположныхъ міровъ, какъ закатъ античности и заря средневѣковья.

Юліанъ Отступникъ. Племянникъ Константина Великаго, *Юліанъ*, сначала былъ окруженъ шпіонами и отданъ христіанскимъ учителямъ, которые только поселили въ мальчикѣ ненависть къ монашескому воспитанію; потомъ его отправили въ

Аѳины довершить свое образованіе у философовъ. Даровитый юноша, школьный товарищъ Василія Великаго, пристрастился къ античному просвѣщенію, въ особенности же къ платонизму и цинизму. Онъ мечталъ посвятить себя философіи, какъ вдругъ его назначили цезаремъ въ Галлію. Юліанъ оказался отличнымъ полководцемъ и правителемъ: его считаютъ основателемъ Лютеціи (Парижа) на землѣ кельтскаго племени паризіевъ. Не успѣлъ онъ вполнѣ развернуть здѣсь свои силы, какъ смерть августа призвала его на престолъ Римской имперіи. Юліанъ не процарствовалъ двухъ лѣтъ (361—363). Онъ открыто порвалъ съ христіанствомъ и заявилъ страстное желаніе *возстановить язычество*: христіане назвали его *Отступникомъ*. Но Юліанъ дѣйствовалъ не насиліемъ, а убѣжденіемъ. Онъ далъ свободу всѣмъ религіямъ и разрѣшилъ евреямъ возвратиться въ Іерусалимъ. Онъ всячески поддерживалъ древнее образованіе, самъ много писалъ, въ особенности же увлекался полемикой съ христіанами и апологіей язычества. Юліанъ погибъ въ борьбѣ съ персами, всего 32-хъ лѣтъ отъ роду.

Ѳеодосій Великій.

Съ Юліаномъ прекратилось потомство Константина — и снова войскамъ пришлось избирать императоровъ, которые дѣлили между собой Востокъ и Западъ. Изъ нихъ *Ѳеодосій I* выдѣляется, какъ типичная противоположность Юліана. Христіане прозвали его *Великимъ* за *утвержденіе христіанства*: онъ слилъ христіанскую церковь съ государствомъ; и съ тѣхъ поръ союзъ «алтаря съ трономъ» сталъ отличіемъ византійской исторіи. Съ помощью константинопольскаго іерарха, Григорія Назіанзина, Ѳеодосій подтвердилъ Символъ Вѣры и преслѣдовалъ аріанъ. Наконецъ, онъ *искоренилъ античное язычество*. У язычниковъ отняли право поступать на государственную службу и даже завѣщать свои имущества; ихъ храмы и статуи были уничтожены. Толпа яростно помогала дѣлу истребленія классической цивилизаціи: въ Александріи она разрушила рѣдкую библіотеку и замучила нѣсколькихъ философовъ, въ томъ числѣ ученую и добродѣтельную *Ипатію*. Язычники бѣжали изъ городовъ въ горы, пустыни и деревни; тогда язычество стали называть *паганизмомъ* («деревенщиной»). Лишь кое-гдѣ сохранялись философскія школы, но лѣтъ 100 спустя и онѣ были закрыты; послѣдніе философы скрылись за Евфратъ. Ѳеодосій ловко поддерживалъ порядокъ разлагающейся имперіи, которую онъ опять соединилъ, и сдерживалъ внѣшнихъ враговъ: онъ поселилъ вестготовъ во Ѳракіи и осыпалъ ихъ привилегіями. Но подъ конецъ всюду чувствовалось броженіе отъ борьбы христіанства съ язычествомъ. А политическое могущество величайшей державы падало вслѣдствіе того, что Ѳеодосій, передъ смертью, снова раздѣлилъ ее между своими сыновьями (395): съ тѣхъ подъ уже никогда не сливались двѣ Римскія имперіи—Восточная или *Византійская*, и Западная. Все это облегчало путь сѣвернымъ варварамъ.

Переселеніе народовъ. Гунны.

Уже съ Константина германцы поселялись сотнями тысячъ къ югу отъ Дуная. Они доходили до Византіи и Аѳинъ, наполняли легіоны, занимали государственныя должности. Тогда началось великое племенное движеніе въ Европѣ, названное *переселеніемъ народовъ*, которое окончилось, лишь два вѣка спустя, завоеваніемъ Италіи лонгобардами. Прямымъ толчкомъ къ нему послужило вторженіе *гунновъ*. Эти туранскіе кочевники сначала владѣли Китаемъ, но вскорѣ послѣ Р. Х. были изгнаны оттуда. Они перебрались въ Туркестанъ, гдѣ долго жили рыболовствомъ, пастушествомъ да разбоями. Теперь, подъ вліяніемъ новаго толчка изъ Азіи, они бросились на Западъ. Гунны жили въ родовомъ быту, со многими князьками. Они походили видомъ на нынѣшнихъ калмыковъ, питались травами, сырымъ мясомъ и гадами, одѣвались въ звѣриныя шкуры; ихъ домомъ была кибитка. Гунны были жадны къ золоту, но зарывали его въ землю. То были отличные наѣздники, вооруженные стрѣлами, мечами и арканомъ, которымъ они искусно владѣли; они опусто-

шали все на своемъ пути и особенно мучили женщинъ. Въ Европѣ думали, что это — потомки чертей и вѣдьмъ. Ок. 350 г. гунны перешли Уралъ. Вытѣснивъ *остготовъ* къ Дунаю и покоривъ ихъ, они утвердились въ нынѣшней Венгріи, гдѣ продолжали разбойничать у сосѣдей, не то нанимались отдѣльными отрядами къ римлянамъ или германцамъ.

Первыя варварскія государства

Тѣснимые гуннами вестготы принуждены были перейти во Ѳракію, а послѣ Ѳеодосія доходили до самаго Константинополя, оставляя за собой, «лишь небо да землю». Имъ удалось даже опустошить Грецію и разграбить Римъ (410). Затѣмъ они устремились далѣе на западъ и основали *Вестготское* королевство (южная Галлія до Луары и Испанія), вытѣснивъ оттуда германскихъ вандаловъ въ южную Испанію (Андалузія) и Африку. Столицей этого варварскаго государства сдѣлалась Тулуза, которая вскорѣ начала соперничать съ Римомъ по образованію и богатству: вестготы легко подчинялись античной культурѣ, только сохраняя аріанство. Напротивъ *Вандальское* королевство, со столицей Карѳагеномъ, упорно сохраняло свое варварство, особенно, когда вандалы предоставили Андалузію вестготамъ и сосредоточились въ Африкѣ. Они обратили въ пустыню эту, самую образованную послѣ Галліи, провинцію Рима, а сами превратились въ морскихъ разбойниковъ: слово «вандализмъ» стало означать вообще разрушеніе цивилизаціи. Въ то же время образовалось третье варварское государство—*Бургундское* (по Ронѣ и Рейну), съ столицей Вормсомъ. Бургунды оказались столь же доступными цивилизаціи, какъ и вестготы: среди нихъ быстро распространилось римское образованіе, а также католичество.

Аттила.

Между тѣмъ гунны усилились: у нихъ прекратились родовыя усобицы, и явился «великій ханъ», соединившій всѣ орды. *Аттила*, прозванный *Бичемъ Божіимъ*, былъ свирѣпый монголъ. Онъ жилъ, какъ кочевникъ и хвастался: «гдѣ ступилъ мой конь, тамъ ужъ не расти травѣ». Коварный, настойчивый, грубый, оно однако щеголялъ вѣжливостью передъ иностранцами и привлекалъ римлянъ и грековъ въ свою столицу (теперь Токай), которая напоминала роскошью Византію и Равенну. Онъ составилъ огромное царство, избивъ родовыхъ князьковъ и вступивъ въ союзъ со многими германцами. Даже византійскій императоръ платилъ дань Аттилѣ. Жадный Аттила двинулся на Римъ съ полумилліоннымъ войскомъ, но, замѣтивъ рѣшительныя приготовленія римлянъ, пошелъ сначала въ Галлію. На *Каталаунскихъ поляхъ* (Шалонъ-на-Марнѣ) онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе (451) и удалился домой, гдѣ вскорѣ умеръ отъ удара. Сыновья Аттилы пали въ борьбѣ между собой, а также съ германцами и славянами, которые пріобрѣли тогда независимость. Остатки гунновъ перекочевали на Волгу, гдѣ слились съ своими соплеменниками—аварами, хозарами и болгарами.

Англосаксы.

Борьба съ гуннами была окончательнымъ ударомъ для Западной имперіи. Вслѣдъ затѣмъ она лишилась еще одной провинціи. Романизованные, изнѣженные бриты не могли защищаться противъ дикихъ каледонцевъ и призвали на помощь *англовъ и саксовъ* съ устьевъ Эльбы. Эти германцы отразили каледонцевъ, но сами захватили Британію, которая стала называться *Англіей*, (449). Полтора вѣка боролись съ ними бриты, сложившіе тогда пѣсни о своемъ героѣ и защитникѣ христіанства, *Артурѣ*, котораго потомъ по всей Европѣ почитали основателемъ волшебной рати *Рыцарей Круглаю Стола*. Но бриты подчинились наконецъ англосаксамъ; часть ихъ переселилась въ сѣверо-западный уголъ Галліи, получившій названіе *Бретани;* остальные до сихъ поръ уцѣлѣли въ ущельяхъ Уэльса. По образованію, Британія была третьей провинціей Рима послѣ Галліи и Африки; но ея культура была уничтожена дикими англосаксами: даже названія мѣстностей и дней недѣли стали германскими.

У римлянъ оставалась одна только провинція — сѣверная Галлія; но и здѣсь намѣстникъ, добрый и образованный *Сіагрій,* жилъ уже независимымъ царькомъ. Въ самомъ же Римѣ господствовала полная неурядица. Родъ Ѳеодосія на Западѣ прекратился — и, въ теченіе 20 лѣтъ, Римомъ управляли, именемъ ничтожныхъ императоровъ, вожди германскихъ дружинъ на римской службѣ, съ титуломъ «патриціевъ». Между ними происходили кровавыя распри, въ которыя вмѣшивались и византійцы, и варвары. Наконецъ, патриціемъ сталъ служившій прежде у Аттилы *Орестъ,* который провозгласилъ императоромъ своего сына, *Ромула,* прозваннаго въ насмѣшку *Августуломъ* (Августикомъ). Но вскорѣ Орестъ былъ убитъ своимъ товарищемъ, геруломъ *Одоакромъ,* который былъ полководцемъ у Аттилы и прибылъ въ Италію нищимъ солдатомъ. Одоакръ сослалъ Ромула на одну виллу, гдѣ послѣдній римскій императоръ умеръ частнымъ человѣкомъ. Такъ *пала Западная римская имперія* (476), и возникло 5-е варварское государство—*итальянское.* Но Одоакръ удовольствовался титуломъ патриція и сохранилъ римское управленіе. Десять лѣтъ спустя, франки, предводимые Хлодвигомъ, уничтожили послѣднюю римскую провинцію: они разбили подъ Суассономъ Сіагрія и основали 6-е варварское государство—*франкское* (486). **Паденіе Западной Римской имперіи.**

Великое значеніе Рима, видно изъ того, что долго послѣ его паденія его имя стояло на первомъ планѣ въ исторіи. Въ 800 г. былъ возстановленъ титулъ «римскаго императора», который жилъ потомъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ имени «Священной *римско*-нѣмецкой имперіи», уничтоженной лишь въ 1806 г. Сверхъ того, въ средніе вѣка Римъ пріобрѣлъ новую великую власть въ лицѣ папства, которое начало выдвигаться именно около времени паденія Западной имперіи.

ЛЕКЦІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Культурное завѣщаніе античнаго Рима. 1—500 г.

Переходъ отъ древности къ средневѣковью естественно отличается всеобщимъ броженіемъ и въ Европѣ, и на Востокѣ, вслѣдствіе борьбы трехъ основъ европейской исторіи—классицизма, христіанства и варварства. Тогда-то вырабатывались общія черты этихъ основъ, въ которыя мы должны теперь вглядѣться: только понявши ихъ при самомъ зарожденіи, можно чувствовать себя потомъ не такъ жутко въ хаосѣ своеобразныхъ явленій средневѣковья. **Основа новаго времени.**

Въ первые пять вѣковъ нашей эры государство классическаго міра приняло форму полнаго *абсолютизма.* **I. Классицизмъ. Государство. Общество.**

Сначала, послѣ смутъ, погубившихъ республику, массы были довольны имперіей: она отвѣчала всеобщему стремленію къ сплоченію, къ единству. Всюду замѣчались трудолюбіе и довольство, подъ сѣнью «римскаго мира» (pax romana). Вездѣ распространялась романизація, т. е. единая, античная культура: національныя различія громадной имперіи сглаживались; постепенно каждый чувствовалъ себя «римскимъ гражданиномъ», со всѣми его правами. Массы жили, по старому, *общинами* (civitas)—волостями съ городомъ и пользовались правами муниципій: онѣ избирали свои власти изъ «куріаловъ» или именитыхъ гражданъ; и ихъ достатокъ проглядывалъ въ комфортѣ и въ блескѣ памятниковъ. *Провинціи* поправлялись, особенно послѣ благодѣтельнаго закона Каракаллы: ими управляли намѣстники на жалованьѣ; которые зависѣли отъ императора и подвергались надзору земствъ (communia).

Но постепенно, особенно съ Діоклетіана, положеніе гражданъ отягчалось. Финансовое тягло росло. Сверхъ денежныхъ взносовъ были разныя повинности

натурой. Наконецъ, рекрутчина была замѣнена налогомъ — и правительство стало нанимать варваровъ. Такъ, войско утратило и національный характеръ, особенно на границахъ. Оно превращалось въ шайку мятежниковъ, которые ставили собственныхъ императоровъ изъ-за подачки и усердно дрались между собой, а съ врагами сражались плохо.

Горожане. При такихъ условіяхъ, не могло быть прочнаго общественнаго строя. А тутъ еще—отсутствіе средняго сословія. Сначала были зачатки этого класса. Въ городахъ жили свободные плебеи или «низшіе» (inferiores), которые участвовали въ выборѣ властей общины на комиціяхъ и занимались прибыльными ремеслами, составляя сильныя «коллегіи» —родъ цеховъ. Въ случаѣ обогащенія, они переходили въ классъ куріаловъ, изъ которыхъ выбирались власти и «сенаты» или думы, служившія безъ жалованья да еще тратившіяся на бѣдныхъ и на народныя празднества А богачи среди куріаловъ, ходившіе въ общинныхъ должностяхъ, поднимались въ знатные классы всадниковъ и сенаторовъ, которые обладали крупнымъ состояніемъ и занимали высшіе посты не только въ своей общинѣ, но и по всей имперіи. Но съ теченіемъ времени плодотворныя передвиженія въ обществѣ останавливались, классы превращались въ касты. Въ городахъ уже почти не замѣчалось плебеевъ: лишившись муниципальныхъ правъ и возможности обогащаться, они превратились въ нищихъ, воровъ и поденщиковъ; а ремесленниковъ правительство прикрѣпило къ коллегіямъ. Куріаловъ также становилось мало. Государство возлагало на нихъ отвѣтственность за сборъ податей. Чтобы избыть невыносимаго тягла, куріалы разбѣгались, бросая свои земли, которыя оставались пустырями въ казнѣ, такъ какъ ихъ никто не бралъ и даромъ. Не то они старались перейти въ другой, хотя-бы низшій классъ. Обыкновенно, они отдавали свою землю богатому, сильному человѣку и становились его *колонами* или наслѣдственными арендаторами, которые облагались оброками и барщинами и были прикрѣплены къ землѣ. Колонатъ все возрасталъ и пріобрѣталъ особое значеніе, какъ зародышъ средневѣковаго крѣпостничества.

Сельчане. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ болѣе росло рабство; въ то же время падало число *отпущенниковъ*, которые и сами были полу-рабами. А между тѣмъ свободные люди стремились попасть въ разрядъ отпущенниковъ точно такъ же, какъ и въ колонатъ. Къ концу имперіи, вообще развивался *патронатъ*: каждый мелкій человѣкъ наровилъ заложиться за сильнаго, чтобы цѣною свободы сохранить жизнь, избыть невыносимаго тягла. Даже цѣлые поселки искали покровительства, и не только у частныхъ лицъ, но и у чиновниковъ. Такъ, являлись лица, которыя, подобно позднѣйшимъ феодаламъ, имѣли и частную, и политическую власть надъ населеніемъ.

Матеріальная культура. Если политическій и общественный строй періода представляетъ примѣръ отрицательный, то въ культурѣ было и положительное наслѣдіе, хотя и ея развитіе задерживалось общими неблагопріятными условіями. Это развитіе замѣчается болѣе въ первой половинѣ періода. *Матеріальная* культура никогда еще не поднималась до такой высоты: въ особенности поражали своими размѣрами промышленность и торговля, полагавшая прочныя основы вожделѣнному сплоченію, единству міра. Одинъ взглядъ на сердце этого міра, Римъ, убѣждалъ въ этомъ; здѣсь красовались произведенія всѣхъ странъ міра. И вездѣ по провинціямъ были свои Римы въ миніатюрѣ: провинціальный городокъ Помпея поражаетъ насъ своимъ комфортомъ и роскошью. Судя по внѣшности, можно было думать, что настало царство Крезовъ. Даже городская толпа проводила время то въ трактирахъ, баняхъ и садахъ, то въ циркахъ и амфитеатрахъ; ей раздавали уже не одинъ зерновой хлѣбъ, но даже деньги и платье. И матеріальный бытъ сохранялъ такой видъ до самаго конца, хотя чѣмъ дальше, тѣмъ больше всюду сквозила нищета массъ.

Идейная культура I—II-го вѣковъ еще щеголяла развитіемъ *точныхъ и реальныхъ наукъ*. Онѣ могли гордиться такимъ ученымъ, какъ Птоломей. Въ своемъ «Великомъ Синтаксисѣ» онъ сдѣлалъ выводъ изъ прежнихъ отрывочныхъ знаній по астрономіи. Птоломеева система мірозданія, несмотря на свою основную ошибку (геоцентрическая теорія, ставящая нашу планету средоточіемъ и цѣлью мірозданія), признавалась до XVI-го вѣка, а на Востокѣ почитается и теперь, благодаря арабскому переводу. Наряду съ прекрасною «Географіей» Страбона, жившаго въ Римѣ при Августѣ, трудъ Птоломея послужилъ исходной точкой для великихъ открытій новаго времени. *Плиній Старшій*, погибшій жертвой любознательности при изверженіи Везувія (79 г.), былъ образцомъ добросовѣстнаго ученаго. Его «Естественная Исторія»—драгоцѣнный сводъ всего, что знали древніе о внѣшнемъ мірѣ. Плиній боготворилъ природу, которая «все создала съ цѣлью и именно на пользу человѣка». Онъ хотѣлъ «обнять ее всю», хотя, конечно, неудачно. Его трудъ проникнутъ пессимизмомъ и сантиментальностью: въ немъ отразилась высокая личность автора, страдавшаго среди нравственнаго паденія общества. И въ медицинѣ замѣчено стремленіе къ научной системѣ: таковъ трудъ врача Марка Аврелія, *Галена*, служившій учебникомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, какъ въ Европѣ, такъ и у арабовъ: это — научное обобщеніе, приведшее къ созданію патологіи и терапіи. Явился и первый научный трудъ по сельскому хозяйству—«О деревенскомъ дѣлѣ» *Колумеллы*. Вторая половина періода не дала человѣчеству ничего въ области положительнаго знанія. Положительныя науки.

Въ области наукъ нравственныхъ или гуманитарныхъ замѣчается плодотворное движеніе вначалѣ, а въ юриспруденціи и философіи—даже въ теченіе всего періода. *Юриспруденція* никогда не подвергалась застою у римлянъ. Школы прокуліанцевъ и сабиніанцевъ не прекращались. Воспитанные въ нихъ юристы установили источники гражданскаго права; а при Маркѣ Авреліи, который самъ былъ юристъ, явились Institutiones *Гая*. Въ этомъ великомъ сочиненіи отразилась главная причина развитія юриспруденціи у римлянъ—ихъ міровыя завоеванія, которыя вели къ столкновенію римскихъ законовъ съ обычаями другихъ націй. Признавая за каждымъ народомъ свой взглядъ на вещи, а слѣдовательно, и свои законы, Гай задался цѣлью взять изъ римскаго права то, что соотвѣтствуетъ «разуму всѣхъ націй»: вотъ идея, которая превратила римское право *во всеобщее* Юриспруденція.

И все это было лишь подготовкой къ III-му вѣку, который составляетъ славу юридической науки вообще. Съ Гадріана возникло цѣлое сословіе юристовъ, которые писали «комментаріи» (толкованія законовъ) и заводили юридическія школы. Во главѣ юристовъ III-го в. стоятъ *Папиніанъ* и *Ульпіанъ*. Они выработали юридическій языкъ и съ тонкой діалектикой выяснили основы права т. е. сдѣлали для юриспруденціи то же, что Аристотель для логики. Они создали науку *римскаго права*, которую и теперь изучаютъ въ университетахъ; на ней отразилось не одно развитіе цезаризма, но и мягкое вліяніе христіанства. Здѣсь видимъ то же стремленіе къ научной системѣ, что и въ положительной наукѣ, и тѣ же черты, что и въ философіи. Эти юристы впервые поставили слабыхъ подъ сѣнь закона. Они подняли женщину на степень человѣка, оградивъ ребенка смертной карой за подкидываніе и вытравливаніе плода, отняли у господина право казнить своихъ рабовъ и разлучать ихъ съ семьями, предписали правителямъ провинцій защищать меньшій людъ. Они сняли пятно безправія съ сына преступника, съ незаконно рожденнаго, котораго еще не признавало и христіанство, даже съ плода кровосмѣшенія. Руководясь правиломъ, что лучше упустить виновнаго, чѣмъ наказывать невиннаго, они отмѣнили заочное осужденіе и сократили примѣненіе пытки. Они возвели общины и коллегіи на степень «юридическихъ лицъ» и стремились

распространить ихъ права на весь міръ точно такъ же, какъ и привести налоги въ соотвѣтствіе съ достаткомъ тяглеца.

Подъ конецъ, послѣ этихъ великихъ творцовъ римскаго права, и въ юриспруденціи настало паденіе; она вдавалась въ мелочи, повторяла зады и занялась *кодификаціей* или собираніемъ законовъ. И тутъ самое важное дѣло относится уже къ началу слѣдующаго періода. Это—*Юстиніановъ Кодексъ* (529). Вслѣдъ затѣмъ явилось 50 томовъ извлеченій изъ всѣхъ лучшихъ юристовъ, подъ именемъ *Пандектовъ* (или Digesta), а также 4 тома учебника законовѣдѣнія—*Институцій*. Всѣ эти изданія вмѣстѣ получили названіе *Corpus-juris* или Корпуса Права, который послужилъ основой европейскимъ законодательствамъ и всей позднѣйшей юриспруденціи.

Философія. Нео-стоицизмъ. Наряду съ юриспруденціей, и также во весь періодъ, шло развитіе *философіи*. Обѣ эти области знанія подавали другъ другу руки, обвѣянныя новымъ духомъ. Здѣсь то яснѣе всего обнаруживалось всеобщее стремленіе къ міровому единству, которымъ отличалась уже александрійская культура. Философія никогда еще не пользовалась такимъ всеобщимъ вниманіемъ. Она стала не столько наукой, сколько вѣрованіемъ: каждая изъ ея школъ отличалась своимъ образомъ жизни, даже своею внѣшностью, какъ особая община. И каждая находила пылкихъ «прозелитовъ»—ревностныхъ поклонниковъ. Въ I—II-мъ вѣкахъ еще не вымерли старыя школы—пиѳагорейцы, перипатетики, циники, эклектики, скептики, академики. Эпикуреизмъ вліялъ на массы, стоицизмъ имѣлъ меньше учениковъ, но то были наиболѣе развитые люди и лучшіе цезари. Впрочемъ то былъ уже *нео-стоицизмъ* — ученіе подновленное, проникнутое состраданіемъ, любовью къ ближнему. Красой его были Сенека и и Маркъ Аврелій. Сенека, философъ, воспитатель и жертва Нерона, смѣло осмѣивалъ язычество: христіанскіе писатели пользовались его латинскими «Нравственными Письмами»; сложилось преданіе объ его перепискѣ съ ап. Павломъ. Греческое сочиненіе Марка Аврелія «Къ самому себѣ» проникнуто тѣмъ же человѣколюбіемъ и высокимъ идеализмомъ.

Кромѣ нео-стоицизма, тогда же возникло еще нѣсколько новыхъ школъ въ философіи, подъ вліяніемъ Востока. Таково ученіе *Аполлонія Тіанскаго*, который родился ок. Р. Х., много путешествовалъ и былъ пиѳагорейцемъ. Его весьма нравственныя проповѣди имѣли огромный успѣхъ; во многихъ городахъ ему ставили храмы. Аполлоній смѣло критиковалъ правительство и умеръ въ темницѣ. Еще сильнѣе отражалось вліяніе Востока на школахъ, возникавшихъ въ Александріи. Во главѣ ихъ стоитъ ученіе *Филона*, прозваннаго «еврейскимъ Платономъ». Его цѣлью было сдѣлать Моисеевъ законъ міровою религіей, освѣживъ его Платономъ. Ученіе Филона, хотя и враждебное христіанству не менѣе фарисеевъ, пріучало, однако, язычниковъ къ единобожію.

Христіанская секта гностиковъ связана съ ученіемъ Филона. Совсѣмъ не то *каббала*—ученіе, возникшее тогда у палестинскихъ евреевъ. — Это смѣсь Моисея съ Зороастромъ: тутъ переселеніе душъ и цѣлый міръ духовъ чистыхъ и падшихъ. Наконецъ, *мистеріи* отчасти относились къ философіи: ихъ эсотерическое ученіе больше прежняго приближалось къ ученію объ единомъ и идеальномъ божествѣ. Возникали философскія ученія и въ христіанствѣ, подъ именемъ *ересей*: слово «ересь» уже у греческихъ философовъ значило «отдѣльное мнѣніе».

Скептицизмъ и неоплатонизмъ. Философское движеніе не прекращалось и во второй половинѣ періода. 3-й вѣкъ ознаменованъ даже появленіемъ новыхъ школъ, совсѣмъ-было заполонившихъ мысль. Въ началѣ его еще господствовалъ старый *скептицизмъ*, хотя и онъ нѣсколько измѣнился: онъ достигъ своего крайняго развитія въ лицѣ врача, Секста Эмпирика. Секстъ утверждалъ, что всякое доказательство нуждается въ доказательствѣ, и потому ничего нельзя доказать т.-е. ничего

нельзя знать. Но критиковать можно только то, что хорошо знаешь: поэтому Секстъ признавалъ науку. А въ нравственномъ отношеніи онъ стоялъ за апатію; и скептики не отличались отъ стоиковъ по образу жизни. Подрывая язычество, скептицизмъ помогалъ христіанству. Но его затмилъ философскій *синкретизмъ* или смѣшеніе всякихъ системъ. Онъ особенно проявился въ *нео-платонизмѣ*, который съ III-го в. овладѣлъ почти всѣми умами. Нео-платонизмъ—смѣсь почти всѣхъ философій и религій древняго міра, не исключая христіанства: онъ возникъ въ космополитичной Александріи. Но въ немъ преобладало ученіе Платона. Какъ реакція скептицизму, нео-платонизмъ вѣрилъ во все—не только въ видимый, но и въ сверхчувственный міръ; это—послѣдняя попытка язычества достигнуть единобожія, но путемъ *мистицизма*. Нео-платоники вѣрили, что, съ помощью таинственныхъ обрядовъ и символовъ, можно вступать въ прямыя сношенія съ Божествомъ, «носить Его въ своемъ сердцѣ». Могиканами нео-платонизма были 7 философовъ, бѣжавшихъ въ Персію. Съ ними исчезла древняя философія.

Педагогія.

Новый духъ отразился и въ *педагогіи*, которая считалась достояніемъ философовъ. Онъ проглядывалъ даже у Варрона и Цицерона, которые проговаривались о *гуманности* (humanitas) въ отношеніи дѣтей, употребляя это слово не въ старомъ смыслѣ нравственныхъ наукъ, а въ нынѣшнемъ значеніи человѣчности. Но явственно проявился новый духъ въ педагогическихъ совѣтахъ, разбросанныхъ по разнымъ сочиненіямъ *Сенеки*. Этотъ философъ, самъ испытавшій тлетворное вліяніе тогдашняго воспитанія, началъ оплакивать молодежь, которая погрязала въ развратѣ и заглядывала въ школу только для пріобрѣтенія у софистовъ блестокъ тщеславія. Онъ внушалъ, что нужно «учиться не для школы, а для жизни». И главнымъ средствомъ воспитанія должна служить гуманность. Сенека развивалъ также индивидуализмъ, указанный уже Цицерономъ; какъ врачи, педагогъ долженъ принаравливаться къ каждой дѣтской душѣ въ отдѣльности.

Подобныя же мысли высказывалъ Тацитъ, «Агрикола» котораго можетъ служить идеаломъ эпохи. Но настоящимъ педагогомъ былъ учитель Тацита, *Квинтиліанъ*, который былъ также образцовымъ стилистомъ и литературнымъ критикомъ, отъ котораго сходили съ ума гуманисты временъ Возрожденія. Въ педагогіи важенъ его «Учебникъ Ораторства». Здѣсь прослѣжено воспитаніе ребенка, этого «драгоцѣннаго сосуда», съ минуты его появленія на свѣтъ. И у Квинтиліана на первомъ планѣ индивидуализмъ, а главное, гуманность, на которой онъ останавливается съ особенной любовью. Учителя должны, какъ кормилицы, «насыщать дѣтей млекомъ пріятнаго обученія»: на первыхъ порахъ ученіе должно быть «забавой». Нужно давать свободу уму юноши, не подавляя его мелочами! Квинтиліанъ выдвинулъ общеобразовательное значеніе математики: и въ III-мъ в. Эвклидъ былъ переведенъ на латинскій языкъ. Онъ же первый рѣшительно сталъ за наглядность въ обученіи: и съ III-го в. въ римскихъ школахъ, помимо картъ, стали употреблять учебники съ картинками. Квинтиліанъ долго былъ первымъ авторитетомъ въ педагогіи: духовенство придерживалось его до XI-го в. Затѣмъ преданія классическаго міра стали забытыми словами и здѣсь, до самаго Возрожденія.

Риторика и филологія.

Квинтиліанъ служилъ еще положительнымъ примѣромъ въ области *риторики*; человѣкъ здраваго смысла и вкуса, онъ требовалъ простоты и возвращенія къ Цицерону. Но тутъ его уроки были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Риторика играла тогда огромную роль въ жизни. Она состояла изъ *краснорѣчія* (элоквенція)—искусство говорить фразисто, съ особенною декламаціей и жестикуляціей—и *діалектики* — умѣнья подбирать софизмы, такъ что риторовъ называли «новыми софистами». Появленіе новаго софиста съ именемъ было событіемъ въ Римѣ: его аудиторія наполнялась не меньше, чѣмъ

цирки и бани. Риторамъ давались важныя должности; ихъ отправляли послами. Софисты были и филологами, но жалкими—именно *комментаторами* или глоссаторами, да *компиляторами*.

Исторіографія. Исторіографія страдала отсутствіемъ критики и риторствомъ. Ея типомъ служатъ: «Жизнеописаніе Императоровъ» секретаря Гадріана, *Светонія*. Но въ I — II-мъ вѣкахъ и въ исторіографіи встрѣчаются крупныя явленія. *Тацитъ*, умершій при Гадріанѣ,—первый, послѣ Өукидида, историкъ древности. Его труды—сами историческое явленіе. Это голосъ самаго развитого и нравственнаго человѣка своего времени, который скорбѣлъ, тонко наблюдая пороки. Это—историческая элегія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сатира: оттого здѣсь нельзя искать объективной оцѣнки событій, хотя факты собраны съ строгой критикой. Греческіе историки серебрянаго вѣка нѣсколько лучше латинскихъ. Во главѣ ихъ стоитъ учитель и другъ Гадріана, философъ *Плутархъ*. Его богатыя по матеріалу «Біографіи» знаменитыхъ грековъ и римлянъ проникнуты гуманнымъ чувствомъ и занимательны. Плутархъ—одинъ изъ послѣднихъ столповъ эллинизма: онъ защищалъ даже Олимпійцевъ отъ нападокъ философіи. Важна и услуга, оказанная исторіографіи знаменитымъ Птоломеемъ: его «Канонъ царей» установилъ ту хронологію и то дѣленіе исторіи, которыя господствовали въ учебникахъ до XVIII-го вѣка.

Серебряная латынь. Литература, въ смыслѣ изящной словесности, также понижалась сравнительно съ «золотымъ вѣкомъ»: словесность I—II-го вѣковъ названа „серебряной“, а позднѣйшая—«желѣзной» латынью. Уже первая изъ нихъ отличается упадкомъ самаго языка: онъ принималъ мѣстные оттѣнки—*провинціализмы*. Между тѣмъ, какъ золотая латынь была самостоятельна хоть по формѣ, серебряная—вполнѣ подчинялась *греческому* вліянію, и не только александрійцамъ, но и ихъ преемникамъ. Поэзія того времени ниже прозы; но она могла похвалиться сатирой, притомъ какъ латинской, такъ и греческой. Тогда жилъ глава римскихъ сатириковъ вообще, *Ювеналъ*, который заявилъ, что «негодованіе рождаетъ стихъ». Ювеналъ открыто и безпощадно казнилъ живыхъ представителей порока. У него столько благороднаго одушевленія, что въ средніе вѣка его прозвали «учителемъ нравственности» (Ethicus). Тогда развились два новыхъ вида сатиры—*юмористическій разсказъ* и *эпиграмма* въ нашемъ смыслѣ слова. Творцомъ перваго былъ другъ Нерона, *Петроній*, который заправлялъ забавами при дворѣ. Его «Satiricon»—собраніе смѣшныхъ и грязныхъ разсказовъ о похожденіяхъ двухъ отпущенниковъ. Здѣсь не казнится порокъ: авторъ подсмѣивается только надъ забавными положеніями, въ которыя онъ попадаетъ. Эпиграмма была разработана испанцемъ *Марціаломъ*. Марціалъ не негодовалъ на порокъ, не затрагивалъ личностей; онъ съ беззаботной веселостью описывалъ скандалы и неприличія. Главный греческій сатирикъ, *Лукіанъ*, славился, какъ софистъ. Его «Разговоры» (особенно «Въ царствѣ мертвыхъ») не уступаютъ Платоновымъ по изяществу и напоминаютъ Аристофана по своей аттической соли. Лукіанъ, называвшій себя «цензоромъ глупостей», былъ скептикъ, хорошо понимавшій пороки своего времени. Ловко бичуя политеизмъ, онъ задѣвалъ и христіанство; разоблачая эпикурейцевъ, онъ не щадилъ и стоиковъ съ циниками. Лукіанъ важенъ еще, какъ отецъ *романа*, которому онъ придалъ также сатирическій характеръ. Тогда романисты выбирали, подъ вліяніемъ Востока, форму сказки или «метаморфозъ» (превращеніе людей въ животныхъ и наоборотъ). Латинскимъ романистомъ-сатирикомъ былъ африканецъ *Апулей*. Его «Золотой Оселъ» или «Метаморфозы»—блестящая сатира въ формѣ разсказа о приключеніяхъ человѣка, превращеннаго въ осла.

Желѣзная латынь. Латынь III—V-го вѣковъ по справедливости названа *желѣзною*. Это уже прозябаніе римской словесности, которая, наконецъ, погибла вмѣстѣ съ наде-

ніемъ Западной имперіи: если въ VI-мъ в. кое-гдѣ занимались римской литературой, то лишь ради забавы. Желѣзная латынь совсѣмъ переходитъ изъ Рима въ *провинціи*. Она представляетъ *полный упадокъ* литературы не только въ поэзіи, но и въ наукѣ, за исключеніемъ одной юриспруденціи. Поэты той эпохи были бездарными стихоплетами, которые отчасти плохо подражали Виргилію, а больше выказывали нелѣпую ученость: даже медики прописывали рецепты стихами. *Риторство* достигло здѣсь крайней степени развитія. Римляне до того гонялись за внѣшностью, что заучивали изреченія классиковъ, не вникая въ ихъ смыслъ. Они писали множество ничтожныхъ сочиненьицъ, въ особенности писемъ и панегириковъ, ниже всякой критики. Еще больше было греческихъ риторовъ, и они выше латинскихъ. Они жили въ Аѳинахъ, составляя независимое общество подъ именемъ *Платоновской академіи*. Здѣсь воспитались послѣдніе борцы за античную культуру, и во главѣ ихъ 7 послѣднихъ философовъ и императоръ Юліанъ. Сочиненія *Юліана* блещутъ живостью, остроуміемъ, одушевленіемъ и чистотой языка. Онъ написалъ много писемъ и рѣчей въ защиту язычества, а также сатиръ противъ христіанства и пороковъ своего общества.

Въ искусствѣ обѣ половины періода также сильно отличаются другъ отъ друга. Серебряный вѣкъ, печальный для греческихъ художниковъ, былъ эпохой процвѣтанія для римскаго искусства. Ему покровительствовали цезари. Тогда развился тотъ *римскій стиль*, который щеголялъ техникой и такимъже реализмомъ, какъ науки того времени. Онъ особенно хорошъ въ ваяніи, которое отличалось такою исторической и портретной выразительностью, какой никогда не было въ древнемъ искусствѣ: таковы не только статуи и портреты, но и лѣпныя фигуры на колоннѣ Траяна, гдѣ, среди народныхъ типовъ, можно узнать даже нашихъ предковъ въ образѣ сарматовъ. Пышно развилось также зодчество, которое щеголяло арками и массивностью дворцовъ, амфитеатровъ, бань, водопроводовъ, гробницъ. Таковы Colosseum (Колизей) Веспасіана (модель для всѣхъ амфитеатровъ), тріумфальная арка Тита и колонна Траяна. Развитіе римскаго стиля было пріостановлено Гадріаномъ, который старался воскресить эллинское искусство, но достигъ только одного—счастливаго соединенія идеальныхъ Аполлоновъ съ грустью новаго человѣка, въ видѣ статуй любимца цезаря, *Антиноя*. Эти статуи можно было встрѣтить въ каждомъ зажиточномъ семействѣ: тосковавшее общество видѣло въ миломъ обликѣ юноши выраженіе своей собственной судьбы. **Искусство.**

Съ Гадріана пошло паденіе римскаго искусства: оно покидало реализмъ и сбивалось на неудачное подражаніе эллинизму, даже впадало въ миѳологію. Зодчество отличалось безвкусіемъ, азіатской пышностью и смѣшеніемъ всѣхъ греческихъ стилей (развалины Пальмиры); въ ваяніи вошли въ моду аллегорическіе барельефы на саркофагахъ. Съ Константина зарождается искусство новаго времени, которое было сначала (до X-го в.) общее, безъ національныхъ чертъ, и подчинялось античному вліянію. Но то были лишь зачатки *древне-христіанскаго* искусства: на первыхъ порахъ новая религія была враждебна художеству, какъ реализму и порожденію язычества. По формамъ, это—продолженіе античнаго искусства: церковь—римская базилика, только въ видѣ креста. Любопытнѣе римскія *катакомбы*—подземелья, гдѣ христіане скрывались отъ гоненій и хоронили своихъ покойниковъ. Здѣсь впервые встрѣчается крестъ, а также древнѣйшіе, очень плохіе образцы христіанской *живописи*, схожей съ помпейскою. Живопись сохранилась еще въ пергаментныхъ рукописяхъ: это—*миніатюры*, картинки, которыми украшали заглавные листы и буквы. Процвѣтала *мозаика* въ храмахъ. Ваяніе, какъ душа языческаго искусства, было въ пренебреженіи. Главная особенность христіанскаго искусства заключается въ новомъ содержаніи. Здѣсь господствуетъ *символизмъ*, т. е.

изображеніе мыслей посредствомъ предметовъ. Сначала употреблялись простые «символы», заимствованные изъ Библіи: голубь означалъ Св. Духа, корабль—церковь, рыба или пастырь съ овцой на плечахъ—Христа. Потомъ возникли сложные символы или «аллегоріи»: это — восточная притча, перенесенная въ искусство. Въ символизмѣ той эпохи вся внѣшность античная (Іисусъ—Орфей, Адамъ—Геркулесъ, ангелы—геніи и херувимы); но лики Христа и Богородицы—новые идеалы человѣчоской красоты, болѣе одухотворенные, менѣе пластичные, чѣмъ у древнихъ.

Нравственное настроеніе. Искусство и особенно литература, это зеркало душевнаго состоянія общества, показывали, что древній міръ отживалъ свое время не только политически, но и *нравственно*. Всюду среди языческаго общества сквозила душевная дряблость: не замѣчалось ни творческой мысли, ни порывовъ геніальности, ни увлеченія свѣжими радостями бытія, ни одушевленія высшими идеалами. Семьи почти не было: дѣти считались бѣдствіемъ; холостая жизнь, вытравленіе плода, подкидываніе новорожденныхъ становилось обычнымъ явленіемъ; и Италія начала безлюдѣть.

Общество растерялось, опошлилось. У него не было религіи. Оно еще не понимало христіанства, видя, какъ толпа истребляла, подобно варварамъ, античную культуру и умертвила Ипатію. А *политеизмъ* пересталъ быть наивной, но жизнерадостной душой общества: онъ разлагался, осмѣянный, опозоренный научною критикой, сатирой, даже сальными пантомимами.

Самъ «Священный» Августъ устраивалъ «пиры 12-ти боговъ», причемъ мужчины и женщины играли роль Олимпійцевъ. Въ то же время цезари почитали Зороастра, Пиѳагора и Платона, статуи которыхъ ставили во дворцѣ рядомъ со статуями Олимпійцевъ и съ изображеніемъ Христа. Жрецы не отставали отъ нихъ. Оттого народъ осмѣивалъ старые оракулы; и во II-мъ в. одинъ греческій философъ издалъ собраніе «лганья» Пиѳіи, которое читалось съ жадностью.

Лишившись религіи, народъ чувствовалъ тоску, которая выражена въ *Климентинахъ*; въ этомъ романѣ патрицій Климентъ разсказываетъ, какъ онъ мучился отъ безвѣрія, пока не нашелъ успокоенія въ христіанствѣ. Въ сказкѣ Апулея, Психея (душа) томится на землѣ, пока Амуръ (божественное Откровеніе) не уноситъ ее на небо, какъ свою невѣсту. Ища выхода изъ этой тоски, толпа впадала въ синкретизмъ и суевѣріе, а интеллигенція увлекалась философіей. *Синкретизмъ* въ религіи есть безсмысленное, внѣшнее смѣшеніе различныхъ вѣрованій. Онъ начался съ Александра Великаго, вмѣстѣ съ паденіемъ народностей, и способствовалъ развитію космополитизма, расчищая путь христіанству. Синкретизмъ развивался вмѣстѣ съ завоеваніями римлянъ. Въ серебряномъ вѣкѣ особеннымъ почетомъ пользовался Миѳра; но подлѣ него было множество боговъ всѣхъ трехъ частей Свѣта. Даже Моисеевъ законъ сталъ распространяться внѣ Іудеи, особенно среди женщинъ, чего никогда не было.

Ничто не могло остановить гибели политеизма: самъ Юліанъ умеръ съ горькимъ сознаніемъ этого. Со смертью имперіи долженъ былъ умереть и политеизмъ. Съ нимъ было покончено уже при Константинѣ: Ѳеодосій только убралъ трупъ властною рукой.

II. Христіанство. Если у политеизма было блестящее прошлое и печальное настоящее, то его сопернику принадлежало будущее, при тяжеломъ настоящемъ. Даже такіе передовые люди, какъ Тацитъ и Плиній, съ отвращеніемъ говорили о христіанахъ и считали ихъ мятежниками за то, что они не слушались проконсула, приказывавшаго имъ приносить вино и ѳиміамъ къ подножію статуи цезаря. Христіане предавались «бѣгству изъ міра», устранялись отъ «мірской суеты». Они даже избѣгали прикосновенія къ язычникамъ. Ихъ учителя возбраняли

имъ присутствовать на зрѣлищахъ, мастерить все, что имѣетъ отношеніе къ идоламъ, даже заводить школы, гдѣ приходилось объяснять родословіе «демоновъ» (боговъ политеизма). Новый человѣкъ, пренебрегая земными благами, съ всепобѣждающей искренностью проповѣдывалъ о любви къ ближнему, о безконечномъ состраданіи, милосердіи, прощеніи и миролюбіи, о равенствѣ всѣхъ передъ Создателемъ. Немудрено, что запуганная частыми волненіями у евреевъ имперія вообразила, что появился новый «царь іудейскій» — и въ 33-мъ г. былъ распятъ Тотъ, отъ дня рожденія Котораго треть человѣчества ведетъ свое лѣтосчисленіе. Затѣмъ послѣдовали гоненія, особенно лѣтъ 100 спустя, при Траянѣ, когда Римляне перестали смотрѣть на христіанство, какъ на ничтожную еврейскую секту.

Но то было цѣлое жизненное начало, котораго не истребить ничѣмъ. Оно отвѣчало всеобщей тоскѣ по высшему идеалу —настроенію, которое поэтично выразилось въ «Климентинахъ», въ сказкѣ о Психеѣ, въ статуяхъ Антиноя. А затѣмъ новая религія нашла самыхъ вѣрныхъ друзей въ свѣжихъ поколѣніяхъ варваровъ. Оттого то христіанство, которое въ «апостольскую эпоху» бѣжало отъ міра сего въ катакомбы, укрѣпленное нравственно отъ случайныхъ гоненій, выступило, три вѣка спустя, уже какъ міровая религія; а вслѣдъ затѣмъ образовался долговѣчный союзъ «алтаря съ трономъ», на развалинахъ античнаго язычества.

Тогда же христіанство приняло прочный строй: оно заимствовало его у имперіи. «Клиръ» (духовенство) составлялъ правительство, съ строгой іерархіей: «епископы» жили въ центрахъ общинъ «митрополиты» — въ центрахъ провинцій, а «патріархи» напоминали префектовъ. Подлѣ епископа состоялъ свой консиліумъ—«капитулъ» изъ пресвитеровъ, а подлѣ митрополита—«синодъ» изъ епископовъ. По образцу провинціальныхъ собраній, созывались вселенскіе «соборы», какъ знакъ единства церкви. Уже обнаружилось и стремленіе къ такому же сплоченію духовной власти, какимъ обладала имперія. Изъ среды пяти патріарховъ выдѣлялись, соотвѣтственно съ раздѣленіемъ имперіи, владыки константинопольскій и римскій. Первый изъ нихъ сдѣлался «вселенскимъ», главнымъ; но только на Востокѣ. Второй же отвергъ титулъ патріарха, чтобы стать отдѣльнымъ, какъ бы единственнымъ святителемъ. Онъ уже назывался папой—«отцомъ» по преимуществу. И между этими двумя главами христіанства возгорѣлась борьба за «приматъ» или первенство. Они представляли собой два міра. Патріархъ—это эллинизованный Востокъ, съ его античной культурой, съ его пылкимъ воображеніемъ и философскимъ умомъ, увлекавшимся богословскими тонкостями. Папа — варварскій Западъ, съ его практичностью, волей и холоднымъ, точнымъ разсудкомъ римлянина. Онъ грубъ, чуждъ классицизма. не блещетъ краснорѣчіемъ и словопреніями: онъ умѣетъ только строго, всегда одинаково служить обѣдню да пѣть псалмы, что цѣнилось музыкальными итальянцами. Но зато папа упорно и ловко ведетъ свое жизненное дѣло, осѣняемый непреклонной вѣрой въ торжество чистаго отъ ересей православія да въ незыблемость примата ап. Петра и его престола. Онъ самъ сочиняетъ напѣвы, развиваетъ богослуженіе съ пышными церемоніями, творитъ благостыню, печется о народѣ да все «жжетъ известь»—строится. Въ то же время онъ цѣпко хватается за малѣйшее преимущество и расширяетъ его осторожно, терпѣливо, то съ униженіемъ паче гордости, то со всѣми кознями искуснаго дипломата. Іерархія. Папа.

Сначала всѣ преимущества были на сторонѣ Востока, съ его св. землей и слѣдами апостоловъ, съ его религіозной пылкостью, съ его императоромъ, который называлъ себя по античному «царемъ и священникомъ», распоряжался соборами и владыками, расправлялся съ еретиками, какъ съ мятежниками. И немудрено, что на шести «вселенскихъ» соборахъ изъ 60 — 360

членовъ было всего 1—6 представителей западной церкви. Но вскорѣ папство начало подыматься. Оно становится рѣшителемъ догматическихъ споровъ: запутавшись въ нихъ, сами императоры и патріархи обращались къ третейскому суду Рима. Укрѣпленію папы помогло и то, что это былъ единственный владыка на Западѣ; и только его престолъ представлялъ здѣсь, при постоянныхъ переворотахъ, нѣчто прочное. Услуги, оказанныя Риму святителями и украшенныя сказаніями, усиливали значеніе римскаго епископа, а крещеніе германцевъ распространяло его вліянія по всему Западу. Возвышенію папства содѣйствовали еще: его географическое положеніе, какъ центра между Востокомъ и Западомъ, историческое значеніе маститаго Рима и преданіе объ основаніи папскаго престола апостоломъ Петромъ. Важна была и независимость папы отъ свѣтской власти. Сначала избраніе его клиромъ и народомъ еще нуждалось въ утвержденіи императора, которому платилась за это дань; но это утвержденіе становилось все затруднительнѣе, такъ какъ западный дворъ переселялся тò въ Миланъ, то въ Равенну, пока не исчезъ совсѣмъ, а восточный находился слишкомъ далеко, въ Византіи. Оттого уже Левъ I, при Ѳеодосіи, назвалъ папскій престолъ «камнемъ, на которомъ зиждется католическая церковь», а папу, какъ «преемника ап. Петра» — «первымъ среди іерарховъ»: и католики удостоили его титула Великаго. И это горделивое ученіе поддерживали сами западные императоры, искавшіе опоры у папъ въ борьбѣ съ варварами и притязаніями Византіи; а когда пала Западная римская имперія, варвары, въ свою очередь, заискивали у папъ, чтобы утвердиться въ Италіи. Немудрено, что къ концу періода папы уже не признавали надъ собой никакого судьи и издавали повелительныя декреталіи — посланія, съ значеніемъ закона для всего католическаго міра.

Богословіе. Культъ. Въ то же время шло внутреннее развитіе христіанства. Нововѣріе блистало цѣлымъ рядомъ антично образованныхъ, талантливыхъ и ревностныхъ *отцовъ церкви* (Климентъ, Оригенъ, Тертулліанъ). Это — творцы христіанскаго *богословія*. Послѣднее сначала занималось «апологетикой» (прославленіе новой религіи) и «полемикой» (опроверженіе еретиковъ и язычниковъ), затѣмъ стало спокойною «догматикой» или авторитетнымъ, не допускающимъ критики, изложеніемъ правилъ вѣры. Тутъ прославились другіе отцы церкви, какъ на Востокѣ (Василій Великій, Григорій Назіанзинъ, Іоаннъ Златоустъ), такъ и на Западѣ (Амвросій, Августинъ, Іеронимъ). И на первомъ вселенскомъ соборѣ (325) церковное преданіе превратилось въ писанное «правило» или *канонъ* (Евангеліе и апостольскія посланія), сущность которыхъ были формулированы въ Символѣ Вѣры. Тогда же были выработаны основныя догмы. Къ концу періода установился и *культъ* или обрядность, что облегчало обращеніе язычниковъ. Сюда относятся: таинства крещенія и причащенія подъ двумя видами, храмы, иконы, ѳиміамъ, свѣчи, а также проповѣди и самая обѣдня съ пѣніемъ. Возникли и главные праздники — Рождество Хр., Пасха, Вознесеніе, Воздвиженіе и др. Только колокола появились лишь въ VII-мъ в.

Монашество. Во второй половинѣ періода въ христіанствѣ зародилась еще одна черта. Это—аскетизмъ или «упражненіе» въ самообузданіи, уже мелькавшій раньше въ нѣкоторыхъ ересяхъ. Онъ привелъ къ образованію «чернаго» духовенства. Въ Египтѣ появились сначала разбросанные *монахи* («одиночки»), а вскорѣ возникъ и монастырскій уставъ, подчинявшій ихъ «аббатамъ» («отцамъ»). Впрочемъ, еще не было обѣтовъ; но вскорѣ Василій ввелъ болѣе строгій монастырскій уставъ, который и теперь дѣйствуетъ въ восточной церкви. Крайности аскетизма выразились въ «анахоретахъ» («отшельникахъ»): они давали обѣтъ никогда не мыться, носили на себѣ тяжелые кресты и цѣпи, ходили нагишомъ или паслись на лугахъ со стадами и т. под. Къ концу періода аскетизмъ овладѣлъ уже всѣмъ Востокомъ и проникъ на Западъ до Галліи и Ирландіи.

Внутреннему развитію христіанства помогали *ереси*, которыя и сами свидѣтельствовали о живомъ умственномъ движеніи. Ереси возникали подъ вліяніемъ разной среды: то Египта, то Палестины, то Персіи. Онѣ, по большей части, были плодомъ античной образованности: таковы главныя изъ нихъ — гностицизмъ, аріанство и пелагіанизмъ. **Ереси. Гностицизмъ.**

Гностицизмъ—цѣлая религіозно-философская система: «гносисъ»—по-гречески «познаніе» по преимуществу. Это—смѣсь христіанства съ классическимъ политеизмомъ, съ Платономъ и съ религіями Востока. Однимъ изъ первыхъ гностиковъ былъ александрійскій еврей-христіанинъ, Церинѳъ (ок. 100 г.), противъ котораго написано Евангеліе Іоанна. Онъ основалъ еще *хиліазмъ*—ученіе, по которому ожидается новое воплощеніе Христа, когда и начнется «тысячелѣтнее» блаженство, а за нимъ—кончина міра.

Гностицизмъ поддерживалъ догматическое развитіе христіанства. Нравственному же утвержденію нововѣрія содѣйствовалъ *монтанизмъ*, основанный жрецомъ Кибелы, мечтателемъ Монтаномъ, который выдавалъ себя за Параклета—«Утѣшителя», обѣщаннаго Іисусомъ; въ отпоръ паденію нравовъ, Монтанъ старался устроить аскетическое «общество святыхъ», которое гнушалось не только развлеченіями, но даже наукой и искусствомъ. Подобное же значеніе имѣлъ *манихеизмъ*, стоящій какъ бы между гностицизмомъ и монтанизмомъ, къ которымъ онъ прибавилъ дуализмъ Зороастра; манихеи отличались строгостью жизни; они даже были вегетаріанцами.

Самые ожесточенные и долгіе споры кипѣли по вопросу объ «ипостасяхъ» («основа», сущность) вообще и о существѣ Христа въ особенности. Они вызвали знаменитое *аріанство*, которымъ увлекались цѣлыя племена, а также нѣкоторые императоры: это ученіе весьма нравственнаго и ученаго священника въ Александріи, Арія, было всѣмъ понятно. Арій объявилъ, въ началѣ IV-го в., что уже во имя монотеизма не должно называть Іисуса *богочеловѣкомъ*. Соблазнъ былъ такъ великъ, что Константинъ созвалъ первый вселенскій соборъ (325), гдѣ великій епископъ той же Александріи, Афанасій, добился признанія аріанства ересью. Но это только распалило споръ, причемъ Востокъ явно склонялся къ аріанству. Сверхъ того, патріархъ Несторій объявилъ Іисуса прямо человѣкомъ, но усыновленникомъ Бога, и потому отвергалъ названіе «Богородицы»; *несторіане* живутъ и теперь въ Азіи. Въ отпоръ этому ученію, возникли *монофизиты*, признававшіе во Христѣ «одну только природу» — божественную. Также объявленные еретиками, они сохранились доселѣ въ Египтѣ (копты), Сиріи и Арменіи. Наконецъ, соборъ 451 г. установилъ, что въ Христѣ двѣ природы, но нераздѣльныя. **Аріанство и пелагіанство.**

Въ то же время блаженный Августинъ, епископъ въ Гиппонѣ (близъ Карѳагена), боролся съ главною изъ западныхъ ересей—съ *пелагіанствомъ*. Британскій монахъ, Пелагій, училъ, что, въ силу прирожденной «свободы воли», человѣкъ можетъ и внѣ церкви различать добро отъ зла, т. е спасти свою душу. Августинъ же доказывалъ, что, вслѣдствіе «первороднаго (Адамова) грѣха», человѣкъ не можетъ спастись безъ «благодати» Божіей, даруемой церковью, причемъ есть «предопредѣленіе», котораго человѣкъ не въ силахъ измѣнить. Ученіе Августина было принято церковью, и изъ него вытекло *крещеніе дѣтей*, какъ средство противъ первороднаго грѣха. Августинъ прославился также, какъ горячо вѣрующій писатель: его сочиненіе «О градѣ Божіемъ», или философія исторіи съ христіанской точки зрѣнія, представляетъ подражаніе Платону.

Такъ къ концу періода сложилась стройная, крѣпкая *ортодоксія* или «правовѣріе». И она уже представляла великую силу. **Ортодоксія. Католичество.**

Пользуясь сочувствіемъ массъ, монастыри и церкви стали главными землевладѣльцами и банкирами. Они орудовали милліонами: даже посылали

субсидіи императорамъ и папамъ и содержали собственныя арміи. На возраставшія доброхотныя даянія владыки сооружали внушительные храмы, госпитали, богадѣльни, школы и библіотеки, кормили народъ въ голодовку. Съ ними приходилось вѣдаться варварамъ: при нашествіи врага, куріалы разбѣгались—и только епископъ выступалъ представителемъ общины. А въ лицѣ римскаго папы явственно вырабатывался независимый, всесильный глава всего христіанства. Словомъ, подъ конецъ только церковь изображала собой міровую идею единства имперіи и пресловутаго «римскаго мира»; только она становилась силой католическою, т. е. «всесвѣтною» религіей. Она обладала уже милліонами стада Божія, отъ Ганга до Атлантики и Балтики: христіанство распространилось къ 500-му г. въ Индіи, Абиссиніи, Аравіи, Персіи, Арменіи, на Кавказѣ и по сѣверу Африки; а въ Европѣ его приняли почти всѣ варвары, хотя германцы еще сохраняли аріанство, за исключеніемъ однихъ франковъ.

И гордая имперія склонилась передъ новою силой. Когда христіанство вызволило Константина въ борьбѣ съ соперниками, оно стало *государственною* религіей. Спасенный императоръ не зналъ, какъ благодарить новую церковь. Онъ освободилъ клиръ отъ податей и предоставилъ ему гражданскій судъ и всѣ привилегіи понтифексовъ, не исключая права «азила»—убѣжища для осужденныхъ. Онъ разрѣшилъ завѣщать имущества въ пользу церкви и самъ всячески одарялъ ее. Онъ отдалъ христіанамъ лучшія должности, поручилъ имъ воспитаніе своихъ дѣтей, съѣздилъ, вмѣстѣ съ матерью, на богомолье въ св. землю и тамъ воздвигъ Честный Крестъ. Онъ созвалъ во дворцѣ первый вселенскій соборъ (325) для утвержденія основъ христіанства. Словомъ, новая церковь сдѣлала грозную имперію своею рабой. До конца періода она, помимо цезарей, созывала свои провинціальные соборы. Ея владыки стали первыми лицами въ общинахъ: они засѣдали среди судей и наблюдали за ними, участвовали въ самоуправленіи муниципіей, въ сборѣ податей, въ надзорѣ за общественными работами.

Христіанство и романизація. Но христіанство брало не однимъ своимъ офиціальнымъ положеніемъ. Его поддерживала внутренняя сила. Среди душевной дряблости, среди общественной окаменѣлости классицизма, только у нововѣрцевъ жизнь била свѣжею, сильною струей. Только здѣсь встрѣчались глубокія убѣжденія, несокрушимая воля, страстныя желанія,—словомъ, сознаніе долговѣчности и крупнаго жизненнаго дѣла. Всѣ силы жизни отливали къ новой общинѣ, озаренной сіяніемъ міровой будущности. Сюда стекались таланты, характеры, и какъ культурные, такъ и государственные. Христіанство вливало новую жизнь въ усталый древній міръ. Важнѣе всего, что подъ конецъ христіанство спѣшно сливалось съ классицизмомъ, особенно благодаря письменности и искусству, гдѣ новое содержаніе облекалось въ изящныя формы античности. Наряду съ богословами, уже появлялись свѣтскіе прозаики и поэты; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше выдвигалася на первый планъ христіанская литература, особенно съ Константина.

Съ ея помощью, и пользуясь новымъ подъемомъ матеріальной культуры отъ мирныхъ сношеній между нововѣрцами, развивалась *романизація Европы*. Античная культура, овладѣвшая въ александрійскую эпоху Востокомъ, а въ золотомъ вѣкѣ—Италіей, проходила теперь по всему Западу. Въ Галліи, Германіи, Британіи появился рядъ римскихъ колоній: нынѣшніе румыны—потомки легіонаровъ Траяна; главные города на Рейнѣ, Везерѣ, Дунаѣ, Ронѣ, Луарѣ, Темзѣ образовались изъ римскихъ лагерей и военныхъ поселеній. Здѣсь на форумахъ, въ баняхъ и амфитеатрахъ, въ библіотекахъ, музеяхъ и школахъ, было очевидно господство римской тоги; всюду интеллигенція говорила по-латыни; и въ римской литературѣ уже мелькали имена провинціаловъ. Римскіе императоры искусно помогали дѣлу своею политикой. Они сдѣлали латынь обязательною въ арміи и управленіи, а почитаніе мѣстныхъ божествъ несо-

вмѣстимымъ съ правами римскаго гражданства. Но они только отнимали власть у туземныхъ жрецовъ, вѣрованій же ихъ не касались; ограничивались тѣмъ, что затмевали ихъ пышностью государственной религіи, латинизовали имена ихъ боговъ да помѣщали, рядомъ съ ихъ идолами, соотвѣтственныя изображенія римскихъ божествъ, такъ что туземцы и римляне приходили къ однимъ и тѣмъ же алтарямъ, пока всѣ не стали стекаться въ одни и тѣ же христіанскіе храмы.

Сліяніе двухъ основъ европейской исторіи, классицизма и христіанства, могло развиваться само собой. Молодѣвшій древній міръ могъ зажить новою жизнью, очнувшись отъ дремоты, какъ бывало потомъ у всѣхъ народовъ, послѣ поры реакціи. Всѣ зачатки средневѣкового быта, не исключая феодализма, были налицо: Возрожденіе могло не отлагаться на цѣлое тысячелѣтіе. Но судьба рѣшила иначе: въ описываемомъ же періодѣ выдвинулась третья основа европейской исторіи—*варвары*. То была полезная сила: варвары вносили свѣжую кровь, непочатую физическую мощь; они содѣйствовали всеобщей потребности въ жизненномъ разнообразіи, въ дифференцированіи плотнаго цѣлаго, созданнаго антично-христіанскою культурой. Но все это впослѣдствіи. Пока же варвары задерживали ростъ новой цивилизаціи: неразвитые и невѣжественные, они могли понимать ее лишь внѣшнимъ образомъ и, стараясь рабски подражать древнимъ, только искажали всѣ стороны ихъ быта. Сверхъ того, варвары долго мучили римлянъ своими дикими набѣгами и массовыми переселеніями. III. Варвары. Роль германцевъ.

Особенно много горя принесли римлянамъ *германцы*, благодаря своей физической крѣпости, крайней плодовитости и тѣмъ долгимъ передвиженіямъ, которыя даже дали концу періода названіе эпохи «переселенія народовъ». Имперія боролась съ ними въ теченіе пяти вѣковъ, но тщетно. Варвары нападали на нее не изъ національной ненависти или жажды разрушенія, а по необходимости, отъ голода. Часто они просили у нея земель, даже предлагали свои услуги и охотно романизовались, перенимая все, какъ дѣти. Римляне принимали германцевъ къ себѣ сначала въ качествѣ данниковъ, колоновъ, слугъ, затѣмъ допускали ихъ даже ко двору, давали имъ высшія званія. Но больше всего имперія пользовалась германцами, какъ воинами. Она составляла изъ нихъ цѣлыя арміи «союзниковъ» по договору, или «людей», занимавшихъ границы въ видѣ военныхъ поселеній, снабженныхъ бенефиціями («благодѣяніями»), подъ которыми разумѣлись тогда казенныя земли.

Но ослабѣвшая имперія уже не могла слить съ собой германцевъ въ такой степени, какъ галловъ; въ Италіи, Испаніи, даже Африкѣ она еще поддерживала старую романизацію; но послѣдняя была слаба въ центрѣ Европы и въ Великобританіи. Къ тому же, съ III-го в. у германцевъ возникли могущественные союзы; а затѣмъ натискъ гунновъ толкнулъ всю эту страшную массу впередъ съ непреодолимой силой. Она то и покончила съ Западною имперіей. Германцы имѣли большое значеніе для будущаго и въ силу своей національной неподатливости; упорно сохраняя свое гордое свободолюбіе, свою общину и дружину, они были неспособны къ государственному строю и постоянно служили источникомъ смутъ. Ихъ нравы полудикарей глубоко отражались на всѣхъ сторонахъ средневѣкового быта. Они долго придерживались аріанства, а это отдаляло ихъ отъ древне-христіанской культуры и даже вовлекало въ жестокія распри съ правовѣрными католиками и съ папствомъ.

Періодъ перехода отъ древности къ среднимъ вѣкамъ представляетъ горячую борьбу трехъ основъ исторіи—классицизма, христіанства и варварства. *Античное вліяніе* еще проникаетъ во всѣ области жизни: римское правительство владѣетъ историческимъ міромъ; романизація Запада и эллинизація Востока въ полномъ ходу; школа, письменность и искусство—еще античныя даже у христіанъ. Но сильныя отступленія отъ сущности классицизма уже свидѣтель- Значеніе періода.

ствуютъ объ его разложенiи. Обширность имперiи привела къ ея распаденiю и къ погибели ея западной части, на развалинахъ которой возникло 6 варварскихъ государствъ.

Не легка была борьба античнаго мiровоззрѣнiя съ церковнымъ идеализмомъ *христiанства*. Вопреки гоненiямъ, христiанство быстро распространялось, особенно среди варваровъ въ Европѣ. На Востокѣ оно прививалось слабѣе и потомъ было задержано исламомъ. При Константинѣ и Ѳеодосiи оно уже побѣдило оффицiально, а въ жизни дошло до монашества; къ концу же перiода стали выдвигаться христiанская письменность и искусство, хотя и подъ прямымъ влiянiемъ классицизма. Тогда же создалась догма, несмотря на ереси, связанныя съ античной наукой. Возникло и церковное устройство; начало выдвигаться даже папство.

Изъ *варваровъ* наименѣе важны были кельты: они частью; вымирали, частью романизовались; ихъ влiянiе отражалось частью въ подчиненiи германцевъ классицизму (галло-римляне), частью въ распространенiи христiанства (ирландцы). Главную роль играли германцы: среди тревогъ «переселенiя народовъ», они создавали новый политическiй порядокъ на Западѣ, приносили новые нравы и обычаи. Насколько огрубѣли *нравы* подъ влiянiемъ варваровъ, видно уже изъ наказанiй: тогда употреблялись пытки, костры, даже скальпированiе; господствовало правило—око за око, зубъ за зубъ; сверхъ того, отрубали провинившуюся часть тѣла. Что совершалось при нашествiи варваровъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ слово «вандализмъ».

Опредѣленiе средней исторiи. Среди хаоса переходнаго перiода ясны всѣ зародыши средневѣковья. Мы подошли къ настоящей *средней исторiи*, которая обнимаетъ цѣлое тысячелѣтiе (500—1500), хотя два ея послѣднiе вѣка (1300 - 1500) слѣдуетъ также назвать переходною эпохой отъ собственнаго средневѣковья къ новой исторiи. Конечно, годы въ такихъ случаяхъ—лишь условная техника, необходимая въ интересахъ изученiя сложнаго дѣла: было бы дѣтствомъ считать ихъ научными основами. Оттого эти вехи на зыбкомъ океанѣ жизни человѣчества колеблются. Долго среди ученыхъ (а въ учебникахъ и теперь) *476-й годъ* по Р. Х. (паденiе Западной римской имперiи) считался магическимъ «началомъ средней исторiи», словно эпохи рождаются, какъ дѣти, и могутъ имѣть свою метрику. Это—годъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, понимавшихъ подъ исторiей смѣну правительственныхъ формъ; да и тутъ иные предпочитали 395-годъ (распаденiе Римской имперiи). При современномъ взглядѣ на исторiю (лекцiя 1), пришлось бы взять иные годы. Это видно уже изъ того, что одни историки начинаютъ новую исторiю съ политической даты—1453-й годъ (взятiе Византiи турками), другiе—съ культурной, съ 1692-го г. (открытiе Америки). Мы предпочли, въ этомъ курсѣ, болѣе удобный для памяти круглый счетъ столѣтiями: 1—1500 г, по Р. Х. Съ нимъ совпадаетъ и появленiе въ исторiи новыхъ коренныхъ силъ, зарожденiе которыхъ нельзя опредѣлять точными годами, какъ нельзя сказать, въ которомъ именно мѣсяцѣ отрокъ сталъ юношей, а юноша—мужемъ.

ЛЕКЦIЯ ДВАДЦАТАЯ.

СРЕДНЯЯ ИСТОРIЯ.

I. Начало средневѣковаго строя и ислама.—Около 500—800 г.

Древнiй и средневѣковый человѣкъ. Древняя исторiя, съ введенiемъ о первобытности человѣчества, имѣетъ особенное значенiе для общаго образованiя. Она полна и глубокаго научнаго смысла: тамъ лежатъ основы всей дальнѣйшей эволюцiи человѣческихъ

обществъ; и онѣ постигаются легче, благодаря сравнительной простотѣ въ проявленіяхъ жизни древняго человѣка. Вотъ почему мы остановились съ особеннымъ вниманіемъ на древней исторіи, гдѣ объясняются и главные термины нашей науки; мы старались пользоваться иногда мелкими чертами, чтобы оживить характеристики столь далекихъ отъ насъ и безъ того непостижимыхъ условій человѣческаго бытія. Теперь же, приступая къ Средней Исторіи мы будемъ ограничиваться болѣе общими очерками, какъ того требуютъ и размѣры «Семейнаго Университета».

Около 500 года, вскорѣ послѣ паденія Западной римской имперіи, племенное броженіе затихло, и выдвинулись основы новаго порядка вещей — византизмъ, папство, варварскія государства и исламъ. **Византизмъ.**

Сначала казалось, что воскреснетъ древняя единая имперія. Византія, существовавшая еще около 1000 л., недаромъ считала себя преемницей павшаго Рима. Ея портъ, Золотой Рогъ, служилъ средоточіемъ міровой торговли. Она была прочнѣе Рима сплочена *эллинизмомъ* и православіемъ. Ее освѣжали варвары, изъ которыхъ выходили дѣльные полководцы и правители. Она была необходима для всей Европы, какъ хранительница античной культуры и римскаго права, какъ оплотъ юнаго Запада отъ напора варваровъ и ислама Востока. Наконецъ, Византія обладала полумилліонной арміей, пятью флотами и утонченною дипломатіей.

Вотъ почему Восточная имперія уцѣлѣла до конца среднихъ вѣковъ, несмотря на недостатки своего правительства и пороки знати. А они были велики. Въ «священномъ дворцѣ» господствовали восточные нравы — пышный этикетъ, евнухи, женщины да интриги съ дворцовыми революціями. Въ провинціяхъ свирѣпствовали безчестные чиновники, доводившіе ихъ до бунтовъ. Населеніе столицы состояло изъ немногихъ богачей, соперничавшихъ между собой, въ видѣ цирковыхъ партій *зеленыхъ* и *синихъ*, да изъ массы грубыхъ пролетаріевъ, продававшихся имъ. Отсюда вѣчныя волненія, которыя поддерживались еще религіозными распрями, особенно между православными и аріанами. А тѣмъ временемъ усиливались внѣшніе враги — славяне, германцы, персы, арабы.

Описанныя черты воплощались въ *Юстиніанѣ I*, котораго прославляли за внѣшній блескъ, за подвиги его полководцевъ, Велизарія и Нарзеса, за Кодексъ, за храмъ св. Софіи. То былъ завистливый, подозрительный деспотъ и ханжа. Онъ губилъ благосостояніе народа непомѣрными пошлинами и налогами. И кончилось страшнымъ мятежомъ, истребившимъ половину столицы. Толпы встрѣтили преемника Юстиніана криками: «Сжалься надъ нами»! А голодные солдаты перешли къ непріятелю. **Юстиніанъ I.**

Послѣ Юстиніана Византія утратила Италію. Она съ трудомъ оборонялась противъ новыхъ страшныхъ враговъ—арабовъ, которые подступали къ самымъ стѣнамъ Константинополя. Династія Исаврійцевъ пыталась преобразовать государство и очистить христіанство отъ «идолопоклонства», какъ гласилъ эдиктъ (726) Льва III объ иконахъ. Массы, и особенно женщины, руководимыя монахами, возстали противъ этого *иконоборства*. И началось новое жестокое междоусобіе, которое терзало Византію болѣе столѣтія и положило новую преграду между Востокомъ Европы и Западомъ, твердо сохранявшимъ почитаніе иконъ. Но зато Восточная имперія, забывшая преданія Рима и даже латынь и сближавшаяся со славянами, стала болѣе плотнымъ цѣлымъ, связаннымъ эллинизмомъ и православіемъ. **Иконоборство.**

Между тѣмъ Западъ возвышался. Онъ былъ обязанъ этимъ, прежде всего, папству. «Преемникъ ап. Петра» выдвинулся уже къ концу прошлаго періода. Около 600 г. его міровыя притязанія уже воплотились въ крупной личности *Григорія I*, прозваннаго католиками Великимъ. Чуждый классичес- **Утвержденіе папства Григорія I.**

каго образованія, этотъ святитель сталъ фанатикомъ великой идеи—сдѣлать папство главой всего христіанства. Онъ привлекалъ народы своей искренней набожностью и благотвореніями, а властителей — искусною дипломатіей, особенно ловко воздѣйствуя на ихъ женъ и дочерей. Григорій положилъ основаніе *духовной власти папъ надъ Западомъ*, обративъ въ католичество множество варваровъ и аріанъ; онъ превратилъ монашество въ сильное орудіе св. престола и завелъ семинаріи для приготовленія пастырей церкви и миссіонеровъ. Григорій придалъ и внѣшній блескъ католичеству, установивши его *обрядность*. Въ то же время онъ преслѣдовалъ древнее язычество и истреблялъ перлы античной культуры.

Свѣтская власть папъ. Послѣ Григорія I Риму подчинились послѣднія западныя церкви—германская и галльская, особенно благодаря монаху Бонифацію, который былъ сдѣланъ *архіепископомъ майнцскимъ*, т. е. примасомъ или духовнымъ главою всей Германіи (745). Въ тоже время папство пріобрѣло *независимость отъ Византіи*: римляне прекратили дань императору; выборы папъ перешли въ руки мѣстнаго клира. Вслѣдъ за тѣмъ св. отецъ склонилъ на свою сторону франковъ противъ тѣснившихъ его лонгобардовъ. Король франковъ, Пипинъ Малый, заставилъ лонгобардовъ отдать папѣ Романью (берега отъ р. По до Анконы), которая, вмѣстѣ съ Римомъ, образовала «Отчину св. Петра». Этотъ «Пипиновъ даръ» (754) сталъ зародышемъ Церковнаго государства или *свѣтской власти папъ*.

Гибель вандаловъ и остготовъ. Тогда же утверждалась третья основа средневѣковья—варварскія государства. Сначала тутъ еще господствовала смута, благодаря усобицамъ между германцами и ихъ борьбѣ съ Западной имперіей. Особенно страдала отъ нея Италія. Здѣсь герульское королевство пало уже около 500 г.; византійцы навели на него *остготовъ*. Вождь остготовъ, Ѳеодорихъ, мягкій, правдивый правитель, любившій античную культуру, заслужилъ у историковъ имя Великаго и запечатлѣлся въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ задумалъ слить своихъ варваровъ съ римлянами: онъ покровительствовалъ туземцамъ, выдвигалъ латынь, даже заставлялъ готовъ облекаться въ тоги. Самъ аріанинъ, онъ не стѣснялъ католиковъ и даже защищалъ евреевъ. Но двѣ народности еще слишкомъ ненавидѣли другъ друга, и, по смерти Ѳеодориха, пошли усобицы, которыми воспользовалась Византія. Тогда Юстиніанъ I возмечталъ объ «общей имперіи», распавшейся 150 л. тому назадъ; его подстрекалъ также клиръ, требовавшій истребленія аріанъ. Юстиніанъ сначала уничтожилъ вандальское королевство, а потомъ и остготское (554).

Лонгобарды. Но Византія недолго владѣла Италіей. Кровавая расправа превратила страну въ развалины — и она стала легкой добычей *лонгобардовъ*. Родственные готамъ, лонгобарды были послѣднимъ изъ германскихъ племенъ, еще не осѣвшихся къ тому времени. Въ 572 г. они захватили Италію, которою владѣли два вѣка. Народъ грубый, аріане и, частью, язычники, лонгобарды сначала жестоко обращались съ туземцами; но постепенно они совсѣмъ романизовались и приняли католичество, благодаря Григорію I, который прислалъ ихъ королевѣ «желѣзную корону» изъ гвоздя съ Креста Господня. Позже, когда лонгобарды стали усиливаться, папы превратились изъ ихъ покровителей во враговъ. Съ помощью франковъ, они отхватили у нихъ Пипиновъ даръ; а сынъ Пипина, Карлъ Великій, совсѣмъ уничтожилъ ихъ королевство и вѣнчался желѣзною короной (774).

Вестготы и бургунды. Изъ первыхъ варварскихъ государствъ недолговѣчны были также королевства вестготское и бургундское. Вестготы, занявшіе Аквитанію (югъ Галліи), начали было быстро распространяться во всѣ стороны. Но народъ грубый, гордый, къ тому же аріане, они угнетали галло-римлянъ, которые тяготѣли къ своимъ единовѣрцамъ, католикамъ франкамъ. И король франковъ,

Хлодвигъ уничтожилъ ихъ королевство (507) въ Галліи. Вестготы сохранились только въ Испаніи. Лѣтъ сто спустя, они окатоличились и совсѣмъ романизовались: они положили начало *испанскому языку*. Но у нихъ развилась тиранія вельможъ. Измученный ею народъ возсталъ. Этимъ воспользовались *арабы*, уже дошедшіе тогда до Марокко: они захватили всю Испанію (711), кромѣ горной Астуріи, куда укрылись вестготы.

Бургунды осѣлись около 500 г. по всей долинѣ Роны, а затѣмъ и по Рейну до Мааса. Изъ всѣхъ варваровъ они оказались самыми мягкими и миролюбивыми и быстро романизовались. Но и это королевство было непрочно: закинутое среди сильныхъ франковъ и аллемановъ, лишенное естественныхъ границъ, оно подрывалось еще религіозными распрями. Бургунды были аріане, а галло-римляне—католики. Епископы послѣднихъ вошли въ сношеніе съ Хлодвигомъ франкскимъ, который и обратилъ бургундовъ въ своихъ данниковъ. Лѣтъ 300 спустя, это племя послужило основой для двухъ различныхъ государствъ: по верденскому договору между французами и нѣмцами (843), прирейнскіе бургунды образовали герцогство *Лотарингію*, приронскіе — собственно королевство *Бургундію*. Оба эти государства вскорѣ были присоединены къ Германіи.

Франки. Меровинги. Въ этомъ періодѣ самая важная роль среди варваровъ выпала на долю франковъ. Ихъ Хлодвигъ основалъ сильное королевство на сѣверѣ Галліи, до Луары, и почти на 300 л. утвердилъ династію *Меровинговъ* (486 — 752). Быстрые успѣхи франковъ объясняются, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они тотчасъ же приняли католичество: это вполнѣ сливало ихъ съ галло-римлянами и тѣсно связывало съ возраставшимъ папствомъ. Оттого нападенія воинственнаго Хлодвига на вестготовъ, бургундовъ и аллемановъ были какъ бы крестовыми походами противъ аріанъ и язычниковъ. Съ помощью церкви же, онъ быстро истребилъ пережитки родового быта у франковъ, перерѣзавъ своихъ родственниковъ, корольковъ—старшинъ. Но эти пережитки были еще сильны: послѣ Хлодвига они отразились въ жестокихъ удѣльныхъ усобицахъ между его внуками. Тогда королевство распалось на двѣ главныя части — *Австразію* или Восточную (отъ Эльбы до Мааса), и *Невстрію* или Невосточную, западную (отъ Мааса до Атлантики и Луары), средоточіемъ которой стала «Франція», какъ называли Парижъ съ окрестными землями. Двѣ другихъ части—Бургундія и Аквитанія—имѣли второстепенное значеніе и вскорѣ слились: первая съ Германіей, вторая съ Франціей.

Майоръ-домъ. Король франковъ. Усобицы, а также борьба съ сосѣдями, ослабляли франковъ. Меровинги портили дѣло: они смотрѣли на государстро по варварски, какъ на свое частное добро, и алчностью подрывали другъ друга. Къ тому же они сами вырождались. Этимъ пользовались вельможи и епископы, тѣмъ болѣе, что король долженъ былъ ублажать ихъ помѣстьями изъ казенныхъ земель бывшей Римской имперіи: казны у него не было, такъ какъ нищавшій отъ неурядицъ народъ часто вовсе не платилъ податей. Знать усилилась до того, что стала избирать изъ своей среды *маіоръ-дома* или дворцоваго мэра. Этотъ «старшина двора», гофмейстеръ, ходившій въ римскомъ вооруженіи, завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ короля, раздавалъ помѣстья и награды, составлялъ податные списки. И въ майоръ-домы избирали все даровитыхъ людей, доблестныхъ полководцевъ. Изъ нихъ особенно выдѣлялся богатый и храбрый Пипинъ Старшій въ Австразіи. Достоинство майоръ-дома даже стало наслѣдственнымъ въ его доблестномъ родѣ, который былъ названъ потомъ *Каролингами*, по имени Карла Великаго

Около 700 г. Каролинги стали править всѣмъ королевствомъ, истребивъ майоръ-домовъ его остальныхъ частей: за Меровингами оставался одинъ королевскій титулъ; и они жили въ маленькомъ помѣстьѣ на скудномъ содержаніи.

Правнукъ Пипина Старшаго, знаменитый полководецъ Карлъ, по прозванью *Молотъ* (Мартелъ), объединилъ всѣхъ франковъ, жестоко подавивъ возстаніе невстрійцевъ, аквитанцевъ и бургундцевъ. Онъ оградилъ страну и отъ арабовъ, которые уже прорвались было изъ Испаніи: Молотъ раскрошилъ ихъ силу у Пуатье (732). Сынъ его, Пипинъ Малый, хитрый политикъ, довершилъ дѣло отца: онъ сдѣлалъ папу своимъ орудіемъ, задобривъ его своимъ «даромъ», подчинивъ ему галльскую церковь. Папа помазалъ его *королемъ франковъ* (752)—дѣло небывалое, напоминавшее помазаніе Саула Самуиломъ. Пипинъ заточилъ послѣдняго Меровинга въ монастырь. Ему наслѣдовалъ (771) сынъ, Карлъ Великій, съ котораго начинается новая эпоха въ исторіи среднихъ вѣковъ.

Король Англіи. Подобная же эволюція происходила съ германцами по сосѣдству съ франками, на островѣ, за Каналомъ. Возникшая въ 449 г. *Англія* обливалась потоками крови. Здѣсь около 150 л. происходило истребленіе туземцевъ — кельтскихъ бритовъ, тѣмъ болѣе жестокое, что бриты были христіане, а англосаксы—язычники. Но и между побѣдителями свирѣпствовали родовыя и даже племенныя усобицы: англосаксы были сбродомъ германцевъ изъ разныхъ мѣстъ материка. Жизнь стала сноснѣе лишь около 600 г., когда англосаксы приняли католичество и объединились въ три государства, на подобіе франковъ. Вслѣдъ затѣмъ одно изъ этихъ государствъ, южный Уэссексъ, началъ крѣпнуть: здѣсь была лучшая земля, удаленная отъ походной дороги кельтовъ и германцевъ. Около 800 г. британскій островъ былъ объединенъ дѣльнымъ правителемъ Уэссекса, Экбертомъ, съ помощью Карла Великаго, у котораго онъ воспитывался. Экбертъ принялъ титулъ *короля Англіи*.

Норманны. И было пора: начинались грозные набѣги морскихъ разбойниковъ — скандинавскихъ германцевъ, или *норманновъ* (т.-е. «сѣверянъ»). Въ своихъ трущобахъ норманны долго сохраняли первобытность. Здѣсь-то уцѣлѣло германское язычество, которое запечатлѣлось тогда въ исландскихъ «Эддахъ» (Бабушкахъ) и въ «сагахъ» (сказаніяхъ) народныхъ пѣвцовъ—«скальдовъ». Здѣсь соблюдался въ чистотѣ и родовой бытъ, съ его «викингами», или старшинами. Въ нравахъ также сохранялась дикость: высшею честью считалось званіе «берсеркера» — отчаяннаго витязя, опьяняемаго дурманомъ. Норманны были страшными морскими разбойниками: слово викингъ значитъ «морской король». Они бросались отважными дружинами по далекимъ берегамъ и заплывали, по рѣкамъ, вглубь материка, все опустошая на своемъ пути. Ихъ разбойничество особенно развилось къ концу періода: тогда ихъ расплодилось слишкомъ много для безплоднаго сѣвера, а право первородства обрекало младшихъ дѣтей на гибель.

Зачатки новой культуры. Византизмъ. Первый періодъ среднихъ вѣковъ представляетъ первую попытку Запада выйти изъ хаоса, броженія трехъ основъ новой исторіи—античности, христіанства и варварства. Но она еще была слаба. Три элемента частью враждовали между собой, частью, соединялись нескладно, искусственно. Хотя уже обозначалась новая культура, но она распадалась на два типа. *Византизмъ* давалъ тонъ періоду. Греки распространяли античную культуру, не только въ Европѣ, но и на Востокѣ черезъ арабовъ. Они дѣлали извлеченія изъ утраченныхъ классиковъ. У нихъ явилось много «хронографовъ» (лѣтописей). Богословіе выставило Іоанна Дамаскина, который первый приложилъ логику Аристотеля къ догмѣ, т.-е. сталъ отцомъ научной теологіи. Явился и вѣнецъ умственнаго развитія Византіи—Corpus juris или законовѣдѣніе эпохи, состоявшее изъ Юстиніанова Кодекса, Пандектовъ (хрестоматія изъ лучшихъ юристовъ) и Институцій (учебникъ права). Въ искусствѣ то была эпоха *византійскаго стиля*, впрочемъ только въ зодчествѣ.

Романизація. Ленная система. Но рядомъ съ византизмомъ уже выступалъ чисто западный культурный типъ, на основахъ *романизаціи*. Романизовались даже кельты, хотя

ихъ осталось немного въ Бретани, Ирландіи, Уэльсѣ и Шотландіи. Западъ состоялъ уже собственно изъ романцевъ и германцевъ, которые сливались между собой, гдѣ прямо, гдѣ взаимнымъ вліяніемъ. Варвары, какъ дѣти, подчинялись обаянію маститой Римской имперіи. Они старались подражать ей во всемъ. Ихъ короли добивались титула «патриція» или красной тоги консула. Такой взглядъ сохранялся во всѣ средніе вѣка. Только императоръ и папа могли творить королей, и наслѣдникъ нѣмецкаго императора именовался «римскимъ королемъ». Кто не поддавался романизаціи, тотъ погибалъ (вандалы, остготы); кто горячо хватался за нее, тотъ выдвигался на первый планъ (франки).

Изъ взаимодѣйствія романцевъ и германцевъ вытекла и новая общественная форма—*ленная или бенефиціальная система.* Она развилась изъ релейта. Короли раздавали казенныя и церковныя земли преданнымъ дружинникамъ во временное пользованіе, въ видѣ римскихъ «бенефиціевъ» (благодѣяній) или нѣмецкихъ «леновъ» (займовъ). Ленникъ обязывался или защищать своего леннаго господина лично, съ своими людьми, или платить ему аренду, или служить у него при дворѣ; въ случаѣ нерадѣнія или измѣны у него отнимался ленъ. Вскорѣ король сталъ жаловать и государственныя должности какъ лены. Ленники, конечно, старались превратить свои лены въ вотчины или наслѣдственные «аллоды» (полная собственность).

Такъ слагалось могущество новой аристократіи. Рабство еще процвѣтало: особенно много было «вассовъ» (дворни). Рядомъ развивался патронатъ или закладничество, въ видѣ *рекомендаціи*, т.-е. препорученія себя: слабый становился подъ защиту сильнаго, считая выгоднымъ обезпечить себѣ такой зависимостью охрану отъ всеобщей анархіи. Истинно свободнымъ уже считался только тотъ, у кого уцѣлѣлъ аллодъ; а такихъ становилось мало. Только въ Англіи сохранилось много «черловъ»—свободныхъ крестьянъ, которые управлялись своими сходками; и знать или старшины не были помѣщиками; даже сохранялась общинная земля подлѣ частной собственности. А между тѣмъ, здѣсь вельможи или «мудрые» сильно ограничивали короля: они собирались на «сходку», которая издавала законы, разрѣшала налоги, даже считала себя въ правѣ низвергать короля и назначать ему преемника.

Созданію новаго культурнаго типа на Западѣ содѣйствовало *католичество*, которое само было романизаціей, благодаря папству. Строй церкви былъ заимствованъ изъ Римской имперіи. Папы сами стали свѣтскими государями и уже вовлекались въ интриги міровой политики. Они сочинили ложный документъ—«Даръ Константина»: якобы Константинъ Великій, послѣ своего крещенія уступилъ папѣ Сильвестру, какъ скипетръ, такъ и «города Италіи и Запада», возвѣстивъ при этомъ, что престолъ св. Петра «долженъ подняться превыше земного трона». Эта сказка вѣрно выражала религіозное настроеніе эпохи и уже укоренявшуюся идею цезаропапизма или союза алтаря съ трономъ. Тогда быть внѣ церкви значило быть внѣ общества: отлученный лишался имущества. И клиръ становился, какъ слугой такъ и господиномъ государства. Короли распоряжались церковными имѣніями и избраніемъ владыкъ, даже судили іерарховъ и созывали соборы; а высшее духовенство вело политическія дѣла. Эту роль въ особенности играло *монашество*, которое стало силой, благодаря основанію бенедиктинскаго ордена (529). Въ этомъ орденѣ воплотился практическій духъ западнаго монашества, въ противоположность восточной созерцательности. Монахи занимались не однимъ спасеніемъ души, но и добрыми дѣлами—сначала черною работой, какъ піонеры цивилизаціи, потомъ науками и искусствами. Они же наиболѣе увлекались миссіонерствомъ. Самыми ревностными проповѣдниками оказались британскіе чернецы. Они крестили многихъ германцевъ на материкѣ и соорудили рядъ обителей, во главѣ

Католичество.

которыхъ стояли С.-Галленъ и Фульда. А германцы-аріане подконецъ всѣ перешли въ католичество. И оно уже пріобрѣтало такую силу, что помогало культурному сплоченію на Западѣ.

Христіанство и классицизмъ.

Католичество уже пыталось создать совсѣмъ новый типъ культуры. Церковный идеализмъ уже проявлялся въ монашествѣ, во взглядахъ писателей, въ искаженіи античнаго искусства. Григорій I уничтожалъ перлы античной культуры. Владыки требовали «безпощаднаго истребленія» еретиковъ. Евреи были преданы на судъ клиру; ихъ жестоко притѣсняли, особенно вестготы.

Но *классицизмъ* еще былъ живъ. Цивилизація сосредоточивалась именно тамъ, гдѣ было больше романизаціи—въ Италіи, Галліи и Британіи. При Ѳеодорихѣ жилъ одинъ изъ лучшихъ классиковъ, Боэцій, по руководствамъ котораго учились во всѣ средніе вѣка; такое же значеніе имѣлъ знатокъ античности, британскій монахъ Беда Почтенный (около 700). Свѣтское, реальное міровоззрѣніе классицизма сохранялось всюду. Папство опиралось на римское право; догма пользовалась идеализмомъ Платона и діалектикой Аристотеля, котораго Боэцій перевелъ по латыни. Основой обученія были латынь и античныя «семь свободныхъ искусствъ». Человѣкъ еще жилъ реально, хотя и очень грубо. Въ нравахъ еще не было аскетизма; сами монастыри играли роль не пустынь, а очаговъ общежитія и античнаго просвѣщенія. Христіанская поэзія еще только зарождалась; господство принадлежало поэзіи народной, языческой, которая то воспѣвала сказочные подвиги берсеркеровъ, Оссіана, Рыцарей Круглаго Стола, то идеализовала Ѳеодориха, Аттилу, Меровинговъ. Наконецъ, на виллахъ знати и въ городахъ замѣчалось римское изящество и комфортъ; варвары даже перенимали римскую одежду и уже не походили на «кудлатыхъ», какъ подсмѣивались надъ ними римляне. У нихъ и необходимыя ремесла заводились подъ римскимъ вліяніемъ. Самая «византійская эпоха» въ культурѣ означаетъ сохраненіе, толкованіе и распространеніе античности. А къ концу періода выдвигается арабская культура, которую можно назвать второю классической школой Европы.

Арабы. Мекка и ханифы.

Историческое значеніе арабовъ, длившееся болѣе 600 лѣтъ, началось около 600 г. До тѣхъ поръ эти семиты, близкіе къ евреямъ, были простыми «бедуинами» или дѣтьми пустыни, вѣрнѣе—нищими разбойниками. Но послѣ Р. Х. они постепенно стали осѣдаться вокругъ *Мекки*, гдѣ хранился ихъ главный фетишъ—черный камень. Этотъ городъ, затмившій старинную Медину, сдѣлался торговымъ и религіознымъ средоточіемъ арабовъ, уже почувствовавшихъ потребность въ сплоченіи, въ переходѣ отъ родового быта къ государственности. Здѣсь ежегодно собиралась все-арабская ярмарка, привлекавшая также національныхъ поэтовъ на состязанія. Отсюда ходили купеческіе караваны въ Сирію и Палестину. Кааба служила соборомъ всѣхъ родовыхъ религій, которыя уже подвергались чуждымъ вліяніямъ. Въ особенности распространялись воззрѣнія родственныхъ евреевъ (Моисеевъ законъ) и христіанскія секты эбіонитовъ и ессеевъ: къ послѣднимъ примыкалъ даже главный родъ,—Корейшиты. Стремленіе къ единству проявлялось у бедуиновъ и въ наклонности къ единобожію: многіе почитали Аллаха—верховное существо, бога Измаила и Авраама. И уже появлялись пророки, мечтавшіе о всеобщей религіи, но они слыли ханифами», расколоучителями

Магометъ.

Ханифы были предтечами *Магомета* или Желаннаго,—бѣднаго отпрыска Корейшитовъ, котораго не выучили даже писать и смолоду посылали съ караванами. Женившись на богатой вдовѣ, Хадиджѣ, Магометъ и самъ сталъ торговать; онъ бывалъ даже въ Сиріи, гдѣ любилъ бесѣдовать съ евреями и христіанами. То былъ человѣкъ болѣзненный, подверженный нервнымъ припадкамъ, причемъ несчастный плакалъ и кричалъ, какъ ребенокъ. Припадки усилились подъ 40 лѣтъ, и за ними слѣдовало удрученное настроеніе. Этотъ поэтъ въ

душѣ и философъ, растревоженный ханифами, мучился исканіемъ новаго Бога. Онъ удалялся въ пустыню, изнурялъ себѣ постомъ и молитвой въ пещерѣ; при одной истерикѣ чуть не покончилъ съ собой. Вокругъ него носились небесные звуки и видѣнія—и въ немъ проявилось пылкое краснорѣчіе. Наконецъ, Магометъ выступилъ съ безстрашной проповѣдью, за которую 10 лѣтъ выносилъ тяжкія гоненія. Сначала это былъ лишь скромный глашатай завѣтовъ «Музы и Айссы» (Моисея и Іисуса), потомъ—самъ «пророкъ» *Аллаха*.

Сначала Магомету новѣрила только его вторая жена, Айша, и дочь Фатима, съ своимъ мужемъ, Аліемъ. Но вскорѣ склонились къ нему и чужіе, въ особенности рабы, женщины, бѣдняки, иностранцы и молодежь. Тогда противъ него возстали защитники старины съ самими Корейшитами во главѣ. Его осыпали насмѣшками и оскорбленіями и разъ чуть не задушили; его приверженцевъ пытали и убивали. Магометъ бѣжалъ въ сочувствовавшую ему Медину, когда ему было 52 года. Это событіе стало *геджрой* или магометанскою эрой (622). Въ Мединѣ Магометъ превратился изъ ханифа въ творца міровой религіи—*ислама* или «покорности» Богу. Такъ какъ арабы переходили тогда же къ государственному быту, то у нихъ водворилась *θеократія* или сліяніе властей духовной и свѣтской. Магометъ вдругъ сталъ жестокимъ воителемъ и коварнымъ политикомъ. Онъ началъ проповѣдывать священную войну. Его первая «мечеть» («мѣсто поклоненія») обратилась въ школу той дисциплины, которая, въ соединеніи съ пыломъ и храбростью бедуиновъ, доставила исламу побѣду надъ полуміромъ.

Исламъ заключается въ *Коранѣ*—«книгѣ» на народномъ языкѣ. Это—мелкія и противорѣчивыя изреченія въ прозѣ и стихахъ, которыя говорилъ пророкъ въ минуты вдохновенія и истерики: ихъ записывали друзья на верблюжьихъ шкурахъ. Коранъ—не только Библія арабовъ, но и сводъ законовъ всѣхъ мусульманъ. Здѣсь все трезво, сухо, практично, общедоступно; Магометъ не опережалъ своего времени; онъ заимствовалъ отовсюду, что и пролагало путь исламу. Сущность ислама—*единобожіе*: нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ—его пророкъ». Аллахъ грозенъ и безличенъ: запрещаются иконы, статуи, музыка. Второю основой ислама служитъ *фатализмъ*, который создалъ эту «религію мужей», но ведетъ къ безстрастію и презрѣнію жизни. Аллахъ предопредѣлилъ каждому возмездіе на томъ свѣтѣ, изображеніе котораго Магометъ заимствовалъ у евреевъ, но придалъ ему чувственный оттѣнокъ. Обрядность ислама—сухое, разсудочное воспроизведеніе военной дисциплины: она состоитъ изъ 4-хъ «столповъ вѣры»—омовеніе, молитва, постъ и паломничество въ Мекку. Магометъ принялъ лунный годъ и пятницу, какъ священный день недѣли. Нравственное ученіе ислама довольно высоко и практично до мелочей. Пятымъ столпомъ вѣры служитъ *зекятъ*—милостыня, которая обратилась въ налогъ для бѣдныхъ. Вообще правовѣрный обязанъ помогать несчастнымъ, выкупать плѣнныхъ, освобождать рабовъ, строить госпитали и школы, садить деревья для путниковъ, заниматься поэзіей и науками, даже покровительствовать животнымъ. Въ видахъ гигіены, онъ долженъ былъ подвергаться еврейскому обрѣзанію, воздерживаться отъ вина, свинины и всего жирнаго. **Исламъ.**

Коранъ воспрещалъ первобытное кровомщеніе, умерщвленіе рабовъ и новорожденныхъ дѣвочекъ и нерѣдко замѣнялъ смертную казнь откупомъ. Въ двухъ только вопросахъ онъ отдавалъ дань бедуинскимъ нравамъ. 1) Онъ сохранилъ *многоженство* и дозволяетъ неограниченное число наложницъ. Женщина создана для мужа, которому она должна быть «вѣрна и послушна», показываясь внѣ дома подъ чадрой, «съ потупленными глазами». А мужъ даже не долженъ питать къ женѣ особенной любви: онъ вправѣ разводиться съ ней и опять сходиться до трехъ разъ, прогонять ее на 4 мѣсяца или заточать дома **Многоженство. Джихадъ.**

и бить; дѣти законны только тѣ, которыхъ признаетъ отецъ. Впрочемъ Магометъ одобрялъ единобрачіе, хотя самъ имѣлъ 25 женъ, кромѣ наложницъ. Коранъ допускаетъ только 4 жены и велитъ содержать ихъ «честно». Онъ опредѣляетъ кнутъ мужу за измѣну. Жена имѣетъ имущественныя права, можетъ жаловаться на мужа и даже требовать развода. Дочери наслѣдуютъ отцу въ половинѣ доли братьевъ. 2) *Джихадъ*, или священная война: мусульманинъ долженъ идти на все для обращенія въ исламъ «гяуровъ», съ которыхъ должно брать и особую подать—«хараджъ». Впрочемъ, преемники Магомета, вручая джихадчикамъ «зеленое знамя» пророка, внушали: «Не будьте жестоки съ побѣжденными; щадите старцевъ, женщинъ и дѣтей; не истребляйте ни плодовыхъ деревьевъ, ни пашенъ». И побѣдители способствовали процвѣтанію покоренныхъ странъ: они облегчали участь рабовъ, внушали трезвость, честность, правдивость, милосердіе, умѣренность. Все это помогало распространенію ислама. Сверхъ того, исламъ поддерживался сначала блестящею культурой арабовъ, потомъ притокомъ свѣжихъ воинственныхъ племенъ. На первыхъ порахъ ему помогало также ничтожество враговъ — персовъ и византійцевъ, соперничавшихъ между собой и до того угнетавшихъ своихъ подданныхъ, особенно еретиковъ, что тѣ сами призывали арабовъ.

Сунниты и шіиты. Пророкъ не оставилъ ни *халифа* (намѣстника), ни завѣщанія. Его Веніаминомъ былъ краса мусульманъ, правдивый, восторженный поэтъ и славный воинъ, Алій. Онъ строго держался Корана и отвергалъ «сунну» (преданіе) — изустныя изреченія, якобы слышанныя «матерью правовѣрныхъ», Айшей. *Сунниты* (теперь—арабы, турки и татары) объявили приверженцевъ Алія *шіитами*, или раскольниками (теперь персіяне). Сунниты одолѣли—и начались чудеса. Арабы получили небывалый военно-ѳеократическій строй. Это—подвижной конный лагерь, который только и зналъ, что драться да молиться. Онъ славился не только отчаянной храбростью и бедуинской ловкостью, но также замѣчательной тактикой, въ особенности же дисциплиной фаталистовъ. Арабы сражались съ Кораномъ въ рукахъ; ихъ воодушевлялъ легіонъ амазонокъ, которыя представлялись воинамъ райскими «гуріями». «Мы любимъ смерть такъ же, какъ другіе любятъ жизнь», говорили удальцы. Эта «священная рать» въ 10 лѣтъ захватила болѣе 30.000 городовъ и крѣпостей. Она отняла у Византіи Сирію и Палестину, разрушила персидское царство Сассанидовъ, основала роскошные центры ислама — Багдадъ, Самаркандъ и Каиръ (на развалинахъ Мемфиса).

Алиды. Имамы и махдіи. Тутъ у мусульманъ разгорѣлось страшное междоусобіе. Во главѣ суннитовъ сталъ могучій и упорный родъ *Омайядовъ*, который задался цѣлью истребить *Алидовъ*. Самъ Алій былъ убитъ коварно; его первенецъ погибъ отъ отравленной одежды, присланной его женѣ. Его второй сынъ, праведный милостивецъ, Гусейнъ, былъ убитъ въ засадѣ близъ Куфа (680). Сюда и теперь собираются персіяне оплакивать своего любимца, предаваясь самоистязанію. А самъ Алій у половины мусульманъ остается народнымъ идеаломъ. Шіиты признали его взятымъ живымъ на небо и вѣчно живущимъ, въ его потомкахъ, воплощеніемъ Аллаха или *имамомъ* («предстателемъ») и *махдіемъ* (пророкомъ, которому «покровительствуетъ» Богъ). Они насчитываютъ 12 имамовъ. Послѣдній изъ нихъ скрывается въ пещерѣ, близъ «Богоданнаго» города— Багдада: персы вѣрятъ, что онъ выйдетъ оттуда и, съ помощью Аиссы, спасетъ міръ отъ грѣховъ, искоренивъ проклятое суннитство.

Омайяды. *Омайяды* царствовали около 100 лѣтъ въ *Дамаскѣ*, куда они перенесли столицу изъ Мекки, этого гнѣзда Алидовъ. При нихъ арабы начали усваивать античную культуру: они призывали ученыхъ и зодчихъ изъ Византіи и переводили греческихъ классиковъ. Арабскій языкъ становился господсвующимъ на Востокѣ. Тогда же халифатъ распространился на всѣ три части

Стараго Свѣта. Арабы покорили часть Индіи, весь Туркестанъ и Арменію и 7 разъ осаждали Византію. Они завоевали кочевыхъ берберовъ и мавровъ (потомки нумидійцевъ и мавританъ), которые слились съ ними и приняли ихъ языкъ, и основали Тунисъ (близъ Карѳагена), Каирванъ, Фецъ и др. города. Они дѣлали набѣги на Испанію и Италію: въ Испаніи всѣхъ мусульманъ называли «*маврами*», въ Италіи—«*сарацинами*» (восточными). Наконецъ, въ Испаніи возникло цѣлое царство Омайядовъ, подъ именемъ *кордовскаго халифата* (755). Но въ самомъ Дамаскѣ положеніе Омайядовъ пошатнулось. Они увлеклись примѣромъ Персіи и Византіи—завели восточный султанатъ. И всюду вспыхивали мятежи, во главѣ которыхъ стали, наконецъ, сильные родственники Алидовъ, персидскіе *Аббасиды*, которые уничтожили Омайядовъ.

При Аббасидахъ, царствовавшихъ лѣтъ 500, до конца арабскаго господства (750—1258), внѣшность государства мало измѣнилась. Но важно, что тотчасъ возникла должность *визиря*, своего рода майоръ-дома; и она стала наслѣдственной въ персидскомъ родѣ Бармекидовъ. Уже это указывало на вырожденіе самихъ халифовъ. Сила Аббасидовъ держалась только до смерти *Гаруна-ар-Рашида* (809), или Справедливаго, перенесшаго столицу въ *Багдадъ*, который сталъ самымъ роскошнымъ городомъ въ мірѣ; вопреки Корану, этотъ тщеславный халифъ воскресилъ быть древнихъ царей Востока. Онъ велъ также непрерывныя войны. Тяжелые налоги до того угнетали правовѣрныхъ, что начались возстанія. Отъ Инда и Арала до Атлантики возникали мимолетныя царства, среди кровавыхъ усобицъ — знакъ, что приближалось разложеніе пышнаго владычества Аллахова пророка. Аббасиды.

Но все это было лишь намекомъ на будущую жестокую реакцію. Покуда же все рвалось къ жизни и развитію. По всему исламскому міру проходила горячею струей мятежная кровь даровитой, юной арабской націи, которая привлекала даже христіанскія массы своей сравнительной добротой и справедливостью, одушевляла всѣхъ высшими стремленіями. Съ самаго начала арабы выказывали уваженіе къ знаніямъ: даже самые деспотичные халифы были Меценатами. Съ самаго начала арабами овладѣвала страсть къ разсужденіямъ, сказавшаяся въ ересяхъ. И уже съ Омайядовъ замѣчаются зачатки знаменитой *арабской культуры*, которая была самымъ раннимъ возрожденіемъ классицизма. Но ея расцвѣтъ—дѣло слѣдующаго періода.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

II. Феодализмъ. Папа и императоръ. Арабская культура. Около 800—1100.

Второй періодъ средневѣковья открывается крупной личностью *Карла Великаго*, оставившаго глубокій слѣдъ въ исторіи и въ поэтическихъ сказаніяхъ всѣхъ народовъ. Этотъ человѣкъ, замѣчательный и какъ характеръ, служилъ первымъ воплощеніемъ стремленія Запада, къ образованію сознательнаго цѣлаго, связаннаго общей культурой, покидающаго первобытную хаотическую разрозненность. Такъ какъ такое стремленіе народовъ было юношескимъ, скороспѣлымъ порывомъ, то въ личности, и въ судьбѣ Карла и его творенія отразились и вся его величавость, и вся его непрочность. Какъ не разъ случалось въ исторіи, такая личность, выражая всеобщее чутье, хватала впередъ, намѣчала тѣ задачи человѣчества, которыя могли быть разрѣшены лишь въ будущемъ, послѣ тяжелой борьбы съ пережитками предшествовавшаго строя жизни. Въ этомъ смыслѣ, Карлъ поистинѣ заслуживаетъ Карлъ Великій.

названія Великаго: и его имя даже теперь означаетъ у славянъ «короля» (какъ у римлянъ «августъ» и «цезарь»), а у французовъ слилось съ титуломъ «великій» (Charlemagne — Carolus Magnus). Какъ другіе подобные же герои исторіи, Карлъ долженъ былъ совмѣщать въ себѣ всѣ стороны жизни.

Карлъ Великій—Петръ Великій Запада, и по своему обличію, и по значенію. Подобно нашему богатырю, онъ самъ воспиталъ себя, вскакивая по ночамъ, чтобы учиться писать. Подобно ему, онъ, вѣчно свѣжій и дѣятельный, неутомимо работалъ, какъ воинъ, правитель и просвѣтитель народа, самолично носясь изъ края въ край огромной державы, хозяйски провѣряя своихъ помощниковъ. Весь отдаваясь общей пользѣ, онъ грозно заставлялъ всѣхъ тянуть государственное тягло, но въ гору то тянулъ онъ одинъ. А его ученый другъ, Алькуинъ, жалуется, что у императора было «не столько учителей, сколько предателей». Карлъ затрогивалъ всѣ стороны жизни: онъ до мелочей всему училъ своихъ подданныхъ, какъ дѣтей. Какъ Петръ съ Запада, такъ онъ изъ Италіи жадно заимствовалъ всякіе признаки цивилизаціи, часто увлекаясь внѣшностью, какъ геніальный ребенокъ: но онъ всегда былъ нѣмецъ душой, страстно любилъ родныя пѣсни и свой Ахенъ. Крайне религіозный человѣкъ, онъ былъ трезвый практикъ и поклонникъ свѣтской образованности. Западный великанъ, какъ и нашъ, былъ смиреннымъ орудіемъ исторіи: у него не было строгой системы собственнаго измышленія; все шло опытомъ, по требованію обстоятельствъ, все было продолженіемъ дѣла предмѣстниковъ, особенно Пипина Малаго, этого Алексѣя Михайловича Запада. А главное, Карлъ хотѣлъ, подобно Петру, съ страстнымъ порывомъ генія, сразу осуществить великій идеалъ, лишь смутно зарождавшійся въ обществѣ.

Возстановленіе Римской имперіи.

Этотъ идеалъ представлялъ богатырскую и животворную попытку—даровать міру благо высшаго *сплоченія*, упорядоченія жизни, опредѣленнаго культурнаго типа. Карлъ задумалъ вдругъ создать новую, стройную и прочную Европу среди еще сильнаго хаоса переходной поры. Эта мысль была навѣяна, какъ чутьемъ варваровъ, такъ и гордыми воспоминаніями Римской имперіи и дѣтскимъ сознаніемъ христіанской души. Величавая мысль была проведена, какъ дѣло Петра, изумительно успѣшно: новыя всеобъемлющія идеи и учрежденія пережили ихъ дерзкаго творца, служа цѣлью, къ которой стремились народы во всѣ средніе вѣка. IX-й вѣкъ начался воскресеніемъ великой *Римской имперіи*. Папа Левъ III короновалъ Карла «римскимъ императоромъ» (800). Этотъ императоръ и папа были названы двумя «мечами христіанства»—свѣтскимъ и духовнымъ: они совмѣстно должны были водворять «царство Божіе на землѣ». И объединившійся Западъ Европы отдѣлился отъ Востока: византійскій императоръ сталъ называться уже не римскимъ, а греческимъ. Вскорѣ и христіанство распалось на двѣ *церкви — западную* (латинскую, римско-католическую) и *греко-восточную*.

Карлъ ревностно водворялъ царство Божіе, распространяя и свои владѣнія, по возможности, до предѣловъ Римской имперіи. Онъ лѣтъ 30 крестилъ огнемъ и мечемъ язычниковъ *саксовъ* и *славянъ*, жившихъ между Эльбой и Одеромъ, а также полудикихъ *аваровъ*; онъ ходилъ крестовымъ походомъ и на арабовъ за Пиренеи и завелъ флотъ для истребленія ихъ пиратовъ. Чтобы укрѣпить отдаленныя границы, Карлъ устраивалъ *марки* или Украйны. Бранденбургская, Австрійская, Испанская марки заселялись нѣмецкими колонистами, которые строили «бурги» (крѣпостцы). Наконецъ, Карлъ уничтожилъ лонгобардское королевство и короновался «желѣзною короной».

Идеальная монархія. Феодализмъ.

Еще важнѣе была внутренняя дѣятельность Карла. Онъ и здѣсь имѣлъ въ виду свой идеалъ—создать единую *монархію* для всего Запада, на основѣ *христіанства*. Онъ старался уничтожать племенныхъ герцоговъ и аллодіальныхъ владѣльцевъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ верховную власть. Карлъ

издавалъ «капитуляріи» —законы для всей имперіи; онъ захватилъ верховный судъ и администрацію черезъ своихъ графовъ и маркграфовъ, за которыми смотрѣли особые «государевы посланцы». Карлу подчинялась и церковь: онъ утверждалъ папъ, которые присягали ему, судилъ и назначалъ своихъ владыкъ, созывалъ франкскіе соборы. Наконецъ, Карлъ измѣнилъ весь общественный строй, развивши ленную систему. При вѣчныхъ войнахъ, ему требовалось много войска, а добыча доставляла ему много земель для пожалованія. Но одна земельная связь съ служилыми была недостаточна—и Карлъ усилилъ прямую, *личную* связь между ленниками и господиномъ. Ленникъ самъ являлся къ господину «рекомендоваться» и совершалъ «оммажъ», — обрядъ, по которому онъ становился «человѣкомъ», «вассаломъ» или «барономъ» (мужъ, дружинникъ) господина, получившаго названіе «сеньора» (старшій) или «сюзерена». Сеньоръ давалъ своему вассалу, помимо ленной грамоты, еще «инвеституру» — «облеченіе» властью черезъ врученіе духовному лицу посоха и перстня, а свѣтскому — копья. Это значило, что господинъ жаловалъ своего человѣка «феодомъ» (герм. fe — плата, жалованье), пожизненное, за вѣрную службу. Эта новая система и называется *феодализмомъ*. Личный договоръ быстро охватывалъ все общество. Къ 1000 году уже всѣ были или «непосредственными» (прямо связанными съ королемъ) вассалами, или «подвассалами», т. е. ленниками ленниковъ: въ феодальную цѣпь втягивались даже рабы и женщины. И уже отдавались въ феодъ не однѣ земли, но и разныя права, даже должности.

Каролинги. Начало національностей.

Но феодализмъ же, выгодный для Карла Великаго, оказался главнымъ орудіемъ разрушенія его дѣла. Вассалы быстро усиливались, стараясь обратить короля въ свою игрушку. Карлъ самъ вредилъ своему дѣлу и съ другихъ сторонъ. Онъ полагалъ основы *націонализма*, объединяя германцевъ, которые руководились до него лишь племеннымъ чувствомъ; а это вело къ распаденію его громадной, разнородной имперіи. Подобно Меровингамъ, онъ подѣлилъ и имперію между своими сыновьями. Отсюда усобицы среди Каролинговъ, напоминающія нашъ удѣльный періодъ. И, лѣтъ 30 спустя по смерти Карла Великаго, его держава распалась между его внуками, по договору въ Верденѣ (843). Людовикъ «Нѣмецкій» получилъ *Германію* (бывшая Австразія), Карлъ Лысый — *Францію* (Невстрія), причемъ первый присягалъ по-французски, второй по-нѣмецки. Третьему брату, Лотарю, досталась *Италія* (Ломбардія), къ которой ненадолго были присоединены земли, раздѣлявшія владѣнія остальныхъ братьевъ—Лотарингія и Бургундія.

Феодализмъ во Франціи.

Каролинги царствовали во Франціи лѣтъ 100, въ Германіи лѣтъ 50, въ Италіи и того меньше. То была самая печальная пора въ исторіи этихъ странъ. Во Франціи быстро развивался феодализмъ: Каролинги, какъ и Меровинги, охотно раздавали лены въ не родной, завоеванной странѣ; а набѣги норманновъ и арабовъ развивали подвассальность. Клиръ, верхи котораго сливались съ феодалами, также образовалъ какъ бы государство въ государствѣ: онъ повиновался «творцамъ королей», архіепископамъ реймскимъ, и создалъ монастырь Клюни—этотъ оплотъ папизма и аскетизма. Франція, гдѣ еще не изгладилась и племенная рознь, распалась на кучу сеньерій, во главѣ которыхъ стояли Нормандія, Бретань, Лотарингія, Бургундія, Шампань и Аквитанія. Все это дралось между собой и выступало противъ королей, у которыхъ не было ни войска, ни денегъ, да и земли то почти не оставалось ничего, кромѣ герцогства «Франціи».

А Каролинги напоминали послѣднихъ Меровинговъ. При нихъ роль майоръ-домовъ играли доблестные герцоги Франціи, одинъ изъ которыхъ, Гюгъ Капетъ, сталъ, наконецъ, королемъ (987). Такъ воцарилась во Франціи «третья раса» или династія *Капетинговъ*, продержавшаяся $3^1/_2$ вѣка. Эти

новые люди, трезвые и даровитые, поняли необходимость возстановить монархизмъ Карла Великаго, но въ собственныхъ предѣлахъ, не увлекаясь міродержавіемъ. Они начали подавлять феодаловъ. Имъ помогалъ народъ, а также духовенство, которое переродилось. Клиръ возсталъ противъ своеволія вельможъ и началъ мечтать о «вольностяхъ *галликанской* церкви», т. е. о независимости отъ папства.

Паденіе Италіи и папства. Еще хуже было, при Каролингахъ, въ Италіи. Феодализмъ расцвѣлъ здѣсь съ особенной силой: «капитаны» (главари) и владыки были настоящими разбойниками, отъ которыхъ не было житья ихъ собственнымъ «вальвассорамъ» (подвассаламъ). Смутамъ содѣйствовали пестрота и черезполосица владѣній да стремленіе папъ къ міродержавію. На сѣверѣ преобладали города, уже превращавшіеся въ республики, а также торговля и промышленность, на югѣ — аристократія и земледѣліе; средина полуострова кишѣла «герцогами», потомками лонгобардовъ. Наконецъ, Неаполь принадлежалъ еще Византіи, Апулія стала достояніемъ норманновъ, а Сицилія была завоевана сарацинами. Папство держалось идеала Карла Великаго лишь лѣтъ 50, особенно при Николаѣ I, принявшемъ *лже-исидоровы декреталіи*, по которымъ папамъ должны были подчиняться даже соборы и императоры. Затѣмъ настало небывалое паденіе папства, которое длилось почти два вѣка.

Въ Германіи. Въ каролингской Германіи было споснѣе жить: феодализмъ развивался медленнѣе, сохранялась патріархальность быта. Но и здѣсь королевская власть таяла съ каждымъ днемъ, тѣмъ болѣе, что древнее ополченіе замѣнялось ленниками съ ихъ дружинами. Короли жаловали феодаламъ еще «иммунитеты» (изъятія), или привиллегіи, которыя частью освобождали ихъ отъ повинностей, частью доставляли верховныя права. Въ то же время сеньоры обращали свои лены въ аллоды. Такъ вассалы становились разомъ помѣщиками, и государями: передъ ихъ замками стояли висѣлицы. Высшая знать присвоила себѣ право назначать государей и избирать ихъ, хотя династіи сохранялись по обычаю. Четыре герцогства стали такъ могущественны, что ихъ называли королевствами: это — Баварія, Швабія, Франконія и Саксонія. Все это, конечно, вело къ анархіи, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Этимъ пользовались внѣшніе враги, особенно норманны и славяне. Около 900 г. сами Каролинги призвали еще, противъ славянъ, венгровъ или мадьяръ, подходившихъ тогда съ Урала на смѣну аварамъ; эти кочевники стали новымъ бичемъ Германіи.

Священная римско-нѣмецкая имперія. Вѣчная борьба съ венграми и славянами осложняла задачу монархизма въ Германіи. Нѣмцы, сверхъ того, увлекались міродержавіемъ: императорство вовлекало ихъ въ интересы Италіи и въ борьбу съ папствомъ. Къ тому же, здѣсь не было и зародышей націонализма: преобладалъ старый племенной бытъ, вызывавшій соперничество между герцогами. Во главѣ послѣднихъ стояли родственники Каролинговъ, герцоги саксонскіе и франконскіе; ихъ то и избирали въ короли. *Саксонская* династія правила болѣе 100 л. (919—1024). Сначала она старалась оградить страну отъ усобицъ и внѣшнихъ враговъ: учреждались новыя марки (Шлезвигъ — противъ датчанъ), строились бурги, изъ которыхъ выростали города, была присоединена Лотарингія; славянъ истребляли массами, и чешскій и польскій князья стали вассалами нѣмецкаго короля. Но вслѣдъ затѣмъ Саксонцы увлеклись міродержавіемъ: они мечтали поднять падшее папство и, съ его помощью, овладѣть всѣмъ христіанствомъ.

Одинъ изъ Саксонцевъ, *Оттонъ I*, былъ даже названъ *Великимъ*: онъ вполнѣ подражалъ Карлу Великому. Оттонъ какъ бы вторично возстановилъ Западную Римскую имперію, только съ новымъ титуломъ: такъ какъ это было исключительно дѣломъ нѣмецкаго короля и папы, то ее назвали *Священной римско-нѣмецкой имперіей* (962), И Оттонъ сталъ первымъ государемъ Запада по внѣшности. Его пышный дворъ ослѣплялъ своимъ бле-

скомъ народъ, создавшій много сказокъ про «Великаго» и его жену, образованную бургундскую принцессу, Аделаиду. Но вѣчные походы отъ Праги до Парижа, отъ Даніи до Капуи, въ особенности же «римскіе», истощали Германію и поселяли ненависть къ нѣмцамъ въ сердцахъ сосѣдей, особенно итальянцевъ. А этимъ пользовались феодалы, которые строили себѣ много крѣпкихъ замковъ, утверждали наслѣдственность леновъ и не только дрались между собой, но и возставали противъ императора. Чтобы бороться съ ними, Оттонъ, въ особенности же его набожные преемники, всячески усиливали духовенство. А восточные враги ободрились; Венгрія и Польша стали сильными королевствами.

Генрихъ IV и возрожденіе церкви.

Гибельныя слѣдствія такой политики достигли крайнихъ размѣровъ при *франконской* или *салической* династіи, которая правила Германіей также 100 лѣтъ (1024—1125). Императорство позорно пало при третьемъ Салійцѣ, *Генрихѣ* IV. Этотъ несчастный государь, оставшійся 6-лѣтнимъ сиротой по смерти отца, былъ испорченъ вельможами и прелатами, которые нарочно дали ему самое дурное воспитаніе, чтобы править его именемъ. Достигнувъ 15-ти лѣтъ, онъ оказался злымъ и развратнымъ деспотомъ. Онъ началъ угнетать и феодаловъ, и народъ; а для пополненія казны, истощенной его роскошью, онъ грабилъ церковь; особенно прибѣгалъ онъ къ безбожной симоніи (продажѣ церковныхъ мѣстъ). Вдругъ раздался грозный голосъ папы, призывавшій зазнавшагося свѣтскаго властителя на судъ въ Римъ (1075).

Церковь, наконецъ, возродилась послѣ долгаго упадка. Этого требовали народы, которые не только искали защиты отъ феодаловъ и идеала нравственности, но и нуждались въ христіанскомъ единствѣ, въ виду усиленія ислама. Всюду ощущалась потребность въ *церковной реформѣ*. Ея выразителемъ явился монастырь въ *Клюни*, близъ Ліона. Эти строжайшіе иноки, соблюдавшіе даже обѣтъ молчанія, затмили бенедиктинцевъ. Ихъ вліяніе отражалось всюду, отъ Испаніи до Польши, и во всемъ—отъ политики до литературы и искусства: Клюнійцы ввели «Божій миръ» (1041), т.-е. воспрещеніе кровопролитія съ четверга до понедѣльника. Но ихъ главною задачей было очищеніе церкви и превознесеніе папства. Эта потребность времени нашла достойнаго выразителя въ клюнійцѣ *Гильдебрандѣ*, сынѣ тосканскаго крестьянина. Этотъ желѣзный монахъ и неразборчивый въ средствахъ политикъ самоотверженно служилъ идеѣ, созданной такими папами, какъ Григорій I. И, ставши папой *Григоріемъ VII*, онъ лѣтъ 15 владѣлъ всѣмъ католичествомъ.

Преобразованія Григорія VII.

Григорій VII круто, фанатично повернулъ дѣло: его церковную реформу можно назвать ѳеократической утопіей. Вотъ ея основы. 1) Папъ избираетъ самъ св. Духъ черезъ «князей церкви», или *кардиналовъ* (такъ назывались главныя власти въ Римской имперіи); и эти выборы никѣмъ не утверждаются. Кардиналы, облеченные въ пурпуръ, пожизненны; они составляютъ совѣтъ и министерство папы. 2) Запрещается *симонія;* и лица, виновныя въ ней, немедленно лишаются своихъ мѣстъ. Владыки избираются мѣстнымъ духовенствомъ, низшій клиръ—народомъ; но требуется согласіе папы, который руководитъ выборами и низлагаетъ недостойныхъ іерарховъ. 3) Вводится *целибатъ*, или безбрачіе, которое было правиломъ съ IV-го вѣка, но давно забылось. Женатые священники должны были сейчасъ же развестись съ своими женами и отказаться отъ своихъ дѣтей. 4) *Монашество* выдвигается на первый планъ, какъ главная опора папства. Григорій освободилъ его отъ власти епископовъ и подчинилъ уставу клюнійцевъ. 5) *Духовная власть выше свѣтской*. Папа не подчиненъ никому, ни даже собору, а государи зависятъ отъ него: онъ можетъ судить и наказывать ихъ. Папа самъ коронуется «тіарой» (соединеніе митры съ двойною, а потомъ съ тройною короной); а императоръ получаетъ корону отъ папы, «какъ луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца»; и онъ

долженъ платить за нее, какъ за ленъ, данями и послушаніемъ. *Инвеститура* отходитъ къ папѣ, т.-е. у свѣтской власти отнимается половина Европы и главный доходъ, и вся феодальная система подрывается въ корнѣ. Оттого всѣ послѣдовавшіе ужасы названы «борьбой за инвеституру».

Значеніе борьбы за инвеституру.

Григорій VII вѣрилъ въ свое дѣло, какъ божественное призваніе, и слѣпо брался за всякія средства. Онъ нарушалъ всѣ права и преданія, даже завѣты апостоловъ, ломалъ самую человѣческую природу, дружилъ съ бандитами и евреями-ростовщиками, подкупалъ, подстраивалъ мятежи, сыпалъ лживыми обѣщаніями, съ легкимъ сердцемъ проливалъ кровь. И папство побѣдило. Но чего это стоило! Борьба охватила весь католическій міръ и потрясла его до основанія. Борьба шла и на поляхъ битвы, и на городскихъ улицахъ, и въ литературѣ. Она отражалась по всей Европѣ, лишь сосредоточиваясь въ Италіи и Германіи.

Противъ Григорія поднялись всѣ властительные владыки, бароны и капитаны, патриціи городовъ, а также императоръ съ своими нѣмцами. За Григорія стали крестьяне, рабочіе и мастеровые, рыцари и вальвассоры, да фанатичные монахи и схоластики. Его могучими союзниками были всеобщая религіозность и патріотизмъ итальянцевъ, жаждавшихъ сбросить съ себя чужеземное иго.. Его твердыми опорами оказались набожные воины, норманны, въ южной Италіи, да питомица клюнійцевъ, «поборница апостолическаго престола», маркграфиня тосканская, Матильда, которая владѣла почти всею средней Италіей и превратила свой замокъ, Каноссу, въ очагъ итальянскаго просвѣщенія.

Торжество папства. Каносса.

Григорій быстро подчинилъ себѣ всю Италію, затѣмъ налегъ своей властью почти на весь католическій міръ. Въ Германіи онъ сажалъ іерарховъ и вводилъ уставъ Клюни. Венгрія, Бельгія, Польша, Данія стали его вассалами. Онъ поставилъ короля Далмаціи и «по праву св. Петра» даровалъ вѣнецъ Изяславу, потерявшему Кіевъ. Съ его благословенія Англія была завоевана норманнами; а въ Испаніи всякая земля, отнятая у мусульманъ, становилась его достояніемъ; и во Франціи онъ вмѣшивался въ государственныя дѣла. А непокорныхъ государей Григорій всенародно называлъ «хищными волками, слугами дьявола», и ежедневно грозилъ имъ отлученіемъ. Онъ вошелъ даже въ сношенія съ Византіей, которая просила помощи противъ ислама, и замышлялъ лично вести всю Европу на освобожденіе Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ.

Отовсюду стекались въ Римъ благочестивые странники и государскіе посланцы, чтобы поцѣловать туфлю св. отца и положить къ его ногамъ свою лепту—«грошъ св. Петра». Оставалось только торжественно, передъ всѣмъ міромъ, унизить свѣтскую власть: и Григорій призвалъ къ себѣ на судъ Генриха IV. Когда тотъ не послушался, онъ отлучилъ его отъ церкви и освободилъ его подданныхъ отъ присяги. Въ Германіи набожный народъ отшатнулся отъ проклятаго; испуганные іерархи принесли раскаяніе папѣ; вельможи обрадовались случаю ослабить королевскую власть и заточили своего тирана въ замокъ. Генрихъ бѣжалъ и, среди зимы, съ семьей, кое-какъ перебрался черезъ Альпы. Онъ нашелъ Григорія въ *Каноссѣ* и принесъ тамъ самое унизительное покаяніе (1077). Неумолимый папа съ трудомъ простилъ его, по просьбѣ Матильды.

Исходъ міровой борьбы.

Но борьба длилась еще лѣтъ 50, какъ при жизни Генриха IV, такъ и при его сынѣ. Германія превращалась въ развалины; въ Италіи погибали остатки античной культуры. Наконецъ, обѣ стороны истощились и послѣдовалъ *вормскій конкордатъ* (1122): избраніе владыкъ предоставлялось клиру съ народомъ, безъ вмѣшательства Рима, а императоръ отказывался отъ посвященія ихъ перстнемъ и посохомъ, жалуя ихъ лишь землями и свѣтскими правами посредствомъ скипетра. Такъ произошло раздѣленіе властей. Великая

борьба привела къ сокращенію свѣтской власти: императоръ уже не могъ ставить папъ и іерарховъ. Но и торжество папства было неполное. Ѳеократическій идеалъ Григорія VII не осуществился: сохранилась связь духовенства съ государствомъ!

Вормское соглашеніе, какъ плодъ взаимныхъ уступокъ, вскорѣ стало поводомъ къ новымъ распрямъ. Папы, и подконецъ самъ Григорій, умершій въ изгнаніи у норманновъ, вынесли много униженій отъ нѣмцевъ, и ихъ Римъ лежалъ въ развалинахъ, а рядомъ подымались сильныя республики на сѣверѣ Италіи, съ Миланомъ во главѣ, и грозные норманны—на югѣ.

Норманнская эпоха.

Такъ, въ срединѣ Европы шла жестокая борьба между міровыми силами исторіи, содѣйствовавшая развитію феодальнаго хаоса. Другое движеніе происходило по окраинамъ: новые народы стремились пробиться къ свѣту исторіи. Съ востока и юга поднимались славяне, венгры и арабы, подрывавшіе ветхую Восточную римскую имперію; на сѣверѣ, западѣ и отчасти также на югѣ наставала норманнская эпоха. *Норманны* даже на своей родинѣ перешли отъ родового и племенного быта къ государственному, чему способствовало христіанство, проникшее туда уже при Карлѣ Великомъ. У нихъ образовались три націи—свевы (шведы), норвеги и даны (датчане). Внутреннія неурядицы содѣйствовали переселеніямъ: тогда-то Скандинавія особенно прославилась *походами викинговъ*, особенно при слабыхъ Каролингахъ. Норманны доходили до Кёльна, Лиссабона и Севильи, захватили берега Ирландіи и Шотландіи, а также Исландію и Гренландію, открыли Винландію (Сѣверную Америку) и доплывали до Малой Азіи, гдѣ встрѣчались съ земляками, прибывавшими черезъ Россію и Византію.

Нормандія и Неаполь.

Норманны пріобрѣли историческое значеніе во Франціи, Италіи и Англіи. Французскій Каролингъ принужденъ былъ уступить имъ пустынную землю, названную герцогствомъ *Нормандіей* (911). Здѣсь норманны быстро слились съ туземцами, даже усвоили ихъ языкъ и превратили страну въ средоточіе французской культуры. Нормандія стала какъ бы ульемъ скандинавовъ, которые разлетались отсюда роями. Прежде всего, они создали цѣлое государство на югѣ Италіи, прогнавъ грековъ и сарацинъ и ставши оплотомъ папства (1053). Такъ началось роскошное *Неаполитанское королевство*. Здѣсь, наряду съ языкомъ и феодализмомъ Франціи, развились промыслы, торговли, науки и искусства. Палермо соперничалъ съ Венеціей въ торговлѣ. Норманны лелѣяли культуру грековъ и сарацинъ, занимавшихъ у нихъ даже высокія мѣста. У нихъ развился романтическій бытъ, подернутый оттѣнкомъ восточной пышности и нѣги. Но онъ ослабилъ суровыхъ норманновъ: не прошло и 150 л., какъ Неаполь перешелъ къ нѣмецкимъ Гогенштауфенамъ (1186).

Англичане. „Желѣзные короли".

Норманны сыграли еще болѣе важную роль на противоположной окраинѣ Европы—въ Англіи. Тамъ сначала дѣйствовали *даны*. Сначала англосаксы сдерживали ихъ, благодаря своему герою, внуку Экберта, *Альфреду Великому*, который завелъ флотъ, сдѣлалъ столицей «городъ кораблей»—Лондонъ, утвердилъ судъ 12-ти присяжныхъ, ничего не жалѣлъ для просвѣщенія страны. Но по смерти этого благороднаго труженника на тронѣ (ок. 900), настали усобицы между феодалами и разными частями королевства. Этимъ воспользовался *Канутъ Великій*, король Даніи, съ котораго началась въ Англіи эпоха иноземныхъ государей (1016—1204). Подъ этимъ игомъ сложилось національное единство *англичанъ*, а связь съ материкомъ доставила имъ европейскую культуру и матеріальное довольство. Англичане дружно возстали противъ дановъ и возстановили на престолѣ потомка своего Альфреда, *Эдуарда*, прозваннаго за набожность *Исповѣдникомъ*: онъ основалъ Вестминстерское аббатство въ духѣ Клюни. Но этотъ Эдуардъ былъ послѣднимъ отголоскомъ независимости англосаксовъ; оттого онъ окруженъ въ преданіяхъ

вѣнцомъ благодати: «добрые законы Исповѣдника» значило, вообще, золотое времячко.

Послѣ Эдуарда англичане снова понесли норманское иго. На этотъ разъ викинги приплыли изъ Нормандіи. Ихъ привелъ послѣдній изъ «морскихъ воиновъ», жестокій богатырь *Вильгельмъ Завоеватель*. Онъ быстро захватилъ всю Англію (1066) и подѣлилъ ее съ своими дружинниками. Но онъ далъ имъ мелкіе участки и вразбивку. Онъ грозно повелѣвалъ своими феодалами и не побоялся ввести латынь въ церквахъ и французскій языкъ при дворѣ, судахъ и школахъ; онъ велѣлъ даже англичанамъ бросить національное платье и брить бороды. Его и его дѣтей прозвали «желѣзными королями». Но сынъ же Вильгельма, *Генрихъ I*, далъ англичанамъ хартію или жалованную грамоту (1100) за то, что они поддержали его въ борьбѣ съ старшимъ братомъ. Король обязывался соблюдать законы Эдуарда и не притѣснять бароновъ, которые обѣщали то же для своихъ подчиненныхъ. Была дана хартія и Лондону, утверждавшая самосудъ горожанъ и «гильдіи» или торговыя общества. Даже многія мѣстечки получили грамоты, даровавшія имъ самоправленіе.

Славянскій и греческій вопросы. На восточныхъ окраинахъ Запада также создавалась историческая жизнь. Выступалъ *славянскій* вопросъ. Славяне не только переходили къ христіанству и государственному быту, но и вліяли уже на Европу. Такъ, нѣмцы, испугавшись ихъ усиленія, призвали *венгровъ*. Подъ ихъ вліяніемъ, эти кочевники быстро образовали государство, приняли католицизмъ (ок. 1000 г.) и обзавелись феодализмомъ: королевство было подѣлено на «комитаты» (графства), съ «магнатами» (боярами) во главѣ, которые ограничили королей сеймами. Нѣмцы заселили города и обратили Венгрію въ вассала Германіи. Венгры врѣзались клиномъ въ славянство, нарушили его цѣльность—и его западная вѣтвь подпала, вмѣстѣ съ ними, нѣмецко-папскому вліянію. Въ то же время восточные и южные славяне подчинились византійскому вліянію.

Но и сама *Византія* много терпѣла отъ нихъ. Они захватывали тучныя земли внутри страны, вытѣсняя грековъ къ берегамъ: тогда даже Пелопонесъ сталъ называться на Западѣ «Мореей». Впрочемъ, славяне легко поддавались византійской культурѣ. Такъ, эллинизмъ сплачивалъ ветшавшую Восточную имперію. Къ тому же велъ абсолютизмъ, который тогда окончательно выработался въ Византіи и подавилъ иконоборство. Новая, *македонская*, династія представляла своего рода возрожденіе націи, длившееся два вѣка (867—1057). Македонцы развили искусную дипломатію, которая перешла въ Венецію, а оттуда во всю Европу. Они отвоевали Сирію у арабовъ, остановили напоръ русскихъ, погубивъ Святослава, разрушили болгарское царство, становившееся грознымъ. Ихъ вассалами числились и ломбардскіе герцоги южной Италіи, и итальянскія республики съ Венеціей во главѣ, и сербы, и кавказскіе народцы, и арабскіе эмиры Малой Азіи, и цари Арменіи. Западные императоры старались породниться съ ними. Византія процвѣтала и культурно. Константинополь все еще былъ центромъ міровой торговли. Греки превосходили Западъ не только въ земледѣліи, особенно благодаря своимъ славянамъ, но также въ издѣліяхъ роскоши и вкуса. Они все еще первенствовали въ наукахъ и искусствахъ, какъ хранители античности и учителя Запада. Аѳины все еще считались міровой школой: сюда стекались ученики изъ Грузіи, Парижа и Лондона. А университетъ въ Константинополѣ посѣщался даже арабскими студентами. И здѣсь свѣтила учености воспитывались на Платонѣ да Аристотелѣ. Вліяніе византійскаго искусства было замѣтно всюду—отъ Грузіи и Арменіи до Венеціи, Рима, Апуліи (гдѣ въ X-мъ в. говорили по гречески) и Франціи.

Паденіе византинизма. Но подконецъ существованіе Византіи становилось уже вопросомъ. Ее истощала непрерывная борьба съ цѣлой тучей внѣшнихъ враговъ. Росла рознь

между греческимъ Востокомъ и латинскимъ Западомъ Европы: подконецъ обѣ церкви совсѣмъ отдѣлились другъ отъ друга (1054). И крестовые походы Запада были направлены противъ грековъ столько же, сколько и противъ мусульманъ. Предѣлы Византіи уже ограничивались почти только Греціей, Ѳракіей и Македоніей. Ея морское владычество переходило къ расцвѣтавшимъ республикамъ —къ Венеціи, Генуѣ и Пизѣ, которыя захватили лучшую, «левантскую», торговлю въ самомъ Константинополѣ. Византійцы назывались уже не эллинами, а *ромейцами* и употребляли «ромайкосъ» — испорченный греческій языкъ, вродѣ кухонной латыни. Падала и византійская культура. Ученые стали «полигисторами» (всезнайками) или грамматиками,—кропотливыми сборщиками всякихъ свѣдѣній, безъ связи и творческой мысли. Историки отличались напыщенностью и невѣжествомъ, «базилики» (законы) — искаженіемъ римскаго права, богословы—вычурностью догматическихъ преній. За исключеніемъ народныхъ пѣсенъ, поэзія стала стихотворной прозой, проникнутой педантизмомъ лжеучености. Въ ней господствовалъ романъ—образецъ софистики и неестественности на жалкомъ жаргонѣ. Въ искусствѣ насталъ застой отъ забвенья античныхъ завѣтовъ. Живопись перешла, при иконоборцахъ, въ Римъ: по преданію, патріархъ перекинулъ папѣ, черезъ море, ликъ Христа. Измѣнялась даже античная одежда по восточному: только гречанки наряжались, какъ римлянки, до XIII-го вѣка, да и то впадали въ роскошь и пестроту.

Такъ падалъ пышный и надменный византинизмъ. Подконецъ тронъ Восточной римской имперіи расшатался отъ придворныхъ революцій: однажды явилось разомъ пять императоровъ и настало господство женщинъ да евнуховъ. А послѣ македонцевъ воцарилось 25-лѣтнее безначаліе, пока престоломъ не овладѣли *Комнены*. Но имъ было не подъ силу бороться со свѣжими заступниками ислама—съ турками. Комнены просили помощи на Западѣ—и начались гибельные для Византіи же крестовые походы.

Исламскій вопросъ. Мавры и испанцы. Такъ, къ концу періода на первый планъ выступалъ исламскій вопросъ. Онъ принималъ новую форму: дѣло шло уже не о господствѣ арабовъ. Оно изчезало, и, прежде всего, на Западѣ, подъ напоромъ новыхъ христіанскихъ государствъ. Тогда рухнуло не одно владычество сарацинъ въ Италіи, вытѣсненныхъ норманнами: вымирала и сила мавровъ въ Испаніи. *Кордовскій халифатъ* падалъ. Здѣсь Омайяды вырождались такъ же, какъ Аббасиды въ Багдадѣ, предоставляя правленіе визирямъ. Арабскій элементъ слабѣлъ; высшія мѣста занимали евреи и христіане; гвардію наполняли проходимцы, въ особенности изъ «сакалибовъ» (sclavi, славяне). Развивался восточный деспотизмъ съ его спутниками—бунтами народа и крамолой эмировъ. Вѣротерпимость смѣнялась фанатизмомъ, который разжигала упорная борьба съ христіанами. Наконецъ, Омайяды сами отреклись отъ престола—и халифатъ распался на 19 мелкихъ царствъ (1031). Да и тѣ, лѣтъ 50 спустя, стали добычей арабскихъ «пустынниковъ»—*Моравидовъ*, полудикихъ фанатиковъ, нахлынувшихъ изъ Африки. Конечно, христіане пользовались ослабленіемъ магометанъ. Они все расширяли свое владѣньице въ Астуріи. Они усѣяли сосѣднія горы крѣпостями (castella): и Астурія превратилась въ *Кастилію* — уже въ четверть полуострова. Подлѣ возникло королевство *Аррагонія*, а изъ марки Карла Великаго образовалось королевство *Наварра*, даже у устьевъ Дуро возникло королевство *Португалія*. Вестготы превратились въ *испанцевъ*: ихъ объединило французское вліяніе, въ особенности же папство. Вслѣдствіе вѣчной борьбы съ исламомъ, испанцы стали фанатиками, проникнутыми духомъ Григорія I, и романтическими героями: въ преданіяхъ воспѣвались короли, которые пѣли со слезами, на клиросахъ и носили власяницы, да богатырь Діазъ Кампеадоръ (Полководецъ) или Сидъ (Господинъ). Между тѣмъ, какъ феодалы руководились

старымъ, готскимъ правомъ, города были награждены, за борьбу съ исламомъ, *фуэрами*—жалованными грамотами, на подобіе англійскихъ.

Багдадскій халифатъ и турки. Шіиты. Исламъ падалъ и въ своемъ сердцѣ, въ Багдадѣ. На это указывало уже появленіе съ X вѣка двухъ новыхъ халифатовъ—кордовскаго и каирскаго. Вслѣдъ затѣмъ самъ богдадскій халифатъ распался на множество мелкихъ мимолетныхъ царствъ, съ «султанами, шахами, эмирами» во главѣ. И вездѣ господствовалъ восточный деспотизмъ низшаго разбора. Блѣднѣли всѣ лучшія патріархальныя черты бедуиновъ. Исчезали и сами арабы: они частью погибли въ джихадѣ, частью возвратились въ свои пустыни или же превратились въ лукавыхъ и изнѣженныхъ торгашей. Въ исламѣ выдвигались на первый планъ сначала персы, сирійцы и берберы, потомъ турки. Прибывшіе изъ-за Арала *турки сельджуки* совсѣмъ овладѣли багдадскимъ халифатомъ въ 1058 г., оставивъ одинъ титулъ за халифами. Но они вскорѣ сами разбились на мелкіе султанаты въ Передней Азіи.

Сельджуки были суннитами такъ же, какъ багдадскіе Аббасиды и испанскіе Омайяды. Средоточіемъ шіитства стали египетскіе *Фатимиды*, вожди секты измаилитовъ. Но они вызвали всеобщую ненависть своей жестокостью и коварствомъ. И къ концу періода ихъ западныя владѣнія подчинились Моравидамъ, а курдъ Саладинъ захватилъ самый Египетъ.

Арабская культура. Ея область. Но политическое паденіе ислама не могло остановить развитія его внутреннихъ силъ. Этотъ періодъ былъ расцвѣтомъ знаменитой *арабской культуры*, которая отразилась не только на Востокѣ, но и на Западѣ, и во всемъ—въ наукахъ и искусствахъ, въ воспитаніи и управленіи, въ рыцарскомъ романтизмѣ и даже въ бытовыхъ словахъ. Арабы съ жаждой даровитаго юноши восприняли, черезъ Персію, преданія Халдеи и Египта и сѣдую мудрость Китая и Индіи; они питались эллинизмомъ, благодаря Византіи. Геніальные ученики, они наложили на дѣло наставниковъ печать своеобразія, свѣжести и утонченности. Всюду возникали памятники искусства и просвѣтительныя учрежденія; вездѣ разсыпались цвѣты поэзіи. Меценатство стало долгомъ халифовъ всякаго типа.

Не прошло и двухъ вѣковъ со смерти пророка, какъ заблистали очаги просвѣщенія—Дамаскъ, Багдадъ, Каиръ и Кордова, затѣмъ—Фецъ, Тунисъ, Каирванъ, Тлемсенъ и Палермо. А когда пробилъ ихъ часъ, въ IX-мъ вѣкѣ, арабская культура пріютилась въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Гаснѣ, даже у царей монгольскихъ и татарскихъ, отъ Арала до Дели, откуда она переносилась даже въ Китай. Но своего высшаго развитія она достигла въ *Испаніи*. Здѣсь Омайяды не трогали ни имущества, ни быта, ни даже религіи туземцевъ. Они ввели орошеніе и чужеземныя растенія, превратили Испанію въ самую плодородную, богатую и просвѣщенную страну въ Европѣ. А свою столицу, *Кордову*, они разукрасили до того, что даже въ захолустьяхъ Германіи ее называли «жемчужиной міра». Нигдѣ не было столько образованія и благовоспитанности, какъ у мавровъ, которые заводили даже женскія школы. У нихъ числилось до 20 университетовъ и 70 библіотекъ; Кордова и Севилья славились профессорами, къ которымъ стекались студенты изъ Европы и Азіи. Увидѣвшіе свѣтъ евреи соперничали съ маврами въ культурѣ: въ IX-мъ в. ихъ прославилъ Гебироль, «Источникъ Жизни» котораго, проникнутый неоплатонизмомъ (въ латинскомъ переводѣ), былъ любимымъ чтеніемъ въ средніе вѣка.

Содержаніе арабской культуры. Арабская культура (вѣрнѣе—исламская съ арабскимъ языкомъ) далеко проявила свою творческую силу: въ четыре вѣка (VIII—XII) она стала наставницей человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ. Она заглянула чуть не во всѣ уголки Стараго Свѣта, разнося съ собой сотни тысячъ книгъ, а путемъ торговли всюду разбросала монеты халифовъ. Вездѣ шумѣли «базары» и «каравансараи» и

тянулись проѣзжіе пути. Мусульмане славились садоводствомъ и орошеніемъ полей. Они изготовляли несравненныя издѣлія, въ особенности же предметы роскоши. Они заимствовали у китайцевъ бумагу и чернила, развили чистописаніе и книжное дѣло. Они дали Европѣ образецъ *систематическаго воспитанія*, отъ начальныхъ школъ до университетовъ и академій; среди университетовъ было много частныхъ, и они объѣнивались профессорами и студентами, которыхъ было въ Каирѣ до 12.000. Астрономія изучалась на обсерваторіяхъ, медицина—въ госпиталяхъ. Такъ расцвѣтала наука, въ особенности точныя и реальныя знанія. Арабы ввели «цифры», «алгебру», тригонометрію и математическую физику. По ихъ переводу Эвклида Европа училась математикѣ во всѣ средніе вѣка; а ихъ обработка Птоломея или «Альмагестъ» ставится выше подлинника. Ученые до сихъ поръ пользуются ихъ астрономическими таблицами. Арабы изобрѣли маятникъ, измѣряли градусы меридіана, сдѣлали много географическихъ открытій. Введя *опытъ* въ изслѣдованія, они положили начало научному естествознанію, въ особенности химіи. Отсюда—важныя открытія, которыя прилагались къ промышленности (краски, духи, сиропы), военному дѣлу, (порохъ), въ особенности же къ медицинѣ. Изъ нравственныхъ наукъ процвѣтала философія, проникшая даже въ богословіе, какъ «калямъ» или схоластика: Аристотель былъ впервые изложенъ весь Авиценой, хотя и крайне своеобразно. Но больше всего работали пылкіе, впечатлительные и мягкіе нравомъ арабы въ области фантазіи и чувства. Ихъ любимицей была *поэзія*—юношеская, неглубокая, лирика, щеголявшая гибкостью языка да новоизобрѣтенной риѳмой. Зато высоко значеніе искусства у арабовъ, впрочемъ, ограничивавшагося однимъ зодчествомъ: живопись и ваяніе воспрещались Кораномъ. Большое вліяніе на весь міръ имѣлъ *мавританскій стиль*, эта дивная смѣсь преданій Индіи, Египта и особенно Византіи. Еще арабы любили музыку: они передали Европѣ *ноты* и свои напѣвы.

Упадокъ ислама. Къ концу періода арабская культура отцвѣла. Развился восточный султанатъ Покоренные, вмѣсто «покровительствуемыхъ гражданъ», стали жертвами побѣдителей. Женщина стала «вервіемъ сатаны, карой мужчины»: ее, по примѣру Византіи, заперли въ «гаремъ» и окружили евнухами-шпіонами. Распалялся фанатизмъ на Востокѣ, подъ вліяніемъ дикихъ турокъ; въ Андалузіи брало верхъ окаменѣлое суннитство; полудикіе Моравиды губили блестящую культуру. Астрономія превращалась въ *астрологію*, химія — въ *алхимію*, медицевъ—въ знахарство. И дряхлѣющій исламъ почуялъ смертельнаго врага въ энергіи свѣжихъ народностей Европы. Онъ закипѣлъ негодованіемъ къ своимъ ученикамъ, христіанамъ. Это чувство уже изливалось на беззащитныхъ богомольцевъ, которые толпами брели, въ концѣ періода, въ Палестину къ гробу своего Господа. Мы подошли къ кровавой эпохѣ крестовыхъ походовъ.

Культура Запада. Борьба за власть. Христіанскій Западъ недаромъ выступалъ противъ исламскаго Востока: онъ почуялъ свои силы. Въ этомъ періодѣ у него уже выработался своеобразный *культурный типъ*, овладѣвавшій даже западными славянами, вытѣсняя падавшій византинизмъ, который далеко опередила и арабская культура. Въ описываемый періодъ уже былъ устраненъ полный хаосъ эпохи перехода отъ древней исторіи къ новой. Самыя завоеванія Карла Великаго, при всей жестокости инстинкта въ нихъ, были полезнымъ бродиломъ: подобно походамъ викинговъ, они служили толчкомъ къ переходу племенъ въ національный и государственный бытъ. Но конечно, Западъ еще былъ далекъ отъ того идеала сплоченія, который воплощался въ Карлѣ Великомъ, какъ задача, поставленная потомству. И послѣ этого богатыря опять настала смута, но съ новымъ характеромъ: уже начинали бороться національности, а надъ ними двѣ міровыхъ силы—свѣтская и духовная власть, *имперія* и *папство*. Соперничество этихъ силъ привело къ господству церкви, благодаря религіозности

народовъ. Періодъ закончился столь же крупною личностью въ тіарѣ, въ Римѣ, какая начинала его въ императорской коронѣ, въ Ахенѣ. Этой міровой борьбѣ за власть, въ каждомъ государствѣ. соотвѣтствовало всеобщее стремленіе государей къ утвержденію *монархизма*. Борьба имперіи съ папствомъ мѣшала нѣмцамъ и итальянцамъ утвердить монархизмъ у себя дома. Сильнѣе былъ монархизмъ у славянъ и скандинавовъ, хотя и здѣсь онъ пошатнулся подконецъ отъ феодальныхъ усобицъ. Въ христіанской Испаніи онъ былъ ограниченъ привилегіями знати и средняго сословія. Больше всего сдѣлалъ онъ успѣховъ во Франціи и Англіи; и здѣсь же видимъ наибольшее проявленіе національнаго сознанія.

Феодализмъ Самымъ крупнымъ фактомъ, на ряду съ папствомъ и имперіей, былъ *феодализмъ*. Западный феодализмъ — плодъ слiянія германскаго гелейта съ такими римскими порядками, какъ колонатъ, патронатъ, бенефиціи. Онъ зародился незамѣтно, безъ всякихъ узаконеній или плановъ, вездѣ на свой ладъ, и до сихъ поръ не имѣетъ своей отдѣльной исторіи. Развивался онъ быстро, по требованію всѣхъ обстоятельствъ. Такъ, короли поневолѣ, ради военныхъ нуждъ, сами подрывали свою власть дарованіемъ иммунитетовъ. Эти жалованныя грамоты сначала давались только жителямъ королевскихъ земель, потомъ и вассаламъ. Отсюда развитіе вотчиннаго суда и вообще сеньеріальнаго строя. Преемникамъ Карла Великаго приходилось давать все новые иммунитеты, права и земли. И феодалы уже низлагаютъ своихъ сюзереновъ; а въ XI-мъ в. корона становится игрушкой вельможъ и папъ. Только въ Англію феодализмъ былъ занесенъ недавно, чѣмъ и объясняется сила «желѣзныхъ королей».

Крѣпостничество. Ясно и зарожденіе *крѣпостничества*, какъ неизбѣжнаго спутника феодализма. Мы видѣли его уже въ прошломъ періодѣ, въ формѣ рекомендаціи. Затѣмъ оно поддерживалось новой формой патроната—подвассальствомъ. Уже при первыхъ Каролингахъ начали исчезать свободные крестьяне-собственники. «Съ голоду» или, чтобы избѣжать насилій, они закладывались за феодаловъ и уже назывались не «свободными», а «вилланами» (усадебными сельчанами) или «трибутаріями» (тяглецами). И уже тогда начиналось прикрѣпленіе къ землѣ: вилланамъ не дозволялось закладываться за церковь. Къ концу періода вилланы уже составляли почти цѣльную массу крѣпостныхъ. Крѣпостной—не рабъ; его личность не была собственностью «господина» (латин. dominus, исп. don, франц. seigneur. нѣм. Herr, англ. lord). Баринъ налагаетъ на него «поголовный» оброкъ и барщины. Списокъ послѣднихъ занимаетъ 27 страницъ въ средневѣковомъ словарѣ. Баринъ пользуется правомъ «мертвой» руки (это слово, означающее выморочное имущество, возникло въ XI-мъ в.); онъ разрѣшаетъ ему бракъ и беретъ откупъ за невѣсту тотчасъ послѣ вѣнца; онъ не дозволяетъ ему отлучаться съ своей земли, даже заставляетъ его стричься и носить особое платье. Всѣ дѣла вершалъ сеньеръ, который былъ и государемъ, и помѣщикомъ; волостное самоуправленіе исчезало вслѣдъ за сельскою общиной. Къ концу періода на материкѣ сложилось правило: «нѣтъ земли безъ леннаго господина». Свободные крестьяне уцѣлѣли только въ глуши— въ Скандинавіи, Фрисландіи и Шлезвигѣ (штединги и дитмарши), въ горныхъ трущобахъ Швейцаріи, Пиренеевъ (баски) и Трансильваніи (саксы).

Зародыши средняго сословія. Закрѣпощеніе подконецъ уже равнялось прикрѣпленію къ землѣ. Оно оттого и шло такъ быстро, что тогда все сводилось къ этому главному источнику богатства—къ аллоду, впрочемъ исчезавшему, къ лену да къ «держанію» земли оброчниками. То было общество сельчанъ, земледѣльцевъ. Промышленность и торговля только зарождались. Первыми *городами* были остатки римскихъ муниципій и лагерей въ романскихъ земляхъ. Съ Карла Великаго потребность въ защитѣ отъ враговъ, особенно отъ норманновъ, да возраставшія сношенія между густѣвшимъ населеніемъ привели къ созданію «новыхъ»

городовъ, которые назывались и новыми именами. Они выростали вокругъ епископскихъ резиденцій, монастырей да королевскихъ пфальцевъ и бурговъ. Города феодализовались, какъ и все тогда; но они всегда стремились выйти изъ-подъ власти сеньеровъ, съ помощью короны, которая давала имъ льготныя грамоты, а крѣпостнымъ свободу. Такъ, подконецъ эти мѣстечки превратились въ *коммуны* или городскія общины, съ выборными властями, съ собственными «кутюмами» (обычное право) и братствами.

Но по сію сторону Альпъ это были еще лишь огороженныя села: сами помѣщики жили не здѣсь, а по своимъ усадьбамъ. Только въ торговой Италіи да отчасти въ южной Франціи видимъ настоящіе города. Въ особенности въ Ломбардіи они представляли уже крупную силу, по своему богатству и даже политическому значенію, благодаря муниципальнымъ преданіямъ, поддержкѣ папства и богатой торговлѣ. Во главѣ ихъ стоялъ гордый Миланъ, съ собственною милиціей, знаменемъ которой служила «карройчью» — колесница съ разубранной мачтой. Города были колыбелью *средняго сословія*, къ зародышамъ котораго относились также низшее духовенство и рыцарство. Послѣднее начало освобождаться отъ гнета феодаловъ также прежде всего въ Италіи. Для привлеченія къ себѣ вальвассоровъ первые Салійцы издали законъ о наслѣдственности мелкихъ леновъ (1037) и объ ихъ самосудѣ. Политическое значеніе этого общественнаго слоя видно изъ того, что когда швабскій герцогъ призывалъ своихъ рыцарей идти на императора, они объявили: «не пойдемъ противъ высшаго защитника нашей свободы». Рыцари, какъ и остальная масса, вездѣ сочувствовали монархизму, безъ котораго они не могли остановить насилія феодаловъ. Оттого и монархизмъ всюду выказывалъ демократическія наклонности. Здѣсь тайна обаянія и установленнаго Григоріемъ VII папскаго абсолютизма, и возобновленной Римской имперіи, и мѣстнаго монархизма, лучше всего понятаго, на материкѣ, Капетингами.

Государственнымъ «чиномъ» были пока только знать да клиръ. Подконецъ высшее духовенство или «прелаты» (превознесенные) стали главными феодалами, какъ *первый* чинъ государства. Они и прямо примыкали ко второму чину: младшіе сыновья знати обыкновенно становились «канониками» — свѣтскимъ духовенствомъ, обитавшимъ по монашескимъ канонамъ или уставамъ въ «капитулахъ» или общежитіяхъ при храмахъ; а каноники избирали владыкъ изъ своей среды. Монастыри также связывались съ вельможами, выбирая себѣ изъ нихъ «адвокатовъ» или защитниковъ. Подобно свѣтскимъ вассаламъ, прелаты получали отъ королей инвеституру и выходили на войну. Клиръ размножился и созналъ свои іерархическія выгоды. Онъ становился главнымъ землевладѣльцемъ. Пользуясь иммунитетами, онъ привлекалъ на свои угодья толпы крестьянъ, бѣглыхъ, даже преступниковъ: «подъ посохомъ — житье», говорилось тогда. Церковь заводила также благотворительныя учрежденія, гостиницы и ярмарки. Она богатѣла и отъ даровъ, и отъ тройныхъ десятинъ — по праву «господскому, римскому и божескому». Церковь.

Возвеличилось и папство, павшее было при Каролингахъ. Оно выработало *индульгенціи* или отпущеніе грѣховъ, *отлученіе отъ церкви* и *интердиктъ*, лишавшій цѣлыя страны религіозныхъ службъ. Тогда же падали первоначальныя національныя церкви, за исключеніемъ стойкаго галликанизма. Наконецъ, бывшій римскій монахъ унизилъ свѣтскую власть до каносскаго позора и раздавалъ короны, какъ свои лены. Онъ располагалъ огромными средствами, получая грошъ или *динарій св. Петра* — эти взносы закладней св. престола, среди которыхъ кишѣли почти всѣ города и даже короли Европы. И *легаты*, эти вчера случайные, ничтожные посланцы папы, превратились въ его властное и пышное орудіе по всему Западу: они повелѣвали

владыками, соборами, самими государями. Водворенію такой өеократіи содѣйствовали слѣдующія причины: 1) *Феодализмъ*, подрывавшій свѣтскую власть. 2) *Организація* или стройный іерархическій порядокъ и законы, написанные подъ вліяніемъ римскаго права. Они воплощались въ властной *куріи*, или дворѣ папы. Только церковь могла ввести благодѣтельный «Божій миръ». 3) *Единство культурное*, въ которомъ нуждались германо-романскія массы, въ виду разницы между латинствомъ на Западѣ и византинизмомъ, язычествомъ и исламомъ—на Востокѣ. Возобновленная Римская имперія могла быть только Священною , тѣмъ болѣе, что только папа хранилъ міровыя преданія Вѣчнаго Города. 4) *Религіозность*, овладѣвшая Западомъ, подъ вліяніемъ успѣховъ ислама да тысячнаго года, когда всѣ ждали кончины міра. Она воплотилась въ могучемъ, но покорномъ орудіи папства — въ монашествѣ, достигшемъ своего идеала въ Клюни.

Борьба міровоззрѣній. Необычайная сила религіозности проявлялась всюду и во всемъ. Это, прежде всего, ясно изъ паденія доживавшаго свой вѣкъ свѣтскаго, реальнаго міровоззрѣнія, завѣщаннаго древнею цивилизаціей. Вначалѣ сохранялись слѣды *классицизма*. Въ Византіи они сберегались непосредственно. Въ Италіи господствовали почти языческій духъ, городской лоскъ, поклоненіе антикамъ. Но и въ другихъ мѣстахъ онъ поддерживался дворами и городами; и на помощь ему шла арабская культура, хотя она еще мало выходила за предѣлы исламизма. Борьба между папствомъ и цезаризмомъ и національныя стремленія мѣстныхъ церквей поддерживали разнообразіе воззрѣній. Сама церковь сохраняла въ монастыряхъ остатки классицизма. Она не преслѣдовала еретиковъ и колдуній. Она еще не установила догмы. Благоговѣя передъ Августиномъ, она однако держалась *семипелагіанизма*, т. е. допускала отчасти и свободную волю. Появлялись мыслители, напоминавшіе Оригена и Пелагія. Они отвергали предопредѣленіе и пресуществленіе, называли иконы антропоморфизмомъ, а статуи святыхъ—«куклами». Представителемъ интеллигенціи IX-го в. былъ ирландецъ Эригена. Онъ старался ввести философію въ богословіе, т. е. сталъ отцомъ средневѣковой или «школьной» науки—*схоластики*. Эригена первый изъ христіанъ сталъ отцомъ *раціонализма*. Подобно Оригену и гностикамъ, онъ находилъ въ Библіи много «символическаго, фигурнаго», какъ въ миөологіяхъ. Въ системѣ Эригены (De divisione naturae) догма — мистицизмъ и пантеизмъ неоплатониковъ, а методъ и форма — Аристотель. Тогда же на югѣ Европы появились ереси. *Адопціане* считали Христа лишь «усыновленникомъ Божіимъ». *Богомилы* (послѣдователи болгарскаго попа Богомила и манихеевъ) придерживались дуализма и отвергали мощи, иконы, таинства и іерархію.

Сильнѣе классицизма было вліяніе *язычества варваровъ*, особенно въ Германіи, гдѣ оно отчасти сохранилось и теперь въ предразсудкахъ, нравахъ, обычаяхъ и народной поэзіи. Ордаліи не только удержались, но къ нимъ прибавили поединокъ женщинъ и церковный искусъ посредствомъ причастія. Церковь должна была считаться съ этими пережитками. Она создала *демонологію*, въ связи съ ученіемъ объ адѣ, страшномъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ, причемъ превратила языческія божества въ демоновъ; точно такъ же она низвела жрецовъ на степень колдуновъ. Чортъ принялъ тогда свой обычный видъ, хотя его не боялись, какъ глупенькаго, а въ Италіи вовсе не вѣрили въ него. Возникъ и типъ вѣдьмы, подъ вліяніемъ нѣмецкой и классической миөологіи. Звѣзды считались обителями мертвецовъ, которые собираются, по ночамъ, въ хороводы: отсюда «пляски смерти», отразившіяся въ искусствѣ. Ходила масса разсказовъ о продѣлкахъ нечистой силы. Распространялось «пилигримство», или хожденіе на богомолье, особенно въ Римъ. Внѣшнее пониманіе христіанства выражалось также въ пышности обрядовъ да въ *монашествѣ*, которое развилось подконецъ до «конгрегацій» (союзы монастырей

одного ордена). Этотъ духъ дошелъ до умопомраченія около 1000-го года, съ которымъ связывалось суевѣріе древнихъ хиліастовъ.

Такъ насталъ разгаръ *церковнаго идеализма* — вѣкъ Григорія VII, царство созерцательнаго аскетизма клюнійцевъ. Догма становилась строгою, неумолимой. На первый планъ выступили чудеса. Надъ ними царствовала, въ романтической красотѣ, Дѣва Марія: тогда явилась молитва «Ave Maria». Богомольцы уже достигали Іерусалима. Возникъ фанатизмъ. Церковь осудила Эригену, какъ еретика; во Франціи были сожжены первые 13 еретиковъ (1022). Тогда же тамъ было воздвигнуто первое гоненіе на евреевъ за разрушеніе халифомъ храма Гроба Господня: «жидамъ» уже воспрещали коронную службу; ихъ заточали въ особые кварталы и одѣвали въ шутовское платье. Въ концѣ періода возникло и *богословіе*. Отцомъ его былъ клюніецъ по духу, архіепископъ кентерберійскій Ансельмъ. Негодуя на раціонализмъ Эригены, Ансельмъ объявилъ, что разумъ долженъ разсуждать только о томъ, что дано вѣрой. Положивъ жизнь на укорененіе въ умахъ идеи Бога, онъ сталъ отцомъ *реализма* въ схоластикѣ, доказывая, подъ вліяніемъ Платона, что понятія существуютъ «внѣ нашей души», реально, независимо отъ внѣшняго міра, которому онѣ «предшествуютъ». Въ отпоръ этому, теперь сказали бы крайнему идеализму, парижскій профессоръ Росцеллинъ, изучавшій Аристотеля, объявилъ, что понятія — «простые звуки» или «названія» (nomina), «сопутствующія» предметамъ и имѣющія мѣсто лишь «въ нашей душѣ»: это ученіе назвали *номинализмомъ*. Ансельмъ проклиналъ соперника — и Росцеллинъ долженъ былъ странствовать, пока не отрекся отъ своего ученія и не донесъ на своего ученика, Абеляра, какъ на еретика.

Два міровоззрѣнія ясно сталкивались между собой и въ дѣлѣ просвѣщенія **Просвѣщеніе** Запада. Вначалѣ и здѣсь были сильны слѣды *классицизма*, особенно у романцевъ. Ихъ средоточіемъ была Италія. Здѣсь античность сохранялась, помимо рукописей и памятниковъ искусства, въ самомъ духѣ населенія; и ее поддерживало вліяніе Византіи и арабовъ. Здѣсь латынь не вполнѣ утратила свою чистоту: итальянцы были лучшими писателями. Въ просвѣщеніи съ Италіей соперничала Испанія, хотя здѣсь культура была уже болѣе арабская, чѣмъ латинская. По сю сторону Пиренеевъ эту культуру распространяли ученики мавровъ, евреи. Благодаря имъ, Провансъ сталъ догонять Италію и Испанію. Здѣсь сложился первый изъ новыхъ языковъ — провансальскій, на которомъ возникла народная поэзія, прославленная *трубадурами* или перехожими пѣвцами. Затѣмъ прославилась Нормандія, гдѣ выработался французскій языкъ и расцвѣлъ готическій стиль. Наконецъ, классицизмъ сохранялся въ Бургундіи и Лотарингіи. Отъ романцевъ онъ проходилъ къ германцамъ. Въ этомъ смыслѣ были полезны кровавыя связи нѣмцевъ съ Италіей. Оттого уже при Карлѣ Великомъ въ Германіи заводились при монастыряхъ «малыя и большія» безплатныя школы для всѣхъ, гдѣ господствовала латынь и отчасти преподавался греческій языкъ. А университетъ замѣнялся у него придворнымъ кружкомъ ученыхъ изъ Италіи и Британіи, гдѣ одни увлекались Платономъ, другіе—Аристотелемъ, и участвовали даже дамы. Душой его былъ британскій монахъ Алькуинъ, изъ школы Беды, составившій учебники семи свободныхъ искусствъ. Школы Карла держались во весь IX вѣкъ; въ нихъ хранились списки главныхъ классиковъ; къ нимъ примыкалъ самый сильный эллинистъ эпохи—Эригена.

Затѣмъ просвѣщеніе развилось при Оттонахъ, подъ вліяніемъ и латинскаго, и греческаго классицизма; Оттона III даже называли «чудомъ свѣта» за познанія, доставленныя ему его матерью, византійской царевной, и бабкой, бургундской, принцессой. Во главѣ ученыхъ, которыхъ призывали эти принцессы изъ Греціи, Италіи и Франціи, стоялъ ученикъ арабовъ, знаменитый

Гербертъ (впослѣдствіи папа Сильвестръ II), эта живая энциклопедія классицизма; онъ дѣлалъ глобусы, изобрѣлъ часы; въ его школѣ, въ Реймсѣ, обучались даже принцы крови. Монахи Германіи списывали и перерабатывали Виргилія, Боэція, Аристотеля; даже монахини Германіи зачитывались латинскими поэтами, сочиняли хроники и драмы. Классицизмъ оживлялъ и Англію. Альфредъ Великій вѣчно училъ и учился. Онъ призывалъ ученыхъ и зодчихъ изъ Италіи и Нормандіи, завелъ школы, съ высшею, *оксфордскою*, во главѣ, создалъ англійскую прозу собственными переводами классиковъ и завелъ первую изъ лѣтописей на новыхъ языкахъ. Послѣ Альфреда, классицизмъ проникалъ въ Англію черезъ Францію, особенно при французскихъ норманнахъ, съ которыми прибыли и евреи, вынесшіе изъ Испаніи сѣмена арабской цивилизаціи; здѣсь прославился итальянецъ Ансельмъ, какъ первый ученый своего времени. А англійская культура проходила въ Шотландію: здѣсь короли, въ X-мъ вѣкѣ, даже перемѣнили кельтскую рѣчь на англійскую.

Къ концу періода классицизмъ падаетъ, подавляемый церковностью. Эллинизмъ исчезаетъ, особенно послѣ раздѣленія церквей. Классическая латынь выходитъ изъ употребленія до того, что потребовались словари: ее замѣняетъ какой то жаргонъ, названный потомъ «кухонной латынью». И эта то латынь не давала расти новымъ языкамъ, которые церковь называла «варварскими». Церковь уже истребляла классиковъ. И на соборахъ епископы уже ставили кресты вмѣсто своихъ подписей, а феодалъ отмѣчалъ свои доходы зарубками на биркѣ. Міряне же, внѣ Италіи, были до того безграмотны, что *клеркъ* стало означать грамотнаго. Наука становилась чудовищемъ: Герберта считали колдуномъ. Литературой овладѣвали педантизмъ и мистика. Исторія превращалась въ сухую лѣтопись да въ сказку и особенно въ легенду. Падала и народная поэзія, которую преслѣдовала церковь, какъ непристойность и язычество. Въ Германіи народное творчество убивала еще церковная поэзія, гдѣ Библія смѣшивалась съ Эддой въ неуклюжихъ стихахъ.

Искусство. И въ искусствѣ сказывалась борьба классицизма съ христіанствомъ. Сначала на Западѣ господствовали стили византійскій да общій древне-христіанскій. Съ X-го вѣка проявлялись проблески творчества, подъ вліяніемъ латинскаго и арабскаго классицизма, а отчасти и благодаря зарожденію народностей. Изъ древне-христіанскаго искусства возникъ *романскій* или «круглосводчатый» стиль. Его колыбелями были Испанія, Провансъ и Бургундія. Отсюда онъ разошелся по всей Европѣ. Онъ служилъ попреимуществу церкви, и художники были все монахи; но встрѣчались уже и величавые замки, и даже палаты богачей. Гораздо слабѣе были ваяніе и живопись: здѣсь держались византійскихъ подлинниковъ и древне-христіанской символики. Здѣсь подконецъ падала и античная техника, подъ вліяніемъ аскетизма, презиравшаго природу и все тѣлесное, пластичное. Талантъ виденъ только въ миніатюрахъ, которыми старались щеголять Меценаты, заказывавшіе дорогіе списки книгъ-рукописей. Вслѣдствіе упадка ваянія и живописи, выдвинулось декоративное искусство, которымъ особенно славилась Византія. Здѣсь то можно было щегольнуть дорогою, хотя и аляповатой пышностью въ окладахъ книгъ, въ церковной и даже свѣтской утвари изъ золота, и серебра, и слоновой кости. Музыка пріобрѣла возможность развиваться, съ появленіемъ нотъ, заимствованныхъ у арабовъ. Но источникомъ ея все еще былъ человѣческій голосъ, и ради религіозныхъ цѣлей всюду заводились «капеллы»—церковные хоры, подъ вліяніемъ итальянцевъ, занесшихъ тогда и органъ по сю сторону Альпъ. Все еще господствовалъ римскій напѣвъ Григорія I, вытекшій изъ античнаго преданія и основанный на мелодіи или одногласіи—на пѣніи отдѣльнаго лица.

Матеріальный бытъ. Матеріальный бытъ замѣтно улучшался наверху общества, особенно у наиболѣе романизованныхъ націй. Правители жили уже въ большихъ дворцахъ.

Вельможи ютились въ *замкахъ*, которые быстро росли повсюду, по мѣрѣ развитія феодализма. Впрочемъ эти крѣпостцы были еще тѣсны, низки, подслѣповаты. Ихъ напоминали еще болѣе богатые, хозяйственные монастыри, аббатства и капитулы. Наконецъ, комфортъ зарождался у именитыхъ мѣщанъ. Онъ былъ связанъ съ появленіемъ *городовъ* въ Италіи, Провансѣ, а подконецъ—во Фландріи. А города—дѣти *торговли;* оттого къ концу періода даже въ Германіи они росли по такимъ торговымъ жиламъ, какъ Рейнъ и Дунай; а Бременъ и Гамбургъ уже торговали со Скандинавіей и Россіей. Оттого же въ Великобританіи выдвигались Лондонъ, Іоркъ, и Эдинбургъ. Оптовая торговля была еще мѣновая; но въ мелочной уже началось денежное обращеніе, хотя неудобное: было множество разныхъ монетъ, и каждый сеньеръ признавалъ только свою. Торговлю стѣсняли также крайне плохіе пути сообщенія и многія привилегіи феодаловъ. За торговлей, доставлявшей человѣку освобожденіе отъ феодальнаго ярма, благодаря богатству, слѣдовала *промышленность*. Воскресали античныя ремесла, павшія при разгромахъ варваровъ, и сначала въ Италіи и Провансѣ. Они служили лишь главнымъ жизненнымъ потребностямъ. Менѣе успѣховъ сдѣлало сельское хозяйство. Ему вредили и дурное управленіе, и невѣжество, и разбои феодаловъ, и жестокія усобицы, и вражескіе набѣги. Голодъ и моръ были обычнымъ явленіемъ въ селахъ. А пожары свирѣпствовали даже въ городахъ, гдѣ лишь подконецъ деревянные дома по немногу замѣнялись каменными въ Германіи и Англіи, подъ прямымъ вліяніемъ романцевъ и евреевъ. Нечего и говорить, что матеріальный бытъ массъ на материкѣ представлялъ собой почти первобытную жизнь.

Значеніе періода.

IX—XI вѣка одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ періодовъ въ исторіи. Здѣсь мы наблюдаемъ первое установленіе началъ новой исторіи, не вымершихъ до нашихъ дней. Здѣсь видно, какъ человѣчество дѣлало мучительныя попытки достигнуть извѣстнаго порядка, сплоченія, выработать новый типъ культуры. Замѣтно даже, какъ зарождающіяся народности старались придать общему стремленію разнообразіе мѣстныхъ чертъ. Все это особенно уясняется основною силой эпохи тѣмъ самымъ феодализмомъ, на который смотрѣли прежде лишь, какъ на жалкій хаосъ, какъ на помѣху прогрессу. Онъ былъ неизбѣжнымъ явленіемъ; онъ служилъ залогомъ новой жизни. Это—отрицаніе племенной и общинно-родовой первобытности. Старина жила «кутюмомъ», обычаемъ, «пошлиной», преданіями. У нея судъ состоялъ не въ отысканіи истины, а въ соблюденіи предковской формалистики дословно. Считалось, что правда—«добрый обычай», а зло—новшество». Феодализмъ разлагалъ этотъ взглядъ, представляя первый намекъ на личность, разбивающую оковы рода-племени. Рыцарь воспитывался только на своей «чести», на своей клятвѣ. Его foi стало loi: «лойяльный» или «легальный» уже значило честный человѣкъ, т.-е. тотъ, кто держитъ свое слово. Обычное право дѣлило наслѣдство поровну между всѣми дѣтьми, феодальное—держалось майората и старалось исключить женщину. Феодализмъ вносилъ личное начало и въ оммажъ. И если онъ сталъ новымъ источникомъ смутъ, то это было необходимымъ бродиломъ для дальнѣйшаго развитія, для дифференцированія жизни. А главное, не должно забывать, что подконецъ въ самомъ феодализмѣ все стремилось къ наслѣдственности, къ упорядоченію—не только лены, но и земледержаніе мужика, и самыя должности. Тогда все «феодализовалось, т.-е. входило въ общую цѣпь отношеній, составляло одинъ изъ кирпичей по своему стройной пирамиды. Феодализмъ, словно масонскій орденъ, сковывалъ все христіанское человѣчество и, заодно съ папствомъ, латынью и торговлей, уже пролагалъ путь международному праву.

Исторія уже не представляетъ, какъ въ первые восемь вѣковъ нашей эры, сухого лѣтописнаго наброска именъ, годовъ, мелкихъ фактовъ, путаю-

щихся между собой. Передъ нами живой организмъ, скованный вездѣ одинаковыми политическими, общественными и культурными стремленіями. Уже выступили всѣ *народы* и государства съ исторической будущностью, между тѣмъ какъ хирѣли тѣ, которымъ не суждено было жить. На первый планъ выдвинулись романцы, и именно итальянцы и французы, отъ которыхъ шла цивилизація къ германцамъ, а среди послѣднихъ нѣмцы пріобрѣли міровое значеніе, пока только политическое. И видно было, что Западъ станетъ душой исторіи. Византія клонилась къ паденію, а багдадскій халифатъ распался и смѣнился, въ Азіи, господствомъ полудикихъ сельджуковъ. *Англія* приняла уже свой особый отпечатокъ. Нигдѣ не выступало такъ рано національное и политическое сплоченіе. Здѣсь феодалы были все «непосредственными» вассалами короля и боялись его шерифовъ. Деспотизмъ «желѣзныхъ» королей объединялъ все населеніе, даже всѣ сословія: въ борьбѣ съ нимъ феодалы и духовенство братались съ массами. Наконецъ, Западъ обособился отъ Востока, благодаря возстановленію Римской имперіи и раздѣленію церквей. Онъ оградился отъ набѣговъ туранскихъ кочевниковъ: сплотившіеся въ государства славяне заслоняли его отъ Азіи. И надъ всею феодальной и народной пестротой Запада уже простиралась властная десница папы, какъ символъ высшаго, всеевропейскаго сплоченія: среди десятковъ королей, двухъ императоровъ и трехъ халифовъ, преемникъ св. Петра былъ единственный міродержецъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что созрѣвшій исламъ уже вызывалъ христіанство къ барьеру, на историческій поединокъ.

Папа сталъ и символомъ всеевропейскаго сплоченія, какъ представитель высшей тогда силы въ культурѣ,—религіозности. Подконецъ *церковный идеализмъ*, это строгое, безпрекословное единое начало, побѣдилъ своего соперника, свѣтскій реализмъ, съ его жизненнымъ разнообразіемъ, опиравшимся на атичный классицизмъ. Просвѣщеніе превращалось въ схоластику, искусство въ сильное орудіе церкви; даже начиналось преслѣдованіе всякихъ внѣцерковныхъ элементовъ образованности. Нравы ожесточались. Сама церковь вводила пытки и костеръ; монахи, въ своихъ школахъ, засѣкали дѣтей на смерть. Феодалъ рисуется въ народныхъ пѣсняхъ людоѣдомъ; а въ Германіи сложился цѣлый разрядъ разбойниковъ-рыцарей» (Raubritter). Война также была разбоемъ, при которомъ не щадили никого и ничего—ни своего, ни чужого.

Наконецъ, вся жизнь покрывалась мрачною пеленою *аскетизма*. Неумолимый палачъ во имя господствующей маніи, папа, становился властителемъ душъ фанатичныхъ поколѣній. Подъ вліяніемъ клюнійцевъ и монаха Гильдебранта, іерархія превратилась въ могучій организмъ, оторванный отъ жизни, въ гонителя пестрыхъ радостей земного бытія. И исчезаютъ мірскія заботы, съ ихъ реализмомъ, а съ ними — національныя черты и народная поэзія. Средне-вѣковой міръ разрываетъ съ классическими преданіями. Онъ населяется отшельниками, колдунами. Сначала въ затишьи горъ и лѣсныхъ трущобъ кишатъ кельи и пещеры съ подвижниками, живущими иногда въ сору, вмѣстѣ съ гадами. Здѣсь, а потомъ и по улицамъ и площадямъ городовъ, слышится свистъ бичей и струится кровь самоистязателей. Въ Англіи живетъ монархъ Исповѣдникъ. Въ Германіи являются «монахи на тронахъ»—преемникъ Оттона III, Генрихъ II, прозванный Святымъ, и Генрихъ III Черный, который бичуетъ себя и босой, во власяницѣ, молится передъ строемъ войска. Матильда тосканская дважды вступаетъ въ бракъ, чтобы имѣть защитниковъ богатствъ, посвященныхъ папѣ, и умираетъ цѣломудренной монахиней. И все чаще тянутся богомольцы на пути въ Іерусалимъ, къ гробу Господню. Христіанская Европа снаряжается въ походъ противъ мусульманскаго Востока.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

III. Крестовые походы. Рыцарство и схоластика. Около 1100—1300.

Іерусалимъ и новые ордена.

Крестовые походы, длившіеся 175 л. (1095—1270), были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ фанатизма, овладѣвшаго тогда христіанами. Объ нихъ помышляли уже и Генрихъ IV, и его соперникъ, Григорій VII, который надѣялся при этомъ возсоединить церкви, захвативши Византію. А теперь взволновался весь христіанскій міръ, возгорѣвшись желаніемъ выместить на бусурманахъ тяжелое положеніе, отъ котораго онъ страдалъ. Появились чудеса и знаменія; разнеслась молва, будто воскресъ самъ Карлъ Великій и поведетъ крестоносцевъ. Волной подымался народъ; снаряжались даже женщины и дѣти. Благочестіе и отпущеніе грѣховъ, жажда приключеній и драки, надежда пресытиться сказочными чарами и богатствомъ Востока, освобожденіе отъ крѣпостничества и податей, а для преступниковъ и отъ казни, отсрочка долговъ,—все влекло христіанина вдаль. Всѣмъ казалось, что нашелся выходъ изъ давней тяготы и безразсвѣтнаго горя; снаряжались въ походъ, какъ переселенцы, съ семьями и домашнимъ скарбомъ. Особенно волновались французы, выступившіе почти безоружными; за ними подымались прирейнскіе нѣмцы, предводимые козой и гусемъ—священными животными германской миѳологіи.

Эти шайки начали съ того, что перебили евреевъ у Рейна и ограбили Византію. Затѣмъ двинулось настоящее воинство, почти изъ всѣхъ народовъ, съ папскимъ легатомъ. Ихъ встрѣтилъ сильный врагъ: разложеніе халифата не помѣшало сплотиться всѣмъ правовѣрнымъ для фанатическаго отпора гяурамъ. А крестоносцы дрались между собой, особенно германцы съ романцами; коварные же греки даже помогали туркамъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ горсть крестоносцевъ овладѣла *Іерусалимомъ* (1099) и поразила азіатовъ своей лютостью: кровь струилась ручьями по ступенямъ мечетей, доходя «до колѣнъ всадника»; евреевъ жгли въ синагогахъ. Изъ сирійскаго берега было устроено Іерусалимское королевство, съ своимъ патріархомъ, съ судьбищами рыцарей, на которыхъ выработались «ассизы» — законы, представляющіе собой единственное тогда точное, писанное феодальное право. Для охраны новаго королевства, заброшеннаго въ нѣдрахъ ислама, а также богомольцевъ и гроба Господня, возникъ новый классъ общества, отлично рисующій эпоху. То были *духовно-рыцарскіе ордена*, — небывалое сліяніе рыцарства съ монашествомъ, по націямъ: итальянцы создали іоаннитовъ, французы — храмовниковъ, нѣмцы—тевтонцевъ.

Усобицы на Западѣ. Бѣдствія Италіи и Германіи.

Іерусалимъ сталъ образцомъ феодализма: нигдѣ въ Европѣ не было столько усобицъ. Мусульманство, напротивъ, оживилось. Оно выставило свой идеалъ — египетскаго султана, Саладина, котораго любили даже христіане за его великодушіе, правдивость, ласковость и образованность. Немудрено, что вскорѣ христіанскому господству въ Азіи стала грозить гибель. А Европу нелегко было поднять вновь противъ турокъ. Тамъ царствовали разочарованіе и безпорядки отъ перваго крестоваго похода; и въ каждой странѣ были свои жгучіе вопросы. Въ Испаніи не прерывались свои крестовые походы. Во Франціи начиналось трудное дѣло абсолютизма и централизаціи, благодаря «отцу отечества», аббату Сугерію, который, при короляхъ Людовикахъ VI и VII, высоко держалъ «карательную лозу» надъ буйными феодалами и доказывалъ, что «у королей руки длинны». У нѣмцевъ возобновилась страшная борьба, не примиренная вормскимъ соглашеніемъ. Только старыя партіи получили новыя клички. Папистами руководили баварскіе Вельфы, цезаріанцами — швабскіе Гогенштауфены, которыхъ называли еще Вайблингами, по ихъ родовому

замку. Борьба попрежнему захватывала и Италію, гдѣ слово *гвельфъ* означало еще приверженца національной независимости, а *гибеллинъ* — порабощенія Италіи нѣмцами. Драки между феодалами не прекращались; и въ нихъ вмѣшивались венгры, чехи, поляки. Однажды было разомъ два папы и два короля Германіи. Въ Италіи смута осложнялась появленіемъ новой силы, выступившей противъ феодализма и іерархіи. Это—ломбардскіе города, превращавшіеся въ *республики*, съ Римомъ во главѣ, который низвергъ папское господство (1145), благодаря Арнольду изъ Брешіи.

Эти то республики погубили гигантскіе замыслы пышнаго Гогенштауфена, Фридриха I Барбароссы, который мечталъ о міродержавіи Карла Великаго. Ихъ поддержалъ искусный и непреклонный политикъ, папа Александръ III, въ которомъ воскресъ духъ Григорія VII: и Каносса повторилась ровно черезъ сто лѣтъ. При внукѣ Барбароссы, Фридрихѣ II, борьба возобновилась съ небывалой силой, благодаря папѣ Иннокентію III, который, казалось, хотѣлъ совмѣстить въ себѣ и Григорія VII, и Александра III. Тогда впервые даже иностранцы вмѣшались въ судьбу Германіи: Франція стала за Гогенштауфена, Англія—за папу. То была борьба міровыхъ силъ, отъ которой содрогнулся жестокій вѣкъ, которая дала главное содержаніе «Аду» Данте. Она кончилась гибелью Гогенштауфеновъ. Папамъ удалось «приложить топоръ къ корню», истребить эту «ехидную породу». Но тогда же, около 1300 г., начала разлагаться и истомленная борьбой ѳеократія Запада: въ Римѣ хозяйничали сильные вельможи — Орсини (гвельфы) и Колонна (гибеллины). Неаполь достался французамъ, въ лицѣ Карла Анжуйскаго, а Сицилія—арагонцамъ. Германія лежала въ развалинахъ. Тамъ, послѣ Гогенштауфеновъ, настало «великое междоусобіе» (1256—1273). Страна распалась на кучу независимыхъ государствъ; «кулачное право» рыцарей достигло небывалыхъ размѣровъ. Города, для самообороны, принуждены были составлять союзы, съ *Ганзой* во главѣ. Наконецъ, изъ массы феодаловъ выдѣлились семь крупнѣйшихъ, которые получили названіе «курфюрстовъ» или «князей-выборщиковъ». Они то выбрали въ короли *Рудольфа Габсбурга* (1273), съ котораго началась новая эпоха въ Германіи. Онъ бросилъ мечты предковъ о міродержавіи и объ Италіи, возвышалъ города, усмирялъ рыцарей и положилъ основаніе могуществу Габсбурговъ или *Австріи*,

Латинская имперія. Послѣдніе крестоносцы. При такой анархіи въ Европѣ, господство христіанъ на Востокѣ таяло съ каждымъ днемъ. Новые крестовые походы предпринимались вяло и кончались неудачами. Они же доказывали паденіе фанатизма. Самый важный изъ нихъ, по послѣдствіямъ, четвертый, былъ дѣломъ хитрой дипломатіи венеціанцевъ, которые заставили крестоносцевъ уничтожить Византію и, на ея развалинахъ, основали *Латинскую имперію* (1204). Во главѣ греческой церкви сталъ венеціанецъ-патріархъ. Дожъ назвался «деспотомъ» или «господиномъ четверти съ половиной всей Римской имперіи». Къ Венеціи прирѣзали лучшіе порты и большую часть древней Эллады, главные острова Эгейскаго моря и Критъ, наконецъ, цѣлый кварталъ въ Константинополѣ, который сталъ средоточіемъ ея міровой торговли. По всему Леванту разсыпались конторы и консулы Венеціи; на островахъ водворились промыслы, порядокъ, трудолюбіе. Словомъ, тогда то настала пора расцвѣта гордой республики, эмблемой котораго служитъ роскошный соборъ св. Марка въ византійскомъ стилѣ. Сама же Латинская имперія, занятая французскими крестоносцами, стала маленькою Франціею, по культурѣ, а по формамъ и правамъ — сколкомъ съ Іерусалимскаго королевства. Здѣсь утвердился самый чистый образчикъ феодализма, съ его усобицами и развратомъ. А греки вновь воспрянули духомъ, въ тѣснинахъ Малой Азіи, гдѣ они закалялись, какъ «эстрадіоты, арматолы и клефты» (воины и разбойники). Въ Никеѣ, гдѣ укрылся константинополь-

скій патріархъ, утвердились родственники старой династіи Ангеловъ, Палеологи. Въ 1261 году одинъ изъ нихъ, Михаилъ, взялъ Константинополь, съ помощью заклятыхъ враговъ Венеціи—генуэзцевъ, къ которымъ перешли выгоды и привилегіи республики св. Марка.

А въ Азіи тогда показался передовой отрядъ османскихъ турокъ — и рухнуло Іерусалимское королевство. Никто уже не шелъ на его защиту, и Иннокентій III вообразилъ, что лишь отъ «малыхъ сихъ» придетъ спасеніе: состоялось два дѣтскихъ похода, сгубившихъ массу мальчиковъ и дѣвочекъ. У христіанъ уже оставался лишь клочекъ берега Палестины. На призывъ папы откликнулся одинъ только французскій король, *Людовикъ IX св.*, который совершилъ два послѣднихъ крестовыхъ похода — 7-й и 8-й (1248 — 1270). Но это удалось ему вопреки всѣмъ друзьямъ и самимъ рыцарямъ, которыхъ онъ завлекъ хитростью. Въ первый разъ онъ попалъ въ плѣнъ къ мусульманамъ и съ трудомъ откупился. Во второй разъ у него набралось совсѣмъ мало крестоносцевъ, да и то лишь за жалованье. Людовикъ пошелъ на сарацинъ въ Тунисѣ; но въ его лагерѣ развилась зараза, которая, наконецъ, унесла его самого въ могилу. Въ Азіи все погибло. Разошлись и рыцари-монахи: храмовники очутились въ Парижѣ, іоанниты — на о. Родосѣ, а тевтонцы—въ Пруссіи. Папы еще въ началѣ XIV-го в. проповѣдывали крестовый походъ, но то была уже романтическая затѣя, на которую никто не обращалъ вниманія. Около 1300 г. душа крестовыхъ походовъ, Франція, совсѣмъ повернула на новый путь, при внукѣ Людовика св., Филиппѣ IV.

Начало монархизма во Франціи.

Этотъ путь, какъ мы видѣли, обозначался уже при аббатѣ Сугеріи. Еще яснѣе показался онъ при сынѣ Людовика VII, *Филиппѣ II Августѣ*. То былъ первый изъ крупныхъ «собирателей королевства», въ смыслѣ земель и власти. Этотъ «умница», какъ называютъ его лѣтописцы, былъ для феодаловъ «страшенъ, какъ левъ, проворенъ, какъ хищная птица». Но собираніе Франціи тотчасъ же привело Филиппа къ войнѣ съ англичанами, которая не прекращалась во все его 32-лѣтнее царствованіе. Иначе и быть не могло. Въ Англіи воцарились тогда Плантагенеты изъ рода графовъ Анжуйскихъ, которымъ принадлежала западная Франція. Получивъ эту долю отъ отца, Генрихъ II еще женилъ своего сына на наслѣдницѣ Бретани, а затѣмъ и самъ женился на герцогинѣ аквитанской, Элеонорѣ, которой принадлежала добрая половина южной Франціи. Такъ, у него оказалось во Франціи втрое больше владѣній, чѣмъ у Филиппа Августа. Борьба изъ-за этихъ владѣній особенно разгорѣлась при сынѣ Генриха II, Іоаннѣ Безземельномъ. Вся Франція, въ особенности же горожане поддержали Филиппа; и при Бувинѣ (1214), у Лилля, онъ разбилъ Іоанна, которому помогали фландрскіе феодалы. Къ нему перешли земли отъ отъ Луары до Гаронны и Нормандія. Битва при Бувинѣ, гдѣ Филиппъ дрался впереди всѣхъ, окрестила кровью юный абсолютизмъ и разрушила гнѣздо феодализма, фландрское рыцарство. Небывалый восторгъ, съ которымъ встрѣтили побѣдителя въ Парижѣ, ясно обнаружилъ зарожденіе національнаго и монархическаго чувства у французовъ. Тотъ же политическій смыслъ имѣетъ крестовый походъ изъ-подъ Парижа графа Симона Монфора противъ графа Раймунда VI тулузскаго, главы еретиковъ, альбигойцевъ (1208). Грубые сѣверяне шли изъ ненависти къ образованнымъ южанамъ и изъ жажды богатствъ Прованса. Югъ Франціи лишился роскошной цивилизаціи, но онъ слился съ сѣверомъ, довершая національное объединеніе.

Дѣло сплоченія Франціи подвинулось еще болѣе при внукѣ Филиппа II, Людовикѣ IX святомъ. Этого короля окружали новые люди—*легисты* или законники, воспитанные на римскомъ правѣ и вышедшіе снизу, изъ третьяго чина. Онъ упорнѣе всѣхъ королей отстаивалъ права монархизма даже противъ церкви, несмотря на все свое благочестіе: духовенство было обложено данью

и лишилось части своихъ судебныхъ правъ; а папа получалъ упреки за стремленіе «наступить на горло всѣмъ королямъ». Людовикъ почти уничтожилъ и самосудъ коммунъ, хотя выдвигалъ третій чинъ противъ знати и бралъ изъ него своихъ чиновниковъ. Управленіе приняло стройный, централизованный видъ. Подлѣ «великаго совѣта» (министры) возникъ назначаемый королемъ *парламентъ*, какъ апелляціонный судъ для всего королевства, а также «счетная палата», которая чеканила обще-французскую монету. Въ провинціяхъ за чиновниками наблюдали «инквизиторы» (слѣдователи). Съ такими орудіями, Людовикъ ревностно подавлялъ феодализмъ: онъ разрушалъ замки, ограничилъ частную войну, судебный поединокъ и сеньеріальные суды.

Великая Хартія вольностей. Такому быстрому сплоченію Франціи помогало тревожное состояніе ея главнаго врага, Англіи, которая не переставала поддерживать ея феодаловъ въ ихъ борьбѣ съ монархизмомъ. За Каналомъ происходили жестокія усобицы уже между родственниками Генриха I. Внукъ послѣдняго, Генрихъ II, вынесъ изъ нихъ убѣжденіе въ необходимости абсолютизма «желѣзныхъ королей». Онъ отнялъ у феодаловъ судъ, передавъ его собственнымъ чиновникамъ, которымъ помогали 12 *присяжныхъ* (jurati). То же произошло съ духовенствомъ; но оно возстало за свои права, подъ руководствомъ архіепископа кентерберійскаго, Ѳомы Бекета. Ѳома былъ умерщвленъ. Но народъ взволновался. Этимъ воспользовались бароны, папа Александръ III, французы, шотландцы, только что покоренная Ирландія, наконецъ собственныя дѣти короля. Узнавъ, что возсталъ даже его Веніаминъ, Іоаннъ Безземельный, Генрихъ II умеръ, воскликнувъ: «Срамъ, срамъ побѣжденному королю!» Іоаннъ—самый даровитый и самый порочный изъ Плантагенетовъ. Онъ истреблялъ вельможъ, мучилъ горожанъ невыносимыми налогами, вынуждалъ пытками деньги у евреевъ, наконецъ, началъ грабить и избивать духовенство. Иннокентій III наложилъ интердиктъ на Англію и поручилъ Филиппу Августу поднять крестовый походъ противъ безбожника. Дѣло кончилось пораженіемъ Іоанна у Бувина. Но бароны возстали открыто, вмѣстѣ съ іерархами. Они потребовали у своего короля подтвердить хартію Генриха I и бросились, въ боевомъ порядкѣ, въ Лондонъ. Іоаннъ принужденъ былъ подписать (1215) *Великую Хартію Вольностей*. Этотъ знаменитый документъ не дошелъ до насъ, но сохранились списки его, разосланные тогда же по графствамъ и епархіямъ. Это было развитіемъ всѣхъ прежнихъ льготъ, начиная съ «законовъ Эдуарда»: англичане никогда не забывали разъ добытаго ими путемъ «прецедентовъ», т. е. «предшествовавшихъ» примѣровъ. Великая Хартія обезпечиваетъ личность и имущество гражданъ, обѣщая никого не трогать иначе, какъ по суду и по закону, и не облагать налогами иначе, какъ въ «общемъ собраніи» королевства, куда должно созывать прелатовъ и бароновъ по точно опредѣленному порядку. Бароны заставили короля утвердить эти права также за городами, подвассалами и фермерами. Затѣмъ назначили 25 бароновъ слѣдить за королемъ и, въ случаѣ нарушенія Хартіи, подымать народную войну противъ него. Но цѣлый вѣкъ короли боролись, стараясь истребить Хартію, которую тѣмъ не менѣе имъ пришлось подтвердить 38 разъ.

Англійскій парламентъ. Эта борьба разразилась уже при сынѣ Іоанна, Генрихѣ III. Этотъ порочный, бездарный и суевѣрный король знать не хотѣлъ Хартіи. Въ 56 л. его царствованія развились подкупы и взяточничество; придворные грабили купцовъ, дрались на рынкахъ, убивали бароновъ изъ корысти. Папа высасывалъ послѣдніе соки народа: онъ боролся съ Гогенштауфенами на средства Англіи. Бароны негодовали: «Англію — говорили они — растираютъ между двумя жерновами» (король и папа). Богатые города вооружались. Образовалась «англійская партія» патріотовъ или правильная оппозиція правительству. Она сосредоточилась въ «общемъ собраніи», которое часто созывалось коро-

лемъ, нуждавшимся въ деньгахъ для своихъ военныхъ затѣй во Франціи. Вождемъ оппозиціи сталъ сынъ альбигойскаго героя, Симонъ Монфоръ, женатый на сестрѣ короля и бывшій сначала такимъ его другомъ, что англійскіе бароны замышляли убить этого «иностранца». Монфоръ разсорился съ королемъ за его насилія и удалился въ частную жизнь. Упорный, постоянный, гордый, воспитанный у границъ Испаніи, знакомый съ ея кортесами, онъ рѣшилъ, что его долгъ — утвердить Великую Хартію или «обезпечить миръ согражданамъ». Симонъ собралъ цѣлую армію бароновъ—и явились «оксфордскія провизіи» (мѣры): бароны назначили на годъ министровъ и шерифовъ, а также особый совѣтъ, которому отчитывались бы сановники; «общее собраніе» должно было собираться три раза въ годъ, хотя бы король и не созывалъ его. Генрихъ выступилъ, съ наемниками, противъ «мятежниковъ»; но бароны, поддержанные горожанами, взяли его въ плѣнъ, въ битвѣ у Льюиса. Не надѣясь на однихъ бароновъ, Симонъ созвалъ въ общее собраніе наряду съ ними и прелатами, «общины», т. е. рыцарей изъ графствъ и депутатовъ отъ городовъ. Это преобразованное собраніе стало называться *парламентомъ* (1265) или говорильней (отъ итал. parliare—говорить). Это смутило бароновъ, которые мечтали объ аристократическомъ правленіи. Они перешли къ королю. Симона застали врасплохъ, и онъ палъ, въ сѣчи, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ.

Успѣхи христіанъ за Пиренеями.

Такъ крестовые походы сливались съ весьма важными внутренними вопросами въ Европѣ, которые отчасти и порождались ими. На окраинахъ Запада это особенно ясно. На Пиренейскомъ полуостровѣ совершались прямо свои крестовые походы. По призыву папъ, сюда шли рыцари отовсюду, чтобы помѣряться силами съ мусульманами. И уже въ 1212 г. христіане одержали небывалую побѣду надъ исламомъ подъ Толозой. Къ 1300 г. арагонцы уже взяли восточную Испанію, даже Сардинію и Сицилію, кастильцы достигли Гибралтара, а португальцы—своихъ нынѣшнихъ границъ. За маврами оставалась только сильная Гренада, куда стекались могикане ислама со всей Испаніи. Уже начинался новый періодъ въ исторіи Пиренейскаго полуострова. Окончилось «отвоеваніе»; христіане уже забывали о маврахъ и брались за новыя задачи. Подъ вліяніемъ мавровъ же зарождалась самобытная культура; въ политикѣ крестовые походы смѣнялись борьбой между монархизмомъ и феодализмомъ. Вслѣдствіе религіозныхъ войнъ, церковь стала сильнѣе короля и бароновъ; ее поддерживали три могущественныхъ ордена. Войны выдвигали также *грандовъ и хидальговъ* (рыцарей), которые составляли сильныя «хунты» (союзы). Но онѣ же заставляли обращаться къ помощи народа: отсюда развитіе фуэровъ въ городахъ и даже селахъ, которые имѣли свои милиціи и составляли «германдады» (союзы). Тогда же возникли, какъ мѣстныя, такъ и государственныя собранія, съ участіемъ горожанъ, или *кортесы* (corto—дворъ). Когда они собирались сами, безъ призыва короля, они назывались «парламентами». Арагонцы завели еще особую должность — *хустицію*, родъ древняго трибуна. Хустиція призывалъ къ отвѣту всякаго чиновника и самого короля, который присягалъ передъ нимъ на колѣняхъ, съ открытой головой; а самъ онъ подчинялся кортесовымъ «инквизиторамъ».

Западные славяне и скандинавы.

На другой окраинѣ Европы, у Балтики, также шли свои крестовые походы, порождавшіе новыя завязи государственной жизни. Здѣсь они связаны съ судьбой славянъ и литовцевъ. Нѣмцы уже захватили послѣднихъ полабскихъ славянъ (Саксонія) и отчасти поморянъ; а ихъ купцы овладѣли всей торговлей Балтійскаго моря. Около 1300 г. даже славянскій языкъ былъ запрещенъ въ судахъ. Насчетъ славянъ росло маркграфство *Бранденбургъ,* которое уже захватило мѣсто, гдѣ стояла деревушка Берлинъ (1250). Польша не могла остановить напора нѣмцевъ: она сама подчинялась ихъ культурѣ и призывала ихъ колонистовъ; Силезія тогда совсѣмъ онѣмечилась.

Помимо общаго историческаго закона подчиненія невѣжественныхъ націй болѣе цивилизованнымъ, тутъ играли роль удѣльныя усобицы, которыя свирѣпствовали тогда у западныхъ славянъ такъ же, какъ и у восточныхъ. Оттого въ Польшѣ и Богеміи усилились папы и іерархи. Они могли бороться съ королями только съ помощью нѣмцевъ, а тѣ обращали ихъ въ своихъ вассаловъ: чешскій король сталъ «богемскимъ курфюрстомъ». Въ концѣ періода даже самый могущественный король чеховъ, Оттокаръ II, населялъ города, съ *Прагой* во главѣ, нѣмцами; при его дворѣ говорили и одѣвались по-нѣмецки. Нѣмцы же и погубили его, благодаря Рудольфу Габсбургу, призвавшему венгровъ къ себѣ на помощь. А около 1300 г. нѣмцы даже заняли чешскій престолъ: Богемія стала провинціей ихъ имперіи.

Польша сохраняла свою независимость, но становилась, въ свою очередь, второю Германіей. Она не могла безъ нѣмцевъ справиться даже съ язычниками—литовцами, особенно съ *пруссами*, жившими между Нѣманомъ и Вислой. Нѣмцы основали здѣсь *Ригу* и, съ благословенія папы, устроили орденъ рыцарей-монаховъ, *меченосцевъ* (ок. 1200), по уставу храмовниковъ. Такъ образовалось любопытное ѳеократическое государство, которое не столько крестило, сколько истребляло язычниковъ и замѣняло ихъ нѣмецкими переселенцами. Но немногочисленнымъ меченосцамъ приходилось плохо—и они призвали къ себѣ на помощь рыцарей тевтонскаго ордена, которымъ уже нечего было дѣлать въ Палестинѣ. Съ тѣхъ поръ нигдѣ онѣмеченіе не шло такъ быстро; въ началѣ XIV-го в. нѣмецкій языкъ уже утвердился по всей Балтикѣ, отъ Вислы до Невы. Но уже готовился и отпоръ нѣмцамъ со стороны восточныхъ славянъ и литовцевъ. Александръ Невскій нанесъ имъ первое чувствительное пораженіе (1242). Литовцы переходили изъ родового быта въ государственный, благодаря Миндовгу, который сталъ ихъ «великимъ княземъ». Этому движенію помогло усиленіе *скандинавовъ*. Въ Швеціи феодализмъ падалъ подъ ударами даровитой фамиліи Фолькунговъ, которая основала Стокгольмъ, ввела хорошее управленіе и раздвинула предѣлы государства, захвативъ Финляндію. Въ Даніи феодалы также смирились, благодаря Вольдемару II Побѣдителю, который привелъ въ порядокъ свое маленькое государство, сбросилъ вассальную зависимость отъ Германіи и сталъ грозой всего побережья, отъ Шлезвига до Финскаго залива.

Южные славяне, румыны, венгры и туранцы.

Южные славяне пережили много тревогъ. У нихъ явился новый врагъ—*румыны*, или валахи, потомки римскихъ колонистовъ на нижнемъ Дунаѣ, которые заимствовали у болгаръ восточное православіе и церковное письмо. Румыны одно время владѣли всѣми болгарами. Въ то же время сербовъ тѣснили венгры, которые захватили также хорватовъ и словенцевъ. Тогда въ Венгріи настала пора процвѣтанія. Она получила даже своего рода Великую Хартію—*Золотую Буллу* (1222). Но развитіе Венгріи было остановлено нашествіемъ татаръ, превратившихъ ее въ пустыню, и борьбой съ чехами при Оттокарѣ II. Зато на смѣну мадьяръ, казалось, выступала другая отрасль туранскаго племени—турки. Около 1150 г., за Араломъ опять началось великое переселеніе народовъ. Толчкомъ къ нему послужили *татары* или монголы. Тѣснимые китайцами, они начали напирать изъ глубины Гоби на западъ, тѣсня новыя турецкія орды, которыя, въ свою очередь, насѣдали на сельджуковъ. Татары достигли высшей силы при Темучинѣ, который самъ называлъ себя «Бичемъ Божіемъ». Онъ уничтожилъ родовыхъ князьковъ и сталъ Чингисханомъ, т.-е. самодержцемъ новаго царства, которое, благодаря его завоеваніямъ, простиралось отъ Пекина до Индіи, Днѣпра и Тигра. Татары пронеслись, черезъ южную Россію, до Кракова и Адріатики и основали на Нижней Волгѣ Золотую Орду, а въ Передней Азіи разрушили Багдадскій халифатъ (1258). Правда, вскорѣ послѣ Темучина, эти полудикари исчезли здѣсь, не оставивъ слѣда.

Но для всего міра было важно одно изъ косвенныхъ послѣдствій ихъ погромовъ. Спасаясь отъ Чингисхана, одна турецкая орда была выведена изъ Туркестана къ соплеменнымъ сельджукамъ: это — *османліи* или турки Османа. Этотъ Османъ, къ концу періода, назвался султаномъ, завелъ флотъ и забралъ Малую Азію у Византіи, которая уже представляла развалины, вслѣдствіе паденія Латинской имперіи. Такъ возобновлялось начало магометанства, но съ фанатизмомъ и свирѣпостью, приличными полудикимъ туранцамъ.

Съ появленіемъ такого страшнаго и свѣжаго врага, пѣсня Византіи была спѣта. Османъ оттого и овладѣлъ такъ легко Малой Азіей, что греки уже изжили свою историческую роль. Уже передъ Латинской имперіей они теряли свое обаяніе хранителей классицизма и представителей строгаго государственнаго чина. Въ Византіи происходили самые жалкіе дворцовые перевороты. Торговлю перехватывали итальянцы, промышленность чахла. Армія была сбродомъ наемниковъ, а флотъ почти совсѣмъ исчезъ. Императорская власть падала. Изсякло творчество даже въ законодательствѣ и искусствѣ. Со временъ Латинской имперіи Западъ пересталъ даже уважать грековъ; ихъ господа, латиняне, уже становились, въ культурѣ, на свои ноги въ то время, какъ Византію начали тѣснить османліи. Византійское вліяніе попрежнему сохранялось только *у южныхъ и восточныхъ славянъ*. Благодаря ему, развивалась болгарская письменность, переходившая въ Россію, и началась письменность въ Сербіи. У *западныхъ-же славянъ*, такъ же какъ у венгровъ, попрежнему господствовала культура Запада. **Культура византійская и славянская.**

Падала и арабская культура, которую подрывали полудикіе туземцы, принимавшіе исламъ. Монголы уничтожили самую возможность ея возрожденія: они погубили Багдадъ и Гасну; при нихъ заглохли даже старые торговые пути черезъ Переднюю Азію. Арабская культура попрежнему сосредоточивалась въ Испаніи да въ Сициліи; но и здѣсь она слабѣла, подъ вліяніемъ фанатизма, распаленнаго крестовыми походами. Распространялись астрологія и алхимія. Сохранялась свѣжесть только въ искусствѣ и философіи. Тогда то созрѣлъ *мавританскій стиль*, и его вліяніе запечатлѣлось на всемъ искусствѣ христіанъ. Въ Гранадѣ именно къ концу періода началось его высшее процвѣтаніе. Арабская философія увѣнчалась твореніями *Аверроэса* (†1198). Подобно Цицерону и Боэцію, Аверроэсъ имѣетъ значеніе составителя свода, энциклопедіи падающей культуры для передачи ея потомству. Въ математикѣ, медицинѣ, правовѣдѣніи онъ прямо излагалъ древнихъ. Важнѣе его «Комментаріи» къ Аристотелю, котораго онъ считалъ «высшимъ человѣческимъ превосходствомъ». Говорили, что «природа истолкована Аристотелемъ, а Аристотель—Аверроэсомъ». У Аверроэса источникъ жизни—движеніе, какъ плодъ теплоты; оно вѣчно и несотворенно такъ же, какъ и матерія. Безсмертіе заключается въ памяти потомства. Женщина равна мужчинѣ по способностямъ; «только рабство, въ которомъ держитъ ее наше общество, не позволяетъ намъ оцѣнить всѣ ея силы». Лучшая религія—религія философовъ, которая состоитъ въ изученіи всего, что есть,»—фраза, выпущенная въ латинскихъ переводахъ. **Арабская культура. Роль евреевъ.**

Но на Аверроэса возстали улемы; толпы гнали его; ученики даже не упоминали его имени; историки долго чернили его память. Реакція, поддержанная поклонниками Газеля, распространилась на всѣхъ философовъ,— и они вскорѣ перевелись. Оттого мусульмане вскорѣ забыли самое имя *Аверроэса*. Зато у него, въ теченіе четырехъ вѣковъ, было много учениковъ среди евреевъ и христіанъ. Его слѣды видны даже въ *каббалѣ*—мистическомъ ученіи, которое выработалось тогда: она стояла за свободу мысли противъ Талмуда. Подъ вліяніемъ арабскаго Аристотеля, среди еврейскихъ богослововъ появилось много раціоналистовъ. Его призналъ «еврейскій Аристотель», *Маймонидъ*, который утверждалъ, что откровеніе не должно противорѣчить разуму, возставалъ противъ обрядности и хотѣлъ замѣнить Талмудъ своею раціонали-

стической «Мишна — Торой». Ревнители синагоги не меньше папъ проклинали Маймонида и жгли его книги; но его ученіе овладѣло еврейской интеллигенціей. Съ побѣдой христіанъ евреи разсѣялись по Европѣ. Они служили врачами и астрономами у христіанъ и заводили школы, гдѣ учились христіанскіе мыслители до XVI-го вѣка. Эта роль евреевъ не прерывалась до конца среднихъ вѣковъ. Благодаря ихъ переводамъ съ арабскаго на латинскій, началось и прямое вліяніе арабской культуры на христіанъ. Душой аверроизма стали францисканцы, центромъ его—парижскій университетъ и отчасти оксфордскій. Доминиканцы выступили съ доносами на нихъ, а Ѳома аквинскій написалъ «Contra averroistas«. Король запретилъ лекціи аверроистовъ въ Парижѣ (1269). Тогда то Аверроэсъ сталъ превращаться, на западѣ, въ отца нечестія и матеріализма.

Христіанская культура Запада. Значеніе крестовыхъ походовъ.

Христіанская культура Запада представляетъ много любопытнаго за это время. XII-й и XIII-й вѣка вообще — одинъ изъ содержательныхъ періодовъ исторіи: здѣсь и расцвѣтъ силъ *средневѣковья*, и зарожденіе тѣхъ основъ новаго времени, которыя придали переходный характеръ слѣдующему періоду. Первыя преобладаютъ въ первой половинѣ періода, вторыя —во второй. Но тѣ и другія переплетаются между собой въ теченіе обоихъ столѣтій, придавая имъ смутный оттѣнокъ. Пестрое разнообразіе явленій связывается *крестовыми походами*, которые составляютъ самое яркое отличіе среднихъ вѣковъ. Ихъ лишь условно насчитываютъ 8: ихъ было не менѣе 20. Они лишь на дѣлѣ прекратились въ 1270 г.; ихъ духъ жилъ еще около столѣтія. Крестовые походы окончились неудачей, и не только въ политическомъ, но и въ нравственномъ смыслѣ. У христіанъ быстро остылъ религіозный пылъ, а у ислама прибывало число свѣжихъ поклонниковъ. Крестоносцы опозорились передъ лицомъ свѣта, обнаруживъ невѣжество, неумѣлость, разнузданность, въ виду арабской культуры и такихъ образцовъ нравственности, какъ Саладинъ. Враждуя между собой, они сами призывали мусульманъ къ себѣ на помощь и, по ихъ собственному признанію, создали изъ Палестины «международную колонію преступниковъ». Наконецъ, крестоносцы нисколько не повліяли на болѣе высокую, испанскую культуру. Они только способствовали разложенію халифата внѣшнимъ потрясеніемъ; эмиры Передней Азіи пользовались ими для своего освобожденія отъ власти багдадскаго халифа. А подконецъ исламъ и Азія даже переходятъ въ наступленіе противъ христіанства, въ лицѣ татаръ и османліевъ.

Тѣмъ не менѣе, въ сущности, крестовые походы были благодѣяніемъ для Запада и гибелью для ислама и Византіи, потрясенныя культуры которыхъ пали. Умственное броженіе и матеріальная культура, вызванныя соприкосновеніемъ между націями, открытіемъ новыхъ цивилизацій и самыми неудачами крестоносцевъ, пролагали путь свѣтскому реализму. Новыя мысли овладѣвали умами христіанъ. Они были поражены и восхищены хорошими чертами врага и привыкали уважать его; духъ терпимости проникалъ въ ихъ сердца. Христіане начали съ радостью заимствовать новинки исламской культуры: масса восточныхъ словъ, проникшихъ тогда въ языки, доказываетъ, что не было такой стороны жизни, которая не подверглась бы прямому и благотворному воздѣйствію арабовъ. Изъ Азіи христіане заимствовали и вѣтряную мельницу, и абрикосы, и барабанъ съ самострѣломъ, и обычай носить бороду, или надѣвать вѣнокъ изъ розъ. Еще важнѣе, что крестовые походы способствовали сплоченію европейскихъ націй: въ 1291 г., въ Тарасконѣ, состоялся первый международный конгрессъ (Франція, Англія, папа, Арагонія, Неаполь), по поводу паденія Акры. Мало того, Крестовые походы привели къ самымъ оживленнымъ торговымъ сношеніямъ повсюду. Въ этомъ смыслѣ, они сильно двинули дѣло мірового сплоченія и международнаго права, на-

ряду съ рыцарствомъ, слагавшимся, какъ идеалъ, подъ ихъ же вліяніемъ. Крестовые походы не только сливали Европу съ Азіей, но и помогли вселенской цивилизаціи, очистивъ путь туркамъ, которые, сами не создавъ ничего новаго, разносили по необозримымъ пространствамъ культуры арабовъ, иранцевъ, а потомъ и европейцевъ, переселяя мастеровыхъ и художниковъ западной Азіи въ Сибирь, Монголію, Китай, Тибетъ и Индію.

Вліяніе крестовыхъ походовъ видно во всѣхъ сторонахъ культуры. Прежде всего, оно сказалось въ развитіи *національнаго сплоченія*. Въ этихъ походахъ сталкивались всѣ народы—и распри между крестоносцами носили національный отпечатокъ. Тогда же возникли національные вопросы—англо-французскій, ирландскій, нѣмецко-итальянскій, нѣмецко-славянскій. Они сквозили и въ международной политикѣ: при борьбѣ императорства съ папствомъ укрѣплялись національныя церкви. Уже сложился типъ англичанина: въ концѣ періода одна монахиня умертвила послѣдняго героя англо-саксовъ, «разбойника» Робинъ-Гуда, а вокругъ Симона Монфорскаго соединился весь народъ. Патріотизмъ француза ясенъ въ борьбѣ съ англичанами. Даже у нѣмцевъ «deutsch» (тевтонъ), значившее прежде чернь, стало именемъ націи. Среди итальянцевъ патріотизмъ проявлялся у горожанъ, даже у папъ, а подконецъ громко заговорилъ устами Данта. Государство.

Ясны и успѣхи *политическаго* сплоченія въ каждой націи. Государственность все энергичнѣе боролась съ феодализмомъ и принимала отчетливый видъ. Образцомъ ранняго абсолютизма были «конституціи Сицилійскаго королевства» (1231) того самого Фридриха II Гогенштауфена, который правилъ въ Германіи въ духѣ феодализма. Здѣсь впервые видимъ строгую администрацію, королевскіе суды, правильныя подати, акцизы, казенныя монополіи. Здѣсь были отмѣнены судъ Божій, право частной войны и даже ношеніе оружія. Замки феодаловъ были срыты; ихъ земли возвращались коронѣ. Церковь была подчинена суду короля, и ей запрещалось пріобрѣтать земли. Подконецъ въ Сициліи обнаружились уже крайности абсолютизма, вызывавшія возстанія даже въ городахъ, сначала поддерживавшихъ короля. И Фридрихъ II, въ борьбѣ съ папствомъ, такъ обращался ко всѣмъ королямъ: «взываемъ къ вашей помощи, чтобы всѣ знали, что тутъ замѣшана наша общая честь». Монархизмъ успѣшно развивался еще во Франціи. Капетинги оставляли за феодалами только придворные титулы, а власть отдавали «клеркамъ (дьякамъ) своей часовни». Въ то же время они усиливались собираніемъ французской земли: Филиппъ Августъ былъ уже самымъ крупнымъ собственникомъ страны и первый не счелъ нужнымъ короновать сына при своей жизни. Крѣпокъ былъ сначала монархизмъ въ Англіи; но здѣсь уже возникъ образецъ *конституціи и парламентаризма*. Подобная же форма правленія выработалась въ Испаніи и Венгріи. Наконецъ, и въ Германіи явился намекъ на ограниченіе монархизма: возникли «земства» въ то самое время, когда феодалы получили верховныя права.

Еще болѣе явнымъ признакомъ усиленія монархизма служитъ развитіе *римскаго права*. Тутъ сначала главную роль играла церковь: первоначальные хранители классицизма, клерки, были секретарями королей. Папство пользовалось римскимъ правомъ не въ одной своей организаціи: вводя завѣщаніе, контрактъ, довѣренность, клерки выдвигали *частную собственность* на счетъ родовой и общинной, которую не могъ передавать церкви набожный человѣкъ для спасенія собственной души. Но, разлагая первобытность варваровъ, церковь воспитывала своего злѣйшаго врага: плодъ античности и цезаризма, римское право стало душой свѣтской власти. Съ XII-го в. оно даже перешло въ свѣтскія руки. Отцомъ этой науки былъ Ирнерій, привлекавшій въ Болонью до 15.000 студентовъ. Первыми учениками болонцевъ были фран-

цузы: у нихъ юристы назвались «легистами»,—мѣщанами, которые смѣнили безсловесныхъ феодаловъ въ королевскомъ судѣ, переименованномъ въ говорильню — «парламентъ». Девизомъ легистовъ было: «воля короля — законъ». За французами слѣдовали англичане. У нихъ «ассизы» Генриха II уже были зарей правового правленія: здѣсь начало полнаго суда присяжныхъ, съ ихъ клятвой «говорить правду» (vere dictum: отсюда—вердиктъ), а также отмѣна феодальной юстиціи—суда Божія и судебнаго поединка. Въ Германіи лишь подконецъ юристы составили два «Зерцала», гдѣ, «какъ въ зеркалѣ», отразилось обычное право, но съ такимъ придаткомъ римскаго, что ихъ называли «императорскимъ правомъ». Впрочемъ, въ смуту не исполнялись никакія законы—и возникла *святая фема* или тайное судилище, передъ которымъ трепетала вся Германія. Эти невѣдомые суды «свободныхъ графовъ и шеффеновъ», подобно азіатскимъ ассассинамъ, составляли строгую организацію, съ особыми знаками. Народъ, заодно съ императорами, отстаивалъ фему, какъ единственное средство обузданія феодаловъ.

При всемъ томъ *феодализмъ* былъ еще въ цвѣтѣ силъ. Онъ составлялъ тогда именно душу средневѣковья. Все обратилось въ ленъ до того, что аллоды становились преданіемъ. Феодализмъ охватилъ не только весь Западъ, но даже Византію и Іерусалимъ. Если онъ сокращался во Франціи и въ Англіи, зато его царствомъ были Испанія, Италія, а больше всего Германія. Титулъ императора сталъ такимъ же пустымъ звукомъ, какъ «іерусалимскій король». Это званіе сдѣлалось избирательнымъ, и сеймы вельможъ стали ежегодными. Главные феодалы образовали подконецъ федерацію «князей съ верховными территоріальными правами». И среди нихъ курфюрсты уже торговали своими голосами. Наслѣдственность леновъ, возникшая раньше въ Италіи и Франціи, распространилась по всей Германіи. Въ Италіи, наряду съ феодализмомъ, создался новый типъ государственности — городскія *республики*, именно на сѣверѣ и въ центрѣ полуострова. Подконецъ онѣ уже отцвѣтали отъ усобицъ. Въ Венеціи выработался къ 1300 г. типъ *олигархіи*, съ таинственнымъ «Совѣтомъ Десяти» во главѣ, который располагалъ ужасною государственной инквизиціей; при этомъ не допускалось ни малѣйшаго вліянія папства и клира. Бывшая греческая колонія, Амальфи, создавшая морское право, была уничтожена Пизой, Пиза — Флоренціей и «Гордою» (la Superba) Генуей. Венеція старалась погубить всѣхъ, заправляя крестовыми походами; но пока она распоряжалась на Востокѣ, Генуя овладѣла западнымъ бассейномъ Средиземнаго моря и помогла возстановленію Византіи. Но при всѣхъ этихъ усобицахъ, республики представляли высшее культурное развитіе въ Европѣ.

Общество. Развитіе національности и государственности связано съ перемѣнами въ составѣ общества. Созданіе іерархіи и рыцарства, крестовые походы, подрывали эти средневѣковыя силы, выдвинувъ низшіе классы. Когда рыцари пошли въ Палестину, въ Европѣ «водворилась великая тишина», по словамъ лѣтописца. Возвращались немногіе, да и тѣ нищіе: снаряжаясь въ походъ, рыцари продавали или закладывали свои земли, давали за деньги льготныя грамоты общинамъ, освобождали крестьянъ за выкупъ или на поминъ души. Крестьяне, шедшіе въ походъ, получали свободу; если немногіе возвращались, да и тѣ становились разбойниками или наемниками, зато недостатокъ рабочихъ рукъ заставлялъ давать льготы остальнымъ. Еще больше пользы выпадало на долю купцовъ, которые обогащались отъ перевозки армій и запасовъ и отъ обширной торговли съ Левантомъ: крестовые походы выдвинули *движимую* собственность насчетъ недвижимой и капиталистовъ насчетъ землевладѣльцевъ. Настала пора усиленія коммунъ. Коммуны создавались, главнымъ образомъ, деньгами, за которыя сеньеръ давалъ «хартію», обыкновенно узаконявшую вольности, уже пріобрѣтенныя раньше путемъ примѣровъ и обычая. Такъ

коммуна сама становилась сюзереномъ: она отдавала свои земли въ ленъ и пользовалась самосудомъ, собственными финансами (иногда даже чеканкой монетъ) и законами. Душой ея была «каланча» съ вѣчевымъ колоколомъ, который созывалъ гражданъ на сходки. Сначала коммуну составляли всѣ жители города, и назывались они «гражданами», или «буржуа». Затѣмъ это были только собственники, а остальные превращались въ безправныхъ «обывателей». Чѣмъ дальше, тѣмъ больше развивалась кастичность: городская демократія превращалась въ «тимократію» или господство богачей, а мѣстами—въ олигархію. И коммуны сдѣлались средоточіемъ усобицъ, борьбы съ сеньерами, особенно съ церковью, ссоръ между олигархами, вражды между бѣдняками и богачами. Подконецъ городская знать стала падать; короли помогали и водворяли миръ. Но при этомъ они отбирали вольности у коммунъ.

Зато въ коммунахъ зародилась новая жизнь: въ городахъ расцвѣтали всѣ блага, принесенныя крестовыми походами,—денежное хозяйство, новыя отрасли торговли, промышленности, наукъ и искусствъ. Здѣсь то постепенно слагалось среднее сословіе, которое называли тогда третьимъ чиномъ (tiers état) или «буржуазіей, бюргерствомъ», т. е. мѣщанствомъ. Въ Англіи оно уже высылало въ парламентъ депутатовъ отъ городовъ и мѣстечекъ. Въ Испаніи оно достигло высшаго развитія своихъ фуэровъ и избирало на годъ собственныхъ алькадовъ.

Среднее сословіе развивалось теперь по сю сторону Альпъ, когда въ Италіи уже отцвѣтали республики, и прежде всего во Франціи и Фландріи, Въ Англіи, гдѣ не было ни древнихъ муниципій, ни сильнаго феодализма, города возникли просто изъ скученности населенія на клочкѣ земли короля или лорда. Сначала они ничѣмъ не отличались отъ селъ. Въ Германіи города выслали своихъ депутатовъ въ имперскій сеймъ лишь при Рудольфѣ. Здѣсь «посредственные города» освобождались отъ феодаловъ, пользуясь смутой и поддержкой королей: они становились «имперскими», которые получали, за вѣрность императорамъ, самосудъ и право выбирать городскіе совѣты, съ ихъ «бургомистрами». Въ старѣйшихъ городахъ ремесленники образовали свои корпораціи или цехи съ «мастерами». (Meister, отъ magister) во главѣ. Въ Богеміи возникло много городовъ при Оттокарѣ II; они пользовались подобными же вольностями по магдебургскому праву. Въ Венгріи города состояли только изъ иностранцевъ, и сильная знать не давала имъ политическаго значенія. Такъ, къ концу періода вся Европа покрылась коммунами. Города даже сплачивались въ союзы, гдѣ было безпокойнѣе.

Крестьянство также стало поправляться отъ сношеній съ богатѣйшими городами и старалось подражать имъ: возникли сельскія коммуны.

Такъ началось, опять съ юга, «освобожденіе» крѣпостныхъ путемъ хартій, схожихъ съ городскими. Въ Италіи, южной Франціи, Фландріи и Нормандіи уже къ концу XII-го в. видимъ почти однихъ свободныхъ крестьянъ. Въ Англіи также безправные «держатели» земли, которыхъ лордъ всегда могъ прогнать, превратились въ «фригольдеровъ» или «свободныхъ тяглецовъ», владѣвшихъ участками безсрочно за извѣстную «ренту». Въ чисто земледѣльческихъ странахъ положеніе крестьянъ улучшалось медленнѣе. Въ Испаніи еще господствовало суровое крѣпостничество; но въ Кастиліи были области, гдѣ крестьяне свободно мѣняли господъ до 7 разъ въ годъ. Нѣмцы даже нарушали исконную независимость народа въ Швейцаріи. Въ Венгріи крестьяне скорѣе теряли, чѣмъ выигрывали отъ Золотой Буллы, увеличившей права феодаловъ. Въ Даніи и Швеціи феодализмъ истребилъ свободное крестьянство, а ревнивая нѣмецкая Ганза мѣшала развитію городовъ. Только въ Норвегіи крестьянинъ попрежнему имѣлъ собственную, обнесенную заборомъ, пашню при общинныхъ выгонахъ и лѣсахъ, засѣдалъ въ «тингахъ» (сеймахъ) и судахъ (присяжные).

Церковь. Среднее сословіе выступало на смѣну не одного второго, но и перваго чина. Паденіе духовенства также было слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Но сначала они возвышали создавшую ихъ іерархію. Земля и крестьяне, которыхъ лишался рыцарь, снаряжаясь въ Палестину, доставались попреимуществу епископамъ и аббатамъ, которымъ короли давали, съ своей стороны, большія привилегіи, отправляясь въ походъ. Папѣ платили дань отнятыя у мусульманъ царства. Крайній фанатизмъ дозволялъ выгодное Риму истребленіе богатыхъ еретиковъ и создалъ невиданную папскую армію—рыцарскіе и нищенствующіе ордена. Къ срединѣ періода церковь стала душой средневѣковья больше даже, чѣмъ феодализмъ. Она вполнѣ сложилась. Въ XIII-мъ в. всюду было принято *безбрачіе* духовенства, и избраніе епископовъ стало дѣломъ исключительно церковнымъ. Тогда же установился епископскій судъ, имѣвшій огромное значеніе: болѣе разумный и мягкій (церковь чуждалась тѣлесныхъ наказаній), онъ сильно привлекалъ народъ. Упорядочилась и *обрядность*. На первый планъ выступило причащеніе съ покаяніемъ, причемъ приказано было причащаться «подъ однимъ видомъ» или облаткой, дабы щадить кровь Христа. Явилось также слово «пресуществленіе». Развилась и проповѣдь на иноземныхъ языкахъ, благодаря нищенствующей братіи.

Папство достигло идеала ѳеократіи, о которомъ только мечталъ Григорій VII. Ученые юристы возвели его въ законъ, въ видѣ *каноническаго права*. Былъ устраненъ выборный скандалъ: при избраніи папы, кардиналы должны были кончать дѣло въ три дня; ихъ запирали на ключъ (cum clave), откуда названіе—*конклавъ* (1274). Явилась *инквизиція* (1215) или «слѣдствіе» для враговъ церкви. Папа присвоилъ себѣ «канонизацію» (сопричисленіе къ лику святыхъ), всякія «диспенсаціи» или разрѣшенія, вселенскіе соборы (они стали латеранскими). Его легаты держали въ своихъ рукахъ весь Западъ. Папа сталъ крупнымъ владѣльцемъ и властвовалъ надъ государями. Онъ превратилъ ученіе о двухъ мечахъ въ сравненіи короны съ луной, а себя—съ солнцемъ. Динарій св. Петра сталъ всесвѣтною казною папы, крестовые походы — его международной политикой. Въ 1274 г. св. отецъ даже праздновалъ «возвращеніе греческой церкви къ единству», хотя оно не продержалось и 10-ти лѣтъ.

Но подконецъ настало паденіе ѳеократіи. Ея злоупотребленія и позоръ крестовыхъ походовъ пробуждали ненависть къ Риму. Въ самомъ Римѣ распоряжались вельможи, и цѣлые годы проходили вовсе безъ папъ. Гибель Гогенштауфеновъ заставила задуматься остальныхъ государей. Въ то же время старый идеалъ всеобщаго сплоченія изнашивался: создавались прочныя государства и національности. Свѣтская власть уже выступала противъ притязаній папства, и ее поддерживало даже мѣстное духовенство. Римское право вездѣ стремилось вытѣснить каноническое. Просвѣщеніе переходило изъ рукъ клира къ третьему чину. А Римъ снова превращался въ гнѣздо деспотизма и симоніи: папы начали продавать индульгенціи. И соборъ 1215 г. уже требовалъ коренной реформы церкви.

Средневѣковое міровоззрѣніе. а) Церковность. Эта судьба церкви связана съ перемѣнами въ міровоззрѣніи средневѣкового человѣка. Здѣсь также сначала господствовалъ *церковный идеализмъ*. Онъ достигъ тогда крайнихъ предѣловъ. Католичество развивало фанатизмъ: вѣра должна была стать единственной добродѣтелью и подчинить себѣ всю культуру. Воплощеніемъ этого идеала былъ отшельникъ Бернаръ изъ Клерво, передъ которымъ дрожали государи и сами клюнійцы; а геній науки, Абеляръ, умолкъ отъ его доносовъ. Папство развивало *семипелагіанизмъ* или «новое іудейство»: оно учило, что спасеніе—только въ церкви, этой «сокровищницѣ благодати», которая вымолитъ прощеніе грѣховъ за «добрыя дѣла», т.-е. за исполненіе ея предписаній, особенно денежныхъ. И торговля индульгенціями

уже становилась замѣтнымъ зломъ. Жизнь превращалась въ мертвую обрядность. Монастыри стали сливаться въ сильные «ордена» и «конгрегаціи»; и появилась *нищенствующая братія* (1209—1215), во главѣ которой стали чувствительные францисканцы и суровые доминиканцы, захватившіе въ свои руки благотворительность и воспитаніе. Доминиканцы-то утвердили *инквизицію*, освященную Ѳомой Аквинскимъ, который назвалъ еретиковъ «волками»; а волковъ истребляютъ.

Таково же было настроеніе массы. Она превращалась въ аскета и фанатика, жаждала смерти за вѣру: въ крестовыхъ походахъ участвовало много вооруженныхъ дамъ и цѣлыя полчища дѣтей. Св. облатка творила чудеса. Сумасшедшіе выдавали себя за Христовъ и Богородицъ. Появлялись такія душевныя эпидеміи, какъ хлыстовщина или *флагелланты* (1260) и «плясуны», давшіе названіе падучей (пляска св. Вита). Самъ народъ истязалъ и разорялъ евреевъ, которыхъ заточали въ черту осѣдлости (грязный кварталъ Гетто въ Римѣ) и отличали позорнымъ платьемъ; сожигали христіанъ, жившихъ съ еврейками. Тогда возникли сказки о Вѣчномъ Жидѣ. Тотъ же строй мысли въ *демонологіи*, которая развилась до того, что церковь стала преслѣдовать ее. Выработались типы колдуна и вѣдьмы. Въ Испаніи возникла секта «люциферіанъ». Упорно сохранялись и пережитки *язычества*. Употреблялись ордаліи. Вѣрили въ Артура и безсмертіе Барбароссы. У Данта такая же церковная географія и космологія, какъ на тогдашнихъ картахъ. Словомъ, церковный идеализмъ встрѣчается всюду, не исключая наукъ и искусствъ, и въ теченіе всего періода.

б) Свѣтскія понятія. Ереси.

Но послѣ крестовыхъ походовъ ему приходилось бороться съ *свѣтскимъ реализмомъ*, который связанъ съ классицизмомъ или античностью и съ выступленіемъ новыхъ общественныхъ силъ. Эти новыя воззрѣнія церковь огульно называла *ересями*.

Тогда возникли самыя важныя ереси, прежде всего въ Италіи: здѣсь сохранялись преданія богомиловъ, подновленныя патаріей и Арнольдомъ, этимъ отцомъ новыхъ ересей, который первый поставилъ вопросъ объ апостольской чистотѣ и первобытной простотѣ. Отсюда движеніе распространилось по южной Франціи, Швейцаріи и Нидерландамъ. Въ старину ереси были догматическія; теперь же, когда церковь пала нравственно и установила догму, несогласную съ Библіей. онѣ приняли нравственное, жизненное направленіе, поддержанное такой силой, какъ францисканцы. Противъ авторитета папъ была выставлена Библія на народномъ языкѣ (она была вся переведена на французскій языкъ въ 1235 г.)—и идеаломъ праведничества стала апостольская эпоха. Противъ роскоши и мертвой обрядности церкви выдвинули нищету, т.-е. отмѣну церковныхъ имуществъ, да мистицизмъ—стремленіе непосредственно сливаться душой съ Богомъ, замѣнившп «внѣшнюю дисциплину внутреннею», «добрыя дѣла»—подвигами христіанской любви да искреннею вѣрою и молитвой, «по личному вдохновенію», безъ посредничества клира и святыхъ. Изъ обрядовъ признавалось только причащеніе, какъ братская трапеза, притомъ съ чашей.

Въ Нидерландахъ появились Братья и Сестры свободнаго духа; отраслями этой секты были бегины съ бегинками и лолларды. Въ Италіи возникла община Апостольскихъ Братьевъ, примыкавшая къ францисканцамъ. Но важнѣе всѣхъ были ереси въ Лангедокѣ, которыя назывались общимъ именемъ *альбигойцевъ*, по ихъ центру, городу Альби. Душой ихъ были катары (чистые) и вальденсы, примыкавшіе къ богомиламъ. Враги всего чувственнаго, даже мясной пищи и брака, они признавали одинъ только Новый Завѣтъ на родномъ языкѣ и горячо возставали противъ папства и всякихъ кровопролитій. Ихъ нравственную чистоту признавалъ самъ Иннокентій III. Альбигойцы проникли въ Испанію и Италію, а затѣмъ—въ Англію и Германію. И тотъ же Иннокентій III

поднялъ крестовый походъ противъ этихъ мирныхъ людей. Послѣ 20-лѣтней борьбы (1209—1229), альбигойцы были истреблены, а съ ними погибла и роскошная провансальская культура.

Но такой образъ дѣйствій приличествовалъ первой половинѣ періода. Теперь же свѣтсткій реализмъ началъ постепенно проникать всюду. И этимъ пользовалась свѣтская власть, давшая отпоръ папству въ лицѣ самаго «святаго» короля, Людовика IX. Явился даже императоръ вольнодумецъ—питомецъ арабовъ, Фридрихъ II, который жарится, у Данта, въ огненномъ гробу, какъ проклятый папою «богохульникъ». Государи вообще уже придерживались новыхъ взглядовъ: они опирались на среднее сословіе, этотъ очагъ реализма, выступавшаго во всей культурѣ именно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла въ руки горожанъ. Даже въ Испаніи короли не обращали вниманія на папскія отлученія. Литература заговорила новымъ языкомъ. Самъ дорожившій папствомъ Данте бичевалъ его пороки. Въ Германіи поэты называли папу «воромъ, который обогащается насчетъ глупыхъ нѣмцевъ». Французскіе трубадуры наименовали Римъ «червоточиной», а поповъ—«мясниками», и прославляли «всесильнаго» Магомета. А въ Парижѣ образовался кружокъ *аверроистовъ*, какъ называли тогда вообще вольнодумцевъ. Тутъ впервые обнаружилось уже не еретичество, а невѣріе, которое, прежде всего, овладѣло Италіей и Франціей. Интеллигенція, особенно гибеллины, уже въ XII-мъ в. склонялись къ матеріализму: эпикурейцы занимаютъ цѣлое отдѣленіе въ аду Данте.

Нравы. Паденію церковности содѣйствовало и нравственное состояніе общества. Лучшіе люди приписывали крайнюю грубость средневѣкового человѣка забвенію церковью ея учительнаго долга. Но уже видимъ и проблески улучшенія нравовъ. Еретики отличались нравственностью, по свидѣтельству самихъ папъ. Города вводили въ жизнь трезвый элементъ общественности, съ ея благопристойностью, критикой и гуманностью: въ нихъ появились госпитали, богадѣльни, пріюты, подъ конецъ и воспитательные дома. У феодаловъ возникли чувство чести и *куртуазія*, т. е. придворность, любезность, проявлявшаяся особенно въ безкорыстномъ служеніи «дамѣ сердца». Наконецъ, въ разгаръ крестовыхъ походовъ блеснулъ идеалъ *рыцарства*, эта почетная стража феодализма. Въ немъ было столько общечеловѣческаго благородства, что феодализмъ давно исчезъ, а и теперь говорится о «рыцарскихъ» поступкахъ и характерахъ. Посвящая въ рыцари, внушали юношѣ: «дѣлай, что должно, будь, что будетъ». А тотъ говоритъ, въ одномъ романѣ, своему обоюдоострому мечу: «однимъ остріемъ коли богача, прижимающаго бѣдняковъ, другимъ—сильнаго, угнетающаго слабыхъ».

Просвѣщеніе. Въ идейной культурѣ наиболѣе важенъ переворотъ, произведенный крестовыми походами. До нихъ мракъ невѣжества царствовалъ всюду. Даже въ Провансѣ рѣдкій сеньеръ могъ читать по романски, не говоря уже про латынь. Въ Англіи королевскіе автографы начинаются лишь съ конца періода, а женскіе—сто лѣтъ спустя. Въ Германіи сначала даже поэты диктовали свои пѣсни клеркамъ. Отъ этого то недостатка грамотности «герольды» (глашатаи) играли такую важную роль повсюду. Между тѣмъ, столкновенія между европейцами, сношенія съ Востокомъ и Византіей, прямое знакомство съ арабскою культурой—все разжигало любознательность и выдвигало античное міровоззрѣніе. А такъ какъ крестовые походы отвлекали рыцарей отъ ученія и подготовляли ихъ паденіе, то выступили низшіе классы. Здѣсь явились трубадуры, студенты, купеческіе секретари, законовѣды, которые умѣли бойко писать: слово «клеркъ» стало означать не церковника, а грамотѣя. Блеснулъ даже рѣдкій идеалъ женской культуры въ лицѣ Элоизы, знавшей не только латынь, но также греческій и еврейскій языки. Возрастала частная переписка, которой помогла взятая у мавровъ писчая бумага, сначала хлопчатая, по-

томъ тряпичная. Возникала *книжная торговля*. Но книги были дороги и рѣдки: требовалось устное преподаваніе. И вотъ, между тѣмъ какъ рыцари уходили въ Палестину, другая армія, молодежь, шла къ новымъ учителямъ которые диктовали свои лекціи. Такъ какъ тогда все превращалось въ корпорацію, то и студенты и магистры «всѣхъ» націй составляли университеты, которымъ папы давали уставы, а короли—привилегіи

Университеты родились въ Италіи (1158). Фридрихъ II основалъ въ Неаполѣ высшую школу «всѣхъ наукъ—первый университетъ въ нашемъ смыслѣ; всѣ другіе были посвящены каждый особой наукѣ. Итальянскіе университеты, подъ прямымъ вліяніемъ арабовъ, изучали юриспруденцію, медицину, математику. Но затѣмъ выдвинулось средоточіе схоластики—парижскій университетъ, и начали славиться университеты въ Саламанкѣ и особенно въ Оксфордѣ, который былъ центромъ еврейскихъ богачей и англійской торговли. По виду, университеты были церковными учрежденіями: профессора и студенты даже считались клерками и подчинялись духовному суду. Но, въ сущности, это были колыбели новаго направленія

При такихъ средствахъ началъ возрождаться *классицизмъ*, прежде всего въ Италіи, гдѣ его слѣды никогда не вымирали въ самой жизни. Здѣсь то воспитались лучшіе латинисты эпохи и творцы римскаго и каноническаго права; здѣсь же, съ помощью арабовъ, возникла положительная наука, когда одинъ купецъ ввелъ *арабскія цифры*, (1228). Но роль вождя культуры на время ускользнула отъ Италіи, когда въ ней разгорѣлась борьба между гвельфами и гибеллинами. Она перешла къ Франціи, гдѣ XII-й и отчасти XIII вѣка называются *первымъ Возрожденіемъ* классицизма. Оно началось въ Провансѣ, благодаря евреямъ и альбигойцамъ. Внѣ Италіи одинъ только университетъ въ Монпелье, сносившійся съ Кордовой, былъ посвященъ положительной наукѣ. Благодаря латинской грамматикѣ, раньше всѣхъ выработался провансальскій языкъ, а подъ его вліяніемъ — французскій. У французовъ возникли романтическій эпосъ и готическій стиль. Въ парижскомъ университетѣ расцвѣла схоластика, выдвинутая, какъ образовательное средство, геніальнымъ Абеляромъ, который ввелъ діалектику перипатетиковъ. Въ Парижѣ славилась еще богословская школа Сорбонна, основанная Людовикомъ IX. Тамъ передовые ученые знали уже по гречески. Изъ Франціи просвѣщеніе проникло въ Англію. Оксфордскій университетъ сталъ лучшимъ послѣ парижскаго, и съ нимъ уже соперничалъ кембриджскій. Очагомъ просвѣщенія былъ также французскій дворъ Плантагенетовъ, гдѣ образовалась цѣлая школа юристовъ и историковъ. Выступилъ и англійскій языкъ. Но нѣмецкій языкъ вошелъ только въ поэзію: въ Германіи не было университетовъ; только «учебныя общества» нанимали себѣ случайныхъ профессоровъ. Гораздо болѣе развилось просвѣщеніе въ Испаніи, къ концу періоду, когда выдвинулся саламанкскій университетъ, а кастильскій языкъ былъ введенъ въ суды и законы. Тогда же просвѣщеніе снова стало сосредоточиваться въ *Италіи*, отчасти подъ вліяніемъ Франціи. Ему покровительствовали тираны-Меценаты, въ особенности же республики. Въ Италіи не знали схоластики, презирали готикъ, какъ варварство, и начинали писать хорошею латынью. Выработался и итальянскій языкъ, именно ближайшее къ латыни тосканское нарѣчіе. На порогѣ новаго періода этотъ языкъ достигъ уже нынѣшняго совершенства въ лицѣ *Данта* (1265—1321). Этому поэту нѣтъ равнаго, по всеобъемлемости генія. Какъ по своимъ сочиненіямъ, такъ и по личному характеру, Данте—не только воплощеніе средневѣковой культуры временъ ея разложенія, но и великое общечеловѣческое явленіе. **Поэзія. Данте.**

Поэзія періода была протестомъ противъ церковности, какъ плодъ новыхъ, и именно романскихъ, языковъ, по имени которыхъ ее называли *романтиче-*

ской. Ея творцы, «трубадуры» (въ Германіи — миннезингеры) «находили» новыя «пѣсенки» (канцоны) и тоны». Она считалась «веселою наукой», воспѣвавшей обожаніе дамы сердца да природу: она даже нерѣдко была сатирой противъ церкви, особенно послѣ альбигойскихъ войнъ. Эта поэзія зародилась, подъ вліяніемъ мавровъ, въ Каталоніи и развилась въ Провансѣ. Послѣ истребленія альбигойцевъ она перешла на сѣверъ Франціи. Здѣсь, подъ вліяніемъ кельто-германскихъ сказокъ, лирика смѣнилась богатырскимъ эпосомъ, любовные «романсы»—рыцарскими романами съ религіознымъ оттѣнкомъ. Изъ Франціи эти былины распространились всюду, гдѣ было рыцарство, и даже проникли въ Грецію, а оттуда—къ славянамъ. Романтическая поэзія падаетъ съ половины XIII-го в., вмѣстѣ съ рыцарствомъ. Она впадала въ «темную рѣчь», сближалась съ церковной поэзіей, особенно въ Германіи. Въ Германіи расцвѣла еще *народная* поэзія: около 1200 г. явились «Нибелунги». Это — та же миѳологія, тогда же собранная, въ Исландіи, въ двухъ «Эддахъ».

Схоластика. Наука. Въ научной области на первомъ планѣ стояла *схоластика*; но и она не избѣжала борьбы. Сначала въ ней господствовалъ «реализмъ» или церковный Платонъ. Но вскорѣ выступилъ раціонализмъ, болѣе основательный, чѣмъ у Эригены: узнали всѣ сочиненія Аристотеля. Церковь запретила Стагирита въ началѣ XIII-го в.; но онъ уже успѣлъ породить Абеляра. Геніальный *Абеляръ* († 1142) и его Элоиза были первымъ проблескомъ человѣка новаго времени, протестомъ личности, искренняго чувства. Абеляръ развивалъ раціонализмъ, утверждалъ номинализмъ. Проповѣдуя сомнѣніе и свободу сужденій, онъ толковалъ Библію по своему и осуждалъ аскетизмъ. Ученикомъ Абеляра былъ казненный папой Арнольдъ изъ Брешіи, судьба котораго повторилась на всей новой школѣ. Ее преслѣдовали, а властью и почетомъ пользовался отецъ схоластическаго богословія, *Ѳома Аквинскій,* († 1274). Этотъ «ангельскій докторъ» изложилъ всѣ догматы католичества въ своей «Summa philosophica de veritate catholica». Здѣсь то философія объявлена «служанкой» богословія, рабство — полезнымъ учрежденіемъ, а истребленіе еретиковъ — богоугоднымъ дѣломъ. Доминиканцы оживились и выступили на уничтоженіе францисканцевъ, съ ихъ аверроизмомъ. Развился крайній «реализмъ». Схоластика стала исключительно богословіемъ. Но она же подготовляла освобожденіе мысли, развивая разсудокъ и гордость разума, а также создавая догматическія новшества. И, по мѣрѣ ея паденія, открывался путь раціонализму и положительной наукѣ, по которому пошли францисканцы. Прежде всего, они отдѣлили философію отъ богословія, знаніе—отъ вѣры. Это сдѣлалъ соперникъ Ѳомы, шотландецъ *Дунсъ Скотъ.* Отсюда гибельный для схоластики споръ между *скотистами* и *ѳомистами*, какъ стали называться теперь номиналисты и реалисты, или между францисканцами и доминиканцами.

Къ концу періода все болѣе проглядывали зародыши *положительной науки.* Въ Англіи прививалась математика Эвклида. У романцевъ зародилось естествознаніе. И моряки уже употребляли астролябію, а въ Италіи усовершенствовали компасъ, и купцы да проповѣдники двинули географію своими путешествіями. Арабы занесли въ Сицилію глобусъ: утверждалось понятіе о шаровидности земли, какъ ни возставали противъ него папы. Къ концу періода появился и ученый энциклопедистъ, воспитанникъ арабовъ и Италіи, швабъ *Альбертъ,* — единственный изъ не вѣнценосцевъ *Великій.* Но истиннымъ отцомъ науки былъ геніальный современникъ Альберта, англичанинъ *Роджеръ Бэконъ.* Это—новый Аристотель, въ смыслѣ возстановленія опыта и индукціи. Его «Opus Majus», за который онъ пошелъ въ тюрьму,—энциклопедія наукъ съ добавленіями, особенно по математикѣ и физикѣ. Относительно положительной науки тотъ періодъ обнаруживалъ больше ученической любознательности, чѣмъ дѣла. Особенно развилось *римское право.* Да въ Италіи, съ

ея республиками расцвѣтала *исторія,* которая ускользала изъ рукъ духовенства и подчинялась прагматизму классиковъ. Во Франціи появились «мемуары»—безыскусственныя записки современниковъ и участниковъ событій. Въ Англіи образовалась цѣлая школа свѣтскихъ историковъ, обладавшихъ критикой и документами.

Искусство.

Главныя черты эпохи наглядно представлены въ искусствѣ. И старина, и новизна отразились, какъ у Данте, въ *готическомъ* стилѣ. Полный религіознаго символизма, посвященный церковному зодчеству, готикъ, однако, носитъ на собѣ отпечатокъ новой жизни. Въ его затѣйливомъ разнообразіи формъ выразились рыцарство и мѣщанство, трубадуры и схоластики, еретики и мистики; подконецъ выступаютъ даже народный юморъ и городской реализмъ. Готикъ — плодъ перваго Возрожденія съ его броженіемъ умовъ: его и называютъ «полувозрожденіемъ». Онъ — созданіе свѣтскихъ артелей «франмасоновъ» (свободныхъ каменьщиковъ). И подконецъ возникли свѣтскія сооруженія, въ особенности ратуши и биржи. Готикъ распространился всюду, кромѣ гордой своею античностью Италіи. Подконецъ въ Италіи явилась подготовка новаго искусства, у современниковъ Данта подъ вліяніемъ античности. Созрѣвалъ и отецъ новой живописи, другъ Данта, Джіотто. Крестовые походы быстрѣе всего повліяли на *музыку*, благодаря вліянію арабовъ и отчасти Византіи, у которой былъ заимствованъ органъ. Мелодіи стали разнообразными и нѣжными у трубадуровъ; а въ городахъ возникла «полифонія» или многогласіе; въ Англіи развились хоры. Подконецъ музыка уже проскользала всюду: въ церкви слышимъ почти оперныя мистеріи, въ замкахъ—цѣлые концерты и зародыши комической оперы; и вездѣ — пѣсни трубадуровъ, труверовъ, миннезингеровъ, минестрелей.

Матеріальная культура.

Подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ развивалась матеріальная культура. Рыцари, и особенно ихъ дамы, начинали одѣваться нарядно: французы уже стали законодателями модъ. Матеріи стали ярки и узорчаты: многія привозились изъ Азіи. Подконецъ города становились многолюдными, а Парижъ уже поражалъ своей роскошью. Здѣсь кипѣла дѣятельная и веселая жизнь. Здѣсь же сосредоточивались промыслы и торговля, сильно двинутые крестовыми походами. *Торговля* началась съ приморскихъ городовъ Италіи, особенно съ Венеціи и Генуи, и подконецъ — Флоренціи. Итальянскіе «банкиры» или «ломбарды» ссужали деньгами даже папъ и королей и ввели вексель или кредитъ. Зародились «консульства» или морское международное право. За итальянцами послѣдовали испанцы и особенно французы, у которыхъ возникли европейскія ярмарки. Англія, гдѣ Великая Хартія даровала иностранцамъ свободу торговли, торговала съ разбогатѣвшей Фландріей, Франціей и Испаніей; и Лондонъ становился уже средоточіемъ міровыхъ сношеній. Ганза овладѣвала торговлей всего сѣверо-востока Европы. И вездѣ образовались свои «ганзы» и «гильдіи», или купеческія компаніи. Но внутренняя торговля не могла идти въ сравненіе съ міровою, заморской. Она страдала отъ массы пошлинъ, таможенъ, отъ плохихъ путей сообщенія и отъ разбойничества. Торговлѣ вообще вредили еще разнообразіе монетъ, какъ плодъ феодализма, да слабость кредита. Тогда еще господствовало всеобщее отвращеніе къ процентамъ. Оттого ссудами занимались только ломбарды, по охотѣ, да евреи —поневолѣ, такъ какъ имъ воспрещались всѣ другія занятія. И доходило до того, что сами короли платили до 50%.

Рядомъ съ торговлей процвѣтала *промышленность.* Она обособилась и распалась на разныя ремесла, заимствуя готовые образцы изъ арабской культуры. Ремесленники соединялись, для борьбы съ феодализмомъ, въ «корпораціи» или «цехи» и «мастерства», съ очень строгими правилами. Рабочіе трудились по 10—16 час. въ день и лишь по представленіи «шедевра» (мас-

терской работы) становились мастерами или «патронами» (хозяевами). Въ корпораціяхъ господствовалъ духъ монополіи, своего рода касты. Корпораціи охраняли рабочихъ и отъ соперничества, и отъ феодаловъ, и отъ голода; это были своего рода общества взаимнаго страхованія. Оттого онѣ продержались болѣе полтысячелѣтія.

Подготовка новаго времени. Такъ, къ 1300 г. мы видимъ вездѣ подготовку новаго времени, подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ. Съ начала періода во главѣ исторіи стояли Италія и Франція, наиболѣе связанныя съ этимъ событіемъ; за ними, и подъ ихъ воздѣйствіемъ, шли прежде всего ближайшія страны — Англія и Нидерланды; позже и слабѣе развилась Германія, заимствуя у нихъ культуру и проводя ее къ венграмъ, литовцамъ и славянамъ, среди которыхъ уже зарождались Австрія и Бранденбургъ. Нѣмцы отчасти даже задерживали прогрессъ, увлекаясь фантасмагоріей міродержавія, которая поддерживала старую смуту въ центрѣ Европы и за Альпами. Въ концѣ періода историческая жизнь возвращалась къ *Италіи*, которая раньше всѣхъ воспользовалась плодами крестовыхъ походовъ и быстрѣе и шире других странъ переживала ступени развитія, благодаря своей почвѣ, пропитанной классицизмомъ, подновляемымъ Византіей и арабами. Здѣсь презирали схоластику и готикъ; здѣсь возникли университеты, наука римскаго права и сѣмена новаго искусства; здѣсь Данте,— новый человѣкъ, какъ личность, — переводилъ Европу въ новую эпоху, подводя итоги среднимъ вѣкамъ. Выродился и коренной, самый драматичный средневѣковой интересъ—борьба папства съ императорствомъ за міродержавіе: Карлъ Анжуйскій—судья послѣдняго Гогенштауфена, того Конрадина, который напомнилъ крестовый походъ дѣтей; а первый Габсбургъ не удостаиваетъ вниманія Римъ, гдѣ едва держится пошатнувшееся папство. Средніе вѣка, которымъ Данте уже воздвигаетъ величественный памятникъ своею «Божественной Комедіей», очевидно близки къ вымиранію, которому и посвященъ слѣдующій періодъ.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Около 1300—1500.

Творецъ абсолютизма. Съ паденіемъ феодализма, папства и императорства начался періодъ *перехода* отъ средневѣковья къ новому времени. Все измѣняется—и дѣятели, и самое поприще исторіи. Съ начала XIV-го вѣка міровые вопросы сосредоточиваются уже не въ Италіи и Германіи, а во *Франціи* и *Англіи*, гдѣ наиболѣе выступали новыя силы — монархизмъ и мѣщанство. Само папство надолго перемѣщается во Францію, властитель которой наноситъ ему міровое оскорбленіе. Это событіе, наиболѣе опредѣляющее паденіе средневѣковья, связано съ личностями совсѣмъ новаго типа— съ *Бонифаціемъ VIII* и *Филиппомъ IV Красивымъ*. Во Франціи дѣло монархизма вели, съ Людовика IX, «легисты», законники, да «королевскіе клерки» — люди, взятые снизу. Эти новички, питомцы римскаго права, внесли въ управленіе казуистическій духъ Римской имперіи. При Филиппѣ IV во главѣ ихъ стоялъ канцлеръ Ногарэ, который самъ называлъ себя «виртуозомъ тяжбъ».

Съ помощью такой подготовки, Филиппъ сталъ творцомъ *абсолютизма*. Онъ отнялъ у феодаловъ главные верховныя права и выдвигалъ противъ нихъ третій чинъ, продавая свободу крѣпостнымъ и дворянство мѣщанамъ. Искусною дипломатіей онъ захватилъ Наварру, Шампань, Бургундію, Ліонъ и Вал-

лонскую Фландрію (южную Бельгію). Онъ обезоружилъ своего главнаго вассала, Эдуарда I англійскаго, выдавъ свою дочь, Изабеллу, замужъ за его сына. Филиппъ уже считался первымъ государемъ въ Европѣ и мечталъ объ императорской коронѣ. Но это требовало много денегъ. Филиппъ обратилъ феодальные «дары» въ подать, грабилъ церкви, евреевъ и ломбардовъ, портилъ монету, завелъ таможни и массу всякихъ налоговъ. Народъ волновался — и этимъ воспользовалось папство, которое вздумало воскресить дни Каноссы.

Гибель храмовниковъ.

Бонифацій VIII стремился къ тому же. Онъ истреблялъ замки своихъ феодаловъ, сгребалъ деньги лопатами, особенно благодаря юбилею 1300 года, прибавилъ третью корону къ тіарѣ и возвѣстилъ міру, что «Господь поставилъ папу превыше королей и императоровъ». Затѣмъ Бонифацій воспретилъ государямъ взимать налоги съ духовенства. Филиппъ IV не только не послушался, но еще запретилъ вывозъ золота и серебра изъ Франціи въ Римъ. Папа потребовалъ его къ себѣ на судъ. Но время было не то, что при Григоріи VII. Филиппъ обратился къ народу, созвавъ *генеральные штаты* (1302) или «государственные чины»—родъ земскаго собора, съ участіемъ депутатовъ отъ городовъ. Штаты «умоляли сохранить верховную свободу королевства». Бонифацій собирался отлучить соперника отъ церкви, какъ вдругъ къ нему ворвался отрядъ французовъ, съ Ногарэ во главѣ. Ногарэ осыпалъ старца, сидѣвшаго въ церкви въ облаченіи, непристойной бранью, угрожалъ ему жестами. Бонифацій вскорѣ умеръ съ горя; а въ папы выбрали француза Климента V, который перенесъ свою резиденцію въ *Авиньонъ*. Здѣсь и проживали папы около 70 лѣтъ (1309 — 1377): это подчиненіе папства французамъ названо *вавилонскимъ плѣненіемъ*.

Вавилонское плѣненіе.

Теперь Филиппъ уже безъ боязни взялся за послѣднее средство наживы— за истребленіе *храмовниковъ*, богатство которыхъ славилось по всему міру. Храмовники соперничали съ ломбардами и евреями, были банкирами королей; ни одинъ монархъ не могъ выставить такой арміи, какъ они. Эти богачи отличались умѣньемъ пожить; они заимствовали многое у арабовъ, катаровъ и люциферіанъ. Они жили замкнуто, съ странными обрядами: таинственность пораждала всякія сплетни о «нечестивцахъ». Филиппъ IV былъ долженъ храмовникамъ огромныя суммы; а они стояли за своего главу, папу. Но теперь плѣнникъ Франціи согласился упразднить безполезный орденъ — и Филиппъ велѣлъ схватить всѣхъ рыцарей въ одну ночь. Доминиканцы подвергли ихъ жестокимъ пыткамъ, какъ «еретиковъ». Затѣмъ Филиппъ снова прикрылся генеральными штатами, гдѣ было много горожанъ, этихъ соперниковъ ордена по богатству. Штаты приговорили храмовниковъ къ сожженію (1314). Но вскорѣ умеръ и Филиппъ, и его сыновья. Чтобы отстранить отъ короны такого грознаго вассала, какъ Эдуардъ III англійскій, имѣвшій право на нее, какъ сынъ Изабеллы, приложили къ государственному праву частный *салическій законъ*, воспрещавшій женщинамъ наслѣдовать лены. И престолъ Франціи перешелъ къ младшей линіи Капетинговъ—къ *Валуа*, въ лицѣ Филиппа VI (1328), а третьей линіи выдѣлили герцогство *Бурбонское*. Но Эдуардъ III потребовалъ себѣ корону Франціи. Отсюда *столѣтняя война* за престолонаслѣдіе между французами и англичанами (1337 – 1431).

Эпоха Эдуардовъ.

Англія посмѣла выступить съ такими притязаніями, потому что чувствовала свою силу. Она переживала тогда великую *эпоху трехъ Эдуардовъ*. Это — короли-собиратели земли, законодатели, распорядители. При нихъ началась современная Англія: намъ понятенъ даже ихъ языкъ. Уже при Эдуардѣ I сложился нынѣшній парламентъ: въ Вестминстерѣ стали правильно собираться (1295) «лорды» (прелаты и бароны) и джентри, или «рыцари графствъ»; а затѣмъ изъ нихъ образовались двѣ «палаты» — верхняя и нижняя, или *палата лордовъ* и *палата общинъ*. Тогда же къ Англіи была присоединена

страна кельтовъ—*Уэльсъ*. Впрочемъ, два первые Эдуарда еще отдавали дань рыцарству, даже завели турниры, а при Эдуардѣ II при дворѣ господствовали роскошь и легкомысліе французскихъ феодаловъ, нахлынувшихъ въ Англію вмѣстѣ съ матерью короля, Изабеллой. Но Эдуардъ III—совсѣмъ типъ новаго времени. Умный политикъ, онъ выдвигалъ среднее сословіе: его называли «торговцемъ шерстью» за покровительство городамъ и торговлѣ. Онъ искусно велъ войны, съ помощью своего доблестнаго первенца, Чернаго Принца.

Столѣтняя война.

Главною задачей Эдуарда III была борьба съ французами, которая глухо шла во Фландріи, Нормандіи, Гіени и даже Шотландіи съ тѣхъ поръ, какъ прекратилось соперничество папства съ императорствомъ въ Италіи и Германіи. Это также была борьба міровыхъ силъ—средне-вѣковаго строя съ духомъ новаго времени. У французскихъ королей сохранялись рыцарскіе черты. Ихъ руку держали все вельможи — графы Фландріи, герцоги Бретаніи и Лотарингіи, дастранствующій рыцарь—богемскій король Іоаннъ. Ихъ армія состояла попреимуществу изъ рыцарей, которые гнушались «пѣхтурой» и дисциплиной. Армія же англичанъ напоминала шотландскихъ горцевъ, у которыхъ она многому научилась: то была національная дисциплинированная пѣхота изъ крестьянъ и мѣщанъ, вооруженная луками, а подконецъ и *огнестрѣльнымъ* оружіемъ.

Конечно, побѣждала новая сила. Эдуардъ III разнесъ французовъ при *Креси* (1346) и *Пуатье* (1356) и взялъ Кале, это гнѣздо французскихъ корсаровъ, перерѣзывавшихъ сношенія англичанъ съ Фландріей. При Пуатье сынъ Филиппа VI, Іоаннъ Добрый, попалъ въ англійскій плѣнъ. Опустошенная врагами и еще «черною смертью» (родъ чумы) Франція должна была еще дать огромный выкупъ за своего короля и за кучу своихъ сеньеровъ. Страну грабили откупщики и «большія компаніи» наемниковъ. Франція обратилась въ «огромную пустыню», говоритъ очевидецъ. И вспыхнула мѣщанская революція, подъ вліяніемъ такого же движенія въ Нидерландахъ.

Мѣщанскія революціи. Яковъ Артевельдъ.

То поднималась великая новая сила, погубившая феодализмъ. Мѣщане становились почетнымъ третьимъ *чиномъ*, т. е. сословіемъ съ политическими правами. Они достигли самосознанія, прежде всего, въ Италіи, гдѣ города превратились въ демократическія общества, благодаря развитію торговли. Подъ ихъ вліяніемъ, горожане встрепенулись теперь на сѣверо-западѣ Европы, когда богатства перешли сюда съ юга. Здѣсь они заявили себя, прежде всего, въ Нидерландахъ, ставшихъ центромъ торговли и промышленности, въ особенности же въ ихъ южной части—во Фландріи и Брабантѣ (нынѣшняя Бельгія), которымъ покровительствовала торговавшая съ ними Англія. Они поразили міръ неслыханными подвигами уже въ самомъ началѣ XIV-го в. Тогда вождь рыцарской арміи, Филиппъ Красивый, внезапно захватилъ эту страну «суконщиковъ». Но гордые мѣщане Фландріи устроили «фламандскую вечерню» — вырѣзали массу проживавшихъ среди нихъ французовъ. Затѣмъ они разнесли блестящее воинство Филиппа у *Куртрэ* (1302), въ «шпорной» битвѣ: суконщики повѣсили въ своихъ церквахъ 7,000 золотыхъ рыцарскихъ шпоръ, Демократическое движеніе росло. Въ Гентѣ стали распоряжаться даже мастеровые, которые равно ненавидѣли и феодаловъ, и своихъ богачей, «патриціевъ». Ихъ вождю, пивовару Якову *Артевельду*, удалось устроить родъ республики и даже союзъ городовъ. Благодаря ему и его другу. Эдуарду III англійскому, во Фландріи города, гдѣ ограничили права феодаловъ, гдѣ стали независимыми «коммунами». Правда, Артевельдъ вскорѣ погибъ, оклеветанный передъ народомъ врагами (1345); но его дѣло развивалось. Въ Римѣ Ріенци устроилъ республику; во Франціи также открылась эра мѣщанскихъ революцій.

Въ ту пору Іоаннъ Добрый сидѣлъ въ плѣну, а Франціей правилъ болѣзненный, трусливый дофинъ, Карлъ. Онъ собралъ генеральные штаты, гдѣ большинство уже принадлежало третьему чину. Видя полное разстройство государства, мѣщане, руководимые купеческимъ головой, другомъ фламандцевъ, суконщикомъ *Марселемъ*, задумали сыграть роль англійскаго парламента. Чтобы преодолѣть сопротивленіе феодаловъ, на сторону которыхъ сталъ Карлъ, парижане возстали, впервые устроивъ *баррикады* (загражденіе на улицахъ). Они убили любимцевъ дофина и выгнали сеньеровъ. Но имъ вредило соперничество провинціальныхъ городовъ, ненавидѣвшихъ столицу. Несчастьемъ для нихъ было и появленіе такого союзника, какъ «Жакъ Бономъ» (Простофиля)—прозвище, данное крестьянамъ помѣщиками. Поднялся бунтъ, названный *жакріей* (1358). Жаки истребляли все добро сеньеровъ, не щадили даже ихъ дамъ и дѣтей. Но вскорѣ феодалы и провинціальные мѣщане истребили нестройныя толпы Жаковъ; погибъ и Марсель, явно помогавшій мятежу. **Марсель и жакрія.**

Вслѣдъ затѣмъ умеръ Іоаннъ Добрый—и королемъ сталъ дофинъ, подъ именемъ *Карла V*. Бѣда научила его: онъ заслужилъ названіе *Мудраго*. Карлъ сталъ серьезенъ, трудолюбивъ, мужественъ. Онъ все сидѣлъ въ своемъ «классѣ»—рабочемъ кабинетѣ, заваленномъ книгами, гдѣ бесѣдовалъ со свѣдущими людьми. Въ особенности окружали его новые люди, взятые снизу, юристы да воины, во главѣ которыхъ стоялъ безграмотный коннетабль (фельдмаршалъ) Дюгекленъ, первый полководецъ эпохи. Съ такими помощниками Карлъ устроилъ образцовое управленіе. Чтобы подавить феодаловъ, онъ давалъ льготы городамъ и дворянство мѣщанамъ, чтобы они заводили отряды лучниковъ, и собиралъ «компаніи» наемниковъ, которыми командовали дѣльные королевскіе офицеры. Въ то же время Карлъ обезпечилъ себя искусными союзами. И Столѣтняя война приняла неожиданный оборотъ. У французовъ зародился патріотизмъ: крестьяне и даже богатые мѣщане жертвовали собой и своимъ достояніемъ и истомляли англичанъ внезапными нападеніями. За врагами уже оставалось лишь нѣсколько приморскихъ городовъ, а французскія суда показались на Темзѣ. Умеръ въ чахоткѣ измученный Черный Принцъ, а за нимъ и Эдуардъ III (1377). Черезъ три года сошли въ могилу и Карлъ V съ Дюгекленомъ.

Война пріостановилась на цѣлое поколѣніе: обѣ страны переживали внутренній переломъ. На ихъ престолахъ воцарились дѣти—Карлъ VI и Ричардъ II. Во Франціи настала печальная эпоха *лилейныхъ принцевъ*, какъ называли Карла VI и его младшаго брата, Людовика Орлеанскаго. Регентомъ мальчиковъ сталъ дядя короля, Филиппъ Отважный бургундскій—дерзкій, безшабашный честолюбецъ. Онъ довелъ болѣзненнаго Карла до безумія и разстраивалъ его страхами да скандальными пирами, когда несчастный приходилъ въ себя. Ему помогала королева, Изабелла баварская, чувственная и властолюбивая интригантка, которая сдѣлала парижскій дворъ притономъ издыхающаго рыцарства, возмутительныхъ скандаловъ и самыхъ странныхъ модъ. Филиппъ опирался еще на третій чинъ, изъ соперничества съ младшимъ братомъ короля, Людовикомъ Орлеанскимъ, который стоялъ во главѣ феодаловъ и подчинялся своему родственнику, хитрому, кровожадному графу Арманьяку. Все пришло въ безпорядокъ. Казна пустѣла: даже корону заложили ломбардамъ, по кускамъ. А налоги становились нестерпимыми. Всюду бродили нищіе; ремесленники бѣжали заграницу отъ безработицы.

Между тѣмъ наступили 80-е годы XIV-го в., когда настала разгаръ народныхъ революцій во Фландріи, Франціи, Англіи и Германіи. Толчекъ былъ данъ опять изъ Фландріи. Филиппъ Артевельдъ, сынъ Якова, составилъ изъ городовъ Фландріи союзъ *Бѣлыхъ Шапокъ*, къ которому примкнули коммуны Франціи и Англіи. Въ Парижѣ толпа опять построила баррикады, **Бѣлыя шапки. Молотники.**

вооружилась молотами и начала избивать сборщиковъ податей да евреевъ. Эта *молотная* революція повторилась въ другихъ городахъ. Общая бѣда соединила, наконецъ, сварливыхъ рыцарей разныхъ странъ. Они уничтожили рать Бѣлыхъ Шапокъ, а въ Парижѣ перерѣзали именитыхъ мѣщанъ и воздвигли тюрьму—Бастилію. Все замерло—и при дворѣ Карла VI пошли прежніе скандалы. Имъ сталъ заправлять сынъ умершаго Филиппа бургундскаго, Іоаннъ Безстрашный готовый на все, даже на союзъ съ англичанами. Онъ больше отца ненавидѣлъ рыцарство, особенно его вождя, красиваго Людовика Орлеанскаго, которому благоволила его жена. Разразилась жестокая борьба между *бургундцами* и *арманьяками*. Первые опирались на мѣщанъ и на Изабеллу, которая прежде любила Людовика, отнятаго у нея соперницей; вторые были орудіемъ феодаловъ и дофина Карла, юноши болѣзненнаго, капризнаго, перемѣнчиваго и трусливаго. Не проходило дня безъ неслыханныхъ злодѣяній по всей странѣ, особенно же въ Парижѣ. Людовикъ и Арманьякъ пали подъ ножами убійцъ, подосланныхъ Іоанномъ. Затѣмъ былъ умерщвленъ коварно, по желанію дофина, самъ Іоаннъ—и начался бѣлый терроръ, не уступавшій въ жестокости красному. Но тутъ подъ Парижемъ показались англичане: ихъ призвали бургундцы.

Виклифъ. Въ Англіи народъ негодовалъ на «французскихъ» папъ, которые «грабятъ» страну хуже жидовъ и сарациновъ. Геніальнымъ выраженіемъ этихъ чувствъ явился профессоръ въ Оксфордѣ, товарищъ Оккама, *Виклифъ*. Онъ выступилъ одинъ въ дѣлѣ церковной реформы, но вскорѣ добился того, что парламентъ отвергъ «дань» папѣ и наложилъ руку на клиръ. Папа отлучилъ «еретика». Но Виклифъ, за котораго сталъ самъ король, подъ вліяніемъ королевы Анны чешской, еще сильнѣе выступилъ противъ «Антихристова царства»: признавъ церковью всѣхъ вѣрующихъ, поставилъ *Библію* на родномъ языкѣ единственнымъ источникомъ вѣры, онъ отвергъ пресуществленіе, иконы, святыхъ и епископовъ. Тутъ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ. Монахи начали нашептывать, что это—*виклифиты*: и бароны съ парламентомъ отшатнулись отъ Виклифа. Тогда безстрашный протестантъ обратился къ націи: онъ создалъ англійскую прозу своимъ переводомъ Библіи и рядомъ статей, полныхъ діалектики и народнаго юмора. Въ то же время онъ устроилъ родъ ордена — товарищество «простыхъ поповъ», которое клиръ называлъ *лоллардами* или болтунами», не безъ ядовитаго намека на ересь. Церковь позвала Виклифа къ себѣ на судъ, а онъ потребовалъ, чтобы папа отрекся отъ свѣтской власти. Церковь принуждена была удовольствоваться лишеніемъ Виклифа каѳедры.

По смерти учителя, лоллардство, уже обладавшее своими собственными школами, книгами, пѣснями, цѣлою литературой, глубоко разлилось въ народѣ духомъ протеста и нравственнаго идеала. Всюду кишѣли страстные проповѣдники и проповѣдницы, доходившіе порой до аскетизма, до преслѣдованія невинныхъ развлеченій и удобствъ жизни; а родная Библія была даже въ рукахъ у дѣтей. Ричардъ II, уже возмужалый, покровительствовалъ народному движенію. Но, вотъ, парламентъ въ благодарность, даровалъ ему пожизненное право на сборъ пошлинъ съ шерсти—и король сталъ расточительнымъ, подозрительнымъ, даже жестокимъ. Онъ возстановилъ противъ себя всѣ слои народа. Бароны подняли возстаніе, руководимые его родственникомъ, Генрихомъ Ланкастерскимъ. За Ричарда не всталъ ни одинъ человѣкъ — и онъ былъ убитъ въ темницѣ. Съ *Генриха IV* началась *династія Ланкастеровъ* 1399.

Любимецъ Шекспира и Карлъ VII. При Ланкастерахъ упрочилась конституція. Сверхъ того, они старались утвердить свою династію войнами, которыя нравились баронамъ, какъ золотое дно. Сынъ Генриха IV, *Генрихъ V*, сдѣлался національнымъ героемъ, любимцемъ Музы Шекспира. Англичане не только гордились имъ, но и любили его за то, что онъ любилъ ихъ поэзію, языкъ и конституцію, былъ благодушенъ,

щедръ и сострадателенъ къ бѣднотѣ: его хоронили, «какъ святаго. Генрихъ V напомнилъ французамъ, при *Азенкурѣ* (1415), дни Креси и Пуатье, и уже подвигался къ Парижу, когда палъ Іоаннъ Безстрашный. Сынъ послѣдняго, надменный, властолюбивый эгоистъ, жестоко отомстилъ дофину Карлу за смерть отца, сговорившись съ его бездушной матерью, которая продолжала порочную жизнь, несмотря на старость: по предательскому миру въ Троа, дофинъ былъ объявленъ лишеннымъ престола; регентство вручалось Генриху V, вмѣстѣ съ рукой дочери Карла VI, и, по смерти тестя, зять становился королемъ Франціи. Генрихъ вступилъ въ Парижъ. Но онъ вскорѣ умеръ здѣсь, во одно время съ Карломъ VI (1442).

Королемъ Франціи сталъ ребенокъ англійскаго героя, *Генрихъ VI*. Но горсть сеньоровъ за Луарой провозгласила королемъ дофина *Карла VII* который зналъ только забавы въ кругу любимцевъ и красавицъ и всего пугался, мучимый неизвѣстностью: мать отвергла его, и онъ почти не зналъ ея. Этого ничтожнаго короля, однако, хотѣлъ народъ, которому онъ представлялся жертвой англичанъ и злокозненной матери. Жаку Боному чудилось, что спасеніе принесетъ непорочная, юная крестьянка, которая незаслуженнымъ страданіемъ искупитъ грѣхи недостойной старухи королевы. Припоминали пророчество друидовъ о дѣвѣ, которая выйдетъ изъ «дубового» лѣса — и къ ногамъ ея падутъ «лучники». И появилась желанная.

Жанна д'Аркъ. **Жанна** д'Аркъ—безграмотная, чувствительная и очень набожная крестьянка Лотарингіи, гдѣ кипѣла борьба между бургундцами и арманьяками, отъ которой страдала и семья героини. Тамъ сохранялись также друидскія преданія, связанныя съ волшебнымъ «букомъ фей». Жанна предавалась, въ родномъ лѣсу, задумчивости, слезно молилась, изнурялась постами. Показались видѣнія, чудились «голоса»: все звало ее на спасеніе погибающей Франціи. Жанна одѣлась воиномъ и явилась къ Карлу VII. Завистливые царедворцы не пускали ее; духовенство стало испытывать, не колдунья ли она. Но голосъ народа преодолѣлъ все: Жанна была назначена главнокомандующимъ арміей. французы ободрились; Орлеанъ тотчасъ былъ взятъ (1429), и *Орлеанская Дѣва* привела короля въ Реймсъ, гдѣ состоялось его коронованіе. Въ этомъ Жанна видѣла свое призваніе. Она уставала и просилась домой, предчувствуя интриги и измѣну. Ее не пускали, но не давали ей ходу. Король снова скрылся за Луару; англичане укрѣпились въ Парижѣ. Истомленная бездѣйствіемъ, Жанна бросилась на сѣверъ, къ главнымъ силамъ непріятеля, съ маленькимъ отрядомъ, и попала въ плѣнъ къ бургундцамъ. Филиппъ Добрый продалъ ее англичанамъ, которые отвезли ее въ Руанъ. Тамъ былъ назначенъ церковный судъ изъ наемныхъ французскихъ профессоровъ. При содѣйствіи инквизиціи, онъ обвинилъ Дѣву въ сообщничествѣ съ дьяволомъ. Жанна была сожжена на кострѣ. Ей не было 20 лѣтъ.

Но патріотизмъ, воплотившійся въ ея личности, сдѣлалъ свое дѣло. Англичане разсорились съ бургундцами: Филиппъ Добрый, обиженный ими, примирился съ Карломъ VII. Тогда же умерла, въ нуждѣ, всѣми презираемая Изабелла. У французовъ явились доблестные вожди, одушевленные примѣромъ Жанны: они отняли у англичанъ все, за исключеніемъ Кале. Около 1450 г. Столѣтняя война прекратилась сама собой, безъ мирнаго договора. Но казнь Орлеанской Дѣвы словно легла проклятіемъ на Англію: въ странѣ, истощенной войною и лишенной сильныхъ правителей, разразилась усобица — война Розъ.

Послѣдняя борьба папства съ императорствомъ. Подобно Франціи и Англіи, Германія переживала, въ XIV-мъ вѣкѣ, внутреннія усобицы. Съ Габсбурговъ началась серьезная борьба монархизма и мѣщанства съ феодализмомъ, въ лицѣ курфюрстовъ. Здѣсь торжеству новаго начала мѣшали пережитки соперничества между цезаризмомъ и папствомъ,

которые поддерживала усиливающаяся Франція. Сами короли сбивались на старый путь, тѣмъ болѣе, что около 150 лѣтъ курфюрсты выбирали ничтожныхъ государей, обходя сильныхъ, опасныхъ Габсбурговъ. Снова закипѣли усобицы, особенно, когда курфюрсты поставили разомъ двухъ королей—Фридриха Красиваго, изъ Габсбурговъ, и Лудвига Баварца. Первый былъ представителемъ партіи феодаловъ, второй сталъ опорой горожанъ, въ особенности же ремесленниковъ. Лудвигъ Баварецъ, самъ по себѣ, былъ ничтожествомъ: недалекій, жадный, трусливый, онъ былъ вдобавокъ очень набоженъ, боялся оскорбить св. отца, но, по требованію времени, ему пришлось разыграть роль Генриха IV. Тогда вспыхнула послѣдняя *борьба папства съ императорствомъ*. Пользуясь смутами въ Германіи, папа Іоаннъ XXII возвѣстилъ: «Богъ даровалъ намъ верховную власть на землѣ такъ же, какъ и на небѣ». Онъ овладѣлъ Ломбардіей, съ помощью своихъ «намѣстниковъ», неаполитанскихъ Анжуйцевъ; его господинъ, Филиппъ VI французскій, надѣялся при этомъ получить нѣмецкую корону. Лудвигъ вступился за Ломбардію, которая номинально причислялась еще къ Римско-Нѣмецкой имперіи, и, кстати, короновался въ Римѣ, какъ императоръ. Іоаннъ XXII наложилъ интердиктъ на Германію и отлучилъ Лудвига отъ церкви.

Запоздалый идеалъ Иннокентія III вызвалъ въ Германіи такую же бурю, какъ въ Англіи. Дворъ Лудвига сталъ очагомъ свѣтской оппозиціи, во главѣ которой оказались минориты, негодовавшіе на богатства церкви: здѣсь работали такіе свободные умы, какъ Оккамъ; и ихъ поддерживалъ Данте. Отсюда выходили необычайно смѣлые, страстные и ученые памфлеты, идея которыхъ—*подчиненіе папъ собору*. То же проповѣдывалось съ каѳедръ и на исповѣди. Патріотическій трепетъ пробѣжалъ по Германіи. Нѣмецкій клиръ низложилъ Іоанна XXII, какъ «нечестивца, алчнаго еретика и государственнаго измѣнника». На первомъ съѣздѣ курфюрстовъ, въ Рензе (1338), было объявлено что выборы «короля» не нуждаются въ папскомъ утвержденіи; а имперскій сеймъ, гдѣ было много городскихъ депутатовъ, добавилъ, что король самъ собою становится и «императоромъ». Но трусливый Лудвигъ тайно переговаривался и съ папой, и съ Филиппомъ VI; въ то же время онъ прибиралъ къ рукамъ земли нѣмецкихъ феодаловъ. Этимъ воспользовался его главный соперникъ, тесть Филиппа VI и другъ папъ, опора вельможъ, рыцарственный слѣпецъ Іоаннъ люксембургскій, выбранный тогда въ короли Богеміи. Онъ подстроилъ низложеніе Баварца и избраніе въ короли Германіи своего сына, Карла IV.

Золотая Булла. Карлъ IV былъ просвѣщенный человѣкъ и ловкій политикъ. Но на его долю выпала слишкомъ трудная задача—усмиреніе смуты въ Германіи. Напрасно Карлъ IV думалъ даровать нѣмцамъ спокойствіе посредствомъ хартіи, названной *Золотою Буллой* (1356). Если она опредѣлила права курфюрстовъ и порядокъ королевскихъ выборовъ, зато она же расширила эти права: эти «семь свѣтильниковъ имперіи» стали независимыми государями, т.-е. восторжествовала политика гвельфовъ. Булла превращала Германію въ *федерацію курфюрстовъ*, связанныхъ съ королемъ лишь потерявшей смыслъ ленною присягой. Сверхъ того, она оскорбляла рыцарей и особенно мѣщанъ, которымъ запрещала союзы безъ разрѣшенія курфюрстовъ.

Смуты въ Италіи. Карлъ самъ портилъ свое дѣло еще тѣмъ, что и онъ не забылъ фантазій Гогенштауфеновъ. Призываемый Петраркой, онъ явился въ Римъ, какъ глава гибеллиновъ, и короновался императоромъ. А въ Италіи господствовало тогда уже новое настроеніе. Тамъ почти забыли о гвельфахъ и гибеллинахъ: въ республикахъ боролись демократы съ аристрократами. Этимъ пользовались враги феодаловъ, *кондотьеры*—вожди наемническихъ шаекъ. Въ республикахъ, истощенныхъ междоусобіемъ, они пробирались въ *тираны*. Оттого XIV-й и

отчасти XV-й вѣка—эпоха ужасовъ въ Италіи, съ которыми тщетно соперничала черная смерть. Но тираны были, въ то же время, представителями новыхъ началъ: это—мелкіе монархи; и они поощряли низшіе классы, торговлю, промыслы, науки и искусства. Подобную же роль разыграли, во Флоренціи, *Медичи*—богатые банкиры.

А въ Римѣ феодализмъ палъ подъ ударами народнаго «трибуна», *Колы Ріенци*, который провозгласилъ древнюю республику (1347). Кола призывалъ даже всѣхъ патріотовъ на національный соборъ «для освобожденія святой Италіи отъ ига тирановъ». Но вскорѣ трибунъ палъ, оклеветанный въ глазахъ народа. Послѣ него римляне, въ отчаяніи, вспомнили про папство. Церковная Жанна, св. Екатерина, привела Григорія XI изъ Авиньона въ Римъ (1377). Но отсюда вытекло новое бѣдствіе—церковный расколъ, который потрясъ католичество въ тѣ самые годы, когда народная революція, обошедши крайній Западъ, вспыхнула въ Германіи.

Городская война въ Германіи. Въ Германіи революція противъ феодаловъ была исключительно дѣломъ мѣщанъ: это—*городская война*. Она не могла разгорѣться, пока вниманіе бюргеровъ было поглощено внутреннею борьбой цеховыхъ съ патриціями. Но когда произошло уравненіе правъ въ городахъ, бюргеры рѣшились сбросить съ себя феодальное иго, тѣмъ болѣе, что послѣ Золотой Буллы князья начали посягать на ихъ независимость. Положеніе городовъ стало невыносимымъ по смерти Карла IV, ихъ покровителя, защитника земскаго мира. Дѣти его, купившія корону новыми уступками феодализму, предоставили ихъ собственной участи. Бюргеры, привыкшіе къ торговымъ союзамъ, взялись теперь за союзы политическіе (швабскій, рейнскій и др.). Но фюрсты, съ своей стороны, образовали союзъ и разбили бюргеровъ у Деффингена (1388). Но истощенные борьбой феодалы должны были признать ихъ *независимость*: города стали какъ бы республиками; и отсюда выходила вся идейная культура Германіи. Но нѣмецкому мѣщанству недоставало политическаго смысла: въ разгаръ борьбы съ феодалами города дрались между собой. Никто не думалъ объ общихъ интересахъ Германіи. Бюргеры даже измѣнили своимъ вѣрнымъ друзьямъ, швейцарцамъ.

Народная революція въ Швейцаріи. Швейцарцы играютъ первостепенную роль въ борьбѣ съ феодализмомъ. Когда то часть Бургундіи, Швейцарія давно причислялась къ Нѣмецкой имперіи; но она не видала въ глаза императоровъ. Въ сущности, это было собраніе землицъ разныхъ вельможъ. Главными феодалами были графы *Габсбурги*, въ трехъ лѣсныхъ «пра-кантонахъ»; но и ихъ власть была стѣснена льготными хартіями императоровъ. Достигнувъ королевскаго престола, Габсбурги вздумали отнять эти льготы у «мятежниковъ». Но тѣ уничтожили ихъ блестящихъ рыцарей у *Моргартена* (1315): и Людвигъ Баварецъ призналъ швейцарскій союзъ «непосредственно» подчиненнымъ имперіи, т.-е. свободнымъ отъ власти феодаловъ. Горцы опоэтизировали этотъ свой первый подвигъ сказкой о Вильгельмѣ Теллѣ, заимствованной изъ скандинавскихъ преданій. Основой ихъ союза служило рѣдкое единодушіе. Швейцарцы отстояли свою свободу отъ посягательствъ со стороны многихъ сильныхъ государствъ. Особенно прославились они во время городской войны, когда имъ измѣнили нѣмецкіе бюргеры. Подъ Земпахомъ (1386) рыцарство получило отъ нихъ небывалое посрамленіе. Наконецъ, Габсбурги отступились отъ Швейцаріи, передавши свои права на нее Новой Бургундіи.

Великій расколъ. Великіе соборы. Никогда еще верховная власть не падала у нѣмцевъ такъ низко, какъ послѣ Карла IV. Благодаря козням вельможъ, одно время было даже три короля разомъ. Наконецъ, всѣхъ преодолѣлъ сынъ Карла, Сигизмундъ, которому помогъ богатый и искусный графъ Фридрихъ *Гогенцоллернъ*, купившій у него курфюршество *Бранденбургъ* (1415). Сигизмундъ не стыдился угне-

тать народъ тяжкими налогами, продавать земли и права, всѣхъ обманывать. Онъ пожалъ, что посѣялъ: его держали въ плѣну венгерцы; противъ него возстали чехи; въ міровыхъ вопросахъ онъ снискалъ всеобщее негодованіе и позоръ. Эти то вопросы, прежде всего, и поглотили его вниманіе.

На первомъ планѣ стоялъ *великій расколъ*, длившійся 40 лѣтъ (1378—1418). По возвращеніи Григорія XI въ Римъ, часть кардиналовъ осталась въ Авиньонѣ и избрала своего папу. Отсюда борьба соперниковъ и такое волненіе умовъ, что, наконецъ, стала укореняться мысль о *реформѣ церкви*. Она возникла въ средѣ даровитыхъ парижскихъ богослововъ, во главѣ которыхъ стоялъ Жерсонъ. Сами враги ересей, они однако объявили, что *соборъ выше папы*, а *Библія—единственный источникъ христіанства*. Они-то настояли на созваніи перваго великаго собора, въ Пизѣ (1409). Соборъ низложилъ обоихъ папъ и выбралъ Іоанна XXIII. Низложенные не послушались—и стали три папы. Тогда заставили Сигизмунда созвать новый *соборъ въ Констанцѣ*. Задачи этого пышнаго собранія были ясны: уничтоженіе раскола, искорененіе ересей, «реформація церкви во главѣ и членахъ». Соборъ объявилъ себя выше папъ и низложилъ всѣхъ троихъ. Но затѣмъ, пошли интриги, вражда между націями. О реформаціи уже не было и рѣчи: новый папа, Мартинъ V, заключилъ съ націями отдѣльные конкордаты, приносившіе имъ мало выгодъ. Творческія идеи французовъ разбились о всеобщій эгоизмъ, да о бездарность Сигизмунда, который бросился теперь въ Богемію: тамъ вспыхнула революція.

Чешскій вопросъ Карлъ IV. Дальнѣйшая исторія нѣмцевъ непонятна безъ объясненія судьбы чеховъ. *Чешскій вопросъ* выдвинулся уже при Лудвигѣ Баварцѣ, который призывалъ чеховъ къ себѣ на помощь. Чехи уже сознавали свою силу; самое просвѣщеніе Запада развивало у нихъ національное сознаніе. А между тѣмъ, Богемія стала частью Нѣмецкой имперіи; нѣмецкій языкъ началъ господствовать въ казенныхъ бумагахъ, въ школахъ, въ литературѣ и въ частномъ быту пановъ. Среди національной вражды воцарился *Карлъ IV*. Его завѣтною мечтой было поднять чеховъ, среди которыхъ онъ родился и жилъ почти постоянно: нѣмцы называли его «отцомъ Богеміи и вотчимомъ Германіи». Карлъ учредилъ пражское архіепископство, сдѣлалъ корону наслѣдственной, уничтожилъ многія привилегіи феодаловъ, издалъ чешскіе законы, заставилъ пановъ дать личную свободу и землю крестьянамъ и опредѣлить барщины. Онъ строилъ города (Карлсбадъ) и вездѣ возвышалъ чешскихъ мѣщанъ насчетъ нѣмецкихъ. Наконецъ, онъ вводилъ чешскій языкъ въ управленіе и въ преподаваніе и основалъ въ Прагѣ *университетъ* (1348), котораго еще не было въ Германіи.

Немудрено, что при смерти Карла IV у чеховъ уже явственно обнаруживалось *національное сознаніе*. Они выдвигались на степень учителей поляковъ, венгерцевъ, самихъ нѣмцевъ. Ихъ языкъ становился однимъ изъ первыхъ, по своей обработкѣ и литературѣ; на него уже была переведена почти вся Библія. Появились хроники и даже философскія сочиненія, проникнутыя гордымъ презрѣніемъ къ нѣмцамъ. Даже чешскіе паны, подражавшіе прежде королямъ въ германофильствѣ, превращались въ славянскихъ патріотовъ. Національное сознаніе поддерживалось религіей. Здѣсь католичество не вполнѣ подавило первобытное *восточное православіе*: чехи понимали его простоту, со всенародной исповѣдью, съ причащеніемъ подъ обоими видами или съ *чашей*; у нихъ долго сохранялся народный языкъ въ богослуженіи. А католическое духовенство отличалось въ Богеміи вопіющими пороками. Оттого нигдѣ мысль объ евангельской реформѣ церкви не укоренялась такъ быстро. Нигдѣ сочиненія Виклифа, которому помогала королева, Анна чешская, не встрѣтили такой благодарной почвы: они стали основой лекцій пражскихъ профессоровъ, подъ вліяніемъ которыхъ было возстановлено славянское богослуженіе. Народомъ овладѣвало нравственное одушевленіе: женщины

разставались съ богатыми нарядами, ростовщики отказывались отъ процентовъ, кабаки превращались въ богадѣльни. Уже выступали стойкіе поборники національной церкви. Наконецъ, явился полный выразитель національнаго возрожденія и одна изъ величайшихъ личностей въ исторіи вообще.

Іоаннъ Гусъ. То былъ *Іоаннъ Гусъ*. Замѣчательный ученый и писатель, отецъ чешскаго литературнаго языка, потрясающій сердца проповѣдникъ, образецъ нравственности, не выносившій лжи и лицемѣрія, этотъ герой показалъ рѣдкій примѣръ самоотверженной преданности правдѣ и своему народу. То была кроткая, незлобивая душа, склонная даже къ мистицизму: Гусъ признавалъ, вопреки Виклифу, пресуществленіе, а въ схоластикѣ придерживался реализма. Онъ вовсе не думалъ разрывать съ церковью; но собственная совѣсть и обстоятельства привели его къ шагу, который былъ началомъ мірового переворота,—распаденія западнаго христіанства на двѣ вѣчно враждебныя части. Увлекшись Виклифомъ, Гусъ глубоко изучилъ Библію и, убѣдившись въ порчѣ католичества, объявилъ, что готовъ умереть за возстановленіе первобытной чистоты христіанства. Онъ началъ распространять виклифизмъ на лекціяхъ въ пражскомъ университетѣ, въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, а также причащать изъ чаши. Чешское дворянство надѣялось, съ его помощью, отнять земли у церкви и привилегіи у нѣмецкихъ мѣщанъ; крестьяне признали его своимъ отцомъ и учителемъ; король видѣлъ въ немъ оплотъ своей политической независимости противъ притязаній Германіи; королева Софья взяла его себѣ въ духовники. Правою рукой Гуса сталъ его сверстникъ, краснорѣчивый, непреклонный и пылкій рыцарь, Іеронимъ пражскій, который учился въ Оксфордѣ и Парижѣ и побывалъ въ Іерусалимѣ: онъ говорилъ, что положитъ голову за своего друга и учителя, и распространялъ его новшества даже въ предѣлахъ Польши и Россіи. Такъ, подъ видомъ церковной реформы, образовалась могучая партія патріотовъ, кличемъ которой были слова Гуса: «чехи должны быть первыми въ Богеміи, какъ французы во Франціи и нѣмцы въ Германіи». Ее разжигали и придирчивые нелѣпые догматическіе споры папскихъ богослововъ, и скандалъ церковнаго раскола, и страстныя притѣсненія со стороны нѣмцевъ-сановниковъ и мѣщанъ.

Іоаннъ XXIII повелѣлъ сжечь болѣе 200 томовъ сочиненій виклифитовъ, отлучилъ Гуса и наложилъ интердиктъ на Прагу, а затѣмъ потребовалъ Гуса на констанцскій соборъ. Учитель отправился, снабженный охранной грамотой Сигизмунда. Повсюду на пути массы встрѣчали его съ благоговѣніемъ. Но въ Констанцѣ его заключили въ тюрьму; а когда онъ предсталъ на судъ собора, ему отказали въ адвокатѣ и даже въ допросѣ свидѣтелей. Гусъ стоялъ на томъ, что готовъ отречься, если Евангеліемъ докажутъ его заблужденіе. Его сожгли на кострѣ (1415), а за нимъ и его друга, Іеронима.

Гуситская война. Чехи поднялись, какъ одинъ человѣкъ: религіозное національное движеніе перешло въ политическое, называемое *гуситскими войнами*. Помимо венгерцевъ и имперской арміи, къ Сигизмунду стекались сотни тысячъ всякаго рыцарскаго сброда, даже изъ Англіи и Ливоніи; у нихъ не было ни вождя, ни дисциплины; ихъ цѣлью была добыча. У гуситовъ же было ополченіе изъ крестьянъ и мѣщанъ, одушевленное идеями до фанатизма. Они были вооружены дубинками, цѣпами въ желѣзной оправѣ, копьями да крючками. Вождемъ ихъ былъ бѣдный рыцарь Жижка. А когда онъ умеръ, ополченцы назвались «сиротами» и выбрали себѣ въ вожди смѣлыхъ поповъ. Эта армія была самъ народъ: ее называли «служащими въ полѣ общинами» или «братьями». Гуситы жили по-библейски: у нихъ все было общее; враги назывались филистимлянами; главная гора именовалась Таборъ (Ѳаворъ). Отсюда имя *таборитовъ*. Гуситы избивали арміи рыцарей въ 150,000 и доходили до Баваріи и Данцига. Но вскорѣ у нихъ обнаружился расколъ. Сами табориты

находились какъ бы въ центрѣ: въ политикѣ они признавали республику, въ религіи — одну внутреннюю сторону, считая Библію церковью и каждаго брата—священникомъ; они отвергали обрядность и иконы, какъ «идолопоклонство», а схоластику, какъ опору папства. Адамиты или николаиты (по имени крестьянина Николая) ударились въ радикализмъ: они отвергали не только феодальный строй, но всякую государственность и всякую религію, даже ходили нагіе въ честь Адама и были проникнуты мрачнымъ, аскетическимъ духомъ Ветхаго Завѣта. Жижка пережегъ ихъ за безпутную жизнь. Но сильнѣе всѣхъ были самые умѣренные гуситы или каликстины, которые готовы были помириться на одной чашѣ (calix). Ихъ называли еще «пражанами». Они признавали средневѣковой общественный строй. По мѣрѣ успѣховъ таборитовъ, разгоралась вражда между ними и каликстинами. Жижка уже побивалъ пражанъ въ кровавыхъ стычкахъ.

Послѣ него, при всеобщемъ утомленіи, возобладали каликстины. Они заключили миръ съ базельскимъ соборомъ или *компактаты* (1436): за чехами оставалась чаша и свободная проповѣдь, клиръ подчинялся общимъ судамъ; да и эти ничтожныя уступки были запутаны въ коварныя фразы. Табориты негодовали; но они были уничтожены каликстинами. Сигизмундъ принялъ компактаты и утвердилъ старыя права чеховъ, въ томъ числѣ назначеніе чиновниковъ изъ туземцевъ и выборы іерарховъ народомъ и клиромъ. Изъ уцѣлѣвшихъ таборитовъ образовались общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ: они жили скромно, нравственно, придерживаясь буквы Библіи и чуждаясь образованія. А каликстины тотчасъ же были обмануты—и Сигизмундъ заслужилъ отъ чеховъ названіе «посрамителя правды и смертельнаго врага чешской націи». Такъ, не сбылись надежды гуситовъ. Церковь вскорѣ захирѣла, утративъ свое основное начало. Но выиграла чешская національность: зародился глубокій патріотизмъ во всѣхъ классахъ общества, котораго уже ничто не могло истребить. Съ нѣмцами было покончено: послѣ Сигизмунда, чехи возстановили свое избирательное право и ставили на свой престолъ то польскихъ королей, то туземныхъ правителей. Патріотизмъ поддерживался племенною гордостью; въ лицѣ гуситовъ, славяне впервые явились міровою культурною силой. Они выдвинули душу новой исторіи — свободу совѣсти и разума, и, отстаивая ее, заставили соборъ и императора признать мятежниковъ равноправною имъ стороной.

Побѣда папства. Вскорѣ умеръ Сигизмундъ, и курфюрсты избрали на его мѣсто его зятя, Альбрехта II австрійскаго (1438): съ тѣхъ поръ престолъ Германіи оставался за *Габсбургами*. Альбрехту наслѣдовалъ ничтожный Фридрихъ III, достойный представитель упадка Германіи. Здѣсь былъ въ разгарѣ вопросъ о реформѣ, и не только церковной, но и имперской. Базельскій соборъ, покончивъ съ гуситами, серьезно взялся за исправленіе церкви. Но ловкій папа Евгеній IV сумѣлъ усмирить его порывы. Онъ подкупилъ Фридриха III и фюрстовъ — и былъ принятъ ашеффенбургскій конкордатъ, который возвращалъ папству старыя права. Такъ окончился великій расколъ въ католичествѣ (1449). Вопросъ о реформаціи замолкъ на полвѣка.

Смута и реформа въ Германіи. Погибала и Германія въ правленіе Фридриха III. Въ ней было хуже, чѣмъ во время междуцарствія. Никогда еще не было такого господства *кулачнаго права*. Закономъ стала воля фюрстовъ, которые вводили нераздѣльность земель и наслѣдованіе по прямой линіи. Но они дрались между собой, даже выхватывали одинъ у другого курфюршеское достоинство и, подобно англійскимъ баронамъ, гордо называли свои разбои защитой «свободы» и «нѣмецкаго права». Ужасныя драмы совершались также почти въ каждой княжеской семьѣ. Самая ожесточенная борьба шла между цезаріанцами и оппозиціей или реформаторами. Друзья императора группировались вокругъ вѣрныхъ Гоген-

цоллерновъ. Эта фамилія становилась самою сильною, благодаря Бранденбургу, гдѣ рыцари напрасно кичились передъ «нюрнбергскою сволочью». Уже Фридрихъ I усмирилъ ихъ, съ помощью «большихъ пищалей» и мѣщанъ, и водворилъ миръ и монархизмъ раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ. Его сынъ, Альбрехтъ, сталъ вождемъ цезаріанцевъ.

Противъ него составился союзъ городовъ на югѣ, а за него стали фюрсты—и возобновилась городская война. Рыцари побивали мѣщанъ въ полѣ, мѣщане побивали рыцарей при осадѣ городовъ. Каждый остался при своемъ, только страна превратилась въ груду развалинъ. Но вообще города падали, превращались изъ имперскихъ въ княжескіе; внутри ихъ кипѣли усобицы. Иногда они даже воевали другъ съ другомъ и соединялись съ фюрстами: въ вихрѣ смуты сословія перепутались; все превратилось въ простое разбойничество. Имперія разваливалась. Пруссія нѣмецкихъ рыцарей стала вассаломъ Польши. Шлезвигъ-Голштейнъ отошелъ къ Даніи. Чехи и венгерцы выбрали собственныхъ королей. Швейцарцы совсѣмъ отбивались отъ Германіи: они нанесли нѣсколько жестокихъ пораженій нѣмцамъ и принудили ихъ къ базельскому миру (1499), по которому Швейцарія лишь по имени считалась частью Германіи, въ сущности же стала союзомъ 13-ти кантоновъ-республикъ, съ Цюрихомъ во главѣ.

Чѣмъ болѣе возрастали бѣдствія Германіи, тѣмъ сильнѣе становилась партія реформы. Передъ смертью Фридриха III, уже всюду поднимался вопль о реформѣ. Его сынъ, Максимиліанъ I, согласился, и сеймъ издалъ *имперскую конституцію* (1495). Въ основаніи этой конституціи лежитъ вѣчный «земскій миръ», т. е. отмѣна кулачнаго права. «Имперскій судъ», избираемый на сеймѣ наполовину изъ фюрстовъ, наполовину изъ юристовъ, долженъ былъ разбирать тяжбы всѣхъ «непосредственныхъ» и служить высшею инстанціей для «посредственныхъ» членовъ имперіи. Законодатель, сеймъ, замѣнился ежегоднымъ «рейхсратомъ» или имперскимъ совѣтомъ изъ 20 пословъ отъ фюрстовъ и городовъ, съ президентомъ по назначенію императора. Для администраціи, имперію раздѣлили на 10 «округовъ», съ избранными въ рейхсратѣ головами. Первою задачей головъ былъ поставленъ сборъ «общаго гроша»—личной подати, сообразной съ достаткомъ и обязательной для всѣхъ. Конституція закрѣпляла права феодаловъ, дарованныя Золотою Буллой. Германія успокоилась, стала богатѣть, приняла участіе въ возрожденіи классицизма. Максимиліанъ принялъ титулъ императора безъ коронованія въ Римѣ. «Счастливыми браками», которыми славятся Габсбурги, онъ возстановилъ связи имперіи съ Венгріей, Богеміей и Нидерландами; его женитьба на дочери Карла Смѣлаго, Маріи, имѣла даже міровое значеніе—Максимиліанъ уже мечталъ захватить всю Италію съ папствомъ и повести Европу противъ турокъ. Но все это вовлекало его въ новый широкій міръ международной политики. Тогда на крайнемъ Западѣ создались гораздо болѣе сильныя державы: тамъ вторая половина XV-го в. ознаменована побѣдой монархизма надъ феодализмомъ.

Война Розъ и новый абсолютизмъ.

Въ Англіи утвержденію абсолютизма способствовала длившаяся четверть вѣка усобица—*война Розъ* (1460—1485). По окончаніи французской войны послѣдній Ланкастеръ, Генрихъ VI, сталъ неспособенъ къ правленію. Государство перешло въ руки своевольныхъ бароновъ и злой француженки, королевы Маргариты Анжуйской. Народъ былъ оскорбленъ постыднымъ исходомъ войны и предпочтеніемъ французовъ. Вспыхнулъ мятежъ. Этимъ воспользовались *Іорки*, происходившіе отъ младшаго сына Эдуарда III. Послѣ жестокихъ усобицъ, одолѣла Бѣлая Роза, въ лицѣ даровитаго и энергичнаго *Эдуарда IV*. Ланкастеры погибли; ихъ отдаленный родственникъ, Генрихъ Тюдоръ, бѣжалъ въ Парижъ. Смыслъ борьбы Розъ — истребленіе феодализма въ Англіи. Но

Iорки продержались недолго. Уже по смерти Эдуарда IV, его братъ, *Ричардъ III*, возстановилъ всѣхъ, даже столповъ Бѣлой Розы, своей жестокостью и подозрительностью. Генрихъ Тюдоръ, съ горстью французовъ, легко уничтожилъ его одною битвой и сталъ королемъ, подъ именемъ *Генриха VII*. Съ него началась въ Англіи знаменитая династія *Тюдоровъ* (1485). Такъ завершилась война Розъ. Она истребила почти всю древнюю аристократію Англіи. Оттого съ Генриха VII здѣсь утверждается не только новая династія, но и новый порядокъ вещей. Въ первомъ Тюдорѣ уже не было ничего рыцарскаго. Корыстолюбіе было его главною страстью. Правда, онъ и тратилъ много денегъ съ пользой. Избѣгая не только пышности, но даже придворныхъ церемоній и окруживъ себя хорошими, честными помощниками, онъ все занимался государскимъ дѣломъ, которое, по его понятіямъ, состояло въ накопленіи богатствъ и утвержденіи безотчетной власти. Генрихъ управлялъ безъ парламента, не терпѣлъ ничего выдающагося, никакого движенія: со страхомъ и недовѣріемъ прислушивался онъ къ Возрожденію наукъ и искусствъ. Мягкою рукой, заставляя забывать ужасы войны Розъ, подводилъ онъ основаніе абсолютизму, не трогая старыхъ формъ политическаго быта. Безъ шума истреблялъ онъ послѣдніе замки бароновъ, прибиралъ къ рукамъ ихъ имущества и строго соблюдалъ «ливрейный статутъ», запрещавшій лордамъ держать свиту со своими значками и цвѣтами на плащахъ. Неуклонно посѣщая обѣдни и постясь, онъ однако держалъ въ рукахъ церковь. Какъ финансистъ, Генрихъ не пренебрегалъ ничѣмъ. Но онъ щадилъ мѣщанъ, помогалъ купцамъ и ремесленникамъ, заключилъ выгодные торговые договоры, развилъ флотъ, участвовалъ въ заморскихъ открытіяхъ, велъ выгодную иностранную политику и оставилъ своему сыну, Генриху VIII (1509), неимовѣрную, по тому времени, сумму. Словомъ, заурядная натура, Генрихъ VII рабски подражалъ даровитому отцу новаго абсолютизма въ Англіи, Эдуарду IV.

Абсолютизмъ во Франціи. Людовикъ XI. Во Франціи новый порядокъ вещей выдвинулся послѣ англійской войны, не смотря на ничтожество Карла VII. Подлѣ безпечнаго короля работали умные политики изъ мѣщанъ, и монархизмъ быстро воспользовался ударами, нанесенными феодаламъ мѣщанской революціей и войной съ Англіей. Возвышая города и охраняя крестьянъ, онъ отнялъ у сеньеровъ остатки судебной власти и сосредоточилъ ее въ парламентѣ, которому предоставилъ даже право регистраціи, т. е. утвержденія указовъ внесеніемъ ихъ въ свои списки законовъ. Явилось и постоянное войско на жалованьѣ, со строгою дисциплиной и лучшею въ мірѣ артиллеріей; на содержаніе его была опредѣлена «талья»— постоянная подать, эта основа правильной казны. Прагматическая Санкція, освобождавшая галликанскую церковь отъ папскаго ига, въ то же время подчиняла ее коронѣ. Абсолютизмъ уже такъ утвердился, что вовсе не созывали государственныхъ чиновъ. При дворѣ возникъ фаворитизмъ (господство любимцевъ) — и женщины начали играть роль. Феодализмъ собралъ свои послѣднія силы. Здѣсь еще были могущественные герцоги и графы. Во главѣ ихъ стояли «лилейные господа», т. е. принцы крови съ обширными удѣлами. Но все это былъ народъ бездарный, пустой и сварливый, дичавшій въ своихъ захолустныхъ замкахъ. Лилейные феодалы подняли аристократическій мятежъ — прагери (въ память Праги, т. е. гуситскаго движенія), въ которомъ участвовалъ даже дофинъ Людовикъ. Но у бездарныхъ феодаловъ господствовали раздоры, а народъ сталъ за короля—и прагери быстро исчезла.

Живое отрицаніе среднихъ вѣковъ, *Людовикъ XI*, ставши королемъ, сдѣлался жестокъ и подозрителенъ, смѣялся надъ рыцарствомъ и говорилъ: «гдѣ успѣхъ, тамъ и честь». Онъ послужилъ моделью для «Государя» Макіавеля. Но Людовикъ XI преслѣдовалъ новый принципъ — государственную пользу. Онъ понялъ, что Франція нуждалась въ централизаціи или въ соби-

ранія земли и власти. Трудолюбивый, трезвый, скупой, Людовикъ не копилъ деньгу, а употреблялъ ее на покупку земель, на дипломатію, крѣпости и пушки, на содѣйствіе торговлѣ, промысламъ и просвѣщенію: онъ строилъ дороги, ввелъ почту и однообразныя мѣры, вѣсъ и монету, отмѣнилъ береговое право, завелъ шелководство, развилъ университеты, учреждалъ юридическія и особенно медицинскія школы, помогалъ книгопечатанію; его совѣтчикомъ былъ историкъ Коминъ. Явилась строгая полиція; страна очистилась отъ наемниковъ; въ провинціяхъ возникли парламенты и собранія трехъ чиновъ или земства. Но главное дѣло—собираніе земли, связанное съ истребленіемъ феодаловъ; и здѣсь то проявился весь демонизмъ Людовика. Обманутые феодалы составили противъ «вездѣсущаго паука» грозную Лигу общественнаго блага. У Людовика была ничтожная, но настоящая армія, съ отличною артиллеріей. Онъ призвалъ на помощь народъ, собравши однихъ горожанъ на генеральные штаты и принявъ ихъ депутатовъ въ управленіе. За него былъ патріотизмъ французовъ. Пауку легко было перессорить недалекихъ лигистовъ. Лига была разбита. Та же участь постигла нѣсколькихъ другихъ подобныхъ мятежей. Феодалы были жестоко наказаны. Такъ Людовикъ собралъ 11 провинцій и пріобрѣлъ цѣлое государство—Бургундію.

Новая Бургундія.

Мимолетное государство, Новая Бургундія, возникло случайно. Когда вымерли владѣвшіе древнею Бургундіей Капетинги, Іоаннъ Добрый отдалъ ее, какъ независимое *герцогство*, своему сыну. Новые герцоги были бойки, энергичны, властолюбивы. Они быстро увеличивали свои владѣнія, пользуясь выгоднымъ положеніемъ страны между Германіей и Франціей, которыя наперерывъ заискивали у нихъ. Властителей новой Бургундіи уже называли «великими герцогами Запада», и они свысока посматривали на своего сюзерена, французскаго короля. Новая Бургундія становилась самымъ роскошнымъ и изящнымъ уголкомъ Европы. Дворецъ герцоговъ въ Брюсселѣ и Гентѣ былъ послѣднимъ убѣжищемъ рыцарства и романтизма. Сюда стекались отовсюду феодалы весело пожить. Особенно блисталъ дворъ при тароватомъ Филиппѣ Добромъ, котораго называли «звѣздой рыцарства». Передъ нимъ преклонялись государи, особенно короли Франціи и Англіи, судьба которыхъ, казалось, была въ его рукахъ. Филиппъ оставилъ своему сыну, Карлу Смѣлому, положеніе, которое могло вскружить голову,—и тотъ вообразилъ себя Александромъ Македонскимъ. Карлъ воспитался на рыцарскихъ романахъ и турнирахъ, былъ плохимъ полководцемъ и политикомъ. При неудачѣ, онъ бѣсился и становился кровожаднымъ: подконецъ его прозвали Грознымъ. Рыцарь душой, Карлъ былъ деспотъ по стремленіямъ. Онъ возмечталъ захватить Лотарингію и Швейцарію; а за королевскій титулъ предложилъ Максимиліану I свое единственное дитя, Марію, т.-е. все свое собственное наслѣдіе. Но Карлъ забылъ, что Бургундія наполовину состояла изъ нидерландскихъ земель, возстававшихъ даже противъ популярнаго Филиппа Добраго. Онъ не видѣлъ, что, за исключеніемъ Германіи, Бургундія была окружена свѣжими государствами, гдѣ бойко развивался новый порядокъ вещей; и въ виду общей опасности, у нихъ былъ ловкій тайный вождь—«вездѣсущій паукъ». Борьба Карла съ Людовикомъ была послѣднимъ разсчетомъ между двумя эпохами. Карлъ дѣйствовалъ сумасбродно, но открыто, какъ рыцарь; Людовикъ выказывалъ ему дружбу, а тайкомъ подготовлялъ вѣрную погибель героя государственныхъ приключеній, возмущая его подданныхъ, поддерживая его враговъ.

Орудіемъ Людовика были «альпійскіе коровники», какъ называлъ Карлъ швейцарцевъ, которые превзошли себя въ почти баснословныхъ подвигахъ. Они легко разогнали его воинство у *Грансона* (1476) и истребили подъ *Муртеномъ* бургундское и фландрское рыцарство точно также, какъ было уничтожено ими рыцарство нѣмецкое при Земпахѣ. Затѣмъ у Нанси

палъ и самъ Карлъ Смѣлый. Съ нимъ исчезла и Новая Бургундія. Львиная доля ея досталась Людовику XI, который сталъ еще жесточе, подозрительнѣе и мрачнѣе; онъ умеръ въ уединенномъ замкѣ, окруженный «кумовьями» (палачи) да «дочками» (желѣзныя клѣтки со страдальцами).

Борьба съ феодализмомъ за Пиренеями.

Кромѣ Франціи и Англіи, абсолютизмъ возобладалъ въ третьей странѣ крайняго Запада—въ Испаніи. Здѣсь «святая война» помогала національному и политическому сплоченію: когда мавры вздумали было возвратить утраченное, всѣ три христіанскія государства (Кастилія, Арагонія и Португалія) выступили единодушно и нанесли имъ жестокое пораженіе у Саладо (1340), послѣ котораго они уже совсѣмъ не смѣли выходить за предѣлы своей Гранады. Но святая война воспитала въ испанцѣ фанатизмъ и кровожадность, развила въ грандахъ и хидальгахъ высокомѣріе и буйный духъ. Конецъ среднихъ вѣковъ за Пиренеями ознаменовался такими же безпорядками, какъ во Франціи и Англіи. Кровавыя усобицы господствовали даже въ королевскихъ семьяхъ; соперники какъ бы старались превзойти другъ друга въ коварствѣ, безчеловѣчіи и развратѣ. Этимъ пользовались феодалы, которые захватили въ Кастиліи даже большую часть коронныхъ земель. Но то была послѣдняя вспышка феодализма, среди которой монархизмъ не переставалъ дѣлать свое дѣло. Оно сравнительно легко было покончено въ Португаліи и Арагоніи. Но въ Кастиліи гранды, владѣвшіе богатыми духовно-рыцарскими орденами, стали почти государями, а при дворѣ господствовали сказочные пороки и распри. Но и здѣсь подконецъ одолѣвалъ монархизмъ, опиравшійся на горожанъ въ кортесахъ, которые дали королямъ, за побѣду у Саладо, взятую у мавровъ «алькавали»—извѣстный % съ продажи. Онъ утвердился, благодаря замѣчательной королевѣ *Изабеллѣ*. Эта женщина была эмблемой нравственности и образованности среди тогдашняго разврата и грубости; ея вѣрѣ въ геній и науку человѣчество обязано Америкой. Но и она, какъ испанка, съ лѣтами впадала въ фанатизмъ. Изабелла сама выбрала себѣ въ мужья *Фердинанда* арагонскаго, невѣжественнаго, скупого деспота и фанатика, котораго папа назвалъ *Католикомъ*. Фердинандъ славился еще своимъ вѣроломствомъ, за которое Макіавель поставилъ его «выше всѣхъ современниковъ въ искусствѣ правленія».

Такъ Кастилія и Арагонія соединились (1469). Въ новой столицѣ, *Мадридѣ*, воцарился суровый, дѣловой дворъ. По всей странѣ чувствовалось умное правленіе, опиравшееся на средній классъ, который, въ благодарность, обратилъ свои миликія въ общую «святую германдаду», т.-е. въ постоянную армію. Съ помощью этой силы Изабелла превратила грандовъ въ покорныхъ царедворцевъ, а также сократила права папы, по примѣру Франціи. Но вторая половина царствованія—кровавое пятно на свѣтлой памяти Изабеллы. Испанскій фанатизмъ требовалъ жертвъ—и первыми стали евреи, разбогатѣвшіе до того, что почти не было знатной семьи, которая не породнилась бы съ ними черезъ браки. Сначала привели многихъ къ купели. Но «новокрещены» были христіанами только съ виду—и Фердинандъ настаивалъ на воскрешеніи инквизиціи послѣ альбигойскаго погрома. Подъ вліяніемъ аскета Химинеса, Изабелла возстановила *инквизицію* и поручила ее *Тарквемадѣ*, имя котораго стало синонимомъ изувѣрства. Въ рукахъ Фердинанда «святая» инквизиція превратилась еще въ ужасное *политическое* учрежденіе. Начались невиданныя ауто-да-фе. Въ 1492 г. явился приказъ всѣмъ евреямъ въ 4 мѣсяца покинуть Испанію и не брать съ собой золота съ серебромъ. Болѣе 150,000 ушло въ разныя страны, особенно въ Африку, гдѣ ихъ избивали разбойники пустынь. Тогда же былъ искорененъ исламъ, процвѣтавшій въ веселой, роскошной Гранадѣ, гдѣ подолгу заживались испанскіе гранды и купцы. Гранада легко сдалась, на условіи сохраненія ея быта. Но вскорѣ повелѣли маврамъ или креститься, или выселяться. Хименесъ сжегъ нѣсколько тысячъ ихъ рукописей, плетьми

и пытками загонялъ ихъ къ купели. Для ускоренія обряда лишь окропляли св. водой: это—мориски. Мавры массами бѣжали въ горы Андалузіи—и вспыхнула «святая война». Тутъ погибло много испанцевъ. Но знаменитый полководецъ Гонсальво побѣдилъ — и избіеніе и ограбленіе нехристей было возведено въ законъ, въ христіанскій долгъ: даже взрывали порохомъ мечети, переполненныя дѣтьми и женщинами. Уцѣлѣвшіе ушли въ Африку и стали грозой христіанъ, какъ пираты, поддерживаемые османліями. Маврскія войны довершили собираніе испанской земли и создали испанскую армію, прославленную доблестями и такими талантами, какъ Гонсальво. Вскорѣ испанцы пріобрѣли Неаполь и Америку. По смерти Изабеллы, Фердинандъ лѣтъ 12 управлялъ Испаніей (1504—1516), какъ опекунъ ея внука, Карла—ребенка, воспитывавшагося въ Нидерландахъ. Внутреннія дѣла были въ рукахъ Хименеса, ставшаго кардиналомъ и умно продолжавшаго государственныя задачи Изабеллы: его любимымъ дѣтищемъ былъ университетъ въ Алкалѣ, устроенный на подобіе Сорбонны. Только фанатизмъ возрасталъ съ годами: инквизиція была введена даже въ Америкѣ и во вновь завоеванныхъ земляхъ Алжира, Орана и Туниса. Но дипломатія была въ рукахъ Фердинанда; тогда то онъ прославился тѣмъ, что обманулъ всѣхъ въ итальянскихъ войнахъ. По смерти Фердинанда, прибылъ Карлъ, окруженный фламандцами. Холоднымъ письмомъ далъ онъ отставку Хименесу, даже не повидавшись съ труженикомъ, сохранившимъ ему Кастилію. Вся Испанія перешла къ тому Карлу I, который потомъ соединилъ въ своихъ рукахъ Германію, Австрію, Богемію, Венгрію и Нидерланды; и такъ какъ ему же принадлежала Америка, то онъ былъ вправѣ хвастаться, что «солнце не заходитъ въ его владѣніяхъ». Создалась міровая держава обширнѣе имперіи Карла Великаго; средняя исторія кончалась тѣмъ, чѣмъ начиналась. Оттого въ Испаніи выдвинулась на первый планъ международная политика, поприщемъ которой служила Италія.

Италія въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Въ Италіи, въ концѣ среднихъ вѣковъ, продолжались раннія попытки утвердить монархизмъ; но онѣ были мучительны и неудачны. Главная держава на сѣверѣ, *Миланъ*, подпалъ власти жестокихъ тирановъ изъ фамиліи Сфорца. Самый коварный изъ нихъ, Людовикъ Мавръ, даже навелъ французовъ на Италію, чтобы утвердить свою власть, похищенную у Висконти. Во *Флоренціи* стремленіе къ твердой власти выразилось въ небывалой формѣ. Городъ капиталистовъ добровольно подчинился банкирской семьѣ. Козимо Медичи, подобно Периклу, управлялъ 30 л. нравственной силой — своими талантами, патріотизмомъ и образованностью, безъ формальныхъ правъ и титула, нося только прозвище Отца Отечества. Всѣ власти были какъ бы его министрами. Онъ смирилъ знать, но и демократовъ подчинилъ строгому закону. Другъ бѣдняковъ, онъ жилъ скромно, безъ хвастовства, и не искалъ связей посредствомъ браковъ своихъ дѣтей. Никто не завидовалъ ему. не было флорентійца, котораго онъ не одолжилъ бы или не почтилъ. Знатокъ людей, Козимо былъ прозорливымъ политикомъ. Съ помощью отличнаго войска, нанятаго на собственныя деньги, онъ покорилъ весь тосканскій союзъ и затѣмъ старался установить мирную политику, на основѣ равновѣсія силъ; у Флоренціи уже заискивали государи. Онъ такъ утвердилъ свою династію, что вскорѣ Медичи стали герцогами: они дали двухъ папъ и двухъ французскихъ королевъ и продержались 300 л. Козимо много тратилъ также на украшеніе города, привлекая лучшихъ художниковъ. Меценатство, эта наслѣдственная страсть Медичи, особенно проявилось у внука Козима, Лоренца. То былъ истинный представитель эпохи, по богатству и воспріимчивости своей природы, по широтѣ и независимости взглядовъ, по стройному развитію дарованій, которымъ руководила мать, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Дворъ Лоренца сталъ пріютомъ вождей всѣхъ отраслей новой идейной культуры: изъ

нихъ была устроена Платонова академія, а при ней — публичная библіотека. На образцахъ античнаго искусства, собранныхъ въ его саду, воспитался Микель-Анджело. За это неслыханное меценатство, а также за пристрастіе къ дорогимъ постройкамъ и къ изящной пышности, Лоренцо прозвали Великолѣпнымъ (Magnifico). Проводя даже строже дѣда мирную политику, Лоренцо доставилъ своему отчеству «медицейскій вѣкъ»: Флоренція сдѣлалась новыми Аѳинами, средоточіемъ классицизма. Жизнь интеллигенціи приняла реальный и эстетическій оттѣнокъ древности: она протекала въ радостяхъ, въ изящныхъ наслажденіяхъ. Но строгій моралистъ могъ замѣтить въ новомъ быту легкомысліе и забвеніе долга, прикрытыя изящными формами, а это вело къ возбужденію еще неугасшаго средневѣковаго аскетизма.

Савонарола и Борджіи. Пороки новой цивилизаціи особенно развились при бездарномъ сынѣ Лоренца, Петрѣ II. И раздался строгій голосъ новаго Арнольда. Доминиканецъ *Савонарола* долго предавался изученію Библіи, аскетизму и молитвамъ до истерики. Узнавши клиръ, онъ увидѣлъ, что и «церковь гибнетъ», — и рѣшился исправить ее. Повинуясь видѣніямъ и тайнымъ голосамъ, выступилъ новый пророкъ-обличитель.

Простая, но пылкая рѣчь, отъ которой вѣяло Апокалипсисомъ, одушевленная любовь къ гибнущему человѣчеству, — все привлекало къ нему толпу, которая считала его праведникомъ. Доминиканецъ выставлялъ Библію противъ классицизма и папскихъ декретовъ, аскетизмъ — противъ разврата, христіанскую любовь, простоту и поэтическую мистику — противъ эгоизма, изысканности фразъ и манеръ, разсудочности интеллигенціи. Петръ II былъ изгнанъ, — и монахъ превратилъ Флоренцію въ умѣренно-демократическую республику (1495), которою всѣ восхищались, въ ея основаніе были положены выборы (отчасти даже жребій), полная амнистія, подоходный налогъ, особенно съ богатыхъ, и почти даровая ссудная касса для охраненія бѣдныхъ отъ ростовщиковъ.

Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ погибъ «флорентійскій пророкъ» со своей республикой. Онъ ударился въ аскетизмъ: даже сожигались соблазнительныя книги и картины, наряды и маски. Это надоѣло народу, который сталъ называть приспѣшниковъ мрачнаго монаха «хныкальщиками» и «ревунами». Особенно негодовала просвѣщенная, почти античная интеллигенція.

Выступилъ и Римъ. Онъ былъ тогда именно притономъ пороковъ, которые громилъ Своварола. Олицетвореніемъ ихъ была испанская фамилія *Борджіевъ*, — имя, которое даже тогда внушало ужасъ и отвращеніе. Глава ея, папа *Александръ VI*, пускался на всякіе обманы и злодѣянія, чтобы истребить феодаловъ и «сдѣлать изъ Италіи цѣльный кусокъ». Этотъ кусокъ онъ хотѣлъ подѣлить между своими дѣтьми, изъ которыхъ Чезаре и Лукреція старались превзойти его въ развратѣ и разбойничествѣ. Этотъ то Александръ VI сталъ судьей Савонаролы. Онъ отлучилъ его отъ церкви и поддержалъ недовольныхъ флорентійцевъ. И состоялся судъ съ жестокими пытками. Пророкъ былъ повѣшенъ, а трупъ его сожженъ (1498). Во Флоренцію возвратились, какъ «герцоги», Медичи, одинъ изъ которыхъ сталъ въ то же время папой Львомъ X. Они явились, окруженные французскими войсками.

Итальянскія войны. Тогда вся исторія Италіи связывалась съ вмѣшательствомъ иностранцевъ. Эта страна опять стала поприщемъ міровыхъ событій, названныхъ *итальянскими войнами*. Жертва олигархій и тираній, лишенная патріотовъ и предаваемая папствомъ, Италія привлекала къ себѣ всякаго алчнаго смѣльчака; колыбель наемничества и коварной дипломатіи, она должна была стать поприщемъ міровыхъ интригъ. Она же была самою богатою страной въ Европѣ и вождемъ просвѣщенія, какъ родина Возрожденія наукъ и искусствъ. А въ Европѣ образовались сильныя и умиротворенныя державы. Еще не укрощенная удаль, досужіе пережитки феодализма искали выхода за предѣлами оте-

чества. А завоевательная политика вызывала взаимное недовѣріе; отсюда лиги (союзы) и контрлиги, означавшія исчезновеніе національной замкнутости.

Но главная борьба за Италію шла между самыми сильными и близкими державами, Франціей и Испаніей, причемъ у французовъ обнаружился угасающій духъ среднихъ вѣковъ, у испанцевъ—характеръ новаго времени. Испанцы выставили, наряду съ коварнымъ дипломатомъ, Фердинандомъ, отца новаго военнаго искусства, Гонсальва кордовскаго, прозваннаго «великимъ полководцемъ». А французы прославились послѣднимъ рыцаремъ *Баярдомъ*, который подражалъ Роланду и заслужилъ названіе «рыцаря безъ страха и упрека». Орудіемъ борьбы за Италію были наемники съ непобѣдимыми швейцарцами во главѣ. Они придали событіямъ свирѣпый разбойничій характеръ: это были уже не легкія стычки кондотьеровъ, гдѣ часто деньги да переговоры рѣшали дѣло, а бойни, гдѣ падали десятки тысячъ остервенѣлыхъ головорѣзовъ.

Итальянскія войны началъ сынъ Людовика XI, Карлъ VIII, котораго призывали и Людовикъ Мавръ, и Александръ VI, и Савонарола; ихъ продолжалъ его преемникъ. Людовикъ XII. Они хвастливо называли себя «королями Неаполя и Іерусалима, восточными императорами, миланскими герцогами». Но кончилось тѣмъ, что хитрый Фердинандъ, съ своимъ доблестнымъ Гонсальвомъ прогналъ ихъ, и Неаполь, слившійся съ Сициліей подъ именемъ *королевства Обѣихъ Сицилій*, на 200 л. сталъ испанскимъ владѣніемъ (1504). Затѣмъ противъ французовъ выступилъ папа *Юлій II*, представляющій типъ новаго времени. Пылкій воинъ и хитрый дипломатъ, онъ утвердилъ монархизмъ въ Церковной Области и задумалъ стать «распорядителемъ міровой игры». Къ тому же это былъ папа патріотъ: его конечной цѣлью было освобожденіе Италіи отъ «варваровъ», и прежде всего отъ французовъ. Юлій II составилъ «священную лигу» изъ Венеціи, Испаніи, Германіи и Англіи и выдвинулъ швейцарскихъ наемниковъ. Преемникъ Людовика XII, Францискъ I съ трудомъ одолѣлъ послѣднихъ въ «бою великановъ», у Мариньяно (1515). Италія успокоилась на время; а швейцарцы съ тѣхъ поръ подчинялись вліянію Франціи до 1814 года.

Итальянскія войны имѣютъ огромное значеніе. Франція выступила на путь завоеваній, и началось вѣковое соперничество между нею и Германіей. Возникла идея политическаго равновѣсія, которая не допускаетъ слишкомъ сильныхъ державъ, вызывая противъ нихъ союзы между слабыми. Европа стала политической системой, связнымъ цѣлымъ, чему содѣйствовало также появленіе посольствъ, почтъ, книгопечатанія и общепринятаго классицизма. Итальянскія войны служили распространенію новаго просвѣщенія, возникшаго въ Италіи. «Варвары» лично сталкивались съ нимъ и усваивали его. Сначала испанскій, потомъ, еще больше, французскій дворы стали законодателями вкуса и моды, заимствовавши у итальянцевъ изящество быта, вмѣстѣ съ художниками, учеными и сокровищами античной культуры.

Османліи и монголы.

Итальянскія войны, въ особенности же политика Венеціи, связаны съ новою силой въ Европѣ — съ османскими турками. *Османліи* или оттоманы уже при Урханѣ представляли сложившуюся народность: у нихъ явилось даже особое одѣяніе, въ отличіе отъ христіанъ, а знакомъ султана сталъ тюрбанъ. Урханъ раздѣлилъ государство на санджаки (знамена) и завелъ янычаръ («новое войско») изъ крѣпкихъ, красивыхъ христіанскихъ мальчиковъ, обращенныхъ въ исламъ. Обладая хорошимъ жалованьемъ, привилегіями, особою одеждой, они составляли родъ рыцарскаго ордена и были лучшею въ мірѣ пѣхотой. Съ ними соперничала превосходная конница—спаги, также на большомъ жалованьѣ; были еще своего рода вассалы или служилые люди, которымъ раздавались тимары—помѣстья, съ обязанностью выставлять извѣстное число воиновъ по призыву. Во главѣ строгаго управленія сталъ визирь, «но-

сильщикъ тяжестей». Урханъ уже захватилъ всю греческую Азію. Сынъ его, Мурадъ I, — типъ султана патріарха. Онъ провелъ жизнь среди крови: его прозвали Гази (Побѣдитель). Онъ ворвался въ Европу и сдѣлалъ Адріанополь своей столицей. Палеологи не могли дать ему ни одной битвы и едва держались на полуостровѣ между Чернымъ и Мраморнымъ морями. Мурадъ встрѣтилъ сопротивленіе лишь со стороны славянъ и албанцевъ, которымъ помогали валахи и венгерцы. На Косовомъ полѣ (1389) они дали битву, какой еще не испытывалъ Мурадъ: палъ самъ султанъ; но сынъ его, Баязетъ, одолѣлъ, оказавши чудеса храбрости. Баязетъ не зналъ пораженій, умѣя нападать на врага съ быстротой тигра: его называли Молніей. Онъ завоевалъ почти весь Балканскій полуостровъ и навелъ такой ужасъ своими звѣрствами, что противъ него выступило почти все рыцарство Запада, которое опять стало мечтать объ Іерусалимѣ. Но оно потерпѣло жестокое пораженіе у *Никополя* (1396)—и османліи появились въ Штиріи. Баязетъ былъ остановленъ ужаснымъ извѣстіемъ.

Азія была потрясена новымъ переселеніемъ народовъ. Въ «народоплодильнѣ» (Туркестанѣ), среди потомковъ Чингисхана, вновь появился подобный же герой, *Тамерланъ* или Желѣзный Хромецъ. Онъ отлично зналъ своихъ монголовъ и объединилъ ихъ больше коварствомъ, чѣмъ насиліемъ. Меценатъ, превратившій Самаркандъ въ новый центръ арабской культуры, Тамерланъ былъ, въ сущности, фанатикомъ суннитства и вторымъ Чингисханомъ по свирѣпости. Жизнь его была эпопеей разрушенія, причемъ онъ не щадилъ и своихъ; онъ способствовалъ гибели монгольскаго ига въ Россіи, допустилъ его низверженіе въ Китаѣ, истребилъ въ Индостанѣ мусульманскую династію и, наконецъ, пріостановилъ успѣхи османліевъ. Хромецъ истребилъ побѣдоносное войско Молніи, у *Ангоры* (1402). Тамерланъ разбилъ исламскій міръ на части: послѣ него выдѣлились Турція, Персія, Индія и Туркестанъ.

Къ концу среднихъ вѣковъ Тимуриды вездѣ исчезли. Только въ Индіи они создали многовѣковое царство *Великаго Могола*. Здѣсь то сосредоточилась исламская культура, какъ поздній отблескъ арабской цивилизаціи.

Паденіе Константинополя. Оттоманская Порта.

А османліи быстро оправились послѣ Ангоры. Они прогнали Тимуридовъ изъ Передней Азіи и снова показались за Дунаемъ. Папа и Западъ оставили Византію на произволъ судьбы. Одни венгерцы да поляки выступили противъ турецкой силы, но они были разсѣяны у *Варны* (1444). Правнукъ Баязета, Магометъ II, покончилъ съ Византіей: *Константинополь палъ* (1453), вмѣстѣ съ послѣднимъ Палеологомъ, Константиномъ XI, искупившимъ грѣхи предковъ доблестной смертью на его стѣнахъ. Такъ погибла Восточная римская имперія, пережившая Западную почти на 1000 лѣтъ. Но Константинополь, по турецки *Стамбулъ*, остался греческимъ городомъ. Средоточіемъ греческой знати, банкировъ и іерархіи стало предмѣстье *Фанаръ*, гдѣ укрылись печальныя черты византійскаго двора.

Магометъ II жилъ еще около 30 л. и пріобрѣлъ имя Завоевателя. Онъ взялъ Боснію, Герцеговину, Черногорію, Сербію, Валахію и генуэзскія колоніи въ Крыму, обратилъ молдавскаго господаря и крымскаго хана въ своихъ данниковъ, отнялъ Сирію, Египетъ, Аравію и Палестину у мамелюковъ, уничтожилъ въ Мореѣ мелкихъ греческихъ «деспотовъ», латинскихъ князей и венеціанскихъ губернаторовъ, которые такъ угнетали жителей, что они сами призывали турокъ. Затѣмъ Магометъ завелъ флотъ и захватилъ владѣнія венеціанцевъ и генуэзцевъ въ Архипелагѣ. Въ Азіи османліи достигли Евфрата и границъ Египта. Магометъ же далъ Канунъ-Намэ (сводъ законовъ) и новое устройство своему государству, такъ какъ патріархальныя формы уже не годились. Государство представлялось турку шатромъ, у порога котораго вершаются дѣла: отсюда названіе Оттоманской Порты (Османова Дверь). Сул-

танъ—господинъ, помѣщикъ; всѣ подданные—его рабы, безъ различія сословій. Бремя правленія лежитъ на «великомъ визирѣ», который созываетъ иногда «диванъ» или совѣтъ сановниковъ. Затѣмъ главное вниманіе принадлежитъ богословамъ и законовѣдамъ—«улемамъ», изъ которыхъ выбираются учителя и «кадіи» (судьи), съ «муфти» во главѣ; имъ подчинено духовенство—имамы, шейхи и дервиши. Дворомъ завѣдуютъ бѣлые и черные евнухи, провинціями или санджаками—«паши, беги и аги», съ неограниченной властью даже надъ тимарліями. Поголовную подать платитъ только райя (христіане), которая доставляетъ также мальчиковъ въ составъ янычаръ; но вообще турки не притѣсняли покоренныхъ, не трогали ихъ религіи и давали имъ богатѣть. Къ 1500 г. турецкая орда утвердилась въ Европѣ и Азіи: христіанскіе государи заискивали у нея; у французовъ подготовлялся союзъ съ нею. Въ началѣ XVI-го вѣка стамбульскій султанъ Селимъ I даже присвоилъ себѣ, безъ всякаго права, титулъ халифа, т. е. сталъ главой всего суннитскаго ислама.

Южные славяне и румыны.

Успѣхи турокъ въ Европѣ были непосредственно связаны съ положеніемъ придунайскихъ странъ, заселенныхъ южными славянами и румынами. Они надолго остановили развитіе этихъ юныхъ народностей. Южные славяне только-что начали поправляться послѣ ига, наложеннаго на нихъ Византіей въ XI—XII вѣкахъ, когда у нихъ даже въ церкви и письменности установился греческій языкъ. Ихъ освобожденію содѣйствовало потрясеніе Восточной имперіи отъ четвертаго крестоваго похода. Возстановленіе византійской державы не могло остановить роста Сербіи и Болгаріи, расширявшихся по обѣ стороны р. Моравы, до Адріатики и Чернаго моря, а на югѣ—до Балканъ. Но уже около 1400 г. Болгарія стала добычей турокъ, которые продолжали дѣло Византіи; болгары были снова подчинены костантинопольскому патріарху; они изнывали подъ гнетомъ османскихъ чиновниковъ да фанаріотовъ (греческій клиръ изъ Фанара), которые старались истребить даже самый болгарскій языкъ. А вскорѣ и *Сербія* была обращена въ турецкую провинцію. Изъ южныхъ славянъ одни *черногорцы* сохранили независимость. Пострадала отъ турокъ и только-что сложившаяся національность *румыновъ*. Они вышли изъ Карпатъ, измученные гнетомъ венгровъ-католиковъ и опустошеніями татаръ Батыя, и основали «господарство» Валахію и Молдавію по лѣвому берегу Дуная и по Пруту (ок. 1300). Но, вслѣдъ затѣмъ, никѣмъ не поддержанные, румыны подверглись нападеніямъ османліевъ: сначала Валахія (1411), потомъ и Молдавія (1513) стали вассальными землями султановъ.

Мадьяры и чехи.

При взаимной враждѣ христіанъ турки уже были бы и за Дунаемъ, если бы ихъ не сдерживали *мадьяры*. Венгрія пріобрѣла тогда значеніе. Она переживала блестящую эпоху, при французской династіи, замѣнившей Арпадовъ. Анжуйцы много сдѣлали для прививки западной цивилизаціи къ грубымъ туранцамъ, у которыхъ еще несовсѣмъ исчезъ кочевой бытъ. Подобно Капетингамъ, они старались подавить могущество феодаловъ, опираясь на города и папство; и магнаты стали толпиться при дворѣ. Анжуйцы развивали торговлю и держали казну въ порядкѣ. Они переносили въ Венгрію утонченные обычаи Италіи и Франціи и насаждали западное просвѣщеніе. Особенно прославился Людовикъ, прозванный Великимъ, царствованіе котораго занимаетъ почти всю вторую половину XIV-го в. Онъ много сдѣлалъ для культурнаго развитія мадьяръ; а когда онъ былъ избранъ въ польскіе короли, его владѣнія касались трехъ морей—Балтійскаго, Чернаго и Адріатическаго. Одна изъ его дочерей соединила Польшу съ Литвой, какъ жена Ягелла, другая—Венгрію съ Германіей, вышедши замужъ за Сигизмунда. У впечатлительнаго, пылкаго Людовика закружилась голова: онъ усиливался сдѣлать свой дворъ образцомъ величія и пышности, завелъ блестящіе турниры и возмечталъ о коронѣ Восточной имперіи. Но по смерти Людовика, съ которымъ прекратились Анжуйцы,

Венгрія около полутора вѣка служила поприщемъ смутъ и игрушкой иностранныхъ династій. Венгрія пользовалась лишь временнымъ значеніемъ при *Іуніадахъ*, правленіе которыхъ занимаетъ всю вторую половину XV-го вѣка. Второй изъ нихъ, *Матвѣй Корвинъ* (въ его гербѣ былъ воронъ)—былъ даже провозглашенъ королемъ, по прекращеніи династіи Анжуйцевъ, и Венгрія стала *избирательнымъ* королевствомъ. Матвѣй былъ грозой и турокъ, и магнатовъ. Онъ сдѣлалъ *Буду-Пештъ* блестящимъ центромъ возрожденія наукъ и искусствъ. Но послѣ него снова возобладали магнаты, руководимые заносчивымъ Запольей. Они довели страну до анархіи; и кончилось тѣмъ, что большая часть Венгріи досталась османліямъ, которые владѣли ею около двухъ вѣковъ, а остальное было присоединено къ Австріи (1526).

Въ Богеміи происходили однородныя явленія. И здѣсь, послѣ Сигизмунда, господствовалъ произволъ пановъ; а затѣмъ настала краткая эпоха величія при королѣ-туземцѣ, *Юріи Подебрадѣ*. Этотъ благородный патріотъ ввелъ строгіе суды и полицію, отнялъ коронныя земли у пановъ, помогалъ мѣщанамъ и крестьянамъ. Онъ отстоялъ чеховъ отъ притязаній нѣмцевъ и папъ, которые тщетно подымали противъ нихъ цѣлые крестовые походы. Но послѣ Подебрада чехи не избѣгнули своей участи: Богемія, въ одно время съ Венгріей, была присоединена къ Австріи. И, вмѣстѣ съ усиленіемъ пановъ, настало ея паденіе, которому соотвѣтствовало паденіе родственной Польши.

Такъ южные славяне надолго исчезли подъ турецкимъ игомъ, западные доживали лучшіе дни подъ властью иноземныхъ государей и съ внутренними условіями разложенія. Только восточные крѣпли. Русскіе сбросили татарское иго и собрали почти всю свою землю, съ помощью сильнаго монархизма. Москва даже перешла въ наступленіе на западъ, чтобы отнять у Литвы югозападную Русь. Здѣсь, вслѣдствіе стремленія къ морю, русскіе должны были столкнуться съ скандинавами.

Кальмарская унія.

Исторія Скандинавіи послѣ крестовыхъ походовъ напоминаетъ исторію Германіи, только съ еще болѣе мрачнымъ оттѣнкомъ. Здѣсь почти не прекращалась анархія. Феодалы превратились почти въ государей: Данія даже стала избирательнымъ королевствомъ. Ганза высасывала у народа послѣдніе соки; сама она страдала отъ неимовѣрнаго пиратства на Балтійскомъ и Сѣверномъ моряхъ. Наконецъ, между тремя королевствами господствовало соперничество, нерѣдко вызывавшее войны. Среди усобицъ вымерли древніе королевскіе роды: послѣднею ихъ представительницей оставалась Маргарита датская. При ней въ Кальмарѣ собрались депутаты отъ Даніи, Швеціи и Норвегіи и утвердили соединеніе трехъ королевствъ въ потомствѣ Маргариты, подъ именемъ кальмарской уніи (1397), внѣшняя политика становилась общею; во внутреннемъ же управленіи каждая страна сохраняла независимость и старые порядки. Однако надежды скандинавовъ не оправдались. Кальмарская унія, бывшая, въ сущности, лишь черновымъ наброскомъ акта, притомъ составленнымъ въ неясныхъ выраженіяхъ, была однимъ громкимъ именемъ: какъ связь «личная», посредствомъ королей, она не давала внутренняго объединенія странамъ, изъ которыхъ въ каждой уже выработалась самобытность. Она даже принесла вредъ. Короли сидѣли въ Копенгагенѣ.Они старались извлекать пользу изъ уніи только для себя и для своихъ датчанъ. Начиная съ самой «королевы сѣвера», Маргариты, они увлекались династическимъ интересомъ, вызывавшимъ войны съ сосѣдями. Феодализмъ и анархія росли. Сословная борьба поддерживалась распрями между государствами, причемъ то одно, то другое сегодня покидало унію, завтра снова возвращалось къ ней.

Впрочемъ унія между Даніей и Норвегіей продержалась до 1814 г. Не то было съ самымъ сильнымъ изъ скандинавскихъ королевствъ, съ Швеціей. Когда датская знать, вообще сильно онѣмеченная, низложила преемника Мар-

гариты и отдала престолъ Ольденбуржцамъ, въ лицѣ Христіана I, въ Швеціи поднялось національное движеніе. Подобно первымъ Фолькунгамъ, роль майоръ-домовъ стали играть Стуры—знатная, богатая, но скромная, любимая народомъ фамилія. Главой ихъ былъ честолюбивый, но искусный политикъ и полководецъ, просвѣщенный и правдивый Стенъ. Его можно было назвать «королемъ безъ титула»: онъ правилъ самостоятельно, признавая копенгагенскихъ королей лишь по имени. Стенъ Стуре держалъ въ рукахъ знать, опираясь на народъ, въ особенности же на грубыхъ, сильныхъ, свободолюбивыхъ горцевъ—далекарлійцевъ; онъ ввелъ парламентаризмъ, призвавши въ государственный тингъ депутатовъ отъ городовъ и селъ. Стенъ завелъ первыя типографіи и библіотеки и основалъ университетъ въ Упсалѣ. Его имя стало популярнымъ въ исторіи Швеціи. Когда онъ умеръ, народъ рѣшилъ, что его отравили феодалы и король. Вскорѣ Швеція и формально отвергла кальмарскую унію.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Культура конца среднихъ вѣковъ.

Византійская культура.

Переходная эпоха отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени богата культурнымъ развитіемъ, весьма важнымъ для всего будущаго Европы. Оно—уже исключительный плодъ Запада. Византійская культура, подобно арабской, представляла картину разложенія. Восточная римская имперія распалась съ XIV-го в. на 20 болѣе крупныхъ владѣній, не считая разной мелочи. Тутъ кишѣли всевозможные народы и уклады жизни. И все это стремилось къ единовластію: отсюда вѣчныя усобицы. Если при Латинской имперіи Византія превратилась въ «Новую Францію», т.-е. изъ патріархальныхъ родовыхъ старшинъ выработались феодалы, то теперь она стала итальянскою банкирской конторой да поприщемъ кондотьеровъ и пиратовъ. А императорамъ принадлежалъ почти одинъ только округъ столицы, населеніе которой пало съ полмилліона до 180,000. И охранялся онъ наемниками, которые зачастую дрались между собой изъ за недоданной платы. Финансы были такъ плохи, что казна пускалась на все: даже грабили церкви и подмѣнивали алмазы короны. Бездарные Палеологи занимались только пустыми церемоніями, догматическими преніями да ханжествомъ. Дворъ по-старому былъ притономъ козней и смутъ. Измученный народъ наконецъ ужъ радовался туркамъ. А османліи, которыхъ нерѣдко призывали сами императоры противъ мятежныхъ подданныхъ, надвигались все ближе,—и гордые базилевсы должны были унижаться передъ ними хуже, чѣмъ русскіе князья въ Ордѣ. Помощи не было ни откуда; на самихъ же византійцевъ нельзя было расчитывать. Ихъ культурное значеніе исчезло. Эллинизмъ, придававшій смыслъ Византіи, сталъ позоромъ въ глазахъ самихъ грековъ. Образованные изъ нихъ называли себя «романистами» и увлекались Олимпійцами; даже въ народныхъ пѣсняхъ ромайкоса звучали отголоски политеизма. Потускнѣвшіе слѣды національнаго сознанія замѣчались лишь въ раскольничьемъ фанатизмѣ: изъ-за обрядности и схоластики губили свою имперію. Въ распряхъ съ папистами участвовали всѣ—отъ свѣтилъ науки, до нищихъ и разбойниковъ: и наканунѣ паденія Константинополя, духовенство и знать твердили, что «лучше тюрбанъ Магомета въ Софіи, чѣмъ шапка легата». Всѣ видѣли спасеніе только въ монашествѣ, пышно расцвѣтавшемъ въ обнищалой странѣ, да въ чудесахъ, которыя громко требовались и ожидались повсюду. Въ главномъ очагѣ этого направленія, на Аѳонѣ, возникла изумительная секта «омфалопсиховъ» («душа—въ пупѣ», какъ свѣтъ на Ѳаворѣ), которая въ Византіи

вызывала горячее одушевленіе на синодахъ, при дворѣ и въ массахъ. А не было юристовъ; не издавалось новыхъ законовъ, хотя бы церковныхъ. Не было науки и литературы: нельзя назвать ими словари, жалкія и рѣдкія извлеченія изъ классиковъ или арабовъ, да сборники аллегорій, одъ или эпиталамъ, подъ именемъ «букетовъ фіалокъ или розъ» и проч. Исчезло даже искусство: новыхъ перловъ зодчества не появлялось; ветхую св. Софію снабдили подпорками; изобразительныя искусства стояли ниже критики. Только подконецъ казалось, что благородное эллинство можетъ воспрянуть вновь. Духъ Возрожденія коснулся и этого трупа. Подъ вліяніемъ итальянскихъ гуманистовъ, бросившихся въ Византію, въ погонѣ за источниками классицизма, греки подняли голову. Явились дѣльные толкователи Аристотеля и Платона; возникли оживленные мемуаристы. Литература стала рости, хотя количественно, и почти по всѣмъ провинціямъ. Ея языкъ, напоминавшій передъ тѣмъ кухонную латынь, приближался къ рѣчи Демосѳена; а ромайкосъ украсился цвѣтами болѣе свѣжей поэзіи, хотя и навѣянной Западомъ. И византійцы уже начинали опять называть себя гордымъ именемъ «эллиновъ». Но все это было дѣломъ монаховъ же, вносившихъ всюду оттѣнокъ исключительности. А главное, все это проростало на дряблой почвѣ уже при туркахъ, которые, съ свойственной имъ сонливой терпимостью, не обращали вниманія на движеніе, грозившее опасностью ихъ владычеству.

Западная культура Государство. Съ исчезновеніемъ южныхъ культуръ—византійской и арабской, въ Европѣ остались два основныхъ бытовыхъ вида—восточный и западный. Къ первому изъ нихъ относится, главнымъ образомъ, культура славянская, затѣмъ румынская и мадьярская. Правда, онѣ не были самостоятельны: южные и восточные славяне и румыны примыкали къ византійскому виду, западные славяне и мадьяры—къ западному.

Въ культурѣ Запада развились сѣмена, посѣянныя крестовыми походами. Земельное и національное сплоченіе сдѣлало очевидный шагъ впередъ. Всюду шло собираніе земель, въ особенности же на крайнемъ Западѣ, гдѣ наиболѣе развилась и политическая власть. Подъ конецъ сложились Франція, Англія и Испанія, что и было главнымъ плодомъ Столѣтней войны и борьбы христіанъ съ маврами; въ Скандинавіи же это стремленіе проявилось въ цѣлой уніи. Собираніе земель принимало сознательный видъ исканія предѣловъ національности, что выразилось и въ появленіи такихъ представителей патріотизма, какъ Жанна д'Аркъ и Макіавель, Гусъ, Гуніады и Подебрадъ. Подъ конецъ всюду обнаруживалось стремленіе учредить національныя церкви, чтобы свергнуть папское иго. Новые языки сложились и облекались въ литературную форму. Возникли національныя искусства, поэзія, исторія и публицистика. Подготовлялось и высшее, *международное* сплоченіе. Племенный хаосъ смѣнялся союзами и идеей политическаго равновѣсія. Въ дипломатіи установлялись преданія и свой языкъ (латынь); и ее вели уже не одни церковники, но и нотаріусы; число посольствъ быстро росло повсюду. Наконецъ, выступила могучая сила и душевнаго сплоченія Европы—тотъ гуманизмъ, который смѣнилъ, какъ міровоззрѣніе, церковный идеализмъ и романтику рыцарства. Еще яснѣе—политическое сплоченіе въ предѣлахъ каждаго государства. Всюду шло собираніе верховной власти: феодализмъ уступалъ мѣсто монархизму, который даже превращался въ абсолютизмъ.

Общество. Теперь завершилось разложеніе феодальнаго строя общества, возникшее подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ. Рыцарство рухнуло, какъ родовитая твердыня, опиравшаяся на дѣйствительное могущество. Самые видные представители его, храмовники, были легко уничтожены, какъ безполезная отжившая сила. А они были безвредны. Тѣмъ болѣе должно было пасть остальное рыцарство, которое стало паразитомъ. Порохъ и пѣхота дѣлали его излишнимъ,

Тогда требовалось уже новое войско, образцомъ котораго, хотя и печальнымъ, служила такая наемная пѣхота, какъ возникшее при Максимиліанѣ I ландскнехты или «копейщики». Рыцарство совсѣмъ исчезало на крайнемъ Западѣ. Во Франціи, съ введеніемъ постоянной арміи, знать превратилась изъ «феодальной» въ шпажную или придворную». Въ Англіи старая знать, добывшая Великую Хартію, вымерла уже при Эдуардѣ III, который создавалъ новыхъ графовъ и даже герцоговъ. Эта новая знать начала-было тоже усиливаться, такъ какъ города были еще слабы. Оттого война Розъ была послѣднею феодальной усобицей въ Англіи. Она сгубила новую аристократію. Феодалы исчезли и въ Голландіи. Въ Италіи они сохранялись только въ Пьемонтѣ, но уже изнемогали въ борьбѣ съ упорными герцогами савойскими. Въ Испаніи происходило то же самое. У Изабеллы уже все дѣло было не въ грандахъ, а въ легистахъ. Рыцарство сохранялось только далѣе къ востоку. Въ Германіи оно все еще славилось своимъ «кулачнымъ правомъ». Правда, и оно уже падало на юго-западѣ. Зато въ Бранденбургѣ сложился типъ *юнкера*-разбойника съ «центаврскими» нравами. Впрочемъ и юнкеръ смирился подконецъ, подъ ударами суровыхъ Гогенцоллерновъ и ихъ «длинныхъ пищалей». Истиннымъ царствомъ знати оставались Данія, Венгрія, Богемія и Польша.

По мѣрѣ паденія второго чина, наставала пора третьяго. Въ Италіи, гдѣ онъ процвѣталъ уже раньше, даже началось его паденіе въ политическомъ смыслѣ: тамъ городскія республики до того были измучены усобицами, что, ради успокоенія, подчинялись тиранамъ; только герцоги савойскіе давали своимъ мѣщанамъ самоправленіе, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ феодалами. Но и въ Италіи города шли во главѣ матеріальнаго и идейнаго прогресса. А внѣ ея они повсюду начинали играть первую роль даже въ политикѣ: ихъ революціями наполненъ періодъ; въ ихъ нѣдрахъ развивались свобода, единомысліе, высшая культура, внѣшнее богатство; и населеніе все возрастало. Мѣщане вліяли на судьбу цѣлаго материка, а въ Англіи сдѣлались законодателями. Какъ капиталисты, они становились опасными не только монархизму, но и крестьянству. Оттого во Франціи мѣщане развивались матеріально, но уже падали политически. Появленіе новыхъ коммунъ совсѣмъ прекратилось при Филиппѣ IV, а старыя теряли свои привиллегіи. Въ тоже время лучшія силы буржуазіи отходили къ коронѣ въ видѣ легистовъ, изъ которыхъ образовалось чиновное дворянство. Но крестьянство начинало во Франціи путь, пройденный буржуазіей въ прошломъ періодѣ». Короли освобождали собственныхъ крѣпостныхъ и понуждали къ тому же феодаловъ; барщины опредѣлялись закономъ и постепенно смягчались. Освобожденныя села принимали форму коммунъ. Въ концѣ періода крестьяне даже выбирали депутатовъ для государственныхъ чиновъ и снабжали ихъ наказами.

Въ Англіи общество сложилось иначе, чѣмъ на материкѣ, благодаря джентри, которая стояла какъ бы въ срединѣ націи. Съ одной стороны, джентльмены или сквайры примыкали къ аристократіи: они назывались «рыцарями», «меньшими баронами» и даже роднились съ лордами; съ другой— они отдѣлялись отъ лордовъ, гордившихся названіемъ «большихъ бароновъ» и «знати». Джентльмены были «земскими» людьми (landgentry), зарывшимися въ графствахъ, какъ степняки-помѣщики; ихъ богатство состояло въ овцахъ, и они все развивали пастбища, чтобы отправлять побольше шерсти во Фландрію. По быту, грубости и невѣжеству —сельчане сквайры сближались съ крестьянами и въ силу общности экономическихъ интересовъ. Джентльмены платили вдвое больше податей, чѣмъ крестьяне, отстаивали интересы своихъ сосѣдей, боролись съ притязаніями королей и лордовъ въ парламентѣ, гдѣ они представляли не только свое сословіе, но все графство. Народъ отвѣчалъ имъ довѣріемъ, какъ потомкамъ своей саксонской знати. Сильная связью съ народомъ,

джентри пріобрѣтала политическія права: судебная власть шерифа перешла къ ней въ видѣ присяжныхъ, полицейская власть—въ видѣ мировыхъ судей, военная—въ видѣ командованія ополченіемъ (милиціями) графствъ. Обезпеченная землями и арендами, джентри исполняла эти должности безплатно. Подъ ея вліяніемъ находились и парламентскіе выборы не только въ графствахъ, но и въ мелкихъ городахъ. Въ нижней палатѣ джентльменамъ принадлежала руководящая роль; и когда она выдвинулась насчетъ палаты лордовъ, въ Англіи настало «господство сквайровъ» (squirearchy).

Джентри, представлявшая крестьянъ и вообще землевладѣніе графствъ, была одною частью третьяго чина; другая состояла изъ мѣщанъ. Города (town), городки (city), отчасти же мѣстечки (borough) становились богаче джентри отъ развитія торговли и отъ умиротворенія: здѣсь затихла борьба между «большими» и «меньшими», такъ какъ охраняемые закономъ мастеровые были менѣе угнетены, чѣмъ на материкѣ, и уже ставили своихъ меровъ, а Эдуардъ III приписался къ цеху оружейниковъ. Сначала корона брала съ мѣщанъ, какъ и съ феодаловъ, произвольную «помощь», но они спорили со сборщиками податей и затягивали или совсѣмъ отвергали уплату, а правительство лишало ихъ привиллегій, даже закрывало рынки и лавки. Отсюда вытекла необходимость привлечь въ парламентъ эту главную податную силу: лавочники и мастеровые заняли мѣста рядомъ со сквайрами, которые слились съ ними подъ именемъ «общинъ» и даже бросили свои титулы, хотя землевладѣніе составляло тогда $^{6}/_{7}$ народнаго богатства въ Англіи. Ни сословные предразсудки, ни усилія короны перессорить сквайровъ и мѣщанъ не могли сбить общины съ пути единодушія. Тѣмъ же духомъ отличались отношенія между городомъ и земщиной въ Англіи. Здѣсь города не были замкнутыми республиками или коммунами. У нихъ не было монополій; они судились въ общихъ судахъ графствъ. Съ Эдуарда III, когда появилась всеобщая подать по достатку, мѣщане слились съ джентри въ росписи, и городской патриціатъ сталъ носить титулъ сквайра. Англійское самоправленіе (selfgovernment) покоится не на городскомъ началѣ, а на графствѣ или земствѣ, обнимающемъ города, мѣстечки и села.

Въ Германіи города также имѣли большое культурное значеніе: они были ея «нервами», по выраженію Макіавеля; они занимались также земледѣліемъ, скупая и общинные участки, и помѣстья обнищалыхъ феодаловъ. Но подконецъ ихъ развитіе было задержано смутой. Одна Ганза была силой. Какъ морская держава, она не страдала отъ рыцарей и распространилась на всю Балтику, Сѣверное м. и Рейнъ. Она распоряжалась скадинавскими престолами; ея обычаи стали морскимъ правомъ на сѣверѣ; ей повиновались короли-должники, а съ непокорными она вела побѣдоносныя войны. Главой Ганзы былъ Любекъ, право котораго дѣйствовало во всѣхъ городахъ союза. Здѣсь пребывало ея правленіе и собирался сеймъ «сганзованныхъ» (hanza—фламандское названіе одной подати). Но и Ганза была непрочна.

Изъ мелкихъ государствъ материка развитіемъ третьяго чина отличались Нидерланды и Пиренейскій полуостровъ. Во Фландріи города развились раньше всѣхъ, послѣ итальянскихъ. То были цѣлыя богатыя республики. Подконецъ онѣ уже начали увядать. Ихъ терзали внутреннія усобицы, что вызвало подконецъ и здѣсь зачатки абсолютизма. Въ Испаніи вообще третій чинъ довѣрялъ коронѣ и поддерживалъ ее: она опиралась на него въ борьбѣ съ феодалами; даже Фердинандъ и Хименесъ соблюдали фуеры и права кортесовъ. Въ особенности процвѣталъ третій чинъ въ такихъ демократическихъ провинціяхъ, какъ Арагонія и Каталонія. Здѣсь города были также республиками, съ собственными законами, казнами и управленіемъ, въ которомъ участвовали всѣ классы общества.

Въ Каталоніи купившій сеньерію мѣщанинъ и даже зажиточный кре-

стьянинъ становились рыцарями, а не несшій военной службы рыцарь терялъ свое званіе. Но въ этихъ республикахъ процвѣтали «дурные обычаи», т. е. крѣпостничество, павшее лишь при Фердинандѣ Католикѣ, при которомъ за то возникло новое рабство—негроторговля. Въ Скандинавіи городовъ было мало: ихъ развитію мѣшала рѣвнивая Ганза. Въ Польшѣ города, съ иностраннымъ населеніемъ, еще сохраняли свои привилегіи, въ видѣ магдебургскаго права.

Церковь.

Первый чинъ, клиръ, отступалъ на задній планъ. Свѣтская власть пользовалась его внутреннимъ паденіемъ, которое все сильнѣе возстановляло массы противъ него. Въ Англіи духовенство уже давно лишилось привилегій, проигравши въ борьбѣ съ короной. Сила духовенства въ Англіи заключалась только въ огромныхъ богатствахъ. Во Франціи корона постепенно подрывала значеніе перваго чина наравнѣ со вторымъ. Въ фанатичной Испаніи клиръ сталъ слугой короны, особенно при благочестивой Изабеллѣ и королѣ «Католикѣ». Только въ Германіи владыки сохраняли феодальныя привилегіи и даже становились самодержавными фюрстами. Они сохраняли также большую силу въ Скандинавіи и за Пиренеями, особенно въ Португаліи, гдѣ короли сами воспитали этого своего врага, надѣясь, съ его помощью, подавить невыносимый гнетъ папства.

Ослабленіе перваго чина связано съ паденіемъ *папства*. Намѣстникъ св. Петра изъ властителя вселенной превратился въ одного изъ тирановъ Италіи, да и здѣсь онъ, только одинъ онъ, былъ избирательной властью, а потому и игрушкой кардиналовъ, игравшихъ роль царьковъ. Римскій первосвященникъ уже опирался только на наемную швейцарскую гвардію да на иностранныя державы. Папство ослабѣло отъ усиленія народностей, монархизма и свѣтскаго реализма, а также отъ собственной порчи. Прежде государи оспаривали только излишнія притязанія папства, теперь—самую его политическую власть: съ помощью легистовъ, они развивали новую теорію властей, противоположную ученію Гильденбранда; и народы рукоплескали ей. Франція, съ ея быстрымъ политическимъ сплоченіемъ, первая создала независимую, галликанскую церковь и даже подчинила себѣ курію. Сцена въ Ананьи—такая же эпоха въ исторіи папства, какъ сцена въ Каноссѣ: оттого XIV-й в. отмѣченъ «вавилонскимъ плѣненіемъ», а XV-й—великимъ «расколомъ». Расколъ былъ величайшимъ бѣдствіемъ для папства. Онъ подкапывался и подъ его духовную власть, разрѣшившись такимъ позоромъ, какъ соборы для реформированія церкви; дошло до того, что послѣ двухъ-трехъ папъ оказалось разомъ два собора. Тогда народы, смущенные такимъ неслыханнымъ соблазномъ, привыкли совсѣмъ обходиться безъ св. отца, начинали вольнодумствовать, какъ еретики, требовать «исправленія» церкви; и соборы были поставлены выше намѣстника св. Петра. Пользуясь церковною смутой, государи устраивали «прагматики» и «конкордаты», которые утверждали національныя церкви. Французскую прагматическую санкцію называютъ «конституціей» галликанства; конкордату Франциска I (1515) оставалось только искоренить въ церкви пережитки средневѣковья, предоставляя королю назначеніе прелатовъ. Такова же была нѣмецкая Санкція, которой предшествовало повтореніе борьбы за инвеституру. Правда, ашафенбургскій конкордатъ опять все возвратилъ куріи; тѣмъ не менѣе въ Германіи духовные курфюрсты присвоили себѣ право раздавать доходныя мѣста въ церкви, а Гогенцоллерны даже назначали епископовъ въ Браденбургѣ. Въ Португаліи корона собирала десятину съ клира; а Фердинандъ Католикъ поставлялъ епископовъ и превратилъ инквизицію въ политическое учрежденіе. Венеція формально отвергла интердикты, а Лоренцо Медичи совсѣмъ не признавалъ папы. Духовно-рыцарскіе ордена были потеряны для куріи. Французскій плѣнникъ, папа, вынужденъ былъ самъ содѣйствовать истребленію храмовниковъ. У тевтонцевъ

много отняли шведы, поляки и русскіе; чтобы спасти уцѣлѣвшую землю пруссовъ, гроссмейстеръ Альбрехтъ бранденбургскій превратилъ ее въ свѣтское герцогство Пруссію (1525). Испанскіе ордена стали достояніемъ короны. Одни іоанниты сохранили независимость, хотя турки вытѣснили ихъ изъ Родоса въ Мальту; но этотъ жалкій пережитокъ не приносилъ никакой пользы куріи. Подконецъ папство могло похвалиться только тѣмъ, что флорентійскій соборъ подчинилъ ему часть Востока—армянъ, халдеевъ-несторіанъ, маронитовъ Кипра, якобитовъ Египта, монофизитовъ Месопотаміи. Но онъ же доставилъ ему новый позоръ—флорентійскую унію (1369), которая только вызвала проклятія православныхъ и черезъ пять лѣтъ была отмѣнена восточными патріархами.

Внѣшнему паденію папства соотвѣтствовала внутренняя *порча церкви*. Догма окончательно стала «новымъ іудействомъ»: церковь превратилась въ бездушный механизмъ. Папы старались выжать съ народовъ побольше денегъ. Юбилеи уже назначались черезъ 25 лѣтъ. Торговля индульгенціями и должностями доходила до того, что впослѣдствіи сами папы внесли одинъ списокъ цѣнъ въ число запрещенныхъ сочиненій. Всѣ эти средства шли на удовлетвореніе пороковъ времени, сосредоточившихся въ куріи. Папы попали въ адъ Данта. Петрарка называлъ Авиньонъ «стокомъ нечистотъ со всего свѣта». Кардиналы старались превзойти папъ: они содержали «брави» (наемныхъ убійцъ). Клиръ, особенно владыки и монахи, подражали кардиналамъ и папамъ. Свѣтское духовенство знать не хотѣло безбрачія: владыки многихъ странъ прямо предлагали отмѣнить его.

Отпоръ папству въ церкви.

Такая церковь должна была встрѣтить грозное противодѣйствіе отовсюду. Съ конца XIV-го в., когда насталъ великій расколъ, поднялся неумолкаемый крикъ объ «исправленіи церкви во главѣ и въ членахъ», какъ называли тогда реформу католичества. Отпоръ папству начался въ самой церкви, среди лучшихъ владыкъ, проповѣдниковъ и богослововъ, причемъ романцы, съ французами во главѣ, требовали только преобразованій, а германцы и славяне дошли до разрыва съ неисправимымъ папствомъ. Починъ принадлежалъ Виклифу, который отвергалъ все, что не вытекаетъ изъ Библіи. Въ своемъ «Царствѣ Божіемъ» онъ доказываетъ, что Богъ, путемъ «благодати», сообщаетъ Свою власть всякому вѣрующему непосредственно. Онъ называетъ индульгенціи богохульствомъ, а церковныя имущества — корнемъ зла. Необходимо отмѣнить обряды: «Отче нашъ», мужика подъ открытымъ небомъ, важнѣе всякой обѣдни. Иконы ведутъ къ идолопоклонству. Изъ праздниковъ должно оставить только Рождество и Пасху, а изъ таинствъ—крещеніе и причащеніе. Преслѣдуемые лолларды разнесли новое ученіе по материку, гдѣ чешскіе богословы тогда же порицали обрядность, монашество, безбрачіе и легенды. Все это подготовило Гуса, который объявилъ, что единственный источникъ вѣры—Евангеліе; что церковь существуетъ духовно во Христѣ, и ее составляютъ всѣ вѣрующіе, а папы, клиръ и монахи — самозванцы, святые же противорѣчатъ духу христіанства. Отвергая внѣшность, онъ оставилъ только чашу да Библію на родномъ языкѣ. Со времени раскола, совсѣмъ опозорившаго церковь, даже спокойные умы и власти сознали необходимость «исправить» ее, тѣмъ болѣе, что послѣ Виклифа грозила опасность религіозной революціи. Они старались уладить дѣло мирнымъ путемъ «реформаціи», не нарушая строя церкви. Эту мысль заявляли Лудвигъ Баварецъ и Генрихъ V англійскій, прелаты и даже кардиналы. За нее высказался и первый богословскій авторитетъ, парижскій университетъ. Партія реформы или «соборяне» желали, согласно съ Библіей, упростить обрядность и поднять внутреннее благочестіе въ человѣкѣ; но они стояли за сохраненіе папства, лишь ограничивъ его самодержавіе соборомъ. Тогда же росъ отпоръ папству въ средѣ отдѣльныхъ богословъ, и именно у германцевъ. Въ XIV-мъ в. выдвинулась нидерландская мистика, какъ развитіе и

теоретическаго, и практическаго мистицизма прошлаго періода, связанное съ классицизмомъ: въ ней есть прямыя указанія на Платона, Аристотеля и Аверроеса.

Питомецъ Парижа, Гроотъ, изобличалъ пороки церкви и схоластики и признавалъ одну Библію. Онъ устроилъ въ Девентерѣ кружокъ *Братьевъ-Общинниковъ*. Здѣсь имущество было общее; братья и сестры переводили Библію на родной языкъ, обучали и даже содержали бѣдныхъ дѣтей, заводили мастерскія, а по праздникамъ всѣмъ объясняли Евангеліе, на своихъ «колляціяхъ». Здѣсь воспитался и *Ѳома Кемпійскій*, авторъ переведеннаго на всѣ языки «Подражанія Христу»,—этой мистико-религіозной идилліи, проникнутой искреннимъ тономъ пережитой истины и тихою любовью, близкою къ дѣтской безпечности. Хотя здѣсь отвергаются наука и политическая свобода, но уже прямое сліяніе съ Богомъ помимо церкви и самая задушевность были протестомъ противъ догмы и схоластики. Къ тому же Ѳома твердилъ о вѣрѣ и любви, умалчивая про «добрыя дѣла», порицалъ симонію и стяжанія церкви, распространялъ Библію, проповѣдовалъ на родномъ языкѣ.

Къ концу періода обители Общинниковъ встрѣчались по всему юго-западу Германіи. Братья исчезли въ XVI-мъ вѣкѣ; ихъ смѣнили Возрожденіе наукъ, книгопечатаніе и реформація. Они же породили нѣмецкую мистику, проникнутую философско-поэтическимъ характеромъ. Подъ вліяніемъ мистики же, въ связи съ ученіемъ Виклифа и Гуса, родилось *реформаціонное богословіе*. Ученикъ Ѳомы Кемпійскаго, Парижа и Италіи, Вессель, знавшій даже по-еврейски, въ причастіи видѣлъ одинъ символизмъ. Его другъ, Везель, рѣзко писалъ, въ народной формѣ, противъ самаго принципа индульгенцій и утверждалъ, что «всякій можетъ сопротивляться папѣ».

Еще сильнѣе былъ отпоръ папству внѣ церкви. Лучшіе умы думали, вмѣстѣ съ Макіавелемъ, что «чѣмъ ближе къ римской куріи, тѣмъ меньше религіозности». Массы, поддерживаемыя такимъ настроеніемъ интеллигенціи, подражали правительствамъ въ стремленіи сбросить съ себя римское иго: оттого-то Ананья затмила Каноссу. На земскихъ соборахъ Франціи «тетради» третьяго чина дышатъ ненавистью къ алчности и властолюбію куріи. Но особенно это чувство проявилось у германцевъ и славянъ, гдѣ наиболѣе царствовало папское насиліе. Въ Англіи лоллардство охватило почти весь народъ, не смотря на гоненія. Въ Нидерландахъ его роль играла мистика. Рейнъ называли презрительно «поповскою улицей имперіи». Движеніе минориитовъ едва не вызвало народной революціи противъ св. престола. Распространялись самыя опасныя для папства секты. Вальденсы проникли до Богеміи и Польши, люциферіане—до Бранденбурга. Въ Германіи, Франціи и особенно въ Италіи напрасно сожигали Братьевъ и сестеръ Свободнаго Духа: берега Рейна наполнялись этими смѣльчаками, которые проповѣдовали, что церковь излишня, а ея обряды и священнослужители даже вредны, что «внутренній голосъ» важнѣе самого Евангелія. Подконецъ утвердилась секта *Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ*, которые сохранились живымъ воспоминаніемъ о Гусѣ и древнемъ православіи: они твердили, что папство—богохульство, и стали убѣжищемъ всякихъ ересей, особенно вальденсовъ. Вытѣсненные къ востоку, Братья привлекали тамъ народъ образцовой жизнью и распространились по Польшѣ и Пруссіи. Вообще *гуситству* принадлежало самое сильное вліяніе на массы. Оно воздѣйствовало не только на сопредѣльныхъ западныхъ славянъ, но проникало въ Венгрію, гдѣ явилась Библія на родномъ языкѣ, въ особенности же въ Германію, гдѣ оно овладѣло умами, отъ профессоровъ до мужика. Оно стало душой новаго богословія и средоточіемъ нѣмецкаго просвѣщенія. Оно выдвинуло новый университетъ въ Эрфуртѣ, который называли Erfordia-Praga. Въ Эрфуртѣ и Нюрнбергѣ Чешскіе Братья печатали свои «еретическія грамоты»,

Отпоръ папству внѣ церкви.

какъ называли паписты ихъ символъ вѣры, гдѣ папа изображался Антихристомъ, а римская церковь—скопищемъ негодяевъ и лжецовъ, осѣненныхъ наитіемъ дьявола. Въ Баденѣ гуситская пропаганда проникла въ хижины крестьянъ. Бегейма называли Böhme; онъ былъ выходцемъ изъ Богеміи и, прежде всего, требовалъ отмѣны папства. Національная оппозиція ярко отразилась и въ *народной поэзіи*, которая превращалась въ сатиру на средневѣковье вообще, и на церковь въ особенности. Въ нѣмецкой передѣлкѣ Кумушки-Лисы Римъ рисуется притономъ такихъ героевъ, какъ Симонъ, д-ръ Хапъ, г-жи Выручка и Плутня и т. д. Сатира на клиръ выразилась еще въ искусствѣ; свѣтскость проникала даже въ церковную музыку. Къ концу періода оппозиція все рѣшительнѣе сосредоточивалась въ Германіи, особенно въ Эрфуртѣ, ставшемъ во главѣ похода противъ кёльнскихъ доминиканцевъ. Здѣсь люди всѣхъ сословій и занятій писали и говорили въ духѣ народной сатиры противъ «духовной язвы», гнѣздящейся въ Римѣ. Всюду слышалось слово «реформація» въ примѣненіи церкви. На имперскомъ сеймѣ нѣмецкій кардиналъ оффиціально подалъ рѣзкую «жалобу» нѣмецкой націи на римскую курію.

Суевѣріе и невѣріе. Оппозиція проявлялась въ самыхъ вѣрованіяхъ. Пора была глубоко религіозная, а нечему было молиться: папство опозорило святыни. Отсюда двоевѣріе: общество создавало собственную религію, помимо церкви. Даже интеллигенція вѣрила, въ самой Италіи, въ духовъ и чародѣевъ. Но важнѣе всего, что массы, не довольствуясь матеріализмомъ папства, впадали еще въ *суевѣрія*. Толпа носилась съ пережитками своего язычества и изобрѣтала собственную обрядность. Хлыстовщина становилась эпидеміей во время черной смерти и раскола. Распространялись и «плясуны»; и «пляски смерти» становились любимымъ предметомъ искусства. Хлысты называли папу Антихристомъ, пѣли свои гимны на родныхъ языкахъ, отвергали псалмы и обряды церкви. Папы и власти стали наконецъ казнить и жечь ихъ—и они скрылись по домамъ, но не измѣнились. Народъ считалъ ихъ почти праведниками, какъ юродивыхъ, а церковь—бѣсноватыми; противъ нихъ употребляли даже экзорцизмъ. Тогда демонологія развилась больше прежняго. Между тѣмъ какъ мистики предавались экстазу, толпа поклонялась бѣсу: вѣчно воплощаясь въ обиходные предметы, онъ былъ ближе къ ней, порой его можно было даже дурачить; онъ давалъ хоть преходящее счастье цѣной погибели души. Дьяволъ исчезалъ лишь въ просвѣщенной Италіи, которая увлекалась однако классическими суевѣріями, въ особенности же астрологіей. Его царство было по сю сторону Альпъ, особенно въ Германіи. Никогда еще здѣсь не вѣрили въ колдовство до такой степени. «Никогда церковь не ополчалась противъ бѣса такъ серьезно». Тогда возникла цѣлая теорія демонологіи—«Вѣдьминъ Молотъ» доминиканца Шпренгера, болѣе вѣка служившій учебникомъ для инквизиторовъ. И сама вѣдьма вѣрила въ свои связи съ бѣсомъ: она гордилась своимъ ремесломъ, выносила изъ-за него жестокія пытки. Шпренгеръ былъ посланъ папой въ Германію для введенія въ инквизицію *колдовскаго суда* (1484); юристы опредѣлили формы новаго правосудія—и началось сожиганіе вѣдьмъ. При такомъ направленіи умовъ, печальна была судьба хронически больныхъ, прокаженныхъ и иноплеменниковъ, которыхъ также подозрѣвали въ сообщничествѣ съ бѣсомъ. Англичанину грозила смерть даже за торгъ и разговоръ съ ирландцемъ. Съ такою же нетерпимостью относились къ атеистамъ—*цыганамъ*, которые появились въ Европѣ ок. 1350 г. *Евреевъ* преслѣдовали попрежнему, негодуя на то, что они множились, богатѣли, учились и пользовались вліяніемъ. Папы подавали примѣръ: они приказывали «немедленно» вѣшать всякаго христіанина, который попадался не только въ гетто, но даже поблизости. На евреевъ обрушивались государственные перевороты, всегда связанные съ деньгами; во Франціи ихъ то выгоняли ради конфискаціи, ихъ добра, то снова призывали,

чтобы они скопили богатства для того же употребленія, пока они не ушли совсѣмъ въ Эльзасъ. При всякомъ бѣдствіи толпа срывала зло на нихъ. Въ Прагѣ, при Венцеславѣ, было избито, на Пасху, 3.000 евреевъ, вслѣдствіе народнаго раздраженія противъ нѣмцевъ и папы. Масса евреевъ погибла во время черной смерти, особенно на Рейнѣ: ихъ обвиняли въ отравленіи колодцевъ, потому что зараза щадила ихъ, какъ единственныхъ врачей. Но къ концу періода настал переворотъ въ воззрѣніяхъ, подъ вліяніемъ классицизма: евреевъ преслѣдовали уже только въ Бранденбургѣ да за Пиренеями, гдѣ Хименесъ изгонялъ ихъ, а португальцы принимали, но лишь съ тѣмъ, чтобы грабить ихъ и продавать въ рабство маврамъ. Въ другихъ же странахъ смягчалась участь евреевъ. Даже въ Германіи ихъ уже преслѣдовали только перомъ, стараясь опозорить моисейство и окрестить ихъ. Здѣсь у нихъ явился даже такой важный защитникъ, какъ Рейхлинъ, который, хотя и желалъ ихъ обращенія, но путемъ убѣжденій; онъ доказывалъ, что евреевъ «нужно любить, какъ ближнихъ», и обвинялъ христіанъ въ томъ, что они сами толкаютъ ихъ въ ростовщичество, закрывая имъ другіе пути.

Между тѣмъ какъ массы впадали въ суевѣрія, интеллигенція проникалась невѣріемъ. Отъ двора Гогенштауфеновъ тянется непрерывный рядъ «нечестивцевъ», аверроистовъ. Онъ все расширялся, особенно въ Италіи, Франціи и Англіи, не смотря на то, что ревность церкви въ его искорененіи не знала предѣловъ. Именно тогда Аверроесъ былъ оцѣненъ, какъ великій истолкователь Аристотеля. Людовикъ XI требовалъ ввести его въ преподаваніе; Колумбъ заявлялъ, что онъ навелъ его на мысль объ открытіи Америки; въ высшемъ обществѣ Италіи порядочный человѣкъ долженъ былъ причисляться къ аверроистамъ. Аверроизмъ проникалъ во всѣ науки, особенно въ медицину. Онъ даже въ новое время долго господствовалъ въ падуанскомъ университетѣ, ставшемъ во главѣ итальянской науки. Здѣсь же онъ столкнулся съ Возрожденіемъ, которое одно могло подорвать его, какъ явленіе отживающее, средневѣковое. Но само Возрожденіе было роднымъ братомъ аверроизма: подъ его вліяніемъ, въ началѣ XVI-го в., вся интеллигенція впала въ невѣріе. Основа всей культуры періода, оппозиція папству, была завершеніемъ долгой борьбы античнаго свѣтскаго реализма съ церковнымъ идеализмомъ. Реализмъ торжествовалъ вездѣ—въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ въ самыхъ нравахъ. Тогда возникало мало новыхъ монастырей и орденовъ, и они далеко не имѣли такого значенія, какъ старыя обители. Больше всего распространялись, изъ Бельгіи, бегарды и бегины, которые жили по свѣтски въ своихъ веселыхъ «бегинажахъ» и уже проникались классицизмомъ. Люди рѣдко причащались, а всенародная исповѣдь совсѣмъ исчезла. Обѣдни становились необычайнымъ явленіемъ. На такіе громы Ватикана, какъ интердиктъ, никто не обращалъ вниманія. Гуситы истребили много церковныхъ книгъ, статуй и иконъ; и такіе суровые библейцы, какъ табориты, признавали свободу совѣсти и мысли,— знакъ, что свѣтскій, научный духъ проникалъ въ низшіе слои общества.

Нравы. Свѣтскость овладѣла и нравами. Но, какъ сила не установившаяся, она приводила пока къ развитію тревоги страстей. Старина утратила свои правила, которыя по-своему сдерживали звѣря въ человѣкѣ. Духовенство даже подавало примѣръ безнравственности, которая достигла своего предѣла въ семьѣ Борджіевъ. А Чезаре Борджія сталъ героемъ книги Макіавеля, созданной этою же тлетворной средой. Монахи, по ихъ собственному признанію, «умерщвляли не только ядомъ, но и ножемъ и пищалью»; они даже пускали въ ходъ отравленную облатку. Рыцарство пало вездѣ, какъ идеалъ. Его обряды и обычаи стали церковны и педантичны, проникли театральностью и символизмомъ. Такъ какъ короли стали раздавать «патентованное» дворянство, то старая знать начала отличать себя *гербами* и *девизами*, не допуская не-

вичковъ на турниры; и возникла цѣлая наука гербовѣдѣнія—«геральдика». Явились еще *фамиліи*—названіе родовыхъ замковъ: отсюда горделивыя частицы «de, von, don». Турниры превращались въ забаву или спекуляцію. Былой идеализмъ рыцарства изрѣдка проявлялся лишь въ каррикатурной формѣ, вызвавшей «Дон-Кихота». Заурядный же рыцарь того времени—разбойникъ», представитель «кулачнаго права». А представитель новизны, третій чинъ, еще не выработалъ стройныхъ формъ быта, онъ только исполнялъ свои капризы да подражалъ барамъ. Онъ еще не овладѣлъ душой новой цивилизаціи, гуманизмомъ, который и самъ приносилъ новые пороки, такъ какъ черезчуръ выдвигалъ личность; тогда противовѣсъ аскетизму—эгоизмъ становился мѣркой поступковъ, какъ во времена софистовъ. Оттого-то всюду видимъ старую жестокость и чувственность. Франція наполнялась «живодерами, стригунами и рвачами» да «дочками» Людовика XI, Германія—ландскнехтами, которые писали на своемъ знамени: «враги Бога, благочестія и сострзданія». Въ Италіи возникъ типъ людоѣда, въ видѣ кондотьера и бравп. Тамъ «прелестная месть (vendetta)» и «бандитство» воспѣвались поэтами, какъ дѣло «виртуозовъ» т.-е., доблестныхъ, необычайныхъ молодцовъ. Въ Италіи же «честью» считалось коварство. И вездѣ прославляли тогда такихъ тонкихъ обманщиковъ. какъ Фердинандъ и Людовикъ XI. А внизу общества коварство достигло законченности въ нищенствѣ и бродяжничествѣ, которыя сливались съ мошенничествомъ и разбойничествомъ. Это явленіе стало подконецъ словно цѣпью орденовъ, съ своими уставами и вождями. Чувственность поддерживалась самими гуманистами, которые вводили цинизмъ восточнаго міра и даже его противоестественные пороки. Макіавель описывалъ ее весело, Боккачіо прославилъ ее. Если въ Италіи, Франціи и Бургундіи она принимала болѣе утонченныя формы, зато тевтоны, славяне, мадьяры отличались еще первобытной животностью, въ особенности пьянствомъ: къ концу періода къ пиву и вину прибавилась водка. О всеобщемъ растлѣніи свидѣтельствуютъ тѣ взрывы негодованія, которые иногда доводили до другой крайности—до аскетизма. Ими переполнены народная сатира, неистовства хлыстовъ, проекты реформаторовъ. Появились возвышенные пророки нравственности—лолларды, чешскіе братья, нидерландскіе Общинники. Наконецъ загремѣлъ великій аскетъ, Савонарола, и въ самой образованной странѣ, въ самомъ концѣ періода.

Фанатикъ суровой морали не замѣчалъ, что тогда же показывалось *улучшеніе* нравовъ, и особенно на его родинѣ. Франція, подъ вліяніемъ итальянскихъ войнъ, выдѣлялась, по сю сторону Альпъ, какъ уже не «варварская» страна. А Италія стала родиной *элеганціи*—вѣжливости, изящества, новыхъ формъ цивилизаціи. Тамъ изобрѣтали красивое франтовство, обучались опрятности и манерамъ: явился учебникъ «галантерейности» (Il Galateo), на которомъ воспитывались «дилетганты» или любители, т. е. свѣтскіе люди. Весь внѣшній бытъ въ Италіи сталъ чище, изящнѣе, удобнѣе. Развилась *конверсація*—изящная, непринужденная болтовня въ гостиныхъ, взамѣнъ сквернословія, попоекъ и объядѣній старины. Грубыя развлеченія замѣнились музыкой, пѣніемъ, стихами, игрой въ заимствованныя у арабовъ кости и карты, а также маскарадомъ, пантомимой, танцами, гимнастикой, верховой ѣздой и фехтованіемъ. Дѣтей уже не били съ 7-лѣтняго возраста, тогда какъ въ Германіи даже гуманисты считали розгу первымъ педагогомъ и устраивали въ честь ея маевки съ «шествіемъ за розгами», а студенты были чистыми разбойниками и пьяницами. Подготовлялось и улучшеніе участи женщины, но медленно. Сначала она больше всѣхъ страдала отъ права сильнаго, при всеобщей жестокости и чувственности: даже въ Италіи держали дѣвицъ взаперти. Женщину рѣдко учили чему-нибудь, кромѣ Часослова да вышиванія. Обыкновенно ее выдавали замужъ почти ребенкомъ. Даже Жерсонъ выражался

про мистику, что она доступна «даже невѣждамъ и женщинамъ». И женщина сама опускалась нравственно: наверху общества она только и знала, что читать Roman de la Rose; конецъ періода омраченъ сатанинской личностью Борджіи. Но во Франціи уже при Филиппѣ IV подымались голоса среди ученыхъ за образованіе женщинъ. Въ Англіи съ XIV-го в. появляются женскіе автографы. Нидерландскіе Общинники давали дѣвочкамъ одинаковое образованіе съ мальчиками; а Витторино да Фельтре по принципу вводилъ совмѣстное обученіе обоихъ половъ. Вообще гуманизмъ поставилъ женщину наравнѣ съ мужчиной: Агриппа, въ своемъ «Благородствѣ и превосходствѣ женскаго пола», ставитъ ее даже выше, какъ «царицу міра», какъ «послѣднее и лучшее созданіе Творца», и возмущается тѣмъ, что ей возбраняется быть писателемъ, адвокатомъ, правителемъ. Боккачіо написалъ «Знаменитыхъ Женщинъ»—біографіи 104 недюжинныхъ женщинъ. Дамы уже давали тонъ въ гостиныхъ, какъ царицы элеганціи и конверсаціи. И явились благородные плоды женской культуры. Новелла д'Андреа (XIV в.) читала блестящія лекціи въ Болоньѣ, привлекая до 10.000 студентовъ; красавица, она читала за занавѣсомъ. Мать Лоренца Медичи увлекалась Платономъ и сама читала стихи. Дочь итальянскаго астролога, украшавшая парижскій дворъ при Карлѣ V, Христина пизанская, рѣшилась первая кормиться своимъ литературнымъ талантомъ. Многія монахини были гуманистками. Маргарита ван-Эйкъ соперничала съ своими братьями въ живописи.

Просвѣщеніе. Если свѣтскость такъ явственно проникала подконецъ всюду, не исключая нравовъ, то главной причиной тому было развитіе образованности, въ духѣ классицизма. Тогда средства просвѣщенія размножались быстрѣе прежняго. Италія подавала примѣръ меценатства: папы и особенно тираны давали мѣсто аристократіи таланта и знанія. Гуманизмъ расширялъ умственный кругозоръ и разжигалъ жажду знанія. Открытія способствовали просвѣщенію уже тѣмъ, что сбивали спѣсь у схоластиковъ, считавшихъ себя всезнающими. Немудрено, что всюду возникало много университетовъ, особенно въ XIV-мъ вѣкѣ. Подконецъ, эти учрежденія обновлялись духомъ Возрожденія, которому покровительствовалъ даже Людовикъ XI, чувствуя, что схоластика—опора феодализма. Въ парижскомъ университетѣ къ тремъ «наукамъ» или «факультетамъ» (богословіе, юриспруденція, медицина) присоединились «свободныя искусства», подъ именемъ «философскаго» или «артистическаго» факультета, въ который вошли классики, поэзія, математика. А устроенный, по образцу парижскаго, пражскій университетъ сталъ міровою просвѣтительною силой: передъ гуситскими войнами въ немъ было до 10.000 студентовъ почти со всѣхъ странъ Европы. Подконецъ появились университеты даже въ Даніи и Швеціи.

Менѣе успѣховъ сдѣлало обученіе дѣтей. По большей части все еще господствовали *латинскія школы* духовенства, гдѣ господствовали «ферула» (розга) да гимнастика ума, основанная на кухонной латыни. Но въ Италіи, Франціи и Англіи школы уже превращались въ свѣтскія, по составу учителей и учениковъ. Здѣсь вводились понемногу риторика и философія, дававшія матеріалъ для мысли, а также учреждались заведенія для новыхъ наукъ. Карлъ V Мудрый, который заказывалъ переводы классиковъ и основалъ публичную библіотеку, устроилъ коллегіи медицины и астрономіи. Въ Англіи славились, живущія и теперь, итонская школа и кембриджская коллегія, созданныя для литературнаго образованія. Особенно послужили воспитанію Нидерланды; тамъ всегда было много учебныхъ заведеній, а подконецъ прославилась педагогія мистиковъ города Девентера. Братья Общинники представили первый примѣръ дароваго свѣтскаго обученія, съ равенствомъ половъ. У нихъ преподавались латинскій, греческій, даже еврейскій языки; а лучшихъ воспитанниковъ они посылали доучиваться въ Италію. Отсюда вышли отцы нѣ-

мецкаго Возрожденія. Въ первой половинѣ XV в. итальянское Возрожденіе выставило высокій идеалъ воспитанія. Гуманистъ Витторино да Фельтре первый устроилъ среднее между латинской школой и университетомъ заведеніе, которое назвалъ *гимназіей*, такъ какъ въ немъ была введена гимнастика. Онъ выдвинулъ содержаніе или матеріальное начало насчетъ формальнаго, а матеріаломъ мысли служила тогда «риторика» или словесность (чтеніе классиковъ), къ которой Витторино прибавилъ математику; грамматика оставалась, какъ средство для усвоенія хорошей латыни. Послѣ этой основы группировались логика, метафизика, музыка, пѣніе, живопись, верховая ѣзда. Такъ, вмѣсто схоластическаго «многаго въ немногомъ» (non multa, sed multum), выступилъ пытливый, жадный къ знанію духъ древности, которому «ничто человѣческое не было чуждо» (nil humani a me alienum esse puto). Педагогія Витторино построена на уваженіи къ человѣческому достоинству. Онъ часто повторялъ слова Платона: «нужно воспитывать безъ принужденія; должно возбуждать, а не подавлять духъ». Изъ его гимназіи доносились звуки здоровой дѣтской жизни вмѣсто дѣтскихъ стоновъ; народъ назвалъ ее Веселымъ Домомъ, а также «святилищемъ добрыхъ дѣлъ и словъ, хорошихъ манеръ».

Это новое просвѣщеніе быстро двинулось впередъ къ концу періода. Первобытные грифели, которыми еще писали въ началѣ періода, замѣнились перомъ, благодаря распространенію бумаги. А это вело къ дешевизнѣ, легкости и быстротѣ письма. Въ Италіи, Франціи и Англіи усиливалась частная переписка, даже между женщинами. Свѣтскіе люди составляли библіотеки. Страсть къ чтенію росла такъ быстро, что переписчики, уже составлявшіе свѣтскія гильдіи, не успѣвали удовлетворять ей. Она вызвала главное и неистребимое орудіе просвѣщенія, книгопечатаніе, которое тогда же было названо «божественнымъ, святымъ, утонченнѣйшимъ искусствомъ». Его подготовила гравировка, которая употреблялась для молитвенниковъ, календарей, учебниковъ, игральныхъ картъ, особенно въ Нидерландахъ, гдѣ мѣщанинъ Костеръ даже напечаталъ первую книгу. Но настоящее книгопечатаніе—вырѣзанныя на металлическихъ палочкахъ подвижныя буквы—изобрѣтено въ Майнцѣ бѣднымъ бюргеромъ, Гутенбергомъ (1436), который издалъ, въ 1450-хъ гг., латинскую Библію и другія церковныя книги. Совпавшее съ появленіемъ почтъ книгопечатаніе быстро распространилось всюду. Къ 1500 г. было уже до тысячи нѣмецкихъ типографій по всему Западу и отчасти въ колоніяхъ. Развилась и книжная торговля, особенно по ярмаркамъ, благодаря нѣмецкимъ офенямъ. Но вскорѣ нѣмцы и здѣсь должны были уступить мѣсто итальянцамъ и французамъ. Быстрые успѣхи великаго изобрѣтенія вызвали вражду со стороны переписчиковъ, терявшихъ заработокъ. Знать «стыдилась» брать въ руки книгу, не походившую на ихъ изящныя рукописи. Церковь, ужаснувшаяся наплыву свѣтскихъ сочиненій, завела *цензуру*. Но масса стала за изобрѣтеніе. Возникли новыя отрасли промышленности: стали очень выгодны бумажные заводы; образовался классъ наборщиковъ и другихъ мастеровъ печатнаго дѣла. А главное—поддержала интеллигенція: съ одной стороны, явился сильный спросъ на книги, подъ вліяніемъ Возрожденія, съ другой—радость писателей, которые восклицали: «теперь отдохнутъ суставы на нашихъ рукахъ!» Если еще мало печаталось новыхъ сочиненій, зато изданіе классиковъ не могло обходиться безъ ученыхъ, которые оцѣнивали вновь находимыя рукописи. Тогда типографщикъ былъ и издателемъ, и ученымъ, или окружалъ себя учеными, которые жили въ типографіи, работая порой и какъ критики, и какъ наборщики. Оттого въ исторіи просвѣщенія велико значеніе такихъ ученыхъ печатниковъ, какъ базельскій Фробенъ, въ особенности же Альды въ Венеціи и Этьены въ Парижѣ. Въ Англіи книгопечатаніе явилось изъ Нидерландовъ, отъ Общинниковъ.

Схоластика.

При такихъ могучихъ средствахъ просвѣщенія, схоластика еле держалась. Отдѣлившись отъ богословія, въ видѣ философіи, она стала пустой формой и окаменѣла на мертвомъ «реализмѣ». Прежде эту форму оживляла хоть мистика. Теперь же, когда мистика пошла своимъ путемъ, схоластика превратилась исключительно въ безсодержательную діалектику, т.-е. всю логику свели къ машинѣ силлогизма, забывая индукцію, наблюденіе, факты дѣйствительности. Чѣмъ глубже падала она, тѣмъ дѣлалась заносчивѣе и педантичнѣе. Ея доктора, не лишенные здраваго смысла въ жизни, превращались въ такое же посмѣшище, какъ ихъ мантіи и шляпы: входя на каѳедру, они забывали міръ за словесными турнирами и площадно поносили другъ друга. Ихъ изложеніе стало безсвязнымъ наборомъ цитатъ и безконечныхъ опроверженій по пунктамъ, а языкъ—образцомъ кухонной латыни и мрака, который они считали глубокомысліемъ. Смерть схоластики была ускорена возникавшими отовсюду врагами. Въ началѣ періода въ ней самой зародилось опасное направленіе. Борьба между доминиканцами и францисканцами только теперь приняла отчетливый характеръ, благодаря ученику Дунса Скота, *Оккаму* († 1347), который далъ новому направленію и названіе *номинализма*, и точное опредѣленіе. Оккамъ поражалъ схоластиковъ своей острой діалектикой и помогалъ Филиппу IV и Лудвигу Баварцу въ ихъ борьбѣ съ папствомъ. Такъ, въ то время, какъ умирающая схоластика возвращалась къ Шампо, Оккамъ подхватывалъ нить живой мысли у Абеляра.

У него было много послѣдователей среди францисканцевъ, которые всегда стояли внѣ церковно-феодальнаго строя. Его борьбу съ іерархіей прямо продолжали Виклифъ съ Гусомъ, который сказалъ въ его духѣ: «Если бы папа былъ непогрѣшимъ, то явилась бы четвертая ипостась». На Оккама ссылались реформаторы XVI-го вѣка, ему слѣдовала соборная партія реформы. Главы этой партіи, свѣтила богословія, были номиналисты, отчасти даже классики: они выдвигали Библію, разумъ, математику и, подобно Оккаму, боролись съ схоластикой и съ пороками церкви. Блестящій проповѣдникъ, популярный писатель, теплый поэтъ въ своихъ латинскихъ элегіяхъ, Жерсонъ искалъ простоты и «своеобразія» ума и былъ врагомъ суевѣрій: онъ не терпѣлъ Гуса, какъ «реалиста» въ вопросѣ о пресуществленіи. Ненавидя «тонкую паутину и тщеславную изысканность» схоластиковъ, онъ кончилъ мистикой и упростилъ ее, осуждая сумасбродства нѣмецкаго экстаза. При такихъ оккамистахъ напрасно папы брали съ профессоровъ присягу не упоминать о номинализмѣ. Безсиленъ былъ и указъ Людовика XI въ томъ же смыслѣ: черезъ 8 лѣтъ его отмѣнили. А между тѣмъ, нѣкоторые номиналисты ушли изъ Парижа и распространили оккамизмъ въ Германіи и Англіи. Новые богословы (Вессель, Везель) были номиналисты. Въ то же время усилился заклятый врагъ схоластики,—новая мистика. Но окончательно ее убилъ гуманизмъ.

Гуманизмъ въ Италіи.

Гуманизмъ—новое направленіе умовъ, въ которомъ сознательно выразился разрывъ съ средними вѣками: церковный идеализмъ, «божественное» (divina) окончательно смѣнилось свѣтскимъ реализмомъ, «человѣческимъ» (humaniora). А такъ какъ развитіе свѣткости всегда было связано съ классицизмомъ, то гуманизмъ назвали еще Возрожденіемъ наукъ и искусствъ или античности. Возрожденіе началось въ Италіи, гдѣ издавна подготовлялся свѣтскій реализмъ или раціонализмъ. Отдаленныя торговыя сношенія, борьба съ чужеземцами, прямое вліяніе арабской культуры—все развивало здѣсь наблюдательность, даръ сравненія и терпимость, изощряло умъ. Да Италія и не была никогда вполнѣ средневѣковой. Здѣсь слабый феодализмъ стушевывался среди демократизма республикъ, готика и схоластика появились лишь въ XIV-мъ в. и не имѣли успѣха. Папство имѣло менѣе значенія, чѣмъ гдѣ-либо:

здѣсь не было ауто-да-фе. Между тѣмъ, какъ въ Парижѣ схоластики препирались изъ за Аристотеля, въ Италіи изучали римское право, раціонализмъ котораго проникалъ во всѣ стороны жизни. Въ Италіи уже въ прошломъ періодѣ выдвигалась настоящая, *классическая* (цицероновская) *латынь*, а съ начала XIV-го вѣка появились слѣды эллинизма. Тогда же вспыхнула страсть къ древности. Для итальянца Возрожденіе не было педантизмомъ антикварія. За Альпами латынь жила на народныхъ сходкахъ, въ судахъ и пѣсняхъ въ XIII-мъ в., а въ деревняхъ Апуліи говорили по-гречески. Въ школахъ и университетахъ обучали по римскимъ авторамъ, хранившимся въ монастыряхъ, у знати и даже у мѣщанъ. На улицахъ и дорогахъ окаменѣлые лики героевъ древности взирали на свое живое потомство изъ за родныхъ развалинъ. Итальянцы, гордо называвшіе себя latini, благоговѣли передъ своимъ Вѣчнымъ Городомъ.

Отцемъ возрожденія былъ Петрарка († 1374). Онъ посвятилъ жизнь воскрешенію классиковъ, самъ ѣздилъ отыскивать ихъ по Европѣ и списывалъ ихъ, не жалѣлъ средствъ на созданіе первой классической библіотеки и собранія древнихъ монетъ и медалей. Значеніе Петрарки—въ переходѣ отъ формальнаго къ внутреннему изученію классиковъ: онъ такъ проникъ въ ихъ духъ, что его съ большимъ правомъ, чѣмъ Абеляра, называютъ человѣкомъ новаго времени и первымъ гуманистомъ. Въ немъ впервые ярко обнаружилась безпокойная личность, страдающая отъ жажды жизни, знанія и любви. Петрарка дорожилъ своей ацедіей (одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ у схоластиковъ), которая изъ монашеской ипохондріи превратилась у него въ міровую скорбь Цицерона, въ философскую болѣзнь Сенеки. Отсюда—античное славолюбіе, которое, признается онъ, «изсушило его, какъ зараза», а также риторство, неискренность эгоиста. Петрарка—античный человѣкъ и по воззрѣніямъ. Въ противоположность Данту, у него нѣтъ ничего средневѣковаго. Его страстной любознательности, направленной на все реальное, человѣческое, нѣтъ предѣловъ, какъ видно изъ его обширной переписки, изъ его исповѣдей и автобіографіи. Наряду съ литературой, онъ интересовался и философіей, и политикой, участвовалъ даже въ посольствахъ. Вѣчно бодрый, работящій, Петрарка ненавидѣлъ аскетизмъ, бездѣлье и ханжество монаховъ и боролся не только съ схоластикой, инквизиціей и астрологіей, но даже съ юристами и врачами, почитавшими средневѣковаго Аристотеля. Онъ выставлялъ себя Сократомъ, призваннымъ разоблачать новыхъ софистовъ, признавалъ только ту философію, которая выводится изъ здраваго смысла и опыта и требовалъ воспитывать не ученыхъ педантовъ, а «человѣка», который создается «истиной и добродѣтелью». Петрарка отличался отъ античнаго человѣка только своею любовью къ Христу, что озлобило его противъ «секты» аверроистовъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ еще за ихъ Аристотеля да за насмѣшки надъ его слабой ученостью. Петрарка сталъ божкомъ современниковъ за пылкую проповѣдь новой жизни: его латинскіе стихи производили истинную горячку всюду. Гуманизмъ уже сталъ силой, когда выступилъ его второй отецъ, *Боккачіо* († 1375), независимый «литераторъ», типъ филолога-чернорабочаго. Онъ изучалъ мелочи, свѣрялъ рукописи, первый на Западѣ выучился по-гречески. Но важнѣе всего, что этотъ веселый сынъ парижанки былъ античнымъ человѣкомъ даже въ жизни и нанесъ самый жестокій ударъ церковности своимъ жизнерадостнымъ и циничнымъ «Декамерономъ». Вокругъ Боккачіо воспиталось цѣлое поколѣніе гуманистовъ-*странниковъ*. Не имѣя возможности вытѣснить схоластиковъ изъ университетовъ, эти восторженные люди устраивали частные кружки—«академіи» и «словесныя общины» (respublica litterarum), заводили публичныя лекціи, захватывали дворцы, ратуши и самую римскую курію. Они открыли авторовъ «золотой» латыни и ввели эллинизмъ въ преподаваніе. Еще больше было сдѣлано тогда для латыни: въ исторіи гуманизма то была пора не одного энтузіазма, но и *открытій*.

Затѣмъ настать періодъ прочныхъ *центровъ гуманизма* и его *библіотекъ* (первая половина XV-го в.). Главнымъ центромъ была Флоренція, эти новыя Аѳины, гдѣ никогда не было ни схоластики, ни феодализма. Тогда тамъ орудовалъ Козимо Медичи, этотъ первый представитель сліянія гуманизма съ жизнью. Послѣ него работалъ кружокъ коренныхъ гуманистовъ Флоренціи. За Флоренціей слѣдовалъ Римъ, гдѣ особенно пріютился эллинизмъ. При папѣ Николаѣ V онъ сдѣлался даже на время столицей гуманизма: тамъ возникла тогда знаменитая ватиканская библіотека. Третьимъ средоточіемъ гуманизма былъ Неаполь, гдѣ Альфонсъ арагонскій ничего не жалѣлъ для привлеченія новыхъ ученыхъ. Нигдѣ не было такой свободы мысли. Въ третьемъ періодѣ (вторая половина XV-го в.) гуманизмъ снова сосредоточился во Флоренціи и достигъ своего полнаго расцвѣта и вошелъ въ нравы; тогда же въ немъ особенно выдвинулись эллинизмъ и философское направленіе. Къ этой порѣ принадлежитъ диктаторъ всего вообще гуманизма, другъ Лоренца Медичи, *Полиціано*: въ этомъ его царѣ воскресла римская поэзія, и она сливалась съ народной поэзіей Италіи. Жилище поэта представляло родъ двора: тутъ толпились гонцы съ посланіями отъ государей, гуманисты и всякіе поклонники. Другомъ Полиціано былъ «чудо свѣта» по учености, юный *Пико делла Мирандола*. Это—блестящій представитель типа энциклопедиста, всезнайки, которымъ характеризуется конецъ XV-го и начало XVI-го в. Тогда всеобъемлющая ученость соединялась даже съ художественностью.

Таковъ Альберти — гимнастъ и силачъ, укрощавшій дикихъ коней, въ 20 л. авторъ латинской комедіи, которую самъ Альдъ выдалъ за древнюю, затѣмъ составитель многихъ философскихъ статей, діалоговъ, эпиграммъ. Онъ зналъ право и математику, дѣлалъ открытія въ физикѣ, механикѣ и біологіи, былъ итальянскимъ писателемъ, музыкантомъ, живописцемъ, ваятелемъ и зодчимъ. И вездѣ—свѣжій талантъ: его аріи распѣвались народомъ; его храмы и дворцы—перлы ранняго Возрожденія; ему принадлежатъ первые и дѣльные трактаты обо всѣхъ искусствахъ. Издалека пріѣзжали послушать его; нѣкоторыя изъ его выраженій стали поговорками. Альберти славился бы больше, если бы тогда не жилъ Пико и не выдвигался другой атлетъ энциклопедизма—красавецъ, силачъ, музыкантъ, поэтъ, атлетъ, ваятель, живописецъ, зодчій, естественникъ, инженеръ и механикъ, Леонардо да Винчи, а за нимъ—Микель-Анджело, которые уже переходятъ въ XVI-й в. Но періодъ полнаго расцвѣта былъ и подготовкой паденія новаго направленія: книгопечатаніе устраняло нужду въ гуманистахъ, какъ въ особомъ классѣ ходячихъ ученыхъ; итальянская литература выдвигалась наравнѣ съ классической.

Характеристика гуманизма.

Къ концу періода установилась новая жизнь, которая господствовала въ первой половинѣ XVI в. Гуманизмъ становился душой общества до мелочей, до смѣшного. Рабское подражаніе, онъ былъ воскрешеніемъ и достоинствъ, и пороковъ античной цивилизаціи. Онъ начался съ присущаго античному міру *риторства*, которымъ былъ всегда проникнутъ и въ теоріи, и на практикѣ. Гуманизмъ—явленіе по преимуществу *литературное* и *художественное*: это—филологія, т. е. языкъ, изящная словесность, краснорѣчіе, искусство. Затѣмъ развилась другая черта древности—философія. Смѣлый и скороспѣлый *всеобъемлющій* человѣкъ (homo universalis)—вотъ гуманистъ лишенной національнаго единства Италіи, гдѣ Дантъ говорилъ: «міръ—мое отечество», а Альберти прибавлялъ: «человѣкъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ». Гуманизмъ—торжество свѣтскаго реализма, окончательный разсчетъ съ средними вѣками. Онъ такъ страстно разрушалъ основы церковнаго идеализма, что сначала впалъ въ «паганизмъ» (античное язычество), потомъ отрекся отъ самой религіи, дошелъ до матеріализма. Отвергая авторитеты вообще, гуманисты прежде всего покончили съ церковью. Въ Италіи уже съ начала періода утвердилась безпо-

щадная критика папства. «Декамеронъ»—злѣйшая сатира на клиръ и потому самая популярная тогда книга. Но истиннымъ палачемъ папства былъ Валла, издавшій «Даръ Константина» (1440)—этотъ первый примѣръ ученой критики текста. Книжка произвела потрясающее дѣйствіе во всемъ католичествѣ; а Валла уже обнаруживалъ подложность нѣкоторыхъ писаній св. отцовъ и ошибки въ Вульгатѣ. Среди разсчетовъ съ папствомъ, гуманисты постепенно разставались съ самимъ христіанствомъ. Наконецъ усомнились въ основѣ религіи—въ душѣ, которая подверглась сильной критикѣ въ «Безсмертіи души» аверроиста Помпонація (1516). Интеллигенція тотчасъ стала за смѣльчака.

Благодаря гуманистамъ, настала эпоха открытій,—въ широкомъ смыслѣ слова: *открыли природу и человѣка* вообще. Петрарка первый взошелъ на гору, преодолѣвая суевѣрный страхъ; у него уже пейзажи въ поэзіи, и онъ—первый картографъ новаго времени. Подъ конецъ изображеніе природы овладѣваетъ лирикой и уже вторгается въ живопись. Къ природѣ вела и наука, особенно медицина съ географіей. У итальянцевъ возникли звѣринцы, ботаническіе сады и этнографическіе музеи. Еще больше было сдѣлано относительно открытія человѣка. Личность, только мелькавшая въ Абелярѣ и Дантѣ, обнаружилась въ Петраркѣ, а подъ конецъ стала душой итальянской жизни. Явился космополитъ, руководимый лишь собственнымъ разумомъ и интересомъ. Божествами освобожденной личности сдѣлались талантъ и разумъ: прославляя ихъ, она славила себя. Всякій искалъ славы, жизни въ потомствѣ. Возникла психологія сначала въ поэзіи, потомъ въ исторіи (біографіи, характеристики лицъ). Но ярче всего личность проявлялась въ самыхъ характерахъ. Вырвавшись изъ оковъ, она впадала въ своеволіе и, наряду съ добродѣтелями, развивала пороки древности. Стремленіе къ независимости доходило до чудачества, славолюбіе превращалось въ тщеславіе, ацедія — въ щекотливость эгоиста. Особенно выдвинулась чувственность, поощряемая примѣромъ исламской Сициліи да легкомысліемъ классиковъ. Гуманисты смотрѣли на женщинъ, какъ древніе на своихъ рабынь. Новые софисты, они считали всякое желаніе личности священнымъ и не разбирали средствъ. Перо превращалось у нихъ въ орудіе лести и особенно вымогательствъ: никогда еще писатели не бранились такъ зло и грязно.

Разумъ личности, а также крайности паганизма вызвали *идеалистическую реакцію* въ самой интеллигенціи. Уже Петрарка ненавидѣлъ аверроистовъ за ихъ презрѣніе къ Іисусу и, по чутью, выдвигалъ Платона. А когда узнали самого Платона, онъ сталъ новымъ идоломъ. Самъ Козимо Медичи устроилъ Платонову академію—и къ концу періода платонизмъ сталъ яркимъ отличіемъ угасающаго Возрожденія въ Италіи.

Такъ какъ платонизмъ въ одно и то же время боролся съ схоластикой, давалъ философскую свободу мысли и удовлетворялъ возникавшему спиритуализму, то почти въ каждомъ городѣ, и даже у папской куріи, завелась своя академія. Но главнымъ гнѣздомъ платонизма была флорентійская академія при Лоренцо Медичи, собственные гимны котораго—возвышенный деизмъ, поэтическое прославленіе единаго, великаго космоса, какъ прелестнаго подобія безличнаго Творца. Здѣсь жрецомъ былъ Фицинъ, до сихъ поръ лучшій переводчикъ Платона и неоплатониковъ. По преданію, у него теплилась лампада предъ бюстомъ божка-философа, творенія котораго онъ считалъ священными.

Отовсюду, даже изъ Англіи, пріѣзжали къ нему ученики. Фицина смѣнилъ Пико делла Мирандола, на которомъ ясно видно, куда вела идеалистическая реакція. Его задача—сліяніе Платона съ Христомъ путемъ мистицизма: онъ уже критически относился къ гуманизму вообще и горячо сочувствовалъ Савонароллѣ. Пико вдался въ кабалу и умеръ, на 31-мъ году отъ роду, подъ нелѣпымъ трудомъ, который долженъ былъ послужить памятникомъ схоласти-

ческаго мистицизма. Къ концу періода возрастало сомнѣніе утомленныхъ умовъ въ возможности обойтись безъ христіанства, тамъ и сямъ гуманистъ обращался въ католика передъ смертью; война, моръ вызывали эпидемію раскаянія. Величайшимъ пророкомъ покаянія былъ Савонарола, который вліялъ даже на интеллигенцію, хотя онъ проклиналъ гуманистовъ, какъ «еретиковъ», и въ надгробномъ словѣ порицалъ своего друга Пико за то, что тотъ умеръ не монахомъ. Толпы его мальчиковъ искали по домамъ классиковъ, изображенія женщинъ и музыкальные инструменты для сожженія. Таковы были предвѣстники католической реакціи, подъ которой былъ погребенъ гуманизмъ, полвѣка спустя.

По сю сторону Альпъ гуманизмъ появился лишь съ половины XV-го в., через посредство итальянцевъ; но за то онъ быстро развивался, какъ уже зрѣлая сила, навстрѣчу которой шло книгопечатаніе. Ему много помогли также соборы: флорентійскій имѣетъ болѣе значенія въ исторіи просвѣщенія, чѣмъ въ исторіи церкви. Раньше всего гуманизмъ утвердился во *Франціи*, гдѣ сохранялись блестящія преданія номинализма, а итальянскія войны прямо вели націю за Альпы. Къ концу періода Парижъ уже сталъ центромъ классицизма внѣ Италіи и снабжалъ ее самыми лучшими изданіями. Въ *Англіи* дольше сохранялась схоластика, опираясь на Оксфордъ, павшій подъ вліяніемъ войнъ. Но съ констанскаго собора англичане начали призывать итальянцевъ, а знать посылала своихъ дѣтей за Альпы. Въ концѣ періода у нихъ уже явились хорошіе классики, у которыхъ подросталъ геніальный Моръ. *Германія*, въ глазахъ итальянца, была еще болѣе «варварской» страной, чѣмъ Англія. До половины XV в. признаки классицизма замѣчались только у Братьевъ Общинниковъ, хотя для нихъ, какъ для мистиковъ, онъ былъ лишь орудіемъ религіи. Изъ ихъ школъ вышли вожди нѣмецкаго гуманизма, работавшіе, прежде всего, въ Гейдельбергѣ, гдѣ жилъ Агрикола, устроившій Рейнское Ученое Общество, служившее живою связью для всѣхъ прирейнскихъ гуманистовъ. Съ Гейдельбергомъ сталъ соперничать Базель, бывшій въ близкихъ сношеніяхъ съ Италіей. Но рейнцы не были равнодушны къ религіи и признавали папство. **Гуманизмъ внѣ Италіи.**

Дальше шла тюрингенская школа, гнѣздомъ которой былъ Эрфуртскій университетъ, созданіе бюргеровъ и гусситовъ. Эрфуртскіе «поэты», къ которымъ стекались студенты отъ Рейна до Даніи и Лифляндіи, ненавидѣли папство и презирали богословіе; они горячо боролись съ центромъ схоластики— кельнскимъ университетомъ. Во Франконіи, и именно въ Нюрнбергѣ, гуманизмъ отличался демократизаціей: нигдѣ не было столько латинскихъ школъ, типографій и изящныхъ построекъ; нигдѣ такъ не увлекались классицизмомъ бюргеры, даже ремесленники и монахини. Къ концу періода главой Нюрнберга сталъ Пиркгеймеръ—богатый промышленникъ, воинъ и дипломатъ, остроумный публицистъ, упорный эпикуреецъ, долго учившійся въ Италіи. Другъ Пика, Эразма и Дюрера, онъ сталъ центромъ нѣмецкаго гуманизма.

Нѣмецкій гуманизмъ уже выставилъ три свѣтила. Старѣйшимъ изъ нихъ былъ голландецъ *Агрикола*, учившійся въ Италіи, которая сама дивилась его латыни. На немъ еще лежалъ отпечатокъ старины: онъ кончилъ богословіемъ и мистицизмомъ. Свѣжѣе былъ его младшій современникъ, пробудитель умовъ, *Цельтесъ*; онъ разъѣзжалъ по Германіи, насаждая гуманизмъ и бичуя церковь и схоластику въ своихъ циничныхъ сатирахъ. Питомецъ Италіи и Парижа, *Рейхлинъ*, былъ, напротивъ, типомъ кабинетнаго ученаго. То былъ рожденный филологъ: во всей Европѣ не было лучшаго знатока всѣхъ трехъ языковъ древности; онъ издалъ первый латинскій словарь, который убивалъ кухонную латынь и вызывалъ месть схоластиковъ. Но и Рейхлинъ умеръ монахомъ, дойдя до кабалистики въ стремленіи слить классицизмъ и еврейство съ христіанствомъ. Но на смѣну ему выступилъ голландецъ *Эразмъ*, который

быстро затмилъ всѣ три свѣтила. Ученикъ Девентера и Парижа, усердный путешественникъ, несмотря на свою болѣзненность, Эразмъ превосходилъ всѣхъ соединеніемъ глубокаго энциклопедизма и отборнѣйшей латыни съ талантомъ публициста. Онъ сдѣлался представителемъ всего гуманизма въ XVI-мъ в., начавшемся его «Пословицами» (Adagia). Въ этой книжкѣ совмѣщено все античное міровоззрѣніе, въ приложеніи къ злобамъ дня: здѣсь впервые средніе вѣка названы «эпохой мрака, холопства, софистики и внѣшнихъ дѣлъ». Эта библія гуманизма сразу стала настольной книгой интеллигенціи. Къ концу періода гуманизмъ уже охватилъ всю Германію и нашелъ вѣнчанныхъ Меценатовъ: Фридрихъ саксонскій сталъ за это «Мудрымъ», Максимиліанъ I—«Отцомъ науки и искусствъ». Максимиліанъ призвалъ Цельтеса, который завелъ Дунайское Общество—и Вѣна стала очагомъ гуманизма, который проходилъ оттуда даже къ чехамъ, полякамъ и мадъярамъ. Выяснились и своеобразныя черты, которыми нѣмецкій гуманизмъ отличался отъ итальянскаго: это—*демократизація, патріотизмъ и религіозность*. Эти гуманисты негодовали даже на своихъ учителей, итальянцевъ, за ихъ презрѣніе къ нѣмецкому «варварству» и считали себя солью земли. Нѣмцы превращались въ педагоговъ и печатниковъ. Но нравы и формы общественной жизни оставались прежніе. Кабинетные ученые и филологи, эти гуманисты были религіозны и консервативны. «Воспитатель Германіи», Вимпелингъ, возставшій противъ схоластики, стоялъ за краткость преподаванія лишь потому, что при ней «ограничиваются желанія и познанія, порождающія высокомѣріе, самолюбіе и самомнѣніе». Основами педагогіи оставались церковное назиданіе да ферула. Даже университеты были «самыми любимыми дѣтищами церкви». За реформацію стали лишь самые юные изъ нихъ—въ Эрфуртѣ и Виттенбергѣ; и столпъ старины, кельнскій университетъ, былъ самымъ популярнымъ. Печать служила церкви: книги назывались «глашатаями Евангелія».

Нѣмецкій гуманизмъ въ началѣ XVI-го вѣка.

Нѣмецкій гуманизмъ такъ связанъ съ религіей, что реформація не объяснима безъ его успѣховъ въ началѣ XVI-го вѣка. Тогда его центромъ стала Саксонія, съ ея курфюрстомъ Фридрихомъ Мудрымъ, и именно молодые университеты. Въ *Виттенбергѣ* питомецъ Эрфурта, Лютеръ, преподавалъ новое богословіе; въ самомъ *Эрфуртѣ* выдвинулась смѣлая школа поэтовъ, названная «юной Германіей». Это былъ уже свѣтскій реализмъ, напоминавшій итальянское Возрожденіе. Здѣсь уже горячо критиковали средневѣковье, въ особенности же церковность. И появился вѣнецъ гуманистической сатиры—«Похвала Глупости» Эразма (1510). Здѣсь бичуются уже всѣ сословія, въ особенности же церковники и схоластики,—это «чумное болото», откуда слышатся «ослиные голоса». Книжка стала народною, когда Гольбейнъ украсилъ ее своими рисунками; она была переведена на многіе языки. Все это обозлило стражей старины. Сначала они притѣсняли гуманистовъ въ университетахъ, потомъ стали доносить на нихъ, какъ на еретиковъ. Наконецъ, *кельнскіе доминиканцы* рѣшились для острастки наказать самаго почтеннаго и консервативнаго гуманиста, Рейхлина, у котораго были поклонники въ Вѣнѣ и даже въ Римѣ. Они надѣялись на легкую побѣду, воспользовавшись и тутъ еврействомъ: отецъ научнаго гебраизма, Рейхлинъ первый началъ обучать еврейскому языку, издалъ еврейскую грамматику съ словаремъ и человѣчно относился къ евреямъ. Доминиканцы начали истреблять еврейскія книги; но Максимиліанъ I велѣлъ Рейхлину разсмотрѣть дѣло. Рейхлинъ высказался такъ: еврейскія книги не опаснѣе классиковъ, у которыхъ Христосъ—также не Богъ; да и самый законъ воспрещаетъ ихъ истребленіе, такъ какъ евреи — граждане Нѣмецкой Имперіи. Максимиліанъ остановилъ истребленіе книгъ. Тогда кельнская инквизиція потребовала Рейхлина на судъ; но другъ гуманистовъ, папа Левъ X, велѣлъ ей замолчать.

Но дѣло превратилось въ великій процессъ между двумя міровоззрѣніями. Францискъ I съ Карломъ испанскимъ негодовали на Льва X и требовали повторенія Констанцскаго собора. А гуманисты сплотились въ партію *рейхлинистовъ*. Особенно горячилась «юная Германія». За нею слѣдовали виттенбергцы—Меланхтонъ, Карлштадтъ и Лютеръ, который писалъ учителю: «Уже не мало роговъ этихъ звѣрей сломились о твою силу—и вздохнула Германія, которую чуть не задушило вѣковое школьное богословіе!» Не молчалъ и Эразмъ, который, вмѣстѣ съ Рейхлиномъ, составлялъ «очи Германіи», какъ говорили тогда: «на васъ взираютъ всѣ ученые и вся Германія въ томительномъ ожиданіи», писалъ онъ въ Римъ. Наконецъ, объявился и рыцарь гуманизма, *Ульрихъ фонъ Гуттенъ*, болѣзненная, страстная натура, сгорѣвшая въ 35 лѣтъ. Готовый положить жизнь за правду и свободу, этотъ рыцарь по роду сталъ душой «юной Германіи». Онъ чувствовалъ всякую неправду, какъ личное горе и оскорбленіе, за которое мстилъ безпощадными поэтическими памфлетами, полными желчи и слезъ. Онъ-то былъ главнымъ авторомъ безсмертнаго созданія эрфуртцевъ—«Писемъ Невѣждъ» (1516) или «обскурантовъ» (Epistolae obscurorum virorum). Здѣсь монахи выводятся живьемъ, со всѣми ихъ пороками и варварствомъ, съ ихъ кухонной латынью, и такъ вѣрно, что сначала сами обскуранты запасались книжкой для подарковъ. По признанію самихъ современниковъ, ни одна книга не нанесла столько вреда папству. Кельнцы приписали «Письма» Рейхлину—и снова загорѣлось его дѣло. Обскуранты проигрывали вездѣ. Но уже начиналась реформація—и Левъ X велѣлъ Рейхлину замолчать и заплатить судебныя издержки; а «Письма Невѣждъ» подверглись сожженію. Дѣло Рейхлина вдругъ заглохло: всѣ думали уже не о немъ, а о дѣлѣ Лютера.

Какъ явленіе попреимуществу литературное и художественное, гуманизмъ больше вліялъ на общее міровоззрѣніе, на жизнь, чѣмъ на науку. Но и въ ней онъ не могъ не отразиться болѣе или менѣе. Наука, жившая преимущественно въ университетахъ, долго сохраняла схоластическій характеръ: таковы были основные, старые факультеты—богословскій, юридическій и медицинскій. Борьба кельнцевъ съ Рейхлиномъ ярко обрисовываетъ общее состояніе богословія. Не лучше была юриспруденція. Бичъ феодализма, орудіе духа новаго времени, римское право превратилось въ схоластику, замѣнивши преданія Ирнерія «Толкованіями» (Corpus Juris Glossatum). Юристы забыли тексты и самый латинскій языкъ за глоссами, которыхъ накопилось такое множество, что иногда профессоръ цѣлый годъ диктовалъ ихъ всего для 5 пунктовъ кодекса. Сверхъ того, они увлекались наживой, выгодною практикой. Медицина влачила жалкое существованіе, просто какъ прибыльное ремесло. Въ теоріи она не шла дальше древнихъ; а ея практика была рядомъ промаховъ невѣжества, какъ видно изъ леченія высочайшихъ особъ. Въ старыхъ университетахъ, даже въ такихъ притонахъ враговъ схоластики, какъ падуанскій, самъ аверроизмъ, это незаконное дитя Аристотеля, вырождался: онъ сталъ именно схоластиченъ по формѣ, онъ педанствовалъ и враждовалъ съ гуманизмомъ. При всемъ томъ, гуманизмъ, по самой своей природѣ и происхожденію, долженъ былъ оставить нѣкоторые слѣды въ наукахъ гуманитарныхъ или нравственныхъ. Его сподвижники создали новое богословіе. Они открывали лучшее будущее законовѣдѣнію, сдѣлавъ первое научное изданіе Пандектовъ. Они полагали основу новой философіи, выдвигая Платона и уничтожая схоластическаго Аристотеля, пока еще не открылся истинный великій Стагиритъ. Они ставили на новыя начала педагогію, въ лицѣ Витторина да Фельтре и его учениковъ. Гуманисты—истинные отцы филологіи, хотя и здѣсь имъ удалось лишь положить основаніе научности. Имъ приходилось начинать съ азбуки, издавать первые словари, грамматики и хрестоматіи. Начало научнаго метода явилось лишь подъ конецъ,

Наука. Просвѣщеніе.

у отца филологической и исторической критики, Валлы, который даже думалъ, что философію и логику должно искать въ законахъ языка. Благодаря гуманистамъ же, исторія болѣе всего освободилась отъ предразсудковъ, особенно въ Италіи, гдѣ кипѣла политическая жизнь. Здѣсь явился рядъ свѣтскихъ историковъ-прагматиковъ. А во Франціи развился новый видъ исторіи—«хроника», родъ рыцарскаго романа, но правдиваго. Въ произведеніи Фруассара отразился предсмертный блескъ рыцарства и эпически описана Столѣтняя война. А въ «мемуарахъ» Комина отпечатлѣлся духъ новаго времени, пора абсолютизма. Здѣсь превознесенъ Людовикъ XI, какъ сила ума, а не меча.

При гуманизмѣ не могли процвѣтать *точныя* и *естественныя* науки, особенно въ Италіи, увлеченной словесностью и искусствомъ. Математика ограничивалась учебникомъ Боэція да щелканіемъ на счетахъ. Астрономія и химія все еще были не столько науками, сколько астрологіей и алхиміей. Естествознаніе было собраніемъ всякаго вздору въ «Бестіаріяхъ», которому вѣрили безъ малѣйшей критики. А когда пускались въ теорію, то путались въ мистическихъ разсужденіяхъ о «началахъ», о «матеріи и формѣ», даже о «зефиротахъ», какъ назывались «свѣтскія одежды» (аттрибуты) Бога. Тѣмъ не менѣе, гуманизмъ помогалъ и положительному знанію: онъ служилъ тою средой, безъ которой оно не расцвѣло бы въ XVI-мъ в.: Коперникъ и Регіомонтанъ сами считали себя его созданіями. Подъ его вліяніемъ, сильные умы шли дальше древнихъ въ разсужденіяхъ о вселенной и ея атомахъ. Химики узнали разныя соли и точнѣе опредѣляли «алкоголь». Альберти предупредилъ нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ открытій въ оптикѣ, подвинулъ теорію перспективы, изобрѣлъ машину для поднятія затонувшихъ судовъ. Учителемъ всей Европы былъ Леонардо да Винчи, который объявилъ опытъ и наблюденіе единственными источниками знанія, намекнулъ на нынѣшнюю теорію въ геологіи, отчасти предупредилъ открытія Коперника, Галилея и Кеплера. Болонскій профессоръ Мундинъ упразднилъ Галена введеніемъ анатоміи: подъ его вліяніемъ, во Франціи началось трупосѣченіе, и былъ произведенъ первый опытъ извлеченія камня. Но больше всего посчастливилось астрономіи, благодаря средствамъ, которыхъ еще въ прошломъ періодѣ не жалѣли сильные міра, въ видахъ астрологіи. Она подготовлялась преимущественно въ Германіи, но также съ помощью итальянскаго гуманизма. Здѣсь трудился ея отецъ, Регіомонтанъ. Сомнѣваясь въ правильности системы Птоломея, онъ ѣздилъ въ Италію учиться по гречески, затѣмъ работалъ въ Нюрнбергѣ, гдѣ бюргеры дали ему средства. Регіомонтанъ двинулъ астрономію и механику, создавши тригонометрію. Онъ читалъ публичные курсы, далъ городу лучшіе часы, устроилъ первую полную обсерваторію, гдѣ наблюдалъ кометы, считавшіяся до него атмосферическимъ явленіемъ. Онъ завелъ научную мастерскую, гдѣ изготовлялись астрономическіе инструменты и народные календари, глобусы и компасы. Здѣсь же печатались ландкарты и астрономическія таблицы, прославившія Нюрнбергъ среди мореплавателей: по нимъ Колумбъ мечталъ объ Индіи и предсказалъ дикарямъ лунное затменіе. Вліяніе Регіомонтана отразилось во всеобщемъ сомнѣніи системы Птоломея. А это сомнѣніе создало краковскаго студента, Коперника, который, въ 1499 г., отправился учиться въ Италію. При такомъ направленіи положительнаго знанія, понятны успѣхи въ области географическихъ открытій, тогда какъ изобрѣтенія были лишь усовершенствованіемъ прежняго, да и то отчасти случайнымъ (компасъ, карманные часы, оптическія стекла, гравировка и вытравливаніе крѣпкой водкой на мѣди, чеканка монетъ, шлифовка алмазомъ, оружіе, органъ, мельница). Главныя изобрѣтенія порохъ и книгопечатаніе, были извѣстны китайцамъ и арабамъ, а отчасти и европейцамъ; но они такъ плохо примѣнялись ими, что принято считать ихъ творцами двухъ нѣмцевъ—монаха Шварца (около 1350 г.) и Гутенберга.

Гуманизмъ, открывшій природу и человѣка вообще, повліялъ и на *открытія* въ тѣсномъ смыслѣ слова, которыя составляютъ едва ли не самую блестящую страницу періода и служатъ гордостью человѣчества и свѣтскаго реализма. Уже въ прошломъ періодѣ торговля завела европейцевъ до Китая, а въ XIV-мъ в. итальянцы и французы достигли сѣверо-западныхъ береговъ Африки. Первые путешественники разжигали любопытство сказочными описаніями далекихъ странъ. Чѣмъ непригляднѣе была дѣйствительность, тѣмъ болѣе вѣрили въ Острова Блаженныхъ, въ царство попа Іоанна, въ Платонову Атлантиду (огромный островъ къ западу отъ Африки), въ золотоносные Антиллы (острова въ рыцарскихъ романахъ). Распалялась страсть къ странствіямъ и приключеніямъ, какъ при началѣ крестовыхъ походовъ; а тутъ турки отрѣзали путь на чарующій Востокъ. Обездоленные итальянскіе купцы стали издавать карты, по свѣдѣніямъ арабовъ и новыхъ путешественниковъ, и запаслись, кромѣ компаса, усовершенствованною астролябіей, мечтая о Западѣ: западная Африка уже привлекала ихъ не однимъ золотомъ и черными рабами, но и надеждой попасть оттуда въ Азію, найти «морской путь въ Индію». Уже при Данте было распространено мнѣніе Аристотеля о шаровидности земли; а путешественники утверждали, что Азія далеко тянется на востокъ: слагалось убѣжденіе, что неширокій океанъ отдѣляетъ Европу отъ Китая и Индіи. Все устремлялось къ западу—и съ конца XIV-го в. португальцы съ испанцами опередили итальянцевъ въ мореплаваніи. Особенно выдвинулись, въ этой міровой роли, португальцы. Ихъ царственный отецъ открытій, Генрихъ Мореплаватель, сталъ героемъ баснословія, которое олицетворило въ немъ весь періодъ открытій. **Открытія.**

По смерти Мореплавателя, португальцы уже знали половину западныхъ береговъ Африки; а затѣмъ Васко де Гама открылъ *южный путь въ Индію* (1498). Тогда европейцы знали уже всю Европу, $^2/_3$ Азіи, сѣверъ, западъ и югъ Африки, — всего около 1 милл. кв. миль, т. е. вдвое больше, чѣмъ древніе.

Оставалось открыть Новый Свѣтъ — заслуга, которая выпала на долю сына ткача, генуезца Христофора Колумба. Колумбъ — представитель цѣлаго поколѣнія морскихъ героевъ. Пылкая натура доводила его до мистицизма и чудачества: онъ былъ порывистъ и сухъ въ обращеніи съ людьми, ходилъ къ св. мѣстамъ, гадалъ по Евангелію, не противился торговлѣ дикарями, такъ какъ церковь не считала ихъ людьми. Онъ раздѣлялъ съ современниками также стремленіе къ славѣ и отчасти къ золоту. Но надъ этими слабостями возвышались его здравый смыслъ, развитый наукой и наблюденіемъ, рѣдкое мужество и энергія, въ особенности же вдохновенная любовь къ идеѣ, соединенная съ чутьемъ природы и поэзіи. Довѣрчивая, простая натура онъ вѣчно страдалъ отъ злыхъ посредственностей; но его любили бѣдняки, которымъ онъ дѣлалъ много добра, когда былъ въ чести, а дикари благоговѣли передъ нимъ, какъ передъ свѣтлымъ божествомъ. Выучившись математикѣ, Колумбъ съ 14 л. пустился въ плаваніе отъ Леванта до Исландіи и юношей поселился въ Португаліи, гдѣ женился на дочери опытнаго моряка и жилъ изготовленіемъ ландкартъ. Ему удалось много плавать съ португальцами, причемъ онъ все убѣждался, что южный путь въ Индію неудобенъ; а тутъ лучшій астрономъ, прислалъ ему карту съ объясненіемъ, что гораздо легче западный, атлантическій путь.

Въ Португаліи не повѣрили затѣѣ Колумба. Онъ бросился въ Испанію, гдѣ профессора также объявили ее химерой. Но Изабелла велѣла снарядить эскадру, обѣщая заложить свои драгоцѣнности, если въ казнѣ не хватитъ средствъ. Въ 1492 г. Колумбъ открылъ ос. С. Сальвадоръ и Гаити, который онъ назвалъ Эспаньолой (Испанійка). Онъ радовался, что наконецъ-то нашелъ

путь въ Индію; онъ и умеръ съ этой мыслью, не подозрѣвая, что открылъ *Новый Свѣтъ*. Колумбъ еще три раза ѣздилъ туда и открылъ Малые Антиллы и Южную Америку, которую принялъ за библейскій рай въ Азіи. Но ему становилось все труднѣе. Изабелла съ трудомъ защищала его отъ ревниваго къ власти Фердинанда и отъ клеветъ и интригъ завистниковъ, которые однажды даже отправили его съ Эспаньолы въ цѣпяхъ. А когда Колумбъ возвратился, Изабеллы уже не было на свѣтѣ. «Я принужденъ искать крова и пищи по трактирамъ, и часто не знаю, чѣмъ буду платить завтра», писалъ геній открытій передъ смертью. За Колумбомъ потянулся безконечный рядъ тѣхъ искателей приключеній, которыхъ назвали «конквистадорами» или завоевателями. Они продолжали работать въ *Вестъ-Индіи* (Западная Индія), какъ наименовали открытіе Колумба: они уже подходили въ Мексикѣ и овладѣли берегами Ю. Америки и открыли Сѣверную Америку. Но все это—лишь открытія да набѣги ради золота и рабовъ; насажденіе колоній было впереди.

Національная литература.

Что было въ наукѣ, то же происходило въ литературѣ. И она проникласъ гуманизмомъ, но лишь постепенно и еще въ слабой степени. Сначала въ высшемъ обществѣ и отчасти въ городахъ еще господствовалъ романтизмъ, центрами котораго были послѣдніе притоны рыцарства—французскій и особенно бургундскій дворы. Но то была уже пора его разложенія, начавшагося подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, вмѣстѣ съ упадкомъ рыцарства. Рыцарская поэзія стала формализмомъ; послѣдніе слѣды чувства и природы замѣнились въ ней безобразнымъ цинизмомъ. Чтобы прикрыть свою пустоту и грязь, поэты впадали въ педантизмъ схоластики да въ назиданія и аллегоріи. Этотъ упадокъ ярко выразился въ третьемъ циклѣ эпоса, который возникъ тогда въ Испаніи, подъ именемъ «Адамиса». Впрочемъ, это—отецъ нынѣшняго романа: здѣсь любовь впервые служитъ душой разсказа. Но рядомъ съ увядающимъ романтизмомъ, расцвѣтала *новая* литература, вмѣстѣ съ успѣхами новыхъ языковъ и свѣтскаго реализма. Во главѣ ея шла Италія, гдѣ уже Дантъ писалъ выработаннымъ итальянскимъ языкомъ. Но у Данта еще сильны пережитки средневѣковья — аллегорія и романтизмъ трубадуровъ. Они слабѣе у *Петрарки*: оттого его Воклюзскій источникъ сталъ мѣстомъ богомолья для чувствительныхъ сердцъ, а лирика въ Италіи четыре вѣка не могла отдѣлаться отъ вліянія пѣвца «мадонны Лауры». Важнѣе отецъ итальянской прозы, *Боккачіо*, съ котораго собственно начинается новая, реальная литература. То было инстинктивное проявленіе новой потребности. Самъ Боккачіо считалъ поэзію нравственной аллегоріей и писалъ въ духѣ французскаго романтизма. Гордясь званіемъ гуманиста, онъ стыдился своихъ итальянскихъ сочиненій, и отъ раскаянія кончилъ мистицизмомъ и богословіемъ. Тѣмъ не менѣе, Боккачіо приготовилъ Европу къ литературно-художественному «паганизму». Онъ выставилъ въ «Декамеронѣ» могучій реализмъ, доведенный, какъ реакція, до цинизма. «Декамеронъ»—100 повѣстей, взятыхъ изъ устъ толпы въ томъ видѣ, какъ онѣ пришли съ Востока черезъ арабовъ, монголовъ и русскихъ или сохранились въ рыцарскомъ романѣ. Онѣ изложены изящнымъ, легкимъ языкомъ и дышатъ жизненною правдой и разнообразіемъ; въ нихъ роскошныя и вѣрныя описанія быта и природы. «Декамеронъ» важенъ еще по разлитой въ немъ струѣ народной сатиры, особенно противъ церкви. Но гуманизмъ, презиравшій «мужицкую рѣчь», на цѣлый вѣкъ задержалъ развитіе итальянской литературы.

Подъ вліяніемъ Италіи, въ Испаніи сложился, въ своей простотѣ и силѣ, тотъ языкъ, который потомъ утратилъ это свойство. Такъ подъ конецъ явились зародыши свѣтскаго театра и новой лирики. Въ Англіи и Шотландіи знать наслаждалась романтизмомъ, пока господствовалъ французскій языкъ. Національная поэзія сохранялась только въ видѣ народныхъ пѣсенъ у кель-

товъ, шотландскихъ горцевъ и англійскихъ сельчанъ. Но съ половины XIV-го в. англійскій языкъ выдвигается даже среди интеллигенціи, какъ знакъ полнаго сліянія норманновъ съ англосаксами. Статутъ 1362 г. повелѣвалъ ввести его въ судахъ, а въ 1415 г. явился первый парламентскій актъ на англійскомъ языкѣ. Тогда же начали переводить романы съ французскаго. Но подлѣ нихъ явилось нѣчто небывалое—«Плачъ Петра Пахаря», написанный бѣлыми стихами и еще грубымъ языкомъ. Авторъ поэмы, современникъ Виклифа, угрюмый монахъ Лонглендъ, считался дурачкомъ и кормился причитаніями на знатныхъ похоронахъ. Тяжела поэзія нищаго монаха, наполненная аллегоріями и текстами св. Писанія; но въ ней живые взрывы негодованія и народный юморъ. Современникъ Лонгленда, *Чосэръ*, уже овладѣлъ формой и новымъ образованіемъ и сталъ «отцомъ англійской поэзіи». Онъ былъ въ Италіи, увлекался Боккачіо, все наблюдалъ: въ немъ воплотился подъемъ національнаго духа эпохи Эдуардовъ. «Кентерберійскіе Разсказы» Чосера близки къ «Декамерону» даже по формѣ. Здѣсь впервые, внѣ Италіи,—не аллегорія, а реальная жизнь и драматизмъ, и также юморъ, направленный особенно противъ клира и догматовъ. Съ Чосеромъ замерла юная поэзія, раздѣляя судьбу всего національнаго духа, подавленнаго Тюдорами; самый англійскій языкъ остановился въ своемъ развитіи.

На материкѣ новая литература появилась, прежде всего, у *голландцевъ*, въ видѣ мѣщанской поэзіи, къ которой присоединилось потомъ вліяніе Боккачіо. Она прославляетъ бюргера и мужика и зло насмѣхается надъ рыцарствомъ, въ особенности же надъ клиромъ съ его индульгенціями. Здѣсь возникла и новая «Кумушка Лиса»—живая сатира на все средневѣковье, которая стала одною изъ первопечатныхъ книгъ и была переведена почти на всѣ языки. У голландцевъ развилась и народная пѣсня. *Нѣмцы* перенимали у нихъ поэзію. У нихъ слагалась и проза, а также развилась народная пѣсня. Подъ конецъ, національная поэзія становилась, въ Германіи, патріотическимъ дѣломъ. Ея черты отражались и въ произведеніяхъ гуманистовъ; а Гуттенъ уже писалъ нѣмецкіе стихи, ставшіе началомъ новой поэзіи съ общественными задачами. И собственные труды гуманистовъ переходили въ массы въ переводахъ. Главнымъ плодомъ народно-гуманистической сатиры былъ «Дурацкій Корабль» (Narrenschiff) Бранта, гдѣ жестоко осмѣяно духовенство. Отъ него пошла реальная «бюргерская» поэзія, а языкъ ея вошелъ въ пословицы. Во *Франціи* національная литература зарождалась также въ концѣ періода, когда родная рѣчь была введена въ суды. Вскорѣ безымянное народное творчество смѣнилось личностью поэтовъ, которое достигло высшаго развитія въ Валлонѣ, который служитъ переходомъ къ новой лирикѣ, по своему юмору, по своей жизненной, хотя и грубой, правдѣ. Тогда же во Франціи возникла драма, которой предшествовали церковныя «мистеріи, чудеса и чертовщины».

Искусство.

Торжество свѣтскости и Возрожденія особенно ясно въ искусствѣ. Оно подготовлялось паденіемъ мавританскаго и готическаго стилей. Арабское искусство, достигшее высшаго развитія въ Гранадѣ въ XIV-мъ вѣкѣ (Альгамбра), съ тѣхъ поръ застыло и сосредоточилось на Востокѣ. Готикъ падалъ замѣтно. Пользуясь высокой техникой, зодчіе гонялись за дерзкими эффектами, въ особенности же за пестрой орнаментовкой. Это красивое, но тревожное, больное искусство, напоминавшее хитросплетенія схоластики, было не прочно; соборы вѣчно чинились, а новаго строилось мало. Больше всего готикомъ занимались въ Германіи, гдѣ мастера составляли «строевыя хижины»—артели монастырскаго характера, съ страсбургскимъ «мастеромъ» во главѣ. Они работали и за-границей, даже въ Италіи, гдѣ впрочемъ готикъ былъ слабъ и въ началѣ XV-го в. былъ вытѣсненъ Возрожденіемъ. Паденіе готика подготовлялось появленіемъ *фламандскаго натурализма* или подражанія природѣ, которое

подъ конецъ проникало всюду. Натурализмъ, которому помогало развитіе техники (фламандцы изобрѣли масляныя краски и воздушную перспективу, нѣмцы—гравировку), сказывался даже въ выборѣ работъ; на счетъ церквей розмножались дворцы, «отели» (палаты), ратуши, цеховые, гильдейскіе, даже художественные частные дома. Въ изобразительныхъ искусствахъ религіозное содержаніе обставлялось обыденной жизнью, съ пейзажемъ, съ портретами живыхъ лицъ. Затѣмъ показывались и свѣтское содержаніе, и даже комизмъ, въ грубыхъ каррикатурахъ, съ циничными подписями. Подконецъ еще дальше двинулось самое живое искусство —живопись, также служившая здоровому натурализму.

Между тѣмъ въ Италіи явился Джіотто, предвозвѣстникъ *искусства новаго времени*. Это искусство—плодъ духа гуманизма, какъ готикъ былъ плодомъ перваго Возрожденія; оно и называется *раннимъ Возрожденіемъ*. Но этотъ духъ свѣтскости проявлялся здѣсь сначала въ видѣ натурализма, приходившаго съ сѣвера, главнымъ образомъ, изъ Голландіи. Оттого, если содержаніе все еще было церковное, то форма уже представляла полную реальность, ниспадавшую иногда до безобразія; начинало даже выступать человѣческое тѣло, когда возникла анатомія. Оттого же, при обособленіи каждаго искусства и освобожденія отъ гнета церкви, зодчество отошло на задній планъ, а впередъ выступила живопись — искусство наиболѣе психологическое и естественное. Подконецъ натурализмъ уступилъ мѣсто своему собрату — античному вліянію, которое постепенно проникало въ искусство, прямо благодаря гуманизму. Вліяніе античности раньше всего отразилось въ зодчествѣ, которое и было первенцомъ «ранняго Возрожденія». Въ Италіи готикъ всегда былъ слабъ, римскія же формы всегда оставались родными; а тутъ подошло открытіе Витрувія, описавшаго, при Цезарѣ и Августѣ, технику античной архитектуры. Стиль Возрожденія въ зодчествѣ, который былъ искаженъ потомъ и воскресаетъ въ наши дни, служитъ отрицаніемъ готика. Здѣсь всѣмъ жертвуется древней горизонтальности линій, симметріи да простору, съ его обиліемъ свѣта и воздуха; и всюду римская полная арка да колонны въ одномъ изъ трехъ древнихъ стилей. Колыбелью новаго зодчества была Флоренція, а его отцомъ считается *Брунеллеско*, который былъ въ то же время математикомъ, механикомъ и инженеромъ. Послѣ зодчества расцвѣло и новое ваяніе, это любимое искусство ранняго Возрожденія. Его отцомъ былъ также флорентіецъ, *Гиберти*, который началъ создавать цѣлыя пластическія картины на дверяхъ храмовъ, подчиняясь и натурализму, и особенно античности. И новая живопись явилась, во Флоренціи, но уже въ концѣ періода, благодаря гуманизму и успѣхамъ математики и физики, которые выразились въ открытіи законовъ перспективы, колорита и анатоміи. Отцомъ ея былъ *Мазаччіо*, въ которомъ уже ярко проявились натурализмъ, бытовая обстановка, сила красокъ и перспектива. Но въ живописи еще былъ силенъ старый идеализмъ въ содержаніи. Подконецъ онъ даже проникалъ въ новое искусство, въ соотвѣтствіи съ развитіемъ платонизма. Онъ достигъ крайняго проявленія въ Сіенѣ и въ умбрійской школѣ, во главѣ которой стоялъ Перуджино, который первый овладѣлъ масляными красками и славился нѣжностью и миловидностью женскихъ и юношескихъ головокъ.

Къ концу періода итальянское Возрожденіе начинаетъ робко переходить за Альпы, именно во Францію, и только въ формѣ зодчества. У другихъ народовъ лишь подготовлялся путь ему. Это особенно замѣтно въ *Нидерландахъ*, гдѣ натурализмъ уже сдѣлалъ такъ много успѣховъ съ начала періода. Здѣсь живопись вдругъ поднялась на замѣчательную высоту, съ которой впрочемъ и пала столь же быстро. Помимо новаго духа времени, это объясняется слабостью готика и примѣненіемъ масляныхъ красокъ, сдѣланнымъ фламандцами, братьями ван-Эйками. Эйки, особенно Іоаннъ, безусловно проповѣдовали изу-

ченіе природы. Церковные сюжеты были для нихъ лишь предлогомъ писать жанры и портреты, причемъ они тщательно отдѣлывали каждый листокъ, каждою складочку; здѣсь же начало пейзажа, который даже у итальянцевъ встрѣчается тогда только въ поэзіи. Эта «старофламандская» школа отличалась также изумительной яркостью и прочностью красокъ. Не только масляныя краски, но и самый фламандскій стиль проникли во всю Германію, даже въ Ломбардію, Неаполь и Испанію. Реализмъ новаго времени сказывался еще въ томъ, чѣмъ ближе къ концу періода, тѣмъ болѣе выступаетъ всюду фантастическій юморъ, напоминающій народную сатиру на феодализмъ, въ особенности же на церковность. Это направленіе развивалось преимущественно внѣ Италіи, и больше всего у нѣмцевъ.

Музыка становилась необходимой принадлежностью въ жизни, также преимущественно въ Италіи. Здѣсь развелось много виртуозовъ и инструментовъ; устраивались незнакомые сѣверу скрипичные концерты; учителя музыки обогащались; у живописцевъ нерѣдко портреты съ инструментами и цѣлые хоры ангеловъ. Но и по сю сторону Альпъ любили музыку и увлекались пѣніемъ, особенно въ Англіи, гдѣ попрежнему процвѣтали хоры. Въ Германіи мейстерзенгеры распѣвали мадригалы, давали родъ оперъ и собирались на совѣщанія въ Нюрнбергѣ. Еще болѣе размножались «музыкальныя обѣдни», съ народными напѣвами. Но содержаніе было бѣдно вездѣ, за исключеніемъ народной пѣсни. Живая мелодія подавлялась искусственнымъ многогласіемъ, которое достигло, въ теоріи, «контрапункта», считавшагося настоящей «композиціей» или музыкальнымъ сочиненіемъ. Этою техникой музыки увлекались больше всего, доводя ее до истинной схоластики.

Развитіе матеріальной культуры встрѣчало массу препятствій, вслѣдствіе волненій, связанныхъ съ переходной порой. А около 1350 г. по Европѣ пронеслась еще *«черная смерть»*—родъ чумы, занесенной съ Леванта, причемъ толпа перебила еще массу евреевъ, вообразивъ, что они отравляли колодцы. Она похитила въ шесть лѣтъ до 25 милл., т.-е. $^1/_4$ всего населенія Запада. Но главные бичи человѣчества свирѣпствовали преимущественно въ XIV-мъ в.: въ XV жилось легче. Вообще къ концу періода матеріальный бытъ улучшался. Абсолютизмъ помогалъ ему уничтоженіемъ разбойничества и феодаловъ. Это особенно было замѣтно въ Англіи при войнѣ Розъ; Франція никогда такъ не богатѣла, какъ при Людовикѣ XI; а она казалась нищей передъ маленькой Фландріей. Еще богаче была Бургундія, въ особенности дворъ Карла Смѣлаго, Но и она стушевывалась передъ Италіей, сокровища которой отчасти привели къ итальянскимъ войнамъ. Тогда одинъ Миланъ давалъ больше дохода, чѣмъ вся Франція. Возникали небывалые богачи—въ родѣ Медичи во Флоренціи и Фуггеровъ въ Германіи. И нѣмецкіе евреи до того разбогатѣли, что ихъ избіеніе во время черной смерти было финансовой революціей. Процвѣтали Каталонія и Португалія. О богатствѣ свидѣтельствуютъ и почти повсемѣстные законы противъ роскоши не только знати, но и мѣщанъ. Подконецъ улучшалось и народное здоровье. Народонаселеніе умножилось; изъ Нидерландовъ уже началась эмиграція въ Африку и на ея острова. **Внѣшній бытъ.**

Если взять благосостояніе по сословіямъ, то подконецъ умирающему рыцарству жилось хуже всѣхъ. Въ Германіи рыцари жаловались: «одинъ мужикъ получаетъ больше, чѣмъ десятеро насъ, и сколачиваетъ капиталъ». Здѣсь мужикъ обрабатывалъ землю помѣщика на льготныхъ условіяхъ, и у него сохранились еще общинныя угодья; а жизнь была очень дешева. Въ Англіи также мужику жилось не дурно, при возрастаніи заработной платы. А во Франціи онъ уже выбиралъ депутатовъ въ генеральные штаты. Въ Италіи крестьянинъ былъ свободенъ и находилъ хорошій заработокъ, при небываломъ развитіи промысловъ. Въ Испаніи онъ пользовался значительными правами и

поддержкой со стороны абсолютизма. Только въ Даніи, Венгріи, Богеміи и Польшѣ положеніе массъ ухудшилось, вслѣдствіе развитія крѣпостничества. Тогда въ остальныхъ странахъ Запада совершалась лишь подготовка того же положенія. Но главное—противъ крестьянина выдвигалась новая сила, болѣе опасная, чѣмъ рыцарство: капиталъ вступалъ въ борьбу съ трудомъ. Подконецъ торговыя гильдіи уже составляли какъ бы синдикаты капиталистовъ, становились плутократіей: составлялись общества монополистовъ—для возвышенія цѣнъ, убивавшія даже мелкаго купца.

Города принимали уже современный видъ, утрачивая сельскія черты, особенно въ Англіи, Фландріи, Франціи, Бургундіи и Италіи. Въ нихъ то богатѣло мѣщанство, главнымъ образомъ отъ развитія промысловъ. Плохо жилось только мастеровымъ, и то подконецъ, когда вырождался средневѣковой ремесленный строй. *Цехи* были орудіемъ прогресса, пока отстаивали право труда и личности въ борьбѣ сначала съ феодалами, потомъ съ купеческимъ патриціатомъ или гильдіями. Но теперь, одержавъ побѣду, они стали кастами, которыя угнетали и своихъ рабочихъ, и все крестьянство всякими монополіями и регламентаціей. Оттого уже въ концѣ прошлаго періода, на Рейнѣ, возникло тайное общество франъ-масоновъ. Ему подражали тайныя «товарищества», возникшія во Франціи въ XV-мъ в. и бывшія врагами какъ цеховыхъ мастеровъ, такъ и ихъ покровительницы, церкви. Рабочему помогали еще явныя «братства», также имѣвшія свои кассы значки и уставы. Тѣмъ не менѣе, покуда массамъ вообще еще нельзя было обходиться безъ цеховой самозащиты, и еще не совсѣмъ утратились полезныя свойства этого быта. Цехъ все еще былъ какъ бы страховымъ обществомъ рабочихъ, съ старымъ религіознымъ оттѣнкомъ. Онъ распредѣлялъ поровну размѣры производства и торговли, содержалъ больныхъ и сиротъ, выдавалъ нуждавшимся ссуды и пособія, строго смотрѣлъ за соблюденіемъ честности. Часто городскія власти сами торговали хлѣбомъ, солью, мясомъ и виномъ, чтобы «сохранить умѣренныя цѣны для бѣдняковъ». Цехи же способствовали развитію промышленности. Здѣсь сначала на первомъ планѣ стояли Нидерланды, съ ихъ суконнымъ производствомъ и добываніемъ каменнаго угля и мѣди. Фландрію уже угнеталъ избытокъ ремесленнаго населенія. Но подконецъ Англія стала соперничать съ Нидерландами въ суконномъ дѣлѣ. Во Франціи промышленность сильно поднялась при Людовикѣ XI, который основалъ шелководство. Богемія, Швеція, даже Португалія богатѣли отъ горнаго дѣла, первая также отъ стекляннаго производства. Италія щеголяла предметами вкуса и роскоши, удобной и изящной мебелью и экипажами, изысканной кухней и модами, которыя впрочемъ быстро стали достояніемъ французовъ.

Необыкновенные успѣхи сдѣлала и *торговля*, въ особенности внѣшняя, заморская, которая проникала уже и въ Африку, и въ Америку. Но сильно развивалась и внутренняя торговля, благодаря возрастанію населенія, промысловъ и порядка. Всюду улучшались средства сообщенія, а подконецъ завелись почты. Внутри Европы исчезала мѣновая торговля: деньги уже становились всеобщимъ достояніемъ, выходя изъ рукъ евреевъ и ломбардцевъ; ихъ уже занимали государи, хотя и за огромные проценты (50%). Монета тѣмъ болѣе становилась подспорьемъ торговли, что, съ паденіемъ феодализма, въ ней явилось болѣе однообразія. Банки (banco—скамья, на которой сидѣлъ перехожій еврей-мѣняло) уже пріобрѣтали значеніе: въ Генуѣ акціонеры банка владѣли всѣми финансами республики, имѣли свой флотъ и войско. Подконецъ славились банки въ Антверпенѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ, который былъ знаменитъ еще первою въ мірѣ ярмаркой. Въ XIV-мъ в. во главѣ торговли все еще стояли генуэзцы и особенно венеціанцы, которые плавали до Англіи и занимали альпійскіе проходы. Но въ XV-мъ в. началось паденіе этихъ «финикіянъ Среди-

земнаго моря». Турки прервали ихъ торговлю съ Левантомъ, что временно выдвинуло Дубровникъ, а еще болѣе Венгрію. Венеціанцы недовѣрчиво отнеслись къ мысли о замѣнѣ стараго пути въ Азію новымъ, «западнымъ», и сынъ ихъ вѣчнаго врага, Генуи, погубилъ ихъ торговлю, открывши этотъ путь для испанцевъ. Та же судьба постигла Ганзу. Ея цвѣтущая пора—XIV-й вѣкъ, до сгубившей ее кальмарской уніи. Но подконецъ она падала: кругомъ росли новыя державы; въ ней самой настали раздоры и развратъ. Вообще узлы торговли перемѣщались на крайній Западъ. На первый планъ выдвигались Нидерланды, Англія, отчасти Франція и Пиренейскій полуостровъ. Нидерланды были, въ теченіе всего періода, средоточіемъ міровой торговли. Они, подобно Ломбардіи, были наполнены такими богатыми городами, съ 100-тысячнымъ населеніемъ, какъ Брюгге и Гентъ, гдѣ ганзейцы держали свои главные склады ломбардцы — свои банки и купцы всѣхъ странъ — свои «дома» (конторы). Здѣсь царствовалъ космополитизмъ: заключались торговые договоры, устанавливалось «морское (торговое) право». Лишь подконецъ фламандцамъ становилось тѣсно отъ соперничества съ Англіей, которая уже сама начала участвовать въ левантской торговлѣ. Здѣсь съ Эдуардомъ III показался явный знакъ народнаго благосостоянія: установилась золотая монета. Подконецъ стало подыматься и торговое значеніе Франціи. Людовикъ XI дозволялъ торговать всякому, покровительствовалъ даже иностраннымъ купцамъ, заключилъ договоръ съ Ганзой и Венеціей, возстановилъ запустѣвшія при войнахъ ярмарки, уничтожилъ внутреннія таможни и подрывалъ монополіи цеховъ и гильдій, ввелъ единство мѣръ и вѣсовъ. И французскіе корабли ходили уже до Египта и Канарскихъ о-въ. Но важнѣе Франціи былъ Пиренейскій полуостровъ. Тамъ Португалія богатѣла отчасти отъ открытій, а больше отъ расширенія своихъ торговыхъ связей съ Фландріей, Англіей и Франціей. А Каталонія какъ бы силилась перенять роль Венеціи: она торговала, а отчасти и пиратствовала, по всему Средиземному морю. Но важнѣе всего то, что открылся Новый Свѣтъ, который сдѣлалъ Испанію царицей денегъ и произвелъ потрясающій переворотъ во всемъ хозяйственномъ строѣ Европы. Довольно сказать, что до этого великаго событія золото и серебро цѣнились въ 7 разъ дороже, чѣмъ теперь.

Значеніе средней исторіи.

Средніе вѣка не безъ основанія называются хаосомъ. Никогда не сталкивалось столько разнородныхъ двигателей исторіи, борьба которыхъ вносила въ жизнь смуту и страстность: пять первыхъ вѣковъ и два послѣднихъ считаются переходными. Съ самаго начала выступила мучительная задача слiянія классицизма, христіанства и варварства — основъ не только разнаго характера, но и различныхъ ступеней развитія. Какъ потребность исторіи, слiяніе совершилось, но въ тяжелыхъ, уродливыхъ формахъ. Основы переплетались между собой среди ожесточенной борьбы; преобладаніемъ той или другой изъ нихъ обрисовываются эпохи.

До XIV-го в. классицизмъ находился въ порабощеніи, несмотря на долгую романизацію Запада и эллинизацію Востока; душѣ варвара были доступнѣе начала христіанства. А такъ какъ новыя племена нуждались въ сильномъ руководителѣ и, по законамъ развитія, необходимо прежде всего сплоченіе группъ человѣчества для образованія цивилизаціи, то рано начало выдвигаться папство. Оно должно было достигнуть верха могущества въ долгій періодъ, когда религія подавляла всѣ другіе идейные интересы и еще не сложились народы. Въ разгаръ крестовыхъ походовъ осуществился ѳеократическій идеалъ монаха Гильдебранда. Папа, которому повиновался не только первый, но и второй чинъ, распоряжался судьбами Запада и отчасти Востока. Его наука, схоластика, достигла въ лицѣ Ѳомы Аквинскаго, высоты, на которой и теперь стоитъ католическое богословіе. Всѣ роды искусства служили церкви.

Церковный идеализмъ жилъ до начала новой исторіи, ознаменованнаго религіозной революціей, но съ конца XIII-го в. онъ постепенно мѣнялся ролью съ наслѣдіемъ древности, съ свѣтскимъ реализмомъ или раціонализмомъ. Послѣдній никогда не умиралъ. Самая догма христіанства и схоластика связаны съ классицизмомъ. Ранній расцвѣтъ папства немыслимъ безъ готовой организаціи, которую оно заимствовало у римской имперіи, и безъ ея права, быстро разлагавшаго общиннородовой бытъ варваровъ. Классицизмъ жилъ въ ересяхъ и иконоборствѣ, въ арабскомъ и византійскомъ типахъ культуры. Порой онъ украшался такими именами, какъ Абеляръ, Рожеръ Беконъ и Альбертъ Великій, и владѣлъ умами въ формѣ аверроизма и номинализма. Для его торжества недоставало мірового потрясенія, въ которыхъ получаютъ крещеніе новорожденныя силы исторіи.

Таково было значеніе крестовыхъ походовъ — наиболѣе яркаго явленія въ средніе вѣка. То было самое сильное, но и послѣднее появленіе церковнаго идеализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ колыбель силъ новой исторіи. Подъ ихъ вліяніемъ погибли поблекшіе типы арабской и византійской культуры, уступая мѣсто своему питомцу—типу западному. Тогда совершилось первое и величайшее изъ открытій, разсѣялась безпредѣльная туманная греза церковнаго идеализма:—и предъ человѣчествомъ озарился конечный, но пестрѣющій жизненными цвѣтами реальный міръ. Подконецъ именемъ крестовыхъ походовъ назывались такія явленія, какъ побоище подъ Никополемъ для отраженія турокъ отъ Австріи да бунтъ венгерскихъ крестьянъ. И народъ, разсуждая объ Азіи, говорилъ уже не «святыя мѣста», а «Левантъ», т. е. ворота не въ рай, а въ Остъ-Индію, ключъ къ богатству, связанному съ развитіемъ торговли и промышленности.

Къ концу среднихъ вѣковъ папскій космополитизмъ, съ его мертвой латынью, смѣняется народностями, съ ихъ живыми языками и литературами, съ ихъ этнографическимъ и земельнымъ сплоченіемъ. Тогда же совершилось собираніе верховной власти или развитіе монархизма, въ предѣлахъ каждой народности: за исключеніемъ Германіи, гдѣ утверждалось мелкодержавіе фюрстовъ съ пережитками кулачнаго права, всюду «сюзерены» становились «суверенами». Монархизмъ—свѣтское начало: это—возрожденіе классическаго цезаризма, опиравшееся на римское право. Какъ папство было вождемъ первыхъ двухъ чиновъ, такъ монархизмъ сталъ противъ него во главѣ третьяго чина,—городовъ, которые, въ свою очередь, были пріютомъ свѣтскости, новыхъ началъ жизни. Рядъ мѣщанскихъ революцій XIV-го в., славные дни Бувина, Куртре, Земпаха, а также гуссизмъ, война Розъ, гибель Карла Смѣлаго—все это столько же торжество третьяго чина надъ двумя первыми, сколько побѣда цезаризма. Въ силу союза монарховъ съ массой, средніе вѣка полны попытокъ демократизаціи власти. Крестовые походы доставляли побѣду свѣтскости и въ идейной культурѣ. Возстановленный Бекономъ научный методъ Аристотеля создалъ Оккама, Регіомонтана и Коперника. Еще больше выдвинулась филологія съ свѣтской исторіей. На смѣну церковному идеализму выступило новое умственное сплоченіе—гуманизмъ, который овладѣвалъ всѣмъ бытомъ интеллигенціи, становился міровоззрѣніемъ.

Въ то время, когда сложились новыя силы прогресса и сплоченія Запада, его старая руководительница, церковь, дошла до глубины паденія. Христіанство превращалось въ бездушный обрядъ, церковь—въ политическое и, особенно, финансовое учрежденіе. Римская курія, а за нею владыки, стали образцами матеріализма и порочности, которыхъ они и не скрывали. Любовь ближняго замѣнилась хладнокровной жестокостью инквизиторовъ, которые сожигали любителей Библіи, раскрывавшей ложь папства. Погрузившись въ невѣжество, церковь стала заклятымъ врагомъ просвѣщенія, главнымъ тормазомъ прогресса.

Оттого XIV-XV вв.—эпоха великихъ скандаловъ въ исторіи католичества и упорной оппозиціи ему. Сцена въ Ананьи была достойной местью за Каноссу: это такое же начало конца для папства, какъ одновременная битва при Куртре—для феодализма. Ея виновникъ—внукъ Людовика, причисленнаго къ лику святыхъ: онъ же пролилъ кровь последнихъ телохранителей папства, храмовниковъ. Такъ, эпоха крестовыхъ походовъ окончилась въ той же Франціи, гдѣ она началась Клермонскимъ соборомъ. Затѣмъ «вавилонское плѣненіе» съ расколомъ—и Западъ превратился въ сплошную оппозицію Риму. Массы выражали свое негодованіе въ сатирѣ и создавали собственную религію; интеллигенція впадала въ невѣріе или въ обожаніе Платона; короли распоряжались мѣстными церквами, не обращая вниманіе на папство. Въ средѣ самой церкви возникло новое богословіе, которое, вмѣстѣ съ мистикой, признавало только Библію и задушевную вѣру, отвергая «преданія» католичества. И оно уже выставило такихъ богатырей въ рясахъ, какъ Виклифъ и Гусъ. Опредѣляя церковь, какъ собраніе «вѣрующихъ», а не папствующихъ, и отвергая рѣшеніе собора, Гусъ впервые выдвинулъ значеніе широкихъ началъ народности и свободы мысли и совѣсти на счетъ привилегированности душеспасенія, покупаемой цѣной духовнаго рабства. И казнь Гуса и Іеронима вызвала въ массахъ не умиленіе, какъ былые подвиги инквизиціи, а сожалѣніе и негодованіе, чеховъ же превратила въ жестокихъ мстителей духу средневѣковья. Власти и общество испробовали всѣ пути къ «исправленію церкви во главѣ и членахъ». Пылала народная революція въ лицѣ миноритовъ, лоллардовъ и чашниковъ; соборная оппозиція изощрялась въ тонкостяхъ дипломатіи и аристократизма. Но революція окончилась костромъ Гуса и «лоллардовыми башнями», а соборы оказались позоромъ высшихъ слоевъ общества. Оттого во второй половинѣ XV-го в. зло развивалось въ Римѣ пуще прежняго, а въ массахъ недовольство средневѣковщиной сосредоточивалось на папствѣ. Особенно негодовали наиболѣе угнетенные Римомъ нѣмцы, которые недаромъ боролись съ нимъ цѣлое пол-тысячелѣтіе, въ лицѣ своихъ императоровъ. На ихъ сеймахъ появились требованія церковной «реформаціи»; Везель умеръ въ тюрьмѣ за протестъ противъ индульгенцій; нѣмецкіе гуманисты уже дали рѣшительную битву доминиканскимъ «обскурантамъ». Недоставало искры, чтобы въ центрѣ Европы произошелъ взрывъ: она явилась въ лицѣ Лютера, съ котораго можно начинать новую исторію.

Плодомъ борьбы основъ средней исторіи было значительное наслѣдіе новому времени. Европа уже представляла систему народностей, съ началомъ политическаго равновѣсія. Еще болѣе новаго было въ идейной культурѣ. Новые языки разставались съ романтизмомъ и выставили Данта, Петрарку, Боккачіо, Чосера, а также мѣщанскую поэзію, народную пѣсню съ сатирой, зачатки драмы. Готикъ и византійство уступали мѣсто реальному искусству, схоластика и даже аввероизмъ—гуманизму. Совершилось открытіе человѣка и природы, законченное подвигами Колумба. Родилась личность, это великое орудіе новаго времени, выставившее даже благородные образцы женской культуры. Отсюда смягченіе нравовъ; въ Италіи появилась элеганція съ конверсаціей и музыкой; порокъ прикрывался изящной маской, насиліе отступало передъ обманомъ; даже на евреевъ начинали смотрѣть, какъ на своихъ «ближнихъ». Прогрессъ особенно ясенъ въ матеріальной культурѣ. Въ мореплаваніи, торговлѣ и промыслахъ уже опередили античный міръ. Города становились типомъ дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ узловъ жизни. Довольство замѣчалось даже у мужика, а внѣшній бытъ итальянца отличался изяществомъ и удобствомъ. Скопленіе богатствъ даже породило банки и компаніи капиталистовъ. Хозяйство превращалось изъ естественнаго въ денежное. Вообще подконецъ нельзя было узнать средневѣковой Европы, особенно въ Италіи. Душой жизни

становились реальные интересы. Вмѣсто односторонняго аскета выступилъ «всеобъемлющій человѣкъ», и ему дышалось свободнѣе, жилось просторнѣе. Города и дворы, съ ихъ посольствами, становились средоточіями міровыхъ интересовъ. Мѣстныя лѣтописи замѣнялись всеобщими исторіями. Почты, книгопечатаніе, всемірная латынь гуманистовъ ускоряли біеніе пульса исторической жизни.

Но свѣтскій реализмъ владѣлъ только интеллигенціей: онъ внушалъ даже недовѣріе массамъ крайностями въ развитіи личности и матеріализмомъ. Обновленіе по преимуществу эстетическое, гуманизмъ скользилъ по поверхности жизни, оставляя душевную пустоту въ людяхъ, привыкшихъ къ дисциплинѣ церковнаго идеализма. Оттого по сю сторону Альпъ, особенно въ Германіи, онъ сливался съ религіознымъ интересомъ, а въ Италіи вызвалъ противодѣйствіе со стороны философскаго идеализма. Въ самомъ концѣ, горячій протестъ религіознаго фанатика, хотя и врага папства, предвѣщалъ жестокую церковную реакцію. Онъ оправдывался глубокимъ паденіемъ нравовъ, плохо прикрытымъ новыми формами цивилизаціи: въ разгаръ гуманизма процвѣтали Борджіи и Комины; возникало рабство въ Африкѣ и Америкѣ. Рабство возрождалось въ самой Европѣ въ новомъ видѣ. Обезземеленіе крестьянъ, подрывъ общинной собственности, союзъ абсолютизма съ богатствомъ, смѣнявшій цезаропапизмъ,—все вело къ закрѣпощенію массъ. Въ эпоху утвержденія абсолютизма, римскаго права и принциповъ Комина, капиталъ, эта бездушная, но сокрушительная сила, выступилъ на смертельную борьбу съ живой личностью, съ трудомъ. Обошедши крайній Западъ, новая бѣда сосредоточилась въ центрѣ Европы.

Подконецъ выяснились и этнографическіе дѣятели исторіи, которымъ суждено было начать исполненіе задачъ, завѣщанныхъ новому времени. Въ средніе вѣка хаосъ поддерживался участіемъ множества племенъ и націй. Почти безпрерывно шло «переселеніе народовъ», связанное съ этнографическимъ наплывомъ изъ Азіи и Африки. Въ VI-мъ в. появились авары, занявшіе мѣсто гунновъ; въ VII-мъ происходило сильное движеніе у славянъ, тѣснимыхъ германцами съ сѣвера и туранцами съ востока, причемъ болгары перешли съ юга Россіи на Дунай, а будущіе русскіе—съ Дуная на сѣверо-востокъ; въ VIII-мъ в. на юго-западѣ Европы появились арабы; въ IX-мъ авары были смѣнены мадьярами (венграми), и устремились на западъ датчане, въ особенности же норманны, образовавшіе потомъ новыя государства; въ XIII-мъ восточною Европой овладѣли татары, а въ XV-мъ турки разрушили Византійскую имперію. Такъ, лишь наканунѣ новой исторіи прекратилось передвиженіе народовъ въ Европѣ, связанное съ наплывомъ новыхъ племенъ въ Азіи. Тогда же оно смѣнилось чертой новаго времени—выселеніемъ съ Запада: таковы изгнаніе мавровъ, эмиграція въ Африку и Америку, «стремленіе къ востоку» нѣмцевъ. Въ наплывѣ изъ Азіи участвовали не только индо-европейцы и семиты, но и туранцы. Но туранцы оказались неспособными къ прогрессу вездѣ, за исключеніемъ Венгріи. Овладѣвши исламомъ, они погубили арабскую культуру, а затѣмъ разрушили византійство. Но они были безсильны передъ Западомъ и представительницей славянства—Россіей, которая рано окрѣпла политически, наряду съ Франціей и Англіей; Византія погибла въ то время, когда пали Гранада и татарское иго на Руси. Такъ изъ четырехъ типовъ культуры въ новую исторію переходятъ два—западный, окрѣпшій на основахъ классицизма, и славянскій, которому еще предстояло доказать, что можетъ выйти изъ смѣшенія вліяній Византіи, Запада и Азіи.

Западная культура шла съ юга на сѣверо-западъ и оттуда на востокъ. Главною, неизмѣнной хранительницей классицизма была «красавица Италія» (bella Italia), которая не даромъ всегда привлекала сѣверныхъ варваровъ; задача образованной среды—очаровывать грубую душу, чтобы дѣлиться съ нею своимъ развитіемъ. Италія раздѣляла эту роль съ рано романизованными стра-

чами—Испаніей, Франціей, Фландріей, отчасти Англіей. Одно время на первомъ планѣ стояли даже мавры и испанскіе евреи, вліяніе которыхъ въ Провансѣ, гдѣ оно сталкивалось съ античными преданіями, привело къ первому Возрожденію. Отсюда великое значеніе французовъ уже въ средніе вѣка. Какъ въ самой Франціи, такъ и во Фландріи, они выказали необыкновенное оживленіе въ XIV в. Въ этихъ странахъ, среди ужасовъ мѣщанскихъ революцій, было столько движеній даже въ просвѣщеніи, литературѣ и искусствѣ, что, казалось, Возрожденію суждено было начаться здѣсь раньше, чѣмъ въ Италіи. Если затѣмъ насталъ застой, то виной тому были войны, неизбѣжныя, но такія губительныя, какъ Столѣтняя и итальянскія. Но зато эти же войны способствовали подготовкѣ дальнѣйшаго развитія. Столѣтняя война Франціи съ Англіей, или материка Европы съ ея обособившимся островомъ, имѣетъ болѣе правъ на міровое значеніе, чѣмъ соперничество между папствомъ и императорствомъ. То была цѣлая эпоха въ развитіи двухъ передовыхъ странъ, а слѣдовательно и всего человѣчества. Франція терпѣла неудачи на поляхъ битвъ, какъ представительница пережитковъ военнаго быта; но она выросла среди бѣдствій. Она стала цѣльнымъ государствомъ, съ національнымъ сознаніемъ, которое проявилось въ близкомъ къ чуду явленіи Дѣвы, служившей поэтическимъ совмѣщеніемъ всѣхъ горестей, нуждъ и надеждъ великаго народа, доведеннаго до отчаянія, но дрожавшаго отъ избытка жизненныхъ силъ. А итальянскія войны связаны съ страстнымъ стремленіемъ французовъ къ расцвѣтшей за Альпами новой цивилизаціи: онѣ содѣйствовали ихъ увлеченію гуманизмомъ до дѣтскаго подражанія—и этотъ романскій народъ надолго сохранилъ свою передовую роль въ новое время. За французами шла, подъ вліяніемъ ихъ же, фламандцевъ и отчасти итальянцевъ, самая передовая изъ германскихъ націй—англичане, съ ихъ своеобразной конституціей, съ ихъ міровой торговлей, съ ихъ упорнымъ нравомъ и глубокимъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Нѣмцы же долго предпочитали родную грубость заальпійской культурѣ, не замѣчая, въ патріотическомъ ослѣпленіи, что итальянцы задолго до нихъ разсчитались съ католичествомъ; самъ Эразмъ называлъ своихъ соплеменниковъ «варварами». Лишь подконецъ они, съ пыломъ даровитой націи, бросились наверстывать упущенное, сосредоточивая удары новой жизни на такомъ коренномъ пережиткѣ средневѣковья, какъ римскій папа: имъ принадлежатъ первыя страницы новой исторіи, именуемыя «реформаціей».

Такъ росла этнографическая рознь между германизмомъ и романизмомъ; замѣтная уже въ эпоху борьбы императорства съ папствомъ, она обнаружилась подконецъ и въ соперничествѣ Германіи съ Франціей. Но нѣмцы все-таки люди западной культуры—и ея торжествомъ было усиленіе Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ насчетъ западныхъ славянъ и венгерцевъ. Гораздо болѣе непримирима рознь между Западомъ и Востокомъ Европы. Проходя по всѣмъ вѣкамъ, начиная съ распаденія Римской имперіи, даже съ эллинизаціи Востока и романизаціи Запада, она была закрѣплена раздѣленіемъ церквей и усиленіемъ Россіи. Если, въ лицѣ Византіи, велико было вліяніе восточной Европы на гуманизмъ, то не должно забывать, что здѣсь сказывалось могущество древняго эллинизма. Само же византійство никогда не мирилось съ западной цивилизаціей: попытки сближенія (крестовые походы, унія) приводили къ пущей враждѣ. Съ паденіемъ Византіи ясно было, какому типу культуры принадлежало ближайшее будущее. Въ дали предстоявшихъ вѣковъ, конечно, имѣла свой интересъ и восточная Европа, разумѣя подъ нею непохожія на Западъ народности славянъ и туранцевъ. Для разнообразія и свободы, этихъ основъ жизни, а также для будущей науки обществовѣдѣнія, были крайне любопытны такія явленія, какъ западные славяне и мадьяры съ ихъ западной культурой, восточные и южные славяне—съ культурой византійской, румыны—съ культу-

рой смѣшанной. Съ этой точки зрѣнія важенъ и азіатскій Востокъ. Тамъ персы, турки, индусы, отчасти, даже монголы представляютъ замѣчательные примѣры разнообразія въ развитіи арабской культуры. Но эта послѣдняя сама была отпрыскомъ эллинизма. Такъ, все сводится къ античности. Средніе вѣка естественно закончились возвратомъ къ этому общему роднику цивилизаціи или къ Возрожденію наукъ и искусствъ древности, какъ высшему развитію свѣтскаго реализма или раціонализма, который подвергался многовѣковымъ гоненіямъ со стороны церковнаго идеализма. Но не Возрожденіе вызвало раціонализмъ, а онъ привелъ къ нему. Свѣжее направленіе умовъ, которое легло въ основу новой исторіи, эта жгучая потребность дѣйствительной жизни, развилось постепенно съ крестовыхъ походовъ. Она только искала себѣ полнаго исхода—и нашла его въ небываломъ, по полнотѣ и глубинѣ, возрожденіи цивилизаціи античнаго міра.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

НОВАЯ ИСТОРІЯ.

I. Реформація и возрожденіе католичества. Около 1500—1600.

Лютеръ.

Потомокъ «мужиковъ», по его собственному сознанію, Мартинъ *Лютеръ* прошелъ всѣ ужасы средневѣковой педагогіи (онъ род. въ 1483 г.), въ соединеніи съ нищетой. Даже Эрфуртскій университетъ не могъ оживить надломленнаго юноши; Лютеръ не почиталъ его гуманизма и поступилъ въ августинцы. Въ монастырѣ онъ все каялся въ грѣхахъ да читалъ Библію, ап. Павла, Августина и мистиковъ. Наконецъ, Лютеръ отправился въ Римъ на богомолье; но тутъ-то ему «открылось самое небо». Онъ просвѣтлѣлъ и выступилъ живымъ символомъ переходной эпохи и нѣмецкой народности. Съ одной стороны, это былъ революціонеръ, врагъ средневѣковщины, грубый и веселый крестьянинъ, съ другой другъ порядка и фюрстовъ, молчаливый самолюбецъ, сумасбродный мистикъ, буквоѣдъ-богословъ, который всю жизнь боролся съ «чортомъ». Оттого его жизнь полна противорѣчій: въ одномъ онъ былъ неизмѣненъ—въ ненависти къ папству да въ сохраненіи народнаго характера. Сначала въ Лютерѣ преобладали черты новаго человѣка. Онъ вступался за Рейхлина и привлекалъ молодежь, какъ профессоръ въ Виттенбергѣ, критикой Рима и схоластики; Фридрихъ Мудрый сталъ его другомъ. Подобно соборянамъ, Лютеръ думалъ только о реформаціи церкви; но само папство довело его до разрыва. Левъ X довелъ продажу индульгенцій нѣмцамъ до невозможнаго. Лютеръ, по обычаю схоластиковъ, выступилъ съ *тезисами противъ индульгенцій* (1517), которые считаются началомъ реформаціи, хотя они были слабѣе даже тезисовъ Везеля. Дѣло въ томъ, что «обскуранты», только что оскорбленные «Письмами Невѣждъ», забили тревогу: и папа велѣлъ монаху отречься отъ своихъ тезисовъ. Лютеръ воскликнулъ: «Я не владѣю собой; я хотѣлъ жить въ мирѣ, а меня уносятъ въ водоворотъ революціи». Онъ объявилъ, что «папство—человѣческое учрежденіе» и что непогрѣшимо одно Св. Писаніе». Римъ отвѣчалъ буллой, отлучавшей его отъ церкви. Но Лютеръ уже сталъ вождемъ народа больше, чѣмъ Рейхлинъ и Эразмъ; онъ выступилъ съ новымъ міровоззрѣніемъ, которое было революціей, хотя и названо старымъ именемъ *реформаціи*.

Основы реформаціи.

Лютеръ зачитывался тогда Виклифомъ, Гусомъ и Везелемъ—и появились его самыя радикальныя сочиненія, гдѣ положены основы реформаціи, въ ея первоначальномъ видѣ. Вотъ эти основы. Природа—Божественное установленіе.

Отсюда устраненіе аскетизма и безбрачія: бракъ—гражданское дѣло; онъ можетъ совершаться даже между христіанами, турками и евреями; разводъ—естественный вопросъ необходимости; даже многоженство не противно св. Писанію. Разумъ—также Божественное установленіе. Отсюда свобода мысли или критика; «всякій вправѣ толковать св. Писаніе по своему разумѣнію». Изъ Евангелія, а еще больше изъ ап. Павла и Августина, Лютеръ вывелъ свой основной догматъ о первородномъ грѣхѣ и *благодати*, получаемой черезъ *вѣру*. Вѣрѣ, внутреннему убѣжденію противно все внѣшнее: отсюда отмѣна «добрыхъ дѣлъ», т.-е. всѣхъ обрядовъ, таинствъ и праздниковъ, кромѣ проповѣди, при томъ предоставляемой каждому, крещенія съ причащеніемъ, какъ символовъ, и воскресенія, какъ дня отдыха. Священство излишне; лишь для порядка община можетъ содержать на жалованьи проповѣдниковъ, ничѣмъ не отличныхъ отъ мірянъ, свободно избирая и оставляя ихъ. Монашество отмѣняется, а церковныя имущества становятся достояніемъ общества. Все сводилось къ общинѣ: самая церковь стала «собраніемъ вѣрующихъ», съ Христомъ во главѣ вмѣсто папы, который превратился въ «Антихриста», въ «язву міра», гнѣздившуюся въ «пасти геены», въ «Новомъ Вавилонѣ» (Римѣ). Оттого вовсе не еретики тѣ, которые не принадлежатъ къ римской церкви—греки, русскіе» и др.

Лютеръ сознавалъ, что вступалъ на опасный путь. Въ ту минуту по всей Германіи раздавался кликъ Гуттена: «Жребій—брошенъ! Да здравствуетъ свобода». И виттенбергскій монахъ сказалъ: «Слово Божіе—мечъ. Безъ волненія, озлобленія, мятежа не провести было Евангеліе». Онъ призывалъ народъ къ возстанію. Въ пылкомъ воззваніи къ «нѣмецкому дворянству» онъ требовалъ, во имя «свободы», подняться «противъ римской алчности» и публично сжегъ буллу, вмѣстѣ съ католическимъ правомъ. А «еретику и отступнику» Льву X, онъ написалъ: «Тебѣ не остановить грядущаго. Прощай, милый Римъ: Смерди себѣ во вѣки вѣковъ»!

Смута въ Германіи. Нѣмцы откликнулись на сильный призывъ своего монаха. Сочиненія Лютера и новыхъ людей раскупали нарасхватъ. Въ страстныхъ, грубыхъ листкахъ прославлялся монахъ, какъ «любимецъ бѣдноты»; на лубочныхъ картинкахъ онъ изображался съ сіяніемъ или голубемъ надъ головой. Лучшіе профессора и гуманисты склонились къ Лютеру, который самъ объявилъ свое дѣло продолженіемъ процесса Рейхлина. Его первымъ страстнымъ помощникомъ сталъ свѣдущій богословъ Карлштадтъ. Его правой рукой сдѣлался извѣстный гуманистъ, Филиппъ *Меланхтонъ*—кроткая безвинная натура, но драгоцѣнный труженикъ, который отдалъ всего себя наукѣ и педагогіи и сталъ другомъ и отцомъ молодежи. Родители прозвали его «учителемъ Германіи» за его реформу школы; Европа прославляла его, какъ красу новаго богословія и тонкаго классика-стилиста. Онъ придалъ реформаціи лоскъ гуманизма и все старался примирять всѣхъ. Самъ осторожный Эразмъ высказался въ пользу Лютера. Снова выступила дружина рейхлинистовъ, которые уже стали *лютеранами*, называли Лютера «евангельской трубой» и выпускали много памфлетовъ въ духѣ «Писемъ Невѣждъ». Съ особымъ жаромъ ринулся въ бой Гуттенъ, который пріютился въ замкѣ рыцаря *Франца Сиккингена*, гдѣ завелъ свою типографію. Великодушная, доступная идеямъ натура, Сиккингенъ сталъ вождемъ рыцарства, которое становилось популярно въ массахъ, благодаря своимъ нападеніямъ на фюрстовъ да на горожанъ-капиталистовъ. Теперь, когда онъ сталъ соратникомъ Гуттена, народъ назвалъ его замокъ «убѣжищемъ справедливости». Легатъ доносилъ уже папѣ, что $^9/_{10}$ Германіи кричатъ «Лютеръ!» а остальная $^1/_{10}$ вопитъ «Да сгинетъ римскій дворъ»! Папству оставалось обратиться за помощью къ своей вѣчной соперницѣ—къ свѣтской власти.

Карлъ V. Смута въ Испаніи. Тогда Императора Максимиліана I не стало (1519). Выборъ курфюрстовъ палъ на его внука, *Карла V*, главнымъ образомъ потому, что нѣмцы видѣли

въ немъ естественнаго вождя національнаго движенія противъ папства. Но они ошиблись. Карлъ V—представитель новаго типа на тронѣ, именно испанскаго Габсбурга. Воспитавшись въ Брюсселѣ, живя оффиціально въ Испаніи, но вѣчно разъѣзжая по своимъ разноплеменнымъ владѣніямъ, онъ не былъ привязанъ ни къ какой странѣ, ни къ какому народу. Рожденный вмѣстѣ съ великимъ вѣкомъ, обладатель сокровищъ Америки и пространства болѣе Запада и Россіи; взятыхъ вмѣстѣ (Нидерланды, Бургундія, Германія, Испанія, Неаполь съ Сициліей, Сардинія, Вестъ-Индія, Мексика съ Калифорніей, Перу, Чили, Парагвай), 20-лѣтній монархъ, говорившій почти на всѣхъ языкахъ своихъ подданныхъ, возмечталъ о возобновленіи «монаркіи», какъ называли испанцы міродержавіе Карла Великаго. Но его натура была другихъ размѣровъ. Скрытный, молчаливый подагрикъ, Карлъ представлялъ развитіе мрачныхъ чертъ своего дѣда, Фердинанда арагонскаго. Онъ былъ нелюдимъ, все сидѣлъ въ кабинетѣ, среди вороха бумагъ. Скупецъ и сластолюбецъ, онъ высоко цѣнилъ Макіавеля и говорилъ, что ради выгодъ должно «жертвовать своею совѣстью». Онъ не довѣрялъ даже своимъ орудіямъ и доходилъ до мелочной осторожности. Но онъ былъ мужественъ, вездѣсущъ, предпріимчивъ: его девизомъ было—«дальше»! Карлу были противны силы новой исторіи—гуманизмъ, реформація. «Мы желаемъ прежде всего посвятить наше могущество распространенію нашей св. католической вѣры и истребленію враговъ», писалъ Карлъ своимъ дипломатамъ. А про Франциска онъ сказалъ: «Вскорѣ или я стану жалкимъ императоромъ, или онъ—жалкимъ королемъ». Такъ мировую бурю предвѣщало выступленіе Карла V на историческое поприще. Ей предшествовала смута въ самой Испаніи, какъ только появился тамъ мрачный Габсбургъ. Испанцамъ суждено было первымъ разочароваться. Чуждый имъ по всему. Карлъ окружилъ себя наглыми фламандцами, которые начали грабить страну. Народъ возсталъ, радуясь случаю кстати свести старые счеты съ угнетавшими его грандами: движеніе названо «бунтомъ коммунеровъ». Но мятежъ былъ легко усмиренъ. Карлъ воспользовался имъ для утвержденія абсолютизма. Съ тѣхъ поръ Испанія затихла, хотя она стала лишь орудіемъ короля въ его міровыхъ замыслахъ; Карлъ даже проживалъ въ ней лишь наѣздомъ: онъ взялся за свою «монаркію». Вспыхнула непримиримая борьба Габсбурга съ лютеранами и съ самой сильной и властолюбивой державой—Франціей. Превратности почти 25-лѣтней войны Карла съ Францискомъ I отражались на судьбѣ реформаціи.

Успѣхи реформаціи.

Карлъ созвалъ *сеймъ въ Вормсѣ* (1521) для дѣла Лютера. Онъ высказался сразу; усилилъ власть фюрстовъ насчетъ городовъ и рыцарей и, съ ихъ помощью, изрекъ опалу Лютеру, велѣлъ сжечь его сочиненія и ввелъ строгую цензуру. Друзья такъ испугались за реформатора, что спрятали его въ Вартбургъ, гдѣ онъ жилъ въ довольствѣ и переводилъ Библію на нѣмецкій языкъ. А народъ думалъ, что его любимца сгубили, и забушевалъ пуще прежняго. Города вводили у себя «чистое Евангеліе» и составляли союзъ для его защиты. Монастыри пустѣли. Монахи и низшее духовенство образовали самый полезный для реформаціи классъ *предикантовъ* или странствующихъ проповѣдниковъ. Рыцарство открыто поднялось за Лютера, именно на юго-западѣ, вокругъ Сиккингена. Толпа уже разносила дома папистовъ; мужики и рабочіе собирались читать Лютерову Библію; выступали даже женщины, владѣвшія даромъ слова или перомъ, для новой проповѣди. Памфлеты и каррикатуры становились все сильнѣе и изобильнѣе. Первый поэтъ, Гансъ Саксъ, воспѣвалъ «виттенбергскаго соловья», возвѣщающаго утреннюю зарю человѣчеству.

Нововѣріе разошлось далеко, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ оно проповѣдывалось до Лютера. Конечно его питомникомъ было курфюршество

Саксонія (Тюрингія) Фридриха Мудраго; но оно проникло даже во владѣнія враждебнаго ему герцогства Саксоніи (нынѣшняя Саксонія), принадлежавшаго Морицу. Но особенно развилось лютеранство на юго-западѣ, благодаря центрамъ гуманизма, городамъ, и во главѣ ихъ—*Нюрнбергу*, гдѣ жилъ Гансъ Саксъ и Пиркгеймеръ. Въ Баваріи проповѣдывала ученая баронесса Аргула Грумбахъ. Въ Австріи склонялись къ нововѣрію чехи и мораване, хранившіе преданія Гуса и вальденсовъ. Въ Швейцаріи и по Рейну дѣйствовалъ самый крупный проповѣдникъ, Цвингли. Евангелизмъ захватилъ даже сѣверъ Германіи, гдѣ его главнымъ оплотомъ сталъ Бранденбургъ, а гросмейстеръ тевтонскаго ордена превратилъ свои земли въ свѣтское и лютеранское *герцогство Пруссію* (1525). Но самымъ боевымъ пунктомъ нововѣрія, наряду съ саксонскимъ курфюршествомъ, сталъ *Гессенъ*, благодаря своему ученому ландграфу Филиппу Великодушному, который до смерти былъ душой реформаціи. Быстрому успѣху нововѣрія способствовало то, что оно еще не приняло строго опредѣленной формы; многіе влеклись къ нему, не считая его ересью. Оттого позже, при возрожденіи католичества, многіе столь же быстро возвратились въ его лоно. Оттого же тотчасъ зародился расколъ въ самомъ лютеранствѣ и вспыхнула революція, которою воспользовалась реакція.

Расколъ въ реформаціи. Кончина гуманизма.

Сила реформаціи заключалась въ сліяніи трехъ основъ: народа, гуманизма и новаго богословія. Теперь же онѣ начали расходиться между собой. Чуждая тонкостямъ соображенія, масса прилагала новое міровоззрѣніе ко всѣмъ сторонамъ жизни и не терпѣла сдѣлокъ. Опираясь на «разумъ» и «естественное право», на основаніи Библіи и словъ самого Лютера, она жаждала немедленнаго водворенія правды не только въ религіи, но и въ строѣ политическомъ и общественномъ. Въ то же время она стала глумиться надъ наукой, по праву самодовольнаго невѣжества: она считала гуманистовъ барами, не понимая, что это—отцы новаго направленія. Новые же богословы, въ особенности Лютеръ, мечтали о мирной реформѣ одной религіи; но переставали скрывать, что, подобно Ѳомѣ Аквинскому, терпѣли науку лишь въ качествѣ «служанки богословія». Они уже называли гуманистовъ «эпикурейцами», а классицизмъ—«безбожіемъ, безстыдствомъ и ложью». Гуманисты, съ своей стороны, склонялись къ мнѣнію, что лютеранство—грызня монаховъ между собой. Да и они были уже не прежніе. Рейхлинъ осуждалъ бурную молодежь и ея соблазнителя, Лютера: и смерть его (1522) осталась незамѣченной. Эразмъ сталъ предателемъ. Тогда Гуттенъ устроилъ «братскій союзъ» рыцарства, который долженъ былъ, съ помощью бюргеровъ и крестьянъ, уничтожить фюрстовъ и папство и воспользоваться церковными имуществами. Онъ побудилъ Сиккингена выступить во главѣ большого отряда. Но фюрсты уничтожили эту послѣднюю попытку издыхающаго рыцарства. Гуттенъ искалъ убѣжища въ Базелѣ, у Эразма. Но Эразмъ уже негодовалъ на новую «трагедію»: онъ мечталъ, какъ соборяне, реформировать церковь съ согласія самихъ папъ и властей. Онъ открещивался отъ Лютера: «я, ворчалъ нѣженка, снесъ куриныя яйца, а онъ высидѣлъ совсѣмъ другихъ птицъ». Эразмъ прогналъ Гуттена; и рыцарь реформаціи умеръ отъ голода, холода и болѣзней на рукахъ Цвингли (1523). Эразмъ бранилъ Гуттена и по его смерти и объявилъ себя папистомъ. А Лютеръ воскликнулъ въ проповѣди: «слѣдуетъ взорвать порохомъ всѣ университеты!» Смертью Гуттена кончается исторія нѣмецкаго гуманизма. Общество, увлеченное реформаціей, стало равнодушно къ гуманистамъ; а они косо посматривали на людей новыхъ задачъ: по большей части они превратились въ папистовъ и замолкли навѣки.

Библейцы и мистики. Анабаптисты.

Вскорѣ въ новомъ богословіи зародился расколъ. Строгіе *библейцы* стали за букву св. Писанія, отвергая свободу толкованія. Ихъ противники выдвигали разумъ, но выводили его изъ *мистики*, называя Библію «внѣш-

нимъ», а разумъ—«внутреннимъ» Откровеніемъ. Они отвергали всякую догму и обрядность; протестуя противъ односторонняго увлеченія вѣрой, впадали въ крайность добрыхъ дѣлъ, въ аскетизмъ. А покуда Лютеръ скрывался въ Вартбургѣ, кипучая жизнь выдвинула въ Виттенбергѣ же, народныхъ мистиковъ, прозванныхъ *пророками*. Во главѣ ихъ сталъ ученый ораторъ Мюнцеръ, къ которому примкнулъ Карлштадтъ: обѣдня была уничтожена, «масляные идолы» (иконы) расколоты, школы закрыты, латынь замѣнена народнымъ языкомъ, а науки «аристократовъ»—ремесломъ. Затѣмъ было введено причащеніе подъ двумя видами и крещеніе взрослыхъ, ради сознательности въ выборѣ вѣры; педантично схватившись за послѣднее, какъ за свое внѣшнее отличіе отъ лютеранства, пророки назвались *анабаптистами* (перекрещенцами). Наконецъ, Карлштадтъ первый женился; и его примѣру послѣдовали многіе монахи и монахини. На развалинахъ прошлаго анабаптисты стали строить новое «царствіе Божіе» на основахъ коммунизма, напоминая отчасти вальденсовъ, а больше—таборитовъ, слѣды которыхъ не исчезали въ Саксоніи. Отвергнувъ все внѣшнее—Библію и обряды, власти и законы, они выбрали только, для руководства общиной, 12 апостоловъ, подчиненныхъ «Господу» Мюнцеру.

Лютеръ бросился въ Виттенбергъ, объявилъ предпріятія Гуттена, Сикингена и анабаптистовъ «сумасбродствомъ, плодомъ мятежнаго духа, превратнаго пониманія христіанской свободы». Съ помощью властей онъ разогналъ пророковъ и принялъ чашу въ причащеніи и отмѣну монашества. Расколъ между библейцами и мистиками сталъ непримиримымъ; и обѣ стороны ударились въ крайности, расчищая путь реакціи. У Лютера разумъ сталъ «дьявольскою распутицей», а причащеніе въ строгомъ смыслѣ пресуществленія—основой богословія. Онъ открыто перешелъ на сторону фюрстовъ, воскрешая идею вмѣшательства правительства въ дѣла совѣсти; главною темой его назиданій стали слова ап. Павла о предержащихъ властяхъ. А мистики дошли до коммунизма или полной общности имуществъ и до многоженства. Мюнцеръ устроилъ общество друзей «свободы, равенства и искренности». Мюнцеръ и Карлштадтъ пріютились у Цвингли, въ Базелѣ—и анабаптизмъ быстро распространился по Швейцаріи и юго-западной Германіи. Тамъ всюду бродили пророки, къ которымъ присоединялись побитые рыцари, чтобы «привести къ взрыву». И вспыхнула соціально-политическая революція, которую назвали *крестьянской войной*.

Крестьянская война. Тогда развились причины обѣдненія массъ — капитализмъ, паденіе общины, крѣпостничество; прибавилась дороговизна жизни отъ удешевленія денегъ, вслѣдствіе прилива золота и серебра изъ Америки. Чѣмъ сильнѣе становились фюрсты, тѣмъ болѣе распространялось крѣпостничество. Мелкіе бунты крестьянъ происходили уже въ XV-мъ вѣкѣ. Тогда же возникли рѣзкіе народные листки, которые усердно читались и при Лютерѣ; здѣсь рисовалась новая жизнь «меньшей братіи» (die Kleinen) на основахъ «братскаго равенства и свободы». Затѣмъ бунты не прерывались въ юго-западной Германіи. Въ началѣ XVI-го вѣка у Шпейера образовался *Союзный Лапоть* (Bundschuh). Подобный же союзъ возникъ въ Вюртенбергѣ, подъ именемъ *Бѣднаго Конрада*. А тутъ раздалась проповѣдь Лютера объ евангельской свободѣ. Астрологи стали предсказывать великій переворотъ, который и настал въ 1524 г. Появились умѣренныя «12 статей» или «Манифестъ Простолюдина», предложенный помѣщикамъ швабскими крестьянами. Мужики заявили, что не думаютъ бунтовать, но желаютъ только быть свободными, ибо «Христосъ всѣхъ искупилъ своей кровью». Они требовали, чтобы опредѣлили барщины, не отнимали наслѣдства у вдовъ и сиротъ, ввели обычное право, взимали одну хлѣбную десятину, употребляя ее на бѣдныхъ, возвратили бы общественныя земли.

Помѣщики дружески обѣщали назначить третейскій судъ; а когда мужики расходились, они хватали коноводовъ. Тогда выступили черты коммунизма, которыми запечатлѣна крестьянская война. Въ новыхъ воззваніяхъ требовалось, на основаніи «божественнаго и естественнаго права», устроить собственное правленіе и ввести «полное равенство»; уничтожаются власти, привиллегіи, города, купцы, проценты; ремесла сосредоточиваются въ одномъ мѣстѣ, подъ надзоромъ выборнаго; общія лавки строятся въ извѣстныхъ мѣстахъ, и въ нихъ выручаютъ лишь издержки производства. Иногда указывалось на примѣръ швейцарцевъ.

Особенно зловѣщи были слова Мюнцера: «Проснулась вся земля нѣмецкая и французская, и итальянская! Не щадите собакъ! Да не охлаждается вашъ кровавый мечъ!»

Въ десять мѣсяцевъ «Манифестъ» (12 статей) прошелъ по всей Германіи и даже Австріи. За него становился и городской пролетаріатъ, даже въ мѣстахъ католическихъ, и остатки полчища Сиккингена. Быстро, восторженно снаряжалась бѣднота повсюду, «какъ пчела роится». Кто не шелъ, тому изрекали «свѣтское отлученіе»: втыкали ему колъ передъ воротами — и всякій могъ грабить его. Лапоть былъ грубъ, грязенъ, хищенъ, но цѣломудренъ и не кровожаденъ. Онъ прежде всего истреблялъ монастыри, обрядовыя принадлежности да библіотеки, въ которыхъ, по его понятіямъ, хранились владѣльческія записи, векселя, росписи барщинъ. Затѣмъ пылали замки помѣщиковъ и богачей; владѣльцевъ заставляли только присягать Лаптю и таскали ихъ съ собой. Имущество раздѣляли поровну или сдавали въ общую кассу. Исправно опустошались погреба; лишь подъ конецъ, когда стали истреблять лапотниковъ, и даже стрѣлять въ ихъ парламентеровъ, они начали расправляться и съ личностями враговъ «по-турецки». Быстрые успѣхи революціи объясняются, кромѣ ея внезапности и слабости имперскаго правительства, недоразумѣніемъ. Такъ какъ движеніе шло во имя Евангелія, и прежде всего противъ церкви, то къ нему приставали даже именитые бюргеры лютеранскихъ городовъ. Фюрсты, надѣявшіеся на обогащеніе церковными имуществами, сначала также радовались ему. Но всѣ очнулись, когда выяснился коммунизмъ Лаптя и появился памфлетъ Лютера «Противъ крестьянъ — разбойниковъ и убійцъ». Поднялись фюрсты. Подъ *Франкенгаузеномъ* (1525) они легко разсѣяли воинство Мюнцера, которое стояло, сложа руки, въ ожиданіи небесныхъ полчищъ на выручку, и пѣло: «пріиди, святый Духъ».

Карлъ V, Францискъ I и папства.

Объ императорѣ не было ни слуху, ни духу: онъ былъ занятъ планомъ своей «монаркіи». Могущество Карла V осѣнило Францію со всѣхъ сторонъ — и Францискъ I выступилъ съ оружіемъ въ рукахъ уже не изъ-за Италіи, а для спасенія чести и интересовъ своей страны. Въ новой, 23-лѣтней, борьбѣ у націй-соперницъ роли были прежнія: французы отличались рыцарственностью (тогда погибъ ихъ Баярдъ) и безтолковщиной, испанцы — дипломатическимъ коварствомъ и осторожностью. Францискъ опирался на старую силу, на швейцарцевъ, наемническая часть которыхъ уже пострадала при Мариньяно; Карлъ V выдвинулъ «сѣверныхъ медвѣдей», какъ называли нѣмцевъ ландскнехтовъ. Ландскнехты доканали славу «коровниковъ»; они дрались одушевленно за Карла, воображая, что *нѣмецкій* императоръ долженъ быть другомъ Лютера. Францискъ былъ разбитъ подъ Павіей (1525) и взятъ въ плѣнъ. Былъ оконченъ великій международный вопросъ, волновавшій Европу, въ исходѣ среднихъ вѣковъ; съ тѣхъ поръ Италія болѣе 300 л. находилась частью во владѣніи Габсбурговъ, частью подъ ихъ вліяніемъ. Карлъ V тогда же поработилъ папство. Испугавшись его засилія, Климентъ VII Медичи, подобно Юлію II, устроилъ священную лигу; но Карлъ и здѣсь двинулъ своихъ ландскнехтовъ, жаждавшихъ «задушить Антихриста». Произошелъ вандальскій «раз-

громъ Рима» (1527), причемъ были грубо осмѣяны церковные обряды, а Лютеръ былъ провозглашенъ папой. Карлъ же заставилъ папу короновать себя, по примѣру Карла великаго, римской и ломбардской коронами. Тогда же чехи и мадьяры выбрали себѣ въ короли его брата Фердинанда. Теперь Карлъ почувствовалъ себя въ силахъ приняться за лютеранство.

Лютеранство. Протестанты. Въ Германіи между тѣмъ царствовала анархія. Имперское правительство дремало, и сѣверные фюрсты съ имперскими городами преслѣдовали католиковъ, а южные — лютеранъ. Начался разладъ въ самомъ нововѣріи: Лютеръ препирался съ Цвингли; анабаптисты презирали того и другого. А рядомъ возникло множество другихъ сектъ: «теперь сколько головъ, столько вѣръ; всякій прыщъ хочетъ быть пророкомъ», ворчалъ Лютеръ. А между тѣмъ, съ паденіемъ старой церкви падали связанные съ нею нравы, цехи, особенно школы и благотворительныя учрежденія. Пора была дать опредѣленное устройство лютеранству — и Меланхтонъ начерталъ основанія евангелической церкви, а Лютеръ прибавилъ свой катехизисъ и требникъ. Здѣсь упрощена католическая обѣдня: все сосредоточено на проповѣди, съ всенароднымъ пѣніемъ и органомъ, да на причащеніи съ чашей и строгой догмой о томъ, что въ хлѣбѣ и винѣ «истинно присутствуютъ» тѣло и кровь Христа. Существеннымъ отличіемъ новой церкви отъ старой было ея отношеніе къ государству, связанное съ отмѣной папства. Лютеръ все сильнѣе выдвигалъ принципъ власти. Лютеръ прямо подчинялъ церковь государству, требуя, чтобы фюрсты и магистраты имперскихъ городовъ объявили его ученіе оффиціальною религіей и произвели секуляризацію, т. е. отобраніе церковныхъ имуществъ въ казну. Съ отмѣной епископовъ ихъ дѣла перешли къ казеннымъ «консисторіямъ», а для надзора за проповѣдниками или «пасторами и кистерами» (пономарями) правительство назначало «интендантовъ и супер-интендантовъ», производившихъ «визитаціи» (ревизіи) церквей. Послѣднимъ шагомъ Лютера въ новомъ направленіи была перемѣна рясы на черный сюртукъ да женитьба на монахинѣ. Онъ началъ дорожить спокойствіемъ и сдерживалъ князей даже въ то время, когда подстроенный Карломъ сеймъ рѣшилъ остановить реформацію.

Но лютеранское меньшенство сейма подало императору «протестацію» съ требованіемъ собора; съ тѣхъ поръ лютеранская, а затѣмъ и всѣ другія реформаціонныя церкви стали называться *протестантизмомъ*. Карлъ оскорбительно отвергъ протестацію и поспѣшилъ въ Германію, чтобы уничтожить послѣднихъ своихъ христіанскихъ враговъ и двинуться противъ турокъ, уже осаждавшихъ Вѣну. Никогда еще могущество Габсбурговъ не было такъ рѣшительно. Зоркій Филиппъ гессенскій понялъ это; онъ схватился за протестантскій союзъ; но ему мѣшалъ отецъ реформаціи; Лютера смущала мысль о сопротивленіи императору, а главное, его одолѣвала страсть побороть самаго сильнаго соперника — Цвингли, на сторону котораго уже склонилась даже Германія.

Цвингли. Положеніе Швейцаріи было незавидно. Въ главныхъ городахъ утвердились своекорыстныя олигархіи, которыя проливали кровь молодежи и тѣмъ губили земледѣліе. Здѣсь реформація нашла прирожденнаго вождя въ лицѣ *Ульриха Цвингли*, изъ крестьянъ. Хорошій классикъ, богословъ, проповѣдникъ, Цвингли уже въ 1506 г, началъ очищать св. Писаніе отъ папскихъ наростовъ. Ставши священникомъ въ *Цюрихѣ*, онъ вскорѣ овладѣлъ умами. Добрый, скромный, веселый сынъ горъ, врагъ педантизма и лжи, онъ «никогда не вилялъ, не пробирался, какъ «тать», участвовалъ и въ управленіи, и въ битвахъ, дорожилъ не догмой, а нравственнымъ ученіемъ. У него церковь—«община благочестивыхъ», съ выборными свѣтскими «представителями» и съ «епископами», которые могутъ быть низлагаемы. Крещеніе и причащеніе у этого раціоналиста были лишь символами, причемъ «сіе есть тѣло Мое»

значило «сіе означаетъ тѣло Мое». Богослуженіе было ограничено проповѣдью да причащеніемъ по-библейски; въ большіе праздники каждый самъ бралъ кусокъ хлѣба и запивалъ виномъ; то и другое разносилось на деревянныхъ блюдахъ и въ кружкахъ. Эти основы новой церкви, названной *реформатской*, были изложены Цвингли въ «Статьяхъ» (1523) или тезисахъ, которые онъ выставилъ противъ католиковъ. За исключеніемъ «первобытныхъ» лѣсныхъ кантоновъ, вся Швейцарія вскорѣ приняла реформатство.

Реформатство пошло уже и по городамъ юго-западной Германіи. Тутъ-то лютеранство стало его главнымъ врагомъ. Лютеръ досадовалъ, что Цвингли не называетъ себя лютераниномъ; а Цвингли съ безпощадной логикой и твердостью проводилъ начальныя основы реформаціи и блистательно доказывалъ ученіе Карлштадта о пресуществленіи. Но требовалось примиреніе, въ виду вооруженій Карла V, тѣмъ болѣе, что цвингліане подписали протестацію наравнѣ съ лютеранами. Филиппъ Гессенскій устроилъ диспутъ между соперниками. Цвингли шелъ на многія уступки; но Лютеръ, желавшій даже «подчиниться императору для подавленія цвингліанства», отвергъ протянутую ему руку примиренія. Съ тѣхъ поръ Лютеръ совсѣмъ сходилъ съ исторической сцены. А Цвингли становился душой реформаціи, задумавъ сдѣлать Филиппа «евангелическимъ» императоромъ. Патріотъ превосходно подготовлялъ всѣхъ протестантовъ къ неизбѣжной войнѣ съ «фараономъ» (Карломъ V). А въ своей Швейцаріи «реформаторъ» по преимуществу развернулъ планъ обновленія жизни во всю его ширину. Онъ утверждалъ основы идеальной республики—равенство, братство, гуманизмъ, которому онъ воздвигъ храмъ во видѣ цюрихскаго университета. Онъ хотѣлъ также создать изъ Швейцаріи непобѣдимый нравственный союзъ, съ такими просвѣщенными городами во главѣ, какъ Цюрихъ и Бернъ. Но это обижало пастуховъ лѣсныхъ кантоновъ. Они погубили Цвингли въ битвѣ у *Каппеля* (1531); Лютеръ обрадовался смерти «великаго грѣшника, богохульника и язычника».

Аугсбургское исповѣданіе и мюнстерская коммуна.

Отецъ реформаціи словно не видѣлъ, что въ самой Германіи подписывался приговоръ всей реформаціи. Карлъ V самолично явился на сеймъ въ Аугсбургѣ (1530) во всемъ блескѣ своего величія. Устрашенный Меланхтонъ со слезами представилъ *Аугсбургское исповѣданіе* (Confession), близкое къ католичеству по догмѣ; но католики ничего не уступали даже въ обрядности. Тогда Филиппъ гессенскій бѣжалъ съ сейма, переодѣтый; а за нимъ разъѣхались остальные протестанты. «Тутъ дѣло въ кулакѣ: такъ увидятъ кто сильнѣй!» воскликнулъ Карлъ и отъ имени сейма велѣлъ всѣмъ возвратиться въ католичество. Отвѣтомъ былъ *шмалькальденскій союзъ* (8 фюрстовъ и 11 городовъ), устроенный Филиппомъ противъ императора. Онъ былъ тѣмъ страшнѣе, что тогда же палъ внутренній врагъ лютеранства, анабаптизмъ.

Анабаптисты ревностно поддерживали волненіе, начатое Союзнымъ Лаптемъ и Мюнцеромъ. Центромъ ихъ сталъ *Мюнстеръ*, когда его епископъ былъ изгнанъ протестантами. Сюда прибыли еще изъ Голландіи «святые» самые упорные изъ «пророковъ», руководимые отчаяннымъ портнымъ *Іоанномъ Лейденскимъ*. Они безжалостно выгнали протестантовъ, разгромивъ церкви и уничтоживъ «все, что служитъ себялюбію и собственности»; они даже обѣдали за общимъ столомъ, на площади, подъ чтеніе Библіи. Іоаннъ объявилъ *коммуну*, подъ именемъ «Сіона», а самъ назвался «Царемъ Новаго Израиля», завелъ 16 женъ и рѣзалъ головы «святымъ» при малѣйшемъ противорѣчіи. Изъ Мюнстера выходили апостолы съ грамотками въ духѣ Апокалипсиса, призывавшіе всѣхъ обездоленныхъ въ Сіонъ для перекрещенія. Но года черезъ полтора мюнстерская коммуна погибла (1535); ее истребили епископъ съ феодалами, которымъ помогъ даже Филиппъ Гессенскій. Историческая роль анабаптистовъ кончилась; какъ крестьянская война на югѣ, такъ они на сѣверѣ

помогли погибавшему католичеству. Фрисландскій проповѣдникъ Менно устроилъ изъ остатковъ анабаптизма маленькія общины на новыхъ началахъ. Онъ обратилъ ихъ въ землепашцевъ, которые не признаютъ обрядовъ (кромѣ крещенія), священства, присяги и военной службы. Одѣваясь просто, избѣгая судьбищъ, живутъ они доселѣ нравственно, трудолюбиво и безоружно; въ Голландіи, Германіи и Россіи ихъ называютъ меннонитами, въ Англіи и Америкѣ—баптистами. Но родство съ перекрещенцами было для нихъ проклятіемъ; долго удѣломъ этихъ безвредныхъ людей были всеобщая ненависть и презрѣніе.

Шмалькальденская война. Настало выгодное для лютеранства десятилѣтіе (1535—1545). Событія въ Швейцаріи и Мюнстерѣ подавляли его враговъ, а Карлъ V былъ отвлеченъ борьбой съ турками и французами, которые уже находились въ открытомъ союзѣ. Онъ старался пока усыплять протестантовъ, съ помощью своего хитраго дипломата, канцлера Гранвеллы. Лютеръ уже похваливалъ императора. Но Филиппъ Гессенскій не дремалъ. Онъ заключилъ союзъ съ Даніей и добился обѣщаній отъ Франціи, Англіи, даже Турціи. Къ шмалькальденскому союзу присталъ уже весь сѣверъ Германіи. За него горячо сталъ новый курфюрстъ саксонскій, Іоаннъ Фридрихъ. Стало протестантскимъ и герцогство Саксонія, благодаря талантливому, но корыстному честолюбцу, Морицу, который научился коварству у Карла V. Морицъ женился тогда на дочери Филиппа; его терзала только мысль, что курфюртское достоинство принадлежитъ не ему.

При такихъ силахъ, протестанты рвались въ бой. Къ тому же тогда умеръ Лютеръ (1546), а въ Тріентѣ открылся соборъ для «искорененія лютеранской ереси». Но нововѣріе было сражено измѣной Морица, котораго Карлъ увлекъ почестями, землями, обѣщаніемъ курфюршества. У *Мильберга* (1547) протестанты были легко разбиты. Іоаннъ-Фридрихъ и Филиппъ попали въ плѣнъ. Но это вызвало взрывъ негодованія среди нѣмцевъ всѣхъ партій. Магдебургъ, осажденный Морицомъ, сталъ «канцеляріей Бога»: оттуда лились пѣсни, листки, каррикатуры противъ «испанцевъ и поповъ», въ пользу «мучениковъ», князей-плѣнниковъ. И все покрывалось проклятіями «Іудѣ Искаріоту». Смущенный Іуда рѣшился поразить міръ новой измѣной и провелъ своего учителя. Вдругъ французы захватили Лотарингію, турки показались въ Австріи, а африканскіе пираты въ Италіи. Самъ Морицъ налетѣлъ на Инспрукъ, чтобы «поймать старую лису въ ея норѣ». Карлъ едва успѣлъ спастись, выпустивъ князей-плѣнниковъ.

Аугсбургскій миръ. Кончина Карла V. Могучему императору пришлось смириться. Онъ согласился на религіозный миръ, выработанный сеймомъ въ Аугсбургѣ (1555). Протестанты аугсбургскаго исповѣданія были вполнѣ уравнены въ правахъ съ католиками; «секуляризація» была признана въ предѣлахъ, въ которыхъ она находилась тогда. Такъ вѣротерпимость была узаконена въ принципѣ; на имперскомъ сеймѣ возникло два равноправныхъ отдѣла—«корпусъ католиковъ» и «корпусъ евангеликовъ». На дѣлѣ же аугсбургскій миръ былъ опасной полумѣрой: изъ него были исключены не только всякіе сектанты, но и реформаты; статья названная духовною оговоркой, лишала «должностей и доходовъ тѣхъ членовъ клира, которые впредь отстанутъ отъ старой церкви», и тутъ же было прибавлено, что протестанты отвергли это ограниченіе свободы совѣсти. Такъ были посѣяны сѣмена кровавой борьбы. Больше всѣхъ выиграли фюрсты: помимо секуляризаціи, имъ была предоставлена свобода совѣсти въ ихъ земляхъ; они обязывались только не препятствовать выселяться тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые не пожелаютъ раздѣлять ихъ исповѣданія. Такъ, въ рукахъ фюрстовъ сосредоточилась власть и надъ совѣстью, и надъ имуществомъ подданныхъ; а значеніе императора пало больше прежняго.

Самъ Карлъ прежде всѣхъ испыталъ новую силу фюрстовъ; они избрали въ императоры не сына его, Филиппа, а *Фердинанда I* австрійскаго, котораго притомъ заставили подтвердить свои привилегіи. *Габсбургскій* домъ распался на двѣ линіи - *австрійскую* и *испанскую*. Германія, гдѣ оставалось всего $^1/_{10}$ католиковъ, ускользала изъ рукъ Карла; разбились его идеалы «монархіи». Померкла и военная слава: французы разгромили его послѣднію армію, а мусульмане насѣдали съ юга и востока, и папа поднималъ всѣхъ его враговъ за разгромъ Рима. Снѣдаемый недугомъ, старый императоръ вдругъ явился на своей родинѣ, въ Брюсселѣ. Здѣсь онъ отрекся отъ престола, признавъ со слезами нищету своихъ усилій (1555). Три года спустя, онъ скончался, завѣщавъ сыну истреблять ереси посредствомъ инквизиціи.

Въ одно время съ лютеранствомъ и цвингліанствомъ выросла третья отрасль протестантизма—кальвинизмъ. Это—какъ бы продолженіе цвингліанства которое появилось въ Женевѣ передъ смертью Цвингли. Женева успѣла тогда отбиться отъ власти и своего князя-епископа, и герцога Савойскаго. Она наслаждалась новою свободой: полуфранцузская, полуитальянская, она походила на «хорошую и веселую гостиницу», говоритъ современникъ. Но въ этой маленькой республикѣ боролись двѣ партіи,—«мамелюки» или «паписты» и «либертины» или «друзья свободы» и протестанты, которые хлопотали о республикѣ и о сліяніи съ швейцарскимъ союзомъ. Либертины побѣдили, съ помощью переселенцевъ изъ Франціи, число которыхъ превосходило мѣстное населеніе; тогда была переведена Библія на французскій языкъ и издана иждивеніемъ провансальскихъ вальденсовъ. Въ 1535 году Женева приняла цвингліанство и стала членомъ швейцарскаго союза. Но кровавая усобица породила анархію и распущенность нравовъ. Женеву спасъ французъ Жанъ *Кальвинъ*. Хорошій богословъ и гуманистъ, онъ присталъ къ протестантству и долженъ былъ бѣжать изъ отечества въ Базель, гдѣ издалъ *Христіанскій Уставъ* — главное сочиненіе по новому богословію, которое удостоилось особой ненависти папъ и зависти Лютера. Проведеніемъ въ жизнь этого Устава было «женевское исповѣданіе» или *кальвинизмъ*, который онъ ввелъ въ Женевѣ, когда его призвали туда для водворенія порядка (1542). **Кальвинизмъ и Женева.**

Кальвинизмъ—строгое и одностороннее развитіе мысли Цвингли о государствѣ на библейскихъ началахъ. Въ основу положены ученіе Августина о предопредѣленіи и благодати, да апостолическая чистота христіанства. Кальвинизмъ не признавалъ почти никакой внѣшности. Праздники были замѣнены строгой субботой; богослуженіе ограничено проповѣдью, пѣніемъ и молитвами; изъ таинствъ удержаны только всенародное крещеніе, бракъ и причащеніе съ чашей. Формула о пресуществленіи какъ бы примиряла Цвингли съ Лютеромъ: «вѣрующіе вкушаютъ тѣло Христово духовно, но дѣйствительно». Всѣ обязаны были посѣщать «катехизу» — уроки Закона Божія по учебнику Кальвина. Женева превратилась въ ѳеократію, съ выборной консисторіей во главѣ, которая состояла изъ «пресвитерія», или собранія «старшинъ», какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Правильныя сходки старшинъ всѣхъ общинъ для рѣшенія общихъ дѣлъ назывались синодами. Кальвина назначили главой консисторіи—и онъ сталъ древнимъ патріархомъ. Не только жизнь, но и помыслы гражданъ были подчинены консисторіи, судившей по-библейски. Отступленіе отъ «Устава», богохульство и колдовство считались государственными преступленіями, точно такъ же, какъ непосѣщеніе церквей, танцы, театръ, чтеніе Амадиса, наряды, смѣхъ въ храмѣ и т. п. Пастыри надзирали по домамъ за словами, мыслями, даже минами и жестами согражданъ. Много народу было сожжено, четвертовано, пытано, изгнано. Былъ сожженъ даже знаменитый испанскій богословъ—гуманистъ Серветъ, не щадившій крайностей Кальвина. Эта «святая дисциплина» не разъ вызывала у женевцевъ негодованіе противъ «французовъ» и даже

покушеніе на жизнь ихъ патріарха. Но Кальвинъ правилъ ими до конца, въ теченіе 23-хъ лѣтъ, и даже пользовался большимъ вліяніемъ за границей. Женева стала гнѣздомъ реформаторства, а послѣ Кальвина — и однимъ изъ центровъ новаго просвѣщенія; при преемникѣ патріарха, мягкомъ, веселомъ, образованномъ Безѣ, здѣсь укрывались ученые, гонимые въ другихъ странахъ, особенно во Франціи.

Кальвинизмъ во Франціи. Сначала кальвинизмъ распространялся быстро и далеко. Къ нему склонялись нѣмцы не только въ Швейцаріи, но и въ Германіи, гдѣ онъ мѣстами вводился даже оффиціально, хотя больше существовалъ въ видѣ *крипто-кальвинизма* (тайнаго кальвинизма); онъ прошелъ до Польши. Но на сѣверо-востокѣ кальвинизмъ вскорѣ былъ подавленъ исповѣданіями Лютера и Цвингли. Успѣшнѣе шло его движеніе по сѣверо-западу. Во Франціи его судьба зависѣла, прежде всего, отъ взгляда монарха; тамъ королевская власть достигла такого развитія, что все исходило отъ двора, который привлекалъ къ себѣ не только властью, но и чарами Возрожденія. Тогда въ Парижѣ возникъ новый типъ короля — деспота, но рыцаря, весельчака и Мецената. Онъ олицетворился во *Францискѣ I*, который установилъ и придворный культъ, женивъ своего сына, Генриха, на *Катеринѣ Медичи*, съ которой наѣхало много изящныхъ, но коварныхъ и порочныхъ итальянокъ. Францискъ чуть не погубилъ Францію своимъ легкомысліемъ и деспотизмомъ. Стремясь возвыситься на степень перваго властителя въ Европѣ, а французовъ сдѣлать первой націей въ мірѣ, онъ мѣнялъ союзы, разрывалъ договоры, дружилъ съ турками и протестантами. Во внутреннихъ дѣлахъ онъ самъ напоминалъ султана, руководясь однимъ произволомъ: все его правленіе шло «толчками», какъ выразился Вольтеръ. Такъ было и съ религіей, которая, сама по себѣ, не представляла ничего особеннаго для такого человѣка. Тутъ все зависѣло отъ обстоятельствъ, тѣмъ болѣе, что во Франціи католичество прямо сливалось съ политикой, благодаря галликанизму — этому давнишнему стремленію всей націи пріобрѣсти независимость отъ Рима. Реформаціонное движеніе во Франціи началось рано и самостоятельно. Французскіе іерархи, съ Жерсономъ въ главѣ, играли руководящую роль въ преобразовательной партіи на соборахъ. Вся передовая Франція негодовала на папство и схватилась за гуманизмъ отчасти съ этой же цѣлью. Въ началѣ XVI-го в. галликанское духовенство было однимъ изъ самыхъ образованныхъ и любимыхъ слоевъ общества. Епископы покровительствовали школамъ гуманистовъ и поддерживали ихъ народныя изданія Библіи. Самъ апостолъ реформаціи во Франціи до Лютера, Лефевръ, былъ строгій католикъ и старый профессоръ Сорбонны, только глубокій гуманистъ. Онъ объявилъ, въ 1512 г., что спасаютъ только Евангеліе и вѣра, и перевелъ Библію на французскій языкъ: «Господь обновитъ міръ!» сказалъ онъ своему Веніамину Фарелю. Ревностною защитницей новой школы явилась сестра Франциска I, Маргарита Валуа: она убѣдила брата въ необходимости «церковной реформаціи»; къ тому же Францискъ былъ тогда въ союзѣ съ шмалькальденцами; онъ даже призывалъ Меланхтона въ Парижъ.

Но во время мадридскаго плѣна, мать короля, набожная итальянка, снизошла на просьбы Сорбонны и парламента преслѣдовать «еретиковъ», какъ враговъ алтаря и трона. Затѣмъ и самъ Францискъ склонился къ папѣ, который пообѣщалъ ему Миланъ, какъ приданое Катерины Медичи. Онъ далъ волю отчаяннымъ главарямъ реакціи — Гизамъ, которые стали истреблять мирныхъ вальденсовъ. *Генрихъ II* началъ съ того, чѣмъ кончилъ отецъ. Онъ рѣшилъ сразу «искоренить еретиковъ»: въ парламентѣ появилось страшное отдѣленіе испанской инквизиціи, которое народъ назвалъ «пылающей палатой». Но нововѣрцы уже представляли силу. То былъ сначала народъ простой — ремесленники, рабочіе, женщины, почти дѣти. Они не вѣдали ни организаціи, ни даже

догмы: знали одно только Евангеліе. Но подъ конецъ, благодаря кальвинизму, эти «евангелики» сплотились. Они приняли данное имъ въ насмѣшку имя *гугенотовъ* и завели свои церкви и синодъ. Ими кишѣли города по Луарѣ, особенно Ля-Рошель и Орлеанъ, а также югъ страны, наполненный вальденсами. Ихъ оплотомъ сталъ *Наварскій* домъ въ Беарнѣ, гдѣ королевой была ученая и благородная сестра Франциска I, *Маргарита Валуа*, эта «фея французскаго Возрожденія», которая обратила въ кальвинизмъ своего родственника *Людовика I Кондэ*, и знатнаго адмирала *Колиньи*. При смерти Генриха II уже насчитывалось съ полмилліона гугенотовъ. То были сливки націи въ ихъ рукахъ были промыслы и торговля, каѳедры и типографіи. Образцовые граждане, неутомимые работники, крѣпкіе, независимые характеры, богатые и просвѣщенные, они становились тѣмъ упорнѣе, чѣмъ болѣе преслѣдовали ихъ парламенты, инквизиція и Сорбонна, чѣмъ болѣе монахи настраивали противъ нихъ невѣжественную толпу.

Кальвинизмъ въ Нидерландахъ. Тогда же реформація показалась въ Нидерландахъ, благодаря правленію Карла V. Сначала нидерландцы любили этого рожденнаго у нихъ государя. Радуясь избавленію отъ бургундскаго ига, они пользовались своими старыми привилегіями, не допускали иноземныхъ чиновниковъ и солдатъ, считали свою связь съ Габсбургами лишь личною уніей. Они гордились своимъ государственнымъ совѣтомъ, гдѣ блистали отпрыски ихъ древней знати — правители Голландіи и Фландріи, князь Вильгельмъ Оранскій и графъ Эгмонтъ, адмиралъ Горнъ и др. Осыпанная милостями монарха, знать упивалась тщеславіемъ; горожане утопали въ богатствѣ, пользуясь міровыми связями Карла. Маленькая страна превосходила большія государства своимъ развитіемъ; мистики, гуманисты, художники глубоко насаждали новое просвѣщеніе среди гордаго, свободолюбиваго населенія. Но у Нидерландовъ была своя слабая сторона — раздробленность: каждая изъ 17 провинцій завистливо смотрѣла на сосѣдокъ, храня мѣстный, средневѣковой духъ; капитализмъ, буржуазное республиканство городовъ не мирились съ аристократизмомъ Фландріи и древнегерманскимъ демократизмомъ Голландіи; недавно возникшіе генеральные штаты въ Брюсселѣ, куда каждая провинція высылала по два депутата, еще не успѣли внести объединеніе въ жизнь. Карлъ воспользовался этимъ для постепеннаго водворенія своей «монархіи». Онъ назначилъ штатгальтеромъ (намѣстникомъ) свою сестру, Марію, бывшую королеву венгерскую, женщину надменную и грубую, мечтавшую о войнахъ, какъ солдатъ. Въ то же время онъ втянулъ Нидерланды въ разорительную для нихъ связь съ своею Германіей, сдѣлавъ изъ нихъ «бургундскій округъ» Нѣмецкой имперіи. Карлъ разорялъ знать, давая представительныя мѣста безъ жалованья, собиралъ больше доходовъ, чѣмъ со всѣхъ остальныхъ своихъ земель, понемногу тѣснилъ нововѣрцевъ. Кончилось тѣмъ, что вспыхнулъ мятежъ, который былъ поддержанъ волненіями въ Германіи, связанными съ анабаптизмомъ. А затѣмъ въ Нидерланды проникъ кальвинизмъ, занесенный молодежью, обучавшеюся въ Женевѣ. Для успѣховъ нововѣрія здѣсь недоставало только вѣнца мученичества. Онъ явился съ 1521 г., когда Карлъ, усмиривъ мятежъ, ввелъ инквизицію и издалъ *плакаты* (указы) противъ протестантовъ, «писанные скорѣе кровью, чѣмъ чернилами», по словамъ очевидца.

Кальвинизмъ въ Шотландіи. Кальвинизмъ проникъ даже въ ущелья Шотландіи, поддерживаемый смутой. Здѣсь, съ воцареніемъ Стюартовъ, не прекращалась борьба королей, стремившихся къ абсолютизму, съ родовой знатью, опиравшеюся на кланное устройство. Усобицы возросли съ началомъ XIV в., при *Яковѣ V*, который былъ фанатичнымъ католикомъ и опирался на Францію, женившись на француженкѣ, Маріи Гизъ. Но тогда протестантизмъ уже торжествовалъ въ Англіи и показался въ Шотландіи, подъ вліяніемъ тѣсныхъ сношеній съ сосѣднею страной и съ Ни-

дерландами. И здѣсь, какъ вездѣ, почва для нововѣрія была подготовлена: народъ не терпѣлъ католическихъ патеровъ, которые выжимали много денегъ съ бѣдныхъ горцовъ. Начались протесты и насмѣшки противъ Рима со стороны народныхъ поэтовъ, гостившихъ въ Голландіи купцовъ, а въ эдинбургскомъ университетѣ читались лекціи въ духѣ Лютера такими пылкими и неукротимыми богословами, какъ Джонъ Ноксъ. Важнѣе всего, что на сторону нововѣрія быстро переходила знать. Ей была на-руку борьба съ духовенствомъ, поддерживавшимъ абсолютизмъ Стюартовъ. Сверхъ того, главы клановъ надѣялись захватить церковныя имущества. Корона поняла, что дѣло идетъ объ ея существованіи. По смерти Якова V, Марія Гизъ отправила его дочь, Марію Стюартъ, на воспитаніе въ Парижъ, а сама открыла гоненіе на протестантовъ. Въ отвѣтъ загремѣла народная рѣчь грубаго, упорнаго Нокса, который побывалъ въ Женевѣ. Народъ бросился истреблять французовъ и «папистское идолопоклонство»—церкви, монастыри, «жрецовъ Ваала». Знать составила ковенантъ или союзъ «лордовъ конгрегаціи» для защиты нововѣрія. Всеобщее волненіе было прекращено эдинбургскимъ договоромъ (1560): шотландцы признали королевой Марію Стюартъ, но съ условіемъ удалить французовъ и созвать парламентъ для установленія новаго порядка вещей. Парламентъ ввелъ «кирку»—кальвинизмъ, названный пресвитеріанскою церковью отъ сосредоточенія власти въ пресвитеріи. Церковными имуществами завладѣла знать, а вполнѣ независимый новый клиръ вознаградилъ себя властью. Настало царство аскетизма; малѣйшее непослушаніе пресвитерамъ наказывалось жестоко.

Королевская религія и „англійскій терроръ“. Кальвинизму въ Шотландіи помогъ англійскій протестантизмъ, который появился при *Генрихѣ VIII*. Этотъ король сначала привлекалъ всѣхъ, какъ другъ Возрожденія. Гуманисты прославляли эру «новаго порядка»; Англію наводняли протестантскія книжки, присылаемыя изъ Нидерландовъ. Но вскорѣ въ немъ обнаружились порывы деспотизма и чувственности, снискавшіе ему имя «второго Нерона». Генрихъ задумалъ уничтожить Францію и вступить въ Священную Лигу. А чтобы задобрить папу, онъ женился на вдовѣ своего брата и теткѣ Карла V, горячей католичкѣ, Катеринѣ Арагонской, издалъ рѣзкій памфлетъ противъ Лютера и началъ преслѣдовать друзей Евангелія и Виклифа. Но вскорѣ Генрихъ влюбился въ придворную красавицу, Анну Боленъ, и рѣшился развестись съ Катериной, отъ которой уже была дочь Марія. Папа не могъ согласиться на такое нарушеніе каноновъ и выгодъ католичества. Тогда явился *Ѳома Кромвель*, самъ называвшій себя «разбойникомъ» и поклонникомъ Макіавеля; онъ посовѣтовалъ Генриху самому стать папой въ Англіи. Кромвель сталъ канцлеромъ или правителемъ страны, а богословъ Кранмеръ былъ сдѣланъ архіепископомъ кентерберійскимъ: и совершилось коронованіе Анны. Затѣмъ король началъ создавать и передѣлывать новую вѣру. «Актомъ Верховности» (1534) монархъ былъ объявленъ «единственнымъ верховнымъ главой и опекуномъ англійской церкви», а Кромвель сталъ его «генералъ-викаріемъ», папа же превратился изъ «его святѣйшества» въ «римскаго епископа». Самъ король-богословъ начерталъ «Десять Членовъ»—этотъ первый символъ вѣры новой религіи, бывшій сдѣлкой между католицизмомъ и протестантизмомъ. Здѣсь было удержано все существенное изъ католицизма, даже пресуществленіе. Въ то же время было уничтожено, самымъ жестокимъ образомъ, болѣе тысячи богатыхъ монастырей, при чемъ главная цѣль выразилась въ названіи новаго учрежденія—«палата умноженія доходовъ короны»: кромѣ казны, церковныя имущества перешли къ знати, въ особенности къ джентри. Королевская реформація завершилась знаменитымъ «Статутомъ шести членовъ» (1539), который нація назвала Кровавымъ Биллемъ и Шестихвосткой. Тутъ строго подтверждались такія основы папства, какъ безбрачіе духовенства, причащеніе подъ однимъ видомъ, тайная

исповѣдь, чистилище, даже монашескіе обѣты, и полагалось сожженіе даже за словесное сомнительство въ нихъ, причемъ самое отреченіе не спасало виновнаго. И цѣлыхъ 8 лѣтъ Шестихвостка прилагалась со всеусердіемъ.

И начался «англійскій терроръ» ради утвержденія новой вѣры и абсолютизма. Англія покрылась сѣтью шпіонства. Исчезли основы правовой жизни: у обвиняемыхъ даже отняли защиту. Летѣли головы самыхъ крупныхъ личностей: погибъ и вождь англійскаго гуманизма, Моръ. Тутъ были и католики, и протестанты.

Генрихъ разорвалъ со стариной лишь изъ сластолюбія и деспотизма. Его религія—то же католичество, только безъ папы и монастырей, но зато съ возвышеніемъ епископства: ее называютъ епископальною церковью. Король не разъ собственноручно дѣлалъ въ ней измѣненія, то въ пользу католичества, то въ духѣ протестантизма. Подконецъ Генрихъ все сильнѣе склонялся къ *единообразію*, т.-е. къ строгому проведенію своей собственной религіи, къ искорененію *диссентеровъ*—«несогласныхъ» со всѣми ея мелочами. А между тѣмъ никто не могъ взять въ толкъ этой путаницы вѣнчаннаго богослова. И когда умеръ Генрихъ VIII (1547), полурѣшенный религіозный вопросъ остался тяжелымъ бременемъ для его 9-лѣтняго сына, Эдуарда.

Англиканизмъ. Юный Эдуардъ VI подпалъ подъ вліяніе бѣглыхъ кальвинскихъ богослововъ, которымъ давали пріютъ во дворцѣ; правившіе за него «лорды-протекторы» и самъ *Кранмеръ* склонялись къ протестантизму. Этимъ духомъ проникнутъ *англиканизмъ*, какъ назвали своеобразную реформацію, которая окончательно была введена тогда въ Англіи и сохранилась до нашихъ дней съ неважными измѣненіями. Изъ затѣй Генриха VIII уцѣлѣли только верховность и епископатъ со всею его внѣшностью (облаченіе). Догма и культъ приблизились къ кальвинству и къ апостольской простотѣ; ввели чашу, а вопросъ о пресуществленіи совсѣмъ устранили; отмѣнили обѣдню, иконы, алтари, а постъ удержали только «для поощренія рыбной торговли»; разрѣшили бракъ духовенству; отмѣнили Шесть Членовъ и законы противъ лоллардовъ. Эти основы англиканизма установлены въ трехъ твореніяхъ Кранмера и заѣзжихъ богослововъ, которыя служатъ также прекрасными образцами церковнаго слога; изъ нихъ «Тридцать девять Членовъ» служатъ символомъ вѣры, «Всеобщій молитвенникъ»—требникомъ, а «Катехизисъ»—учебникомъ. Но и этотъ англиканизмъ или «кранмеризмъ» проводился въ жизнь не менѣе жестоко, чѣмъ передъ тѣмъ «генрихіанство»; потомъ это пятилѣтіе было названо «протестантскимъ безчинствомъ». Были отобраны въ казну всѣ остатки церковныхъ имуществъ, и чернецы съ черничками были пущены по міру. Были уничтожены богатыя древнія библіотеки въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, заподозрѣнныя либо въ папизмѣ, либо въ генрихіанствѣ. Гоненія обострились до того, что повсюду, въ особенности же на западѣ королевства, вспыхнули бунты: гдѣ требовали Шести Членовъ, гдѣ—прямо старой вѣры. Дѣло осложнялось голодовкой массъ отъ закрытія монастырей и отъ развитія крупнаго землевладѣнія. Эти волненія были подавлены лишь нѣмецкими и итальянскими наемниками,—больше все католиками, которые, возвращаясь домой, получали индульгенціи за пролитіе крови въ защиту церкви отъ «ереси».

Въ такую-то минуту умеръ Эдуардъ, и на престолъ вступила его сестра, заклятая католичка, Марія Тюдоръ, которая вскорѣ стала женой такого же фанатика, Филиппа испанскаго.

Реформація въ Скандинавіи. Мучительно было введеніе реформаціи и въ Скандинавіи, гдѣ оно осложнялось политическимъ переворотомъ—отмѣной кальмарской уніи. На дѣлѣ эта унія исчезла уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, когда Швеціей стали управлять даровитые патріоты *Стуре*. Но теперь король Даніи и Норвегіи, Христіанъ II, задумалъ снова покорить шведовъ. Онъ уничтожилъ Стуровъ и поразилъ міръ

стокгольмской кровавой баней (1520)—истребленіемъ лучшихъ родовъ Швеціи. Сынъ одного изъ погибшихъ, *Густавъ Ваза*, явился мстителемъ, народнымъ героемъ, о которомъ сложилось много преданій. Съ помощью народа, онъ сталъ королемъ Швеціи, навѣки расторгнувъ унію. Но казна была пуста; Густавъ рѣшилъ взять богатства у церкви. «Договоръ» съ народомъ въ *Вестерезѣ* (1527) установилъ въ Швеціи лютеранство и наслѣдственную монархію. Густавъ поднялъ страну покровительствомъ труду и образованію и завелъ постоянную армію и флотъ. Онъ создалъ изъ Швеціи государство новаго времени и подготовилъ «шведскую эпоху» XVII-го вѣка. Тогда же лютеранизмъ былъ введенъ въ Даніи. Тоже совершилось въ Норвегіи и Исландіи.

Реформація у славянъ и мадьяръ. Реформація пыталась проникнуть даже на юго-востокъ. Въ *Польшѣ* она показалась уже съ 1520-хъ годовъ, находя готовую почву въ гуссизмѣ и національныхъ преданіяхъ; въ краковскомъ соборѣ еще раздавался родной языкъ. Не мало было нововѣрцевъ даже въ Литвѣ и въ Остзейскомъ краѣ; и совѣтъ короля Сигизмунда Августа состоялъ изъ «еретиковъ». Въ 1570 г., на сандомірскомъ синодѣ, была провозглашена единая новая «польская» вѣра, въ которой сливалось протестантство нѣмецкое, швейцарское и чешское (гуссизмъ). Въ *Богеміи* гонимые гуситы и вальденсы были готовымъ орудіемъ нововѣрія. Въ шмалькальденскую войну начиналось было старое «еретическое» движеніе; но послы не поддержали народа, и оно было усмирено. Въ *Венгріи* нововѣріе заносили австрійскіе солдаты и учившаяся въ Германіи знать. Среди нѣмецкихъ колонистовъ развивалось лютеранство, а кальвинство овладѣвало мадьярами, особенно по берегамъ Тиссы, гдѣ оно сильно и теперь. Въ Трансильваніи, населенной саксонцами, даже были отобраны церковныя имущества. Самъ Фердинандъ I помогалъ протестантству изъ политики; время его и Максимиліана II называютъ «золотымъ вѣкомъ» нововѣрія въ Венгріи. Съ нимъ связано и зарожденіе національной литературы мадьяръ; она началась съ переводовъ Библіи и съ сатиры противъ католической старины.

Возрожденіе католичества. Папство и монашество. Послѣ блестящихъ успѣховъ въ первой половинѣ XVI-го в., въ протестантствѣ возникли раздоры и паденіе силъ, а старина очнулась отъ перваго удара и начала искусно пользоваться недостатками противника. Настала ознаменованная религіозными войнами реакція, которую назвали возрожденіемъ католичества. Она началась въ сердцѣ старины: ея отцомъ былъ «строжайшій изъ кардиналовъ», Караффа, 80-ти лѣтъ ставшій папой Павломъ IV. Онъ ввелъ безпощадную дисциплину въ монастыряхъ, строгую цензуру, пышное богослуженіе, но особенно лелѣялъ инквизицію, какъ «единственную гордость папства», которая не щадила при немъ ни богачей, ни кардиналовъ. Но Павелъ IV все еще былъ папа-политикъ, мечтавшій о власти Иннокентія III. Его преемникъ, Пій IV, первый сосредоточилъ свои силы на утвержденіи *духовной* власти папства. При немъ-то явились постановленія *тріентскаго собора* (1563), на которомъ не было ни одного протестанта. Здѣсь Пій IV, опуталъ государей обѣщаніями и двусмысленной редакціей вопросовъ, а епископовъ осыпалъ червонцами. И постановленія собора оказались возрожденіемъ духа Григорія VII: папа былъ поставленъ выше соборовъ, которые уже не повторялись до 1869 г. Сверхъ того, это—основа католичества, сохранившаяся до нашихъ дней: здѣсь, подъ страхомъ проклятія, увѣковѣчены догматы Ѳомы Аквинскаго, книгу котораго опредѣлено держать на алтарѣ, рядомъ съ Библіей; они были признаны непогрѣшимыми, но толкованіе ихъ предоставлялось папѣ лично. Эти догматы были кратко изложены для народа въ видѣ Тріентскаго символа вѣры, Римскаго катехизиса и Римскаго требника. Работа доминиканцевъ, катехизисъ былъ переведенъ почти на всѣ языки, чтобы нигдѣ не нарушалась буква единой для всего міра заповѣди папства,—и католичество больше, чѣмъ когда-либо, превратилось въ окаменѣлое, но цѣльное,

крѣпкое ученіе. Католичество обновилось и нравственно; была введена желѣзная дисциплина въ церкви; были учреждены, при каждомъ каѳедральномъ соборѣ, строгія семинаріи для выработки клира.

Послѣ тріентскаго собора, который католики называютъ своей «реформаціей», въ Римѣ началась оживленная дѣятельность—истинное церковное возрожденіе. На папскомъ престолѣ явился рядъ энергичныхъ личностей, мечтавшихъ объ идеалахъ Григорія VII и Иннокентія III.

Истиннымъ олицетвореніемъ возрожденнаго католичества былъ *Сикстъ V*, о которомъ сложились даже сказки: онъ довелъ число кардиналовъ до 70, поднялъ величіе куріи и пышность культа, мечталъ о крестовомъ походѣ, объ обращеніи всѣхъ протестантовъ и московскаго царя. И пошли безконечные крестные ходы, полилась кровь, зажглись костры, замолкли театры. Всюду производились визитаціи церквей, собирались синоды, устраивались семинаріи для подготовки клира. Возникли богатыри очищеннаго католичества—Борромео, св. Венсанъ де-Поль, Францискъ Сальскій. Было сдѣлано оффиціальное изданіе Вульгаты и Свода каноническаго права. Возникла центральная, чисто папская *инквизиція* (1542), затмившая жестокостью испанскую служанку трона. Появилось 15 кардинальскихъ комиссій—родъ папскихъ министерствъ. Во главѣ ихъ стала конгрегація *Указателя запрещенныхъ книгъ* (Index librorum prohibitorum)—начало цензуры, подчиненной инквизиторамъ. Сожигались даже сочиненія кардиналовъ; закрывались школы по малѣйшему подозрѣнію въ еретичествѣ. Сѣкли за непосѣщеніе церквей и за торговлю въ праздникъ, а за божбу прибивали языкъ къ полѣну. Воскресла эпоха Клюни. Древнія обители строго преобразились, и завелось много новыхъ въ Италіи, Испаніи и Франціи, во главѣ ихъ босоножки, капуцины, Братья и Сестры Милосердія, дававшіе зарокъ не говорить и не касаться денегъ. Во всемъ католичествѣ закипѣла новая жизнь. Папа сталъ душой крестоваго похода, который былъ благословленъ истребленіемъ турецкаго флота. Южная Германія и Австрія совсѣмъ возвратились къ старинѣ; протестантизмъ колебался въ самыхъ своихъ гнѣздахъ; развитіе реформатства застыло на его родинѣ, въ Швейцаріи и Франціи. «Конгрегація пропаганды» создавала такихъ великановъ миссіонерства, какъ Ксаверій, просвѣтитель Индіи: и католицизмъ разлился по всему свѣту—отъ Японіи и Бирмы до Конго, Анголы, Канады, Кубы и Парагвая.

Іезуиты. Но самымъ величественнымъ воплощеніемъ духа возрожденнаго католичества было іезуитство. Бѣдный хидальго Игнатій Лойола, увлеченный примѣромъ своего земляка св. Доминика, повинуясь видѣнію, создалъ «рать Іисуса», чтобы «воевать за папу». Папа утвердилъ *орденъ іезуитовъ* (1540); а Лойола, вскорѣ послѣ своей смерти, былъ причисленъ къ лику святыхъ. Цѣлью ордена было «самоумерщвленіе», чтобы исполнять четвертый обѣтъ—безусловное повиновеніе папѣ. Строй его былъ военный: каждый «святой воинъ» повиновался «генералу» (главѣ ордена), «какъ трупъ», не спрашивая объясненій, не разсчитывая на награды. Папство осыпало іезуитовъ всякими привилегіями. Они были свободны отъ обычныхъ монашескихъ обязанностей, отъ налоговъ и суда, имѣли право на всевозможныя занятія. И среди нихъ встрѣчались всякіе дѣльцы, выдрессированные для спеціальностей. Но главное ихъ вниманіе сосредоточивалось на трехъ родахъ дѣятельности, предававшихъ въ ихъ руки душу человѣчества. Никто лучше іезуита не владѣлъ даромъ исповѣдничества съ цѣлью вкрасться въ сердце человѣка, особенно женщины, и плѣнить его совѣсть, семью, имущество. Они создали миссіонерство, высылая по всему свѣту цѣлыя арміи неутомимыхъ и безстрашныхъ проповѣдниковъ. Но главною ихъ силой было воспитаніе. Прежде папство держало народъ въ невѣжествѣ; теперь же, въ виду борьбы съ гуманизмомъ

и реформаціей, іезуиты взялись учить массы, чтобы создавать изъ нихъ свое орудіе. Сосредоточивъ свои силы на этой задачѣ, они могли устроить много дешевыхъ школъ съ подкупающей внѣшностью, а при паденіи протестантства имъ не трудно было пріобрѣсти и славу лучшихъ педагоговъ. Въ нравственной сторонѣ воспитанія ярко проявился духъ іезуитства. Она была основана на зависти, недовѣріи, раболѣпіи и розгѣ. «Соревнованіе—надежнѣйшее средство учителя», говорили іезуиты, и къ каждому ученику приставлялся соперникъ-шпіонъ.

Душой іезуитовъ былъ ненасытный инстинктъ міродержавія, перешедшій отъ Римской имперіи къ римской куріи. Признавъ себя и католичество единственною правдой, святая рать объявила «ересью» остальной міръ. А католичество превращалось, въ ея глазахъ, въ папство: «папа законенъ, хотя бы то былъ «еретикъ». Іезуитство—та же инквизиція (она была присовѣтована Лойолой), только въ скрытномъ видѣ. Руководясь правиломъ, что «цѣль оправдываетъ средства», оно позволяло себѣ все «во славу Божію». И въ полвѣка іезуитство проникло по всему свѣту, овладѣло всѣми областями жизни. Сами папы стали рабами іезуитовъ. Государи трепетали передъ патерами и падали ихъ жертвами. Нити исторіи переходили въ руки іезуитовъ. Жизнь принимала средневѣковый оттѣнокъ. Многіе протестанты возвращались въ лоно католичества; власти ополчались противъ свободы совѣсти и мысли. Къ 1600 г. міръ былъ подѣленъ на 39 «провинцій», съ 15,000 іезуитовъ, съ 800 ихъ обителей, съ несмѣтными богатствами. Вторая половина XVI-го вѣка наполнена ихъ подвигами. Затѣмъ они торжествовали въ теченіе двухвѣковой реакціи, пока самъ папа не уничтожилъ ордена. Но іезуиты притаились и снова выдвинулись въ эпоху Священнаго Союза. Но зато съ самаго начала открылась борьба съ этой властолюбивой, назойливой силой, которая вносила всюду интриги, волненія, кровопролитіе. Уже въ XVI-мъ в. тамъ и сямъ правительства изгоняли іезуитовъ, опираясь на епископовъ монаховъ, которыхъ вытѣсняла святая рать. Но главными врагами патеровъ были ихъ соперники по ремеслу—испанскіе доминиканцы и инквизиторы, которыхъ поддерживалъ Филиппъ II.

Филиппъ II. Вѣнчаннымъ воплощеніемъ іезуитства былъ этотъ *Филиппъ II*, которому достались Нидерланды, Неаполь, Испанія и Америка. Это былъ настоящій испанецъ-фанатикъ; люди состояли въ его глазахъ, изъ однихъ еретиковъ да крамольниковъ. Но въ рукахъ этого мрачнаго человѣка была міровая сила: «Шевельнется Испанія—задрожитъ земля», говорили тогда. «Скорѣй сойду съ трона, чѣмъ стану управлять еретиками», говорилъ вѣнчанный іезуитъ, и, считая себя орудіемъ Бога, не разбиралъ средствъ для «очищенія» вселенной. Всѣ изобрѣтенія инквизиціи, всѣ извороты коварной дипломатіи, всѣ сокровища Америки пошли у него на устрашеніе новovѣрцевъ, на устройство заговоровъ и усобицъ въ ихъ земляхъ. Онъ вполнѣ заслужилъ прозвище «южнаго демона»; онъ 42 г. сидѣлъ, окруженный чернецами, въ Эскуріалѣ—дворцѣ-монастырѣ, выстроенномъ въ формѣ орудія пытки, и все строчилъ; а каждый росчеркъ его пера стоилъ невинной жизни. Трагедіей была жизнь даже его жены, инфанта донъ-Карлоса и побочнаго брата, донъ-Жуана, смерть которыхъ молва приписывала его яду. И настала новая эпоха. Смерть Карла V совпала съ кончиной Маріи Тюдоръ; въ Англіи воцарилась Елизавета, глава протестантизма, въ Испаніи—представитель іезуитства. Задача Карла смѣнилась идеей всекатолическаго союза: Испанія заключила съ своей соперницей, Франціей, миръ въ Като-Камбрези (1559), который сталъ эрой долгой *католической реакціи* и религіозныхъ войнъ.

Реакція разразилась, прежде всего, въ Испаніи. Здѣсь все, даже кортесы Кастиліи и хустиція Арагоніи, стали рабами Филиппа. Страна покрылась

сѣтью шпіонства. Инквизиція не щадила ни монахинь, ни прелатовъ, ни царедворцевъ. *Морискамъ* велѣли бросить все національное, даже родной языкъ. Когда они отвѣчали поголовнымъ возстаніемъ, которое было жестоко подавлено, они массами бѣжали въ Африку или были переселены на сѣверъ; и погибла роскошная арабская культура. Встрепенулся исламъ: Порта выслала блестящій флотъ. Но Филиппъ съ Піемъ V подняли крестовый походъ—и донъ-Жуанъ нанесъ туркамъ первое серьезное пораженіе у *Лепанто* (1571). Провинціи Испаніи—Сицилія, Неаполь, Миланъ—подпали деспотизму и фанатизму «губернаторовъ», которыхъ посылали изъ Мадрида для кормленья и часто мѣняли; при этомъ у ломбардскихъ городовъ были отняты остатки муниципальныхъ льготъ. Филиппъ спѣшилъ распространить свою систему и за предѣлами своихъ владѣній, для чего высасывалъ послѣдніе соки у своихъ подданныхъ. Онъ внезапно захватилъ *Португалію* (1580) и лишилъ ее исконныхъ правъ. Онъ вступилъ въ союзъ съ Польшей и окатоличеннымъ королемъ Швеціи, чтобы раздѣлить Данію, и поддерживалъ истребителей гугенотовъ. Но его завѣтною мечтой было уничтожить сѣверную защитницу протестанства — Елизавету англійскую. Англичане стали при ней смѣлы, патріотичны; ихъ морскіе герои, Дрекъ и Ралей, помогали нидерландскому мятежу, гонялись за испанскими судами въ ихъ собственныхъ гаваняхъ, заводили поселенія въ Америкѣ. Долго готовился «южный демонъ» къ «великому предпріятію». Въ 1588 г. настала благопріятная минута. Казнь Маріи Стюартъ, завѣщавшей Филиппу большой алмазъ съ своими правами на престолъ Англіи, взывала къ мести—и Сиксъ V гремѣлъ о крестовомъ походѣ для низверженія «Іезавели». Со всѣхъ католическихъ странъ собирались благочестивые воины, съ надменными хидальгами во главѣ, вспомнившими подвиги отцовъ въ маврскихъ войнахъ. Они назвали Непобѣдимою Армадой невиданный флотъ, двинувшійся прямо въ Лондонъ, неся съ собой тысячу монаховъ и іезуитовъ, съ самимъ «великимъ инквизиторомъ» во главѣ. Но англичане, соединившись съ голландцами, истребили Армаду.

Этотъ разгромъ былъ гибелью морского господства Испаніи: оно перешло къ Англіи и Голландіи. Таковы же были плоды системы Филиппа повсюду. Данія уцѣлѣла; протестанство было возстановлено въ Швеціи; во Франціи воцарился другъ гугенотовъ, Генрихъ IV. Благодаря самому Филиппу разбившему карьеру донъ-Жуана, турки быстро оправились послѣ лепантскаго погрома. Они начали бить испанскія эскадры и помогать африканскимъ корсарамъ, которые уже брали дань съ Филиппа. Мориски частью увеличили собой число корсаровъ, частью образовали въ горахъ Испаніи знаменитое бандитство, — разбойничество, которое процвѣтало также въ Неаполѣ. Въ лицѣ морисковъ и гонимыхъ евреевъ, Филиппъ лишился самыхъ полезныхъ подданныхъ въ то время, какъ отъ него отложилась половина Нидерландовъ, а Португалія безпрерывно волновалась и выставила четверыхъ Лжесебастіановъ. Не говоря уже про Андалузію, даже Арагонія и Португалія, лишенныя своихъ правъ, превратились въ пустыни, а міровое торговое значеніе Лиссабона перешло къ Амстердаму. Испанія становилась пустыней. «Страна погибала», говорили сами кортесы передъ смертью Филиппа. Казна пускалась на всѣ хитрости: продавала должности и дворянскіе титулы даже евреямъ и морискамъ, отбирала у церквей половину доходовъ. Но одинъ дворъ поглощалъ $^1/_{10}$ доходовъ. «Подходитъ старость, а я не знаю, чѣмъ жить завтра!» восклицалъ Филиппъ еще до гибели Армады. Обладатель сокровищъ Америки и полъ-Европы два раза прекращалъ уплату кредиторамъ и оставилъ небывалый государственный долгъ. Бездарный фанатикъ сгубилъ ту Испанію, которую хотѣлъ сдѣлать владычицей міра, которой никогда не покидалъ. Испанцы стали націей нищихъ: спѣсивые хидальги то, переодѣтые, просили милостыню по ночамъ, то

грабили по дорогамъ. Просвѣщеніе исчезало: его замѣняли фанатизмъ, раболѣпіе, лѣнь да грубость. Вотъ картина, которая окружала южнаго демона, когда онъ умеръ, съ кнутомъ въ рукѣ для самобичеванья (1598).

Борьба Нидерландовъ за независимость.

Образцомъ системы Филиппа и ея плодовъ служитъ возстаніе Нидерландовъ. Филиппъ тотчасъ же нарушилъ свою присягу соблюдать права туземцевъ и отдалъ ихъ во власть кардинала *Гранвеллы*, для котораго «южный демонъ» былъ идеаломъ. Гранвелла усилилъ инквизицію, не спросясь штатовъ, что задѣло самую вѣрную престолу знать. Не стерпѣлъ даже питомецъ Карла V, *Вильгельмъ Оранскій*, который отличался въ войнахъ съ Франціей, и какъ полководецъ, и какъ дипломатъ: его называли Молчаливымъ за замкнутость и сдержанность. Онъ оказался лучшимъ патріотомъ своего времени, отдавшимъ все на защиту правъ и свободы своихъ согражданъ. Вмѣстѣ съ своими друзьями, также крупными вельможами, графами Эгмонтомъ и Горномъ, онъ просилъ Филиппа удалить Гранвеллу, а съ нимъ и испанскихъ чиновниковъ и наемниковъ, какъ требовалъ того и законъ. Въ отвѣтъ, изъ Мадрида послѣдовали новые кровавые указы. Тогда возникъ «компромиссъ дворянъ»—союзъ для самозащиты отъ насилій. Эти рыцари, разоренные правительствомъ, были названы тогда *гёзами* (нищими). Они стали носить медали съ изображеніемъ Филиппа и съ надписью «вѣрные королю до нищенской сумы». Мѣщане также составили «компромиссъ купцовъ» и доставляли деньги дворянамъ. А народъ собирался тысячами слушать «полевыхъ» проповѣдниковъ кальвинизма, подъ открытымъ небомъ. Монастыри пустѣли; ихъ обитатели переженились. Однажды толпа долго предавалась иконоборству. Знать тайно поддерживала рыцарей. Самъ Оранскій соблюдалъ еще католичество хоть по наружности: одна изъ его женъ была дочь Морица саксонскаго, другая—дочь вождя гугенотовъ, Колиньи. Но онъ провѣдалъ про ужасные замыслы Филиппа насчетъ Нидерландовъ и уѣхалъ въ Германію. Въ то же время на смѣну Гранвеллѣ явился палачъ «южнаго демона», жестокій фанатикъ *Альба*, во главѣ отборнаго испанскаго войска и массы инквизиторовъ. Онъ устроилъ «совѣтъ по мятежамъ», который народъ назвалъ «кровавымъ судилищемъ». По словамъ очевидца, «воздухъ сталъ атмосферой смерти». Пало и много вѣрныхъ слугъ алтаря и трона, въ томъ числѣ Эгмонтъ съ Горномъ.

Чаша страданій переполнилась — и разнеслась вѣсть о появленіи «дикихъ гезовъ» въ лѣсахъ и «морскихъ гезовъ» на водахъ. Слѣдомъ за ними показалась на сѣверѣ стройная армія патріотовъ: Оранскій перешелъ въ кальвинство, продалъ свои драгоцѣнности, заложилъ земли, собралъ бѣглыхъ согражданъ, гугенотовъ и ландскнехтовъ и объявилъ, что идетъ спасать имя своего короля, опозоренное вѣроломными слугами. На его знамени красовалось: «pro lege, rege, grege — за законъ, короля и народъ». Началась 40-лѣтняя борьба ничтожной землицы съ первой державой въ мірѣ. Войска Филиппа, зачастую не получавшія жалованья, превзошли себя въ звѣрствѣ: сами начальники не знали, какъ укрощать эту прославленную «испанскую фурію». Южный демонъ стянулъ сюда всѣ свои силы, сыпалъ золотомъ, истощая остальныя свои владѣнія, интриговалъ съ помощью іезуитовъ во всѣхъ католическихъ земляхъ: все напрасно. Черезъ 6 лѣтъ Альба бѣжалъ, скрываясь отъ ярости народа и кредиторовъ; славный донъ-Жуанъ погибъ отъ тоски и неудачъ. Борьба за высокую, справедливую идею и отчаяніе превращали каждаго нидерландца въ героя. Европа не хотѣла вѣрить чудесамъ осады Лейдена, гдѣ жители 4 мѣсяца голодали, выжидая выздоровленія Вильгельма. Гезы разрушили собственные вѣковые труды—плотины, чтобы потопить непріятеля. Кромѣ природы и поколѣніями скопленныхъ богатствъ, имъ помогали протестанты изъ Германіи, Франціи, особенно Англіи. Но главнымъ источникомъ ихъ побѣдъ былъ Оранскій· гимнъ въ честь его до сихъ поръ остается на-

ціональной пѣснью голландцевъ. Когда югъ страны возвратился подъ власть Габсбурговъ, подъ именемъ *Испанскихъ Нидерландовъ* (теперь Бельгія), онъ создалъ изъ семи сѣверныхъ провинцій союзную республику: актомъ утрехтской уніи (1579), въ основу котораго положена вѣротерпимость, батавы объявили себя независимыми отъ «тираніи» Филиппа *Соединенными Штатами Голландіи*. Вильгельмъ былъ избранъ первымъ «штатгальтеромъ» новой республики. Филиппъ взялся за послѣднее испанское средство противъ непобѣдимаго врага: іезуитъ Жераръ застрѣлилъ Молчаливаго. Но преемникъ южнаго демона принужденъ былъ признать независимость Голландіи. Освобожденная Голландія стала одною изъ первыхъ державъ. Ея торговое могущество скоро выразилось въ учрежденіи индійской компаніи (1602). Въ ней быстро наросло многолюдное, живое, умное населеніе: она сдѣлалась убѣжищемъ эмигрантовъ на материкѣ. Лейденскій университетъ оказался однимъ изъ главныхъ очаговъ просвѣщенія: онъ привлекалъ молодежь отовсюду своими свѣтилами науки и создалъ цѣлую систему народнаго образованія. Подлѣ него процвѣло первое въ мірѣ книгопечатаніе. Развивались искусства и литература. А Испанскіе Нидерланды представляли жалкій видъ. Они потеряли свой главный портъ, Антверпенъ, значеніе котораго перешло къ Амстердаму. Этотъ «садъ Европы» запустѣлъ: волки рыскали въ покинутыхъ поляхъ.

Марія Кровавая и „королева-фея“.

Успѣху Нидерландовъ содѣйствовала Англія, гдѣ нововѣріе вышло тогда побѣдителемъ изъ подобной же борьбы съ католической реакціей. Дочь Катерины Арагонской, Марія Тюдоръ, ненавидѣла все англійское, какъ ересь, и мечтала только объ Испаніи да о Филиппѣ. Она отмѣнила англиканизмъ, какъ «расколъ», и торжественно примирилась съ папой. Начался 5-лѣтній терроръ, доставившій ей названіе *Кровавой*. Висѣла на волоскѣ жизнь сестры королевы, упорной протестантки, Елизаветы. Но тогда то и утвердилось нововѣріе въ Англіи оно выдержало крещеніе кровью. Жертвы фанатизма спокойно, нерѣдко съ шуточками, всходили на костры. Малодушный Кранмеръ преобразился, на эшафотѣ, въ героическаго «патріарха еретиковъ». Всюду сыпались насмѣшки надъ папствомъ; въ спальню королевы проникали дерзкія карриккатуры на ея бракъ. Тамъ и сямъ вспыхивалъ мятежъ. Марія замѣчала, что никто ее не любитъ. Ей измѣнилъ тотчасъ же Филиппъ, ради котораго она выступила противъ Франціи и потеряла Кале. Полупомѣшанной сошла въ могилу Марія Тюдоръ (1558). Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ *Елизавету*.

Елизавета была убѣжденная гуманистка, умная, твердая, неутомимая правительница и ловкая дипломатка. Она умѣла выбирать людей и, съ помощью ихъ, неожиданно наносить врагамъ смѣлые и вѣрные удары. Неспособная къ энтузіазму, Елизавета не знала фанатизма и односторонности. Она не терпѣла богословскихъ тонкостей; эта гуманистка презирала и реформацію. Одинаково внимательно толковала она съ знатоками о философіи и модахъ, о догмѣ и послѣднихъ депешахъ; безъ зависти выдвигала таланты; не терпѣла доносовъ и сплетень. Она надѣялась, что народъ охранитъ ее; такою популярностью не пользовались болѣе благородные и великіе короли. Для любого англичанина это была «королева-фея» или «Бетси» (Лиза)—идеалъ дѣвственности, протестанства и любви къ націи. Пороки королевы были мало извѣстны за порогомъ дворца, а всѣхъ поражала ея бережливость, удачная патріотическая политика, память обо всѣхъ: бѣднота оплакивала ея смерть за законы о бѣдныхъ; купцы воздвигли ей статую на биржѣ. Елизавета понимала націю, знала предѣлъ для сдержки ею же питаемаго духа свободы, уважала парламентъ, законъ, справедливость. Она умѣла отступать во время, и такъ искренно, что ея пораженія превращались въ побѣды надъ сердцами подданныхъ. Нелицемѣрное чувство къ народу—единственная теплая струя въ этой холодной натурѣ. Не пустой фразой былъ ея отвѣтъ женихамъ: «Я вступила въ бракъ съ моимъ народомъ».

Марія Стюартъ.

Елизаветѣ пришлось рѣшать міровой вопросъ, связанный съ третьей вѣнценосной женщиной, съ королевой шотландской. Исторія *Маріи Стюартъ* до сихъ поръ не вполнѣ разъяснена, за недостаткомъ документовъ. Впрочемъ, недостаетъ лишь нѣкоторыхъ частностей; въ общемъ же дѣло уже понятно. Красавица, съ лоскомъ французскаго Возрожденія, Марія Стюартъ была создана для наслажденій и жила въ чаду подобострастія, вызываемаго не столько королевой, сколько женщиной. Она любила и политику, надѣясь и тутъ перещеголять свою соперницу, Елизавету англійскую. Но ея планы были шатки, какъ ея сердце: она вносила въ нихъ духъ капризнаго деспотизма, романтики и фанатизма. Считая себя закономъ, она разошлась съ своимъ народомъ, ненавидѣвшимъ французское легкомысліе и католическое ханжество. Марія явилась изъ Парижа въ Эдинбургъ, когда шотландцы уже распорядились ея правами по эдинбургскому договору (1560). «Лучше смерть, чѣмъ протестанство!» воскликнула она, расторгая договоръ, и потребовала, чтобы бездѣтная Елизавета признала наслѣдницей ее, а потомъ ея сына — Якова. И дворъ сталъ однимъ изъ очаговъ такой католической реакціи, что Елизавета написала Маріи: «ваши поступки такъ же полны яду, какъ рѣчи — меду». Опять загремѣлъ Ноксъ противъ «Іезавели съ голосомъ Сирены». Вельможи составили заговоръ и заточили свою королеву въ замокъ, откуда она бѣжала въ Англію. Въ то время папа отлучилъ Елизавету отъ церкви, а на сѣверѣ Англіи возстали католики: Марія очутилась въ плѣну, гдѣ пробыла около двадцати лѣтъ.

Сначала это былъ почетный плѣнъ: сохранялись даже дипломаты Маріи при иностранныхъ дворахъ. И бывшая шотландская королева почувствовала себя центромъ католичества. Она создавала широкіе планы, переписываясь шифрами съ Лувромъ, Мадридомъ и Римомъ. «Чародѣйка» вызывала даже заговоры со стороны увлеченныхъ ея красотой католическихъ вельможъ. Тогда возрожденный католицизмъ всюду перешелъ въ отчаянное наступленіе: Европа затрепетала отъ Вареоломеевской ночи и убійства Оранскаго. Одна Англія мѣшала истребленію нововѣрія — и здѣсь сосредоточились удары Филиппа II и папства. Въ Реймсѣ и Римѣ возникли новые разсадники іезуитства—англійскія семинаріи, гдѣ воспитывались для роли Жерара юные лорды. Англію наводнили іезуиты и соглядатаи «южнаго демона». Они сносились съ Маріей и распространяли мысль о необходимости замѣнить Елизавету Маріей, которая станетъ женой донъ-Жуана. Яковъ VI, почти мальчикъ, окружилъ себя іезуитами и французами и ввелъ «епископство», какъ въ Англіи. Протестантская Англія рвалась въ бой и требовала смерти Маріи. Тутъ открылся новый заговоръ противъ «Бетси»: и «чародѣйка» созналась, что знала о немъ, только не подозрѣвала замысла убить королеву. Парламентъ потребовалъ казни плѣнницы—и голова Маріи скатилась на плахѣ (1587).

Вѣкъ Елизаветы.

Теперь англичанами овладѣлъ невиданный патріотизмъ. Католики слились съ протестантами—и Армада Филиппа II была уничтожена. Затѣмъ всѣ помогали деньгами и добровольцами освобожденію Голландіи и воцаренію гугенота во Франціи. Англія становилась первою державой, вождемъ новой исторіи; весь міръ услыхалъ о могучей королевѣ-дѣвственницѣ, которая переписывалась даже съ далекою Москвой. Тайна этого могущества крылась въ томъ, что Елизавета была умной патріоткой во внутреннихъ дѣлахъ, не смотря на свое пристрастіе къ дипломатіи. Она сразу водворила порядокъ и бережливость и издала мѣры, до нашего времени служившія основой *законодательства о бѣдныхъ*. Она поняла, что въ быту націи наступилъ переворотъ, и стала творцомъ *морского владычества* Англіи. Появились такіе герои крейсерства и колонизаціи, какъ Дрекъ, Девисъ, Ралей. И торговля англичанъ достигла неожиданныхъ размѣровъ: возникли *Остъ-индская компанія* и *лондонская биржа*, соперница амстердамской. Англія превращалась въ промыш-

ленную страну, благодаря пріему иновѣрцевъ изъ Фландріи, которые научили ее шерстяному производству. Англичанъ охватилъ и энтузіазмъ къ высшимъ стремленіямъ. Возникло широкое *умственное* движеніе, озарившее «вѣкъ Елизаветы» міровой славой, въ лицѣ Шекспира и Бекона, помимо цѣлой плеяды видныхъ писателей. Новое направленіе проявилось также въ университетахъ и «грамматическихъ школъ», гдѣ обучались горожане и джентри. Отсюда выходило свѣжее духовенство, которое забивало невѣждъ и пьяницъ стараго клира. Походъ реакціи противъ Елизаветы послужилъ въ пользу нововѣрію: при воцареніи «феи» было $^3/_4$ католиковъ; при ея смерти они гнѣздились только на малолюдномъ сѣверо-западѣ страны. Много значила и терпимость, которою отличалась первая половина царствованія гуманистки. Тогда только для порядка былъ изданъ Актъ Единообразія, по которому государственною религіей становился англиканизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился при Эдуардѣ VI: Елизавета требовала лишь внѣшней «сообразности» (conformity) съ нимъ, прибавляя, что «мнѣніе сохраняется свободнымъ». Но въ этомъ властительномъ исканіи единства, такъ же какъ въ неполнотѣ Эдуардовой реформаціи, лежали сѣмена великихъ бѣдствій: католики не могли признавать «верховности» королевы, протестанты не могли терпѣть слѣдовъ «идолопоклонства» въ культѣ. Особенно горячились послѣдніе; желая «очистить» англиканизмъ, они приняли названіе пуританъ (лат. purus — чистый); а такъ какъ они выставляли такое шотландское устройство противъ епископства, то ихъ называли еще пресвитеріанами. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше ожесточались эти фанатики; часть ихъ, «браунисты», начали отвергать даже всякую церковь.

Тогда раздражилась и дряхлѣющая королева—и вторая половина царствованія омрачилась религіозными гоненіями, хотя Елизавета первая изъ государей старалась оправдать ихъ требованіями политики. Явилась *церковная комиссія*, которая проникала даже въ семью и школу, слѣдя за единообразіемъ. И католики, и пуритане подвергались преслѣдованіямъ. Возникла строгая цензура; было сокращено число типографій. Въ *Ирландіи* стали вводить англиканство суровыми мѣрами. Этимъ воспользовался Филиппъ II. Онъ послалъ туда іезуитовъ и даже поддержалъ ихъ эскадрой—и вспыхнулъ крупный мятежъ, который погубилъ любимца королевы, графа Эссекса. Это доканало Елизавету, которую уже давно угнетало чувство одиночества. Преданные сотрудники ея героической поры сходили со сцены; новое поколѣніе, это почти аскетическое порожденіе религіозныхъ бурь, не понимало дочери полуязыческаго Возрожденія. Елизавета умерла (1603), назначивъ наслѣдникомъ сына соперницы, Якова Стюарта.

Религіозныя войны во Франціи.

Католическая реакція отразилась и во Франціи жестокими усобицами послѣ мира въ Като-Камбрези. Онѣ связаны съ *Катериной Медичи*, которая руководила своими бездарными сыновьями—Карломъ IX и Генрихомъ III. Для ея отца была написана книга Макіавеля; изъ нея выработалась фанатичная, суевѣрная и кровожадная интригантка, правиломъ которой было—властвовать, уравновѣшивая партіи посредствомъ взаимныхъ раздоровъ. Такой нейтралитетъ былъ понятенъ. Передъ коварной медичеянкой стояли двѣ равносильныя стороны. У гугенотовъ, явились уже вожди, въ лицѣ наслѣдниковъ престола послѣ Валуа—*Бурбоновъ* и сильныхъ Шатильоновъ: первые выставили короля наварскаго, юнаго Генриха и даровитаго Людовика I Кондэ, вторые—знаменитаго полководца и «новаго Аристида», адмирала *Колиньи*. Вождями католической реакціи выступили герцоги *Гизы*—мелкіе, честолюбивые, готовые на все выходцы изъ Лотарингіи, для которыхъ Франція была лишь ступенью къ власти. Ихъ поддерживала масса, обольщенная ихъ фанатизмомъ, богатствомъ, пышностью и наглостью. Сама Катерина испугалась Гизовъ, которые протягивали руки къ коронамъ Франціи, Шотландіи и Англіи

(Марія Стюартъ была ихъ племянница); она выдвинула среднюю партію «*политиковъ*» или умѣренныхъ людей. Гизы отвѣчали истребленіемъ гугенотовъ въ одномъ городкѣ, что заставило нововѣрцевъ вооружиться въ Ларошели. Такъ начались *религіозныя войны* (1562). Ихъ было восемь; длились онѣ болѣе 30-ти лѣтъ, съ необычайнымъ ожесточеніемъ. Ихъ поддерживалъ разгаръ міровой борьбы: къ Гизамъ прибывали итальянцы папы, испанцы Филиппа II и швейцарцы лѣсныхъ кантоновъ; гугенотамъ помогали отряды Елизаветы и Оранскаго, также ландскнехты протестантскихъ фюрстовъ. Наконецъ, Катеринѣ удалось примирить враговъ и, для закрѣпленія дружбы, женить Генриха Бурбона на своей дочери, Маргаритѣ Валуа. Она устроила пышную свадьбу, задумавъ вызвать въ столицѣ столкновеніе между гугенотами и Гизами и уничтожить тѣхъ и другихъ, подъ предлогомъ водворенія порядка. Но вышла ужасная *Варѳоломеевская ночь* (1572). Благодаря іезуитамъ и испанскимъ червонцамъ, у католическихъ парижанъ «закипѣла кровь»— и Катерина присоединилась къ фанатикамъ. Ночью произошло избіеніе гугенотовъ, съ самимъ Колиньи во главѣ. По провинціямъ повторялась «парижская кровавая свадьба».

Но преступленіе пало на голову виновниковъ. Иностранные протестанты отшатнулись отъ Франціи. У самихъ французовъ пробудилась ненависть къ Катеринѣ и Гизамъ и сочувствіе къ Бурбонамъ. Среди католиковъ росла партія «политиковъ». Карлъ IX, стрѣлявшій въ гугенотовъ въ страшную ночь, умеръ, преслѣдуемый кровавыми призраками. Его братъ, *Генрихъ III*, также склонился къ политикамъ, страшась свирѣпаго и коварнаго Генриха Гиза, и далъ гугенотамъ много правъ. А при его бездѣтности, наслѣдникомъ становился доблестный «Беарнецъ», какъ называли Генриха Бурбона. Испуганный Гизъ составилъ *Священную Лигу* изъ фанатиковъ, которая заключила союзъ съ Филиппомъ II: и началась «война трехъ Генриховъ». Въ ней палъ, прежде всего, Генрихъ Гизъ, заколотый на порогѣ кабинета короля. За это доминиканецъ Клеманъ зарѣзалъ самого короля Генриха III. Гугеноты тотчасъ провозгласили Беарнца *Генрихомъ IV*. Но за него стояла только $^1/_6$ страны; а войска Филиппа и папистовъ шли отовсюду къ Парижу. Человѣкъ жизнерадостный и глубокомысленный, Генрихъ и самъ недолюбливалъ педантичнаго кальвинизма. Въ 1593 г. онъ перешелъ въ католичество—и Парижъ съ восторгомъ отворилъ ему ворота. Испанцы были изгнаны изъ Франціи. Папа, за возвращеніе іезуитовъ, примирился съ Генрихомъ и даже отдалъ за него свою племянницу Марію Медичи, которая вскорѣ подарила Францію наслѣдникомъ Людовикомъ. Будущность *династіи Бурбоновъ* была обезпечена. Во Франціи прекратились католическая реакція и религіозныя войны.

Генрихъ IV. Французы недаромъ называютъ *Генриха IV* Великимъ и любятъ его больше всѣхъ своихъ королей: это былъ честный и геніальный труженикъ на тронѣ. Великій полководецъ, онъ не увлекался военной славой. Искусно устраивая настоящее, онъ думалъ о будущемъ, создавалъ широкіе политическіе планы, выходившіе за предѣлы эпохи. Таковъ же былъ его другъ и правая рука—герцогъ *Сюлли*, покровитель мужиковъ, правдивый, честный, трудолюбивый гугенотъ. Они сходились въ основѣ—въ признаніи необходимости *мирнаго порядка*, который могъ дать только просвѣщенный и патріотичный *абсолютизмъ*. Генрихъ подавлялъ феодализмъ и притязанія клира и развивалъ вѣротерпимость: его правленіе началось *нантскимъ эдиктомъ* (1598), по которому гугеноты были уравнены въ правахъ съ католиками и получили въ обезпеченіе много крѣпостей. Зато католикамъ были возвращены церковныя имущества и были разрѣшены всѣ новые монашескіе ордена. Генрихъ и Сюлли дополняли другъ друга тѣмъ, что министръ полагалъ все зна-

чевіе государства въ *земледѣліи* и крестьянинѣ, а король высоко ставилъ *промышленность* съ *торговлей* и буржуазію. И Франція быстро двинулась впередъ по пути матеріальнаго благосостоянія.

Величава была и внѣшняя политика Генриха, далеко опережавшая вѣкъ и сдѣлавшая его вершителемъ судебъ Европы и отчасти Востока. Конечно, прежде всего нужно было сломить преобладаніе Габсбурговъ. Но это значило выступить противъ всего католичества—и Генрихъ создалъ небывалый планъ: Европа перестраивается по *идеѣ національности* и образуетъ одно цѣлое на основахъ религіозной свободы и равноправія; изгнавши турокъ, всѣ государства заключаютъ *вѣчный миръ* съ тѣмъ, чтобы споры между ними разрѣшались международнымъ судомъ изъ ихъ депутатовъ. Этотъ «великій замыселъ»—мечта, путь къ которой лежалъ черезъ жестокое кровопролитіе. Но и здѣсь у Генриха была новая идея: онъ первый сознательно предпринималъ войну не съ религіозной, а съ чисто *политической* цѣлью. Король-католикъ открыто вступилъ въ союзъ съ султаномъ и нѣмецкими протестантами и двинулъ на Рейнъ, противъ Габсбурговъ, невиданную по размѣрамъ и стройности армію. Но передъ походомъ герой новаго времени палъ жертвой средневѣковыхъ пережитковъ. У Генриха оставалось два врага, противъ которыхъ была безсильна даже любовь народа—феодализмъ и іезуитство. Знать все еще не хотѣла разстаться съ старыми преданіями: возникло до 20 заговоровъ, какъ среди католическихъ, такъ и среди гугенотскихъ вельможъ. Впрочемъ они затихли, когда Генрихъ казнилъ своего мятежнаго друга, герцога Бирона. Онъ больше боялся «іезуитскаго кинжала» и осыпалъ патеровъ милостями. Его и зарѣзалъ подосланный іезуитами Равальякъ (1610).

Католическая реакція въ Швеціи и Германіи.

Католическая реакція измучила не одинъ юго-западъ Европы. Она работала по всему материку, до крайняго сѣверо-востока. Въ *Швеціи*, сынъ Густава Вазы, Іоаннъ III, подчиняясь своей женѣ, полькѣ, принялъ іезуитовъ и перешелъ въ католичество. Правда, его братъ, Карлъ IX, напоминавшій отца, снова утвердилъ протестантизмъ и смирилъ вельможъ; а его даровитый сынъ, Густавъ Адольфъ, поставилъ Швецію въ рядъ первостепенныхъ державъ. Зато *Польша* стала однимъ изъ очаговъ католической реакціи при «королѣ іезуитовъ», Сигизмундѣ III. Началось безконечное преслѣдованіе «диссидентовъ»—протестантовъ и православныхъ, и истреблялась культура Возрожденія.

Позже Польшу превзошла въ этомъ отношеніи родина нововѣрія, *Германія*. Но во второй половинѣ XVI-го в. здѣсь уже подготовлялась бѣда. Она обнаружилась предварительно въ реакціи среди самого лютеранства. Сначала, послѣ аугсбургскаго мира, протестантизмъ еще дѣлалъ успѣхи: онъ овладѣлъ даже большею частью южной Германіи и пріобрѣлъ цѣлое новое государство—*Курляндію* (1561), которое образовалось изъ ордена меченосцевъ, какъ ленъ Польши. Императоры Фердинандъ I и Максимиліанъ II отличались терпимостью. Максимиліанъ былъ даже другомъ Меланхтона, ненавидѣлъ Филиппа II и называлъ папистовъ «слугами дьявола». Но вслѣдъ затѣмъ въ самомъ протестантизмѣ разразился расколъ между реформатами и *православными*, какъ стали называть себя лютеране. Кальвинизмъ дѣлалъ быстрые успѣхи въ Германіи. Его приняли Пфальцъ и сама Саксонія. Его душой сталъ виттенбергскій университетъ и самъ Меланхтонъ. Это возмутило педантовъ лютеранства, гнѣздомъ которыхъ сталъ іенскій университетъ. Гдѣ у нихъ была власть, они учиняли расправы съ «кальвинскимъ ядомъ», напоминавшія подвиги Альбы. Между тѣмъ среди нихъ самихъ возникали жестокія усобицы, въ которыя вовлекались фюрсты. Отсюда сначала застой, потомъ паденіе протестантизма. Этимъ пользовались іезуиты. Они издавали народные катехизисы, лечили больныхъ, выручали бѣдныхъ. Они заводили въ

Германіи свои школы и захватывали университетскія каѳедры, воспитывая юныхъ фюрстовъ и наслѣдниковъ престола въ Австріи и Баваріи. И въ лоно католичесва уже возвратились Вестфалія съ Баденомъ, а Баварія стала даже оплотомъ папства. Въ концѣ вѣка за Баваріей послѣдовала и Австрія, благодаря сыну Максимиліана, *Рудольфу II*, питомцу Филиппа II, отдавшему дѣла въ руки іезуитовъ. Подготовлялась ужасная война между католиками и протестантами въ то время, какъ турки грозили захватить самую Вѣну.

Блескъ ислама. Порта стала тогда поистинѣ Блистательной. Когда начиналась реформація, ея престолъ занялъ *Сулейманъ*, прозванный мусульманами *Великолѣпнымъ*. При немъ Турція достигла своего высшаго развитія, особенно благодаря раздорамъ среди христіанъ. Сулейманъ отнялъ Бѣлградъ у мадьяръ, а Родосъ—у іоаннитовъ, которые удалились на Мальту, затѣмъ бросился за Дунай, куда какъ бы призывалъ его союзъ съ Францискомъ I. Онъ уничтожилъ христіанскую армію подъ Могачемъ (1526), подчинилъ себѣ почти всю Венгрію и заставилъ императора платить себѣ дань. Затѣмъ Сулейманъ, съ помощью своихъ африканскихъ пиратовъ, началъ захватывать и западный бассейнъ Средиземнаго моря, въ отместку Филиппу II за морисковъ: въ его доблестныхъ войскахъ всегда было гораздо больше порядка, пушекъ, инженеровъ и денегъ, чѣмъ у христіанъ. Въ Портѣ было и строгое управленіе, руководимое потурченными христіанами: явилось много новыхъ законовъ, школъ, красивыхъ мечетей, библіотекъ, а также ученыхъ, поэтовъ и даже поэтессъ. Но все это служило лишь внѣшнимъ блескомъ для внѣшняго же порядка. Если подъ конецъ даже арабская цивилизація представляла картину запустѣнія, то тѣмъ скорѣе отцвѣла въ Турціи чисто-исламская культура, стѣсненная Кораномъ и восточнымъ султанатомъ. Уже послѣ Сулеймана началось всестороннее паденіе османліевъ и всего ислама. Про науки и искусства нечего и говорить: разрушалось само государство, мертвый строй котораго падалъ въ то время, какъ Европа крѣпла, пріобрѣтала порядокъ и переходила въ наступленіе противъ луны. За военнымъ напряженіемъ у мусульманъ слѣдовала апатія: въ мирное время у нихъ не было дѣла и всѣ впадали въ чувственность да спячку. Оттого они не могли слить съ собою покоренныхъ христіанъ, которые рвались къ дѣятельности и вырабатывали собственный культурный типъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ Порты, падали и ея приспѣшники въ Африкѣ. Признаки паденія Турціи обнаружились тотчасъ послѣ Сулеймана. Янычары обратились въ преторіанцевъ, стали играть престоломъ. А христіане впервые соединились и разгромили мусульманъ у Лепанто. Къ концу періода все разстраивалось. Турки уже съ трудомъ сдерживали напоръ свѣжаго опаснаго врага—*ново-персидскаго* царства, возникшаго около 1500 г. Они лишь по имени повелѣвали крымскими ханами и почти не трогали Европы. При дворѣ настало господство сераля—султаншъ, бѣлыхъ и черныхъ евнуховъ, нѣмыхъ уродовъ и шутовъ. Визири смѣнялись чуть не каждый годъ: за это мѣсто дорого платили. Султаны нерѣдко вѣшали богачей и вельможъ изъ-за ихъ имущества. Янычары окончательно стали «лютыми звѣрями власти». Вкусившая роскоши знать стала грабить казну и народъ, особенно райю, которую она отталкивала еще фанатизмомъ. А райя жила особнякомъ, какъ государство въ государствѣ, повинуясь мановенію константинопольскаго патріарха.

Колоніальный вопросъ. Индія. Между тѣмъ какъ исламъ началъ терпѣть стѣсненія на западѣ и особенно въ Россіи, онъ твердо держался въ Азіи и Африкѣ. Но и здѣсь христіанство уже выступало противъ него, а также противъ мѣстнаго язычества: зарождался великій *колоніальный вопросъ*, связанный съ *открытіями*. Здѣсь главными дѣятелями все еще были *португальцы*, открывшіе «южный» путь въ Индію. Послѣ Васко де-Гамы они стали ходить туда цѣлыми эскадрами

съ боемъ, такъ какъ столкнулись уже не съ дикарями. У индусовъ была старинная цивилизація, а рядомъ процвѣтала исламская культура: арабы покорили туземныхъ царьковъ, овладѣли торговлей Индіи съ Александріей; ихъ поддерживали мамелюки и турки Египта, персіяне и венеціанцы; у нихъ были ружья и сотни пушекъ. Но португальцамъ помогла ненависть индусовъ къ арабамъ, да распри между туземными феодалами, раджами, на *Малабарскомъ берегу*, которые боролись также съ своимъ царемъ, обитавшимъ въ Калькутѣ. У нихъ еще не отжило поколѣніе «океанскихъ рыцарей», образцомъ которыхъ былъ «губернаторъ» Индіи, Альбукеркъ, который напоминалъ Колумба и талантами, и печальною судьбой. Онъ отнялъ у арабовъ узелъ индійской торговли—*Гоа*, (1510) и обратилъ малабарскихъ раджей въ своихъ вассаловъ. Послѣ него португальцы стали владыками Индійскаго океана, хозяевами торговли Европы съ дальнимъ Востокомъ. Ихъ вліяніе поддерживалось такими богатырями миссіонерства, какъ «апостолъ Индіи», Ксаверій.

Но къ концу періода и здѣсь отразилась европейская реакція. Когда Филиппъ II покорилъ Португалію, *испанцы* стали грабить ея колоніи и заглушать ихъ развитіе, съ помощью іезуитовъ и инквизиціи. Они открыли «западный» путь въ Индію, хотя благодаря португальцу же Магеллану, который совершилъ первое *кругосвѣтное плаваніе* (1594) и открылъ Тихій океанъ. Вслѣдъ за испанцами, новые враги нанесли главный ударъ португальцамъ: побѣдители Филиппа II, *голландцы*, а затѣмъ и *англичане*, устремились въ Индію и уже вытѣснили владыкъ Индійскаго океана изъ тамошняго архипелага. Такъ падало раннее колоніальное величіе Португаліи, воспѣтое Камоэнсомъ. Оно доставило ей много славы и мало добра.

Новый Свѣтъ. Успѣхи европейцевъ въ колонизаціи Востока стушевывались передъ чудесами въ Новомъ Свѣтѣ. Европейцы нашли тамъ слѣды своеобразной и весьма древней культуры. Туземцы Америки, краснокожіе *индѣйцы*, напоминали желтыхъ Азіи, о которыхъ гласили и ихъ преданія. Въ незапамятныя времена они достигли, въ долинѣ Миссисипи, извѣстной культуры, слѣды которой, схожіе съ японскими древностями, мы видимъ во множествѣ насыпей; археологи назвали ихъ тутъ «курганщиками». Южнѣе, отъ Техаса до Калифорніи, обитали въ скалахъ болѣе цивилизованные «утесники»; въ Центральной Америкѣ существовала культура, которая напоминаетъ чудеса Египта и Индіи; но она уже лежала въ развалинахъ, слѣды которыхъ еще сохранились въ Юкатанѣ. Въ Южной Америкѣ видимъ ту же лѣстницу цивилизаціи, отъ полудикихъ караибовъ и патагонцевъ до образованныхъ перувіанцевъ. Около 1500 г. самыми цивилизованными изъ этихъ индійскихъ племенъ были: въ Центральной Америкѣ—*ацтеки*, построившіе роскошную Мексику, на озерѣ, на сваяхъ, въ Южной—*инки*. Тѣ и другіе еще не знали желѣза; но у нихъ были развиты земледѣліе, шерстяное производство и обработка золота и серебра. Было даже письмо, хотя еще образное. Правительство ацтековъ, окруженное массой жрецовъ кровожадной религіи, отличалось жестокимъ деспотизмомъ. Напротивъ «инки» (цари), сосредоточенные въ Перу, отличались мягкостью и мирнымъ поклоненіемъ солнцу. Они не знали частной собственности; земля ежегодно передѣлялась между всѣми; ткани распредѣлялись чиновниками между ихъ изготовителями; цари даже устраивали браки своихъ подданныхъ.

Конквиста. Новый Свѣтъ сулилъ великое будущее. Въ XVI-мъ в. онъ сталъ душой колоніальнаго дѣла. Оттого открывшіе его испанцы увлекались имъ до безумія. «Океанійскіе рыцари», созданные Колумбомъ, узнали только дикарей Вестъ-Индіи. Ихъ преемники открыли материкъ *Центральной Америки* у Мексиканскаго залива и пробрались въ «Южное море» (1515), какъ назвали они Тихій океанъ. Наконецъ, испанцы проникли въ Мексику,—событіе, ко-

торое послужило началомъ новой эпохи; доблестная пора открытій смѣнилась славною, но мрачною *конквистой* или «завоеваніемъ». Въ одно поколѣніе (1520—1550) конквистадоры разнесли всю американскую цивилизацію. Но напрасно побѣдители приписывали это чудо своей нравственной силѣ. Поведеніе конквистадоровъ—позоръ человѣчества; они даже заглушили наивную довѣрчивость и честность туземныхъ массъ; а власти ацтековъ могли выгодно сравнивать свою кровожадность съ религіозными войнами въ Европѣ, съ изгнаніемъ мавровъ и евреевъ, съ подвигами инквизиціи, съ травлей туземцевъ собаками въ самой Америкѣ и съ обращеніемъ ихъ въ рабство. Испанцы побѣдили желѣзомъ, порохомъ, конемъ, печатнымъ станкомъ да тѣмъ суевѣріемъ невѣжественной толпы, которое преобразило невиданныхъ бѣлыхъ людей въ героевъ, а ихъ вождя—въ страшнаго полубога. Первымъ героемъ конквисты былъ кровожадный, властительный фанатикъ Кортесъ, который съ горстью, головорѣзовъ, уничтожилъ царство ацтековъ въ *Мексикѣ*. Его родственникъ Пизарро, взявшій его себѣ идеаломъ, точно также чудесно захватилъ царство инковъ въ *Перу*. Затѣмъ испанцы открыли р. Мараньонъ, завладѣли цивилизованной *Колумбіей*, утвердились даже въ *Боливіи*, *Чили* и *Ла-Платѣ*, между тѣмъ какъ португальцы захватили *Бразилію*. Когда кончились ужасы конквисты, настала мирная эпоха. Первые «вице-короли» Испаніи правили мягко, разумно. Всюду строились существующіе и теперь города; участь рабовъ смягчалась; испанцы смѣшивались съ туземцами; ихъ языкъ и религія утвердились повсюду.

Сѣверная Америка. Слѣдствія открытій.

Послѣдствія открытій и конквисты были различны, такъ какъ испанцы нашли разные быты, а потомъ къ нимъ стали присоединяться другія націи Европы, вносившія свои особенности въ новую жизнь. *Антильцы* Вестъ-Индіи и *караибы* или канибы на сѣверѣ Южной Америки были дикарями каменнаго вѣка; только первые отличались кротостью, вторые же—такою кровожадностью, что людоѣдство было названо «каннибальствомъ». А *ацтеки* и *инки* уже создали высокую культуру, которая въ Перу была даже свободна отъ человѣческихъ жертвъ. Туземцы тѣмъ скорѣе гибли, подъ вліяніемъ европейцевъ, чѣмъ ниже была ихъ культура. Конквистадоры не считали дикарей людьми: «надѣлы» съ ихъ барщинами, рудниками и жемчужными ловлями, фанатизмъ, европейскія болѣзни (оспа) изводили несчастныхъ, которые часто сами отравлялись цѣлыми общинами. Истребленіе лѣсовъ вело къ засухамъ и неурожаямъ; а золото скоро истощилось—и сами испанцы, важно, подъ зонтиками и опахалами, таскаемые на носилкахъ толпами рабовъ и гарема, часто не имѣли ни сапогъ, ни штановъ. Привезенныя животныя дичали: привились только кони и коровы. Наиболѣе гибельны были *плантаціи* (насажденія) кофе и особенно сахарнаго тростника: изъ сожалѣнія къ антильцамъ, добрый священникъ *Ласъ-Казасъ*, выхлопоталъ у Карла V позволеніе плантаторамъ вывозить рабовъ изъ Африки—и возникла *негроторговля* (1520).

Погибла и культура ацтековъ и инковъ, которая передъ тѣмъ стремилась овладѣть всѣмъ Новымъ Свѣтомъ: теперь видимъ лишь массу величавыхъ развалинъ въ Мексикѣ, Юкатанѣ и Перу. Но здѣсь возникли европейскія царства съ смѣшанной породой, сложилась своеобразная полная противорѣчій, жизнь изъ сліянія высокихъ и низкихъ чертъ въ типѣ конквистадора. Преобладала одна только общая черта испанцевъ—набожность: всюду появились іезуиты съ своими семинаріями и миссіями. Іезуиты открыли *Парагвай*, гдѣ образовали библейско-патріархальное царство (1586); они устроили туземцевъ сельскими общинами и обращались съ ними, какъ съ дѣтьми; оградились крѣпостями, не пуская къ себѣ даже испанцевъ; быстро разбогатѣли отъ обширной торговли и трудолюбія подданныхъ. За исключеніемъ этой своеобразной республики, всѣ владѣнія испанцевъ въ Америкѣ развивали бытъ метрополіи, съ небольшими измѣненіями, по требованію мѣстныхъ условій. Они

были раздѣлены на два вице-королевства—*Новую Испанію* (Мексика и *Новую Кастилію* (Перу, Боливія, Чили, Ла-Плата). Испанскія колоніи много терпѣли отъ собственнаго правительства, которое губило здѣсь народъ такъ же, какъ и въ метрополіи. Онѣ влачили жалкое существованіе, пока не освободились отъ мадридскаго ига уже въ XIX-мъ вѣкѣ.

Совсѣмъ другая судьба ждала *Сѣверную Америку*. Здѣсь выступили другія европейскія націи, и именно самыя сильныя и цивилизованныя—французы, голландцы, въ особенности же англичане: за испанцами оставалась навремя одна *Флорида*. Колумбомъ Сѣверной Америки былъ французъ Картье, открывшій р. св. Лаврентія (1534), устья которой назывались тогда Новою Землей или *Акадіей*. Здѣсь-то французамъ удалось основать единственную прочную колонію — Квебекъ (1608), это зерно будущей *Канады*, которую назвали тогда Новою Франціей. Но и она долго едва прозябала: ее мучили войны съ ирокезами, которыхъ раздражали іезуиты, плохое управленіе, заброшенность со стороны метрополіи. Столь же печально было положеніе французскихъ сосѣдей—голландцевъ. Они основали было Новый Амстердамъ (1614); но полвѣка спустя, англичане отняли его и переименовали въ *Нью-Іоркъ*. Англичане оказались наилучшими колонизаторами. Явившись въ Америку позже другихъ, они сразу утвердились крѣпче всѣхъ. Они образовали двѣ торговыхъ компаніи, посылавшія колонистовъ, въ которыхъ не было недостатка, вслѣдствіе религіозныхъ волненій въ Англіи. Сначала была занята *Виргинія*, потомъ *Мериландъ*, названныя такъ въ честь королевы-дѣвственницы и Маріи Тюдоръ; а къ 1650 г. было уже восемь провинцій. Изъ нихъ только Виргинія была королевской колоніей, да и тамъ устроили парламентъ, на подобіе англійскаго: остальныя колоніи представляли видъ независимыхъ республикъ.

Изъ четырехъ типовъ культуры, господствовавшихъ въ средніе вѣка сохранилось только два—славянскій и западный. Славянскій развивался медленно и все больше подчинялся вліянію западнаго, даже у самаго сильнаго народа—у русскихъ. Въ западномъ же типѣ произошли важныя измѣненія, придавшія XVI-му вѣку значеніе плодотворнаго начала *новой* исторіи, На Западѣ политическій бытъ представлялъ прямое развитіе началъ, возникшихъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Усиливалось *національное* и *земельное* сплоченіе, задерживаемое лишь фанатизмомъ, который часто раздѣлялъ одинъ и тотъ же народъ на два лагеря. Всюду видимъ подвиги патріотизма, который уже выдвинулъ своихъ героевъ на тронѣ—Густава Вазу, Елизавету и Генриха IV, мечтавшаго даже перестроить міръ именно по національной идеѣ. Народность уже ярко отражалась въ своихъ языкахъ, литературахъ, искусствахъ. Развивалось и единеніе между націями: тогда только Западъ становился *Европой*—сознаніе, которое поддерживалось сравненіемъ съ иными породами и культурами въ другихъ частяхъ Свѣта. Въ самыхъ образованныхъ и слабыхъ государствахъ—въ Италіи, особенно въ Венеціи, возникла *дипломатія*, съ постоянными «резидентами» и «посланниками»; а вмѣстѣ съ нею выступило и *международное право*, основанное на *политическомъ равновѣсіи*. Даже итальянскія войны превратились подъ конецъ изъ феодальныхъ въ европейскія, дипломатическія. Міровая «монаркія» Карла V разбилась о силу «лигъ» и «коалицій». Генрихъ IV мечталъ даже о вѣчномъ мірѣ, съ помощью международнаго суда,—идея, которая уже жила въ народѣ: Сюлли заимствовалъ ее изъ преданія, ходившаго у гугенотовъ. Точно такъ же нейтралитетъ Швейцаріи не былъ искусственнымъ созданіемъ дипломатіи: онъ вытекъ изъ народнаго сознанія, какъ необходимая опора европейскаго мира. **Государство.**

Внутри каждой націи развилось *политическое* сплоченіе; средневѣковый ограниченный монархизмъ вездѣ стремился превратиться въ абсолютизмъ. Онъ уже достигъ цѣли въ *Испаніи*, гдѣ не было религіозныхъ волненій. Послѣ

бунта коммунеровъ Карлъ V правилъ самолично. Во *Франціи* сначала также развивалось дѣло Людовика XI. Францискъ I монархизовалъ церковь, отнималъ самоправленіе у городовъ. О государственныхъ чинахъ уже не было и помину; вмѣсто нихъ изрѣдка созывались «нотабли»—назначенные королемъ вельможи и епископы. Феодальныхъ сановниковъ замѣнили «государственные секретари»—министры монарха, составлявшіе «королевскій совѣтъ». Въ каждой провинціи сидѣлъ «губернаторъ»—alter ego короля. Религіозная смута задержала развитіе абсолютизма во Франціи: воскресали и феодализмъ, и государственные чины. Но послѣ ужасовъ междоусобія страна больше прежняго прильнула къ абсолютизму, обновившемуся такимъ идеаломъ, какъ Генрихъ IV, сказавшій: «король долженъ дѣлать не все, что можетъ». Въ *Англіи* же Елизавета съ трудомъ отстаивала «новую монархію»: тамъ продолжалось развитіе парламентаризма. Но и королева-фея по цѣлымъ годамъ не созывала парламента. Въ *Скандинавіи* монархизмъ еще боролся съ сильною аристократіей, но уже побѣждалъ подъ конецъ. Въ *Германіи* также развивался абсолютизмъ, но своеобразно. Онъ сосредоточивался въ рукахъ фюрстовъ, которые обратили своего императора въ «одну тѣнь», воспользовавшись выгодами реформаціи. Самъ императоръ становился абсолютнымъ владыкой, въ качествѣ *австрійскаго* государя. Абсолютизмъ выдвигался и въ *Италіи*, подъ вліяніемъ Испаніи. Папы также истребляли замки и муниципіи, пользуясь раздорами между партіями; они первые завели продажу должностей и систему государственныхъ долговъ. И уже покушенія на жизнь преслѣдовали почти каждаго изъ нихъ. Герцоги Савоіи и Пьемонта твердо шли къ той же цѣли, истребляя остатки средневѣковыхъ вольностей и округляя свои владѣнія. Въ Европѣ было только двѣ республики не по одному имени—Швейцарія и Голландія, причемъ послѣдняя представляла первый образчикъ свободной *федераціи* въ новое время. По голландской конституціи, законодательная власть принадлежала «генеральнымъ штатамъ»—правильному собранію депутатовъ семи провинцій въ Гаагѣ; но внѣ общихъ дѣлъ каждая провинція управлялась собственными «чинами» имѣла свой судъ и право остракизма. Исполнительная власть принадлежала «штатгалтеру», за которымъ даже на войнѣ присматривала комиссія штатовъ; но это званіе было наслѣдственно въ Оранскомъ домѣ. Изъ этой сложной конституціи вскорѣ вытекла борьба аристократовъ (знать и бюргеры) съ демократами: первыхъ называли «республиканцами и патріотами», вторыхъ—«монархистами и оранцами».

Общество. Съ усиленіемъ абсолютизма, падала феодальная *аристократія* или второй государственный чинъ. Она сохраняла свою силу только въ мелкихъ государствахъ—въ Венгріи, Богеміи и Польшѣ, въ Швеціи, Даніи и Шотландіи. И только въ Англіи второй чинъ до того утвердился въ формѣ джентри, что реформація только содѣйствовала его развитію: секуляризація доставила ему $^1/_5$ Англіи. По мѣрѣ паденія высшихъ сословій выдвигается *третій чинъ*. Событія XVI-го вѣка еще болѣе его дѣло, чѣмъ событія XIV—XV в.: онъ служилъ основой нововѣрія, родникомъ и идейной, и матеріальной культуры.

Церковь. *Первый чинъ* потерпѣлъ самое сильное превращеніе, благодаря реформаціи, которая отняла у папства почти пол-Европы. Развитіе абсолютизма и свѣтскихъ, національныхъ интересовъ наносило новый ударъ римской куріи. Возрожденіе католичества не помогло папству. Но оно придало римской церкви единство. А именно этого недоставало протестантству. Здѣсь кишѣли секты, пользуясь духомъ «свободнаго изслѣдованія» или критики. Классической страной разновѣрія была Англія. Здѣсь возникло множество раскольниковъ, которыхъ называли «нонконформистами» (несообразниками) или «диссентерами» (несогласными). Отсюда вытекъ пуританизмъ, который сталъ подъ знамя республиканской ѳеократіи или пресвитеріанства съ тѣхъ поръ, какъ Елизавета

впала въ реакцію. Тогда же изъ него выдѣлились «индепенденты» (независимые), не признававшіе никакихъ внѣшнихъ законовъ.

Всѣ эти секты стушевываются передъ основнымъ расколомъ въ протестантствѣ; лютеранство и реформатство были непримиримыми врагами, расходясь между собой не столько въ догмѣ, сколько во взглядѣ на задачи религіи, на ея отношеніе къ жизни. Реформатство—реформація по преимуществу: это—реальное, нравственное, демократическое и прогрессивное начало; лютеранство же—средневѣковый церковный идеализмъ, догматизмъ, абсолютизмъ, и реакція. Страсть къ богословскимъ спорамъ и нетерпимость сдѣлали лютеранъ всеобщимъ посмѣшищемъ. Они болѣе свирѣпо, чѣмъ католики, преслѣдовали кальвинистовъ.

Обуреваемая внутренними усобицами церковь утрачивала культурное вліяніе на массы, которыхъ она не могла обучать за недосугомъ. За просвѣщеніе народовъ брались свѣтскія силы. Въ началѣ періода то былъ все еще гуманизмъ, который именно тогда проникалъ изъ-за Альпъ. Эразмъ создавалъ новую педагогію на основахъ классицизма, какъ орудія образованія. Также смотрѣлъ на дѣло Лютеръ и «учитель Германіи», Меланхтонъ, создавшій цѣлую систему низшаго и средняго образованія. Развивалось и высшее образованіе. Германія стала страной университетовъ; въ Парижѣ прославилась Французская Коллегія; гуманизмъ овладѣлъ даже Оксфордомъ и Кембриджемъ. Всюду заводились библіотеки и академіи или научно-литературныя общества. Сильно двинулось впередъ книгопечатаніе. Грамотность сдѣлала небывалые успѣхи. **Просвѣщеніе.**

Это просвѣтительное движеніе было пріостановлено реакціей временъ возрожденія католичества. Въ педагогіи выдвинулись на первый планъ іезуиты. У нихъ-то классицизмъ обратился въ схоластическій формализмъ, въ зубреніе хрестоматій. Лютеранская педагогія, въ эпоху реакціи, отличалась отъ іезуитской только по внѣшности, и къ своей невыгодѣ. Здѣсь школьные планы входили въ «церковные уставы». Университеты стали продолженіемъ бурсы; студентъ сталъ типомъ опаснаго безобразника. Но сѣмена Возрожденія хранились въ лучшихъ умахъ, какъ залогъ исправленія. Въ лицѣ Монтеня видимъ зародышъ новой педагогіи.

Но главнымъ средствомъ просвѣщенія уже становилась *новая* или *національная* литература, въ смыслѣ изящной словесности. Она зародилась въ Италіи. Здѣсь уже гуманисты начинали писать на родномъ языкѣ; затѣмъ выступили чисто-національные поэты. На нихъ конечно отразились общія черты времени. Сначала слышались отголоски гуманизма — гордость, жизнерадость, даже скептицизмъ, особенно относительно папства: таковъ Аріосто. Потомъ при реакціи, проявились черты средневѣковой церковности—пессимизмъ, самобичеваніе, а также ханжество и раболѣпіе: это—Тассо. Затѣмъ слѣдуетъ окончательное паденіе поэзіи, въ видѣ «академической школы». Въ литературѣ Италія вліяла непосредственно на остальныхъ романцевъ, и прежде всего на сосѣдній Иберійскій полуостровъ. Въ Испаніи, послѣ романтизма, который еще господствовалъ въ XVI в., выступилъ «плутовской романъ», съ его реальнымъ описаніемъ народнаго быта и сатирой. Реализмъ достигъ высшаго развитія въ Сервантесѣ, одномъ изъ творцовъ новой литературы вообще. «Донъ-Кихотъ» (1605)—явленіе міровое, какъ начало новаго романа. Это—могучій протестъ реализма новаго времени, похороны средневѣковаго церковнаго и рыцарскаго идеализма. Въ то же время въ Испаніи выдвинулась драма, въ лицѣ Лопе-де Веги, «комедіи» котораго полны здороваго реализма, но проникнуты духомъ іезуитства и инквизиціи. Этотъ духъ реакціи еще сильнѣе отразился у единственнаго поэта Португаліи—у Камоэнса. **Литература.**

Во Франціи новая литература зародилась въ концѣ XV-го вѣка, когда Виллонъ создалъ національную лирику своей сатирой, а адвокаты выдвинули

драму во вкусѣ народнаго фарса. Она получила великое подспорье—французскій языкъ (парижская рѣчь), который былъ объявленъ государственнымъ въ 1539 г., когда половина страны не понимала его. Оттого явился такой геній, какъ Раблэ, этотъ высшій плодъ французскаго Возрожденія и предтеча Сервантеса. Его «Гаргантюа» (1552)—злая насмѣшка надъ романтизмомъ, причемъ реализмъ доходитъ до циничности; здѣсь также опередившіе вѣкъ взгляды подъ маской скептицизма. Но затѣмъ и Франціей овладѣла реакція, подъ вліяніемъ Италіи. Здѣсь, въ свою очередь, стали гоняться за вылощеннымъ, напыщеннымъ «академическимъ» стилемъ.

Въ Германіи, вмѣстѣ съ расцвѣтомъ бюргерства, возникла новая поэтическая школа — «мейстерзингеры» (пѣвцы - мастеровые). Но она заботилась только о вычурности стиха и была проникнута духомъ пошлаго мѣщанства, мистики и схоластики. Важнѣе работы гуманистовъ на родномъ языкѣ. «Дурацкій Корабль» Бранта сталъ отцомъ новой, «бюргерской» поэзіи. Затѣмъ вокругъ Лютера выросла «реформаціонная» литература — боевая, грубая, но страстная, живая, съ народной жилкой. Здѣсь то выработался литературный (верхне-нѣмецкій) языкъ, закрѣпленный Лютеровымъ переводомъ Библіи. Самымъ крупнымъ талантомъ этой литературы былъ Гуттенъ. Тогда же развилась искренная, пестрая народная пѣсня. Но въ эпоху реакціи и въ Германіи все замерло. Ея поэзія подчинилась академизму Италіи и Франціи,

Въ Англіи новую литературу начинали гуманисты: но расцвѣла она въ царствованіе просвѣщенной Елизаветы. Тогда то театръ принялъ здѣсь міровое значеніе. Возникъ цѣлый рядъ даровитыхъ драматурговъ; но всѣхъ ихъ затмилъ могучій геній Шекспира (+1616). Впрочемъ подъ конецъ и на немъ отразилась реакція. Шекспиръ измучился въ борьбѣ съ «упорными вопросами» бытія, которая особенно выразилась въ «Гамлетѣ». Самъ Гамлетъ, этотъ образованный, критическій и колкій умъ, отличается отъ Мефистофеля лишь благородными стремленіями да чутьемъ человѣческаго достоинства. А затѣмъ гамлетство разрѣшилось «Тимономъ Аѳинскимъ», гдѣ воскресло Дантово содроганіе передъ царствомъ обмана, всеобщей лжи: это—краснорѣчивое оправданіе мизантропіи. Шекспиръ со всей его тяжелой и перемѣнчивой судьбой, — зеркало эпохи. Въ его драмахъ отразилась глубина запросовъ Монтеня, Макіавеля, Сервантеса и Раблэ; его идея необходимости — предвѣстіе Бекона; его «Мѣра за мѣру»—предвидѣніе зла пуританства.

Точныя и опытныя науки.

Достойный великой эпохи подъемъ умственныхъ силъ оставилъ яркій слѣдъ и въ наукѣ. Исчезла не только схоластика, въ смыслѣ философіи, но и самый гуманизмъ, въ смыслѣ нецерковнаго знанія: онъ распался на рядъ *наукъ*. Обозначились двѣ группы — «нравственныхъ» или «гуманитарныхъ» наукъ и наукъ «физико математическихъ» или «положительныхъ». Наибольшимъ оживленіемъ отличались послѣднія, на которыя реакція обращала меньше вниманія. XVI-й вѣкъ открывается предтечей Бекона, Леонардомъ да-Винчи, который прославлялъ «опытъ», какъ единственный источникъ истиннаго знанія. Затѣмъ послѣдовала «геліоцентрическая» теорія Коперника (1543). Тогда же такъ преуспѣли въ математикѣ, что «обогнали грековъ, еще не зная ихъ». Естествовѣдѣніе сдѣлало гораздо менѣе успѣховъ; но и оно уже дало такого крупнаго ученаго, какъ Парацельсъ, признанный отцомъ химіи: его теорія господствовала до XVIII-го в. Тогда же появились зародыши минералогіи, зоологіи, анатоміи, физіологіи и новой географіи. Въ концѣ періода былъ изобрѣтенъ микроскопъ Но геніальный Парацельсъ былъ также отцомъ отчасти анимизма, отчасти витализма въ наукѣ новаго времени. Астрологія, магія, каббала встрѣчались у ученыхъ почти на каждомъ шагу, особенно въ концѣ періода, подъ вліяніемъ реакціи.

Обществовѣдѣніе. Въ нравственныхъ наукахъ реализмъ лучше всего выразился въ томъ, что выдвинулось *обществовѣдѣніе*, т. е. свѣтскіе интересы. Юриспруденція принимала болѣе научный видъ, благодаря приложенію филологической критики къ римскому праву. Выдвинулось «государственное» право. Союзъ Франціи съ Портой былъ первымъ фактомъ «международнаго» права, замѣнившаго право каноническое. Немудрено, что уже въ началѣ періода явился и первоклассный политическій мыслитель — Макіавель. Это — отецъ новой дипломатіи или первый «реальный политикъ», который руководствовался интересами націй, а не канонами и папскими декреталіями. «Государь» (1516) Макіавеля — долго непонятая книга. Въ ней видѣли евангеліе коварства и деспотизма; но это — лишь вопль патріота и жгучее отчаяніе извѣрившагося мыслителя. Онъ жилъ мечтой объ освобожденіи и объединеніи своей Италіи и потому ненавидѣлъ папство.

Послѣ Макіавеля, въ обществовѣдѣніи не прекращался свѣтскій реализмъ съ его критикой. Даже Лютеръ выставилъ принципъ «естественнаго» права. Но краснорѣчивѣе всего новый взглядъ былъ высказанъ въ «Утопіи» (1516) Ѳомы Мора. Это — смѣлая критика не только политическаго, но и общественнаго строя, вызванная волненіями крестьянъ въ Англіи и господствомъ капитализма. Это — первый въ новое время соціальный романъ, навѣянный «Республикой» Платона. Здѣсь не только первые зачатки деизма и коммунизма, но и первый проблескъ сознанія вреда отъ крайняго развитія частной свободы, индивидуализма.

Философія. Тогда же подготовлялась новая философія. Схоластика исчезла, въ смыслѣ ѳомизма. Періодъ начался въ Италіи истолкователемъ настоящаго Аристотеля, Помпонаціемъ, а окончился главнымъ философомъ эпохи — Джіорданомъ Бруно. Ученіе Бруно — первая, послѣ древности, философская «система». Въ немъ еще сливаются отголоски мистицизма съ новымъ реализмомъ: оно стремилось къ монизму или сліянію духа съ матеріей. Оттого оно заслужило автору костеръ инквизиціи, но въ то же время стало началомъ философскаго идеализма. Ученикъ Бруно, Ванини, напротивъ, выдвигалъ матеріализмъ; онъ также былъ казненъ. Французъ Рамъ представляетъ собой научный протестъ противъ схоластики; онъ погибъ въ Варѳоломеевскую ночь. Во Франціи же выступило отрицаніе всего средневѣковаго міровоззрѣнія или серьезный *скептицизмъ*. Литературно онъ выразился въ Раблэ, философски — въ Монтенѣ. Въ своихъ «Опытахъ» (1580) Монтень осмѣивалъ церковь, проповѣдовалъ родъ эпикурейства, горячо возставалъ противъ всякихъ стѣсненій совѣсти и слова. Въ Германіи же типомъ доморощеннаго философа былъ Бёмэ — необразованный человѣкъ, доходившій въ мистицизмѣ до духовидѣнія. Это — предтеча нѣмецкой метафизики.

Искусство. Величіе XVI-го в. выразилось больше всего въ искусствѣ, которое никогда не достигало такого развитія, какъ въ Италіи въ началѣ періода. То было искусство настоящаго Возрожденія. Возникло много школъ; выступали реальныя формы — портретъ, жанръ, пейзажъ. Настало господство живописи. Это глубокое Возрожденіе началось тремя царями живописи — Леонардомъ да-Винчи, Микель-Анджеломъ и Рафаэлемъ. Съ ними торжествуетъ итальянское Возрожденіе, съ ними оно и умираетъ. Подлѣ геніальнаго тріумвирата искусства, въ Италіи работала многочисленная мелочь, но такая, что безъ него ее сочли бы великою: тутъ были основатели цѣлыхъ школъ. Во главѣ ея стояли Корреджіо и Тиціанъ. Искусство падало въ Италіи, вмѣстѣ съ развитіемъ папской реакціи и абсолютизма; особенно пострадало ваяніе, такъ какъ эпигоны старались подражать такому великану, какъ Микель-Анджело. Тоже происходило съ зодчествомъ. Сначала здѣсь образовался знаменитый стиль Возрожденія, подражавшій римскому классицизму временъ имперіи. Отцомъ его

былъ геніальный другъ Рафаэля, Браманте. Но подконецъ пошли бездарности, съ Палладіо во главѣ; они выработали холодный, безличный «идеальный» стиль.

Внѣ Италіи до половины XVI-го в. придерживались готическаго стиля; и зодчество, особенно церковное, подавляло другія искусства. Затѣмъ всюду стали призывать итальянскихъ мастеровъ. Еще быстрѣе подчинялись Италіи изобразительныя искусства. Живопись особенно развилась въ Нидерландахъ. Здѣсь разрабатывались реализмъ и колоритъ, миніатюрный жанръ, портретъ и пейзажъ. Нѣмецкая живопись прямо вытекала изъ фламандской, но и здѣсь ясна итальянизація, особенно въ картинахъ Гольбейна Младшаго. Болѣе своеобразенъ Дюреръ, напоминавшій Микель-Анджела, по широтѣ замысловъ и смѣлости исполненія. Послѣ нихъ здѣсь настало паденіе искусства.

Музыка развивалась самобытно, за отсутствіемъ античныхъ преданій. Она вытекла изъ народной пѣсни и прежде всего развилась въ Шотландіи и Англіи. Отсюда же вытекла и религіозная музыка—сначала у вальденсовъ и гуситовъ, потомъ у Лютера. Въ теоріи, двинувшейся впередъ при помощи нотопечатанія (съ 1503 г.), роль міровыхъ учителей утвердилась за нидерландцами, которые уже развили гармонію. Съ половины періода выступили итальянцы. Ихъ Палестрина произвелъ переворотъ въ церковной музыкѣ; тогда же развился свѣтскій «мадригалъ» или пѣсня любви.

Матеріальный бытъ. Матеріальное положеніе массъ было еще тяжело. Успѣхами матеріальной культуры пользовались только знать да отчасти среднее сословіе. У итальянскихъ нобилей явились блестящіе «дворцы», виллы и искусственные сады. Въ Англіи возникъ «комфортъ»—удобства, уютность. Всюду развивались роскошное убранство комнатъ, хорошая кухня, изящныя забавы. Особенно стали пышны и причудливы наряды—сначала испанская и итальянская, а подконецъ и французская моды. Уже появились парики, духи, разныя притиранія. Подконецъ правительства начали издавать законы противъ роскоши, особено для средняго сословія.

Распространеніе довольства среди третьяго чина служитъ знаменіемъ времени. Оно было плодомъ развитія промышленности и торговли. Во главѣ промышленности сначала стояли попрежнему Италія и Франція, за которыми успѣшно слѣдовала Германія. Подконецъ на смѣну этимъ странамъ выступили Голландія и Англія. Во Франціи сначала также видимъ расцвѣтъ промышленности; но онъ захирѣлъ во время религіозныхъ войнъ. Зато дѣло закипѣло вновь при Генрихѣ IV. Торговля развивалась главнымъ образомъ подъ вліяніемъ открытій, которыя теперь только дали плоды. Они наиболѣе содѣйствовали превращенію «натуральнаго» хозяйства въ денежное или паденію земельной собственности передъ движимостью. Отсюда небывалое развитіе капитализма, которому также помогла секуляризація: XVI-й вѣкъ называютъ «капиталистической эрой». Тогда зародился «меркантильный» или торгашескій взглядъ на народное хозяйство. Возникла и денежная техника—банки и биржи, съ ихъ «спекуляціями» или игрой въ цѣны товаровъ. Появились и «финансы»—процентные займы, въ особенности государямъ и городамъ. Капитализмъ уже вызвалъ и первые международные финансовые кризисы. Торговые пути перемѣщались на западъ—сначала къ Испаніи, потомъ къ Нидерландамъ, что подорвало Ганзу. Подконецъ, наряду съ Голландіей подымалась Англія; въ Лондонѣ образовалась богатая Индійская Компанія. Наконецъ выступила и Франція; Генрихъ IV заключилъ выгодные для торговли договоры почти со всѣми государствами. Выяснилось и великое значеніе колоніальнаго вопроса. Новыя земли произвели экономическій переворотъ въ Европѣ, вызвали небывалыя потребности, начали служить источникомъ обогащенія и даже пропитанія. Колоніи служили новыми рынками для европейской промышленности и порождали въ ней новыя отрасли своимъ сырьемъ. Открывалась еще болѣе великая перспектива будущаго.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Католическая реакція и абсолютизмъ. Около 1600—1750.

Католическая реакція сосредоточилась, въ концѣ XVI-го вѣка, въ Германіи. Особенно свирѣпствовала она въ Австріи, гдѣ Габсбурги кстати вводили абсолютизмъ. Она достигла тамъ крайняго предѣла при питомцѣ іезуитовъ, императорѣ Фердинандѣ II, который воскликнулъ: «Лучше пустыня, чѣмъ страна еретиковъ»! Протестанты встревожились. Благодаря Фридриху V пфальцкому, которому помогъ Генрихъ IV французскій, они устроили *евангелическую унію* въ Германіи. Въ отвѣтъ на нее возникла, при содѣйствіи Испаніи, *священная лига* католиковъ, съ Максимиліаномъ I баварскимъ во главѣ. Поощряемый ею, Фердинандъ началъ особенно притѣснять Богемію, какъ гнѣздо не только евангелическаго, но и гуситскаго «еретичества». Чехи возстали, требуя даже политическихъ правъ. Такъ началась тридцатилѣтняя война (1618). **Тридцатилѣтняя война.**

Это ужасное бѣдствіе затронуло всѣ народы и свирѣпствовало отъ Рейна до Вислы, отъ По до Балтики. Унія дѣйствовала сначала вяло; коварные курфюрсты Бранденбурга и Саксоніи даже склонялись на сторону императора. Чехи были уничтожены у Бѣлой Горы (1620); всѣ ихъ права были отмѣнены; чешская книга стала библіографической рѣдкостью. Реформатскій Пфальцъ былъ обращенъ въ католичество. Тогда унія оживилась; и къ ней примкнула цѣлая европейская коалиція, съ Христіаномъ IV датскимъ во главѣ. Фердинандъ II погибалъ. Его спасъ *Валленштейнъ*, котораго, кажется, скорѣе постигъ поэтъ Шиллеръ, чѣмъ историки, написавшіе о немъ болѣе тысячи изслѣдованій. Потомокъ чешскихъ пановъ, питомецъ іезуитовъ, которыхъ онъ потомъ возненавидѣлъ, этотъ честолюбецъ женился на богатой вдовѣ и втерся къ вѣнскому двору. Онъ сыпалъ деньгами и поразилъ всѣхъ удачливостью въ битвахъ: онъ и самъ вѣрилъ въ свою «звѣзду». Валленштейнъ уже мечталъ о коронахъ Богеміи и Даніи, когда императоръ надѣлилъ его титуломъ герцога Фридландскаго. Теперь Валленштейнъ предложилъ Фердинанду спасти его, набравъ войско на свой собственный счетъ. Съ его помощью, унія была опять разгромлена, а императоръ издалъ страшный *возстановительный эдиктъ* (1629), вводившій католицизмъ во всей Германіи.

Сами католики испугались могущества Габсбурговъ: лига заставила Фердинанда удалить Валленштейна. А у протестантовъ явился могучій защитникъ въ лицѣ Густава-Адольфа шведскаго. Онъ дѣйствовалъ не по одному религіозному чувству: его вмѣшательство было продолженіемъ національной политики Густава Вазы и Карла X. Его успѣхи въ Польшѣ были остановлены отрядомъ Валленштейна въ тылу; а императоръ угрожалъ будущему, Швеціи, губя протестантизмъ и затѣявши создать нѣмецкій флотъ. Въ то же время Франція, окрѣпшая при Ришелье, не жалѣла золота, чтобы выдвинуть шведовъ противъ Габсбурговъ. Наконецъ, самъ Валленштейнъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Густавомъ-Адольфомъ, надѣясь получить отъ него корону Богеміи. Но шведскій король медлилъ съ отвѣтомъ, не довѣряя интригану: тогда герцогъ опять предложилъ свои услуги императору. Густавъ-Адольфъ побѣ-

дилъ у Люцена (1632), но самъ палъ въ битвѣ. Фердинандъ испугался новаго могущества Валленштейна; тогда вездѣ говорили о неизбѣжности новой «измѣны» этого честолюбца. Габсбургъ сталъ интриговать и подкупать въ лагерѣ герцога, наконецъ издалъ указъ, объявлявшій грознаго полководца заговорщикомъ. Собственные наперстники Валленштейна покончили съ нимъ. Никто не всталъ за надменнаго выскочку, который дѣйствовалъ насиліемъ и золотомъ. Но теперь всѣхъ устрашило могущество Габсбурга. Ришелье возстановилъ унію и поднялъ противъ него почти весь Западъ. Онъ двинулъ собственную армію, подъ начальствомъ молодыхъ талантовъ, Кондэ и Тюрена, образовавшихся въ школѣ Густава-Адольфа. Враги уже подступили къ Вѣнѣ. Императоръ согласился на *вестфальскій миръ* (1648).

Вестфальскій миръ. Вестфальскій миръ—одинъ изъ самыхъ важныхъ въ исторіи. Онъ рѣшилъ судьбу протестантизма; былъ возстановленъ аугсбургскій миръ, распространенный и на реформатовъ. Швеція стала членомъ Германской имперіи, пріобрѣвши Западную Померанію. Франція пріобрѣла Эльзасъ и право вмѣшиваться въ дѣла Германіи, какъ порука за вестфальскій миръ. Этотъ миръ служилъ основаніемъ всѣхъ международныхъ договоровъ почти до французской революціи. Онъ составляетъ грань между двумя эпохами; съ того времени религіозный интересъ окончательно уступаетъ мѣсто политическому; войны становятся правительственными и національными. Папа нисходитъ въ разрядъ второстепенныхъ государей, покидая мечту о міродержавіи. Его главная опора, Габсбурги, становятся игрушкой Франціи и Англіи, этихъ представительницъ государства новаго времени и свѣтскихъ интересовъ.

Упадокъ Германіи. И опора Габсбурговъ, Германская имперія, превратилась въ развалины. Здѣсь особенно сильно отразились гибельныя послѣдствія тридцатилѣтней войны, которыя ощущались почти до конца XVIII-го в. Настал̆ъ формальный голодъ. Сельское хозяйство лишь въ 1818 г. достигло той высоты, на которой оно стояло въ 1618 г. Торговля и промышленность почти прекратились. Число жителей сократилось съ 17 до 4 милліоновъ. Расплодились хищные звѣри. Героемъ романовъ сталъ «шельма». Нищенство и разбои достигли невиданныхъ размѣровъ. Германія окончательно превратилась въ федерацію или сословную монархію, подъ именемъ союза государствъ (Staatenbund). Власть императора стала «пустымъ призракомъ», а фюрсты еще старались ограничивать его новыми «капитуляціями». Фюрсты же стали ничтожествами, которыя продавали себя иностраннымъ державамъ.

Австрія. При такихъ порядкахъ Германія стала игрушкой сильныхъ сосѣдей, особенно Франціи. Она могла выйти изъ этого жалкаго положенія только путемъ объединенія. Для этого могла бы служить такая сила, какъ Австрія съ ея Габсбургами занимавшими престолъ Германской имперіи около четырехъ столѣтій. Но спящимъ царствомъ Габсбурга заправляли іезуиты. Только разъ на вѣнскомъ престолѣ промелькнула живая личность — Іосифъ I. При немъ Австріей руководилъ талантливый полководецъ Евгеній Савойскій; благодаря ему, австрійцы усмирили венгерцевъ и впервые начали бить турокъ и даже французовъ. Съ братомъ Іосифа, Карломъ VI, возродился печальный типъ Габсбурговъ. Съ его смерти (1740) Габсбурги прекращались: онъ оставилъ только дочь, Марію-Терезію.

Пруссія. Война за австрійское наслѣдство. Не устарѣлой Австріи суждено было объединить Германію, а Бранденбургу, странѣ чисто протестантской. Здѣсь рано сложилось государство новаго типа, съ помощью Гогенцоллерновъ, этихъ отважныхъ воиновъ и хитрыхъ скопидомовъ. Бранденбургъ выдвинулся при «великомъ курфюрстѣ», Фридрихѣ-Вильгельмѣ (1640—1688), который сбросилъ ленное господство

Польши, расширилъ свои владѣнія и создалъ армію, побѣдившую шведовъ при Фербеллинѣ. Тогда же завелись торговля и промышленность, былъ прорытъ первый каналъ и основанъ первый университетъ. При сынѣ великаго курфюрста, Фридрихѣ I, Бранденбургъ сталъ уже королевствомъ (1701). Этотъ тщеславный государь подражалъ Людовику XIV; а его сынъ, Фридрихъ-Вильгельмъ I утвердилъ суровый абсолютизмъ или, какъ онъ выражался, «бронзовую скалу». И государь страны, которая была, по числу жителей, 14-ю державой, оставилъ сыну, Фридриху II, третью въ Европѣ по числу и первую по выправкѣ армію да около 10 милл. талеровъ.

По мѣрѣ усиленія Пруссіи росло ея значеніе въ Германіи. Она становилась вождемъ всего протестантизма (Гогенцоллерны были кальвинисты) и очагомъ возросшей на его почвѣ нѣмецкой культуры. Гогенцоллернамъ, какъ Габсбургамъ, хотѣлось поглотить Германскую имперію. Австрія и Пруссія должны были столкнуться на пути къ объединенію «фатерланда». Сами же нѣмцы только начинали протестовать противъ имперской конституціи. Фридрихъ II внезапно захватилъ «перлъ имперіи», Силезію. Это послужило началомъ міровой *войны за австрійское наслѣдство* (1740—1748): за Фридриха стали Франція, Испанія, Сардинія, Баварія и Саксонія, за Марію-Терезію—Англія, Голландія, почти вся Германія и Россія. По ахенскому міру, Фридрихъ сохранилъ Силезію, но призналъ императоромъ мужа Маріи-Терезіи, Франца I.

Система Стюартовъ. Яковъ I.

Кромѣ Германіи, реформаціонная смута продолжалась еще въ Англіи: тамъ въ одно время съ тридцатилѣтней войной происходила первая революція, носившая не только политическій, но и религіозный характеръ. Она подготовлялась уже при первомъ Стюартѣ. Яковъ I началъ вводить въ Англіи абсолютизмъ, теорію котораго онъ далъ въ своемъ «Королевскомъ Дарѣ» (1598). Эта «Стюартовская система» опиралась на «высокую» или епископальную церковь. Это возмущало какъ пуританъ, которые составляли $^{9}/_{10}$ англичанъ и наполняли палату общинъ, такъ и пресвитеріанскую «кирку» Шотландіи. Да и вся нація была оскорблена всею политикой перваго Стюарта. Парламентъ созывали рѣдко и ненадолго, а деньги собирали самовольно и въ небывалыхъ размѣрахъ. Яковъ I, вмѣсто того, чтобы помогать протестантской уніи въ Германіи, замирился съ Испаніей и любезничалъ съ папой. Палата общинъ переполнилась пуританской оппозиціей изъ «земцевъ» или сельскихъ сквайровъ. Она осудила министровъ и заставила сына короля, Карла, жениться на дочери Генриха IV французскаго, Генріетѣ.

Карлъ I. „Тираннія“.

Игрушка своего наперсника, пустого Бокингема, Карлъ I довелъ «систему» до крайности. Тогда палата общинъ издала *петицію о правѣ* (1628), которою англичане гордятся, какъ «второю Великою Хартіей»; а одинъ офицеръ закололъ Бокингема. Карлъ распустилъ парламентъ; настала 11-лѣтняя «тираннія» 1629—1640). Во главѣ ея стояли архіепископъ кентерберійскій Лоудъ и графъ Страффордъ. Первый воскресилъ Высокую Комиссію, обративши ее въ протестантскую инквизицію, отъ которой пуритане бѣжали тысячами въ Америку. Онъ ввелъ какъ бы осадное положеніе. Суды присяжныхъ были замѣнены Звѣздною Палатой, гдѣ засѣдали тѣ же лица, что и въ Высокой Комиссіи. Она наказывала даже за упоминаніе имени парламента; памфлетистовъ сѣкли; имъ обрѣзывали уши и клеймили лицо.

А націей овладѣвалъ мрачный духъ пуританства, доходившій до аскетизма. Въ Шотландіи даже возстала кирка. Пресвитеріане возобновили ковенантъ для защиты своей религіи и собрали армію. Въ Англіи ходили злыя «письма—новости», эти предтечи газетъ.

Долгій парламентъ. Кромвель.

То былъ *долгій парламентъ* (1640—1653). Онъ представлялъ собой блестящую оппозицію, съ Паймомъ во главѣ, который служитъ первымъ образцомъ «лидера»—вождя палаты, большой партіи. Общины отмѣнили орудія тираніи и казнили Страффорда. Король собралъ гвардію изъ царедворцевъ и юныхъ правовѣдовъ, которые стали драться съ рабочими и матросами у дворца. Первые щеголяли длинными волосами по модѣ, вторые были обстрижены подъ гребенку: отсюда клички *кавалеровъ* и *круглоголовыхъ*. Такъ началась *первая революція* (1642), которую англичане назвали «великою».

«Королевская» Англія состояла изъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ провинцій сѣверозапада, гдѣ господствовали помѣщики; здѣсь кишѣли католики, особенно среди валлійцевъ; сюда примыкалъ представитель схоластики, оксфордскій университетъ. «Парламентская» Англія—богатый юго-востокъ страны, съ городами, заводами, портами и флотомъ. Здѣсь преобладало образованное пуританское среднее сословіе—джентри и купечество. Джентльмены приводили отряды своихъ вѣрныхъ фермеровъ и собирали обильныя пожертвованія. Среди нихъ выдвинулся Оливеръ Кромвель. Онъ отличался такимъ повелительнымъ одушевленіемъ, что массы видѣли въ немъ орудіе Провидѣнія, какъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя, То былъ блестящій полководецъ и правитель, аскетъ и проповѣдникъ, который до старости сохранялъ юношескій пылъ и самоувѣренность, наряду съ умѣлостью опытнаго практика. Но Кромвель не терпѣлъ «переворотовъ» и «равенства». Онъ выступилъ противъ Стюартовъ, какъ консерваторъ противъ революціонеровъ, разрушавшихъ законную свободу страны.

Первая революція.

Кромвель набралъ на свой счетъ отрядъ, который сталъ образцомъ для парламентской арміи, подъ именемъ Желѣзныхъ Боковъ. Онъ въ два года одолѣлъ кавалеровъ, уничтоживъ ихъ при Мерстонъ-Мурѣ. Но у побѣдителей возникли раздоры. Парламентъ былъ консервативенъ: онъ разсчитывалъ на благоразуміе короля, съ которымъ даже завелъ сношенія, требуя лишь признанія своихъ привилегій. Онъ лишь поневолѣ соединился съ «киркой» и сдѣлалъ ошибку, обязавшись ввести пресвитеріанство въ Англіи, какъ государственную религію. Но кирка была чужда народу, а ея принудительность шла въ разрѣзъ съ свободой личности, которую выдвинула борьба націи за свою независимость. Оттого выдвинулась новая секта—*индепенденты* или «независимые» отъ всякой государственной церкви. Они развернули знамя вѣротерпимости и лучше всѣхъ поняли неисправимость коварнаго Карла. Они сосредоточивались въ дружинѣ Желѣзныхъ Боковъ; оттого къ нимъ склонились и Кромвель, и Мильтонъ, и Сидней. Индепенденты заставили парламентъ разорвать съ королемъ и превратить все свое войско въ Новый Образецъ, по примѣру Желѣзныхъ Боковъ, подчинивъ его Кромвелю.

Теперь Кромвелю удалось уличить Карла въ предательствѣ и вѣроломствѣ и даже плѣнить его. Парламентъ испугался его могущества, считая его какимъ то Валленштейномъ. Онъ приказалъ Новому Образцу разойтись, а его вождя собирался арестовать. Въ то же время узнали, что король сносится съ шотландцами, съ Ирландіей, Франціей и Голландіей. Индепенденты снова разбили его войска и вступили въ Лондонъ. Они изгнали пресвитеріанъ изъ палаты общинъ: оставшихся народъ прозвалъ Туловищемъ-Парламентомъ. Туловище приговорило Карла къ смерти, какъ «тирана, измѣнника, убійцу и врага общества» (1649).

Республика.

Туловище провозгласило республику, съ отмѣной палаты лордовъ. Эта республика отличалась безпощадной суровостью. Индепенденты составляли ничтожное меньшинство. Противъ нихъ были роялисты съ клиромъ, пресвитеріанство, шотландцы; Франція и особенно Голландія спѣшили воспользоваться англійскимъ междоусобіемъ. Среди самихъ индепендентовъ какъ бы воскресли

лолларды, въ лицѣ «левеллеровъ» или уравнителей. Республика завела строгую цензуру и тайную полицію, которая даже вскрывала письма. Она казнила и гноила въ тюрьмахъ какъ роялистовъ, такъ и левеллеровъ. Кромвель издалъ Навигаціонный Актъ (1651), сгубившій морское могущество Голландіи, и уничтожилъ ея флотъ, а также разбилъ шотландцевъ и ирландцевъ. Все это совершалось во имя Туловища, а само оно было ничтожествомъ, да еще зазнавшимся; оно вздумало отдѣлаться отъ индепендентовъ. Но Кромвель разогналъ Долгій парламентъ (1653). Его провозгласили *лордомъ-протекторомъ*.

Протекторатъ. Протекторатъ былъ абсолютизмомъ, только безъ его имени, вѣрнѣе—цезаризмомъ, такъ какъ Кромвель опирался на армію. Пять лѣтъ правилъ протекторъ самодержавно; и не было болѣе могущественнаго короля ни среди его современниковъ, ни въ исторіи конституціонной Англіи. Его политика, при всѣхъ ея ошибкахъ, отличалась величіемъ, твердостью и практичностью. Кромвель самоотверженно служилъ своей странѣ и идеалу пуританства. Во внутреннихъ дѣлахъ выдвинулся его консерватизмъ: его девизомъ было «устроеніе и исцѣленіе» республики. Утвердилась и вѣротерпимость: евреямъ даже покровительствовали—впервые съ XIV-го в. Принимались мѣры къ улучшенію судовъ, финансовъ и чиновничества, къ подъему образованія, торговли, промысловъ, благотворительности. Настaлъ порядокъ; жизнь приняла даже пуританскій, почти аскетическій отпечатокъ. И депутаты Шотландіи и Ирландіи впервые появились въ англійскомъ парламентѣ. Внѣшняя политика клонилась къ міродержавію Англіи. Кромвель бралъ дани съ корсаровъ Африки, съ Тосканы и Рима и отнялъ Ямайку у Испаніи, а Дюнкирхенъ—у Франціи. Онъ всюду покровительствовалъ протестантамъ. Монархи Европы льстили грозному протектору.

Но Кромвель пуще всего боялся новой революціи; и чѣмъ дальше, тѣмъ жесточе становился протекторатъ. Его «генералъ-маіоры» угнетали народъ хуже «тираніи»: они свирѣпствовали даже противъ театровъ и скачекъ. Воскресла строгая цензура. Вѣротерпимость ограничивалась индепендентскими сектами, а римская обѣдня считалась уголовщиной. Кромвель окружилъ себя пышнымъ дворомъ, съ королевскимъ этикетомъ. Всюду, даже среди Новаго Образца, подымалось недовольство; пошли заговоры; народъ не давалъ денегъ безъ парламента. Кромвеля изводили лихорадка и подагра, безсонница и ипохондрія. Онъ умеръ (1658), назначивъ своимъ преемникомъ сына, Ричарда.

Реставрація. Новый Образецъ возсталъ противъ ничтожнаго Ричарда и возстановилъ республику. Но то было уже господство солдатъ. Народъ возненавидѣлъ его; онъ требовалъ «свободнаго парламента», возстановленія конституціонной монархіи. На его сторону склонился сослуживецъ Кромвеля, Монкъ, стоявшій съ свѣжею арміей въ Шотландіи. Онъ привелъ своихъ солдатъ въ Лондонъ. Вновь выбранный парламентъ потребовалъ «реставраціи» или возвращенія Стюартовъ. Сынъ Карла I, Карлъ II, былъ радостно принятъ народомъ (1660). Новый Образецъ спокойно разошелся. Вмѣстѣ съ нимъ сошелъ съ исторической сцены пуританизмъ, какъ политическая сила.

Карлъ II. Карлъ II превосходилъ даже отца лукавствомъ. Съ виду уступая парламенту, онъ думалъ водворить абсолютизмъ и даже обратить Англію въ католичество, съ помощью Людовика XIV. Тюрьмы переполнились пуританами и пресвитеріанами. Министерствомъ овладѣла позорная клика; его имя «кабаль», стало синонимомъ грязной камарильи. Наконецъ наслѣдникъ престола, братъ Карла, Яковъ, объявилъ себя католикомъ. Воскресла оппозиція «земцевъ», руководимая истиннымъ Мефистофелемъ политики, графомъ Шефтсбери. Она издала противъ католиковъ *Испытательный Актъ*, допускавшій на службу только англиканцевъ, и заставила Якова отдать своихъ дочерей, Марію и Анну, замужъ за протестантовъ — за Вильгелома Оранскаго и за датскаго

принца. Затѣмъ общины издали *Habeas-Corpus-Act* (1679), ограждающій личную неприкосновенность каждаго гражданина. Но и король пускался на всякія хитрости, привлекая многихъ обманами и деньгами.

Тогда то появились великія партіи *виговъ* и *торіевъ*. Виги были представители новаго направленія умовъ; конституція, какъ «договоръ», т. е. съ правомъ и даже долгомъ націи сопротивляться нарушающему ее королю, да вѣротерпимость—вотъ ихъ программа. Программа торіевъ выразилась въ заявленіи оксфордскаго университета: «Власть истекаетъ не изъ народа, а изъ наслѣдственнаго права; и народъ обязанъ повиноваться ей во всякомъ случаѣ; не должно быть иной религіи, кромѣ государственной». Вигизмъ сосредоточивался въ городахъ, особенно въ Лондонѣ. Но остальной страной овладѣлъ торизмъ. И реакція развивалась къ концу царствованія Карла II.

Вторая революція. Довершить ее былъ призванъ упрямый и фанатичный *Яковъ II*. «Уступчивость погубила моего отца», сказалъ онъ—и начался истинный терроръ, царство ужаса. Продажные юристы даровали королю право «диспенсаціи» или «освобожденія отъ законовъ»—и парламентъ былъ распущенъ. Душой правленія сталъ іезуитъ судья Джеффрисъ, имя котораго и теперь произносится англичанами съ чувствомъ ужаса и омерзѣнія. Всюду показались католическія часовни и іезуиты. Испытательный Актъ былъ отмѣненъ и лучшія должности достались папистамъ. И въ три года почти всеобщее раболѣпіе превратилось въ поголовное негодованіе. Взроптали даже торіи и епископы. Всѣ партіи слились, безъ совѣщаній, въ желаніи спасти Англію призваніемъ Вильгельма Оранскаго съ Маріей.

Совершилась *вторая революція,* названная «славной»: она была безкровна. Всѣ отступились отъ Якова. Его войска частью разбѣжались, частью стали на сторону народа. Яковъ бѣжалъ къ Людовику XIV. Но Вильгельмъ долженъ былъ подписать *Билль о правахъ*—эту новую Великую Хартію, которая подтверждала всѣ старыя обезпеченія народной свободы и утверждала протестантизмъ. Онъ издалъ также *Актъ Вѣротерпимости,* который впрочемъ не возстановлялъ правъ католиковъ.

Вильгельмъ III. Вильгельмъ III напоминалъ своего великаго прадѣда характеромъ и дарованіями. Онъ былъ холоденъ, молчаливъ; но даже враги почитали его за честность, умъ и дѣловитость. Это былъ рожденный дипломатъ; а на войнѣ онъ умѣлъ превращать свои пораженія въ побѣды. Вильгельмъ покровительствовалъ предпріимчивости, основавъ англійскій банкъ. Онъ опирался на виговъ, которые представляли тогда соль англійской земли. Его врагами были только католики да крайніе торіи или «якобиты», мечтавшіе о возстановленіи Стюартовъ. Вилигельмъ имѣетъ міровое значеніе; онъ отстоялъ дѣло политической и рельгіозной свободы въ Европѣ противъ абсолютизма и фанатизма Людовика XIV.

Ришелье. Абсолютизмъ развился во Франціи именно во время борьбы англичанъ за свою конституцію. Тамъ, за малолѣтствомъ сына Генриха IV, Людовика XIII, правила его мать, бездарная и пустая ханжа, Марія Медичи. Вельможи подняли голову. Къ мятежникамъ присоединился самъ король, когда подросъ. Онъ вручилъ правленіе духовнику матери, кардиналу Ришелье (1624). Этотъ церковникъ сталъ могущественнѣе государей и затмевалъ своего короля пышностью; самъ онъ стяжалъ до 80 милліоновъ; его родные утопали въ роскоши. Все дрожало передъ нимъ. Никогда въ исторіи не было столько политическихъ дѣлъ сомнительнаго свойства; кардиналъ обходился безъ суда, даже безъ допроса и безъ милосердія. Помимо открыто казненныхъ, изгнанныхъ, ограбленныхъ, множество лицъ исчезло невѣдомо куда и за что. И все сходило съ рукъ властелину: онъ былъ представителемъ міровой идеи, которая требовалась временемъ.

Эта идея проста и стара: Ришелье былъ безподобный исполнитель, но не геніальный изобрѣтатель. Это—завершеніе *абсолютизма*, который онъ называлъ «государствомъ». По ученію кардинала, короли—«живыя подобія божества». Все принадлежитъ имъ; самъ король долженъ покориться требованіямъ государства. Ришелье сказалъ, умирая: «У меня не было враговъ, кромѣ враговъ государства». Политическій фанатикъ готовъ былъ истребить всѣхъ французовъ для торжества этого Молоха и употреблялъ гибельныя для будущаго средства. Онъ даже отказывалъ бѣднякамъ въ правѣ обучать своихъ дѣтей: образованіе-де отвлекаетъ отъ службы государству. Оттого онъ боролся съ притязаніями папства и поддерживалъ протестантовъ Германіи. Ришелье отнялъ у гугенотовъ политическія права, но не тронулъ ихъ религіи и даже помогалъ ихъ обогащенію. Но съ знатью онъ велъ смертельную борьбу: онъ даже изгналъ помогавшую ей Марію Медичи и запретилъ дуэли. Ришелье отмѣнилъ генеральные штаты и стѣснилъ власть парламентовъ. Выборное начало замѣнялось вездѣ чиновничествомъ, съ «министрами» во главѣ, и съ «интендантами» (приказчиками) въ провинціи. Правиломъ Ришелье было: господство «государства» во Франціи и «французскаго» — въ Европѣ. Онъ мечталъ о «границахъ Галліи», о Рейнѣ и Пиренеяхъ. Для этого кардиналъ вмѣшался въ тридцатилѣтнюю войну, чтобы сломить могущество Габсбурговъ. И здѣсь имѣлъ успѣхъ этотъ «царь царей», умершій въ 1642 г.

Но отъ него осталось тяжкое наслѣдство. Ришелье не думалъ ни о законахъ, ни объ учрежденіяхъ, и губилъ всякую силу внѣ государства. Оттого его компаніи и колоніи оказались мыльными пузырями; и подъ носомъ у него экономическая сила перешла къ Англіи и Голландіи. Его духъ протекціонизма помогъ только Навигаціонному Акту точно такъ же, какъ его идея отразилась въ гибельной системѣ Стюартовъ. Финансы ознаменовались сумасбродствами и обнищаніемъ народа. И появились признаки новой жакріи.

Фронда. А по смерти Людовика XIII, снова возстали вельможи, пользуясь слабостью его жены, Анны Австрійской, которая осталась регентшей при малолѣтнемъ Людовикѣ XIV. Эта королева отдала власть другу своего сердца, кардиналу Мазарену, котораго завѣщалъ ей Ришелье. Это алчное ничтожество копировало великаго кардинала. Мазаренъ довершилъ ограбленіе народа и объявилъ государственное банкротство. И вспыхнула цѣлая революція: поднялись разомъ и знать, и народъ. Особенно выдвинулся парижскій парламентъ: обиженный господствомъ проходимцевъ, онъ сталъ требовать конституціонныхъ реформъ. Его начали преслѣдовать, а парижане устроили день баррикадъ (1648). Къ нимъ примкнули вельможи. Эта революція получила названіе *фронды*. Мазаренъ уничтожилъ фронду въ 4 года. Но Франція осталась послѣ него разоренной, почти съ полумилліардомъ долга, тогда какъ кардиналъ оставилъ 40 милл. (200 по нынѣшнему счету) франковъ.

Система Людовика XIV. Людовикъ XIV былъ идеаломъ созрѣвшаго абсолютизма. Онъ поставилъ задачей своей жизни ни на минуту не выходить изъ роли земного Провидѣнія. Все должно было преклоняться передъ нимъ само собой, какъ бы по закону природы. Его эмблемой было Солнце. Но пышный властелинъ самъ былъ рабомъ женщинъ, министровъ, а больше всего—іезуитовъ. Кумиръ абсолютизма жилъ въ *Версалѣ*, этомъ приговѣ роскоши, величавости, жеманства красавицъ и «сервилизма» или раболѣпія. Это былъ также высшій пунктъ цивилизаціи, которой подражала вся Европа; отсюда названіе—«вѣкъ Людовика XIV».

Въ Версалѣ расцвѣла знаменитая «система», бывшая завершеніемъ идеи Ришелье. Послѣдняя была искажена только тѣмъ, что Людовикъ XIV поставилъ свою личность на мѣсто «государства». Сложилось преданіе, будто онъ сказалъ: «государство, это—я!» Отсюда основныя черты абсолютизма—*нивеллировка* или «уравненіе», *централизація* власти и *регламентація* или

господство наказовъ, уставовъ начальства. Родовая феодальная знать была превращена въ монархическую аристократію. То же сдѣлалось съ клиромъ: онъ издалъ Четыре Статьи, которыя надѣляли короля почти англійской верховностью въ дѣлахъ церкви. Третій чинъ лишился муниципальныхъ правъ. О государственныхъ чинахъ запрещалось поминать. Парламенты были лишены всякаго политическаго значенія.

Фискъ, казна стала главнымъ дѣломъ. Имъ ловко завѣдывалъ Кольберъ, который возвелъ *меркантилизмъ* въ систему. Онъ то установилъ «протекціонизмъ» или покровительство туземной промышленности, съ помощью «тарифа» или обложенія иностранныхъ товаровъ высокими пошлинами. Эта система быстро доставила массу денегъ. Финансы Кольберъ велъ образцово для того времени: онъ считается творцомъ «бюджета» на материкѣ, т. е. постоянной росписи доходовъ и расходовъ.

Завоеванія Людовика XIV. Считая казну неисчерпаемой, видя всеобщее поклоненіе, Людовикъ XIV задумалъ овладѣть всѣмъ міромъ, пользуясь ослабленіемъ Габсбурговъ и усобицами въ Англіи. И въ международной политикѣ испанская или габсбургская эпоха смѣнилась эпохой *французской* или *бурбонской*. Отсюда почти непрерывныя войны. Людовикъ заставилъ папу и Генуя просить прощенія, разбилъ турокъ и ихъ вассаловъ—берберійскихъ пиратовъ, мечталъ о захватѣ Египта. Онъ разгромилъ сосѣдей—Голландію и Испанію, которая сама ослабила себя изгнаніемъ морисковъ или арабовъ (1609) и вызвала въ своемъ Неаполѣ народное возстаніе съ Мазаньело во главѣ. Франція пріобрѣла тогда часть Испанскихъ Нидерландовъ (Бельгіи). Затѣмъ король взялъ среди мира нѣмецкія земли за Рейномъ и Страсбургъ. Наконецъ, онъ задумалъ прихватить всю Испанію. Европа возмутилась. Вождемъ ея сталъ Вильгельмъ III, который устроилъ четыре коалиціи. Полководцы Англіи и Австріи, Мальборо и Евгеній Савойскій, доканали Людовика въ «войнѣ за испанское наслѣдство» (1702—1713). Утрехтскій миръ, самый важный послѣ вестфальскаго, опредѣлилъ судьбу всего Запада. Испанія съ колоніями осталась за внукомъ Людовика, Бурбономъ Филиппомъ V, но съ условіемъ, чтобы ея корона никогда не соединялась съ французскою. Англія получила Гибралтаръ и французскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, а Португалія стала ея вассаломъ. Австріи достались Испанскіе Нидерланды, Миланъ, Тоскана и Неаполь съ Сициліей. Савоія стала Сардинскимъ королевствомъ.

Слѣдствіе „системы“. Такъ были разбиты замыслы Людовика. А Франція дошла до банкротства. Король-Солнце опустился физически и нравственно. Онъ вдался въ фанатизмъ, подчинившись своей послѣдней метрессѣ, пожилой ханжѣ, г-жѣ Ментенонъ. Былъ отмѣненъ нантскій эдиктъ (1685), и гугенотовъ преслѣдовали, какъ еретиковъ въ средніе вѣка. Но не лучше было и столь ревностнымъ католикамъ, какъ янсенисты, которые хотѣли только очистить католичество отъ такой язвы, какъ іезуиты. Франція совсѣмъ погибала экономически отъ войнъ и роскоши двора. Меркантилизмъ, какъ и вся система Людовика, оказалась блестящей мишурой, губившей всю будущность страны. Торговля и промышленныя затѣи Кольбера умерли вмѣстѣ съ нимъ, какъ искусственные цвѣты; а для нихъ пожертвовали основой народного благосостоянія—крестьянствомъ. Народъ голодалъ и разбивалъ съѣстныя лавки. Даже придворные лакеи просили милостыню; и Ментенонъ ѣла ржаной хлѣбъ.

Требовались коренныя реформы; а король занимался только ханжествомъ да капризами власти. И возникла оппозиція. Появились подпольные листки, имѣвшіе огромный успѣхъ. Протесты обнаруживались всюду, даже у подножія престола. Подымались голоса и противъ общественнаго строя, на который опирался абсолютизмъ. Сознаніе проникало даже въ массы: возникали попытки жакріи; роптала голодавшая армія. Толпа оскорбляла самого короля, а Мен-

тёнонъ не смѣла показываться на улицѣ. Когда хоронили Людовика (1715), толпы плясали на улицахъ. Онъ умеръ среди жуткой пустыни, нравственной развалиной, но съ сознаніемъ своихъ грѣховъ. Онъ сказалъ наслѣднику, своему 5-лѣтнему правнуку, Людовику XV: «Не подражай мнѣ»!

Регентомъ сталъ племянникъ Людовика XIV, Филиппъ Орлеанскій. При немъ на престолѣ Франціи воцарились развратъ, веселье и невѣріе, которыя завершились всеобщимъ банкротствомъ. Нуждаясь въ деньгахъ, регентъ подчинился шотландскому ростовщику, Джону *Ло*. Ло устроилъ банкъ и началъ выпускать «ассигнаціи» безъ счету, завлекая публику еще разными акціонерными компаніями. Открылся «ажіотажъ»—безумная игра бумажками. Кончилось тѣмъ, что все золото и серебро перешло въ карманы регента и его собутыльниковъ, а у обманутаго народа остались однѣ ничего не стоющія бумажки. Масса семействъ обнищала; случилось много самоубійствъ. Народъ окончательно потерялъ довѣріе къ правительству. Банкротство, развратъ, праздность и легкомысліе—вотъ наслѣдіе, которое оставилъ Франціи Филиппъ, умершій въ 1723 г., когда Людовику XV исполнилось 13 лѣтъ. **Джонъ Ло.**

Людовикъ XV напоминалъ его по нравамъ, да еще отличался лѣнью и надменностью. Его именемъ управляли «метрессы», въ особенности г-жа Помпадуръ. А онъ восклицалъ: «На нашъ вѣкъ хватитъ»! и интриговалъ даже противъ собственныхъ министровъ. У него былъ «секретъ короля»—свое тайное правительство изъ нѣсколькихъ наперстниковъ. Его 50-лѣтнее царствованіе было подготовкой революціи: она чуть не разразилась уже въ 1750 г., когда король не смѣлъ показаться въ Парижѣ. И при полномъ разстройствѣ страны, нелѣпая политика вовлекла Францію въ войны за польскій престолъ (1733) и за австрійское наслѣдство. Первая изъ нихъ привела хоть къ уступкѣ Габсбургомъ Неаполя испанскимъ Бурбонамъ; но вторая не дала французамъ ничего, кромѣ позора, да еще возвысила ихъ союзницу Англію. **Людовикъ XV.**

Англія поднималась въ то время, когда падала Франція. Уже при Вильгельмѣ III установился новый строй жизни. Онъ назначалъ правителей изъ господствующей у общинъ партіи. А это вело къ *однородности министерства*. Утвердились двѣ великихъ партіи—*виги и торіи*, или друзья прогресса и консерватизма. Революціи и заговоры замѣнились законною «оппозиціей его величества». Сначала управляли виги или «денежники», какъ называли буржуазію, въ отличіе отъ знати или «землевладѣльцевъ»; сюда же примыкало диссентерство или расколъ. Въ вигахъ воплощались идеи 1688 года. При королевѣ Аннѣ, наслѣдовавшей Вильгельму, виги прославились побѣдами надъ Людовикомъ XIV, а также развитіемъ журналистики, торговли и промышленности, чему помогло и сліяніе Шотландіи съ Англіей (1707), подъ именемъ Великобританіи. Тогда же англичане стали вождями Европы въ наукѣ и литературѣ: отъ нихъ пошло новое міровоззрѣніе. **Англія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка.**

По смерти Анны, съ Георгомъ I воцарилась ганноверская династія. Георгъ I и сынъ его, Георгъ II, правили около полувѣка (1714—1760). Это были ничтожества; но, къ счастью, они предоставили все парламенту — и страна продолжала развиваться, особенно матеріально, благодаря господству денежниковъ. Тогда Англіей управляли Уальполь и Питтъ Старшій. Уальполь былъ первымъ крупнымъ финансистомъ и отцомъ свободной торговли. Но онъ былъ врагомъ реформъ и энергичной дипломатіи. Этотъ пробѣлъ суждено было заполнить Питту, съ котораго начинается эпоха самаго широкаго развитія Англіи и ея первостепенной роли въ международной политикѣ.

Великая роль Англіи объясняется упадкомъ старыхъ силъ на материкѣ. Франція ослабѣла послѣ Людовика XIV. Голландію терзали междоусобія; ея колоніи захирѣли, а съ ними поникала ея міровая торговля. Испанія погибала при Бурбонахъ, впадавшихъ почти въ безуміе. Ею правили разные прохо- **Югъ и Сѣверъ Европы.**

динацы, среди которыхъ прославился итальянецъ Альберони. Этотъ «кардиналъ-исполинъ» задумалъ разыграть роль Людовика XIV. Онъ мутилъ всѣ дворы своими интригами, вооружалъ испанцевъ не по средствамъ и кончилъ разореніемъ страны. Европа укротила его своими «трипль», квадрупль и контръ-альянсами». Въ то же время Италія, Австрія и Германія изнывали подъ правленіемъ Габсбурговъ.

Пользуясь этимъ, началъ выдвигаться сѣверъ Европы. Помимо Англіи, великое движеніе происходило на сѣверо-востокѣ. Тутъ выступали цѣлые свѣжіе народы; и отъ ихъ юныхъ размаховъ разражались «кризисы», уже задѣвавшіе весь міръ. Начиналась борьба за существованіе между Швеціей, Пруссіей и Россіей; а въ ея водоворотѣ подготовлялась гибель четвертаго государства—Польши. Швеція, въ лицѣ Карла XII, уже совсѣмъ было разгромила Рѣчь Посполитую, какъ вдругъ на встрѣчу ей выступила Россія Петра Великаго — и она должна была войти въ границы среднихъ вѣковъ. Въ ней даже началась олигархическая анархія, напоминавшая господство польскихъ пановъ: вельможи продавали свое отечество иностранцамъ; не переводились «шляпы» и «шапки», какъ называли приверженцевъ Франціи и Россіи. Въ то же время Пруссія не переставала развиваться и подконецъ выставила Фридриха II, составлявшаго цѣлую эпоху въ исторіи.

Колоніальный вопросъ. Описываемый періодъ весьма важенъ для будущаго еще съ одной стороны. Тогда выдвинулся колоніальный вопросъ, орудующій міромъ въ наши дни. Въ Остъ-Индіи уже отражались всѣ европейскія войны той поры. Здѣсь на смѣну португальцамъ и испанцамъ выступили голландцы, а ихъ смѣнили англичане и французы. Борьба между двумя послѣдними націями была особенно жестока въ первой четверти XVIII-го в., которую даже называютъ «періодомъ колоніальныхъ войнъ». Англичане одолѣли. Ихъ торговая компанія превратилась въ завоевательное государство. Она почти уничтожила власть великаго могола въ Индостанѣ, благодаря своему даровитому, но жестокому и алчному генералу, Кляйву, который явилъ собой также первый образецъ пышнаго «набоба» или милліонера.

Колоніальный вопросъ разгорался и въ Новомъ Свѣтѣ. Здѣсь испанскія колоніи падали такъ же, какъ и ихъ митрополія. Слабо развивались и французскія колоніи: имъ также мѣшала «система» митрополіи. Ихъ подрывало еще соперничество англичанъ. Колоніи послѣднихъ представляли замѣчательное развитіе. Кромвель подтвердилъ всѣ ихъ льготы и даже освободилъ отъ налоговъ, не утвержденныхъ ихъ мѣстными парламентами; затѣмъ все прибавлялись льготныя «хартіи» колонистамъ. Переселенцы все прибывали: на сѣверъ шли больше диссентеры, въ особенности пуритане, на югъ—кавалеры и царедворцы. Въ 1733 г. явился уже 13-й штатъ. Всѣ эти колоніи особенно хорошо почувствовали себя послѣ второй революціи, благодаря терпимости, которая подавила даже фанатизмъ пуританъ. Индѣйскія племена истреблялись. Торговля съ Европой расширилась и даже захватывала Антиллы. Но уже обозначалась противоположность между сѣверомъ и югомъ: тамъ былъ какъ бы вигизмъ, расколъ, здѣсь—торизмъ и англиканизмъ; на югѣ развивались обширныя «плантаціи» — земледѣліе, основанное на трудѣ черныхъ рабовъ. Это процвѣтаніе тѣмъ любопытнѣе, что оно совершалось при почти безпрерывныхъ войнахъ англичанъ съ французами, причемъ послѣдніе обыкновенно терпѣли пораженія.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Культура эпохи 1600—1750.

Въ области государства развивалось сплоченіе. Западъ уже представлялъ собой *международный* организмъ, въ который вошла и Россія съ Петра I. Дипломатія выступила на первый планъ; договоры стали основаніемъ «международнаго плана». Еще яснѣе политическое сплоченіе внутри каждой націи. Оно проявилось въ двухъ противоположныхъ формахъ: въ материковомъ абсолютизмѣ и въ англійскомъ парламентаризмѣ. *Абсолютизмъ* уже перезрѣлъ на своей родинѣ, въ Испаніи. Онъ былъ подновленъ во Франціи: «система» Ришельё стала міровой силой новаго времени, которую почувствовала даже Англія при Стюартахъ. Въ 1614 г. прекратились государственные чины. Тогда же пало политическое значеніе парижскаго парламента, который хотѣлъ-было разыграть роль государственныхъ чиновъ. При Людовикѣ XIV абсолютизмъ достигъ крайностей, передъ которыми стушевывалась его польза. За исключеніемъ Голландіи и Швейцаріи, абсолютизмъ распространился по всему материку. Послѣ Франціи, его главными гнѣздами были Испанія и Австрія; за ними выдвигались Пруссія и Пьемонтъ. Вездѣ уже завелись постоянныя арміи, хотя еще съ старымъ характеромъ вербовокъ; но подконецъ во Франціи и Германіи вводились наборы по жребію или «конскрипціи». Въ 1703 г. явилось кремневое ружье со штыкомъ. Государство.

Между тѣмъ въ Англіи развивались начала древне-германской свободы. Несмотря на революціи, дѣло развивалось постепенно, осторожно: англичане придерживались «прецедентовъ». Первая революція установила правило, что парламентъ выше короны, а нижняя палата выше верхней. Индепенденты требовали даже отмѣны послѣдней и отнятія избирательныхъ правъ у принадлежавшихъ лордамъ «гнилыхъ мѣстечекъ». Они объявили бракъ гражданскимъ учрежденіемъ и возставали противъ церковной десятины. При Карлѣ II возникли двѣ великія партіи. Окрѣпшая палата общинъ отмѣнила остатки феодализма и издала Habeas-Corpus-Act. Вторая революція утвердила право націи на низложеніе королей и предоставила парламенту право назначать офицеровъ и чеканить монету. Завершеніемъ конституціоннаго строя была однородность министерства. Оставалось устранить такія мелочи, какъ продажа голосовъ при избраніи членовъ парламента и господство сквайровъ, когда уже сильно развились города. Подконецъ еще развивались подкупы самихъ депутатовъ со стороны министровъ.

Въ обществѣ развивались прежнія черты. Первые два чина падали на материкѣ. Знать сохраняла политическое значеніе только въ Польшѣ, Венгріи и Скандинавіи. Но вездѣ, особенно во Франціи, вельможи и прелаты становились «привилегированными», т. е. одаренными феодальными правами, въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ, какъ помѣщики. Въ Англіи этихъ привилегій не было. Здѣсь знать сливалась съ джентри, которая господствовала, какъ «сквайрархія». Общество.

Горожане становились въ Англіи уже первыми богачами въ мірѣ. У нихъ было много голосовъ въ парламентѣ; на нихъ опирались виги. На материкѣ третій чинъ также развивался культурно, но онъ падалъ политически. У него было будущее, и онъ сознавалъ это. Крестьяне сохраняли свободу только въ Швейцаріи и Норвегіи. Лишь въ Англіи участь ихъ была сносна, благодаря размноженію заводовъ, доставлявшихъ работу, и улучшенію земледѣлія, свободнаго отъ чисто феодальныхъ барщинъ. Фермеры стали значительнымъ классомъ.

Впрочемъ, во Франціи крестьяне были хоть лично свободными въ большинствѣ и даже собственниками: тогда началось дробленіе земли, которую они любили скупать у дворянъ; сохранялась даже сельская община. Въ Германіи же былъ чистый адъ, благодаря безобразному хозяйству фюрстовъ. Здѣсь надъ крестьянствомъ тяготѣло тройное иго—государственное, ленное и крѣпостное. Крѣпостничество обнимало $^4/_5$ сельскаго люда; и барщины были неопредѣленны и отбывались натурой. Помѣщикъ клеймилъ щеки бѣглымъ.

Церковь. Первый чинъ съ папствомъ падали больше прежняго отъ усиленія старыхъ причинъ—отъ ихъ собственной порчи, отъ абсолютизма и свѣтскости. Свѣтская власть всюду устраивала конкордаты, полагавшіе основаніе освобожденію мѣстныхъ церквей отъ Рима. Въ то же время абсолютизмъ вездѣ отнималъ у клира его старыя права, начиная съ церковныхъ судовъ. Въ Англіи пышно расцвѣла нравственно-религіозная жизнь, въ формѣ множества сектъ и направленій. Изъ индепендентовъ выдѣлились квакеры (трясуны), не признающіе ни священства, ни присяги и военной службы, и выдвинувшіе благотворительность. Важнѣе были методисты, восторженные аскеты. Теперь ихъ 20 милліоновъ въ одной Сѣверной Америкѣ.

Религіозность пробуждалась и на материкѣ. Въ Германіи ею пользовались іезуиты, которые совращали знать въ католичество. Но тамъ же протестантство создало піетизмъ, бывшій какъ бы возрожденіемъ первоначальнаго лютеранства. Онъ помогалъ бѣднымъ, сѣялъ просвѣщеніе, отстаивалъ свободу мысли противъ гнета «православія». Но вскорѣ онъ выродился въ сентиментальность, въ мистицизмъ, въ невѣжественный аскетизмъ. Впрочемъ одна изъ отраслей піетизма привилась къ жизни: это—геррнгутеры, которые живутъ братскими общинами въ трудѣ и благочестіи. Въ Италіи и Франціи возникли новые монашескіе ордена—ученые бенедиктинцы конгрегаціи св. Мавра, траписты, кармелитки, урсулинки и др. Душой этого движенія былъ славный миссіонеръ и заступникъ бѣдныхъ, св. Венсанъ де Поль: онъ создалъ Сестеръ Милосердія. А въ Парижѣ блистало женское аббатство Пор-Рояль, которое стало гнѣздомъ янсенизма, стоявшаго одно время во главѣ французской культуры. Отсюда-то вышли «Провинціальныя Письма» Паскаля (1656), разоблачившія пороки іезуитовъ и папства.

Просвѣщеніе. Педагогія. Просвѣщеніе находилось еще въ жалкомъ состояніи, особенно вначалѣ. У католиковъ педагогія по прежнему была въ рукахъ іезуитовъ. Не лучше была она у протестантовъ. Тутъ гимназіи стали истинно «латинскими» школами, и учеба обратилась въ «хламъ памяти». Университеты представляли мерзость запустѣнія, хотя ихъ прибавилось больше дюжины. Чтобы поправить дѣло, потребовалось новое Возрожденіе, на началахъ научнаго реализма. Движеніе началось въ одно время во Франціи и Англіи, по слѣдамъ гуманистовъ. Декартъ выдвинулъ сомнѣніе и разумъ на мѣсто схоластики. Онъ требовалъ, чтобы школа перешла отъ мертвыхъ отвлеченностей къ самимъ предметамъ. Послѣ него просвѣтительныя начала заглохли во Франціи, но они нашли пріютъ въ Англіи и Голландіи.

Френсисъ Беконъ—истинный отецъ новаго просвѣщенія. Его цѣль—освобожденіе личности отъ авторитета, а мысли—отъ ига словъ, воображенія и преданій. Онъ требовалъ «автопсіи»—своего глаза, изученія самихъ предметовъ и ихъ исторіи. Онъ возсталъ и противъ классицизма въ педагогіи. Подъ вліяніемъ Бекона, въ Лондонѣ образовался кружокъ, изучавшій «новую философію», какъ называли тогда опытныя науки. И наканунѣ второй революціи вышли «Основы» Ньютона (1687). Въ религіи выдвинулся латитудинаризмъ или «естественная» вѣра, въ политикѣ—гоббизмъ или «естественное право» Беконова секретаря, Гоббса. Наконецъ, явился творецъ реальной философіи, Локкъ. Онъ поставилъ педагогію на новое основаніе—«здравый умъ въ въ здравомъ тѣлѣ». Онъ

возсталъ противъ классицизма и побоевъ: его обученіе опирается на новые языки. естествовѣдѣніе, исторію, ремесла, рисованіе и танцы.

Въ то же время въ Голландіи явился Спиноза. Онъ также возсталъ противъ авторитета, противъ ига словъ и особенно церкви. Его поддержалъ пріятель Локка, бѣжавшій изъ Франціи гугенотъ Бэль—главный публицистъ между Эразмомъ и Вольтеромъ. Его «Историко-критическій Словарь» (1697)—цѣлый арсеналъ этого оружія тогдашняго знанія противъ всякихъ пережитковъ, съ точки зрѣнія свободы и филантропіи, и по методу Бекона. «Словарь» сталъ библіей передовыхъ умовъ; на немъ воспитывались цѣлыя поколѣнія, съ Фридрихомъ II во главѣ. Въ педагогіи новую идею развилъ на материкѣ чехъ Коменскій. Онъ требовалъ образованія для всѣхъ, безъ различія половъ, званій и состояній. Его дѣло продолжали піетисты, создавшіе «реальную школу».

Помимо педагогіи, развивались другія средства просвѣщенія. При дворахъ и у знати меценатство стало модой. Во Франціи возникли «салоны», игравшіе роль «умственныхъ бюро». Въ Англіи распространялись «клубы», гдѣ развивались критика и краснорѣчіе. Выступила журналистика. Въ Англіи возникла масса памфлетовъ, началась правильная, могучая роль печати, послужившая образцомъ для материка, и прежде всего для Голландіи. Наряду съ журналистикой выступало несокрушимое орудіе просвѣщенія — популяризація науки, особенно въ лицѣ французовъ, а именно ихъ гугенотовъ, и янсенистовъ, бѣжавшихъ въ Голландію. Эта «литература выходцевъ», съ Бэлемъ во главѣ, имѣла руководящее вліяніе на всю Европу. По содержанію, то была критика системы Людовика XIV, съ точки зрѣнія англійскаго просвѣщенія. Подконецъ явились публицисты и въ Германіи; главой ихъ былъ Лейбницъ, долго жившій въ Парижѣ и Лондонѣ. Это—типъ нужнаго тогда даровитаго барзописца, просвѣтителя, зачинщика новшествъ, мастера на всѣ руки. Далѣе пошелъ въ просвѣщеніи ученикъ Лейбница, Вольфъ, гонимый обскурантами: «вольфіанство» проповѣдовалось сотней нѣмецкихъ писателей и профессоровъ. Но самымъ пылкимъ и патріотичнымъ просвѣтителемъ Германіи былъ другъ Вольфа, Томазій, который первый замѣнилъ въ университетѣ латынь родною рѣчью. Его заслуга — самоотверженная любовь къ правдѣ, наукѣ и отечеству, а также гуманность: онъ прославился своими усиліями отмѣнить преслѣдованія еретиковъ, колдовской судъ и пытку. Публицистика

Тогда же получили обработку новые языки—это могучее орудіе новаго просвѣщенія. Особенно развился французскій языкъ. Это было одною изъ причинъ мірового значенія французской литературы того времени. Эта отчеканенная форма соединялась съ пристрастіемъ къ древности, которой вовсе не знали. Отсюда искаженіе античности, которое дало названіе «лжеклассицизма» литературѣ «вѣка Людовика XIV». Сила этой литературы заключалась въ трагедіи, подходившей къ величавости и театральности Версаля. Но рядомъ съ Корнелемъ и Расиномъ, прославился отецъ національной комедіи, Мольеръ. Его творенія полны жизненной правды, богатства содержанія, глубины взгляда. Подконецъ и трагедія сходила съ подмостковъ лжеклассицизма. Въ изящной словесности сталъ задавать тонъ Вольтеръ—плохой поэтъ, но великій публицистъ, который брался за драму, чтобы облекать новое міровоззрѣніе въ обязательныя формы лжеклассицизма. Это былъ «патріархъ Просвѣщенія», кумиръ передовыхъ людей, пугало ретроградовъ, самый смѣлый и злой критикъ въ исторіи. Въ своей первой драмѣ «Эдипъ» (1718) онъ выступилъ съ бойкими намеками противъ церковности и деспотизма. Затѣмъ онъ побывалъ въ Англіи и бросилъ поэзію ради философіи, политики и исторіи. Въ одно время съ Вольтеромъ выступилъ другой отецъ Просвѣщенія, Монтескьё. Его «Персидскія Письма» приписывались Вольтеру по ѣдкости сатиры. Здѣсь выставлялась на Литература.

позоръ вся ложь французской цивилизаціи, а также ея корень—пороки общества. Тогда же возникло много мелкихъ талантовъ, обращавшихъ литературу въ поприще оппозиціи и критики, въ формѣ легкой поэзіи, и именно романа. Такое значеніе имѣютъ «Телемакъ» Фенелона, «Жиль-Блазъ» Лесажа, «Манонъ Леско» Прево. Въ томъ же родѣ были легкая комедія и фарсъ, вытѣснившіе трагедію лжеклассицизма. Подконецъ возникъ водевиль въ одно время съ комической оперой;

Съ конца XVII-го в. французскій лжеклассицизмъ овладѣлъ всею Европой. Въ Англіи его царемъ былъ Попъ. Послѣ Анны, когда появилось новое просвѣщеніе, снова показалась національная литература, въ видѣ нравственныхъ «Еженедѣльниковъ». Затѣмъ появился отецъ новой сатиры, Свифтъ. Его «Путешествія Гулливера» (1725) — геніальное произведеніе по глубинѣ мыслей и тонкости юмора. Тогда же Дефо издалъ своего «Робинзона». Это—проповѣдь деизма, свободы, человѣколюбія, въ духѣ второй революціи. А по своему реализму описаній, «Робинзонъ» былъ предтечей новаго, бытоваго *романа*, который называютъ «мѣщанскимъ» или семейнымъ и нравственнымъ. Отецъ этого романа, Ричардсонъ, вызвалъ своей «Клариссой» восторгъ буржуазіи и ненависть знати. То былъ протестъ противъ лжеклассицизма по реальнымъ мелочамъ быта, по психологіи, по теплому участію къ героямъ, доходившему до сентиментальности. Но мѣщанская узкость взгляда и пуританская сухость назиданія этого романа вскорѣ надоѣли: и возникъ юмористическій разсказъ, съ легкой руки Фильдинга. А противъ мѣщанской трагедіи выступилъ фарсъ, эта капризная сатира и даже каррикатура на современность.

Подконецъ эта новѣйшая литература Англіи стала уже переходить на материкъ, гдѣ передъ тѣмъ господствовалъ французскій лжеклассицизмъ. Послѣднему долго сопротивлялась только Испанія, гдѣ драма, въ лицѣ Лопе де-Веги, отличалась національнымъ фанатизмомъ, но также художественнымъ реализмомъ. Зато Германія совсѣмъ поддалась лжеклассицизму, во главѣ котораго долго стоялъ бездарный Готтшедъ. Подконецъ его подавляло англійское вліяніе. А рядомъ развивался піетистическій сентиментализмъ, который совсѣмъ овладѣлъ нѣмцами, когда появилась мать «серафической» поэзіи—«Мессіада» (1748) Клопштока.

Положительныя науки. Несмотря на весь блескъ литературы, не она, а наука составляетъ величіе того времени. Здѣсь во главѣ шла Англія. Періодъ начался геніальнымъ «Новымъ Органомъ» (1620) Бэкона. Это—неотразимый протестъ противъ церковнаго авторитета средневѣковья въ пользу свободомыслія или свѣтскости, реализма, съ его «духомъ изобрѣтенія». Это—источникъ «новой философіи», т. е. объективнаго познанія вещей посредствомъ анализа, идущаго за фактами (a posteriori), въ противоположность синтезу схоластиковъ или «предвосхитительному» методу (a priori). Иначе, это—путь индукціи, опыта и наблюденія. Отсюда небывалое процвѣтаніе положительныхъ наукъ. Прежде всего выдвинулась математика, и именно во Франціи, благодаря Декарту, Паскалю, Ферма, д'Аламберу. За ними шли голландцы Бернулли, нѣмцы Лейбницъ и Эйлеръ, англичане Ньютонъ и Бриггъ, установившій логариѳмы. И утвердилась система Коперника, поддержанная кропотливыми вычисленіями нѣмца Кеплера. Наконецъ, явился Галилей, геній оптики и механики, открывшій спутниковъ Юпитера. Весь XVII-й вѣкъ въ точныхъ наукахъ—его школа. Физика выдвинулась на первый планъ: ея ревнителей называли тогда «философами» по преимуществу. Въ 1687 г. явились и «Математическія Основы (Principia)» естественной философіи Ньютона, гдѣ доказанъ міровой законъ тяготѣнія. Это, какъ сказалъ Лапласъ, «величайшее твореніе человѣческаго ума» до сихъ поръ служитъ основой всего естествознанія. И астрономія быстро двинулась впередъ, особенно послѣ того, какъ голландецъ Гюйгенсъ усовершенствовалъ телескопъ и открылъ кольца и спутниковъ Сатурна.

При такомъ развитіи точныхъ наукъ и при методѣ Бекона, двинулось впередъ и естествовѣдѣніе. Прежде всего выступила физика. Подконецъ термометръ былъ доведенъ до нынѣшняго состоянія. Уже натолкнулись на паръ и аэронавтику, стали употреблять насосы и огненные телеграфы. Обнаружилась связь физики съ химіей, въ формѣ электричества, магнетизма и гальванизма. Американецъ Франклинъ изобрѣлъ громоотводъ (1752). Но остальныя опытныя науки, болѣе далекія отъ математики, подвинулись мало. Химія, ботаника, зоологія частью погрязали въ массѣ мелочей, частью подавлялись отсталыми понятіями или ложными апріорными обобщеніями. Лишь подконецъ шведъ Линней создалъ «систематику» въ ботаникѣ и хорошую терминологію: эта, хотя и искусственная, система имѣла огромное вліяніе даже на общество, которое сильно увлекалось тогда ботаникой. Больше всего было сдѣлано для физіологіи и анатоміи человѣка: совершилось великое открытіе Гарвея — кровообращеніе (1619); а Галлеръ открылъ нервную систему. Оттого медицина принимала новый видъ: къ ней начали прилагать химію и механику; голландецъ Бергавэ основалъ научную клинику; англійская королевская семья привила оспу своимъ дѣтямъ (1724). Возникла и палеонтологія, какъ истинная основа геологіи. Географія обогатилась многими свѣдѣніями, благодаря развитію колоніальнаго вопроса, путешествіямъ и ученымъ экспедиціямъ. Подъ конецъ уже узнали $^2/_3$ земли.

Все это вело къ общимъ вопросамъ—и начала развиваться философія. Но сначала здѣсь господствовала метафизика или философскій идеализмъ, замѣнившій богословіе. Ея творцомъ считается Декартъ или Картезій, который призналъ бытіемъ одно наше внутреннее сознаніе, наше мышленіе: здѣсь онъ нашелъ «врожденныя идеи», съ Богомъ во главѣ, названнымъ «субстанціей», т. е. единственною самобытной сущностью. Спиноза развилъ «картезіанство», придавъ философіи исключительно божественный характеръ. Но онъ отвергалъ догму вообще. Этика Спинозы сводилась къ полной свободѣ мысли и совѣсти: она стояла даже за неизмѣняемость поступковъ. Это ученіе, отвергающее свободу воли, названо «детерминизмомъ», въ отличіе отъ религіознаго фатализма. Чтобы примирить матерію съ духомъ, приходилось совсѣмъ отвергнуть то или другое. На первый путь стала Германія, на второй — Англія. Монадологія Лейбница — метафизическая игрушка, которая отвергаетъ матеріальный міръ и громитъ вольнодумцевъ. Локкъ считается отцомъ «эмпиризма» или реальной, индуктивной философіи. Въ его «Опытѣ о разумѣ» (1690) отвергнуты врожденныя идеи: познанія сведены къ «опыту», къ ощущеніямъ. Это ученіе развилъ Юмъ, отецъ новѣйшаго скептицизма. Въ жизни англичанъ оно приняло форму деизма, который создалъ собственнаго «естественнаго» Бога и возставалъ противъ богослововъ. Отсюда вытекли подконецъ зачатки атеизма и матеріализма. Философія

Главнымъ проводникомъ этого англійскаго «просвѣщенія» на материкѣ былъ деистъ Вольтеръ. Дальше пошелъ Дидро, взявшійся, въ 1749 г., за «Энциклопедію», которая дала имя «философіи энциклопедистовъ всему направленію европейской мысли въ слѣдующемъ періодѣ. Здѣсь начало матеріализма, который развился у Кондильяка и особенно у Ламеттри.

При развитіи положительнаго знанія и публицистики, выдвинулись и общественныя науки. Періодъ начался съ отца государственнаго и международнаго права, голландца Гуго Гроція. Его «Право войны и мира» (1625)— начало систематической разработки принципа естественнаго права. Его взглядъ развилъ болѣе смѣло англійскій республиканецъ, Мильтонъ, горячій поборникъ свободы совѣсти и мысли. Его противникомъ былъ проповѣдникъ абсолютизма, Гоббсъ; но въ наукѣ и онъ слѣдовалъ Бекону и Гроцію и былъ врагомъ богослововъ: кромѣ установленія понятій «естественнаго права» и первоначальнаго Обществовѣдѣніе.

«договора» между властью и подданными, онъ далъ идею «общественнаго блага». Тутъ послѣдователемъ Гоббса былъ Локкъ. Онъ выставилъ идею отвѣтственности монарха передъ націей. Его «Трактатъ о гражданскомъ правленіи» — первая отчетливая теорія «правоваго» государства, основаннаго на такихъ договорахъ, какъ Великая Хартія и Билль о правахъ.

Ученіе Локка отразилось на материкѣ. У Спинозы договоръ ведетъ къ правовой демократіи, задача которой — охранять общественное благо: «цѣль государства — свобода», говоритъ онъ. Подобными же мыслями былъ проникнутъ «Телемакъ» Фенелона. Аббатъ Сен-Пьеръ выставилъ ученіе о вѣчномъ мирѣ, какъ бы развивая мысль Генриха IV. Наконецъ, явился Монтескье, который украсилъ англійскія идеи блескомъ французскаго изложенія. Его «Духъ Законовъ» (1748) — предтеча соціологіи: здѣсь выведены законы общежитія изъ изученія государствъ и ихъ исторіи. Монтескье былъ настоящимъ вигомъ. Въ Германіи новое направленіе развивали юристы Пуфендорфъ, Томазій и Вольфъ.

Возникли и зародыши экономической науки. Въ Германіи образовался цѣлый факультетъ, посвященный финансамъ или «камеральнымъ» наукамъ. Онъ создалъ «статистику» (отъ status—государство), благодаря Ахенвалю. Въ 1615 г. возникло имя «политической экономіи». Все это были оправданія меркантилизма или «кольбертизма», который сводился къ правилу: ничего не предоставлять (ne rien laisser faire), ничего не пропускать безъ правительственнаго надзора (ne rien laisser passer). Подконецъ, особенно во Франціи, выступила критика меркантилизма. Оппозиція уже доказывала, что дѣло не въ деньгахъ, а въ землѣ и промыслахъ, и что экономика руководится не указами, а законами природы и свободнаго соревнованія. Тогда же повѣяло новымъ духомъ въ исторіи. Критика Бофора разрушала баснословное начало Рима; Вико начиналъ философію исторіи по методу Макіавеля, что повліяло на Монтескье; Юмъ внесъ въ исторію скептицизмъ, широкій взлядъ, вниманіе къ культурѣ. Подъ этими вліяніями явились философско-историческія попытки Монтескье и Вольтера, основанныя на «процессѣ человѣческаго разума».

Искусство. Искусство сосредоточивалось уже не въ Италіи, а сначала въ Испаніи и Нидерландахъ, потомъ во Франціи. Оно совсѣмъ пало въ Германіи, подъ вліяніемъ тридцати-лѣтней войны, фанатизма и абсолютизма. Зодчество и ваяніе пострадали вездѣ. Здѣсь явился причудливый стиль «барокко», принявшій во Франціи, при Людовикѣ XIV, чопорную форму «колоссальнаго стиля». Затѣмъ въ Парижѣ процвѣлъ, напротивъ, миніатюрный, кокетливый «рококо». Больше всего занимались живописью. Въ Италіи она распадалась на двѣ школы — «эклектиковъ» (Караччи, Гвидо Рени и др.) и «натуралистовъ» (Караваджіо, Сальваторъ Роза). Въ Испаніи живопись достигла совершенства въ лицѣ Мурильо, соединявшаго сіенскій идеализмъ съ голландскимъ реализмомъ. Но особенно прославилась нидерландская живопись, этотъ высшій плодъ реализма въ эстетикѣ. Она распадалась на фламандскую (Рубенсъ, Ван-Дейкъ, Теньеръ и др.) и голландскую (Рембрандтъ, Остадъ, Тербургъ, Рюисдаль и др.). Здѣсь выдвинулись «кабинетный» (мелкій) жанръ съ пейзажемъ.

Во Франціи сначала отражался, въ лицѣ Пуссена, холодный классицизмъ, смягченный у пейзажиста Клода Лоррена. При Людовикѣ XIV и въ живописи возникъ оффиціальный, «колоссальный» стиль или «великій вкусъ», въ лицѣ Лебрена, этого лжеклассическаго декоратора. Затѣмъ и здѣсь насталъ рококо, подготовленный жеманнымъ, слащавымъ Миньяромъ: «миньярдность» обошла всю Европу, вмѣстѣ съ вліяніемъ Версаля. Масляныя краски замѣнила «пастель».—Царемъ живописи рококо былъ Ватто, манера котораго сохранилась въ оперныхъ декораціяхъ. Послѣ живописи всюду распространялась гравюра на мѣди, вытѣснившая политипажъ (рѣзьбу на деревѣ). Былъ изобрѣтенъ о-фортъ.

Музыка сдѣлала огромные успѣхи, особенно въ XVIII вѣкѣ. Въ Италіи возникла опера, въ которую вскорѣ вторгнулся балетъ. Вслѣдъ за свѣтской оперой явилась церковная ораторія. Создался оркестръ или инструментальная музыка: первый «концертъ» состоялся въ 1624 г. Около того же времени Віодана изобрѣлъ генералбасъ. Эта «новая школа» быстро развилась въ Италіи. Особенно процвѣла опера, къ которой присоединился «буффъ» (комическая опера). Затѣмъ по всей Европѣ дворы заводили, подлѣ капеллы, «камерную» (дворцовую) музыку и «итальянскую» оперу. Подконецъ у французовъ зарождалась собственная музыка, главнымъ образомъ комическая. У нѣмцевъ же возродилась музыка церковная. Виртуозъ органа, скромный Бахъ, и блестящій Гендель подняли ее на небывалую высоту. Къ концу періода уже былъ рѣшенъ вопросъ о музыкѣ, какъ о великомъ искусствѣ будущаго.

Матеріальная культура сильно двинулась впередъ. Небывалое расширеніе промысловъ, торговли и капитализма выдвинуло подконецъ экономику на первый планъ. Весь внѣшній бытъ принималъ щеголеватый видъ роскоши и разнообразія. **Матеріальный бытъ.**

Дворцы, отели, виллы, сады, парки стали истинной Шехерезадой. Мебель и утварь дѣлались все легче, удобнѣе и изящнѣй. Пища развилась до «гастрономіи» (наука о желудкѣ) и «кулинарнаго искусства». Быстро распространялись кофе и табакъ. Весь нашъ столовый приборъ былъ на лицо, не исключая вилки и салфетки. Забавы стали разнообразны и болѣе изящны; особенно увлекались охотой, танцами, театромъ, маскарадами, фейерверками. Моды сдѣлались цѣлою наукой, которою Версаль особенно покорялъ міръ. Ихъ царемъ сталъ «колоссальный» парикъ Людовика XIV, который проникъ даже въ армію. «Львицы» свѣта позже «льва» стали увлекаться модами; зато онѣ дошли до невозможныхъ «хвостовъ, мушекъ, тюрлюберлю, панье или фижмъ, неглиже» и т. д. Наживались и были въ великомъ почетѣ «модистки, парфюмеры», а также учителя танцевъ и выправки франтовъ.

Подконецъ въ матеріальной культурѣ третій чинъ уже соперничалъ съ знатью. Оттого исчезли и законы противъ роскоши. Города достигли небывалаго развитія, благодаря расцвѣту промысловъ и торговли. Техника уже дала главныя орудія производства. Улучшались мѣры и вѣсы; часы входили во всеобщее употребленіе; явились сильныя прядильныя машины и крупные оружейные заводы. Царицами промышленности стали Англія и Франція. Въ Англіи всѣ производства конца XVI вѣка достигли изумительнаго развитія. Добывалась уже треть нынѣшняго количества олова, а каменный уголь входилъ во всеобщее употребленіе на фабрикахъ. Менѣе прочно, но съ большимъ блескомъ, расцвѣла промышленность во Франціи, при Кольберѣ, какъ душа меркантилизма. Французы быстро перенимали все у другихъ и доводили до виртуозности, пользуясь наукой и особенно искусствомъ. Но далеко не все уцѣлѣло отъ этой промышленности, бывшей искусственнымъ плодомъ регламентаціи и подорванной отмѣной нантскаго эдикта. Уцѣлѣли только шелковое производство, севрскій фарфоръ, работы эбенистовъ, моды и изящныя бездѣлушки или articles de Paris. **Промышленность и торговля.**

Успѣхи промышленности блѣднѣютъ передъ развитіемъ торговли. Всюду говорилось о «торговомъ балансѣ», о «торговыхъ статьяхъ». Какъ прежде религія, такъ теперь торговля стала яблокомъ раздоровъ, причиной войнъ. Деньги никогда еще не скоплялись въ немногихъ рукахъ такъ быстро и въ такомъ количествѣ. Кредитъ. банкъ и биржа, съ ея азартной игрой, становились воротилами жизни. Здѣсь производились уже всѣ нынѣшнія сдѣлки. Акціи и облигаціи сдѣлались уже товаромъ, особенно въ Голландіи, гдѣ и разражались главные торговые кризисы, особенно связанные съ колоніальными компаніями

Сосредоточеніе капиталовъ и кризисовъ на сѣверо-западѣ показываетъ, что торговые пути окончательно измѣнились въ направленіи, принятомъ ими съ конца XVI-го в. Узломъ торговли сталъ уголокъ у Ламанша, гдѣ кипѣла борьба за морское господство между тремя передовыми націями. Во XVII-мъ в. царицей водъ была Голландія. Вслѣдъ за ней двинулась Англія. Людовикъ XIV вздумалъ было соперничать съ этими странами; но всѣ его заморскія компаніи оказались мыльными пузырями; а при регентѣ французская торговля совсѣмъ стала, потрясенная затѣями Джона Ло. Такъ какъ тогда же пала Голландія, то періодъ кончался морскимъ владычествомъ Англіи, которое поддерживалось процвѣтаніемъ финансовъ и колоній.

Финансы и колоніи. Тогда финансы вообще выступили на первый планъ. Подконецъ возникла цѣлая финансовая наука. При Кольберѣ Франція была образцомъ материковыхъ финансовъ. Тутъ все дѣло было въ изобрѣтеніи новыхъ доходовъ. Кольберъ развилъ косвенные налоги и ввелъ «талью» или поголовную подать, а затѣмъ «десятину» и «двадцатину» съ доходовъ. Особенно тяжелы были внутреннія таможни. Важный доходъ составляли также правительственныя монополіи. Самые прибыльные доходы сдавались «фермѣ» или «партизанамъ»— откупщикамъ, которые быстро становились милліонерами. Ради доходовъ, прибѣгали еще къ разнымъ «чрезвычайнымъ аферамъ». Не разъ объявлялось и государственное банкротство. А государственный долгъ дошелъ уже при смерти Людовика XIV до 1.200 милліоновъ.

Французская финансовая система, процвѣтавшая еще въ Испаніи и Римѣ, достигла послѣдней крайности у нѣмецкихъ фюрстовъ, которые зачастую прибѣгали даже къ лотереямъ и къ порчѣ монеты. Только Англія и здѣсь представляла иной видъ, да и то лишь подконецъ. Уальполь первый поставилъ своей цѣлью народное благо. Онъ отмѣнилъ много пошлинъ и дозволилъ колоніямъ торговать не съ одною Англіей. Онъ же выдумалъ новый способъ взиманія косвенныхъ налоговъ посредствомъ акциза.

Еще болѣе выгодно Англія отличалась отъ материка въ колоніальномъ вопросѣ. Она уже не смотрѣла на свои колоніи, какъ на рабынь. Онѣ управлялись собственнымъ выборнымъ собраніемъ и совѣтомъ. Лишь подконецъ англичанъ разобрала жадность: вигскій парламентъ сталъ экономически угнетать свои богатѣющія колоніи въ Америкѣ и даже назначалъ имъ губернаторовъ отъ себя.

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

III. „Просвѣщеніе“ и преобразованія. Ок. 1750—1789.

Основы „Просвѣщенія“. Около половины XVIII в. Европа готовилась къ великимъ переворотамъ. «Всюду чуялось противорѣчіе между пережитками средневѣковья и новыми потребностями. Умы были скованы условностями «свѣта», лжеклассицизма, стиля рококо, убивавшими всякую естественность и искренность. А «интеллигенція», стала между тѣмъ развитѣе, чувствительнѣе прежняго: она уже принадлежала не столько знати, сколько образованной и богатой буржуазіи. Зарождалось «общественное мнѣніе», которое уже критиковало весь современный строй. Экономика начинала преобладать надъ церковнымъ идеализмомъ. Этотъ переворотъ особенно замѣчался въ литературѣ.

Въ Англіи и Голландіи сложилось новое міровоззрѣніе, которое было разнесено всюду французами, подъ именемъ *Просвѣщенія* по преимуществу.

«Просвѣщеніе» достигло верха своего развитія съ половины XVIII вѣка, въ лицѣ французовъ Монтескьё, Вольтера и Руссо. Монтескье былъ проповѣдникомъ англійской конституціи. Его сочиненія проникнуты также духомъ гуманности, братства. Тѣми же двумя принципами былъ одушевленъ Вольтеръ, получившій такое значеніе, что «новую философію» стали называть «вольтерьянствомъ». Это значеніе связано именно съ жизнью «фернейскаго отшельника или патріарха»: философъ около 1750 г. поселился въ замкѣ Фернэ, близъ Швейцаріи. Здѣсь-то созрѣлъ Вольтеръ—отрицатель и обличитель: никогда рутина не получала такихъ смертельныхъ ранъ. Вольтеръ умеръ (1778) поклонникомъ разума, знанія, филантропіи, человѣческаго достоинства, другомъ Локка, Ньютона. **Патріархи Просвѣщенія.**

Но подконецъ уже падало обаяніе Вольтера. Онъ не могъ идти до крайностей новаго міровоззрѣнія. Вольтерьянство, это—реформы второй половины XVIII вѣка. Но неумолимая исторія взывала къ перевороту—и его готовили новые пророки. Главой ихъ былъ Жанъ-Жакъ Руссо. Задачей этого болѣзненнаго, мечтательнаго сына народа было спасеніе человѣчества отъ снѣдавшей его пошлости и лицемѣрія. Онъ призналъ одну природу, дикаря, отвергнувъ всю цивилизацію за ея пороки. Это ученіе онъ провозгласилъ съ горячей искренностью пророка, какъ писатель первоклассный, по силѣ субъективности, по отвагѣ діалектики, по поэтичности слога. То былъ именно не мудрецъ, а пророкъ: самъ мученикъ отчаянія, онъ глубже всѣхъ захватывалъ болѣзнь вѣка, сильнѣе всѣхъ выступалъ съ кореннымъ леченіемъ и жегъ сердца пламенной рѣчью трибуна, писалъ слезами и кровью: «Философы» хотѣли починить формы быта, пророкъ стремился претворить содержаніе жизни, самое общество. Его «Общественный Договоръ» сталъ самымъ вліятельнымъ сочиненіемъ въ разгаръ революціи.

Вся совокупность Просвѣщенія отразилась въ «Энциклопедіи» Дидро 1751—1772), въ которой участвовали почти всѣ философы. Дидро справедливо сказалъ: «Здѣсь школа—вселенная, а ученикъ—родъ человѣческій». Эти 17 грузныхъ томовъ стали настольною книгой всѣхъ образованныхъ людей. Они окончательно создали могучее общественное мнѣніе. Имъ помогали парижскіе салоны, которые превратились тогда въ «умственныя бюро». Вліяніе салоновъ было неотразимо: вся жизнь общества истекала отсюда, какъ прежде—отъ двора. Парижъ освободился отъ обаянія Версаля. Въ немъ образовалось какъ бы новое, сильное правительство: чѣмъ дальше, тѣмъ больше великое гоненіе на «философовъ» превращалось въ ихъ торжество. «Вольнодумство» стало непреодолимой модой, невѣріе и либерализмъ—признаками человѣческаго достоинства и правоспособности, а аристократизмъ рожденія и капитала—лишь придаткомъ къ таланту и «остроумію». **Вліяніе Просвѣщенія.**

«Просвѣщеніе» выдвинуло свое орудіе, литературу, на недосягаемую высоту. «Литераторы» стали солью земли, львами общества.

Мода на философію овладѣла даже Версалемъ. Г-жа Помпадуръ любила бесѣдовать съ вольнодумцами. За философами ухаживали при всѣхъ дворахъ. Правительства сами стремились разрушить ненавистный «старый порядокъ» (ancien régime): пора Просвѣщенія стала эпохой реформъ. Одною изъ первыхъ реформъ была всемірная очистительная жертва—*уничтоженіе ордена іезуитовъ*. «Католическіе» государи начали высылать патеровъ изъ своихъ владѣній. А въ 1773 г., именно подъ вліяніемъ Бурбоновъ Франціи и Испаніи, самъ папа закрылъ знаменитый орденъ.

Немудрено, что и государства взялись за реформы. Сила Просвѣщенія нигдѣ не проявилась такъ ярко, какъ въ самой Франціи. Людовикъ XV былъ типомъ монарха стараго порядка; но и онъ 20 лѣтъ увлекался реформами, **Людовикъ XV.**

подчиняясь г-жѣ Помпадуръ. Эта ловкая метресса вручила власть другу философовъ, Шуазелю. Онъ-то выступилъ противъ іезуитовъ, которые были изгнаны изъ Франціи. Но явилась новая метресса, г-жа Дюбарри, подсунутая королю друзьями старины—и Шуазель былъ сосланъ въ деревню. Словно воскресъ конецъ царствованія Людовика XIV. Возобновилась и борьба съ парижскимъ парламентомъ. Его преслѣдовали, ссылали, обратили въ придворную канцелярію. Чтобы наполнить пустую казну, сдѣлали даже хлѣбъ королевскою монополіей. Въ народѣ утвердилось мнѣніе, что наверху заключенъ «голодный договоръ»,—и пошли бунты и грабежи. Оппозиція становилась модой. Даже Людовикъ XV понялъ, что за нимъ послѣдуетъ «потопъ». Съ этимъ убѣжденіемъ онъ умеръ (1774), и даже дворъ не проводилъ его праха.

Людовикъ XVI. Его внукъ, Людовикъ XVI, былъ добрый, экономный, скромный семьянинъ, но человѣкъ вялый и бездарный. Онъ боялся всякой новизны, строго соблюдалъ обряды, подчинялся старухамъ-теткамъ, какъ хранительницамъ «фамильныхъ преданій» Бурбоновъ. Правленіе онъ сдалъ ихъ наперсникамъ и своей женѣ, Маріи-Антуанетѣ. Надменная дщерь Маріи-Терезіи, королева была пропитана предразсудками Габсбурговъ и презирала французовъ. То была женщина тщеславная и легкомысленная: ея братъ Іосифъ II упрекалъ ее въ пристрастіи къ «болтовнѣ», прикрытымъ шалостямъ и сплетнямъ». Во главѣ ея веселаго кружка стоялъ алчный, бѣшеный кутила, третій братъ короля, графъ Артуа, котораго не любилъ старшій братъ, графъ Прованскій, походившій на короля лѣнью и тупостью. Королева больше короля сочувствовала тетушкамъ и ихъ патерамъ: она ненавидѣла Просвѣщеніе съ его реформами. На эту-то «австріячку» обрушилась ненависть людей новаго направленія.

Но безъ этихъ людей уже нельзя было обойтись. И сначала Людовику XVI удалось поставить, рядомъ съ «старымъ придворнымъ попугаемъ», маркизомъ Морепа, друга «философовъ», Мальзерба. Король причислилъ себя къ «физіократамъ» или «экономистамъ»: такъ называлась новая школа Кенэ, которая возстала противъ меркантилизма, выдвигая «природу», кормилицу-землю, и крестьянина; она требовала также свободы труда и торговли, то есть отмѣны монополій и привилегій. Самымъ даровитымъ физіократомъ былъ Тюрго: его-то Мальзербъ сдѣлалъ министромъ финансовъ.

Тюрго и Неккеръ. «Честный человѣкъ», сотрудникъ «Энциклопедіи», «реформаторъ и новаторъ», Тюрго отмѣнялъ барщины, цехи и внутреннія таможни, ввелъ всеобщую подать по кадастру и свободную торговлю, сократилъ расходы двора, монастыри и полицію, поднималъ народное образованіе и буржуазію. Онъ мечталъ вѣнчать зданіе реформъ сельскими и городскими «муниципалитетами», съ «великимъ національнымъ муниципалитетомъ» во главѣ. избраннымъ страной по имущественному цензу. Въ глазахъ старины это былъ потрясатель основъ и «англоманъ». Съ помощью королевы и всякихъ клеветъ, доносовъ, фальшивыхъ писемъ, Тюрго былъ низвергнутъ, пробывъ министромъ всего 20 мѣсяцевъ (1776).

Реформы были отмѣнены. Расточительность и злоупотребленія усилились. Но пустота казны принудила взяться за новаго реформатора, банкира Неккера, салонъ котораго прославлялъ Вольтеръ. Онъ былъ менѣе опасенъ: онъ даже интриговалъ противъ Тюрго. Вся его сила была въ деньгахъ; но онъ добывалъ по старому—займами и даже лотереями. Славой Неккера былъ «Отчетъ» королю. Эта книжка произвела волненіе во всей Европѣ — и Неккеръ сталъ львомъ передовыхъ людей. Такъ какъ къ тому же онъ немного сократилъ расходы двора, то королева низвергла и его (1781). Старое зло возростало. Министры смѣнялись, какъ куклы. Дольше другихъ пробылъ «шарлатанъ» Калонъ, который возвелъ расточительность въ принципъ.

Общество волновалось; провинціи протестовали; показывались признаки бунтовъ. Снова выступилъ парламентъ, гдѣ большинство состояло уже изъ молодыхъ «философовъ». Онъ потребовалъ генеральныхъ штатовъ. Его членовъ ссылали въ провинцію, сажали въ Бастилію. По всей странѣ поднялся такой взрывъ негодованія, что король сдался: онъ снова призвалъ Неккера и назначилъ созваніе генеральныхъ штатовъ на 1-ое мая 1789 г. Правительство устранялось на полгода, чтобы дать странѣ свободно выбрать своихъ депутатовъ. Парижъ наполнялся литераторами, журналистами, ораторами, адвокатами— арміей новизны; тутъ было много и возвратившихся изъ Америки «паладиновъ свободы», съ маркизомъ Лафайетомъ во главѣ. Появилась масса книжекъ, брошюръ, картинокъ пылкаго содержанія. Возникло, по примѣру Англіи, множество сходокъ и обществъ, во главѣ которыхъ стоялъ «конституціонный клубъ» графа Мирабо. То же происходило по провинціямъ. **Парламентъ и депутаты.**

Выдвинулся вопросъ о составѣ генеральныхъ штатовъ. Всѣ пришли къ убѣжденію, что число депутатовъ третьяго чина должно быть не меньше общаго числа депутатовъ первыхъ двухъ чиновъ и что голосовка должна происходить поголовно. Король согласился, чтобы было избрано по 300 депутатовъ отъ клира и дворянъ и 600 — изъ третьяго чина. Въ депутаты попала цѣлая армія талантливыхъ, просвѣщенныхъ, честныхъ патріотовъ, особенно изъ юристовъ-философовъ. Нація снабдила ихъ столь же замѣчательными «тетрадями» или наказами. Это — яркая картина пороковъ «стараго порядка». По результатамъ выборовъ Франція оказалось страной монархической и даже религіозной.

Но уже было много предвѣстниковъ революціи. Даже при дворѣ возникъ заклятый врагъ «австріячки», Филиппъ Орлеанскій, правнукъ регента, походившій на него страстью къ кутежамъ. Онъ обидѣлся на королеву за то, что она предпочла ему графа Артуа, въ качествѣ «мастера удовольствій» при ея «кружкѣ». А Филиппъ былъ честолюбивъ, какъ глава дома, который вѣчно соперничалъ съ Бурбонами. Обладая огромнымъ богатствомъ, онъ рѣшилъ, что его Пале-Рояль въ Парижѣ долженъ затмить Версаль, и увлекся политикой. Пале-Рояль сталъ пріютомъ горячихъ головъ. Отсюда исходили оскорбительныя демонстраціи противъ Маріи-Антуанеты, когда она шествовала въ соборъ послѣ рожденія дофина Людовика и герцогини Ангулемской. Отсюда шли слухи о предательскомъ союзѣ королевы съ Іосифомъ II, которому дѣйствительно посылались крупныя суммы, а онъ радовался, что «Франція грохнулась, въ виду возвышенія Россіи и Пруссіи. Французы негодовали на погибель внѣшняго значенія ихъ страны. А внутри разражались политическіе скандалы. **Предвѣстники революціи.**

Когда въ Парижъ пріѣзжали Вольтеръ и американецъ Франклинъ, общество встрѣчало ихъ неистовыми оваціями, а дворъ запирался въ Версалѣ. То же было съ Лафайетомъ, когда онъ возвратился изъ Америки. Король принужденъ былъ объявить войну Англіи, какъ союзникъ ея возставшихъ колонистовъ. Королеву называли Мадамъ Дефицитъ; и она уже не смѣла показываться въ въ Парижѣ.

Потребность въ реформахъ чувствовалась и вездѣ внѣ Франціи. Она была особенно сильна на романско-католическомъ югѣ. Такъ какъ тамъ главное зло лежало еще въ церкви, то на ней и сосредоточились удары реформаторовъ. Въ *Португаліи* выступилъ маркизъ Помбаль, лично узнавшій въ Парижѣ философовъ. Онъ первый изгналъ іезуитовъ (1759). Въ *Испаніи* появился «просвѣщенный» король Карлъ III. Онъ еще въ Неаполѣ прославился реформами: съ помощью своего друга, честнаго профессора Тануччи, онъ отмѣнилъ тамъ орденъ іезуитовъ. Въ Мадридѣ Карлъ окружилъ себя цѣлой плеядой «философовъ», во главѣ которыхъ стояли Аранда, Флоридабланка и Компоманесъ. Были изгнаны іезуиты. Съ ними рухнулъ и весь старый порядокъ. **Реформы.**

Подобныя же реформы происходили по всей Италіи, особенно въ Тосканѣ, гдѣ воцарился просвѣщенный братъ Маріи-Антуанеты, молодой Леопольдъ, которому помогалъ гуманный Беккарія, возставшій противъ пытокъ и смертной казни. Само *папство* вышло на путь Просвѣщенія. Тогда во всѣхъ католическихъ странахъ заговорили о «національныхъ» патріаршествахъ, т. е. объ отпаденіи отъ Рима, на подобіе Англіи. Казалось, подымался послѣдній споръ за инвеституру, окончательный разсчетъ между свѣтской и духовной властями. И тронъ вездѣ становился сильнѣе алтаря, подорваннаго «философіей». Да и само папство затрепетало отъ страха, когда Римъ переполнился изгнанными отовсюду іезуитами. И вотъ, само Просвѣщеніе заняло престолъ св. Петра, въ лицѣ папы Климента XIV. Этотъ добрякъ все читалъ книжки, притомъ много свѣтскихъ, а изъ богословія извлекалъ человѣколюбивую мистику. Онъ-то отмѣнилъ орденъ іезуитовъ.

Въ *Даніи* реформаторомъ явился нѣмецъ Струэнзе, врачъ Христіана VII. Былъ введенъ разводъ, а незаконные дѣти сравнены въ правахъ съ законными. Возникли отличные суды на основѣ всеобщаго равенства передъ закономъ. Было подорвано крѣпостничество. Черезъ полтора года жестокая реакція погубила и реформы, и ихъ автора (1772). Но вслѣдъ затѣмъ были освобождены крестьяне; и возстановлялось дѣло Струэнзе, которымъ Данія живетъ и теперь. Въ *Швеціи* при Густавѣ III воцарилась философія, въ одно время съ реформами въ Даніи. Но лѣтъ черезъ 10 реформаторъ впалъ въ помѣшательство и сталъ крайнимъ реакціонеромъ. Онъ былъ застрѣленъ однимъ офицеромъ (1792). Болѣзненность и манія властолюбія перешли къ его сыну, Густаву IV, который погубилъ всю свою династію.

Истиннымъ воплощеніемъ «просвѣщеннаго» абсолютизма считается *Фридрихъ II прусскій*, котораго Вольтеръ назвалъ Великимъ. «Государь—первый слуга своего государства», сказалъ онъ, вступая на престолъ. Но это былъ, прежде всего, крупный дипломатъ и полководецъ, Почти вся первая половина его царствованія (1740 — 1763) пошла на борьбу чуть не со всей Европой. Тутъ Фридрихъ былъ революціонеромъ: онъ разрушалъ отсталую Германію и Австрію. Война за австрійское наслѣдство доставила ему Силезію. Она перевернула всю европейскую политику. Европа испугалась силы Гогенцоллерновъ— и Бурбоны впервые вступили въ союзъ съ Габсбургами и съ Россіей, что заставило Англію примкнуть къ Пруссіи. Оттого то Семилѣтняя война (1756 — 1763) чуть не погубила Фридриха: его спасла только смерть Елизаветы. Но Силезія осталась за Гогенцоллернами, а императорская корона — за Габсбургами, въ лицѣ Іосифа II, сына Маріи-Терезіи.

Значеніе Фридриха II. Пруссія стала пятою великой державой. Фридрихъ сдѣлался героемъ всего свѣта; а въ Германіи пробуждавшійся національнзмъ видѣлъ въ немъ свой символъ. «Философы» возвѣстили объ «эпохѣ Фридриха Великаго», смѣнившей «вѣкъ Людовика XIV». Всѣ начали подражать «философу въ Сан-Суси» (дворецъ близъ Потсдама), когда онъ взялся за реформы.

Внутренняя дѣятельность Фридриха (1763—1786) совершалась среди внѣшнихъ тревогъ. Тутъ-то проявился его дипломатическій геній. Безъ капли крови, только подкупами и угрозами, онъ достигъ двухъ завѣтныхъ цѣлей своей династіи—расширенія Пруссіи и преобладанія Гогенцоллерновъ надъ Габсбургами въ Германіи. По первому раздѣлу Польши (1772), онъ получилъ Западную Пруссію, съ устьями Вислы. Когда Іосифъ II задумалъ захватить Баварію, Фридрихъ выдвинулъ противъ него свою армію. Безкровная война за баварское наслѣдство остановила Габсбурга; но по Тешенскому міру (1779) Россія и Франція поручились за цѣлость Германіи, т. е. получили право вмѣшательства въ дѣла Нѣмецкой Имперіи. Затѣмъ Іосифъ хотѣлъ добиться своего, промѣнявъ Австрійскіе Нидерланды на Баварію. Но Фридрихъ выступилъ

«патріотомъ отечества», пророкомъ нѣмецкой «національной» идеи. Ему удалось создать Союзъ Князей (1785), положившій основаніе гегемоніи Гогенцоллерновъ въ «отечествѣ» и *прусскому объединенію* Германіи.

Реформы въ Австріи.

Фридриху подражали и разные фюрсты имперіи, и сами Габсбурги. Марія-Терезія произвела рядъ реформъ, которыя также клонились наиболѣе къ увеличенію казны и войска.

Самымъ искреннимъ реформаторомъ оказался Іосифъ II. То былъ «фанатикъ государственнаго блага», по его собственнымъ словамъ. Онъ работалъ дни и ночи, пожертвовалъ въ казну все свое наслѣдіе, раскрылъ двери своего кабинета для послѣдняго мужика. По его дѣятельности можно было изучить всѣ основы Просвѣщенія. Въ иностранной политикѣ Іосифъ подражалъ Фридриху въ «жадности къ расширенію границъ». Отсюда раздѣлъ Польши, противъ котораго была Марія-Терезія, захватъ молдавской Буковины и попытки овладѣть Баваріей. Но значеніе Іосифа—во внутреннихъ реформахъ. Душой ихъ было «государство», основанное на централизаціи и свѣткости, орудіемъ—прусская бюрократія. Сильнѣе всего пострадала церковь: здѣсь-то новое направленіе получило особое названіе «іосифизма». Іосифъ вводилъ «естественную» религію. Бракъ сталъ почти гражданскимъ учрежденіемъ, съ свободнымъ разводомъ. Монашество было почти уничтожено. «Патентъ терпимости» (1781) облегчалъ участь евреевъ и даровалъ одинакія права всѣмъ христіанскимъ церквамъ. Тотъ же духъ великодушія и справедливости проявился и въ широкой филантропіи, и въ народномъ образованіи. Іосифъ, врагъ меркантилизма, отмѣнилъ акцизы, цехи, внутреннія таможни. Вмѣстѣ съ прекраснымъ гражданскимъ сводомъ явился правый и милостивый судъ.

Австрія была потрясена. Ея смущенные, невѣжественные народы, подстрекаемые клиромъ, заволновались, тѣмъ болѣе, что централизація лишала ихъ исконныхъ правъ. Среди мадьяръ и чеховъ готовилась революція, которая разразилась въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Идеалистъ-страдалецъ завѣщалъ написать на своемъ памятникѣ: «здѣсь лежитъ государь, который имѣлъ несчастіе видѣть всѣ свои планы разрушенными».

Георгъ III. Новые виги.

Обновленіе потребовалось даже въ Англіи Парламентъ сталъ гнѣздомъ узкой и даже продажной олигархія сквайровъ; нація погрязала въ матеріальномъ богатствѣ. Возникла оппозиція среди самихъ виговъ, которою руководилъ Питтъ Старшій или графъ Чатамъ. Врагъ подкуповъ и лжи, Питтъ выдвигалъ средній классъ, защищаль всѣхъ угнетенныхъ, отстаивалъ свободу личности. Онъ же сталъ за Фридриха II въ Семилѣтней войнѣ, которая доставила англичанамъ Канаду и Флориду и разрушила силу Франціи въ Остъ-Индіи. Въ это-то время воцарился Георгъ III, который задумалъ, опираясь на Торіевъ, возстановить систему Стюартовъ. Чатамъ былъ замѣненъ ничтожнымъ Бьютомъ, любимцемъ королевы-матери.

Къ рѣчамъ Чатама, этого перваго «спикера» (оратора), прислушивалась плеяда блестящихъ ораторовъ, родоначальниковъ тѣхъ «новыхъ виговъ», которые до сихъ поръ украшаютъ правительство Англіи. Во главѣ ихъ стояли Боркъ и Фоксъ, къ которымъ примкнули потомъ герои младшаго поколѣнія—сынъ Чатама, Питтъ Младшій и Шериданъ. Они расходились между собой во взглядѣ на французскую революцію, но дружно отстаивали ирландцевъ и американцевъ, а также основы Просвѣщенія.

Соединенные Штаты Америки.

Англійскіе колонисты въ Америкѣ уже развились до того, что называли себя «американцами» или «янками». А Георгъ III рѣшился взимать налоги съ этихъ «подданныхъ» безъ ихъ согласія. Около 10 л. американцы ограничивались протестами и литературною борьбой, да личнымъ вліяніемъ Франклина, котораго они послали въ Европу для разъясненія своихъ взглядовъ. Франклинъ увлекъ лучшихъ людей Англіи, нонконформистовъ, печать. Но Ге-

оргъ послалъ въ Америку войска для усмиренія «мятежниковъ». Тогда всѣ 13 штатовъ собрались на конгрессъ, который издалъ знаменитое *Объявленіе Правъ* (1774). Затѣмъ послѣдовала 8-лѣтняя *война американцевъ за независимость*. Янки проявили необыкновенный патріотизмъ и выставили Георга Вашингтона. Ихъ поддерживали симпатіи всей Европы, особенно французовъ; за нихъ стали Франція, Россія, Италія и Голландія. Англичане были побѣждены на сушѣ. 4-го іюля 1776 г. родилась великая республика: конгрессъ колоній объявилъ независимость *Соединенныхъ Штатовъ Америки*.

Первому президенту, Вашингтону, и его другу Франклину пришлось много поработать. Возникли двѣ непримиримыя партіи. *Федералисты*, сѣверяне, которыхъ называли еще «централизаторами», стояли за крѣпкое единство союза, за сильную власть конгресса. *Демократы*, южане, старались расширить державныя права каждаго штата. Ихъ раздѣляло еще невольничество, котораго не признавали сѣверяне: въ конституціи республики оно было названо мягкимъ словомъ—«особое учрежденіе».

Реформы въ Англіи. Освобожденіе американцевъ оказалось благодѣтельно для всѣхъ. Сама Англія получила много выгодъ отъ торговли съ богатыми янками. Она сдѣлалась «матерью націй», создавая цѣлыя государства въ Азіи, Африкѣ и Австраліи. Англія поднялась и нравственно. Рожденіе Соединенныхъ Штатовъ было побѣдой духа преобразованій подъ косной системой Стюартовъ. Въ Англіи настало 10-лѣтіе освѣжительныхъ реформъ (1783—1793). Вождемъ націи былъ тогда Питтъ Младшій. Именно тогда настало изумительное развитіе торговли и промышленности въ Англіи: въ 1776 г. вышло выразившее его твореніе Адама Смита. Средній классъ вынесъ на своихъ плечахъ и Чатама, и его сына. И Питтъ Младшій вышелъ сильнымъ финансистомъ. Опираясь на Смита, онъ прививалъ къ обществу идею международной торговли и свободы труда.

Парламентская реформа 1782 года уничтожила подкупы; палата лордовъ была освѣжена многими новыми пэрами. Тотъ же духъ, въ связи съ гуманностью, руководилъ Питтомъ въ реформахъ индійской и ирландской. За Индійской Компаніей оставалась лишь торговая монополія. Ея владѣнія были подчинены «генералъ-губернатору» и «индійскому департаменту» (особому министерству). Ирландія получила «независимость»—такъ было названо возстановленіе дублинскаго парламента. Питтъ добился даже свободнаго ввоза ирландскихъ товаровъ въ Англію и допущенія католиковъ къ выборамъ. Католическій вопросъ разгорался и въ остальной Великобританіи. Вопреки ненависти толпы къ «папистамъ», Питтъ отстоялъ вѣротерпимость. Онъ рѣшилъ даже совсѣмъ ввести «эманципацію католиковъ», т. е. отмѣнить Испытательный Актъ. Но Георгъ III счелъ эту дерзость «личною» обидой—и Питтъ вышелъ въ отставку (1801).

ЛЕКЦІЯ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

IV. Великая революція. 1789 — 1799.

Учредительница. 5-го мая 1789 г. въ Версалѣ открылись генеральные штаты Франціи, названные *Учредительницей* (Constituante). Она состояла изъ «патріотовъ», какъ назывались тогда конституціоналисты. Людовикъ XVI открылъ ее суровой рѣчью о «пагубныхъ мечтаніяхъ». Отвѣтомъ была грозная рѣчь Мирабо, перваго трибуна новой Франціи. Король велѣлъ собранію разойтись; но оно приступило къ составленію конституціи помимо его воли. Дворъ, подъ вліяніемъ Маріи-Антуанеты, взялся за «контръ-революцію», какъ говорилось

тогда. Въ Версаль стягивались полки швейцарцевъ и нѣмцевъ. Назначили министерство изъ «кружка» королевы. Въ отвѣтъ, Парижъ создалъ собственное правительство: въ Ратушѣ засѣдалъ комитетъ избирателей. Онъ создалъ «національную гвардію» изъ обывателей, съ Лафайетомъ во главѣ и съ «трехцвѣткой» или «національной кокардой», въ отличіе отъ войскъ. Но гвардіи уже трудно было справиться съ «народомъ», какъ называлась сто-тысячная толпа лохмотниковъ, которая скучивалась въ рабочемъ предмѣстьѣ св. Антонія. Толпа собиралась больше всего въ Пале-Роялѣ герцога Орлеанскаго, котораго назвали Филиппомъ-Равенство. Ею руководилъ ораторъ Демуленъ.

Взятіе Бастиліи. Отмѣна феодализма.

14-го іюля толпа овладѣла Бастиліей. Этотъ первый «денекъ» возставшихъ сталъ эрой революціи. Мятежный Парижъ, новая Франція побѣдила Версаль, старый порядокъ. Все бѣжало отъ двора: камарилья, съ Артуа во главѣ, открывала ряды «эмиграціи» или привилегированныхъ выходцевъ, которые бросились къ иностраннымъ дворамъ, призывая ихъ на помощь противъ своихъ французовъ. Король удалилъ войска, явился въ Ратушѣ и принялъ трехцвѣтку: онъ освятилъ революцію. Муниципальная форма революціи тотчасъ же овладѣла и провинціями. Всюду засѣдали комитеты выборщиковъ, смѣщая интендантовъ. А затѣмъ начали «муниципализоваться» и деревни. Онѣ пересылались между собой, составляя «федераціи» или союзы. Такъ изъ «народовъ» Франціи составилась цѣльная нація, старыя «провинціи» слились въ одно государство, въ «отечество».

Въ Учредительницу стекались депутаціи и адресы со всей страны. Въ ней скопилось все, что было виднаго во Франціи по таланту, образованію и вліянію. Она первымъ дѣломъ отмѣнила пережитки феодализма: въ ночь на 4-е августа были отмѣнены всѣ преимущества «привилегированныхъ», а также особыя права провинцій, городовъ и цеховъ. Рядомъ было введено гражданское равенство, т. е. полноправіе всѣхъ передъ закономъ. Титулы и чины были замѣнены словомъ «гражданинъ».

Первая Конституція.

Людовикъ XVI отвергъ эти рѣшенія и опять началъ стягивать войска въ Версаль. 5-го октября столица двинулась на резиденцію короля. Толпа избила лейбъ-гвардейцевъ и привела въ Парижъ дворъ и Учредительницу. Людовикъ утвердилъ дѣло 4-го августа, а затѣмъ присягнулъ *конституціи*. Этимъ именемъ называется все законодательство Учредительницы, завершенное въ 1791 г. Это—воплощеніе идей Просвѣщенія, которое стало закваской всей новѣйшей исторіи. Французы начали «по-американски» съ «Объявленія правъ человѣка и гражданина», составленнаго Лафайетомъ, другомъ Вашингтона. Его основы—свобода и отмѣна феодализма. Конституція оставляла за королемъ даже право «временнаго» запрета (veto) постановленій парламента. Этотъ парламентъ состоялъ изъ единаго и безсмѣннаго «національнаго собранія», избираемаго плательщиками налоговъ. Старая юстиція была замѣнена новой, основанною на устности, гласности и избираемости судей, съ участіемъ присяжныхъ и адвокатовъ.

Основой провинціи стали выборныя «коммуны» (общины) или «муниципалитеты», созданные самой жизнью. Они соединились въ «округа» и въ 83 «департамента», также съ выборными «директоріями» и «совѣтами». Въ арміи чины давались по выбору самаго офицерства и по старшинству. Подлѣ нея всѣ избиратели составили національную гвардію, подчиненную конституціоннымъ властямъ. Отсюда вышли потомъ «волонтеры»—добровольцы. Чтобы пополнить пустую казну, ввели «секуляризацію» или обмірщеніе церковныхъ имуществъ: по предложенію епископа Талейрана, земли духовенства были объявлены «національнымъ достояніемъ» и пущены въ продажу; покуда подъ залогъ ихъ были пущены «ассигнаты» или обязательства. Государство взяло на себя содержаніе церкви и издало «гражданскую конституцію духовенства»:

церковники избираются и не нуждаются въ папскомъ утвержденіи; они «присягаютъ въ вѣрности націи и конституціи». Монашество отмѣнялось.

Духомъ терпимости и филантропіи проникнуты дѣла Учредительницы. Негры и мулаты въ колоніяхъ получили всѣ права. Былъ составленъ планъ искорененія нищенства. Была набросана широкая программа народнаго просвѣщенія, которое распространялось на всѣ сословія и на оба пола, съ безплатными первоначальными школами.

Федерація. Бѣгство короля.

Вся эта работа шла среди треволненій. Въ годовщину взятія Бастиліи устроили въ Парижѣ празднество всеобщей *федераціи*, какъ освященіе уже бывшей въ провинціи формы національнаго единства и какъ воплощеніе «братства» мірового. А контръ-революція старалась разрушить дѣло Учредительницы. Много церковниковъ попало въ разрядъ «неприсяжныхъ» или «ослушниковъ». Дворъ сносился съ эмигрантами и иностранными державами и задумывалъ бѣгство. Рядомъ обострялись орудія революціи. Печать, съ Маратомъ во главѣ, кровожадно кричала о «подозрительныхъ». Салоны замѣнились политическими клубами, съ якобинскимъ во главѣ, который уже выставилъ Робеспьера, человѣка съ республиканскими идеями и желѣзной волей.

Наконецъ, Людовикъ попытался бѣжать, но неудачно: его доставили обратно. Съ тѣхъ поръ монархическое чувство стало остывать во Франціи. Но Учредительница сохранила его до своего закрытія: Робеспьеръ обвинялъ ее въ «заговорѣ» противъ революціи. Лафайетъ отказался тогда отъ начальства надъ національною гвардіей, которая и сама уже стушевывалась передъ «копейщиками» изъ св. Антонія, этою арміей якобинцевъ. Такъ все умѣренное, конституціонное исчезало во Франціи. А якобинцамъ помогала уже Европа, готовившаяся къ «нашествію». Преемникъ Фридриха II, Фридрихъ-Вильгельмъ II, ненавидѣлъ Просвѣщеніе. Онъ даже подружился со вторымъ братомъ Маріи-Антуанеты, Леопольдомъ II австрійскимъ, чтобы водворить порядокъ во Франціи. На ихъ свиданіи въ Пильницѣ (августъ 1791) былъ изданъ манифестъ, которымъ началась *первая коалиція* монархической Европы противъ революціонной Франціи. Густавъ III стоялъ уже съ эмигрантами, у Рейна и подстрекалъ Россію.

Законодательница. Жирондисты и горцы.

Новое собраніе, названное *Законодательницей*, открылось 1-го октября 1791 г. Въ немъ главную роль играли *жирондисты*—депутаты изъ департамента Жиронды, весьма краснорѣчивая и просвѣщенная молодежь. Салонные теоретики, жирондисты гнушались толпой и кровью; они мирились съ конституціей 1791 года, стараясь только, чтобы король походилъ на президента Соединенныхъ Штатовъ. Вождями ихъ были трибуны Бриссо и Верньо, генералъ Дюмурье, философъ Кондорсэ. Средоточіемъ партіи служилъ салонъ жены ихъ товарища, г-жи Роланъ красивой, образованной поклонницы Руссо и Плутарха, которая одна только среди нихъ обладала характеромъ желѣзнаго мужчины. Благодаря ей, жирондисты овладѣли министерствомъ. Они встрѣтили упорнаго врага, въ небольшой группѣ якобинцевъ, которыхъ назвали *горцами* (montagnards), такъ какъ они занимали верхнія скамьи. Якобинцевъ было тогда уже до 10.000 въ Парижѣ и до 1.000 клубовъ по всей Франціи. У нихъ уже явилось свое прозвище—«санкюлоты» (безштанники) и свое отличіе—красный колпакъ каторжниковъ.

Борьба съ Европой и престоломъ.

Задачей Законодательницы была борьба съ Европой. Чтобы остановить интриги «эмигрантовъ и «неприсяжныхъ», она объявила ихъ «подозрительными». Король не утвердилъ этого приговора. Тогда же узнали, что при дворѣ есть «австрійскій комитетъ», который сообщалъ въ Вѣну военныя тайны. Затѣмъ получилась оскорбительная для депутатовъ нота Леопольда II. Его сынъ, Францъ II, прислалъ еще болѣе дерзкія требованія. Жирондисты объявили ему войну. Король ободрился. Онъ сталъ такъ пользоваться своимъ запретомъ,

что его назвали «г. Veto». Онъ даже уволилъ жирондистское министерство. Законодательница объявила «отечество въ опасности». Отовсюду бросились волонтеры, распѣвая «марсельезу»—національный гимнъ, сочиненный Руже-де-Лилемъ. Подожженные якобинцами, они требовали покончить съ короной, которая навела нѣмцевъ на Францію. 10 августа 1792 г. у Тюльери произошло кровавое побоище между толпой и швейцарцами. Королевская чета укрылась въ залѣ Законодательницы, а потомъ была переведена въ замокъ Тампль.

Началось господство парижской Коммуны, какъ назвали общинный совѣтъ представителей «секцій» или частей столицы. Ея арміей были копейщики и волонтеры. Ея главарями были Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ. Страсти отуманивали парижанъ, подъ вліяніемъ тяжкихъ извѣстій извнѣ. Сѣверо-восточныя крѣпости сдавались; нѣмцы шли на Парижъ. Бумаги, захваченныя въ Тюльери, указывали на измѣну. И появилась «гильотина»—изобрѣтеніе врача Гильотена. Вездѣ видѣли «подозрительныхъ» и измѣнниковъ; до 3000 разсажали по разнымъ тюрьмамъ. Въ сентябрѣ всѣми овладѣлъ «терроръ»—ужасъ. Толпа бросилась по тюрьмамъ и учинила «сентябрьскую бойню», которая была повторена якобинцами по провинціямъ. **Коммуна. Сентябрьскіе дни.**

Тогда же происходили выборы въ новое собраніе, названное *Конвентомъ,* при всеобщей голосовкѣ, безъ ценза. Въ Парижѣ прошли якобинцы; но въ провинціи было выбрано огромное большинство умѣренныхъ. Въ Конвентѣ центромъ тяжести опять оказались жирондисты; якобинцевъ было всего съ полсотни.

Конвентъ открылся 21 сентября 1792 года. Онъ единогласно объявилъ, что съ 22 сентября началась *республика*. Но затѣмъ открылась смертельная борьба между Жирондой и Горой. Первая хотѣла ограничиться лишеніемъ престола. Вторая считала необходимымъ устранить короля, который сносился съ иностраннымъ врагомъ. Новый вождь якобинцевъ, полковникъ Робеспьера, Сенъ-Жюстъ, убѣдилъ Конвентъ, что необходимо судить «Людовика Капета», какъ Карла I англійскаго. Большинство въ Конвентѣ было за жирондистовъ; но за якобинцевъ поднялись улица и страшная Коммуна. Запуганные жирондисты сдались: за «смерть» оказалось 387 голосовъ, противъ—334. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ 21 января 1793 г. **Конвентъ. Казнь Короля.**

То была побѣда якобинцевъ. Между тѣмъ какъ Жиронда страдала раздорами и недостаткомъ воли, якобинцы напоминали іезуитовъ своей дисциплиной, отвагой, фанатизмомъ, неразборчивостью въ средствахъ. Робеспьеръ сталъ ихъ диктаторомъ; а онъ шелъ дальше Вольтера и Монтескьё, къ которымъ были ближе жирондисты: это—пророкъ «Общественнаго договора» Руссо и «Объявленія Правъ»

Послѣ казни короля, якобинцы объявили жирондистовъ «аристократами, реакціонерами, измѣнниками». А Жиронда оказалась Гамлетомъ. Она ораторствовала, обсуждала новую конституцію своего философа Кондорсэ, но ничего не предпринимала для своей безопасности. Въ столицѣ же безпрепятственно развивалось царство Коммуны, гдѣ Робеспьеръ уже выставлялъ ученіе о томъ, что «все необходимое для жизни составляетъ совокупную собственность общества». Голодъ и безработица, при массѣ наплывшаго населенія, поддерживали это ученіе пролетаріата: и въ запуганномъ Конвентѣ прошелъ рядъ соціалистическихъ и террористскихъ мѣръ. Ввели принудительный заемъ, налогъ на богатыхъ, раздача хлѣба и работъ бѣднымъ. По департаментамъ были разосланы «комиссары Конвента, чтобы выслѣживать и арестовывать «подозрительныхъ». **Гибель Жиронды.**

Народъ ошалѣлъ отъ извѣстій о новыхъ пораженіяхъ, объ измѣнѣ Дюмурье, о возстаніи роялистической Вандеи. Толпы врывались въ Конвентъ, требуя расправы съ «измѣнниками». Запуганное собраніе назначило *коми-*

тетъ общественнаго спасенія—родъ тайнаго и безконтрольнаго министерства, которымъ заправляли Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ. 2-го іюня 1793 г., послѣ ужасовъ, напоминавшихъ сентябрьскіе дни, толпа заставила Конвентъ арестовать главарей Жиронды. Всѣ они, съ г-жей Роланъ во главѣ, умерли героями подъ гильотиной. Остальные жирондисты разбѣжались по провинціямъ; но ужасны были ихъ скитанія и конецъ.

Федерализмъ. Вандея. Франція содрогнулась, когда столицей овладѣли якобинцы, считавшіе даже жирондистовъ «подозрительными», а ихъ комиссары начали свирѣпствовать по провинціямъ. Департаменты сочувствовали Жирондѣ, уже когда она боролась съ Горой. Теперь противъ централизаціи столицы поднимался *федерализмъ*, т. е. стремленіе старыхъ провинцій обособиться въ самостоятельномъ правленіи. Вспыхнуло междоусобіе почти въ $^2/_3$ Франціи, особенно на югѣ и сѣверѣ. Во главѣ его шелъ лучшій послѣ Парижа городъ Ліонъ. Его поддерживалъ Тулонъ, который даже провозгласилъ бывшаго дофина «Людовикомъ XVII» и сдался англичанамъ. Бордо жаждалъ мести «каннибаламъ» за свою Жиронду. Поднялась и Корсика, одушевленная великимъ патріотомъ Паоли, который сносился съ Лондономъ.

На сѣверо-западѣ обнаружился роялизмъ мужика-паписта, подъемъ «стараго порядка». Его гнѣздомъ оказалась *Вандея*, у низовьевъ Луары. Мятежъ охватилъ и «шуановъ» Бретани, а оттуда перекинулся въ Нормандію, откуда вышла Деворра жирондистовъ: юная Шарлота Кордэ пробралась въ Парижъ и заколола Марата.

Террор. Но федерализмъ послужилъ лишь въ пользу якобинству также, какъ и успѣхи коалиціи, войска которой уже прорвали цѣпь сѣверо-восточныхъ крѣпостей. Деспотизмъ централизаціи получалъ смыслъ. Послышался отчаянный крикъ: «ужасный конецъ лучше ужаса безъ конца!» Если междоусобіе было дѣломъ федерализма провинцій, то новую «единую и нераздѣльную» Францію спасъ муниципализмъ общинъ, которыя остались вѣрными центральной власти. Оттого 1,500 солдатъ Конвента въ три мѣсяца подавили федерализмъ на югѣ. Столичная Коммуна пріобрѣла гигантскую диктатуру надъ всею Франціей. Съ іюля 1793 г. она объявила «терроръ на очереди». Конвентъ покорно призналъ правительствомъ кровавую диктатуру, какой исторія не видала со временъ Марія и Суллы.

Образовался новый тріумвиратъ изъ Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, этого перваго палача при «святой гильотинѣ». Онъ сообщилъ террору могучую форму—смѣсь іезуитства съ уставомъ осаднаго положенія. Вся власть вручалась Комитету общественнаго спасенія, т. е. самому Робеспьеру, который управлялъ страной посредствомъ комиссаровъ Конвента. Эта администрація опиралась на «революціонную армію» изъ 6,000 отважныхъ фанатиковъ и на сплоченную массу ловкаго чиновничества изъ якобинцевъ. «Якобинецъ» стало оффиціальнымъ званіемъ.

Судомъ сталъ «революціонный трибуналъ», родъ военнаго суда, свободнаго отъ всякихъ юридическихъ формальностей. Законодательство принадлежало Конвенту, но связанному новою, *второй конституціей*. Конституція 1793 года демократичнѣе первой: въ ней вѣетъ духъ Руссо. Державность «народа» выставлена до того, что каждый законъ подвергается «плебисциту» или опросу всѣхъ гражданъ. Выборное начало проведено даже въ исполнительной власти, при всеобщей голосовкѣ (suffrage universel).

Машина террора начала дѣйствовать безпощадно. Всюду отыскивались «подозрительные» и «умѣренные». Были гильотинированы Марія-Антуанета (дофинъ вскорѣ умеръ самъ), сестра короля, самъ Филиппъ-Равенсто, многіе жирондисты, генералы и чиновники стараго порядка, финансисты, члены Учредительницы и парламента, химикъ Лавуазье, поэтъ Шенье. Ліонъ былъ

разгромленъ. То же произошло и съ Тулономъ, который былъ отнятъ у англичанъ Бонапартомъ. Всюду свирѣпствовали комиссары, «нояды» (потопленія) и «митральяды» (разстрѣлъ картечью). Была сломлена и Вандея, гдѣ англичане выставили было «Людовика XVIII» (графа Прованскаго). Корсика превратилась въ департаментъ Франціи.

Борьба съ монархическою Европой.

Терроръ прославился блестящею защитой Франціи. Пораженіе поддерживало терроръ, и наоборотъ. Сначала шли неудачи—и это выдвинуло якобинцевъ. Послѣдніе перевернули все дѣло. Затѣмъ когда казнь Людовика XVI вызвала первую коалицію, опять пошли пораженія. И воцарился Конвентъ. Онъ «заключилъ союзъ со смертью», поднялъ на ноги всю Францію и ловко воспользовался раздорами соперниковъ. Явилось поголовное ополченіе. Словно изъ земли выросли 14 армій—болѣе полмиліона солдатъ, одушевленныхъ идеей и патріотизмомъ. Отовсюду текли пожертвованія; Франція обратилась въ сплошную военную мастерскую; женщины бросались въ лагерь одушевлять солдатъ. Душой всего дѣла явился несравненный Карно, первоклассный военный организаторъ и стратегъ, самозабвенный патріотъ, образецъ честности и трудолюбія.

И съ августа 1793 г. началась «безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра» эпоха французскихъ побѣдъ, какъ выразился Фоксъ. Французы били враговъ уже вездѣ за своими границами и замышляли высадку войскъ въ Англіи. Союзники истомились. Бельгія была присоединена къ Франціи, Голландія стала копіей Конвента, подъ именемъ Батавской республики. Наконецъ, Пруссія вышла изъ коалиціи, заключивъ базельскій миръ (1795)—этотъ лучшій лавровый вѣнокъ военнаго и дипломатическаго искусства революціи: онъ предоставлялъ французамъ лѣвый берегъ Рейна, а пруссакамъ—протекторатъ надъ сѣверомъ Германіи до «майнцской границы». Это значило нанести ударъ Германской имперіи и Габсбургу и сдѣлать Гогенцоллерна вассаломъ Парижа.

Разгаръ террора.

Во время этихъ побѣдъ внутри Франціи происходили судороги революціи. То былъ ужасный «1793 годъ». Уже дантонисты оказались «умѣренными» и «милостивыми»: они были гильотинированы, вмѣстѣ съ самимъ Дантономъ и Демуленомъ. Настала диктатура Робеспьера или 114 дней «великаго террора». Обнаружился послѣдній идеалъ революціи—соціальная республика, воплощеніе ученія Руссо, прахъ котораго былъ помѣщенъ въ Пантеонѣ. Робеспьеръ прибавилъ новую религію, основанную на признаніи Верховнаго Существа и безсмертія души. Открылась пора «большихъ печей», т. е. изготовленіе кровавыхъ хлѣбовъ гильотины цѣлыми партіями. Никто уже не боялся казней: «мы опошлили гильотину», говорили сами ея владыки. И терроръ такимъ образомъ выходилъ за предѣлы своей задачи въ ту минуту, когда уже ничто не оправдывало самаго его существованія: онъ былъ созданъ «отечествомъ въ опасности», а теперь Франція торжествовала надъ всею Европой. И началась «контръ-революція».

Термидорцы.

Народъ, Конвентъ, самъ Комитетъ Общественнаго спасенія—все вознегодовало на «тирана»—и 9-го термидора (27 іюля) 1794 года палъ Робеспьеръ. Со всѣхъ концовъ Франціи летѣли поздравленія «термидорцамъ». Тюрьмы раскрывались. Исчезли секціи Парижа, Коммуна, революціонный судъ и Комитетъ спасенія; былъ закрытъ якобинскій клубъ. Преслѣдованія за «федерализмъ» были отмѣнены указомъ Конвента. Конвентъ издалъ «конституцію III года» (1795), составленную возвратившимися жирондистами. Власть парламента была ослаблена. Подлѣ нижней палаты или Совѣта Пятисотъ поставленъ верхній—Совѣтъ Старѣйшинъ. Исполнительная власть вручалась директоріи изъ пяти человѣкъ, которые назначали почти всѣхъ чиновниковъ и генераловъ.

Директорія.

Директорія (съ октября 1795), какъ переходное время, полна противорѣчій и томленія. Въ обществѣ замѣчалось усталость, вялость. Всѣ искали

кого-то, ждали чего-то, а пока бездѣйствовали, голодали и начинали молиться, забывая Вольтера. Директорія же была бездарна, слаба, крайне недобросовѣстна. Ея типомъ былъ Баррасъ—промотавшійся графъ, пресыщенный кутила, не пренебрегавшій самыми грязными средствами; онъ-то заправлялъ всѣмъ. Директорія жила побѣдами и подачками Наполеона Бонапарта, который уже 5-го октября (13-го вандемьера) спасъ ее своею картечью отъ роялистовъ.

Немудрено, что такому правительству пришлось бороться со всѣми партіями. Между прочимъ тогда образовалась партія *либераловъ*, которою руководили г-жа Сталь и ея пріятель, Бенжаменъ Констанъ. Сюда примыкалъ Талейранъ.

Во внѣшнихъ дѣлахъ идеи уступили мѣсто старой политикѣ «реальныхъ интересовъ». Европа дрожала отъ презрѣнія и жажды мести, а Бонапартъ запропалъ въ Египтѣ. И пошли пораженія: Суворовъ уже собирался вторгнуться во Францію. Нація искала «спасителя», который избавилъ бы ее и отъ «краснаго призрака», и отъ «бѣлаго террора», и отъ нравственной гнили», какъ называли директорію.

ЛЕКЦІЯ ТРИДЦАТАЯ.

V. Наполеонъ Бонапартъ. 1800—1815.

18-е брюмера. «Спаситель» нашелся. То былъ новый Цезарь, въ видѣ «рокового человѣка». Бонапартъ внезапно явился изъ Египта, гдѣ его считали погибшимъ. Никогда Франція не встрѣчала своихъ любимыхъ королей съ такимъ восторгомъ и торжествомъ. Никто не думалъ, что это готовый диктаторъ. Тѣмъ легче совершилось 18-е брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.)—величайшій переворотъ въ исторіи. Съ помощью своихъ ветерановъ, братьевъ, Сіейса, Талейрана, Фушэ и даже соперника, знаменитаго полководца Моро, Бонапартъ раскасировалъ оба законодательные совѣта и директорію. Было устроено *консульство* изъ трехъ лицъ, съ Наполеономъ во главѣ, который воскликнулъ: «революція окончена!» «Я нашелъ корону Франціи на полу и только поднялъ ее», оправдывался онъ впослѣдствіи.

Юность Бонапарта. Бонапартъ родился въ 1769 г. Онъ съ дѣтства возненавидѣлъ Францію, которая поработила его Корсику. Но съ 10 лѣтъ онъ принадлежалъ ей и забылъ свою родину. Около 10 лѣтъ Наполеонъ изнывалъ въ гарнизонныхъ городкахъ Франціи, снѣдаемый нищетой и бездѣйствіемъ: онъ не разъ думалъ о самоубійствѣ. Въ 1793 г. онъ случайно показалъ себя при взятіи Тулона, захваченнаго англичанами. Тамъ же онъ сошелся съ Баррасомъ, который уже писалъ Конвенту: «Повысьте его, не то онъ самъ возвысится». 13-го вандемьера, имя юнаго корсиканца, уже славное въ арміи, вышло изъ мрака неизвѣстности для всего міра. Вслѣдъ затѣмъ искатель счастья женился на пріятельницѣ Барраса, Жозефинѣ Богарнэ, и получилъ начальство надъ итальянской арміей.

Итальянская кампанія. Послѣдовало чудо изъ чудесъ—та итальянская кампанія (1796—1797), которую даже враги Бонапарта называютъ «перломъ военнаго искусства». Она окончилась такимъ же дипломатическимъ чудомъ—миромъ въ Кампо-Форміо, который былъ неслыханнымъ посрамленіемъ маститаго Габсбурга и основой міродержавія Наполеона. Германія разваливалась; Австрія теряла Ломбардію и Бельгію; Пруссія останавливалась въ своемъ развитіи; Франція же пріобрѣтала всю рейнскую границу и признаніе своихъ распоряженій въ Италіи.

А тамъ Бонапартъ развилъ систему сестеръ-республикъ: возникли республики Цизальпійская, Римская, Лигурійская, новая, Венеціанская. Вскорѣ къ нимъ примкнули республики Парѳенопейская (Неаполь) и Гельветская (Швейцарія).

Міровое значеніе итальянской кампаніи сказалось и въ томъ, что тогда родилась для всеобщаго сознанія самая личность Наполеона, какъ представителя начала XIX вѣка. Онъ поднялся выше всѣхъ полководцевъ и даже дипломатовъ. Молодой геній сдѣлался предметомъ вниманія всего міра. Его окружалъ уже и ослѣпительный внѣшній блескъ. Онъ проживалъ въ миланскомъ дворцѣ пышнымъ королемъ. Въ Парижѣ директорія вела себя съ нимъ, какъ мольеровская начальница-рабыня. Если Бонапартъ щадилъ ее, то лишь потому, что, на его взглядъ, «груша еще не созрѣла». Ему хотѣлось еще понабраться славы, расправить крылья своему орлу.

Египетъ. Вторая коалиція.

Бонапартъ жаждалъ сцѣпиться съ Англіей, съ этимъ исконнымъ врагомъ Франціи. А ее удобнѣе всего было достать въ Египтѣ, на этой станціи въ Индію, о которой давно мечтали французы. Египетскій походъ (1798—1799)—великій подвигъ не только по битвамъ, но и по нравственной выдержкѣ Бонапарта: мужественно были перенесены страшныя бѣдствія; и нисколько не поколебалась вѣра въ «звѣзду» высшаго человѣка ни у него самого, ни у солдатъ.

Бонапартъ сталъ окончательно «роковымъ человѣкомъ». Уже можно было ждать, что онъ снова все перевернетъ вверхъ дномъ въ Европѣ, гдѣ, въ его отсутствіе, счастье отвернулось отъ Франціи. Упорная Англія создала вторую коалицію. Душой ея сталъ императоръ Павелъ I, признавшій брата Людовика XVI, графа Прованскаго, «Людовикомъ XVIII». Ея военнымъ геніемъ выступилъ Суворовъ, совершившій, въ той же Италіи, Наполеоновскія чудеса. Въ эту-то минуту изъ Египта возвратился «спаситель», какъ снѣгъ всѣмъ на голову.

Консульство. Управленіе.

Четыре года консульства важны особенно по той замѣчательной внутренней дѣятельности Наполеона, которой потомъ мѣшали почти безпрерывныя войны. Міръ былъ пораженъ своего рода итальянской кампаніей на полѣ гражданственности. И здѣсь то, быть можетъ, яснѣе всего видно, какъ великій человѣкъ творитъ не изъ ничего и не по собственной фантазіи, а изъ фактовъ и по требованію дѣйствительности, развивая начатое жизнью до него.

Одного кодекса Наполеона было бы достаточно для увѣковѣченія его имени, что сознавалъ самъ великій полководецъ. Онъ покоился на человѣчныхъ идеяхъ Просвѣщенія. Такова же была юстиція Бонапарта, напоминавшая идеалъ Учредительницы. Передъ владыкой трепетали всѣ министры, съ Талейраномъ и Фушэ во главѣ. Но это были искусные и расторопные исполнители; таковы же были префекты и мэры по провинціямъ. Благодаря имъ, выработалась безпощадная централизація. Она поддерживалась образцовой «великою арміей», которую превосходно содержалъ Бертье, примѣрный военный министръ.

Экономика и просвѣщеніе.

Величаво и прочно было почти все, сдѣланное Бонапартомъ для экономики Франціи. Финансы процвѣтали, а долговъ не дѣлалось. Этому много помогъ «французскій банкъ», билеты котораго ходятъ и теперь, как деньги. Воскресла торговля, которой содѣйствовали отличный торговый кодексъ, десятичная система (франки и сантимы), улучшенные пути сообщенія и зоркая полиція. Еще быстрѣе двинулась впередъ промышленность и поднималось сельское хозяйство.

Крупные замыслы возникли и въ идейной культурѣ. Наполеонъ завелъ цѣлую педагогическую систему, по плану Конвента. Но въ этотъ планъ была вложена новая душа: педагогія стала монополіей правительства.

Дипломатія и войны. Въ области внѣшнихъ дѣлъ война была требованіемъ исторіи, продолженіемъ начатаго раньше. Англія и Австрія дерзко отвѣчали на мирныя предложенія консула. Никогда еще счастье такъ не вывозило своего баловня: побѣда у Маренго (1800) погубила всѣ успѣхи Суворова. Германія и Испанія совсѣмъ подпали вліянію Франціи. Затѣмъ Бонапартъ склонилъ на свою сторону Россію, Пруссію, Пиренейскій полуостровъ и даже Соединенные Штаты. Все это подымалось противъ Англіи—и она сдалась: послѣдовалъ выгодный для Франціи амьенскій міръ (1802). Но англичане не исполняли его условій и сами начали новую войну. Она опять должна была принять страшные, европейскіе размѣры. Раздраженный Бонапартъ уже игралъ въ ва-банкъ: въ маѣ 1804 года онъ сталъ *Наполеономъ I*, императоромъ французовъ.

Имперія. Новый монархъ. Выскочка не могъ называться «королемъ». Ему приличествовалъ титулъ, считавшійся самымъ высокимъ. Наполеонъ обратился къ народу: «плебисцитъ» далъ $3^{1}/_{2}$ милліона «да» и лишь $2^{1}/_{2}$ тысячи «нѣтъ». Наполеонъ сталъ императоромъ не для того, чтобы почить на лаврахъ: никогда еще онъ не былъ такъ дѣятеленъ, особенно до 1809 г. Тогда-то и продолжалась работа правителя, и пошли почти безпрерывныя міровыя войны. Подвѣдомственныя республики стали «королевствами»; и цѣлая династія Наполеонидовъ возсѣла на престолы Европы, отчасти породнившись съ монархами. Самъ Наполеонъ принудилъ императора Франца отдать за него свою дочь, Марію-Луизу. Сына отъ нея, Наполеона, онъ назвалъ не только «императорскимъ принцемъ», но и «римскимъ королемъ».

Казна была полна, но главнымъ образомъ благодаря грабительскимъ войнамъ. Часть ея шла на развитіе торговли и промышленности, ради которыхъ было устроено особое министерство и «мануфактурный совѣтъ» и былъ предпринятъ рядъ изумительныхъ общественныхъ работъ. Особенно много сдѣлалъ Наполеонъ для сельскаго хозяйства: онъ старался замѣнить колоніальные товары Англіи собственнымъ подспорьемъ. Но самъ же онъ подрывалъ свое дѣло. Война приводила къ торговымъ кризисамъ. Она же вызвала такую колоссальную экономическую ошибку, какъ «континентальная система» (1806)—это бойкотированіе товаровъ Англіи. Она привела къ разоренію не одной Англіи, но и Франціи со всѣмъ материкомъ.

Просвѣщеніе и общество. Имперія оказалась сплошной борьбой съ церковью. Наполеонъ наказалъ папу отмѣной его свѣтской власти (1809) и превращеніемъ Церковной Области въ департаментъ Франціи. Но св. отецъ побѣдилъ, благодаря коалиціи монарховъ. Просвѣщеніе совсѣмъ перешло въ руки владыки, благодаря новому министерству, которое было названо «императорскимъ университетомъ».

„Великая армія“. Армія заслуживала названіе «великой». Она брала именно «нравственнымъ элементомъ», который Наполеонъ ставилъ выше всего: снаряженіе ея было плохое—старое кремневое ружье, пушка образца 1765 года, одры вмѣсто коней. Геній битвъ не видѣлъ только, что самъ пожираетъ свое будущее. Съ 1806 г. онъ началъ собирать кровавый налогъ съ Франціи впередъ. Въ 15 л. онъ привелъ подъ знамена болѣе 3 милліоновъ французовъ да столько же иностранцевъ. Солдатамъ «великой арміи» соотвѣтствовали вожди. То были истинные паладины. Они выходили по преимуществу снизу, изъ народа. Только нравственно они стояли низко, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше опускались. Ихъ главными пороками были алчность и честолюбіе. Кончилось тѣмъ, что люди, наиболѣе облагодѣтельствованные Наполеономъ, первые измѣнили ему.

Третья коалиція. Изумительная, по величію и быстротѣ, дѣятельность Наполеона, какъ правителя, подрывала его собственную будущность; но на первыхъ порахъ она доставляла невиданное скопленіе силъ, которое давало перевѣсъ въ міро-

вой борьбѣ. А эта борьба была неизбѣжна. Въ Англіи снова правилъ Питтъ, который устроилъ третью коалицію противъ «бандита» материка. Александръ I не раздѣлялъ любимой мысли Наполеона: «Обѣ державы, стоящія по краямъ Европы, не могутъ вредить другъ другу, а соединясь, могутъ имѣть повсюду важное вліяніе». Онъ вступилъ въ дружбу съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, обѣщая ему помощь противъ «бича міра». Но покуда Пруссія хитрила, выставляя «строжайшій нейтралитетъ», во главѣ новой коалиціи стали Англія, Россія и Австрія. Австрійцы внезапно захватили Баварію. Наполеонъ былъ одинокъ, неготовъ. Но собственный геній и негодность рутинеровъ-враговъ спасли его. Послѣдовалъ Аустерлицъ (1805), съ котораго военные историки начинаютъ новую эпоху генеральныхъ сраженій. Онъ—основа почти міровой державы «рокового человѣка»: съ тѣхъ поръ поднялась эта 8-лѣтняя ослѣпительная буря, отъ которой дрожала вся Европа. Началась она рядомъ пяти компаній (1805—1809), каждая съ міровыми послѣдствіями, съ развалинами стараго строя.

Ближайшимъ слѣдствіемъ Аустерлица былъ переворотъ въ Германіи, подъ именемъ пресбургскаго мира. Австрія окончательно вытѣснялась изъ «отечества» и Италіи. Францъ II сталъ «Францомъ I, императоромъ *австрійскимъ*». Затѣмъ рухнула 800-лѣтняя Священная Римско-германская Имперія (1806): изъ нея образовался Рейнскій Союзъ, подъ «протекторатомъ» Наполеона. Настало небывалое международное право: подданные одного государства пользовались преимуществами въ другихъ государствахъ, какъ ихъ собственные подданные; даже короли изъ Наполеонидовъ оставались подданными своего творца.

Четвертая коалиція.

На всемъ Западѣ уцѣлѣла одна Пруссія. Наполеонъ задобрилъ ее Ганноверомъ и обѣщаніемъ дать «сѣверное императорство». Онъ побаивался ея свѣжей арміи: обаяніе Фридриха II дѣйствовало на него. Труснлъ и Фридрихъ-Вильгельмъ III; но его увлекъ «патріотизмъ» нѣмцевъ, который почувствовался прежде всего въ еще непобитой Пруссіи. Образовалась четвертая коалиція, съ замѣной Австріи Пруссіей, которая и послала Наполеону дерзкій ультиматумъ. Пруссія была разгромлена подъ Іеной и Ауэрштедтомъ; Рейнскій Союзъ былъ распространенъ на Сѣверъ Германіи. Настала очередь Россіи: подъ Фридландомъ была сломлена и она, хотя съ большимъ трудомъ. Свиданіе двухъ императоровъ въ Тильзитѣ превратило враговъ въ друзей. Александръ I согласился на превращеніе большей части Пруссіи въ Вестфальское королевство, для Жерома Бонапарта, и въ великое герцогство Варшавское, отданное другу Наполеона, королю Саксонскому. Онъ призналъ всѣ завоеванія Франціи и будущія «перемѣны» въ Италіи и Испаніи. Наполеонъ соглашался на присоединеніе Финляндіи и Молдо-Валахіи къ Россіи.

Значеніе Тильзитскаго мира (1807) безпримѣрно. Многимъ казалось, что создался «дуумвиратъ», за которымъ неизбѣжно послѣдуетъ міровое единодержавіе. Дворъ въ Фонтенебло, перенесенный изъ Тюльери, сталъ законодателемъ Европы. Франція расцвѣла матеріально: ея рента возвысилась до 99. Поднимался крестовый походъ противъ Англіи: Александръ возстановилъ «вооруженный нейтралитетъ» Екатерины II и собирался помочь другу въ Индіи. Португалія, эта «британская колонія», была занята французами, которые уже распоряжались и на сѣверѣ Испаніи. На новомъ свиданіи въ Эрфуртѣ (1808) оба императора должны были «подѣлить міръ, какъ яблоко». Но съ Тильзита же подготовлялось «начало конца», какъ выразился Талейранъ. Онъ сгубилъ властителя надеждой на то, что недоступно человѣку. А между тѣмъ выступалъ желѣзный законъ реакціи, историческаго возмездія. Уставшіе народы жаждали покоя и независимости. Наполеонъ вызвалъ *національизмъ*, который уже мерцалъ въ Германіи и Россіи и вспыхнулъ яркимъ пламенемъ въ Испаніи. Сами

французы тяготились «палачомъ», который уже бралъ ихъ кровь и добро за два года впередъ. Талейранъ уже интриговалъ въ Эрфуртѣ противъ своего императора. Оттого Наполеонъ здѣсь не добился ничего отъ Александра. Но онъ былъ радъ хоть внѣшнему сохраненію дружбы: въ тылу у него вспыхнулъ страшный пожаръ.

Гверилья

Въ Испаніи проявился національзмъ въ полной силѣ, когда Наполеонъ посадилъ своего брата Жозефа на мѣсто Вурбона Карла IV. Напрасно повелитель далъ испанцамъ конституцію, которая отмѣняла феодализмъ и власть клира. Масса, руководимая фанатичными монахами, отвѣчала жестокой «гверильей» или партизанской войной противъ «безбожниковъ и цареубійцъ». Испанцы истомили ветерановъ «великой арміи», даже взяли цѣлый ихъ корпусъ. Въ Португаліи явились англичане, съ доблестнымъ Веллингтономъ во главѣ, который всюду тѣснилъ французовъ. Наполеонъ внезапно прискакалъ изъ Эрфурта, въ концѣ 1808, и въ мѣсяцъ возстановилъ свое господство за Пиренеями. Но столь же внезапно онъ возвратился въ Парижъ.

На материкѣ начиналась величавая «война народовъ». Впереди шла Германія. У нѣмцевъ проснулось національное сознаніе, подъ вліяніемъ культурнаго подъема: Веймаръ сталъ тогда Аѳинами Европы, затмѣвая блескъ Парижа. Вожди мысли—Фихте, Шлейермахеръ, Арндъ—стали проповѣдниками воинственнаго патріотизма. Въ Пруссіи возникло противъ французовъ тайное общество—Союзъ Добродѣтели. Тамъ же король взялся за реформы: Штейнъ отмѣнялъ феодализмъ и поднималъ народное просвѣщеніе; Шарнгорстъ и Гнейзенау создавали прусскую армію заново.

Пятая коалиція.

Національзмъ заговорилъ и въ Австріи. Она начала подражать Берлину въ реформахъ и призывала всѣхъ нѣмцевъ возстать противъ «системы завоеваній». Англія ссудила ее деньгами—и образовалась пятая коалиція, съ тайною поддержкой всего Запада и самой Россіи. Никогда Наполеонъ не желалъ такъ искренно уклониться отъ своей кровавой стихіи. Но австрійцы выступили въ походъ, даже безъ объявленія войны. Они проявили прежніе недостатки, а Наполеонъ—весь свой геній, въ особенности же нечеловѣческую энергію и быстроту. Кровавыя бойни у Асперна и Ваграма (1809) опять уничтожили могущество Габсбурга.

По шёнбрунскому (вѣнскому) миру, Австрія лишилась еще болѣе 3 милл. подданныхъ, а Францъ I отдалъ свою дочь побѣдителю.

Звѣзда рокового человѣка достигла «зенита»: покоренные уже называли его «западнымъ императоромъ». Его имперія распадалась на 130 департаментовъ съ 44 милл. всякихъ націй. Все повиновалось побѣдителю, даже Англія помышляла о мирѣ, истощенная даже въ своихъ финансахъ. Самъ Наполеонъ говорилъ: «Еще три года—и я буду владыкой вселенной»!

Но то было самообольщеніе. Континентальная система губила благосостояніе самой Франціи. Земледѣліе въ ней падало отъ безбожныхъ поборовъ впередъ. Лучшія арміи таяли за Пиренеями, и особенно отъ паденія дисциплины. Дезертирство и укрывательство отъ рекрутчины отнимали до 100.000 солдатъ. Борьба съ папой разжигала страсти массъ. Въ самой семьѣ повелителя кипѣли раздоры, негодованіе и отчаяніе. Въ Парижѣ гнѣздилось тайное общество «филадельфовъ», отъ котораго шли нити къ Талейрану, Фушэ и Бернадоту. Наконецъ, главный врагъ, національзмъ, уже сквозилъ всюду: самъ Наполеонъ прельщалъ поляковъ и венгерцовъ призракомъ возстановленія ихъ «національной независимости».

Борьба колоссовъ.

Главная туча скоплялась на сѣверѣ. Интересы Франціи и Россіи уже сталкивались всюду. Континентальная система вовлекла Александра въ тяжкую войну съ Англіей и привела насъ къ торговому застою, превратившему рубль въ четвертакъ. Царь наконецъ облегчилъ ввозъ англійскихъ товаровъ и за-

претилъ ввозъ французскихъ. Онъ обидѣлся на изгнаніе герцога Ольденбургскаго, какъ на «пощечину передъ Европой». Онъ началъ настаивать на явной конвенціи о «невозстановленіи» Польши. Въ Парижѣ появился Нессельроде, который тайкомъ сносился съ Талейраномъ. Другіе «староруссы» растравляли подозрительность своего государя, ненавидя «исчадіе революціи»; англичане помогали имъ. Уже весной 1811 г. русскія войска стягивались въ Литвѣ; и ихъ было не меньше, чѣмъ у Наполеона, а пушекъ даже больше. Въ началѣ 1812 г. послѣдовали союзы царя съ Англіей, Швеціей и даже испанскими кортесами; а въ апрѣлѣ онъ послалъ Наполеону ультиматумъ. Наполеонъ, напротивъ, не спѣшилъ: онъ сознавалъ величіе минуты и готовился на славу, все предлагая миръ.

Русскій походъ знаменитъ уже своими неожиданностями. Геніальный планъ Наполеона былъ разсчитанъ на быстроту, какъ всегда. Но русскіе оказались особенными «варварами», похожими на испанцевъ. У нихъ вспыхнулъ стойкій патріотизмъ; имъ помогала природа страны. Если имъ пришлось отступить, то это-то и спасло ихъ. Французы истомились, «гоняясь» за ними: при отступленіи изъ Москвы у нихъ погибло вдвое меньше людей. Имъ измѣнили австрійцы. Уже подъ Бородиномъ (26 авг. 1812 с. с.) Наполеонъ побѣдилъ только своимъ планомъ, который считается образцомъ геніальной тактики. Въ Москвѣ онъ впалъ въ роковую ошибку, превратившись изъ полководца въ дипломата: онъ воображалъ, что русскіе обрадуются предложенному имъ миру. Затѣмъ ужъ не могла вывезти никакая геніальность. Пусть переправа черезъ Березину покрыла Наполеона такими же лаврами, какъ Аустерлицъ и Іена— она была могилой «великой арміи».

Европа оживилась. Почти вся она составила шестую коалицію (1813)— и началась знаменитая оборона генія битвъ. Но Франція была уже истощена. Паладины частью лежали въ могилѣ, частью устали или измѣнили. А націонализмъ разгорѣлся среди нѣмцевъ: началась ихъ «война за освобожденіе», съ помолодѣвшей Пруссіей во главѣ. Самъ Наполеонъ все чаще подвергался припадкамъ каменной и желудочной болѣзни и внезапно впадалъ въ непреодолимую дремоту, подъ свистъ ядеръ. И все больше, какъ въ Москвѣ, дипломатъ-императоръ мѣшалъ великому полководцу. Оттого не помогли ни такая дивная побѣда, какъ подъ Дрезденомъ, ни такое, стоющее лавровъ, пораженіе, какъ лейпцигское «битва народовъ». Но не было ничего болѣе славнаго для Наполеона, какъ «кампанія во Франціи» 1814 года. Здѣсь то даже враги признали его «художникомъ войны», «Шекспиромъ битвъ». И погибающаго орла поддерживалъ народъ. Напрасно союзники объявили, что «воюютъ не съ Франціей, а съ Наполеономъ»: массы ополчались противъ «варваровъ». **Шестая коалиція.**

Наполеонъ уже собирался опять перенести войну за предѣлы Франціи; народъ и солдаты рвались въ бой. Но маршалы не пошли въ огонь: Мармонъ даже передался къ врагамъ. Съ Наполеономъ было покончено: онъ сталъ «эльбскимъ императоромъ». Не такъ легко было рѣшить вопросъ объ его престолѣ. Александръ не терпѣлъ «неисправимыхъ» Бурбоновъ. Но Талейранъ, примкнувшій къ эмигрантамъ и ихъ пріятелемъ, «староруссамъ», убѣдилъ его хитростями, будто французы желаютъ ихъ.

Совершилась «реставрація» или возстановленіе Бурбоновъ, въ лицѣ Людовика XVIII. Но самъ Талейранъ поддержалъ царя въ желаніи оградить права французовъ конституціонной Хартіей. Людовикъ хотѣлъ держаться Хартіи; но ярые роялисты, съ Артуа во главѣ, ввели «бѣлый терроръ». Это возмутило весь остальной народъ. Вездѣ, особенно въ казармахъ, нападали на роялистовъ и иноземцевъ и вспоминали «императора». Появились подпольные листки и каррикатуры противъ Бурбоновъ. Фушэ даже составилъ заговоръ и отправилъ одного пріятеля на о. Эльбу. **Первая реставрація.**

Наполеонъ понялъ все и узналъ, что державы замышляютъ или убить его, или спровадить на о. св. Елены. Онъ внезапно отплылъ съ Эльбы, съ горстью товарищей. Ему предшествовала горячая прокламація о предательствѣ Бурбоновъ, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Народъ всюду встрѣчалъ своего «императора» съ восторгомъ; войска кидали бѣлую кокарду и переходили на его сторону. Безъ выстрѣла совершилось низверженіе Людовика XVIII, который бѣжалъ въ Гентъ.

Сто Дней. Такъ началось господство *Ста Дней* (20 марта — 26 іюня 1815). Наполеонъ развертывалъ былую мощь и адское рвеніе. Откуда-то взялся и неисчерпаемый источникъ средствъ. Французы оживлялись, почувствовавъ оплотъ противъ иноземцевъ. Но самъ Наполеонъ опять взялся за дипломатію. Онъ разослалъ къ державамъ мирныя предложенія. Но державы даже не распечатывали его писемъ и объявили его въ опалѣ, какъ «злодѣя и врага всеобщаго спокойствія». Образовалась седьмая коалиція. Тогда Наполеонъ вдругъ собралъ чисто-національную армію и создалъ геніальный планъ, бросившись въ Бельгію противъ англичанъ и пруссаковъ, предупреждая нашествіе остальныхъ союзниковъ. Геній битвъ палъ у Ватерло, лишь уступая численному превосходству враговъ, и послѣ измѣны Бурбона.

Но и теперь народъ рвался въ бой, и была надежда на повтореніе кампаніи 1814 года, о чемъ говорилъ самъ Карно. Только «политики» и буржуазія боялись новыхъ войнъ пуще огня. Въ палатахъ требовали отреченія и грозили опалой. Напрасно Наполеонъ просилъ назначить его простымъ генераломъ, чтобы только «раздавить врага». Ему пришлось бѣжать отъ убійцъ. Онъ отдался англичанамъ, какъ «самому великодушному изъ враговъ». Они отправили его, какъ скованнаго Прометея, на о. св. Елены. Пять съ половиной лѣтъ спустя, тамъ успокоился «геній бурь».

ЛЕКЦІЯ ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

VI. Реакція и либерализмъ. 1815—1830.

Легитимизмъ. «Эпоха Наполеона» завершилась. Но нужно было привести въ порядокъ Европу, превращенную въ хаосъ 25-лѣтними ужасами «великой» революціи и ея «исчадія». Этимъ занялся вѣнскій конгрессъ (1815). Воображая дать Европѣ прочный миръ, дипломаты вводили новые элементы раздоровъ и войнъ: они не обратили вниманія ни на зародившійся національзмъ, ни на пробужденный революціей либерализмъ. Оттого-то главные «союзники» чуть не передрались тотчасъ же. Этимъ воспользовался Талейранъ, которымъ сначала всѣ пренебрегали. Онъ выдвинулъ великій «принципъ»—*легитимизмъ* или законность, историческія права, назвавъ его «основой всего общественнаго порядка». А это означало раздробленность Германіи и Италіи, т. е. завершеніе политики Ришелье. Россія и Пруссія протестовали. Тогда Талейранъ подстроилъ противъ нихъ «конвенційку» между Франціей, Австріей и Англіей. Это было до Ста Дней, которые примирили союзниковъ. Послѣ Ватерло конгрессъ занялся возстановленіемъ старины.

Возстановленіе старины. Во Франціи произвели *вторую реставрацію*, главнымъ образомъ, благодаря англичанамъ, Талейрану и Фушэ. Людовикъ XVIII обѣщалъ соблюдать Хартію и даровать амнистію. Нѣмцамъ дали *Германскій Союзъ*, напоминавшій старую негодную имперію. Имъ правилъ союзный сеймъ во Франкфуртѣ, состоявшій изъ пословъ отъ 39-ти союзныхъ государствъ. 13-я статья обѣщала «сословную конституцію» для каждаго изъ этихъ государствъ. Австрія

получила предсѣдательство въ Союзѣ. Взамѣнъ своихъ Нидерландовъ (Бельгія), она пріобрѣла Ломбардо-Венеціанское и Иллирійское королевства. Родственники Габсбурга воцарились въ мелкихъ государствахъ Италіи. Пруссія получила Познань, часть Саксоніи и Помераніи и Вестфалію, переименованную въ Рейнскую Провинцію. Въ Италіи произошла полная реставрація изгнанныхъ Наполеономъ государей. Королевство Сардинское усилили, какъ «барьеръ» противъ Франціи, Генуей и Савойей. Такимъ же заслономъ стало Нидерландское королевство, которое составили изъ австрійскихъ Нидерландовъ и Голландіи. Въ Испанію возвратились Бурбоны, въ Португалію—Браганцскій домъ. Въ Швейцаріи, обезпеченной нейтралитетомъ, возстановили старый Союзъ 22-хъ кантоновъ. Въ Швеціи, получившей Норвегію, воцарился Бернадотъ, подъ именемъ Карла XIII. Англіи достались лучшія колоніи Франціи и Голландіи, а въ Европѣ—Мальта и Гелголандъ. Она получила еще протекторатъ надъ республикой Семи Іоническихъ Острововъ. Россія пріобрѣла герцогство Варшавское, переименованное въ Царство Польское: Александръ даровалъ ему конституцію и особое управленіе, съ Константиномъ Павловичемъ во главѣ. Краковъ остался вольнымъ городомъ, но былъ присоединенъ къ Австріи въ 1846 г.

Корни новой борьбы. Вѣнскій конгрессъ никого не удовлетворилъ. Опаснѣе всего было то, что онъ вводилъ *реакцію*, возстановляя старину. Даже воскрешеніе «политическаго равновѣсія» было неудачно: образовалось пять великихъ державъ, изъ которыхъ «западныя» (Франція и Англія) враждовали съ «восточными» (Россія, Австрія и Пруссія). Лишенная «естественныхъ» границъ, Франція затаила чувство мести за «позоръ трактатовъ 1815 года». Сильнѣе всѣхъ вышли Россія и Англія—и между ними началось непримиримое соперничество.

Священный союзъ. Во главѣ реакціи стали восточныя державы. Душою ихъ оказался Александръ I, который впалъ въ мистицизмъ, ставшій тогда модой, отчасти благодаря русской баронессѣ Крюденеръ. Онъ набросалъ актъ Священнаго Союза (сент. 1815) — обязательство восточныхъ державъ «слѣдовать религіи Бога-Спасителя, какъ уполномоченнымъ Провидѣнія». Остальныя государства примкнули къ этому акту больше изъ вѣжливости. Папа возсталъ противъ такого вмѣшательства въ его дѣло; Англія совсѣмъ уклонилась.

Священнымъ Союзомъ овладѣлъ Меттернихъ, который превратилъ его въ 15-лѣтнее орудіе реакціи, перекрещенной въ *консерватизмъ*. Онъ ввелъ въ международное право начало «вмѣшательство» во внутреннія дѣла государствъ противъ «болѣзни революціонизма». Отсюда конгрессы восточныхъ державъ (1818—1823).

Эпоха конгрессовъ. Здѣсь «побѣдитель дракона либерализма» тотчасъ убѣдился, что послѣ-революціонная Европа—не то, что допотопная Австрія. Нечего и говорить, что Священный Союзъ тотчасъ же оказался фантасмагоріей: вся дипломатія была отрицаніемъ христіанскаго смиренія и любви. Но и подложенная подъ него теорія Меттерниха сразу встрѣтила препятствіе. Мало того: жизнь заставляла Меттерниха-практика противорѣчить Меттерниху-теоретику. Уже на конгрессѣ въ Ахенѣ (1818) Англія возстала противъ «вмѣшательства для спасенія народовъ отъ ихъ заблужденій», отказавшись усмирять испанскихъ колонистовъ: и Меттернихъ присталъ къ ней, опасаясь союза Россіи съ Франціей. То же повторилось въ Троппау и Веронѣ, когда зашла рѣчь о подавленіи мятежей въ Испаніи и Неаполѣ. Наконецъ и Россія измѣнила Меттерниху, который смотрѣлъ на грековъ, какъ на мятежниковъ: Александръ созвалъ конференцію въ Петербургѣ (1825), которая просила Порту удовлетворить своихъ христіанскихъ подданныхъ.

Романтика. Система Меттерниха и Священный Союзъ такъ противоестественны, что они не продержались бы и минуты, если бы не коренились въ настроеніи самого общества. Тогда въ идейной культурѣ воцарилась *романтика*,—имя,

связанное съ эпосомъ романскихъ націй, съ этимъ сліяніемъ чудесъ и нѣжничанья. Оно совпадаетъ съ именемъ «средневѣковья» и противополагается классицизму, какъ реальному міровоззрѣнію. Романтика должна была родиться уже по закону историческаго ритма, волнообразія направленій. Она была естественнымъ протестомъ противъ разсудочности, скептицизма, матеріализма Просвѣщенія, совсѣмъ забывшаго про область чувства и воображенія. И чѣмъ болѣе рѣзко было предшествовавшее направленіе, тѣмъ быстрѣе дошли до предѣловъ идеализма—до мистицизма и сантиментализма, а мѣстами и до «міровой скорби». Этому помогъ горькій опытъ. При Просвѣщеніи всѣ радовались, что наконецъ-то, подавили римскую курію, съ ея кострами инквизиціи; но на ея развалинахъ воцарились ужасы революціи и мірового цезаризма. Отсюда унылое разочарованіе и стремленіе къ идиллическому средневѣковью, котораго, въ сущности никто не зналъ. Какъ въ эпоху крестовыхъ походовъ и реформаціи, въ первые 30 лѣтъ XIX в. религія замѣшивалась всюду. Вездѣ слышалось: «союзъ алтаря съ трономъ; солидарность консервативныхъ интересовъ».

Это настроеніе овладѣвало не одними стариками: именно молодежь становилась паладиномъ романтики. Отсюда необычайный успѣхъ «Генія христіанства» Шатобріана и такихъ кружковъ, какъ салонъ г-жи Крюденеръ. Романтика особенно водворилась среди націи «мыслителей и поэтовъ», вообще склонной къ метафизикѣ и сантиментализму. Оживилась и протестантская теологія, благодаря Шлейермахеру, этому лютеранскому Шатобріану: она также уже требовала истребленія «еретиковъ». Нѣмецкая романтика, проникавшая всюду, особенно отразилась въ философіи, принявшей метафизическое и идеалистическое направленіе, Фихте и Шеллингъ кончили мистицизмомъ.

Ультрамонтанство. Въ романтикѣ мы постоянно наталкиваемся на Римъ: въ сущности, все новое настроеніе было католическое. Тогда началось новое возрожденіе католицизма. Въ 1814 г. воскресъ орденъ іезуитовъ, а затѣмъ—даже іоаннитство. Коллегія Пропаганды совращала въ католичество даже видныхъ людей всякихъ исповѣданій. Всюду работали фанатичныя общества и печать папы. Недальновидныя правительства потворствовали іезуитамъ. Мученикъ Наполеона, Пій VII, заговорилъ языкомъ Григорія VII. Онъ ловко опуталъ католическихъ правителей «конкордатами», а протестантскихъ—«конвенціями». А когда прозрѣвшіе государи начали упираться, на помощь папству выступила новая рать изъ глубины самого общества, какъ самый яркій плодъ романтики. Это—*ультрамонтанство* (ultra montes—за горами).

Ультрамонтановъ называютъ «болѣе папистами, чѣмъ папа». Въ ихъ глазахъ даже католическіе соборы, національныя церкви и назависимый епископатъ—смертные грѣхи. Это—арьергардъ іезуитовъ, только въ свѣтской формѣ. Оно зародилось во Франціи. Его знамя было выкинуто другомъ Шатобріана, эмигрантомъ Бональдомъ. Но пророкомъ новаго ученія сталъ графъ де-Местръ: въ своемъ «Папѣ» (1819), онъ прямо объявилъ теократическій абсолютизмъ. Но наиболѣе вліялъ на массы искренній аббатъ Ламеннэ, который возсталъ противъ галликанизма и объявилъ самое государство вреднымъ наростомъ атеизма. Изъ Франціи ультрамонтанство быстро разнеслось по всему материку, кромѣ Италіи, которая во-очію видѣла всѣ прелести куріи. Особенно утвердилось оно въ Германіи, и именно въ Баваріи и Вѣнѣ, гдѣ ему помогали Меттернихъ и его іезуиты.

Борьба въ Германіи. Таковы были громадныя силы, на которыя опиралась система Меттерниха. Если она тотчасъ же натолкнулась на препятствія въ международной области, зато ей предоставлялся просторъ во внутреннихъ дѣлахъ материка, и именно въ Германіи, прямо связанной съ Вѣной. Каждый фюрстъ старался производить реставрацію. Опорой реакціи стала самая сильная держава, Пруссія.

Революція въ Испаніи.

Система Меттерниха торжествовала и у романцевъ, особенно за Пиренеями. Испанія только-что пережила свою лучшую пору. Въ отсутствіе Бурбоновъ была выработана *конституція 1812 года*, которая стала лозунгомъ либерализма даже за предѣлами Испаніи. Здѣсь—смыслъ реакціи, которая подготовлялась уже побѣдами Веллингтона надъ французами. Этотъ-то консерваторъ и привелъ въ Мадридъ сына Карла IV, Фердинанда VII (1814). Опираясь на массы, Бурбонъ отмѣнилъ конституцію и отдалъ власть *камарильѣ* (комнатка)—роднымъ, монахамъ и фавориткамъ. Опорой ихъ явились консерваторы. Съ помощью возстановленной инквизиціи, іезуитовъ и шпіоновъ, они начали жестоко преслѣдовать *либераловъ* (это слово и пошло отсюда). Было погублено даже много самыхъ популярныхъ генераловъ; а солдаты голодали и ходили въ лохмотьяхъ. Флотъ исчезъ, уступая мѣсто пиратамъ; торговля стала; колоніи отложились.

Вспыхнула революція, бывшая первымъ серьезнымъ протестомъ новой жизни противъ Священнаго Союза. При неразвитости массъ, она превратилась въ безконечное *пронунсіаменто* или военный мятежъ. Къ обиженной арміи примыкали либералы т. е. буржуазія, самый образованный и богатый классъ. Тутъ было и масонство, особенно развившееся тогда въ Испаніи. Вождемъ главнаго пронунсіаменто (1820—1823) былъ полковникъ Ріего. Съ помощью мадридцевъ они возстановили конституцію и уничтожили инквизицію; либералы замѣнили консерваторовъ въ управленіи. Кортесы схватились за реформы, отмѣнили орденъ іезуитовъ. Но здѣсь надъ умѣренными возобладали «экзальтады» (восторженные), которые начали подражать якобинцамъ. Этимъ воспользовались консерваторы. Они выдвинули «армію вѣры». Ее поддержали французскія войска, которыя были уполномочены державами «смыть такое пятно», какъ конституція 1812 года. Ріего былъ казненъ, при крикахъ толпы: «Да здравствуютъ цѣпи и св. инквизиція!» Но реакціонерамъ даже Фердинандъ казался слабымъ. Ихъ мессіей сталъ его братъ, донъ-Карлосъ: тогда-то зародилась живущая и теперь партія *карлистовъ*.

Борьба въ Португаліи.

Въ Португаліи происходило то же самое, и отчасти подъ прямымъ вліяніемъ Испаніи. Только здѣсь иностранное вмѣшательство было сильнѣе и страннѣе: здѣсь англичане играли роль Священнаго Союза, изъ-за барышей. Спасши страну отъ Наполеона, они обратили ее въ свою покорную колонію, благо бѣжавшій въ Бразилію Іоаннъ VI и не думалъ возвращаться. Лѣтъ въ десять Португалія была доведена до такого же отчаяннаго положенія, какъ Испанія. Но отъ сношеній съ англичанами и французами португальцы просвѣтились. Ободренная успѣхами Ріеги, оппозиція возстала, подъ руководствомъ офицеровъ. Она создала конституцію (1822), на подобіе испанской. Англичане были изгнаны. Іоаннъ VI возвратился, предоставивъ Бразилію своему первенцу, донъ-Педро.

Но затѣмъ произошло то же, что въ Испаніи. Появились свои экзальтаты и «низкопоклонники» (сервили). Во главѣ послѣднихъ стояли королева Карлота, достойная сестра Фердинанда VII, и ея младшій сынъ донъ-Мигэль, похожій на испанскаго Карлоса. По смерти Іоанна VI, Педро уступилъ Португалію своей 7-лѣтней дочери, Маріи да-Глорія, и далъ конституціонную Хартію (1826). Но Мигэль спровадилъ Марію въ Англію и отмѣнилъ Хартію. Онъ считалъ «своимъ призваніемъ роль архангела Михаила въ борьбѣ съ дьявольскимъ отродьемъ либераловъ». Начались такія звѣрства, что, наконецъ, вмѣшались державы—уже для обузданія абсолютистовъ. Мигэль былъ изгнанъ. Марія возстановила Хартію (1834).

Освобожденіе латинской Америки.

Волненія на Пиренейскомъ полуостровѣ имѣли міровое значеніе по своей связи съ *колоніальнымъ вопросомъ*. Ихъ слѣдствіемъ было торжество либерализма за океаномъ: съ тѣхъ поръ ведутъ свое начало нынѣшнія государства

Южной и Центральной Америки. Португальская Бразилія просвѣтилась отъ сношеній съ Англіей и Соединенными Штатами. Она выработала либеральную Хартію и провозгласила дона-Педро «конституціоннымъ императоромъ» (1822). То же произошло съ господствомъ испанцевъ въ Америкѣ, и, въ общемъ, по тѣмъ же причинамъ. И сюда проникло Просвѣщеніе тѣми же путями. А испанцы смотрѣли на колонистовъ, какъ на своихъ рабовъ. И съ 1810 г. за океаномъ вспыхнула революція. въ которой особенно прославился Боливаръ его называли ея Наполеономъ и Вашингтономъ. Къ 1823 г. освободились всѣ испанскія колоніи. Этому много содѣйствовали янки. А такъ какъ Священный Союзъ собирался «вмѣшаться», то ихъ президентъ Монроэ выставилъ свое знаменитое ученіе объ «Америкѣ для американцевъ». Съ тѣхъ поръ Испанія перестала существовать, какъ великая держава: она лишилась своего морского значенія.

Борьба въ Италіи. Борьба кипѣла и въ Италіи. Тамъ, какъ въ Германіи, стремленіе къ свободѣ сливалось съ національизмомъ. А Священный Союзъ призналъ Италію лишь «географическимъ терминомъ» и наградилъ ее реставраціей старыхъ государей. Наставшая здѣсь реакція оказалась тѣмъ мучительнѣе, что она была австрійская. Тяжелѣе всего была участь Ломбардо-Венеціанскаго королевства, гдѣ распоряжался самъ Меттернихъ. Онъ превратилъ страну въ дойную корову Австріи. Ему подражалъ даже Викторъ-Эммануилъ I сардинскій, желавшій изгнанія австрійцевъ; а Пій VII отмѣнилъ даже оспопрививаніе и освѣщеніе улицъ. Въ Неаполѣ дѣло осложнялось тѣмъ, что Бурбонъ Фердинандъ IV долженъ былъ дать конституцію пріютившей его Сициліи. Теперь же онъ объявилъ себя Фердинандомъ I «королемъ Обѣихъ Сицилій» и занялся реставраціей по обѣимъ сторонамъ Мессинскаго пролива.

Реакція вызвала оппозицію либераловъ и націоналовъ. Недовольные схватились за готовую форму—за союзъ *карбонаріевъ* (угольщиковъ), которые собирались раньше для истребленія иностранцевъ. Вскорѣ эта тайная организація распространилась по всей Европѣ: карбонарство замѣнило слово «якобинство». Оно напоминало масонство, съ которымъ состояло въ прямой связи. Первымъ дѣломъ карбонаріевъ, подъ вліяніемъ испанскихъ пронунсіаментовъ, было возстаніе генерала Пепе въ Неаполѣ (1820). Оно было усмирено австрійцами—и реакція усилилась. Та же судьба постигла карбонаріевъ въ Миланѣ, Моденѣ и особенно въ Сардиніи. И по всей Италіи расцвѣла система Меттерниха на цѣлыя 10 лѣтъ.

Реформа въ Турціи Египтѣ. Духъ оппозиціи проникъ даже въ Турцію, гдѣ онъ коренился въ національно-религіозной борьбѣ, разгоравшейся подъ вліяніемъ усилившейся Россіи. Здѣсь первою реформой должно было быть истребленіе янычаръ, что и было исполнено Махмудомъ II (1826): эти преторіанцы были замѣнены «низамомъ» — европейскимъ войскомъ. Но это не спасло Порту отъ разложенія. Россія отнимала у нея берега Чернаго м. и Бессарабію. Вассалы Азіи и Африки отпадали отъ нея. Въ Египтѣ произошелъ цѣлый переворотъ въ исламскомъ мірѣ. Тамъ воцарился албанецъ Мехметъ Али, уничтожившій владычество мамелюковъ. Онъ завоевалъ Нубію, Аравію и Сирію: державы признали его «вице-королемъ». Онъ старался привить къ Египту европейскую культуру, подчиняясь въ особенности французскому вліянію. Онъ же создалъ чуть не первую армію въ мірѣ.

Христіанская райя. Но хуже всего приходилось туркамъ въ самой Европѣ, гдѣ они составляли лишь $^1/_{10}$ населенія. Вслѣдствіе усиленія Россіи, христіанская «райя» поднималась серьезно съ начала XIX-го в. Первыми возстали *сербы*, съ Кара-Георгіемъ во главѣ. Послѣдній былъ уничтоженъ соперникомъ, Миланомъ Обреновичемъ, котораго султанъ призналъ своимъ вассальнымъ «княземъ» (1817). Еще раньше Порта должна была признать независимость *черногор-*

цевъ, послѣ неудачныхъ войнъ съ ними. Были попытки возстанія и со стороны болгаръ, но безуспѣшныя. Начали воскресать и *румыны*. Россія принудила Турцію даровать имъ гаттишерифъ (1802), который ограничивалъ власть султана и давалъ Россіи право вмѣшиваться въ дѣла Дунайскихъ княжествъ. Зарождалась и національная культура, подъ вліяніемъ Запада, особенно французовъ. Румыны начали сознавать себя романскою націей, какъ потомки древнихъ римлянъ. Среди нихъ появились французскіе эмигранты, романы и журналы. Бояре начали мѣнять греческій языкъ на французскій.

Освобожденіе Греціи. Очередь оставалась за греками. Они начали подчиняться западному просвѣщенію и сознавать свою національность. А на Западѣ классическая филологія выдвинула вопросъ объ Элладѣ: всюду распространялся «филэллинизмъ», какъ первое благородное заявленіе общественнаго мнѣнія Европы противъ всеобщей реакціи. А Александръ I сочувствовалъ грекамъ и изъ вражды къ Турціи: его приближенными были греческіе патріоты, Каподистрія и Ипсиланти. Въ Одессѣ возникла гетерія (1814)—тайное общество для освобожденія грековъ. Началась отчаянная гверилья «клефтовъ»—патріотовъ-разбойниковъ и отличныхъ моряковъ (1821). Она полна драматизма. Греки привлекли всеобщую любовь подвигами патріотизма и храбрости: Байронъ посвятилъ имъ свое состояніе и послѣдніе дни. А турки проявили необычайное звѣрство, когда побѣда склонилась на ихъ сторону, благодаря помощи Мехмета-Али. Державы переполошились, но только подливали масло въ огонь: Англія интриговала противъ Россіи; Меттернихъ, испугавшись революціоннаго «пожара», присовѣтовалъ султану обратиться къ египетскому пашѣ.

Греки погибали. Ихъ спасло появленіе новыхъ дѣятелей исторіи. Въ Англіи возвысился великодушный Каннингъ, горячій филэллинъ. Въ Россіи воцарился Николай I, который ненавидѣлъ Меттерниха. Къ нимъ присоединилась Франція. Этотъ тройственный союзъ истребилъ турецкій флотъ у Наварина (1827), а Дибичъ дошелъ до Стамбула. Султанъ принужденъ былъ подписать адріанопольскій миръ (1829), по которому Россія становилась оффиціально покровительницей всей райи и пріобрѣла свободу торговли на Черномъ м. и въ проливахъ, а *Греція была признана независимымъ королевствомъ*. Державы назначили греческимъ королемъ сына филэллина Лудвига Баварскаго, Оттона, который далъ конституцію. Но Греція представляла собой развалины. И ей не дали ни главной земли, Ѳессаліи, ни главнаго острова, Крита.

Экономика Англіи. Либерализму приходилось не легко даже въ классической странѣ свободы: онъ долженъ былъ бороться съ реакціей и въ Англіи. Эта страна находилась въ странномъ положеніи. Она больше всѣхъ получила за свое сопротивленіе Наполеону. Побѣдивъ даже Соединенные Штаты, она стала безспорною владычицей морей. А между тѣмъ 25-лѣтняя борьба довела ее почти до всесторонняго банкротства. Даже богачи тяготились подоходнымъ налогомъ, отнимавшимъ у нихъ 10%. А бѣдняки прямо изнывали подъ бременемъ косвенныхъ налоговъ. У нихъ явился еще новый врагъ—*индустріализмъ* или крупная промышленность. Онъ былъ плодомъ изобрѣтеній конца XVIII-го в.: тогда въ Англіи были выдуманы всѣ машины—матери нынѣшней техники; дѣло увѣнчалось паровымъ «періодомъ Уатта» (1769—1800); а въ 1813 г. Стефенсонъ пустилъ въ ходъ первый локомотивъ и двинулся первый пароходъ; въ 1829 г. явилась первая дорога. Англія покрывалась чудовищными фабриками.

На первыхъ порахъ этотъ переворотъ въ техникѣ вызвалъ переворотъ въ экономикѣ, а, слѣдовательно, и въ общественномъ строѣ. Рабочіе, кустари, даже крестьяне устремились на фабрики. И образовался городской *пролетаріатъ*, какъ въ древнемъ Римѣ. Заработной платы еле хватало на прокор-

мленіе, и то при 16-часовой работѣ и при участіи женщинъ и дѣтей. Не лучше было крестьянамъ. Лишенные земли они становились батраками лорда или сквайра, прикрѣпленными къ чужой землѣ по старому закону о приходахъ. А хлѣбъ сталъ непомѣрно дорогъ: заправлявшіе парламентомъ сквайры издали драконовскіе *хлѣбные законы* (1815), по которымъ ввозъ допускался только тогда, когда цѣна домашняго хлѣба доходила до 80 шиллинговъ. Прибавимъ промышленное перепроизводство, такъ какъ фабриканты увлеклись соперничествомъ и спекуляціями, а на материкѣ заводилась своя мануфактура, при помощи тарифовъ. Фабрики закрывались; банки лопались.

Масса пролетаріевъ осталась безъ работы. Нищета достигла невиданныхъ размѣровъ. Воровство не боялось варварскихъ законовъ, вѣшавшихъ за похищеніе въ лавкѣ пяти шиллинговъ. Да воровъ и укрывала полиція — «констебли» изъ мѣстныхъ жителей, служившіе даромъ. Пошли бунты; рабочіе ломали машины, грабили и даже убивали фабрикантовъ. Еще хуже было въ Ирландіи, гдѣ къ общимъ причинамъ бѣдствій прибавлялся гнетъ колонистовъ-протестантовъ. Несчастная страна лишилась тогда даже своего парламента: «унія» 1800 года замѣнила его суровымъ «вице-королемъ».

По смерти Питта (1806), Англія, послѣ 10-лѣтія реформъ, начала погружаться къ тину застоя. Настало царство *непреклоннаго торизма*, подъ главенствомъ пріятеля Меттерниха, лорда Кесльри. Оно процвѣло особенно при Георгѣ IV (1820—1830).

Оппозиція въ Англіи. Излишества реакціи вызвали наконецъ оппозицію. Въ ту пору окрѣпли «новые виги»,—отцы настоящаго *вигизма*, какъ стали называть тогда либерализмъ въ Англіи. Ихъ поддерживалъ переворотъ въ обществѣ. Рабочіе привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Образовалась небывалая партія для руководства темнымъ пролетаріемъ—демократы или *радикалы*, которые сносились съ республиканцами и соціалистами Франціи. Во главѣ ихъ шелъ Бентамъ, отецъ *утилитаризма*, ученіе о «пользѣ», вытекавшаго изъ философіи Локка. Онъ вводилъ кооперацію или артельное начало среди рабочихъ, создалъ потребительныя общества и первый потребовалъ въ парламентѣ законадательства для защиты рабочихъ. Коббетъ, Бердеттъ, Ватсонъ и др. требовали въ «пасквиляхъ» парламентской реформы, руководили манифестаціями пролетаріевъ. Подъ ихъ вліяніемъ волненіе росло повсюду. Потянулась вереница громадныхъ «митинговъ протеста». Вспыхивали бунты, особенно на рабочемъ сѣверо-западѣ. Всѣ радовались, когда Кесльри зарѣзался въ помѣшательствѣ. Наконецъ, оппозиція поднялась въ самой палатѣ общинъ.

Реформаціонный торизмъ. Эта оппозиція выступила уже во время Ста Дней. Съ усиленіемъ реакціи она охватывала даже лучшихъ изъ торіевъ, украшеніемъ которыхъ сталъ Каннингъ. Этому-то Каннингу Георгъ VI долженъ былъ вручить министерство послѣ Кесльри. И началась эпоха *реформаціоннаго торизма* (1822—1830). Честный, образованный, вдумчивый, работящій Каннингъ былъ сотрудникомъ Питта и такимъ же либеральнымъ торіемъ: это—переходъ отъ «новыхъ виговъ» къ настоящему вигизму XIX-го в. Каннингъ—начало типа дипломата новѣйшаго времени, противоположнаго Меттерниху и Талейрану. Онъ-то подкосилъ Священный Союзъ, выставивъ начало *невмѣшательства*. Меттернихъ называлъ его «министромъ-якобинцемъ, революціоннымъ поджигателемъ». Во внутреннихъ дѣлахъ Каннингъ оказался реформаторомъ. При немъ Пиль совершилъ реформу уголовщины по мыслямъ Бентама и Ромилли, а Гэскисонъ открылъ «эру свободной торговли» и далъ рабочимъ право сообществъ (1824), что привело къ «ремесленнымъ союзамъ».

Самъ Каннингъ облегчилъ участь негровъ и занялся «эмансипаціей» католиковъ. Его поддержало новое движеніе въ Ирландіи. Тамъ впервые явился туземный «великій агитаторъ», упорный, честный, краснорѣчивый па-

тріотъ О'Коннель. Онъ повелъ оппозицію на законной почвѣ, образовавъ могучее Католическое Общество (1823), девизомъ котораго сталъ «репиль» или отмѣна уніи. И Каннингу удалось провести въ парламентѣ *эмансипацію* (1829), т. е. дарованіе гражданскаго полноправія цѣлой четверти населенія Великобританіи. Правда, она прошла уже черезъ два года по смерти Каннинга, но ее вывезла оставшаяся послѣ него дружина «каннингитовъ»—Россель, Гэскиссонъ, Пиль, Пальмерстонъ и Брумъ.

Вторая реставрація. Нигдѣ реакція, оттѣняемая недавнимъ прошлымъ, не проявлялась такъ ярко, какъ, во Франціи. Недаромъ она была названа здѣсь *реставраціей* по преимуществу. Водворился настоящій «бѣлый терроръ». Шайки фанатиковъ избивали по странѣ даже протестантовъ и генераловъ, пытавшихся остановить ихъ; а правительство казнило и изгоняло всѣхъ видныхъ людей. Власть очутилась въ рукахъ «павильона Марсана» въ Тюльери, гдѣ жилъ графъ Артуа и его злая невѣстка, дочь Людовика XVI, герцогиня Ангулемская. Павильонъ завѣдывалъ партіей *ультровъ* (крайнихъ), которые шли даже противъ умѣреннаго короля: «мы—болѣе королевцы, чѣмъ самъ король!» кричали они. Изъ этихъ-то господъ составилась палата—такая рѣдкостная, по фанатизму, что Людовикъ XVIII назвалъ ее *Ненаходимой*. Ихъ поддерживала рьяная Конгрегація, которою руководили друзья іезуитовъ, захватившіе въ свои руки воспитаніе и печать. Ультры не могли выносить даже Талейрана и Фушэ, которые тогда исчезли. Чтобы ничѣмъ не стѣсняться, они ввели «превотальные» суды: здѣсь наказывали даже за религіозное равнодушіе. Наконецъ, самъ Веллингтонъ возсталъ противъ «бѣшенства» ультровъ; и Александръ I дѣлалъ предостереженія Людовику XVIII насчетъ «безсмысленной реакціи».

Борьба съ реакціей. Оппозиція была неизбѣжна. Новые выборы высылали въ палату людей иного закала. Послѣ ультровъ образовалась партія *доктринеровъ*—узкихъ догматиковъ, пренебрегавшихъ жизнью, но желавшихъ болѣе благоразумныхъ мѣръ. Вождемъ ея былъ честный и краснорѣчивый теоретикъ, Ройе-Колларъ, а практикомъ—бывшій служитель имперіи, Деказъ. Доктринеры, желавшіе утвердить Бурбоновъ съ помощью умѣреннаго либерализма, составляли большинство въ палатѣ. Подлѣ нихъ возникла небольшая, но энергичная партія *независимыхъ*, за которую стояло большинство націи. У нихъ были свои карбонаріи и такіе вожди, какъ Лафайетъ, Констанъ, Казиміръ Перье, Беранжэ. Они мечтали о замѣнѣ Бурбоновъ Орлеанами и требовали реформъ. Людовикъ XVIII, самъ испугавшійся ультровъ, назначилъ министромъ Деказа (1816—1820). Бѣлый терроръ постепенно отмѣнялся; французы вздохнули свободно.

Ультры искали средствъ обуздать «якобинство» короля. Имъ помогъ врагъ. Совершилось безсмысленное убійство однимъ рабочимъ герцога Беррійскаго, второго сына графа Артуа. Ультры свалили вину на «либерализмъ». Деказъ бѣжалъ. Палата наполнилась такими ретроградами, что король называлъ ее «Вновь найденой». Министерство, съ Виллелемъ во главѣ, образовалось изъ отчаянныхъ ультровъ и членовъ Конгрегаціи. Въ Испанію была послана экспедиція «во имя св. Людовика». И снова начинались волненія: составлялись заговоры, по большей части военные, по примѣру испанцевъ. Среди нихъ умеръ Людовикъ XVIII (1824).

Карлъ X. Съ Карломъ X (графъ Артуа) все просвѣщеніе и печать перешли въ руки клерикаловъ; за оскверненіе облатки полагалась смерть. Эмигрантамъ опредѣлили милліардъ вознагражденія. Словомъ, послѣдовали мѣры, которыя самъ Шатобріанъ назвалъ «вандальскими законами» и «оскорбленіемъ человѣчества». Вообще даже многіе ультры примкнули къ оппозиціи. Общество пользовалось всякимъ случаемъ для проявленія негодованія противъ Виллеля. Страна покрылась сатирами и карриктурами на «капуцинское управленіе».

Наконецъ, противъ Конгрегаціи возстали галликанцы, назвавшіе ея членовъ ультрамонтанами: къ нимъ перешелъ Ламеннэ, который сталъ виднымъ демократомъ.

Подготовка новаго порядка.

А Карлъ X замѣнилъ Виллеля эмигрантомъ Полиньякомъ, доходившимъ до мистическихъ видѣній. Этотъ геній реакціи возмнилъ себя всемогущимъ, когда отнялъ Алжиръ у ничтожнаго бея. Онъ началъ издавать указы, стоившіе пощечинъ всей націи. Одинъ гость на балу у Орлеановъ воскликнулъ: «Мы танцуемъ на волканѣ». Николай I внушалъ Карлу уступить. Но тотъ отвѣчалъ: «Уступки погубили Людовика XVI». Тогда поднялись республиканцы (Кавеньякъ, Бланки, Араго и др.). Они снеслись съ бонапартистами, которые готовили уже 15-й заговоръ. Усиливались и орлеанисты (Тьеръ, Минье и др.), къ которымъ примкнулъ самъ Талейранъ.

ЛЕКЦІЯ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

VII. Іюльская революція и буржуазія. 1830—1848.

Революція.

Между тѣмъ какъ самъ Меттернихъ и Николай I твердили Карлу X объ уступкахъ, онъ издалъ, 26 іюля 1830 года, знаменитые «ордоннансы» или указы. Они возстановляли цензуру 1814 года, распускали палату и сокращали число избирателей на $^3/_4$, а число депутатовъ почти наполовину, въ пользу знати. Отвѣтомъ на нихъ была революція 27—29 іюля. У правительства было всего 12.000 солдатъ, подъ начальствомъ Мармона, который осуждалъ ордоннансы. А Парижъ покрылся сотнями баррикадъ. Революціонеры, предводимые Лафайетомъ, дрались отчаянно. Депутаты, съ Тьеромъ и богачемъ Лафитомъ во главѣ, составили грозный протестъ; ихъ одобряли высшіе суды. Карлъ X написалъ отреченіе въ пользу своего внука, сына убитаго герцога Беррійскаго, «Генриха V», графа Шамбора. Онъ бѣжалъ съ семьей въ Австрію, гдѣ Шамборъ и умеръ въ 1883 г., а съ нимъ прекратилась старшая линія Бурбоновъ.

Въ Парижѣ движеніе захватили въ свои руки депутаты. Они не боялись бонапартистовъ: «Наполеонъ II» умиралъ тогда въ Вѣнѣ отъ чахотки. Тьеръ, по совѣту Талейрана, поспѣшилъ составить манифестъ, который гласилъ: «Республика ввергла бы насъ въ страшные раздоры и поссорила бы насъ съ Европой. Герцогъ Луи-Филиппъ Орлеанскій приметъ желанную хартію». Вся Франція тотчасъ приняла новый порядокъ, безъ пролитія крови, безъ разгула дикихъ страстей. Въ ней, какъ и въ Парижѣ, не было совершено ни одного крупнаго насилія или хищничества.

Іюльская монархія.

Палата назвала Луи-Филиппа «буржуазнымъ королемъ». Онъ былъ воплощеніемъ третьяго чина и по убѣжденіямъ, и по своему мѣщанскому быту. Онъ желалъ только одного—чтобы во Франціи процвѣтали богатство, торговля и промышленность. Для этого онъ такъ дорожилъ миромъ, что готовъ былъ на всякія униженія. Съ его именемъ связано представленіе о царствѣ *либерализма*, въ его чистомъ видѣ, который называютъ еще *іюльской монархіей*. Николай I не хотѣлъ признавать «короля баррикадъ», который назвался королемъ «Божіей милостью и волей народа». Новая Хартія была не пожалованная, а предписанная палатой, которая наполнила ее «обезпеченіями свободы». Здѣсь государственная религія была замѣнена религіей «большинства французовъ»; палатѣ предоставлялся законодательный починъ; пэры лишались наслѣдственности; министры становились отвѣтственными передъ палатой.

Но въ Хартіи оставались слѣды «доктринеровъ», которыми могла воспользоваться реакція.

Борьба завязалась прежде всего въ палатѣ, гдѣ выяснились важныя партіи, не лишенныя даже мірового смысла. Само правительственное большинство распадалось на двѣ партіи: *партію устойчивости и партію движенія* (Лафайетъ, Лафитъ, Одилонъ Барро). Подлѣ этихъ конституціонныхъ партій стояло нѣсколько партій революціонныхъ, съ заговорами и уличной борьбой. Здѣсь сначала сильнѣй всѣхъ были *легитимисты* или «карлисты»—имя, напоминавшее испанскія событія. Во главѣ ихъ стояла, наряду съ Шатобріаномъ, герцогиня Беррійская, поднимавшая Вандею во имя своего ребенка, «Генриха V». Но она только опозорила партію своими романами и скрылась въ Австрію. *Бонапартисты* ослабѣли было по смерти «Наполеона II» (1832); но вскорѣ они оживились, благодаря Луи-Наполеону—племяннику «рокового человѣка», сыну его брата Луи и Гортензіи Богарнэ. Этотъ претендентъ проживалъ въ Швейцаріи и теперь сталъ проповѣдывать имперію «на демократическихъ основахъ». Онъ совершилъ два покушенія на переворотъ въ Страсбургѣ (1836) и Булони (1840). Его заточили въ Гамѣ, гдѣ онъ сносился съ такими республиканцами, какъ Луи-Бланъ, Жоржъ Зандъ, Беранжэ. Въ 1846 г. онъ бѣжалъ въ Англію. При непопулярности легитимистовъ, бонапартизмъ становился все опаснѣе, по мѣрѣ паденія обаянія іюльской монархіи. Самъ Луи-Филиппъ помогалъ ему: вообразивъ, что уваженіе къ Наполеону, какъ врагу Бурбоновъ и феодализма, подкрѣпитъ его, онъ устроилъ пышное перенесеніе его праха съ о. св. Елены въ Домъ Инвалидовъ. Партіи.

Къ этимъ же, революціоннымъ по отношенію къ іюльской монархіи, но монархическимъ партіямъ должны причислить *ультрамонтановъ*. Они становились мировою силой, подъ именемъ «католической» партіи вообще. Они получали теперь, въ глазахъ массъ, особый смыслъ, въ виду короля-вольтерьянца. Обаяніе папства входило въ моду, особенно благодаря женщинамъ, съ набожной королевой во главѣ. Руководимые іезуитами, ультрамонтаны не уступали карбонаріямъ въ революціонной ловкости, фанатизмѣ и коварствѣ. Теперь они ловко надѣвали модную маску: по всей Европѣ объявилась «*либеральная* католическая партія», которая требовала даже, заодно съ радикалами, «отдѣленія церкви отъ государства», разумѣя подъ нимъ полную «свободу» или власть клира.

Новую эру ультрамонтанства открылъ Ламеннэ «Словами Вѣрующаго» (1834). Это—голосъ монаха-демагога, который кончилъ соціализмомъ и пантеизмомъ, а отъ папы требовалъ нищенства и отреченія отъ свѣтской власти. «Слова» Ламеннэ были переведены на всѣ языки. Во Франціи возникли такіе могучіе пропагандисты ультрамонтанства, какъ богатая газета» «Вселенная», проповѣдникъ Лакордеръ, пэръ графъ Монталамберъ, профессоръ Озанамъ и др. И Францію покрыла сѣть революціонныхъ обществъ, направляемыхъ возвратившимися іезуитами. Росло число монастырей. Паписты захватили въ свои руки народное просвѣщеніе и отчасти печать. Имъ помогали Гизо и Вильменъ, въ силу «солидарности консервативныхъ интересовъ». Наконецъ, они заставили правительство опозориться защитой іезуитовъ въ Швейцаріи.

Къ революціонерамъ принадлежали еще *республиканцы*. Во главѣ ихъ стояли Кавеньякъ, Бланки, Ледрю-Ролленъ, Араго, Распайль, Ламартинъ, Леру, Гарнье-Пажесъ, Арманъ Каррель. Ихъ идеаломъ была республика 1793 года.

Подлѣ собственно «республиканцевъ», съ трехцвѣтнымъ знаменемъ и газетой «Націоналъ» Карреля, выступили *соціалисты*, съ краснымъ флагомъ. Республиканцы-политиканы казались уже отсталыми въ глазахъ соціалистовъ, состоявшихъ попреимуществу изъ рабочихъ.

Отцомъ соціализма сталъ Сенъ-Симонъ, который принялъ основой жизни промышленность, т. е. рабочій классъ, а ея лозунгомъ—«обезпечить каждому вполнѣ свободное развитіе его способностей». Онъ вѣрилъ въ точную науку, которую его ученикъ, Огюстъ Контъ, назвалъ «позитивизмомъ». С.-Симонъ проповѣдовалъ всеобщую «ассоціацію», вмѣсто соперничества, и царство мира, основанное на «организаціи промышленности». Самъ с.-симонизмъ вскорѣ заглохъ, осмѣянный за нѣкоторыя чудачества. Но соціализмъ развивался и проникалъ въ массы. Фурье пытался устроить новую жизнь за безсемейныхъ «фаланстерахъ», гдѣ прибыль раздѣлялась соразмѣрно со вложеннымъ трудомъ. Луи-Бланъ, въ своей «Организаціи Труда» (1839), предоставлялъ соціальную реформу республиканскому государству. Прудонъ, напротивъ, отрицалъ государство, низводя его почти до нуля или «анархіи», безвластія. Собственность онъ называлъ «воровствомъ». Такъ подготовлялись коммунисты, которые сгруппировались вокругъ друга Бабёфа, Буонаротти (1839). Ламеннэ проповѣдывалъ религіозный коммунизмъ; Леру прибавилъ философско-мистическій оттѣнокъ; Кабэ написалъ идиллію коммунизма—«Поѣздку въ Икарію». Коммунисты пока не вмѣшивались въ политику; но соціалисты уже создали въ палатѣ партію *демократовъ* или *радикаловъ*, которые потребовали «всеобщей голосовки» (suffrage universel), ставшей лозунгомъ рабочихъ.

„Бури" и Гизо. Немудрено, что 1830-е годы въ исторіи Франціи названы «періодомъ бурь». Луи-Филиппъ всячески изворачивался и все мѣнялъ министерства. Было даже «министерство всѣхъ талантовъ», гдѣ сидѣли рядомъ заклятые враги—Тьеръ съ Гизо. Всѣ сходились только въ желаніи подавлять волненія «репрессіями». А послѣ заговора Фіески дошли до «сентябрьскихъ законовъ» (1833), напоминавшихъ ордоннансы Карла X. Настало затишье, и періодъ бурь смѣнился эпохой «личнаго правленія», когда король остановился на Гизо (1840). Гизо—типъ доктринера и упрямаго педанта. Онъ упорно держался правила Священнаго Союза: «все для народа, ничего посредствомъ народа». Гордый своей славой профессора, историка, публициста и депутата, онъ захотѣлъ одинъ управлять Франціей, какъ столбъ мира и такой «устойчивости», которой могъ позавидовать Меттернихъ. Онъ достигъ покорнаго большинства въ палатѣ. Внѣшняя политика была самая жалкая. Король унижался передъ державами, стараясь втереться въ семьи монарховъ черезъ браки своихъ родственниковъ. Онъ устроилъ «сердечное согласіе» съ Англіей, которая обратила Францію чуть не въ рабу Лондона. Всюду слышались: «Лордъ Гизо, вице-король Англіи на материкѣ!»

Негодованіе націи росло, захватывая почти всѣ слои общества. Въ палатѣ оппозицію держали даже устойчивые, а радикалы не давали покоя Гизо требованіями реформъ; роптали даже пэры. Разгоралась анти-династическая оппозиція, и даже со стороны ультрамонтановъ, хотя Гизо допустилъ іезуитовъ во Францію и помогалъ имъ въ Швейцаріи. Между тѣмъ какъ патеры подготовляли новую реставрацію Бурбоновъ, расцвѣтала Наполеоновская «легенда». Республиканцы внѣ палаты составляли новые заговоры: открывались цѣлыя «общества цареубійцъ».

Наконецъ, всеобщее негодованіе выразилось въ *банкетахъ реформы* (1847), которые устраивались «избирательнымъ комитетомъ», гдѣ участвовали всѣ оттѣнки оппозиціи, и преимущественно депутаты. Здѣсь взывали къ «революціи общественной совѣсти и призрѣнія», какъ выразился Ламартинъ, оплакивавшій націю, которая, сверхъ того, «скучаетъ». И разразилась новая міровая революція.

Королевство Нидерланды. Іюльская революція имѣла великое значеніе не для одной Франціи: она отразилась, даже съ большею силой, почти по всему материку. Ея слѣды явственны въ цѣлыхъ семи возстаніяхъ, вспыхнувшихъ тогда за предѣлами

Франція. Самымъ яснымъ и первымъ проявленіемъ міроваго вліянія іюльской революціи были перевороты въ Бельгіи и Польшѣ.

Не было ничего естественнѣе, какъ это вліяніе на сосѣднихъ и отчасти родственныхъ французамъ бельгійцевъ. Эта нація была прямо связана съ Франціей и привыкла къ идеямъ Просвѣщенія. Она надѣялась освободиться, когда палъ Наполеонъ, а вышло хуже прежняго. Вѣнскій конгрессъ отдалъ ее Вильгельму I голландскому, какъ *королю Нидерландовъ*, котораго сдѣлали еще членомъ Германскаго Союза, надѣливъ его Люксембургомъ. То была самая нелѣпая «амальгама». Бельгія—страна католическая, Голландія—протестантская. Бельгійцы—промышленники и протекціонисты, голландцы—морскіе торговцы, финансисты и приверженцы свободной торговли. Наконецъ, бельгійцы презрительно смотрѣли на грубоватыхъ батавовъ съ высоты своей французской цивилизаціи и политическаго развитія. Ихъ не могла привлекать конституція Вильгельма I, которая была сколкомъ съ хартіи Людовика XVIII. А голландцы смотрѣли на бельгійцевъ, какъ на своихъ подданныхъ, хотя тѣхъ было всего $2^1/_2$ милліона, а этихъ—4 милл. Вильгельмъ не могъ сглаживать этихъ противорѣчій. Человѣкъ подозрительный, упрямый, алчный, онъ подражалъ французскимъ Бурбонамъ и ненавидѣлъ бельгійцевъ. Онъ ввелъ жестокую реакцію. Бельгійцы сносили ее 15 л. только потому, что распадались на партіи. Съ нею боролись только *либералы*, руководимые «бельгійскимъ Лафайетомъ», Поттеромъ. Но противъ нихъ выступили *клерикалы* или «католики». Они были сильнѣе; ихъ поддерживала парижская Конгрегація.

Фанатичный кальвинистъ, Вильгельмъ началъ преслѣдовать и клерикаловъ: онъ отнялъ у нихъ педагогію и высылалъ іезуитовъ. Тогда патеры слились съ либералами, въ видѣ Конституціонной Ассоціаціи (1827), которая взволновала всю націю. Іюльская революція тотчасъ же отразилась на этой готовой почвѣ. 25 августа 1830 года, послѣ представленія оперы «Нѣмая изъ Портичи», брюссельцы возстали. То же произошло въ другихъ городахъ Бельгіи. Впрочемъ бельгійцы требовали только соблюденія конституціи, потомъ предлагали «личную унію». Но упрямство короля довело до разрыва. Онъ послалъ въ Брюссель войска. Они наткнулись на баррикады, которыя защищало уже все населеніе, воодушевляемое «брабансоной»—марсельезой бельгійцевъ, полной ненависти къ Оранскому дому. Цѣлую недѣлю длилась битва. Голландцы отступили. Временное правительство объявило независимость Бельгіи и созвало конгрессъ, который выработалъ *конституцію 1831 года*. **Бельгійская революція.**

Оставалось найти короля—и вспыхнула послѣдняя борьба Востока съ Западомъ Европы. Восточныя державы собирались штыками тушить пожаръ. Но въ Лондонѣ возобладали канингиты, съ Пальмерстономъ во главѣ—и лондонская конференція признала за Бельгіей независимость, да еще надѣлила ее *вѣчнымъ нейтралитетомъ*. Королемъ Бельгіи былъ выбранъ, по настоянію Пальмерстона, человѣкъ, вполнѣ подходившій къ новымъ началамъ. Леопольдъ I Кобургскій (1831)—1865) заслужилъ названіе «человѣчнаго государя и государственнаго человѣка». Къ нему обращались за совѣтомъ, какъ къ Нестору политики: благотворно было его личное] вліяніе на судьбу всей Европы. При немъ Бельгія сдѣлалась однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ уголковъ Европы. Она стала первымъ промышленнымъ государствомъ на материкѣ. Въ ней развилась и торговля послѣ примиренія съ Голландіей. Просвѣщеніе дѣлало быстрые успѣхи. Оживилась литература, журналистика и искусство. Подлѣ французской культуры зародилась фламандская. Задача Леопольда была тѣмъ труднѣе, что опять загорѣлась борьба партій. Пользуясь отдѣленіемъ церкви отъ государства, клерикалы возобладали, опираясь на фламандцевъ-крестьянъ. **Бельгія и Нидерланды до 1848 г.**

Либералы едва держались, съ помощью валлоновъ-рабочихъ. Съ тѣхъ поръ въ Бельгіи партіи чередуются въ управленіи, напоминая виговъ и торіевъ.

А Нидерланды дошли почти до банкротства, благодаря упрямству Вильгельма, который держался прежней реакціи. Такимъ же оказался его сынъ Вильгельмъ II (1840—1849).

Польское возстаніе. Четыре мѣсяца спустя послѣ іюльской революціи, вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ. Оно подготовлялось давно. Наполеонъ I поддерживалъ ихъ мечты о возстановленіи Рѣчи Посполитой. Они не могли примириться съ *Конгрессовской*, какъ называли созданіе вѣнскаго конгресса—Царство Польское, хотя ихъ культурное развитіе продолжалось. Конституція 1817 г. обезпечивала за поляками гражданскую свободу и національныя учрежденія. Въ царствѣ улучшалась участь крестьянъ, развивались промыслы, торговля и средніе сословіе, поднималось народное просвѣщеніе. Оживилась литература, выдвинувшая даже своего короля, литературы Адама Мицкевича. Но поляки мечтали о старой Рѣчи Посполитой, даже съ литовско-русскими землями. Они надѣялись на «Европу», въ особенности на Францію, гдѣ воспитывалась ихъ молодежь. Въ печати и на сеймѣ начали заговаривать повышеннымъ тономъ. Польки одѣлись въ платья національныхъ цвѣтовъ. А изъ Парижа пришла вѣсть объ іюльскихъ дняхъ. 30 ноября 1830 г. вспыхнуло возстаніе и въ Варшавѣ.

Но среди поляковъ тотчасъ же пошли раздоры, вызвавшіе замѣчаніе Пальмерстона, что онъ не понимаетъ ихъ возстанія «Бѣлые» или умѣренные, съ Чарторижскимъ во главѣ, были вскорѣ оттѣснены «красными» (Высоцкій, Лелевель). Этимъ воспользовались русскіе, подавившіе возстаніе послѣ многихъ тяжелыхъ битвъ. Паскевичъ взялъ Варшаву (1831). Польскіе выходцы разсѣялись по Европѣ.

Волненія въ Италіи. Какъ дальнѣйшій отголосокъ іюльскаго переворота разразилась буря въ Италіи, гдѣ революціи 1831—1832 годовъ совершались отчасти по программѣ парижскихъ іюльскихъ дней. Почва для нихъ была подготовлена реакціей 1820-хъ годовъ, опиравшейся на австрійскіе штыки. Особенно невыносима была жизнь въ мелкихъ государствахъ и у св. отца. Папа Григорій XVI издалъ энциклику, гдѣ провозглашались его непогрѣшимость и міродержавіе, а также изрекалась анаѳема наукѣ и свободѣ совѣсти и печати. Въ этихъ-то государствахъ вспыхнула революція. Она была усмирена австрійцами и отчасти французами. Ей повредило отсутствіе связи и общаго плана у вождей. До тѣхъ поръ работали либералы или старые карбонаріи, желавшіе только введенія конституціи; теперь же выросло новое поколѣніе, одушевленное національзмомъ. Въ политикѣ новое направленіе получило названіе *Юной Италіи*. Отцомъ и душой Юной Италіи былъ неутомимый, упорный, образованный Мадзини, талантливый публицистъ и адвокатъ. Онъ пребывалъ сначала въ Марсели, потомъ въ Швейцаріи и Лондонѣ. Къ нему стала стекаться молодежь со всѣхъ странъ. Послѣдовалъ рядъ заговоровъ въ Генуѣ, Савойѣ, Романьѣ, Калабріи (1833—1844).

Наряду съ Юной Италіей дѣйствовали *реформисты* или «нео-гвельфы». То были люди болѣе умѣренные, желавшіе постепенныхъ реформъ. Они даже склонялись къ ультрамонтанству, надѣясь объединить Италію съ помощью папства. Они дѣйствовали путемъ литературы и науки. Ихъ теоретикомъ былъ Джіоберти, политикомъ—Бальбо, солдатомъ—д'Азеніо. Всѣ эти вожди были пьемонтцы. Судьба выдвигала на первый планъ Сардинію. Ея король, Карлъ-Альбертъ, хитрый дипломатъ, сказалъ тогда, что «Италія будетъ дѣйствовать сама», безъ опеки австрійцевъ. И итальянскій національзмъ загорѣлся особенно въ Ломбардо-Венеціи. Въ началѣ 1848 г. всѣ сознали, что примиреніе съ Австріей стало «великою ложью». Рядомъ съ національзмомъ, по всему полуострову поднимался либерализмъ, особенно съ 1846 г., когда папой сталъ врагъ Австріи, Пій IX.

Встревоженные неудачами пылкихъ мадзинистовъ, умы склонялись на сторону религіозныхъ реформистовъ. Добрый, образованный Пій IX казался воплощеніемъ идеала Джіоберти и Ламеннэ. Онъ далъ своимъ подданнымъ самоправленіе, обложилъ монастыри налогами, усердно развивалъ матеріальный бытъ страны. Наконецъ, въ началѣ 1848 г. въ Римѣ была объявлена конституція. Меттернихъ негодовалъ на «новую эру» у св. отца; а вся Италія признала Пія IX вождемъ Юной Италіи. Другіе потентаты Италіи начали подражать папѣ-либералу: Леопольдъ II тосканскій далъ конституцію на подобіе папской. Деспоты Пармы и Модены бѣжали. Даже Фердинандъ II «даровалъ» конституцію Неаполю и Сициліи. Подобная же конституція явилась въ Сардиніи. Карлъ-Альбертъ сдѣлалъ министромъ Бальбо, которому помогалъ журналистъ Кавуръ. Начиналась открытая вражда между нимъ и Меттернихомъ. Описанныя событія происходили въ концѣ 1847-го и въ первыя недѣли 1848 годовъ: ихъ назвали «предвѣстниками февральской революціи».

Христиносы и карлисты. Іюльская революція должна была отразиться на Пиринейскомъ полуостровѣ еще сильнѣе, чѣмъ на Аппенинскомъ. Туда потянулись группы выходцевъ, проживавшихъ во Франціи. Они подняли духъ экзальтатовъ, которыхъ стали называть еще *прогрессистами*. Борьба осложнялась честолюбіями генераловъ и кознями иностранной дипломатіи. Наконецъ, разгорѣлся споръ о престолонаслѣдіи. Фердинандъ VII былъ долго бездѣтенъ, и «инфантомъ» (наслѣдникомъ) считался его братъ, донъ-Карлосъ. Но въ 1830 г. у него родилась дочь Изабелла отъ новой жены, Маріи Христины. Когда онъ умеръ (1833), оппозиція провозгласила королевой Изабеллу II, при регентствѣ ея матери. Камарилья исчезла; была объявлена амнистія. Испуганные сервили провозгласили королемъ бывшаго инфанта, «Карла V». И загорѣлась «семилѣтняя» война (1832—1839) между *христиносами* и *карлистами*. Особенно жестоки были карлисты, силу которыхъ составляли горцы, баски, руководимые такими фанатичными монахами, какъ Кабрера. Имъ помогали легитимисты всѣхъ странъ. Но они были сломлены генераломъ Эспартерой, Карлосъ бѣжалъ.

Марія Христина и прогрессисты. Но сама либералка Марія-Христина вскорѣ оказалась властолюбивой, преданной только своему любимцу Муньосу. Она издала, съ помощью модерадовъ, Королевскій Статутъ (1834), съ высокимъ избирательнымъ цензомъ и безъ законодательнаго почина палатъ. Зашумѣли прогрессисты, одушевленные успѣхами іюльской революціи. Ихъ вліяніе было особенно сильно въ Мадридѣ: они составляли большинство въ кортесахъ. Ихъ героемъ былъ побѣдитель карлистовъ, Эспартеро. Имъ давали средства англичане. Регентша была принуждена составить министерство изъ прогрессистовъ и созвать учредительные кортесы, которые издали *конституцію 1837 года*, напоминавшую хартію 1812 г. А когда она вздумала опять повернуть на путь реакціи, ей пришлось бѣжать во Францію, и Эспартеро былъ назначенъ регентомъ. Но черезъ три года самъ Эспартеро долженъ былъ бѣжать (1843), благодаря интригамъ Маріи-Христины, которую поддержалъ Луи-Филиппъ, и генералу Нарваэцу. Регентша возвратилась въ Мадридъ. Конституція 1837 года была измѣнена. Если Марія-Христина вскорѣ возвратилась на покой во Францію, то ея духъ остался въ лицѣ ея питомицы, королевы Изабеллы II.

Волненія въ Португаліи. То же самое происходило въ Португаліи; только здѣсь господствовало вліяніе не Франціи, а Англіи и масоновъ. Королева Марія II подражала Маріи-Христинѣ, раздражая прогрессистовъ: она даже закрыла кортесы и выдвинула толпу. Наконецъ, противъ нея поднялось общее возстаніе въ Опорто (1847). Оно было усмирено англичанами; но Пальмерстонъ заставилъ Марію пообѣщать подданнымъ возстановленіе кортесовъ.

Борьба въ Швейцаріи. Іюльская революція не могла миновать и Швейцарію. Вѣнскій конгрессъ совершилъ ошибку и здѣсь, возстановляя полную независимость кантоновъ,

съ ихъ допотопными порядками. «Кантонализмъ», напоминавшій Германскій Союзъ, разрушалъ зачатки «уніонизма» или централизаціи власти. Между кантонами кипѣла старая вражда. До 1830 г. вездѣ господствовала реакція, поддерживаемая Священнымъ Союзомъ и религіозною романтикой: вездѣ появлялись даже іезуиты, вопреки закону. Между тѣмъ страна развивалась. Возникла педагогія (Песталоцци, университеты въ Цюрихѣ и Бернѣ); выдвинулись ученые и художники (Пиктэ, Де-Кандоль, Агассизъ, Блюнчли, Каламъ); расцвѣтала журналистика. Росло и матеріальное богатство. Съ 1829 г. началось «Возрожденіе». Образовалась партія, члены которой вскорѣ получили названіе *радикаловъ*. Ей-то помогла іюльская революція.

Въ Бернѣ образовалась *Южная Европа* (1834)—союзъ всесвѣтныхъ революціонеровъ. Въ 11-ти кантонахъ конституціи были измѣнены на основахъ равноправности гражданъ, всеобщей голосовки, свободы совѣсти. Здѣсь отбирались въ казну церковныя имущества, изгонялись іезуиты. Старина также напрягла всѣ свои силы: крестьяне избили цюрихцевъ за приглашеніе на каѳедру Штрауса, автора «Жизни Іисуса» (1839). Наконецъ, консерваторы образовали *Зондербундъ* или Особый Союзъ семи кантоновъ (1843). Это вызвало революцію въ Женевѣ, подъ руководствомъ демократа Фази, что дало радикаламъ большинство на союзномъ сеймѣ. Началось открытое междоусобіе, затронувшее всю Европу: всѣ державы помогали Зондербунду, кромѣ одной Англіи. Войска реакціонеровъ были разбиты. Союзъ получилъ дѣйствующую и теперь *конституцію 1848 года*, создавшую крѣпкое государство на подобіе Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Крушеніе романтики. Іюльская революція сильно повліяла и на либерализмъ Германіи. Она отодвинула «тевтонство» или національзмъ на задній планъ, выдвинувъ *либерализмъ*. Эту перемѣну въ стремленіяхъ оппозиціи поддерживало и новое направленіе умовъ; началось крушеніе романтики, подъ ударами новаго реализма. Корни послѣдняго лежали въ первой. Именно романтизмъ породилъ нѣмецкую филологію и отчасти исторію. Гриммы создали «Нѣмецкую Грамматику» (1819), Перцъ началъ изданіе источниковъ отечественной исторіи (1823). А это повело къ созданію классической и романской филологіи (Крейцеръ, Бекъ, Дитцъ). Явился великій критикъ въ исторіи, Нибуръ, подготовлявшій «Всемірную Исторію» Шлоссера (1817). И Савиньи, и даже Гегель подготовляли эволюціонизмъ естествознанія. А у естественниковъ, на которыхъ правительство не обращало вниманія, начиналось научное воспитаніе человѣчества: они впервые прилагали индукцію Сократа и Бекона.

Такъ уже эпоха реставраціи полагала вѣчныя основы науки—критику, историчность, анализъ, опытъ и сравненіе. Эта подготовка привела къ царству науки въ Германіи. Исторія дошла до документальныхъ работъ Ранке и его учениковъ и до такого протеста противъ романтики въ пользу Просвѣщенія, какъ «XVIII-й вѣкъ» Шлоссера (1836). Ея реальный методъ процвѣталъ въ юриспруденціи («Римское право» Савиньи), въ политической экономіи (Листъ), даже въ богословіи (тюбингенская школа). Филологія стала лингвистикой, благодаря Боппу; географія стала землевѣдѣніемъ подъ перомъ Риттера и А. Гумбольта. Наконецъ, наука подорвала царство метафизики Гегеля. Молодежь начала навыворотъ объяснять своего учителя. «Юные гегельянцы» или «лѣвая» сторона школы примыкали къ радикаламъ и демократамъ въ требованіи коренныхъ реформъ. «Крайняя лѣвая», къ которой принадлежалъ Карлъ Марксъ, слилась съ волнами февральской революціи. Въ искусствѣ падали сентиментализмъ Шумана и Мендельсона и символизмъ Корнеліуса и Каульбаха.

Новое поколѣніе нѣмцевъ не могло быть романтикомъ и въ политикѣ. Въ ихъ глазахъ даже національзмъ становился романтической мечтой. Они

не довольствовались и умѣреннымъ либерализмомъ: бралъ верхъ демократическій *радикализмъ*.

Реакція у нѣмцевъ.

Эти крайности помогли Меттерниху. Къ нему склонились сами южные фюрсты, смѣшавъ радикализмъ съ либерализмомъ. И его «система» увѣнчалась такою реакціей, что Николай I выступилъ на защиту родственныхъ ему фюрстовъ, которымъ угрожала медіализація со стороны Роберта и Гогенцоллерна.

Націонализмъ въ Германіи.

Возобновилась реакція, во главѣ которой шла Пруссія, поддерживаемая Россіей. Но реакція только усиливала либерализмъ, толкая его даже на путь радикаловъ. Она разжигала и націонализмъ. Опять поднимался крикъ о превращеніи негоднаго «союза государствъ» (Staatenbund) въ «союзное государство» (Bundesstaat). Мѣстами это чувство ударялось въ крайности; тогда возникъ, въ пику французамъ, національный гимнъ—«Стража на Рейнѣ». Тогда же зародился шлезвигъ-голштинскій вопросъ. Подъ вліяніемъ іюльской революціи, эти «Эльбскія герцогства», гдѣ жило много нѣмцевъ, хотѣли отложиться отъ Даніи и просили Германію о помощи. Но опять нѣмцы не знали, гдѣ имъ найти себѣ центръ. Они пуще прежняго презирали Гогенцоллерна, который окончательно превратился въ орудіе Меттерниха. А между тѣмъ нельзя было обойти Пруссію, которая понимала свое положеніе въ фатерландѣ и пользовалась имъ, сама поднимая голосъ за реформу Германскаго Союза.

На помощь Гогенцоллерну выступила великая сила экономики. Матеріальное развитіе Германіи не могло мириться съ внутренними таможнями и монетной путаницей. Листъ твердилъ объ экономическомъ объединеніи фатерланда и создалъ общій «торговый союзъ». И Пруссія устроила *Таможенный Союзъ* (1828—1841), дѣла котораго вели образцово. А онъ подготовлялъ и политическое объединеніе Германіи подъ главенствомъ Пруссіи.

Борьба въ Пруссіи.

Такая услуга націонализму сдерживала пруссаковъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III. Пруссаки прощали реакцію своему старому королю уже въ силу воспоминаній объ его страданіяхъ при борьбѣ съ Наполеономъ. Наконецъ, оппозиція сочувствовала ему за борьбу съ церковью, хотя онъ самъ вызвалъ ее своею деспотической уніей. «Православное» лютеранство вовсе не хотѣло сливаться съ реформатствомъ. Оно само мечтало о «свободѣ», подражая ультрамонтанамъ. Король началъ преслѣдовать пасторовъ, какъ демагоговъ. Впрочемъ онъ шелъ заодно съ ними въ гоненіи на новую теологію тюбингенцевъ, Штрауса и Фейербаха, примыкавшую къ «юнымъ гегельянцамъ». Наконецъ, королю пришлось бороться и съ ультрамонтанствомъ. Оно поднимало голову и въ Германіи, гордясь такимъ папой, какъ Григорій XVI (1831—1846), который вообразилъ себя Гильденбрандомъ. Фридрихъ-Вильгельмъ III не побоялся заточить въ крѣпость строптивыхъ владыкъ Кельна и Познани. Но это подняло цѣлую бурю и въ народѣ, и даже среди либераловъ.

Вотъ какое тяжелое наслѣдство принялъ (1840) отъ своего отца *Фридрихъ-Вильгельмъ IV*, безвольный, чудаковатый артистъ въ душѣ, котораго называли «романтикомъ на тронѣ». Онъ старался воскресить средневѣковое государство, но съ «бронзовою скалой» Гогенцоллерновъ. Тяжба съ ультрамонтанствомъ разрѣшилась новою Каноссой: папѣ уступили даже право поставленія епископовъ. Въ Берлинъ призвали Шеллинга, чтобы искоренить «гегелевщину» которая уже стала опаснымъ ученіемъ. Настало царство «политической» поэзіи. Наука сливалась съ публицистикой. Всѣ требовали исполнить «обѣщаніе 1815 года». Наконецъ, романтикъ даровалъ *патентъ 1847 г.* вводившій «сословный» ландтагъ съ «совѣщательнымъ голосомъ».

Волненія въ Австріи.

Конечно, полный расцвѣтъ «системы» Меттерниха представляла Австрія. Здѣсь было настоящее банкротство, и умственное, и матеріальное. Самъ оглохшій и опустившійся Меттернихъ чувствовалъ себя плохо. Со смерти Франца I

(1835), при его больномъ сынѣ Фердинандѣ I, онъ уже ничего не дѣлалъ; «система» падала сама собой, отъ дряхлости. Начался ропотъ даже среди правящихъ нѣмцевъ. А у мадьяръ и славянъ либерализмъ разжигался еще національнымъ.

У *мадьяръ* уже образовалась сильная оппозиція, распадавшаяся на двѣ партіи. Во главѣ «магнатовъ-патріотовъ» стояли графъ Сеченьи и Деакъ, а у демократовъ»—адвокатъ Кошутъ, отецъ политической журналистики въ Венгріи. Расцвѣтала мадьярская литература (Кишфалуды, Петефи, Этвешъ) и наука (историкъ Горватъ), мѣстами вспыхивала мелкая жакрія отъ гнета крѣпостничества. Меттернихъ удваивалъ реакцію. Но это вызвало лишь побѣду демократовъ надъ магнатами, требовавшихъ возстановленія «короны св. Стефана», т. е. и подчиненія южныхъ славянъ. Послѣдніе подымались уже противъ Венгріи: хорватскій журналистъ Гай пытался создать «иллирійскую» націю. И зарождался «панславизмъ», отвѣтомъ которому было «словянофильство» въ Москвѣ: ему помогали труды Шафарика, Коллара, Вука Караджича. Онъ замѣтенъ даже въ чешскомъ движеніи. Чехи тогда начинали изучать свою старину и создавать новую литературу: у нихъ прославились историкъ Палацкій, поэты Ганка, Челяковскій и др. Возникъ національный музей. «Чешская Матица»» издавала народныя книги. Возникли своя музыка и журналистика. Только поляки не довѣряли панславизму; въ Галиціи они даже, какъ помѣщики, выступали противъ своихъ крѣпостныхъ «русиновъ» (малороссовъ). Въ Краковѣ даже поднялось возстаніе; но оно было подавлено восточными державами, которымъ помогали крестьяне, учинившіе родъ жакріи. Городъ былъ присоединенъ къ Австріи (1846).

Восточный вопросъ. Іюльская революція затронула даже сосѣда Австріи—Балканскій полуостровъ. Въ Турціи попытки реформъ продолжались до самой смерти Махмуда II (1839). Но онѣ разбивались о косность «старотурокъ» и муллъ. Махмуду мѣшали и тревоги иностранной политики. То была эпоха разгара *восточнаго вопроса*—терминъ, несовсѣмъ удачно изобрѣтенный французами. До тѣхъ поръ подъ нимъ можно было разумѣть турецкій и вообще исламскій вопросъ: вся христіанская Европа думала объ изгнаніи османліевъ. Но Порта начала клониться къ упадку лишь съ конца XVIII-го вѣка. Тогда-то исламскій вопросъ съузился до «восточнаго», т. е. до заботъ державъ о томъ, что дѣлать съ востокомъ Европы. Дѣло въ томъ, что главною виновницей паденія Порты была окрѣпшая Россія. Но Англія, по своимъ интересамъ въ Индіи и Египтѣ, также восточная держава. Вопросъ о Турціи сдѣлался яблокомъ раздора между Лондономъ и Петербургомъ, которые и принципіально стали вождями Востока и Запада Европы, когда ослабѣлъ Меттернихъ. Роль «кучера Европы» переходила къ русскому царю: въ международной сферѣ тридцатые и сороковые годы называются *эпохой Николая I*. Но императору Николаю приходилось вѣчно бороться съ Пальмерстономъ.

Николай I и Пальмерстонъ. Началась безконечная тяжба между великанами востока и запада Европы. Англичане расширяли свою «сферу вліянія» отъ Египта до Персидскаго залива и поддерживали кавказскихъ горцевъ. Русскіе же тѣснили Шамиля и присоединили къ себѣ киргизовъ. Они распоряжались въ Персіи и проникали въ Гератъ и Афганистанъ. Но главнымъ поприщемъ борьбы колоссовъ былъ Босфоръ. Здѣсь сначала возобладалъ Николай I. Онъ спасъ Махмуда отъ возставшаго Мехмета-Али; египетскаго и за это получилъ почти протекторатъ надъ Портой, по договору въ Ункьяръ-Скелесси (1833). Но затѣмъ, при сынѣ Махмуда, Абдулъ-Меджидѣ, (1839—1861), Пальмерстонъ взялъ свое. Онъ унизилъ Францію, помогавшую Мехмету Али; становилось ясно, что скоро Египетъ станетъ вассаломъ Англіи. А главное, Пальмерстонъ вырвалъ протекторатъ надъ Турціей у Россіи и передалъ его Европѣ, а противъ Николая

подстроилъ конвенцію о проливахъ, которая изгоняла русскихъ изъ Мраморнаго м. Наконецъ, Пальмерстонъ началъ подготовлять крымскую войну, устроивъ «сердечное согласіе» съ Франціей.

Эти успѣхи Пальмерстона тѣмъ поразительнѣе, что его задача осложнялась противорѣчіемъ. Въ восточномъ вопросѣ Россія оказывалась представительницей либерализма: она отстаивала свободу райи. Англіи же приходилось поддерживать исламскаго деспота. Вотъ почему Пальмерстонъ взялся реформировать Турцію по западному образцу, ссылаясь на примѣръ Египта. При Абдулъ-Меджидѣ главой Порты сталъ образованный западникъ Решидъ. Онъ составилъ *гатти-шерифъ* 1839 года, походившій на конституціонную хартію. Здѣсь признавалась равноправность «всѣхъ націй и религій». Султанъ дѣлился властью съ совѣтомъ министровъ, съ земствами и гласными судами. Отмѣнялись внутреннія таможни; и явился «оттоманскій» банкъ изъ европейцевъ. Армія устраивалась по европейски.

Но главная реформа на Балканскомъ полуостровѣ состояла въ развитіи христіанскихъ народностей. Въ *Греціи* западныя державы заставили Оттона дать конституцію 1844 г. Въ *Сербіи* Миланъ освобождалъ крестьянъ и вводилъ Наполеоновъ кодексъ. Подъ вліяніемъ англичанъ, онъ далъ даже «уставъ» 1838 г., ограничивавшій власть князя. Но затѣмъ онъ, какъ и его сынъ, Михаилъ, началъ возвращаться къ деспотизму. Сербы выгнали Обреновичей и призвали Александра Карагеоргіевича (1842—1858), сына Георгія Чернаго. Этотъ переворотъ произошелъ съ помощью Австріи. Въ *Дунайскихъ княжествахъ* сначала господствовали русскіе, давшіе имъ «уставъ» 1831 г., который вручилъ власть боярству. Но противъ этого «протектората» поднялась оппозиція, подъ вліяніемъ французовъ и отчасти англичанъ. Развивались національныя литература и школа. Начиналось національное пробужденіе и среди *болгаръ*. Во главѣ его шли учителя и духовенство, охраняемые отъ турокъ русскими. Появились первая болгарская школа и газета. Начинались, съ 1841 года, и волненія противъ Порты. **Развитіе райи.**

Исторія скандинавовъ преобразилась въ XIX-мъ в. Они бросили и свои міровыя затѣи, и желаніе поглотить другъ друга подъ видомъ «скандинавизма». Ихъ мирное развитіе нарушали только шлезвигскій вопросъ да вражда между Швеціей и Норвегіей, которыя были искусственно связаны вѣнскимъ конгрессомъ. Въ Швеціи преемникъ Густава IV, Карлъ XIII, далъ конституцію 1809 года, которая, въ главномъ, сохраняется до сихъ поръ. Но въ Норвегіи дѣйствуетъ конституція 1814 г., данная еще датчанами. Карлъ XIV шведскій долженъ былъ признать лишь личную унію между двумя странами, которая касается только иностранныхъ дѣлъ. При этомъ бывшемъ маршалѣ Бернадотѣ страна развивалась и матеріально, и духовно. Появились свои писатели и ученые. Быстро росла журналистика. Въ Норвегіи это привело къ національной оппозиціи, которая уже поднимала волненія. Но при сынѣ Карла XIV, Оскарѣ I (1844—1859), норвежцы успокоились: онъ призналъ ихъ національный флагъ и отказался отъ назначенія вице-короля. Оскаръ пріобрѣлъ и любовь шведовъ своими реформами. **Реформы въ Скандинавіи.**

Іюльская революція отразилась даже въ такой свободной странѣ, какъ Англія. И здѣсь развивался демократизмъ. Послѣ освобожденія католиковъ стало ясно, что было необходимо перейти отъ переходной партіи каннингитовъ къ настоящему вигизму. Наставала эпоха безпрерывныхъ преобразованій, которая тянется до нашихъ дней. Съ тѣхъ поръ виги лѣтъ 20 управляли страной, съ перерывами всего въ 6 лѣтъ. Они взялись прежде всего за парламентскую реформу. Это дѣло провелъ либералъ Грей, который взялъ въ министерство такихъ даровитыхъ и энергичныхъ людей, какъ Россель, Пальмерстонъ и Брумъ. Россель спеціально занялся «биллемъ» по преимуществу, **Современная Англія.**

т. е. *парламентской реформой*. Онъ встрѣтилъ жестокую оппозицію, съ Пилемъ во главѣ, которая впервые прибѣгнула къ обструкціи или къ системѣ препонъ, т. е. разныхъ препятствій. Побѣда «билля» (1832) была началомъ *современной Англіи*: палата общинъ стала истинно выборнымъ, представительнымъ учрежденіемъ.

Викторія. Консерваторы и либералы. Парламентаризмъ утвердился при племянницѣ Вильгельма IV, *Викторіи*, воцарившейся въ 1837 г. Она была хорошо воспитана своей матерью, умною и доброй сестрой Леопольда бельгійскаго. Ей помогалъ серьезный, трудолюбивый мужъ, Альбертъ Кобургскій. Викторія сразу повела себя такъ, что ретрограды вознегодовали на «королеву виговъ»: было даже два покушенія на ея жизнь. У общинъ блеснула цѣлая плеяда государственныхъ мужей, имена которыхъ шумѣли на весь міръ цѣлые полвѣка. Тутъ было всего три торія, и именно два каннингита (Дизраэли и Гладстонъ) и самъ Пиль. Да и ихъ вліяніе уравновѣшивалось такими представителями вигизма, какъ О'Коннель, Брумъ, Брайтъ, Гротъ и Бульверъ. Съ 1835 г. торіи и виги недаромъ стали именоваться *консерваторами* и *либералами*.

Культурный подъемъ. Знаменитую плеяду политиковъ поддерживало глубокое культурное движеніе, охватившее Англію. Англичане недаромъ называютъ царствованіе Викторіи «вѣкомъ Августа». Уже въ 15 лѣтъ, до февральской революціи (1832—1874), ими было много сдѣлано для цивилизаціи всего міра. Въ литературѣ выдвинулся реальный романъ; имена Диккенса, Бульвера, Теккерея и Дизраэли стали извѣстны всюду. Маколей и Карлейль ослѣпляли міръ своими яркими талантами. Въ политической экономіи взросли сѣмена своеобразнаго Рикардо въ видѣ «фритредерства» или ученія о свободной торговлѣ. Естествознаніе блистало именами физика Фарадея, анатома Оуэна, геологовъ Ляйеля и Мурчисона, астронома Адамса. Новыя изобрѣтенія, съ пароходомъ и телеграфомъ во главѣ, производили чудеса. Возникли (1834) Воспитательный Совѣтъ (родъ министерства просвѣщенія), лондонскій и дублинскій университеты. Съ печати было снято такое бремя, какъ пошлина на бумагу и гербовый сборъ съ газетъ.

Горячка реформъ. Обществомъ овладѣла «горячка реформъ». Въ муниципалитетахъ олигархія уступила мѣсто выборнымъ «общиннымъ совѣтамъ» (городскимъ думамъ), которые ставили «альдерменовъ» и «мэровъ» (городской голова и управа), а также «полисменовъ» и санитаровъ на жалованьи. Благотворительность также была подчинена особому бюро при министерствѣ, которое устраивало «рабочіе дома» вмѣсто той древней раздачи пособій изъ «подати на бѣдныхъ», которая доходила до вопіющихъ злоупотребленій. Улучшались тюрьмы, смягчались уголовные законы. Явилась «грошовая почта» съ марками (1840), которая вскорѣ была принята міромъ. Былъ установленъ рабочій день и воспрещены ночныя работы, а трудъ дѣтей и женщинъ облегченъ. Явилась фабричная инспекція.

Были отмѣнены хлѣбные законы (1846). Это была побѣда индустріализма, торжество фритредерства. Подъ ея вліяніемъ, благосостояніе массъ возростало. Финансы приняли новое направленіе: отмѣнялись разныя пошлины, монополіи и синекуры.

Великій агитаторъ Ирландіи. Тогда же вновь разгорѣлся ирландскій вопросъ. «Великій агитаторъ О'Коннель ввелъ его въ англійскій парламентъ, гдѣ его «хвостъ» (40 ирландцевъ) уже давалъ перевѣсъ при голосовкахъ. А на родномъ островѣ онъ сталъ «невѣнчаннымъ королемъ»: отъ одного его слова зависѣло всякое движеніе «репилеровъ» или «націоналистовъ», требовавшихъ расторженія уніи съ Англіей. Положеніе же Ирландіи было невыносимо попрежнему: ни эмансипація, ни реформа не коснулись источника зла—варварскаго соціальнаго строя страны. Протестанты, которые уже составляли лишь $^1/_6$ часть насе-

ленія, все еще владѣли землей; и кельты-католики содержали ихъ пасторовъ десятиной, которая жестоко собиралась натурой. Голодъ 1845 г. довершилъ бѣдствія ирландцевъ. Не добившись ничего отъ парламента, О'Коннель устроилъ «Законное Національное Общество Репиля». Въ Ирландіи возникло множество листковъ и «чудовищныхъ митинговъ». Готовился и митингъ революціи; но агитаторъ былъ брошенъ въ тюрьму (1844). А на его родинѣ возстала Юная Ирландія противъ его легальнаго пути. Она взялась за террористическія мѣры, наканунѣ февральской революціи. Ее поддерживала свободная Ирландія въ Америкѣ, образовавшаяся изъ выходцевъ того времени.

Эпоха Пальмерстона.

Такъ Англія переживала цѣлый рядъ глубокихъ внутреннихъ волненій. Но тридцатые и сороковые годы были еще бурной эпохой въ ея иностранной политикѣ. То была *эпоха Пальмерстона*, который съ тѣхъ поръ привлекалъ къ себѣ вниманіе всего міра до самой своей смерти (1865). «Пальми»— одинъ изъ самыхъ національныхъ и популярныхъ людей въ Англіи. Не было границъ его смѣлости, честолюбію и гордости такъ же, какъ и его упорству и трудолюбію. Юркій практикъ, онъ не признавалъ чувства. Пальмерстонъ успокоился только на креслѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь онъ просидѣлъ болѣе 20 л. (1830—1851), а съ 1854 г., въ 70 лѣтъ, сталъ премьеромъ до самой смерти (1865). Пальмерстонъ считалъ англійскую конституцію идеаломъ и былъ воплощеніемъ надменнаго патріотизма британца: его называли «римскимъ гражданиномъ» за одну изъ его гордыхъ рѣчей. Онъ не давалъ покоя ни своей королевѣ, ни Европѣ, всѣхъ раздражалъ и дурачилъ. Но зато это былъ виртуозъ и глубокій знатокъ въ иностранной политикѣ: у него было рѣдкое чутье общественнаго мнѣнія, потребностей минуты; его называли удачникомъ. Своей энергіей онъ достигъ того, что въ дипломатіи 1830—1850-е годы названы «эпохой Николая I и *Пальмерстона*», а 1850—1865 годы прямо именуются «эпохой Пальмерстона». Какъ только восточныя державы подкрѣпились тайнымъ берлинскимъ договоромъ, Пальмерстонъ тотчасъ устроилъ *союзъ четырехъ державъ* (1834)—Англіи, Франціи, Испаніи и Португаліи. Затѣмъ онъ создалъ *сердечное согласіе* съ Люи-Филиппомъ (1843). Этому-то были обязаны своимъ существованіемъ и Бельгія, и либералы Италіи и Испаніи. А когда согласіе нарушилось отъ вѣроломства Орлеана, Пальмерстонъ вступилъ въ тайный союзъ со всѣми партіями движенія на материкѣ. Нессельроде послалъ дерзкую ноту «покровителю всякой революціи». Пальмерстонъ отвѣчалъ ловкимъ поднятіемъ восточнаго вопроса. Имѣя въ виду Крымскую войну, онъ призналъ Наполеона III, вопреки волѣ королевы, министровъ, самого парламента.

Колоніальныя реформы.

Восточный вопросъ увлекалъ Пальмерстона еще потому, что онъ велъ къ Азіи, этому перлу *колоніальнаго вопроса*. Колоніи, куда шло уже сильное переселеніе изъ Великобританіи, не могли переносить роли дойныхъ коровъ и ссыльныхъ мѣстъ метрополіи: онѣ требовали «автономіи» и отмѣны рабства, которое еще процвѣтало, когда въ Англіи завелись даже общества покровительства животныхъ. Съ рабства и начали реформаторы. Благодаря филантропу Уильберфорсу, въ Англіи, по примѣру Америки, быстро развился *аболиціонизмъ* или проповѣдь объ «освобожденіи» рабовъ. Онъ уже въ 1807 г. добился отмѣны негроторговли. А въ 1833 г., когда министромъ сталъ филантропъ Дерби, было уничтожено и рабство въ англійскихъ колоніяхъ. Послѣ этого уже не было причинъ отказывать колонистамъ и въ автономіи: послѣ разныхъ мелкихъ льготъ, имъ дали, наконецъ, собственные парламенты. Было сдѣлано одно только исключеніе, за которое потомъ жестоко поплатилась метрополія. Англичане продолжали притѣснять своихъ колонистовъ въ Капской Землѣ, такъ какъ это были не британцы, а *буры*— голландскіе «крестьяне-кальвинисты, съ примѣсью французскихъ гугенотовъ.

Буры (10.000) ушли въ Наталь, гдѣ устроились независимо. Но англичане не признали этой республики и присоединили Наталь къ Капу (1845).

Британская имперія и Китай.

Тогда же расширились предѣлы *Британской имперіи*, какъ стали называть колоніальное могущество Великобританіи. Въ 1830-хъ годахъ англичане создали Южную *Австралію* и утвердились на Новой Зеландіи. Изъ своей Индіи они бросились на Бирманію и отрѣзали ее отъ моря, причемъ захватили важный для торговли *Сингапуръ*. То же произошло тогда съ арабскимъ *Аденомъ*, а позже—съ о. *Перимомъ*, этими ключами къ Красному м. Недоставало только такого золотого дна, какъ *Египетъ*: но и тамъ англійская интрига уже устраняла вліяніе Франціи. А пока англичане окончательно утвердились въ *Остъ-Индіи*. Не довольствуясь Деканомъ, захваченнымъ еще въ 1818 г., они отняли Синдъ (ю. Индъ) у пенджабцевъ (1849) и Лагоръ съ Кашмиромъ—у сейковъ. Въ то же время и въ Остъ-Индіи пошли реформы при просвѣщенномъ генералъ-губернаторѣ, Бентинкѣ, которому помогалъ историкъ Маколей. Возникла туземная журналистика. Индусы получили доступъ къ болѣе высокимъ должностямъ. Понизили ввозныя пошлины, а на вредный опіумъ наложили большой налогъ. Были отмѣнены древніе жестокіе обычаи. Наконецъ, было рѣшено покончить съ Индійской Компаніей, подчинивъ ее пока генералъ-губернатору въ Калькуттѣ.

Дальній Востокъ.

Послѣдняя реформа произвела переворотъ въ торговлѣ англичанъ съ Китаемъ, къ которому они и придвигались черезъ Бирманію. Зарождался великій вопросъ *дальняго Востока*: въ историческую жизнь вступала колоссальная желтая порода. Тогда Китай дрожалъ уже отъ внутреннихъ волненій: тайныя общества, съ «Тройками» во главѣ, старались низвергнуть чуждую, манджурскую династію Цинговъ. А тутъ появилось вліяніе «иностранныхъ дьяволовъ». До тѣхъ поръ они могли торговать только въ Кантонѣ; и этимъ пользовалась лишь Остъ-Индская Компанія. Но 1834 г. послѣдняя была лишена монополіи—и британскіе купцы устремились въ Китай со своимъ опіумомъ. Богдыханъ запретилъ эту отраву. Пальмерстонъ отвѣчалъ *войной за опіумъ*. Китайцы были быстро разгромлены, несмотря на свое мужество и патріотизмъ. По нанкинскому договору (1842), они уступили Англіи Гонконгъ—отличную гавань близъ Кантона. Вскорѣ этотъ островокъ сталъ средоточіемъ міровой торговли, а также складомъ опіума. Для будущности человѣчества важнѣе всего было то, что нанкинскій договоръ открывалъ европейцамъ пять портовъ—Кантонъ, Шанхай и др. Послѣ московскаго посольства при Алексѣѣ Михайловичѣ, то былъ первый шагъ въ исторіи дипломатическихъ сношеній между Китаемъ и остальнымъ міромъ. Небесная имперія вошла «въ сферу европейскаго вліянія».

ЛЕКЦІЯ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

VIII. Февральская революція и націонализмъ. 1848—1870.

Февральская революція.

Въ Парижѣ 22-го февраля 1848 г. несмотря на запрещеніе, толпы потянулись по бульварамъ съ криками: «Да здравствуетъ реформа, долой Гизо!» 23-го того же потребовали палата и національная гвардія. И «лордъ Гизо» принужденъ былъ удалиться. 24-го толпа овладѣла Ратушей, съ криками: «да здравствуетъ республика!» Трехцвѣтное знамя вездѣ замѣнялось краснымъ. Луи-Филиппъ долго колебался, наконецъ, по внушенію Тьера, написалъ отреченіе въ пользу своего внука, графа Парижскаго. Но было уже поздно. Король едва вырвался изъ дворца подземнымъ ходомъ, переодѣтый.

Ему удалось достигнуть береговъ гостепріимной Британіи. Тамъ онъ и умеръ въ 1850 г.

Въ палатѣ, подъ вліяніемъ ворвавшейся толпы, подѣйствовавшей на популярнаго поэта Ламартина, было провозглашено временное правительство. Оно составилось частью изъ лѣвой (Ламартинъ, астрономъ Араго, Ледрю-Ролленъ, Кремье, Гарнье-Пажесъ), частью изъ друзей соціалистической «Реформы» (Люи-Бланъ, Альберъ и др.). Это правительство тотчасъ же провозгласило вторую *республику*, и всѣ спѣшили признать ее.

Временное правительство. Положеніе временного правительства было тяжко среди голодающихъ массъ и толпы выходцевъ, нахлынувшихъ отовсюду. Въ немъ произошелъ расколъ. Его радикальные члены, съ Люи-Бланомъ во главѣ, образовали партію республики «демократической и соціальной». Умѣренная же партія парламентскіе республиканцы, желали только политическаго переворота. На ихъ сторонѣ была главная правительственная сила — Ламартинъ. Онъ отстоялъ трехцвѣтку противъ краснаго знамени и возвѣстилъ Европѣ о миролюбіи новой республики. И державы, по примѣру Пальмерстона, вступили въ сношенія съ новымъ правительствомъ. Но среди рабочихъ распространялся соціализмъ. Образовалось много клубовъ пролетаріата, во главѣ которыхъ стояло общество «Правъ человѣка», руководимое заговорщикомъ Бланки. И Люи-Бланъ сталъ проводить указы въ духѣ своей «Организаціи Труда». Работа была сокращена, впрочемъ всего на 1 часъ. Были устроены національныя мастерскія безработныхъ. Но не былъ исполненъ замыселъ Люи-Блана создать промышленныя заведенія, съ помощью государства: просто дали рабочимъ по 8 фр. въ недѣлю и заставили ихъ копать землю да перевозить ее взадъ да впередъ. Затѣмъ правительство разослало по странѣ своихъ комиссаровъ для направленія выборовъ въ національное собраніе, производившихся всеобщею голосовкой. Громадное большинство депутатовъ оказалось за правительство. Оно выбрало въ исполнительную комиссію» враговъ Люи-Блана—Ламартина, Араго, Ледрю-Роллена, Гарнье-Пажеса.

Учредительница. Національное собраніе назвало себя, по примѣру 1789 года, Учредительницей. Но ему пришлось заняться не уложеніемъ, а новою революціей. Пролетаріи ворвались въ палату, предводимые Бланки, Распайлемъ и Барбесомъ. Но «мобили» (подвижная гвардія правительства) разсѣяли ихъ. Главари мятежа были арестованы; Люи-Бланъ бѣжалъ изъ Франціи. Мастерскія были закрыты. Отвѣтомъ на рѣшительныя мѣры правительства была трехдневная битва (24—26 іюня). Учредительница объявила осадное положеніе и вручила диктатуру Кавеньяку, какъ военному министру. Никогда еще Парижъ не видалъ такого страшнаго побоища. А послѣ побѣды правительство сослало въ колонію до 10.000 плѣнныхъ.

Въ палатѣ преобладали парламентскіе республиканцы, называвшіе себя демократами. Конституція 1848 года, похожая на уложеніе Соединенныхъ Штатовъ Америки, была ихъ выраженіемъ. Здѣсь законодательство принадлежало единому собранію, избираемому всеобщей голосовкой, а исполнительная власть — отвѣтственному президенту, избираемому на 4 года такимъ же способомъ.

Всеобщая голосовка для президента была проведена Ламартиномъ, который надѣялся, что народъ изберетъ его самого. Но онъ ошибся. Въ Парижѣ вдругъ появился Люи-Наполеонъ. Его тотчасъ же выпроводили. Но за нимъ остался кружокъ искусныхъ интригановъ, руководимыхъ Персиньи. Самъ онъ осаждалъ собраніе посланіями. «Племяннику» помогало самое его ничтожество, по сравненію съ великимъ дядей. Легитимисты и орлеанисты надѣялись сдѣлать его своимъ орудіемъ. Въ палатѣ подсмѣивались надъ авантюристомъ. Оттого-то она, наконецъ, дозволила ему возвратиться въ отечество. А здѣсь

друзья пустили въ ходъ все — толпу, печать музыку, живопись, — и Люи-Наполеонъ былъ избранъ въ депутаты.

Навстрѣчу счастливцу шло естественное развитіе монархическаго чувства. Франціей овладѣвалъ страхъ предъ горстью парижскихъ «коммунистовъ», подражавшихъ Конвенту. Она презирала вообще республику, которая опозорилась мастерскими и неудачными колоніями въ Алжирѣ. Въ палатѣ выдвигались «реакціонеры», у которыхъ образовался важный клубъ, гдѣ заправляли дѣлами главари ультрамонтанства и монархизма—Монталамберъ и Тьеръ. Въ концѣ 1848 года Люи-Наполеонъ былъ выбранъ въ президенты республики $5^1/_2$ милліонами голосовъ.

Президенство Люи-Наполеона. Люи-Наполеонъ оказался воплощенной таинственностью: онъ все молчалъ, словно погруженный въ мечты. Это и былъ мечтатель. Онъ былъ наклоненъ къ суевѣрію, питалъ пристрастіе къ фантастичному, любилъ поражать неожиданностями. Его конькомъ былъ національзмъ, коренившійся въ духѣ времени; но тутъ-то онъ и выказалъ отсутствіе здраваго смысла. Подчиняясь совѣтникамъ, которые обманывали его, Люи-Наполеонъ считалъ друзьями своихъ злѣйшихъ враговъ — Бисмарка и Кавура. А между тѣмъ онъ воображалъ себя Макіавелемъ. Онъ до того скрытничалъ и мѣнялъ свои рѣшенія, что, наконецъ, никто не сталъ полагаться на этого «мастера лжи»,—и онъ запутался въ собственныхъ тенетахъ.

Путь президенту былъ уже намѣченъ ненавистью французовъ къ соціализму и пролетаріату. Президентъ захватывалъ всю власть въ свои руки, съ помощью такихъ министровъ, какъ адвокатъ Руэръ и банкиръ Фульдъ. Онъ послалъ даже войска въ провозгласившій республику Римъ, чтобы поддержать папу. Красные, заодно съ остальными республиканцами, противопоставляли бонапартистамъ тайныя общества и входили въ сношенія съ иностранными революціонерами. Возникли группы «бланкистовъ» Люи-Блана и нѣмецкаго выходца въ Лондонѣ, Карла Маркса. Люи-Наполеонъ положилъ конецъ «плачевнымъ раздорамъ» «декабрьскимъ переворотомъ».

Декабрьскій переворотъ. Это событіе искусно подготовлялось въ теченіе всего 1851 года, съ того дня, когда палата отказала Люи-Наполеону въ «ревизіи конституціи». Ревизія была необходима ему, такъ какъ въ декабрѣ 1852 г. истекалъ срокъ его президенства; а законъ не дозволялъ выбирать въ президенты одно и то же лицо два раза кряду.

Переворотъ совершился: на зарѣ 2-го декабря 1851 года не было ни одной неудачи при намѣченныхъ 78-ми арестахъ главарей всѣхъ партій. Человѣкъ сорокъ наскоро собравшихся депутатовъ были разогнаны. А по Парижу были расклеены манифесты о «плебисцитѣ» по такому вопросу: «желаетъ ли французскій народъ сохранить власть Люи-Наполеона Бонапарта и вручить ему полномочія, необходимыя для установленія конституціи?» Президентъ призывалъ весь народъ «стать судьей» между нимъ и Законодательнымъ Собраніемъ, которое замышляетъ междоусобіе и низверженіе республики. Населеніе читало эти бумаги холодно, отчасти иронически. Но вообще больше изумлялись, чѣмъ негодовали: многіе восхваляли мастерство молніеноснаго «государственнаго удара», напоминавшее великаго дядю. Явились лишь ничтожныя попытки возстанія. Люи-Наполеонъ воспользовался ими, чтобы пустить въ ходъ войска съ пушками. Безпрепятственно было объявлено осадное положеніе и произведено до 100.000 арестовъ.

Освобожденные депутаты принесли поздравленія Люи-Наполеону, когда тайная голосовка дала ему $7^1/_2$ милліоновъ «да» и 650.000 «нѣтъ». «Принцъ-президентъ» (такъ стали называть теперь виновника 2-го декабря) сказалъ, подражая дядѣ: «Надѣюсь обезпечить судьбу Франціи, создавъ учрежденія, которыя соотвѣтствовали бы и демократическому чутью націи, и этому, всѣми

выраженному, желанію имѣть, наконецъ, сильную, уважаемую власть». Около 15.000 человѣкъ были сосланы, заключены по тюрьмамъ или изгнаны.

1852-й годъ начался новою конституціей, напоминавшей консульство. Здѣсь вся власть предоставлялась президенту, избираемому плебисцитомъ на 10 лѣтъ. Государственный совѣтъ, законодательный корпусъ и сенатъ были лишь его помощниками. Президентъ же былъ отвѣтственъ только «передъ французскимъ народомъ», т. е. передъ плебисцитомъ, къ которому онъ могъ прибѣгать по произволу. **Принцъ-президентъ.**

Тотчасъ же стала подготовляться и имперія. Всюду прославлялось имя великаго дяди-«императора». Осенью послѣдовало путешествіе президента по странѣ, а по возвращеніи въ столицу, Люи-Наполеонъ былъ встрѣченъ предложеніемъ палатъ принять корону. Плебисцитъ далъ 8 мил. «да» противъ 250.000 «нѣтъ». Такъ 2-го декабря 1852 года во Франціи настала *вторая имперія,* подъ главенствомъ Наполеона III. Новый императоръ тотчасъ же женился на испанкѣ, Евгеніи Монтихо, которая, черезъ 4 года, подарила французамъ наслѣдника, Люи-Наполеона.

Настало десятилѣтіе славы второй имперіи, когда, казалось, воскресала эпоха Наполеона I. Племянникъ открыто заявлялъ, что «беретъ за образецъ» своего великаго дядю. Но тотчасъ же ему пришлось впасть въ коренное противорѣчіе съ политикой «рокового человѣка»: онъ устроилъ «сердечное согласіе» съ палачемъ Наполеона I—съ Англіей, основой которому служила ненависть Пальмерстона къ Николаю I. Отсюда крымская война 1853—1856 годовъ. Впервые послѣ 1815 г. великія державы вступили въ междоусобіе: европейскій концертъ Священнаго Союза распался окончательно. Союзники, къ которымъ присоединились еще сардинцы, измучились не меньше русскихъ; но французы упивались славой побѣдъ. Малаховъ Курганъ вошелъ у нихъ въ пословицу; улицы были окрещены именами крымскихъ мѣстностей. Парижскій миръ положилъ конецъ «эпохѣ Николая I»: Александръ II отказался отъ покровительства румынамъ и отъ устьевъ Дуная; Черное море стало нейтральнымъ озеромъ. Расшатанная Россія «вобралась въ себя самое», углубилась въ реформы; и на небосклонѣ международной политики опять взошла звѣзда Франціи. Наполеонъ III, подобно дядѣ, сталъ покровителемъ угнетенныхъ: въ его руки переходилъ великій вопросъ націонализма. На очереди были романцы, и *итальянская война* (1859), съ похожей на Маренго Маджентой и съ Сольферино, покрыла французское оружіе новой славой. Наполеонъ получилъ Ломбардію и великодушно передалъ ее итальянцамъ, по цюрихскому миру; Франція пріобрѣла Ниццу и Савоію,—земли, важныя въ стратегическомъ отношеніи. **Блескъ второй имперіи.**

При такихъ внѣшнихъ успѣхахъ, Наполеонъ могъ свободно развивать систему дяди внутри Франціи. Она велась такъ ловко, что императора прославляли и войска, и крестьяне, и рабочіе, и буржуазія. Открылась эра ослѣпительной матеріальной культуры. Возникъ рядъ финансовыхъ обществъ и всякихъ промышленныхъ, торговыхъ, биржевыхъ заведеній. Само правительство предпринимало рядъ величественныхъ сооруженій, доставлявшихъ занятіе массѣ рабочихъ; во главѣ ихъ стояло «украшеніе столицы» сенскаго префекта Оссемана. Всюду кипѣла лихорадочная дѣятельность «аферистовъ» и «спекуляторовъ», среди веселій и празднествъ. Эти «прекрасные дни второй имперіи» вѣнчались всемірной выставкой 1855 года. Словомъ, Парижъ становился «новымъ Вавилономъ». И Наполеонъ восклицалъ въ палатѣ, утопая въ счастьѣ: «Всѣ удовлетворены»!

Но съ началомъ шестидесятыхъ годовъ наставалъ конецъ блеску имперіи. Виной тому были событія въ Европѣ, вызванныя февральской революціей.

Февральская революція потрясла міръ еще больше, чѣмъ іюльская. Она отразилась всюду—гдѣ подобными же переворотами, гдѣ оживленіемъ либерализма и реформами, гдѣ войнами, гдѣ націонализмомъ. Самыя великія, міровыя послѣдствія февральской революціи оказались въ Германіи и затѣмъ въ Италіи: здѣсь наиболѣе сливались обѣ главныя силы новаго періода—либерализмъ и націонализмъ. Начинаемъ обзоръ февральской революціи внѣ Франціи съ Германіей, разумѣя тутъ и Пруссію, судьба которой уже сливалась съ участью «фатерланда».

Германская революція. Въ Германіи сороковые годы были усиленной подготовкой къ новымъ волненіямъ. Этому способствовала именно реакція да еще обнищаніе массъ, которое отчасти вызывалось неумѣлостью юной промышленности, приводившею къ «крахамъ», или банкротствамъ. Требовался только толчекъ для негодованія націи. Вѣсть о февральской революціи разнеслась по Германіи съ быстротой молніи: тогда только-что завелся телеграфъ. Черезъ мѣсяцъ здѣсь вспыхнула *мартовская революція*.

Либералы составили, во Франкфуртѣ, «предъ-парламентъ» (Vorparlament) изъ депутатовъ всѣхъ государствъ Германскаго Союза; то были преимуществу члены палатныхъ оппозицій юга, во главѣ которыхъ стоялъ опытный, всѣми уважаемый гессенскій министръ Гагернъ и предсѣдатель баденской палаты, извѣстный профессоръ Миттермайеръ. Они рѣшили созвать, путемъ всеобщей голосовки, всенѣмецкій парламентъ для начертанія новой конституціи взамѣнъ Германскаго Союза.

Всегерманскій парламентъ. Общая конституція. Всегерманскій парламентъ собрался во маѣ 1848 года *въ церкви св. Павла*. Восторгу нѣмцевъ не было конца. Но быстро настало разочарованіе. Франкфуртскій парламентъ былъ лишенъ реальной политической почвы: то былъ какъ бы съѣздъ ученыхъ для обсужденія отвлеченныхъ вопросовъ. Къ тому же эти лучшіе люди «фатерланда» собрались случайно, безъ подготовки, не зная другъ друга. Большинство состояло изъ теоретиковъ, готовыхъ расплываться волнами педантичнаго краснорѣчія. Тотчасъ обнаружилась и игра партій, тѣмъ болѣе, что не замедлили выступить перекрещивающіеся интересы Гогенцоллерна, Габсбурга и фюрстовъ. Всеобщая смута началась съ вопроса о временной «центральной» власти. Послѣ долгихъ преній о «монадѣ» и «тріадѣ», рѣшили, наконецъ, избрать единаго «блюстителя имперіи», съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Въ блюстители попалъ братъ Франца I, близкій къ либераламъ эрцгерцогъ Іоаннъ. Затѣмъ парламентъ 9 мѣсяцевъ ораторствовалъ о всенѣмецкой конституціи. Но пока идеалисты разглагольствовали въ церкви св. Павла, республиканцы повторили мартовскую революцію въ сентябрѣ. Толпа ворвалась въ церковь св. Павла и умертвила двухъ знатныхъ берлинцевъ, какъ «прусскихъ шпіоновъ». То же повторялось въ разныхъ мѣстахъ Германіи, особенно въ Баденѣ. Новая революція была легко подавлена, съ помощью самого парламента. Послѣдній утратилъ нравственное значеніе: противъ него оказались и фюрсты, и народъ. Вражда между правой и лѣвой превратилась въ смертельную ненависть. Сентябрьскіе дни выдвигали реакцію. Въ Пруссіи и Австріи явилось осадное положеніе. Фюрсты стали отказываться вводить у себя франкфуртскую конституцію. Всѣ нѣмцы боязливо посматривали на Берлинъ и Вѣну. Борьба за единство націи опять переходила въ соперничество между Габсбургомъ и Гогенцоллерномъ, которое окончательно сгубило франкфуртскій парламентъ.

Великая и Малая Германія. Это соперничество выразилось въ церкви св. Павла въ мучительномъ вопросѣ о «Великой и Малой Германіи». «Великогерманцы», которыми руководилъ вѣнскій дипломатъ Шмерлингъ, хотѣли устроить «широкій союзъ», т. е включить всю Австрію въ фатерландъ. «Малогерманцы», съ Гагерномъ во главѣ, отстаивали планъ, который осуществилъ потомъ Бисмаркъ, бывшій

тогда прусскимъ посланникомъ при германскомъ сеймѣ: они стремились къ «узкому» союзу, т. е. имѣли въ виду только нѣмецкія владѣнія Габсбурга. Великая Германія, съ ея славянствомъ и мадьярствомъ, претила національному нѣмцевъ. Да она не могла быть принята и державами. Россель сказалъ тогда: «Слить Австрію и Германію въ *одну* имперію, значило бы сдѣлать или глупость, или попытку мірового владычества, которая вооружила бы противъ себя всю Европу».

Въ началѣ 1849 года малогерманцы побѣдили: рѣшено было предложить прусскому королю титулъ «нѣмецкаго императора», который обязуется сохранить всенѣмецкій парламентъ, избираемый тайной всеобщей голосовкой. Это собраніе послало въ Потсдамъ депутацію отъ всей нѣмецкой «земли», съ своимъ предсѣдателемъ во главѣ.

Гогенцоллернъ и „отечество".

Въ Берлинѣ депутацію постигло роковое разочарованіе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV сказалъ ей, что это—дѣло фюрстовъ, и прибавилъ: «если потребуются прусскій щитъ и мечъ противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, то я не премину явиться и безъ призыва. Императорскую корону можно пріобрѣсти только на полѣ битвы». Франкфуртскій парламентъ отвѣчалъ рѣшеніемъ «неизмѣнно держаться имперской конституціи» и сдѣлалъ воззваніе въ этомъ смыслѣ ко всей націи. Это вызвало майскую революцію 1849 года.

Самыя кровавыя дѣла происходили въ Дрезденѣ, гдѣ работало «временное правительство» Бакунина. Когда, наконецъ, пруссаки подавили майскую революцію, съ нею прекратился и франкфуртскій парламентъ. Возстановленный Союзный Сеймъ, гдѣ опять воцарился Габсбургъ, назначилъ комиссію реакціи (1851), которая повсюду отмѣнила конституціи 1848 года. Воскресла система Меттерниха, только подъ новымъ именемъ—«солидарности консервативныхъ интересовъ».

Какъ бы то ни было, революція 1848 года подвинула національный вопросъ въ Германіи. Нѣмцы усвоили себѣ мысль объ единомъ отечествѣ: во франкфуртскомъ парламентѣ уже говорили объ изгнаніи датчанъ изъ Голштейна и о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи. Выяснилось также, что національное объединеніе возможно только подъ главенствомъ Габсбурга или Гогенцоллерна. Оттого Австрія стояла за Великую Германію, а Пруссія пыталась устроить «узкую унію» изъ Малой Германіи. Уже чуть не вспыхнула война между Габсбургомъ и Гогенцоллерномъ; ее остановилъ только договоръ объ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи въ Голштейнѣ. Тогда австрійскій министръ воскликнулъ: «Необходимо сначала унизить, потомъ уничтожить Пруссію»! А прусскій уполномоченный на союзномъ сеймѣ, Бисмаркъ, выступилъ съ программой «независимой прусско-германской политики». Пруссія выдвигалась на первый планъ.

Въ январѣ 1850 года, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV пожаловалъ («октроировалъ») конституцію, которая дѣйствуетъ и теперь: то былъ сколокъ съ работы франкфуртскаго парламента. «Ландтагъ» (палата депутатовъ) составлялся по трехклассной системѣ явныхъ выборовъ. Статья 105-я гласила, что въ отсутствіе палатъ правительство вправѣ издавать «указы, имѣющіе силу закона». Но парламентъ распускался при малѣйшемъ сопротивленіи, и въ Пруссіи настала эпоха реакціи. Въ иностранной политикѣ то была пора униженія Пруссіи. Она заискивала у могущественной сосѣдки такъ, что Берлинъ называли «русскою губерніей»—король призывалъ Николая I вмѣшаться въ дѣла фатерланда противъ Габсбурга, обезпечивъ его нейтралитетомъ въ крымскую войну. И державы едва допустили Пруссію на парижскій конгрессъ, и то «не съ тѣмъ, чтобы вступать съ ней въ совѣщанія о мирѣ», какъ презрительно выразился Пальмерстонъ. Когда въ Невшателѣ пруссаки задумали ввести свою реакцію, швейцарцы отняли его у нихъ—и Фридрихъ-Вильгельмъ IV промолчалъ, испугавшись угрозъ Напо-

леона III. Въ Шлезвигѣ пруссаки предоставили нѣмцевъ на произволъ датчанъ, по требованію державъ. Такъ печально доживало царство Фридриха Великаго при его третьемъ преемникѣ. Самъ «романтикъ» совсѣмъ потерялъ голову послѣ крымскихъ неудачъ и смерти Николая I: въ 1858 г. пришлось назначить регентомъ кронринца, который совсѣмъ воцарился въ 1861 г., подъ именемъ Вильгельма I. На берегахъ Шпрэ началась «новая эра», задачей которой была месть за униженіе.

Вильгельмъ I и Бисмаркъ. Добродушный, осторожный Вильгельмъ I боялся «невѣрнаго будущаго». Онъ тотчасъ взялся за преобразованіе арміи, чтобы довести ее до полумилліона, не считая ландвера. Но для этого требовалось много денегъ: отсюда цѣлая эпоха «конфликтовъ» съ палатой. Образовалась партія «прогрессистовъ», которая опиралась на большіе города и промышленные центры. Прогрессисты возстали противъ налоговъ на увеличеніе арміи. Король собирался отречься, но потомъ обратился къ лично непріятному ему Бисмарку (1862).

Бисмаркъ сразу вступилъ въ борьбу съ палатой, слѣдуя примѣру Наполеона III. Онъ даже не представлялъ ей бюджета. Въ Пруссіи опять водворилась реакція.

Революція въ Австріи. Въ Австріи февральская революція отразилась тотчасъ же, въ мартѣ 1848 г. Сначала поднялись нѣмцы. Меттернихъ бѣжалъ въ Лондонъ, а Фердинандъ II—въ Тироль. Возникла Учредительница, которая дала конституцію, на подобіе бельгійской, и отмѣнила крѣпостничество. Правда, уже въ октябрѣ Фердинандъ взялъ Вѣну и уничтожилъ эту конституцію, хотя ему пришлось отречься въ пользу своего племянника, Франца-Іосифа; и водворился военный терроръ. Но революція овладѣла другими народами Австріи. Въ Краковѣ возстали поляки, которые были усмирены бомбардировкой. Чехи потребовали равноправія съ нѣмцами, завели свою милицію, устроили всеславянскій съѣздъ и даже временное правительство. Впрочемъ, они не желали отдѣлиться отъ Австріи, надѣясь превратить ее въ славянскую державу. Ихъ Палацкій сказалъ тогда: «если бы не было Австріи, слѣдовало бы создать ее». Хорваты и сербы возстали противъ мадьярскаго ига и мечтали объ «юго-славянскомъ королевствѣ», съ баномъ Іеллачичемъ во главѣ Даже румыны, въ Трансильваніи, потребовали равноправія съ мадьярами. Поднялись и итальянцы.

Но важнѣе всего было движеніе у венгерцевъ. Они, подъ вліяніемъ Кошута, созвали учредительное собраніе въ Пештѣ и образовали сильную армію. Выступившій противъ нихъ Іеллачичъ былъ разбитъ. Францъ-Іосифъ воспользовался взаимной враждой народностей: вмѣстѣ съ хорватами, онъ двинулъ всѣ войска, подъ начальствомъ Радецкаго и Виндишгреца. Прага была разгромлена бомбардировкой. Но въ Венгріи пришлось ввести цѣлую тяжелую войну (1849). Мадьяры провозгласили республику, съ президентомъ Кошутомъ во главѣ. Со всей Европы поспѣшили венгерцы, поляки, друзья свободы. Явились отличные полководцы—мадьяръ Гергей и поляки—Клачка, Дембинскій и «батюшка» Бемъ. Они одержали цѣлый рядъ побѣдъ надъ австрійцами и хорватами. Погибавшій императоръ просилъ у Николая I помощи «противъ всеевропейской революціи». Паскевичъ явился въ Венгріи съ большой арміей—и мадьяры положили оружіе въ Вилагошѣ. Венгрію постигла жестокая месть австрійцевъ.

Австро-Венгрія. Революціи въ Австріи носили характеръ конституціонный и національный. Теперь реакція ввела *централизацію.* Шварценбергъ сталъ воплощеніемъ новой реставраціи. Нѣмецкіе чиновники объявили свой языкъ государственнымъ. Они управляли и Венгріей, которую лишили сейма и бывшихъ ея провинцій—Трансильваніи и Кроаціи. Былъ заключенъ конкордатъ съ папой, уничтожавшій іосифизмъ: католическая церковь стала независимой и правящей. Но послѣ итальянской кампаніи Францъ-Іосифъ сначала даровалъ полно-

правіе протестантамъ и евреямъ, а затѣмъ сдѣлалъ уступку большинству австрійцевъ — «федералистамъ», требовавшимъ «автономіи» или признанія «историческихъ правъ» каждой народности, вопреки «уніонистамъ» или централистамъ, желавшимъ сильной общей власти. Уніонисты составляли меньшинство изъ нѣмецкой буржуазіи, къ которой примыкали мелкія народности. Федералистами были мадьяры, чехи, поляки и хорваты; у нихъ преобладали аристократы и клерикалы, а за ними шла масса крестьянъ. «Октябрьскій дипломъ» 1860 года, какъ была названа новая конституція, установлялъ такъ: въ каждой области свой «ландтагъ» или мѣстный сеймъ; а ландтаги высылаютъ своихъ уполномоченныхъ въ рейхсратъ» или общій парламентъ. Но вслѣдъ затѣмъ Францъ-Іосифъ издалъ, въ угоду уніонистамъ, « февральскій патентъ» 1861 года, который превратилъ рейхсратъ въ парламентъ съ двумя палатами, только избираемый ландтагами. Федералисты не стали ходить въ рейхсратъ. Тогда Францъ-Іосифъ возвратился къ старому дуализму, по совѣту саксонскаго дипломата, Бейста. По «соглашенію 1867 года», имперія стала *Австро-Венгріей*, которая распалась на равноправныя части —Цислейтанію, съ рейхсратомъ въ Вѣнѣ, и Транслейтанію, съ сеймомъ въ Пештѣ. Францъ-Іосифъ сдѣлался «императоромъ» Австріи и «королемъ» Венгріи, которой возвращались Кроація и Трансильванія. Тамъ онъ опирается на германизмъ, здѣсь — на мадьяризмъ. Связь между Австріей и Венгріей выражается въ томъ, что общія дѣла поручаются имперскимъ министрамъ, отвѣтственнымъ передъ рейхсратомъ и сеймомъ. Доля участія въ финансахъ опредѣляется «делегаціями» обоихъ парламентовъ, которые собираются ежегодно то въ Вѣнѣ, то въ Пештѣ. Въ обѣихъ половинахъ имперіи водворился европейскій парламентаризмъ. Венгрія вернулась къ конституціи 1848 г. похожей на бельгійскую. Въ Австріи были введены отвѣтственность министровъ и равноправность всѣхъ языковъ и народностей.

Габсбургъ и Гогенцоллернъ въ Фатерландѣ.

Всѣ эти перевороты и передѣлки въ Австріи происходили въ то самое время, когда разгоралось соперничество съ ней Пруссіи. Какъ разъ въ половинѣ вѣка начался послѣдній смертельный бой между великанами Германіи. Въ пятидесятыхъ годахъ, при болѣзненности «романтика», казалось, погибала Пруссія: то была пора ея небывалыхъ «униженій» передъ Австріей, руководимой ловкимъ и рѣшительнымъ Шварценбергомъ. Габсбургъ возобладалъ въ фатерландѣ до того, что, въ 1850 году, прямо возстановили покорный ему Союзный Сеймъ. Онъ готовъ былъ воевать съ Пруссіей; за него стояли всѣ фюрсты и на заднемъ планѣ Россія. Богемія была переполнена войсками грознаго Радецкаго, поработителя Италіи, между тѣмъ какъ прусская армія облѣнилась въ теченіе долгаго мира и была подчинена ветхимъ генераламъ. Больной Фридрихъ-Вильгельмъ IV растерялся. Мантейфель поѣхалъ въ Ольмюцъ на свиданіе съ Шварценбергомъ, который заставилъ его признать главенство Австріи въ Германіи. Униженіе Гогенцоллерна было такъ глубоко, что австрійцы говорили: «мы и желать не можемъ ничего больше». А въ Берлинѣ толковали о «второй Іенѣ».

Но и въ эту годину «униженія» «Гогенцоллернъ не забывалъ своей задачи: онъ взялся за матеріальное объединеніе «отечества» и за подготовку хорошей арміи. Въ 1853 году онъ возобновилъ Таможенный Союзъ и вовлекъ въ него уже 35 милл. жителей. Въ то же время у нѣмцевъ зарождалась ненависть къ Габсбургу, этому тормазу національнаго единства, который притомъ началъ вести себя такъ высокомѣрно, что возстановилъ противъ себя всѣ державы. У пруссаковъ разгоралась жажда мести за униженіе, а крымская война поглотила все вниманіе Австріи. Началось военное возрожденіе Пруссіи: исторія вступала въ эпоху бисмаркизма.

Борьба Пруссіи съ Австріей.

Тогда-то Бисмаркъ объявилъ, что и здѣсь нужны «желѣзо и кровь». И шестидесятые годы наполнились ужасами войнъ, которыми было достигнуто прусское объединеніе Германіи. Съ помощью трудолюбиваго стратега Мольтке, Бисмаркъ создалъ лучшую въ Европѣ армію и вооружилъ ее игольчаткой. Онъ задобрилъ Россію помощью въ польскомъ возстаніи, а Италію—обѣщаніемъ доставить ей Венецію, и началъ подготовлять расправу съ Австріей, только-что разгромленной Наполеономъ III. Предварительно ему хотѣлось прихватить эльбскія герцогства; а они, благодаря своему прекрасному порту въ Килѣ, дали бы Пруссіи возможность превратиться въ морскую державу. Но Габсбургъ конечно также поспѣшилъ вмѣшаться въ дѣло. Война 1864 года съ Даніей доставила Пруссіи Шлезвигъ, Австріи—Гольштейнъ.

Вслѣдъ затѣмъ Бисмаркъ оскорбилъ Австрію несправедливымъ толкованіемъ мира съ Даніей. Готовый къ войнѣ съ нею, онъ объявилъ Германіи, что это она хочетъ напасть, а онъ только защищаетъ «отечество» отъ «участи Польши». Но нѣмцы негодовали, вмѣстѣ съ Европой, на позорный поступокъ его съ Даніей: случилось покушеніе на его жизнь. Фюрсты стали на сторону Габсбурга. Зато Бисмаркъ нашелъ союзника въ Италіи и получилъ увѣреніе въ нейтралитетѣ Франціи, послѣ личнаго свиданія съ Наполеономъ. Прусская палата, противившаяся войнѣ, была распущена. И пруссаки, безъ объявленія войны, захватили Гольштейнъ, а потомъ, въ 1866 году, бросились въ Богемію. Ловкими маневрами они ошеломили австрійцевъ и, послѣ ряда мелкихъ побѣдъ, нанесли имъ рѣшительное пораженіе у Садовой или Кениггреца. Фюрсты не поспѣли на выручку Австріи: ганноверская и баварская арміи были разбиты отдѣльно. По пражскому миру, Австрія уступила Венецію Наполеону, который передалъ ее разбитымъ итальянцамъ. Она признала уничтоженіе Германскаго Союза, т. е. удалилась изъ фатерланда. Пруссія же составила Сѣверный Союзъ: по требованію державъ, особенно Франціи, она удовольствовалась «майнскою линіей».

Вскорѣ эльбскія герцогства были присоединены къ Пруссіи; даже не спросили населенія, какъ требовалъ пражскій договоръ. То же произошло съ Ганноверомъ, Гессенъ-Касселемъ, Нассау и Франкфуртомъ, хотя ганноверцы сопротивлялись и образовали партію «гвельфовъ». Наконецъ, Пруссія получила предсѣдательство въ *Сѣверо-германскомъ союзѣ*, т. е. всю административную власть. Ей подчинились и главные органы Союза—«рейхстагъ» (имперскій сеймъ) и «союзный совѣтъ». Новый Союзъ представлялъ собой цѣльное союзное государство: фюрсты въ немъ уже не были самодержавны, а только автономны, какъ швейцарскіе кантоны. Союзомъ управлялъ безотвѣтственно назначаемый прусскимъ королемъ «канцлеръ», которымъ сталъ Бисмаркъ. Армія вездѣ была сравнена съ прусской; и вездѣ было принято, какъ національное, черно-бѣло-красное знамя.

Южные фюрсты тотчасъ же заключили съ Пруссіей тайные наступательные союзы; а въ 1868 году они вошли во вновь учрежденный *таможенный парламентъ*. Прекратились и «конфликты». Прогрессисты почти исчезли; рейхстагомъ овладѣла партія «національныхъ либераловъ», примкнувшая къ Бисмарку въ иностранной политикѣ. Это—буржуазія и интеллигенція, преимущественно изъ промышленныхъ странъ къ западу отъ Эльбы. Передъ ними стушевывался оплотъ старины—«консервативы» «Крестовой Газеты» или юнкера земледѣльческихъ восточныхъ областей, которые владѣли только прусскимъ ландтагомъ. Вскорѣ появились еще «соціалъ-демократы». Бисмарка нельзя было узнать. Онъ сталъ защитникомъ «права» противъ «насилія» и просилъ у палаты «прощенія» за прошлое. Онъ сталъ другомъ національ-либераловъ и даже провелъ много прогрессивныхъ экономическихъ реформъ. Съ помощью новыхъ друзей, Бисмаркъ боролся съ «партикуляристами»: гвельфы

были наказаны тѣмъ, что онъ образовалъ изъ ганноверскихъ денегъ «фондъ пресмыкающихся», какъ называлъ желѣзный канцлеръ подкупныхъ газетчиковъ. Но партикуляризмъ еще былъ силенъ, особенно на югѣ. Чтобы закрѣпить національное объединеніе и власть Гогенцоллерна, Бисмаркъ предпринялъ третью войну. Благодаря своимъ искуснымъ агентамъ въ Парижѣ, онъ зналъ, что Наполеонъ «издали былъ нѣчто, а вблизи—ничто».

1850-е годы въ международной сферѣ оказались не только временемъ Пальмерстона, но и *эпохой Наполеона III* и романскаго націонализма, созрѣвшаго въ видѣ объединенія Италіи. Императоръ французовъ, по самой конституціи, распоряжался дипломатіей и войнами самолично. Армія его считалась первостепенной послѣ алжирскихъ походовъ и особенно послѣ взятія Севастополя. Наполеонъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ: онъ считалъ себя магомъ, которому Кавуръ и Бисмаркъ служатъ, какъ сподручники. Онъ и лично увлекался націонализмомъ, ненавидѣлъ Священный Союзъ и его душу — Австрію. **Черныя точки.**

Этому мечтателю хотѣлось только кое-что «присоединять» къ Франціи. «получать на чаекъ», какъ говорилъ Бисмаркъ. Но именно въ иностранной политикѣ, императоръ невѣрно разсчитывалъ практическія мелочи, слишкомъ высоко ставилъ себя и Францію. А оказалось, что онъ-то былъ всегда орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Въ крымской войнѣ Наполеонъ служилъ Пальмерстону и ничего не получилъ. И Англія первая измѣнила ему, когда онъ затѣялъ конгрессъ для разрушенія трактатовъ 1815 года. Пруссія послѣ Сольферино даже двинула армію противъ него. Сама Италія вознегодовала на него за Ниццу и Савоію. Съ тѣхъ поръ обаяніе Наполеона пало: наставали 1860-е годы, какъ «эпоха Бисмарка», и тюльерійскій оракулъ впадалъ въ новыя ошибки. Въ 1860 г. онъ опозорился разграбленіемъ дворца въ Пекинѣ, безплодной экспедиціей въ Кохинхину и постыдной высадкой въ Сиріи. Въ 1863 года онъ неудачно предлагалъ Александру II возстановить Польшу. Въ 1864 года онъ отказался отъ предложенія Англіи защитить Данію отъ пруссаковъ: онъ даже желалъ усиленія Гогенцоллерна на сѣверѣ Германіи, воображая, съ его помощью, получить рейнскую границу. А послѣ Садовой Наполеонъ испугался неожиданнаго могущества Пруссіи и сталъ требовать, какъ вознагражденія Франціи, то баварскаго Пфальца, то прирейнскаго Гессена, то Люксенбурга. Бисмаркъ отвѣчалъ, что не уступитъ «ни пяди Нѣмецкой земли», и обнародовалъ всѣ эти происки, возбудившіе негодованіе нѣмцевъ. И императоръ французовъ признался впервые, что на горизонтѣ появились «черныя точки». Послѣднею изъ нихъ была мексиканская экспедиція. Во время одной изъ революцій въ Мексикѣ, поставившей президентомъ Хуареса, пострадали англичане и испанцы, которые требовали вознагражденія. Наполеонъ присталъ къ нимъ, требуя уплаты какого-то долга одному банкиру, который оказался подставнымъ лицомъ герцога Морни. Англія и Испанія получили свое и покинули французовъ. Наполеонъ низвергъ Хуареса и назначилъ «императоромъ Мексики» брата Франца-Іосифа, Максимиліана. Но Хуаресъ разбилъ французовъ, противъ которыхъ выступили и Соединенные Штаты. Наполеонъ долженъ былъ постыдно очистить Мексику, а Максимиліанъ былъ разстрѣлянъ въ 1867 году. Лѣтомъ 1870 г. возникъ вопросъ о кандидатурѣ одного изъ Гогенцоллерновъ на испанскій престолъ. Министры Наполеона объявили въ палатѣ, что Франція не потерпитъ такого ущерба «своей чести». Бисмаркъ воспользовался этимъ, чтобы возбудить шовинизмъ и у нѣмцевъ: онъ обнародовалъ искаженную депешу Вильгельма изъ Эмса, которая задѣвала и самолюбіе французовъ. Въ парижской палатѣ чуть не избили Тьера, возставшаго противъ «такой несправедливой войны». Олливье воскликнулъ: «Мы беремъ на себя отвѣтственность съ легкимъ сердцемъ»! Франція объявила войну Пруссіи.

Франко-Прусская война.

Борьба двухъ народовъ оказалась поединкомъ. Наполеонъ не умѣлъ привлечь даже Италію, которая готова была помочь ему: онъ не вывелъ своихъ войскъ изъ Рима. Державы объявили нейтралитетъ; а Россія дала понять Австріи, что не позволитъ ей выступить противъ Пруссіи. У Наполеона ничего не было готово. Менѣе 200.000 недовольныхъ солдатъ были разбросаны; ихъ вооруженіе и снабженіе были жалкія; у офицеровъ не было картъ. Вожди не знали даже, сколько у нихъ силъ. У нѣмцевъ же было до полумилліона отборнаго, одушевленнаго патріотизмомъ войска, а за нимъ стояло такое же ополченіе. Всѣ части были устроены образцово. Вооруженіе блистало игольчаткой и пушками Круппа. Планъ былъ выработанъ Мольтке за два года ранѣе. Словомъ, новая военная система выступала противъ старой. Нѣмцы дѣйствовали дружно. Общество всѣхъ классовъ поддерживало армію пожертвованіями и національнымъ энтузіазмомъ. Южная Германія тотчасъ выставила свои войска.

Сначала французы сопротивлялись съ былою отвагой: иногда нѣмцевъ падало больше нихъ, благодаря ихъ шаспо и новоизобрѣтеннымъ картечницамъ. Но массы нѣмцевъ гнали ихъ со всѣхъ сторонъ и, послѣ ужаснаго боя у Гравелота, окружили главную армію Базена подъ Мецомъ. Французы выслали на выручку ей послѣднее войско, которое также было окружено и сдалось у Седана, вмѣстѣ съ Наполеономъ. Сдался и Базенъ, который только бѣгствомъ спасся отъ смертнаго приговора военнаго суда. Тогда всѣ растерялись. Но плѣненіе Наполеона и звѣрства пруссаковъ возбудили французовъ. Лишившись арміи, они оборонялись дольше, чѣмъ прежде, несмотря на наставшую зиму. Обложенный нѣмцами Парижъ стоялъ твердо около полугода, поражая міръ своей энергіей и геніальностью въ изобрѣтеніяхъ: онъ палъ только отъ голода. А пока онъ держался, набралось до полумилліона волонтеровъ, «вольныхъ стрѣлковъ» и подвижной національной гвардіи. На помощь пришелъ Гарибальди, съ иностраннымъ легіономъ. Но нѣмцы били это неопытное воинство по частямъ, изумляясь его стойкости и подвижности. Весной 1871 г. былъ заключенъ франкфуртскій договоръ. Франція уступала Пруссіи Эльзасъ и Лотарингію и выплачивала 5 милліардовъ франковъ. Наполеонъ былъ отвезенъ плѣнникомъ въ Германію, откуда его отпустили въ Англію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Его сынъ, носившій англійскій мундиръ, былъ убитъ потомъ въ Африкѣ дикарями зулу.

Франко-прусская война имѣла огромное значеніе не для одной Франціи. Она породила *Нѣмецкую имперію*: въ январѣ 1871 г., въ Версалѣ. Вильгельмъ прусскій былъ провозглашенъ императоромъ. Россія объявила, что не считаетъ себя связанной трактатомъ 1856 относительно Чернаго моря. Свѣтская власть папы пала: занятіе Рима сардинцами довершило объединеніе Италіи. Наконецъ, во Франціи рухнула вторая имперія и возникла третья республика.

Третья республика и коммуна.

Какъ только узнали въ Парижѣ о катастрофѣ подъ Седаномъ, палата, подъ вліяніемъ криковъ толпы, провозгласила республику (4 сентября 1870 г.). Она разошлась, назначивъ «правительство національной обороны» изъ Фавра, Гамбетты, Рошфора и др. Трое изъ нихъ образовали делегацію въ Турѣ, которая перешла потомъ въ Бордо. Когда нѣмцы обложили Парижъ, Гамбетта вылетѣлъ оттуда на шарѣ и явился въ Бордо, гдѣ пріобрѣлъ диктаторскую власть, по всеобщему довѣрію. Во всѣхъ большихъ городахъ также провозглашали республику, мѣстами даже раньше, чѣмъ въ Парижѣ. Одушевляемое Гамбеттой правительство рѣшило воевать «до послѣдней крайности». Крестьяне выбрали въ національное собраніе въ Бордо большинство монархистовъ.—Республиканцы признали эту палату «мужицкой». Собраніе избрало главу исполнительной власти, въ лицѣ Тьера, и перешло въ Версаль.

Парижане не хотѣли повиноваться собранію, опасаясь, что оно хочетъ отмѣнить республику и лишить Парижъ значенія столицы, тѣмъ болѣе, что оно отмѣнило жалованье ихъ національной гвардіи. Въ этой гвардіи много было бланкистовъ. Они устроили «центральный комитетъ», который свезъ пушки на Монмартръ и занялъ Ратушу.

Такъ, въ мартѣ 1871 года, возникла коммуна, враждебная версальскому собранію, которое стало называться «партіей порядка». Тьеръ стянулъ войска въ Версаль, на защиту собранія. Парижъ оказался возставшимъ противъ всей Франціи. Попытки «коммунаровъ» въ провинціи не имѣли успѣха. Коммуна подражала 1793 году. Она приняла красное знамя и ввела республиканскій календарь. Она успѣла только издать нѣсколько мѣръ, предложенныхъ интернаціоналомъ, какъ вдругъ разразилось самое жестокое въ XIX-мъ вѣкѣ междоусобіе, длившееся два мѣсяца. Версальцы разстрѣливали коммунаровъ, какъ «мятежниковъ», а тѣ избивали ихъ приверженцевъ въ Парижѣ, какъ «заложниковъ». Взявши Парижъ, версальцы должны были цѣлую недѣлю отвоевывать улицу за улицей, баррикаду за баррикадой. 13.000 коммунаровъ было разстрѣлено или приговорено къ каторгѣ и ссылкѣ. Лишь въ 1880 г. послѣдавала амнистія. Съ тѣхъ поръ во Франціи остались двѣ партіи—республиканцевъ и монархистовъ.

Волненія въ Италіи.

Такъ совсѣмъ измѣнилось лицо самой важной, срединой полосы Европы: Францію и Германію нельзя было узнать. Италія испытала рядъ тяжелыхъ тревогъ, имѣвшихъ міровое значеніе. Февральская революція тотчасъ же глубоко отразилась тамъ повсюду. Мадзинисты образовали республику. Венеціанцы, съ диктаторомъ, адвокатомъ Манинымъ во главѣ, также провозгласили республику, а за ними послѣдовали тосканцы. Миланцы выгнали австрійскихъ солдатъ. Сардинія двинула армію въ Ломбардію. По всему полуострову двигались добровольцы, съ самоотверженнымъ, талантливымъ Гарибальди во главѣ и съ криками: «Долой варваровъ, бѣлыхъ гіенъ!» Иностранные штыки остановили движеніе. Австрійцы разбили сардинцевъ при Кустоццѣ, французы взяли Римъ, разсѣявъ добровольцевъ Мадзини и Гарибальди. Всюду началась реакція, поддерживаемая австрійцами. Самъ Пій IX проклялъ національизмъ и превратился въ папу «Non possumus». («Не можемъ»), какъ отвѣчалъ онъ даже на увѣщанія Англіи и Франціи. Фердинандъ II неаполитанскій снова захватилъ Сицилію. Англія и Франція даже отозвали своихъ посланниковъ изъ Неаполя. Австрійцы занимали даже часть средней Италіи; французы остались въ Римѣ. Но тѣмъ сильнѣе заговорило національное чувство, которое находило себѣ пріютъ въ независимой Сардиніи.

Объединеніе Италіи.

Сардинія бодро взялась за свою новую роль, къ который подходилъ Викторъ-Эммануилъ II, настоящій итальянецъ и по изворотливости, и по рыцарственности. Онъ не измѣнилъ Италіи, несмотря на всѣ соблазны Австріи. Хорошій охотникъ и офицеръ, но не политикъ, онъ довѣрился геніальному графу Кавуру, который учился въ Лондонѣ и Парижѣ, сначала издавалъ либеральную газету, потомъ попалъ въ палату и сталъ министромъ. Этотъ фанатикъ націонализма готовъ былъ на все для объединенія родной Италіи — на войну, революцію, на призваніе иностранныхъ штыковъ. Кавуръ уговорилъ своего короля принять національное трехцвѣтное знамя и дать конституцію 1848 года, сходную съ бельгійской. Онъ реформировалъ всѣ части управленія, заключилъ торговые договоры, закрылъ монастыри, образовалъ хорошую армію, принималъ выходцевъ со всей Италіи и былъ въ тайныхъ связяхъ съ «Національнымъ союзомъ», раскинутымъ по всему полуострову. Кавуръ заставилъ короля принять участіе въ крымской войнѣ, чтобы попасть на парижскій конгрессъ, гдѣ онъ ввелъ итальянскій вопросъ въ международную область, заговоривъ о неудобствахъ австрійской оккупаціи, и привлекъ на свою сто-

рону Наполеона III, требовавшаго помочь Италіи. По всему полуострову открылась подписка на національное дѣло. Всюду зашевелились добровольцы, съ гарибальдійцами во главѣ, которыхъ называли то «красными рубахами», то альпійскими охотниками. Въ 1859 году разразилась кровавая итальянская кампанія. Ломбардія была присоединена къ Пьемонту, а въ теченіе 10 лѣтъ за нею послѣдовали Тоскана, Парма, Романья и Неаполь, Венеція и Римъ. Такъ создалось единое Итальянское королевство. У Виктора-Эммануила изъ пяти стало 25 милліоновъ подданныхъ.

Но дорого досталось итальянцамъ объединеніе. Кавуръ выходилъ въ отставку и собирался застрѣлиться. Онъ умеръ въ разгаръ дѣла (1861), со словами: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Всѣ консерваторы Европы были противъ этой «революціи». Послѣ Сольферино Пруссія мобилизовала свою армію, чтобы остановить французовъ. Державы колебались въ признаніи переворота: самъ Наполеонъ III не желалъ образованія цѣльной Италіи у себя подъ-бокомъ. Кавуру приходилось и обманывать державы, и бороться съ революціонерами. Гарибальди негодовалъ на медленность и на уступку французамъ его родины, Ниццы. Захвативъ Неаполь и Сицилію, онъ, какъ республиканецъ, не хотѣлъ отдавать ихъ Виктору-Эммануилу. Потомъ герой-патріотъ уступилъ и, отвергая всякія награды, удалился на свой островокъ Капреру. Венеція досталась сардинцамъ только потому, что Пруссія, выступившая тогда противъ Австріи, нуждалась въ помощи Италіи; да и то имъ пришлось выдержать тяжкую войну съ австрійцами, при чемъ, въ битвѣ при Лиссѣ, погибъ итальянскій флотъ.

Главное мученіе доставлялъ міровой римскій вопросъ. Папа не признавалъ Итальянскаго королевства и отлучилъ отъ церкви Виктора-Эммануила. А республиканцы Италіи горѣли нетерпѣніемъ освободить его подданныхъ отъ «тираніи клира». Гарибальди даже двинулся, въ 1862 году, на Римъ; но итальянскія войска остановили его у Аспромонте, гдѣ онъ былъ раненъ. Дѣло запутывалъ больше всего Наполеонъ III. Онъ колебался между своимъ кузеномъ, принцемъ Наполеономъ, женатымъ на дочери Виктора-Эммануила, и своей набожной женой, которая восклицала, что итальянцы «никогда» не получатъ Рима. Наконецъ, согласились такъ: французы очистятъ Римъ, а сардинцы не тронутъ его, перенеся столицу изъ Турина во Флоренцію. А когда, въ 1867 году, Гарибальди вновь бросился на Римъ, французы отбросили его у Ментаны на глазахъ у итальянской арміи. Итальянцы вступили безъ выстрѣла въ Римъ и сдѣлали его столицей только тогда, когда рухнула имперія Наполеона III, въ 1871 году. Папа лишился свѣтской власти, но сохранилъ духовную: правительство, по формулѣ Кавура, не вмѣшивалось даже въ назначеніе епископовъ. Пій IX объявилъ себя «нравственно плѣннымъ», отказался даже отъ пенсіи и не выходилъ изъ дворца: Ватиканъ и Квириналъ (дворецъ короля) стали непримиримыми врагами. Между тѣмъ на всю Италію была распространена сардинская конституція, а въ управленіи была введена французская централизація. Больше всего занимались разстроенными финансами да арміей, которую преобразовали по прусскому образцу.

Перевороты на Пиренейскомъ полуостровѣ. Въ Испаніи абсолютизмъ Христины вызвалъ, въ 1854 году, революцію прогрессистовъ, съ генералами О'Коннелемъ и Эспартеро во главѣ. Христинѣ пришлось опять бѣжать. Но Изабелла II пошла по стопамъ матери: она отдала власть абсолютисту Наваэсу и камарильѣ, во главѣ которой стоялъ Марфори, игравшій роль Годоя, да фанатическая сестра Патросиніо. Правительство бросилось въ дорогія и неудачныя приключенія: оно нападало на Марокко, гдѣ было постыдно остановлено Англіей, воевало въ Индо-Китаѣ и Мексикѣ, въ Перу и Чили. Наконецъ, генералы Примъ и Серрано произвели

пронунсіаменто, къ которому пристала почти вся страна. Изабелла бѣжала во Францію. Явилась конституція 1869 года. Королемъ былъ избранъ Амедей, сынъ Виктора-Эммануила.

Въ Португаліи революція сентябристовъ и массоповъ низвергла Кабраля и ввела конституцію 1852 года, назвавъ ее эрой Возрожденія. Всѣ либералы слились подъ именемъ «прогрессистовъ».

Реформы въ Швейцаріи, Бельгіи и Нидерландахъ.

Въ Швейцаріи утвердились радикалы. Уничтоживъ Зондербундъ, они создали конституцію 1848 года, превратившую союзъ государствъ въ крѣпкое союзное государство, при чемъ многое было заимствовано изъ устройства Соединенныхъ Штатовъ Америки. Съ тѣхъ поръ прекратились междоусобія. Швейцарія—единственный примѣръ отсутствія націонализма, какъ понимался онъ тогда: Союзъ состоитъ изъ французовъ, нѣмцевъ и отчасти итальянцевъ

Въ *Бельгіи* либералы управляли почти все время, не только при Леопольдѣ I, но и при его сынѣ, Леопольдѣ II, воцарившемся въ 1865 г. Они отмѣнили внутреннія таможни, улучшили сводъ законовъ, въ особенности же упрочили свѣтское и обязательное образованіе народа. Имъ мѣшалъ только излишній націонализмъ: не прекращалась борьба между валлонами и фламандцами. Въ Нидерландахъ конституція 1848 года предоставила власть «генеральнымъ штатамъ» (палатамъ), ввела отвѣтственность министровъ, расширила права парламента. Ее соблюдалъ и сынъ Вильгельма II, Вильгельмъ III, вступившій на престолъ въ 1849 г.

Реформы въ Скандинавіи.

Въ Скандинавіи настало мирное развитіе съ тѣхъ поръ, какъ она покинула мечты о міровой роли и объ «уніи». Послѣ Наполеона I «скандинавизмъ» еще больше, чѣмъ панславизмъ и паниберизмъ, сталъ лишь теоріей немногихъ. Напротивъ, началась борьба между Норвегіей и Швеціей, которыя насильственно были соединены вѣнскимъ конгрессомъ. Карлъ XIV, шведскій, особенно старался подчинить себѣ сосѣдей. Но норвежцы, у которыхъ все было датское, не исключая языка, избрали себѣ въ короли датскаго принца, который подписалъ *конституцію 1819 года*, дѣйствующую и теперь.

Карлъ принужденъ былъ подтвердить эту конституцію, а также и шведскую *конституцію* 1809 г. Онъ оказался хорошимъ правителемъ. При немъ было сдѣлано много для процвѣтанія обоихъ народовъ, особенно въ матеріальномъ отношеніи.

Хуже было положеніе *Даніи*. За ея приверженность къ Наполеону I англичане уничтожили ея флотъ и торговлю, державы отняли у нея Норвегію. При Христіанѣ IX, въ 1866 году, явилась нынѣшняя конституція. Развитію Даніи мѣшалъ націонализмъ, возгорѣвшійся по поводу *шлезвигскаго вопроса* Изъ «эльбскихъ герцогствъ» Шлезвигъ былъ населенъ датчанами, Голштейнъ—нѣмцами, которые даже причислялись къ Германскому Союзу. Нѣмцы объявили притязаніе на Шлезвигъ. Въ герцогствахъ вспыхнула война. Германскій сеймъ вступился за нѣмцевъ: онъ постановилъ произвести «союзную экзекуцію» въ герцогствахъ. Эта мѣра была поручена Пруссіи и Австріи, войска которыхъ вторгнулись въ Шлезвигъ въ 1864 году. Державы не поддержали датчанъ— и они потерпѣли жестокое пораженіе подъ Дюппелемъ. Данія принуждена была отказаться отъ герцогствъ, которыя перешли къ Пруссіи 1866 году.

Перевороты на Балканскомъ полуостровѣ.

Признавъ на парижскомъ конгрессѣ неприкосновенность Оттоманской Порты, державы заставили Абдулъ-Меджида ввести коренную реформу: *гатти-гумаюнъ* 1856 года сравнивалъ въ правахъ всѣхъ подданныхъ султана, безъ различія исповѣданій. Но онъ плохо исполнялся, вслѣдствіе сопротивленія старо-турокъ и недовѣрія христіанъ. Державы настаивали на своемъ передъ новымъ султаномъ, Абдулъ-Азисомъ, который и отдалъ власть европейски образованнымъ визирямъ, Фуаду и Али. Они ввели судебную реформу на западныхъ началахъ и учредили французскій лицей въ Константинополѣ. Но это

опять былъ только отводъ глазъ. Христіане попрежнему не довѣряли государству, основанному на Коранѣ: въ 1866 году на Критѣ вспыхнуло національное движеніе въ пользу присоединенія къ «матери-Греціи». Вскорѣ Фуадъ и Али умерли; а паденіе Наполеона III разрушило вліяніе Франціи, которая больше всѣхъ настаивала на реформахъ въ Турціи.

Попрежнему истиннымъ прогрессомъ на Балканскомъ полуостровѣ оставалось отпаденіе христіанъ отъ власти султана. На парижскомъ конгрессѣ державы взяли Дунайскія княжества подъ свою защиту. Главнымъ образомъ благодаря Наполеону III, оба государства слились въ одну *Румынію* въ 1859 году. Княземъ ея былъ избранъ молдавскій бояринъ Александръ I. Онъ освободилъ крестьянъ съ землей. Помѣщики низвергли его и избрали Карла I изъ Гогенцоллерновъ. Карлъ далъ конституцію 1866 года, по образцу Бельгіи. Администрація была устроена по примѣру Франціи. Карлъ опирался на «красныхъ» приверженцевъ Германіи, руководимыхъ «румынскимъ Бисмаркомъ», Братіано. Эта партія успѣшно боролась съ «бѣлыми», опиравшимися на Россію и Францію. Она поправила финансы, ввела французскую монетную систему, устроила армію по прусскому образцу.

Въ Сербіи внукъ Милоша, Михаилъ, добился, съ помощью державъ, устраненія турецкихъ гарнизоновъ и мечталъ объ объединеніи всѣхъ сербовъ, т. е. о присоединеніи Босніи, Герцоговины и Черногоріи. Но развитію Сербіи мѣшала вражда между династіями Обреновичей и Карагеоргіевичей, которую поддерживало соперничество Россіи съ Австріей. Съ помощью австрійцевъ Карагеоргіевичамъ удалось умертвить Михаила (1868) . Но скупщина выбрала княземъ его родственника, малолѣтняго Милана. Регентъ, глава либераловъ, Ристичъ, ввелъ конституцію 1869 года. Въ Сербіи началась политическая жизнь Европы, съ обычною борьбой партій. Въ Черногоріи «владыка» Даніилъ сталъ свѣтскимъ «княземъ»; а когда онъ былъ убитъ (1860), его сынъ Николай, далъ, въ 1879 году, нѣчто вродѣ конституціи и ввелъ французскій кодексъ. Но политическая жизнь въ Черногоріи задерживалась войнами съ Портой и съ мусульманскими албанцами. Лишь подконецъ настало спокойствіе: черногорцамъ обезпечивается нейтралитетъ, благодаря родственнымъ связямъ князя съ Россіей и Италіей. Въ Болгаріи развивался національизмъ, подъ вліяніемъ Россіи, которая заставила султана признать независимость ея церкви, съ экзархомъ во главѣ (1870). Болгары уже устроили одно возстаніе противъ Порты; но оно привело, въ 1876 году, только къ «болгарскимъ звѣрствамъ» со стороны турокъ. Греція оживилась подъ вліяніемъ крымской войны..Она хотѣла захватить Ѳессалію, но державы остановили ее. Народъ окончательно возненавидѣлъ за это Оттона и низвергъ его. Онъ избралъ датскаго принца, Георга I, кандидата Англіи, которая тогда же уступила грекамъ Іоническіе острова. Явилась конституція 1864 года. Началась оживленная борьба партій: во главѣ націоналовъ былъ Деліаннсъ; за европейское вліяніе стоялъ Трикуписъ.

Реформы въ Англіи. Англія продолжала свои реформы среди благодатнаго затишья, благодаря Викторіи, которая оказалась идеаломъ конституціоннаго короля. Англичане недаромъ назвали царствованіе своей любимицы «вѣкомъ Августа». Въ литературѣ утвердился реальный романъ, благодаря Диккенсу, Бульверу, Теккерею и ряду серьезныхъ писательницъ. Въ исторіи блистали Маколей и Карлейль, въ философіи и экономикѣ—Милль и Спенсеръ, въ естествовѣдѣніи—Фарадэй, Лайель и Дарвинъ. Новыя изобрѣтенія затмевали чудеса сказокъ такими сооруженіями, какъ «трансатлантическій кабель» (подводный телеграфъ) 1858 года. Матеріальное богатство достигло невиданныхъ размѣровъ, какъ доказывали уже всемірныя выставки, начиная съ 1851 года. Пьянство слабѣло съ возвышеніемъ налога на водку и пониженіемъ его на чай. Число нищихъ и преступниковъ падало.

Явились и новыя преобразованія въ *Индіи*, вызванныя страшнымъ предостереженіемъ. Тамъ реформа 1833 года мало помогла туземцамъ. Лондонскіе «директора» только получали свои %, а ихъ агенты угнетали индусовъ. Въ 1857 году они довели 250.000 «сипаевъ» (туземное войско,, обученное по-европейски) до возстанія. Два года длилась эта жестокая «война рабовъ», которые массами истребляли англичанъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Когда мятежъ былъ подавленъ, Индійская Компанія была окончательно уничтожена. Въ Лондонѣ учредили должность министра для Индіи.

Туземцы были допущены ко всѣмъ должностямъ; для ихъ обученія былъ открытъ рядъ гимназій. Централизація управленія была завершена тѣмъ, что, въ 1876 году, королева Великобританіи приняла титулъ *императрицы Индіи*. За Каналомъ опять настало затишье, которое благотворно дѣйствовало на материкъ, также жаждавшій покоя послѣ ужасныхъ 1860-хъ годовъ, когда въ крови рождалась германская нація.

ЛЕКЦІЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

IX. 1870—1890 г.

XIX-й вѣкъ вообще выдѣляется сравнительнымъ миролюбіемъ. Цѣлыхъ 40 лѣтъ (1814—1854) протекли безъ европейскихъ войнъ, которыми былъ наполненъ XVIII вѣкъ. Затѣмъ только 1860-е годы были тревожны, благодаря націонализму въ Италіи и особенно въ Германіи. А послѣ нихъ была одна только большая война—русско-турецкая (1878); но это—восточное дѣло, связанное съ Европой только націонализмомъ славянъ. Вообще послѣ 1870 г., покончивши съ націонализмомъ на Западѣ, кровопролитіе переносится на востокъ и въ міръ колоній. Европою же все сильнѣе овладѣваетъ духъ миролюбія. Послѣднія національныя войны, со всѣми ужасами новѣйшей техники, съ массою борцовъ, внушили всѣмъ страхъ и отвращеніе. **Миролюбіе.**

Дипломатія, вмѣсто того, чтобы разжигать страсти и устраивать «конфликты», старается умиротворять народы. Она склонилась даже къ выработанной жизнью новой основѣ международнаго права, о которой такъ давно мечтали лучшіе люди: съ 1863 появляется *третейскій судъ* между націями. Но пока утвердится эта основа, дипломатія старалась соблюдать новое *равновѣсіе* силъ, въ видѣ великихъ европейскихъ союзовъ. Она дошла тутъ до небывалой формы *вооруженнаго мира*.

Тройственница и двойственница. Послѣ войны 1870 г. Берлинъ, съ его Бисмаркомъ, сталъ такимъ же вершителемъ судебъ Европы, какимъ были Вѣна съ Меттернихомъ послѣ вѣнскаго конгресса. И Бисмаркъ объявилъ, что «насыщенная» Германія думаетъ только о сохраненіи выгоднаго ей status quo, т. е. существующаго порядка вещей. Сначала ему мѣшалъ только эльзасъ-лотарингскій вопросъ. Эльзасъ-Лотарингія была присоединена къ Германіи вопреки желанію населенія; и французы считали справедливымъ возвратить ее путемъ «реванша», отместки. Но они пришли къ формулѣ Гамбетты: «будемъ думать объ этомъ всегда, но не будемъ никогда говорить объ этомъ».

Когда Франція стала увеличивать свою армію, въ 1875 году, Бисмаркъ объявилъ это «угрозою» нѣмцамъ, и самъ сталъ готовиться къ новой войнѣ съ «наслѣдственнымъ врагомъ». Французы обратились за помощью къ Россіи. Александръ II успокоилъ ихъ,—и все затихло. Съ тѣхъ поръ Бисмаркъ объявилъ Германію «оплотомъ общаго мира». Къ Пруссіи тотчасъ же примкнула Австрія, гдѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ Андраши, настоящій мадь-

яръ, врагъ славянъ и другъ Бисмарка; вытѣсненный изъ Германіи Габсбургъ обратился на востокъ, какъ уже давно совѣтовалъ ему Бисмаркъ. Къ Берлину склонялась и Италія, въ виду криковъ французскихъ ультрамонтановъ о возстановленіи свѣтской власти папы. Но Бисмарку хотѣлось обезоружить и Россію, гдѣ славянофилы уже роптали на него за дружбу съ Вѣной. Ему удалось склонить ее на свою сторону при жизни Александра II, который помнилъ его услугу въ 1863 г. и былъ личнымъ другомъ Вильгельма I. Бисмаркъ устроилъ даже, ради общаго мира, союзъ трехъ императоровъ (1872), хотя безъ трактата. Единеніе восточныхъ державъ поддерживалось частыми свиданіями между Александромъ, Вильгельмомъ и Францемъ-Іосифомъ.

Но союзъ императоровъ разстроился съ берлинскаго конгресса 1878 г., гдѣ Бисмаркъ сталъ за Австрію, которая и начала распространять свое вліяніе среди балканскихъ христіанъ. Александръ II сталъ даже вооружаться на границахъ Австріи; а Францъ-Іосифъ заключилъ съ Вильгельмомъ I «мирный и оборонительный союзъ», направленный противъ Россіи, которая даже собирала войска въ Польшѣ. Но Бисмаркъ опасался войны «на два фронта» и желалъ опереться еще на Италію противъ Франціи. Италія и сама боялась Франціи, которая, помимо папскаго вопроса, сталкивалась съ нею въ Тунисѣ, покидая политику «сосредоточенія въ себѣ самой». Отсюда возникновеніе, въ 1883 году, *тройственницы*—союза Германіи, Австріи и Италіи, «для поддержанія мира». Сначала къ ней льнули всѣ монархіи. Короли Испаніи, Сербіи, Румыніи пріѣзжали въ Берлинъ. Англія сблизилась съ Италіей, столкнувшись съ Франціей по поводу Египта и съ Россіей—изъ за Афганистана. Бисмаркъ, какъ ловкій «маклеръ» (такъ онъ самъ назвалъ себя на берлинскомъ конгрессѣ), устроилъ даже «перестраховку»: состоя въ союзѣ съ Австріей противъ Россіи, онъ обезпечивалъ Петербургу «доброжелательный нейтралитетъ» противъ Англіи.

Но вскорѣ дипломатическая сѣть маклера была прорвана. Тройственница очевидно угрожала Россіи и Франціи. Между этими державами давно замѣчалось стремленіе къ сближенію. Въ 1875 г. Александръ II уже избавилъ французовъ отъ новаго нашествія нѣмцевъ. Послѣ берлинскаго конгресса сближеніе развивалось путемъ журналистики обѣихъ странъ и общественныхъ заявленій. Оно усилилось съ воцареніемъ Александра III. Новый царь былъ обиженъ заступничествомъ Австріи и Германіи за Фердинанда Болгарскаго, которому онъ не сочувствовалъ. Въ то же время нѣмецкіе кредиторы стали сбывать русскія бумаги, а Бисмаркъ увеличивалъ армію и объявилъ о возобновленіи тройственницы (1891). Тотчасъ же начались оффиціальныя заявленія дружбы между Россіей и Франціей: въ 1893 году французская эскадра была съ восторгомъ встрѣчена въ Кронштадтѣ, русская—въ Тулонѣ; нашъ заемъ былъ покрытъ во Франціи. Двойственница была упрочена, когда императоръ Николай II посѣтилъ Парижъ, въ 1896 году, причемъ огласился уже формальный союзъ между Россіей и Франціей. Такъ глухая борьба между тройственницей и двойственницей оказалась новою формой политическаго равновѣсія, которая обезпечиваетъ всеобщій миръ. Благодаря ей, такое опасное дѣло, какъ восточный вопросъ, уже не вызывалъ европейскихъ войнъ.

Послѣ войны 1870 г., Франція устранилась—и Порта была предоставлена собственнымъ силамъ. Россія опять получила преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, особенно въ Болгаріи. У нея образовался славянскій комитетъ, помогавшій туземнымъ славянамъ. Оттого восточный вопросъ разгорался вновь. Абдулъ-Азисъ и не думалъ о реформахъ Фуада и Али. Его расточительность довела Порту почти до полнаго банкротства. Подати стали невыносимы—и нищіе герцеговинцы возстали; за ними послѣдовали болгары,

а Сербія и Черногорія объявили войну Портѣ. Державы потребовали отъ султана реформъ; чтобы избавиться отъ ихъ контроля, выступила конституціонная партія «младо-турокъ», во главѣ которой стоялъ европейски образованный Митхадъ-паша. Абдулъ-Азисъ былъ низвергнутъ съ престола и зарѣзался ножницами. Его преемникъ, Абдулъ-Гамидъ II вручилъ власть Митхаду и далъ конституцію въ 1876 году.

Но вслѣдъ затѣмъ Митхадъ впалъ въ опалу, а палаты были распущены. Началось старое хозяйство Порты. Сербы были разбиты арміей султана, а «баши-бузуки» (иррегулярныя войска) произвели въ Болгаріи такія «звѣрства», какъ выразился Гладстонъ, что отъ нихъ содрогнулась вся Европа. Державы разувѣрились въ способности турокъ къ реформамъ и отступились отъ нихъ. Объявивъ нейтралитетъ, Россія заставила Абдулъ-Гамида примириться съ сербами, затѣмъ ея войска вторгнулись въ его предѣлы, въ союзѣ съ румынами и черногорцами. Турецкая война, гдѣ мы сначала терпѣли пораженія (Плевна, Зивинъ), окончилась разгромомъ турокъ. Русскіе дошли до Адріанополя и взяли бы Константинополь, если бы ихъ не остановили державы, съ Англіей во главѣ. По санъ-стефанскому договору, они освободили почти всѣхъ христіанъ Турціи. Но державы сократили его условія на берлинскомъ конгрессѣ 1878 года.

Сербія, Румынія и Черногорія были признаны независимыми, Болгарія стала автономнымъ вассаломъ султана, но южная половина ея (Восточная Румелія) осталась за Турціей. Конгрессъ дозволилъ Австріи «оккупацію» (занятіе) Босніи и Герцеговины безъ срока. Россія получила Карсъ и Батумъ въ Азіи, а въ Европѣ—румынскую Бессарабію. Румыніи дали Добруджу, Порта принуждена была еще уступить грекамъ Ѳессалію и часть Эпира, а англичанамъ—Кипръ. За нею сохранились, въ Европѣ, только остальной Эпиръ съ Албаніей, Румелія и Македонія. Въ Турціи настало затишье, если не считать мятежей албанцевъ противъ черногорцевъ и постоянныхъ волненій на Критѣ, гдѣ христіанское «національное собраніе», поддерживаемое комитетомъ въ Аѳинахъ, враждовало съ мусульманскимъ губернаторомъ. Митхадъ былъ сосланъ; младо-турки бѣжали за-границу и превратились въ революціонеровъ. Султанъ занимался только переустройствомъ арміи, съ помощью пруссаковъ. Иностраннымъ кредиторамъ были предоставлены таможенные сборы.

Утвержденіе третьей республики.

Самою важною изъ мирныхъ реформъ послѣ 1870 года было утвержденіе республики во Франціи. Монархическое собраніе продержалось всего пять лѣтъ, объявивъ орлеаниста Тьера «президентомъ». Онъ заслужилъ имя «освободителя земли», избавивъ Францію отъ пруссаковъ, благодаря внутреннему займу, который въ 14 разъ покрылъ контрибуцію. Тогда же была преобразована армія, по примѣру Пруссіи. Затѣмъ Тьеръ вышелъ въ отставку—и монархисты овладѣли властью, выбравъ въ президенты «новаго Баярда» орлеанистовъ, Макъ Магона. То было боевое правительство «нравственнаго порядка». Въ немъ сливались легитимизмъ съ орлеанизмомъ: оно хотѣло провозгласить королемъ «Генриха V», а его наслѣдникомъ—графа Парижскаго.

Уже былъ назначенъ день въѣзда Генриха V, какъ вдругъ онъ отказался замѣнить бѣлое знамя трехцвѣткой, которой требовала нація. Тогда собраніе поспѣшило упрочить свою власть: явился «септеннатъ», т. е. вручили Макъ-Магону президентство на 7 лѣтъ. Но у монархистовъ возникли раздоры; въ то же время пошли слухи о предстоящемъ новомъ вторженіи пруссаковъ, и большинствомъ одного голоса была принята республика. Тогда-то явилась *конституція* 1875 года, дѣйствующая и теперь. Избираемый на семь лѣтъ президентъ распускаетъ палату только съ согласія сената. Ми-

нистерство однородно и отвѣтственно передъ палатами. Сенатъ на $^3/_4$ избирателенъ. Въ сущности, власть принадлежитъ палатѣ депутатовъ, избираемой на четыре года. Члены обѣихъ палатъ получаютъ жалованье. Обезпечиваются всѣ политическія вольности. Франція окончательно стала республикой—и единственной въ свѣтѣ цѣльной: всѣ другія республики федеративны.

Монархисты превратились въ «консерваторовъ». Но они вели прежнюю борьбу съ республиканцами. Макъ-Магонъ открыто выступилъ за нихъ, опираясь на клиръ. Но новые выборы дали огромное большинство республиканцамъ. Макъ-Магонъ былъ замѣненъ радикаломъ Греви (1879). Настало *господство республиканцевъ*, тѣмъ болѣе, что старшая линія Бурбоновъ прекратилась со смертью графа Шамбора (1883), а бонапартисты перессорились: Принцъ Наполеонъ (сынъ Жерома Вестфальскаго) отказался даже отъ своего сына, Виктора. Республиканцы ввели даровое, обязательное и свѣтское первоначальное обученіе. Были изгнаны монашескія конгрегаціи, съ іезуитами во главѣ, и всѣ претенденты на престолъ; а амнистія возвратила коммунаровъ. 14-е іюля стало національнымъ праздникомъ. Въ 1884 году законъ о ремесленныхъ синдикатахъ разрѣшалъ рабочимъ устраивать сообщества, вродѣ англійскихъ ремесленныхъ союзовъ. Республиканцы должны были искать новыхъ рынковъ для французской промышленности: отсюда ихъ экспедиціи въ Тунисѣ, Суданѣ и Конго, въ Тонкинѣ, Аннамѣ, на Мадагаскаръ и Таити. Явились новые каналы, мосты, порты, желѣзныя дороги, роскошныя зданія и т. п. Вокругъ Парижа и на границахъ строились новые форты и крѣпости.

Оппортунизмъ и буланжизмъ. Но среди республиканцевъ наставалъ расколъ. Гамбетта началъ склоняться къ умѣренности, и радикализмъ возросталъ, съ возвращеніемъ коммунаровъ, вождь которыхъ, Рошфоръ, сталъ издавать газету «Непримиримый» (Intransigeant). Гамбетта уже возставалъ противъ «политики мечтаній»: «Нужно, говорилъ онъ, мѣнять политику сообразно съ перемѣнами въ самомъ мірѣ». Радикалы назвали эту политику *оппортунизмомъ*, т. е. приноровленіемъ къ обстоятельствамъ. Къ Гамбеттѣ охладѣвали и умѣренные республиканцы, упрекая его за повелительный тонъ его «тронныхъ рѣчей», за самовеличаніе среди своей «свиты». Когда онъ добился власти, иронически заговорили о «великомъ министерствѣ». Вскорѣ Гамбетта долженъ былъ выйти въ отставку, и его постигла внезапная смерть (1882). Его преемникъ, надменный, упрямый Ферри, угождалъ нѣмцамъ и англичанамъ, чтобы имѣть свободныя руки въ Тонкинѣ: тамъ онъ, вопреки палатѣ, втянулся въ неудачное предпріятіе, которое привело къ войнѣ съ Китаемъ. Такъ какъ разразился еще торговый кризисъ, то возникли дефициты и возросъ долгъ. Ферри долженъ былъ выйти въ отставку (1885). Новые выборы увеличили число консерваторовъ въ палатѣ: здѣсь республиканцы уже могли держаться противъ нихъ только посредствомъ «концентраціи» или слiянія оппортунистовъ съ радикалами.

Монархисты ликовали и начали дѣлать дерзкія заявленія не только въ газетахъ и на улицахъ, но и среди арміи. Военный министръ Буланжэ принялъ строгія мѣры противъ военныхъ, измѣнявшихъ республикѣ. Онъ подвергся жестокимъ нападеніямъ со стороны монархистовъ, которыхъ поддерживала печать Германіи, и тѣмъ пріобрѣлъ необыкновенную популярность. Вытѣсненный изъ министерства, онъ сталъ центромъ мечтавшей о «реваншѣ» «Лиги патріотовъ» Деруләда, къ которымъ примкнули «непримиримые» Рошфора. *Буланжизмъ* поддерживался рядомъ правительственныхъ скандаловъ, въ которыхъ былъ замѣшанъ зять Греви, продававшій ордена. Президентъ подалъ въ отставку.

На его мѣсто былъ избранъ оппортунистъ Карно, внукъ знаменитаго стратега. Его правительству пришлось выдержать борьбу съ буланжизмомъ, который превратился въ монархизмъ, чтобы только «пробить брешь въ республикѣ». Буланжисты требовали «ревизіи» или пересмотра конституціи и распаляли ненависть къ нѣмцамъ, которые раздражали тогда французовъ дерзкими правонарушеніями на границѣ. Они нападали на министровъ за то, что тѣ, въ угоду тройственницѣ, «пролили русскую кровь», стрѣляя въ казаковъ Ашинова, занявшихъ землю во французской колоніи у Краснаго м. Они пользовались всеобщимъ смятеніемъ; тогда вспыхнули стачки, лопались банки; въ палатѣ депутаты обвиняли другъ друга въ грязныхъ сдѣлкахъ. Буланжэ становился героемъ дня: его окружали шумными манифестаціями, которыя устраивались на деньги графа Парижскаго. Республиканцы, наконецъ, очнулись. Вождь оппортунистовъ, Клемансо, основалъ Общество Правъ Человѣка и Гражданина. «Концентрація» отдала Буланжэ и Рошфора подъ судъ сената, который приговорилъ ихъ, какъ заговорщиковъ и мошенниковъ, къ заточенію. Они успѣли бѣжать за границу въ 1889 году. Тамъ Буланжэ вскорѣ застрѣлился. Буланжизмъ или «ревизіонизмъ» исчезъ; новые выборы дали огромное большинство республиканцамъ.

Демократизмъ въ Англіи. Гомруль.

Въ Англіи министерство *Гладстона* провело важныя прогрессивныя мѣры, тѣмъ болѣе, что оно держалось мирной, нейтральной политики во вѣшнихъ дѣлахъ. Главною задачей Гладстона сталъ ирландскій вопросъ, такъ какъ феніи устроили цѣлый бунтъ въ 1867 году. Гладстонъ провелъ законъ, который почти отмѣнялъ государственную церковь въ Ирландіи. Затѣмъ онъ обязалъ землевладѣльцевъ давать арендаторамъ вознагражденіе за улучшенія участка. Но ирландцы желали *гомруля* или «домашняго правленія», т. е. полной независимости, съ парламентомъ въ Дублинѣ. Во главѣ гомрулеровъ сталъ достойный преемникъ О'Коннеля, Парнель, англичанинъ и протестантъ, но до самозабвенія преданный Ирландіи: онъ вскорѣ пріобрѣлъ значеніе «невѣнчаннаго короля Ирландіи». Отвергая революціонныя средства, Парнель взялся за законную борьбу—посредствомъ «обструкціи» или системы препонъ: его ирландская бригада» задерживала въ парламентѣ всѣ дѣла, пользуясь правомъ каждаго депутата говорить сколько угодно, требовать поименной голосовки своихъ предложеній и провѣрять число голосовъ.

Такъ какъ фермеры продолжали голодать, то задачей всего острова стало «отвоеваніе ирландской земли». Съ этою цѣлью, Парнель вступилъ въ союзъ съ феніями, руководимыми Дэвиттомъ: отсюда могучая Аграрная Лига для превращенія ирландскихъ фермеровъ въ мелкихъ собственниковъ. Въ отпоръ ей, Гладстонъ, во второе свое министерство (1880—1885), провелъ аграрный билль, который вводилъ долгосрочную аренду и помощь государства для выкупа крестьянами земель у лордовъ. Но въ то же время былъ изданъ «утѣснительный» билль, по которому можно было бросить въ тюрьму всякаго подозрительнаго, безъ суда,—и тотчасъ были арестованы Парнель и его товарищи. Въ Ирландіи вспыхнуло негодованіе, руководимое сестрой Парнеля, которая образовала лигу женщинъ. Явился новый способъ «пассивнаго сопротивленія» — не платить аренды и наказывать лордовъ за «эвикціи» (выдвореніе фермеровъ) прекращеніемъ всякихъ сношеній съ ними; онъ былъ примѣненъ впервые къ капитану Бойкоту и потому названъ «бойкотированіемъ» (1880).

Затѣмъ воскресли «аграрныя преступленія»: «терроръ» былъ поставленъ на очереди. Наконецъ, самъ Гладстонъ превратился въ гомрулера: въ 1886 г. онъ предложилъ билль о дублинскомъ парламентѣ съ отвѣтственнымъ ирландскимъ министерствомъ. Но палата отвергла его. А послѣ него, консервативное министерство Сольсбери издало «драконовскій» законъ «подавленія преступленій

въ Ирландіи», исполнителемъ котораго явился племянникъ премьера, суровый Бальфуръ. Возобновились такія безбожныя эвикціи, что сами англичане припоминали «болгарскія звѣрства». Полиція даже бросала въ тюрьму ирландскихъ депутатовъ. Ирландцы отвѣчали бойкотированіемъ, убійствами и поджогами. Подъ вліяніемъ пылкаго Дэвитта, они вознегодовали на умѣренность Парнеля. Истомленный патріотъ умеръ (1891) въ то самое время, когда, благодаря его усиліямъ, самъ Бальфуръ провелъ новый билль о выкупѣ земель ирландскими фермерами.

Гладстонцы и имперіалисты. Во внутренней политикѣ за гладстонцевъ стоялъ народъ. Чтобы бороться съ ними, консерваторы пытались разжечь «джингоизмъ»—національную щекотливость, увлекали народъ идеаломъ великой, могучей имперіи. Они-то создали «императрицу Индіи», вопреки гладстонцамъ, которые готовы были, напротивъ, допустить отдѣленіе колоній. Консерваторы приняли названіе *имперіалистовъ*. Они не хотѣли и слышать о гомрулѣ, а во внѣшней политикѣ воскрешали преданія Пальмерстона. Послѣдняго напоминалъ ихъ вождь, Дизраэли, бывшій радикалъ, чартистъ, ставшій теперь лордомъ Биконсфильдомъ. Онъ началъ проповѣдовать воинствующую монархію, опирающуюся на массы и на церковь. Онъ-то остановилъ русскихъ у Сан Стефано. За это Англія получила отъ султана Кипръ, который вмѣстѣ съ Мальтой и Гибралтаромъ, отдавалъ ей Средиземное море и Суэзскій каналъ, т. е. путь въ Индію. Дизраэли воевалъ съ ашантіями, зулу и басутами, думая создать южно африканскую федерацію. Онъ бросился на Афганистанъ, чтобы дать британской Индіи «научныя границы». Дизраэли до того разжегъ «горячку присоединеній», что, послѣ него, самъ Гладстонъ принужденъ былъ согласиться на «временную» оккупацію Египта (1882) и вообще вести «политику-ублюдокъ» во внѣшнихъ дѣлахъ. Это и способствовало новому паденію «великаго старца», тѣмъ болѣе, что, въ 1886 году, на сторону имперіалистовъ перешла часть его собственныхъ друзей, назвавшихся «уніонистами». Это—противники гомруля, которыми руководилъ вождь радикаловъ, самонадѣянный и упорный Чемберленъ.

Новый вождь послѣднихъ консерваторовъ маркизъ Сольсбери, оказался человѣкомъ гибкимъ, весьма образованнымъ и благороднымъ: то былъ достойный соперникъ Гладстона. Въ иностранной политикѣ онъ ограничивался удержаніемъ Египта, ссылаясь на опасность отъ дервишей Судана, да присоединеніемъ Занзибара и земли Сомалей. Еще онъ позволялъ себѣ выходки противъ Франціи и Россіи и любезничанье съ тройственницей, особенно съ Берлиномъ. А во внутреннихъ дѣлахъ Сольсбери тотчасъ же, въ 1888 году, провелъ радикальную реформу *мѣстнаго управленія* или распространеніе муниципальной автономіи на провинціи, которыя управлялись все еще мировыми судьями.

Германская имперія. Бисмаркизмъ. Германская имперія 1871 года—союзное государство. Но всѣ части его крѣпко связаны центральной, наслѣдственной въ домѣ Гогенцоллерновъ, властью «президента союзнаго совѣта» или германскаго императора. Союзный совѣтъ сталъ канцеляріей Бисмарка, который держалъ міръ въ тревогѣ и своимъ хитрымъ «маклерствомъ», и «вооруженнымъ миромъ». Онъ безъ конца усиливалъ вооруженія Германіи, вынуждая къ тому нѣмцевъ угрозами Россіи и особенно Франціи, которую онъ часто задѣвалъ то обидными строгостями въ Эльзасѣ, то дерзкими выходками или лично въ рейхстагѣ, или черезъ своихъ «рептилій» и шпіоновъ. Не имѣя возможности воевать «на два фронта», Бисмаркъ началъ безпокойную колоніальную политику въ Африкѣ и Океаніи. Ему пришлось вести вѣчную войну и внутри Германіи, изворачиваясь между враждебными направленіями и представляя собой самый яркій типъ беззастѣнчиваго оппортуниста. Онъ то возстановлялъ партіи другъ противъ друга,

то устраивалъ между ними «картели», «компромиссы» или сдѣлки, переходя изъ лагеря въ лагерь и возвѣщая о «новыхъ «эрахъ. Все это время въ исторіи Германіи называютъ эпохой «конфликтовъ». Они сосредоточивались вокругъ вопроса о вооруженіяхъ, которыя были не подъ силу странѣ. Германія обѣднѣла послѣ французскихъ милліардовъ, которые вызвали только горячку «учредительства» широкихъ предпріятій, приводившихъ къ «крахамъ» или раззореніямъ.

Между прочимъ изъ партій рейхстага самыми сильными были націонал-либералы, эти носители національзма и твердая опора Бисмарка, съ которымъ они расходились только въ томъ, что требовали отвѣтственности канцлера. Консервативы« Крестовой Газеты», враждебные «поглощенію Пруссіи Германіей», не имѣли значенія. Настоящую оппозицію оказывали *свободомыслящіе*, которые отстаивали парламентаризмъ и свободу торговли.

Культурная борьба и реформы.

Но вскорѣ образовался могущественный «центръ», руководимый «гвельфомъ» Виндтгорстомъ. Это—искусные, упорные ультрамонтаны, которые получали золото изъ Ватикана и черезъ іезуитовъ имѣли связи съ сильными міра повсюду. Они были близки также къ массамъ. Наконецъ, они пользовались большими правами, которыя доставили имъ Гогенцоллерны послѣ 1848 г., чтобы искоренить революціонный духъ: церковь пріобрѣла въ Пруссіи независимость, сохранивъ свои старыя привилегіи. Но съ присоединеніемъ южныхъ государствъ она оказалась въ рукахъ католиковъ, которые и образовали центръ.

Бисмаркъ не понялъ этой силы. Защитникъ современной культуры, онъ презиралъ такой пережитокъ средневѣковья, какъ Ватиканъ: «Мы не пойдемъ въ Каноссу!» гордо воскликнулъ онъ. Націоналъ-либералы назвали ультрамонтановъ «врагами имперіи» и цивилизаціи, противъ которыхъ должно поднять безпощадную *культурную борьбу*. Центръ тотчасъ же потребовалъ возстановленія свѣтской власти папы и включенія въ имперскую конституцію статьи церкви». А нѣмецкіе владыки начали изгонять старокатоликовъ изъ школъ и университетовъ. На ультрамонтановъ посыпался рядъ ударовъ, именуемыхъ «майскими законами». Ихъ молодежь подвергли экзамену изъ «общей культуры» (свѣтскія науки); изгнали іезуитовъ, бросали въ тюрьму непокорныхъ епископовъ; прервали сношенія съ Ватиканомъ. Ультрамонтаны и даже консервативы начали громить канцлера, какъ «друга жидовъ и мятежниковъ». Одинъ католикъ-рабочій совершилъ покушеніе на его жизнь. Къ нимъ началъ склоняться Вильгельмъ I.

Бисмаркъ сдался. Постепенно отмѣнялись майскіе законы. Императоръ съ супругою съѣздили въ Ватиканъ, на поклонъ новому папѣ, Льву XIII (1881). Такъ желѣзный канцлеръ былъ побѣжденъ «черною» партіей. Но цивилизація вышла побѣдительницей изъ культурной борьбы. Бисмаркъ принужденъ былъ опираться на либеральныя партіи, которыя оживились. Плодами борьбы оказались: изгнаніе іезуитовъ изъ всей имперіи, отмѣна монастырей въ Пруссіи, переходъ школъ въ вѣдѣніе государства, обязательный гражданскій бракъ. Тогда же въ имперіи возникли: гражданскій кодексъ, судебная реформа, общая монета (марка=$1^1/_4$ франка), имперскій банкъ; а въ Пруссіи явилось земство—окружные и провинціальные сеймы, истребившіе вотчинные суды и помѣщичью полицію.

Между прочимъ Бисмаркъ выдвинулъ «соціальную политику» и принялся за государственный соціализмъ»: правительство овладѣвало желѣзными дорогами и вводило монополіи. А для промышленниковъ Бисмаркъ сталъ заводить колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта: возникла цѣлая нѣмецкая Африка.

Фридрихъ III и Вильгельмъ II. Паденіе Бисмарка.

Со смертью Вильгельма I (1888) умиралъ и бисмаркизмъ. Сынъ покойнаго императора, *Фридрихъ III*, былъ идеалистомъ на тронѣ. Во время войны 1870 г. онъ говорилъ Мольтке: «Вы воюете противъ цивилизаціи». Теперь онъ возвѣстилъ народу: «Я равнодушенъ къ блеску великихъ дѣяній, при-

носящихъ славу». Будучи наслѣдникомъ, Фридрихъ жилъ, заброшенный, утѣшаясь любовью дѣтей и своей жены, дочери королевы Викторіи. О немъ забыли даже упомянуть при объявленіи о смерти отца; и когда, послѣ его собственной смерти, его дневникъ былъ напечатанъ однимъ профессоромъ, Бисмаркъ счелъ это «измѣной». Въ дневникѣ выразилась миролюбивая, правдивая, просвѣщенная душа всѣми любимаго монарха. Фридриха не терпѣли только бисмаркисты. Фридрихъ процарствовалъ всего 100 дней; его похороны были народною печалью.

Воцарился *Вильгельмъ II*; 29-лѣтній императоръ былъ другомъ Бисмарка. Но Вильгельмъ высказывалъ много подвижности: онъ лично вмѣшивался во все, любилъ говорить и путешествовать, мѣнялъ планы и политическіе «курсы». Нѣмцы называли его то Непостижимымъ, то Странствующимъ.

Національизмъ и партіи въ Австріи.

Послѣ первыхъ заявленій въ духѣ бисмаркизма, Вильгельмъ вдругъ заговорилъ иначе. Вслѣдъ за обширной стачкой угольщиковъ въ Вестфаліи, онъ возвѣстилъ, что намѣренъ продолжать дѣла дѣда по отношенію къ «неимущимъ» и, перехватывая мысль швейцарцевъ, созвалъ международную конференцію для изслѣдованія рабочаго вопроса. Его тяготила опека желѣзнаго канцлера, который, по поводу конференціи назвалъ его «почетнымъ членомъ Интернаціонала». Бисмаркъ погрозилъ отставкой, какъ онъ всегда дѣлалъ съ Вильгельмомъ I. Но отставка была принята въ 1890 г. Желѣзный канцлеръ удалился въ свое роскошное имѣніе, во Фридрихсруэ.

Послѣ соглашенія 1867 года, жизнь Австріи и Венгріи шла параллельно. Такъ какъ преобладали мадьяры и нѣмцы, то имперія держалась тройственницы, подчинялась Бисмарку, истощалась на вооруженія. Впрочемъ, въ Венгріи, гдѣ мадьярскій элементъ силенъ (хотя онъ составляетъ $^1/_3$ населенія), жизнь шла правильнѣе. Покой нарушался только хорватами, которые сохранили свою автономію и мечтали о воскрешеніи Великой Хорватіи: имъ пришлось уступить Военную Границу. Остальныя же народности въ Венгріи такъ мелки, что подчиняются мадьяризаціи.

Въ Австріи же было безпокойно. Попрежнему шла борьба между централистами и федералистами или между нѣмцами и славянами; но нѣмецкій элементъ былъ такъ слабъ, что національный вопросъ разгорался и мѣшалъ правильному развитію государства. Славяне нерѣдко срывали рейхсратъ своимъ отсутствіемъ. Несмотря на конституціонную «равноправность» народностей, нѣмецкій языкъ, на которомъ, правда, эти народности только и могли понимать другъ друга, остался государственнымъ. У разныхъ народностей были свои партіи. Между прочимъ, въ Богеміи образовалось двѣ партіи: аристократическіе старочехи, съ Ригеромъ во главѣ, отступились отъ независимости своей страны и признали тройственницу; демократическіе младочехи, съ Грегромъ во главѣ, требовали короны Вячеслава и союза съ Россіей.

Мегаломанія и галлофобія.

Въ Италіи все успокоилось послѣ объединенія. Власть перешла къ лѣвой, которая называлась до тѣхъ поръ радикальной, а теперь заявила свою «привязанность къ Савойскому дому». Эта партія избиралась преимущественно изъ южанъ, особенно сицилійцевъ, которые давно увлекались радикализмомъ. Республиканцы же, весьма дѣятельные на югѣ и въ большихъ городахъ, выдвигали націонализмъ: здѣсь-то господствовали «ирредентисты», которые требовали возвращенія не только Тироля и Тріеста, но также Ниццы, Савойи, Корсики, Мальты и швейцарскаго Тессина. Они составляли тайныя общества и даже покушались на жизнь преемника Виктора-Эмануила, Гумберта I, какъ только онъ вступилъ на престолъ въ 1878 году.

Тройственница привела къ *мегаломаніи* или маніи величія и присоединеній, къ національной щекотливости. Подъ вліяніемъ Бисмарка, передъ которымъ благоговѣли Гумбертъ и его министры, развивалась *галлофобія* или не-

нависть къ Франціи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ французы пріобрѣли протекторатъ надъ Тунисомъ, а ихъ другъ, Гарибальди, умеръ 1882). Правительство начало кричать о вознагражденіяхъ въ Африкѣ, пристало къ тройственницѣ и разорвало торговый договоръ съ Франціей. Пошли очень дорогія вооруженія и укрѣпленіе Альпъ. Англія вовлекла Италію въ тяжкую войну съ Абиссиніей, чтобы пользоваться ея войсками въ Суданѣ: итальянцы заняли Массову, на Красномъ м., подлѣ французскаго Обока (1887).

Католичество и Левъ XIII. Въ то время, какъ вездѣ прекратилась реакція, вызванная февральскою революціей, одинъ Ватиканъ стоялъ на стражѣ средневѣковья. Пій IX умеръ въ 1878 году съ своей системой «Non possumus». Онъ до конца проклиналъ современную цивилизацію и протестовалъ противъ «разбоя пьемонтскаго правительства». Но Квириналъ держался «закона о гарантіяхъ» 1870 года, т.-е. девиза—«свободная церковь въ свободномъ государствѣ» Онъ производилъ реформы на началахъ полной религіозной свободы, но сохранялъ за клиромъ весь его церковный почетъ, а за папой — право назначать епископовъ.

Преемникъ Пія IX, *Левъ XIII*—натура мягкая, миролюбивая и практическая.

Республиканцы и прогрессисты за Пиренеями. Въ Испаніи Амедей хотѣлъ управлять конституціонно, опираясь на прогрессистовъ, которые предложили крупныя реформы. Но противъ него возстали всѣ, какъ противъ «чужеземца»; и онъ вскорѣ отрекся отъ престола (1873). Кортесы провозгласили республику и назначили Кастеляра президентомъ. Но она просуществовала всего годъ. Баски и наварцы подняли вторую карлистскую войну; а среди республиканцевъ вспыхнуло междоусобіе. Противъ правящихъ умѣренныхъ или уніонистовъ возстали радикальные *федералисты*, провозгласившіе федеральную республику, на подобіе Соединенныхъ Штатовъ Америки. Эта усобица привела къ суровой диктатурѣ маршала Серрано. Въ 1874 году монархія была возстановлена въ лицѣ сына Изабеллы, Альфонса XII. Была составлена конституція. Карлисты были тотчасъ же подавлены. Но республиканцы долго еще подымались въ разныхъ мѣстахъ; и среди нихъ развивался соціализмъ. Монархисты также распались на двѣ партіи—консерваторовъ» и «либераловъ». Во главѣ первыхъ стоялъ Кановасъ, вторыхъ—Сагаста. Правленіе принадлежало по большей части либераламъ, какъ при Альфонсѣ XII, такъ и по смерти его (1885), при его женѣ, Маріи-Христинѣ, которая стала регентшей при своемъ малолѣтнемъ сынѣ, Альфонсѣ XIII. Они ввели судъ присяжныхъ.

Португалія шла по стопамъ Испаніи. Въ обѣихъ странахъ даже образовалась партія Иберійской Уніи. Ее поддерживалъ національизмъ, разжигаемый назойливостью чужеземцевъ: Германія чуть не отняла Каролингскіе о-ва у Испаніи, англичане вытѣснили португальцевъ изъ восточной Африки. Это чувство усилило партію республиканцевъ, возникшую тогда въ Португаліи. Но во главѣ правленія въ Лиссабонѣ, какъ и въ Мадридѣ, стояли прогрессисты; на нихъ опирался и Карлосъ I, воцарившійся въ 1889 году.

Швейцарія представляла единственный примѣръ чисто внутренняго развитія. Здѣсь постоянно шелъ «пересмотръ» или реформа всѣхъ конституцій— и общей и кантональныхъ. Но прочнымъ основаніемъ служила конституція 1848 г., создавшая *Швейцарскій Союзъ*. Законодательство принадлежитъ Союзному собранію на жалованьѣ, исполнительная власть—Союзному Совѣту, представляющему собой семь министерствъ, судебная--Союзному Суду, избираемому Собраніемъ. При всей державности кантоновъ, сила Союза, власти котораго засѣдаютъ въ Бернѣ, никѣмъ не оспаривалась. Швейцарцы, бывшіе однимъ изъ самыхъ отсталыхъ народовъ, начали поражать быстротой своего развитія. Они также богатѣютъ отъ такихъ великихъ сооруженій, какъ тон-

нель черезъ Сен-Готардъ (1882). Съ 1874 же года въ Бернѣ появился рядъ международныхъ учрежденій—союзы почтовый, телеграфный, желѣзнодорожный и др. Бисмаркъ напрасно увлекалъ Союзъ въ тройственницу.

Перемѣны на Балканскомъ полуостровѣ.

Румынія окончательно установилась. Участіе въ русско-турецкой войнѣ доставило ей въ 1881 году, полную независимость и даже титулъ королевства. Карлъ I попрежнему опирался на «красныхъ». Братіано почти все время стоялъ во главѣ правленія. По требованію берлинскаго конгресса, Карлъ даровалъ равноправность всѣмъ своимъ подданнымъ. Красные продолжали развивать реформы, особенно умножая школы и желѣзныя дороги. Матеріальное благосостояніе страны росло; кредитъ упрочивался. Спокойствіе Румыніи нарушалось только націонализмомъ. Здѣсь возникли свои «ирредентисты», которые не могли примириться съ тѣмъ, что румыны разбросаны еще по Бессарабіи, Болгаріи, Македоніи, а главное, въ Трансильваніи. Сверхъ того, православная масса недовольна тѣмъ, что Карлъ I—католикъ и нѣмецъ, а не романецъ. Это чувство усилилось съ появленіемъ двойственницы: король иногда принужденъ былъ временно отдавать власть «бѣлымъ», которые служили выразителями этого теченія. Съ тою же цѣлью онъ объявилъ румынскую церковь независимой отъ греческаго патріарха въ Константинополѣ (1885) и, наконецъ, вызвалъ къ себѣ наслѣдника, своего племянника, Фердинанда, который окрестилъ своего первенца въ православную вѣру.

Въ Сербіи идетъ подобная же борьба двухъ направленій, благодаря демократической конституціи. Масса народа, православная и крестьянская; (ея политическіе вожди назывались «радикалами»), руководилась націонализмомъ и склонялась на сторону Россіи, мечтая о возсоединеніи всѣхъ сербовъ; во внутреннихъ дѣлахъ она стремилась къ самоуправленію общинъ и къ сохраненію старины, недовѣрчиво относясь къ европейской цивилизаціи. Радикалы сосредоточивались въ скупщинѣ. Ихъ противники, «либералы», при всей своей малочисленности, преобладали, благодаря такимъ опорамъ, какъ воспитанный въ Парижѣ Миланъ, все правительство и армія. За нихъ были также вліяніе Австріи и потребность въ централизаціи. Въ 1882 году имъ удалось, съ помощью Запада, достигнуть полной независимости отъ Порты, увеличенія земли, несмотря на неудачную войну съ турками, и титула королевства для Сербіи. Но затѣмъ массы начали волноваться отъ усиленія налоговъ и отъ появленія государственнаго долга, связаннаго съ введеніемъ постояннаго войска по европейскому образцу. Тогда либералы стали обходиться безъ скупщины, ввели осадное положеніе, уничтожили самоправленіе общинъ. Неудачная война съ Болгаріей сдѣлала Милана совсѣмъ непопулярнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ развелся со своей женою Натальей, дочерью русскаго полковника. Король принужденъ былъ передать власть радикаламъ, которые издали конституцію 1888 года, расширявшую права скупщины. Властолюбивый Миланъ отрекся отъ престола въ 1889 году, назначивъ Ристича регентомъ при своемъ малолѣтнемъ сынѣ, Александрѣ I. Но онъ продолжалъ руководить политикой.

Болгарія, сокращенная берлинскимъ договоромъ, подверженная вліяніямъ Россіи и Запада, не могла оставаться спокойной. Сначала ею управляли освободители: русскіе генералы занимали главныя должности. Была составлена конституція 1879 г. Собраніе избрало княземъ Александра Баттенберга, который былъ утвержденъ султаномъ, взимавшимъ дань съ него, какъ съ вассала. Болгарамъ хотѣлось прежде всего, объединиться: Румелія присоединилась къ нимъ безъ крови въ 1885 году, если не считать легкой войны изъ-за нея съ Сербіей. Въ то же время стали замѣнять русскихъ офицеровъ болгарскими. Императоръ Александръ III не призналъ присоединенія Румеліи и даже вычеркнулъ Баттенберга изъ списковъ русской арміи. Руссофиламъ,

съ Цанковымъ во главѣ, удалось захватить князя и вывезти его за границу. Образовалось регентство, душой котораго сдѣлался Стамбуловъ, непримиримый врагъ Россіи, опиравшійся на Австрію и Англію. Человѣкъ рѣшительный и упорный, Стамбуловъ ввелъ «терроръ». Онъ безпощадно подавлялъ враговъ болгарской независимости, которые составляли заговоры. Подъ его вліяніемъ, собраніе избрало въ 1887 году, княземъ австрійскаго офицера, католика Фердинанда Кобурга.

«Конецъ вѣка» непохожъ на начало XIX-го столѣтія. Въ эпоху вѣнскаго конгресса и Священнаго Союза (около 1815—1830 г.), главнымъ интересомъ была *политика*, т. е. борьба разныхъ государствъ, партій и личностей изъ-за власти. Затѣмъ націонализмъ выигралъ свои главныя битвы къ 1870 г.; а по мѣрѣ паденія націонализма, основой международнаго права становилось одно изъ началъ того Просвѣщенія, съ котораго недаромъ начинаютъ «новѣйшую» исторію: это—братство народовъ, принявшее форму миролюбія. Оно стало душой «конца вѣка». Идеаломъ человѣчества стала какъ бы великая федерація или союзъ народовъ. Миролюбіе распространялось и на внутреннія дѣла: революціи замирали, какъ ненужный пережитокъ. **Конецъ вѣка.**

Необычайнаго развитія достигъ и хозяйственный интересъ или *экономика*.

Техника сдѣлала такой гигантскій шагъ впередъ, что между XIX-мъ и XVIII-мъ вв. оказалось больше разницы, чѣмъ между XVIII-мъ в. и эпохой египетскихъ пирамидъ. Начавъ съ ручныхъ и водяныхъ машинъ, она достигла власти надъ паромъ, газомъ и электричествомъ, которые даровали намъ массу всякихъ машинъ, пароходъ, локомотивъ, телеграфъ, телефонъ, электрическое освѣщеніе, такія же дороги, гальванопластику, динамитъ и проч. Техника овладѣла не только обрабатывающею, но и добывающею промышленностью: таковы каменный уголь, нефть, металлы, земледѣльческія орудія и удобренія и т. д. Она перевернула весь внѣшній бытъ, отъ спичекъ до Эйфелевой башни; довольно сказать, что при желѣзныхъ дорогахъ стоимость перевозки удешевилась въ 25 разъ, не говоря уже про то, что «время—деньги», какъ выражаются англичане. Царство изобрѣтеній такъ же, какъ и положительныхъ наукъ, начинается съ половины вѣка; съ тѣхъ поръ добыча каменнаго угля мѣстами удесятерилась, а золота — дошла съ 3 до 25 милліардовъ.

Успѣхи техники вели къ расширенію фабричнаго производства насчетъ кустарнаго и насчетъ земледѣлія: совершился такой же страшный переворотъ, какъ переходъ отъ естественнаго хозяйства къ денежному, знаменовавшій кончину средневѣковья и феодализма. Только онъ произошелъ невиданно быстро, при такихъ молніеносныхъ силахъ, какъ паръ, газъ, электричество. Сначала Англія, потомъ Франція, а съ 1870 г. Германія вдругъ превратились въ сплошныя гигантскія фабрики.

Ища все новыхъ рынковъ, особенно въ силу частыхъ экономическихъ кризисовъ отъ перепроизводства, европеецъ сливаетъ съ своей цивилизаціей заокеанскіе міры. Отсюда новое отличіе «конца вѣка»—невиданное развитіе *колоніальнаго* вопроса. Какъ соперничество между націями, такъ и войны перенеслись изъ Европы въ Америку, Африку, Океанію и сосредоточились на Дальнемъ Востокѣ, который сталъ неразрывной частью нашей жизни. Партіи перестали быть политическими въ прежнемъ смыслѣ. Онѣ уже не означаютъ ни игры личныхъ властолюбій, съ ея макіавелизмомъ, ни строгихъ программъ, съ ихъ догматизмомъ или доктринерствомъ. При всемъ разнообразіи мелкихъ «фракцій», идеалъ у всѣхъ одинъ—упорядоченіе общественной жизни.

Душой политики сталъ мирный прогрессъ, и въ силу той же экономики;

по словамъ Гладстона, эпоха торговыхъ договоровъ смѣнила пору «насилія и обмана». При малѣйшей вспышкѣ гдѣ-нибудь, всѣ державы спѣшатъ погасить пожаръ: это ясно изъ судьбы Греціи, которая прежде вызвала бы всеобщее кровопролитіе. Желаніе сохранить спокойное равновѣсіе выразилось въ прочности тройственницы, причемъ въ 1897 году явились переходы между ними—договоръ между Франціей и Италіей и соглашеніе между Австріей и Россіей по балканскимъ дѣламъ. Имѣетъ смыслъ и странный, неслыханный терминъ — *вооруженный миръ*. При нынѣшней техникѣ, вооруженія ведутъ къ миру. Съ появленіемъ въ срединѣ вѣка оружія, заряжающагося съ казенной части (пушка Армстронга, игольчатка), за которымъ послѣдовалъ динамитъ (1864) и бездымный порохъ (1870), они сдѣлали войну чудовищемъ, котораго страшится каждое правительство. Вооруженія конца вѣка ведутъ къ миру еще вслѣдствіе своей безумной дороговизны. Отсюда мысль о разоруженіи,—и не только, какъ «мечта» или «утопія» теоретиковъ. Правительства давно задумываются о немъ: когда Россія оффиціально предложила его на Гаагской конференціи 1899 года, ни одно изъ нихъ не смѣло протестовать. И если эта конференція не привела къ практическимъ результатамъ, за то она установила новое начало международнаго права—третейскій судъ.

Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Ни одна нація въ мірѣ не росла такъ быстро, какъ янки. Въ четыре поколѣнія ихъ государство дошло отъ 13-ти штатовъ до 44-хъ, кромѣ «территорій»;—число жителей поднялось съ 4-хъ до 64-хъ милліоновъ, среди которыхъ послѣ англичанъ, преобладаютъ ирландцы и нѣмцы. Не дальше, какъ въ 1830 году, къ западу отъ Миссиссипи были пустынныя «саванны», необозримые луга, куда пускались лишь смѣлые охотники за буйволами. Не успѣли открыть скалистыя горы, какъ тамъ завелся Новый Іерусалимъ (1847),—столица секты мармоновъ, которая до 1890 года придерживалась многоженства. Въ 1848 г. Соединеные Штаты пріобрѣли отъ мексиканцевъ Калифорнію, которая тотчасъ же прославилась, какъ «Эльдорадо» золота; и Санъ Франциско, величайшая гавань въ свѣтѣ, соединился желѣзной дорогой съ Нью-Іоркомъ.

Благодаря своей конституціи, янки долго жили мирно, тѣмъ болѣе, что они оградили себя отъ вмѣшательства Европы ученіемъ президента Монроэ (1823) о своей полной «свободѣ и независимости». Но въ основаніи ихъ республики лежало зерно жестокаго междоусобія. Партія федералистовъ, которые были переименованы въ *республиканцевъ*, и партія *демократовъ* были плодомъ экономики. Промышленный, торговый, городской Сѣверъ былъ противоположностью землелѣльческаго, сельскаго Юга: тамъ господствовалъ капиталъ, движимость; здѣсь—плантаціи, обрабатываемыя черными рабами. Пуританскій, трудолюбивый Сѣверъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на плантаторовъ, которые, называясь христіанами, не признавали негра человѣкомъ. Но конституція охраняла плантаторовъ и даже давала имъ перевѣсъ на выборахъ. Оттого «аболиціонисты» или освободители, сначала могли возставать противъ невольничества только путемъ убѣжденія и отдѣльныхъ попытокъ. Затѣмъ они подняли всѣхъ республиканцевъ; и выборъ президента уже сводился къ вопросу не о централизаціи, а о невольничествѣ. Въ 1860 году, былъ избранъ горячій аболиціонистъ, Авраамъ Линкольнъ, котораго называли «честнымъ старымъ Авраамомъ».

Великое междоусобіе. Южные штаты тотчасъ же отпали, образовавъ особую «конфедерацію», съ столицей Ричмондомъ и съ своимъ президентомъ Девисомъ во главѣ. И вспыхнула война между федератами, и конфедератами, между Сѣверомъ и Югомъ, длившаяся четыре года (1861—1865). Въ сѣверныхъ штатахъ насчитывалось 26 милліоновъ жителей; у нихъ были флотъ и капиталы. У

первыхъ было всего 5 милл. населенія, въ томъ числѣ половина рабовъ; они были гораздо бѣднѣе своихъ противниковъ; но это были рожденные солдаты, закаленные на охотахъ и въ стычкахъ съиндѣйцами. У нихъ сразу явились хорошая армія и такіе военные таланты, какъ генералъ Ли. Конфедераты быстро достигли береговъ Потимана. Но Линкольнъ быстро довелъ свою армію до двухъ милліоновъ и далъ ей отличныхъ вождей—Гранта и Шермана. А флотъ сѣверянъ дошелъ до 600 судовъ, почти съ пятью тысячами орудій; онъ обложилъ южные порты и пресѣкъ торговлю врага. Федераты геройски прорвались черезъ загражденія на нижнемъ Миссисипи и взяли Орлеанъ; а конфедераты два раза чуть не взяли Вашингтона. Наконецъ, сѣверяне взяли Ричмондъ; Ли сдался. Пять дней спустя, Линкольнъ былъ застрѣленъ въ театрѣ фанатикомъ юга, актеромъ Бутомъ. Въ то же время былъ арестованъ скрывавшійся до тѣхъ поръ Девисъ. Невольничество было отмѣнено всюду, и неграмъ были даны всѣ права.

Республиканцы.

Послѣ Линкольна, въ теченіе двадцати лѣтъ (1865—1885), шелъ рядъ республиканскихъ президентовъ. Одинъ изъ нихъ, Гарфильдъ, былъ также убитъ (1881). При героѣ междоусобной войны, Грантѣ, была открыта тихоокеанійская дорога 1869)—величайшая въ мірѣ послѣ сибирской. Благодаря ей, доплываютъ изъ Гавра въ Іокогаму въ какой-нибудь мѣсяцъ. Этой дорогѣ суждено произвести переворотъ въ международныхъ сношеніяхъ. Въ древности средоточіемъ цивилизаціи было Средиземное море, съ открытія Америки—Атлантика, а теперь Тихій океанъ. Новая дорога способствуетъ перемѣщенію оси міра, средоточія производства и жизни на дальній Востокъ и въ Австралію; она окончательно выдвигаетъ колоніальный вопросъ на первый планъ въ судьбахъ человѣчества. Она выдвинула и міровое значеніе Соединенныхъ Штатовъ. Янки завели сношенія со всѣми островами Океаніи и захватили тамъ много хорошихъ мѣстъ. Ихъ милліонеры насаждали цивилизацію на Сандвичевыхъ о-вахъ, за 3.000 верстъ отъ Калифорніи. Въ то же время янки купили русскую Америку (Аляска) за 7 милл. долларовъ золота (1867), гдѣ открылись теперь важные рудники. Но рядомъ съ такими успѣхами, Штаты начали страдать внутреннимъ разстройствомъ. Въ администраціи республиканцевъ открылись злоупотребленія, превосходившія европейскіе «панамы»; и въ нихъ были замѣшаны такія лица, какъ самъ Грантъ. Въ 1885 году, президентомъ былъ избранъ Кливелендъ, который занималъ два срока президентства, съ перерывомъ (до 1897 г.).

Протекціонизмъ.

Послѣ перваго президентства Кливеленда, при республиканскомъ президентѣ Гаррисонѣ, янки вдругъ повернули на путь такого протекціонизма, какого давно уже не видала, старушка Европа. Тотчасъ послѣ своего избранія, въ 1889 году, Гаррисонъ возвѣстилъ о томъ, что Америка во всѣхъ отношеніяхъ должна принадлежать американцамъ. Онъ требовалъ вытѣсненія иностранцевъ и изъ торговли Америки, и съ Панамскаго канала и желалъ ограничить число переселенцевъ изъ Европы. Пріятель Гаррисона, Бленъ, затѣялъ, было, даже закрыть весь Новый Свѣтъ для товаровъ Европы, устроивъ своего рода все-американскій Таможенный союзъ. Но это было невыгодно южно-американцамъ, которымъ пришлось бы запасаться товарами исключительно у янки. Они провалили дѣло, выставивъ противъ ученія Блена—«Америка для американцевъ» правило «Америка для человѣчества». Янки вознаградили себя, принявъ, на конгрессѣ, по предложенію Макъ-Кинлея, покровительственный билль (1890) Этотъ билль вводилъ небывало высокій охранительный тарифъ. Онъ оказался вреденъ самимъ же янки. Европа отвѣчала запрещеніемъ ихъ мяса. Въ самой Америкѣ заработная плата не повысилась, какъ надѣялись творцы тарифа, а между тѣмъ поднялась цѣна всѣхъ товаровъ, такъ какъ тарифъ сокращалъ соперничество между фабри-

кантами. Наступилъ экономическій кризисъ. Тогда же начались споры съ англичанами изъ-за рыбной ловли въ заливѣ св. Лаврентія и изъ-за тюленей въ Берингововъ м.

Центральная и Южная Америка.

Центральная Америка, составлявшая прежде свои Соединенные Штаты, распалась на пять враждебныхъ республикъ. Мексика, послѣ своего освобожденія отъ испанскаго ига, подверглась многимъ усобицамъ, пока въ ней не утвердился президентъ Хуаресъ, отбившій европейское вмѣшательство. Съ тѣхъ поръ усобицы хотя и повторялись, но слабѣе: страна приняла благоустроенный видъ. Въ Мексиканскомъ заливѣ уцѣлѣла одна республика Гаити (С. Доминго), несмотря на всѣ ухищренія испанцевъ. Ее спасли французы, которымъ она подражала во всемъ: ее называютъ негрскою или Черною Франціей. Лучшіе изъ остальныхъ Антиллъ, съ богатой Ямайкой во главѣ, подпали господству англичанъ.

Въ Южной Америкѣ будущее принадлежитъ Бразиліи. Она развилась при Педро II, который отмѣнилъ рабство. Но его дочь Изабелла вызвала революцію своими реакціонными мѣрами: въ 1889 году Бразилія стала республикой. Подконецъ стала выдвигаться Аргентина, благодаря природнымъ богатствамъ и массѣ переселенцевъ изъ Европы. Остальныя республики воевали другъ съ другомъ изъ-за золотыхъ копей и изъ-за гуано (богатое удобреніе); но онѣ соединялись для отпора испанцамъ. Внутри каждой изъ нихъ кипѣла борьба партій.

За предѣлами Америки начинается царство англичанъ. Въ Океаніи лежитъ перлъ ихъ колоній—Австралія, съ золотыми копями, открытыми въ 1851 году, съ 20.000 в. желѣзныхъ дорогъ. Она распадается на провинціи; и у каждой - свой парламентъ, съ отвѣтственными министрами. Такимъ же устройствомъ пользуется Новая Зеландія. Англичанамъ принадлежитъ далѣе Новая Гвинея (Папуазія), которая больше Франціи. Съ 1883 года всѣ эти владѣнія стараются образовать федерацію Австралійскихъ Штатовъ.—Часть этихъ островов англичане отняли у Голландіи; но за ней осталось еще много драгоцѣнностей въ Океаніи. Ей принадлежатъ Зондскіе острова, съ цѣлыми государствами, Явой и Суматрой, во главѣ: на Явѣ ок. 25 милліоновъ жителей; и населеніе удвоилось въ послѣднія 50 лѣтъ. Голландцамъ принадлежитъ и громадный Борнео, который кажется безлюднымъ при своихъ 2 милл. жителей; но его сѣверная часть уже отошла къ англичанамъ, которые устроили тамъ въ 1882 году подобіе Индійской Компаніи. Достояніе Нидерландовъ составляютъ еще Целебесъ и Молукки, этотъ «рай естественниковъ». Вообще «Нидерландскія Индіи» занимаютъ $1^1/_2$ милл. кв. верстъ, населенныхъ 32 милл. жителей и богатыхъ дарами природы, особенно алмазами и каменнымъ углемъ.

Океанія.

Испанцамъ принадлежали съ Филиппа II Филиппинскіе острова, которые возстали въ 1891 году, а затѣмъ отошли къ янкамъ. Они владѣли также островами Маріанскими и Каролинскими. Французы появились лишь въ 1840-хъ гг., когда они захватили Маркизскіе острова, Таити (Товарищества) и др. Затѣмъ они пріобрѣли Новую Каледонію (1853), которая служитъ имъ мѣстомъ ссылки, и разные мелкіе острова. Нѣмцы появились въ Океаніи въ 1884 году. Они захватили Новую Гвинею—самый большой островъ въ мірѣ, послѣ Австраліи и Борнео; но часть его принадлежитъ англичанамъ и голландцамъ. Нашъ путешественникъ Миклуха Маклай не могъ добиться признанія части острова за Россіей. Нѣмцы овладѣли также Архипелагомъ Бисмарка, Адмиралтейскими островами и нѣкоторыми мелкими и купили острова Маріанскіе. Они захватили было и Каролинскіе острова, но возвратили ихъ испанцамъ, по третейскому суду папы. На островахъ Самоа идетъ борьба между нѣмцами, американцами и англичанами. На Сандвичевыхъ островахъ

борются вліянія Америки и Англіи. Но англичане начали захватывать власть, благодаря королевѣ, мужъ которой—англичанинъ. Отсюда революціи, съ 1887 года поддерживаемыя американцами.

Въ «концѣ вѣка» на первый планъ сталъ выдвигаться «черный материкъ». Здѣсь-то главный очагъ соперничества державъ. Европейцы начали забираться сюда съ запада, по Нигеру, съ начала вѣка. Англичане открыли оз. Чадъ (1823), французы и нѣмцы—Тимбукту (1854), этотъ узелъ торговли въ центрѣ материка. Тогда же началось изученіе восточной Африки, которое увѣнчалось однимъ изъ величайшихъ подвиговъ вѣка — открытіемъ истоковъ Нила (1857—1864) и внутренности ю. Африки. Ливингстонъ, а за нимъ Стэнли прошли отъ р. Замбезе до Конго (1850—1873). Въ 1885 году международная конференція признала *свободное государство Конго*, а долину р. Конго объявила нейтральною. Конго оказалось въ пять разъ больше Франціи; его монархомъ былъ объявленъ Леопольдъ II, который положилъ на него свое состояніе, чтобы доставить бельгійцамъ новые рынки и отвлечь ихъ эмиграцію отъ Аргентины. Потомъ онъ подарилъ Конго Бельгіи. Въ то же время нѣмцы расширялись на западѣ Африки (Камерунъ и др.), а потомъ и на востокѣ (Занзибаръ и др.); въ «сферу ихъ вліянія» вошли также Танганійка, Ньясса и Викторія (1887). Вездѣ они сталкивались съ французами, англичанами и португальцами. Африканскія колоніи.

Средоточіе англійскихъ колоній составляетъ Капская Земля, отнятая у голландцевъ. На сѣверѣ она простиралась до Оранжевой р.; а за ней буры, основали двѣ республики—Оранжевую и Трансвааль (1852). Англичане присоединили къ себѣ Трансвааль, гдѣ было всего съ полмилліона жителей (1877); но тутъ имъ пришлось выдержать тяжелую борьбу съ неграми зулу (1882). Затѣмъ англичане пріобрѣли земли бечуоновъ и свази; но они наткнулись но новую бѣду. Неутомимые охотники, отличные стрѣлки и наѣздники, набожные, крѣпкіе крестьяне, буры не выдержали ихъ притѣсненій и возстали. Въ 1884 году они нанесли имъ рядъ пораженій; и виги признали ихъ независимость, подъ именемъ Южно-Африканской республики. Подконецъ англичане хотѣли опять завладѣть Трансвааломъ, гдѣ оказались алмазныя и золотыя копи. Отсюда новая тяжкая борьба съ бурами. Между тѣмъ англичане распространялись и по берегамъ Африки. Они захватили близъ Абиссиніи берегъ сомаліевъ и о. Сокотору, недалеко отъ котерой лежитъ ихъ о. св. Маврикія, отнятый у французовъ. А на сѣверо-западѣ имъ принадлежитъ нѣсколько богатыхъ колоній (на Гамбіи, на Золотомъ берегу и др.). Въ 1871 г. они купили у голландцевъ часть Гвинеи, гдѣ столкнулись съ сильнымъ племенемъ ашантіевъ. Наконецъ, англичане устроили, въ 1888 году, Англійскую Компанію Восточной Африки, которая столкнулась съ подобною же нѣмецкой Компаніей. Они вступили въ борьбу и съ португальцами, которымъ принадлежатъ Азоры, Мадера, Зеленый Мысъ, Невольничій берегъ, Ангола и Мозамбикъ. Въ 1891 году англичане захватили у нихъ землю отъ Замбезе до Ньяссы и угрожали Лиссабону разгромомъ.

Испанцамъ принадлежитъ только часть береговъ Марокко и Канарскіе о-ва; съ 1886 года они стали пробираться внутрь Сахары. Французы обладаютъ важными колоніями въ Африкѣ. На первомъ планѣ стоитъ Алжиръ. Съ 1880-хъ годовъ французы начали изслѣдовать Сахару, съ цѣлью проложить желѣзный путь; но туземцы истребляли ученыя экспедиціи. Французы старались проникнуть и въ сосѣдній Марокко; но его султана Мулей-Вассана спасало соперничество державъ. То же происходило при дворѣ бея въ Тунисѣ. Тутъ дѣло осложнялось тѣмъ, что бей—вассалъ Порты, чего не хотѣли признавать державы. Во время войны 1870 г. бей началъ притѣснять французскихъ поселенцевъ; а его западныя племена напали на Алжиръ. Франція отвѣ-

чала войной, которая привела, въ 1881 году, къ ея протекторату надъ Тунисомъ, котораго не признали ни Италія, ни Турція. Французамъ принадлежитъ еще Сенегалъ, откуда они начали, въ 1880-хъ годахъ, пробираться по Нигеру внутрь материка. Образовался Французскій Суданъ; и даже англичане признали «сферу французскаго вліянія» въ Сахарѣ, которой всѣ предвѣщаютъ великое торговое будущее, при проведеніи желѣзнаго пути отъ Средиземнаго м. къ Нигеру На Невольничьемъ берегу установился протекторатъ французовъ, которые должны были, въ 1890 году, выдержать изъ-за него войну съ сосѣдомъ, Дагомеемъ. Далѣе къ югу возникло Французское Конго или Габонія. На востокѣ Африки французамъ принадлежитъ съ 1884 г. гавань Обокъ, въ землѣ сомаліевъ. Южнѣе лежитъ ихъ о. Реюньонъ (бывшій Бурбонъ). Они дѣлали много попытокъ захватить убѣжище племени гавасовъ, Мадагаскаръ, но неудачно. Имъ мѣшали, какъ вездѣ, англичане, которымъ удалось обратить королеву гавасовъ въ свою вѣру. Гавасы начали безпокоить французскихъ колонистовъ. Французы отвѣчали войной, которая доставила имъ торговыя выгоды. Англичане принуждены были и здѣсь признать протекторатъ Франціи въ 1890 году.

Египетъ и Абиссинія. Самымъ важнымъ мѣстомъ соперничества державъ сталъ Египетъ, гдѣ до 20 милл. жителей, въ томъ числѣ много европейцевъ, особенно французовъ, языкъ которыхъ считается оффиціальнымъ. Преемники Мехмета Али стали почти независимыми отъ Порты, какъ показываетъ уже ихъ новый титулъ— «хедивъ» или государь (съ 1867 г.). Англичанинъ Гордонъ-паша присоединилъ къ Египту Экваторъ въ 1874 году, такъ что предѣлы его доходятъ теперь до оз. Альберта. Благодаря Французу Лессепсу, явился Суэзскій каналъ, превратившій страну въ великое орудіе міровой торговли. Но онъ же довелъ хедива Измаила до невиданной расточительности. «Франки» (всякіе проходимцы изъ Европы) содѣйствовали его разоренію; они опирались на своихъ назойливыхъ «консуловъ» и ссылались на «капитуляціи», какъ называютъ на Востокѣ договоры въ пользу европейцевъ. Для уплаты долга хедивъ продалъ англичанамъ массу акцій канала: и, въ 1876 году, былъ назначенъ синдикатъ для управленія его финансами, изъ англичанъ и французовъ, которые заняли также министерскіе посты. Хедивъ подстраивалъ противъ нихъ мятежи феллаховъ и солдатъ: его именитые люди объявили, что «Египетъ долженъ принадлежать египтянамъ». Вскорѣ Измаилъ разогналъ европейскихъ правителей; но Франція и Англія, къ которымъ уже присоединился и Бисмаркъ, заставили султана, въ 1879 году, низложить его, въ пользу его сына Тевфика.

Патріоты поднялись пуще прежняго, руководимые офицерами. Они разогнали европейскихъ правителей и рѣзали «франковъ». Англичане бомбардировали Александрію и овладѣли каналомъ въ 1882 году. Ихъ резидентъ захватилъ всю власть, опираясь на «оккупаціонную армію». Но они тотчасъ же встрѣтили жестокаго врага въ природѣ страны. Къ Египту примыкаетъ безконечный Суданъ или Нигриція, который тянется отъ Краснаго м. до Нигера и Конго. Восточная часть его, до Нила, называется Египетскимъ Суданомъ: это—Нубія, Сенааръ, Кордофанъ, Дарфуръ и Экваторъ. Въ Кордофанѣ поднялись дервиши, съ своимъ «махди» (пророкомъ). Они уничтожили нѣсколько англійскихъ армій. Суданъ былъ потерянъ для Египта. Послѣ такихъ неудачъ англичанъ, державы заставили ихъ, по конвенціи 1885 г,, признать вѣчный нейтралитетъ канала и обязаться очистить Египетъ къ 1888 г. Но англичане попрежнему распоряжались каналомъ и не думали очищать Египетъ, несмотря на всеобщіе протесты. Они ссылались на дервишей, которые продолжали свои нападенія, хотя Китченеръ истребилъ ихъ подъ Омдурманомъ въ 1898 году, и въ Суданѣ водворился англійскій генералъ-губернаторъ.

Дервиши затронули и Абиссинію или Эѳіопію. Здѣсь «Бичъ Божій», одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ, объединилъ страну и назвался «негусомъ» (царемъ) Ѳедоромъ II въ 1855 году. Онъ жестоко обращался съ европейцами и задѣлъ англичанъ. Тѣ взяли его столицу Магдалу (1868). Настали кровавыя усобицы, которыми пользовались европейцы: французы заняли Обокъ, итальянцы—Массову или Эритрею (1887). Тотчасъ же началась борьба между сосѣдями, причемъ Англія и Германія подстрекали итальянцевъ. Франція была спасена Портой и особенно Россіей, которая поднимала Абиссинію противъ Италіи и собиралась послать ей на помощь казаковъ. Тогда Криспи объявилъ, будто новый негусъ Менеликъ, стѣсненный дервишами, призналъ протекторатъ Италіи надъ Абиссиніей. Отсюда война итальянцевъ съ негусомъ, которая окончилась гибелью ихъ войска.

Въ Азіи въ прежнее время колоніальный вопросъ сосредоточивался въ «Левантѣ», т. е. въ западной ея части: теперь выступилъ на первый планъ *Дальній Востокъ*. или задняя Азія. Въ Левантѣ продолжалось только соперничество державъ. Сначала здѣсь господствовали англичане; теперь усиливаются нѣмцы и русскіе. Главная борьба шла изъ-за экономики, по поводу займовъ и желѣзныхъ дорогъ. Послѣ успѣховъ нѣмцевъ у Порты, русскіе ссудили персидскаго шаха деньгами и получили право строить дорогу отъ Каспія къ Персидскому заливу. Это затрогивало англичанъ: дѣло касалось Афганистана и Герата, соединяющихъ Россію съ британскою Индіей. Здѣсь съ 1856 г. не прерывалась борьба между Россіей и Англіей. Русскіе подвигались въ Туркестанѣ: они взяли Ташкентъ, Ходжендъ, Самаркандъ, Заравшанъ (1864—1870). Бухарскій ханъ сталъ ихъ вассаломъ (1868). Въ 1873 г. они взяли часть Хивы, а въ 1876—Коканъ (Ферганская область). Афганистанъ господствуетъ надъ проходами между Туркестаномъ и Индостаномъ: Биконсфильдъ назвалъ его «научной границей» Британской Имперіи въ Азіи. Англичане обратили его эмира въ своего вассала. А русскіе присоединили къ Туркестану новыя земли до Мерва и продвинулись до Пендже, гдѣ разбили, въ 1885 году, выступившихъ противъ нихъ афганцевъ. Пендже былъ признанъ границей. **Передняя Азія.**

Но соперничество двухъ колоссовъ не прекращалось. Русскіе провели закаспійскую дорогу до Самарканда, съ вѣтвью къ Пендже. Англичане устроили желѣзный путь до Кветты, на афганской границѣ. Но отъ Герата до Кветы вчетверо дальше, чѣмъ отъ Пендже до Герата; и у Инда англичанъ безпокоятъ полудикія мусульманскія племена Афганистана — визиріи, афридіи и др. А у Россіи Батумъ соединился желѣзной дорогой съ Тифлисомъ и съ 1886 г. пересталъ быть порто-франко, какъ требовалъ берлинскій договоръ. Русскіе сталкивались еще съ англичанами въ Кашгарѣ (Восточный Туркестанъ или Верхняя Татарія). И если онъ вскорѣ былъ завоеванъ Китаемъ, зато Россія овладѣла въ 1871 г. отложившеюся отъ Пекина Дзюнгаріей, обративъ ее въ Семирѣченскую область. Отсюда она господствуетъ стратегически надъ Кашгаріей.

Россія подвигалась къ Китаю и съ сѣвера. Въ 1852 г. она пріобрѣла второй, послѣ Кяхты, рынокъ—Семипалатинскъ. Затѣмъ договоръ разрѣшилъ русскимъ содержать посольство въ Пекинѣ и свободно ѣздить по Небесной Имперіи (1858). Тогда же Китай уступилъ намъ землю къ сѣверу отъ Амура до Уссури, а Японія—о. Сахалинъ. Англичане раньше старались проникнуть въ Китай съ другой стороны и уже не одни. Вмѣстѣ съ французами, они заняли Кантонъ и Тянъ Дзинъ. Здѣсь-то былъ подписанъ договоръ, который открывалъ Китай европейцамъ и американцамъ. Но китайцы стали исполнять его лишь послѣ войны 1860 года, когда союзники разрушили дворецъ въ Пекинѣ. Такая слабость Китая объясняется мятежомъ тайцинговъ (1849—1864), вождь которыхъ назвался «братомъ-Христа», чтобы привлечь тузем- **Дальній Востокъ.**

ныхъ христіанъ для низверженія манджурской династіи. Послѣ тянъ-дзинскаго договора развивались мирныя сношенія Китая съ Европой и Америкой, средоточіемъ которыхъ были о. Гонъ-Конгъ и портъ Шанхай.

Но китайцы сталкивались съ европейцами на югѣ. Англичане захватили, въ 1888 году Сиккимъ, въ Гималаяхъ—страну, населенную тибетцами-буддистами, вассалами богдыхана. Они подошли къ Китаю и изъ Задней Индіи или Индо-Китая, захвативъ всю Бирманію. Англичане бросились-было и на Сіамъ; но тутъ ихъ остановили французы, утвердившіеся въ Аннамѣ. Аннамиты уже въ 1823 году стали вассалами Китая, чтобы оградить себя отъ иностранцевъ, и начали истреблять христіанъ, среди которыхъ преобладали французы. Отсюда ихъ война съ Франціей, стоившая имъ Кохинхины. Оправившись отъ ужасовъ 1870 года, французы рѣшились покинуть политику «самососредоточенія» и бросились на Африку и Азію. Они принудили Тонкинъ признать свой протекторатъ. Но тонкинцы, въ свою очередь, объявили себя вассалами богдыхана, который прислалъ имъ свои войска и шайки Черныхъ Флаговъ—пиратовъ и контрабандистовъ, потомковъ тайпинговъ. Кончилось тѣмъ, что китайцы признали протекторатъ Франціи надъ Аннамомъ и Тонкиномъ и открыли для торговли три своихъ южныхъ провинціи. Въ то же время царь Камбоджи сталъ вассаломъ Франціи. Но китайцы, которыхъ снаряжали англичане и особенно нѣмцы, нарушили договоръ—и. въ 1885 году. французамъ пришлось выдержать новую тяжелую войну, которая, сохранила за богдыханомъ прежнія права.

Но китайцы уже потеряли страхъ передъ французами и вообще передъ «иностранными дьяволами». Они не переставали возмущать аннамцевъ и своими интригами, и высылкой къ нимъ Черныхъ Флаговъ. А у себя дома они начали съ 1890 г. избивать миссіонеровъ и обращенныхъ ими китайцевъ. Росли гоненія на христіанъ и ярость «старо-китайцевъ» или Большихъ Кулаковъ, руководимыхъ вдовствующей императрицей Це-си и ея наперсникомъ, Ли-Хун-Чаномъ. Они поддерживались борьбой съ «реформаторами», во главѣ которыхъ стояли юный богдыханъ, племянникъ императрицы, Куангъ-Си, и его наставникъ Кангъ Ю-Вей, жившій одно время въ Лондонѣ. Въ 1889 году Це-Си и Ли-Хунъ-Чанъ были устранены отъ дѣлъ. Явилась первая желѣзная дорога; китайская молодежь была отправлена въ Европу учиться. Были изданы указы объ отмѣнѣ старины, въ духѣ Петра Великаго. Но въ 1898 г. вдругъ Куангъ-Си былъ, въ свою очередь, устраненъ отъ дѣлъ, которыми опять завладѣла Це-Си. Это разожгло вопросъ о Дальнемъ Востокѣ, который явился на смѣну вопросу восточному. Про Небесную Имперію стали говорить, какъ о «больномъ человѣкѣ». Державы спѣшили открыть тамъ новые рынки для своей огромной индустріи. Россія взяла себѣ Портъ Артуръ съ полуостровомъ Таліенваномъ, Англія—Вей-Ха-Вея, Германія—Кіао-Чау. Въ 1900 г. возгорѣлась всеобщая война Европы и янковъ съ Китаемъ, которая окончилась быстрымъ его пораженіемъ и утвержденіемъ русскихъ въ Манджуріи. Въ то же время Китай подвергался внутреннимъ волненіямъ: противъ защитниковъ старины выступило Общество Охраны Страны, какъ называлась партія реформъ. Оживлялись старые враги манджурской династіи.

Дальній Востокъ замыкается Японіей. Она открылась европейцамъ съ 1854 года, когда англичане начали строить Іокогаму. Но феодалы, «дайміосы», избивали «дьяволовъ», которымъ благоволилъ только ихъ глава, «тайкунъ». Тайкунъ обладалъ властью, оставляя одинъ титулъ императору или «микадо». Но микадо Мут-су-хито, по совѣту англичанъ, сразу уничтожилъ тайкуна и поселился въ Токіо. 1868 годъ, когда это случилось, сталъ «мейджи» или эрой новой Японіи. Микадо уничтожилъ дайміосовъ и отнялъ привилегіи у бонзъ (буддійское духовенство). Явились обученныя европейцами войска, бро-

неносцы, желѣзныя дороги, телеграфы, выставки, училища съ иностранными языками, гдѣ обучались и дѣвочки. Много талантливой молодежи было отправлено учиться въ Европу и Америку. Французскіе юристы составили сводъ законовъ. Вводились европейскіе обычаи и одежды. Китайская азбука была замѣнена латинской—и явилось множество переводовъ и газетъ, какъ японскихъ, такъ и иностранныхъ. Возстанія даиміосовъ и бонзъ, даже съ покушеніями на жизнь микадо, только усилили рвеніе прогрессивнаго правительства. Явилась *конституція* 1889 года. Всѣ реформы совершались сначала подъ вліяніемъ французовъ, потомъ—нѣмцевъ и итальянцевъ. Японія такъ окрѣпла, что выступила противъ Китая и легко одолѣла его въ 1895 году. Она получила о. Формозу и заставила китайцевъ признать независимость Кореи, а также открыть для всеобщей торговли еще три гавани. Но эти успѣхи возбудили соревнованіе державъ, особенно сосѣдней Россіи, которая начала сталкиваться съ японцами въ Кореѣ. Между тѣмъ японцы быстро увеличивали свои вооруженія и приняли видное участіе въ европейской войнѣ съ Китаемъ.

СЕМЕЙНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ Ф. С. КОМАРСКАГО.

ПРИЛОЖЕНІЕ КО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1903.

Дозволено цензурою Спб., 4 февраля 1904 г.

Типографія Монтвида. Конная ул. д. № 3—5.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

До Р. Хр.

7000 (около). Смѣна внутри материка и на югѣ желтыхъ людей, занимавшихъ тогда всю Европу и жившихъ въ древне каменномъ вѣкѣ, бѣлыми, принесшими съ собою новокаменную культуру.

5000. Образованіе египетскаго государства.

3892. Начало царствованія египетскаго фараона Менеса, предполагаемаго основателя Мемфиса.

3800—3750. Древнѣйшій періодъ Вавилоніи: властители Саргонъ I, Агане, Нарамъ-Синь, строитель храма Солнца въ Сиппарѣ.

3000—2400. Постройка египетскими фараонами Хеопсомъ, Хефреномъ и Минериномъ трехъ самыхъ большихъ пирамидъ.

2500. Появленіе у арійцевъ Бактріи пророка Зороастра.

Переходъ арійцевъ съ прохладныхъ долинъ Бактріи въ тропическій Пенджабъ.

2400—2094. Первая династія вавилонскихъ царей (Гаммураби).

2380—2371. Египетскій фараонъ Сезуртосъ.

2300. Появленіе въ Палестинѣ пастушескаго племени евреевъ.

2285. Захватъ сѣверной Вавилоніи эламитами подъ предводительствомъ Кудуръ-Нангунда.

2272—2250 Царь Ларсама, Суммира и Аккада Рамъ-Синъ, сынъ Кудуръ-Мабука.

2272. Вторженіе эламитовъ подъ предводительствомъ Кудуръ-Мабука въ южную Вавилонію.

2200. Годъ изъ царствованія фараона Мерида, строителя лабиринта.

2200. Нашествіе на кушитовъ Финикіи и Палестины семитовъ изъ Месопотаміи. Изъ смѣси этихъ племенъ образовались хананиты.

2100 (около). Нашествіе на Египетъ кочевниковъ гиксовъ, въ теченіе 500 лѣтъ господствовавшихъ въ Египтѣ.

2094—1726. Вторая династія вавилонскихъ царей, къ какому времени относится вторженіе коссеевъ.

2000 (около). Основаніе финикіянами на восточномъ берегу Средиземнаго моря городовъ: Сидона, Тира, Триполиса и др.

До Р. Хр.

2000. Переселеніе изъ-за Балканъ въ Италію пелазговъ, занявшихъ восточную часть полуострова.

2000. Основаніе Нимродомъ Вавилона.

1726—1150. Третья династія вавилонскихъ царей, повидимому, коссеевъ по происхожденію.

1700—1600. Начало ассирійскаго царства.

1700—Освободительное возстаніе египтянъ противъ гиксовъ.

1684—1659. Амазисъ Өивскій, отбившій у гиксовъ резиденцію ихъ правителей, Мемфисъ, и провозгласившій себя царемъ Верхняго и Нижняго Египта.

1600—1200. Эпоха процвѣтанія Египта.

1591. Переселеніе евреевъ въ Египетъ.

1500. Переселеніе изъ Египта въ Аттику Кекропса и построеніе имъ крѣпости, возлѣ которой возникли впослѣдствіи Аөины.

1500. Прибытіе въ Италію изъ-за Балканъ родственныхъ эллинамъ италиковъ, утвердившихся въ средней части полуострова и распадавшихся на двѣ вѣтви: латинскую (западную) и умбросабельскую (восточную).

1500. Начало въ исторіи Греціи героическаго періода, продолжавшагося до 1200 г.

1400. Появленіе на берегахъ Малой Азіи арійцевъ подъ именемъ пелазговъ.

1400. Переселеніе изъ Египта въ Арголиду Даная.

1400. Переселеніе изъ Финикіи въ Віотію Кадма, построившаго крѣпость Кадмею, возлѣ которой возникли Өивы.

1396—1328. Періодъ завоеваній египетскаго фараона Рамзеса II (Сезостриса Великаго).

1350. Исходъ евреевъ изъ Египта, послужившій началомъ исторіи Палестины.

1300. Освобожденіе Месопотаміи отъ египетскаго ига. Подпаденіе Вавилоніи власти Ассиріи.

1300. Переселéніе изъ Лидіи въ Элиду Пелопса, сына Тантала.

1300. Захватъ евреями у хананитовъ Палестины.

1250. Построеніе царемъ ассирійскимъ Ниномъ Ниневіи.

1230. Походъ аргонавтовъ въ Колхиду.

1220. Походъ противъ Өивъ семи героевъ: Адраста, Полиника, Гиппомедона, Тидея, Капанея, Амфіараса, Партенопея.

1200. Паденіе Трои и начало переселеній цѣлыхъ эллинскихъ народцевъ, продолжавшихся до 850 г.

1200—1000. Появленіе на югѣ Италіи первыхъ греческихъ колоній.

1200. Паденіе Сидона, мѣсто котораго занялъ Тиръ.

1149—1050. Четвертая династія вавилонскихъ царей, къ которой принадлежитъ, между прочимъ, Навуходоносоръ I.

1120—1100. Ассирійскій царь Тиглатпилезарь I, первый, о которомъ сохранились письменные памятники.

1100. Вторженіе въ Пелопонесъ дорійцевъ, разрушившихъ ахейскія царства.

1055—1025. Первый царь евреевъ Саулъ.

1025—993. Царствованіе у евревъ Давида-псалмопѣвца.

1000. Прибытіе изъ-за Альпъ этрусковъ, осѣвшихъ у западнаго берега до Тибра.

993—953. Царствованіе у евреевъ Соломона.

953 Распаденіе еврейской державы на два царства: іудейское (столица Іерусалимъ) и израильское (столица Самарія).

До Р. Хр.

953—932. Царь іудейскій Ровоамъ.

953—927. Первый израильскій царь Іеровоамъ I.

932—929. Царь іудейскій Авія.

929—873. Царь іудейскій Аса.

927—925. Израильскій царъ Надабъ.

911—890. Ассирійскій царь Рамманнирери II.

901—900. Израильскій царь Элахъ.

899. Возведеніе войскомъ на израильскій престолъ Алеврія, основателя Самаріи.

890—884. Ассирійскій царь Тукульти-Адаръ II.

884—858. Ассирійскій царь Ассурназирпалъ, возвеличившій Ассирію.

880. Основаніе Элиссой или Дидоной, сестрой тирскаго царя Пигмаліона, Карѳагена.

875—853. Израильскій царь Ахавъ, введшій культъ Ваала и Астарты.

873—848. Царь іудейскій Іосафатъ.

858—823. Ассирійскій царь Салманассаръ II.

853—851. Израильскій царь Охозія.

851—843. Изральскій царь Іорамъ.

848—844. Царь іудейскій Горамъ.

843—815. Израильскій царь Ііуй.

840. Изданіе въ Спартѣ законовъ Ликурга.

837—797. Царь іудейскій Іоасъ.

815—798. Израильскій царь Іоахазъ.

798—790. Израильскій царь Іоасъ.

797—792. Царь іудейскій Амасія.

792—740. Царь іудейскій Азарія.

790—779. Израильскій царь Іеровоамъ II, поднявшій на время померкнувшій было блескъ израильскаго царства.

776. Начало греческой эры, когда впервые было записано имя побѣдителя на олимпійскихъ играхъ.

753. Основаніе Рима Ромуломъ, давшимъ новому городу имя убитаго имъ же брата Рема. Оба они, по преданію, были близнецами, дѣтьми Реи Сильвіи и Марса, вскормленными волчицей и дятломъ. Съ этого же года въ исторіи Рима наступаетъ царскій періодъ.

753—509 Время царей въ Римѣ.

745—727. Ассирійскій царь Тиглатъ-Пилезаръ II.

743—724. Первая мессенская война.

740—734. Царь іудейскій Іоѳамъ.

735. Основаніе Сиракузъ.

734. Начало ассирійскаго плѣненія израильтянъ.

734—727. Царь іудейскій Ахазъ.

728—697. Царь іудейскій Езекія.

727—722. Ассирійскій царь Салманассаръ IV, при которомъ произошло возмущеніе финикіянъ и израильтянъ.

722. Покореніе Салманассаромъ израильскаго царства (при послѣднемъ царѣ израильтянъ Осіи).

722. Покореніе Салманассаромъ, царемъ ассирійскимъ, Финикіи (за исключеніемъ Тира).

До Р. Хр.

712. Отдѣленіе Лидіи отъ Ассиріи.

708—655. Мидійскій царь Дейокъ, основатель Экбатаны.

705—681. Ассирійскій царь Санхерибъ.

700. Изгнаніе изъ Египта эѳіоплянъ.

697—642. Царь іудейскій Манассія.

689. Быстрое возвышеніе лидійскаго царства въ правленіе Гигеса.

685—668. Вторая мессенская война.

680—669. Ассирійскій царь Асаргадонъ, завоеватель Египта.

670—616. Царствованіе египетскаго фараона Псамметиха Саисскаго.

669—625. Ассирійскій царь Асурбанапалъ, особенно прославившійся покровительствомъ наукамъ и собравшій въ Нинeвіи громадную библіотеку, открытую Рассамомъ.

695—633. Мидійскій царь Фраортъ, покоритель персовъ.

640—609. Царь іудейскій Іосія.

633—593. Мидійскій царь Кіаксаръ.

630. Основаніе въ Египтѣ постояннаго эллинскаго поселка, факторіи милетцевъ, Милезіоктейхосъ.

628. Захватъ Акрополя (Аѳины) Килономъ, зятемъ мегарійскаго тирана Ѳеогениса.

625. Возстановленіе Набополассаромъ независимаго вавилонскаго государства.

624. Архонтъ Драконъ, уступая требованіямъ демоса, далъ аѳинянамъ писанные законы.

616—600. Египетскій фараонъ Нехо, основатель египетскаго флота.

612—563. Лидійскій царь Галіаттъ, при которомъ лидійское царство достигло наибольшаго блеска.

606. Разрушеніе Нинeвіи Каксаромъ Лидійскимъ, въ союзѣ съ вавилонянами.

610. Солнечное затменіе (30 сентября), пріостановившее битву лидянъ съ мидянами и приведшее къ мирному соглашенію между ними, по которому рѣка Галисъ была признана границей между Лидіей и Мидіей.

609—607. Царь іудейскій Іоахазъ.

607—598. Царь іудейскій Іоакимъ.

604—561. Навуходоносоръ, царь вавилонскій.

604. Пораженіе у Кархемыша вавилонскимъ царемъ Новуходоносоромъ фараона Нехо, мечтавшаго занять мѣсто погибшей Ассиріи.

600. Освобожденіе Вавилоніи изъ-подъ власти Ассиріи.

600. Рожденіе въ небольшомъ государствѣ у подошвы Гималай Будды.

600. Появленіе японцевъ, выселенцевъ изъ Китая.

600. Путешествіе финикіянъ вокругъ Африки.

596—586. Послѣдній царь іудейскій Седекія.

595. Назначеніе Солона эвпатридами безсрочнымъ архонтомъ.

587. Взятіе Іерусалима халдейскимъ царемъ Новуходоносоромъ и начало 70-лѣтняго вавилонскаго плѣненія евреевъ.

574. Разрушеніе Тира халдейскимъ царемъ Новуходоносоромъ.

570—526. Египетскій фараонъ Амазисъ.

560. Замѣна владычества мидійской державы владычествомъ персидской.

560—527. Тиранъ Аѳинскій Пизистратъ.

До Р. Хр.

554. Пораженіе Киромъ лидійскаго царя Креза и уничтоженіе его столицы Сардъ.

550. Изданіе Конфуціемъ китайской библіи Ту-Кингъ.

548. Попытка Креза принести себя въ жертву божеству (самосожженіемъ), остановленная неожиданно полившимъ дождемъ.

538. Взятіе персами съ Киромъ во главѣ Вавилона при послѣднемъ представителѣ ново-халдейской державы Валтасарѣ.

538. Превращеніе Вавилоніи въ сатрапію персидскаго государства.

538. Подпаденіе евреевъ подъ владычество персовъ, подъ властью которыхъ они прожили до 320 года.

537. Подчиненіе финикіянъ безъ борьбы персидскому царю Киру.

536. Разрѣшеніе іудеямъ царемъ персидскимъ Киромъ возвратиться въ Палестину.

529. Выступленіе Кира въ походъ противъ массогетовъ на Оксѣ (изъ племенъ степныхъ туранцевъ), во время котораго онъ, по преданію, былъ разбитъ ихъ царицей Томирой и умеръ отъ раны.

529—522. Персидскій царь Камбизъ, сынъ Кира.

525. Нашествіе на Египетъ персовъ, пораженіе Камбизомъ послѣдняго фараона Псамметиха при Пелузіи и покореніе Египта персами.

521. Убіеніе въ Персіи Лже-Смердиса.

521—486. Персидскій царь Дарій Гистаспъ.

518. Усмиреніе Даріемъ Гистаспомъ вавилонянъ.

516. Освященіе вновь отстроеннаго Іерусалимскаго храма.

510. Изгнаніе, благодаря Клисѳену, изъ Аѳинъ тирана Гиппія, сына Пизистрата, и возвращеніе на родину Алкмеонидовъ.

509. Отмѣна въ Римѣ царскаго достоинства и учрежденіе республики съ двумя консулами. Первыми консулами были Брутъ и Коллатинъ.

509. Законодательство въ Аѳинахъ Алкмеонида Клисѳена, окончательно придавшее общественному строю аѳинянъ демократическій характеръ.

507. Осада Рима этрусскимъ царемъ Порсеною.

500. Возстаніе противъ персовъ малоазіатскихъ грековъ, на помощь къ которымъ спартанцы не послали свой флотъ.

500. Выступленіе персидскаго царя Дарія Гистаспа въ походъ въ Скиѳію съ 700-тысячной арміей.

500—431. Время процвѣтанія Греціи.

494. Избраніе въ Римѣ въ консулы Аппія Клавдія, при которомъ совершился выходъ плебеевъ на священную гору въ семи верстахъ отъ Рима.

494. Разореніе персами Милета.

493. Походъ персовъ противъ грековъ подъ предводительствомъ Мардонія.

491. Неудачная попытка патриція Кая Марція Коріолана упразднить трибуновъ.

490. Выступленіе персовъ подъ предводительствомъ Гиппія въ походъ въ Аттику. Пораженіе персовъ греками (подъ предводительствомъ Мильтіада, Аристида и Ѳемистокла) подъ Мараѳономъ.

488. Осада Рима вольсками подъ предводительствомъ Коріолана.

486. Возстаніе въ Египтѣ противъ персовъ.

486—465. Царствованіе персидскаго царя Ксеркса, сына Дарія.

484—408. Отецъ исторіи Геродотъ, изъ Галикарнасса.

До Р. Хр.

480. Выступленіе въ походъ противъ Эллады двухмиліонной арміи персовъ подъ предводительствомъ сына Дарія, Ксеркса, и его зятя, Мардонія.

480. Рѣшительное пораженіе, нанесенное персидскому флоту у Саламина греческимъ флотомъ подъ начальствомъ аѳинянина Ѳемистокла и спартанца Эврибіада.

480. Сраженіе спартанскаго царя Леонида съ персами въ Ѳермопильскомъ проходѣ.

480. Побѣда сиракузскаго тирана Гелона при Гимерѣ надъ карѳагенянами, пытавшимися захватить Сицилію.

479. Пораженіе при Платеѣ персовъ греками подъ начальствомъ аѳинянина Аристида и спартанца Павзанія.

479. Уничтоженіе персидскаго флота у мыса Микале греками подъ предводительствомъ аѳинянина Ксантиппа и спартанскаго царя Леотихида.

478. Возведеніе стѣнъ вокругъ Аѳинъ.

476. Переходъ морской гегемоніи отъ спартанцевъ къ аѳинянамъ.

470. Изгнаніе изъ Аѳинъ Ѳемистокла.

469. Начало управленія Перикломъ Аѳинами, продолжавшагося сорокъ лѣтъ, до 429.

468. Смерть Аристида Справедливаго.

466. Пораженіе персовъ, при р. Евримедонѣ въ Памфиліи Кимономъ, занявшимъ въ Аѳинахъ мѣсто Аристида.

465—425. Царствованіе персидскаго царя Артаксеркса I Лонгимана.

464—455. Третья мессенская война.

463. Смерть Ѳемистокла въ Магнезіи вассаломъ персидскаго царя.

456. Смерть Эсхила.

456. Побѣда спартанцевъ надъ аѳинянами при Танагрѣ.

453. Пораженіе аѳинянъ персами въ Египтѣ.

450. Избраніе патриціями изъ своей среды децемвировъ, которымъ было поручено написать законы для Рима (XII мѣдныхъ таблицъ).

449. Смерть Кимона, стоявшаго во главѣ союзнаго делоскаго флота, отъ ранъ при осадѣ Кипра.

449. Прекращеніе греко-персидскихъ войнъ, заключеніе Кимонова мира и признаніе персами независимости греческихъ колоній въ Малой Азіи.

449. Изданіе въ Римѣ письменныхъ законовъ (12 таблицъ).

448—438. Сооруженіе въ Аѳинахъ Парѳенона Иктиномъ и Калликратомъ.

447. Пораженіе аѳинянъ віотійцами при Коронеѣ.

447. Смерть Пиндара (родился въ 521 году).

445. Третій уходъ плебеевъ изъ Рима (на Яникулъ) вслѣдствіе протеста патриціевъ противъ предложенныхъ трибуномъ Капуліемъ законовъ объ уравненіи плебеевъ и патриціевъ въ отношеніи брачнаго права и объ избраніи плебеевъ въ консулы наравнѣ съ патриціями.

445 Заключеніе „периклова“ мира, по которому аѳиняне отказались отъ своихъ завоеваній на сушѣ, а спартанцы признали за ними морскую гегемонію, что было равносильно признанію дуализма Греціи.

445. Учрежденіе должности военныхъ трибуновъ, въ которые могли избираться и плебеи.

445. Разрѣшеніе браковъ патриціевъ съ плебеями.

443. Основаніе аѳинянами въ Италіи колоніи Турія.

437—433. Сооруженіе Мнезикломъ въ Аѳинахъ Пропилеевъ.

До Р. Хр.

437 Основаніе аѳинянами на Стримонѣ колоніи Амфиполисъ.

434—433. Война Коринѳа съ Корцирою за Эпидамнъ.

433. Заключеніе Аѳинами союза съ Корцирою противъ Коринѳа.

432 Окончаніе постройкою храма Зевса въ Олимпіи (статуя Зевса работы Фидія).

431. Начало пелопонесской войны между Аѳинами и Спартой и ихъ союзниками, длившейся 27 лѣтъ (до 404 г.) и погубившей Элладу.

429. Смерть Перикла,

424—405. Персидскій царь Дарій II Нотъ.

424. Походъ спартанца Бразида во Ѳракію.

422. Побѣда спартанцевъ (Бразидъ) надъ аѳинянами (Клеонъ) при Амфиполисѣ.

421. „Никіевъ миръ", названный по имени аѳинскаго полководца въ пелопонесскую войну Никія. Аѳины и Спарта по этому договору отказались отъ своихъ завоеваній и заключили перемиріе на 50 лѣтъ. Но въ дѣйствительности война возобновилась черезъ два года,

415. Походъ аѳинянъ (Алкивіадъ, Немій и Ламахъ) для завоеванія острова Сициліи.

413. Пораженіе аѳинянъ близъ Сиракузъ.

412—398. Македонскій царь Архелай.

412. Отпаденіе отъ Делосскаго союза Хіоса.

411. Установленіе въ Аѳинахъ олигархіи (Ѳераменъ).

410. Морская побѣда Алкивіада при Кизикѣ надъ спартанцами, сиракузянами и персами.

406. Смерть Эврипида (род. въ 480 г.).

406. Пораженіе, нанесенное аѳинскимъ флотомъ пелопонесцамъ (Калликратидъ) при Аргинузскихъ островахъ.

405. Смерть Софокла.

405—359. Персидскій царь Артаксерксъ II Мнемонъ.

405. Пораженіе и почти полное уничтоженіе аѳинскаго флота спартанцами (Лизандръ) близъ Лампсака, на Геллеспонтѣ, при Эгоспотамосѣ.

404. Взятіе Аѳинъ спартанцами, сожженіе аѳинскаго флота, признаніе Аттикой гегемоніи Спарты, паденіе могущества Аѳинъ, установленіе въ Аѳинахъ Лизандромъ тираніи тридцати.

403. Низверженіе Ѳразибуломъ тридцати тирановъ въ Аѳинахъ и возстановленіе законовъ Солона.

400. Знаменитое отступленіе подъ предводительствомъ Ксенофонта десяти тысячъ греческихъ наемниковъ, пошедшихъ на службу къ Киру младшему и принявшихъ участіе въ походѣ послѣдняго противъ брата, персидскаго царя Артаксеркса. Разбитые близъ Вавилона, они отступили къ Черному морю.

400 (около). Первый наступательный походъ римлянъ (противъ этрусковъ).

399. Возобновленіе греко-персидскихъ войнъ Артаксерксомъ, начавшимъ опустошать греческія колоніи въ Малой Азіи.

399. Смерть Сократа (род. въ 469 г.).

395. Покореніе вейентинцевъ Маркомъ Фуріемъ Камилломъ.

395—387. Коринѳская война.

393—369. Македонскій царь Аминтъ II.

390. Нашествіе галловъ и разрушеніе ими Рима.

388. Смерть Аристофана.

До Р. ХР.

387. Окончаніе греко-персидской войны (коринөской) Анталкидовымъ миромъ, по которому малоазійскіе греки и Кипръ были формально подчинены персамъ, и была объявлена автономія всѣхъ мелкихъ городовъ Эллады. Блюстительницей этого мира была назначена Спарта.

382. Захватъ Өиванской Кадмеи спартанцами.

379. Низложеніе Пелопидомъ өиванскихъ аристократовъ и изгнаніе спартанскаго гарнизона изъ Кадмеи.

378—362. Өиванская война.

377. Покореніе римлянами вольсковъ.

373. Землетрясеніе въ Пелопонесѣ, поглотившее города Гелике и Буру съ ихъ населеніемъ.

371. Побѣда өиванца Эпаминонда надъ спартанцами при Левктрѣ и начало гегемоніи Өивъ.

369. Возстановленіе өиванцами независимости Мессеніи.

367. Принятіе Лициніевыхъ законовъ (аграрнаго, долгового и консулатнаго).

364. Гибель друга и сподвижника Эпаминонда, Пелопида, попавшаго въ засаду въ Өессаліи.

362. Смерть Эпаминонда въ битвѣ у Мантинеи, окончившейся побѣдой өиванцевъ.

359—336. Артаксерксъ III Охъ.

359—336. Филиппъ, царь Македонскій.

356—346. Первая священная война между Өивами и Фокидой, призвавшей на помощь Филиппа Македонскаго (поводъ къ войнѣ—жалобы подкупленной өиванцами Пиөіи на захватъ фокійцами клочка ея храмоваго луга).

348. Смерть философа Платона.

348. Взятіе Олинөа македонцами.

343—341. Первая самнито-римская война изъ-за Капуи.

340—338. Возстаніе латинянъ, требовавшихъ уравненія въ правахъ съ римскими гражданами.

339. Уравненіе правъ патриціевъ и плебеевъ.

338. Пораженіе өиванцевъ и аөинянъ у Херонеи Филиппомъ Македонскимъ, призваннымъ Амфиктіоновымъ судомъ для наказанія святотатцевъ локрійцевъ, будто-бы запахавшихъ поле Пиөіи (вторая священная война).

337. Коринфскій конгрессъ, на которомъ Филиппъ Македонскій объявилъ походъ на Персію.

336. Смерть Филиппа Македонскаго, заколотаго на свадьбѣ своей дочери, наканунѣ выступленія въ походъ противъ персовъ вмѣстѣ съ Элладой, заключившей вѣчный союзъ съ Македоніей.

336. Воцареніе Александра Македонскаго.

336—331. Дарій III Кодоманъ.

334. Выступленіе Александра Македонскаго въ походъ противъ персовъ и его побѣда при Граникѣ,

333. Пораженіе Александромъ Македонскимъ у Исса персидскаго царя Дарія Кодомана.

332. Прекращеніе Александромъ Македонскимъ владычества персовъ въ Египтѣ.

До Р. Хр.

332. Подпаденіе Іудеи подъ власть Александра Македонскаго.

332. Взятіе Александромъ Македонскимъ Тира, чѣмъ былъ положенъ конецъ существованію персидскаго флота.

332. Основаніе Александромъ у устья Нила Александріи.

331. Побѣда Александра надъ Даріемъ на поляхъ Гаугамелы, близъ развалинъ Ниневіи, предоставившая ему Вавилонъ, Сузу и Персеполь.

331. Покореніе Египта Александромъ Македонскимъ.

330. Покореніе Александромъ Македонскимъ сѣверо-восточныхъ областей Персидскаго залива.

327. Походъ Александра Македонскаго въ Индію (до Гифазиса, восточнаго притока Инда).

326—305. Вторая самнито-римская война изъ-за Кампаніи.

325. Возвращеніе Александра Македонскаго изъ индійскаго похода.

323. Смерть Александра на 33-мъ году жизни, простудившагося на похоронной пирушкѣ въ память своего друга Гефестіона, сведеннаго въ могилу распутною жизнью.

323. Распредѣленіе провинцій царства Александра Великаго между его полководцами (діодохами) Антипатромъ, Антигономъ, Эвменомъ, Птоломеемъ, Селевкомъ и Лизимахомъ; часть Антипатра—Македонія; Антигона—Ликія, Памфилія и Великая Фригія; Эвмена—Каппадокія; Птоломея—Египетъ; Селевка—Вавилонія; Лизимаха—Ѳракія и Виѳанія.

322. Возстаніе грековъ противъ владычества македонянъ (Ламійская война).

322. Самоотравленіе Демосѳена на островѣ близъ Аргоса, послѣ того какъ македонскій полководецъ Антипатръ, подавивъ попытку грековъ сбросить македонское иго послѣ смерти Александра, поставилъ македонскій гарнизонъ въ Пиреѣ.

322. Смерть Аристотеля (род. въ 384 г. въ Стагирѣ).

320. Подпаденіе евреевъ подъ власть Лагидовъ (до 203 г).

320. Подпаденіе Палестины подъ владычество Птоломея.

314. Начало тринадцатилѣтней борьбы Антигона и Поліоркета съ остальными діадохами за всемірную монархію. Она окончилась побѣдой послѣднихъ въ 301 году въ сраженіи у Ипса.

312. Внесеніе цензоромъ Линіемъ Клавдіемъ въ списки римскихъ гражданъ отпущенниковъ и безземельныхъ.

312. Основаніе Селевкомъ I Никаторомъ сирійскаго царства, просуществовавшаго около 250 лѣтъ (столица Антіохія).

311. Убіеніе сына Александра Великаго—Александра II.

310. Пораженіе возставшихъ этрусковъ римлянами при Вадимонскомъ озерѣ.

309. Пораженіе этрусковъ римлянами при Перузіи.

307. Провозглашеніе Антигона его сыномъ Димитріемъ царемъ, послѣ чего и прочіе діадохи стали именовать себя царями.

301. Сраженіе при Ипсѣ между діадохами - соперниками (Антигонъ съ одной стороны, Кассандръ, Лизимахъ, Птоломей и Селевкъ—съ другой).

300. Окончательное уравненіе правъ плебеевъ и патриціевъ.

298—290. Третья война съ самнитами и ихъ союзниками умбрами, этрусками и галлами, кончившаяся подчиненіемъ самнитовъ Риму.

295. Пораженіе римлянами самнитовъ и ихъ союзниковъ при Сентинѣ въ Умбріи.

291. Основаніе римлянами Венузіи.

284. Пораженіе римлянъ галлами при Арреціумѣ.

До Р. Хр.

282. Пораженіе тарентинцами въ тарентинской гавани римскаго флота.

281. Основаніе однимъ египетскимъ евнухомъ Пергамскаго царства.

280. Образованіе ахейскаго союза (его вождь Аратъ присоединилъ къ союзу половину Пелопонеса).

280—272. Война римлянъ съ тарентинцами.

280. Пораженіе римлянъ при Сирисѣ царемъ эпирскимъ Пирромъ.

275. Пораженіе римлянами при Беневентѣ Пирра эпирскаго, призваннаго на помощь Тарентомъ, и взятіе римлянами Тарента, завершившее завоеваніе Италіи римлянами.

273. Основаніе римлянами Пестума.

272. Смерть Пирра въ битвѣ у воротъ Аргоса.

266. Начало хремонидской войны, продолжавшейся до 263 г. и приведшей къ исчезновенію Аѳинъ, какъ политической державы.

264—241. Первая пуническая война изъ-за отнятія Карѳагеномъ у мамертинцевъ Мессины.

264—146. Періодъ высшаго могущества Рима.

260. Морская побѣда римлянъ (консулъ Дуилій) надъ карѳагенянами у Липарскихъ острововъ.

255. Начало парѳянскаго царства, просуществовавшаго около 500 лѣтъ до 226 г. по Р. Хр. (столица Гекатомпилосъ у Астрабада, Стовратный, теперь Дамаганъ).

255. Побѣда карѳагенянъ надъ римлянами на равнинѣ Тунеса.

250. Буддизмъ, по волѣ царя Асаки, становится государственною религіею.

242. Попытка спартанскаго царя Агиса III возстановить во всей силѣ законодательство Ликурга.

240. Постановка въ Римѣ на сценѣ первой театральной пьесы.

238. Покореніе римлянами Корсики и Сардиніи.

235—221. Царь спартанскій Клеоменъ III, возстановившій учрежденія Ликурга и вступившій въ войну съ Ахейскимъ союзомъ.

234. Рожденіе Марка Порція Катона Старшаго, скончавшагося въ 149 г.

226—222. Возстаніе противъ римлянъ галловъ.

221. Пораженіе при Пелассіи спартанцевъ Аратомъ съ помощью македонцевъ, послѣ чего въ Спартѣ началось господство тирановъ, а въ Греціи возстановилось владычество македонянъ.

221—205. Царь египетскій Птоломей Филопаторъ.

219. Основаніе римлянами Плаценціи и Кремоны.

218—201. Вторая пуническая война вслѣдствіе разрушенія карѳагенянами колоніи Сагунта, находившейся въ союзѣ съ Римомъ.

218. Побѣда Ганнибала надъ римлянами у Тичино (надъ Сципіономъ) и у Требіи (надъ Семпроніемъ).

217. Побѣда Ганнибала надъ Фламиніемъ при Тразименскомъ озерѣ.

217—216. Диктаторство Фабія Максима.

216. Побѣда Ганнибала надъ Терентіемъ Варрономъ и Павломъ Эмиліемъ при Каннахъ и истребленіе имъ римской арміи; въ этомъ сраженіи римляне потеряли до 50.000 убитыми.

214. Начало полувѣковой борьбы эллино-македонскаго міра съ римскимъ.

214—205. Первая македонская война (царь македонскій Филиппъ II и римляне).

212. Разрушеніе Сиракузъ консуломъ Марцелломъ.

До Р. Хр.

207. Побѣда римлянъ надъ кароагенянами (Газдрубалъ) близъ Сены при р. Метаврѣ.

203. Подпаденіе евреевъ подъ владычество Селевкидовъ (до 168 г.).

202. Пораженіе Ганнибала подъ Замой Сципіономъ Африканскимъ, послѣ чего кароагеняне отдали римлянамъ всѣ свои владѣнія внѣ Африки и свой флотъ.

200—196. Возстаніе противъ римлянъ бойевъ и инсубровъ.

200—197. Вторая македонская война.

197. Рѣшительная побѣда римлянъ надъ Филиппомъ II Македонскимъ при Кинокефалахъ, повлекшая отказъ Филиппа отъ всѣхъ своихъ владѣній внѣ Македоніи.

196. Объявленіе независимости Греціи римскимъ полководцемъ Фламининомъ.

191. Побѣда римлянъ надъ сирійскимъ царемъ Антіохомъ III при Өермопилахъ.

190. Пораженіе Сципіономъ при Магнезіи Антіоха III Сирійскаго, пріютившаго у себя Ганнибала, изгнаннаго олигархами изъ Кароагена.

186. Преслѣдованіе римскими властями и казни сторонниковъ культа вакханалій.

183. Смерть „послѣдняго грека“—стратега Ахейскаго союза преемника Арата Филопемена, умершаго въ плѣну.

183. Смерть Ганнибала.

175—164. Сирійскій царь Антіохъ IV Эпифанъ.

171—168. Третья македонская война (Персей, сынъ Филиппа II, и римляне).

168. Побѣда римлянъ при Пиднѣ и плѣненіе ими Персея.

168. Сверженіе іудеями сирійскаго ига и созданіе тремя братьями Маккавеями, изъ семьи Асмонеевъ, самостоятельнаго іудейскаго царства, продержавшагося болѣе 200 лѣтъ.

149—146. Третья пуническая война вслѣдствіе самовольнаго объявленія кароагенянами войны нумидійскому царю Масиниссѣ.

149—141. Лузитанская война (Виріатъ-побѣдитель римлянъ).

148. Обращеніе Македоніи въ Римскую провинцію.

146. Взятіе Кароагена Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ, сравненіе его съ землею и превращеніе кароагенскаго государства въ римскую провинцію, подъ именемъ Африки, чѣмъ и кончились пуническія войны.

146. Обращеніе Греціи въ римскую провинцію, подъ именемъ Ахаіи.

146. Возстаніе ахейцевъ противъ римлянъ и разрушеніе послѣдними главнаго города союза, Коринфа.

140. Отнятіе Вавилоніи пареянами у Ассирійскаго царства.

135—132. Первая невольническая война въ Сициліи.

133. Завѣщаніе послѣднимъ пергамскимъ царемъ Атталомъ III своего царства римскому народу.

133. Предложеніе Тиверіемъ Гракхомъ возстановить дѣйствіе аграрнаго закона Лицинія.

133. Покореніе Испаніи Сципіономъ Эмиліаномъ.

123. Избраніе въ трибуны Гая Гракха, предложившаго рядъ законовъ въ пользу бѣдняковъ.

113—101. Нашествіе на Италію кимвровъ и тевтоновъ.

До Р. Хр.

112—106. Война римлянъ съ Югуртою, царемъ нумидійскимъ, во время которой началось возвышеніе Марія.

106. Рожденіе Цицерона († 43), создавшаго классическую прозу въ Римѣ, которую вмѣстѣ съ классической поэзіей временъ Августа называютъ золотою латынью.

105—101. Вторая невольническая война въ Сициліи.

102. Побѣда Марія надъ тевтонами при Аквэсексціи.

102. Обращеніе Киликіи въ римскую провинцію.

100. Тріумфъ Марія послѣ уничтоженія, при помощи Суллы, нахлынувшихъ въ Италію кимвровъ и тевтоновъ.

100. Умерщвленіе въ Римѣ демагоговъ-анархистовъ (Сатурнинъ и Главція).

90—88. Союзническая война—возстаніе противъ Рима покоренныхъ римлянами итальянскихъ народовъ.

88—84. Первая война царя понтійскаго Митридата V Великаго съ Римомъ.

86. Борьба въ Римѣ аристократовъ (Сулла) съ демократами (Марій и Цинна).

86. Смерть Марія и начало трехлѣтняго господства Цинны.

84. Усмиреніе Суллою возставшихъ противъ Рима мало-азійскихъ провинцій.

83. Вторая война Митридата понтійскаго съ римлянами (военныя дѣйствія были начаты произвольно легатомъ Суллы, Л. Лициніемъ Муреною).

78. Смерть Суллы близъ Неаполя, черезъ годъ послѣ добровольнаго удаленія отъ дѣлъ.

74—63. Третья война Митридата Понтійскаго съ Римомъ.

73. Возстаніе римскихъ рабовъ подъ предводительствомъ Спартака, кончившееся распятіемъ до шести тысячъ рабовъ.

72. Возстаніе Лузитанъ въ Испаніи (побѣды Помпея).

70. Побѣда Лицинія Лукулла надъ возставшимъ снова Митридатомъ и бѣгство послѣдняго къ армянскому царю Тиграну.

69. Пораженіе Тиграна Лукулломъ при Тиграноцертѣ.

66. Пораженіе Митридата Помпеемъ и обращеніе мало-азійскаго Понта въ римскую провинцію.

65—62. Заговоръ Катилины противъ римской республики, разрушенный Цицерономъ.

63. Обращеніе Сиріи въ римскую провинцію.

60. Образованіе въ Римѣ перваго тріумвирата изъ Цезаря, Помпея и Красса.

58. Отъѣздъ Цезаря въ Галлію, гдѣ онъ пробылъ до 49 г.

58. Пораженіе Юліемъ Цезаремъ гельветійцевъ близъ Бибракты, города эдуевъ.

52. Взятіе римлянами города Алезіи и послѣдняго галльскаго полководца или царя, Верцингеторикса.

49. Начало въ Римѣ междоусобной войны (Цезарь съ одной стороны, а сенатъ и измѣнившій тріумвирату Помпей—съ другой).

48. Пораженіе Цезаремъ войскъ Помпея при Форсалѣ.

45. Введеніе Цезаремъ юліанскаго календаря, котораго Россія держится до сихъ поръ.

До Р. Хр.

44. Смерть Цезаря, убитаго заговорщиками, во главѣ которыхъ стояли Брутъ и Кассій.

43. Образованіе Октавіаномъ, внукомъ сестры Цезаря, второго тріумвирата (Октавіанъ, Антоній и Лепидъ).

42. Побѣда Октавіана и Антонія у города Филлипи въ Македоніи надъ войсками Брута и Кассія.

37. Подчиненіе евреевъ римлянами своему клеврету Ироду Великому, принявшему титулъ царя.

31. Побѣда Октавіана надъ Антоніемъ и Клеопатрою у мыса Акціума.

31. Обращеніе Египта въ римскую провинцію.

30. Смѣна Римской республики имперіей.

Послѣ Р. Хр.

1. Рождество Іисуса Христа

6—8. Римско-далматско-паннонская война.

9. Пораженіе римлянъ (Варръ) германцами въ Тевтобургскомъ лѣсу, близъ Детмольда (вождь Арминъ, князь изъ племени херусковъ).

9. Смерть Друза Германика, прославившагося своими подвигами въ Германіи.

14. Смерть Августа.

14—37. Римскій императоръ Тиберій.

16. Пораженіе римлянами (Германикъ) германцевъ (Арминъ, Иневіомеръ) при Идиставизо.

37—41. Римскій императоръ Кай Цесарь (Калигула).

41—54. Императоръ римскій Клавдій Друзъ, братъ Германика.

44. Превращеніе Іудеи въ римскую провинцію подъ управленіемъ прокураторовъ.

45. Покореніе римлянами Британіи.

54—68. Императоръ римскій Неронъ, сынъ Агриппины.

64. Начало гоненій на христіанъ (при Неронѣ).

64. Большой пожаръ Рима, будто бы подожженнаго самимъ Нерономъ.

67. Начало работъ въ присутствіи Нерона по прорытію Коринескаго перешейка

68. Римскій императоръ Гальба.

69. Римскій императоръ Оттонъ.

69. Римскій императоръ Вителлій.

69—79. Римскій императоръ Флавій Веспасіанъ.

70. Взятіе и разрушеніе Іерусалима римлянами (Титъ, сынъ Веспасіана).

79. Изверженіе Везувія, засыпавшее Геркуланумъ и Помпею.

79—81. Римскій императоръ Титъ, сынъ Веспасіана.

81—96. Римскій императоръ Домиціанъ, братъ Тита.

84. Походъ Домиціана противъ хаттовъ.

96—98. Императоръ римскій Нерва.

98—117. Императоръ римскій Траянъ.

106. Покореніе римлянами Дакіи.

106. Обращеніе въ римскую провинцію каменистой Аравіи.

114. Обращеніе въ римскія провинціи Арменіи и Месопотаміи.

117—138. Римскій императоръ Элій Адріанъ, усыновленникъ Траяна.

132. Послѣднее возстаніе іудеевъ, окончательно подавленное въ 135 году.

Послѣ Р. Хр.

135. Сравненіе съ землею Іерусалимскаго храма, при Адріанѣ, задумавшемъ обратить евреевъ въ римлянъ.

138—161. Римскій императоръ Аврелій Антонинъ (Благочестивый), усыновленникъ Адріана.

161—180. Римскій императоръ Маркъ-Аврелій, усыновленникъ Антонина.

165. Пріобрѣтеніе римлянами части Месопотаміи до древней Мидійской стѣны.

167. Массовое вторженіе на римскую территорію маркоманновъ и квадовъ.

180—193. Римскій императоръ Коммодъ, сынъ Марка Аврелія.

194—211. Римскій императоръ Септимій Северъ.

211—218. Царствованіе Каракаллы, объявившаго себя вторымъ Александромъ Великимъ.

218—222. Римскій императоръ Элагабалъ (сирійскій первосвященникъ).

222—235. Римскій императоръ Александръ Северъ.

226. Освобожденіе персовъ изъ-подъ владычества парѳянъ и основаніе Ардширомъ, сыномъ Сассана Ахеменида, новоперсидскаго царства сассанидовъ.

235—285. Такъ называемая въ римской исторіи пора солдатчины, когда престолъ цезарей сталъ игрушкою въ рукахъ легіоновъ (Максиминъ, Гордіаны I, II, III, Юлій Филиппъ, Децій Валеріанъ, Галліенъ, Клавдій II, Авреліанъ, Тацитъ, Флоріанъ, Аврелій Проба, Каръ).

270. Предполагаемое выселеніе изъ Дакіи императоромъ Авреліаномъ всего римскаго населенія.

272. Покореніе римлянами Пальмирскаго царства.

285—305. Римскій императоръ Діоклетіанъ, основатель гражданскаго порядка въ Римской имперіи.

312. Первая побѣда подъ знаменемъ креста, одержанная Константиномъ надъ Максенціемъ у Мальвійскаго моста.

313. Миланскій эдиктъ Константина Великаго, установившій равноправность христіанской религіи съ языческою.

318—388. Ульфила, просвѣтитель готовъ, изобрѣвшій готскую азбуку и переведшій на готскій языкъ библію.

324. Выступленіе Константина въ походъ противъ Лицинія, сына цезаря Галерія, надѣленнаго Иллирикомъ, послѣ пораженія котораго началось единодержавіе Константина.

325. Первый вселенскій соборъ въ Никеѣ (противъ Арія).

330. Перенесеніе Константиномъ столицы изъ Рима въ Византію, получившую названіе Константинополя.

337. Смерть Константина Великаго.

337—600. Эпоха паденія Римской имперіи и переселенія народовъ.

340. Основаніе Пахоміемъ на одномъ изъ острововъ Нила перваго монастыря.

350. Переходъ гунновъ черезъ Уралъ.

353. Признаніе христіанства въ Римской имперіи государственной религіей.

361—363. Императоръ римскій Юліанъ Отступникъ, при которомъ снова было возстановлено язычество.

363—364. Римскій императоръ Іовіанъ.

364—375. Императоръ римскій Валентиніанъ I.

375. Покореніе остготовъ гуннами.

Послѣ Р. Хр.

378. Пораженіе римлянъ (импер. Валентъ, соправитель Граціана) гуннами при Адріанополѣ, подорвавшее престижъ римлянъ въ глазахъ германскихъ варваровъ.

378—395. Царствованіе римскаго императора Θеодосія Великаго.

391. Разрушеніе христіанами въ Александріи знаменитаго храма Сераписа.

393. Послѣднія Олимпійскія игры (293 олимпіада).

395. Нашествіе на Грецію вестготовъ подъ предводительствомъ Алариха.

395. Окончательное раздѣленіе Римской имперіи на двѣ части: Восточную или Византійскую (Аркадій) и Западную (Гонорій).

401. Первый походъ Алариха на Италію.

408. Второй походъ Алариха на Италію.

408. Казнь вандала Стилихона, назначеннаго Θеодосіемъ Великимъ руководителемъ малолѣтняго Гонорія и прогнавшаго короля вестготовъ Алариха изъ Греціи и Италіи.

410. Разграбленіе Рима предводителемъ вестготовъ Аларихомъ.

413. Основаніе бургундами перваго германскаго государства (Бургундское, Вормское или Рейнское).

433—453. Аттила, вождь гунновъ, „бичъ Божій", объединившій подъ своею властью все это племя.

437. Разрушеніе Бургундскаго государства римскимъ полководцемъ Аэціемъ.

439. Основаніе вандальскимъ королемъ Гензерихомъ вандальскаго государства въ Африкѣ.

440—461. Епископъ римскій Левъ I Великій, уговорившій Аттилу не нападать на Италію.

449. Захватъ англо-саксами Британіи, которая стала называться Англіей.

450. Воцареніе въ Восточной Римской имперіи Маркіана, отказавшаго въ дани Аттилѣ.

451. Походъ Аттилы въ Галлію.

451. Соборъ, установившій нераздѣльность во Христѣ двухъ природъ.

451. Пораженіе гунновъ и Аттилы на Каталаунскихъ поляхъ, поведшее къ перекочевкѣ гунновъ за Волгу.

452. Походъ Аттилы въ Италію.

454. Основаніе гепидами государства, просуществовавшаго до 567 года.

455. Взятіе и разграбленіе Рима королемъ вандаловъ Гензерихомъ.

474—491. Императоръ Восточной Римской имперіи Зенонъ.

475—526. Теодорихъ Великій, король остготовъ.

476—486. Самостоятельное правленіе сѣверной Галліей Сіагріемъ, римскимъ намѣстникомъ.

476. Паденіе Западной Римской имперіи: низверженіе вождемъ геруловъ и ругіевъ Одоакромъ императора Ромула Августула и провозглашеніе Одоакромъ себя королемъ Италіи.

481—511. Король салійскихъ франковъ Хлодвигъ.

486. Пораженіе франками подъ Суассономъ подъ предводительствомъ Хлодвига намѣстника Сѣверной Галліи Сіагрія и основаніе франкскаго государства, въ которомъ утверждается династія Меровинговъ.

489. Пораженіе Теодорихомъ (остготы) Одоакра при Веронѣ.

490. Рѣшительное пораженіе Теодорихомъ Одоакра на берегахъ Адды (въ сраженіи принимали участіе герулы, ругіи, остготы и вестготы, бургунды и вандалы).

Послѣ Р. Хр.

493. Сдача Одоакра (въ Равеннѣ, послѣ трехгодовой осады) Теодориху Великому и переходъ Италіи подъ власть послѣдняго (остготское королевство).

493—526. Управленіе Италіей Теодорихомъ.

493. Женитьба Хлодвига франкскаго на Хротегильдѣ, дочери бургундскаго короля Хильпериха, убитаго своимъ роднымъ братомъ Гундобальдомъ.

496. Принятіе Хлодвигомъ, подъ вліяніемъ Хротегильды, христіанства и крещеніе его въ Реймсѣ реймскимъ епископомъ Ремигіемъ.

497. Добровольное присоединеніе Бретани къ государству франковъ.

501. Вторженіе болгаръ во Ѳракію и Мезію.

507. Король франковъ Хлодвигъ послѣ побѣды у Вуллона вытѣсняетъ вестготовъ изъ Галліи.

527—565. Императоръ Восточной Римской имперіи Юстиніанъ Великій.

529. Изданіе Юстиніанова кодекса.

529. Основаніе бенедиктинскаго ордена.

531—579. Хозрой I Нуширванъ (Персидскій), лучшій представитель сассанидовъ, покровитель наукъ и искусствъ.

534. Уничтоженіе византійцами вандальскаго царства и обратное отвоеваніе Африки.

534. Присоединеніе Бургундскаго королевства къ владѣніямъ франковъ.

536. Пріобрѣтеніе франками отъ остготовъ Прованса и Реціи.

536. Взятіе Рима Велизаріемъ, полководцемъ императора Восточной Римской имперіи Юстиніана.

554. Уничтоженіе византійцами остготскаго королевства (Велизарій и Нарзесъ).

567. Уничтоженіе лонгобардами съ помощью аваровъ государства гепидовъ.

569—586. Царствованіе вестготскаго короля Леовигильда.

570—632. Магометъ.

572. Захватъ Италіи лонгобардами, которою они владѣли два вѣка.

584—590. Король лонгобардовъ Автарисъ, прошедшій со своими полчищами всю Италію.

585. Уничтоженіе Леовигильдомъ свевскаго королевства.

590—604. Папа римскій Григорій I Великій.

591—628. Царствованіе въ Персіи Хозроя II побѣдителя.

600. Начало историческаго значенія арабовъ.

602. Возведеніе солдатами на престолъ Восточной Римской имперіи Фоки.

610—641. Ираклій, императоръ Восточной Римской имперіи.

622. Бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину, и начало мусульманскаго лѣтосчисленія (Геджра).

627. Побѣда императора Восточной Римской имперіи Ираклія, въ союзѣ съ хозарами, надъ персами, у развалинъ Ниневіи, чѣмъ было подорвано значеніе сассанидовъ.

628. Заключеніе Восточной Римской имперіей мира съ персами, по которому имперіи были возвращены Сирія и Египетъ и Древо Креста Господня.

630. Неудачный походъ франковъ въ Чехію.

632—634. Абу-Бекръ, преемникъ Магомета, первый „халифъ“.

634—644. Правленіе халифа Омара, покорившаго Сирію, Египетъ и Персію.

635. Взятіе арабами Дамаска.

637. Взятіе арабами Іерусалима.

Послѣ Р. Хр.

641. Завоеваніе арабами Египта. (Амру и Калидъ).

644. Смерть послѣдняго персидскаго царя Іездегерда.

644—656. Калифъ Отманъ, при которомъ арабы завладѣли Кипромъ и Родосомъ.

661—679. Калифъ Моавій I, при которомъ арабы осаждали Константинополь.

679. Возникновеніе на Нижнемъ Дунаѣ болгарскаго царства.

699. Окончательный переходъ Кареагена подъ владычество арабовъ.

705—715. Калифъ Велидъ I.

711. Захватъ арабами Испаніи, за исключеніемъ горной Астуріи (вестготы).

713—744. Лонгобардскій король Ліутпрандъ.

714—741. Майордомъ Карлъ Мартелъ, сынъ Пипина Младшаго, объединитель франкскаго королевства.

715—731. Папа Григорій II.

717—741. Левъ III Исавръ, императоръ Восточной Римской имперіи, вызвавшій иконоборческое движеніе.

720. Начало походовъ арабовъ за Пиренеи.

726. Изданіе Львомъ III эдикта объ „идолопоклонствѣ".

732. Первое пораженіе арабовъ подъ Пуатье Карломъ-Молотомъ, правнукомъ Пипина Старшаго, объединившимъ всѣхъ франковъ; пораженіе это пріостановило дальнѣйшее распространеніе мусульманскаго владычества на Западѣ.

749—756. Лонгобардскій король Акстульфъ.

752. Заточеніе въ монастырь послѣдняго Меровинга и помазаніе папой королемъ франковъ Пипина Малаго, сына Карла-Молота.

752—768. Король франковъ Пипинъ, первый изъ династіи Каролинговъ.

754. Уступка папѣ лангобардами, подъ давленіемъ короля франковъ Пипина Малаго, Романьи („Пипиновъ даръ"), ставшей зародышемъ Церковнаго государства и положившей начало свѣтской власти папъ.

755. Мученическая смерть Бонифація, обратившаго въ христіанство язычниковъ, жившихъ между Рейномъ и Эльбою (родился въ 680 г., свѣтское имя—Винфридъ).

755. Возникновеніе въ Испаніи царства Омайядовъ подъ именемъ Кордовскаго халифата.

771. Начало единовластія короля франковъ, сына Пипина Малаго—Карла Великаго, съ котораго наступаетъ новая эпоха въ исторіи среднихъ вѣковъ.

774. Уничтоженіе Лангобардскаго королевства Карломъ Великимъ.

800. Объединеніе британскаго острова правителемъ Уэссекса Экбертомъ, принявшимъ титулъ короля Англіи. Экберту помогалъ Карлъ Великій.

800. Коронованіе папою Львомъ III Карла Великаго римскимъ императоромъ.

802—815. Правленіе въ Болгаріи воинственнаго Крума.

805. Изданіе Карломъ Великимъ указа, которымъ возбранялось носить оружіе въ мирное время.

809. Смерть Гарунъ-аль-Рашида, послѣ котораго пошатнулась сила Аббасидовъ.

814. Смерть Карла Великаго.

814—840. Людвигъ I Благочестивый, преемникъ Карла Великаго.

826. Крещеніе въ христіанство въ Майнцѣ короля норманнскаго Ансгарія.

843. Распаденіе державы Карла Великаго между его внуками по договору

Послѣ Р. Хр.

въ Верденѣ; получили: Людовикъ Нѣмецкій—Германію (бывшая Австразія), Карлъ Лысый—Францію (Невстрія), Лотарь—Италію (Ломбардія), къ которой были присоединены Лотарингія и Бургундія.

850 (ок.) Созданіе независимаго хорватскаго государства.

850 (ок.) Возникновеніе государства у поляковъ.

858—867. Папа римскій Николай I Великій.

862. Начало русскаго государства.

862—879. Рюрикъ, русскій князь.

862. Начало проповѣди свв. Кирилла и Меѳодія.

864. Принятіе христіанства княземъ Болгарскимъ.

865. Крещеніе болгаръ Меѳодіемъ.

865. Набѣгъ на Константинополь Аскольда и Дира.

867. Почти полное истребленіе чеховъ болгарами.

867. Воцареніе въ Византіи македонской династіи.

871—901. Альфредъ Великій, освободившій Англію отъ владычества датчанъ.

871—894. Святополкъ Моравскій, основатель Велико-моравской державы.

879—912. Княженіе Олега Вѣщаго.

884. Походъ Олега на сѣверянъ и обложеніе ихъ данью.

888—927. Правитель Болгаріи Симеонъ Великій, принявшій титулъ царя болгаръ, самодержца римлянъ.

900. Смерть Альфреда Великаго, послѣ чего въ Англіи настали усобицы между феодалами и разными частями королевства.

900. Призывъ германскими каролингами на помощь противъ славянъ венгровъ или мадьяръ, подходившихъ тогда съ Урала на смѣну аварамъ.

903. Женитьба Игоря Рюриковича на Ольгѣ.

911. Уступка норманнамъ французскимъ каролингамъ (Карломъ III Простымъ) земли, названной герцогствомъ Нормандіей.

911. Прекращеніе нѣмецкой отрасли каролинговъ (Людовикъ Дитя) и избраніе въ короли Конрада I франконскаго.

911. Торговый договоръ между Олегомъ и греками.

912—961. Абдеррахманъ III Кордовскій, при которомъ кордовскій халифатъ достигъ наибольшаго процвѣтанія.

912—945. Княженіе Игоря Рюриковича.

913. Походъ руссовъ для грабежа западныхъ береговъ Каспійскаго моря.

915. Первое извѣстіе о появленіи печенѣговъ въ предѣлахъ Руси.

919—936. Король восточно-франкскаго царства (Германіи) Генрихъ I Птицеловъ.

927—968. Болгарскій князь Петръ, сынъ Симеона Великаго.

928—929. Война Генриха I Птицелова со славянами.

928. Взятіе Генрихомъ I Птицеловомъ города вендовъ Бранниборa.

930. Образованіе арелатскаго королевства.

934. Походъ Генриха I Птицелова противъ датчанъ (король Гормъ).

936—973. Оттонъ I Великій, король восточно-франкскаго царства (Германіи), сынъ Генриха Птицелова, коронованный папою Іоанномъ XII императоромъ въ 962 году.

936—967. Болеславъ I Суровый чешскій.

941. Первый походъ Игоря Рюриковича на Византійскую имперію, кончившійся сожженіемъ игоревыхъ лодокъ протовестіаріемъ Ѳеофаномъ.

Послѣ Р. Хр.

943. Походъ руссовъ на столицу Аррана (нынѣ Карабага) Бердаа.

944. Второй походъ Игоря Рюриковича на Византійскую имперію.

945. Походъ Игоря Рюриковича за данью къ древлянамъ.

945—957. Управленіе Русью, за малолѣтствомъ Святослава, Ольги.

952. Присоединеніе къ Германіи Сѣверной Италіи.

954—986. Лотарь, король западно-франкскаго государства.

955. Рѣшительная побѣда Оттона Великаго надъ венграми у р. Леха, близъ Аугсбурга, обезопасившая отъ нихъ Германію.

957. Крещеніе княгини Ольги въ христіанство въ Константинополѣ при императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ.

957—972. Самостоятельное княженіе Святослава Игоревича.

960—992. Польскій князь Мѣшко-Мечиславъ.

961—976. Хакемъ II Кордовскій, собравшій библіотеку въ полмиліона книгъ.

961. Уничтоженіе византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокою арабскаго поселенія на Критѣ.

962. Образованіе Оттономъ I Великимъ священной римско-нѣмецкой имперіи, являвшейся какъ бы возстановленіемъ Западной Римской имперіи и просуществовавшей до 1806 года.

966. Принятіе христіанства поляками.

967. Походъ князя Святослава Игоревича въ Болгарію, послѣ завоеванія которой онъ остался жить въ Переяславлѣ на Дунаѣ.

968. Походъ руссовъ на волжскихъ болгаръ и разграбленіе главнаго города ихъ(Болгаръ).

969. Установленіе въ сѣверной Африкѣ и въ Египтѣ династіи Фатимидовъ.

969. Завоеваніе восточной Болгаріи русскимъ княземъ Святославомъ.

972—1015. Княженіе Владиміра Святого, Красное Солнышко.

972. Бракосочетаніе императора Оттона II съ греческою принцессою Теофано.

972. Изгнаніе изъ Болгаріи Святослава и покореніе Болгаріи византійскимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ.

973—983. Императоръ священной римско-нѣмецкой имперіи Оттонъ II.

973. Принятіе христіанства венгерскимъ королемъ Гейзою (972 997).

976. Смерть византійскаго императора Іоанна Цимисхія, поднявшаго значеніе Греческой имперіи.

976- 1025. Византійскій императоръ Василій II Болгаробоецъ.

976. Опустошеніе арабами подъ предводительствомъ Абульказема Апуліи и Калабріи.

981. Походъ Владиміра на вятичей и обложеніе ихъ данью.

982. Блестящая побѣда Оттона II надъ арабами (Абульказемъ) при Колоннѣ, на югѣ Италіи, близь древнихъ Кротоны и Тарента.

982. Почти полное истребленіе арабами (изъ-за засады) войскъ Оттона II на обратномъ пути послѣднихъ изъ южной Италіи.

983. Походъ Владиміра Святославича на ятвяговъ.

983—1002. Оттонъ III, императоръ Священной Римско-нѣмецкой имперіи.

986. Походъ Владиміра на радимичей и обложеніе ихъ данью.

987. Воцареніе во Франціи, въ лицѣ герцога Франціи Гюга Капета, династіи Капетинговъ, продержавшейся 350 лѣтъ.

987. Первый походъ Владиміра Святославича на болгаръ.

Послѣ Р. ХР.

988. Крещеніе Руси.

989. Сооруженіе греческими мастерами Десятинной церкви въ Кіевѣ.

992—1025. Король польскій Болеславъ I храбрый.

994. Второй походъ Владиміра Святославича на болгаръ.

997—1038. Стефанъ Святой, властитель Венгріи, получившій отъ папы въ 1000 году титулъ короля.

997. Третій походъ Владиміра Святославича на болгаръ (волжскихъ).

1000 (около). Принятіе католичества венграми.

1002—1024. Императоръ Священной Римской имперіи Генрихъ II Святой.

1006. Заключеніе княземъ Владиміромъ Святославичемъ торговаго договора съ волжскими болгарами.

1014. Отказъ сына Владиміра Святославича Ярослава Владиміровича, посаженнаго отцомъ въ Новгородѣ, отъ ежегодной присылки денегъ въ Кіевъ, какъ дѣлали прочіе посадники новгородскіе.

1015. Смерть Владиміра Святого (15-го іюля).

1016. Начало призыва норманновъ на югъ Италіи для борьбы съ арабами и прочими внѣшними врагами.

1016. Воцареніе въ Англіи Канута Великаго, короля Даніи, съ котораго въ Англіи началась эпоха иноземныхъ государей (умеръ въ 1035 году).

1018. Разрушеніе перваго болгарскаго царства византійцами.

1019. Сраженіе на рѣкѣ Альтѣ Ярослава Владиміровича съ одной стороны съ Святополкомъ Владиміровичемъ и печенѣгами—съ другой, послѣ чего Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ.

1019—1054. Княженіе Ярослава Мудраго, соединившаго въ своихъ рукахъ всю Русь и возвратившаго Червенскіе города, которые были взяты Болеславомъ храбрымъ.

1021. Походъ противъ Новгорода племянника Ярослава Брячислава Полоцкаго, за что противъ него выступилъ походомъ самъ Ярославъ.

1022. Первый случай сожженія во Франціи еретиковъ (13).

1022. Осада Ярославомъ Владиміровичемъ польскаго Бреста.

1024. Начало избранія въ императоры Священной Римской имперіи герцоговъ франконскихъ или салическихъ, династія которыхъ правила Германіей около ста лѣтъ (1024—1125).

1024—1039. Императоръ Священной Римской имперіи Конрадъ II.

1024. Избіеніе волхвами въ Суздальской землѣ, во время голода, старыхъ женщинъ, якобы скрывавшихъ у себя въ тѣлѣ съѣстные припасы.

1025. Раздѣлъ русской земли между Ярославомъ и Мстиславомъ Владиміровичами по договору у Городца: Мстиславу досталась восточная часть отъ Днѣпра съ главнымъ столомъ въ Черниговѣ, а Ярославу—западная съ Кіевомъ.

1030. Сверженіе хорватами византійскаго ига.

1030. Утвержденіе Ярославомъ Владиміровичемъ своей власти на западномъ берегу Чудского озера и основаніе Юрьева (Дерпта).

1031. Распаденіе Кордовскаго халифата на 19 мелкихъ царствъ.

1031. Походъ Ярослава и Мстислава Владиміровичей въ Польшу, въ теченіе котораго они взяли опять города Червенскіе и повоевали польскую землю.

1031. Расселеніе Ярославомъ I Владиміровичемъ плѣнныхъ поляковъ по рѣкѣ Роси.

1033. Присоединеніе къ Германіи Конрадомъ II Бургундіи.

Послѣ Р. Хр.

1035. Смерть Мстислава Владиміровича (его часть отошла къ Ярославу).

1036. Пораженіе русскими печенѣговъ, послѣ чего послѣдніе почти совершенно прекратили свои набѣги.

1037. Изданіе салійцами закона о наслѣдственности мелкихъ леновъ.

1039—1056. Императоръ Генрихъ III Черный, при которомъ священная римская имперія достигла наибольшаго блеска.

1041. Введеніе клюнійцами „Божьяго мира", по которому воспрещалось кровопролитіе съ четверга до понедѣльника.

1043. Неудачный походъ русскихъ противъ грековъ подъ предводительствомъ сына Ярослава Владиміра.

1043. Бракъ Казиміра Польскаго съ сестрою Ярослава Владиміровича Доброгнѣвою или Маріею.

1045. Отнятіе отъ грековъ, при содѣйствіи норманновъ, Апуліи.

1046. Соборъ въ Сутри, имѣвшій цѣлью прекратить соблазнъ, вызванный одновременнымъ существованіемъ трехъ папъ.

1047. Походъ Ярослава Владиміровича для помощи Казиміру Польскому противъ Моислава въ Мазовію.

1050. Образованіе въ Сербіи княземъ Михаиломъ сильнаго государства.

1050—1250. Періодъ удѣльныхъ усобицъ на Руси.

1050. Основаніе Кіево-Печерской лавры.

1053. Созданіе норманнами, прогнавшими на югѣ Италіи грековъ и сарацинъ (арабовъ), Неаполитанскаго королевства.

1054. Раздѣленіе церквей при патріархѣ константинопольскомъ Михаилѣ Кируларіѣ и папѣ Львѣ IX.

1054. Смерть Ярослава Мудраго.

1054—1068, 1069 —1073 и 1076—1078. Княженіе въ Кіевѣ Изяслава I.

1055. Походъ посадника новгородскаго Остромира съ новгородцами на Чудь и завладѣніе имъ городомъ Осекомъ Декипивомъ (солнечная рука).

1056—1106. Императоръ священной римско-германской имперіи Генрихъ IV.

1056. Остромирово евангеліе.

1058. Признаніе багдадскимъ халифомъ предводителя турецкаго племени сельджуковъ Тогрульбека свѣтскимъ государемъ надъ всѣмъ халифатомъ (эмиръ-аль-омра).

1059. Походъ Всеволода Ярославича на торковъ.

1060. Походъ противъ торковъ трехъ Ярославичей (Изяслава, Святослава и Всеволода) вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ.

1061. Нашествіе на русскую землю половцевъ, и неудачный походъ противъ нихъ Всеволода Ярославича.

1060. Походъ и покореніе Изяславомъ Ярославичемъ сосоловъ.

1063. Смерть сына св. Владиміра Судислава, 22 года протомившагося въ темницѣ, куда онъ былъ посаженъ своимъ братомъ Ярославомъ.

1066. Захватъ Англіи норманномъ Вильгельмомъ Завоевателемъ, подѣлившимъ ее со своими дружинниками (умеръ въ 1089 г.).

1068. Нашествіе на русскую землю половцевъ и пораженіе ими на рѣкѣ Альтѣ трехъ Ярославичей: Изяслава, Всеволода и Святослава.

1068—1069. Княженіе въ Кіевѣ Всеслава Брячиславича полоцкаго.

1069. Походъ противъ Новгорода Всеслава съ толпами финскаго племени Води или Вожанъ.

1069. Походъ Генриха IV противъ лютичей.

Послѣ Р. Хр.

1069. Походъ противъ Всеслава Кіевскаго Изяслава Ярославича въ союзѣ съ королемъ польскимъ Болеславомъ.

1073. „Изборникъ Святослава", древнѣйшій послѣ Остромирова Евангелія памятникъ русской письменности и даже искусства.

1073—1076. Княженіе въ Кіевѣ Святослава.

1073—1085. Папа Григорій VII Гильдебрандъ.

1077. Путешествіе Генриха IV въ Каноссу къ папѣ Григорію VII для унизительнаго покаянія.

1077. Избраніе въ Германіи анти-короля Рудольфа, повлекшее за собою продолжительное междоусобіе.

1078—1093. Княженіе въ Кіевѣ Всеволода.

1078. Нашествіе на русскую землю половцевъ, подвинутыхъ на это Олегомъ Святославичемъ и Борисомъ Вячеславичемъ.

1079—1142. Петръ Абелляръ, первый выступившій на борьбу съ папскимъ авторитетомъ.

1081—1118. Византійскій императоръ Алексѣй Комненъ.

1083. Избраніе, усиліями Генриха IV, анти-папы Климента III, короновавшаго Генриха и его супругу императорскою короною.

1086. Производство въ Англіи переписи всей земли, извѣстной подъ названіемъ „книги Страшнаго Суда".

1088. Взятіе болгарами Мурома.

1092. Смерть Малека-шаха, славнѣйшаго изъ сельджукскихъ султановъ, и раздѣлъ государства сельджуковъ на пять независимыхъ султанатовъ (Керманъ, Иранъ, Дамаскъ, Алеппо и Иконіумъ или Румъ).

1093. Смерть послѣдняго изъ Ярославичей—Всеволода.

1093—1113. Княженіе въ Кіевѣ Святополка II.

1095. Осада половцами Юрьева, основаннаго Ярославомъ I.

1095. Образованіе королемъ Кастильскимъ Альфонсомъ VI Португальскаго графства, отданнаго въ ленъ Бургундскому графу принцу Генриху.

1096—1270. Эпоха крестовыхъ походовъ.

1096—1099. Первый крестовый походъ, окончившійся основаніемъ Іерусалимскаго королевства.

1097. Съѣздъ въ Любечѣ князей: Святополка, Владиміра, Давида Игоревича, Василька Ростиславича, Давида и Олега Святославичей для „устроенія мира". Князья порѣшили, чтобы каждый изъ нихъ держалъ свою „отчину": Святополкъ—волость своего отца Изяслава, Кіевъ; Владиміръ Мономахъ—волость своего отца, Переяславль; Святославичи—Черниговъ. Эта была первая попытка мирнаго разрѣшенія междоусобій.

1097. Ослѣпленіе Василька Ростиславича.

1099. Смерть испанскаго національнаго героя Сида Кампеадора, борца съ маврами.

1099. Взятіе Іерусалима крестоносцами.

1100 Дарованіе англичанамъ Генрихомъ I, сыномъ Вильгельма Завоевателя, жалованной грамоты, хартіи.

1100. Занятіе „ассасинами" Ливана.

1101. Союзъ Святополка, Мономаха и троихъ Святославичей для похода противъ половцевъ.

1103—1130. Норвежскій король Сикурдъ, дѣятельный крестоносецъ.

1103. Побѣдоносный походъ противъ половцевъ князей Святополка, Мо-

Послѣ Р. Хр.

номаха, Давида Всеславича Полоцкаго, Мстислава, племянника Давида Игоревича Волынскаго (изгоя), Вячеслава Ярополчича, племянника Святополка (тоже изгоя) и Ярополка Владиміровича, сына Мономаха.

1108—1137. Король французскій Людовикъ VI Толстый, выдѣлявшійся своею борьбою съ феодалами (его помощникъ—аббатъ Сугерій).

1110. Взятіе войсками короля іерусалимскаго Балдуина I, съ помощью норманскихъ крестоносцевъ подъ предводительствомъ ихъ короля Сигурда,—Сидона.

1110. Донской походъ князей на половцевъ.

1113—1125. Княженіе въ Кіевѣ Владиміра Мономаха.

1116. Походъ къ Минску противъ Глѣба Всеславича Владиміра съ сыновьями своими, съ Давидомъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми.

1118. Смерть Балдуина I іерусалимскаго во время похода противъ египтянъ.

1118. Походъ Мономаха на Ярослава къ Владиміру Волынскому вмѣстѣ съ Давидомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами.

1118. Отнятіе арагонцами у мавровъ Сарагоссы и обращеніе ея ими въ столицу.

1118. Учрежденіе ордена тампліеровъ.

1118—1143. Византійскій императоръ Іоаннъ Комненъ.

1118. Отнятіе Мономахомъ Минска у Глѣба Всеславича.

1120. Походъ Владимірскаго князя Андрея Владиміровича (женатаго на половецкой княжнѣ, внучкѣ Тугоркана) съ половцами въ Польшу.

1121. Осада Червеня Ярославомъ съ поляками.

1122. Удачный походъ Всеволода Мстиславича противъ финскаго племени Ямь.

1122. Заключеніе Вормскаго конкордата, по которому произошло раздѣленіе властей, свѣтской и духовной: избраніе владыкъ предоставлялось клиру съ народомъ, безъ вмѣшательства папы, а императоръ отказывался отъ посвященія ихъ перстнемъ и посохомъ, жалуя ихъ лишь землями и свѣтскими правами посредствомъ скипетра.

1123. Осада Владиміра Ярославомъ съ венграми (Стефанъ II), поляками. чехами и Воладаремъ и Василькомъ Ростиславичами.

1124. Взятіе Балдуиномъ II іерусалимскимъ съ помощью венеціанскаго флота—Тира.

1125. Смерть Владиміра Мономаха.

1125—1132. Княженіе въ Кіевѣ Мстислава Владиміровича (Великаго), сына Мономахова.

1130. Образованіе въ Италіи изъ владѣній норманновъ „Королевства обѣихъ Сицилій“.

1132—1139. Княженіе въ Кіевѣ Ярополка Владиміровича.

1133. Неудачный походъ Всеволода, сына Мстислава Владиміровича Мономашича, изъ Новгорода на Чудь.

1134. Начало въ Англіи, послѣ смерти Генриха I, междоусобной войны изъ-за престолонаслѣдія.

1135. Походъ Ольговичей на Переяславскую область.

1137—1180. Король французскій Людовикъ VII.

1138—1152. Императоръ германскій Конрадъ III Гогенштауфенъ.

1138. Походъ Ольговичей на Переяславскую область въ союзѣ съ половцами.

Послѣ Р. Хр.

1138. Опустошеніе половцами Курской волости.

1139—1146. Княженіе въ Кіевѣ Всеволода Ольговича, выдѣлявшагося умѣніемъ ссорить своихъ соперниковъ (Мономаховичей съ Ольговичами, Мономаховичей старшихъ съ младшими, Ольговичей съ Давидовичами).

1139. Смерть польскаго короля Болеслава III Кривоустаго.

1139. Отдѣленіе Португаліи отъ Кастиліи и провозглашеніе португальскимъ королемъ Альфонса I, сына Генриха Бургундскаго (изъ Капетинговъ).

1143—1180. Византійскій императоръ Мануилъ Комненъ, со смертью котораго въ Византіи наступилъ періодъ смутъ.

1144. Отнятіе Атабеками у крестоносцевъ Эдессы.

1146. Захватъ Кіева Игоремъ Ольговичемъ.

1146—1154. Княженіе въ Кіевѣ Изяслава II Мстиславича.

1147. Первое упоминаніе въ исторіи о Москвѣ по случаю свиданія Долгорукаго со Святославомъ Сѣверскимъ.

1147—1149. Второй крестовый походъ Людовикъ VII и Конрадъ III.

1148. Походъ Изяслава съ венграми и берендѣями противъ Ольговичей и Давидовичей, которымъ помогали рязанскіе князья съ половцами.

1149. Походъ Ями (финновъ) на Новгородскую волость, на Водскую пятину.

1151. Изгнаніе полочанами князя Рогволода Борисовича и приглашеніе вмѣсто него Ростислава Глѣбовича.

1152—1190. Императоръ германскій Фридрихъ I Барбаросса, послѣ Карла Великаго самый выдающійся изъ германскихъ императоровъ.

1154. Бракъ Изяслава Мстиславича на царевнѣ грузинской.

1154. Первый походъ Фридриха Барбароссы въ Римъ.

1154—1157. Княженіе въ Кіевѣ Юрія Долгорукаго.

1154—1227. Объединитель монголовъ и татаръ Темучинъ.

1154. Вступленіе на англійскій престолъ графа Анжуйскаго Генриха II (умеръ въ 1189 г.) и начало въ Англіи династіи Плантагенетовъ.

1157—1182. Датскій король Вальдемаръ Великій.

1157. Проникновеніе христіанства въ Финляндію.

1157—1159 и 1161—1167. Княженіе въ Кіевѣ Ростислава Мстиславича.

1158. Второй походъ Фридриха Барбароссы въ Италію.

1160—1161. Послѣднее княженіе въ Кіевѣ Изяслава Давидовича, трижды, на короткое время, занимавшаго кіевскій столъ.

1162. Разрушеніе Милана Фридрихомъ Барбароссою.

1164. Удачный походъ противъ камскихъ болгаръ князя Андрея Боголюбскаго съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и муромскимъ княземъ Юріемъ.

1164. Изданіе Генрихомъ II англійскимъ такъ называемыхъ Кларендонскихъ статей, ограничивавшихъ духовную власть въ пользу свѣтской.

1164. Осада Ладоги шведами.

1165. Побѣда Василька Ярополковича надъ половцами на р. Роси.

1166. Третій походъ Фридриха Барбароссы въ Италію.

1167. Походъ Володаря Глѣбовича на Полоцкъ.

1167—1169. Княженіе въ Кіевѣ Мстислава Изяславича.

1168. Удачный походъ русскихъ князей на половцевъ.

1168. Крестовый походъ Вальдемара Великаго Датскаго противъ вендовъ.

Послѣ Р. Хр.

1169. Взятіе Кіева и опустошеніе его войсками Андрея Боголюбскаго.

1169—1171. Княженіе въ Кіевѣ Глѣба Юрьевича, посаженнаго на кіевскій престолъ братомъ, Андреемъ Боголюбскимъ, начавшимъ борьбу съ удѣльно-вѣчевой системой.

1170. Основаніе ліонскимъ купцомъ Петромъ Вальдусомъ секты вальденцевъ (альбигойцевъ), стремившихся приблизиться къ воззрѣніямъ первыхъ христіанъ.

1170. Убійство противника Генриха II англійскаго Ѳомы Бекета, архіепископа кентерберійскаго.

1174. Четвертый походъ Фридриха Барбароссы въ Италію.

1174. Убійство князя Андрея Боголюбскаго.

1174. Признаніе королемъ Шотландскимъ верховенства англійскаго короля (Генриха II Плантагенета).

1176. Неудачный походъ всей Чудской земли подъ Псковъ.

1176—1212. Всеволодъ III Большое Гнѣздо.

1176—1193. Султанъ Саладинъ соединившей вмѣстѣ Багдадскій и Египетскій халифаты.

1177. Первое упоминаніе въ исторіи о Воронежѣ.

1178. Походъ на болгаръ, по приказанію князя Андрея Боголюбскаго, его сына Мстислава и сыновей Муромскаго и Рязанскаго князей.

1179. Нашествіе половецкаго хана Кончака на Переяславскую землю.

1180—1223. Французскій король Филиппъ II Августъ.

1183. Война Пскова съ Литвою.

1184. Походъ на болгаръ Всеволода III.

1184. Нашествіе на русскую землю половецкаго хана Кончака.

1185. Замѣна въ Византіи династіи Комненовъ династіей Ангеловъ (Исаакъ).

1185. Походъ на половцевъ сѣверскихъ князей, кончившійся плѣненіемъ князей Игоря и Всеволода Святославичей и вызвавшій большой походъ половцевъ на русскую землю подъ предводительствомъ хановъ Кончака и Кзы.

1186. Переходъ Неаполя къ нѣмецкимъ Гогенштауфенамъ

1186. Походъ на болгаръ воеводъ Всеволода III съ Городчанами.

1186. Возстаніе болгаръ противъ Византіи подъ предводительствомъ бояръ Петра и Асѣня, принявшихъ царскій титулъ, и возстановленіе болгарскаго царства.

1187. Пораженіе христіанъ при Тиверіадскомъ озерѣ и взятіе Саладиномъ Іерусалима.

1188. Походъ на Ямь Новгородскихъ молодцевъ съ нѣкіимъ Вышатою Васильевичемъ.

1189—1199. Англійскій король Ричардъ Львиное Сердце.

1189—1192. Третій крестовый походъ (Фридрихъ I Барбаросса, Ричардъ Львиное Сердце и Филиппъ II Августъ), въ результатѣ котораго было образованіе королевства на Кипрѣ и взятіе Акры.

1190—1197. Императоръ св. Римской имперіи Генрихъ VI, присоединившій къ коронамъ германской, ломбардской, римской и бургундской — корону королевства обѣихъ Сицилій.

1190. Походъ Чуди на Псковъ.

1190. Походъ князя бѣлгородскаго Рюрика Ростиславича противъ литовцевъ.

1191. Походъ Новгородцевъ съ Корелою на Ямь.

1193. Походъ новгородцевъ съ воеводою Ядреемъ за Уралъ въ Югру.

1196. Походъ Романа Литовскаго противъ ятвяговъ.

Послѣ Р. Хр.

1196—1207. Болгарскій царь Іоанница-Калоянъ.

1198. Смерть арабскаго философа Аверроэса.

1198—1216. Римскій папа Иннокентій III.

1199—1216. Англійскій король Іоаннъ Безземельный.

1200. Опустошеніе литовцами береговъ Ловати.

1200. Основаніе въ Прибалтійскомъ краѣ ордена меченосцевъ.

1200. Образованіе хорезмійцами государства между Тигромъ и Индомъ.

1200. Основаніе Риги, столицы ордена меченосцевъ или ливонскихъ рыцарей.

1202. Удачный походъ на половцевъ Романа, князя Волынскаго и Галицкаго.

1202—1204. Четвертый крестовый походъ.

1202. Раззореніе крестоносцами, въ интересахъ венеціанцевъ, въ платежъ за перевозку ихъ въ св. Землю, далматинскаго города Зары, за что они и были отлучены отъ церкви папою Иннокентіемъ III.

1202—1242. Вальдемаръ II король датскій, изъ датскихъ королей достигшій наибольшихъ могущества и военной силы.

1203. Взятіе Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ въ союзѣ съ Ольговичами и наемными половцами и предоставленіе послѣднимъ Кіева, въ видѣ вознагражденія, на разграбленіе.

1204. Основаніе на развалинахъ Византіи Латинской имперіи.

1205. Нашествіе на русскія земли ятвяговъ и литвы.

1205. Убійство поляками изъ засады Романа Мстиславича Галицкаго и Волынскаго.

1206. Походъ на Галичъ Игоревичей и половцевъ подъ предводительствомъ Всеволода Чермнаго.

1206—1207. Осада Кіева Всеволодомъ Чермнымъ, наведшимъ съ собою половцевъ.

1206. Принятіе Темучиномъ титула Чингисъ-хана.

1207. Паденіе въ Ливоніи русскаго княжества Кукейносъ (Кокенгузенъ), принадлежавшаго роду полоцкихъ князей.

1207. Походъ польскихъ князей Лешко и его брата Кондрата на Владиміръ.

1208. Крестовый походъ графа Симона Монфора и монаха Арнольда противъ графа Раймунда VI Тулузскаго, главы еретиковъ альбигойцевъ.

1208. Походъ противъ половцевъ южныхъ и рязанскихъ князей.

1210. Опустошеніе половцами окрестностей Переяславля.

1210. Набѣгъ литовцевъ на Новгородскую землю.

1212. Набѣгъ Мстислава Удалого съ братомъ Владиміромъ на страну Чуди-Тормы, жившей въ нынѣшнемъ Юрьевскомъ уѣздѣ.

1212. Смерть Всеволода Великаго Суздальскаго.

1212. Первая небывалая побѣда христіанъ надъ исламомъ (альмогадами) подъ Толозой.

1212. Крестовый походъ дѣтей.

1213. Поджогъ литовцами Пскова.

1214. Пораженіе у Бувина французскимъ королемъ Филиппомъ II Августомъ англійскаго короля Іоанна Безземельнаго (изъ рода Плантагенетовъ) и его союзниковъ (императора германскаго Оттона IV и графа Фландрскаго), послѣ чего къ Филиппу перешли земли отъ Луары до Гаронны и Нормандія.

Послѣ Р. Хр.

1214. Побѣда графа Симона Монфора надъ графомъ Тулузскимъ и его союзникомъ королемъ Аррагонскимъ при Муретѣ на Гароннѣ.

1215. Паденіе въ Ливоніи русскаго княжества Герсикъ, принадлежавшаго роду полоцкихъ князей.

1215. Появленіе инквизиціи.

1215. Подписаніе Іоанномъ Беззeмельнымъ Великой хартіи вольностей (Magna charta libertatum).

1215. Походъ половцевъ на Перееяславль и пораженіе ими переяславскаго князя Владиміра Всеволодовича.

1215—1250. Императоръ св. Римской имперіи Фридрихъ II Гогенштауфенъ (при немъ императорство и папство достигли наибольшаго развитія, и его правленіе наполнено безпрерывной борьбою съ папами).

1216—1272. Англійскій король Генрихъ III.

1217. Пятый крестовый походъ (Андрей II Венгерскій).

1217, Вѣроломное убійство Глѣбомъ и Константиномъ Владиміровичами князей Изяслава, Игоря, Михаила, Ростислава, Святослава, Глѣба и Романа.

1217. Осада Владиміромъ Псковскимъ съ новгородцами и псковичами чудского Оденпе (медвѣжья голова).

1217. Взятіе Устюга Болгарами.

1217. Военныя дѣйствія съ Литвою по Шелони.

1218. Неудачная попытка крестоносцевъ покорить Египетъ при султанѣ изъ Эйюбадовъ Аль-Камилѣ, племянникѣ Саладина.

1218. Походъ и отнятіе Мстиславомъ Мстиславичемъ Галича у венгровъ.

1218—1241. Болгарскій царь Іоаннъ Асѣнь II.

1219. Безуспѣшная осада новгородцами Вендена.

1220. Большой походъ русскихъ на болгаръ и истребленіе ими города Отела (при великомъ князѣ Юріи Всеволодовичѣ).

1221. Основаніе Нижняго-Новгорода на землѣ мордвы.

1222. Дарованіе Венгріи Золотой Буллы.

1223. Походъ новгородцевъ подъ Ревель.

1224. Первое появленіе изъ Азіи татаръ подъ предводительствомъ полководцевъ Чингисъ-хана (Темучина) Джебе и Субута, прошедшихъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнившихъ ясовъ и обезовъ и вошедшихъ въ землю половцевъ, вышедшихъ противъ татаръ со своимъ ханомъ Юріемъ Кончаковичемъ.

1224. Первое нашествіе татаръ на южную Русь.

1224. Страшное пораженіе русскихъ (Мстиславъ Удалой) и половцевъ татарами у рѣки Калки (16 іюня).

1224. Основаніе Неаполитанскаго университета.

1224. Взятіе меченосцами Юрьева и избіеніе ими всѣхъ жителей (при князѣ Вячеславѣ или Вячкѣ).

1225. Походъ Литвы подъ Торопецъ.

1225. Раззореніе литовцами селъ около Торжка и пораженіе литовцевъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ сраженіи близъ Усвята, въ которомъ палъ князь Торопецкій Давидъ, сынъ Мстислава Храбраго.

1225. Призваніе княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ на помощь противъ пруссовъ рыцарей Тевтонскаго ордена.

1226—1270. Французскій король Людовикъ IX Святой.

Послѣ Р. Хр.

1227. Пораженіе Даніиломъ Романовичемъ ятвяговъ, пришедшихъ воевать около Бреста.

1227. Смерть Чингисъ-хана.

1227. Крещеніе княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ множества корелъ.

1227. Сожженіе въ Новгородѣ четырехъ волхвовъ.

1228. Введеніе въ Италіи арабскихъ цифръ.

1229. Окончаніе альбигойскихъ войнъ, завершившееся погромомъ альбигойцевъ.

1229. Шестой крестовый походъ (импер. Фридрихъ II).

1229. Походъ великаго князя Юрія Всеволодовича съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ Юріемъ въ землю мордовскаго князя Пургаса.

1229. Опустошеніе литовцами страны по озеру Селигеру и рѣкѣ Полѣ (нынѣшній Демьянскій уѣздъ Новгородской губерніи).

1229. Походъ на Нижній Новгородъ мордвы съ своимъ княземъ Пургасомъ.

1230. Соединеніе королевствъ: Кастиліи и Леонъ

1232. Война суздальскихъ князей съ Черниговымъ.

1232. Взятіе Смоленска „на щитъ" княземъ Святославомъ Мстиславичемъ.

1232. Походъ на Мордву Всеволода Юріевича съ князьями рязанскими и муромскими.

1234. Походъ литовцевъ подъ Русу.

1235. Установленіе на съѣздѣ свѣтскихъ и духовныхъ князей въ Майнцѣ (при императорѣ Фридрихѣ II) повсемѣстнаго мира.

1235. Переводъ Библіи на французскій языкъ.

1236. Присоединеніе къ священной Нѣмецко-Римской имперіи императоромъ Фридрихомъ II Австріи, Штиріи и Крайны и причисленіе Вѣны къ имперскимъ городамъ.

1236. Проникновеніе Батыя въ землю камскихъ болгаръ.

1237. Сліяніе орденовъ: тевтонскаго и меченосцевъ.

1237. Пораженіе имераторомъ Фридрихомъ II федераціи ломбардскихъ городовъ при Кортензово на р. Огліо.

1237. Появленіе татаръ съ Батыемъ въ рязанскихъ предѣлахъ.

1238. Сожженіе татарами Суздаля, Владиміра, истребленіе всѣхъ жителей Торжка.

1238. Пораженіе русскихъ татарами на Сити (4-го марта).

1239. Сожженіе татарами Гороховца, Переяславля и Чернигова.

1240. Взятіе Батыемъ Кіева (6-го декабря)

1241. Переходъ Батыя черезъ Карпаты и пораженіе венгерскаго короля на рѣкѣ Солоной (Сайо).

1241. Походъ Александра Невскаго изъ Новгорода къ Копорью противъ нѣмцевъ.

1242. Взятіе Александромъ Невскимъ Пскова, находившагося во власти меченосцевъ съ 1240 г.

1242. „Ледовое побоище" — побѣда Александра Невскаго надъ нѣмцами и чудью на Псковскомъ озерѣ (5-го апрѣля).

1244. Завоеваніе ховарезмійцами Іерусалимскаго королевства.

1245. Созванный папою Иннокентіемъ IV соборъ въ Ліонѣ, постановившій низложить императора Фридриха II.

1245. Походъ литовцевъ подъ Торжокъ и Бѣжецкъ.

Послѣ Р. Хр.

1246. Воцареніе въ Татаріи Куюка, сына Угедеева.

1246. Избраніе въ Вюрцбургѣ германскимъ королемъ Генриха Распе — „короля клириковъ“ или „папскаго короля“.

1246. Соединеніе коронъ: іерусалимской съ кипрскою.

1247. Образованіе Рейнскаго союза городовъ.

1248. Седьмой крестовый походъ (Людовикъ IX).

1248. Пораженіе ятвяговъ княземъ Василькомъ Романовичемъ при Дрогичинѣ.

1249. Ослѣпленіе, по приказанію императора Фридриха II, его ближайшаго помощника Петра Винеа, заподозрѣннаго въ участіи въ заговорѣ противъ императора.

1249. Присоединеніе къ французскимъ королевскимъ владѣніямъ графства Тулузскаго.

1250. Возникновеніе Ганзейскаго союза.

1250. Воцареніе въ Швеціи династіи Фолкунговъ.

1250—1254. Король Германіи Конрадъ IV.

1250 (около). Обращеніе Твери въ княжество.

1250 (около) Введеніе ислама въ Золотой ордѣ.

1252. Поѣздка Александра Невскаго на Донъ къ сыну Батыя Сартаку съ жалобою на брата своего Андрея, отнявшаго у него старшинство.

1253. Походъ нѣмцевъ подъ Псковъ.

1253—1278. Чешскій король Оттокаръ II.

1254. Начало въ Германіи послѣ смерти Конрада IV Гогенштауфена „великаго междоусобія“ или междуцарствія, кончившагося избраніемъ въ короли въ 1273 году Рудольфа Габсбурга, положившаго основаніе могуществу Габсбурговъ или Австріи.

1254. Походъ Даніила Галицкаго вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ въ землю Опавскую (Троппау).

1255. Смерть Батыя.

1255. Походъ на ятвяговъ Даніила Галицкаго съ сыномъ Львомъ и польскимъ княземъ Семовитомъ.

1255. Первый крестовый походъ противъ пруссовъ Оттокара II чешскаго.

1256. Уничтоженіе татарами ассасиновъ (Аламутъ).

1256. Походъ на Нарову шведовъ, датчанъ и финновъ.

1257. Воцареніе въ Золотой Ордѣ, послѣ смерти сына Батыя Сартака, брата Батыя Берге или Берке.

1257. Наступательное движеніе противъ татаръ (баскакъ Куремса) князя (короля) Галицкаго Даніила Романовича.

1258. Разрушеніе татарами (Хулагу) Багдадскаго халифата.

1260. Появленіе секты флагеміянтовъ.

1260. Походъ Даніила Галицкаго съ войскомъ Белы Венгерскаго противъ Оттокара Богемскаго и побѣда послѣдняго надъ ними при рѣкѣ Моравѣ.

1261. Взятіе Михаиломъ Палеологомъ, съ помощью генуэзцевъ, Константинополя.

1261. Возстановленіе Греческой имперіи и воцареніе послѣдней византійской династіи — Палеологовъ.

1262. Возстаніе противъ владычества татаръ въ Ростовѣ, Владимірѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ и Ярославлѣ.

Послѣ Р. Хр.

1262. Походъ русскихъ въ союзѣ съ литовцами (братъ Александра Невскаго Ярославъ и сынъ Димитрій съ Миндовгомъ Литовскимъ, Тройнетомъ Жмудьскимъ и Тевтивиломъ Полоцкимъ) противъ тевтонскаго ордена.

1263. Смерть Александра Невскаго (19 ноября) по пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ смягчать гнѣвъ татаръ, возбужденный въ нихъ враждебными дѣйствіями нѣкоторыхъ русскихъ городовъ.

1265. Основаніе англійскаго парламента послѣ битвы у Льюиса, въ которой бароны и города, подъ предводительствомъ Симона Монфора, побѣдили короля Генриха III, сына Іоанна Безземельнаго.

1265—1321. Дантъ.

1266. Пораженіе при Беневентѣ Карломъ Анжуйскимъ, призваннымъ папою Климентомъ IV для временнаго обладанія королевствомъ Сицилійскимъ, сына Фридриха II Манфреда, короля Сицилійскаго.

1266. Принятіе псковичами княземъ литовскаго князя Довмонта, крестившагося во Псковѣ и принявшаго имя Тимоѳея.

1267. Походъ новгородцевъ съ Довмонтомъ и псковичами на Литву.

1267. Второй крестовый походъ Оттокара II чешскаго противъ пруссовъ.

1268. Взятіе мамелюкскимъ княземъ Бабарсомъ Яффы и Антіохіи.

1268. Казнь, по приказанію Карла Анжуйскаго, Конрадина Гогенштауфена, пытавшагося отвоевать обратно королевство Сицилійское, чѣмъ была порвана связь между Германской имперіей и Италіей.

1268. Походъ новгородцевъ подъ предводительствомъ семи князей въ землю нѣмецкую и побѣда русскихъ надъ нѣмцами при р. Кеголѣ (18 февраля), послѣ чего Довмонтъ съ псковичами опустошили Ливонію до самаго моря.

1269. Изданіе Людовикомъ IX Святымъ „Прагматической Санкціи", строго регулировавшей церковныя отношенія.

1270. Восьмой крестовый походъ, предпринятый Людвикомъ IX въ Тунисъ.

1270—1285. Французскій король Филиппъ IV.

1272—1307. Англійскій король Эдуардъ I.

1272. Опустошеніе Новгородской волости воеводою князя Василія Костромскаго Семеномъ (Тониліевичемъ).

1273—1291. Король германскій Рудольфъ I Габсбургъ.

1274. Смерть отца схоластическаго богословія доминиканца Ѳомы Аквинскаго (род. въ 1225 г.).

1274. Война Литвы (князь Тройденъ) съ Волынью (князь Владиміръ Васильковичъ).

1275. Перепись татарами народа на Руси и въ Новгородѣ.

1275. Походъ русскихъ князей на Литву вмѣстѣ съ татарами.

1277. Походъ татаръ и русскихъ противъ Литвы.

1277. Походъ татаръ и русскихъ князей Андрея Городецкаго, Глѣба Ростовскаго съ сыномъ и племянникомъ и Ѳедора Ярославскаго противъ ясовъ и взятіе ихъ города Дедякова.

1278. Пораженіе чеховъ войсками Рудольфа I Габсбурга на Мархскомъ полѣ, повлекшее за собою распаденіе державы Оттокара II.

1278. Взятіе „на щитъ" земли корелянъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ съ новгородцами и всею Низовскою землею.

1279. Голодъ по землѣ русской, польской, литовской и ятвяжской.

1282. Походъ на венгровъ татаръ (ханы Ногай и Телебуга) и русскихъ.

1282. „Сицилійская вечерня"—избіеніе французовъ въ Сициліи.

Послѣ Р. Хр.

1283. Походъ шведовъ Невою въ Ладожское озеро.

1285. Опустошеніе литовцами береговъ Ловати.

1285. Сожженіе, какъ еретика, самозванца, выдававшаго себя за императора Фридриха II.

1285–1314. Французскій король Филиппъ IV Красивый.

1287. Походъ татаръ и русскихъ на поляковъ.

1288. Усобица между великимъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ, Ростовскимъ княземъ и новгородцами, съ одной стороны, и тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ—съ другой.

1291. Смерть Рудольфа Габсбургскаго.

1291. Возникновеніе „Швейцарскаго Союза".

1291. Взятіе мусульманами Аккона, послѣдняго оплота христіанъ въ Палестинѣ.

1291. Первый международный конгрессъ, собравшійся въ Тарасконѣ по поводу паденія Аккона (Франція, Англія, папа, Арагонія, Неаполь).

1291—1298. Императоръ св. Римской имперіи Адольфъ Нассау.

1292. Поѣздка въ орду съ жалобою на великаго князя Димитрія Александровича князей: Андрея Городецкаго, Димитрія Ростовскаго съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюроднымъ братомъ ихъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Бѣлозерскимъ и съ тестемъ послѣдняго Θеодоромъ Ростиславичемъ Ярославскимъ и епископа ростовскаго Тарасія.

1292. Походъ шведовъ на Корелу и Ижору.

1292. Походъ новгородскихъ молодцевъ на Ямь.

1293. Построеніе шведами города на корельской землѣ и тщетная попытка новгородскаго войска со смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ взять этотъ городъ.

1294. Сожженіе новгородцами города, основаннаго датчанами на русской сторонѣ Наровы.

1295. Упоминаніе въ лѣтописи о премудромъ книжникѣ Тимоθеѣ, родомъ изъ Кіева.

1296. Съѣздъ во Владимірѣ князей Владимірскаго (Андрея), Ярославскаго (Θеодора), Ростовскаго (Константина) съ одной стороны и Тверского (Михаила), Московскаго (Даніила) и Переяславскаго (Ивана)—съ другой для рѣшенія своихъ споровъ въ присутствіи ханскаго посла.

1298—1308. Императоръ Св. Римской имперіи Алебрехтъ I, при которомъ произошло возстаніе швейцарцевъ.

1298. Походъ Ливонскаго Ордена на Псковъ, отбитый Довмонтомъ.

1299. Переѣздъ митрополита Максима на жительство изъ Кіева во Владиміръ.

1300. Основаніе шведами, при помощи своихъ и итальянскихъ мастеровъ у Невы, при устьѣ Охты, города Ландскроны („Вѣнецъ Земли").

1301. Взятіе и разрушеніе Ландскроны великимъ княземъ Андреемъ.

1301. Пресѣкновеніе въ Венгріи дома Арпадовъ и переходъ престола къ Анжуйской династіи (неаполитанскій принцъ Карлъ Робертъ).

1302. Появленіе папской буллы „Unam sanctam", въ которой проводилась мысль о полнѣйшемъ подчиненіи свѣтской власти—духовной.

1302. Публичное сожженіе въ Парижѣ отвѣтнаго посланія папы Бонифація VIII къ королю французскому Филиппу IV по поводу заключенія послѣднимъ подъ стражу папскаго легата.

1302. Переходъ Переяславской волости не по старинѣ, по старшинству

Послѣ Р. Хр.

въ родѣ, а по завѣщанію князя Ивана Димитріевича Переяславскаго, къ московскому князю Даніилу.

1302. Побѣда нидерландскихъ городовъ (Яковъ Артевельдъ) надъ воинствомъ французскаго короля Филиппа IV Красиваго у Куртрэ.

1303. Присоединеніе къ французскимъ королевскимъ владѣніямъ графства Ла-Маншъ.

1303. Нанесеніе французами оскорбленія папѣ Бонифацію VIII въ Ананьи.

1304. Походъ московскаго князя Юрія Даниловича на сосѣднее Можайское княжество, взятіе имъ Можайска и плѣненіе можайскаго князя Святослава Глѣбовича; этотъ фактъ является какъ бы началомъ собиранія русской земли московскими князьями.

1304. Возмущеніе въ Костромѣ противъ бояръ.

1305. Казнь англичанами шотландскаго героя Вильяма Валласа (шотландскаго Вильгельма Теля).

1306—1333. Польскій король Владиславъ I Локотонъ, возсоединившій Великую и Малую Польшу.

1306. Прекращеніе въ Чехіи рода Пшемысла и переходъ престола къ сыну германскаго императора Генриха VII—Іоанну.

1307 Присоединеніе къ французскимъ королевскимъ владѣніямъ Ангулема и Вигора.

1308. Нашествіе татаръ на Рязань, имѣвшее связь съ убійствомъ въ Ордѣ рязанскаго князя Василія Константиновича.

1308. Походъ Михаила Ярославича Тверского подъ Москву (Юрій Даниловичъ).

1308—1313. Императоръ священной римско-германской имперіи Генрихъ VII Люксембургскій, возобновившій походы въ Италію.

1309. Учрежденіе въ Венеціи „Совѣта Десяти“.

1309. Перенесеніе папою Климентомъ V папской резиденціи въ Авиньонъ. и начало такъ называемаго періода Авиньонскаго плѣненія, продолжавшагося до 1377 г.

1310. Походъ новгородцевъ въ Ладожское озеро, разрушеніе ими города у рѣки Узервы и построеніе вмѣсто разрушеннаго новаго города.

1311. Походъ и опустошеніе новгородцами подъ начальствомъ князя Димитрія Романовича Смоленскаго Еми (Финляндіи).

1311. Присоединеніе къ французскимъ королевскимъ владѣніямъ города Ліона.

1313. Сожженіе шведами Ладоги.

1313—1340. Узбекъ, при которомъ Золотая орда достигла наибольшаго могущества.

1315. Побѣда швейцарцевъ надъ рыцарями Габсбурговъ у Моргартена.

1315—1340. Гедиминъ Литовскій.

1317. Военныя дѣйствія между новгородцами и шведами, вошедшими въ Ладожское озеро.

1318. Опустошеніе Костромы и Ростова посломъ изъ Орды Конча.

1318. Взятіе новгородцами Або.

1319. Убійство въ Ордѣ князя Михаила Тверского.

1320. Опустошеніе Владиміра татарскимъ посломъ Байдера.

1320. Полученіе Юріемъ Даниловичемъ въ Ордѣ ярлыка на великое княженіе.

1321. Взятіе Гедиминомъ, княземъ литовскимъ, Кіева, намѣстникомъ куда онъ назначилъ Миндовга, князя Гольшанскаго.

Послѣ Р. Хр.

1321. Опустошеніе низовыхъ городовъ и взятіе Ярославля татарскимъ посломъ Ахмыломъ.

1322—1323. Война Пскова съ нѣмцами, снявшими осаду Пскова благодаря помощи псковичамъ со стороны литовскаго князя Давыда.

1323. Укрѣпленіе новгородцами истока Невы изъ Ладожскаго озера и основаніе города на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ).

1325. Убійство въ Ордѣ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Тверскимъ князя Юрія Даниловича.

1325. Убійство, по приказу хана Узбека, князя Димитрія Михайловича Тверского.

1326. Заключеніе мира между Новгородомъ и Норвегіею на десять лѣтъ.

1327. Опустошеніе татарами и, по приказу хана Узбека, князьями Московскимъ (Калитою) и Суздальскимъ (Александромъ Васильевичемъ) Тверской волости въ наказаніе за убійство тверичами ханскаго посла Шевкала и бывшихъ съ нимъ татаръ.

1327—1377 Англійскій король Эдуардъ III, царствованіе котораго было особенно блестяще.

1328. Прекращеніе во Франціи старшей линіи Капетинговъ и переходъ престола къ младшей линіи (Валуа) въ лицѣ Филиппа VI.

1328—1350. Французскій король Филиппъ VI.

1328. Полученіе Иваномъ I Даниловичемъ (Калитою) ярлыка на великое княженіе (умеръ въ 1340 г.).

1329. Убійство въ Ордѣ Стародубскаго князя Θедора Ивановича.

1331—1355. Стефанъ VI Душанъ Сербскій, принявшій титулъ кесаря Ромейскаго; при немъ Сербія достигла наибольшаго процвѣтанія.

1332. Походъ Калиты на Новгородъ, за отказъ послѣдняго отъ платежа дани, и взятіе имъ Торжка и Бѣжецкаго верха.

1333. Походъ на Смоленскъ князя Димитрія Брянскаго съ татарами.

1333. Призваніе къ себѣ новгородцами Нариманта-Глѣба, сына великаго князя литовскаго Гедимина, и полученіе имъ въ отчину и дѣдину пригородовъ Ладоги, Орѣшка, Корельскаго городка съ корельскою землею и половины Копорья.

1333—1370. Польскій король Казиміръ III Великій, присоединившій къ Польшѣ Галицію.

1335. Нашествіе литвы на Новгородскую волость.

1337. Война Москвы съ Новгородомъ.

1337. Война Новгорода со шведами изъ-за корелъ.

1339. Убійство въ Ордѣ, по приказу Узбека, князей Александра Михайловича Тверского и его сына Θедора и переходъ Тверского стола къ брату Александра Константину Михайловичу, собирателю и возстановителю Тверской волости послѣ татарскаго опустошенія.

1339. Смерть Литовскаго князя Гедимина, оставившаго послѣ себя семерыхъ сыновей: отъ перваго брака: Монвида, князя Карачевскаго и Слонимскаго, и Нариманта-Глѣба, князя Туровскаго и Пинскаго; отъ второго брака, съ Ольгой, русской родомъ: Ольгерда, князя Витебскаго (черезъ бракъ съ княжной Витебской), и Кейстута, князя Троцкаго; отъ третьяго брака, съ русской княжной Еввой: Любарта-Владиміра, князя Волынскаго, Коріата-Михаила, князя Новгородскаго, и Евнутія, князя Виленскаго.

1339—1453. „Столѣтняя война“ между французами и англичанами, по-

Послѣ Р. Хр.

водомъ къ которой послужили притязанія на французскій престолъ англійскаго короля Эдуарда III.

1340. Пораженіе мавровъ у Саладо Кастиліей, Аррагоніей и Португаліей.

1340—1375. Король датскій Вольдемаръ III.

1340. Опустошеніе Смоленска татарами и получившими ханскій приказъ русскими и мордовскими князьями (князья: Рязанскій, Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій, Друцкой, Ѳохинскій и, пославшій вмѣсто себя двухъ своихъ воеводъ, великій князь Московскій).

1341. Война Пскова съ Ливонскимъ орденомъ.

1341. Смерть (31 марта) перваго собирателя Русской земли Ивана Калиты, оставившаго своему старшему сыну Симеону 26 городовъ и селеній, въ томъ числѣ Можайскъ и Коломну (онъ же долженъ былъ получить великокняжескую область Владимірскую съ Переяславлемъ); второму сыну Ивану—23 города и селенія, въ томъ числѣ Звенигородъ и Рузу; третьему, Андрею — 21 городъ и селеніе, въ томъ числѣ Серпуховъ, княжнѣ съ меньшими дѣтьми—26 городовъ и селеній.

1341. Полученіе въ Ордѣ отъ хана Тинбека ярлыка на великое княженіе сыномъ Калиты Симеономъ Іоанновичемъ.

1342—1383. Венгерскій король Людовикъ Великій.

1345—1377. Ольгердъ, князь Литовскій.

1346. Побѣда англійскаго короля Эдуарда III надъ французами при Кресси.

1347. Провозглашеніе въ Римѣ Колою Ріензи Римской республики.

1347. Опустошеніе ордынскимъ княземъ Темиромъ города Алексина.

1347—1378. Императоръ германскій Карлъ IV, издавшій для Германіи „Золотую Буллу", опредѣлявшую, между прочимъ, порядокъ избранія императоровъ помимо папъ.

1348. Учрежденіе университета въ Прагѣ.

1348. Война Новгорода и Пскова со шведами, вызванная требованіемъ послѣднихъ, чтобы новгородцы крестились въ католичество.

1348—1350. „Черная смерть" въ Германіи, унесшая до $1^1/_2$ милліона человѣкъ, приписанная евреямъ и повлекшая за собою массовыя избіенія ихъ.

1350. Появленіе въ Европѣ цыганъ.

1350—1364. Французскій король Іоаннъ Добрый.

1350—1370. Испанскій король Педро Жестокій.

1351. Походъ на Смоленскъ великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго.

1353. Княженіе великаго князя Іоанна Іоанновича Кроткаго, получившаго ярлыкъ на великое княженіе въ Ордѣ и соединившаго въ своихъ рукахъ два удѣла московскаго княжества.

1354. Смерть венеціанскаго дожа Марино Фальери.

1355. Пораженіе французовъ англичанами (Черный принцъ) при Мопертюи и плѣненіе англичанами французскаго короля Іоанна Добраго.

1356—13[illegible]9. Взятіе литовцами Ржева и походъ Ольгерда подъ Брянскъ и Смоленскъ.

1356. Изданіе императоромъ Карломъ IV „золотой буллы", превращавшей Германію въ федерацію курфюрстовъ, опредѣлявшей порядокъ производства королевскихъ выборовъ и устранявшей всякое участіе папы при избраніи королей.

1356. Пораженіе французовъ англичанами при Пуатье.

1358. Бунтъ во Франціи—Жакрія.

1358—1389. Мурадъ I Гази-Побѣдитель.

Послѣ Р. Хр.

1359—1362. Княженіе великаго князя Владимірскаго Дмитрія Константиновича (изъ Суздальскихъ).

1360. Бретинійскій миръ между французами и англичанами, по которому почти треть населенія Франціи перешла къ Англіи, а король англійскій Эдуардъ уступилъ Нормандію и отказался отъ правъ на французскій престолъ.

1360—1370. Война Ганзы съ королями датскимъ и норвежскимъ, вызванная раззореніемъ Вольдемаромъ IV Датскимъ города Визби.

1361. Переносъ столицы османліевъ въ Адріанополь.

1362—1389. Княженіе великаго князя Дмитрія Іоанновича Московскаго (Донского).

1364—1380. Французскій король Карлъ V мудрый.

1365. Основаніе университета въ Вѣнѣ.

1367. Закладка въ Москвѣ княземъ Дмитріемъ Іоанновичемъ каменнаго Кремля.

1368. Война Москвы съ Тверью и ея союзникомъ Ольгердомъ Литовскимъ.

1369. Избраніе Тамерланомъ Самарканда своею столицею.

1370. Избраніе венгерскаго короля Людовика Великаго въ польскіе короли.

1370. Опустошеніе Тверского княжества Дмитріемъ Іоанновичемъ Московскимъ.

1370. Вторженіе въ Пруссію ополченія изъ Литвы, Жмуди, Руси и татаръ подъ предводительствомъ Ольгерда, Кейстута и ихъ сыновей Ягайла и Витовта.

1370. Война Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ орденомъ.

1371. Война Москвы съ Рязанью.

1371. Пресѣкновеніе въ Шотландіи династіи Брюса и переходъ престола къ Стюартамъ.

1372. Война Москвы съ Тверью и Литвою.

1373. Опустошеніе татарами изъ орды Мамаевой Рязанскаго княжества.

1375. Война Москвы съ Тверью.

1375. Смерть Петрарки.

1376. Походъ Москвы на болгаръ.

1377. Нашествіе на Русь татарскаго царевича Арапши.

1377. Смерть англійскаго короля Эдуарда III.

1378. Нашествіе на Русь татаръ Мамая и пораженіе ихъ на берегахъ Вожи.

1378. Добровольное подчиненіе Флоренціи роду Медичи.

1380. Пораженіе русскими (князь Дмитрій Іоанновичъ Московскій - Донской) татаръ (Мамай) на Куликовомъ полѣ (8-го сентября).

1381. Признаніе шведскаго союза городовъ политическою единицею.

1382. Смерть Неаполитанской королевы Іоанны I (изъ Анжуйскаго дома).

1382. Нашествіе на русскую землю татаръ подъ предводительствомъ Тахтамыша, взявшаго (26-го августа) и опустошившаго Москву.

1383—1433. Король португальскій Іоаннъ I.

1384. Смерть Джона Виклифа, самаго выдающагося провозвѣстника реформаціи.

1385. Заключеніе (въ Констанціи) союза между швабскими и швейцарскими городами, направленнаго главнымъ образомъ противъ возраставшаго могущества Австріи.

1386. Война Смоленска съ Литвою.

1386. Походъ Дмитрія Іоанновича Донского на Новгородъ.

Послѣ Р. Хр.

1386. Побѣда швейцарцевъ надъ австрійцами (Габсбургами) подъ Земпахомъ.

1386. Переходъ литовскаго князя Ягелло изъ православія въ католичество, бракъ его съ наслѣдницею польской короны Гедвигой и соединеніе Польши и Литвы.

1386—1434. Король польскій Ягелло-Владиславъ.

1387. Основаніе университета въ Гейдельбергѣ.

1388. Основаніе университета въ Кельнѣ.

1388. Пораженіе городовъ при Деффиннинѣ графомъ Эбергардомъ Виртембергскимъ, бургграфомъ Нюренбергскимъ, Фридрихомъ V, маркграфомъ Баденскимъ и др.

1389. „Эгерскій союзъ мира" — установленіе въ Германіи общаго союза мира и воспрещеніе всевозможныхъ частныхъ союзовъ и коалицій.

1389. Рѣшительная побѣда турокъ (Мурадъ I) надъ сербами, албанцами и валахами на Косовомъ полѣ въ Сербіи.

1389—1402. Османскій султанъ Баязетъ-Молнія.

1389—1425. Княженіе великаго князя Василія Димитріевича, купившаго ярлыкъ и на княжество Нижегородское.

1390. Походъ Новгорода на Псковъ.

1392. Уступка Литвы Ягелло Витовту (сыну Кейстута) съ титуломъ великаго князя.

1392—1415. Литовскій великій князь Витовтъ.

1392. Основаніе университета въ Эрфуртѣ.

1394. Осада Вильны Ливонскимъ орденомъ.

1395. Война Литвы со Смоленскомъ, взятіе Витовтомъ обманомъ Смоленска и присоединеніе его къ Литвѣ.

1395. Пораженіе Канчакскаго хана Тохтамыша на берегахъ Терека Тамерланомъ, вошедшимъ послѣ того въ русскіе предѣлы и опустошившимъ оба берега Дона.

1396. Побѣда Баязета-Молніи у Никополя надъ выступившимъ противъ него рыцарствомъ Запада.

1396. Война Литвы и Рязани.

1397. Вольмарская унія,—соединеніе королевствъ Даніи, Швеціи и Норвегіи въ потомствѣ Маргариты датской.

1398. Война Новгорода съ Москвою.

1399. Низложеніе англійскаго короля Ричарда II его двоюроднымъ братомъ Генрихомъ Ланкастерскимъ и начало въ Англіи династіи Ланкастеровъ.

1399—1413. Англійскій король Генрихъ IV (Ланкастеръ).

1399. Походъ Ливонскаго ордена на Жмудь и крещеніе жмуди, повлекшіе за собою войну Ордена съ Литвою.

1399. Походъ Витовта Литовскаго (Русь, Литва, Жмудь, татары Тохтамыша, полки воложскіе, польскіе и нѣмецкіе) для возстановленія въ Кипчакѣ Тохтамыша, изгнаннаго изъ Золотой орды ханомъ Темирь-Кутлуемъ, и пораженіе Витовта на берегахъ р. Ворсклы.

1400. Соборъ въ Пизѣ, созванный для обсужденія коренныхъ церковныхъ реформъ, объявившій низложенными существовавшихъ одновременно папъ, Бенедикта и Григорія, и избравшій папою Петра Кандію (Александръ V).

1400—1410. Императоръ Св. Римской имперіи Рупрехтъ Пфальцскій.

1402. Пораженіе у Ангоры войскъ Баязета-Молніи Тамерланомъ.

Послѣ Р. Хр.

1405. Походъ Витовта Литовскаго противъ Новгорода и Пскова, причемъ, при осадѣ Воронача литовцы накидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей.

1405. Смерть Тамерлана или Тимуръ-Ленка.

1406—1407. Война великаго князя Василія Димитріевича съ Витовтомъ изъ-за Пскова.

1406. Война Ливонскаго ордена со Псковомъ.

1407. Заключеніе полочанами и рижанами договора о свободной торговлѣ между Ригой и Полоцкомъ.

1408. Нашествіе на Русь татаръ подъ предводительствомъ Эдигея, осаждавшаго Москву.

1410. Нападеніе татаръ на Рязань.

1410. Пораженіе нѣмецкаго ордена поляками, русскими и литовцами подъ Грюнвальдомъ (Танненбергомъ) окончательно разрушившее силу и значеніе Ордена.

1410. Начало личной уніи между королевствами Аррагонскимъ и Сицилійскимъ.

1410—1437. Императоръ Св. Римской имперіи и король Венгерскій Сигизмундъ.

1411. Валахія становится вассаломъ Турціи.

1412. Начало проповѣди Іоанна Гуса.

1413. „Городельскій договоръ", по которому великій князь Литовскій Витовтъ далъ въ Литвѣ перевѣсъ католичеству и польскому элементу надъ православіемъ и русской народностью. Постановленіе сейма въ Городлѣ объ избраніи польскаго короля илитовскаго князя съ обоюднаго согласія поляковъ и литовцевъ.

1413—1422. Англійскій король Генрихъ V.

1414. Избраніе отдѣльнаго православнаго митрополита для Западной Руси (болгарскій выходецъ Григорій Цамвлакъ).

1414—1418. Констанцскій соборъ, отрѣшившій оказавшихся одновременно трехъ папъ, избравшій вмѣсто нихъ папою Мартина V и судившій Іоанна Гуса.

1415. Взятіе Іоанномъ I Португальскимъ Цейты, главнаго центра Мавританіи.

1415. Побѣда англичанъ (Генрихъ V) надъ французами (Карлъ VI) при Азенкурѣ.

1415. Покупка графомъ Фридрихомъ Гогенцоллерномъ у сына императора Карла IV, Сигизмунда, курфюршества Бранденбургъ.

1415. Сожженіе Гусса (род. въ 1369 г.).

1419. Переходъ чешской короны къ Сигизмунду германскому.

1419. Учрежденіе университета въ Ростокѣ.

1419. Вѣроломное убійство герцога Іоанна Бургундскаго при свиданіи съ дофиномъ французскимъ слугами послѣдняго на мосту черезъ р. Іенну у Монтро.

1420—1436. Гуситскія войны.

1420. Заключеніе договора французской королевой Изабеллой и герцогомъ Бургундскимъ Филиппомъ Добрымъ съ Генрихомъ V англійскимъ, по которому король англійскій признавался наслѣдникомъ французскаго престола.

1422. Смерть королей: англійскаго Генриха V („король Франціи и Англіи") и французскаго Карла VI. Провозглашеніе въ Парижѣ королемъ Франціи и Англіи малолѣтняго сына умершаго Генриха V—Генриха VI, а въ Овернѣ—королемъ Франціи сына Карла VI—Карла VII.

1423—1457. Венеціанскій дожъ Фоскари.

Послѣ Р. Хр.

1424. Нашествіе на Русь татарскаго хана Кундадата.

1425—1462. Княженіе великаго князя Василія Васильевича Темнаго.

1428 Война князя Литовскаго Витовта съ Новгородомъ.

1428. Обложеніе Орлеана англичанами.

1429. Освобожденіе при содѣйствіи Жанны д'Аркъ Орлеана, осажденнаго англичанами.

1430—1464. Управленіе Флоренціей Козимо Медичи.

1431. Сожженіе Жанны д'Аркъ на кострѣ.

1433. Усобица между Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и его дядею Юріемъ Димитріевичемъ.

1433. Выработка соборомъ въ Базелѣ условій соглашенія съ гуситами („компактаты").

1433—1493. Императоръ Св. Римской имперіи Фридрихъ III.

1435. Усобица между московскими князьями Василіемъ Васильевичемъ и Василіемъ Юріевичемъ (Косымъ).

1436. Изобрѣтеніе книгопечатанія Гутенбергомъ.

1438. Избраніе въ императоры Св. Римской имперіи Альбрехта II австрійскаго (съ этихъ поръ престолъ Германіи оставался за Габсбургами).

1439. Изданіе во Франціи положенія, въ силу котораго только государство (правительство) получало право содержать войска.

1439. Флорентійская унія.

1439. Осада Москвы ханомъ Улу-Махметомъ.

1444. Пораженіе поляковъ и венгерцевъ османліями (Мурадъ II) у Варны.

1444—1449. Война города Сестера со своимъ ландграфомъ, архіепископомъ Кельнскимъ, Дитрихомъ II.

1444. Нападеніе на Новгородскія владѣнія, съ одной стороны, нѣмцевъ, а съ другой—тверичей.

1445. Походъ татаръ, по мысли Темнаго, на литовскіе города Вязьму, Брянскъ и др.

1445. Походъ литовцевъ на Калугу.

1445. Пораженіе и плѣненіе великаго князя Василія Василіевича сыновьями Улу-Махмета при Евфиміевомъ монастырѣ.

1445. Совершенное истребленіе Москвы пожаромъ.

1446. Взятіе и опустошеніе Москвы княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой и княземъ Можайскимъ Иваномъ Андреевичемъ, ослѣпленіе великаго князя Василія Васильевича и ссылка его въ Угличъ.

1447. Возвращеніе въ Москву изъ заточенія Василія Васильевича Темнаго.

1447—1492. Король польскій Казиміръ IV (сынъ Ягелла, великій князь литовскій) съ 1440 г., вступившій на польскій престолъ послѣ брата своего Владислава.

1448—1453. Безпрерывныя усобицы между Темнымъ и Шемякою, умершимъ—отравленнымъ.

1449. Война маркграфа Альбрехта Бранденбургскаго съ городомъ Нюренбургомъ.

1450 (около). Возникновеніе царствъ Казанскаго, Крымскаго и Астраханскаго.

1451. Осада Москвы татарами царевича Мазовши.

1452. Послѣднее вѣнчаніе въ Римѣ „римскимъ императоромъ".

1453. Взятіе Константинополя правнукомъ Баязета Магометомъ II (при Палеологѣ Константинѣ XI)

Послѣ Р. Хр.

1453. Окончаніе столѣтней войны между Франціей и Англіей, завершившейся изгнаніемъ изъ Франціи англичанъ, удержавшихъ за собою лишь Калэ.

1454. Польская шляхетская конституція (Нешавскій статутъ).

1454. Походъ великаго князя Василія Васильевича противъ князя Можайскаго и присоединеніе Можайска къ Москвѣ.

1456. Походъ на Новгородъ великаго князя Василія Васильевича Темнаго.

1456. Побѣда венгровъ (Гуніадъ) надъ турками (Магометъ II) у Бѣлграда.

1456. Учрежденіе университета въ Грейфсвальдѣ.

1457. Учрежденіе университета во Фрейбургѣ.

1458—1471. Чешскій король Юрій Подєбрадъ.

1458. Провозглашеніе венгерскимъ королемъ Матвѣя Корвина, сына Гуніада (умеръ въ 1490 г.).

1459. Обращеніе Сербіи въ османскую провинцію.

1460. Учрежденіе университета въ Базелѣ.

1460. Начало въ Англіи междоусобной войны, извѣстной подъ названіемъ войны Бѣлой (Іорки) и Алой (Ланкастеры) розы, окончившейся въ 1485 году воцареніемъ Генриха VII (изъ Ланкастеровъ), примирившаго обѣ Розы женитьбою на дочери Эдуарда IV (Іорки) и положившаго начало династіи Тюдоровъ.

1461—1483. Французскій король Людовикъ XI, выдѣлявшійся своею борьбою съ феодалами.

1461. Покореніе турками Трапезундской имперіи.

1462—1505. Княженіе великаго князя Іоанна III Васильевича.

1462. Крещеніе Великой Перми и ея князя пермскимъ епископомъ Іоною.

1462. Покореніе турками Валахіи.

1462. Завоеваніе османами Лесбоса.

1463. Присоединеніе къ Москвѣ ярославскаго княжества.

1464. Подпаденіе подъ власть турокъ (Магометъ II) королевства Босніи и сосѣднихъ Герцеговины и Черногоріи.

1466. Торунскій миръ, по которому западная Пруссія и Померанія были присоединены къ Польшѣ.

1468. Отлученіе псковичами, по своей волѣ, отъ службы вдовыхъ священниковъ и діаконовъ.

1369—1492. Управленіе Флоренціей Лоренцомъ Великолѣпнымъ,

1469. Соединеніе Кастиліи и Арагоніи подъ названіемъ Испаніи вслѣдствіе брака королевы кастильской Изабеллы съ Фердинандомъ аррагонскимъ (Католикомъ).

1469. Осада русскими Казани.

1471. Избраніе въ чешскіе короли короля польскаго Владислава.

1471. Пораженіе Ланкастеровъ при Тюнсбери Эдуардомъ IV.

1471. Первое нашествіе на московскія владѣнія хана Золотой Орды Ахмата.

1471. Война Москвы съ Новгородомъ и пораженіе новгородцевъ у Шелони.

1472. Учрежденіе университета въ Ингольштадтѣ.

1472. Завоеваніе Москвою Перми.

1472. Бракъ великаго князя Іоанна III Васильевича на византійской царевнѣ Софіи Ѳоминишнѣ Палеологъ (въ первомъ бракѣ былъ женатъ на дочери великаго князя Тверского Маріи Борисовнѣ).

1473. Пріобрѣтеніе османами малоазійской области Караманъ.

1474. Присоединеніе къ Москвѣ Ростовскаго княжества.

Послѣ Р. Хр.

1475. Покореніе Крыма турками (Менгли Гирей былъ оставленъ ханомъ въ качествѣ султанова подручника).

1476. Пораженіе швейцарцами Карла Смѣлаго Бургундскаго у Грансона.

1477. Учрежденіе университета въ Тюбингенѣ.

1478. Паденіе Новгорода и перевозка вѣчевого колокола изъ Новгорода въ Москву.

1480. Второе нашествіе на русскую землю хана Золотой Орды Ахмата.

1480. Освобожденіе Руси отъ татарскаго ига.

1483—1546. Мартинъ Лютеръ.

1485.—1509. Англійскій король Генрихъ VII, постепенно ослаблявшій бароновъ.

1485. Присоединеніе къ Москвѣ Твери.

1485. Присоединеніе къ Москвѣ удѣла Верейскаго.

1486. Пріѣздъ въ Москву путешественника рыцаря Николая Поппеля, открывшаго для Западной Европы существованіе самостоятельнаго Русскаго государства на сѣверо-востокѣ Европы.

1487. Осада Казани Московскимъ войскомъ.

1487 Открытіе португальцемъ Бартоломеемъ Діазомъ мыса Доброй Надежды.

1487. Переселеніе части новгородцевъ во Владиміръ.

1488. Переселеніе части новгородцевъ въ Москву, какъ кара за намѣреніе убить великокняжескаго намѣстника.

1489. Присоединеніе къ Москвѣ Вятки.

1489. Начало сношеній Московскаго двора съ Австрійскимъ.

1490. Избраніе въ венгерскіе короли чешскаго короля Ягеллона Владислава.

1490. Казнь въ Москвѣ лѣкаря изъ Венеціи Леона, несумѣвшаго вылѣчить сына великаго князя Іоанна III отъ перваго брака, Іоанна Іоанновича.

1491. Походъ Москвы на помощь къ крымскому хану Менгли-Гирею противъ восточныхъ татаръ.

1492. Паденіе мавританской Гренады.

1492. Открытіе Христофоромъ Колумбомъ Новаго Свѣта.

1492. Война Москвы (Іоаннъ III) и Крыма (Менгли-Гирей) съ Литвою (великій князь Александръ, сынъ Казиміра, короля польскаго и великаго князя литовскаго).

1492. Появленіе приказа евреямъ въ четыре мѣсяца покинуть Испанію.

1492—1503. Римскій папа Александръ VI Борджія.

1493. Покореніе Болгаріи Турціею.

1493. Папская булла Александра VI о распредѣленіи міра въ равныхъ частяхъ между Испаніей и Португаліей.

1493—1519. Императоръ Священной Римской имперіи Максимиліанъ I, возстановившій браками порванныя было связи имперіи съ Нидерландами, Венгріей и Богеміей.

1494. Начало „итальянскихъ войнъ“.

1495. Бракъ великаго князя литовскаго Александра на дочери великаго князя Московскаго Іоанна III Васильевича Еленѣ.

1495. Занятіе французами (Карлъ VIII) Неаполя.

1495. Превращеніе Флоренціи Савонаролою въ умѣренно-демократическую республику.

Послѣ Р. Хр.

1495. Изданіе для Священной Римской имперіи имперской конституціи.

1495—1521. Король португальскій Эмануилъ Великій.

1496—1497. Война Москвы, въ союзѣ съ Даніей, со Швеціей, осада Выборга и опустошеніе Финляндіи до Тавастгуса.

1497. Отправленіе въ Турцію (Баязетъ II) перваго русскаго посольства (Михаила Плещеева).

1497. Изданіе „Судебника“ Іоанна III, составленнаго дьякомъ Гусевымъ.

1498. Открытіе португальцемъ Васко-де-Гама южнаго (морского) пути въ Индію.

1498. Полученіе Полоцкомъ Магдебургскаго права.

1498. Казнь Савонаролы.

1499. Полученіе Минскомъ Магдебургскаго права.

1499. Заключеніе Базельскаго мира, завершившаго борьбу швейцарцевъ съ Австріей и установившаго порядокъ, при которомъ Швейцарія только по имени считалась частью Германіи

1499. Появленіе синодальнаго списка Библіи.

1500. Изданіе въ Англіи (при Генрихѣ VII) закона, принуждавшаго къ переходу въ рыцарское сословіе каждаго, имѣвшаго болѣе 40 фунтовъ стерлинговъ дохода.

1500. Война Москвы съ Литвою изъ-за притѣсненія великимъ княземъ Литовскимъ Александромъ православныхъ, пораженіе литовцевъ при Дорогобужѣ (подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго) и подъ Мстиславлемъ.

1500. Возникновеніе Ново-Персидскаго царства.

1501. Война Москвы съ Ливонскимъ орденомъ, заключившимъ союзъ съ Литвою.

1502. Уничтоженіе Кипчакскаго царства крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ.

1502. Учрежденіе университета въ Витенбергѣ.

1503. Начало нотопечатанія.

1503. Заключеніе мира великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ съ великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ Александромъ, уступившимъ Московскому княжеству, въ числѣ прочихъ городовъ, Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Брянскъ, Торопецъ, Острей и др.

1503—1513. Папа Юлій II.

1504. Соборъ, созванный Іоаномъ III противъ ученія жидовствующихъ.

1504—1516. Управленіе Испаніей Фердинандомъ Католикомъ въ качествѣ опекуна внука Изабеллы, Карла.

1504. Переходъ на 200 лѣтъ въ испанское владѣніе Неаполя, слившагося съ Сициліей подъ именемъ Королевства обѣихъ Сицилій.

1505—1533. Княженіе великаго князя Василія Іоанновича.

1505—1507. Война великаго князя Василія Іоанновича съ казанскимъ ханомъ Магметъ-Аминей.

1506. Учрежденіе университета во Франкфуртѣ на Одерѣ.

1507—1508. Война Москвы съ Литвою (король Сигизмундъ).

1509. Смерть англійскаго короля Генриха VII, которому наслѣдовалъ его сынъ, Генрихъ VIII.

1509—1547. Англійскій король Генрихъ VIII, царствованіе котораго совпадаетъ съ разгаромъ реформаціи въ Англіи.

1510. Присоединеніе Пскова къ московскимъ владѣніямъ.

1510. Появленіе „Похвалы глупости“ Эразма.

Послѣ Р. Хр.

1510. Отнятіе у арабовъ португальскимъ губернаторомъ Индіи Альбукеромъ узла индійской торговли Гоа.

1511. Заключеніе великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III союзнаго договора съ королемъ Даніи Іоанномъ.

1511. "Священная лига"—союзъ противъ Франціи, заключенный папою Юліемъ II съ Германіей, Испаніей, Венеціей и Англіей.

1512—1521. Военныя дѣйствія Москвы съ Литвою и взятіе русскими (1514) Смоленска.

1513. Молдавія становится вассаломъ Турціи.

1515. Опустошеніе Рязанской украйны Богатыремъ, сыномъ Магметъ-Гирея, крымскаго хана.

1515—1547. Французскій король Францискъ I.

1515. Побѣда короля французскаго Франциска I надъ швейцарцами у Мариньяно, послѣ чего швейцарцы подчинялись вліянію Франціи до 1814 г.

1516. Начало продажи въ приэльбскихъ городахъ индульгенцій.

1516. Появленіе сочиненія Ѳомы Лора „Утопія".

1516. Появленіе сочиненія Макіавеля „Государь".

1516. Появленіе „Писемъ невѣждъ" Ульриха фонъ-Гуттена.

1516. Начало проповѣди Ульриха Цвингли (родился въ 1484 г. въ Вильдгаузѣ въ Шоггенбургскомъ округѣ).

1517. Присоединеніе къ московскимъ владѣніямъ Рязанскаго княжества.

1517. Выступленіе Лютера съ тезисами противъ индульгенцій (родился 10 ноября 1483 г. въ Эйслебенѣ).

1517—1648. Періодъ религіозныхъ смутъ и борьбы.

1518. Походъ въ Америку уроженца Кубы Фернандо Кортеца, покорившаго для Испаніи царство ацтековъ.

1519—1556. Императоръ Свящ. Римской имперіи Карлъ V, соединившій подъ своею властью Германію, Австрію, Нидерланды, Венгрію, Богемію и Испанію (послѣднюю съ 1516 г. съ титуломъ Карла I).

1520. Сожженіе всенародно Лютеромъ папскихъ буллъ и декреталій.

1520. Первое кругосвѣтное плаваніе, совершенное португальцемъ Магелланомъ.

1520. Возникновеніе негроторговли вслѣдствіе полученнаго Ласъ-Казасомъ у Карла V позволенія американскимъ плантаторамъ вывозить рабовъ изъ Африки.

1520. Стокгольмская кровавая баня—истребленіе лучшихъ родовъ Швеціи королемъ Даніи и Норвегіи Христіаномъ II.

1520—1560. Сулейманъ Великолѣпный, при которомъ Оттоманская имперія достигла наибольшаго блеска.

1521. Созывъ императоромъ Карломъ V сейма въ Вормсѣ для обсужденія дѣла Лютера.

1523. Появленіе „Статей" или тезисовъ Цвингли, положившихъ начало реформатской церкви.

1523—1530. Военныя дѣйствія Москвы съ Казанью.

1523—1560. Шведскій король Густавъ Ваза.

1524—1531. Завоеваніе Франческо Пизарро царства инковъ.

1525. Крестьянская война въ Германіи.

1525. Пораженіе подъ Франкенгаузеномъ крестьянскаго воинства Мюнцера.

1525. Бракъ Лютера съ монахиней Екатериной фонъ-Бора.

1525. Обращеніе гросмейстеромъ Тевтонскаго ордена, Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, земли пруссовъ въ свѣтское герцогство Пруссію.

Послѣ Р. Хр.

1525. Побѣда нѣмцевъ (Карлъ V) подъ Павіей надъ французскимъ королемъ Францискомъ I, взятіе послѣдняго въ плѣнъ и подпаденіе съ тѣхъ поръ Италіи болѣе чѣмъ на 300 лѣтъ частью подъ власть, частью подъ вліяніе Габсбурговъ.

1526. Присоединеніе Богеміи и Венгріи къ Австріи.

1526. Пораженіе Сулейманомъ Великолѣпнымъ христіанской арміи подъ Могачемъ и смерть въ сраженіи короля Венгріи и Богеміи Людовика II.

1527. Война Москвы съ крымскимъ ханомъ.

1527 Установленіе въ Швеціи по „договору“ съ народомъ въ Вестерезѣ лютеранства и наслѣдственной монархіи (Густавъ Ваза).

1527. Вандальскій разгромъ Рима ландскнехтами Карла V.

1529. Осада Вѣны турками (Сулейманъ Великолѣпный).

1530. Открытіе сейма въ Аугсбургѣ, созваннаго императоромъ Карломъ V для разсмотрѣнія вопросовъ: объ оборонѣ отъ турокъ и религіознаго.

1530. Образованіе въ Германіи Шмалькальденскаго союза противъ всякаго насилія по религіознымъ вопросамъ.

1531. Смерть Цвингли въ битвѣ у Каппеля.

1534. Появленіе впервые всей Библіи въ нѣмецкомъ переводѣ.

1534. Изданіе англійскимъ королемъ Генрихомъ VIII „акта верховности“, которымъ король былъ объявленъ единственнымъ верховнымъ главой и опекуномъ англійской церкви.

1534. Открытіе французомъ Картье устьевъ рѣки св. Лаврентія, называвшихся тогда Новою Землею или Акадіей.

1535. Принятіе Женевой цвингліанства.

1536—1544. Война между Германіей (Карлъ V) и Франціей (Францискъ I), кончившаяся миромъ въ Крепи, по которому Францискъ отказался отъ своего леннаго права на бургундскія наслѣдственныя области, Фландрію и Артуа, и отъ Неаполя, а Карлъ — отъ французской Бургундіи.

1538—1584. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный.

1538. Захватъ власти въ Москвѣ Шуйскими.

1539. Объявленіе во Франціи парижской рѣчи государственнымъ языкомъ.

1540. Учрежденіе Игнатіемъ Лойолой ордена іезуитовъ.

1540. Захватъ власти въ Москвѣ Ив. Бѣльскимъ, черезъ полгода низвергнутымъ Иваномъ Шуйскимъ и убитымъ.

1542. Введеніе въ Женевѣ кальвинизма.

1542. Возникновеніе центральной, чисто папской инквизиціи.

1543. Переходъ въ Москвѣ вліянія на дѣла отъ Шуйскихъ къ Глинскимъ.

1546. Смерть Лютера.

1546. Вѣнчаніе на царство Іоанна IV Васильевича, причемъ къ титулу великаго князя былъ присоединенъ титулъ царя.

1546—1547. Шмалькальденская война и пораженіе протестантовъ (1547) при Мюльбергѣ.

1548. Путешествіе Дежнева съ 25 товарищами къ Берингову проливу.

1550. Созваніе перваго на Руси земскаго собора.

1550. Изданіе новаго Судебника, первой книги законовъ со всероссійскимъ значеніемъ.

1551. Стоглавый соборъ.

1552. Покореніе русскими царства Казанскаго.

Послѣ Р. Хр.

1553. Начало торговыхъ сношеній между Московскимъ государствомъ и Англіей.

1555. Аугсбургскій религіозный миръ—соглашеніе между католиками и протестантами о церковныхъ отношеніяхъ въ Германіи.

1555. Составленіе „Государева Родословца", послужного списка родовитыхъ бояръ.

1555. Отреченіе отъ престола императора Карла V.

1556. Присоединеніе къ Московскому государству царства Астраханскаго.

1556. Учрежденіе Іоанномъ IV Васильевичемъ опричнины.

1558—1583. Борьба Москвы съ Ливоніей, Польшей и Швеціей.

1558—1603. Царствованіе въ Англіи королевы Елисаветы.

1559. Заключеніе Испаніей и Франціей мира въ Като-Камбрези, ставшаго эрой долгой католической реакціи и религіозныхъ войнъ.

1560. Заточеніе Сильвестра и Адашева.

1561. Уступка Ливоніи магистромъ Кеттлеромъ польскому королю.

1562. Изданіе во Франціи С.-Жерменскаго эдикта, предоставлявшаго протестантамъ право исповѣданія своей вѣры.

1562. Начало во Франціи религіозныхъ войнъ.

1563. Взятіе Іоанномъ IV Васильевичемъ Полоцка.

1563. Тріентскій соборъ.

1564. Смерть Іоанна Кальвина, вызвавшаго реформацію въ Женевѣ.

1564. Напечатаніе первой русской книги.

1565. Пораженіе русскихъ подъ Оршей польско-литовскими войсками.

1567. Возстаніе во Франціи въ одинъ день гугенотовъ.

1569—1570. Походъ царя Іоанна IV на Новгородъ для наказанія за мнимую измѣну.

1571. Пораженіе турокъ у Лепанто во время крестоваго похода, поднятаго Филиппомъ II испанскимъ и папою Піемъ V.

1571. Основаніе англиканской церкви.

1571—1572. Война Іоанна IV съ крымскимъ ханомъ Девлетъ Гиреемъ, сжегшимъ во время этого похода Москву (кромѣ Кремля).

1572. Избіеніе въ Парижѣ гугенотовъ, извѣстное подъ названіемъ Варѳоломеевской ночи.

1578. Пораженіе русскихъ поляками и шведами подъ Венденомъ.

1579. Актъ Утрехтской уніи, по которому батавы объявили себя независимыми Соединенными Штатами Голландіи.

1580. Внезапный захватъ Португаліи Филиппомъ II испанскимъ.

1581, Безуспѣшная осада Пскова королемъ польскимъ Стефаномъ Баторіемъ (поляки, литовцы, венгры и шведы).

1582. Покореніе сибирскаго царства Ермакомъ Тимоѳеевичемъ.

1584—1598. Царь Ѳедоръ Іоанновичъ.

1585 - 1590. Папа Сикстъ V, возвысившійся до этого положенія изъ званія пастуха.

1586. Принятіе Ѳедоромъ Іоанновичемъ въ свое подданство Кахетіи (князь Александръ).

1586. Учрежденіе іезуитами въ Парагваѣ библейско-патріархальнаго царства.

1587. Казнь Маріи Стюартъ.

1588. Крестовый походъ противъ королевы англійской Елисаветы (король испанскій Филиппъ II и папа Сикстъ V, заключившіе между собою договоръ, по

Послѣ Р. Хр.

которому Англія должна была бы считаться папскимъ леннымъ владѣніемъ), и пораженіе англичанами громаднаго испанскаго флота „Непобѣдимой Армады“, повлекшее за собою гибель морскаго господства Испаніи.

1589. Установленіе Годуновымъ русскаго патріаршества.

1591. Смерть царевича Дмитрія въ Угличѣ.

1593. Принятіе католичества „Беарнцемъ“ Генрихомъ IV, раскрывшее ему ворота Парижа.

1595. Принятіе уніи церковью польской Руси.

1595. Вервенскій миръ между Испаніей (Филиппъ II) и Франціей (Генрихъ IV), по которому французамъ были возвращены французскія земли, находившіяся во владѣніи испанцевъ.

1597. Окончательное прикрѣпленіе въ Россіи крестьянъ къ землѣ.

1598. Изданіе французскимъ королемъ Генрихомъ IV нантскаго эдикта, по которому гугеноты были уравнены въ правахъ съ католиками.

1598. Смерть Филиппа II испанскаго съ кнутомъ въ рукѣ для самобичеванія.

1598—1605. Правленіе царя Бориса Годунова, вошедшаго на престолъ по избранію земскаго собора.

1603. Воцареніе въ Англіи короля шотландскаго Іакова VI (въ Англіи Іаковъ I), и соединеніе съ тѣхъ поръ навсегда короны Англіи и Шотландіи (царствовалъ до 1625 г.).

1604. Вступленіе въ предѣлы Руси самозванца.

1604—1613. Смутное время на Руси.

1605. Царь Өедоръ Борисовичъ, сынъ Бориса Годунова.

1605—1606. Царствованіе Лжедимитрія.

1605. Появленіе сочиненія Сервантеса „Донъ-Кихотъ“.

1606—1610. Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1608. Подступъ къ Москвѣ новаго самозванца, Тушинскаго вора, простоявшаго въ Тушинѣ до марта 1610 г.

1608. Основаніе французами въ Акадіи колоніи Квебекъ,—зародышъ будущей Канады, которую назвали тогда Новой Франціей.

1609. Начало захода нидерландскихъ судовъ въ японскія гавани.

1609. Заключеніе царемъ Василіемъ Шуйскимъ союза со шведскимъ королемъ Карломъ IX, обязывавшимся взамѣнъ отказа Василія отъ правъ на Ливонію помочь ему изгнать поляковъ изъ предѣловъ Московскаго государства.

1609. Изгнаніе изъ Испаніи морисковъ или арабовъ.

1610. Пораженіе русскихъ поляками при Клушинѣ, вслѣдствіе измѣны шведовъ, передавшихся въ разгарѣ битвы на сторону поляковъ.

1610. Смерть Генриха IV, убитаго Равальякомъ, подосланнымъ іезуитами.

1610. Принесеніе Москвою (27 августа) присяги, какъ царю московскому, королевичу Владиславу, сыну короля польскаго, и занятіе Москвы польскимъ гарнизономъ.

1610—1613. Междуцарствіе на Руси.

1612. Освобожденіе Москвы (ноябрь) отъ поляковъ Мининымъ и Пожарскимъ.

1613. Избраніе на русскій престолъ Михаила Өеодоровича Романова.

1613—1645. Царь Михаилъ Өеодоровичъ.

1614. Основаніе голландцами Новаго Амстердама, впослѣдствіи, черезъ 50 лѣтъ, отнятаго англичанами и переименованнаго въ Нью-Іоркъ.

Послѣ Р. Хр.

1614—1617. Война Московскаго государства со Швеціей, кончившаяся миромъ, по которому Швеція отказалась отъ Новгорода и его области, но удержала за собою Иванъ городъ, Ямъ, Копорье и Орѣшекъ.

1617—1618. Война Москвы съ Польшею, кончившаяся перемиріемъ на 14 лѣтъ, причемъ Смоленскъ и Сѣверная область остались за поляками (тогда же, при размѣнѣ плѣнныхъ, былъ возвращенъ поляками митрополитъ Филаретъ, отецъ царя Михаила).

1618. Мятежъ Павлюка.

1618. Возстаніе въ Богеміи (Чехіи) и начало тридцатилѣтней войны

1619. Появленіе грамматики Смотрицкаго.

1619. Открытіе Гарвеемъ кровообращенія.

1620. Выходъ въ свѣтъ „Новаго органона“ Бэкона.

1620. Пораженіе чеховъ у Бѣлой горы войсками Максимиліана I баварскаго.

1629—1640. Одиннадцатилѣтняя „тираннія“ въ Англіи.

1629. Изданіе императоромъ Фердинандомъ II „возстановительнаго эдикта“, вводившаго католицизмъ во всей Германіи.

1630 (ок.). Появленіе въ крестьянскихъ порядныхъ названія „крѣпостной“.

1631. Учрежденіе французской академіи.

1632. Война Москвы съ Польшей, приведшая къ отказу короля Владислава отъ своихъ притязаній на московскій престолъ.

1632. Побѣда Густава-Адольфа надъ Валленштейномъ у Люцена и смерть въ бою самого Густава-Адольфа.

1640—1653. „Долгій парламентъ“ въ Англіи.

1640—1688. Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургскій, сбросившій ленное господство Польши.

1642. Начало въ Англіи первой революціи.

1643—1715. Царствованіе во Франціи Людовика XIV.

1643—1646. Открытіе Поярковымъ съ 133 товарищами р. Амура и Охотскаго моря.

1645—1676. Царь Алексѣй Михайловичъ.

1648. Заключеніе Вестфальскаго мира, завершившаго тридцатилѣтнюю войну, одного изъ важнѣйшихъ въ исторіи; между прочимъ по этому миру къ Франціи отошелъ Эльзасъ, къ Швеціи—западная и часть восточной Помераніи; а Швейцарскіе кантоны и Соединенные Нидерланды были признаны независимыми.

1648. Бунтъ въ Москвѣ, вызванный дѣйствіями временщика Морозова.

1648—1653. „Хмельнитчина“ или казацкія войны съ поляками.

1649. Казнь англійскаго короля Карла I и обращеніе Англіи въ республику.

1649—1650 Походъ Кромвеля въ Ирландію.

1651. Пораженіе Кромвелемъ въ сраженіи при Ворчестерѣ шотландцевъ, задавшихся цѣлью возвести на англійскій престолъ сына казненнаго Карла I — Карла II.

1651. Изданіе Кромвелемъ „Навигаціоннаго акта“, сгубившаго морское могущество Голландіи.

1653. Провозглашеніе Кромвеля лордомъ-протекторомъ трехъ соединенныхъ государствъ.

1654. Начало исправленія, по приказанію патріарха Никона, богослужебныхъ книгъ.

1654. Начало дипломатическихъ сношеній Москвы съ Китаемъ.

Послѣ Р. Хр.

1654. Принятіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Малороссіи въ русское подданство (Богданъ Хмѣльницкій).

1654—1656. Война Московскаго государства съ Польшею (въ теченіе этой войны русскими были взяты Смоленскъ, Вильна, Ковно, Гродно, Люблинъ— послѣдній Богданомъ Хмѣльницкимъ).

1655. Отнятіе англичанами у испанцевъ Ямайки.

1656—1661. Война Россіи со Швеціей.

1656. Договоръ при Лабіу между шведскимъ королемъ Карломъ X и бранденбургскимъ курфюрстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, по которому были прекращены вассальныя отношенія Бранденбурга къ Швеціи.

1656. Пораженіе подъ Варшавой поляковъ и ихъ союзниковъ, литовцевъ и татаръ, шведскимъ королемъ Карломъ X въ союзѣ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ.

1657. Отказъ Кромвеля отъ предложенной ему парламентомъ королевской короны.

1657. Договоръ при Велау между Польшей и курфюрстомъ Бранденбургскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, по которому была уничтожена ленная зависимость Пруссіи отъ Польши, а Фридрихъ былъ признанъ полновластнымъ герцогомъ Пруссіи.

1658. Смерть Кромвеля.

1660. Возстановленіе въ Англіи монархіи и начало царствованія Карла II.

1661—1667. Война Россіи съ Польшей, кончившаяся андрусовскимъ миромъ, по которому Россія уступила Польшѣ свои завоеванія в Литвѣ, но сохранила за собою Смоленскъ, весь сѣверскій край (сѣверная часть Черниговской губ.), часть Малороссіи, лежавшую на лѣвомъ берегу Днѣпра, и Кіевъ (временно).

1662. Бунтъ въ Москвѣ, вызванный принудительнымъ курсомъ мѣдныхъ денегъ, поведшимъ къ крайней дороговизнѣ.

1666. Присоединеніе къ Бранденбургу Клэвэ, графства Маркъ и графства Равенсбергъ (Билефельдъ).

1666. Соборъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ и низложеніе патріарха Никона.

1667—1671. Бунтъ Стеньки Разина.

1672. Рожденіе Петра Великаго (30-го мая).

1676—1682. Царь Θеодоръ III Алексѣевичъ.

1678. Нимвегенскій миръ между Франціей и Нидерландской республикой.

1679. Изданіе въ Англіи Habeas-Corpus-Act.

1680. Введеніе въ Россіи подворной подати.

1681. Взятіе французами Страсбурга.

1682. Отмѣна въ Россіи мѣстничества.

1682. Смерть царя Θеодора Алексѣевича и провозглашеніе (26 апрѣля) царемъ Петра Алексѣевича, сына Алексѣя Михайловича отъ втораго брака (съ царицей Натальей Кирилловной, урожденной Нарышкиной).

1682. Первый стрѣлецкій бунтъ, переворотъ, произведенный царевной Софіей въ пользу своего единоутробнаго брата, сына царя Алексѣя Михайловича отъ перваго брака (съ Маріей Ильиничной Милославской), царевича Іоанна, и возведеніе его на престолъ (15 мая).

1682—1696. Совмѣстное цареніе Петра I и Іоанна V Алексѣевичей.

1682—1689. Правленіе Московскимъ государствомъ, за малолѣтствомъ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, ихъ сестры царевны Софіи.

Послѣ Р. Хр.

1683. Пораженіе турокъ подъ Вѣною имперскими войсками, подъ предводительствомъ герцога Лотарингскаго, и поляками съ королемъ Яномъ Собѣсскимъ во главѣ.

1685. Отмѣна Нантскаго эдикта.

1686. Союзъ (Аугсбургскій) между императоромъ Леопольдомъ I, Нидерландами, Швеціей, Испаніей и нѣкоторыми изъ имперскихъ князей для обезпеченія неприкосновенности владѣній въ германскомъ государствѣ.

1686. Насильственное подчиненіе Франціей Генуи.

1687. Появленіе „математическихъ основъ" естественной философіи Ньютона, гдѣ доказанъ міровой законъ тяготѣнія.

1688—1697. Война аугсбургскихъ союзниковъ и Англіи противъ Людовика XIV.

1689. Избраніе въ англійскіе короли, вмѣсто изгнаннаго Іакова II, Вильгельма Оранскаго, освободившее навсегда Англію отъ католической реакціи.

1692. Побѣда англо-голландскаго флота надъ французскимъ, на которомъ хотѣлъ возвратиться въ Англію Іаковъ II, при Ла-Гогѣ, положившая начало преобладанію англичанъ на моряхъ.

1694. Основаніе англійскаго банка.

1694. Собственноручная закладка Петромъ Великимъ лютеранской кирки въ Москвѣ.

1695. Первый неудачный Азовскій походъ Петра I.

1696. Смерть Іоанна Алексѣевича.

1696. Второй Азовскій походъ русскихъ, закончившійся взятіемъ Азова.

1697. Избраніе въ польскіе короли, послѣ смерти Яна V Собѣсскаго, курфюрста Саксонскаго Августа, принявшаго въ этихъ видахъ католичество.

1697. Пораженіе турокъ съ султаномъ Мустафою II во главѣ имперскими войсками подъ предводительствомъ Евгенія Савойскаго при Зентѣ на рѣкѣ Тиссѣ.

1697. Выходъ въ свѣтъ „Историко-критическаго словаря" Бэля.

1697—1698. Путешествіе по Европѣ Петра Великаго инкогнито подъ именемъ дворянина Петра Михайлова.

1698. Второй Стрѣлецкій бунтъ.

1699. Заключеніе мира при Карловицѣ между турками съ одной стороны и императоромъ Леопольдомъ, Польшей и Венеціанской республикой—съ другой (по этому миру Австріи досталась Седмиградія и бо́льшая часть Венгріи, Польша получила пограничныя губерніи между Днѣстромъ и Днѣпромъ, Подолію съ Каменецъ-Подольскомъ и Украйну, Венеція—Морею). Послѣ этого мира Турція перешла исключительно на оборонительное положеніе.

1700. Пораженіе русскихъ войскъ подъ Нарвою королемъ шведскимъ Карломъ XII (19 ноября).

1700. Послѣдняя въ Россіи боярская дума.

1700. Возникновеніе въ Россіи свѣтскаго лѣтоисчисленія.

1700. Отмѣна въ Россіи патріаршества.

1700. Заключеніе (18 августа) Травендальскаго мира между Швеціей и Даніей, по которому герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій былъ возстановленъ въ своихъ владѣніяхъ, а король датскій Фридрихъ IV долженъ былъ отказаться отъ союза съ Августомъ и Петромъ.

1700. Заключеніе царемъ русскимъ Петромъ I, датскимъ королемъ Фридрихомъ IV и саксонскимъ курфюрстомъ (королемъ польскимъ) Августомъ II (по мысли ливонскаго дворянина Паткуля, желавшаго освободить свою родину отъ

Послѣ Р. Хр.

власти шведовъ) тайнаго союза противъ Швеціи (юный король Карлъ XII), имѣвшаго цѣлью присоединеніе: Лифляндіи и Эстляндіи къ Польшѣ, герцогства Гольштейнъ-Готторпскаго къ Даніи и Ингріи и Кореліи—къ Россіи.

1700. Смерть испанскаго короля Карла II и вступленіе на испанскій престолъ внука Людовика XIV, второго сына дофина—герцога Анжуйскаго, принявшаго имя Филиппа V.

1700—1721. Сѣверная война между Россіей и Швеціей.

1701. Переименованіе герцогства прусскаго — въ королевство, при сынѣ великаго курфюрста, курфюрстѣ Фридрихѣ III.

1701. Побѣда Шереметева (первая) надъ шведами при Эрестферѣ.

1702. Возникновеніе въ Москвѣ Преображенскаго приказа.

1702. Введеніе метрическихъ книгъ при церквахъ.

1702. Пораженіе Карломъ XII саксонско-польскихъ войскъ при Клиссовѣ.

1702—1713. „Война за испанское наслѣдство".

1703. Появленіе кремневаго ружья со штыкомъ.

1703. Основаніе С.-Петербурга (16 мая).

1703. Появленіе „Русскихъ Вѣдомостей", первой газеты для всѣхъ.

1704. Низложеніе, по требованію короля шведскаго Карла XII, съ польскаго престола курфюрста саксонскаго Августа II и избраніе въ польскіе короли графа Станислава Лещинскаго (іюнь).

1705. Бунтъ астраханцевъ.

1706. Вступленіе Карла XII въ предѣлы Саксоніи и принужденіе Августа къ заключенію Альтранштедтскаго мира (сентябрь), по которому тотъ отказался отъ польской короны и отъ союза съ Петромъ и выдалъ Карлу Паткуля, казненнаго шведскимъ королемъ, какъ измѣнника.

1707. Сліяніе Шотландіи съ Англіей подъ именемъ Великобританіи.

1708. Мятежъ на Дону (Булавинскій).

1708. Подраздѣленіе Россіи на 12 губерній, которыя распадались на провинціи.

1708. Изобрѣтеніе русской гражданской азбуки.

1709. Побѣда русскихъ надъ шведами подъ Полтавой (іюнь).

1711. Прутскій походъ Петра I, завершившійся невыгоднымъ для Россіи миромъ съ Турціей (іюль), по которому Азовъ возвращался Турціи, а Петръ обязывался срыть вновь построенныя крѣпости на Азовскомъ морѣ, отказаться отъ союза съ Августомъ и не препятствовать Карлу XII вернуться черезъ Россію въ Швецію.

1711. Бракосочетаніе царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою Шарлотою, сестрою жены императора германскаго Карла VI.

1711. Проведеніе въ Россіи перваго канала (Вышневолоцкако).

1711. Учрежденіе въ Россіи Правительствующаго Сената.

1713. Заключеніе утрехтскаго мира, завершившаго войну за испанское наслѣдство; по этому миру Филиппъ V испанскій отказался отъ правъ на французскій престолъ, но былъ признанъ королемъ Испаніи и Индіи; Людовикъ XIV уступилъ англичанамъ островъ Св. Христофора (Вестъ-Индія), испанцы отдали англичанамъ Гибралтаръ и Минорку, а Савойскому дому—Сицилію; испанская часть Обергельдерна отошла къ Пруссіи (по заключеніи этого мира военныя дѣйствія продолжались лишь между римскимъ императоромъ, одно время въ союзѣ съ Голландіей, и Франціей).

Послѣ Р. Хр.

1714. Раштадтскій миръ между римскимъ императоромъ и Франціей (за императоромъ изъ спорныхъ земель испанскаго наслѣдства остались: Неаполь, Миланъ, Сардинія и Испанскіе Нидерланды).

1714. Морская побѣда русскихъ у Гангеуда.

1716. Введеніе Петромъ Великимъ воинскаго устава.

1716. Бѣгство царевича Алексѣя Петровича подъ покровительство германскаго императора.

1718. Учрежденіе въ Россіи коллегій, замѣнившихъ приказы.

1718. Возникновеніе въ Петербургѣ тайной канцеляріи.

1718. Заключеніе мира между Австріей и Турціей въ Пассаровицахъ, по которому императору достались между прочимъ Бѣлградъ и Семендрія.

1718. Смерть, приговореннаго къ казни, царевича Алексѣя Петровича въ Петропавловской крѣпости послѣ ряда пытокъ (30 іюня).

1719. Введеніе Петромъ Великимъ подушной подати съ крестьянъ и промышленниковъ.

1721. Заключеніе Россіей Ништадтскаго мира, завершившаго Сѣверную войну и предоставившаго Россіи Эстляндію, Лифляндію, Выборгъ и Неву.

1721. Учрежденіе въ Россіи Святѣйшаго Синода.

1721. Принятіе царемъ Петромъ I Алексѣевичемъ, по ходатайству всѣхъ сословій, титула императора Всероссійскаго.

1722. Возникновеніе въ Россіи магистратовъ и ратушъ.

1722. Изданіе Петромъ Великимъ закона о престолонаслѣдіи.

1722. Изданіе въ Россіи табели о рангахъ.

1723. Уступка Россіи шахомъ персидскимъ береговъ Каспійскаго моря у Кавказа.

1724. Изданіе императоромъ Карломъ VI прагматической санкціи, опредѣлявшей порядокъ престолонаслѣдія.

1725. Появленіе сочиненія Свифта „Путешествіе Гулливера“.

1725. Смерть Петра Великаго (28-го января).

1725—1727. Царствованіе императрицы Екатерины I Алексѣевны.

1725. Возникновеніе въ Россіи академіи наукъ съ гимназіей.

1725. Отправка императрицей Екатериной I экспедиціи Беринга къ Камчатскимъ берегамъ.

1726. Учрежденіе по мысли Меньшикова верховнаго тайнаго совѣта.

1727—1730. Царствованіе императора Петра II Алексѣевича.

1730—1740. Царствованіе императрицы Анны Іоанновны, дочери Іоанна Алексѣевича, брата Петра Великаго, вдовствующей герцогини Курляндской.

1732. Заключеніе Россіей договора съ Персіей, по которому Россія отказывалась отъ областей, занятыхъ при Петрѣ Великомъ.

1736. Предписаніе русскаго правительства о производствѣ гражданскимъ чинамъ содержанія не деньгами, а сибирскими товарами.

1740—1741. Царствованіе малолѣтняго императора Іоанна VI Антононовича (правительница Анна Леопольдовна, жена герцога Брауншвейгъ-Люксбургскаго Антона-Ульриха, дочь Екатерины Іоанновны и герцога Мекленбургскаго Леопольда, отстранившая отъ регентства Бирона, назначеннаго правителемъ Анной Іоанновной).

1740—1786. Правленіе въ Пруссіи короля Фридриха II Великаго.

1741. Производство въ Россіи переписи, давшей 6½ милліоновъ душъ, подлежавшихъ рекрутчинѣ.

Послѣ Р. Хр.

1741. Переходъ Силезіи къ Пруссіи.

1741. Устраненіе отъ власти правительницы Анны Леопольдовны и императора Іоанна VI Антоновича и восшествіе на всероссійскій престолъ Елисаветы Петровны.

1741—1762. Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.

1741—1748. Война за австрійское наслѣдство.

1743. Заключеніе Россіей мира со Швеціей, по которому Россія получила часть Финляндіи до р. Кюмени.

1744. Переходъ къ Пруссіи Остъ-Фрисландіи.

1745. Бракъ наслѣдника русскаго престола великаго князя Петра Θеодоровича, сына Анны Петровны отъ брака съ герцогомъ Голштинскимъ, съ принцессой Ангальтъ-Цербстской Софіей-Фридерикой Августой, нареченной при миропомазаніи Екатериной Алексѣевной.

1748. Появленіе сочиненія Монтескье: „Духъ Законовъ“.

1748. Заключеніе Ахенскаго мира, завершившаго войну за австрійское наслѣдство.

1752. Изобрѣтеніе Франклиномъ громоотвода.

1754. Отмѣна въ Россіи смертной казни для дѣлъ неполитическихъ.

1755. Основаніе Московскаго университета.

1755. Землетрясеніе въ Лиссабонѣ, поглотившее тысячи жертвъ.

1756. Основаніе русскаго театра, созданнаго Волковымъ.

1756—1763. Семилѣтняя война.

1757. Учрежденіе въ Россіи Академіи художествъ.

1757. Пораженіе пруссаковъ русскими (Апраксинъ) при Гросъ-Егерндорфѣ.

1758. Пораженіе русскими пруссаковъ при Цорндорфѣ.

1759. Изгнаніе іезуитовъ изъ Португаліи.

1759. Побѣда русскихъ и австрійскихъ войскъ надъ пруссаками у Кунерсдорфа.

1760. Занятіе Берлина Тотлебеномъ.

1761. Кончина императрицы Елисаветы Петровны (25 декабря).

1761—1762. Императоръ Всероссійскій Петръ III Θеодоровичъ.

1762. Упраздненіе императоромъ Петромъ III Θеадоровичемъ тайной канцеляріи (февраль).

1762. Заключеніе Петромъ III Θеодоровичемъ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Великимъ 1) мирнаго договора, по которому Россія возвращала Пруссіи всѣ завоеванныя области и занятыя ею крѣпости, и 2) оборонительнаго и наступательнаго союза (императрица Екатерина II тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ отозвала войска, предоставленныя Петромъ III въ распоряженіе Фридриха).

1762. Вступленіе на русскій престолъ императрицы Екатерины II (28-го іюня).

1762—1796. Царствованіе императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1762. Внезапная смерть въ Ропшѣ отказавшагося отъ престола Россіи императора Петра III Θеодоровича (5 іюля).

1764. Бунтъ подпоручика Мировича съ цѣлью освобожденія содержавшагося въ Шлиссельбургѣ бывшаго императора Іоанна VI Антоновича и смерть послѣдняго въ ночь съ 4 на 5 іюля.

1764. Отобраніе въ Россіи въ казну церковныхъ имуществъ.

1764. Отмѣна малороссійскаго гетманства.

Послѣ Р. Хр.

1765. Производство въ Россіи всеобщаго межеванія земель.

1767. Учрежденіе Екатериной II „Большой коммисіи“ для составленія новаго уложенія,

1767. Договоръ императрицы Екатерины II съ Даніею, по которому она именемъ несовершеннолѣтняго Павла Петровича отказалась отъ правъ на Шлезвигъ и уступила Даніи герцогство Голштинское взамѣнъ на графства Ольденбургское и Дельменгорское, предназначенныя въ пользу младшей линіи Гольштейнъ-Готторпскаго дома (за Павломъ Петровичемъ и его наслѣдниками долженъ былъ остаться титулъ герцога Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторпскаго).

1768. Покупка Франціей у Генуэзской республики Корсики.

1768. Введеніе въ Россіи оспопрививанія: привитіе оспы англійскимъ врачемъ Димедалемъ императрицѣ Екатеринѣ (12 октября) и цесаревичу Павлу Петровичу (1 ноября).

1768. Рожденіе Наполеона (7 января).

1770. Чума въ Москвѣ, истребившая четверть ея населенія.

1772—1774. Первая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II.

1772. Первый раздѣлъ Польши, по которому отошли: къ Россіи—Бѣлоруссія, къ Пруссіи—Померанія и часть Великой Польши (нынѣшней Познани), къ Австріи—Галиція.

1773. Бракосочетаніе цесаревича Павла Петровича съ принцессой Вильгельминой Гессенъ-Дармштадской, нареченной при миропомазаніи Наталіей Алексѣевной (29 сентября),

1773. Закрытіе папою Климентомъ XIV ордена іезуитовъ.

1773—1775. Пугачевскій бунтъ.

1774. Изданіе конгрессомъ 13 американскихъ штатовъ „объявленія правъ“, послѣ чего послѣдовала 8-лѣтняя война американцевъ за независимость.

1774. Заключеніе Россіей съ Турціей мира въ Кучукъ-Кайнарджи, по которому Россія получила восточные берега Чернаго моря и земли между Днѣпромъ и Бугомъ.

1775. Подраздѣленіе Россіи на 50 губерній и уѣздовъ.

1775. Казнь Пугачева.

1776. Смерть отъ несчастныхъ родовъ великой княгини Натальи Алексѣевны (15 апрѣля).

1776. Бракосочетаніе цесаревича Павла Петровича съ принцессой Софіей-Доротеей Виртембергскою, нареченною при миропомазаніи Маріей Θеодоровной (26 сентября).

1776. Объявленіе независимости Соединенныхъ Штатовъ Америки.

1777. Посѣщеніе Петербурга шведскимъ королемъ Густавомъ III.

1777. Необычайное наводненіе въ Петербургѣ.

1777. Рожденіе у цесаревича Павла Петровича и цесаревны Маріи Θеодоровны сына Александра, впослѣдствіи императора Александра I (12 декабря).

1778—1779. Война за баварское наслѣдство, завершившаяся Тешенскимъ миромъ, по которому Россія и Франція получили право вмѣшательства въ дѣла Нѣмецкой имперіи.

1779. Рожденіе великаго князя Константина Павловича (27 апрѣля).

1781. Основаніе Новиковымъ „Дружескаго ученаго общества“.

1781—1782. Заграничное путешествіе цесаревича Павла Петровича съ Маріей Θеодоровной подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ.

Послѣ Р. Хр.

1781. Сверженіе во Франціи съ министерскаго поста Неккера.

1783. Присоединеніе къ Россіи Крыма.

1783. Заключеніе Версальскаго мира между Англіей и Сѣверной Америкой, по которому тридцать бывшихъ англійскихъ колоній были признаны за независимые штаты.

1785. Пожалованіе Екатериною II русскому дворянству грамоты, предоставлявшей ему управленіе своими дѣлами.

1785. Изданіе Екатериною II городового положенія

1785. Созданіе Фридрихомъ Великимъ союза князей, положившаго начало прусскому объединенію Германіи.

1787. Установленіе конституціи Сѣверо-Американскихъ штатовъ.

1787—1791. Вторая турецкая война въ царствованіе императрицы Екатерины II.

1788—1790. Война Россіи со Швеціей.

1788. Взятіе Потемкинымъ Очакова.

1789. Пораженіе Суворовымъ турокъ при Фокшанахъ и Рымникѣ.

1789. Созваніе во Франціи 1-го мая генеральныхъ штатовъ.

1790. Взятіе Суворовымъ крѣпости Измаилъ.

1791. Открытіе во Франціи законодательницы, смѣнившей учредительницу.

1791. Заключеніе Россіей съ Турціей мира въ Яссахъ, по которому Россія получила Очаковъ съ землями между Бугомъ и Днѣстромъ.

1792. Объявленіе во Франціи республики (съ 11 сентября) Конвентомъ, открывшимся 21-го сентября того же года.

1792—1835. Австрійскій императоръ Францъ I.

1792. Начало коалиціонныхъ войнъ противъ Франціи.

1793. Второй раздѣлъ Польши.

1794. Паденіе Робеспьера (9-го термидора—16-го іюля).

1794. Штурмъ и взятіе Суворовымъ Праги, предмѣстья Варшавы.

1795. Изданіе во Франціи „Конституціи III года“ (совѣтъ пятисотъ, совѣтъ старѣйшинъ, директорія).

1795. Третій раздѣлъ Польши, по которому получили, между прочимъ: Россія—Вильну, Австрія—Краковъ, Пруссія—Варшаву.

1795. Заключеніе мира между Франціей и герцогствомъ Тосканскимъ (февраль).

1795. Заключеніе Пруссіей и Франціей мира въ Базелѣ (14 апрѣля), по которому прусскія владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна остались занятыми французами,

1795. Заключеніе мира въ Базелѣ между Испаніей и Франціей (12 іюля).

1796. Рожденіе великаго князя Николая Павловича, впослѣдствіи императора Николая I (25 іюня).

1796. Прибытіе въ Петербургъ, подъ именемъ графа Гаги, шведскаго короля Густава IV для сватовства великой княжны Александры Павловны.

1796. Кончина (6 ноября) императрицы Екатерины II и вступленіе на русскій престолъ императора Павла I Петровича.

1796. Заключеніе договора въ Парижѣ между Франціей и Сардинскимъ королевствомъ, по которому къ Франціи были присоединены Савойя и Ницца.

1796—1797. Итальянская кампанія Наполеона, кончившаяся миромъ въ Кампо-Форміо, послужившимъ основой міродержавія Наполеона.

1797. Изданіе императоромъ Павломъ „Учрежденія объ императорской фамиліи“.

Послѣ Р. Хр.

1797. Принятіе императоромъ Павломъ подъ свое покровительсгво Мальтійскаго ордена.

1797. Взятіе французами Мантуи, послѣ чего вся Италія оказалась отнятою отъ Австріи и въ рукахъ Франціи.

1797. Заключеніе въ Кампо-Форміо мирнаго договора между Франціей и Австріей (17 октября); по этому договору Австрійскіе Нидерланды отошли къ Франціи, была образована Цизальпійская республика, въ составъ которой вошли Ломбардія, прежнее герцогство Модена и папскія владѣнія; Венеціанская республика была раздѣлена между Австріей и Франціей, къ которой перешли Іоническіе острова; прочія венеціанскія владѣнія съ Далмаціей отошли къ Австріи.

1797—1840. Правленіе въ Пруссіи короля Фридриха-Вильгельма III.

1797. Превращеніе Генуэзской республики въ Лигурійскую.

1798. Подготовленіе новой (второй) коалиціи противъ Франціи, и вступленіе войскъ неаполитанскаго короля Фердинанда IV (женатаго на Маріи-Каролинѣ, сестрѣ казненной Маріи-Антуанеты) въ предѣлы Римской республики.

1798. Большое возстаніе въ Ирландіи.

1798—1799. Египетскій походъ Наполеона.

1798. Взятіе французами, по дорогѣ въ Египетъ, острова Мальты, владѣнія мальтійскаго ордена.

1798. (21 іюля) Побѣда Наполеона при пирамидахъ.

1798. (1 августа) уничтоженіе англичанами французскаго флота при Абукирѣ, близъ Александріи.

1798. Обращеніе Швейцаріи въ Гельветическую республику.

1798. Заключеніе Россіей и Англіей союза въ цѣляхъ убѣдить Пруссію возстать вмѣстѣ съ ними противъ Франціи.

1798. Вступленіе французовъ въ Римъ и учрежденіе Римской республики.

1799. Взятіе французами Неаполя, и образованіе Партенопейской республики.

1799—1801. Вторая коалиціонная война противъ Франціи.

1799. Занятіе Суворовымъ Милана (апрѣль).

1799. Побѣда Суворова надъ французами при Требіи (іюнь).

1799. Побѣда русскихъ и австрійцевъ надъ французами при Нови (августъ).

1799. Переходъ русской арміи Суворова черезъ Альпы (сентябрь).

1799. Учрежденіе во Франціи консульства (ноябрь): Наполеонъ Бонапартъ—консулъ.

1800. Созданіе императоромъ Павломъ республики Іоническихъ островов.

1800. Побѣда Наполеона у Маренго надъ австрійцами.

1800. Побѣда французовъ (Моро) при Гогенлинденѣ близь Мюнхена надъ австрійцами и баварцами.

1801. Высылка императоромъ Павломъ изъ Митавы Людовика XVIII и прекращеніе производившейся ему Россіей пенсіи.

1801. Манифестъ (18 января) императора Павла о присоединеніи къ Россіи Грузинскаго царства.

1801. Заключеніе мира между Франціей и императоромъ Францемъ въ Люневилѣ (9 февраля).

1801. Отправленіе императоромъ Павломъ I войскъ для завоеванія Индіи.

1801. Кончина императора Павла Петровича въ ночь съ 11 на 12 марта и восшествіе на престолъ Россіи императора Александра I Павловича.

Послѣ Р. Хр.

1801. Заключеніе Россіей съ Великобританіей конвенціи о взаимной дружбѣ.

1801. Учрежденіе императоромъ Александромъ I непремѣннаго совѣта, имѣвшаго цѣлью разсмотрѣніе и движеніе государственныхъ дѣлъ и постановленій (30 марта).

1802. Учрежденіе въ Россіи министерствъ, замѣнившихъ коллегіи (8 сентября).

1802. Заключеніе Франціей Амьенскаго мира (съ Англіей, Испаніей и Голландіей).

1802. Дарованіе Турціею Румыніи, подъ давленіемъ Россіи, гатти-шерифа, ограничивавшаго власть султана.

1803. Вторженіе Наполеона въ Ганноверъ, курфирстомъ котораго былъ король англійскій Георгъ III, и начало войны Англіи съ Франціей.

1803. Изданіе въ Россіи университетскаго устава.

1804—1813. Война Россіи съ Персіей, кончившаяся гюлистанскимъ миромъ.

1804. Разстрѣлъ герцога Энгіеннскаго.

1804, Провозглашеніе Наполеона императоромъ (8 мая).

1804. Образованіе третьей коалиціи державъ (Австрія, Россія, Швеція, Англія) противъ Франціи (ноябрь—декабрь — 1804, январь—апрѣль 1805).

1805. Война Россіи и Австріи съ Франціей.

1805. Клятва императора Александра I въ ночь на 14 октября на гробѣ Фридриха Великаго, въ присутствіи короля и королевы прусскихъ, въ вѣчной дружбѣ съ ними, залогомъ которой должно было служить освобожденіе Германіи.

1805. Капитуляція французамъ австрійскаго отряда Мака при Ульмѣ (17 октября).

1805. Занятіе французами Вѣны (ноябрь).

1805. Пораженіе французско-испанскаго флота (Вильневъ) англійскимъ (Нельсонъ) при Трафальгарѣ (октябрь).

1805. Пораженіе Наполеономъ русскихъ и австрійцевъ при Аустерлицѣ— „сраженіе трехъ императоровъ“ (20 ноября).

1805. Заключеніе въ Пресбургѣ (14 декабря) мирнаго договора между Австріей и Франціей; между прочимъ, по этому же договору были признаны королевскіе титулы за курфюрстами баварскимъ и вюртембергскимъ, помогавшими Наполеону.

1805. Насильственное заключеніе Пруссіей шенбруннскаго союза съ Франціей противъ Англіи и предоставленіе Наполеономъ Пруссіи Гановера (декабрь).

1806. Назначеніе Наполеономъ королемъ Неаполя и Сициліи своего брата Іосифа (31 марта).

1806. Образованіе (5 мая) подъ протекторатомъ Наполеона рейнскаго союза (Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Бергъ, Гессенъ-Дармштадтъ и др.).

1806. Назначеніе Наполеономъ, по просьбѣ голландцевъ, королемъ Голландіи своего брата Людвига (6 іюня).

1806. Вступленіе Наполеона въ Берлинъ (15 октября).

1806. Примѣненіе Наполеономъ „континентальной системы“ — бойкотированія англійскихъ товаровъ (декретъ 9 ноября).

1806. Сложеніе съ себя Францемъ II званія императора Священной-Римско-Германской имперіи, и паденіе этой имперіи послѣ 800-лѣтняго существованія.

Послѣ Р. Хр.

1806—1807. Война Россіи и Пруссіи съ Франціей.

1806. Пораженіе Наполеономъ пруссаковъ при Іенѣ (16 октября).

1806. Заключеніе Наполеономъ въ Познани мирнаго договора съ Саксоніей по которому курфюрстъ саксонскій получилъ титулъ короля съ обязательствомъ вступить въ рейскій союзъ.

1806—1812. Война Россіи съ Турціей.

1807. Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау между французскими войсками съ одной стороны, и русскими и прусскими—съ другой (Бенигсенъ); побѣда осталась нерѣшенной.

1807. Пораженіе русскихъ (Бенигсенъ) Наполеономъ при Фридландѣ (12 іюня.

1807. Образованіе Наполеономъ Варшавскаго герцогства, составленнаго изъ польскихъ земель, отошедшихъ къ Пруссіи по третьему раздѣлу Польши.

1807. Уступка (23 апрѣля) Наполеону испанскимъ королемъ Карломъ IV Испаніи и Индіи и назначеніе королемъ Испаніи брата Наполеона Іосифа, бывшаго короля Неаполитанскаго королевства, отданнаго Наполеономъ Мюрату подъ именемъ Іоахима I.

1807. Свиданіе въ Тильзитѣ, на плоту на Нѣманѣ, императоровъ Александра и Наполеона (13 іюня).

1807. Заключеніе (25 іюня) Тильзитскаго мира между Пруссіей и Франціей; по этому договору Пруссія потеряла земли между Рейномъ и Эльбой (онѣ вошли въ составъ Вестфальскаго королевства, образованнаго для третьяго брата Наполеона, Іеронима), провинціи, принадлежавшія Польшѣ до 1 января 1772, Данцигъ, сдѣланный вольнымъ городомъ, и Котбузерскій округъ, отошедшій къ Саксоніи.

1807. Занятіе Португаліи французскими войсками (декабрь).

1808. Пораженіе испанцами французовъ при Байленѣ (іюль).

1808. Пораженіе французовъ англичанами и португальцами при Торресъ-Ведрасъ (21 августа).

1808. Свиданіе императоровъ Александра I и Наполеона въ Эрфуртѣ (сентябрь).

1808. Вступленіе Наполеона въ Мадридъ (ноябрь).

1809. Заключеніе Россіей со Швеціей мира въ Фридрихсгамѣ, по которому Россія получила Алландскіе острова и Финляндію до р. Торнео

1809. Война Россіи и Франціи съ Австріей (со стороны Россіи—безкровная), ознаменованная побѣдой Наполеона при Ваграмѣ и закончившаяся Шенбрунскимъ миромъ (2 октября), по которому Россія получила Тарнопольскую область, а большая часть Галиціи отошла къ Варшавскому герцогству.

1809. Присоединеніе къ Французской имперіи церковной области подъ названіемъ департамента Рима и Тразимены.

1809. Открытіе императоромъ Александромъ I сейма представителей Финляндіи въ Борго.

1810. Фактическое открытіе въ Россіи Государственнаго Совѣта, который до тѣхъ поръ существовалъ только по имени.

1810. Разрѣшеніе Россіей привоза англійскихъ товаровъ и воспрещеніе ввоза французскихъ.

1810. Учрежденіе университета въ Берлинѣ.

1810. Отреченіе отъ голландскаго престола брата Наполеона Людовика (іюнь) и присоединеніе Голландіи къ Франціи.

Послѣ Р. Хр.

1810. Присоединеніе къ Франціи, указомъ Наполеона 8 февраля, сѣверныхъ провинцій Испаніи.

1810. Присоединеніе къ Франціи, простымъ декретомъ 10 декабря, ганзейскихъ городовъ Бремена, Гамбурга, Любека вмѣстѣ съ полосою земли отъ Сѣвернаго моря до Балтійскаго и отъ Рейна до Эмса, Везера и Эльбы.

1810, Присоединеніе къ Франціи (декабрь) Валлійской республики.

1811. Изданіе въ Россіи общаго учрежденія министерствъ (25 іюня).

1811. Основаніе императоромъ Александромъ I царскосельскаго (Александровскаго) лицея.

1811. Окончаніе постройки Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ.

1811. Указъ императора Александра I 11 декабря о присоединеніи къ Финляндіи земель, отошедшихъ къ Россіи по Абосскому миру 1743 г., и Выборгской губерніи, уже сто лѣтъ принадлежавшей Россіи.

1812. Заключеніе Пруссіей союза съ Наполеономъ противъ кого бы то ни было (24 февраля).

1812. Побѣда Велингтона надъ французами въ Испаніи при Саламанкѣ.

1812. Заключеніе Россіей союза со Швеціей, которой взамѣнъ Финляндіи была обѣщана Норвегія (апрѣль).

1812. Заключеніе Россіей мира съ Турціей въ Бухарестѣ, по которому Турція уступила Россіи Бессарабію (май).

1812. Ссылка Сперанскаго въ Нижній Новгородъ.

1812. Основаніе въ Петербургѣ Библейскаго общества.

1812. „1812 годъ“—переходъ арміи Наполеона черезъ Нѣманъ (24 іюня); вступленіе Наполеона въ Вильну (28 іюня); геройская оборона Смоленска (4 и 5 августа; Бородинское сраженіе (26 августа); вступленіе французовъ въ Москву (2 сентября); выступленіе французовъ изъ Москвы (6 октября); бой при Мало-Ярославцѣ, преградившій Наполеону путь на югъ (12 октября); переправа французовъ черезъ Березину у Студянки (начало 14 ноября); отъѣздъ Наполеона изъ арміи во Францію (23 ноября).

1812. Манифестъ императора Александра I (25 декабря) объ окончаніи Отечественной войны и постановленіе соорудить въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя.

1813. Переходъ русскихъ войскъ за границу (1 января) для дѣйствій противъ Наполеона I.

1813. Заключеніе Россіей и Пруссіей союзнаго договора въ Калишѣ противъ Наполеона (февраль).

1813. Заключеніе мира между Россіей и Персіей въ Гулистанѣ, по которому шахъ уступилъ Россіи свои владѣнія въ Закавказьѣ.

1813. Первый локомотивъ Стефенсона.

1813. Пораженіе Наполеономъ русскихъ и пруссаковъ при Люценѣ (12 апр.).

1813. Побѣда Наполеона надъ союзниками при Бауценѣ (18 мая).

1813. Присоединеніе Австріи къ союзу Россіи и Пруссіи по Рейхенбахскому договору (іюнь).

1813. Побѣда Наполеона надъ союзниками при Дрезденѣ (14—15 августа).

1813. Пораженіе Блюхеромъ французовъ при Кацбахѣ.

1813. Пораженіе французовъ (Вандаммъ) при Кульмѣ (17 августа).

1813. Вступленіе англійскихъ войскъ изъ Испаніи во Францію (24 сентября).

1813. „Битва народовъ“—побѣда союзниковъ надъ Наполеономъ при Лейпцигѣ (4—7 октября).

Послѣ Р. Хр.

1814. Вступленіе императора русскаго и короля прусскаго въ Парижъ (19 марта).

1814. Отреченіе Наполеона отъ престола (26 марта).

1814. Заключеніе между Франціей и четырьмя союзными государствами (Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей) перваго парижскаго мира, по которому Франція сохраняла границы 1 іюня 1792 года).

1814—1824. Король французскій Людвикъ XVIII.

1814. Поднесеніе Оксфордскимъ университетомъ императору Александру I Павловичу диплома на званіе доктора правъ.

1814. Возстановленіе въ Римѣ ордена іезуитовъ.

1814. Преподнесеніе императору Александру I въ Брухзалѣ депутаціей отъ Св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената прошенія о принятіи наименованія „Благословеннаго" и постановкѣ ему памятника (отъ послѣдняго императоръ отказался).

1814. Открытіе Вѣнскаго конгресса для опредѣленія устройства европейскихъ государствъ.

1815. Отплытіе Наполеона съ острова Эльбы (14 февраля).

1815. „Сто дней" во Франціи (Вторичное царствованіе Наполеона I).

1815. Пораженіе Наполеона при Ватерлоо (18 іюня).

1815. Вторичное отреченіе Наполеона отъ престола (10 іюня).

1815. Прибытіе Наполеона на островъ Св. Елены (6 Октября).

1815. Заключительный актъ Вѣнскаго конгресса (9 іюня), предоставлявшаго: императору Александру—герцогство Варшавское съ титуломъ короля Польскаго (безъ западной части—Великой Польши съ Торномъ); Англіи—Капландію, хлопчато-бумажные округа Нидерландской Гвинеи, острова Табаго и Лукайскіе въ Западной Индіи, Иль-де-Франсъ на Востокѣ отъ Мадагаскара, Мальту, Іоническіе острова и Гибралтаръ; Австріи—Тироль съ Зальцбургомъ, Ломбардію, Венецію, Галицію, Фріуль, Истрію и Далмацію; Пруссіи—Великую Польшу, часть Саксоніи, Клеве, Бергъ, шведскую Померанію и большую часть лѣваго берега Рейна до Саара; Швеціи—Норвегію (личная унія); Голландія и Бельгія были соединены въ королевство Соединенныхъ Нидерландовъ (Оранскій домъ); было возстановлено Сардинское королевство, въ составъ котораго вошли Генуя, Савойя и Ницца; женѣ Наполеона Маріи Луизѣ было предоставлено въ пожизненное владѣніе герцогство Пармское; королевства Баварское, Ганноверское, Саксонское и Виртембергское, курфюршество Гессенское, 6 великогерцогствъ, 14 герцогствъ и княжествъ составили Германскій союзъ, въ который входили своими частями и Австрія, Пруссія, Данія и Нидерланды; Франкфуртъ-на-Майнѣ, Бременъ, Гамбургъ, и Любекъ остались имперскими городами; Швейцарія была признана нейтральной; было возстановлено королевство обѣихъ Сецилій.

1815. Образованіе Священнаго союза (Россія, Австрія, Пруссія), возлагавшая на государей обязательства: быть братьями, управлять своими царствами, какъ отцы семействами, укрѣплять въ народахъ правила христіанской вѣры.

1815. Изданіе императоромъ Александромъ I конституціонной хартіи царства Польскаго (15 ноября).

1815. Указъ императора Александра I отъ 20 декабря о немедленной высылкѣ изъ Петербурга всѣхъ монаховъ іезуитскаго ордена.

1816. Введеніе въ Россіи системы военныхъ поселеній.

1816. Отмѣна въ Эстляндіи личнаго крѣпостнаго права.

Послѣ Р. Хр.

1817. Закладка въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ (12 октября) храма Спасителя.

1817. Признаніе султаномъ Милана Обреновича Сербскаго вассальнымъ княземъ.

1817. Отмѣна личнаго крѣпостнаго права въ Курляндіи.

1817. Бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ прусскою принцессою Шарлоттою, нареченною при миропомазаніи Александрой Θеодоровной (1 іюля).

1818. Открытіе императоромъ Александромъ I перваго польскаго сейма (15 марта).

1818. Конгрессъ въ Ахенѣ.

1818. Окончательный выводъ изъ предѣловъ Франціи союзныхъ войскъ и сдача французскому правительству всѣхъ крѣпостей, занятыхъ союзниками (ахенская конвенція.

1818. Захватъ англичанами Декана.

1818. Открытіе университета въ Боннѣ.

1818. Повелѣніе императора Александра I графу Аракчееву о разработкѣ проекта объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

1819. Открытіе университета въ Петербургѣ, преобразованнаго изъ главнаго педагогическаго института.

1819. Отмѣна личнаго крѣпостнаго права въ Лифляндіи.

1820. Указъ (13 марта) объ окончательной высылкѣ іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи и объ упраздненіи Полоцкой іезуитской академіи и подвѣдомственныхъ училищъ.

1820. Указъ (20 марта) о расторженіи брака цесаревича Константина Павловича съ великою княгинею Анною Θеодоровною и о дополненіи учрежденія императорской фамиліи постановленіемъ объ отсутствіи правъ на наслѣдованіе россійскаго престола у лицъ, рожденныхъ отъ брака членовъ Императорской фамиліи съ лицами, не имѣющими соотвѣтственнаго достоинства.

1820—1830. Царствованіе въ Англіи Георга IV.

1820. Конгрессъ въ Троппау.

1821. Смерть Наполеона на Св. Еленѣ (5 мая).

1821—1830. Возстаніе грековъ противъ Турціи.

1821. Конгрессъ въ Лайбахѣ объ умиротвореніи Италіи.

1821. Занятіе австрійскими войсками Неаполитанскаго королевства и Пьемонта для поддержанія въ нихъ монархическаго принципа.

1821. Уничтоженіе въ Турціи султаномъ Махмудомъ янычаръ.

1822. Конгрессъ въ Веронѣ противъ революціонныхъ движеній.

1822. Указъ 1 августа императора Александра I о закрытіи массонскихъ и прочихъ тайныхъ обществъ.

1822. Подраздѣленіе Сибири на Восточную и Западную.

1823. Походъ французской арміи въ Испанію для исполненія постановленія Веронскаго конгресса объ искорененіи въ Испаніи революціонныхъ поползновеній.

1823. Секретный манифестъ императора Александра I 16 августа о добровольномъ отреченіи цесаревича Константина Павловича отъ правъ на русскій престолъ и о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича.

Послѣ Р. Хр.

1824. Необычайное наводненіе въ Петербургѣ (7 ноября), болѣе ужасное, чѣмъ наводненіе 1777 г.

1824. Смерть Людовика XVIII.

1824—1830. Царствованіе во Франціи короля Карла X.

1825. Петербургская конференція по греко-турецкому вопросу.

1825. Первая желѣзная дорога (между Стоктономъ и Дерлингтономъ).

1825. Кончина въ Таганрогѣ императора Александра Благословеннаго (19 ноября) и принесеніе присяги императору Константину Павловичу.

1825. Междуцарствіе въ Россіи съ 19 ноября по 12 декабря (день, помѣченный Николаемъ Павловичемъ на манифестѣ о своемъ восшествіи на престолъ; подписанъ манифестъ былъ 13 декабря).

1825—1854. Царствованіе въ Россіи императора Николая I Павловича.

1825. Бунтъ декабристовъ (14 декабря).

1826. Замѣна Махмудомъ II янычаръ низамомъ.

1826. Учрежденіе въ Россіи III отдѣленія собственной Е. И. Величества Канцеляріи.

1826. Лондонскій договоръ между Англіей, Россіей и Франціей объ установленіи мира между греками и Турціей.

1826. Смерть португальскаго короля донъ-Іоанна и отказъ отъ испанскаго престола его наслѣдника донъ-Педро, сохранившаго за собою лишь Бразильскую имперію.

1827. Появленіе въ Россіи страховыхъ обществъ.

1827. Наваринская битва во время которой русско-французско-англійская эскадра уничтожила 55 турецкихъ кораблей.

1828. Заключеніе мира между Россіей и Персіей въ Туркманчаѣ, по которому Россія пріобрѣла Эривань и Нахичевань.

1828—1829. Русско-турецкая война (Дибичъ-Забалканскій).

1829. Умерщвленіе въ Тегеранѣ русскаго посланника А. С. Грибоѣдова, автора „Горе отъ ума“

1829. Коронованіе императора Николая Павловича въ Варшавѣ въ качествѣ короля Польскаго.

1829. Заключеніе Россіей и Турціей Адріанопольскаго мира. по которому Турція уступила Россіи устья Дуная, восточный берегъ Чернаго моря и Ахалцыхъ и признала независимость Греціи во внутреннихъ дѣлахъ съ уплатою ежегодной дани Портѣ.

1830. Русско-франко-англійское постановленіе объ освобожденіи Греціи отъ всякой дани Турціи, и такимъ образомъ начало полной независимости Греціи.

1830. „Іюльская революція“ во Франціи и бѣгство короля Карла X.

1830—1848. Правленіе „короля французовъ“ Луи-Филиппа.

1830—1837. Король Великобританіи Вильгельмъ IV.

1830—1831. Возстаніе въ царствѣ Польскомъ (пораженіе поляковъ при Гроховѣ (13 февраля 1831 г.), при Остроленкѣ, штурмъ Воли (25 августа).

1831—1846. Папа Григорій XVI.

1831. Возстаніе въ Бельгіи, отпаденіе ея отъ Нидерландскаго королевства и образованіе самостоятельнаго Бельгійскаго королевства (первый король—Леопольдъ I, происходившій изъ Кобургскаго дома).

1832. Отмѣна императоромъ Николаемъ I польской конституціи и введеніе „органическаго статута“.

Послѣ Р. Хр.

1833. Заключеніе Россіей съ Турціей „оборонительнаго союза" въ Ункіаръ-Скелесси, въ силу котораго Дарданеллы закрывались для военныхъ судовъ Запада, а Молдо-Валахія предоставлялась въ распоряженіе русскаго императора.

1833. Конгрессъ въ Мюнхенгрецѣ, на которомъ императоръ Николай I содѣйствовалъ возстановленію Священнаго Союза.

1835. Появленіе въ Россіи первой національной оперы—„Аскольдова могила" Верстовскаго.

1835—1848. Австрійскій императоръ Фердинандъ I.

1837. Восшествіе на престолъ Великобританіи королевы Викторіи, дочери третьяго сына короля Георга III.

1838. Открытіе первой въ Россіи желѣзной дороги—Царскосельской.

1839. Возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ (соборъ уніатскаго духовенства въ Полоцкѣ).

1839—1848. Христіанъ VIII, король датскій.

1839—1861. Султанъ Абдулъ-Меджидъ.

1840—1861. Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV.

1841. Конвенція о проливахъ, закрывавшая Босфоръ и Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ державъ.

1842. Нанкинскій договоръ между Китаемъ и Англіей, завершившій войну изъ-за опіума и предоставившій Англіи Гонконгъ.

1842—1858. Правленіе въ Сербіи Александра Карагеоргіевича, призваннаго сербами вмѣсто изгнанныхъ Обреновичей.

1843. Замѣна въ Россіи депозитокъ кредитными билетами.

1844—1859. Оскаръ I, король норвежскій.

1845. Присоединеніе англичанами Наталя къ Капу.

1846. Учрежденіе поповцами собственной эпархіи въ Бѣлой Криницѣ, въ Буковинѣ.

1846. Бѣгство Луи-Наполеона въ Англію.

1846. Возстаніе въ австрійской Польшѣ (Мирославскій) и занятіе Кракова австро-прусско-русскими войсками.

1846. Присоединеніе къ Австріи вольнаго города Кракова.

1847. Возстаніе въ Португаліи противъ королевы Маріи II, усмиренное англичанами.

1848. Февральская революція и провозглашеніе во Франціи второй республики, президентомъ которой былъ избранъ Луи-Наполеонъ.

1848. Пріобрѣтеніе Соединенными Штатами отъ мексиканцевъ Калифорніи.

1848—1849. Война Австріи съ Пьемонтомъ (король Карлъ-Альбертъ), ставшимъ во главѣ итальянскаго національнаго движенія.

1848. Пораженіе пьемонтской арміи австрійцами (Радецкій) при Кустоццѣ.

1848. Австро-Венгерская война.

1848. Вступленіе на австрійскій престолъ императора Франца-Іосифа.

1849. Полное пораженіе пьемонтцевъ австрійцами (Радецкій) при Новарѣ, повлекшее за собою отреченіе Карла Альберта въ пользу сына своего Виктора Эммануила и заключеніе миланскаго мира.

1849. Революція въ Римѣ, постановленіе революціонеровъ о лишеніи папы свѣтской власти и въ церковной области и провозглашеніе послѣдней Римской республикой.

1849. Взятіе Рима французскими войсками, явившимися возстановить папу въ его правахъ.

Послѣ Р. Хр.

1849. Венгерскій походъ русскихъ войскъ.

1849. Сдача венгерскихъ войскъ (Гергей) русскимъ въ Вилагошѣ (1 августа).

1849. Отмѣна въ Англіи Навигаціоннаго Акта.

1849. Захватъ англичанами у пенджабцевъ Синда (ю. Инда).

1849. Ограниченіе числа студентовъ въ каждомъ русскомъ университетѣ до 300 человѣкъ.

1850. Пожалованіе Пруссіи конституціи.

1851. Декабрьскій переворотъ и провозглашеніе во Франціи второй имперіи: императоръ французовъ Наполеонъ III.

1851. Открытіе Николаевской ж. дороги.

1853—1856. Восточная (крымская) война (объявленіе войны Турціею 27 сентября, уничтоженіе русскими (Нахимовъ) турецкаго флота подъ Синопомъ 18 ноября, прекращеніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею 9 февраля 1854 г., переходъ русской арміи черезъ Дунай 11 марта, начало бомбардировки Одессы непріятельскимъ флотомъ 10 апрѣля, высадка союзниковъ въ Евпаторіи 2 сентября, пораженіе русскихъ войскъ при Альмѣ 8 сентября, первое бомбардированіе Севастополя 5 октября 1854 г., сраженіе при Балаклавѣ 13 октября съ нерѣшительнымъ исходомъ, пораженіе русскихъ при Аккерманѣ 24 октября, второе (десятидневное) бомбардированіе Севастополя 28 марта, 1855 г., третье бомбардированіе—25 мая, четвертое—5 іюня, первый штурмъ Севастополя 6 іюня, пораженіе русскихъ при рѣкѣ Черной 4 августа, пятое бомбардированіе Севастополя 5—8 августа, шестое бомбардированіе—24—26 августа, штурмъ Севастополя, взятіе союзниками Малахова кургана и очищеніе русскими южной стороны Севастополя 27 августа, послѣ 349 дневной обороны).

1855˙ Кончина императора Николая I Павловича (18 февраля).

1855—1881. Царствованіе императора Александра II Николаевича.

1856. Заключеніе (18 марта) Парижскаго мира, завершившаго Крымскую войну, по которому Черное море было признано нейтральнымъ. Россія уступила въ пользу Молдавіи устья Дуная съ клочками Бессарабіи и лишилась исключительнаго протектората надъ турецкою райей.

1857. Учрежденіе императоромъ Александромъ II секретнаго комитета для улучшенія быта крестьянъ.

1857. Возстаніе въ Индіи противъ англичанъ сипаевъ.

1857. Взятіе англичанами въ союзѣ съ французами у китайцевъ Кантона и окончаніе войны съ Китаемъ Тіенцзинскимъ миромъ, въ силу котораго Китай открывалъ для побѣдителей нѣкоторыя изъ своихъ гаваней и обязывался допускать въ своихъ предѣлахъ исповѣданіе христіанской религіи.

1858. Заключеніе Россіей съ Китаемъ Айгунскаго договора, по которому Китай уступилъ Россіи часть Манджуріи, изъ которой было составлено Пріамурское генералъ-губернаторство.

1858. „Индійскій билль“, по которому индійскія владѣнія англичанъ, являвшіяся владѣніями Остъ-Индской компаніи, поступали въ непосредственное вѣдѣніе британской короны.

1859. Основаніе Русскаго Музыкальнаго Общества.

1859. Сліяніе дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи, въ одно государство подъ наименованіемъ Румыніи и избраніе въ князья молдавскаго боярина Александра I.

1859. Взятіе русскими войсками Гуниба, плѣненіе Шамиля и ссылка его въ Калугу.

Послѣ Р. Хр.

1859. Австро-франко-итальянская война.

1859. Пораженіе французами австрійцевъ при Маджентѣ.

1859. Пораженіе французами австрійцевъ при Сольферино.

1859. Виллафранкскій миръ между Австріей, Франціей и Сардиніей, по которому, между прочимъ, императоръ Францъ-Іосифъ передавалъ Ломбардію императору французовъ, въ свою очередь, уступавшему ее королю Сардиніи (Виктору-Эммануилу), и учреждалась итальянская конфедерація подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы (въ эту конфедерацію входила и Венеція, оставленная за Австріей).

1860—1880. „Эпоха Бисмарка“.

1860. Отмѣна въ Россіи винныхъ откуповъ и введеніе акцизной системы.

1860. Учрежденіе въ Россіи Государственнаго Банка.

1860. Переходъ Савойи и Ниццы къ Франціи.

1860. Пекинскій договоръ Россіи съ Китаемъ, по которому Россія пріобрѣла Уссурійскій край.

1860—1865. Междоусобная война между сѣверными и южными штатами въ Америкѣ.

1861. Смерть Кавура.

1861. Освобожденіе въ Россіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (19-го февраля).

1861. Объединеніе Италіи и принятіе королемъ Сардиніи Викторомъ-Эммануиломъ титула короля Италіи.

1861. Совмѣстная экспедиція Англіи, Франціи и Испаніи противъ Мексиканской республики въ цѣляхъ удовлетворенія денежныхъ претензій ихъ подданныхъ.

1861—1888. Король Прусскій, впослѣдствіи императоръ германскій Вильгельмъ I.

1862. Основаніе Петербургской консерваторіи.

1862. Преобразованіе въ Россіи Государственнаго Контроля и введеніе единства кассы.

1863. Обращеніе французами Мексиканской республики въ Мексиканскую имперію и выборъ Наполеономъ III въ Мексиканскіе императоры Максимиліана, брата австрійскаго императора Франца-Іосифа.

1863. Изданіе въ Россіи при министрѣ Просвѣщенія Головинѣ новаго университетскаго устава.

1863. Польское возстаніе.

1864. Изобрѣтеніе динамита.

1864. Введеніе въ Россіи системы военно-окружныхъ управленій.

1864. Изданіе въ Россіи широкаго гимназическаго устава.

1864. Окончаніе покоренія Кавказа.

1864. Введеніе въ Россіи земскихъ учрежденій.

1864—1865. Завоеваніе русскими ханства Коканскаго (Веревкинъ и Черняевъ).

1864. Война Австріи и Пруссіи съ Даніей, приведшая къ потерѣ Даніей Шлезвига, Голштиніи и Лауенбурга.

1864. Судебная реформа въ Россіи (введеніе суда присяжныхъ).

1865. Смерть Пальмерстона.

1866. Подраздѣленіе Царства Польскаго на десять губерній.

1866. Война Австріи съ Пруссіей и Италіей, приведшая (послѣ пораже-

Послѣ Р. Хр.

нія австрійцевъ при Кенигрецѣ или Садовой) къ уступкѣ Австріей Пруссіи Шлезвигъ-Голштиніи и къ созданію Сѣверо-Восточнаго германскаго союза съ Пруссіей во главѣ (Шлезвигъ-Голштинія, Нассау, Ганноверъ. курфюршества Гессенское, Гессенъ-Гомбургъ и Франкфуртъ).

1867. Пріобрѣтеніе американцами отъ Россіи Аляски.

1867. Разстрѣлъ императора Мексики Максимиліана.

1868. Низложеніе въ Испаніи съ престола Бурбоновъ, поведшее (1870) къ избранію въ короли принца Леопольда Гогенцоллерна, отказавшагося отъ этого избранія; тѣмъ не менѣе избраніе это послужило поводомъ къ франко-прусской войнѣ.

1868. Переходъ Бухарскаго ханства въ вассальную зависимость отъ Россіи.

1869. Открытіе Суэзскаго канала и тихо-океанской дороги.

1870. Объявленіе догмата о непогрѣшимости папы.

1870—1871. Франко-прусская война (побѣды пруссаковъ при Вертѣ (20 августа), Шпихернѣ (25 іюля), Гравелоттѣ (6 августа) и при Седанѣ (21 августа), сдача Наполеона и французской арміи на капитуляцію при Седанѣ капитуляція Меца (15 октября), вступленіе пруссаковъ въ Парижъ 17 *февраля* 1871 г.).

1870. Провозглашеніе во Франціи третьей республики (22 августа).

1870. Нота русскаго правительства (октябрь) о признаніи Россіей недѣйствительными условій парижскаго мира 1856 года по отношенію къ Черному морю.

1870. Изобрѣтеніе бездымнаго пороха.

1870. Изданіе въ Россіи городового положенія, развивавшаго планъ Екатерины II.

1870. Признаніе турецкимъ султаномъ независимости болгарской церкви съ экзархомъ во главѣ.

1871. Завладѣніе Россіей отложившеюся отъ Китая Дзюнгаріей (Семирѣченская область),

1871. Образованіе Германской имперіи и провозглашеніе въ Версалѣ императоромъ германскимъ короля прусскаго Вильгельма.

1871. Франкфуртскій миръ между Франціей и Пруссіей, *по которому* Франція теряла Эльзасъ и часть Лотарингіи съ Мецомъ и Тіонвилемъ и обязывалась уплатить пять милліардовъ франковъ контрибуціи.

1873. Отреченіе отъ престола испанскаго короля Амедея и провозглашеніе въ Испаніи республики.

1873. Походъ русскихъ въ Хиву (Кауфманъ) и признаніе хивинскимъ ханомъ верховной власти Русскаго императора.

1874. Изданіе въ Россіи устава о всеобщей воинской повинности.

1874. Присоединеніе къ Египту англичаниномъ Гордономъ-пашею Экватора.

1874. Возстановленіе въ Испаніи монархіи въ лицѣ Альфонса XII.

1875. Возстаніе противъ турокъ въ Герцеговинѣ.

1875. Образованіе Всемірнаго почтоваго союза.

1875. Пріобрѣтеніе Россіей отъ Японіи части Сахалина.

1875. Упраздненіе въ Россіи должности мировыхъ посредниковъ.

1876. Принятіе королевой Великобританіи титула императрицы Индіи,

1876. Возстаніе противъ Порты въ Болгаріи; открытая война съ Турціей Сербіи и Черногоріи.

1877 Возникновеніе въ Россіи „Добровольнаго флота“.

Послѣ Р. Хр.

1877. Провозглашеніе Румыніей своей независимости отъ Турціи.

1877—1878. Русско-турецкая война (объявленіе войны 17 мая; пораженіе Мухтара-паши при Авліарѣ 3 октября, взятіе штурмомъ Карса 6 ноября; занятіе русскими Тырнова 24 іюня; паденіе Плевны 28 ноября; вступленіе русскихъ въ Адріанополь 19 января 1878 г.; вступленіе англійскаго флота въ Дарданеллы 1 февраля 1878 г.).

1877. Прорытіе С.-Готардскаго туннеля.

1878. Учрежденіе въ Россіи должности урядниковъ.

1878—1900. Король Италіи Гумбертъ.

1878. Санъ-Стефанскій мирный договоръ между Россіей и Турціей по которому Румынія, Сербія и Черногорія увеличивались въ объемѣ и объявлялись независимыми владѣніями, образовывалось вассальное по отношенію къ Турціи Болгарское княжество, предназначались къ уступкѣ Россіи Добруджа, Ардаганъ, Карсъ, Батумъ, Баязетъ и территорія до Саганлугскихъ горъ.

1878. Берлинскій конгрессъ, пересмотрѣвшій Санъ-Стефанскій договоръ и измѣнившій его, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ (1 іюля): уменьшена была доля Болгаріи (Восточная Румелія съ Филиппополемъ была оставлена Турціи); Добруджа была присуждена Румыніи, уступившей взамѣнъ того Россіи часть Бессарабіи, утраченную Россіей по Парижскому миру; Баязетъ оставлялся за Турціей; Батумъ объявлялся порто-франко; къ Сербіи присоединялась Старо-Сербія, Англіи предоставлялся Кипръ; Австро-Венгріи предоставлялось временно оккупировать и управл... Босніей и Герцеговиной; Черногоріи былъ данъ морской портъ Антивари на Адріатическомъ морѣ; Англія гарантировала Турціи цѣлость ея азіатскихъ владѣній.

1879. Избраніе въ болгарскіе князья принца Александра Баттенбергскаго.

1880—1890. „Эпоха“ Гладстона.

1880. Завершеніе постройки Кельнскаго собора.

1880. Уступка Турціею Черногоріи приморскаго города Дульциньо взамѣнъ причитавшихся ей по Берлинскому трактату мѣстностей, заселенныхъ албанцами, противившимися присоединенію ихъ къ Черногоріи.

1881. Упраздненіе намѣстничества на Кавказѣ.

1881. Анти-еврейскіе бунты на югѣ Россіи.

1881. Захватъ Туниса Франціей.

1881. Покореніе русскими племени Текинцевъ и взятіе Геокъ-Тепе (Скобелевъ).

1881. Провозглашеніе себя Румыніи—королевствомъ.

1881—1894. Императоръ Всероссійскій Александръ III Александровичъ.

1881. Присоединеніе къ Греціи Ѳессаліи и Южной части Эпира.

1882 Учрежденіе въ Россіи крестьянскаго земельнаго банка.

1882. Учрежденіе въ Россіи фабричной инспекціи.

1882. Смерть Гарибальди.

1882. Узаконеніе въ Россіи школъ грамотности.

1882. Провозглашеніе себя Сербіи королевствомъ.

1882. Возстаніе въ Александріи противъ европейцевъ, бомбардировка Александріи англичанами, побѣда англичанъ (Уольслей) надъ возмутившимися египтянами при Тель-Эль-Кебирѣ и начало оккупація Египта англичанами.

1882. Возстаніе противъ Австріи въ Босніи и Герцеговинѣ.

1883. Разрѣшеніе раскольникамъ имѣть свои молельни и школы.

1883. Освобожденіе въ Россіи путемъ обязательнаго выкупа послѣднихъ 1½ милліоновъ крѣпостныхъ